

Вера Викторовна Камша Довод Королей

Хроники Арции – 4

«Довод королей»: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-01463-2, 5-699-17963-1

Аннотация

На троне Империи – Филипп Тагэре, слабый и неумный правитель, не способный справиться как со своими страстями, так и с притязаниями придворных. Арцию давно бы уже захлестнула гражданская война, если бы не его брат – Александр Эстре, маленький горбун, взявший на себя ответственность за судьбу страны. «Верность обязывает» – его девиз, и потому, не претендуя на трон, последний из прямых потомков Арроев удерживает Арцию, а вместе с ней и всю Тарру от катастрофы. Но время, о котором говорилось в Пророчестве, неотвратимо. Темная магия орденов усиливается, предательства совершаются, а самые лучшие и близкие переходят в стан врагов. И Эстель Оскора уже готова подняться над горизонтом.

Вера Камша Довод королей

ВСТУПЛЕНИЕ

*Памяти Ричарда Третьего Йорка,
последнего из Плантагенетов*

*Автор благодарит за помощь
Майку Гончарова, Александра Домогарова, Юрия Нерсесова,
Илью Снопченко,
Артема Хачатурянца.*

*Все проходит, и только время
Остается, как прежде, мстящим.
И глухое темное время
Продолжает жить настоящим.*
Н.Гумилев

Заброшенные дороги исчезают быстро – земля не любит проплешин, оставленных коваными копытами да грубыми колесами. Достаточно года, чтобы покинутый тракт захватили самые неприхотливые травы, следом наступают другие, попривередливей, затем – кусты и наконец деревья. Проходит не так уж мно-го времени, и вместо торного пути встает непролазная чаща, но Старая Эландская дорога не зарастала, словно кто-то ласково, но непреклонно остановил зеленую армию на ее обочине. Да, за переправой через Глухариную¹ постепенно исчезли сначала деревни, а потом и лесные хутора, но сам тракт уцелел, хотя ездили и ходили по нему очень, очень редко. Однако в погожий и ясный осенний день 2246 года² по Старой Эландской двигалась внушительная процессия, возглавляемая двумя знатными всадниками.

Сухощавый, еще не старый человек, по виду – прирожденный воин и вождь, чуть улыбаясь, слушал широкоплечего юношу с прямыми иссиня-черными волосами, стянутыми на затылке. Тот довольно ловко управлялся с крупным серым жеребцом, хотя в его посадке чувствовалась не то чтобы неуверенность, но некоторая напряженность. В отличие от своего спутника, юноша не забывал, что под ним норовистое создание, от которого можно ожидать любых неожиданностей. Вот старшему, тому и в голову бы не пришло, что конь может не подчиниться, а черноногому дрыганту³ и в страшном сне не приснилось бы ослушаться господина. Впрочем, власть великого герцога Таяны и Тарски Шандера Гардани признавали не только животные. В Благодатных землях⁴ было не много желающих с ним спорить и тем паче соревноваться в благородном искусстве верховой езды и умении управляться со шпагой и пистоллями. Но на сей раз таянцу вряд ли доведется проявить свои таланты – места, по которым пробирался отряд, считаются мирными. Тем не менее за Гардани и его юным спутником следовал внушительный эскорт – две сотни всадников в черных, отделанных серебром доломанах, все, как один, на великолепных, пятнистых лошадях, и сотни четыре пеших, высоченных и широкоплечих, в странных кожаных доспехах.

Мерная поступь привыкших к походному строю коней и бряцанье оружия нарушали гармонию лесной глухомани. Видимо, юноша это почувствовал, так как, прервав на полуслове восторженный рассказ о медвежьей охоте, заметил, что не стоило брать с собой столько воинов.

– Если думать о них, как об охране, то ты прав, – откликнулся герцог, – но не дело, если смертные забудут, кому и чем обязаны. Нужно время от времени показывать людям то, о чем они смогут рассказывать долгими зимними вечерами. Память может мучить одного человека, но она спасает народы, хотя тебе это еще предстоит понять.

– Отчего же, дядя Шандер, – огромные зеленые глаза, странно выглядевшие на смуглом лице гоблина, на мгновение затуманились, – мне кажется, я понимаю. Я почти всегда тебя

¹ Один из притоков Рысьвы.

² В Благодатных землях принято летоисчисление от Великого Исхода. (Далее В.И.)

³ Распространенная в Таяне порода лошадей, приспособленная к перемещению по лесам и болотам. Дрыганты обладают мощной, плавной иноходью, при необходимости передвигаются большими оленьими прыжками.

⁴ Изначально земли, заселенные людьми. После 2613 это название стало относиться лишь к государствам, «осиянным светом Церкви Единой и Единственной».

понимаю, и... Я очень рад, что ты позволил мне поехать.

– А я рад, что ты рад, – усмехнулся Гардани. – А вообще-то, Стефко, ты прав. Мы с тобой и впрямь понимаем друг друга. До тебя я так ладил лишь с двоими.

– Брат моей матери и пропавший император?

– Да. Никак в толк не возьму, откуда в тебе то, что приходит лишь с годами, то ли кровь свое берет, то ли еще что... Отец не возражал, что я взял тебя с собой?

– Нет, что ты. Он не любит Варху, но понимает, что я должен там побывать. Дядя Шандер, мне даже не верится, что я вечером увижу Синюю Стену! Криза говорит, красивее ничего нет и быть не может.

– Твоя мачеха всегда любила все необычное, – суровое лицо Шандера неожиданно смягчилось, – особенно если это необычное идет от эльфов. Стена и впрямь хороша, но если б я мог обменять свою жизнь на возможность погасить Лебединый Огонь, я бы сделал это без колебаний. И не я один. Ты ведь знаешь, почему он горит?

– Конечно, – тряхнул головой Стефан, – чтобы заключенное в Вархе зло не вырвалось наружу. Кольцо Вархи будет пылать вечно.

– Ну, это смотря что называть вечностью! Мы смертны, для нас вечность это то, что в несколько раз длинней наших жизней. Не более того. Эльфы знают о Вечности больше, и они не любят бросаться этим словом.

Те, кто засел в Вархе, ждут своего часа. Сейчас им не под силу вырваться наружу, но их время еще наступит. Не скоро, конечно, но от этого не легче.

– Я помню пророчество Эрика, – заявил юноша, явно гордясь знанием, тайным для большинства смертных. – Отец рассказал мне в праздник Зимней Ночи. Но он говорит, что к этому сроку вернутся те, кто должен сразиться со злом.

– Хотел бы я, чтобы Уррик был прав, – герцог говорил негромко и медленно, даже не говорил, а словно бы думал вслух, – но я помню канун Войны Оленя... Когда вокруг стреляют пушки и звенят мечи, не так уж и страшно. Куда хуже ожидание, когда понимаешь, что мир несется к пропасти, а ты ничего не можешь с этим поделать. Любую войну можно проиграть еще до начала. Если б не Рене и Роман, нас бы не было уже сейчас. Но найдется ли новый Рене среди наших потомков?

– Наших?

– А чьих же еще, Стефко. Твой отец упрямо не желает называться королем Южного Корбута, но это не значит, что он таковым не является. Ты – его старший сын и наследник. Тебе придется не только править, но и царствовать, а значит, думать и о том, что будет через триста, четыреста, пятьсот лет... Мы не вправе прятаться за спинами эльфов, да и зло Вархи не последнее в этом мире. – Шандер замолчал, глядя куда-то вдаль. Стефан ему не мешал. Он всегда чувствовал, когда можно и нужно спрашивать, а когда следует оставить собеседника со своими мыслями. Ну а герцог Таянский, муж матери и побратим отца, сдержанный и обычно немногословный человек, был ему намного ближе, чем кровные родичи.

Порой юноше казалось, что он знал Шандера всегда, хотя встретились они, когда наследнику Уррика минуло двенадцать и отец взял его с собой в Гелань, открыв по дороге, что он, Стефан пад Уррик, – наполовину человек и к тому же сын таянской герцогини, хотя это и должно остаться тайной. Известие отнюдь не повергло Стефко в ужас, как того боялись его горные родичи. Напротив, мальчику показалось, что все встало на свои места. Теперь он знал, почему чувствует и думает не совсем так, как орки. Ему, чтобы подчиниться, недостаточно слов «так надо», сказанных старшим, а рассказы об Изначальных Созидателях порождают больше вопросов, чем ответов.

Получеловек, Стефан рос среди гоблинов Южного Корбута. Рожденный рыжим, с годами он потемнел и отличался от горцев разве что глазами, как две капли воды напоминавшими глаза дяди по матери, принца Стефана Ямбора. Впрочем, южане и раньше не слишком чурались людей, а после Войны Оленя и вовсе пришли к выводу, что с соседями следует жить в дружбе. Они смирились даже с присутствием эльфов. Суровые, но предельно

честные, орки простили Детям Звезд былые обиды за бесценную помощь в борьбе с бледным злом.

Для отца, деда, братьев, сестер мир был прост и понятен, для Стефана – нет, но сын гоблина и таянской принцессы быстро понял, что его вопросы огорчают близких. Сына Уррика с одобрением прозвали Молчаливым, но он казался таковым лишь потому, что не находил подходящих собеседников. Зачем спрашивать у слепого, какого цвета радуга? В Таяне же Стефко обрел то, чего ему не хватало в родных горах, но самой главной его удачей и гордостью стала дружба герцога. Нельзя сказать, чтобы мальчик не поладил со своей матерью, но близости между ними не случилось, зато отчим... Стефан пад Уррик обожал Шандера Гардани. Именно от него он узнал о зачарованной крепости, которую он скоро увидит. Он увидит Пламенное Кольцо Вархи и зажегших его эльфов!

Странно, похоже, они опять подумали об одном и том же. Таянский властелин очнулся от своих мыслей и повернулся к спутнику, улыбнувшись темными глазами.

– Думаю, за тем холмом нас ждут.

– Дядя Шандер, а сколько их?

– Эльфов? Здесь около трех сотен.

– А бледных, кто...

– Кто сидит в Вархе? Не знаю, да, пожалуй, и никто не знает. Я бы не стал забивать этим голову. Наше дело – оставшиеся снаружи. Колдовство колдовством, но Михай и его приспешники и оружием владели неплохо, и ядом, и словами, а слова порой хуже любого яда. Случалось, один подонок губил целую империю, а те, с кем рано или поздно придется схлестнуться, перетянут на свою сторону не только всех подлецов Тарры, но и всех трусов и предателей. Начнется то же, что восемнадцать лет назад, если не хуже. Боюсь, Стефко, встречать восход трех звезд⁵ будет невесело.

– Но дети Инты⁶, они ведь успеют?

– Они придут так быстро, как смогут, а успеют ли, зависит от нас. О, вот и эльфы...

Выехавшие из леса казались ожившей сказкой. Слишком длинные и слишком роскошные гривы коней, слишком правильные лица всадников, слишком чистые и нежные краски их одеяний...

Сын и наследник Уррика пад Роке впервые в своей жизни видел Детей Звезд, хотя знал о них предостаточно, главным образом со слов мачехи. Рассказы Кризы о Войне Оленя и походе к Седому полю⁷ юноша готов был слушать бесконечно. Большинство горцев до сих пор почитали эльфов уродливыми, но извечная ненависть двух рас растаяла, как дым. Зато с северными соплеменниками, так и не освободившимися от власти Белых жрецов⁸, отношения складывались все хуже и хуже. Те, кто отвергал ройгианцев, бежали на юг, унося с собой обиды, страх и жажду мщения. Северянин по рождению, хоть и ставший правителем Юга, Уррик хорошо знал своих бывших земляков и понимал, что войны не избежать, и деятельно к ней готовился.

Южан было меньше, и они не были искушены в военном деле, но лучшие воины Севера сгинули в волнах Сельдяного моря, к тому же Уррик был не одинок. Шандер Гардани обещал побратиму любую помощь, а обосновавшиеся в окрестности Вархи эльфы заверили, что, если ройгианцы пустят в ход магию, Дети Звезд вступят в бой. Однако договоренность вождей для подданных еще не все. Подданные хотят увидеть зрелище, о котором можно

⁵ Речь идет о так называемом «Пророчестве Эрика».

⁶ Так орки называют потомков Инты, Линеты, возлюбленной сына Омма, главы первых богов Тарры.

⁷ Об этом подробно рассказывается во второй из хроник Арции.

⁸ Адепты Ройгу.

рассказать детям и внукам. И поэтому Шандер Гардани с пасынком-полугоблином был встречен эльфами не как старый друг, но как высокий гость.

Только после эффектных церемоний повелитель Лебедей Эмзар Снежное Крыло смог уединиться для беседы со старым другом, предоставив людей и орков эльфийскому гостеприимству. В лесу прямо под цветущими деревьями затевался немалый пир, но Стефан прежде всего хотел увидеть Стену. Гардани, поймав умоляющий и вместе с тем упрямый взгляд юноши, что-то шепнул Эмзару, после чего двое эльфов предложили провести гостя к Вархе.

Сын Уррика давно мечтал увидеть Лебединый Огонь, но даже в снах, которые он, в отличие от своих гоблинских родичей, видел почти каждую ночь, ему не являлось ничего подобного. К багровеющему закатному небу рвалось ясно-синее пламя, достигая вершин самых высоких деревьев. Языки огня сливались в сплошную стену, от которой то и дело отрывались причудливо изогнутые лепестки, похожие на щупальца морского лилиона, виденного Стефаном в одной из книг библиотеки Высокого Замка. Жара не ощущалась, наоборот, от магического пламени веяло той тревожной свежестью, что разливается в воздухе после грозы.

В праздник Последней Зимней Ночи в Корбутских горах тоже вспыхивали волшебные огни, но они отличались от пламени Вархи, как отличается домашний кот от горной рыси. Пламя Созидателей было лишь пламенем, гаснущим с рассветом, а здесь высилась стена, непреодолимая для тяжелого древнего колдовства. За синим, холодным огнем таилась Варха, крепость, захваченная адептами Ройгу. Стефан знал, что на исходе Войны Оленя здесь произошло что-то жуткое, а потом пришли эльфы и остановили начавшее растекаться по земле зло. Варха стала таким же порченным местом, как и то, что видел за горами Роман Ясный, и только вмешательство могучего мага, пожертвовавшего собой, спасло от подобной участи священную для орков Ночную Обитель.

Эльфы не пытались уничтожить источник заразы, это, судя по всему, было им не по силам. Поддержание огня требовало всей магической мощи клана, но Лебедам и в голову не приходило уйти. Это была их стража, и это был их бой. Умом Стефан понимал, что Кольцо Вархи – единственная преграда на пути смертельной угрозы, но сердце невольно замирало в восторге при виде чуда. Криза была права: создать такую красоту по силам лишь Детям Звезд.

А повелитель Лебедей о красоте думал все реже. Война Оленя закончилась для всех обитателей Тарры, но не для эльфов. Когда Рамиэрль-Разведчик подтвердил худшие из опасений, узнав чудовищное заклятье, изуродовавшее Рыжий лес, Эмзар думал недолго.

Варха была слишком близка к обитаемым землям, и Лебеди обрекли себя на добровольное заточение, привязав себя к проклятой цитадели. Убежище⁹ было покинуто. Те немногие, что не пожелали жить среди смертных, спасая их, ушли на Лунные острова. «Осенний ветер» еще раз побывал в Сером море. Ягоб Лагар охотно согласился навеститься туда, надеясь, что удастся узнать хоть что-то о судьбе Рене. Не удалось. Зато вместе с маринерами в Арцию вернулись десятков пять «Лунных», в том числе и младший сын Залиэли. Норгэрель до боли напоминал погибшего Астена и внешне, и желанием помочь Тарре, да и магических сил у него хватало. Именно Эмзар, Рамиэрль и Норгэрель и замкнули Кольцо Вархи. Лебединое Крыло надеялся, что они сдержат скверну, но он не ожидал удара в спину, случившегося за квартиру до приезда таянских гостей.

– Ройгианцы пришли в себя быстрее, чем мы думали, – Эмзар поднял высокий бокал с золотистым напитком, – твое здоровье, Шандер из рода Гардани, – но все обошлось. Что ж, отныне придется думать не только о Стене.

– Нет, – коротко бросил Шандер.

– Ты предлагаешь помощь?

⁹ Заповедный остров в болотах Пантаны, где долгие годы жили эльфы клана Лебеда.

– Я бы назвал это иначе. Каждый должен делать то, что за него не сделает никто. Мы не можем стеречь Варху, но мы можем прикрыть вас от удара в спину. Варха – общая беда Благодатных земель.

– Общая ли? – Эмзар поставил бокал на изящный столик. Его нынешнему жилищу было столь же далеко до Лебединого Чертога, сколь самому Чертогу до великолепных дворцов былых эпох, но Снежное Крыло никогда не стремился к роскоши. – Пока можно считать, что общая. Но что будет потом?

– Не понимаю.

– Я слишком долго живу, Шандер. В сущности, от людей мы отличаемся лишь тем, что вы постигаете за двадцать лет то, на что у нас уходит тысяча... Вы быстро учитесь, но еще быстрее забываете. У вас слишком мало будущего, чтобы жить прошлым. Вы живете настоящим. В чем-то это – величайшее благо, в чем-то – проклятие. Боюсь, пройдет не так уж много весен, и Благодатные земли забудут и Войну Оленя, и то, что она еще не окончена. Вся беда, что наши слабости – продолжение нашей силы. Наша слабость в нашем бессмертии, но есть слабости и у смертных. Орки честны и доверчивы, фронтерцы прижимисты и себе на уме, таянцы раньше делают, чем думают, эландцам нужны лишь море да свобода, а арцийцы слишком гордятся своей кровью... Для одного куста слишком много ягод.

– Империя распадется?

– Скорее всего. Слишком многое против нее. Море, горы, чужая магия и те слабости, о которых я говорил. Мы останемся рядом с Вархой до возвращения Эстель Оскоры. Думаю, южные гоблины пойдут с нами до конца, но их, видимо, ждет война с северянами. Ни у нас, ни у Уррика нет сил переловить Белых жрецов. Мы даже не можем окружить кольцом то место, у которого побывал Нюо. А зло за горами растет. Надеюсь, Корбут его остановит или хотя бы задержит. Хорошо хоть, ройгианцы не могут черпать из того источника, иначе они бы это уже делали. Потому-то они и стремятся в Варху.

– Я ничего не понимаю.

– Я тоже, – Эмзар пожал плечами, – но у главара ордена Ройгу имелся какой-то талисман, с помощью которого он погубил Варху и обитель Адены. Те, кто напал на нас, решили, что эта вещь находится в крепости. Глупо с их стороны. Даже погаси мы огонь, они бы внутрь не вошли, а были бы поглощены ройгианским заклятьем. Как я понял, снять его без талисмана может либо наложивший, либо Ройгу, когда войдет в силу, и, надо надеяться, Эстель Оскора. Я был бы куда спокойнее, если бы амулет и вправду был спрятан в Вархе, но, похоже, его взяли под Кантиску и использовали, вызывая Оленя. И... я бы не хотел знать, где эта вещь. Потому что ее и дальше будут искать здесь, а когда знаешь, всегда можешь проговориться...

Ройгианцы будут искать талисман, а наш неведомый противник – наши слабые места. И найдет, что самое печальное. Прошлый раз он начал с окраин, теперь, скорее всего, ударит в сердце. Сын Рене – хороший император, но, надеюсь, ты меня поймешь и не обидишься...

– Я понимаю, что ему далеко до отца, – тихо сказал Шандер, – а Белке до Эстель Оскоры. А Максимилиан думает не об Арции, и даже не о Церкви, а о себе. Эмзар, я не верю, что Феликс умер своей смертью, и меня бесит Ольвия Арройя... Но пока в Арции спокойно.

– И будет спокойно, пока жива правда о Войне Оленя, – вздохнул Эмзар, – будет очень, очень спокойно еще две или три ваших жизни, но не стоит себя обнадеживать. Зерна будущих войн уже брошены в землю.

– Что ж, ты меня не удивил, – жестко сказал таянский герцог, – война для меня дело привычное. Жаль, в магии я тебе не помощник.

– Ты сам сказал, что нужно делать лишь то, что за тебя никто не сделает. Таянцы умеют воевать, и, боюсь, это умение вам понадобится. Ты думал о том, как легко вас запереть за Перевалом?

– Не думал, – честно признал Гардани. – Перевал станет непроходим?

– Может, и так... Хотя я не чувствую этого, да и, – эльф заколебался, а потом все-таки

произнес, – хозяйка Тахены всегда поможет дому Гардани. Вас могут предать люди, но не горы и не болота. А вот море, оно не подвластно никому... Скоро волны, как во времена моей юности, будут биться о Зимнюю Гряду. Но в этом нет злого умысла. Море и суша вечно спорят, и в этом споре не бывает победителей. Где-то вырастают новые острова, где-то тонут старые.

– А Эланд?

– Эланд обречен, так же, как и Гверганда, они уйдут под воду, но у людей будут годы, чтобы подыскать себе новые земли.

Эмзар немного помолчал.

– Мы не погасим Огонь, но это все, что мы сейчас можем. Нэо и Клэр прошлый раз принесли дурные вести и, боюсь, из нового похода привезут еще худшие.

– Куда они отправились?

– В Эр-Атэв и дальше, пройти путем старой легенды... Помнишь?

– Как же, письмо Майхуба... Он, кстати, исполнил все, что обещал.

– Да, – кивнул Эмзар, – атэвам можно верить. Если они дают слово, они его держат. Нужно чудо, чтобы они забыли клятву. Как и гоблины...

– Эмзар, – Шандер Гардани пристально посмотрел в лицо собеседнику, – мы знакомы шестнадцать лет. Для тебя это миг, для меня – треть жизни. Прости, но я буду говорить с тобой, исходя из последнего. Что ты хочешь мне сказать, хочешь и не говоришь? Рассказывай, я выдержу. Даю слово, что все останется между нами.

– Ты ошибаешься, Шани, – точеная рука эльфа легла на плечо человеку, – я не знаю никакой роковой тайны, а если бы знал, не стал бы таить ее от тебя. Думаю, Нэо, возвращаясь, не преминет заглянуть в Высокий Замок, так что новости ты узнаешь даже раньше меня. Я не пытался скрыть ничего, кроме своего настроения. Мне это не удалось... Я устал, Шани. Просто устал, но это бывает... О, а вот и твой юный спутник.

Стефан пад Уррик вошел в дверь с блаженным выражением, которое Эмзар не раз замечал на лицах смертных, попавших в обитель Детей Звезд, но на диковатом лице гоблина оно казалось особенно странным.

– Ты видел, Стену, Стефко? – улыбнулся Шандер.

– Да. Это... Это...

– Это – чудо, и это спасение для всех. А теперь я тебя огорчу. Утром мы возвращаемся.

– Но...

– Я сам думал задержаться на несколько дней, но началась война. Первый удар приняли на себя наши хозяева. Я оставляю здесь «Серебряных». Но две сотни клинков слишком мало, я отправляюсь за подмогой.

– «Зубры» тоже останутся, – не терпящим возражения голосом заявил Стефан. Юноша из всех сил старался выглядеть спокойным, но в зеленых глазах уже полыхал огонь битвы.

«Молодость, – со щемящей нежностью подумал герцог, – молодость и уверенность, что с клинком в руке никакая напасть не страшна. С годами это пройдет...»

– Ты прав, Стефко, в этом деле наши народы должны быть вместе. А теперь пойдем к воинам. Нам предстоит им многое рассказать.

Юноша вздохнул, но перечить не стал, хотя ему смертельно хотелось остаться и поучаствовать в схватке.

...Они выехали на рассвете, хлебнув эльфийского дорожного питья. Герцога и сына гоблинского вождя сопровождали два десятка «Серебряных». Эмзар настаивал на полусотне, но Шандер полагал, что на них охотиться никто не станет. Король Лебедей все же отправил с гостями Норгэреля, способного, случись что, пустить в ход магию. Не понадобилось. Спустя кварту путники увидели Высокий Замок.

Герцогиня, узнав о возвращении мужа и сына от гонца, выехала навстречу. Объятий и поцелуев не было. Шандер и Илана на людях всегда были сдержанны, хотя редко кто на четырнадцатом году супружества смотрит друг на друга такими глазами.

– Что нового, кицюня¹⁰? – это словечко было единственным проявлением нежности, которое позволил себе Шандер.

– Все хорошо, – Илана чувствовала, что хорошего как раз мало, и именно поэтому улыбалась, – разве что Рыгор прислал письмо. Во Фронтере завелись какие-то безумцы.

– И что они натворили?

– Кричали, что Фронтера – пуп земли и нужно отложиться от империи. Рыгор их приструнил, а больше не случилось ничего...

– Ничего? – поднял бровь Шани. – Вот и отлично. Кицюня, я должен спросить у тебя одну вещь. Постарайся вспомнить, это очень важно.

Стефан, окинув смущенным взглядом мать и отчима, сделал попытку придержать коня, оставив их наедине, но герцог не позволил.

– Стефко, тебе нужно это знать. Как, впрочем, и многое другое. Ланка, дорогая, куда делась та дрянь, что висела на шее у Михая, когда его наконец убили?

КНИГА ПЕРВАЯ МЛАДШИЙ БРАТ

Памяти Ричарда Йорка

*Loyaulte me lie*¹¹.
Richard III

*Добра – его, может, и нет.
А Зло – оно рядом и ранит.*
Федерико Гарсиа Лорка

ПРОЛОГ

– *И все-таки я не понимаю, как можно стоять на краю беды и не делать НИЧЕГО, чтобы ее предотвратить.*

– *Брат, не лукавь! Ты задаешь вопрос, зная ответ. Чем сильнее страдания, тем громче мольбы о спасении, а чем громче и искреннее молитва, тем...*

– *Не надо повторять очевидное. Но к чему тогда вся эта ложь о Любви и Прощении? Пусть будет честен и толкнет Тарру в пропасть своей рукой, а не ждет, чтобы это сделали другие.*

– *Он не может. Он не причинил страдания ни одному живому существу. Он жаждет спасти всех, кто не причастен Злу и Гордыне.*

– *То есть готов погибнуть, не пошевелив и пальцем во имя спасения своего мира, своих близких, своей жизни? Кто будет смотреть, как убивают его детей, и не поднимет меч в их защиту? Спасать слизняков и осудить тех, кто знает цену Любви, Чести, Свободе?*

– *Этих Ему не спасти, потому что они не пойдут за Ним. Но, похоже, брат, ты путаешь меня со своим вечным соперником.*

– *Можешь быть уверен, дойдет черед и до Него. Если Он посмеет взглянуть нам в глаза.*

– *В этом можешь не сомневаться. Он уверен в своей правоте не меньше, чем мы в том, что небытие лучше того, что Он несет с собой.*

¹⁰ «Кошечка» (фронтерск.).

¹¹ «Верность делает меня твердым» (старофр.) – девиз Ричарда Йорка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ESSE QUAM VIDERI!¹²

*А в сыновней верности в мире сем
Клялись многие, и не раз, –
Так сказал мне некто с пустым лицом
И прищурил свинцовый глаз.
И добавил: – А впрочем, sluкавь, солги –
Может, вымолишь тишь да гладь!
Но уж если я должен платить долги,
Так зачем же при этом лгать?!
А.Галич*

2879 год от В.И.

Ночь с 12-го на 13-й день месяца Лебеда .

Арция. Эльтова скала

Александр и сам не знал, зачем пришел сюда в эту ночь. Сейчас ему следовало или молиться, или пытаться уснуть, а его понесло на пользующуюся дурной славой скалу. Юноша улыбнулся одними губами: если ты завтра умрешь, если твой бой безнадежен, не все ли равно, как и где провести последние оры¹³. В конце концов, его жизнь оборвалась бы восемь лет назад, если бы не назвавшийся Романом золотоволосый и синеглазый бродяга, исчезнувший, как сон. Возможно, он и был сном, пригрезившимся измученному ребенку, заснувшему под грохот волн... Ни примятой травинки, ни сломанной ветки, ни следов от костра – не осталось ничего. Ум твердил одно, а сердце стояло на своем. На том, что таинственный красавец приходил на самом деле, и именно он заставил горбатого заморыша любить и ценить жизнь... С той встречи для Александра Эстре началась новая жизнь. Не было ночи, чтобы он сначала тайком от братьев и матери, а потом от родичей ре Фло не пробирался на оружейный двор, где его ждал капитан Дени Гретье, неумолимо вколачивавший в сына покойного сюзерена воинские премудрости.

Это была их тайна. К шестнадцати годам Сандер весьма сносно обращался с самыми разными видами оружия, превосходно ездил верхом и стрелял из арбалета. Наблюдая за учебными поединками молодых нобилей¹⁴, он понимал, что с большинством из них мог схватиться на равных, а то и победить. Пожалуй, какое-то время он продержался бы и против старших братьев, но граф Мулан был слишком сильным противником.

Про бывшего циалианского рыцаря¹⁵ ходило множество слухов, один страшнее другого. Никто не знал, как и почему тот шесть лет назад покинул Фей-Вэйю¹⁶ и стал странствующим рыцарем. Мулан по-прежнему носил цвета ордена, за ним не числилось

¹² Быть, а не казаться (лат.).

¹³ Ора – принятая в Благодатных землях мера времени, одна двадцать шестая суток (половина времени, за которое над горизонтом поднимается одно из созвездий Звездного Круга).

¹⁴ Дворянин.

¹⁵ Циалианские рыцари – Белые рыцари, рыцари Оленя – дворяне, добровольно давшие обет безбрачия и служения ордену святой Циалы (сестринства), в котором состояли исключительно женщины. Белые рыцари не принимали пострига и при желании могли отказаться от своих обетов, поставив об этом в известность сестринство и дав клятву не разглашать доверенных им тайн.

¹⁶ Главная резиденция циалианского ордена.

никаких провинностей, он не женился и не поступил на королевскую службу. Оставался ли он рыцарем Оленя или же расстался с сестринством, не знал никто. У таких не спрашивают.

Белый Граф, как его обычно называли, слыл непобедимым и в бою, и в спорных поединках, в которых бойцы выходили без доспехов, лишь со старинными легкими шпагами и кинжалами. Он был беспощаден. Если большинство рыцарей охотно оставляло побежденным жизнь, Мулан убивал. Спокойно, равнодушно, безжалостно, словно выполняя нужную, но приевшуюся работу. Оттого-то последние четыре года он и не находил себе противников, вынужденно довольствуясь групповыми турнирами с их неизбежными ограничениями.

И все равно Александр не жалел, что вызвал страшного Мулана. Пусть и он, и его покровители знают: Тагэре можно убить, но не оскорбить и не испугать!

Юноша поднял глаза к низкому небу: ни звезд, ни луны... Жаль. Хотелось бы взглянуть на них еще разок. Может, к утру облака разойдутся? Тряхнув головой, словно отгоняя безрадостные мысли, младший сын Шарля Тагэре начал подниматься по узкой неровной тропе, петлявшей среди скал. Дорога кончалась на самой вершине скалы, неожиданно ровной и широкой. В погожие дни оттуда открывался прекрасный вид на Эльтскую бухту, но сегодня все было укутано угольной чернотой. Будь на месте Сандера кто-то другой, он бы уже десять раз сорвался в пропасть, но младший из Тагэре ходил по скалам, как корбутский архар. В этом он обошел даже своего учителя. Дени все же побаивался высоты, а для Александра стоять на краю бездны было верхом наслаждения. Он и в Эльте и во Фло, где провел шесть лучших лет своей жизни, выискивал самые крутые обрывы и самые высокие скалы.

В дом, почитавшийся родным, Александр вернулся без всякой радости, но Филипп поссорился с Раулем и велел младшим братьям покинуть Фло. Жоффруа был откровенно рад вырваться из слишком уж жестких рук Короля Королей и его капитанов, а вот Сандеру разлука далась с трудом. Юноша не мог взять в толк, как после гибели отца и Бетокской битвы брат-король мог рассориться со своим великим кузеном. Жоффруа намекал, что в этом замешана молодая королева, но разве может женщина сломать дружбу, закаленную великой бедой?

Тропа оборвалась, и юный герцог оказался на продуваемой всеми ветрами вершине, впрочем, в эту ночь ветра спали. Сунул руку под нависший камень. Запасенные несколько дней назад сухие ветки были на месте, да и кто мог их унести? Люди сюда не заходят, боятся неведомого, не понимая, что повседневная жизнь бывает куда страшнее призраков, по слухам, посещающих Эльтову скалу в новолуние. Нынче как раз новолуние, но даже свети луна в полную силу, ее лучи не пробili бы плотную завесу туч, раздумывавших, пролиться ли дождем здесь или подождать хорошего ветра и унести вглубь Арции. Александр высек огонь. Костры он разводил хорошо, даже лучше Филиппа, и вскоре рыжее пламя весело плясало, отгоняя бархатную тьму. Тагэре улыбнулся: скорее всего, это его последний костер, а значит, незачем беречь топливо...

– В прежние времена я бы поклялся, что ты указываешь путь контрабандистам, – юноша вздрогнул от неожиданности и рывком поднялся, хватаясь за кинжал.

– Я пришел с миром, – голос из темноты явно принадлежал зрелому сильному мужчине, – любопытно стало, кто это жжет в новолуние костры на проклятой скале... Позволишь разделить твое одиночество?

– Конечно, – сердце Александра сжалось от охватившей его надежды, – восемь лет назад он тоже простался с жизнью... Может, и на этот раз сюда завернул его таинственный знакомец? Но надежда как вспыхнула, так и погасла – шагнувший в круг света человек на Романа не походил. Ночной гость был сед, как лунь, но лицо его отнюдь не было старым, а гибким, легким движениям позавидовал бы сам граф Мулан. Чужак опустил на камень и протянул руки к огню.

– Наверное, мне стоит представиться. Мое имя Аларик, я не здешний.

– Меня зовут Александр. Я здесь живу.

– Я догадался, – усмехнулся Аларик. А вот глаза у него и вправду напоминали глаза Романа, только были много светлее. – Но я полагаю, ты здесь проводишь далеко не каждую ночь. Ты взволнован, это очевидно. Может быть, тебе нужна помощь?

Великомученик Эрасти! Как же Александр ненавидел эти слова. Ему вечно предлагали помощь слуги, сестры, прочие родичи. Все, кроме не замечающей его матери... Сандеру едва сравнялось четыре, когда он в ответ на очередные причитания железным голосом произнес: «Я сам», потом это стало его негласным девизом. Но предложение ночного гостя отнюдь не казалось оскорбительным. Так же, как семь лет назад расспросы Романа. И Александр, удивляясь самому себе, вежливо ответил:

– Благодарю вас, сигнор¹⁷, но помочь мне нельзя.

– Я не спрашиваю, можно ли тебе помочь, – засмеялся седой, – я спрашиваю, НУЖНА ли тебе помощь?

Александр удивленно замолк, а потом с налету выпалил:

– Завтра я дерусь с графом Муланом... Теперь понимаете?

– Представь себе, нет, – Аларик покачал головой, – я так понимаю, что граф Мулан – это местная знаменитость. Что, он и вправду хороший боец?

– Нет более верного способа умереть, чем скрестить меч с великим Муланом!

– Великий Орел, какие глупости! – ночной гость зло сверкнул глазами. – Лично я знаю с десяток способов куда более надежных. Уж поверь мне! Нет шпаги, на которую не нашлась бы лучшая, а что до вашего Мулана, сдастся мне, не так уж он и велик...

– Но... Вы же его не знаете...

– Зато я знаю шпагу, – отмахнулся собеседник, – она не терпит громких слов. Я встречал немало воинов, фехтовавших, как боги, они не распускали слухи о собственной непобедимости и не дрались для их подтверждения с теми, кто слабее.

– Я сам его вызвал, – буркнул Александр, желая быть справедливым даже к недругу.

– Неважно. Будь Мулан настоящим воином, он бы сумел избежать ссоры. Из-за чего все произошло? – вопрос был задан таким тоном, что не ответить было невозможно. И Сандер ответил:

– Он издевался над нашим гербом.

– Не над тобой?

– Нет... Я знаю, что я урод, – юноша отважно взглянул собеседнику в глаза, – упоминание об этом вряд ли бы заставило меня потерять голову...

– Ты был с этим Муланом один на один?

– Нет. Там был мой средний брат и двоюродный, затем...

– Хватит, – оборвал его Аларик, – вставай!

– Что?

– Вставай, говорю, и доставай шпагу. Я покажу тебе пару приемов, о которые твой «непобедимый» обломает зубы...

2879 год от В.И.

Ночь на 13-й день месяца Лебеда.

Эр-Атэв. Эр-Иссар

Глаза калифа Усмана перебегали с лица старшего сына на лицо младшего и обратно. Красавец Наджед преданно ловил отцовский взгляд, Яфе хмуро молчал. Владыка атэвов усмехнулся в шелковистые усы и слегка шевельнул рукой, подзывая пузатого каддара¹⁸.

– Я хочу знать все.

Каддар тяжело плюхнулся на колени, облобызав синие сапоги повелителя, и

¹⁷ Сигнор (от сигна – родовой герб) – потомственный дворянин.

¹⁸ Каддар (атэв.) – придворная должность, равноценная министерской.

проникновенно произнес:

– О Лев Атэва, сколь счастлив ничтожный Камаль, к чьим речам склоняется алмазный слух владыки. Да прольются мои слова водой и оросят зерно его мыслей. Случилось так, что в невольничий квартал вбежала бешеная собака. И по прихоти шестихвостого садана¹⁹ некий торговец туда же привел караван черных рабов. Сам купец при виде огромного пса с хвостом, зажатым между ног, и мордой, покрытой пеной, бежал, оплакивая убытки. Бежали и слуги купца, и воины, и погонщики верблюдов, и охранники, а рабы бежать не могли, так как были в колодках. И бывает так, что путь осла пересекает дорогу благородного скакуна. Испуганный купец повстречал твоих сыновей, о Лев Атэва, покидавших дом мудреца Абуны, коего они посещали по твоему повелению.

Узнав о том, что вблизи рыщет бешеная собака, принц Наджед, да благословит Баадук его дорогу, вернулся в дом, повелев разыскать смотрителя дорог, дабы тот послал стражников с луками истребить опасную тварь и всех рабов, которых она покусала. А принц Яфе, да будут его пути подобны лучшим коврам, выхватил саблю и бросился туда, откуда все бежали. Я, недостойный, хотел его остановить, но принц не склонил свое ухо к моим устам. Мы услышали рычание, а затем вой, подобный вою злобного садана. Мы поспешили и увидели то, что увидели. Собака была рассечена надвое, и над ней стоял принц Яфе с окровавленной саблей.

– Я выслушал, – медленно произнес калиф, – Наджед, приблизься.

Старший принц исполненным изящества движением преклонил колени перед отцом.

– Я доволен, что мой сын вырос мудрым, – калиф снял с пальца перстень с квадратным изумрудом и бросил сыну, почтительно поцеловавшему отцовскую руку. Затем калиф все так же невозмутимо этой же рукой отвесил Наджеду пощечину: – Но я недоволен, что мой сын вырос трусом. Яфе, подойди.

Когда брат Наджеда встал на колени рядом с ним, Усман поднялся и, стремительно сорвав с пояса тяжелую плеть, вытянул сына по плечам. Тонкая материя лопнула, показалась кровь. Глаза Яфе неистово сверкнули, но он сдержался.

– Это за то, что ты сначала делаешь, а потом думаешь, – калиф отцепил роскошную саблю и протянул младшему принцу, – а это за то, что ты знаешь: сын калифа не показывает спину псам. Черные рабы твои – впрочем, купец может их выкупить. Тем, кто не заметил вовремя смертоносную тварь, по десять палок. И да не развяжется завязанное.

Усман поднял бровь, и все, пятаясь, покинули покои повелителя. Младший принц уходил последним, и калиф еле слышно окликнул:

– Яфе!

Сын остановился.

Отец выждал, пока закроются тяжелые двери, и лишь после этого заговорил:

– Хорошо, что в твоей груди сердце льва, а не тушканчика, но я хотел бы видеть в нем не только отвагу, но и мудрость. Глуп тот, кто за медную монету отдаст золотой самородок. Голова бешеного пса не стоит головы принца. Когда придет время идти в огонь, тот, кому это предназначено, должен быть жив. То, что предназначено тебе, другому не свершить.

Яфе молчал, упрямо насупив черные брови, и Усман внезапно почувствовал немыслимое облегчение. Сегодня он наконец избрал наследника, но даже его подушка не узнает об этом, пока не придет срок. Пусть будущий калиф научится терпению и мудрости. Время еще есть.

2879 год от В.И.

13-й день месяца Лебеда.

Эльта. Гостиница «Морской конь»

– Десять ауров на парнишку, – стройный голубоглазый человек в темном дорожном

¹⁹ Садан (атэв.) – черт, дьявол.

плаще небрежно подбросил объемистый кошелек.

– Вы с ума сошли, почтеннейший, – запротестовал худой нобиль в плаще с сигной в виде прыгающей лисицы, – это же сам граф Мулан!

– Ну и что, – пожал плечами незнакомец, – каждый, про кого говорят «сам», рано или поздно зарывается, так почему бы и не сегодня? Удача – дама капризная, ей надоедает, когда с ней обходятся, как с уличной девкой.

– Так-то оно так, – вздохнул толстяк в синем, – только уж больно силы неравны. Я видел Мулана на турнире, чистый кабан, право слово, а Александр... В чем душа держится, да еще калека. Он и меч-то в руках никогда не держал, все больше книжки.

– Я так рассуждаю, – вмешался в разговор человек с луком и с серебряным значком лесничего на зеленой суконной куртке, – что Мулан должен отказаться. Это не поединок. Это убийство, чести оно ему не добавит.

– А ему честь нужна что мне девственность, – хмыкнула чернокудрая красotka в вызывающе обтягивающем ее прелести платье, – капустаницы²⁰ всех Тагэре под корень извести хотят, хоть больных, хоть здоровых... Видела я, как Мулан их задирает, из кожи вон лез. Старший-то сдержался, да и кузен их, уж на что боевой, только желваками играл. А Александр молчал, молчал, да как выплеснет вино тому в морду.

– Жаль его, – согласился толстяк, – хоть горбун, а душа отцовская! Не повезло. Может, оно и к лучшему, калекой жить и герцогу несладко.

– Да не хороните вы его раньше времени, – в голосе завязавшего разговор незнакомца прорезались властные нотки, – поживем – увидим. Я от своих слов не отказываюсь. Десять ауров! Нет, двадцать!

– Согласен, – вздохнул худой, – если тебе своих денег не жалко.

– И я согласен, – кивнул еще один толстяк с добродушным лицом и умными карими глазами, – мы тебя предупредили.

– Ваша совесть может быть чиста, сигноры, – отрезал голубоглазый, – считайте, что и я вас предупредил...

– Твоими бы устами, – лесничий заметно нервничал, – если этот белозадый убьет маленького Тагэре...

– Ты с ним не справишься, Колен, – еще один нобиль лет тридцати покачал головой, – с ним никто не справится, разве что покойный герцог...

– В бою – да, – не стал спорить названный Коленом, – но за убийство заведомо слабейшего в старину отбирали шпагу и шпоры...

– Ну, вспомнила бабка, как девкой была, – нобиль с лисицей зло засмеялся. – Кодекс Розы²¹ не для Белых, они отца повесят, а мать утопят.

– Все равно рыцарь, свершивший подобное, не рыцарь, а бешеный пес, и покарать его – долг любого. Если Мулан убьет Александра, говорить с ним нужно не с мечом в руке, а с арбалетом.

– И ты?.. – первый толстяк уставился на Колена с восхищенным недоверием.

– Клянусь святым Эрасти, я сделаю это. Вы все свидетели, – лесничий сжал губы, – малыша я им не прощу. А потом... Лес не выдаст, Циала не съест.

– Да прекратите вы панихиду играть, – взорвалась девица, – хуже нет приметы... Клянусь юбкой святой Циалы, будь он трижды горбун, а я сделаю его мужчиной, пусть только жив останется. И арга не возьму!

– Ты и вправду это сделаешь, голубка? – голубоглазый обнял прелестницу за

²⁰ Презрительная кличка циалианок, видимо, возникшая из-за белых с черной оторочкой одеяний рядовых сестер, напоминавших расцветку бабочек-капустниц. Сестры более высокого ранга ходили в белом, оторочка послушниц была голубой, а воспитанниц синей.

²¹ Кодекс чести, обязательный для дворянства Благодатных земель.

соблазнительные плечи. – А ты, видать, добрая девушка.

– Злая, – она с вызовом глянула на чужака, – очень злая, но в малыше больше толку, чем в Жоффруа и Эдваре, вместе взятых.

– Луиза тебе скажет, – осклабился нобиль с лисицей.

– Я знаю, что говорю. Могу и про тебя рассказать, хочешь?

– Ну, уж нет!

– Что ж, – улыбнулся голубоглазый, – не забудь про свою клятву, Луиза...

2879 год от В.И.

13-й день месяца Лебеда.

Эльта

Площадь перед гостиницей «Морской конь» была чисто выметена, а обычно расхаживающие по ней свиньи и гуси с позором изгнаны. По краям толпилась чуть ли не половина Эльты, но на середину, отмеченную четырьмя натянутыми веревками с навязанными на них цветными лоскутами, не заходил никто. Граф Мулан появился за четверть оры до назначенного срока. Холодно оглядел толпящийся сброд. Люди под тяжелым взглядом привычно опускали глаза, однако на сей раз нашлись трое, ответивших вызовом. Трактирную девку в красном можно было в расчет не принимать, а вот высокого худого человека в зеленом, даже не потрудившегося скрыть свою ненависть, Мулан запомнил. Этот, наверняка, попытается его убить, так что на обратном пути придется надеть под доспехи атэвскую кольчугу. Рядом с лесничим стоял еще один, среднего роста, стройный, с седыми волосами. В его лице не было ни ненависти, ни вызова, лишь ирония и любопытство.

Белый рыцарь был опытным бойцом и умел с первого взгляда оценить возможного противника. Седой ему не понравился. Мулан никогда его не видел, но спокойствие незнакомца, его непринужденная поза и что-то в небывало голубых глазах под темными бровями заставило рыцаря Оленя поскорее отвернуться. Если этот человек затеет ссору, что вполне возможно, придется держать ухо востро. Конечно, с талисманом Ее Иносенсии²² он справится и с ним, и все же...

Но сначала – горбун. Смешная добыча, но после смерти щенка его толстый братец и кузен не могут не послать вызов убийце, иначе им никто руки не подаст. Ну а потом останутся только Филипп и его проклятый старший кузен. Но эти и так вот-вот друг другу в глотку вцепятся. Если так и дальше пойдет, с Тагэре вскоре будет покончено.

Граф небрежно сбросил молочно-белый плащ на руки оруженосцу, туда же полетела куртка из светло-серой замши, и Мулан остался в тонкой белоснежной рубашке, заправленной в темно-серые панталоны. Мягкие сапоги без каблуков были почти невесомы, но он мог драться и в полном боевом облачении. Увы. Публичный поединок все еще должен вестись по кодексу Розы – без брони, с ныне вышедшей из употребления легкой шпагой. Детские игрушки!

Мулан любил свои доспехи, тяжелое копье, двуручный меч и секиру, хоть и шпагой владел изрядно. В любом случае достаточно для того, чтобы прикончить горбатого хлюпика.

2879 год от В.И.

13-й день месяца Лебеда.

Эльта

– Жаль мне твоих денег, и парня жаль, – вздохнул кто-то в толпе.

– Если ставить, то на волчонка, а не на кабана. Эта белая скотина не так сильна, как ей кажется.

Сердце Александра забилося, он узнал голос.

²² Титул Предстоятельницы (главы) циапианского ордена.

Аларик! Он тут. Тагэре обвел глазами толпу и сразу же столкнулся со спокойным, уверенным взглядом. Ночной гость словно бы говорил: «Ничего страшного. Твой враг нагл и удачлив, но он не всемогущ!»

Отсалютовав шпагой зрителям, Александр бросил куртку на ограждающую импровизированное ристалище веревку и, глядя прямо перед собой, пошел к центру площади. Он не чувствовал ни страха, ни волнения, словно его седой знакомец забрал их с собой. Душу заполняли решимость и уверенность в том, что он может победить. Если не ошибется, не запаникует, не даст себя обмануть, он победит. Обязательно победит. Нужно только смотреть в эти холодные глаза, а не на кончик шпаги графа. Дени учил угадывать движения противника по взгляду, и у него это получалось. Получится и сейчас. Пусть Мулан удивится стойкости своего несерьезного соперника и начнет пробовать разные приемы, а он, Александр, будет лишь защищаться. Да. Именно так. Сначала защита, а потом – атака. Первая должна стать и последней.

Юноша прекрасно помнил, что ему показал Аларик. Приемы кажутся до смешного простыми, но противопоставить им практически нечего. Однако Александр отныне умел не только наносить такие удары, но и парировать. На тот случай, – сказал гость, – если кто-то, глядя на тебя, научится делать то же, хотя такое вряд ли возможно... «На тот случай», значит, Аларик полагает, что его жизнь не закончится на этой маленькой площади. И она не закончится, Проклятый побери!

Сандер, как затеявший ссору, первым поднял шпагу в освященном веками приветствии, и Мулан ответил тем же жестом. Противники шагнули друг к другу, раздался скрежет стали о сталь. Первый выпад графа был силен, но прост, чтобы не сказать примитивен, и Александр отбил его без труда.

2879 год от В.И.

13-й день месяца Лебеда.

Эльта

Мулан начинал закипать – горбатый щенок оказался отнюдь не так прост, как казалось вначале. Он знал, что делать со шпагой, и к тому же дрался левой, что создавало кучу неудобств. Белый Граф фехтовал обеими руками примерно одинаково и нередко брал основное оружие в левую, зная, как тяжело отражать такие удары, теперь же ему пришлось переложить шпагу, чтобы уравнивать шансы, и это было унижительно. Впрочем, неприятности начались раньше, когда первый удар – сильный и безотказный, горбун отбил, причем так, что Мулан с трудом удержал оружие. Проклятье! Он же знает, что уроды обладают медвежьей силой, а слухи о том, что младший Тагэре ничем не интересуется, кроме книг, оказались лишь слухами. Чертов урод обвел вокруг пальца даже прознатчиков Ее Иносенсии.

Бой длился уже вторую десятинку²³, а Мулан ни на шаг не приблизился к победе. Он постепенно усложнял приемы, но нарывался на глухую оборону. Тагэре не пытался атаковать, но замыслы противника читал, как книгу. Взгляд горбуна не отрывался от лица Мулана, и серые внимательные глаза в очень темных ресницах, глаза покойного Шарля Тагэре, начинали действовать рыцарю Оленя на нервы. Пора было кончать! Как бы неприятно это ни было, но непобедимый боец, великий Мулан, Белый Граф потянулся мыслями к талисману. Теперь Анастасия узнает, что он не смог совладать с уродцем без помощи магии, и это весьма неприятно, но тянуть и дальше нельзя. Нужно убить паршивца одним ударом и немедленно, иначе репутация Мулана пострадает, вон сколько народа собралось поглазеть! Большинство пока считает, что он играет с мальчишкой, как кошка с мышкой, благо тот и не пытается нападать, но в толпе найдется и парочка опытных бойцов, которые поймут, если уже не поняли, в чем дело.

²³ Десятая часть оры.

Мулан сосредоточился и мысленно произнес Слово. Оправленный в белый металл опал начал слабо пульсировать в такт биению сердца графа. Сейчас Тагэре подчинится. Не успеет Граф просчитать до шестидесяти, и щенок сам бросится на его шпагу. Стоит крови попасть на клинок, действие магии прекратится, а Ее Иносенсия узнает об очередной победе и о том, что одержана она с ее помощью. Жаль, конечно, но лучше не рисковать.

Камень пульсировал все сильнее. Двадцать... двадцать два... Тридцать...

2879 год от В.И.

13-й день месяца Лебеда.

Эльта

Александр почувствовал, что у него не хватает сил и дальше смотреть в страшные чужие глаза. Сердце сбилось с ритма и начало стучать с перебоями, хотя раньше ничего подобного не случалось. Младший Тагэре мог подолгу танцевать с клинком в два раза тяжелее этого, а сейчас вряд ли прошло больше двух десятинок. А ведь сначала все шло так хорошо. Александр сжал зубы и, старательно отгоняя подступающее отчаянье, попытался поднять глаза.

«Ты свободен, Сандер. Нет ничего, кроме свободы и чести. Все в твоих руках», – странным образом эти слова возникли в его мозгу, давление начало стремительно слабеть и исчезло. Сердце вновь застучало ровно, да и в глазах противника не было ничего ужасного. Напротив! В них бился страх! Что-то у Великого Мулана пошло не так! А на Александра снизошли спокойствие и уверенность. Он должен победить, и он победит. Для начала слегка отступим. Пусть атакует. Отлично! Такой выпад нам и нужен...

Многочисленные зрители так и не поняли, что произошло у них на глазах. Только Аларик заметил, как клинок юноши стремительно отвел оружие графа вправо. Эфес шпаги Александра оказался рядом с его правой рукой, заведенной назад. Следующим ходом бойца-левши было бы ударить наотмашь, целясь противнику, скажем, в шею. Сандер так и поступил. Предвидевший это Мулан, вывернув кисть, увел шпагу влево, легко парируя удар, которого не было. Оружия в руке Сандера не оказалось, сам же он, продолжая разворачивать корпус вправо, вынес ногу вперед и нанес резкий колющий удар **правой** в подставленный противником левый бок.

2879 год от В.И.

13-й день месяца Лебеда.

Эльта

Оруженосец и еще какой-то человек в фиолетовом унесли то, что только что было Великим Муланом, а Александр все еще стоял с окровавленной шпагой в руках, глядя перед собой. Он сделал это! Мулан мертв, а он жив. Теперь никто не посмеет назвать его заморышем и ничтожеством. Может быть, даже мать посмотрит на него другими глазами, так, как она смотрит на Филиппа, как она смотрела на Эдмона...

Чьи-то руки обхватили его за шею, и Сандер вздрогнул от неожиданности, а чернокудрая красотка в алом, низко вырезанном платье властно и весело поцеловала победителя в губы. Александр растерялся, а Луиза, прижавшись к нему, заговорщически прошептала:

- Пойдем поговорим.
- Поговорим? А почему не тут? – он непонимающе уставился на собеседницу.
- Дурачок, – засмеялась она, – хоть и герой. Я тебе ТАМ все объясню! Пойдешь?
- Сейчас, – рассеянно пробормотал он, обводя глазами окруживших его улыбающихся людей, – ты не видела здесь такого... Он седой с голубыми глазами...
- Как же, видела, – кивнула Луиза, завладев рукой Александра, – он поставил на тебя двадцать ауров... Никто не верил, а он сказал, что ты побьешь этого кабана. Знаешь, я никогда не видела таких, как этот нобиль. Он, как... как дождь в жару!

2879 год от В.И.

Утро 14-го дня месяца Лебеда.

Тагэре

Слуги и воины старательно отводили глаза. Королевский гнев – штука обоюдоострая, особенно если он обрушен на головы родичей. То, что с молодым Филиппом Тагэре шутить не стоит, в Арции уже поняли. Теперь же король был вне себя. И было от чего! По крайней мере, пришедшие с Его Величеством воины полагали, что герцог Ларрэн заслуживает куда большего, чем оплеуха, даже столь увесистая. Впрочем, Филипп довольно быстро овладел собой, восемь лет на троне научили его гасить свои чувства.

Появление короля стало для обитателей замка Тагэре полной неожиданностью. Когда дозорные увидели кавалькаду, никому и в голову не пришло, что это Его Величество Филипп Четвертый решил навестить родной дом. Вдовствующая герцогиня никоим образом не ожидала сына и приняла приглашение баронессы Герар, у которой родился долгожданный внук. Встречать Филиппа вышли лишь брат Жоффруа и кузен Эдвар. Малыш Сандер и тот куда-то подевался.

Когда Филипп, предвкушая отдых после дальней дороги и в глубине души радуясь, что разговор с матерью можно отложить, спросил про Александра, он не предполагал никаких неожиданностей, но сбежавший с круглой физиономии Жоффруа румянец заставил заподозрить неладное. Ларрэн не принадлежал к тем, кто скорее умрет, чем выдаст секрет. Сначала братец пробовал изображать неведение, заявив, что Сандер достаточно взрослый, чтобы его требовалось сторожить, но это не помогло. Король вытряс из Жоффруа правду, но было поздно. Ну почему он не приехал днем раньше?!

– Если его убили, я не знаю, что с тобой сделаю, трус капустный! – Филипп скрипнул зубами, с отвращением отвернувшись от родичей. Он и так погорячился, залепив Жоффруа прилюдно по физиономии. Тот, конечно, заслужил, но не дело, чтоб один Тагэре лупил другого.

– А что я мог сделать? – вновь заныл Ларрэн. – Матушка нам настрого запретила затевать ссоры, и потом это же Мулан!

– Да хоть сам калиф Усман! Ты должен был или сразу уйти и увести младших, или принять вызов. Чертов осел! Ты даже не соизволил поехать с ним.

– Он сам не хотел...

– Сам! Кто из вас старше? Мне кажется, Александр. Ему не наплевать ни на нашу честь, ни на наше дело. А ты еще ко всему и молчал... Хоть бы подумал, что будет, когда матери привезут еще один труп, словно ей тогда мало было.

Нельзя сказать, что Филипп так уж часто вспоминал про брата-калеку, но бросить мальчишку на растерзание Мулану и преспокойно вернуться домой! Король не надеялся, что Сандер жив, но он принял смерть лицом к лицу, как настоящий Тагэре! Странно, что эркард до сих пор не сообщил в замок. Наверняка боится, хотя во всем виноват этот заяц, по недоразумению являющийся их братом. Филиппа аж передернуло от отвращения. Он и раньше догадывался, что Жоффруа – ничтожество, но чтоб до такой степени!

Сандера он похоронит со всеми почестями, а потом займется Муланом. С этой бродячей смертью давно пора кончать, он и так слишком затянул и вот потерял брата. Жаль, что он уделял Сандеру так мало времени, ну да сделанного не исправишь! Король, даже не взглянув на Жоффруа и Эдвара, послал коня к воротам; следом за ним рванулся Гастон Койла, а потом и остальные. Кони, уже воображавшие себе уютные замковые конюшни и полные кормушки, немного поартачились, но смирились и пошли легким галопом. Филипп узнавал родные места. Он не был в Эльте три года и вернулся на очередные похороны! Проклятый! Ну почему?!

Высокая фигура в зеленом вышагивала им навстречу, и король резко осадил белого иноходца.

– Постой! Колен, это ты?

– Ваше Величество!

– Ты из Эльты? Ты знаешь...
– Знаю! – лесничий прямо-таки сиял. – И все знают. Ваш брат убил Мулана. Он настоящий Тагэре.
– Как убил?!
– Ловко убил, покойный герцог позавидовал бы. Четверть оры – и нет Великого Мулана!
– А Александр?
– Ни царапинки!
– Где он?
– В «Морском коне», его не отпустили, там такой праздник был, а потом Луиза его к себе утатила. Помните Луизу?
– Еще бы, – прыснул Филипп, – видать, у нее судьба такая – просвещать мужчин нашего рода. Теперь и малыш туда же! Он там еще?
– Надо думать...
– Вперед!

2879 год от В.И.

Утро 14-го дня месяца Лебеда.

Эльта

Сквозь щели в занавесках жизнерадостно пробивались солнечные лучи, где-то заржала лошадь, перекликались что-то разгружавшие работники, по всему, было не рано, уж во всяком случае, много позднее, чем он привык вставать. Александр кончил одеваться и слегка смущенно посмотрел на растрепанную Луизу.

– Я, наверное, что-то тебе должен?
– Ты? – женщина звонко рассмеялась. – Побойся бога! Ты побил Мулана, а твой седой приятель оставил мне весь свой выигрыш. Я теперь могу стать достойной уважения женщиной, – она надула щеки и живот и опустила глаза вниз, – а потом... Потом, ты мне просто нравишься.

– Я? – Тагэре уставился на нее с неподдельным изумлением. – Луиза, но я же – горбун.
– Чем меньше ты будешь думать об этом, а тем более говорить, тем лучше, – отрезала женщина, неожиданно став серьезной. – У тебя сильные руки, красивые глаза, и ты... ты умеешь быть благодарным. Можешь мне поверить, любая, когда тебя узнает поближе, не захочет никого другого...

– Когда узнает, – Сандер кривовато ухмыльнулся. – Как же она меня узнает, если у нее будут глаза?

– Если у нее будут не только глаза, но и сердце, узнает. И, – Луиза нарочито громко захохотала, – когда будешь счастлив и знаменит, не забывай, кто научил тебя кой-чему важному.

– Что ты, Лу. Я тебя никогда не забуду.

– Верю, – красотка, ничуть не стесняясь своей наготы, встала и, подойдя к висящему у двери овальному зеркалу, принялась распутывать свалявшиеся кудри. – Мой тебе совет, поменьше слушай дураков, которые суют тебе в нос твою внешность. В тебе есть то, чего у них никогда не было и не будет!

– Ты о чем?

– Не знаю, как и сказать, – Луиза задумчиво склонила голову к плечу. – Вот тот седой, на площади. В нем тоже это есть, врать не буду, и куда больше, чем у тебя. Рядом постоишь – все другим кажется. Но он и постарше будет. А еще... Я многих здесь перевидала, кто лучше, кто хуже, но ни в ком такого и близко не было... – Луиза могла бы добавить, что была знакома, и весьма близко, и с братьями Сандера, и с кузенами и ни в ком не почуяла ничего подобного.

Александр хотел было уточнить, что она имела в виду, но не успел – на дверь обрушился град ударов, и голос, от которого сердце младшего Тагэре сначала подскочило к

горлу, потом провалилось куда-то вниз и, вернувшись на положенное место, бешено затрепыхалось, проорал:

– Сандер, Проклятый тебя побери, а ну живо одевайся и выходи!

– Филипп!

– Нет, святой Эрасти!

Луиза звонко захохотала и ничтоже сумняшеся распахнула дверь, в которую не преминул ворваться Его Величество, для начала сжавший брата в объятиях, а потом залепивший ему здоровенный подзатыльник.

– Тебя убить мало! Как ты мог, тебе же было сказано!

– Мне? – возмутился Александр. – МНЕ ничего не говорили, а Жоффруа и Эдвар послушались.

– Выкрутился, мерзавец, – король хлопнул брата по плечу, – а если бы тебя убили?

– Значит, так было бы надо. – Александр посмотрел брату в глаза: – Неужели стать монахом или домашним шутком лучше, чем умереть?

– Вот оно что, – взгляд Филиппа смягчился, – каким же я был дураком. Я думал, что тебе хорошо с твоими книжками... Я виноват перед тобой.

– Ты?!

– Да, я, Проклятый меня возьми! Я должен был понять, что тебе нужно, должен был сам научить тебя всему, с матерью поговорить, в конце концов... А я невесть чем занимался. Юбки девкам задираю... Хорошо, ты сам догадался. Кто тебя учил?

– Дени.

– Так я и подумал... Ну, надо же, – король неожиданно расхохотался, – наш Сандер свалил Мулана! Непобедимого Мулана! Великого Мулана! Бери шпагу и пошли во двор!

– Шпагу?

– Именно! Мне нужен настоящий соперник. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Я давно понял, что от Жоффруа толку как от жабы шерсти, большой кузен думает только о себе, а тут – такой подарок!

– Подарок? – Александр широко открыл глаза.

– Не понимаешь? Ты мне нужен, брат. Очень нужен. Я могу на тебя рассчитывать?

– До смерти!

2879 год от В.И.

19-й день месяца Лебеда.

Мирия. Гвайларда

Было темно, страшно и больно, но Даро сдерживала слезы. Если матушка увидит, что она плакала, ее оставят здесь еще на ору. Нужно быть благодарной бланкиссима²⁴ за науку, а плакать – это роптать на Бога. Это грех. Девочка слегка пошевелилась, и острые каменные крошки сразу же вцепились в голые коленки. Сколько времени прошло? Может, про нее забыли? Может, постучать в дверь? Нет, лучше не надо! Прошлый раз она решила, что срок наказания давно прошел, а до него оставалась еще десятинка. Вместо того чтобы смиренно ждать, когда ее отпустят, она проявила нетерпение, то есть согрешила даже больше, чем когда запуталась, отвечая урок. И ее оставили здесь еще на две оры. Ой, скорей бы! Коленки болят, но это не самое страшное.

Маурита рассказывала, что в замке живет призрак Кровавого Педро. Когда его зря казнили, он стал привидением и ненавидит мирийских герцогов. Значит, и ее тоже, хотя она ему ничего плохого не сделала. Но все люди отвечают и за грехи своих родителей, и за все остальные грехи. Как только ты родился, ты уже во всем виноват. Мама это всегда говорит. Нужно молиться и просить прощения, и тогда, когда ты умрешь, тебя не накажут за то, что

²⁴ Второй после Предстоятельницы сан в циаианской иерархии. Бланкиссимы возглавляли сестринство в странах Благодатных земель. Кроме того, этот титул носила настоятельница Фей-Вэйи.

первый человек сорвал розы в саду у Бога, и за то, что Рене Сгинувший совратил избранницу святой Цялы и навлек проклятие на все Благодатные земли. Если короли и герцоги ведут себя плохо, небо наказывает всех, кто живет в их странах. Если она не будет слушаться, накажут всю Мирию. Мама так ей и сказала.

Когда она вырастет, она пойдет в монастырь к бланкиссима и будет молиться, чтобы искупить грехи родителей и братьев. Особенно Рито. Мама им очень недовольна, он не хочет молиться, а бланкиссиму просто ненавидит. Рито очень смелый и добрый. Он ничего не боится, но он грешник. Она не хочет, чтобы после смерти его закопали по шею в горячий песок в шаге от ручья, или чтоб его тысячу тысяч лет жалили пчелы, а только молитва безгрешной родной крови может искупить его грехи.

Ой! Что это там, в углу? Даро вскочила, забыв, что должна стоять на коленях и повторять молитву святой Цяле. Там, в дальнем углу, кто-то был. Педро! Но ведь она ему ничего плохого не сделала!

– Даро! Тише ты! – Раздавшийся шепот показался ей прекрасней голосов божьих вестников, про которых так много говорила мама.

– Рито!

– Нет, дохлый Педро! Проклятая капуста! И чего она к тебе привязалась, ты всю эту дребедень талдычишь не хуже других.

– Я должна знать лучше, иначе из-за меня грех падет на всю Мирию.

– Бред какой! Убить эту камбалу мало. Я тебе тут кое-что принес. Ну и темнота тут, их бы сюда! Погоди!

Вспыхнувший огонек свечи выхватил из темноты толстенные балки, заколоченное круглое окно, пол, на котором поблескивала рассыпанная каменная крошка.

– Проклятый! – Державший свечу высокий юноша лет шестнадцати, чем-то похожий на изображение святого Эрасти, скрипнул зубами. – Они что, совсем сбесились!

– Рито! – Девочка, в которой уже угадывалась будущая красавица, с ужасом уставилась на брата: – Не говори так! Это грех!

– Грех – это то, что с тобой творят. Я скажу отцу!

– Нет, – она вцепилась ему в руку, – обещаю, что не будешь! Ну, Рито! Пожалуйста! Уходи! Они сейчас придут... Они...

– Никуда они не придут, – юноша опустил на корточки и притянул сестренку к себе. – Прошло пол-оры, а тебя заперли на две. Так что кончай трястись, крольчонок. Поешь лучше. Они тебя еще и без ужина оставят.

– Оставят, – грустно подтвердила девочка. – Это мне наказание за нерадение.

– Если тебя за что и нужно наказать, – прошипел Рито, – то это за глупость. А ну ешь давай!

– Но ты отцу не расскажешь? Не расскажешь?

– Слово Кэрна, хотя следовало бы. Жуй!

– Шпашибо! Ой! Мои любимые! Откуда? И, – Даро в ужасе воззрилась на Рито, – как ты сюда залез? Тебя не видели?

– Ты молчи и ешь. Меня если кто и видел, то голуби или кошки. Залез я через крышу. Ужин тебе собрала Кончита. Она эту бледную немочь любит не больше меня.

– Рито!

– Дарита! Я не буду ничего говорить отцу, но если бланкиссима с матерью не уймется, я за себя не отвечаю.

2879 год от В.И.

24-й день месяца Лебеда.

Тагэре

Олень склонил к неестественно голубой воде увенчанную золотыми рогами голову, по водной глади скользила чета лебедей с изогнутыми шеями, а с высокой башни дама в розовом смотрела вслед рыцарю на белом коне...

- Матушка!
- Эстела подняла голову от вышивания:
- Да, Филипп.
- Я беру с собой Александра.
- Что ж, я не возражаю...
- Мы едем завтра.
- Хорошо. Завтра, так завтра.
- С тобой остается Жоффруа.
- Мне было бы спокойнее, если б он был с тобой.
- Александр мне будет лучшим помощником, матушка. Да и боец он отличный. Даже мне с ним трудно.
- Сын, – голос Эстелы был абсолютно безмятежным, – а с Муланом ты бы справился?
- Не знаю, – Филипп на мгновение задумался, – может быть, и нет. Мулан мне цену знал, со мной он не стал бы играть. Александра он в расчет не принял, за что и поплатился. А братишка хорош! Они же с Дени каждую ночь до седьмого пота тренировались, и никому ни словечка! Вот характерец! Мы все виноваты перед ним...
- Виноваты? – Эстела посмотрела в ясные глаза старшего сына. – Возможно, и виноваты. Как Элеонора?
- Она с матерью и сестрами...
- Да, у нее много родственников, я бы даже сказала, слишком много.
- Мы уже говорили об этом, матушка. Ну, ничего, я ее догоню. Со мной будет Сандер, а к осени я заберу в Мунт Жоффруа. Надеюсь, вы тоже приедете.
- Я бы этого не хотела. Общество Вилльо приятным мне не кажется. Кстати, Рауль со мной согласен.
- Да, кузен все еще злится. Он рассчитывал на меня, а я вот взял и влюбился, – Филипп улыбнулся своей знаменитой, чарующей улыбкой, перед которой ни одна женщина от десяти до восьмидесяти лет не могла устоять.
- Короли дорого платят за любовь, – Эстела отложила шитье, – но дороже всех за королевскую любовь платят их подданные.
- Я не Пьер Лумэн, матушка, – засмеялся Филипп, – и мне вовсе не нравилась моя кузина, к тому же Изо еще совсем ребенок.
- Зато Элеонора старше тебя на пять лет. Ты на троне без году неделя, а сделал то, на что не отважился бы сам Анхель!
- Матушка, мы же договорились...
- Я не оспариваю достоинств твоей жены. Если единственным способом затащить ее в постель оказалась женитьба, то Элеонора Гризье, без сомнения, самая добродетельная дама из тех, которых я знаю. Но жениться на вдове сторонника Лумэнов, без гроша в кармане, но с двумя детьми и ордой родственников, нарушить негласные обязательства перед Раулем... – герцогиня поколебалась и добавила: – мой старший племянник совсем из другого теста, чем мой покойный брат. Тому были нужны Шарль и Справедливость, а этот живет для себя. Если ты перестанешь его устраивать, он подыщет другого короля, для него невозможного мало...
- Я уже взрослый.
- Я знаю, Филипп, – вдовствующая герцогиня вновь склонилась к пальцам.

2879 год от В.И.

24-й день месяца Лебеда.

Фей-Вэйа

Изящная женская рука дернула за витой серебристый шнур, и дверь распахнулась. Тоненькая фигурка в белом склонилась в поклоне.

- Ваша Иносенсия!
- Человек из Эльты прибыл?
- Только что, Ваша Иносенсия.

– Пусть войдет.

Вошедший, толстяк с добродушным, незапоминающимся лицом, кряхтя, преклонил колено.

– Встань, Гуго, эти упражнения не для твоего живота.

– Благодарю Ее Иносенсию.

– Рассказывай. То, что Мулан мертв, я знаю. Как он погиб?

– Я был при этом. Все было очень просто. Он затеял ссору с младшими Тагэре. Жоффруа и Эдвар смолчали, Александр – нет.

– Горбун? Очень интересно. Что он сделал?

– С позволения Ее Иносенсии, он выплеснул в лицо Мулану стакан красного вина.

– Дальше.

– Мулан чуть было не прибил его на месте, но было слишкомлюдно. Граф сам хотел, чтобы были свидетели, он знал, что Ларрэн не очень смел, но на глазах горожан не сможет не вступить за честь Тагэре. Мулану пришлось удовольствоваться младшим. Он не очень огорчился, надо вам сказать. Убить уродца казалось нетрудным, а потом Ларрэн, хочешь – не хочешь, должен продолжить бой, иначе он стал бы конченным человеком. Поединок назначили на утро, все, как положено. Мулан боялся, что горбуна запрут в замке и дело сорвется, но Жоффруа и Эдвар никому не сказали. Короче, бой состоялся, и Александр прикончил нашего славного графа.

– Что?!

– Я бы и сам не поверил, но все случилось у меня на глазах. Я не шибко разбираюсь во всех этих фехтовальных штучках, но горбун вовсе не книжный червь, о нет. Думаю, он тайком учился.

– Тайком? Странно...

– Младший Тагэре горд, как Проклятый, он не хотел, чтоб над ним смеялись. Кто-то во Фло наверняка взялся учить сынка покойного герцога и преуспел в этом. Мулан не ожидал, что нарвется на сопротивление. Я слушал, что говорили зрители. Александр дерется левой рукой, это делает его серьезным соперником для любого, и он, как многие горбуны, очень силен. Тагэре держал удары и не отступал, Мулана это взбесило, он ошибся и сам насадил себя на шпагу мальчишки.

– Граф не пытался применить Силу?

– Думаю, нет. Его разозлило, что соперник, которого он собрался прихлопнуть, как муху, оказался крепким орешком. Думаю, граф не хотел, чтобы Ее Иносенсия узнала, что сам он не в состоянии справиться.

– Похоже на него. Больше ничего необычного не произошло?

– Ничего, кроме того, что я проиграл двадцать ауров...

– Тебе их возместят... погоди, а кому ты их проиграл?

– А кто его знает. Станный какой-то человек. По виду нобиль, но одет просто, консигны не видно. Лет что-то около сорока, может – больше, может – меньше, сразу не разберешь. Волосы седые, а лицо молодое. Я его никогда не видел.

– Ты уверен?

– Как в том, что вижу вас. Такого не забудешь.

– Тебе не показалось, что он как-то вмешался?

– Нет, он не маг. Он, по-моему, из тех, кто всегда ставит на темную лошадку...

– Хорошо, иди.

2879 год от В.И.

1-й день месяца Дракона.

Арция. Эльта

В последний момент Филипп все же взял с собой Жоффруа, и теперь братья Тагэре с эскортом в полторы сотни всадников, не очень спеша, но и не задерживаясь, ехали по Морскому тракту. Море осталось позади, местность повышалась, рябины и березы уступили

место дубам и кленам, кое-где поднимались пока еще невысокие холмы, некоторые из них венчали замки из светло-серого камня. Александр никогда не забирался на юг дальше Фло, и ему все было внове. Мысли металась между оставленной Эльтой и столицей, в которой ему отныне предстоит жить. Случилось то, на что он никогда не надеялся, – он едет рука об руку с братом-королем, он нужен, впереди настоящая жизнь, полная важных и неотложных дел. И все же сердце щемило. Младший из Тагэре и не думал, что так привязан к Эльте, к одинокой скале на берегу, где ему дважды встречались... Кто? Александр не был суеверным, но и золотоволосый Роман, и седой Аларик чем-то неуловимо отличались от людей. Даже таких, как его покойный отец или Рауль ре Фло. Причем, если Роман еще мог быть сном, то Аларика видело множество людей.

Лесничий Колен принял его за странствующего авантюриста, одного из тех, кто с юности до старости скитается по миру в поисках приключений. Воины от бога, они не спешат продавать свои мечи сильным мира сего, свобода и дорога – вот их кредо. А Луиза заметила в седом нобиле нечто непонятное, но отличающее его от остальных. И еще она сказала, что и на нем самом лежит та же печать. Александр вздохнул: и ящерица может напоминать дракона, но лучше прожить свою жизнь хотя бы тигром. Младшего из Тагэре немного мучила совесть, он так и не простился со своей первой женщиной, было не до того, и, кроме того, он немножко боялся новой встречи.

Со спины высокого серого коня, подаренного братом, Александр заметил в толпе красное платье. Проводить братьев Тагэре вышла вся Эльта, люди смеялись, махали руками и шляпами, девушки бросали под копыта королевскому коню цветы, но среди здравниц в адрес Филиппа Александр с удивлением уловил и свое имя. Осознание того, что Эльта его любит, поразило юношу, как громом, и одновременно он понял, что и ему безразличны все эти ремесленники и купцы. Посмеявшись над собственными мыслями: не успел занять место в кавалькаде брата, и уже ощущает себя Проклятый знает кем, Александр постарался припомнить все, что знал о государственных делах.

Увы, в Эльте питались в основном слухами. Матушка, без сомнения, знала больше, но она с младшим сыном говорила лишь по обязанности, а Филипп полагал, что в Мунте братишка во всем разберется сам. Может, и так, но в первый же день попасть впросак не хотелось. Покинув Фло, Сандер лишился не только друзей, но и новостей. Впрочем, слабоумный Пьер Шестой, кажется, по-прежнему сидит в Речном Замке²⁵ и призывает кузена Шарло. Зато его честолобивую супругу вместе с объявленным бастардом сыном за двадцать тысяч ауров передали ифранскому королю Жозефу, который совершил эту покупку явно не из родственных чувств.

Теперь Агнеса со своим отпрыском обитает при дворе известного своей скупостью Паука²⁶. Сумятица в Арции для хитрого южанина что море для кэргоры²⁷ – чем глубже, тем лучше. Когда продавали низложенную королеву, все были уверены, что ее преемницей станет дочь Рауля. Но пухленькой белокурой Изабелле придется искать другого мужа, королевой же стала Элеонора Гризье-Вилльо. Говорят, она чудо как хороша.

Александр не сомневался, что избранница Филиппа – самая прекрасная женщина в мире, но то, что говорил про родичей королевы Рауль, настораживало. Кузен сетовал, что сыновья красавицы от первого брака, отец, превратившийся из заштатного барона Вилльо в графа Ревы, мать, трое братьев, пять или шесть сестер и невесть сколько кузенов и кузин обходятся Арции дороже, чем армия и флот. И все равно Сандер заранее прощал незнакомой

²⁵ Замок в Мунте на острове посреди Льюферы (построен в 2390 году при Этьене Красивом), являющийся одновременно тюрьмой и одной из императорских, а позднее королевских резиденций.

²⁶ Презрительное прозвище короля Ифраны Жозефа.

²⁷ Агрессивное крупное морское животное, обладающее природным костяным тараном.

невестке все за счастье, которое та подарила брату. Если Филипп ради этой женщины пошел против матери и Рауля, значит, она того достойна.

Юноша тайком взглянул на короля, чей белый иноходец горделиво выступал позади пажа, вздымавшего знамя с тремя белыми нарциссами. Герцог Эстре не завидовал ни красоте Филиппа, ни его короне, но при виде брата не мог не вспоминать о собственном уродстве. В Эльте к нему привыкли, да и во Фло сначала солдаты, а потом и все остальные стали относиться к горбуну с теплотой, а вот в Мунте...

Да, он брат короля, но он – горбун, а значит, будут лстивые улыбки в глаза и шепоток в спину, будет ложное сочувствие или нарочитая бодрость при разговорах с мужчинами и невольное отвращение в глазах женщин.

Что бы там ни говорила Луиза, вряд ли кто-то решится бескорыстно связать с ним свою жизнь. Что ж, против судьбы можно бороться лишь до известного предела. Люди, даже самые сильные, не могут летать или ходить по воде, так зачем об этом мечтать? Ему никогда не испытать то, что испытал Филипп, сражавшийся за свою любовь и победивший, ну так что же! Герцог Эстре будет верен своему брату, и эта верность поможет перенести все, что выпадет на его долю.

2879 год от В.И.

11-й день месяца Дракона.

Мирия. Кер-Эрасти

Бык гневно взревел и бросился на врага, но гибкий байланте²⁸ в последний момент грациозно отскочил в сторону, и черная туша пролетела мимо. Зверь с трудом остановился, подняв тучу пыли и песка, и развернулся в поисках обидчика, который не заставил себя ждать. Высокий темноволосый юноша, пританцовывая, шел к быку, вызываясь размахивая ярко-алым полотнищем. Животное тупо уставилось на ненавистный предмет, роя землю огромными копытами, а затем кинулось вперед. На сей раз человек отступил совсем немного, алая ткань лихо проползла по спине взбешенного быка, который вновь не смог ничего поделывать со своим вертким противником. Неудачной оказалось и следующая атака, во время которой юноша умудрился перескочить через зверя, используя могучую спину как точку опоры. Он откровенно забавлялся, играя со смертью. Темные волосы взмокли, белая рубашка прилипла к спине. Не считая ножа на поясе, он был безоружен, но его ловкость могла поспорить с ловкостью мангуста, танцующего со змеей.

Бык устал первым, бока заблестели от пота, а пена на губах стала розовой от крови. Напоследок человек заставил зверя дважды обернуться вокруг своей оси, упираясь мордой в наброшенный на палку алый плащ. Затем парень отскочил в сторону, с усмешкой дернул рогача за хвост и, в несколько прыжков достигнув ограды загона, скрылся за распахнувшейся перед ним дверцей, лязгнувшей перед носом противника, измученного, но все еще грозного.

– Ну, Лючо, – веселое лицо обернулось к смуглому поджарому человеку, – как я сегодня?

– Очень неплохо! Жаль, тебя не увидят в Кер-Эрасти.

– И мне жаль, – засмеялся юноша, стаскивая промокшую рубашку. – Только в танце и можно жить.

Старик нежно любил своего ученика, несмотря на то, что тот был сыном и наследником мирийского герцога. В глазах любого байланте это было страшным недостатком, но Рито Кэрна сломал предубеждение Лючо, так же как и сопротивление собственной семьи, воспринявшей его увлечение как оскорбление родовой чести. Хосе Рафаэль Николас Мартинес Кэрна ре Вальдец маркиз Газтано был упрямым, как стадо быков, и смелым, как свой

²⁸ Байланте (*мирийск.*) – дословно «танцор». Основное действующее лицо ритуальной мирийской Байлы – пляски с разъяренным быком.

легендарный родич Эрасти. Он решил стать байланте и стал им вопреки всему и всем.

– Ты стал бы великим байланте, Рито, – проворчал Лючо, – догадайся родиться в другой семье.

– Да я б душу Проклятому заложил, чтоб так и было, знал бы ты, как меня тошнит от того, что творится в Гвайларде. Если б не отец и не Даро, только б меня здесь и видели.

– Байла забыта по обе стороны Пролива, – покачал головой старик.

– Но со смертью можно играть и там. – Рито задумался, нахмутив темные брови. – Лючо, друг мой, моя жизнь – это моя жизнь, и я ее потрачу так, как хочу. Берег Бивней не худшее место в мире, а братец Тието сможет ползать на пузе перед капустницами куда лучше, чем я.

2879 год от В.И.

27-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

Александр изо всех сил скрывал волнение: он был в Мунте, и он ехал вместе с братом, хоть и не рядом. У городских ворот к ним присоединился кортеж королевы, выехавшей навстречу мужу. Блестящие сигноры окружили Филиппа, и если Жоффруа умудрился остаться рядом с братом, то Александр, хоть и был куда лучшим наездником, чем большинство присоединившихся, а может быть, именно поэтому, не стал оттирать конем придворных дам и кавалеров, стремившихся пробиться поближе к Его Величеству. Сам же Филипп, похоже, видел только Элеонору, и она была именно такой, какой ее Александр и представлял.

Воистину, Элеонора Гризье была рождена для трона. Другое дело, что далеко не всем женщинам, отмеченным печатью небывалой красоты, удастся взлететь так высоко, многие оканчивают свою жизнь женами купцов или мелких баронов, а то и становятся куртизанками... Красота это не все, нужен и соответствующий норов, и удача. Элеоноре повезло встретить Филиппа, но как же она была прекрасна!

Большие фиалковые глаза мельком скользнули по лицу Александра, и королева уже улыбалась супругу, а сзади и с боков напирало десятка полтора всадников. Александр придержал коня, толкаться среди чужаков ему не хотелось, пусть Филипп сначала расскажет своей королеве о братьях...

Между Александром и Его Величеством набивалось все больше народа, но младшего Тагэре это не огорчало. Более того, ему хотелось как можно дольше оттянуть знакомство с двором и неизбежные сочувственно-ироничные взгляды. Пока это ему удавалось: когда он был верхом и в плотном темном плаще, его уродство почти не бросалось в глаза.

– Сигнор в первый раз в столице?

Александр удивленно поднял глаза. С ним заговорил высокий молодой человек на пару лет старше его самого. У незнакомца было правильное лицо, которое могло показаться высокомерным и холодным, если б не открытая улыбка и живые темно-синие глаза. Сандер поймал себя на мысли, что слишком пристально разглядывает незнакомца, а это неприлично, и торопливо пробормотал:

– Да, я здесь впервые. Я из Эльты...

– И почему же вы не отстаивали права на место рядом с королем?

– Не знаю, – Александр пожал изуродованным плечом и по взгляду собеседника понял, что тот заметил его горб, – не хотелось толкаться...

– Вот и мне не хочется. Меня зовут Сезар. Сезар Малве.

– А я Александр.

– Вы надолго в Мунт?

– Не знаю, как получится...

– Это зависит от вас, – Сезар улыбнулся с неприкрытой теплотой, и Александр расплылся в ответной улыбке, – главное, не давайте тем «пуделям», которые топчутся впереди, поднимать на вас хвост. Уверяю вас, они весьма далеки от совершенства, хотя

придерживаются о себе чрезвычайно высокого мнения.

– Это я уже понял, – кивнул Александр.

– Вы уже знаете, где будете жить?

– И да, и нет... Я приехал к брату, но где он меня устроит, не знаю...

– Я сейчас покину сию блистательную процессию, – улыбнулся Сезар, – у меня есть более важные дела, чем подсчитывать, сколько драгоценных камней нашили себе на воротники милейшие Вилльо, но мне хотелось бы продолжить наше знакомство. По вечерам я тренируюсь на Охотничьем дворе, это не так далеко от королевской резиденции. Вам каждый покажет, я там бываю с седьмой по девятую ору.

– Я обязательно приду, – кивнул Александр.

2879 год от В.И.

27-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

– Филипп, зачем ты притащил сюда этого несчастного? – на прелестном личике королевы застыло самое искреннее недоумение.

– Элла, я же не спрашиваю, почему вокруг тебя столько родни.

– Это и твоя родня, и самые преданные твои слуги, но уверяю, если бы мой брат или сестра родились такими, как бедный Александр, я бы скрыла этот позор.

– Человек, победивший Мулана, не может быть позором, душа моя, – в голосе Филиппа послышалось раздражение, и Элеонора это поняла.

– Ну, что ж, ты поступил, как хороший брат, но вряд ли Александру здесь лучше, чем дома, где к его уродству привыкли. Если он такой замечательный воин, отправь его на эскотскую границу.

– Почему ты хочешь, чтобы я отослал Александра?

– Я боюсь...

– Чего?!

– Когда я на него смотрю, мне страшно, что наш сын родится таким же.

– Глупости. Всем известно, что матушка, когда была беременной, упала с лошади. Ей советовали избавиться от ребенка, но отец запретил... Александр родился таким из-за несчастного случая, но ты ведь не станешь скакать на лошади в грозу?

– Не стану. Но герцогиня Тагэре не любит младшего сына и стыдится его. Это знают все.

– Ты ошибаешься. Ей тяжело смотреть на Сандера, это правда, но только потому, что она винит в его несчастье себя и не может ему помочь.

– А, теперь я понимаю, почему ты забрал его. Но мой тебе совет: чем раньше он окажется при деле и среди воинов, тем будет лучше для всех.

– Я так и так собирался взять его с собой, в Эстре опять беспорядки, а он все же эстрийский герцог. Когда Сандер наберется опыта, я наверняка поручу ему какой-нибудь гарнизон, у него получится.

– Я вовсе не имела в виду давать ему армию, – королева раздраженно отбросила за спину роскошную золотую косу, – у тебя достаточно преданных слуг. Фернан хоть сейчас готов привести в покорность любого мятежника. Уверена, он не откажется приглядеть и за твоим братом.

– Нет, дорогая, – Филипп ласково коснулся щеки жены, но голос его не допускал возражений, – пока Сандер останется со мной, а потом... Проклятый! Ставлю коня против дохлой кошки, что лет через пять малыш сам за кем хочешь приглядит!

2879 год от В.И.

27-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

Им с Жоффруа отвели комнаты в восточном крыле. Апартаменты были большими и

пышными, но Сандеру они показались чужими и ужасно неуютными. Вышколенные слуги предоставили королевским братьям все, что нужно, и исчезли. Жоффруа старательно приоделся и куда-то ушел, даже не взглянув на младшего брата. Александр остался один. Он просидел у окна несколько ор, но, за исключением лакеев, подававших обед, о нем никто не вспомнил. Разумеется, у Филиппа было множество важных дел.

Александр и не надеялся, что брат все бросит и будет с ним нянчиться, но отчего-то было грустно. Когда перевалило за шестую ору, Сандер решился. Одевшись как можно более неприметно – привлекать к себе внимание он никогда не любил, – младший из Тагэре вышел из своих комнат и спросил слугу, как пройти к Охотничьему двору. Это действительно оказалось рядом. Лакей предложил проводить монсигнора²⁹, но Александр, чувствующий себя рядом с рослым красавцем, одетым в роскошную расшитую золотом ливрею, уродливым заморышем, отказался. Слуга принял отказ с королевской невозмутимостью и сообщил пароли и отзывы для выхода и входа во дворец. Александр, мысленно себя обругав (мог бы догадаться и сам, но в Эльте и Фло все знают всех в лицо), выскользнул на лестницу.

Вокруг толпились разряженные люди, никто из них даже не взглянул на молоденького горбуна, и младший из Тагэре, так никем и не признанный, покинул дворец своего брата. В глубине души Сандер боялся, что Сезара не будет или он постарается побыстрее отделаться от гостя из провинции. Брат короля догадывался, что Мунт жесток и равнодушен, но увидеть брезгливую жалость в глазах так понравившегося ему молодого нобиля было бы особенно больно.

Сезар оказался на месте. Он о чем-то разговаривал с четырьмя рослыми красавцами, трое из которых были белокурыми, а один – темно-русым. Больше на утоптанной площадке никого не было. Александр хотел было незаметно уйти, так как знакомство со столь блистательными кавалерами отнюдь не входило в его планы, но Сезар увидел его и приветственно замахал рукой. Отступать было поздно, пришлось подойти.

Когда Сандер под насмешливыми взглядами четырех незнакомцев пересекал площадь, он готов был провалиться сквозь землю, но дрессировка, которой подвергал его Дени, взяла свое. Юноша шел спокойно, слегка приподняв подбородок, и лицо его оставалось совершенно невозмутимым. Того, что над ним сейчас будут подтрунивать, он не боялся, но думать, что Сезар найдет эту травлю забавной и с легкостью к ней присоединится, было очень больно. Александр лихорадочно придумывал фразы, которые должны показать, что он относится к себе не более серьезно, чем его веселые собеседники, но этого не понадобилось.

– Рад тебя видеть, Александр, – улыбка Сезара была такой же теплой, как и утром, – а я уж начал бояться, что ты не придешь...

– Кажется, виконт Малве наконец-то нашел себе друга, – лениво заметил белокурый красавец в синем, богато украшенном платье.

– Надеюсь, что так, – улыбнулся в ответ Сезар, но что-то в его тоне заставило Александра насторожиться. – Вы же знаете, как трудно нынче встретить благородного человека.

– Да, Мальвани слишком значительные персоны, чтобы искать общества при дворе. Им нужно нечто совершенно особенное, – вступил в разговор темно-русый. – И откуда же прибыл твой новый знакомый?

– Насколько мне известно, из Эльты, – невозмутимо ответил Сезар, сдувая пушинку с рукава своей темно-серой куртки.

– Значит, наш молодой и красивый гость – земляк короля? Уж не означает ли это, что Сезар Малве сменил наконец гнев на милость и решил добиваться расположения Его Величества?

– Отнюдь нет, Мальвани никогда не нуждались ни в чьем расположении, а вот королям расположение Мальвани бывало весьма полезным. Особенно в военное время...

²⁹ Обращение к особе королевской крови или главе независимого герцогства, в остальных случаях – лесть.

– Да, но теперь войны не предвидится, – заверил еще один блондин, одетый в зеленое с черным и оранжевым.

– Действительно, – задумчиво согласился Сезар, – судя по тому, какими воинами окружает себя король, воевать он в ближайшие сто лет не намерен. Другое дело, если кто-то вздумает воевать с ним... При взгляде на таких молодцов, как вы, у Жозефа или Джакомо вполне может возникнуть такое желание.

– Жозеф – трус, – усмехнулся первый из вступивших в разговор.

– Да ведь и я о том же, – не стал спорить Мальвани.

Александр уже понял, что Сезар и четверка разряженных красавцев отнюдь не были друзьями, скорее наоборот. Он слушал малопонятный разговор, не имея возможности вмешаться и досадуя на свою провинциальность. Евтихий недаром ел свой хлеб, вколачивая в ученика азы риторики и диалектики, но Сандер слишком мало знал придворную жизнь, чтобы оценить всю иронию и уловить все намеки. Однако было очевидно, что разряженная четверка Сезара Мальвани ненавидела, а он их презирал и не скрывал этого. Во дворе по-прежнему не было ни души, и Эстре понял, что исход у этого дикого разговора может быть только один.

– Все знают, что Мальвани горды, как Проклятый, – ввернул русский, – но и на Проклятого нашлась управа.

– Из того, что вы сказали, видимо, следует, что найти управу на меня вы можете лишь с помощью женщины? – невинно осведомился Сезар.

– Это переходит уже всякие границы, – взорвался зелено-черно-оранжевый.

– Какие именно? – изысканно улыбнулся Мальвани. – Есть ли в этом королевстве границы, которые я мог бы переступить и которые еще не переступило ваше многочисленное семейство?

– Это оскорбление, – тут уже загомонили все трое, а четвертый, в черно-розовом, старательно сделал вид, что его тут нет.

– Разве? – поднял бровь Сезар. – А мне кажется, дорогие виконты и бароны, что оскорбить вас невозможно.

– Хватит! – отрезал сине-серебряный. – Мы долго терпели, и наше терпение лопнуло. Сейчас нам никто не помешает.

– Да, ваше терпение лопнуло в удивительно подходящий момент, – засмеялся Сезар, – четверо против одного. Своей храбростью вы явно перещеголяли милейшего Паука...

– С тобой твой несравненный приятель, – буркнул русский, – всего-то два жалких виконта на одного Сезара Малве, разве это много?

– Да мне и четверых таких маловато, – отрезал Сезар, – но Александра не трогать. Он мой гость, а не секундант, и я приглашал его не для драки.

– Что ж, – подвел итог синий, бывший, видимо, за главного, – горбун может и не драться, но он останется здесь. Нам совсем не нужно, чтоб он притащил сюда твоего дядюшку с дюжиной гвардейцев.

– Я буду драться, – услышал собственный голос Александр, – ваше предложение, уж не знаю, барон вы или виконт, весьма любезно, но, как вы тонко подметили, двое на одного лучше, чем четверо, к тому же вы называли меня другом Сезара, не хотелось бы вас разочаровывать.

– Браво, красавчик, – хохотнул зеленый, – так уж и быть, мы тебя не убьем.

– Александр, – впервые лицо Сезара утратило свою безмятежность, – предоставь мне самому уладить это дело.

– Нет, – на сердце младшего Тагэре внезапно стало легко и весело, и он сам не заметил, как тоже перешел на «ты», – я привык отвечать за себя перед Богом и людьми сам. Надеюсь, я тебя не подведу.

– Тогда, – ввернул темно-русый, – за дело.

Вечер 27-го дня месяца Дракона.

Мирия. Гвайларда

В дверь постучали настойчиво и резко, и настроение владыки Мирии сразу же испортилось. Так стучала лишь его супруга, и ее визит означал очередной неприятный разговор. Женщина, которую он когда-то любил, не только изгнала радость из собственного сердца, но и старательно портила жизнь другим, полагая себя при этом всеобщей спасительницей. Энрике давно устал проклинать себя за опрометчивую женитьбу, но отступить было некуда, и он приготовился выслушать очередное назидательное сетование, перемежающееся доносами. На сей раз гнев Эвфразии вызвал воистину святотатственный поступок. Кто-то запер бланкиссиму Дафну на всю ночь в комнате для наказаний.

– Я не сомневаюсь, что это сделал ваш сын, монсигнор, – герцогиня обличающе смотрела на супруга, и Энрике не выдержал:

– Если я не ошибаюсь, Рафаэль вышел из вашего чрева!

– Но он был зачат во грехе, – отпарировала Эвфразия, – в страшном грехе, ибо я легла на ваше ложе вопреки родительской воле и без благословения божьего. Наш сын – это небесная кара, вы должны это понять. Только покаянием и молитвой мы можем искупить наш грех. – Эвфразия, – герцог чувствовал, что закипает, – ваша последующая жизнь столь безупречна и богоугодна, что я могу с чистой совестью заниматься делами герцогства, а Рафаэль – плясать с быками.

– Ни у кого, зачатого и рожденного в грехе, не может быть чистой совести, – поджала губы супруга. – Лишь осознание собственной скверны, пост и молитва открывают перед людскими душами райские врата. Я молюсь за себя и за вас, вы же ежечасно отягощаете себя все новыми прегрешениями.

От необходимости отвечать Энрике избавило появление Рафаэля. Юноша вбежал в комнату, задорно блестя глазами.

– Вы звали меня, отец?

– Да, Рафаэль, у меня к тебе дело, но сначала ответь. Это ты запер бланкиссиму Дафну?

– Я? – Огромные черные глаза непонимающе уставились на герцога. Слишком непонимающе. – Первый раз об этом слышу.

– Вы лжете, сын мой, – вступила герцогиня, – только вы могли совершить столь неподобающий поступок.

– Я? – Глаза Рафаэля стали еще больше и безмятежнее. – Да, я не люблю и не уважаю бланкиссиму Дафну, считаю ее лгуньей и ханжой, но я никуда ее не запираю. Весь вечер и всю ночь я провел с байланте, при необходимости они это подтвердят.

– Эти грешники, оскверняющие собой вверенное вашему попечению герцогство, – Эвфразия предпочла говорить не с сыном, а с мужем, – подтвердят любое слово, направленное против истины и во вред бланкиссиму.

– Рафаэль, – в голосе герцога слышалось раздражение, хотя было не ясно, против кого оно направлено, – кто-нибудь может подтвердить ваши слова, кроме байланте, которые действительно не являются подходящим обществом для наследника короны?

– Меня видели слуги, и когда я уходил, и когда возвращался, – пожал плечами ничуть не смущенный наследник, – а по дороге в Кер-Эрасти я встретил кортеж графини Ллуэва и помог Ее Светлости сорвать приглянувшуюся ей горную розу.

– Что ж, – вздохнул Энрике, поняв, что его наследник вступил в сговор с его возлюбленной, и Рената не моргнув глазом засвидетельствует, что Рафаэль пребывал в ее обществе, – человек не может находиться в двух местах одновременно. Видимо, вы, сигнора, и ваша наперсница ошиблись в своих выводах. Бланкиссиму не любят многие.

– Но ни у кого, кроме вашего сына, не хватит наглости нанести святой сестре такое неслыханное оскорбление.

Энрике собрался сказать что-то примиряющее и отпустить жену и сына, но Рафаэль его опередил.

– Матушка, – голос паршивца удивительно верно передал интонации самой

герцогини, – вы учили меня, что нет кары, которая бы не была заслуженной. Видимо, бланкиссима была наказана за свое злонравие.

– Рафаэль! Вы забываетесь.

– Отнюдь нет, матушка, – Рито был сама кротость, – нет сомнения, что святая равноапостольная Циала покарала бланкиссиму за жестокое обращение с Дариоло, заставив ее пережить то же, что по ее милости почти каждый день переживает невинное дитя. То, что никто не видел и не знает, как сие произошло, равно как и то, что волею небес, – Рафаэль старательно закатил глаза, – я имею свидетелей своей невиновности, доказывает, что ночь в комнате наказаний есть кара Господня и предупреждение.

2879 год от В.И.

Вечер 27-го дня месяца Дракона.

Арция. Мунт

Александру достались местный трус и зелено-черно-оранжевый – видимо, эта пара в компании красавцев почиталась более слабой, но юноша не обиделся. В конце концов, он в Мунте первый день, а по его внешнему виду не подумаешь, что он путный боец. Ну да репутация дело наживное! Александр улыбнулся и, выхватив шпагу, принял стойку, сделав упор на левую ногу. Так, понятно, левша для нашей парочки в диковинку. С гонором-то у них все в порядке, но вот об уме этого не скажешь! Красавцы ударили одновременно, целясь чуть ли не в одну и ту же точку. Эк их!

Усмехнувшись, Сандер перенес центр тяжести с левой ноги на правую и небрежным поворотом клинка отвел оба выпада. Шпаги красавцев позорно ушли вниз и влево. Ну и удары у вас, господа! За такое во Фло уши дерут! Вновь сменив опорную ногу, Эстре бросился вперед, демонстративно целясь в шею оказавшемуся справа зелено-черному. При другом раскладе песенка красавчика была бы спета, но Сандер не был уверен, что противников нужно убить, да и пикировка перед дуэлью вызвала острое желание подурачиться. Атака была показательной, как говаривал Дени – «петушиной», но зелено-черный этого не знал и, не рискуя парировать якобы смертельный удар, отшатнулся, сбив труса, который грохнулся на землю.

Надо отдать ему справедливость, вскочил он быстро, но желание продолжать схватку у него стало еще меньше. Добить обоих казалось легче легкого, но стоит ли?

– Александр, – голос Сезара долетел словно бы издалека, – «пуделей» нужно пинать, но не убивать.

Ага! Значит, он правильно промедлил. На всякий случай Сандер сделал в сторону вставшего косою выпад, «поймав солнце на клинок», как учил его Гретье. Солнечный зайчик попал трусу в глаз, что его окончательно сломало. Бедняга как-то по-рачьи отступил и исчез с глаз долой. Теперь можно было спокойно заняться вторым, на лице которого читалось искреннее недоумение.

Краем глаза Сандер заметил, как Сезар со злой улыбкой на лице теснит своих соперников. Юноша даже уловил обрывки разговора. Что-то про собак... «Пудели»? Ладно, потом спросим.

Весело подмигнув зелено-черному, Сандер провел несколько стремительных атак на разных уровнях, словно бы перетекая из одной позиции в другую. «Это как музыка, – сказал ему Аларик, – ты становишься туго натянутой струной, и вокруг тебя такие же струны. Важно одно – чтобы твоя струна звучала дольше».

Красавец за ним не успевал. Не успевал до такой степени, что, возмись Сандер за дело всерьез, по зелено-черному можно было бы заказывать панихиду. Опять говорят... Эстре прислушался, не забывая дразнить соперника.

– Ну, что, «пудель»? Будешь еще на тигров твякать?

Опять собаки... И тигры... Тагэре переместился так, чтобы видеть Малве. Ага! Тот уже разобрался с одним из противников, потерявшим шпагу и получившим изрядную царапину на щеке, но второй, в синем, держится неплохо.

Отчего-то ужасно захотелось закончить бой первым. Хотя бы потому, что противники у виконта куда приличнее, чем у него. Стыдно будет провозиться со своим одним дольше, чем Сезару с обоими. Выждав, когда черно-зеленый попытался перейти в атаку, Сандер, сощурившись, обвел его шпагу своей, и рывком увел в сторону. Виконт, или барон, невольно шагнул вперед, и сам загнал себя в ловушку. Правая рука Александра Эстре, ничуть не более слабая, чем левая, сомкнулась на правом предплечье оторопевшего черно-зеленого, а Сандер резким движением высвободил свою шпагу из сплетения и приставил к горлу соперника.

Счастливо улыбнувшись, он обернулся к Сезару.

– Не вздумай мне помогать, – крикнул виконт, – я быстро! Ну что, уроды, хорошего друга нашел себе Сезар Мальвани? Жаль, убивать вас нельзя... Ну, хоть выпорем...

2879 год от В.И.

Вечер 27-го дня месяца Дракона.

Мирия. Гвайларда

Разгневанная герцогиня ушла, шурша тяжелыми благочестивыми юбками. Сын и отец молчали. Герцог по-прежнему сидел за своим рабочим столом, Рито пристроился на ручке кресла. Шестнадцать лет – самое время делать глупости, большие и маленькие. Энрике смотрел на наследника, словно видел его впервые. Рафаэль вырос необузданным, добрым и веселым, качества, подходящие для байланте, но не для герцога. Нужно ему как-то втолковать, что на свете есть вещи, на которые не стоит замахиваться, и что злить циалианок опаснее, чем быков. Антонио это понимает, а вот Рито и Рената нет, и вряд ли поймут, за что он их и любит. Сегодня им все сошло с рук, потому что их школярская каверза оказалась полной неожиданностью, но Дафна злопамятна, как десять элевантов, и она владеет магией.

– А теперь, когда мы одни, может быть, ты скажешь мне правду? Это сделал ты или, может, наш святой родственник?³⁰

– Я, – вздохнул Рафаэль, – не могу смотреть, как эта дохлая рыбина издевается над Даро! Отец, – юноша одним движением оказался на полу у отцовского кресла, как когда-то в раннем детстве, когда хотел спросить о чем-то важном, – отец, почему в замке всем заправляет Дафна? Почему Даро обещали циалианкам? Мать сошла с ума, я это понимаю, но малявка в этом не виновата. Она боится и не хочет. Да и какая из нее капустница при ее-то красоте? Давай ее просватаем...

– Нет, – вздохнул Энрике и сказал сыну то же, что и задавшей те же вопросы Ренате, – государи не должны нарушать слово, тем более данное тому, кто сильнее.

– Эта бледная тварь сильнее тебя? – Рафаэль схватил отца за руку. – Капустница сильнее герцога?!

– Да, – уронил тот тяжело и безнадежно, – однажды я попытался отобрать у них Даро. Избави тебя Боже испытать то, что пережил тогда я. Дафна очень сильна в магии, она не часто показывает зубы, но, можешь мне поверить, я не пойду против нее. Даро не столь уж высокая цена, она могла попросить и больше.

– Отец, но ведь магия не может преступать некий предел?! Есть кардинал, есть Архипастырь, у капустниц тоже есть самая главная. В конце концов, напиши антонианцам.

– Ты хочешь сменить волка на медведя? – махнул рукой герцог. – Рафаэль, я надеюсь, что это наш первый и последний разговор на эту тему. Не смей трогать Дафну. Не смей вмешиваться в воспитание Даро. Если бы бланкиссима не была наперсницей твоей матери, девочка уже была бы в обители на правах воспитанницы. Пока она с нами, радуйся хотя бы этому.

2879 год от В.И.

Вечер 27-го дня месяца Дракона.

³⁰ Имеется в виду сподвижник императора Анхеля Эрасти Церна (Кэрна), причисленный к лику святых.

Арция. Мунт

– Матушка, – Сезар радостно приветствовал немолодую, но все еще изумительно красивую женщину, – знакомься, это Александр, он только сегодня утром приехал из Эльты.

– Это замечательно, сын мой, – светловолосая сигнора с тонкой иронией посмотрела на обоих, – но, похоже, твой друг проделал этот путь бегом, а ты его сопровождал.

– Да нет же, – Сезар рассмеялся, – просто мы немножко поговорили на Охотничьем дворе со всякими братьями и кузенами.

– И что? – Смех исчез из глаз женщины.

– Их было четверо, нас двое. В прихожей лежат четыре шпаги и три кинжала. Да не волнуйся же, – Сезар улыбался, но немного виновато. – Никто из «пуделей» не пострадал, Жорес немножко ранен, но ничего страшного.

– То есть как это немножко?

– Ну, я немножко не рассчитал удар, а это скот, как назло, дернулся не туда, куда нужно... Ерунда, за неделю заживет.

– Что я слышу? – высокий сидящий мужчина в зеленом епископском облачении, дающий полное представление, каким будет Сезар через двадцать с лишним лет, вошел в комнату. – Мой племянник опять дрался с этими...

– Ну, дрался, – вздохнул тот, – но они первые начали.

– Не сомневаюсь, – заметил клирик, – но ты с восторгом продолжил. Стало быть, они полагали, что вчетвером с тобой справятся?

– Даже втроем, – признал Сезар. – Люсьен, как всегда, делал вид, что его тут не было. Но с Александром у них промашка вышла. Дядя, ты не представляешь, как он дерется! Как-то по-дикивинному, вот уж с кем бы я не хотел шпагу скрестить, разве что на тренировках... Слушай, где ты учился? – Сезар положил руку на плечо Сандеру. – Я ведь тебя даже не спросил.

– Сначала в Эльте, – честно ответил Александр, – а потом во Фло, меня учил капитан Дени Гретье. А что не так, как все, – Александр с вызовом посмотрел в глаза Мальвани, – так это потому, что я драться, как все, не могу.

– Мне кажется, наши герои должны умыться и переодеться, – сигнора Мальвани решительно положила конец разговору, и вышеупомянутые герои безропотно последовали за худым носатым слугой.

– Бедный мальчик, – мать Сезара задумчиво проводила взглядом новоявленных приятелей. – Такая беда... А сердце, похоже, золотое, да и глаза чудесные... Кого-то он мне напоминает.

– Тебе бы только молодых людей разглядывать, – засмеялся ее деверь, – неужели ты не поняла, какого друга откопал твой неподражаемый сын?

– Сезар говорит, что Александр из Эльты и что он приехал сегодня утром в свите короля...

– Похоже, он и сам пока не знает. А можно было и догадаться, по крайней мере, тебе. Ты ж его и раньше видела. Очаровавший нашу семейку горбун – это Александр Тагэре, младший сын убитого герцога. Похоже, он в Шарля не только глазами удался. Мальчишка сегодня дрался второй раз в жизни и добыл две шпаги из двух. Неплохо.

– «Похоже», – передразнила епископа сигнора, пытаясь скрыть замешательство. – И как я могла забыть?! А с кем и когда он дрался в первый раз?

– Три недели назад. С Великим Муланом, которого и убил. Похоже, то была отнюдь не случайность.

2879 год от В.И.

28-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

Король с видимым удовольствием бросил на ковер несколько шпаг и кинжалов.

– Наш спор, дорогая, разрешился сам собой. Пока я здоровался с тобой и узнавал

новости, мой маленький братец успел подружиться с Сезаром Малве и подраться с твоими братьями и кузеном. Обормотов извиняет только то, что они не догадались друг другу представиться. И я намерен немедленно исправить сие упущение.

– То есть? – Элеонора закусила губку.

– Я позвал всех на ужин.

– Всех – это кого?

– Твоих родичей, моих братьев и сына Анри.

– Хорошо, – вздохнула Элеонора, – но, надеюсь, ты уже объяснил Александру, что ему с Мальвани лучше дел не иметь.

– Нет, и не собираюсь. Тигры³¹ всегда были верны Арции, а из-за того, что твой отец не ладит с маршалом, я не стану ссориться с одной из самых сильных фамилий, тем паче я Анри по уши обязан. Если б не он, нас бы тут не было.

– И все равно Сезар чересчур заносчив, ему нужно указать его место.

– Он-то как раз свое место знает... Нет, право слово, я рад, что они спелись с Сандером. Тагэре всегда были сильны дружбой с Мальвани. Ну, идем?

Однако прошло больше оры, прежде чем королева была готова. Не то чтобы красота Элеоноры нуждалась в исправлении, просто та любила смотреться в зеркало, к тому же ей нравилось, когда ее ждут. Король уже начинал закипать, но, увидев жену в нежно-лиловом расшитом жемчугом платье и аметистовой диадеме, подчеркивающей золото волос и белизну кожи, расцвел и нежно поцеловал ей руку.

– Клянусь, Элла, ты самая прекрасная женщина в мире...

– Я предпочла бы, чтоб ты помнил об этом и в мое отсутствие, – лукаво улыбнулась Элеонора, и супруги рука об руку вышли в ярко освещенную «атэвскую» столовую. Приглашенные чинно сидели вдоль обтянутых шелком стен, и Филипп усмехнулся, заметив, что братья Эллы постарались устроиться подальше от Александра и Сезара, а отец королевы – граф Реве то ли действительно не знает, что произошло, то ли делает вид, что не знает.

– Дорогая Элла, – Филипп подвел жену к братьям, – позволь тебе еще раз представить Жоффруа и Александра.

Королева томно протянула руку сначала среднему, потом – младшему. Стоявший рядом Филипп не мог видеть глаз своей супруги, а вот Александр, взглянув в лицо красавице-невестке, понял, что в жене брата, которой он так мечтал понравиться, обрел смертельного врага.

2879 год от В.И.

16-й день месяца Собаки.

Восточный берег Ганы

Огромный вороной конь возник из дождевых струй у самого крыльца небольшого изящного здания, по самую крышу увитого диким виноградом и жимолостью. Стройный седой человек легко спрыгнул наземь и, не заботясь о своем скакуне, взбежал на крыльцо, где его уже ждали. Странное дело, неуютный осенний ливень хлестал как из ведра, но гость, одетый по-летнему легко, не казался ни вымокшим, ни замерзшим.

– Ты звал меня, – улыбнулся он хозяину, – и вот я здесь, но у меня не так уж много времени.

– Входи, Рене. Я жду тебя второй день. Прости, что вызвал тебя, я знаю, что...

– Переживу, – перебил Рене, – перейти Явеллу не самое страшное, а вот твое отсутствие у Вархи может обернуться большой бедой. Эмзар, что случилось?

– Ты войди хотя бы... Сколько я тебя знаю, ты вечно торопишься.

– И все равно опаздываю. – Рене усмехнулся, но все же прошел вперед пропустившего его хозяина в затянутую белым комнату и с удовольствием огляделся. – Хорошо все же

³¹ Сигна семейства Мальвани – лежащий тигр.

иметь свой дом.

– Когда ты волен его покинуть, – в тон ему откликнулся Эмзар. – Выпьешь что-нибудь?

– Пожалуй. Ваши уже вернулись?

– Да, кварту назад. У башни Адены зреют рябины и порхают птичьи выводки. Земля залечила рану, но оттуда никто не выходил.

– Ты думаешь, Геро не нашла Эрасти и покинула Тарру?

– Может, и так. Но скорее они оба там и ждут своего часа. Это любимое занятие всех, над кем не властно время... Мы все ждем, хоть и не всегда знаем, чего.

– Смертные тоже умеют ждать и помнить.

– Ты о своих эландцах?

– Не только, хотя Берег Бивней готов. Роман говорит, гоблины тоже.

– И таянцы. Гардани держат слово.

– Кровь Шандера оказалась лучше моей, – взгляд Рене столкнулся со взглядом Эмзара, – хотя и в моем роду есть достойные. Я хотел бы избавить этого мальчика, сына Шарля Тагэре, от всех бед, но что я могу ему дать? Разве что показать несколько ударов... А ему, похоже, придется взвалить на плечи не только свое увечье, но и всю Тарру.

– Нэо тоже говорил о нем... Я смотрел его гороскоп. Многие сходятся, но дважды мы уже ошиблись. Кричали «дракон», а это была лишь тень от облака. Может быть, полюбившийся вам с Нэо горбун так и останется братом короля. Будет его правой рукой, а, вернее, и головой, и сердцем, поднимет Арцию из руин и тихо отойдет в мир иной... Подобное уже бывало, и не раз. Хотя за горами сейчас неспокойно.

– Да, Роман рассказывал, да и сам я видел достаточно. Но Арция пока ждет. А что не может ждать?

– Варха. Я готов поклясться, что внутри что-то произошло. Нет, пламя горит и будет гореть, пока я жив! – Эмзар внезапно стукнул кулаком по изящной столешнице, и этот жест человеческой ярости и отчаянья со стороны короля эльфов сказал Рене больше, чем самый долгий разговор. – Огонь горит, Рене, – повторил Эмзар уже спокойнее, – и, клянусь Звездным Лебедем, сквозь него никто не проходил, но за ним что-то происходит. Я хочу, чтобы ты увидел сам.

– Пожалуйста, – пожал плечами Рене, – но я никогда не видел Кольца, мне не с чем сравнить...

– Дело не в Кольце, оно как раз осталось прежним, дело в чем-то, чему я не могу подобрать названия.

Они вышли под немилосердный дождь, не замечая его, миновали сначала ряд изысканных построек, затем насквозь промокшую рощу, упрямо сопротивлявшуюся приходу осени, и оказались перед Стеной. Синее, как небо в месяце Иноходца, как глаза погибшего Астена, пламя тянулось к низким темным тучам, словно земля и небо сошли с ума и поменялись местами. Ни порывы ветра, ни ливень не были властны над Лебединым Огнем. Он горел ясно и светло, как горит надежда и упрямство в сильных сердцах, какая бы вокруг них ни сгустилась мгла.

– Так вот оно какое, Кольцо Вархи, – прошептал Рене, – я знал про него, кажется, все и все равно потрясен.

– Кольцо Вархи – это память, честь и боль нашего народа, но мы пришли не за этим. Сейчас я придержу огонь, а ты заглянешь внутрь. Я уже делал это. Трижды. Два раза мы видели то, что должно, но последний раз... Это было в первое новолуние после дня Летнего Солнцестояния. Я не сразу решился позвать тебя так далеко от моря, но ты должен увидеть, что там творится. Хотя бы за прошедшие месяцы ничего не изменилось. Здесь любые перемены могут быть лишь к худшему. Нэо говорил тебе про башню Адены, ты знаешь, ЧТО мы сдерживаем все эти годы.

– Эмзар, – Рене коснулся руки эльфа, – почему ты решил заглянуть за Стену именно сейчас?

– Сам не знаю... Возникло ощущение чего-то непонятного, а потом все эти мелочи,

которые встречал Рамиэрль в последние годы. Каждая по отдельности ничего не стоит, но все вместе... И я решился, а Норгэрель мне помог.

– Ты не думаешь, что оттуда что-то вырвется, едва ты уберешь пламя? Может, твои предчувствия – умело расставленная ловушка?

– Нет, в этом я уверен. Мое желание не было навеяно из-вне, и кто бы там ни был, ему не угадать, как и когда я ослаблю защиту. Смотри, только внимательно.

Рене кивнул и больше не отводил глаз от синей поверхности, по которой бежали узкие сияющие полосы, чей свет отражался в глазах эльфийского повелителя и его странного гостя. Эмзар сосредоточенно прищурился, как будто целясь из лука, и в пламени на самом верху, как раз напротив собеседников образовались и поползли вниз две щели, отрывая огромный лепесток, начавший плавно и стремительно отходить вовнутрь.

Перед Рене предстала бесконечная равнина, словно бы засыпанная только что выпавшим снегом. Он знал, что не далее чем в весе³² полыхает такая же пламенная стена, однако небо над снежной гладью оставалось молочно-белым. По небу то и дело пробегали чудовищно яркие сполохи, сменявшие друг друга не в строгом порядке, присущем радуге, но словно бы по желанию обезумевшего художника, захотевшего поместить ядовито-лиловый рядом с нестерпимо-малиновым, а сверкающую желтизну, способную ослепить даже атэва, смешать с безумной зеленью. Игра красок, повторяемая мириадами снежных или не снежных кристаллов, сводила с ума, и тем не менее Рене сумел разглядеть вдали что-то вроде то ли столба, то ли башни, в центре которой, казалось, поместили яркую звезду.

И так сверкавшая сильнее любой из ведомых Рене, она стала наливаясь еще более нестерпимым светом, но длилось это не дольше мгновения – небесно-голубой лепесток, стремительно распрямившись, встал на место. После внутреннего безумия свет Кольца Вархи казался нежным и ласкающим, он снимал усталость и боль, как прикосновение женских рук, любящих и любимых.

Рене поднял глаза на едва стоявшего на ногах Эмзара.

– Ты был прав, что показал мне это. Я видел подобное. В Сером море. Похоже, наш «друг» решил перебраться поближе к своим марионеткам.

– Я так и думал, – кивнул Эмзар, с благодарностью опираясь на плечо друга, – не знаю, как он прошел и что может здесь натворить, но он владеет магией Света. Рене, я не представляю, что нам с этим делать....

Рене Аларик Аррой, император Арции, сгинувший в Сером море много веков назад, не ответил, да и что тут ответишь. Иногда вопросы задают просто потому, что нет сил и дальше молчать и нести в себе неподъемный груз. Так они и стояли в струях дождя, осиянные светом Кольца Вархи. Эмзар Снежное Крыло, король последних эльфов Тарры, и тот, кто родился человеком. Они и раньше были похожи, но теперь, когда бесконечная война смела с лица Эмзара эльфийскую безмятежность, а вечность осенила своим крылом Рене из рода Арроев, это сходство стало пугающим.

2879 год от В.И.

17-й день месяца Собаки.

Арция. Мунт

По этикету к епископу следовало бы обращаться «Ваше Преосвященство», но Александр при всем желании не мог видеть в дядюшке Сезара клирика. Резкий, властный, острый на язык, Жорж Мальвани никогда не говорил ни о Книге Книг, ни о грехах и прочих церковных вещах. Возможно, находясь среди собратьев, он вел себя подобающе, но в кругу семьи брат маршала был нобилем со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сандер его любил, впрочем, он любил всех Мальвани, начиная от загостившегося в Оргонде Анри, которого он видел два раза в своей жизни, и кончая совсем юной Анриэттой. Чем неуютнее

³² Мера длины. Столько за ору проходит походной рысью лошадь.

было во дворце, тем больше его тянуло в старинный особняк на площади Ратуши, где можно быть самим собой, не опасаясь насмешки или подвоха. Сегодня они с Сезаром собрались послушать знаменитого менестреля, вернувшегося в Мунт после очередной отлучки, но у Жоржа были свои планы, по крайней мере, насчет Сандера.

– С тобой хочет говорить Его Высокопреосвященство. Сезар, если желаешь, можешь поехать с нами, но нам нужно заехать в Духов Замок.

– Туда-то еще зачем? – удивился Мальвани-младший.

– Затем, – многозначительно ответил епископ. – Кстати, Сезар, ты уже второй месяц таскаешь Сандера по Мунту, почему ты не показал ему одну из главных достопримечательностей?

– Да потому, что меня от нее тошнит, – хмыкнул виконт.

– Тошнит?

– Наполовину тошнит, наполовину жуть берет. Ума не приложу, чего это все на колени валяется. По мне, так оттуда бежать хочется.

– Ты мне об этом не говорил, – в голосе епископа зазвучали странные нотки.

– А ты не спрашивал, – резонно возразил племянник.

– Но Сандеру туда сходить нужно. Хотя бы для того, чтобы составить собственное мнение. Впрочем, ты его уже настроил...

– Ничего страшного, – улыбнулся Александр, – я постараюсь быть честным. Я не очень хороший знаток живописи. Может, мне и понравится. Это тот самый храм, что восстановил епископ Илларион?

– Восстанавливает, – откликнулся Жорж, – ну, хватит болтать. Поехали, негоже заставлять старика ждать.

Замок Святого Духа находился на противоположном конце длинной улицы Святого Мишеля. Именно этой дорогой почти тридцать лет тому назад везли его отца. Александр пытался представить себе, как это было, и не мог. Все выглядело таким мирным и спокойным. Днем улица превращалась в рынок. Горожанки и служанки из богатых домов с корзинами, кричащие продавцы, гогочущие гуси, безмятежные оборванцы, высматривающие ротозеев с полными кошельками, – все это как-то не вязалось с мрачной процессией, синяками³³, эшафотом... Зато сам замок Сандеру не понравился. Мрачный, тяжеловесный, он казался зловещим и неуместным, как старый шлем в муравейнике.

– Здесь теперь только храм или дюз³⁴ тоже?

– Замок перестроили, – объяснил епископ и уточнил: – Разделили на две части, в большей по-прежнему заправляют антонианцы³⁵, а меньшая открыта для всех. Там храм, две часовни, больница для бедных и королевский приют для сирот. Сезар, как я понимаю, ты не горишь желанием поклонить колени перед святыней?

– Не горю.

– Тогда поддержи лошадей. Пошли, Сандер.

³³ Презрительная кличка сыщиков из Тайной Канцелярии, в ведении которой находились дела о государственной измене и оскорблении величества. Упразднена в 2871 году указом Филиппа Тагэре, который объявил рассмотрение подобных преступлений королевской прерогативой.

³⁴ Небольшой монастырь-тюрьма, где содержались узники, обвиненные в недозволенном колдовстве, богохульстве и ереси. В Арции для того, чтобы отправить туда человека за богохульство и ересь, требовалось согласие светских властей, но дела о недозволенном колдовстве находились в исключительной юрисдикции антонианцев.

³⁵ Орден святого Антония имеет особые полномочия при расследовании дел о ереси и недозволенном колдовстве. Предстоятель ордена подчиняется Архипастырю и имеет ранг кардинала. Он назначает своих епископов в странах Благодатных земель. Члены ордена, непосредственно занятые дознанием, именуются Скорбящими Братями и используют специфическую магию.

Александр спешился и с бьющимся сердцем ступил под своды увенчанных часовней ворот. Он сам не знал, чего ожидал от Замка Святого Духа, но на душе было беспокойно, хотя никаких причин, кроме оброненных Сезаром слов, для этого не было.

Внутренний двор был замощен сероватым булыжником. С одной стороны его ограничивало унылое серое здание, про которое только и можно было сказать, что это богоугодное заведение, приютившее под своей крышей тех, за кого платит Его Величество. Несколько мальчиков и девочек в грубой суконной одежде таращились с крыльца на снующих по двору богомольцев, на крыше здания сидело множество голубей, чье присутствие печальным образом сказывалось на статуях святых, украшавших высокую мощную стену, явно построенную совсем недавно. За ней скрывалось гнездо антонианцев, потеснившееся ради того, чтобы все добрые люди могли посещать открытую Илларионом святыню. Жорж решительно направился к пологой лестнице из серебристого камня, и Александр последовал за ним. Они миновали массивные стены и оказались внутри.

День был солнечный, и льющий через высокие окна свет позволял рассмотреть внутреннее убранство во всех деталях. Александр огляделся, разыскивая знаменитые фрески, и... испытал полнейшее разочарование. Небесный Портал³⁶ был богат, его иконы явно вышли из-под кисти лучших иконописцев Арции, но не более того. То же относилось и к росписям на левой части потолка и стен. В храме не было ничего примечательного, если не считать облупленной, грубо оштукатуренной стены, по которой змеились мелкие трещинки. Кое-где пласты штукатурки обвалились, явив взору неопрятную кладку. Александр лихорадочно оглядывался, пытаясь понять, из-за чего загорелся сыр-бор, что здесь могло напугать Сезара и почему людей пускают в здание, отремонтированное не более чем наполовину. Напоследок младший из Тагэре оглянулся и понял, что был несправедлив. Чудо в храме все-таки было, но не такое и не там, где он ожидал. Он думал о фресках в алтарной части, а они оказались над входом.

Сандер смотрел и не мог отвести взгляд от пепельноволосой девушки, держащей на раскрытой ладони алую бабочку. Нежное лицо с печальными глазами казалось воплощением чистоты и обреченности. Святая Рената³⁷, помилованная царем язычников, могла быть только такой.

– Нам пора. – Голос Жоржа вырвал Александра из сказочного мира. Они молча вышли и сели на коней. Только когда Духов Замок остался позади, епископ осведомился:

– Что ты скажешь о Триедином?

– Триедином? – Брови Александра непроизвольно взмыли вверх. – Каком Триедином?

– Фрески над Небесным Порталом, – епископ не мог скрыть изумления.

– Большинство прихожан при виде их валятся на колени, – вставил Сезар, – а меня от них тошнит.

– Но я их не видел, – прошептал Александр, – над Небесным Порталом только старая стена с трещинами...

2879 год от В.И.

17-й день месяца Собаки.

Арция. Мунт

Его Высокопреосвященство воровато оглянулся и, вытащив с полки переплетенный в потертую кожу фолиант, сунул руку в образовавшееся отверстие. Царка была на месте, и

³⁶ Изготовленная в виде иконостаса двухстворчатая дверь, отделяющая большую часть храма от его южной, алтарной части.

³⁷ Святая Рената, бывшая верной дочерью Церкви Единой и Единственной, была захвачена атэвскими корсарами и продана одному из атэвских вождей. Девушка отказалась разделить с ним ложе, ссылаясь на то, что дала обет посвятить себя Церкви. Атэв сказал, что отпустит ее, если она докажет, что Творцу нужна ее жертва. В тот же миг на ее ладонь села огромная алая бабочка.

Евгений с наслаждением опрокинул стопочку, мысленно подсмеиваясь над негодными медикусами, запретившими ему все, что только можно запретить. Хорошо хоть не сказали, что вредно дышать, а он себя чувствует ничуть не хуже, чем десять лет назад! Староват, конечно, но для клирика это не предел. Святые отцы живут долго, то ли потому, что угодны Творцу, то ли, наоборот, успевают надоест небожителям еще при жизни, и те стараются елико возможно оттянуть личное знакомство.

Евгений хихикнул и спрятал царку в тайник. По правде говоря, ему бы давно следовало передать бразды правления Жоржу Мальвани, лучшего преемника по таким временам не придумать, но если ты надел кардинальскую шапку, носи ее до смерти. А ему нужно протянуть еще лет десять, кантисское воронье вряд ли утвердит Жоржа его преемником, уж больно тот для них чужой, а без поддержки Его Высокопреосвященства Тагэре придется несладко. Филипп правильно делает, что не таскается в Духов Замок. Евгению Илларионово детище не по душе, и пока он кардинал Арции, главным храмом останется эрастианский собор. Впрочем, и капустницы с их Предстоятельницей (кто же знал, что малышка Анастазия вырастет в такую, прости господи, пантеру), и Илларион с его постной рожей беспокоили старого клирика куда меньше, чем дела мирские, в которых король себя вел, по меньшей мере, глупо.

Опыт подсказывал старому клирику, что десять лет относительного мира по нынешним поганым временам предел, а еще эти Вилльо... Евгений искренне любил Филиппа, но в последнее время от него сплошное расстройство. И где только он раскопал эту красотку с ее родственничками?! Вот уж журуны, почище Фарбье, те за полсотни лет насосались, а Вилльо из грязи да в князи! Евгений никогда не любил ныть о том, «что было бы, если бы», но чем больше он смотрел на нынешний двор, тем чаще ему приходило в голову, что Филипп Тагэре далеко не так похож на отца, как хотелось бы и как думалось вначале. Девять лет назад Арция была готова за нового короля огонь глотать, а сейчас даже Мальвани уехал.

Конечно, в Оргонде он нужнее, без помощи маршала Жозеф проглотит герцогство с потрохами, а каждая победа Паука – поражение Арции. То, что Филипп выдал сестру за Марка Оргондского, хотя тому до Тагэре, что мопсу до гончей, правильно. Чем больше у Ифраны врагов, тем лучше. Но лиарская свадьба стала последним умным шагом Филиппа. Потом он встретил Элеонору Гризье, и все полетело в тартарары. Он рассорился с ре Фло, пригрел свору новых родичей, от которых тошнит не только нобилей, но и простолюдинов.

Евгений на своем веку повидал немало, цветы зла расцветали и на менее благодатной почве, а Филипп словно ослеп. Анри пытался с ним поговорить. О чем – никому не известно, но на следующий день маршал собрался и уехал помогать Марку, и отъезд этот был слишком уж скоропалительным...

Во дворе зацокали копыта, и Его Высокопреосвященство из-за портьеры выглянул в окно. Так и есть. Жорж, а с ним племянник и младший Тагэре. Еще один сын Шарло. Горбун, о котором никто не вспоминал, пока тот не свернул голову окаянному Мулану. Евгений приглядывался к юноше два месяца, но откладывать разговор и дальше нельзя.

2879 год от В.И.

17-й день месяца Собаки.

Арция. Мунт

Кардинал обитал в особняке рядом с большим эрастианским храмом. Александр не без волнения рассматривал облицованное белым мирийским мрамором трехэтажное здание, украшенное барельефами, живописующими житие святого Эрасти. Сейчас он увидит человека, в семьдесят с лишним лет проскакавшего восемь д³⁸, чтобы миропомазать на царство его брата. Евгений был добрым другом всех Тагэре, но Сандер его ни разу не видел. Освоившись в столице, он начал подумывать о том, чтобы через Жоржа Мальвани испросить

³⁸ Мера длины, примерно равная дневному конному переходу.

аудиенции у Его Высокопреосвященства, но кардинал первым сделал шаг навстречу. Почему? Простое любопытство или память об отце? А вдруг нечто большее?

Жорж Мальвани с улыбкой наблюдал за своим протеже.

– Сандер, наверное, я зря это говорю, но води себя со стариком так же, как со мной. То есть никак не води. Будь тем, кем ты есть, и вы поладите. А теперь ступай.

– А вы?

– Еще не хватало тебя за ручку водить. Мы с Сезаром подождем в моем кабинете, – и епископ с племянником немедленно удалились. Сандеру ничего не оставалось, как последовать за дебелим клириком с источавшими мед и масло глазами. Перед тяжелой дверью с бронзовыми накладками провожатый остановился, сделав приглашающий жест, и Эстре поразился, что встреча пройдет без участия приторного толстяка. Юноша толкнул дверь и оказался в просторной светлой комнате, заполненной книгами: внушительные тома громоздились на столе, креслах и даже на полу. Окна были распахнуты, на подоконнике стоял глиняный кувшин с поздними полевыми цветами, а по одной из стен карабкался невиданной красоты плющ³⁹. Комната казалась пустой. Тагэре недоуменно огляделся, и тут за его спиной раздался голос:

– Проходи и садись.

Повернувшись, Александр увидел кардинала, утонувшего в кресле, стоящем у низкого столика, заваленного свитками и книгами.

Сухощавый, невысокий, с белыми волнистыми волосами и темным, словно бы вырезанным из мореного дуба лицом, Евгений мог показаться желчным и даже злым, если бы не живая лукавинка в глазах.

– А ты мне нравишься, – без обиняков заявил Его Высокопреосвященство. – Лицом не поймешь в кого, но глаза отцовские. Даже страшно. Сдается мне, ты куда больший Тагэре, чем все остальные, вместе взятые.

– Ваше Высокопреосвященство!

– А ты не перебивай. Молод еще. Знаю, не нравится тебе, когда про семью вашу плохо говорят, но я не со зла. Если мы друг другу врать начнем, нас скоро со всеми потрохами съедят. Понимаешь, о чем я?

– О Вилльо? – предположил Александр.

– Если бы, – махнул рукой Евгений, – выпьешь чего или не начал пока?

– Начинаю, – улыбнулся юноша.

– Оно и хорошо, – кивнул клирик, – ни от чего не отказывайся, не испробовав, а в вине беды нет, вся беда в людских мозгах да слабости. Вот, – старик хлопнул рукой по толстому тому, – в Книге Книг про одиннадцать грехов толкуют, а я так полагаю, что главный грех – это слабость душевная, все остальные грехи – поросята от этой свиньи. И сдается мне, свинья эта изрядно твоего брата придавила. И не блести на меня глазами, а думай. Думай, герцог.

Сандер честно попытался исполнить требование кардинала, но мысли метались, как перепуганные кошки. То ему казалось, что он понимает все, то он переставал понимать хоть что-то. Внезапно старик велел:

– Расскажи мне о Мулане.

Александр рассказал, умолчав лишь про Аларика и накатившую на него и столь же стремительно схлынувшую беспомощность. В конце концов, к делу это не относилось. Евгений надолго замолчал, а потом спросил:

– Ты был в новом храме?

– Да.

– И что?

– Я увидел обычные иконы, фреску со святой Ренатой и обшарпанную стену, где

³⁹ Посох, увитый плющом, – символ Церкви Единой и Единственной.

должен быть Триединый.

– Так, – сплел пальцы Его Высокопреосвященство, – об этом забудь. Вредно не видеть то, что видят все, хотя, похоже, прав именно ты. Держи это знание при себе и держись от Духова Замка подальше, если сможешь. Ничего хорошего оттуда не выползет. Интересно, что бы твой отец сказал. Сезара от этих картинок мутит, мне все одно, есть они или нет, хотя на Кастигатора⁴⁰ смотреть не люблю, страшный больно. А народ с ума сходит. И тут приходит последний из Тагэре и заявляет, что там, кроме обшарпанных стен, и нет ничего.

– Ваше Высокопреосвященство, как вы меня назвали?

– Как? Последний из Тагэре... Проклятый, – кардинал решительно пододвинул к себе графин с предназначенной для гостей настойкой, – вот так сорвется с языка, не сразу сам поймешь, что сказал...

– Ваше Высокопреосвященство!

– Заладил «Высокопреосвященство, Высокопреосвященство». Прямо птица папагалло⁴¹. Может, мне что в голову и пришло, но тебе пока знать это незачем. Ты другое запомни, и накрепко. О фресках молчи. Дело это темное, лучше о нем не знать. Я Шарло говорил и тебе скажу: волшба, которой в орденах балуются, уж не знаю от кого, но добра в ней, что в кошке жалости. На отца твоего она не действовала, на тебя, похоже, тоже, и пусть об этом до поры до времени никто не знает. Заодно имей в виду, что в святых книгах вранья не меньше, чем правды, если не больше. Твой отец своему сердцу верил, и ты верь. А теперь о братце твоём.

Про слабость человеческую я тебе не просто так говорил. А теперь о гордости скажу. Гордому человеку с помойки уйти просто, а остаться тяжело. Если так и дальше пойдет, скоро возле Филиппа одна шелупонь останется. Мальвани сами по себе, но хоть не предадут, а Рауль из гордости своей, того и гляди, врагом станет. Гартажи с Крэсси тоже вот-вот зарычат. Их понять можно, они не моськи, чтобы королю и его, прости, святой Эрасти, королеве пятки лизать. Про Жоффруа молчу, не знаю, откуда такой в вашей семье взялся. Только ты и остаешься. Если ты брата бросишь, новые родичи его совсем подомнут, а с ним и Арцию.

– Но... Филипп сильный человек! Он... Когда отец и Эдмон погибли... И потом. Даже женитьба его... Он же против Рауля пошел!

– Пошел? – зло усмехнулся кардинал. – А может, повели его? Вот что, Александр, – старик встал, давая понять, что разговор окончен, – если захочешь меня видеть – приходи. Тебя всегда приму, хоть днем, хоть ночью. И запомни: твое место рядом с братом, что бы тот ни натворил. Сейчас Филипп – это Арция, а от нее и так немного осталось.

– Я люблю Филиппа, – просто ответил Александр и неожиданно улыбнулся, – мне будет легко следовать вашему совету.

2879 год от В.И.

11-й день месяца Зеркала.

Варха

Осень раскрасила высокие клены в алое и золотое. Вообще-то севернее Гелани клены, буки и каштаны росли неохотно, но эльфы, пришедшие остановить расползающееся от зачарованной Вархи безумие, больше других любили именно эти деревья. Дети Звезд без сожалений покинули изысканные особняки Убежища и обосновались в простеньких домах, более приличествующих смертным, но отказать себе в возможности взглянуть на осенний закат сквозь пурпур кленовой листвы эльфы не могли. За шесть сотен лет на берегу Ганы

⁴⁰ Кастигатор (Судия) – одна из трех ипостасей Триединого наряду с Создателем (Крэатором) и Спасителем (Калватором).

⁴¹ Ярко окрашенная крупная птица, обитающая на юге Кангха, легко заучивает человеческую речь.

вместо хмурого, сырого чернолесья поднялись столь любимые Лебедями светлые рощи, в которых журчали родники, а над цветущими до самого снега дикими розами порхали сиреневые и серебристые бабочки. Увы, безмятежную красоту этих мест то и дело нарушали кровавые стычки между не оставлявшими надежд прорваться к Кольцу северными гоблинами с их балланскими⁴² союзниками и сторожевыми отрядами из Таяны и Южного Корбута.

Эмзар не сомневался, что, до того как сначала дожди, а потом и снег сделают нижнюю Таяну непроходимой, их ждет самое малое один бой, ну да не привыкать... Конечно, Лебеди могли сделать окрестности Вархи неприступными в любое время года, но поддержание магического огня требовало полной отдачи и приходилось надеяться на клинки смертных, многие из которых остались навсегда в ганской земле. Это было справедливо, потому что эльфы в Вархе защищали всю предгорную Тарру, и это было несправедливо, потому что жизнь людей и гоблинов слишком коротка, чтобы они могли от нее устать...

Снежное Крыло невольно улыбнулся. В последнее время его все сильнее тянет на философию, впору приглашать сюда для многомудрых бесед Жана-Флорентина... Король Лебедей задумчиво провел ладонью по темным волосам, глядя на пламенеющие деревья. Сколько раз за свою жизнь он видел осень, но так и не привык к ее неистовой, обреченной красоте...

– Эмзар, – Норгэрель вышел из расступившихся зарослей все еще цветущего шиповника и со смущенной улыбкой смотрел на старшего брата. Сын Залиэли и Ларэна так походил на Астена, каким тот был до своего первого ухода из Убежища, что Эмзару порой казалось, что время вопреки основам мироздания все же повернуло вспять...

– Да?

– Я тебя искал... Мне нужно с тобой поговорить.

– Что-то случилось?

– Не знаю... То есть случилось. Со мной.

– И что же? – Эмзару удалось сохранить спокойное лицо, но не спокойное сердце.

– Не знаю, – синие глаза Норгэреля смотрели тревожно, – меня все время тянет к Стене, даже не к Стене, а за нее... Нет, это не то, что ты подумал. Меня никто не пытается туда заманить, я не взнудан, просто я не могу ни о чем другом думать... Особенно на рассвете. И потом еще эта боль...

– Какая боль?

– Я здоров, я знаю, что здоров. Ты можешь меня считать несмысленным, я и вправду не видел ничего, кроме своих островов и этих мест, ну разве что совсем немного, когда мы шли от Гверганды к Гане, но меня все же учила... мама. Я не знаю, откуда пришла эта боль. Обычно ее можно терпеть, но порой она становится невыносимой.

– Что именно ты чувствуешь?

– Все, кроме радости и покоя. Отчаянье, безысходность, невозможность что-то исправить, желание броситься сквозь Стену, какой-то холод, который не берет ничто: ни вино, ни магия, ни огонь... Что бы это ни было, оно рождается внутри меня. Я уверен, что никто в этом не виноват.

– Уверен? – поднял бровь Эмзар. – Это хорошо, что ты уверен, но, если ты мне доверяешь, я хотел бы убедиться в этом сам.

– Конечно.

Они молча прошли к Эмзару, дом которого был надежно защищен не только от врагов, но и от друзей, которые могли прийти не вовремя. Дело было не в том, что король Лебедей опасался за свою жизнь. После ухода последних недовольных на Острова удара в спину он не ждал, но многое из того, что он делал, было слишком тайным и слишком опасным, чтобы

⁴² Баллана – государство, образовавшееся из отложившейся от Таяны ее северной оконечности, ряда небольших горных княжеств и бывшего внутреннего Эланда, находится в Союзе с государством северных гоблинов, по сути, являясь его придатком. Господствующая религия – ройгианство.

впутывать в это других, не столь сильных и стойких. Есть бремя, которое Правитель должен нести один. Эмзару еще повезло, у него были Клэр, Нэо, Рене... А вот Норгэрелю знать все необязательно. По крайней мере, так казалось до сегодняшнего дня.

– Садись у камина, – коротко велел Снежное Крыло, – и смотри в пламя.

Король Лебедей подошел сзади к брату и положил руки ему на плечи, сливая свою память и чувства с памятью и чувствами Норгэреля. У племянника такие вещи получались лучше, но копыта седьмого по счету Топопа топтали арцийские тракты, а ждать было нельзя.

2879 год от В.И.

11-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Мунт оказался отнюдь не так жесток и равнодушен, как Сандер опасался. Напротив. Город и его жители оказались на удивление дружелюбными и снисходительными к горбтому северянину. Возможно, дело было в Сезаре. Виконта Малве столица обожала, равно как и его уехавшего в Оргонду отца, и дядюшку-епископа, в котором видела преемника Евгения. Сандер часто ловил себя на мысли, как ему повезло, что судьба в первый же день послала ему Сезара. Тот был старше на три года, но в их отношениях не было ничего от сигнора и аюданта. Виконт с удовольствием показывал Сандеру Мунт, они обсуждали лошадей и оружие, часами оттачивали свое мастерство на Охотничьем дворе или спорили над минувшими битвами и философскими трактатами.

Странное дело, до приезда Александра близкого друга у Сезара не было, хотя приятелей хватало. Большинство из них с готовностью протянули руку и младшему Тагэре. Резкий на словах, но невероятно добрый сын графа Гартжа Одуэн, вечно в кого-то влюбленный Этьен Ландей со своими стихами, молчаливый Никола Герар, кузены Крэсси, взбалмошный Поль Матей, братцы Трюэли, веселые и непонятные, как и их знаменитый дед, – все они отличались удалью и неприкрытой ненавистью к выскочкам Вилльо.

Сандер понимал, что дружба с врагами королевы вряд ли радует Филиппа, но это была дружба, а вот с новоявленными родственниками отношения не складывались. После пресловутой дуэли и примирения на глазах у короля Сандер обращался со свежееиспеченными виконтами и баронами осторожно, как с тухлыми яйцами – не дай бог разбить. Вилльо платили герцогу Эстре настороженной вежливостью. Неудивительно, что, оказываясь в одно и то же время в одном и том же месте, они старались держаться друг от друга подальше. Родня Эллы крутилась вокруг царственной четы, а Александр, сам того не замечая, оказался центром другого лагеря. Это его огорчало, но иначе не получалось. Чем больше он узнавал Вилльо и Гризье, тем отвратительнее они ему казались, причем каждый был мерзок по-своему.

Отец Эллы, на старости лет ставший графом Реве, удручал удушающей смесью подобострастия и высокомерия. Старший из братьев королевы Фернан получал удовольствие от власти над кем бы то ни было, Жорес, видимо, судил о других по себе, во всем и во всех видя лишь самое грязное, а Винцент был непроходимо глуп, нагл и тщеславен. Кузен Люсьен оказался мелочным, трусливым и лживым, а подрастающие в Аганне сыновья Элеоноры от первого брака, по словам Луи Трюэля, обещали вскоре затмить пакостностью своих многочисленных дядьев. При этом все родственники Ее Величества отличались удивительной жадностью и редкостной красотой, которую сами же сводили на нет полным отсутствием вкуса и чувства меры. Неудивительно, что Вилльо стали притчей во языцех, а когда весельчак Луи обзавелся четверкой ученых пуделей, откликнувшихся на клички Жор, Фер, Вин и Люс, Мунт прямо-таки взорвался куплетами и песенками, повествующими о собачонках, возомнивших себя львами.

Это было бы смешно, если б «пуделя» не сжирали чуть ли не треть казны, и если бы они не стали ближайшими приятелями Филиппа. Александр чувствовал зреющее в городе раздражение и не мог ничего поделать. Говорить с братом-королем после матери, кардинала, маршала, графа Обена было бессмысленно, не говорить было нельзя. Сандер чуть ли не

каждый вечер давал себе слово завтра же выложить все, что думает, но каждый раз что-то мешало. Когда чего-то не хочешь и боишься, всегда найдешь предлог потянуть еще немного... Дени наверняка бы счел это трусостью, да и Рауль тоже. Хотя бы ради них Сандер должен был попытаться. Завтра же! Больше он не станет откладывать.

Александр подошел к окну. Полнолуние... Что же все-таки за фигуры проступают на серебряном диске? Атэвы видят там своего пророка, а в Эльте говорят, что на Луне свил гнездо огромный Орел и смотрит оттуда на землю... Младший из Тагэре распахнул рамы и уселся на подоконнике, подставив лицо холодному ночному воздуху. Когда-то на этот двор с фонтаном и аккуратными клумбами, правда, из других окон, смотрел его отец. О чем он думал?

Сандер был слишком мал, чтобы заслужить отцовскую откровенность, но герцог был с ним неизменно ласков, хотя по-настоящему говорил с младшим сыном лишь трижды. Два раза, застав его одного на своей любимой угловой башне, и перед своим последним отъездом, когда, вопреки дурным приметам, поворотил коня. Мать так и не простила, что последние слова и последний поцелуй достались ему, уроду и выродку... Ну, почему, почему он всегда чувствует себя перед ней виноватым? Что он сделал не так? Или все дело в его увечье, о котором добрые люди столь настойчиво уговаривают забыть, что еще хуже насмешек и издевательств...

Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре – это завешание отца и его благословение. Решено! Он выскажет Филиппу все, и будь что будет, пусть даже его отошлют назад в Эльту.

Странно, почему ему в последнее время кажется, что его красивый и сильный отец был несчастен? Что на самом деле произошло между ним и матерью? Сандер, конечно, слышал историю про Делию ре Фло, но не верил ни одному слову. За годы, проведенные в замке Рауля, он достаточно узнал свою вдовую тетку, чтобы понять: между ней и Шарлем Тагэре ничего не было и быть не могло. Делия была глуповатой, но доброй и искренней, она бы не смогла ничего скрыть. А вот он может... Никто ничего не знает ни о Романе, ни об Аларике, открывшем ему заветные приемы, ни о странных вещах, случившихся во время дуэли. Теперь Сандер почти не сомневался, что Мулан пытался колдовать, но у него сорвалось. Почему? Ошибся, передумал или вмешался Аларик? Сын Шарля Тагэре дорого бы дал за еще одну встречу с седым воином, но ищи ветра в поле!

Что-то ощутимо ткнуло под локоть, и Александр вздрогнул от неожиданности. Кошка! Большая, черная, с узкой хищной мордой. В лунном свете короткая шерсть зверька блестела, словно полированный гематит.

– Ты чего? – Сандер не очень уверенно коснулся лоснящейся спинки. – Ты здесь живешь?

Кошка, видимо, сочла вопрос приглашением. Коротко мявкнув, она перебралась Сандеру на колени. Юноша почесал ночную гостью за ушами, и та, милостиво прищурив глаза, замурлыкала. Александр Тагэре сидел на окне и смотрел, как редкие облака пересекают лунный диск. Кошка уютно урчала, снизу доносилось журчание фонтана, пахло сожженной листвой и какими-то поздними цветами, не известными на Севере. Ночь приближалась к середине, но спать совершенно не хотелось, напротив. Впрочем, в полнолуние не спится многим, а завтра к тому же был день его рождения. Лучшего времени, чтобы поговорить с Филиппом, не найти. А вдруг брат тоже не спит и сейчас один?

Сандер бережно, но непреклонно снял с колен разнежившуюся кошку, натянул поверх рубашки куртку и выскользнул из покоев, правда, его ночная гостья его опередила, тенью скользнув вперед. Странное дело, почему-то нигде не было видно стражников. Неужели Филипп так уверен в себе, что снял внутренние караулы, никому ничего не сказав? Это выглядело по крайней мере странным. На всякий случай Сандер решил проверить и по узкой лестнице поднялся на внутреннюю галерею, опоясывавшую двор. Так и есть, никого! Возвращаться герцог Эстре не стал. К королевским покоям можно пройти и через Малую Тронную. Надо же, а кошка все еще идет с ним. Ну и пусть... А может, она голодная? Проклятый, почему у него нет привычки Жоффруа брать на ночь еду? Дворец большой,

поваров чуть ли не армия, а накормить приблудившуюся животину нечем...

– Нет у меня ничего, – покаянно сообщил Александр нежданной спутнице, но та и ухом не повела, продолжая трусить рядом, – ну, хочешь идти, иди.

Говорят, Пьер Шестой сошел с ума от страха перед кошками, а причиной наверняка была такая же оголодавшая мурлыка, забравшаяся в открытое окно. А дверь в Малую Тронную распахнута... Обычно ею пользуется прислуга, но ночью ей здесь нечего делать. Сандер заглянул внутрь. Зал, который назвать Малым можно было, лишь сравнив его с Большим, был пуст, но свечи в свисавших с потолка огромных люстрах ярко горели, освещая черно-золотые ковры, пустующий трон, оружие и портреты на стенах. Оружие... Оно-то откуда здесь взялось? Вчера не было, да и картины поменяли. Очередная прихоть Эллы? Она может людей заставить и ночью работать. А это что?! Заглядевшись на картину весьма вольного содержания (надо же такое вывесить в тронном зале), Сандер обо что-то споткнулся и с удивлением обнаружил, что это корона.

Корона, которая невесть сколько лет по ночам лежит у королевского изголовья, валялась на полу, как какая-то негодная железка. Сандер поднял тяжелый золотой обруч, усыпанный нестерпимо блестящими самоцветами. Придумать сколь-нибудь приемлемое объяснение такому безобразию юный герцог не успел, так как в зал ввалились какие-то люди. Несомненно, их целью была королевская опочивальня, примыкающая к Малой Тронной. Сандер изо всей силы закричал, чтобы предупредить брата и, сорвав со стены кстати оказавшуюся там шпагу, опрометью кинулся к двери Филиппа. Корона мешала, но отдавать ее неизвестным, которые (Александр это понял сразу) пришли не только убить короля, но и завладеть венцом Волингов, было нельзя. Юноша изо всей силы заколотил кулаками в дверь. Внутри было тихо, как в могиле. Замирая от ужаса – вдруг он опоздал, Филипп уже мертв, а убийцы вернулись за оброненной ими короной, – Александр изо всей силы ударил в дверь ногой, и тонкая, слишком тонкая для королевской опочивальни дверь распахнулась.

Филипп и Элла мирно спали в объятиях друг друга. Именно спали. Сандер видел, как мерно вздымается грудь брата и трепещут ресницы королевы. От крика и грохота проснулся бы и мертвый, но спящие даже не шевельнулись. Опоили! Опоили, убрали стражу, во всем крыле сейчас вряд ли найдешь бодрствующего человека... А может, это магия? Но ведь епископ Илларион вроде бы извел всех арцийских колдунов. Впрочем, чего гадать, сейчас главное выжить! Сандер поудобнее встал в дверном проеме, поджидая убийц. Их было четверо, в лицо он никого не знал, хотя по повадкам угадывались опытные, уверенные в себе бойцы. Но на сопротивление они не рассчитывали, иначе бы оделись для настоящего боя, а так ни доспехов, ни мечей. Только шпаги. Придворное оружие, годящееся разве что для дуэлей. Но ему это дает шанс!

Корона мешала, и Сандер не придумал ничего лучше, чем надеть ее на голову. Она легла, как влитая, сразу стало тяжело и неудобно, но хоть не придется о ней беспокоиться, да и от рубящего удара сверху прикроет. Сзади спал брат, впереди была смерть, и между ними оказался лишь он, Александр Тагэре. Что ж, Сандер, этот бой страшнее стычки с «пуделями» и драки с Муланом. Тогда смерть была твоей личной неудачей, сейчас ставка неизмеримо выше. Жизнь брата и судьба Арции – вот цена твоей шпаги нынче ночью. Усилием воли Сандер унял колотившееся сердце и в последние мгновенья постарался припомнить все, чему его научили Дени и Аларик.

Защищать двери удобнее, чем метаться по залу – и спина прикрыта, и те, кто за спиной, но Сандер решил рискнуть. «Пудели» уже научились принимать его всерьез, но по ухмылкам нынешних противников юноша понял – его держат за нахального, бестолкового щенка. Отчего б не подыграть? Александр резко отступил влево, освобождая проход и вдобавок открывая правый бок. Ключнут? Есть! Один устремился в незащищенную дверь, двое других явно собирались прикончить подставившегося дурачка, а четвертый, чтобы не толкаться и не мешать товарищам, сделал пару шагов назад. Они не были знакомы с Алариком!

Поняв, что уловка удалась, Сандер не мешкал. Переложив шпагу в правую, он

развернулся стремительно и изящно, словно в бешеном мирийском танце, только этот пируэт был исполнен особого смысла. Полукруг слева направо с одновременным переносом веса тела на правую ногу и резкий выпад снизу вверх. Он не только отбил нацеленное на него оружие (это можно было сделать и проще), но и полоснул по шее того, кто проскочил в дверной проем.

Удар вышел даже удачнее, чем Сандер задумал. Кровь хлынула фонтаном прямо в глаза обоим бросившимся на него разбойникам, и Александр не преминул этим воспользоваться, двумя четкими ударами добив ослепленных. Не ожидавший такого поворота четвертый замешкался и тут же получил сильнейший укол в неосторожно выставленное вперед предплечье. Резкая боль в руке притупила реакцию, а следующий выпад в сердце стал смертельным.

Про знаменитый сдвоенный удар Счастливчика Рене некогда знали все забияки Благодатных земель. Но повторить его не мог никто. До сегодняшнего дня. Откуда он это знает? Неважно...

Прислонившись к стене, Сандер перевел дух и поднял глаза. Проклятый! Все, оказывается, только начиналось. На смену убитым пришли другие. Эстре так и не понял, откуда они взялись.

– Отдай корону и можешь уходить, – пожилой воитель с императорскими нарциссами на тунике глянул на него с таким презрением, что Сандер как никогда осознал свое убожество.

– Уходи, – подтвердил высокий благообразный старец в архипастырском облачении, ступавший вслед за воином, – ты нам не нужен. Утром, если хочешь, можешь вернуться и подобрать, что останется.

– А останется не так уж и мало, – заверил еще один, тучный, с короткой бородой, разодетый в черное и красное.

– Уходи, пока позволяют, – жалкий человечек с помятым женоподобным лицом выглянул из-за спины воина с нарциссами, – они возьмут все, что хотят. Они всегда берут.

– Они рождены брать, – печально кивнул еще один, совсем молодой, со смутно знакомым лицом. – Беги, спасайся, лучше жить, чем не жить.

Александр быстро оглянулся. Брат по-прежнему спал, а вот Элла проснулась и в ужасе забила в глубь постели. Он крикнул ей, чтобы она постаралась разбудить Филиппа, но та, похоже, вовсе обезумела от ужаса. Приводить ее в порядок было некогда, и младший из Тагэре повернулся к врагам. Клирик, если только он не колдун, не в счет, так же как и те двое, что отговаривали от драки. Самый опасный – тот, с нарциссами. Но и черно-красного сбрасывать со счетов нельзя. Нападут одновременно или по очереди, и знают ли они прием со сменой рук?

Однако те не нападали, только первый свистнул лихим охотничьим свистом, и в Тронную вбежала свора собак. Это были не медвежьи гончие, не волкодавы, а всего лишь «пудели», левретки и болонки, но их было много. Черно-красный вскинул руки и что-то пробормотал, и из неосвещенных углов полезли полчища крыс. Сандер поудобнее перехватил шпагу. Этого еще не хватало! Мерзкие твари приближались сплошным шевелящимся ковром. Неустанно твякающие собачонки и молчаливые крысы, большие, жирные, с мутными, словно слепыми глазами... Они шли на собачий визг, как идет слепец на голос поводыря. Сандеру стало страшно, но отступать было некуда. За спиной истошно завизжала Элла, этот звук вкупе с собачьим лаем разбудил бы и мертвого, но не спящего короля. Неужели никто ничего не слышит? Хотя кому слышать, он один и рассчитывать может лишь на себя.

Но помощь все-таки пришла, хоть и не та, которую он ждал. Собачонки и крысы остановились, не решаясь идти навстречу своим извечным врагам. Сандер не заметил, откуда выбрались кошки, родные братья и сестры той, что пришла к нему вечером, но черные хищницы, хоть их едва ли было больше полудюжины, были настроены весьма решительно. Но и это было не все. Что-то тяжелое и мягкое коснулось его бедра, и Сандеру показалось,

что он сходит с ума. Рядом с ним стояли два черных льва. Огромные гривастые коты скалили зубы, давая понять, что нападающим придется иметь дело с ними.

Вперед двинулся воин с нарциссами на груди, львы сделали шаг ему навстречу...

– Погодите, – мелодичный женский голос произнес всего одно слово, но странные животные тут же исчезли, лишь одна из кошек продолжала путаться в ногах юноши, с ненавистью глядя на прекрасную женщину в белом. – Мальчик, я хочу поговорить с тобой, – красавица обворожительно улыбнулась, нетерпеливым жестом велел всем прочим отойти, и те отошли.

– Мальчик, – как же она была хороша, – не мешай воинам делать свое дело. Ты их не остановишь, только погибнешь зря. Те, кого ты хочешь защитить, тебя не стоят. Твои братья тебя предадут, не задумавшись. Твоя невестка тебя ненавидит, ты слишком благороден, чтобы избавиться от них, но если судьба идет тебе навстречу, зачем ей мешать? Корона идет тебе, очень идет. Посмотри в зеркало, сам увидишь... Неужели ты захочешь ее отдать и стать таким, каким ты был до этой ночи? Я знаю, что за желания ты загадал, когда выезжал из дома. Они могут сбыться.

Ты хотел блага Арции? Но от кого это зависит, как не от короля? Ты хотел, чтобы тебя любили? Тебя будут любить, мудрых и сильных всегда любят. Ты хотел избавиться от горба, королевская мантия скроет его. Ты будешь лучшим королем, чем Филипп. И ты это знаешь. Смерть твоих братьев и королевы с ее сворой – благо для Арции. Вы с Раулем вернете ей былое величие. Мы хотим помочь Арции. Арции и тебе. Ну же, мальчик, уйди. Филипп спит, он ничего не почувствует, обещаю, его смерть будет легкой.

Нежный голос завораживал, а из зеркала на ставшей вдруг такой близкой противоположной стене на него глядел стройный человек в королевской мантии с искрящейся короной на темных волосах. Когда он с усилием оторвал глаза от отраженья, воин с нарциссами стоял совсем рядом. Высокий, уже в летах, с жестким, словно выкованным из стали, но удивительно притягательным лицом, он спокойно и властно ожидал, когда ничтожный мальчишка отдаст почести истинному величию и уберется с дороги, но Александр с криком «защищайтесь!» бросился вперед. Незнакомец небрежно взмахнул шпагой. Клинки со звоном сшиблись. Он был невероятно, немыслимо силен, но Сандер выдержал. Оба одновременно отпрянули назад. Стальной сделал выпад, один из выпадов Аларика! Александр отбил.

Вновь звон металла, стальной блеск в глазах противника... Сейчас он попробует сменить руку... Так и есть! Угадал! Что ж, у него остался последний прием. Аларик сказал, что его не знает никто, но сейчас еще не время.

Странно. Во взгляде соперника мелькнуло нечто похожее на одобрение. Видно, в отличие от Мулана, этому воину убийство желторотого претило, но бой оказался честным. Да, бой будет честным и смертельным... Сандер бросился вперед в низком выпаде, но его шпага встретила пустоту. Противник исчез. Исчезло все – залитый кровью пол под ногами, зеркало на дальней стене, картины, убийцы, люстры с горящими свечами...

Александр словно бы стоял в пустоте, осиянной жемчужным светом, но неудобства это не доставляло. Наоборот, никогда в жизни ему не было так хорошо и покойно, а потом он увидел Его. Легкая фигура в светло-серых одеяниях словно бы возникла из сияющих глубин, и раздался голос, негромкий, глубокий, преисполненный величайшей любви и понимания. Пришелец звал его с собой, он любил его, он знал о нем все. И детские обиды, и смешные мечты, и скрытые от всех остальных слезы.

Все существо Сандера ответило на этот зов, рванувшись навстречу человеку в сером, и тут сзади раздался надсадный кошачий вопль, отвратительный в своей неуместности в этом месте, исполненном отрешенного покоя. Крик повторился. Ах, да... Тронная зала... Что так давит ему виски? Корона... Корона Волингов на голове, а на руках кровь... Он убил человека... Он и раньше убивал, как же это ужасно... Кошка опять завопила. Где она? Ах да, Филипп! Пока он тут, убьют Филиппа. Он должен вернуться...

Из жемчужного сиянья проступили смутные силуэты с обнаженными клинками.

Александр стиснул эфес, гадая, куда лучше нанести удар.

– Опомнись, сын мой, – незнакомец встал между ним и его противниками, бездонные, исполненные величайшего сострадания глаза смотрели прямо в душу. – Забудь о том, что ты оставляешь. Это лишь прах и тлен. Оставь корону и меч и иди за мной следом. Твои помыслы чисты, на твоих руках не столь много крови, чтобы ты не мог ее отмыть. За тобой пустота, перед тобой же люди из плоти и крови. Они грешны, но если ты остановишь их мечом, их кровь падет на тебя, и я уже не смогу ввести тебя в царствие свое. Оставь же их, сын мой, я жду тебя.

...Сын мой... Так с ним еще никто не говорил. С такой добротой и любовью. И вправду, зачем ему чужая корона и этот меч? И что ему эти люди? Филипп! Но брата там нет, человек в сером не может солгать. Сандер лихорадочно обернулся. Опочивальни не было, сзади была лишь пустота, как и говорил незнакомец! Нет, не пустота! Он словно бы стоял на вершине горы и смотрел на раскинувшийся внизу Мунт. Вот изогнувшаяся, как атэвский клинок, Льюфера, вот купол собора святого Эрасти, вот нестерпимым сияньем горят шпиль замка Святого Духа... По ниточкам улиц ползут похожие на букашек люди и лошади, на площади кипит ярмарка. Разве это прах и тлен?!

– Они грешны, их не спасти. Им не нужна твоя жертва, они отринули небо, и небо отринуло их. Иди за мной и не оборачивайся...

Уйти. Навсегда. Туда, где нет ничего, кроме Света и Любви, где никто не оскорбит, не унизит, где он будет любить всех и все будут любить его, но...

Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре! Он не может уйти, и он не уйдет.

Огромные скорбные глаза человека в сером. Он его любит, он ждет его. Он хочет его спасти... Но спасение ценой предательства всех этих людей, не подозревающих о том, что их ждет гибель? Он – Тагэре. На нем корона Волингов. В руках у него меч. Только перешагнув через его труп, эти, из мглы, пройдут.

Странник говорил что-то еще, но Сандер заставил себя не слышать, сосредоточив свое внимание на противниках. Вряд ли они навалятся все, неудобно. Значит, будем сражаться по очереди. Жаль, что он не надел кольчуги, ну да что жалеть о том, что не сделано...

2879 год от В.И.

11-й день месяца Зеркала.

Варха

Равнодушные лунные лучи серебрили темные воды Ганы, в студеном черном небе не было ни облачка, даже ветер и тот уснул в покрытых инеем умирающих травах. Дни стояли солнечные и теплые, но по ночам подступающая зима брала свое. Было ясно и тихо; лишь за поредевшими кленами и буками прорезали тьму синие сполохи, да из орочьего лагеря тянуло дымом – «Зубры» коротали ночь у костра, готовые к любым неожиданностям. Для горцев все в этой жизни было понятно. Союзники-эльфы с помощью магии сдерживают страшное зло, приспешники этого зла норовят ударить Хранителей Огня в спину, а дело орков и таянцев принять удар на себя. Пятисотлетняя война, раздиравшая нынешнее Междугорье⁴³, выковала железное племя, не знавшее, что значит спокойствие... Да, эти смертные не знают мира. А он сам и его соплеменники? Разве они не забыли о покое, как раньше забыли о былом величии?

Эмзару вдруг захотелось подойти к орочьему костру, пошутить с высокими узкоглазыми воинами, попробовать испеченного на углях кабаньего мяса, угостить в ответ старым вином, которое гоблины наверняка не оценят, но все равно будут искренне благодарны. Рядом с ними все просто и понятно, рядом с ними перестаете искать ответы на проклятые вопросы, которых становится все больше. Вот и сегодняшний разговор с Норгэрелем прибавил к бесчисленным тревогам и сомнениям еще одну.

⁴³ Междугорье – область между Лисьими горами и Корбутом.

Снежное Крыло, хоть и рискнул объединить свою память с памятью брата, так и не понял, что же с тем происходит, разве что ощутил страх и боль, которую тот носил в себе. Удивительно еще, как бедняга дотерпел до сегодняшнего дня. Эмзар поднял глаза к луне, пытаясь поймать что-то зыбкое, ускользающее... Он был уверен, что Норгэрель не стал жертвой сущности из тонкого мира. Случалось, заклятья мага падали на него самого, причем выражалось это в весьма причудливой форме, но это явно был не тот случай. Враги? Эмзар верил всем, кто остался у Кольца, да и не было в Тарре эльфа, умевшего то, чего не умел король Лебедей.

Ройгианцы, Преступившие из числа людей, ороuchi жрецы, немногочисленные слуги Первых богов Тарры, все они владели магией, оставлявшей характерные, только ей присущие следы, но здесь не было ничего подобного. Только смертный ужас, холод и безнадежность, сжигающие даже не жизнь, но волю к жизни... Конечно, был еще Рене, о судьбе которого даже Эмзар думал с содроганием, но тот сам выбрал свою нынешнюю дорогу и взнуздal свою боль, как атэвы взнуздывают диких коней. Но муки Рене, равно как и его схватка с небытием, это совсем иное.

Бедный Норгэрель. Он терпел, сколько мог, а потом пришел к нему, как старшему, надеясь на помощь, но не получил ее. И у него еще хватило силы улыбнуться перед уходом и его же успокаивать! Говорят, его отец был таким же... Если так, мать можно понять. Но что же это за напасть?! Не узнав причины, нельзя лечить следствие. Будь причиной несчастья Варха, брат не был бы единственной жертвой. Внутри Кольца заглядывали четверо, а беда случилась лишь с одним.

Четверо, нет, трое. Он все время забывает, что Рене самой смертью защищен от опасностей, грозящих живым. Но ведь с ним самим ничего не случилось, а он видел сверкающее безумие дважды, да и Нэо как ни в чем не бывало отправился посмотреть, что творится за Лисьими Горами, и заодно проведать своего «приемыша», как он называет младшего сына погибшего Шарля Тагэре. Александр – живой вызов року, звезды четырежды приговорили его к смерти, а он все еще жив. Так в свое время вопреки судьбе выходил из всех передраг Счастливчик Рене. Неужели кольцо все-таки замкнулось или вот-вот замкнется? Первый из императоров, последний из королей... Нет, пока еще рано делать выводы...

Король Лебедей решительно набросил плащ, бросил в сумку пару флажек старинного вина и вышел в осеннюю ночь. У него больше нет сил думать, и он ни за что не уснет.

Холодный рассвет Снежное Крыло встретил вместе с гоблинами.

2879 год от В.И.

12-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Александр проснулся сразу, но долго лежал, вглядываясь в светлеющее небо за окном и пытаясь догнать ускользающий сон. Он совершенно точно помнил, что видел что-то очень и очень неприятное, пожалуй, даже страшное, но отчего-то злился на память, милосердно избавившую его от дополнительного груза. Дворец Анхеля понемногу просыпался. Под распахнутым настежь окном звенели оружием и топали стражники, и это непонятно почему вызвало у Сандера невыносимое облегчение. Пробило семь с четвертью. Пожалуй, пора вставать.

Вообще-то в день рождения можно поспать и подольше, но Сандер еще летом решил никому ничего об этом не говорить. Филипп и Жоффруа наверняка забудут, а другие и вовсе не знают, ну и прекрасно! Свои именины и дни рождения Сандер ненавидел с раннего детства. Ненавидел, потому что оказывался в центре внимания и был вынужден выносить сначала слезливое сюсюканье женщин, потом стеснительное панибратство мужчин. Ему говорили обычные в таком случае глупости, и от неисполнимости пожеланий и оттого, что приходилось целый день благодарить, улыбаться и делать вид, как он рад и счастлив, хотелось выть и кусаться. Тянуло надерзить и убежать туда, где его никто не найдет, хотя бы

на ту же Эльтову скалу, но приходилось терпеть. Хорошо, что сегодня этого не будет. А ведь через четыре часа ему исполнится семнадцать. В этом возрасте герои старинных легенд отправляются совершать подвиги, спасать красавиц, убивать чудовищ, находить сокровища...

Филиппу не было девятнадцати, когда Евгений помазал его на царствование. А Эдмон так и не дождался ни своего семнадцатилетия, ни посвящения в рыцари... Посвящение... Сандер хотел и боялся заговорить об этом с братом, рыцарская цепь куда дороже короны северного герцогства, которого он никогда не видел и не увидит. Но сначала он выскажет все, что думает о Вилльо, даже если это выведет Филиппа из себя.

Александр Тагэре вздохнул, встал с кровати и подошел к висящему в простенке небольшому зеркалу. Из серебристой глубины на него смотрело худое сероглазое лицо, обрамленное темными, слегка выющимися волосами. Не красавец, конечно, но с таким лицом жить вполне можно. Если бы не плечо... Рука привычно потянулась к гребню и коснулась чего-то влажного и прохладного. Сандер взглянул и не поверил собственным глазам: на темном дереве лежали три совершенно неуместных в осеннюю пору нарцисса. Три живые белые звездочки с дурманящим запахом казались только что сорванными. Сандер поднес цветы к лицу. Откуда они? Почему сегодня? Как попали в запертую изнутри комнату? Через окно? Слишком высоко, и он ничего не слышал, а он всегда спал очень чутко.

Странное дело, но три весенних цветка в росе наполнили душу неведомым, летящим счастьем. Кто бы их ни принес, это был друг, и он любил его. Александр улыбнулся своему отражению, бережно поставил цветы в хрустальный кувшин, натянул куртку и, насвистывая – небывалое дело, – помчался на Охотничий двор. Сезар с Одуэном, единственные из их компании, кто был способен вставать раньше десятой оры, уже ждали. Они профехтовали до полудня, отрабатывая новый прием, а выходя с Охотничьего, налетели на братцев Трю-элей в полном составе. Эжен, как всегда, что-то жевал, Луи нарочито громко учил приличным манером своих пуделей, разумеется, спутавших поводки, а красавец Ювер довольно подхихикивал, не забывая подмигивать хорошеньким горожанкам.

– Вот они, – радостно сообщил человечеству младший внук графа Обена, – мокрые, как лягушки. Вот что значит вставать ни свет ни заря...

– Зато вы пыльные, как мыши, – беззлобно отругнулся Одуэн Гартаж, – и куда это вы наладились?

– Вас ждем, – сообщил Эжен, проглотив очередной кусок посыпанной пряностями плетеной булочки, – дед хочет вас видеть.

Про знаменитого Обена Трюэля Сандер был наслышан еще во Фло, но удалившийся от дел командор городской стражи почти не выходил из своего особняка и очень редко кого-то приглашал к себе. Сандеру давно хотелось увидеть толстого графа, оказавшего Арции и Тагэре немало услуг, но он боялся показаться навязчивым, а тут такая удача! Правда, они с Сезаром и вправду мокрые, как вытасщенные из воды котят. Сандер вопросительно взглянул на друга.

– Ничего страшного, – заметил тот, – старый кабан судит не по одежке, раз зовет, значит, нужно.

И они пошли. У ворот резиденции Трюэлей Александр, к своему удивлению, обнаружил Этьена Ландея, как всегда препирающегося с Никола Гераром, неодобрительно отозвавшимся об очередной великой любви приятеля. Рядом кузены Крэсси сосредоточенно наблюдали, как Поль Матей дразнит левретку, возлежавшую в окне кареты, принадлежавшей какой-то даме, приехавшей в иглечий святого Кирилла. В итоге к дверям Обена подошла внушительная процессия. Их ждали и немедленно препроводили к столу.

Граф Обен, огромный и величественный в своем костюме коричневого бархата с золотым шитьем, приветливо кивал большой головой, указывая гостям места за столом, заставленным золотой и серебряной посудой. Жарко пылал камин, пахло специями, дорогим вином и поздними цветами. Сандер, немного стеснясь короткой эльтской куртки, уместной на Охотничьем дворе, но не за этим столом, занял было мес-то между Сезаром и Никола, но

хозяин усадил его рядом с собой. Обед был более чем королевским, но Александр не мог как следует им насладиться. Дени учил его владеть мечом и секирой, а не отличить мясо барашка, выкормленного на солончаковых пастбищах, от ягненка, вскормленного молоком, и тем более каплуна, питавшегося мирийскими земляными орехами, от пулярки, кушавшей лишь замоченную в парном молоке пшеницу. Не имея возможности поддерживать беседу, Александр старательно жевал, слушая рассуждения Обена о сходстве и различии атэвской и мирийской кухонь. Наконец обед был закончен и слуги вынесли все, кроме вин, которых у старого греховодника было более чем достаточно.

С Трюэлями могли сравниться разве что Мальвани, в доме которых знали толк и в красном атэвском, и в белом ифранском, и в темном мирийском. Кубки были наполнены, и тут хозяин властно поднял руку. Шум, неизбежный, когда за столом собирается дюжина крепких молодых людей, смолк, и старый граф тяжело поднялся.

– Я рад приветствовать в своем доме вас всех. И еще больше рад, что вы и без моей помощи сбились в стаю. Так и держитесь. Разные вы, ох какие разные, – Обен покачал седой головой, – но общего в вас тоже немало. Вы – люди благородные, подлецам руки не подадите и проходу не дадите, друг друга, если что, прикроете. Если вы при этом еще и об Арции думать приучитесь, вам и вовсе цены не будет. «Пуделей» дразнить каждый драный кот сможет, а вы выросли уже. Пора и о большем подумать, ваши отцы в ваши годы армиями командовали.

Скажите, войны нет? Ерунда! Есть сейчас война, только не всем видная. И мы эту войну проигрываем, и позорно... Ну да это долгий разговор, вы сначала подумать попробуйте. Меж собой поговорите. А потом, глядишь, я вас опять обедать позову. А сегодня у нас другое дело.

Александр, твой отец говорил, что я знаю все и даже больше. Увы, не сподобил святой Эрасти... Слишком поздно догадался, никогда себе не прощу, – глазки графа подозрительно блеснули. – Отсюда мораль. У умного десять дорог в голове, а у подлеца – одиннадцать. Ну да я опять не про то. Не все я знал, не все предвидел, а сейчас и вовсе выстарился, едва брюхо таскаю, – граф с нежностью глянул на свое объемистое чрево, – но кое-что все же помню. Сегодня, – Обен возвысил голос, – сыну моего друга и сюзерена исполняется семнадцать лет. Великий Воль в эти годы корону надел. Ему легко было: что голова, что корона, что меч, что сердце, все одно к одному подходило, да одно другое дополняло. А вот тебе, боюсь, всю жизнь чужую голову в короне стеречь доведется. И не только от врагов, но и от глупостей, а это потруднее будет. Я про тебя все, что можно и нельзя, разузнал. И не сомневаюсь, что правильно делаю.

Девять лет назад, когда Шарло Тагэре наконец решился править Арцией, хотел я ему подарок сделать. Все продумал, калифу написал, да только судьбу не всегда обгонишь. Хотя пытаться нужно... Короче, Сандер, ковали этот меч для твоего отца, а носить его тебе. Арман!!!

Седой слуга, видимо, стоял под дверью, потому что появился тотчас, неся на вытянутых руках меч в простых серых ножнах.

– Возьми, – потребовал Обен, и Сандер выхватил клинок. Такого он еще не видел. На почти черной стали, словно водяная зыбь, дрожали и переливались бесчисленные струйки от неведомой арцийским кузнецам закалки. Черную рукоять украшали изображения трех серебряных нарциссов и единственный камень, зеленый и тревожный, как кошачьи глаза в ночи, а вдоль хищного лезвия шла надпись «Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре». Александр почувствовал, что ноги его не держат, сердце колотилось где-то у самого горла, руки дрожали. Он с трудом оторвал взгляд от черного клинка. И увидел взволнованные лица стремительно вскочивших друзей. Никола Герар опрокинул стул, темно-синие глаза Сезара стали остры и серьезны, как во время поединка, на лице Луи Трюэля застыло столь не свойственное ему благоговение, Этьен Ландей смотрел на меч с неприкрытым восторгом, Одуэн Гартаж судорожно сглотнул, Сандер видел, как побелели сжимавшие кубок костяшки пальцев... Его друзья... А он держит в руках меч, предназначенный отцу и девять лет

пролежавший в доме легендарного Обена. Но почему он не отдал его Филиппу? Или Раулю?

– Читай!

– «Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре», – повторил побелевшими губами Сандер, глядя в глаза графу, – отец говорил мне это... Когда уезжал...

– Он знал, кому ЭТО сказать, – наклонил голову Обен Трюэль.

2879 год от В.И.

12-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Филипп и вправду забыл поздравить брата, тем паче утро выдалось скверным. Многозначительные намеки Эллы о ее возможной беременности вновь оказались пустым звуком, а с эскотской границы пришло письмо от Рауля ре Фло, очередной раз напоминавшего, что крепости надо чинить, а солдатам платить. Денег не было. Граф Ревии, который должен был собрать в провинции Ларрэн налоги, вернулся ни с чем, ссылаясь на недород и нерадение. Филипп понимал, что к рукам тестя прилипло немало, но доказать это было довольно сложно и означало ссору.

Элла, как всегда, когда у нее что-то шло не так, как она хотела, смотрела на мир обвиняюще, словно виноваты были все, кроме нее, а Рауль... Сквозь скупые строки письма отчетливо проглядывал будущий неприятный разговор, к которому Филипп не был готов. Стараясь скрыть раздражение, король просидел до обеда в кабинете, якобы разбирая бумаги, а на деле глядя в стену и думая обо всем понемногу и ни о чем. К обеду королева не вышла, зато появились ее отец и два старших брата и завели разговор о том, что южные провинции будут давать доход лишь после того, как обретут настоящих сигноров. Подразумевалось, что владения бывших лумэновских нобилей, отошедшие в казну, следует немедленно раздать новым родственникам. Заодно Морис Ревии намекнул, что и земли Жоффруа и Александра (особенно плодородный Ларрэн) нуждаются в более умелой и опытной руке, чем у юных братьев Его Величества, и что он, Морис Ревии, готов до двадцатипятилетия Жоффруа взвалить на себя и эту ношу.

Филипп стал подсчитывать, на какой же срок отец Эллы намерен подмять под себя провинцию, и вспомнил, что младшему брату сегодня исполнилось семнадцать. Это был прекрасный повод прервать никчемный разговор, да и к Сандеру Филипп был искренне привязан, другое дело, что тот старался держаться незаметно, ничем не подчеркивая свое высокое положение. Надо бы мальчишке что-то подарить, но что? Его Величество никогда не отличался умением делать подарки. Те из родичей и уцелевших друзей, кто был понаглее, рано или поздно выклянчивали у короля то, что хотели; те же, кто гордо молчал, как правило, не получали ничего. Филипп не был жадным, просто ему было не до того. Но семнадцать лет – это семнадцать лет! Можно было бы устроить бал, но поздно, да и Сандер с его увечьем и привычкой держаться в тени вряд ли был бы рад танцам. Лошадь ему, что ли, подарить? Или шпагу? Оружие он любит...

Король отослал за Александром слугу, но тот вернулся один, доложив, что монсигнор Эстре как ушел утром, видимо, на Охотничий двор для ежедневной тренировки, так и не возвращался. Филипп почувствовал себя последней свиньей. Он собирался позаботиться о младшем брате, а вспомнил о его празднике лишь на шестой оре пополудни. Да, Александр ничего не просит и не лезет на глаза в отличие от всех этих Гризье и Вилльо, но сам-то он должен был поддержать мальчишку-калеку в чужом городе.

– Монсигнор Александр сейчас находится в особняке Трюэлей, – многозначительно сообщил Морис Ревии, – вместе со своими друзьями, к каковым, как известно Его Величеству, относятся молодой Мальвани, Одуэн Гартаж, Трюэли и еще несколько отпрысков известных фамилий. Ваш брат умеет выбирать себе друзей. Насколько мне известно, они отмечают день рождения монсигнора Александра.

Король не любил на себя сердиться и уцепился за возможность перенести свой гнев на других. Трюэль! Жирный лис! Этот-то уж точно ничего не забывает. При дворе толстяка не

видели добрых два года. С тех самых пор, как Филипп женился на Элле и окружил себя новыми родичами, граф отошел от дел, занимаясь, по слухам, усовершенствованием подлив к блюдам мирийской кухни и ведя на сей счет обстоятельную переписку с главным поваром мирийского герцога. Но так ли это?

Настроение, и без того плохое, стало вовсе отвратительным. Для чего граф собрал у себя весь этот выводок?! Старый плут никогда ничего не делал зря. Приручает Сандера? А почему бы и нет. Элла отчего-то беднягу не переносит, а Миранда Мальвани в память об отце сдувает с мальчишки пылинки, вот он и болтается целыми днями вместе с Сезаром. Тот вроде бы и не делает ничего, а между братьями Эллы и друзьями Мальвани идет настоящая война...

Король угрюмо приказал, как только герцог Эстре вернется, провести его к нему, и вновь обернулся к Реву, который не преминул рассказать о вызывающем поведении мелких нобилей. Мелких? Да еще два года назад барон Вильо почел бы за великую честь сидеть за столом любого из них...

Александр появился, когда смутное недовольство короля дошло до предела, превратившись в требовавшую выхода ярость. Юноша неожиданной для горбуна легкой походкой вошел в кабинет и остановился у двери, выжидательно глядя на брата и его гостей. На фоне роскошных одеяний фаворитов простенькая темная куртка Александра казалась чуть ли не вызовом. Серые глаза молодого герцога блеснули, на высоких скулах проступил румянец, таким его Филипп еще не видел. Сначала ему показалось, что брат пьян, но нет, это было нечто иное. А потом взгляд притянула зеленая вспышка. На усыпанных драгоценностями и золотым шитьем роскошных туалетах одинокий камень на рукояти меча можно было и проглядеть, но на фоне темного сукна он прямо-таки бил в глаза.

– Я не видел у тебя этого меча, Сандер. – Что же ему подарить, Проклятый его побери, и чего это он так сияет?

– Это подарок.

– Чей? А ну покажи.

– Графа Обена, – Александр вынул меч из ножен и протянул королю. Сверкнула черная сталь, по которой побежали серебряные буквы. «Не Арция для Тагэре, а Тагэре для Арции»... Святая Циала, какой клинок! Воистину королевский. Филипп сорвал с шеи тончайший шелковый платок, подбросил вверх и подставил меч. Две половинки упали к ногам. Даже для атэвского клинка это было слишком!

– Это... – Александр запнулся, но все же закончил: – Граф хотел подарить это отцу...

– А подарил тебе, – король, нахмурившись, вернул меч, – что ж, меч его, кому хочет, тому и дарит. Думаю, после ТАКОГО подарка я тебя вряд ли чем-то порадую. Твои друзья щедры и внимательны, с их стороны было бы весьма любезно думать о короле и Арции не меньше, чем об одном из королевских братьев. Что-то я не замечал за Сезаром Малве или молодыми Трюэлями желания послужить короне... Да и старый кабан, похоже, не так болен, как хочет показать.

Сандер удивленно взглянул на брата, а потом внезапно тряхнул головой, отбрасывая со лба темную прядь, и очень тихо сказал:

– Мои друзья верны Арции и чести. Я ручаюсь за них. А этот меч должен принадлежать королю Тагэре. Никто другой его не вправе носить. Граф боялся вызвать у тебя тяжелые воспоминания, я же, когда погиб отец, был слишком мал. Обен Трюэль решил, что мне его подарок доставит радость, а тебе – боль. Но я отказываюсь от этого меча. Он должен служить или королю, или никому.

Александр стремительно отцепил ножны и вновь протянул брату меч. Вспыхнули геральдические нарциссы на рукояти, а зеленый прозрачный камень показался глазом какого-то странного существа, вечного и все понимающего. Филипп невольно протянул руку:

– Хорошо. Я буду его носить... В память об отце... Тебе сегодня исполнилось семнадцать, я помню.

Король лихорадочно оглянулся по сторонам в поисках достойного подарка. Граф Ревин понял его затруднение и, сняв богато изукрашенный кинжал, с поклоном протянул Александру.

– Вы расстались с одним клинком, разрешите преподнести вам в этот знаменательный день другой. Он сделан лучшими оружейниками калифата.

– Благодарю вас, граф, – голос юноши звучал спокойно и ровно, – это щедрый дар.

– Ну что вы, монсигнор, – еще раз поклонился Ревин, – мы же родичи. Надеюсь, я буду вам полезен.

Король усмехнулся и, взяв кувшин, сам налил в драгоценные кубки вина себе, брату и Ревину с сыновьями.

– Твое здоровье, Сандер. Ты уже почти взрослый, не забывай ни о том, что ты Тагэре, ни о том, что ты брат короля. Завтра я в твою честь дам большую охоту.

– Спасибо, – Александр пригубил вино и поставил кубок.

– Я же сказал, что ты уже почти взрослый, – засмеялся Филипп, – можешь выпить до дна. До дна, я сказал.

Сандер улыбнулся одними губами и быстро допил.

– Я еще нужен?

– Ты мне всегда нужен, – хлопнул его по плечу король, – но сейчас можешь идти. Завтра рано вставать, а ты вряд ли успел научиться ночью пить, а днем охотиться. Ступай и выспись хорошенько... До завтра.

Александр поклонился и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Король посмотрел ему вслед, а потом перевел глаза на меч, который все еще сжимал в руках.

– Роскошное оружие, – заметил граф Ревин, – Обену пришлось потратиться.

– Он заказывал его для Шарля Тагэре, этим все сказано. Вы знаток, Морис. Что это за камень?

– Простите, Ваше Величество, но я такого никогда не видел. Сначала я принял его за звездчатый богомольник, но это не так...

2879 год от В.И.

12-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Сандер не жалел о сделанном. Дружба брата и мир в Арции дороже меча, даже такого. Но вот поверят ли ему друзья, поймут ли, что он и вправду не расстроен и не обижен? Сезар, может быть, и поймет, а Одуэн и Никола нет. Те не могут простить королю родичей королевны... Проклятый, но что Филипп нашел в Вилльо? Ведь из-за этой своры рядом с ним почти не осталось старых друзей, разве что Гастон, но он глуп...

На башне отзвонили полночь, сменился караул. Что ж, вот и кончился его семнадцатый день рождения... Сандер искоса глянул на подаренный кинжал. Куда б его деть, чтобы и Ревин не задеть, и от ненужной вещи избавиться... Младший из Тагэре задумчиво тронул богато украшенные ножны. Хорошая сталь, но не с его горбом таскать на себе такую вещь. Другое дело черный меч, хотя чего о нем думать, нет и нет, Филиппу он больше пристал. Этот клинок должен принадлежать королю Тагэре, а не его младшему брату. Интересно все же, как называется тот камень, который вделан в рукоятку. Эстре не так уж и хорошо разбирается в самоцветах, но такие он видел. На цепи, украшавшей грудь Аларика, когда тот сбросил плащ, чтобы обучить его своим ударам... Может быть, Аларик бывал в Атэве, ведь такой клинок мог родиться лишь в Армянских горах...

Хватит! Он не будет больше думать об этом мече, он поступил совершенно правильно... Но и кинжал Мориса ни за что не наденет. Сандер решительно отвернулся к окну. А нарциссы стали как будто еще свежее, а роса на них так и не высохла. Все же один подарок у него остался. Сезар говорит, что если каким-то особенным образом обходиться с цветочными луковичками, можно заставить растения цвести не в срок. Но кто озаботился

сделать это ради него?

В дверь требовательно постучали. Смешно, он провел в Мунте меньше полугода, а приучился запираяться. Ни во Фло, ни в Эльте он этого не делал...

Сандер одернул куртку, можно подумать, что так он станет красивее, и рывком распахнул дверь, столкнувшись взглядом с королем.

– Не спишь?

– Нет, – Александр посторонился, пропуская брата и с удивлением глядя на меч в его руках.

– Возьми. Он твой.

– Но...

– Никаких «но». Это не семейная реликвия. Обен был волен подарить его тому, кому хочет. Не знаю, что на меня нашло... Думаю, ты будешь носить его с честью. Прости, что забыл тебя поздравить.

– Ничего, я и не хотел...

– Сандер, прекрати это.

– Что? – он и вправду не понимал, что должен прекратить.

– Прекрати стесняться сам себя. Ты – Тагэре, ты – мой брат и герцог Эстре. А через четыре года⁴⁴ на именины Эллы станешь рыцарем...

– Филипп!

– Уж если ты недостойн, я не знаю, кто достоин. Считай это моим подарком, а этот глупый кинжал я с твоего разрешения верну графу Реву. Не возражаешь? – король рассмеялся. – Я ведь боялся, что ты его в окно выкинул.

– И выкинул бы, – кивнул Сандер, – но его могли узнать. А я не могу... Я не могу и не хочу быть с тобой несогласным, но они – мерзавцы! Неужели ты не видишь?!

– Кто «они»? – голос Филиппа сразу стал чужим и холодным, но Александр решил идти до конца.

– Вилльо, Гризье, вся их родня. Филипп, неужели ты не видишь, что они за люди? Жадные, мелочные, злобные... Раньше тебя любили все, а теперь?! Ты женился на Элле, а не на ее семье, они же тебя позорят.

– Сандер! Замолчи!

– Я могу замолчать, но петь на улицах от этого не перестанут. Рауль....

– Теперь Рауль в ход пошел. Незачем мне было отпускать тебя во Фло.

– Хорошо, я только от себя скажу. Почему рядом с тобой нет никого из друзей отца? Из тех, кто воевал с ифранкой, остался только Гастон, да и тот вот-вот дверью хлопнет. А Обен и Евгений? Если бы не они, нас бы тут не было, а...

– А Обен в присутствии целого вывода отдает тебе предназначенный отцу меч, а Евгений приглашает для тайной беседы. Я не слепой, Сандер, и вижу, кто чем дышит. Нет, – король положил руку на плечо брата, – в тебе я не сомневаюсь, да и их по большому счету можно понять, но я не отошлю Вилльо и не окружу себя старой аристократией, как бы они тебе, да и мне, ни нравились. Не понимаешь? Ты еще мальчишка, Сандер, хоть и дерешься, как демон. Поваришься в мунтской мерзости лет десять и поймешь, что лучше собака на цепи, чем волк в лесу. Мне нужны Вилльо, потому что им нужен я.

– Филипп!

– Надеюсь, ты никому не передашь наш разговор. А хоть бы и передал... Сандер, я не отец. И никогда не буду таким. Внешне мы похожи, но я помню герцога Шарля Тагэре. Это был гигант, и друзей и соратников он выбирал под себя: Рауль, покойный дед, дядя, Обен, Евгений, маршал Мальвани, они все, ВСЕ признавали его первенство. Они могли злиться на него, спорить, не понимать, но они подчинялись и шли за ним. Отец был их настоящим

⁴⁴ С 2643 года в Арции в рыцари посвящали молодых дворян, достигших двадцати одного года. Это была привилегия монарха. Обычно церемония приурочивалась к какому-то событию – дню рождения или именинам короля, коронации, Именованию наследника престола и так далее.

королем. Даже проиграй он войну, окажись в изгнании, заболел, он бы остался их вождем, а я?!

Я тень Шарля Тагэре на троне Арции, я уж не говорю о том, что я младше их всех, это как раз не беда. Я как пони среди боевых жеребцов, Сандер, но я король. И я хочу быть настоящим королем! Хочу и буду. А Рауля называют Королем Королей, и, останься я с ним в дружбе, так бы и было. Он бы правил Арцией от моего имени, как хотел, разве что по делам военным советовался с Анри, а интриги плел вместе с Обеном. И это бы вошло у них в привычку.

Александр, пойми. Король должен быть выше всех. Если его головы не видно за теми, кто окружает трон, нужно сменить окружение, пока окружение не сменит короля. Я не сразу к этому пришел, но другого выхода нет. Или я и Вилльо. Или друзья отца... но без меня!

– Но почему Вилльо?!

– Проклятый, да потому что они подлецы, выскочки и ничтожества! Они без меня ничего не значат, их ненавидит простонародье и презирают нобили, значит, они будут мне верны. Я могу им приказывать, могу делать с ними и их руками все, что хочу. Я с их помощью сломаю старую знать. В государстве никто не может быть равным королю, только тогда не будет войн и усобиц. Если бы Этьен Аррой это понял, если бы окружил себя новыми дворянами и оттеснил бы, а то и убрал своих дядьев, у нас не было бы ни Лумэнов, ни Войны Нарциссов. Я не собираюсь повторять его ошибок. У меня есть жена, скоро будут наследники, и я намерен оставить им прочный трон.

– А Ифрана?

– Что Ифрана?

– Жозеф боится Мальвани, а Джакомо – Рауля, а из Ревы полководец как из кошачьего хвоста меч.

– Жозеф не нападет. Ему нужно, чтобы мы оставили мысли о возвращении Ифраны, а сам к нам он не полезет, да и Анри в Оргонде ему спать спокойно не даст. А Джакомо... Что ж, какое-то время придется потерпеть... В Тагэре эскотцев сдерживает Рауль, ну а Эстре... Там привыкли жить от набега к набегу. Лучше война на окраинах, чем крамола в столице. Я знаю, что тебе не нравятся родичи Эллы, что ж, а я не в восторге от твоих друзей... Рано или поздно тебе предстоит выбирать между ними и мной, а им между тобой и своими фамилиями. Я был бы рад увидеть лет через пятнадцать Сезара Мальвани маршалом Арции, но если он будет думать только о войне и исполнять мои приказы.

– Мальвани могут быть друзьями, но не слугами.

– Значит, главное ты понял. Мне нужны подданные, Сандер, подданные, а не указчики и приятели, которые захотят – помогут, а захотят – нет. Я не хочу крови, но, если потребуется, я ее пролью. Можешь так и сказать Обену.

– Я не буду ничего говорить.

– Да, неприятные вещи говорить трудно...

– Дело не в этом. Я не верю, что ты и вправду так думаешь, а если думаешь, то... – серые глаза Александра вызывающе сверкнули, – если ты так думаешь, я с тобой не согласен. Филипп, нельзя жить среди подлецов. Вспомни Батара! Ты заговорил об эскотцах. У них есть пословица: на свинье дальше хлева не уедешь. Тагэре не должны опираться на мерзавцев, да и опора из Вилльо как из жабы лошадь. Ты вот о крови заговорил... А ты уверен, что сможешь подавить восстание, если его поднимет Рауль и поддержат другие нобили?

– Хватит, Сандер. Мы с тобой начинаем переливать из пустого в порожнее. Скажи лучше, откуда эти нарциссы?

– Не знаю... Принес кто-то, я не слышал.

– «Принес кто-то»... Странные подарки ты получаешь. Королевские цветы, королевский меч...

– Я помню, кто я, Филипп. Я младший брат короля, и я верен брату и королю.

– Да я и не сомневаюсь, забудь о том, что я тебе тут наболтал, ты еще слишком молод

для всей этой пакости. Скажи лучше, ты уже выбрал консигну⁴⁵?

Консигну? Разумеется, он об этом думал, думал с тех пор, как Дени начал вколачивать в него азы рыцарской науки. Сначала воображение рисовало что-то сложное и многозначительное со звездами, драконами, мечами и молниями. Но чем старше он становился, тем более пошлыми казались ему и изрыгающие пламя драконы, и попирающие оных рыцари. Да и положение младшего брата вкупе с уродством вызвало к скромности и лаконичности... Личная консигна? Аларик в день приснопамятного поединка сказал: «Если ставить, так на волчонка, а не на кабана». На волчонка... Одиноким волчонок, задравший морду к невидимой луне... Да, именно так. А цвета обычные для Тагэре. Синий и серебряный.

– Ты что, заснул что ли, – поинтересовался Филипп, – неужели ничего не придумал? Я уже в двенадцать лет знал, что будет на моих знаменах.

– Я тоже знаю, – твердо сказал Александр.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ANTE BELLUM⁴⁶

Времени не будет помириться...
Б.Окуджава

2882 год от В.И.

26-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Шарло Тагэре ненавидел Мунт, и Рауль ре Фло только теперь понял правоту покойного герцога. Столица и двор – это интриги, ворье, грязь. Может, Шарло и сумел бы этого избежать, но его сыну это не удалось. Ему много чего не удалось.

Рауль все лето промотался по эскотской границе, проверяя гарнизоны. Пока замковый пояс, созданный Шарлем, держался, но нуждался в обновлении. Людям надо было платить, крепости чинить, оружие закупать, а Мунт денег не присылал, и Рауль знал почему. Вилльо! Ре Фло и в страшном сне не мог вообразить, что найдется семейка, способная воровать больше, чем Фарбье, но покойный Жан в сравнении с новоиспеченным графом Ревии и его выводком вполне тянул на Святого Духа.

Когда ре Фло, весьма холодно простившись с королем, объявил, что намерен заняться северными границами, его не удерживали. Рауль, хоть и взбешенный до глубины души скоропалительной женитьбой Филиппа, полагал, что, заполучив запретную красавицу, король быстро остынет и все пойдет по-прежнему. Не пошло. Новые родичи оказались сильнее старых друзей, которые один за другим покидали столицу. Те, кто плечом к плечу стояли на Бетокском поле, становились не нужны. Даже Мальвани. Известие об отъезде маршала в Оргонду для Рауля прозвучало, как набат.

«Выбирая между разрывом и разлукой, – писал Анри ученику и другу, – я выбираю разлуку, тем паче что в Оргонде защищать Арцию сейчас легче, чем в Мунте. Если все будет идти так, как шло, удерживать Паука придется из Оргонды, так как арцийская армия придет в самый жалкий вид. Я далек от того, чтобы жалеть о сделанном единожды выборе, но мне больно думать о том, как тает наша победа. Возможно, в этом есть и наша вина, но я воин, а не придворный. Пусть старик Обен ищет выход из положения, а я могу лишь уехать, сохранив видимость былой дружбы.

⁴⁵ Консигна (личная сигна) – личный знак, получаемый рыцарем или наследником знатного (не ниже графского) рода и становящийся его визитной карточкой наряду с родовой сигной.

⁴⁶ Перед войной (лат.) .

Можете мне поверить, Рауль, я долго думал, прежде чем решиться на этот шаг, но последний разговор с Филиппом не оставил мне даже надежды. Я верен и буду верен Арции и памяти Шарля, но на большее меня не хватает. Мне больно думать, что я оставляю вас в этот тяжелый миг, и я надеюсь, что мужество и благоразумие вас не оставят...»

«Мужество и благоразумие, – проворчал Рауль. – Проклятый! Эти вещи и раньше-то не слишком сочетались друг с другом, а уж теперь... Будьте благоразумны и не вздумайте отлупить королевского тестя! Будьте мужественны и скажите королю правду!» Он, конечно, поговорит с Филиппом, тем более его об этом просит и дворянство Севера, и воины, год не выдавшие жалованья, но продолжающие отбиваться от эскотских разбойников. Но что выйдет из этого разговора? По дороге в Мунт Рауль заезжал в Тагэре, Эста и слышать не хочет о том, чтобы поселиться с некогда обожаемым сыном, а нечастые приезды Филиппа оборачиваются ссорами. Упрям, как осел, и при этом под каблуком у своей ненаглядной Эллы. Хуже сочетания не придумать!

Ре Фло приветственно помахал рукой толкущимся на мосту зевакам, которые приветствовали Короля Королей радостными возгласами и напутствиями. Добрые жители Мунта советовали Раулю утопить Вилльо в Лююфере. Он бы с удовольствием, но что делать с Филиппом? Из кабачка вывалилась толпа студюзов, изо всех сил горланящих песню о рыжей суке и четырех «пуделях». И эти о том же...

2882 год от В.И.

7-й день месяца Волка.

Фей-Вэйя

До рассвета оставалось несколько ор. Анастасия очень любила эти тихие ночные часы, когда даже самые усердные молельщицы успокаивались в своих кельях, а самые пылкие влюбленные засыпали в объятиях друг друга. Ее Иносенсия равно презирала как первых, так и вторых. Что толку тратить единую и неповторимую жизнь во имя того, о чем никто ничего не знает и знать не может? Стоит ли тратить молодость на краткие удовольствия, воспоминания о которых потом станут мукой и стыдом? Сейчас Анастасия была рада, что семнадцать лет назад не дождалась Шарля Тагэре.

Подумать только, как ее когда-то занимало то, что менестрели называют любовью. Шарль был для нее светом в окошке, чуть ли не богом, а жизнь без него казалась страшнее смерти. Как же она была глупа! Ну да не было бы счастья, да несчастье помогло. Герцог Тагэре теперь далек от дел мирских и своей смертью освободил и ее. По крайней мере, она надеялась, что это именно так, а сны... Сны не в счет, мало ли чем смущает души Проклятый. Главное, чтобы об этой ее слабости не узнали другие, потому что Предстоятельница ордена должна быть безупречна.

Анастасия глянула на дверь. Сейчас никто не посмеет к ней войти, и она устроит себе маленький праздник. Ее Иносенсия зажгла две свечи и поставила их возле зеркала, а затем распустила косы и сняла верхнее широкое платье. Стекло отразило полуобнаженную женщину с восхитительными белыми плечами и водопадом роскошных иссиня-черных волос. Предстоятельница улыбнулась самой себе и открыла ларец с Реликвией, стоявший на маленьком алтаре. Свет разбился на множество алых брызг, отразившись от огромных рубинов. Анастасия медленно, наслаждаясь каждым движением, вдела в уши серьги, застегнула на шее ожерелье, красиво взмахнув точеными руками, возложила на голову диадему. Говорят, некогда существовало изображение святой Циалы без опущенных глаз и покрывала. Неведомый художник нарисовал ее в вишневых шелках с тревожными алыми камнями на точеной шее... Где сейчас эта картина, никто не ведает, а Анастасия не отказалась бы увидеть женщину, создавшую их орден.

Равноапостольная, выбирая между любовью и властью, выбрала власть. И правильно сделала. Но она, Анастасия, если не испугается и не ошибется, пойдет еще дальше. Циале было труднее, она была первой, да и времена были другими. Анхель создал могучую империю; в те поры глава Церкви и помыслить не мог, чтобы стать еще и светским

владыкой, другое дело сейчас... Вместо единой Арции – чуть ли не десяток государств, каждое из которых можно так или иначе подчинить. Кардиналы и наместники думают, что стараются для себя, и хорошо. Так они добьются большего, тем паче она пока еще не готова... Сколько еще предстоит сделать, а время не остановишь, до предсказанного срока осталось совсем немного.

Зря она все же убила Агриппину, не выведав всех ее тайн и мыслей, толстуха была умна и, в сущности, поступила правильно. Без Агриппины Соланж Ноар так бы и осталась мелкой ноблеской, вышла бы замуж за какое-нибудь ничтожество, рожала бы ему наследников, так и не узнав, что значит настоящая жизнь.

В дверь робко постучали, чуть ли не поскреблись... Ее Иносенсия давно приучила сестер не мешать ее ночным раздумьям без веской причины. Видно, дело спешное. Стремительно, но бережно сняв драгоценности и набросив на плечи белую шаль, Анастасия позволила войти. Бланкиссима Цецилия, уже давно не помышлявшая о том, чтобы вертеть Предстоятельницей и поэтому ставшая настоятельницей Фей-Вэйи, коротко поведала, что явился человек, назвавший три Слова⁴⁷.

– Как он назвался?

– Бекко.

– Я его приму.

Быстро же он вернулся! Вряд ли что-то неотложное, но любые новости лучше узнавать как можно раньше, а Бекко никогда не приезжает просто так. Анастасия ласково и чуть устало улыбнулось вошедшему черноволосому мужчине с характерным лицом знатного мирийца. Бекко, в отличие от большинства ее прознатчиков, служил не из страха и не за деньги, а потому что был безнадежно влюблен. Обожание красивого и умного нобилия Предстоятельнице льстило, к тому же мириец был очень и очень полезен, особенно после нелепой смерти Мулана.

– Приветствую Ее Иносенсию!

Анастасия грациозно протянула прознатчику тонкую руку, и тот припал губами к рубиновому кольцу. Поцелуй продлился несколько дольше, чем требовали приличия, но циапианка иногда прощала подобные вольности.

– Я ждала тебя не раньше, чем через две кварталы⁴⁸. Что-то произошло?

– С дозволения Ее Иносенсии... Мирийская бланкиссима полагает, что дочь герцога Энрике обладает магическими способностями, но ни она сама, ни ее родные об этом не подозревают. И девочка ими действительно обладает.

– Откуда эти сведения?

– Сестры обители в Кер-Эрасти ненавидят и боятся бланкиссиму Дафну, ее гнев пугает их даже меньше ее, – на смуглом лице Бекко скользнула презрительная усмешка, – скажем так, любви. Но мирийки рождаются с огнем в крови, который белым покрывалом не погасить... Сестры часто ищут земных радостей в объятиях молодых рыбаков. Это грозит смертью, но к танцам со Смертью мирийцам не привыкать...

– И ты решил станцевать... Что ж, согрешившая с тобой сестра была красива?

– Возможно.

– Ты не видел ее лица?

– Я не замечая женских лиц, кроме...

– Кроме? – подняла бровь Анастасия.

– Кроме святой Циалы, – нашелся мириец.

⁴⁷ В Фей-Вэйе существовал тройной пароль. Первый служил пропуском на территорию обители и назывался привратнику, второй назывался дежурной необланкиссе и служил пропуском к настоятельнице, третий назывался лишь настоятельнице и означал, что о прибывшем должна быть поставлена в известность Ее Иносенсия.

⁴⁸ Время, за которое луна проходит одну из своих фаз (около 7 суток).

– Это делает тебе честь. Твои грехи будут тебе прощены, ибо грешил ты во имя достойной цели, но можно ли доверять этой женщине без лица?

– Можно, ибо все услышанное мной в Кер-Эрасти и Гвайларде подтверждает ее слова. Дафна полностью подчинила себе герцогиню Эвфразию, и все знают, что юная Дариоло примет постриг.

– Даже Дафна не может отменить устав ордена и законы Мирии. Дитя герцога может решить свою судьбу, лишь достигнув восемнадцати лет, а войти в сестринство без трехлетнего послушания нельзя.

– Дариоло запугана и задавлена матерью, которая думает лишь о грехах и их искуплении...

– А что герцог?

– Энрике Янтарные Глаза в последние годы очень изменился. Жену он не любит. У него есть любовница, молодая и красивая. Она ненавидит Дафну и жалеет Даро. Старший сын и наследник Энрике также не скрывает ненависти к бланкиссине, но сам герцог предпочитает не вмешиваться в дела герцогини и ее наперсницы. Я готов поклясться, что он боится Дафну. Ее многие боятся.

– Запретная магия?

– Возле обители в Гвайларде Кристалл⁴⁹ светится, и светится сильно, но проникнуть внутрь я не смог. Там не только стены и псы, но и стража иная. Белые Псы мне не под силу. Кто творит волшебство, можно лишь догадываться, но я поставил бы на Дафну.

– Пока оставим Псов в покое. Что известно о способностях Дариоло?

– Однажды она, готовя урок, опрокинула на книгу лакомство, которое ей тайком принес брат. Девочку часто сажают на хлеб и воду, приучая к смирению, Рафаэлю это не нравится.

– Что собой представляет наследник?

– Байланте, – улыбнулся прознатчик, – и этим все сказано.

– Красив, отважен и глуп?

– Первое и второе безусловно. Насчет глупости не уверен.

– Хорошо, вернемся к девочке.

– Она в испуге захлопнула испорченную книгу, а когда мать ее открыла, пятна исчезли. Я был в саду, приходил к... одной из дам и случайно...

– Случайно?

– Воистину случайно услышал, как девочка рассказывала об этом брату. Он не обратил внимания, но я понял, что Дариоло, будучи совершенно необученной, сумела очистить книгу.

– Да, скорее всего так и есть. Что-нибудь еще?

– В Мирии и Оргонде вновь заговорили о Скитальце. Ортодоксы боятся выходить в море, так как не вернулись две из четырех флотилий, хотя больших штормов не было.

– Скиталец – сказка, – отрезала Ее Иносенсия, – выдуманная нерадивыми мореходами, чтобы объяснять свои неудачи. Ортодоксы нарвались на атэвов или эландских еретиков, которые с успехом заменили им бурю. Но я слишком долго тебя расспрашиваю, – Анастасия улыбнулась, и мириец затрепетал, как струна. – Ты принес важные известия, я довольна, а теперь тебе нужно отдохнуть.

Бекко вновь страстно облобызал кольцо и удалился, послав Анастасии огненный взгляд. А он недурен, и очень недурен, хоть и совсем не похож ни на Шарля Тагэре, ни на Мулана. Если ей понадобится вновь прибегнуть к заклятию Нежизни, она, возможно, выберет именно его, но пока мириец ей нужен в другом качестве. Да и само заклятие... Столько лет прошло, а ей до сих пор неприятно вспоминать о том, что случилось в заброшенном склепе.

⁴⁹ Кристалл Поиска – магический инструмент, изготовленный из кристаллов дымчатого кастеора, применяемый для того, чтобы узнать, не творится ли по соседству волшебство. Недостатком Кристалла Поиска является то, что он не чувствует заклятия, произнесенные в непосредственной близости.

Подумать только, Виргиния добровольно прошла через эту пытку четыре раза! Или прошлой Предстоятельнице Белая Магия давалась легче? К тому же Виргиния сознательно хотела овладеть Силой, а она... Она никогда бы не решилась на такое, если б не нелепая любовь к золотоволосому герцогу. И тот бы ушел с ней за горы, если бы его жена не свалилась с лошади и не родила ему уродца. Шарло, видите ли, любил одну, но не мог предать другую, за что и поплатился. А вот вернувшаяся из Тагэре Анастазия оказалась в центре драки из-за Рубинов Циалы между Дианой, Еленой и Генриеттой.

Силы были равны, каждая понимала, что находится между победой и смертью, каждая не была уверена в первой, но не желала второй. Глупая любовь сыграла с Анастазией странную шутку, она слишком много думала об объятиях Шарля Тагэре и слишком мало о том, что творится вокруг. Соперницы же с подачи Агриппины решили сделать передышку в борьбе и временно избрать Предстоятельницей беспомощную Анастасию. Судьба повернулась к ней лицом, но даже тогда она не очнулась, продолжая оплакивать свою любовь.

Когда Тагэре погиб, она тоже чуть не умерла, на земле ее удержала лишь месть. И она отомстила. Сначала убившим Шарля Генриетте и Дорже, потом обманувшей ее Агриппине, и лишь после этого очнулась от наваждения и поняла, для чего и во имя чего была рождена. Эта цель достойна того, чтобы к ней идти, но достигнуть ее непросто.

Ее Иносенсия отбросила смятую шаль и вновь подошла к зеркалу. Теперь никто не смеет смотреть на нее как на куклу, которая отойдет в мир иной, едва кто-то из грызущихся лисиц добьется преимущества. Сначала умерла Генриетта, затем Диана и, наконец, Елена... Забавно, что их преемники унаследовали и их вражду, и их заблуждения. Арцийка Шарлотта и ифранка Данута могут сколько угодно полагать, что получили ожерелья⁵⁰ благодаря умелым интригам, а их предшественницы скончались своей смертью. Ее Иносенсию такое вполне устраивает.

Пусть Шарлотта уповает на свою дружбу с королевой. Пока Филипп был заодно со своим знаменитым родичем, он был непобедим, но из-за Элеоноры король и Король Королей рано или поздно, и скорее рано, начнут рвать друг друга на куски. Надо полагать, великий кузен стащит красавчика Тагэре с трона, на который сам же и посадил, а Данута назло Шарлотте ему поможет. Ведьмы всегда сводили счеты друг с другом чужими руками, ослабляя и Арцию с Ифраной, и самих себя. Кто бы ни победил, он не будет представлять угрозы Фей-Вэе, но вот Дафна!

Анастасию передернуло от омерзения, когда она вспомнила мирийскую бланкиссиму. Тело Ее Иносенсии не забыло наслаждения, испытанного в объятиях Шарля Тагэре, и Предстоятельница не так уж и строго судила сестер, впадавших в грех то с Белыми рыцарями, то с молодыми нобилиями. Она старалась узнавать об этом, чтобы в случае необходимости подчинить любовников, но противоестественные наклонности Дафны вызывали у Анастасии отвращение, а ее честолубие, хитрость и знания настораживали. Предстоятельница понимала, что мирийка может стать опаснее Шарлотты и Дануты, вместе взятых. Особенно если приберет к рукам Дариоло Кэрна.

Агриппина много и с удовольствием рассуждала о магических талантах. И не только рассуждала. Соланж Ноар толстуха приблизила именно потому, что заметила в ней недюжинные способности к магии Оленя. Но Агриппина растила из Соланж Анастасию, чтобы спасти мир от Проклятого, который, по расчетам покойной наставницы, вернется еще до исхода столетия. Дафна же лепит из Дариоло оружие в борьбе за Рубины.

Ее Иносенсия понимала, что пора вмешаться, но как? Та не глупа и, надо смотреть правде в глаза, искушена в магии. Вместе с Агриппиной они бы с мирийкой совладали, но один на один.... К тому же до мерзкой жабы еще нужно добраться. Фей-Вэи та избегает,

⁵⁰ Рубиновое ожерелье – знак циалианки, возглавляющей сестринство в независимом королевстве или герцогстве.

якобы по состоянию здоровья.

Посетить Гвайларду самой? Дафна, несомненно, к этому готова, да и как объяснить сестрам сначала немыслимую честь, оказанную мирийке, а потом ее неожиданную смерть? Свои намерения лучше держать в тайне, по крайней мере, пока не настанут предсказанные дни.

Но Дафна ждать не станет! Она уже немолода. Сколько сейчас дочери герцога? Около пятнадцати. Еще два года, и будет поздно. Убить девчонку? На расстоянии этого не сделать, Мулан мертв, Бекко? Слишком рискованно. У мирийцев голова устроена по-особому, никогда не знаешь, чего от них ждать, да и Дафна наверняка стережет свое сокровище. А если заставить герцога выдать дочь замуж? Куда-нибудь в Арцию, поближе к Фей-Вэе. Кровь Кэрна, кровь святого Эрасти, пролитая в нужном месте и в нужное время, может стать страшным оружием, и было бы неплохо такое оружие заполучить.

2882 год от В.И.

10-й день месяца Венря.

Арция. Мунт

Александр старательно смотрел на грязную стену. Он не хотел снова идти в храм Триединого, но сегодня была двенадцатая годовщина смерти отца и Эдмона, а Элеонора заказала заупокойную службу именно здесь. Это была месть кардиналу Евгению, изрядно портившему Ее Величеству жизнь и своими проповедями, и беседами с королем, после которых Филипп иногда брал свои решения назад. Единственное, чем королева могла отплатить вредному старику, было ее демонстративное внимание к новому храму и епископу Иллариону, впрочем, никоим образом не выделявшему Ее Величество из числа своих прихожанок. Александр не думал, что Филипп поедет в Духов Замок, слишком многим и король, и его покойный отец были обязаны Евгению, чтобы в годовщину гибели Шарля Тагэре пренебречь опекаемым Его Преосвященством эрастианским собором, но король решил угодить всем. Утром – Триединый, вечером – Великомученик Эрасти.

Слушая вздохи органа и красивые, но холодные слова, произносимые Илларионом, Сандер думал о том, что сегодняшний день может оказаться решающим. Юноша надеялся, что память об отце примирит Рауля и Филиппа, но опасался совсем иного, уж слишком много скопилось обид... Младший из Тагэре стоял рядом с Жоффруа и сразу же за королем и королевой. Позади, он это знал, выстроились Вилльо, оттеснившие от Филиппа и Мальвани, и ре Фло, и Гартажей, хотя сегодня брату следовало бы окружить себя соратниками былых времен. Только бы день закончился мирно, не хватало еще, чтобы на радость уцелевшим Лумэнам недавние победители вцепились друг другу в глотки! Сзади послышался какой-то шорох, и Сандер обернулся. Миранде Мальвани стало дурно, и Сезар с Раулем повели ее вон из храма.

Как бы ему хотелось уйти вместе с ними. Но нельзя. Сегодня любой неверный шаг может оказаться искрой в стоге высохшей соломы. Александр постарался сосредоточиться на службе или хотя бы на Илларионе. Он впервые видел епископа. Еще не старый, видимо, умный, в глазах странный, чуть ли не сладострастный восторг... Похоже, он действительно живет этим храмом. Александр заметил, что взгляд антонианца устремлен вверх. Клирику не было дела ни до людей, собравшихся под этими сводами, будь они хоть трижды королями, ни до повода, по которому они пришли; для него существовали лишь фрески Триединого, которые он, Александр Тагэре не видел. Внезапно Сандер почувствовал на себе чей-то взгляд. Он не мог обернуться и посмотреть, кто это, но ощущение одиночества и предчувствия беды, с утра не оставлявшее младшего из Тагэре, отступило. К счастью, служба заканчивалась. Едва отзвучали последние слова и за Илларионом закрылись ворота Небесного Портала, Сандер оглянулся, пытаясь среди сотен глаз найти те, единственные... Никого! Лишь пепельноволосая святая Рената протягивала ему алую бабочку...

2882 год от В.И.

10-й день месяца Вепря.

Арция. Мунт

Жоффруа было плохо. Вчера он выпил слишком много авирского, а сегодня пришлось вставать ни свет ни заря и тащиться в Духов Замок. Герцог Ларрэн любил и отца, и Эдмона, но те вряд ли бы захотели, чтобы человек из-за них так мучался. Утро вообще выдалось на редкость мерзким. Неожиданно потеплело, и зарядил совершенно неуместный в месяце Вепря дождь. Воздух был буквально пропитан влагой, под ногами хлюпало, щегольские сапоги сразу же отсырели и покрылись отвратительными бурными пятнами. В довершение всего ему на ногу наступил Эллин братец и даже не извинился. В глубине души Жоффруа понимал, что сам виноват. Сандера с его дружкой Мальвани Вилльо обходят десятой дорогой, а вот у него поставить выскочек на место не получается.

А они выскочки. Отвратительные, жадные, беспардонные выскочки, отбирающие у других то, что тем принадлежит по праву. Братья короля и те загнаны куда-то в угол. Сандер, тот этим не тяготится, да и что ему? Младший, да еще и горбун, понятно, что лишний раз показываться на люди ему не в радость. Другое дело он, Жоффруа! Пока Элла не родила Филиппу сына, он даже был наследником короны, так почему же с ним так обращаются?! Вилльо – все, а ему – ничего!

Первый и последний подарок братца – это герцогский титул, много с этого толку... Ларрэн разорен, да и не пускают его туда. Даже те доходы, что есть, отбирают в казну, откуда «пуделя» гребут полной ложкой. То же и с Эстре, ну да Сандеру много не нужно, а вот ему не пристало уступать каким-то выскочкам ни в одежде, ни в выезде. Все Вилльо обзавелись домами в столице, только он живет у брата, словно бы из милости. Пусть в королевском дворце, но от этого не легче. А может, Филипп его держит при себе и не дает ему ни денег, ни земель, потому что не доверяет? Очень даже может быть! Еще немного, и от Филиппа отвернется вся Арция. Брат останется королем только над своими «пуделями», но у недовольных должен быть вождь, и лучше всего, если им окажется Тагэре. Отец не хотел, но его вынудили выступить против Пьера... А если... Если Генеральные Штаты и нобили предложат ему, Жоффруа Тагэре, выступить против короля?

2882 год от В.И.

10-й день месяца Вепря.

Арция. Мунт

Жена Анри всегда была умницей. Если бы не она, пришлось бы отстоять службу до конца, любуясь на затылки Вилльо, вырядившихся в день траура, словно на бал. К счастью, Мира поняла, что Королю Королей негоже выходить из храма после окруживших дурака Филиппа проглотов, а так все вышло очень удачно. Он помог жене друга, которой стало плохо. Кстати, здравицы в честь короля вряд ли были громче, чем в честь его и отсутствующего Анри. Говорят, память народная еще короче женской, но Мунт помнит, кто победил ифранку. Мунт, но не король, явно тяготящийся их с Гартажем присутствием. Подумать только, что когда-то именно Филипп назвал его Королем Королей, а теперь это прозвище вызывает у него явную ревность. Да, сын Шарло оказался ревнивым и упрямым. Морис с Эллой ему напели про его мудрость и непобедимость, он, похоже, и сам начинает в это верить. Советы воспринимает чуть ли не как личные оскорбления. Чего доброго, скоро потребует, чтоб ему, как атэвскому калифу, сапоги целовали, но тот держит своих родичей за горло, а тут не поймешь – блохи при короле или король при блохах. И, похоже, если этих блох не перебить, король сам станет блохой. Что бы Филипп о себе ни воображал, он не полководец и не политик.

Да, он смел. Он способен, причем с выдумкой, исполнить то, что придумали другие, но он никогда не сможет просчитать все с начала до конца. Бросать кости, да, это по нему, но в эрмет Филипп не игрок. При хорошем маршале и канцлере и, разумеется, при подходящей жене он будет великим королем, но при Вилльо... Пьер со своими хомьяками при путном регенте был бы меньшим злом, чем коронованный осел, оседланный жадными родичами.

Если б не погиб Эдмон, в крайнем случае можно было бы сменить одного Тагэре на другого, а так... Жоффруа, похоже, не получил от отца совсем ничего, а Александр еще мальчишка и в придачу калека, хотя истории с Муланом и «пуделями» говорят в его пользу. Но малыш до одури предан брату, который на него почти не смотрит. Похоже, это последняя бескорыстная привязанность в этом королевстве. Филипп будет отпетым дураком, если оттолкнет от себя еще и Сандера...

— Рауль о чем-то задумался. — Миранда, раздумываясь, с блестящими глазами уже ничем не напоминала бледную сигнору, бессильно повисшую на руках сына и друга.

— Если тебе не изменила твоя догадливость, ты наверняка знаешь, о чем.

— Знаю, — кивнула жена маршала, — об утреннем свинстве. Знал бы ты, как я ненавижу этот храм... Конечно, я немного схитрила, но мне там и вправду становится плохо. Однако дело не в этом.

— Конечно, не в этом, — подтвердил Король Королей, — дело в короле и королеве.

— Ты собираешься с ними говорить?

— С Филиппом, но не с Элеонорой.

— Боюсь, у тебя ничего не выйдет. Она боится вашего разговора наедине и не отпустит мужа, а заодно и родичей. Тебе придется схватиться сразу со всеми.

— Неравный бой, — кивнул головой ре Фло, — не в первый раз, конечно, но уж лучше десяток батаров, чем рыжая сука и ее кобели... Прости, Миранда... Это песенка такая, на язык попало.

— Да слышала я эту песенку, — улыбнулась жена Анри, — ее половина Мунта поет, я даже пуделей этих знаю. Луи Трюэль их приводил к нам как-то, очень милые собачки...

— Гартажи тоже на взводе.

— На взводе все, Рауль. И это очень плохо. Может быть, тебе лучше уехать?

— Куда? В Оргонду? На север? Мира, дорогая, я ОБЕЩАЛ и воинам, и нобилям поговорить с Филиппом. Я не могу им лгать.

— От такой честности полшага до гражданской войны.

— Что ж, — Рауль сплел пальцы, — раз мы дожили до такого, придется пожертвовать «пуделями». Если мне понадобится содрать с них шкуру, я сделаю это, хоть они и не та дичь, к которой я привык. Но сначала я поговорю с Филиппом. Сегодня же...

— Как знаешь, — Миранда поправила браслет. — Может, ты и прав, хотя за малой кровью всегда стоит большая. Значит, вечером... Я тоже приглашена, но не пойду, ведь мне по-прежнему плохо.

— А Сезара отпустишь?

— Он взрослый, ему и решать. Думаю, он пойдет, хотя бы из дружбы к Александру.

2882 год от В.И.

10-й день месяца Вепря.

Арция. Мунт

Гостей было немного. Отец Эллы с сыновьями, Жоффруа с Сандером, Гастон Койла и виконт Малве, заменивший отсутствующих родителей. Рауль ре Фло коротко поклонился и занял место между Сезаром и кем-то из «пуделей» (вернувшийся с границы граф так и не научился разбираться в королевских родственниках). Все молчали, что было неудивительно. Повод, по которому собралась семья, был, мягко говоря, невеселым.

Любопытно, о чем сейчас думает королева. Ее первый муж погиб, сражаясь на стороне Лумэнов. Теперь, по прошествии двенадцати лет, радует красавицу это обстоятельство или печалит? Ре Фло старался, но не мог припомнить барона Гризье, мелкую сошку, вряд ли известную за пределами его родной провинции. Если Элеонора его любила, а домогательствам короля уступила ради семьи, ее можно понять, но если ей дорог именно Филипп, она должна вести себя иначе. Рауль смотрел на роскошно одетую надменную женщину, понимая, что поговорить с Филиппом наедине не удастся. Король боится и не хочет этого разговора и в то же время еще не готов к полному разрыву. Отсюда и этот обед,

который должен показать, что Рауль ре Фло все еще член семьи... Рауль поймал бегающий взгляд Жоффруа, столкнулся с умоляющими глазами Александра... Мальчишка все понимает и мучительно не хочет ссоры. Еще бы, выбирать между братом и другом непросто, а чувство чести у малыша отцовское... Пожалуй, Мира была права, ссора сейчас не нужна. Хотя бы ради Сандера. Лучше вернуться на границу, заплатить воинам из своего кошелька и подождать год-другой. Обен и Евгений не дураки, может быть, им удастся образумить Филиппа, еще одной гражданской войны Арция не переживет... Он уберется из Мунта завтра же, здесь и сны какие-то подлые. Что видел, не вспомнишь, знаешь только, что гадость, причем страшная.

Проклятый, как же им всем не хватает Шарло... Сходство Филиппа с покойным герцогом лишь напоминает об утрате. «Отражение коня в озере никогда не станет конем», – говорят атэвы. Увы, Филипп – лишь отражение Шарло, и причем отражение глупое и упрямое.

– Когда вы возвращаетесь к вашим неприятным эскотцам? – учтиво осведомился разряженный нобиль средних лет с очень любезным лицом, тесть, надо полагать...

– Не знаю еще. – Почему не знает, он же решил, что завтра. Или еще не решил? – Это зависит от многих обстоятельств. Крепости нуждаются в ремонте, люди – в жалованье.

– Страна разорена, – вздохнул отец королевы, и золотая атэвская парча вспыхнула в свете свечей, – боюсь, нам придется урезать содержание армии. Придется затянуть пояса.

– «Нам»? – Нужно оставаться спокойным. Спокойным и сдержанным. – Но армию содержит казна, это вопрос короля и маршала, любезный... м-м...

– Граф Реве, – тусклым голосом сообщил Филипп, – мой тесть и, можно сказать, временный старейшина Совета Нобилей, так как Обен Трюэль болеет пятый год.

– Я знаю, – кивнул ре Фло.

– О да, – улыбнулся Реве, – вы же были у нашего дорогого графа.

– Разумеется. Он мой друг, и он оказал немало услуг Арции.

– Да, – все так же невыразительно подтвердил король, – поэтому его звание, равно как и звание маршала Арции, пожизненно закреплено за Обеном Трюэлем и Анри Мальвани.

– Это благородное решение, – тонко улыбнулась королева, – но оно дурно сказывается на делах сегодняшних. Уехавший маршал, больной старейшина... Их обязанности, но без их прав и привилегий, вынуждены исполнять другие. Если бы эти люди по-прежнему радели об Арции, они бы сами отказались и от жезла⁵¹, и от кресла в Совете.

– Сигнора, – голос ре Фло все еще звучал ровно, – Анри Мальвани перестанет радеть об Арции, только если умрет. То, что он делает в Оргонде, позволяет нам меньше тратить на оборону и не опасаться удара с юга.

– Теперь уже вы сказали «нам», сигнор, – холодно заметил Реве.

– Да, – столь же холодно произнес хозяин Фло, – потому что второй год все расходы по обороне северных границ несут ре Фло.

– Вы, граф, – фиалковые глаза королевы на мгновение остановились на супруге, и тот ответил ей нервной улыбкой, – вы, дорогой граф, взяли на себя управление Севером добровольно, и, насколько мне известно, Мунт не видит доходов ни из Эстре, ни из Тагэре. Если вы их тратите на оборону, это, безусловно, разумно, но хотелось бы знать подробности...

– А подробности о доходах провинции Ларрэн вы бы знать не хотели? – Рауль резко обернулся к графу Реве. – Там нет войны, там лучшие почвы в Арции, там лежат торговые пути, но, похоже, даже герцог Ларрэн не знает, куда исчезают доходы от его владений.

– Не знаю, – встрепнулся Жоффруа, – граф Реве...

– Жоффруа, – король нахмурился, и средний брат тут же замолк, на всякий случай отвернувшись от Рауля. – Вряд ли состояние владений Жоффруа имеет к вам отношение,

⁵¹ Имеется в виду маршальский жезл.

скорее уж вы можете рассказать Александру о том, что вы делаете с Эстре.

– Не нужно. – Голос Сандера слегка дрожал, но он хотя бы не прятал взгляд. – Филипп, мне недавно рассказали, что в Эстре привыкли жить от набега к набегу. Я знаю, кузен делает все, что в человеческих силах. Если бы я и вправду распоряжался Эстре, то, не колеблясь, попросил бы его взять на себя управление, а сам бы постарался помочь.

– Ты еще молод, братец. И титул герцога Эстрийского отнюдь не означает, что ты будешь там править, так что помолчи.

Серые глаза Сандера вспыхнули и погасли. Видимо, он что-то вспомнил, что-то, что заставило его взять себя в руки. Повисла нехорошая тишина.

– Итак, – медленно и четко заговорил Рауль, – насколько я понял, в любезном отечестве можно безнаказанно красть деньги и пускать их на раззолоченные штаны и особняки, но нельзя из них платить тем, кто эти штаны и особняки защищает? Я пришлю Вашему Величеству все отчеты за последние два года. Насколько я понимаю, из казны можно лишь брать, но не вкладывать туда собственные деньги. Я больше не буду содержать Замковый пояс, дабы не вызывать огорчения у Вашего Величества и сидящего в кресле отсутствующего Обена любезного графа.

– Вас никто не просил платить солдатам.

– И я отнюдь не уверена, – добавила королева, – что этот поступок был продиктован заботой о благе Арции, а не желанием заручиться поддержкой наемников.

– Ваше Величество, – темные глаза Рауля метали молнии, – я на границе отвык от светских недомолвок. Мне хотелось бы, чтобы вы объяснили, что имела в виду ваша супруга.

В этот вечер уже случалось, что все, сидящие за столом, замирали в тягостном ожидании, но последняя пауза была еще более гнетущей и бесконечной, чем предыдущие. Жоффруа, казалось, превратился в придаток к своему креслу, братцы королевы замерли с воистину собачьим выражением на лицах, готовые по слову хозяина или рвать Рауля на куски, или лизать ему руки, Мальвани переводил глаза с одного лица на другое, словно стараясь запомнить все. Королева и Рауль требовательно смотрели на замершего короля, на скулах которого ходили желваки, а на лице Александра застыла отрешенная сосредоточенность человека, молящего Господа о чуде.

Наконец Филипп отвел глаза, он только лишь собирался говорить, а Рауль уже понял, что королева выиграла.

– Сегодня не лучший день, чтобы говорить о делах и о деньгах. Видимо, то, что случилось двенадцать лет назад, и вправду становится прошлым, раз даже кузен озабочен делами сегодняшнего дня. Что ж, я пью за то, чтобы прошлое не становилось камнем на шее для нас, нынешних. – Король выпил, и вместе с ним выпили все, кроме Сезара, Сандера и, разумеется, Рауля ре Фло. Вновь повисла тишина, а потом Король Королей встал и высоко поднял полный кубок.

– Ваше Величество, позвольте сказать и мне. Пью за упокой прошлой дружбы, вечная ей память. Возможно, старый друг и лучше новых двух, но против десятков пуделей да левреток ему не выгрести. Вы выбрали. Меня ждет граница. Вышел я из того возраста, когда учатся хвостом вилять да на задних лапках за подачку танцевать, только и остается, что эскотцев отпугивать! – Ре Фло выпил и быстро вышел, на прощанье так саданув дверью, что на столе задребезжала посуда, а несколько плохо закрепленных свечей выпали из шандалов. Одна упала на платье королеве, Элла с криком вскочила и заметалась по комнате. Король бросился к ней, но его опередил Сезар Мальвани. Грубо схватив Элеонору за плечи, он рванул запылавшую вуаль, швырнул на пол и затоптал.

– Благодарю вас, виконт, – бросил король, – проклятый Медведь!

– Ваше Величество, – Сезар был спокоен, но на виске у него бешено пульсировала жилка, – граф ре Фло – друг нашей семьи. Возможно, вы предпочитаете не вспоминать то, что произошло у Эльты и Беток, но для Мальвани эта память свята.

– Во имя этой памяти я и терпел, – огрызнулся Филипп, – но каждому терпению есть

предел. Учтите это, виконт.

– Я учел, – наклонил голову Сезар.

Король вернулся к столу, и Морис Реве поспешил разлить вино.

– Ваше Величество, – граф был явно доволен случившимся, – старые заслуги – это старые заслуги, хотя служить своему королю не заслуга, но долг каждого нобиля. Я хотел бы выпить не за прошлое, ведь оно уже прошло, но за будущее Арции, свободной от крамолы и самовольства. Пора понять, что государство – его король, а король – это государство. Итак, за нашего короля!

Вино было торопливо выпито, но кубок Сезара Малве остался нетронутым. Филипп нахмурился, но промолчал. Повисла тишина. Морис Реве приятно улыбался, глаза его сыновей перебегали с короля на сына врага и обратно. Жоффруа побледнел, потом покраснел, Александр опустил глаза, избегая встречаться взглядом с кем бы то ни было, королева с нежностью и восхищением взидала на супруга, а виконт Малве хладнокровно разглядывал шпалеру, изображающую охоту на львов в Эр-Атэве. Ждали грозы, но Филипп сдержался, хмуро провозгласив тост в честь Ее Величества.

И вновь Сезар не притронулся к своей чаше. Темные брови короля сдвинулись, стало ясно, что грозы не избежать. В исходе никто не сомневался, но и Жоффруа, и Морис, и его сыновья словно бы слились со своими стульями. Александр, смертельно бледный, переводил взгляд с брата на друга и обратно, но тоже молчал. Заговорил король:

– Виконт, я могу понять ваше нежелание пить за будущую верность нам, раз вы не намерены ее хранить, но долг рыцаря поднять кубок за свою королеву.

– Сожалею, государь, – наклонил голову Сезар, – но я не могу.

– Не можете или не желаете?

– Я не стал бы пить даже в память святого Эрасти. Я дал обет отказаться от вина.

– И когда же вы его дали, Малве? – в голосе Филиппа сквозила подозрительность.

– Сегодня вечером, – охотно пояснил Сезар.

– Что ж, слово Мальвани – это слово Мальвани. Я вас более не задерживаю. Засвидетельствуйте мое почтение вашей матушке.

– Она будет тронута, Ваше Величество, – Сезар учтиво поклонился королю и стремительно вышел.

Проводив глазами удаляющуюся фигуру, король повернулся к братьям:

– Надеюсь, вы никаких обетов не давали?

Жоффруа пробормотал что-то нечленораздельное, Александр пожал изуродованным плечом:

– Его Преосвященство не советовал мне отказываться от чего-либо, не распробовав.

– Вот как? – протянул Филипп, явно не зная, злиться ему или смеяться. – И что же еще тебе посоветовал Его Высоко-преосвященство?

– Вы не жалеете, что не посвятили себя церкви? – вмешалась королева.

– Сандер мне нужен здесь, Элла, – резко оборвал супругу Филипп и поднялся, давая знать, что вечер окончен.

2882 год от В.И.

Ночь с 10-го на 11-й день месяца Вепря.

Арция. Фей-Вэйя

Вот и настала та ночь, которой она так боялась, ночь, когда прошлое приходило к ней, властно заглядывая в глаза. Она пробовала бороться, клялась, что не заснет, не позволит теням пусть на одну ночь, но заслонить свет. Не выходило. Можно было проводить эти часы с сестрами, но Анастасия не была уверена, что сон, приходящий к ней в годовщину гибели Шарля Тагэре, только сон. Существует хоть и призрачная, но вероятность, что голос герцога расслышат те, кто будет рядом, а значит, она должна быть одна. Ее тайна не может стать достоянием Цецилии и иже с ней. Здесь, в Фей-Вэйе, умели читать чужие мысли по малейшему дрожанию губ или взмаху ресниц... Анастасия отпустила наперсниц, зажгла

свечи, затем надела рубины, единственную защиту от ежегодного безумия. В глубине души теплилась надежда, может быть сегодня ОН не придет, все-таки двенадцать лет... Тагэре должен понять, что она больше ему не принадлежит, ее дорога в горные выси, а не в его Тьму.

Анастасия, Предстоятельница ордена святой равноапостольной Циалы, некогда бывшая эстрийской ноблеской Соланж Ноар, выпрямилась в кресле, прислушиваясь к звукам засыпающей Фей-Вэйи. В прошлую годовщину она попыталась укрыться в зале Оленя, в позапрошлую – в храме. И везде ее настигал то ли сон, то ли бред, в котором Шарль Тагэре звал ее с собой, и она готова была броситься за ним в преисподнюю. Ее спасали лишь камни и вмешательство святой, но она еще долго чувствовала себя униженной и разбитой. Никакие молитвы, никакие заклятия не защищали от прошлого, и Анастасии начинало казаться, что оно исчезнет лишь вместе с ней. Не страшившаяся никого и ничего, она до безумия боялась этих призрачных встреч, не зная, где, когда и каким придет к ней ее бывший любовник. Несколько раз она видела его раненым в иссеченных доспехах, дважды он появлялся в полном герцогском облачении, а год назад был таким, как в их последнюю встречу в саду Фей-Вэйи... Больше живым она его не видела. Может, это добрый знак, и он наконец оставит ее в покое? Какая сейчас ора? Наверняка больше полуночи.

Анастасия выглянула в окно. Вьюга. Ветер кружит снежные хлопья, завывает в трубах, колотится в двери. Белый Вепрь несется, не разбирая дороги, взметая тучи снега... Как же далеко до весны, и как длинна эта ночь! Воистину зимние ночи ослабляют дух, это ловушка, расставленная Тьмой.

– Я должен поговорить с тобой. – Она вздрогнула, услышав ставший ненавистным голос. Все-таки он пришел!

Герцог стоял у камина, протянув руки к огню, на светлых волосах таяли снежинки. Он был бледен, спокоен и равнодушен, и сердце Анастасии забилося от неуместной боли. Неужели разлюбил? Пришел попрощаться? Только не поддаваться! Ни в коем случае! Иначе она загубит себя. Женщина, как утопающий за веревку, вцепилась в алое ожерелье. Как всегда, это помогло, она овладела собой. Первый порыв самый опасный. Когда Шарль появился впервые, она вообще бросилась к нему на шею... Но теперь она предупреждена и вооружена. Это сон, бред, наваждение. Она должна проснуться.

– Тебя нет. Уходи и не возвращайся. Тебя больше нет!

– Я как раз есть, – он повернулся к ней, – это ты умираешь, хоть и кажешься себе живой.

– Что тебе надо? Я не пойду за тобой. Я больше не твоя.

– Я вижу, – в серых глазах плеснулась и погасла боль, – я проиграл тебя... Я не смог тебя сберечь, и я не смог тебя забрать. Ты становишься проклятием Тарры, Сола. Ты не виновата, я знаю. Так получилось.

– Что получилось? – она сама не заметила, как встала и шагнула к нему. Почему он не зовет ее с собой? Почему не говорит о любви? – Шарло...

Она обезумела, но резкая боль отрезвила ее. Ее рубины! Они вновь спасли ее, когда она готова была сдаться. Герцог отступил, глядя на нее, как смотрят на змей и палачей. Ну и пусть! Он ей не нужен! Все кончено, и давно. Она Предстоятельница ордена святой равноапостольной Циалы, она знает, чего хочет и во имя чего живет. Прочь, тени прошлого!

– Именем святой Циалы я изгоняю тебя!

– Что ж, – Тагэре покачал головой, – ты сказала все. Теперь слушай меня. Предательница не властна над теми, кто не предавал. Для меня ее имя пустой звук. Тебя уже не спасти, иди своей дорогой, да будет она проклята. Но не смей трогать тех, кого я любил! Я предупреждаю тебя, Анастасия. Повелевай своими крысами и будь этим счастлива, но Арция не твоя и твоей не будет...

– Ваша Иносенсия! – в голосе склонившейся над ней сестры бился ужас, Анастасия с трудом разлепила тяжелые веки. Она опять уснула, и ей снился кошмар. Неужели она кричала так громко, что прибежали сестры?

– Что случилось?

– Ваша Иносенсия, спуститесь скорее вниз...

Хвала святой Циале, тревога Цецилии и Лукии не связана с ней. Что бы там ни было, это лучше безумного разговора с умершим герцогом! Ее Иносенсия решительно встала и направилась к выходу, по дороге расспрашивая сестер о причине их страха. Те что-то лепетали, но смысл до Анастазии дошел не сразу.

Такого просто не могло быть! Они сошли с ума... Оттуда не возвращаются! Но сестры вновь и вновь твердили одно и то же. Ровно в полночь они услышали звон и рев, показавшийся им ревом ветра. Решив, что буря разбила окно в зале Оленя, Цецилия и Лукия бросились туда, но это был не ветер, хотя окно и вправду было распахнуто настежь. Посредине зала в окружении снежных вихрей, напоминающих гигантских белых птиц, гарцевал всадник на чудовищном коне. Женщины замерли на пороге, а потом бросились вон.

Презрительно сжав губы, хотя сердце предательски трепетало, Анастазия пошла впереди. Тагэре?! Не может быть! Или в эту ночь кошмары снятся всей обители, а не только ей? Ее Иносенсия решительно распахнула дверь, и в лицо пахнуло морозом. Окно и впрямь было распахнуто настежь, а пол возле него занесен снегом, но не это потрясло женщину больше всего. На спинке кресла Предстоятельницы чернел отпечаток мужской ладони. Анастазия сморгнула в тщетной надежде, что ей почудилось. След был выжжен, словно коснувшаяся светлого дерева рука была огненной, а на сиденье валялся... талисман Мулана. Некогда белый, мерцающий камень превратился в жалкую пористую гальку, подобную той, что выносят на берег волны вблизи огнедышащих гор. Анастазии стало ясно, что новому Белому Паладину придется рассчитывать лишь на силу своих мечей, а ей... Ей придется забыть о магии или, по крайней мере, не делать ничего, что прогневит Шарля Тагэре, по воле Проклятого вернувшегося в мир живых.

2882 год от В.И.

Ночь с 10-го на 11-й день месяца Вепря.

Варха

Норгэрель с удивлением смотрел на кровавые пятна на покрывале. Когда и как он умудрился порезаться, он не помнил, но ранка на ладони упорно кровоточила, несмотря на исцеляющее заклятие. Ну и пусть ее, не смертельно. Что же все-таки ему снилось? Несомненно, что-то очень важное, но зыбкие образы ускользали, как рыбки в серебристом ручье. Странно, раньше он прекрасно помнил свои сны, даже когда был совсем ребенком.

Может быть, не стоило ему покидать Лунные острова, но он так хотел помочь Рамиэрлю и Эмзару! Жаль, он так и не узнал своего брата Астена, все говорят, что они похожи, как два цветка на одном стебле. Астен прожил настоящую жизнь, удастся ли ему стать таким же... Больше всего Норгэрель хотел путешествовать вместе с Нэо Рамиэрлем и Клэром, ищущим подтверждения древних пророчеств, но он понимал, что со своим незнанием Арции станет для разведчиков камнем на шее, а вот Эмзару он был очень нужен. И Норгэрель остался с братом по матери.

То, что он видел во сне, как-то связано с Кольцом Вархи, вернее, с тем, что находится внутри его. Надо поговорить с Эмзаром, может быть, сегодня он сумеет поймать обрывки его снов, потому что это действительно важно... Норгэрель вскочил, но пол отчего-то ушел из-под ног, и мир окутал горячий душный туман. Чтобы удержаться на ногах, эльф оперся о стену. На смену жару пришел холод, ставший уже привычным, но голова перестала кружиться, а пол качаться. Норгэрель оторвался от спасительной стены, на которой остался алый отпечаток. Кровь и не думала останавливаться, капля по капле вытекая из ранки, про происхождение которой он помнил не больше, чем про свой сон.

2882 год от В.И.

Ночь с 10-го на 11-й день месяца Вепря.

Арция. Мунт

Возможно, стоило выпить и даже напиться. Жоффруа так и сделал, но Дени говорил, что пить с горя – трусость. За окном падал снег, каждую четверть оры глухо звонил колокол, изредка раздавался какой-то скрип. Александр припоминал все известные ему эскотские слова, мысленно рисовал карты Тагэре и Эстре, считал лягушек, даже пробовал молиться. Не помогало. А ведь ему казалось, что наказ Евгения выполнить легче легкого! Как просто быть верным самому умному, самому храброму, самому замечательному брату и как трудно оставаться с тем, кто несправедлив к близким!

Сначала оскорбили Рауля, в чьем доме он вырос, потом Сезара, ставшего ему другом, а он остался за столом со сворой Вилльо. Промолчал и остался! Проклятый, ну почему приходится выбирать между дорогим и самым дорогим?! Филипп не прав, это очевидно. Рауль вне себя, и к чему приведет ссора короля с Королем Королей, страшно и подумать... А он потерял Сезара. Родись он не братом короля, а простым нобилем с севера, пусть трижды горбуном, их дружбе ничего бы не помешало, но Дени ненавидел слово «бы».

Колокол снова прозвонил. Четверть третьего. Сандер продолжал вглядываться во тьму. Двенадцать лет назад Эдмон и старый Этьен ре Фло ожидали смерти, а сегодня один внук Старого Медведя оскорбил другого, которому обязан и жизнью, и короной. Эдмон бы так не поступил! Эдмон... А ведь теперь он, Александр, старше брата, который казался таким взрослым! Судьба сохранила калеку и отобрала жизнь у того, кто был куда достойнее. Два и три четверти... Нет. Так больше нельзя!

Александр не додумал, что именно нельзя, а просто вскочил и принялся лихорадочно одеваться. Не смог сразу отыскать пояс и только тогда сообразил, что следовало зажечь огонь. Если Сезар его выгонит, то будет совершенно прав. Кому нужно запоздалое раскаяние, да это даже и не раскаяние. Просто он хочет сохранить обоих! И брата, и друга, но разве можно одновременно оседлать двух лошадей? А если Рауль и Сезар восстанут против Филиппа?! Нет, этого не может быть, они слишком любят Арцию, а Филипп – это Арция, как сказал Евгений.

Юноша накинул плащ и выскользнул из своих покоев. Сонный лакей с удивлением уставился на герцога Эстре, но ничего не сказал. Дело слуг повиноваться, а не лезть к господам с советами и замечаниями. Почти пробежав по гулким переходам, Сандер оказался у служебной калитки, разбудил задремавшего стражника, который, глупо хлопая глазами, торопливо отпер дверцу. Перед Сандером лежала засыпанная снегом улица Святого Мишеля, белая и пустынная. Первого и единственного человека Сандер встретил, заворачивая на площадь Ратуши. И им оказался... виконт Малве, схвативший его за руку.

– Проклятый, как же я рад тебя видеть, Сандер.

– А я еще больше, – заявил Александр слегка дрогнувшим голосом.

Им оставалось только расхохотаться. Оба старательно обходили самое важное, хотя почему обходили? Главное было понятно: их дружба выжила назло всем «пуделям» мира!

– Знаешь, – отсмеявшись, нахмурился виконт, – давай пойдем куда-нибудь, в того же «Нобиля», что ли...

– Не поздно?

– Ты что, в Мунт только вчера приехал? – изумился Сезар. – Разумеется, не поздно. Поздно будет только оры через три.

Они пошли в «Щедрого нобиля», и им несказанно повезло: там оказался Сивый Анн, которого они прозевали летом. Знаменитый менестрель перебирал струны издававшей виды гитары, собираясь петь. Он, как всегда, появился неожиданно-негаданно, и новость об этом еще не успела разойтись, так что народу было не то чтобы много и все, похоже, засели в таверне с вечера. Друзья, стараясь не привлекать внимания, скользнули в дальний угол, но красавца Сезара и горбуна Тагэре узнали. Поднял глаза и певец, и Сандеру показалось, что он когда-то уже видел этого человека. Но где? А бард взял несколько аккордов и запел. Он не называл имен, и песня эта, то ли старая, как мир, то ли, наоборот, только что сложенная, была не об отце и не об Эдмоне, и вместе с тем она была о них. Это не было ни плачем, ни клятвой, ни жалобой, но чем-то иным, что можно выразить, лишь сплетая Музыку и Слово.

Александр Тагэре смотрел на Сивого Анна, но видел не его. Перед глазами всплывали иные лица. Отец вновь склонялся с коня к нему, восьмилетнему, ветер развеивал светлые волосы Эдмона, следящего с крепостной стены за облаками, чему-то улыбался вечно нахмуренный Дени, весело кричала маленькая Жаклин, а седой Аларик протягивал ему шпагу. Есть только Свобода, Александр Тагэре. Свобода и честь! А на небе ярко сияли две звезды, голубая и алая...

Гитара умолкла, и Сандер с трудом понял, на каком он свете. Впрочем, в иных мирах побывал не только он. Лица гостей, даже самых пьяных, стали какими-то просветленными, словно в храме, хотя как раз в храме подобных лиц он не видел. Стоп! Вот оно! Утром на него смотрел старый бард! Может быть, он знал отца и приходил его помянуть? Спросить или не стоит?

Толстый хозяин принес кувшин вина и наполнил два кубка. Александр взял свой и с удивлением взглянул на Сезара.

– Ты что?

– Я не пью, – улыбнулся Сезар.

– Но...

– «Но» не может быть, Сандер. Я дал слово. Неважно почему, но дал. А ты пей. Можно делить с другом беду и радость, но не глупость. Пей, тебе обязательно нужно выпить.

Сандер выпил. Вино было терпким и крепким, наверное, трактирщик добавил в него царки. Александр повернулся к менестрелю, и тот слегка кивнул ему, словно старому знакомому. Однако разговора не получилось. Дверь распахнулась, и на пороге возникла высокая фигура в лиловом плаще, за которой маячило еще несколько. Тускло блеснул металл.

– Проклятый, – сорвалось с губ Мальвани, и было отчего. Представить себе епископа Иллариона, шляющегося ночью по кабакам, было невозможно, но это был он собственной персоной, и глаза его горели тем же почти сладострастным огнем, что и утром.

Взгляд клирика поочередно останавливался на всех. Когда пришла очередь Александра, юноше показалось, что ему за шиворот швырнули кусок льда, но он выдержал. Епископ и сын Шарло Тагэре смотрели в глаза друг другу целую вечность, потом Илларион отвел взгляд. На суровом лице отобразилось некое непонимание, так наверняка выглядел бы растерявшийся камень. Епископ еще раз оглядел посетителей таверны, отчего-то пропустив сидевшего на самом виду менестреля, резко развернулся и вышел.

– Тьфу ты, пропасть, – выразил общее мнение здоровенный, вооруженный до зубов детина, – такой вино в уксус превратит. И какого Проклятого ему здесь понадобилось?

– Может, подружку себе искал? – осклабился рябоватый гвардеец со сломанным клыком, и все с удовольствием захохотали. Сандер плеснул себе еще вина, залпом выпил и повернулся к менестрелю, но того уже не было.

2882 год от В.И.

Ночь с 16-го на 17-й день месяца Вепря.

Эльтова скала

– Ты, в конце концов, все же рехнулся, – гибкий высокий человек в темном плаще сдерживался из последних сил.

– От такого слышу, – безмятежно ответил тот, кого Сандер знал, как Аларика, а Эмзар называл Рене, и подбросил в разгоревшийся костер несколько сучьев покрупнее. Оранжевый отсвет скрадывал всегдашнюю бледность седого бродяги, задумчиво глядевшего в огонь. Его собеседник подвинулся поближе и откинул капюшон. Пламя выхватило из темноты нечеловечески прекрасное лицо с бездонными, слегка раскосыми глазами.

– И все же ты рисковал.

– Как и ты, – махнул рукой Рене-Аларик, – но мой риск, в отличие от твоего, себя оправдал. Они напуганы...

– Ты нарочно выбрал ту ночь?

– Разумеется, память никуда не денешь. Она невольно чего-то подобного ждала. Думаю, расценила мою выходку как предупреждение с того света, и не так уж и ошиблась. Хотя...

– Забудь о своих «хотя», – почти выкрикнул первый и осекся. – Извини. Просто я за тебя боюсь.

– Вот уж глупость, так глупость, мне терять нечего.

– Зато Тарра не может потерять еще и тебя, да и сам ты не шибко веришь в то, что несешь. Тебе есть что терять, поэтому ты до сих пор здесь.

– Наверное, ты прав, – Рене тронул падавшую на лоб серебристую прядь, – но в сравнении с тобой мне мало что грозит, впрочем, как и тебе в сравнении с мальчишками, на которых все и держится. Проклятье! Как мало от нас зависит!

– Сейчас, – добавил красавец.

– Но без «сейчас» не бывает «потом». Я почти уверен в том, что мы нашли. Именно поэтому я и рискнул осадить этих ведьм. Все и так висит на волоске, пусть хоть с этой стороны какое-то время тихо будет. Нужно тянуть до последнего, вдруг они все же успеют...

2882 год от В.И.

20-й день месяца Сирены.

Арция. Фло

Зима заканчивалась, все было спокойно, по крайней мере внешне. Рауль на границу не вернулся, новым наместником Севера стал Морис Реви, но он к исполнению своих обязанностей пока не приступал. Ждал тепла или же того, что король сам представит его северной знати. Ре Фло вернулся в родовое имение. В конце месяца Копьеносца Сандер и Жоффруа получили приглашение. Король Королей давал понять, что ссора со старшим братом не сказалась на его отношении к бывшим воспитанникам, хоть и не надеялся их увидеть. Жоффруа заколебался, Александр же сразу решил ехать. Вряд ли это понравилось Филиппу, но тот промолчал: то ли был уверен в брате и не хотел усугублять ссору, то ли был занят чем-то другим. В последнее время Филипп казался уставшим, жаловался на плохой сон и еще сильнее привязался к Элле.

Братья виделись редко, чем занимался Жоффруа, Сандер не знал, сам он все теснее сходил с Сезаром, но тот собирался в Оргонду проведать отца. Он звал с собой, но Александр решил съездить во Фло. Сезару и так найдется что обсудить с маршалом, не говоря уж о том, что приезд брата арцийского короля, недавно выдавшего сестру за Марка Отважного, станет при оргондском дворе событием, а младший из Тагэре терпеть не мог оказываться в центре внимания. И он ускакал во Фло в обществе Жоффруа, внезапно решившего принять приглашение.

Снег был рыхлым и темным, а днем небо сияло чистой весенней синевой. Было странно и страшно повторять путь, по которому ехали отец, дед, Эдмон... Порой Сандеру чудилось, что они вот-вот нагонят блестящую кавалькаду, и все изменится, пойдет иначе. Умом юноша понимал, что ничего подобного нет и быть не может, но обуздать расхажившее воображение не получалось. С братом они почти не разговаривали, впрочем, они никогда не ладили. В детстве сильный и рослый Жоффруа изводил его своими издевками, потом, получив нахлобучку от Дени, перестал замечать, а после истории с Муланом и «пуделями» стал побаиваться.

Сандер не пытался сломать разделивший их барьер. Родной по крови, по сути Жоффруа был для него чужим, куда более чужим, чем хохмач Луи Трюэль или романтик Этьен, не говоря уж о Сезаре, а лгать и притворяться Александр Тагэре не любил. Правду сказать, он предпочел бы ехать один, но тут уж ничего не поделаешь.

Фло почти не изменилась и вместе с тем изменилась разительно. Все так же отливали то свинцом, то серебром стены замка, шумела вода в стремительной, никогда не замерзающей Гиве, а на башне развевался алый стяг со вставшим на дыбы медведем. Все так же коренастые грабы поднимали к небесам бесчисленные грачиные гнезда и темно-зеленые

шары омелы.

Александр с трудом сдержал подступившие к глазам слезы. Фло, место, где он вырос, научился не только держать в руке оружие и ездить верхом, но и смеяться... Навстречу им выехал младший брат Рауля Гийом Ланжере в сопровождении свиты, и это стало первой неприятностью. Они больше не были своими, но гостями, знатными сигнорами, братьями короля.

Сандер растерялся, слушая, как Жоффруа отвечает на сдержанное приветствие Гийома, с которым они не раз стояли рядом и на охоте, и на оружейном дворе. Неизвестно, как бы ответил сам Александр, но рядом с Ланжере был Дени, и все столичные выверты растаяли, как сосулька в месяце Агнца. Сандер резко послал коня вперед:

– Дени! Я так рад...

– Проклятый! И я тоже. Про тебя прямо-таки чудеса рассказывают!

– Это потому, что меня никто не принимает всерьез, – засмеялся Сандер, – вот и получают, а по-настоящему... По-настоящему я еще и не дрался...

– Ну и хвала Эрасти, – нахмурился Дени, – колоти «пуделей» и дальше, дело хорошее. А настоящей войны я тебе не желаю.

Александр внимательно взгляделся в лицо своего учителя. Неужели он допускает, что между Раулем и Филиппом вспыхнет война? Да, ссора, да, обида, но война?! А почему бы и нет? Верить в такое не хотелось, но Сандер Тагэре никогда не прятал голову под крыло. Когда-то в один далеко не прекрасный день он сказал себе: «Ты – калека и никогда не сможешь быть таким, как все, и с этим тебе придется жить». Теперь он столь же ясно осознавал, что струна натянута до предела и вот-вот лопнет. Нет, Рауль ничего ему не говорил, он был приветлив и спокоен, по виду графа нельзя было предположить, что он возглавит нобилей Севера и выступит против короля. Но Александр чувствовал, что кончится именно этим.

Интересно, понимал ли отец, что, как бы он ни тянул, как бы ни сожалел о Пьере, все было предрешено. В Мунте захватил власть клан Фарбье, принявшийся обжираться собственной страной, опираясь на мечи наемников, и Шарль Тагэре был обречен на восстание. Но разве можно сравнить Филиппа с Фарбье?! Сейчас все иначе. Иначе? Тогда почему он, Сандер, так расстроился, увидев, что за книгу читал Рауль?

«Полет Иволги», история королевы Гортензии, свергнувшей своего жалкого мужа, чьи фавориты проигрывали войны, обирали казну, оскорбляли самых уважаемых в Арции людей... Иволга была права, ее до сих пор вспоминают с любовью, хотя ей пришлось искупаться в крови. Если б не поддержка тогдашнего Белого Командора, покинувшего орден и ставшего возлюбленным Гортензии, еще неизвестно, чем бы все закончилось... А сегодня Король Королей Рауль ре Фло читает о восставшей королеве, а Жоффруа... Брат никогда не был близок со своим великим кузеном, а теперь их не разлить водой. Герцог Ларрэн не отходит от Рауля, для которого родичи королевы что деревенские шавки для матерого волка.

Филипп словно бы задался целью оскорбить и оттолкнуть от себя старых друзей. Брат хочет царствовать, пусть в слабой стране, пусть над стаей дешевых лизоблюдов, но царствовать... Этого Сандер не понимал. Если твой друг и сподвижник опытнее и умнее тебя, радоваться надо. Захоти Рауль корону, он бы ее и так получил девять лет назад. Как и Мальвани, смешавшие свою кровь с кровью Арроев, когда дочь императора Рене Второго отдала свое сердце Анри Мальвани, потерявшему ногу в битве при Кантиске. Ни двадцать лет разницы, ни увечье не заставили принцессу отступить... Мальвани всегда были верны Арроям, но что они скажут, если нобили поднимут восстание против Вилльо, а значит, и против Филиппа?

Брат должен спуститься с небес на землю! Вилльо против ре Фло, Мальвани, Гартажей – то же что метла против волка. Пусть полностью восстановить отношения с Раулем и Анри вряд ли получится, но осадить зарвавшихся родственничков и дать деньги на северную границу Филипп в состоянии. Александр пытался об этом говорить, но король лишь рассмеялся и сказал, что знает, что он с Эллой как кошка с собакой, но наущничанья он от

него не ожидал. Неужели брат не понимает, что уснул на змеиной поляне? Рауль что-то затевает, и, похоже, Жоффруа с ним в доле. А что прикажете делать ему?

Александр отодвинул от себя толстый фолиант. Сквозь золотистые стекла витражей проникали яркие солнечные лучи, в которых плясали пылинки. Оранжевые отблески плясали по развешанному на стенах старинному оружию и охотничьим трофеям. Когда-то он часами просиживал здесь, роясь в старинных книгах. Покойный Евтихий всячески поощрял своего подопечного в столь презируемом многими нобилями занятии, но все равно непрочитанных книг осталось куда больше, чем прочитанных. Сандер бездумно гладил кожаные переплеты, иногда вынимал книгу, открывал, пробежал глазами пару строчек и вновь закрывал. Замковый колокол ударил четыре и три четверти. Надо спускаться в обеденный зал.

Александр попытался вернуть на место «Землеописания земель южных, заселенных людьми черными и страшными, исполненное смиренным рабом Господа Серафимом из ордена святого Теодора-Странника». Что-то мешало, и Сандер, сунув руку в отверстие между томами, вытащил какой-то сверток... Так вот куда тетушка Марион засунула свои знаменитые карты, из-за которых несколько раз перерыли весь замок! Сандер с усмешкой смотрел на странные картинки, вышедшие, безусловно, из-под рук настоящего мастера.

Проклятый, что это? На него смотрела... святая Рената из Духова Замка. Только одета она была в странное струящееся платье и казалась счастливой и любящей, а рядом стоял улыбающийся молодой человек с красками и кистью. Александр отбросил еще две карты и вновь остановился при виде рыцаря на коне... Романа, удержавшего его, девятилетнего, от прыжка в бездну. Этого не могло быть, но это было, а вот и Аларик! Стоит у руля, ветер треплет серебряные волосы, а на шее переливаются удивительные зеленые камни, такие же, как на его мече. Но этим картам никак не меньше двадцати лет, а седого он встретил прошлым летом, и тот не постарел ни на год... А эта женщина в черном с разноцветными волосами. Какое тревожное лицо! Босые ноги ступают по торчащим из пепла лезвиям, вдали какая-то башня. Кажется, эта карта называется Долгое Возвращение... Откуда она вернулась, куда идет, зачем?

Александр Тагэре никогда не гадал и не загадывал, но на этот раз рука сама вытащила три карты. Что его ждет завтра? Через год? Через десять лет? Темные, пустые. Все три...

– Сандер, вот ты где, – Жаклин, младшая дочка Рауля, вбежала в библиотеку, и Сандер торопливо сунул черные прямоугольники в колоду.

– Ой, что это у тебя?

– Похоже, я нашел пропажу тети Марион.

– Верно, – Жаклин взяла карты, – я любила их разглядывать. Они такие красивые, куда лучше книжных миниатюр. – Девушка одну за другой выкладывала карты на стол, и Сандеру показалось, что он сходит с ума. Ни святой Ренаты, ни Романа, ни Аларика, ни странной женщины. Привычные, хоть и тщательно прорисованные фигурки. Влюбленные, король Вод, рыцарь Утра... Обычные лица и НИ ОДНОЙ ЧЕРНОЙ КАРТЫ.

2882 год от В.И.

20-й день месяца Сирены.

Фронтера

Тахена осталась позади, впереди лежала заснеженная Фронтера. Пора было становиться человеком, и Клэр сосредоточился, воскрешая в памяти давным-давно почившего в должности командора бывшего аюданта Рене. Не прошло и десятинок, и из заснеженной пуши выехал курносый белобрысый юноша, кое-как сидевший на заслуженном пегом мерине. Такой никаким разбойникам не нужен. Ну, тащится хлопец куда-то по своим делам, и Проклятый с ним. Ни от него, ни от коняги толку никакого! Другое дело, что невзрачная клячонка за ору легко покрывает полторы, если не две весы, но этого-то фронтерцам знать не обязательно. В это время года и в этих местах путники – редкость, а вот дальше к югу придется соразмерять бег Коралла с надетой на них обоих маской. Раньше о таких мелочах думал Роман, теперь же Клэру придется доказывать, что семьсот лет скитаний

в обществе разведчика не прошли даром, и он, Клэр, в состоянии сделать в одиночку то, что они с Нэо делали вдвоем.

Рыцарь Осени улыбался, когда покидал Варху, оставляя Рамиэрля с больным родичем. Зачем к чужой боли прибавлять лишнее беспокойство? Он заверил Эмзара и Рамиэрля, что справится. Да ничего необычного в поездке и нет. Обычный поход на поиски неизвестно чего через Арцию и Ифрану в Эр-Гидал и обратно через Эльту и Биллану. Каждый год они объезжают то, что некогда называлось Благодатными землями, в поисках ответов на заданные в древних пророчествах загадки, ищут признаки грядущих бед и надеются, что и на этот раз пронесет. Двенадцать лет назад Нэо показалось, что начинается... К счастью, он ошибся. Герцог Тагэре погиб, так и не получив корону, и до сих пор неведомо, кому предстоит стать Последним из Королей. Когда Роман некоторое время назад побывал в Мунте, там зрела новая склока, но главное не это. Главное – странная, ни на что не похожая и все усиливающаяся сила, изливающаяся из храма Триединого, и его непостижимый настоятель. Ни ему, ни Нэо так и не удалось понять, что за этим стоит, а значит, придется попробовать еще и еще. Рамиэрль рискнул не только войти в храм, но и пустить в ход магию, и Илларион смог пройти по его следу, правда, ров-но столько, сколько разведчик ему позволил, но теперь даже хорошо, что в Мунт придет другой. Хотя вновь оказаться перед алтарем Триединого ему смертельно не хочется, и он не может понять, почему, так же как Эмзар, не в силах разгадать болезнь Норгэреля.

Не только Лебеди, но и Роман в своих странствиях никогда не слышал о подобном. Вроде нет никаких причин, но странные, взявшиеся ниоткуда раны на лбу, груди, ладонях Норгэреля кровоточат все сильнее. Когда разведчики вернулись в Варху, была середина зимы, тогда Норгэрель еще ходил. Дурачок прятал израненные руки в перчатках, стеснялся своей болезни и не желая расстраивать других, но в первый день месяца Ивы⁵² его нашли без сознания в собственной постели. На руках и шее проступили полосы, похожие на следы от ремней, перчатки промокли от крови, на лбу и груди кровоточили ссадины. Эмзару с Романом не сразу удалось привести больного в чувство. Норгэрель ничего не понимал, а память его была переполнена смутными, ускользающими отрывками, которые никому ничего не говорили.

Ни Роман, рискнувший объединить свое сознание с сознанием больного, ни Эмзар, с которым разведчик поделился уже своими воспоминаниями, никогда не видели ни благообразного старца с голубыми глазами и осуждающе поджатыми губами, ни яркого мозаичного потолка, украшенного изображениями сплетающихся спиралей, ни огромных пчел, ни сверкающей сферы, в которой буйствовал радужный вихрь, круживший огненные зерна... Вот и все, что удалось выловить Роману в горячих волнах боли и отчаянья. Придя в себя, Норгэрель бросился извиняться за причиненное беспокойство, и это было самым страшным.

Два сильнейших мага Тарры стояли у постели родича и не могли ничего сделать. Плохо, когда на смену разуму приходит глупая надежда и ты в поисках выхода начинаешь биться, как птица в сетях, с каждым рывком запутываясь все сильнее. Перепробовав все, что можно и нельзя, Роман и Эмзар решили, что Норгэреля лучше увезти подальше от Кольца. Если его все время тянет к Стене, его болезнь может быть связана или с самим огнем, или с тем, что он стережет. Клэр не очень-то в это верил, но что-то делать всяко лучше, чем опустить руки и ждать конца.

Роман предложил отвезти Норгэреля на Седое поле, чуждое как Огню Вархи, так и магии Ройгу. Кто знает, может, в этом и есть свой смысл. Клэру хотелось надеяться, что здоровье к сыну Ларэна вернется, но ум твердил, что надежда эта тщетная. Как бы то ни было, Нэо Рамиэрль не мог одновременно быть в Арции и Корбуте, и вот Клэр с Кораллом пробираются фронтерскими снегами навстречу весне. Скоро закончится еще один год, и

⁵² Эльфийское название месяца Сирены.

солнце повернет на новый круг, 2883-й с того мгновенья, когда Светозарные бросили Тарру на произвол судьбы...

Коралл втянул ноздрями воздух и обернулся к всаднику, словно призывая вернуться на грешную землю. Эльф вслушался и различил едва заметный шум. Навстречу шел большой отряд, даже не отряд – войско. Надо полагать, фронтерцы в очередной раз отправлялись испытать счастья на таянских рубежах, к вящей радости тамошних нобилей. Подумать только, когда-то Фронтера и Таяна были не разлей вода, но потом фронтерские герцоги возомнили о себе слишком много и сначала отделились от ослабевшей Арции, а потом сцепились с северными соседями, но тут уж нашла коса на камень... Правду говорят, что злейшие враги получаются из бывших друзей и родичей. Фронтера и Таяна намертво впились друг другу в глотки, а после того, как Церковь предала таянцев анафеме, объявив против них длящийся вот уже три сотни лет Святой поход, всякая надежда на заключение мира растаяла, как дым...

Шум впереди становился все отчетливей, и Клэр решил, что хоть мальчишка и его кляча не ахти какая добыча, лучше на глаза подвыпившим по случаю выступления в поход войскам не попадаться. Зло они ему вряд ли причинят, но подшутить попробуют наверняка, подыгрывать же фронтерцам в их довольно-таки грубоватых выходках у Клэра не было ни времени, ни желания. Неподалеку виднелась негустая рощица, и эльф свернул туда, не забыв отвести людские глаза от следов на снегу. Если б кто-то из идущих был при Кристалле, он бы почуял неладное, но синяки вряд ли увязались за воинами. Фискалы всегда тщательно оберегают свою шкуру, а для таянских удалцов нет большей радости, чем свернуть башку судебному магу.

Утренний Ветер застыл в седле, ожидая фронтерцев, и те не замедлили появиться. Тысячи три крепких краснолицых всадников на отъевшихся конях в сопровождении немалого обоза прошли в нескольких шагах от разведчика, радостно горланя песню о каком-то Гайде, променявшем жену на бочонок царки. Когда гомон стих, эльф выехал на тракт, и Коралл, потягивая гривой, легко побежал на юго-запад.

2883 год от В.И.

23-й день месяца Влюбленных.

Морской тракт

Северные сосны тянули к высокому небу ветви, золотисто-рыжие в лучах заходящего солнца. До городка Лонжи, известного своими кожевенниками и шорниками, оставалось две или три весы. Король слегка прищипил коня – хотелось поскорее размять затекшие ноги, стащить пропыленную дорожную одежду, выпить вина... Уже два месяца Его Величество мотался по северным графствам, мечом и уговорами успокаивая недовольных, которые, правда, пока не сотворили ничего непоправимого.

Север всегда считался вотчиной Тагэре, и в том, что беспорядки вспыхнули именно здесь, следовало винить кузена Рауля и (об этом королю думать не хотелось) жадность Вилльо. Александр, сопровождавший брата в этой поездке, стесняясь и смягчая неприятную правду, посоветовал Филиппу не брать с собой тестя и шурина. Возможно, малыш был прав, так как вместо привычного восторженного приема Его Величество наткнулся на настороженное молчание. Беспокоила и судьба армии, которую возглавляли братья Койла, считавшиеся умелыми полководцами, но бывшие на Севере чужаками. Король понимал, что смалодушничал, отправив их в одиночку против мятежников, но Филипп не хотел поднимать меч против недавних друзей. Пусть их карают другие, а он, подоспев к концу битвы, которая должна состояться со дня на день, помилует большинство пленных и казнит зачинщиков.

Нужно успеть до появления кузена Рауля, который вроде бы не имеет никакого касательства к смуте, но, не заручившись его поддержкой или по крайней мере молчаливым согласием, северные бароны не посмели бы бунтовать против короля. Что ж, урок пойдет на пользу всем.

– Позовите графа Ревя.

- Аюдант⁵³ молнией метнулся назад, и вскоре отец Эллы подъехал к Его Величеству.
- Морис, вам не кажется, что мы зря разделили свои силы?
 - Мне кажется, вы придаете слишком большое значение словам вашего брата, но Его Светлость еще слишком юн и не имеет военного опыта.
 - Я не говорил об этом с Александром, сигнор Морис. А что, он был против разделения наших сил?
 - Вам лучше спросить у него самого. – Наверное, вы правы. Александр опять повздорил с вашим сыном?
 - Ну, не то чтобы повздорил. Его Светлость был несколько несдержан, что и неудивительно в его положении. Он под тройной защитой – своего брата, своей молодости и своего увечья...
 - Граф Мулан тоже так полагал.
 - Случайность, сир...
 - Случайность? Я не пожелал бы такого противника, как Александр, никому, сигнор Морис. И в первую очередь вам и вашим родичам. Я иногда фехтую с ним по утрам, и, уверяю вас, скоро даже ничья для меня будет удачей...
 - Вы преувеличиваете, но ваша преданность брату не может не восхищать.
 - Пойдите, граф... К нам кто-то едет. На городскую депутацию не похоже. Проклятая пыль.
 - Лето, Ваше Величество. Да, действительно. Трое...
 - Похоже, они дрались. Барон Герар?
 - Ваше Величество... Я надеялся вас встретить.
 - Что случилось? Где Койла?
 - Разбиты...
 - Что?!
 - Мы сошлись с мятежниками. Их было много, куда больше, чем мы думали, и... Это была настоящая армия, а не вышедшие побужать бароны. Они были настроены очень решительно. Наверное, нужно было отступить, соединиться с вами и принять бой, но... Койла решили иначе. Сначала все шло неплохо. Силы оказались примерно равны. Казалось, мы просто выдохнемся и к вечеру располземся в разные стороны, но в решающий момент нам ударили в спину.
 - Кто? – быстро спросил король, и повторил: – Кто же?!
 - Граф де Фло и... герцог Ларрэн. Это решило исход дела.
 - Где Койла?
 - Кажется, их взяли в плен. Я не смог бы ничего сделать и я счел своим долгом предупредить Ваше Величество.
 - Благодарю. Что-то еще?
 - Да... Я привез манифест мятежников, может быть, вам будет интересно.
 - Они далеко?
 - Не очень, вернее сказать, совсем близко.
 - Вы сделали, что могли, барон. Каковы ваши намерения сейчас?
 - Я предан Вашему Величеству, но Рауль де Фло мой друг и родственник...
 - Что ж, я понимаю ваши чувства. Я отпускаю вас, Герар.
 - Мой король...
 - Мой барон, – красивые губы Филиппа тронула усмешка, – вы или уезжаете немедленно в надежде на встречу при более благоприятных для нас обоих обстоятельствах, или остаетесь со мной, но я в создавшейся ситуации не могу обещать ни победы, ни даже защиты. У меня всего тысяча человек.
 - Я хотел бы, чтоб дело кончилось миром, но если это невозможно, я прошу Ваше

⁵³ Молодой военный, помогающий военачальнику или титулованной особе.

Величество отпустить меня.

– Я уже отпустил вас. Сандер? Хорошо, что ты подъехал. Сигнор Морис, взгляните на это.

«...король окружен стаяй стервятников, разоряющих Арцию. Они разлучили его с верными слугами и соратниками, ниспровергнувшими узурпаторов и изгнавших приведенные теми иноземные войска. Жадность и неблагодарность семейства Вилльо превысили чашу терпения истинных сынов Арции, болеющих за нее. Желая избавить короля от жадных выскочек и защитить от их поползновений наши земли и наши права, мы, брат короля Жоффруа Ларрэн и кузен короля граф Рауль де Фло, вновь подняли мечи и обратили их против худородных пиявок, сосущих нашу кровь. Арция должна быть очищена от этой скверны...»

– Проклятье! Я не должен был отпускать этого недоумка во Фло, ведь знал же, что у Жоффруа ни собственной головы, ни собственной чести нет и не было... Вы что-то сказали, Морис?

– Ваше Величество, вы сейчас отпустили Герара... Мы тоже нижайше просим у вас разрешения удалиться.

– Вот как, любезный тесть? Вы хотите уйти?

– Вы же видите, Филипп, наше присутствие лишь распаляет горячие головы. Весь Север охвачен смутой, из ниоткуда появляются целые армии... Если мы останемся с вами, то привлечем на вас ярость мятежников, в то время как, будучи...

– Я все понял, Морис, убирайтесь...

– Филипп, я...

– Я сказал: убирайтесь, удирайте, уносите ноги. Судьба иногда благоприятствует трусам. Сандер? Полагаю, ты все слышал?

– Да.

– Зря ты не был со мной откровенным.

– Я никогда тебе не лгу.

– Но и не говоришь всего, что думаешь, хотя я сам виноват... Ты был против того, чтобы делить наши силы?

– Да, но я не полководец.

– Лично я в этом не уверен, – король положил руку на изуродованное плечо брата. – Родственнички Эллы улепетывают, а мой братец Жоффруа на пару с кузеном Раулем вот-вот схватят меня за шиворот. А что собирается делать младший из Тагэре?

– Я остаюсь с тобой. Но без Вилльо у нас всего сотня человек, причем половина не воины, а слуги.

– Я знаю. Что бы сделал ты на моем месте?

– Отступил в Эльту. Нужно поговорить с людьми... Ты мог бы остаться с матушкой в замке, а я поехать по окрестностям... Нужно связаться с Мальвани.

– Они меня не шибко жалуют.

– Не тебя, а Вилльо. А Сезар мой друг. Если б они решили восстать, они бы... Они бы не ударили в спину.

– Напиши ему.

– Я уже написал.

– Когда ты успел?!

– Когда мы разделились с Койла. Я подумал, что письма к некоторым нобилям могут пригодиться... Я не стал спорить с... сигнором Морисом, но постарался сделать все, что мне пришло в голову.

– Спасибо, Сандер, – король поднес руку к глазам, вглядываясь в дорогу, – жаль, но, похоже, до Эльты мне не добраться...

– Да, действительно, – Александр потянулся к рукояти меча, – кто же нас почтил? Проклятый... Это Гийом Ланжере, от него не уйдешь.

– Этот трус был прав, армии здесь возникают из воздуха. Убери меч, Сандер. Убери и

улыбайся! Хвала святому Эрасти, они все еще держат тебя за мальчишку. Ты должен уйти.

– Сейчас?!

– Нет, не сейчас... Мы поздороваемся с кузеном, а потом... Думаю, он отпустит тебя с сопровождающим в гости к матушке, а дальше, дальше все в твоих руках, Сандер. Я буду морочить им голову, пусть поверят, что я такая же тряпка, как и Жоффруа, а ты должен сделать один то, что мы собирались делать вместе. Понял?

– Понял, – наклонил голову Александр, – я все сделаю. Но на это уйдет кварталы две, а то и три.

– Постараюсь за это время не потерять ни головы, ни короны...

2883 год от В.И.

9-й день месяца Дракона.

Ифрана. Авира

Жозеф был доволен. Первый шаг сделан, Тагэре сцепились друг с другом. Если этот проклятый ре Фло прогонит Филиппа и посадит на трон своего новоявленного зятя, шансы Лумэнов стремительно возрастут. Ларрэн – такая же марионетка, как слабоумный Пьер, а в схватке кукловодов побеждает не столько сильный, сколько ловкий, к каковым ифранский король причислял и себя. Жозеф был в самом радужном настроении и даже, небывалое дело, сменил воротник в ожидании встречи с кардиналом Товием и бланкиссимой Данутой. Циалианка была хороша собой, по крайней мере для шестидесятичетырехлетнего монарха.

Встреча вышла приятной во всех отношениях. Собеседники пили вино с виноградников еретика Усмана и обсуждали новости.

– Так вы говорите, – улыбнулся Товий, – что когда Филиппа захватили, с несчастным оставалось не более сотни человек? Значит, родственнички бросили своего короля на произвол судьбы?

– С ним был только его горбатый братец, да и тот сразу же отпросился под юбку к герцогине Тагэре.

– Вот как? – холодно улыбнулась Данута. – Под юбку? И не было ни крика, ни хватанья за мечи?

– Не было, конечно, – пожал плечами Жозеф, – горбун на своего брата и не взглянул, а сразу же сказал кузену, что намерен посетить матушку.

– И тот его отпустил?

– Разумеется. Хватит с Рауля и двоих братцев Тагэре, нужно кого-то и тетушке оставить...

– Боюсь, Ваше Величество, – циалианка поправила и так безупречно лежащие складки платья, – что Ланжере совершил ошибку.

– Что вы имеете в виду, бланкиссима?

– Три года назад граф Мулан, один из сильнейших бойцов нашего времени, в присутствии младших Тагэре посмеялся над их гербом и их правами. Александр выплеснул в лицо Мулану стакан вина. Они дрались, и горбун победил.

– Это знают все, – махнул рукой Жозеф, – чистая случайность, Мулан поскользнулся.

– Наша собеседница не зря вспомнила эту историю, – заметил Товий, – я понял, что она имеет в виду. Смирение горбуна не к добру. Он должен был броситься в драку, если, конечно, они с Филиппом что-то не придумали.

– Или ему совершенно все равно, кто из братьев и кузенов будет носить корону. Говорят, они с королевой друг друга ненавидят.

– Если б горбун был согласен с ре Фло, он был бы с ним. То, что я слышал про Александра, настораживает. Он не трус, не дурак и очень предан брату.

– Ерунда. Что может сделать мальчишка двадцати лет от роду? Не смешите меня.

– «Человек может многое», – процитировал Книгу Книг кардинал, отхлебывая вино.

2883 год от В.И.

17-й день месяца Собаки.

Арция. Ланже

На столе стояло блюдо отборных яблок и кувшин с вином, но Филипп запретил себе даже смотреть на него – не хватало еще уподобиться этому ничтожеству Жоффруа, всем собеседникам предпочитающему бочонок с атэвским. Самым мерзким было отсутствие новостей, то есть новостей правдивых, к которым плененный король относил известия, поступавшие не от мятежного кузена. Впрочем, внешне все было очень мило. Филипп считался гостем, а не пленником. Другое дело, что он был вынужден или следовать за Раулем, объезжающим послушные ему замки, либо, когда кузен отправлялся по своим делам, дожидаться его, изнывая от безделья в обществе бдительной охраны. В одну из своих первых отлучек Король Королей захватил графа Ревы с сыном. Трусость сыграла с королевским тестем плохую шутку. Как бы ни был Рауль зол на своего кузена и его новоявленную родню, он ценил мужество, где бы его ни встречал. Зато с трусами и предателями разговор у него был короткий. Морис и балбес Винцент были обезглавлены у ворот Фло под восторженный рев толпы.

Вилльо не вызывали сочувствия ни у кого. Им припомнили все, что было и чего не было, а их малодушие лишь подлило масла в огонь. Филипп, однако, был избавлен от этого зрелища, зато присутствовать при казни отдаленного родича Рауля Жоржа Бало королю пришлось.

К этому времени народ и кое-кто из нобилей стал волноваться из-за странного поведения короля, затворившегося во Фло. Из столицы доходили странные слухи о том, что Генеральные Штаты утвердили тестамент⁵⁴ о наследственных правах герцога Ларрэна и его потомства, буде старшая ветвь Тагэре пресечется. Вызывало удивление и то, что всем, хоть и именем Филиппа, распоряжался Рауль, с почти неприличной поспешностью выдавший старшую дочь за герцога Ларрэна. От Короля Королей ждали, что он освободит Филиппа Тагэре от Вилльо, но не того, что он займет их место. В конце концов, добрые северяне пожелали увидеть и услышать своего короля, и Рауль был вынужден на это пойти, тем паче на юге зашевелились лумэновцы, а в Тимоне – родственничек Бало, возмнивший себя Проклятый знает кем.

Филипп с присущим ему обаянием согласился, потребовав за это переезда в Ланжский замок, бывший его собственным владением. Рауль не возражал: король имеет право жить в собственном доме, его переезд заткнет глотку крикунам, и не беда, что вокруг Ланже расположены замки вассалов Тагэре и что оттуда рукой подать до Эльты. Рядом с Филиппом будут надежные люди. От смутного ропота до открытого мятежа далеко, а сила по-прежнему на стороне ре Фло.

К концу месяца Дракона король переехал в Ланже, предварительно проехав по улицам доброго города Эльты, где его восторженно приветствовали жители, опьяненные победой над ненавистными выскочками и осознанием собственной значимости. Рауль благополучно водворил венценосного пленника в замок и во главе армии двинулся на мятежников. Все кончилось очень быстро, зачинщику в присутствии короля и его знаменитого кузена отрубили голову, после чего ре Фло поехал в Шато-Абе, где метался разочарованный проволочкой герцог Ларрэн, которого предстояло одновременно приободрить и одернуть. Филипп же удалился в свою вотчину, с трудом скрывая возбуждение. Во время казни он заметил в толпе человека, на темно-синем плаще которого белый волчонок задирает голову к полной луне. Эту консигну избрал для себя Александр, готовясь к посвящению в рыцари, которое должно было состояться в день именин королевы. Никто, кроме них двоих, об этом не знал, и появление человека с волчонком означало лишь одно: Александр на свободе, пытается что-то предпринять и, судя по всему, успешно.

⁵⁴ Акт, принимаемый Генеральными Штатами и имеющий силу закона, если в течение трех месяцев король его не отвергнет.

Проклятый, до чего он дожил! Оказался пленником собственного кузена и возлагает единственную надежду на младшего братишку. Хотя Сандер вырос крепким орешком. Но, во имя святого Эрасти, чего же он тянет! Еще кварта или две, и Филипп не выдержит. Он не может больше изображать из себя безвольного придурка, которому для полного счастья довольно вина и хорошеньких служанок. Филипп взял кувшин и, бросив взгляд в сторону двери – не нужно давать повод для подозрений, – быстро выплеснул две трети лучшего авирского в камин и тщательно переворошил золу. Пусть думают, что он пьет, к пьяницам всерьез никто не относится...

Нэо Рамиэрль

До Седого поля они не добрались, несмотря на целительские познания Нэо и мужество Норгэреля, державшегося до последнего. Заклятия почти не помогали, травы тем более. В предгорьях Корбута Роман окончательно понял, что пока больной может держаться в седле, нужно добраться хотя бы до Гар-Рэннока. Никогда еще дорога в столицу Южного Корбута не казалась эльфу такой длинной. После Агуилы Роман посадил Норгэреля впереди себя, так как править лошастью тот уже не мог. Им повезло, недалеко от места, где некогда Рамиэрль-разведчик подобрал сломавшего ногу юного гоблина, они встретили отряд «Зубров», возвращавшийся после очередной охоты за ройгианцами. Молодой двадцатник узнал Романа Вечного, и дальше Норгэреля несли на наспех сделанных носилках, причем походный бег орков мало чем уступал лошадиной рыси.

Они оказались у Гар-Рэннока ранним вечером, когда солнце коснулось вершин заповедных лиственниц на горе Памяти. Воины, не спрашивая, повернули к Темному Замку, как гоблины гордо именовали жилище горных королей. Заранее предупрежденный высланным вперед вестником Кардинч-Стефан пад Уррик вышел навстречу гостям. Огромный и могучий, как корбутский зубр, покрытый шрамами от вражеских ятаганов и медвежьих клыков, горный владыка был надежным другом и истинным сыном Созидателей. Лично сопроводив друзей в лучшие покои и собственноручно переложив Норгэреля с носилок на застланное медвежьими шкурами ложе, Кардинч предложил Роману спросить совета у Теней Ушедших. В другой ситуации это бы позабавило, но сейчас эльфу было не до смеха. В храм он все-таки пошел, нельзя обижать хозяина и нарушать уверенность орков в том, что прежние боги Тарры доныне помогают советом не предавшему их память Ночному народу.

Роман предпочел бы посетить святыню в одиночку, но горный владыка был не из тех, кто бросает друга в беде и забывает долг гостеприимства. Кардинч вместе со старшим сыном и наследником, на запястье которого уже красовалась татуировка, напоминающая след от браслета, решительно присоединились к гостю.

Обычно Рамиэрль проникал в храм через потайную дверцу, известную лишь немногим, но на сей раз пришлось пройти через главный портал. Своим созданием главная и единственная святыня Гар-Рэннока была обязана фантазиям первого горного короля Стефана пад Уррика и его мачехи и воображению Клэра, пытавшегося заглушить свое горе сначала войной, потом творчеством и, наконец, дорогой. Сейчас Утренний Ветер наверняка уже в Оргонде, но где бы он ни был, часть души скульптора навеки осталась в горах. Клэр оплакивал Тину, но создал храм-памятник не только первым богам Тарры, но и всем, кто за нее погиб и еще погибнет.

Гоблины старательно выполняли все указания художника, а когда было нужно, помогали эльфы. Орочье трудолюбие и искусство Лебедей сотворили чудо. И что за беда, если Клэр наделил Инту чертами Герики, а сын Омма оказался похож на юного Рене? Какими те были, никто никогда не узнает, а Геро и Аррой, их отдаленные потомки, вернули Тарре надежду.

В храме Памяти всегда царили прозрачные сумерки. Мягким серебром мерцал пол, напоминая о седой траве, светилось под куполом закатное небо, в котором парила белая стая, а на алтаре из черного камня пылал негасимый огонь. Роман представлял, что должны

испытывать здесь орки, если у него, знающего цену магии и повидавшего всякое, начинает бешено колотиться сердце.

Кардинч и Стефан подвели Рамиэрля к алтарю Памяти, и горный король заговорил на своем языке, при звуках которого у Романа до сих пор сжималось сердце. Супруга великого Уррика покоилась здесь же, в одном из приделов храма рядом с любимым, а Роману до сих пор снились черные косы и звонкий смех его отчаянной спутницы... Отогнав непрощенные воспоминания, эльф вслушался в речь владыки орков. Тот спрашивал Ушедших о причинах болезни их друга и о том, возможно ли исцеление. Когда смолкло последнее слово, гоблины в ожидании чуда устремили глаза к огню, цвет которого стал постепенно меняться из золотистого в синий, а затем медленный каменный голос произнес:

– Надежда – последнее, что нас покидает. Даже время можно смирить, даже сквозь воду можно пройти. Нет безвыходных положений, есть отчаявшиеся и смирившиеся. Нужно бороться до конца. Помощь придет тогда, когда ее меньше всего ожидаешь.

Голос замолк, пламя постепенно вернуло свой прежний цвет. Гоблины благоговейно коснулись ладонями сердец, Роман сделал то же самое, хотя готов был придушить засевшего под алтарем Жана-Флорентина с его очередными банальностями. Философский жаб был не виноват, более того, обман, затеянный в свое время сыном Ланки и Уррика и им самим, принес немало добра, но сейчас эльф не мог думать спокойно. Его едва хватило, чтобы, сохраняя приличествующее случаю выражение лица, выйти из храма. От вечернего пира он отказался, сказав, что хочет обдумать услышанное. Орки не настаивали. Чужое горе свято.

Роман вернулся к Норгэрелю, который, кажется, смог заснуть. Глядя на прозрачное, заострившееся лицо, уже отмеченное нездешним светом, Нэо Рамиэрль из дома Розы в очередной раз проклинал собственное бессилие: скольких он проводил в небытие и скольких еще проводит, прежде чем уйдет за ними, предоставив другим свою ношу!

– Роман! Звездный Лебедь! Откуда ты мог взяться здесь?

– Рене?

– Да, – подтвердил элланец, перебираясь через подоконник, – не удивляйся. Это чистой воды совпадение. Мне пришла блажь навестить Жана-Флорентина и заодно проверить, что творится в здешних горах и как долго я могу обойтись без моря. Оказалось, долго. Уж не знаю, радоваться этому или нет. Мне так, конечно, легче, но моя растущая сила далеко не лучший признак... Что с ним?

– Не знаю. Никто не знает.

– Если бы я не знал, что это не так, я бы поклялся, что его пытали... Но такие раны раньше мог залечить даже я.

– Они не заживают.

– Великий Дракон, – Рене сжал зубы, – мы словно местами поменялись. Когда я пришел в себя на Лунном, то увидел над собой лицо Норгэреля. Он спас меня, хотя мог бы этого и не делать... – Рене осторожно коснулся разметающихся золотых волос. – Норгэрель, ты меня слышишь? Ты тут?

Эльф с трудом поднял веки, но синие глаза глядели осмысленно и серьезно.

– Я рад, что увидел тебя еще раз... Только ради этого стоило затеять эту поездку.

– А куда вы, кстати, направлялись? Вряд ли спросить совета у Жана-Флорентина, хоть он нынче и вещает от имени Вечности.

– На Седое поле.

– Нэо думает, что там не властны ни ройгианцы, ни тот, из Моря...

– Может, и так, – руки Рене привычно перебирали черную цепь, – может, и так... Роман! – Глаза Арроя неистово блеснули, как в старые добрые времена, когда Счастличик в очередной раз обманывал судьбу. – Ночная Обитель! Это рядом. Гиб домчит за ору. А туда уж точно нет ходу никому, кроме тебя!

Роман с удивлением и ужасом воззрился на друга. В свое время он так успешно запретил себе думать о подарке Воина, что упустил очевидное, хотя... Ночная Обитель – шанс для Норгэреля, но сам он станет узником Зимы. Выйти из Башни без Кольца он не

сможет, а оставить Тарру в канун войны...

– Рамиэрль, – бесплотная рука накрыла его ладонь, – ты слишком нужен здесь, я не стою такой жертвы...

– А кто говорит о жертве? – Рене с сочувствием смотрел на обоих – своего спасителя и своего друга, – все мы горазды жертвовать собой, только сначала нужно понять, чем наша жертва обернется. Норгэрель, ты знаешь, что с тобой? Нет. А я уже привык к тому, что в подлой войне, которую нам навязали, все непонятное – это малая беда в настоящем и большая в будущем. Ты уверен, что после смерти не станешь проклятьем Тарры, если останешься здесь? Ты уверен, что в один прекрасный день не перестанешь быть самим собой и не ударишь нас в спину? Что твоя болезнь не перекинется на кого-то еще? Не можешь ты быть в этом уверен. Атэвы, когда подозревают в себе черную болезнь, бросаются в огонь. Я уважаю этот обычай. Да и ты, Роман... Ты не сможешь оттуда вернуться в Тарру, но ты можешь найти иные пути в иные места. Башня Ангеса должна быть связана с обителью Адены, кто знает, может, Эрасти мало слов Герики...

– Ты прав, – кивнул Роман и, улыбнувшись, добавил: – Надо же, эта каменная дрянь опять оказалась права.

– А что тут такого? – пожал плечами Рене. – Банальности потому и банальности, что они соответствуют истине, но нам всем нужно спешить. Норгэрель, ты сможешь встать и спуститься в сад?

– Если не очень далеко, дойду...

– До ближайшего ручья. Слава Жану-Флорентину, теперь вы можете исчезнуть, не сказавшись хозяевам. Они истолкуют все шиворот-навыворот, но все равно будут правы.

Гоблины обладают рысью чуткостью, но три легкие тени незамеченными скользнули между стоящих на страже копыеносцев и оказались в небольшом саду, устроенном по прихоти Кризы и заботливо сохраняемом свято чтящими память Великих орками. В дальнем конце сада из сложенного из малахитовых глыб грота вытекал ручей, и Рене, опустив руку в воду, позвал своего белогривого спутника. Гиб объявился тут же, зыркнул зеленым глазом на Норгэреля и приветственно нагнул голову при виде Романа.

– Гиб, – Рене положил руку на холку своего приятеля, – ты должен отвезти нас всех к Ночной Обители и как можно скорее.

Водяной конь, надо отдать ему справедливость, прекрасно понимал, когда можно выказывать капризность и склочность, а когда спорить не приходится. Рене первым вскочил на спину огромного жеребца, бережно приняв закусившего от боли губу Норгэреля, которого устроил перед собой. Роман сел за Арроем, и черный вихрь метнулся вперед, обгоняя смерть.

До сего дня эльф-разведчик не ездил на водяном коне. Нэо захватило ощущение дикой первозданной мощи, вырвавшейся наружу. Гиб мчался неудержимо и стремительно, как весенний горный поток, Рамиэрль не чувствовал под собой конской спины, ему казалось, что его подхватила и понесла гигантская волна и только пояс Рене, за который он цеплялся, не дает захлебнуться в стремительном беге, как в воде.

Это было страшно и вместе с тем прекрасно. Эмзар сохранил о подобном приключении далеко не лучшие воспоминания, но Рамиэрль, когда Гиб остановился у древних стен, чуть ли не сожалел о том, что все кончилось так быстро.

Рене спрыгнул на землю и снял полумертвого Норгэреля. Нэо задержался, не зная, что сказать на прощание водяному коню, но когда тот повернул к нему зеленоглазую голову, увидел, что слова не нужны. Спутник первых богов Тарры и так понял все. Эльф провел рукой по влажной гриве и соскочил с коня, нужно было идти.

Еще не начавшее светлеть небо было усыпано звездами, ночь дышала свежестью, напоенной ароматами цветущих кустов и трав. Роман отыскал в вышине Лебединую звезду. Кто знает, вдруг эта весна станет последней в его длинной жизни и отныне он будет видеть лишь снег. Рене все еще поддерживал Норгэреля, и Роман, обругав себя, бросился к ним.

– Простите, задумался.

– Мы тоже задумались, – откликнулся Аррой, – но вам пора, да и мне тоже...

– Рене, – Норгэрель почти шептал, видимо, говорить громко у него не было сил, – Рене, а ты не хочешь пойти с нами?

– В самом деле! Там, в мире Зимы, тебе будет легче. Тень... Воин, он ждал почти три тысячи лет, ждал и дождался, а ты жив, ты – больше чем тень, даже если это тень Бога. И потом, мы вместе можем поискать проход в обитель Адены...

Рене молчал очень долго, а может, это Роману лишь показалось. Наконец он заговорил, негромко и спокойно:

– Ты прав, и я хотел бы пойти. Что тебе говорить, ты и сам все знаешь, но я не могу. Я должен остаться. То, что можно найти в мире Зимы, вы найдете. Если встретишь Геро, скажи ей все. И кем я стал, и то, что я все равно жду, и буду ждать, но место мое тут. Тут храм Триединого, тут Фей-Вэя, тут Варха... Что, если змеи вылупятся раньше, чем вернутся Геро и Эрасти? Да и потомков своих я не могу бросить. Назло Зенобии с присными. А с вами я не прощаюсь. Мы еще встретимся.

– Ты это знаешь? Откуда? Ты...

– Там, куда я могу заглядывать, пророков не держат. Просто мы с тобой невесть сколько раз расставались и вновь сходились. И пока не расхлебам эту кашу с Концом Света, не расстанемся. Проклятый! – Аррой деланно засмеялся. – Сколько можно вас ждать?! Уходите. Слышите? Уходите!

Роман кивнул. Река, сотворенная Уанном, давно иссякла, и два эльфа спокойно пошли к основанию древней башни. Рене-Аларик стоял и смотрел им вслед. Норгэрель был не в состоянии идти быстро, их еще можно было догнать. Он успевал даже тогда, когда Роман приложил руку к стене и сквозь темный камень проступила сверкающая серебром дверь с задравшим голову к луне волком, таким же, как на консигне герцога Арроя. Затем дверь открылась. Там, внутри, было светло, и Рене отчетливо видел две стройные фигуры, замершие на пороге. Он еще мог подать им знак. Эльфы оглянулись, надеясь, что он передумает. Нэо и Норгэрель стояли на пороге сверкающего снежного мира, дразня избавлением от боли, свободой, возможностью пойти навстречу своей любви. Мир Ангеса принял бы его, исцелил, наполнил новыми силами... Эльфы стояли и ждали... Может быть, все же?..

Рене, взмахнув рукой, вскочил на своего коня, и Гиб, закричав отчаянно и гордо, не спрашивая приказа, бросился навстречу звездной Рыси.

2883 год от В.И.

19-й день месяца Собаки.

Окрестности Ланже

Жоффруа и Рауль молча подъезжали к Ланже. После очередного «разговора» тесть решил, что зять нуждается в постоянном присмотре, а зять, что тесть слишком уж тянет с исполнением обещанного. Однако не Ларрэну было спорить с Королем Королей. Раздавленный не столько доводами кузена, сколько силой его характера, Жоффруа сник. Как ни странно, Рауля это только вывело из себя. То, что сыновья Шарло оказались такими слизняками, оскорбляло, несмотря на то, что это было на пользу самому Раулю. Бедная Эстела! Потерять мужа, братьев и сына и остаться с двумя пьяницами и бабниками и одним калекой... Жаль...

Ре Фло поднял голову – на башне развевался флаг с серебряными нарциссами, означавший, что хозяин дома. Еще одна насмешка. Итак, сегодняшний день решает все. Или Филипп разводится с Элеонорой и женится на Жаклин, или отправляется в монастырь, а на престол вступает его брат. Отчего-то Раулю казалось, что, увидев Жоффруа, Филипп согласится на все, лишь бы не уступить этому красномордому фанфарону. Но для начала нужно привезти короля в никодимианское⁵⁵ аббатство, где, в зависимости от исхода

⁵⁵ Никодимианцы – один из церковных орденов.

переговоров, можно будет и постриг принять, и попросить Церковь о расторжении брака с Элеонорой Гризье. Конечно, Кантиску придется уламывать, но золота у ре Фло достаточно, а клирики тоже люди и, как правило, люди алчные. Евгений же, хоть и не одобрил его замыслов, вряд ли вступится за Вилльо, молчанье же знак согласия...

Рауль бросил поводья подбежавшему пажу в ливрее со вздыбившимся медведем⁵⁶ и поднялся к королю. Филипп сидел у окна, поигрывая полупустым стаканом, кувшин из даманского стекла был почти опустошен, а у смятой постели валялась розовая женская подвязка.

– Кузен, – Рауль намеренно опустил обращение «Ваше Величество», – нам нужно немедленно ехать в Эльту...

– Немедленно? – Филипп недоуменно поднял мутные глаза. – А за каким лядом? Мне и здесь неплохо...

– Кони оседланы...

– А может, завтра? Сегодня я что-то устал, был такой тяжелый день...

– Тяжелый день был у здешних служанок, а не у тебя, – отрезал Рауль.

– Ну не могу же я ехать прямо так, – возмутился король.

Пожалуй, он был прав. ТАК действительно ехать не стоило. Еще скажут, что его нарочно подпоили.

– Я сейчас же прикажу принести воды для умывания и пришлю в помощь двух пажей... Но через полторы оры мы должны выехать.

– Выедем, – бодро заверил Филипп, – еще как выедем...

Не прошло и трех ор, как король в сопровождении герцога Ларрэна и графа ре Фло выехал из Ланже, и три сотни всадников направились к Эльтскому тракту. Росшие вдоль дороги деревья тихо роняли под ноги золотые сердечки листьев, невесомая летучая паутина то и дело задевала по лицу, небо было высоким и до невозможности синим. Где-то запела кампанка⁵⁷. Кони шли легкой рысцой, Филипп, похоже, вполне протрезвел и даже развеселился, наслаждаясь поездкой. Жоффруа с напряженным, раскрасневшимся лицом пытался одновременно укрыться от взгляда брата и привлечь к себе внимания тестя-кузена. У небольшого, увенчанного серой каменной глыбой холма, где дорога разветвлялась, Филипп, задумавшись, повернул жеребца не туда, куда нужно. Рауль подъехал поближе к кузену, указав тому на ошибку, но король в ответ так сверкнул глазами, что графу показалось: перед ним покойный Шарль.

– Я выбираю ту дорогу, которая мне нравится, Рауль, и не вздумай встать на моем пути...

– Ты пьян, Филипп!

– Нет и не был, а вот ты, похоже, ослеп. Оглянись...

Сначала ре Фло не поверил своим глазам: на холме ошетились копьями большой отряд. Да не отряд, армия! Ничего не понимая, Король Королей смотрел, как и из-за деревьев, и с обоих концов дороги выезжали тяжело вооруженные всадники в темно-синих плащах.

– Думаю, ты все понял, Рауль, – голос короля одновременно был холоден и насмешлив. – Ты возился с одним моим братом и забыл о другом... Твои люди не готовы к бою, и на каждого из них приходится пятеро. Конечно, можно меня убить, но моя смерть ничего тебе не даст. Лучше мы мило распрощаемся, ты отправишься поправлять пошатнувшееся здоровье во Фло, а Мальвани тебя проводит...

– Мальвани?!

– Да, он наверняка тут... Точно, вот их тигры, а волчонок, чтоб ты знал, это консигна

⁵⁶ Вздыбившийся медведь – сигнала Рауля ре Фло.

⁵⁷ Небольшая, серая с черным птица, которая поет до самой осени.

Александра... Ну, так как?

– Ваше Величество, – склонил голову Рауль, – вы совершенно правы, нам нет причин ссориться, а я, гоняясь за этим кабаном Бало, действительно заболел. Старая рана, Проклятый ее поberi.

– Благодарю святого Эрасти за свою рану! Твою рану и память отца, – бросил Филипп и радостно замахал рукой, увидев рыцаря на серой лошади.

– Брат, – горячечный шепот принадлежал Ларрэну, оказавшемуся возле короля, – брат, клянусь святой Циалой, я не хотел... Это Рауль меня заставил...

– Убирайся, не вводи во искушение. Не хватало, чтобы все видели, как один Тагэре ударит другого...

– Филипп...

– Сказано же, пошел вон, до тебя еще дело дойдет. Александр! – Зычный голос короля далеко разнесся в чистом осеннем воздухе. – Ну, где же ты?!

Младший из Тагэре уже шел к брату. Филипп, спрыгнув со своего иноходца, бросился ему навстречу и сжал в объятиях.

– Сандер! Я знал, что тебе удастся, но чтобы так вовремя...

– Я же послал весточку, что мы готовы.

– Я понял, что человек с волчонком был от тебя, но не думал, что все случится так скоро... И как только тебе удалось!

– Долго рассказывать. Сезар с дядей помогли, ну и Шада, конечно же.

– Он здесь?

– Да, на холме...

– Надо сказать ему, что отныне он граф!

– Сейчас...

– погоди, сначала более важное. Гастон, рад вас видеть. Постройте-ка людей. А ты куда? – Король крепко взял Александра за предплечье. – Сказано же, Шада подождет. Все подождают.

Воины быстро разворачивались, топча, к счастью для крестьян, уже убранное поле. Гастон, самый младший из братьев Койла и единственный уцелевший, действовал быстро, четко и умело. Боевые кони застыли в парадном строю, красиво изогнув шеи. Король оглядел подоспевших ему на выручку, и лицо его потеплело.

– Благодарю всех, кто пришел сюда. Клянусь честью Тагэре, не будет забыт ни один из вас, но сначала я воздам должное тому, кто заслуживает благодарности больше всех. Александр Тагэре. Вы своим поступком посвятили себя в рыцари ранее намеченного срока. Я же вверенной мне властью лишь подтверждаю свершившееся. Преклони колени, Александр. И слушай. С сего дня ты рыцарь, твоя консигна навеки внесена в коронный реестр. Какой девиз избрал ты для себя?

Александр прямо взглянул в лицо брату:

– «Верность обязывает», государь!

– Да будет так. Все слышали! И все запомнили! Но это еще не все. Все знают, что с древних времен вице-маршал Арции командует авангардом и является председателем Рыцарского суда. Я с легким сердцем возлагаю эту должность на плечи моего брата Александра! – И король что есть силы закричал: – Александру, герцогу р'Эстре, вице-маршалу Арции виват!

Нэо Рамиэрль

Голубые шатровые ели тонули в серебряных сугробах, вдали шумел поток. Сломанный ветром ствол, куст с замерзшими темно-красными ягодами, а рядом... слегка припорошенные снегом следы костра, которого на самом деле не было и быть не могло! Нэо Рамиэрль, известный в мире людей как Роман Ясный, повидал в своей жизни куда больше и обычных смертных, и большинства эльфов, но тут ему стало не по себе.

Когда Нэо при помощи магии говорил с Эдмоном Тагэре, он выбрал для встречи

обитель Ангеса, но ему и в голову не приходило, что место их призрачного свидания существует. Неужели здесь и вправду пылал огонь, который зажег он, Рамиэрль-разведчик? Или это следы иного костра? Но где те, кто протягивали к нему руки, откуда они пришли, кем были, когда и куда ушли?

Эльф в раздумье опустил на еловый выворотень. Вокруг царила тишина. В высоком синем небе не проплывало ни облачка, солнечные лучи превратили нетронутый снег в бриллиантовые россыпи, седые ветви елей казались мягкими и пушистыми. Этот лес был полон скрытых сил и чужд тревог и отчаянья. Только бог-Воин, уставший от битв и собственного величия и жаждавший покоя и свободы, мог создать себе такое убежище, но Роман не был богом и искал не отдыха, а бури. Он сам не понимал, как вышло, что он оказался здесь вместе с Норгэрелем. Все произошло слишком быстро, Рене не дал ему опомниться. Ночная скачка, стены древней обители, распахнувшаяся перед ними дверь...

Рамиэрль понимал, что на этот раз воля Арроя возобладали над его собственной. Рене заставил их войти, а сам остался, хотя именно для него, живущего в аду, мир Зимы стал бы спасением. Утешало лишь то, что его расчет оправдался, Норгэрель стремительно выздоравливал, странные раны и синяки заживали, как самые обычные, оставленные ножами и веревками заплечных дел мастеров. Да, родич был еще очень слаб, но Роман не сомневался в благополучном исходе. Еще одна или две здешние кварталы, и перед ними во всей своей красе встанет вопрос, что делать дальше.

Дорога в Арцию им была заказана. И не только потому, что никто не мог знать, что станет с Норгэрелем, если тот вернется. Роман верил Воину, а тот прямо сказал, что без Кольца отсюда не выйти... И все равно, как только Рамиэрль понял, что с чистой совестью может оставить своего товарища одного в найденном ими доме, он попробовал отыскать дорогу назад и не нашел.

Вьюга замела все следы, но он узнал похожую на башню скалу, у подножия которой они оказались, когда, проводив взглядом слившегося с предутренней тьмой Гиба, шагнули внутрь Обители. Скала была та самая, равно как и голубая ель с раздвоенной верхушкой, и заросли можжевельника, переходящие в каменную россыпь, но не было никаких следов Врат, пусть запечатанных, непреодолимых, но существующих. Кругом тянулся темный лес, внизу неслась узкая стремительная река, меж камней и деревьев змеилась тропа. И все.

Рамиэрль попытался вспомнить, что он видел во время своего первого прихода. Тогда они с Воином стояли на другой, хоть и похожей, вершине. Они проговорили полночи, потом он ушел. Проклятье! Как же он не запомнил, где выход? Хотя чего удивляться, он был слишком ошарашен встречей, а возвращаться в здешние места не собирался. Да и был ли этот выход? Мир Зимы был полон загадок. Взять хотя бы эту поляну. Как он мог представить ее во всех подробностях, не видя? Или все было наоборот: он придумал это место, а оно непостижимым образом стало реальностью?

Он призвал сюда Эдмона, вырвав его из последнего сна, но смогут ли они с Норгэрелем вырваться из этой хрустальной ловушки? Или это и есть расплата за то, что он заведомо лгал, клянясь Звездным Лебедем? Пусть так, но он и сейчас считает, что был прав, спасая сына Шарля и с ним вместе множество людей пусть не от смерти, но от отчаянья... И вообще хватит думать о всякой чепухе. Он, хвала Звездному Лебедю, пока еще не философская жаба!

Рене говорил, что миры Адены и Ангеса должны быть связаны. Из обители бога должно вести немало путей. Воин сказал, что проходы запечатаны, но кошка прошмыгнет там, где нет пути человеку. Мир может быть закрыт для небожителей, но эльф (Роман осекся и выругал сам себя, он не вправе забывать о Норгэреле, хоть разведчику удобней быть одному), два эльфа, возможно, и смогут найти щель. Другое дело, куда их эта щель выведет, но дорога в преисподнюю лучше заточения в раю.

2884 год от В.И.

Ночь с 19-го на 20-й день месяца Лебеда.

Данкасса

Темное небо прорезала сверкающая полоска, прорезала и погасла. Когда падает звезда, нужно успеть загадать желание. В раннем детстве Александр свято верил в эту примету, но его немудреные желания упорно не исполнялись, и со временем вид падающей звезды стал вызывать у младшего Тагэре странную смесь горечи и смеха. Обман, неисполненные обещания, разбитые надежды – вот что означали огненные росчерки. Но сегодня их было слишком много даже для вершины лета. Впрочем, людям, пришедшим с Его Величеством Филиппом Четвертым к Данкассе, было не до звездопадов. Измученные долгим переходом воины не столь уж большого королевского войска уснули, едва лишь разбили лагерь. Александр тоже устал, но ему отчего-то не спалось, и он устроился возле своей палатки, выискивая в небе с детства знакомые рисунки созвездий. На сердце было тревожно, впрочем, с того мгновенья, как он узнал о бегстве Рауля и Жоффруа в Ифрану, Александр Тагэре жил ожиданием неизбежной схватки. Рауль был не из тех, кто признает свое поражение.

Фернан Вилльо, ставший после позорной смерти отца графом Ревы, захватил и казнил на месте с десятков приверженцев Рауля и Жоффруа, не последовавших за ними. По мнению Сандера, это было не только жестоко и подло, но и глупо. Каждая смерть порождала новую ненависть. Ненависть и вражда захлестывали Арцию, а брат и родичи королевы лишь подливали масла в огонь.

Сандер понимал, что сначала правота была на стороне Короля Королей, а не Филиппа, окружившего себя жадными, никчемными людишками, способными вызвать лишь отвращение. Зброшенные границы, отданные во власть ненасытным и неумелым хозяевам земли, наглость и высокомерие новых королевских любимцев, все это мучило и Александра, так что он вполне понимал чувства Рауля. Но есть вещи, которые нельзя перечеркнуть. Да, Филипп предпочел забыть об услугах, оказанных ему великим кузеном и другими нобилями Арции, но Рауль ре Фло, примирившийся с ифранкой, забыл еще больше. Он забыл о крови отца, деда и друга, а Жоффруа еще и о том, что он Тагэре и брат короля. Сандер Эстре не понимал, как могло случиться, что средний сын Шарля Тагэре пошел против старшего, а старший оттолкнул и оскорбил соратников отца, лучший друг которого вступил в союз с его убийцами. Это было безумием, и безумие это охватило самых близких, впору было самому сойти с ума...

Порой Александр начинал сомневаться, правильно ли он поступил, вытащив обожаемого брата из ловушки, в которую тот угодил, пойдя на поводу у покойного Мориса Ревы. Быть может, Филипп с Раулем в конце концов поладили бы, брат развелся с Эллой и разогнал ненавистных Вилльо. Хотя вряд ли! Филипп был слишком горд, он бы предпочел умереть, а Жоффруа на троне стал бы еще большим оскорблением Арции, чем толпа фаворитов, которую все же можно ставить на место. Нет, он поступил правильно, доказательство тому – предательство Рауля.

С той самой поры, как Король Королей и Жоффруа бросились в объятия ифранского Паука, их изначальная правота умерла, а Филипп Тагэре получил могущественных врагов. Один раз графа ре Фло удалось обвести вокруг пальца, второй раз подобное не пройдет. Жаль, брат так ничего и не понял и с упорством, достойным лучшего применения, продолжает прежнюю политику, ища не дружбы, а покорности. Все те же Вилльо и Гризье, все то же пренебрежение к тем, кто еще продолжает служить Арции и Тагэре не за титулы и деньги, а за совесть. То и дело приходится то расхлебывать кашу, заваренную любимчиками Филиппа, словно бы нарочно вызывающими к себе всеобщую ненависть. Пока до открытого возмущения не дошло, но с каждым разом все труднее убеждать людей в неведении короля насчет делишек обсевших его мерзавцев.

И все равно Эстре не понимал, как Жоффруа при живом брате мог думать о короне, ведь это ответственность, к которой он не готов, да и, что греха таить, никогда не будет готов. Рауль, тот хотя бы знает, чего хочет, а Ларрэн как дурак из сказки, для которого главное сесть на трон, а там хоть трава не расти. Но вдвоем герцог и Король Королей опасны, знать бы еще, где они теперь...

Последние известия, принесенные эрастианским монахом, который в свою очередь узнал их от какого-то менестреля, были тревожными, хоть и вполне предсказуемыми. Рауль и Жоффруа с небольшим, но хорошо вооруженным войском, к которому присоединились отсиживавшиеся в Ифране сторонники Лумэнов, готовились отплыть в Арцию. Филипп полагал, что они высадутся в Ларрэне, где у них множество друзей. В этом, безусловно, был смысл, но кузен всегда побеждал, делая то, чего от него не ждут. Так могло случиться и теперь, оттого, что Король Королей спелся с ифранкой, полководцем он быть не перестал.

Филиппа и Элеонору изрядно повеселил рассказ о том, как гордец ре Фло четверть оры простоял на коленях перед Агнесой, каясь и прося прощения за бывшие прегрешения. Александр в этом не видел ничего смешного, тем паче разыгравший комедию Паук затем торжественно провозгласил союз Лумэнов и ре Фло. Несмотря на свою вошедшую в поговорку скупость, Жозеф закатил по поводу примирения врагов роскошный пир, на котором было объявлено, что великий Рауль отныне служит делу Лумэнов, а принц Филипп Гаэльзский сочетается браком с младшей дочерью Рауля Жаклин. Последнее особенно понравилось Филиппу Тагэре и его придворным. Еще бы! Жоффруа Ларрэн, скоропалительно женившийся на толстушке Изо и старательно тащившийся за хвостом своего тестя, остался с носом.

В Мунте изрядно зубоскалили на предмет неумного графа и его недоделанных зятьев, говоря, что для полного счастья сам Рауль должен обвенчаться с Дыней⁵⁸, однако Александра это не забавляло. Союз змеи и медведя выглядел опасным, тем паче в Арции сторонники Лумэнов и Фло старательно мутили воду, а Вилльо помогали им изо всех сил своей жадностью, наглостью и высокомерием. Вот и нынешний поход... Александр прекрасно понимал, что его причина – глупости, совершенные Филиппом. Черт же дернул брата сначала отдать земли Батаров кузену Рауля Жану Орви, восстановив этим против себя полпровинции, а потом броситься в другую крайность, выпустив из тюрьмы последнего Батара и вернув ему фамильные владения.

Александр не верил ни Батару, ни Орви, получившему огромные отступные и титул маркиза Ле Манси. Доказательств у него не было, но герцог Эстре был уверен: оба ждут удобного случая, чтобы перейти на сторону один – Лумэнов, а второй – собственного кузена. Если это так, то поход, вызванный истеричными воплями Батара о том, что он-де не в силах справиться с мятежниками, и обиженное молчание новоиспеченного маркиза могут оказаться ловушкой. Сандер пробовал объяснить это брату, но с таким же успехом он мог говорить с деревом или стеной. Сезар разделял его озабоченность, но Мальвани и Вилльо любили друг друга еще сильнее, чем собаки и кошки, и король с полной уверенностью заявил, что виконт Малве так говорит лишь потому, что Реве считает иначе.

...Высокая фигура выступила из темноты, и Александр узнал друга.

– Не спится?

– Угу, – кивнул Малве, – сказали бы мне, что я не смогу заснуть после шестидневного перехода, я б рассмеялся, а ведь не могу. А ты-то что тут делаешь, ночка ведь не жаркая, и вообще подвинулся бы...

– Я? На звезды смотрю, – засмеялся Александр, освобождая место. Брат короля и знатнейший аристократ Арции не утруждали себя такими вещами, как этикет, предоставив носиться со своими титулами выскочкам вроде Вилльо.

– Ну и как звезды?

– Уж больно много их падает...

– От, с позволения сказать, Ле Манси так-таки и ничего?

– Молчит. Филипп считает, что дуется.

– Дуется? Кто-кто, а он не прогадал, лично я бы от таких подарков не отказался.

– Так стань сомнительным, тебе кусок и подкинут, а то вы, Мальвани, своей

⁵⁸ Презрительная кличка Агнесы Ифранской.

надежностью прямо-таки пугаете...

– От такого слышу, кого это, интересно, «верность обязывает», уж не тебя ли?

– Меня, – вздохнул Александр, – но иногда я брата просто не понимаю. Зачем, зная, что Рауль вот-вот высадится, и как бы не здесь, лезть Проклятому в зубы? Король должен быть в столице, по крайней мере, пока не станет ясно, где основной враг.

– Воистину, – кивнул Сезар, – и уж точно незачем было тащить сюда этих Вилльо...

– Не согласен, в Мунте на свободе они бы растащили все, что не успели. Сезар, раз уж ты все равно не спишь...

– Не сплю, – согласился Мальвани.

– Может, возьмем квинты⁵⁹ две и объедем окрестности? Все лучше, чем упавшие звезды считать...

– А что, разве вечером все как следует не осмотрели?

– Осматривали. Люди Ревы.

– Да из них разведчики, как из жабы лошадь. Но две квинты это слишком. Лучше я подниму своих «охотников».

– Это даже лучше.

Спустя четверть оры двадцать шесть всадников в темных плащах, на лошадях, «обутых» в специальные торбы, глушащие стук копыт, веером рассыпались по окрестным полям. Поиски оказались недолгими. В весе от лагеря пятерка «охотников» нарвалась на небольшой отряд, скрытно пробиравшийся в сторону Данкасси. Рассудив, что союзники, каковыми считались Ле Манси и Батар, по ночам тайком не разъезжают, люди Сезара, пропустив чужаков, ловко отсекали замыкающего. Тот лгать и изворачиваться не стал, видимо, дело Лумэнов, на взгляд пленника, не стоило его драгоценной жизни.

Александр удалось сохранить невозмутимость, хотя по спине забегали противные мурашки. И было от чего. Пойманный воин принадлежал к авангарду Жана Орви ре Фло, он же маркиз Ле Манси. Армия маркиза была в весе от лагеря, но, по счастью, ее основу составляла не конница, а пехота, а значит, ждать Манси следует не раньше чем через две с половиной оры. Пленник рассказал, что Жан объявил о своем переходе на сторону кузена, так как король не оценил его преданность и отнял у него Батар. Ничего не делавший наполовину, Орви дал салют в честь Лумэнов и Рауля и заявил, что намерен пленить неблагодарного короля. Это не казалось пустым бахвальством: людей у Ле Манси было раза в три больше, чем у Филиппа. Но это были еще цветочки! Отыскался Рауль. Король Королей высадился не в Ларрэне, а в родной Фло и форсированным маршем направлялся на Лагу, намереваясь отсечь Филиппа от столицы.

2884 год от В.И.

Утро 20-го дня месяца Лебеда.

Арция. Мунт

Нельзя сказать, чтобы Жан Орви, маркиз Ле Манси, был счастлив, поднимая меч на короля Тагэре. Лумэнов Жан не любил и презирал, а от Филиппа Четвертого ничего, кроме хорошего, не видел. Выходку своего знаменитого кузена Орви не одобрял, и, хотя Вилльо его бесили не меньше, чем Рауля, полагал, что Дыня и ее изголодавшиеся на ифранских подачках сторонники будут еще менее приятным обществом. Увы, Король Королей не стал слушать младшего родича. Когда к Орви появился тайный посланец, Манси понял, что ему ничего не остается, как выполнить требуемое. Сила явно была на стороне Рауля, спорить с которым в семействе Фло было не принято. Король Королей прекрасно знал своего осторожного кузена, девизом которого могло бы стать «от добра добра не ищут», и прислал к нему соглядатая. Даже не соглядатая, а человека, который в случае необходимости (если бы, к примеру, Жан заболел или вообще умер) смог повести его людей. Теперь любые увертки

⁵⁹ Квинта – пятьдесят легко вооруженных всадников, разбитых на десятки.

стали невозможны, Орви не мог ни «опоздать», ни «ошибиться», ни «не найти противника». Пришлось браться за дело, находя утешение в том, что против лома нет приема.

Ле Манси заманил Филиппа в Норту, договорился с Батаром (вернее, капитаны Рауля, состоящие при обоих нобилях, договорились друг с другом), и в урочное время двинулся к Данкассе. Все шло, как задумано. Филипп должен был остановиться на дневку именно там, где он и остановился, и на рассвете Манси и Батар должны были взять спящий после длительного перехода лагерь. Король, его брат и все Вилльо требовались Раулю живыми, и это, с одной стороны, успокаивало совесть Жана – не ему решать судьбу пленных, а с другой... С другой стороны, Жан знал мстительный нрав Агнесы. Он не забыл ужас, который испытал, глядя на мертвые головы в соломенных коронах, среди которых была голова его собственного отца...

Манси было глубоко плевать на Вилльо, пусть их хоть с кашей едят, но Филиппа и Александра было жаль. Может, Рауль их пощадит, хотя бы ради Эстелы и в память о Шарле? В конце концов, Сандеру всего двадцать, и он и так наказан судьбой! Пожалуй... Пожалуй, он, Жан Орви, не отдаст младшего Тагэре вместе с другими, а заберет себе в качестве гостя-пленника. После победы он получит право что-то требовать. Вот он и потребует, во-первых, подтверждения нового титула и владений, а во-вторых, Александра Эстре. За него, кстати говоря, можно выдать замуж Мадлен. Она прелестная девочка, но он не атэв и не вправе иметь двух жен, а если бедняжка действительно беременна, ее нужно побыстрее пристроить. Его ребенок будет носить имя Эстре, и он, Жан Орви, не будет чувствовать себя перед ним виноватым. Ну, а Александр с его горбом получит красавицу-жену, и всем будет хорошо...

– Сигнор, – младший офицер в цветах Лумэнов вел себя согласно этикету, но на его лице было написано удивление, переходящее в злость.

– Что случилось?

– Монсигнор, лагерь пуст. Тагэре бежали.

2884 год от В.И.

29-й день месяца Лебеда.

Сельдяное море

Корабль немилосердно скрипел и качался, впрочем, назвать старое рыбацье суденышко кораблем можно было лишь в припадке мании величия. К тому же оно немилосердно пропахло несвежей сельдью. Даже выдавшие виды вояки клялись друг другу, что если пронесет, то они ни за какие деньги на проклятую селедку даже не взглянут. И тем не менее эти три кораблика оказались спасением для Филиппа Тагэре и рыцарей, решивших, кто из преданности, кто из страха перед победителями, последовать за королем в изгнание. Головы приверженцев ре Фло и Ларрэна, сдавшихся на милость Фернана Ревы, до сих пор украшали Новый мост. Казалось естественным, что Рауль захочет исправить это сомнительное украшение по своему вкусу.

Как бы то ни было, но все представители клана Вилльо, находившиеся с королем, не колебались и, зажимая носы, ступили на осклизлые сходни. Проезд оплатили драгоценностями, оказавшимися у самого Филиппа, хотя, по мнению Сезара, которое разделяли все друзья Александра, следовало бы сначала вывернуть карманы родичей королев.

Ошалевшие рыбаки, которым предоставили выбирать между ударом меча и вознаграждением, споро вывели кораблишки из уютной бухты на милость не на шутку разгулявшегося моря. Погода была под стать настроению. Хлестал сильный холодный дождь, порывистый ветер мало того что болтал утлые суденышки, как хотел, норовил облепить людей промокшими плащами. Рыцари, не боявшиеся на суше ни Проклятого, ни Творца, с ужасом вглядывались в серые, не по-летнему холодные волны, а некоторым скоро стало не до страха – морская болезнь оказалась страшнее и Короля Королей, и взбесившегося моря.

Александру повезло, он быстро приноровился к жуткой болтанке и, пристроившись на

корме, попытался собраться с мыслями. Брат короля, если б захотел, мог бы занять одну из двух клетушек, по недоразумению называемых здесь каютами, но Сандеру это показалось нечестным, и он остался с друзьями, невольно оказав услугу Фернану Реви, чья щепетильность так далеко не простиралась.

Сезар Мальвани только плечами пожал, узнав об очередной выходке «пуделя», а зеленый, как весенняя трава, но не утративший привычной иронии Луи Трюэль заметил, что неплохо было бы, воспользовавшись случаем, выкинуть сукиных детей за борт и сказать, что так и было.

«Волчата», как прозвали в Мунте рыцарей Александра, ведших необъявленную войну с «пуделями»-Вилльо, натянуто перешучивались, старательно обходя неприятные темы вроде возможности отправиться на корм рыбам, судьбы тех, кто остался в Арции, и собственных видов на будущее. Александр их понимал: рассчитывать на гостеприимство и помощь мужа Марты можно лишь до известной степени. Конечно, Марк их не прогонит, по крайней мере, сразу, но денег и воинов от него не дождешься, разве что он увидит в этом какую-то корысть для себя. Лыстецы прозвали оргондского герцога Марком Смелым, но ему куда больше шло Марк Расчетливый. Единственным проблеском была давнишняя склока между Оргондой и Ифраной.

Жозеф, соперничающий в скупости со своим супостатом, вколотил уйму ауров в возвращение к власти Лумэнов, значит, Марк должен сделать ставку на Тагэре. Тем паче он зависит от меча Анри Мальвани, а отец Сезара мятеж Рауля не поддержал.

Дождь, и так хлеставший вовсю, припустился еще пуще, и тут за серой пеленой что-то мелькнуло...

– Съенский маяк, – буркнул Сезар, уже плававший в Оргонду к отцу. – Это уже Дарна, сейчас держи ухо востро, тут частенько ошиваются сторожевые корабли...

– Ну и что? – не понял Гартаж. – Принять нас за пиратов может только пьяный крот.

– Не в этом дело, – Мальвани попытался улыбнуться, но улыбочка вышла кривоватой, – сторожевики действительно защищают купцов и гоняют пиратов, но если Паук догадался отправить гонцов в магистраты и предложить вознаграждение за наши головы, я себе не завижую...

– Ну, спасибо, утешил, – хмыкнул Луи Трюэль. – Жабий хвост! Нам для полного счастья только дарнийцев не хватало.

– Поскольку от нас сейчас ничего не зависит, – бросил Никола Герар, – будем надеяться на лучшее.

С ним согласились, но разговор как-то увял. Глядя в свинцовые облака, Александр старательно перебирал мельчайшие детали, предшествовавшие их бегству. Нет, похоже, сделать действительно было ничего нельзя. Принять бой с заведомо превосходящими силами противника, зная, что к тому идет подкрепление во главе с самим Раулем ре Фло, было безумием. Глупо было и прорываться в Мунт через Норту, которая ждала сигнала, чтоб поднять стяги Лумэнов и броситься на тех, кого считали узурпаторами. Филипп это понял сразу же, как узнал о предательстве Ле Манси и высадке Рауля. Король поблагодарил солдат и мелких нобилей за службу и велел отступать туда и так, как они сочтут нужным. Спустя пол-оры кавалькада из тех, кто не мог или не хотел оставить короля, устремила к морю. Александру хотелось верить, что Фло не станет мстить простым воинам, но уверенности в этом у него не было.

Возглас впередсмотрящего вернул брата короля от малоприятных мыслей к еще менее веселой действительности. Справа по борту подходили большие суда, в которых без труда угадывались дарнийские сторожевики.

– Проклятый! – В глазах Гартажа читалось отвращение, связанное с отчаяньем. – Мы даже в бою умереть не сможем, нас или утопят, или возьмут в плен...

– Да, до берега нам не доплыть, – согласился Этьен Ландей, – а хоть бы и доплыли, там наверняка сторожат...

– Договориться с ними, я полагаю, нельзя?

– Можно, если предложить дороже, чем им уже заплатили, – Сезар был спокоен и собран, – но, даже выверни мы наизнанку Вилльо и отдай в придачу их самих, у нас не наберется и тысячи ауров. Паук наверняка отвалил в несколько раз больше, иначе они в такую погоду не вышли бы в море... Да и нарушить клятву денег стоит.

– Может, удастся уйти?

– От сторожевиков? Если б мы сговорились с контрабандистами, еще туда-сюда, а рыбаки...

– А что за клятва? – Александр спросил только для того, чтобы спросить хоть что-то.

– Да так, суеверие одно... Сторожевики дают клятву только *защищать*. При нападении на мирных путников, которые ничем не грозят торговым городам, их должно покарать само море...

– Как же, покарает оно, – вздохнул кто-то из Крэсси. – А может, все же договоримся? Пусть предложат нас не только Раулю, но и Марку.

– Это наш единственный шанс. Гляньте... Ничего не понимаю... Они что, рехнулись, а может, я?!

И вправду, было от чего. Сторожевики вдруг прекратили погоню и теперь, мешая друг другу, суетливо разворачивались. Дождь прекратился, резкий порыв ветра разорвал облака, и хлынувшие в прорыв солнечные лучи облили море расплавленным серебром. На фоне темных облаков было видно, как корабли дарнийцев, кое-как выстроившись, торопливо уходят на юго-восток.

– Проклятый, – прошептал Сезар, – вы только посмотрите, что они пишут!

– Пишут? – не понял Александр.

– Моряки флагами разговаривают... Так вот, они нам пишут, они пишут: «Девять ланов под килем и попутного ветра».

– Врут! – убежденно сказал Одуэн.

– Да нет, – медленно проговорил Сезар, – не врут. Да вы не в ту сторону смотрите. Гляньте туда, где солнце!

Что бы потом ни выпадало арцийским рыцарям, никто из «волчат» до конца жизни не забыл эту картину. По сверкающей воде несясь корабль, не похожий ни на один, виденный кем бы то ни было, включая Мальвани. Черный трехмачтовик, узкий и хищный, ни обводами, ни оснасткой не напоминающий дарнийские суда, со скоростью галопирующей лошади приближался к преследователям. Корабль, словно бы осиянный нездешним светом, шел в бейдевинд, рассекая немалые волны и не обращая внимания ни на буруны, окружающие рифы, ни на опасную близость берега. Александр видел вздыбившуюся рысью фигуру на носу, словно бы сотканная из холодного света паруса, ощерившиеся жерла орудий. Последнего просто не могло быть!

Четыре сотни лет назад Церковь запретила дьявольское зелье. Те, кто поначалу пренебрегал запретами, живыми взлетели на небеса, так как порох загорался в их собственных арсеналах, причем в самое неподходящее время. Однако черный корабль нес на борту не одну сотню пушек!

Странный пришелец пронесся борт о борт с рыбацкой скорлупкой, догнал дарнийцев и теперь шел рядом с ними, словно бы желая убедиться, что те уходят. Шкипер судна, на котором был Александр, одновременно творя молитву святому Эрасти и поминая Проклятого и всех его нечестивых последышей, торопливо уходил в противоположном направлении.

Рыцари на корме не замечали ни резкого гортанного голоса, ни беготни и топота немногочисленных матросов. Их мысли и глаза были прикованы к сверкающему кораблю, исчезавшему за горизонтом. Солнце скрылось, по палубе застучали дождевые капли, погода брала свое...

2884 год от В.И.

19-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Король Королей не ждал от разговора ничего хорошего и все-таки поехал, невзирая на то, что Обен Трюэль недвусмысленно давал понять, что не желает встречи. Толстяк не высовывал носа из своего особняка, ни с кем не встречался, свернув даже переписку с мирийскими поварами. Рауль ему не верил. Болезнь, разом сразившая Обена и Евгения, едва лишь ре Фло и Лумэны вошли в Мунт, была очень сомнительной. Нет, два старых интригана не мешали, но и не помогали. Они словно бы устранились от всего, и это пугало. Раулю были памяты их выходки во время борьбы с Агнесой. Проклятый! Он и в страшном сне не мог вообразить, что столкнется с Пауком и ифранкой и отдаст ее пашенку Жаклин! Не мог? Или что-то такое ему все же снилось? Не вспомнить...

Как бы то ни было, он, Рауль ре Фло, прозванный Королем Королей, пошел против Филиппа Тагэре не из-за личных обид, а ради Арции, которую рвали на части Вилльо. Ради Арции? Но почему он твердит это, как заклинание, разве двенадцать лет назад он думал о чем-то, кроме победы над врагом? Нет, тогда ему не нужны были оправдания. А сейчас, выходит, нужны?! Зачем он напросился к Обену? Что тот может ему сказать?

Если старик и вправду болен, его лучше не тревожить, а если врет, то не ему, Раулю ре Фло, раскусить старого пройдоху. Внуки Обена, не колеблясь, последовали за Филиппом. Все трое. Хотя при чем тут Филипп, младшие Трюэли – друзья Сандера, которого он воспитал. Сандер остался с братом, хотя ненавидит «пуделей», а те ненавидят его. Что ж, младший из Тагэре поднял на щит верность, его право, но стоит ли верности его красивый братец? Рауль полагал, что не стоит. Филипп предал первым и должен за это ответить.

...Дом Обена был не так уж и далеко от дворца Анхеля, в котором расположился ре Фло вместе с Агнесой, ее сыном и насильно вытасканным из Речного Замка Пьером, вновь объявленным королем. Последний совсем обезумел, шарахался от собственной тени, чуть что заползал под кровать, отказывался от еды, боясь отравы, и продолжал звать Шарло. В довершение всего король ударился в пророчества и принялся грозить всем своими дурацкими кошками. Нелепый, обрюзгший человек, таскающий в карманах раскормленных хомяков... Было смешно, противно и унизительно смотреть на такого монарха, понимая, что именно ты вернул его на трон. И еще была Агнеса, ничего не простившая и не забывшая, и ее жалкий сын, которому предстояло стать владыкой Арции и который старательно спал с Жаклин, дабы зачать наследника. Неужели ради этого Рауль воевал и побеждал?

Ре Фло не заметил, как добрался. Особняк Трюэлей, несмотря на флаг над крышей, выглядел полузаброшенным. Закрытые окна, пустой, чисто подметенный двор, который не спеша пересекала толстая полосатая кошка, наглухо запертые главные ворота. Однако привратник оказался на месте, тяжелые створки бесшумно подались в стороны, и кавалькада беспрепятственно подъехала к самому дому. Старый дворецкий, худой, как щепка, почтительно сообщил, что хозяин по болезни не может приветствовать гостей на крыльце и просит простить его.

Спутники Рауля остались ждать господина в нижней приемной, а он сам, с трудом сохраняя хладнокровие, поднялся по закрытой сукном, прижатым медными прутьями, парадной лестнице и оказался в знаменитой овальной столовой. Здесь он, будучи виконтам Тарве, ознакомился с особенностями мирийской кухни и арцийской политики. Что же ждет его теперь?

Обен встретил его у двери. Он почти не переменился с их последней встречи и отнюдь не походил на тяжелобольного, впрочем, это ничего не значило. Рауль знал многих больных, казавшихся здоровыми и полными сил, и отличавшихся завидным здоровьем людей, выглядевших ходячими трупами.

– Рад видеть вас, дорогой граф. Как вы себя чувствуете?

– Паршиво, монсигнор. В мои годы и в наши времена чувствовать себя иначе мне нельзя. Представляете, я совсем не могу употреблять кардамон и виноградный уксус...

Они проговорили полторы оры. Обен охотно вспоминал былые времена, рассуждал об эскотских и фронтерских обычаях, пересказывал сплетни о еретиках-таянцах и морских

волках Нового Эланд, жаловался на здоровье, одновременно рассказывая о подаваемых блюдах и о том, насколько они потеряли из-за того, что желудок барона больше не приемлет некоторых специй. Старый интриган то ли в самом деле удалился от дел, то ли не желал выяснять отношения. Когда подали черный горький напиток, привезенный из Эр-Атэва и Обен углубился в рассуждения о его свойствах, ре Фло не выдержал и поднялся. Хозяин, кряхтя (по мнению Короля Королей несколько нарочито), поднял необъятную тушу с кресла, намереваясь проводить гостя.

Уже у самого порога Рауль обернулся и, глядя в маленькие глазки барона, бросил:

– Я понимаю, что вам всего дороже покой. Но, во имя Проклятого, Обен! Если вас устраивал Филипп, зачем вы затеяли это представление с мечом?

– Затаял? – Обен вздохнул. – Можете мне не верить, Рауль, я это заслужил, но, клянусь вам, когда я пригласил мальчишку к себе, у меня и в мыслях не было ничего подобного...

– То есть?

– Я не знаю, что на меня нашло, – отчеканил Обен Трюэль. – Да, я хотел посмотреть на младшего сына Шарло и немножко его побаловать в день рождения, так как был уверен, что братцы об этом и не подумают. И подарок я ему приготовил, хороший подарок, кстати говоря... Но мне и в голову не приходило дарить ему именно этот меч. Я собирался вписать в завещание, чтобы после моей смерти меч Шарло отвезли в Эльту и бросили в море... Но когда я увидел парнишку, то не мог не сделать то, что сделал. Потом я испугался, что поссорил его с братом, что мою выходку истолкуют именно так, как ты и истолковал. К счастью, Сандер не потерял головы, а может, у него и вправду отцовское сердце. Шарло ведь никогда и никому не завидовал и готов был последнее отдать... Как бы то ни было, с братом малыш себя повел именно так, как следовало, они не рассорились ни из-за меча, ни из-за «пуделей»... И слава Эрасти!

– Обен! – Король Королей был хмур, как снежная туча. – Как ни странно, я вам верю. Но Филипп с Элеонорой чуть было не погубили Арцию... Я должен был вмешаться.

– Погубил бы король Тагэре Арцию или нет, еще неизвестно, но слабоумный Пьер и ифранская змеюка погубят наверняка. С твоей помощью...

– Обен!

– Я уже семьдесят три года как Обен. Даже если сейчас помру, не страшно. Было пожито, съето, выпито.... А вот ты, Рауль! Тебя называют Король Королей, а ты оказался оруженосцем своей гордыни. Что ты творишь? Ты, внук Старого Медведя, друг Шарля Тагэре?! Привел в Мунт ифранцев, отдал дочку бастарду, да еще и придурочному, унизился перед убийцей?!

– А что я должен был делать? Терпеть эту свору, любоваться на наглого щенка, забывшего, чем он мне обязан?!

– Вот ты и сказал главное слово. «Мне», «я»... Ты – нобиль, Рауль, нобилем и помрешь, нобилем, но не королем...

– Я на чужую корону не зарюсь.

– Опять «я»... И у Филиппа сплошное «я» в голове, потому вы и сцепились. Да, Филипп тоже не король, хоть и с короной на башке. Тебе нужно чувствовать себя самым сильным, а ему главное доказать всем и себе, что он правит, а не просто на троне сидит. Дескать, что хочу, то и ворочу. Из-за своей дури вы на пару Арцию в клочья рвете... А ты думал, что будет, если ты победишь? Дыня с Жозефом тебя слушать будут не больше, чем Филипп. Тот тебя хотя бы добром помянуть может, а эти?! Войдут в силу, первое, что сделают, – шею тебе свернут.

– Еще посмотрим, кто кому свернет...

– Значит, опять война. И опять предательство. Побил Дыню, нацепил корону на Филиппа. Не понравилось. Прогнал Филиппа, вытащил из сундука ифранку. Опять не то! А что «то»? Кто следующий будет? Зятя? Отродье «Святого духа» или эта винная бочка... Уж не знаю, откуда у Шарло такой сынок взялся, Эстела вроде не гуляла, а родилось же такое... Видать, в первого Лумэна удался, тот тоже против своей крови пошел. Лумэн на племянника

руку поднял, а Жоффруа и того хлеще: под брата роет. С твоей помощью. Что от него, что от кошачьего отродья все плевать-ся будут. Не позволишь? Будешь языки вырывать? Ох, Рауль, Рауль... Неужели не понимаешь, во что ты влез?

– Я понимаю одно, – ре Фло был смертельно бледен от ярости, но держался, – сюда я приходил зря.

– Зря, – подтвердил Обен, – впрочем, одно я тебе обещаю. Я в ваши с Филиппом свары не полезу. Годы не те, и желанья нет. Когда кто-то кого-то сожрет, жив буду, посмотрю, что можно сделать, чтоб все прахом не пошло, а пока воюйте, раз уж вам неймется... Сейчас вас сам святой Эрасти не остановит, куда уж мне, грешному!

2884 год от В.И.

1-й день месяца Вепря.

Вольный порт Альтнверда

Марк сделал больше, чем от него ожидали, и меньше, чем хотелось бы. Герцог Оргонды принял беглых родственников с распростертыми объятьями, прилюдно подтвердив, что признает в Филиппе короля Арции. Дал Марк и денег, но не так уж много: достаточно, чтоб найти и вооружить тысячу или (с учетом стоимости фрахта) семьсот воинов. Это было много больше, чем у Анхеля Светлого, но все равно до безобразия мало. Тиран Пурина, против которого подняли меч Анхель и Эрасти, был ненавистен всем от мала до велика, и достаточно было искры, чтобы заполыхала все страна. Сказать же, что Арция с восторгом ожидает возвращения Филиппа Тагэре, было большим преувеличением. Люди устали от войны, шляющихся туда-сюда по стране армий, взаимных обвинений, неуверенности в завтрашнем дне. Если раньше всеобщая симпатия была сначала на стороне Шарло, а затем его сына, то появление рядом с королем ненасытных выскочек и разрыв с ре Фло оттолкнули многих. Впрочем, Лумэнам это на пользу не пошло. Агнесу по-прежнему ненавидели, ее слабоумного мужа презирали, а сына вслух называли кошачьим отродьем.

Союз Лумэнов с ре Фло оказался вещью обоюдоострой, кого-то он привлек на свою сторону, а кого-то и отпугнул. Люди, любившие Шарло Тагэре и Старого Медведя, не могли простить Раулю и Жоффруа союза с ифранкой, а верные сторонники Лумэнов с трудом терпели Короля Королей, бывшего главным виновником их прошлых поражений. Большинству же добрых горожан и крестьян Война Нарциссов смертельно надоела, и им, в сущности, было все равно, кто усидит на троне. Уставшая Арция была бы согласна на любого короля, лишь бы это положило конец смуте. При этом и Лумэны, и Тагэре понимали, что, пока вожди противоборствующей стороны живы и на свободе, окончательной победы не будет.

Время тем не менее работало на Лумэнов, имевших возможность вновь пустить корни на родной земле. Ждали плодов союза Филиппа Лумэна и Жаклин ре Фло. Рождение наследника укрепило бы позицию золотого нарцисса, и Филипп Тагэре торопился. Сегодня с семью сотнями воинов он сильнее, чем будет через полгода с двумя тысячами. Нужно успеть. Однако Лумэны не должны догадываться о том, когда и где высадится король, а значит, подготовка должна вестись в тайне. И Филипп прожигал жизнь в Лиарэ, сея смятение в сердцах оргондских красавиц. Элла с детьми осталась в Арции, укрывшись в циалянской обители. Бланкиссима Шарлотта к ней благоволила, и королеве и наследнику ничего не угрожало. Рауль, как бы он ни был зол, с детьми и женщинами не воевал. По крайней мере, пока им не приходило в голову возглавить армии.

Король по семье скучал, но это ему не мешало брать от жизни все, тем паче любовные похождения старшего брата отвлекали внимание шпионов от того, чем занимался младший.

Как-то вышло, что из всех рыцарей и родичей, последовавших за Филиппом в изгнание, король доверился именно Александру Эстре. Молоденький герцог с серьезными серыми глазами не только мог предложить что-то дельное, но и спокойно и незаметно воплощал задуманное в жизнь. Филипп все больше и больше полагался на брата, и тот оправдывал ожидания. Именно ему король поручил найти корабли и капитанов, готовых за не столь уж

большое вознаграждение (приходилось считать каждый аур) тайно доставить изгнанников в Арцию. Марк смотрел сквозь пальцы на то, что оргондцы, кто в поисках славы и приключений, а кто за полновесные ауры, готовы рискнуть головами ради дела Тагэре, но не желал, чтобы его обвинили в пособничестве шурина, буде тот проиграет. Именно поэтому корабли не должны принадлежать оргондской короне.

Подумав и посоветовавшись с Анри Мальвани, Александр решил навеститься в ближайший дарнийский порт и разузнать, какую цену заломят тамошние шкиперы. Брат и его окружение продолжали плясать на балах, и отсутствие горбуна, предпочитающего светским утехам книги или дальние прогулки, никого не удивило. И вот Александр Эстре и Сезар Мальвани второй день сидели в Альтпверде в знаменитом кабаке «Морской кот», куда приходят капитаны в поисках фрахта и те, кому нужны корабли.

Одолженных Марком денег хватало, чтобы перевезти семь сотен воинов с лошадьми, нужно было лишь не ошибиться в капитане. Тайна была нужна как воздух, а самым слабым звеном оставались именно моряки, которые могли случайно проболтаться, а то и продать доверенный им секрет. Мальвани уже имел дело с хозяином «Морского кота», одноногим хитрым человеком, разыгрывающим из себя бывалого моряка, хотя дальше прибрежной косы в море не ходил. Считалось, что хромоту Полю до определенной степени можно было доверять, и Александр с Сезаром рискнули.

Трактирщик выслушал их молча и внимательно, без божбы, торговли и уверений, что у него «как раз есть то, что нужно», а затем изрек, что негоже покупать то, что и так вам принадлежит. Александр не успел спросить, что тот имеет в виду, а Поль уже лавировал между длинными деревянными столами, направляясь в дальний угол, где сидело четыре человека в платье из дорогой, но потрепанной материи. Двое из сидевших: настоящий богатырь с копной белых волос и худощавый благообразный человек с соболиными бровями – выслушали то, что им нашептал хозяин, и без проволочек направились к арциям.

– Отто Свонберг, капитан «Небесной ласточки».

– Жозе Влозу, капитан «Сладости греха», к вашим услугам.

– Присаживайтесь, господа, – улыбнулся Александр. – Вина?

– Сначала – разговор, – прогудел Отто, к немалому удивлению Сезара, знавшего, что в Альтпверде принято подолгу кружить вокруг и около, а затем до одури торговаться.

– Сможете ли вы взять на борт семьсот человек и каковы ваши условия?

– Можем и тысячу, – махнул лапищей Отто, – а что до условий, то, как я понял, вам нужна тайна и скорость, они у вас будут.

– Благодарим вас, сигноры, – Александр вежливо наклонил голову, – но хотелось бы узнать вашу цену.

– Цену? – поднял бровь Жозе. – Впрочем, откуда вам знать? Вы нужны нам больше, чем мы вам. Корабль вы всегда найдете, а вот нам удачу без вас не вернуть. Мы должны вам помочь, и чем скорее, тем лучше... Тогда Скиталец простит нам нарушенную клятву...

– Не понимаю, – Тагэре озадаченно оглядел морских волков, – кто такой Скиталец и почему вы должны нам помочь? И может, все-таки принести вина?

– Принесите, – разрешил Отто, – а говорить Жозе будет, я-то не мастак по-ученому.

– Дело в том, – Влозу вздохнул, – что о Скитальце знают только моряки, а мы лишнего «сухопытым» не говорим. Но вы – другое дело... Скиталец, или Черный, – тот корабль, который спас вас у Сьенсы.

– Так там были вы?!

– Да, – стукнул кулачищем Отто, – Проклятый попутал магистрат взять авирские денежки, а мы отдувайся. И ведь говорили же уродам, что нельзя поднимать лапу на рыбацьи лоханки, кто бы в них ни плыл. Так ведь нет, уперлись. Да еще и клирика пригнали, чтоб нам грехи отпустил. Вот и отпустил, жаба зеленая! Если б не вы, не видать бы нам удачи, как своих ушей, Черный таких дел не прощает...

– Отто хотел сказать, – улыбнулся Жозе, – что нас вынудили нарушить морскую клятву, а тот, кого мы называем Скитальцем, такого не любит. Если мы вам поможем, то

искупим эту ошибку, и море нас не отринет.

– Я понял, почему вы взялись нам помочь и не хотите платы. Я никогда не забуду этот корабль. Если это не заставит вас еще раз нарушить клятву, расскажите о Скитальце все, что знаете...

– Да Проклятый меня побери, если про него хоть кто-то что-то ЗНАЕТ, – буркнул Отто, – болтовни много, это точно...

– Отто прав, – Жозе разлил вино по стаканам, – Скиталец появляется и исчезает, когда и где хочет. Ему не страшны ни бури, ни мели, ни огонь, ни проклятья клириков. Говорят, он пройдет над любыми рифами, ветер для него всегда попутный, его никто не догонит, и никто от него не уйдет. Заметьте, я только повторяю чужие слова, а мое знакомство с Черным не длиннее вашего.

– Вы его видели впервые?

– Да, – кивнул капитан, – говорят, дважды его никто не видит, разве что в смертный час. Скиталец кажется призраком, но он рассечет любой корабль, как ножом разрежет, и даже не замедлит хода.

– А откуда и когда он появился?

– Ничего дельного об этом я не слышал, – покачал головой Жозе.

– Болтают всякий вздор то про проклятье, то, наоборот, про благодать какую-то, – вмешался Отто, – но что именно он раздолбал ортодоксов, которые не пускали уцелевших эландцев за Запретную Черту, точно. Ой, мало умоленных уцелело, – заржал великан, – всего один кораблишко, да и тот, видать, потому, что Скиталец захотел, чтоб знали, кто святош к кэргорам пустил...

– Это правда, – согласился Жозе, – ортодоксы погнались за переселенцами, те решили принять бой, но этого не понадобилось. Скиталец отправил преследователей на дно. Тогда он появился в первый раз. Потом его долго не видели, а лет сто назад он вернулся. Сначала думали, он приносит несчастье, но потом поняли, что несчастья мы себе сами приносим, а Черный о них предупреждает.

– Предупреждает?

– Именно. Вы же поняли, чего он хотел у Сьенсы, и мы поняли. Он не велел нам вас трогать, мы послушались и вернулись в порт живыми и здоровыми. Бывало, он останавливал эскадры или караваны. Те, кто его слушался, жили и плавали долго, а упрямцев никто не видел. Порой он кого-то подбирает в море... Так те просыпаются на берегу и понять не могут, как там оказались. Пытаются вспомнить, да куда там, что-то в голове вроде бы и крутится, а за хвост нехватишь...

– Ну, некоторые, видно, вспоминали, раз об этом говорят, – Александр пригубил вина, не почувствовав его вкуса – рассказанная моряками легенда пугала и завораживала.

– Скорее те помнят, у кого из-под носа добычу утащили. Догнать Скитальца нельзя, а потопить тем более...

– И все равно он последнее время что-то зачастил...

– Верно, раньше про него хорошо коли раз в десять лет вспоминали, а теперь то и дело слышишь: то один его видел, то другой. Появится, пронесется мимо, только его и видели. Нам-то он по делу явился, а вот остальным...

– Верно, что-то готовится, – Отто залпом выпил вино и налил еще, – не к добру это...

– Кто знает, – пожал плечами Жозе, – Скиталец не зло, хоть и бывает злым... Клириков не любит, это точно, да за что их любить-то... Одно слово, упыри. Если он по их души приходит, то и карты ему в руки...

– Ты про берег скажи, – подсказал Отто, – пусть уж все знают...

– Это вовсе на воде мечом написано, – Жозе словно бы извинялся, – хотя может и правдой быть. Говорят, на корабле этом Скиталец ходит в одиночку. Капитан, и больше никого. Смерти ему не дано, но и живым его не назовешь, однако случается, спускается он на берег. То ли ищет кого, то ли ждет... И вроде человек как человек, а что-то в нем не то. Болтают, есть какая-то примета, по которой его узнаешь наверняка, но никто не знает какая.

– Он все больше по портовым кабакам ходит, сядет в углу, молчит, слушает... Хотя бывало, что вмешивался, уж больно не любит, когда шестеро сзади на одного. И брехня это, что за помощь он душу забирает...

– Да и зачем ему чужие души, – тонко улыбнулся Жозе. – Ну что еще? Ну а дальше вовсе ерунда получается. Вроде пока тот, кого Скиталец благословил, ведет себя по-людски, будет ему удача, а как нос драть начнет да пакости другим делать, так на ровном месте все потеряет... Ну, Жозе, что там еще?

– Как будто все, мы и так утомили монсигнора... Разве что еще одно: вроде знает Капитан про какую-то большую беду и ищет тех, кто вместе с ним против нее пойдет, да найти не может...

2884 год от В.И.

27-й день месяца Вепря.

Арция. Мунт

Жоффруа был зол: еще бы, ему, принцу из рода Тагэре, навязали в няньки какого-то мерзкого рыцаришку, который даже вина ему не дает. Считается, что ведет армию он, Жоффруа, а на деле командует этот Карне, у которого есть бумага, подписанная ифранкой и Раулем.

Герцог Ларрэн с негодованием уставился в матерчатую стенку своей палатки. Это же надо, как все мерзко и нелепо получается. Он женился на белобрысой корове Изо, хотя ему всегда нравились брюнетки, рассорился с матерью и братом, который худо-бедно, но все же сделал его герцогом и дал неплохое содержание. И что? Вместо короны – насмешки и унижения! Да, Генеральные Штаты провозгласили его наследником Филиппа Лумэна, но и что из этого! Этот общипанный гусенок женился на Жаклин, и та наплодит ему десяток сыновей, женщины рода ре Фло рожают чуть ли не каждый год. А он? Он стал никому не нужен. Лумэновские прихвостни умильно поглядывают на его владенья и нашептывают ифранке, что Ларрэну нельзя доверять, от жены его тошнит, а тесть помыкает им, как мальчишкой-пажом... Даже выпить и то не дают.

Дверь приоткрылась, и вошел сигурант⁶⁰ с золотыми нарциссами Лумэнов на плече (Жоффруа дважды ненавидел этот символ, отнявший у него сначала отца, а потом хоть и призрачную, но корону). Герцог капризно выпятил губу:

– Ну, что там такое?

– Монсигнор, – сигурант, похоже, тоже был не в восторге от необходимости прислуживать Тагэре, – к вам клирик с благословением.

– Этого еще не хватало, – набычился герцог, – не хочу никого видеть.

– Прикажете так и передать?

– Так и передай, – Жоффруа было отвернулся, но потом подумал, что вредный клирик наверняка нажалуется Раулю и тот устроит зятю очередную оскорбительную выволочку. – Ладно уж, пусть войдет.

Сигурант, в глазах которого мелькнула насмешка, вышел, и вскоре в шатер, переваливаясь, вступил упитанный священник. Ларрэн ожидал благословений, проповедей и просьб, однако гость, неодобрительно окинув маленькими темными глазками помятую физиономию герцога, молча протянул ему письмо. Жоффруа вздрогнул, узнав решительный почерк Филиппа. Следовало позвать стражу и передать толстяка в ее руки, но Жоффруа отчего-то развернул лист.

«Не буду тратить время на дурацкие расшаркивания, – писал Филипп, – то, что ты натворил, – дело твоей совести, но ты, надеюсь, уже понял, что на предательстве не наживешься. Над тобой смеется вся Арция, корону ты не получил и не получишь, а носить

⁶⁰ Сигурант – изначально личный охранник знатного систра, позднее дворянин, состоящий в свите титулованной особы.

хвост лумэновскому ублюдку тебе вряд ли приятно. С Раулем я говорить не собираюсь, нам на одной земле не жить, но ты все же мой брат, хоть и дурак. Если ты перейдешь на нашу сторону, я забуду обо всем, что ты натворил. Твои уголья, равно как и приданое (и наследство) твоей жены, останутся при тебе, королем ты не будешь, но быть братом короля лучше, чем мужем сестры королевы. Подумай об этом. Скоро я высажусь в Арции. Если ты к этому времени избавишься от нянек, которых, я не сомневаюсь, к тебе приставил тесть, и перейдешь на сторону Тагэре, считай, нашей ссоры просто не было. На случай, если ты попытаешься выдать того, кто тебе передаст это письмо: он ничего не знает о моих дальнейших планах, но если он по твоей милости погибнет, твоя башка украсит Новый Мост рядом с головами Рауля и мужа второй его дочери. Решай, и поскорее. Пока еще твой брат Филипп...»

2884 год от В.И.

27-й день месяца Сирены.

Оргонда. Бухта Сапо

Бухта Сапо почиталась тайной. Затерянная среди живописных скал, поросших густым кустарником, она была логовом контрабандистов и рыбаков, браконьерствующих в рыбных угольях дарнийских городов, но при желании здесь могли разойтись несколько больших кораблей. Вниз вела укрытая в зарослях тропа, по которой сводили к морю тяжело нагруженных коней, а с пятнистой скалы, прозванной Пьяной Жабой, можно было перекинуть сходни на борт хоть бы и сторожевика, который мог подойти к Жабе вплотную – глубина позволяла.

Гуго Фаржи узнал о том, что здесь происходит нечто любопытное, от красномордого вояки, зашедшего отдать должок трактирщику. Нет, тот языком не болтал, но Гуго был стреляным воробьем и знал обычаи наемников, уходя на войну, раздавать долги – считалось, что нечестные должники погибают первыми. Вербовщики всегда платили вперед, даже пословица бытовала – «первая монетка – в отдачу».

Прознатчик Анастазии вертелся в Альтпверде и Лиарэ с осени, полагая, что если Филипп решится на возвращение, корабли он станет искать в ближайшем к оргондской границе порту. Однако при всем своем упорстве ни сам толстяк, ни три нанятых им головореза не узнали ничего, кроме того, что зимой в город заезжал младший Тагэре и его приятель, сын нынешнего маршала Оргонды. Молодые люди посидели вечерок-другой в таверне «Морской кот» и уехали. И все. Это до такой степени не походило на то, как нанимают дарнийские корабли, что Гуго решил, что Филипп в этом году никуда не собирается. Правду сказать, за наемником, отдавшим долги, он послал людей из вредности. Йозеф, Людвиг и Клаус получили за свои услуги немало, но дело пошло так, что деньги Ее Иносенсии казались брошенными на ветер, а тут какой-никакой, но след. Йозеф с Клаусом хоть и с ворчанием, но последовали за разбогатевшим воякой. Гуго проводил их взглядом, выпил пива и отправился спать, а ранним утром к нему на квартиру заявился сияющий Йозеф, сообщивший, что в бухте Сапо грузятся два сторожевика.

Ее Иносенсия всегда расспрашивала очень подробно, и Гуго решил проверить все лично. Несмотря на свою тучность и кажущуюся неповоротливость, прознатчик умел ходить быстро и бесшумно, да и Клаус с Йозефом не первый год занимались ремеслом, где тайна была одним из залогов успеха. Они подобрались к кораблям чуть ли не вплотную и прекрасно разглядели и обоих шкиперов – белокурого гиганта и стройного темноволосого южанина, и их нанимателей. Не узнать Филиппа Тагэре было невозможно, а вот Александр за четыре года, которые Гуго его не видел, изрядно возмужал. Похоже, горбун пользуется полным доверием брата и тянет на себе неинтересные, но нужные дела.

На всякий случай Фаржи запоминал все. Кто знает, какой вопрос придет в голову Анастазии. Но сначала он отправит голубей в Ифрану и Арцию, чтобы и Лумэны, и Жозеф приготовились к вторжению, которое будет не так уж и сложно отбить. У Филиппа не больше тысячи воинов. Еще пару тысяч он наскребет в Арции, не абы что! Конечно, стой во

главе этой армии покойный Шарль или же Анри Мальвани, с ней бы пришлось считаться, но эти мальчишки... Филипп удался в отца лишь статью, но не головой, а Анри Мальвани на границе с Ифраной. Нет, Тагэре проиграют, Рауль победит, а он, Гуго, получит аж три награды. От Паука, Агнесы и Ее Иносенсии.

Прознатчик впитывал виденное, как губка. Он славился своей памятью и понимал, что в его ремесле следует поменьше доверять людям и бумаге и побольше собственной голове. Так... На одном корабле пойдут Филипп, родичи королевы и оргондцы, на другом – Александр, молодой Мальвани, несколько арцийцев и дарнийские наемники. Похоже, «волчат» Александра и «пуделей» Вилльо не помирили даже Рауль и Дыня. Странно, что горбун не пристал к Жоффруа и кузену, он и его приятели были бы там куда более уместны. Хотя Проклятый разберет этого мальчишку, непростой он какой-то... Впрочем, вражда родичей королевы и приятелей королевского брата кончится сама собой. Агнеса обожает рубить головы, а Рауль вряд ли вступится. Если переходить в другой лагерь, нужно это делать со всеми потрохами!

Александр поднялся на корабль последним, моряки втянули сходни, суeta на берегу сменилась суетой на кораблях. До затаившихся прознатчиков долетел крик: «Якорь чист, господин боцман». Корабли медленно и, на первый взгляд, неуклюже двинулись к выходу из бухты. Гуго следил за ними, пока они не скрылись за острым мысом, и только после этого покинул убежище. Он был доволен, очень доволен. Однако выяснилось, что за отплытием наблюдал не только он – из-за Пьяной Жабы показалась стройная фигура в темном плаще. Луч солнца блеснул на белых волосах, и Гуго даже издали узнал незнакомца, выигравшего у него в Эльте двадцать ауров.

Проклятый! Что он тут делает?! Тогда Фаржи принял его за обычного авантюриста, которых немало разъезжает по дорогам Арции, но, видно, Анастасия была права, когда потребовала рассказать о седом нобиле поподробнее. Неужели тоже прознатчик? Но чей? Сейчас узнаем! Седой один, а их четверо! Нет, сегодня воистину удачный день!

Гуго подал знак и отступил в кусты. Чужак их пока не заметил, да и не мог заметить, так как солнце било ему в глаза. Йозеф, Людвиг и Клаус тихо, но стремительно бросились вперед. Гуго с легким возбуждением ожидал короткой схватки. Сейчас он отыграется за Эльту! Не в деньгах дело, а в том, что его обманули, а такого лучший прознатчик Ее Иносенсии, весьма ревниво относившийся к собратьям по ремеслу, не прощал. Но на чьей же стороне играет этот красавчик? Атэвов? Канг-Хаона? Какого-то из орденов?

Чужак стоял на плоской вершине, глядя в море, и не ожидал никакого подвоха. Гуго умел выбирать помощников, Клаус, Йозеф и Людвиг были совсем рядом, а их жертва еще ничего не почуяла. Сейчас ему зажмут рот и... Седой стремительно обернулся. Блеснул клинок. Троим ничего не осталось, как выхватить свои. Первым ударил Людвиг, затем Йозеф и последним замешкавшийся Клаус, но сталь встретила сталь. Отбив атаку Клауса, чужак бросился навстречу всем троим, стремительно кружась, словно в сумасшедшей фронтерской майорке⁶¹. Гуго в каком-то оцепенении следил, как тот проскочил между Людвигом и Йозефом, который все же сумел атаковать. Лучше б он этого не делал! Тяжелый клинок рванулся вниз и вправо, отводя удар, а его хозяин, ни на мгновение не останавливаясь, саданул Йозефа локтем в лицо, а затем, продолжая движение рукой, добавил еще и эфесом. Дарниец свалился как мешок, а седой, отскочив на пару шагов, уже стоял лицом к лицу с оставшимися противниками.

Людвиг и Клаус бросились вперед, но толку от этого не было никакого. Нанятая Гуго троица по праву считалась в Альтпверде лучшей, но рядом с эльтским бродягой они выглядели словно раскормленные мопсы рядом с матерым волкодавом. Их соперник, не утруждая себя излишними выдумками, а может, забавляясь, вновь пустил в ход прием с оборотом, пролетев мимо обоих и успев при этом долбануть Клауса эфесом. Пока тот

⁶¹ Фронтерский и таянский танец.

приходил в себя, незнакомец с усмешкой обменивался ударами с Людвигом. Гуго с надеждой смотрел, как пришедший в себя Клаус (ему явно досталось меньше, чем валявшемуся ничком Йозефу) постарался зайти сзади, но у седого были глаза и на затылке. Он легко обошел Людвига и опять оказался лицом к обоим. Что произошло дальше, Гуго, не шибко разбиравшийся в фехтовании, так и не понял. Людвиг сделал выпад, седой отбил удар и, каким-то образом удерживая оружие наемника между клинком и гардой, змеей метнулся вперед, схватив Клауса за руку. Мгновенье он удерживал обоих, затем с силой отшвырнул. Людвиг ударился о скалу и мешком свалился вниз, в ленивую воду. Дальнозоркий Гуго почти равнодушно отметил, как вокруг головы лежащего расплывается красноватое облачко. Оставшийся один Клаус умудрился вскочить и разъяренным быком кинулся на противника. Незнакомец слегка шевельнул рукой, и последний из напавших упал с рассеченным горлом.

Гуго в ужасе воззрился на победителя, а потом, с шумом проламываясь сквозь кусты, бросился назад. Только бы добраться до лошадей! Он добрался, но там, положив руку на холку отчего-то покрывшегося пеной жеребчика, стоял седой.

– Ты хотел меня о чем-то спросить?

– Я... – Гуго понял, что погиб, и погиб страшно.

– Ты послал за мной троих, значит, я был тебе нужен.

– Монсигнор! Простите... Может быть... Я могу быть вам полезным.

– Вряд ли, – холодно заметил чужак.

Проклятый, какие глаза! Прошлый раз они Гуго не показались страшными, но сейчас... Он не должен в них смотреть, ни в коем случае не должен!

– Ты – шпион циалянки и, надо полагать, собрался сообщить ей, а заодно всем, кто готов заплатить, о том, что видел.

– Я никому не скажу... Клянусь.

– Конечно, не скажешь, – согласился седой, – никому и никогда. Продавать других – подлое дело... Ты всю жизнь лез в чужие тайны, пожалуй, я открою тебе свою.

– Нет, монсигнор, не надо!

– Надо. Подойди ко мне.

– Нет.

– Иди сюда.

Гуго знал, что не должен слушаться, не должен приближаться, не должен смотреть в эти голубые, сверкающие глаза. Но он шел вперед, как пьяный, не отрывая взгляда от лица незнакомца. Тот стоял, скрестив руки на груди, чуть улыбаясь. Его правильное бледное лицо не было ни жестоким, ни даже грозным, но Гуго сковал тот леденящий ужас, который охватывает кролика при виде гигантской змеи сурианских болот. Толстяк медленно, на ватных ногах подошел вплотную к незнакомцу и, понимая, что погибает, уставился в голубые глаза.

– Ты хотел знать, кто я, – седой положил тяжелые руки на плечи шпиону, и тот сжался в комок. – Ну так узнай все, от начала и до конца. Это достойная награда за твою подлую жизнь...

2884 год от В.И.

27-й день месяца Сирены.

Оргонда. Гронко

Аюдант собрал свитки и карты и вышел, маршал Оргонды Анри Мальвани вздохнул и опустил в кресло. Маршал Оргонды или маршал Арции? Если Арции, то почему он тут?

Анри снял с руки перстень в виде тигриной головы и в сотый раз принялся рассматривать. Подарок калифа Майхуба отдаленному предку. Тоже маршалу Арции. Тоже Анри. И тоже одноногому. Все вернулось на круги своя. А Сезар сейчас плывет домой. На войну, страшнее которой нет, потому что это война своих со своими, и, кто бы ни победил, проиграет Арция и погибнут лучшие. Он, как мог, пробовал образумить обоих – и Рауля, и Филиппа, но дело зашло слишком далеко. Теперь легче растащить дерущихся медведей, чем

этих двоих. Каждый прав, и каждый виноват.

У Филиппа Тагэре так и не нашлось времени для встречи с маршалом, а сам он не мог оставить Гронко. Зима была сухой и теплой, западная армия Ифраны трижды пыталась перейти границу и трижды убиралась восвояси. Если бы Марк рискнул наступать, Аршо-Жуай был бы разбит, но оргондский герцог – трус. Жозеф тоже смелостью не отличается. Это пока спасает и Оргонду, и Арцию. Паук не рискнет прийти на помощь Агнесе, испугается войны на два фронта. И все равно, если б Филипп позвал его с собой, Анри Мальвани бросил бы все. В Арции во главе армии он бы вынудил Рауля пойти на переговоры. Маршал не обольщался, Филипп Тагэре не попросил его о помощи именно поэтому. И еще потому, что хотел вернуть корону собственными руками.

Король устал чувствовать себя обязанным, а теперь если случится чудо и он победит, то будет сам себе хозяин. Хотя куда больше шансов, что сын Шарля проиграет и погибнет. И вместе с ним единственный сын Мальвани и его друг.

Анри не видел Александра Эстре. Тот хотел навестить маршала, но брат не позволил, так что в памяти Анри Сандер по-прежнему оставался серьезным сероглазым подростком, которого маршал встречал во Фло. По словам сына, младший из Тагэре вырос настоящим человеком и отменным воином. Обен и Евгений считают мальчика надеждой Арции, а эти двое редко ошибаются. В теперешней заварухе кардинал встал на сторону Тагэре. Обен выжидает, но его внуки с Александром. И сын Гартажа, и молодые Кресси, и наследник Ландеев... Сыновья уходят в бой. В прямом и переносном смысле. Жозеф, Агнеса, Джакомо, даже они с Раулем, даже Филипп со своими обидами и амбициями, все они всего лишь настоящее, которое вскоре станет прошлым. А будущее, то, за которое он дрался на Бетокском поле, принадлежит «волчатам», только бы они пережили свою первую войну.

Сердце маршала рвалось в Арцию, но Анри давно научился держать себя в руках. Его появление там делу не поможет. Наоборот. Филипп или не поверит в его искренность, или взревнует и начнет делать глупости. Сезар с Александром... Эти будут надеяться на голову маршала и его опыт. Но молодым лучше знать, что рассчитывать можно лишь на себя. Именно так становятся вождями, а Александр, если Обен и Евгений правы, должен почувствовать собственные крылья. Да и Рауль вряд ли принимает мальчишек всерьез, это можно и нужно использовать.

Нет, он не должен ехать. Обен и Евгений тоже советуют ему остаться в Оргонде. Его дело Паук. Этой весной Ифрана должна забыть об Арции. И она забудет.

2884 год от В.И.

28-й день месяца Сирены.

Арция. Мунт

Жаклин вздрогнула, торопливо засунула карты между пасмами ниток и, одернув платье, повернулась к двери. Нет, показалось... Младшая дочь Рауля ре Фло и супруга наследника престола перевела дух и присела у столика для рукоделья, не решаясь вновь взяться за богопротивное дело. Собственно говоря, гадать принцессе Гаэльзской было незачем, ее судьба и так была предопределена. Не ей, мечтательной и застенчивой, было противиться решению отца. Жаклин помнила торопливые сборы, безумную ночную скачку, короткую схватку в темноте с какими-то людьми, лязг якорных цепей, качку, соленый морской ветер, чужой дворец... Она ничего не понимала и не пыталась понять. Отец решил, им с мамой и сестрой оставалось повиноваться, хотя она никогда не хотела ни шумной и пышной придворной жизни, ни королевского венца.

В чем-то младшая дочь великого Рауля пошла в двоюродную бабу, но если Марион всем навязывала свою ворожбу и якобы чародейные отвары, Жаклин тщательно скрывала свое увлечение. И дело было отнюдь не в том, что Церковь этого не одобряла. Лина боялась насмешек и глупых вопросов, на которые никогда не умела отвечать. Достаточно было повысить голос или неловко пошутить, чтобы светло-карие глаза Жаклин наполнялись слезами и она, закрыв лицо руками, забивалась в какой-нибудь отдаленный уголок.

Отца раздражало, что его дочь ведет себя как какая-то мимоза, но поделаться с этим он ничего не мог. Лина продолжала, надо и не надо, дрожать и плакать. Пожалуй, единственным, кто ни разу не довел ее до слез, был кузен Александр. Вообще-то он приходился ей двоюродным дядей, но был младше на два года. Само собой, она увидела в появившемся во Фло темноволосом горбуне младшего братика. Испытавший на себе, каковы чужие насмешки, тот старался не задевать чужих мозолей. Через пару лет Сандер стал другом Жаклин и поверенным всех ее немудреных тайн. Знал он и про пристрастие девушки к гаданиям и книгам. Перечитавшая все сентиментальные сказания, Лина вечно воображала себя красавицей, встретившей ночью в лесу прекрасного незнакомца или спасенной из морских вод юным рыбаком, на поверку оказавшимся сыном герцога.

Жаклин и сама сочиняла баллады и песни. Когда Александр жил с ними, она показывала ему тоненькую, переплетенную в розовый шелк тетрадь. Младший из Тагэре никогда не смеялся и даже помогал ей найти нужную рифму, что у него получалось просто замечательно. Потом братья короля покинули Фло, через четыре года Жоффруа вернулся и стал мужем Изо, но это совсем не походило на балладу. Впрочем, ее собственное замужество было еще хуже. Жаклин не могла без содрогания вспоминать, как ее, одетую в тяжелое, расшитое жемчугами платье, с нестерпимо затянутыми волосами, поставили перед злой носатой дамой в ярко-красном. У дамы на верхней губе росли самые настоящие усики, и она была бывшей королевой Арции, убившей прадеда, деда, герцога Шарля и Эдмона. Десять лет назад золотоволосый юноша не заметил пугливую одиннадцатилетнюю девочку, уехал и погиб.

Смерть Эдмона Тагэре Лина переживала сильнее, чем смерть деда и прадеда, хотя об этом никто не знал, даже Александр. Потом боль утихла, но образ юного рыцаря навек поселился в девических грезах, беспощадно растоптанных отцовским приказом. Она стала женой ничтожного Филиппа Лумэна, еще более слабого, глупого и нелепого, чем она сама. Длинный и нескладный, супруг был на пару месяцев младше Сандера и не годился даже в друзья. С помощью дворцовых медиков брак все же состоялся, но радости это не принесло никому. Да еще Агнеса не отпускает сына от себя, боится, что жена его подчинит. Жаклин невесело улыбнулась. Пожалуй, подчинить Филиппа под силу даже ей. Нет, она не ненавидела мужа, она его жалела. Принц Гаэльзский был добрым, читал те же книги, что и она, пытался думать, но он не был рыцарем, а стихи она писала лучше. Только об этом никто не знал. А Филипп показывает ей такие вирши, над которыми можно только смеяться, и она бы смеялась, если б не понимала, как будет обидно этому несчастному кузнецкику...

Дочь Короля Королей с тоской оглянулась. Если все пойдет, как задумал Рауль, ее муж после смерти своего смешного толстого отца станет королем, а она королевой... Но король не может быть таким нелепым. Жаклин помнила герцога Тагэре, въехавшего во двор их замка на сером в яблоках иноходце. Когда она увидела его впервые, то ничего не знала. И все равно поняла, что светловолосый всадник в синем – самый главный. Даже главнее прадедушки. Да и книг она прочла достаточно, чтобы оценить королей и героев прошлого. Нет, из Филиппа Лумэна ничего путного не получится. Править будет ее отец, а они будут куклами на троне. Молодая женщина вздохнула. Похоже, к ней никто не войдет, а напугавший ее шорох мог быть вызван чем угодно. Жаклин воровато оглянулась и потянулась за некогда найденными Александром картами, но вытащить их не успела. Дверь распахнулась, и Король Королей стремительно пошел к дочери. За его спиной мелькнула красная физиономия Жоффруа и всклоченная шевелюра Филиппа.

– Сигнора, – при людях отец и вправду держался с ней как с супругой наследника трона, – попрошу вас пройти с нами в зал Совета. Случилось неожиданное. Филипп Тагэре высадился в Арции.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

EXCIDAT ILLA DIES⁶²

*Гражданская война, гражданская война.
Где жизни грош цена и Богу грош цена,
Где ждать напрасный труд счастливых перемен,
Где пленных не берут и не сдаются в плен.
Гражданская война, гражданская война.
Земля у всех одна и жизнь у всех одна.
А пулю, что летит, не повернуть назад –
Ты думал, враг убит, а оказалось – брат.
И кровь не смоешь впредь с дрожащих рук своих,
И легче умереть, чем убивать других.
Гражданская война, гражданская война.
Будь проклята она, будь проклята она!*

А. Городницкий

2885 год от В.И.

12-й день месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

Это была Арция, и сердце Александра пело от счастья, хотя, говоря по правде, радоваться особенно было нечему. Но чувство, что он снова дома, вытеснило даже сомнения, которые мучили герцога Эстре всю зиму. Сандер обожал Филиппа, но он не был слепым, а ежедневное созерцание Вилльо и Гризье вызывало желание схватиться если не за меч, то за палку. Если бы не сговор Рауля с Жозефом и Агнесой, Александру было бы трудно пойти против человека если и не заменившего ему отца, то забравшего его из Эльты и воспитавшего в собственном доме.

Союз с извечными врагами Арции и то, что сила на стороне Короля Королей и ифранки, как ни странно, придавали Сандеру уверенности. Слабый, бросивший вызов сильному, достоин уважения, даже если не совсем прав. А они правы или почти правы. Жозеф был, есть и останется самым страшным из осязаемых врагов Арции. Дальше герцог Эстре старался не загадывать, хотя в мозгу то и дело всплывали вопросы, ответа на которые он не находил. Александра учили не только владеть мечом, но и думать. Слишком многое из того, с чем он сталкивался, не поддавалось разумному объяснению, а младший из Тагэре ужасно не любил того, чего нельзя понять. Но все это потом. После войны.

Кони ровно бежали по широкому тракту, светило еще нежаркое солнце, зеленели поля, и отчего-то не верилось, что через кварту или две на каком-то поле множество людей примутся убивать друг друга. Филипп написал Жоффруа, может быть, удастся договориться и с Раулем, вместе с ним изгнать из Арции Агнесу с ифранцами и эскотскими наемниками, а потом отбросить старые обиды и непонимание и заняться делом. Конечно, Вилльо нужно удалить, без этого мира в стране не будет. Хорошо бы Элла это тоже поняла...

– Монсигнор! – Герцог Эстре до сих пор не привык к такому обращению, внешне он не показывал виду, но в глубине души ему все еще мерещились насмешки.

– В чем дело?

– Монсигнор, вас требует Его Величество.

Сандер нашел брата на вершине довольно большого хол-ма. Разумеется, рядом с Филиппом вертелись родственнички. Александр мысленно чертыхнулся и подъехал к королю, который коротко ему кивнул, продолжая вглядываться в даль. Послышался топот копыт, и Сандер с облегчением узнал Сезара, незаметно взвалившего на себя в этом походе должность начальника разведки. Вообще-то это было дело графа Ревы, но братец Элеоноры в прошлом году чуть было не проспал все на свете, и Мальвани, все еще не принимая от

⁶² Будь проклят тот день (лат.) .

Филиппа никакой должности, взялся доделывать недоделанное. Фернан бесился, но терпел.

Конь Сезара легко поднялся по пологому склону. Его Величество приветливо кивнул сыну маршала Анри.

– Ну что там?

– То же, что и на карте, – махнул рукой Мальвани, – слева лес, за ним – трясина. На первый взгляд непроходимые, но готов поклясться, что тропки есть, и местные их знают. Справа тоже лес и прорва мелких оврагов, не развернуться...

– А впереди до самой Лаги и дальше к Мунту сплошные поля, – наморщил брови король. – Что ж, будем ждать здесь, как и собирались. Этот холм нужно укрепить.

Задумку брата Александр знал, и нельзя сказать, что она ему вовсе не нравилась. Тар-Игона лежала как раз на полпути между побережьем и Мунтом и как нельзя лучше подходила для маленькой армии, собиравшейся дать большой бой. Два безлесных холма (ближний к морю повыше и покруче) были разделены лугом, достаточно широким, чтобы на нем могла разместиться кавалерия. Справа к главенствующей высоте примыкала невысокая гряда, перерезанная оврагами и заросшая мелкоколесьем и густым колючим кустарником, через который впору проламываться разве что кабанам, слева за полосой кустарников начинались непролазные топи, тянущиеся до самой Босхи. Закрепившись на высоком холме, обороняющиеся могли успешно отбиваться от многократно превосходящего по силам противника, что и собирался делать Филипп, рассчитывая на подкрепления, глупость Агнесы и жадность ее эскотских наемников.

План был отличным, но Сандер в глубине души не верил, что он сработает. Против них была не только Дыня, но и Рауль ре Фло, сражавшийся бок о бок с Шарлем Тагэре и Анри Мальвани. Кузен не мог не заметить то, что заметил Филипп, которого сам же и учил. Если честно, Александр был уверен, что они не дойдут до Тар-Игоны. На месте Рауля он бы их подстерег за Меловым проходом и фланговыми ударами между холмами сбросил в тянувшийся вдоль тракта на несколько вес каньон. Младший из Тагэре чуть ли не воочию представлял, как на ползущую вдоль обрыва армию из-за холмов вылетает тяжелая конница, однако своими страхами не делился ни с братом, ни с Сезаром. С одной стороны, потому, что опасался: его поднимут на смех, с другой, из-за суеверной боязни, что произнесенное слово становится реальностью. И совершенно правильно, что промолчал.

Тагэре спасла скорость. Отто и Жозе превзошли самих себя, доставив Филиппа и его рыцарей в назначенное место на два дня раньше срока. Их никто не заметил. Разумеется, когда они выступили в поход, тайна перестала быть тайной, армия, пусть и небольшая, не иголка. Но пока о высадке станет известно в Мунте, пока Рауль примет меры, у них есть почти кварта.

Филипп благополучно прошел краем Белого каньона и вышел на избранную позицию.

2885 год от В.И.

16-й день месяца Агнца.

Арция. Ро-Даннэ

Дени Гретье хмуро смотрел вперед. Никогда еще ветерану жизнь не казалась такой мерзкой. Даже когда он пришел в себя недалеко от Груоки и пополз на запах дыма и собачий лай, понимая, что сражение проиграно, а Шарль Тагэре и барон Валлок, скорее всего, мертвы, Дени не было так плохо. Тогда оставалась месть, и было ясно, кто враг и кто друг, теперь же Рауль ре Фло, за которого Гретье был готов трижды умереть, спутался с проклятой Агнесой и даже отдал ее отродью Жаклин. Да еще этот Ларрэн... Даже странно, что этот краснолицый здоровяк – сын Тагэре и его собственный ученик! А вот Филипп, с которым они плечом к плечу стояли на Бетокском поле – теперь враг, и малыш Сандер, оставшийся со старшим братом, – тоже.

Дени любил горбатого мальчишку так, как воин может любить сына погибшего сюзерена и к тому же своего ученика. Когда Рауль и Филипп окончательно рассорились и король приказал младшим братьям покинуть Фло, Дени изо всех сил делал вид, что ничего

страшного не случилось, а вот Сандер, похоже, уже тогда что-то предчувствовал.

За Жоффруа и Александром приехал Гастон Койла, отказавшийся даже слезть с коня. Тагэре покидали Фло второпях, как покидают дом врага. Все, но не Александр, заставивший себя прождать чуть ли не ору. Лишь попрощавшись со всеми, начиная с родичей и кончая привратником, младший из Тагэре занял причитающееся ему место во главе отряда. Дени наблюдал с башни, как они выехали на дорогу, как Александр оглянулся и трижды вздыбил коня... Сердце капитана сжалось от нехорошего предчувствия. И вот не прошло и трех лет, как Арция докатилась до войны. Гретье не сомневался, что Филипп обречен. Александр брата не оставит, это ясно, а что прикажете делать ему, Дени Гретье, присягнувшему на верность Королю Королей и воспитавшему Волчонка Тагэре?!

2885 год от В.И.

18-й день месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

Вечерело, буки и клены Игонского леса уже начали сливаться в темную высокую стену, но света еще хватало, чтобы рассмотреть покрытый невысокой весенней травой луг, стоящую на холме мельницу, край болота, прозванного Бекасым. У самых топей рос одинокий бук, чей гладкий серебристый ствол в черных пятнах, напоминавших вырезанные влюбленным безумцем сердца, казался металлической колонной. Трудно было предположить, что в его уже достаточно густой зелени может скрываться кто-нибудь, кроме птиц или, в крайнем случае, белки, но в этот вечер дерево дало приют эльфу. Гибкий и ловкий, он оседлал одну из ветвей и, прислонившись спиной к стволу, внимательно смотрел вниз. Ни сгущающиеся сумерки, ни расстояние не мешали ему рассматривать всадников, ехавших вдоль опушки.

Высокий белый жеребец гордо нес широкоплечего человека, на светлых волосах которого лежал тоненький золотой обруч. Конь о конь с ним ехал темноволосый юноша, на плечи которого, несмотря на теплый вечер, был накинута плотный плащ. Остальные отстали на пару конских корпусов, видимо, не желая мешать разговору. Похоже, свита состояла отнюдь не из друзей и единомышленников. Затаившийся на дереве соглядатай заметил, что четверка самых нарядных рыцарей держалась особняком от остальных, а еще семеро оживленно разговаривали, делая вид, что они здесь одни.

Кавалькада проследовала от болота до леса, развернулась и поехала вдоль опушки. Эльф следил за всадниками, пока те не скрылись из виду, затем, легко соскользнув по стволу на землю, углубился в лес. Он увидел то, что хотел. Король Арции Филипп Тагэре объезжал поле будущего сражения, которое разразится на этих холмах, как только подойдут войска Короля Королей. Тагэре настроен на драку, и, похоже, его ближайшим советником является младший брат, а родичи королевы чувствуют себя неуютно. Интересно, почему? Потому, что Филипп ими недоволен, или потому, что боятся предстоящей драки?

Вчера утром разведчик видел армию Рауля, она была многочисленнее войска Тагэре, да и сам Король Королей был куда опытнее Филиппа, а о юнце Александре и говорить не приходится. Да, ре Фло узнал о высадке братьев Тагэре с опозданием, но это ничего не меняло. Граф сразу понял, что и как ему следует делать. Если не произойдет чуда, король обречен, а вместе с ним и дело Тагэре. Допустить этого нельзя, предотвратить трудно...

Клэр задумался, пытаясь представить, что бы сделал на его месте Роман. Разумеется, он предупредит Филиппа об опасности, но это ничего не меняет. Неужели ему, эльфу-разведчику, придется пролить кровь человека, с которым они с Рамиэрлем сражались плечом к плечу на Бетокском поле? Убить полководца во время битвы – значит дать шанс его противникам... Пошел бы на это Рамиэрль? Смог бы, прикрывшись магией, ударить в спину ничего не подозревающего человека, с оружием в руках защищающего то, что кажется ему истиной?

Распря между ре Фло и Тагэре на руку врагам Тарры. А победа Лумэнов и воцарение бастарда, в котором нет ни капли крови Арроев, нанесет страшный удар защитникам этого

мира. Но откуда знать об этом Раулю, оскорбленному Филиппом, который и в самом деле сотворил все мыслимые и немыслимые глупости? Король Королей должен умереть, чтобы жила Тарра, и убить его, кроме него, Клэра, некому. Значит, он сделает это. Если сможет... Должен смочь!

2885 год от В.И.

Вечер 18-го дня месяца Агница.

Арция. Тар-Игона

В королевской палатке, которая ни в коем случае не соответствовала своему высокому назначению, было тесно. Филипп в расстегнутом камзоле примостился на единственном раскладном кресле. Сандер, Сезар Мальвани и старший брат королевы сидели на узкой походной койке, а граф Гартаж, барон Кресси и командир оргондских и дарнийских наемников и вовсе разместились на покрытой кошмой земле. Настроение у всех, кроме, может быть, дарнийца, приближалось к похоронному. Да и было с чего.

Рауль ре Фло не допустил просчета, хоть поступил и не так, как боялся Александр. Объединенная армия вышла из Мунта через Морские ворота, но за Лагой войско разделилось на две части. Агнеса продолжала движение к Тар-Игоне. А Рауль свернул на Старый тракт и ускоренным маршем шел к Меловому проходу. Он не собирался штурмовать замечательные позиции Филиппа, а намеревался выйти тому в тыл. Доставивший это известие воин под покровом ночи покинул армию Агнесы и, загоняя коней, добрался до Тар-Игоны, опередив ифранку на кварту, а Короля Королей на три дня. Верить в такое не хотелось, не верить было нельзя.

Король обвел глазами своих сподвижников, помолчал, вновь взгляделся в каждое лицо.

– Здесь Рауль будет через три дня. Рыцарей у него тысяч десять, стрелков не меньше двенадцати, наемников три тысячи. Ополченцев с собой ре Фло не взял. Арцийцы не горят желанием умирать за желтые нарциссы.

– Это радует, – сухо заметил граф Ревии, – но умирать придется нам, а не им. Ре Фло выигрывал сражения даже будучи в меньшинстве, а на этот раз на нашего одного придется трое.

– Меньше, – поправил шурина король, – лучников у нас девять тысяч против их двенадцати, добавь к ним элитских конных стрелков, и силы почти сравняются.

– Ничего не выйдет, – Ревии пожал плечами, и Александру захотелось его ударить, – лучше отойти...

– Куда? Навстречу Агнесе?! Самим залезть между молотом и наковальней? – возмутился Гартаж.

– Лучше было бы остаться в Оргонде, – понурился Гастон.

Ревии на сей раз промолчал, но было видно, что графу ужасно хочется оказаться под крылышком у Марка.

– Кто еще хочет высказаться? – рассматривая свои руки, спросил Филипп.

Сандер слушал и смотрел на брата и его советников. Он не считал себя умнее других. Скорее, наоборот. Ему было страшно оттого, что решение лежало на поверхности. Простое решение, такое простое, что герцог Эстре не сомневался, что в его расчеты вкралась ошибка. Ну, не может быть, чтобы он, двадцатидвухлетний, не побывавший ни в одной битве (дуэли и турниры не в счет) додумался до того, что не пришло в голову его обожаемому брату и всем этим опытным воинам.

В палатке повисла напряженная тишина, и Александру казалось, что он слышит стук собственного сердца. Он боялся, что Ревии в очередной раз поднимет его на смех, и боялся промолчать, потому что в глазах Филиппа застыло что-то близкое к отчаянью.

– Кто хочет сказать? – король поочередно останавливал взгляд на каждом, и все, даже Гартаж, опускали глаза.

– Господин Игельберг, вы столько воевали, что вы скажете?

Командир наемников пожевал губами и веско сказал по-арцийски:

– Я получал свои деньги за то, чтоб драться, и я всегда делал хорошую, смелую драку. Но я не получал свои деньги, чтоб думать. Если б я знал, как побеждать, я бы водил армию и носил корону. Но у нас есть правило. Перед боем все собирался и говорил. Первый говорит младший, последний – старший. И никто не спорит, пока старший не спросит.

– Мудро, – губы Филиппа искажила кривая усмешка, – что ж, последуем примеру наших дарнийских друзей. Александр, что нам делать?

Сердце подпрыгнуло к горлу, а потом ухнуло назад и отчаянно затрепыхалось. Александр мысленно просчитал до десяти и четко произнес:

– Мы не можем оставаться здесь и ждать, когда Рауль выйдет нам в тыл. Мы не можем от него бежать, потому что налетим на Агнесу. Но она будет у Тар-Игоны не раньше чем через кварту. За это время нужно разбить Рауля и вернуться на подготовленные позиции.

В палатке наступила тишина, которую нарушала разве что радующаяся весне и теплу муха. Первым пришел в себя Ревин, во всеуслышанье объявивший, что герцог Эстре сошел с ума. Вторым подал голос командир наемников:

– Молодой монсигнор имеет на плечи разумный голова. Когда не есть можно делать что можно, надо делать что нельзя. Молодой монсигнор думать, где и как мы имеем первая битва?

– Да, – подтвердил обрадованный неожиданной поддержкой Александр, – у Мелового прохода.

– Это хорошая позиция, – согласился Гартаж, – но мы не успеем ее занять. Рауль будет там завтра к вечеру, а мы в лучшем случае через два дня.

– Я... Если мне дадут тысячу человек и две тысячи лошадей, мы будем там раньше. Два дня мы продержимся.

– Сандер! – В глазах Филиппа сверкнула молния. – Клянусь Проклятым! Так и только так!

2885 год от В.И.

Вечер 18-го дня месяца Агнца.

Арция. Старая Морская дорога

Рауль ре Фло не сомневался в победе и именно поэтому не находил себе места. Да, король предал первым, связавшись с выскочками и ублюдками. Воистину, что стоит услуга уже оказанная... Рауль надел корону на красивую голову Филиппа, а этот щенок решил, что может рычать по-медвежьи! Да сама святая Циала не осудит графа ре Фло, ближайшего друга и сподвижника покойного Шарло Тагэре, за то, что он не удался в родовые владения доживать свой век, с тоской вспоминая былые подвиги, а показал паршивцу, кто истинный хозяин Арции! Но приторное дружелюбие Жозефа, непомерное честолюбие Агнесы, откровенная слабость обоих зятьев, которым нет дела ни до Арции, ни до собственных жен... Проклятый! Кто ж виноват, что из уцелевших детей Шарло и Эсты красота и обаяние достались Филиппу, честь и ум – Александру, а бедняга Ларрэн больше похож на лакейское отродье, чем на сына великого герцога? Жаль, Эдмон погиб вместе с отцом и дядей, юноша был истинным Тагэре, а Жаклин... Да что теперь об этом!

Король Королей постарался сосредоточиться на предстоящем бое. Он всегда подходил к сражениям, даже если речь шла о заведомо слабейшем противнике, с тщанием. Береженого и судьба бережет. Сомнительно, конечно, что Его Величество преподнесет ему какой-то сюрприз, но зачем класть лишних людей? Для Филиппа лучше всего погибнуть в битве. Это хорошая смерть, и он, Рауль, даст ему такую возможность хотя бы в память о Шарло и их прежней дружбе.

Ре Фло помнил, как Агнеса заставила его стоять перед ней на коленях, и это при том, что было известно: за покаянием начнется торг и обе стороны придут к соглашению. Представить, что устроит мстительная ведьма, окажись у нее в руках король Тагэре, воображения Рауля не хватало. Идти против нее пока рано. Нужно успокоить страну, выдворить назад наемников, нужно, чтоб у Жаклина родился сын... Но и отдавать на

растерзание мальчишек, которые росли у него на глазах, ре Фло не мог. Пусть Филипп погибнет быстро и со славой. Гартаж, Трюэли и Малве нужны ему живыми, восстанавливать против себя их кланы опасно, а Сезар дружен не столько с Филиппом, сколько с Александром.

К горбуну Король Королей всегда питал некоторую слабость, после истории с пленением Филиппа превратившуюся в уважение. Пока Филипп жив, Сандер будет ему верен, но потом... Эстре нужно оттеснить от брата и захватить, по возможности тихо. Лучше ранить, пусть проваляется в постели месяц-другой, пока все закончится. Они должны понять друг друга! Должны, потому что если в ком-то, кроме него самого, еще бьется сердце Арции, то это в горбатом заморыше. Хотя какой он к Проклятому заморыш, если свалил Мулана и в одиночку вытащил брата из ловушки!

В последнее время Рауля все чаще посещали мысли о смерти, о том, что, умри он сейчас, Арцию раздерут на куски. Агнеса, несмотря на ослиное упрямство и умение интриговать, – дура, причем дура чужая и злая, ее сын – жалкий цыпленок, Пьер – безумец, Ларрэн – ничтожество, а его сын – младенец. Нет никого, кто смог бы удержать в узде ошалевшую от боли страну. А Сандер сможет! Не сейчас, конечно, лет через десять, и поэтому парня нужно сохранить во что бы то ни стало, хотя он наверняка сотворит все возможные глупости, свойственные его возрасту и его породе.

Проклятый! Подвернулась же Филиппу эта добродетельная шлюха! Без Вилльо он еще мог стать дельным королем, даже после смерти тестя, но при этой стае крыс...

2885 год от В.И.

Ночь с 18-го на 19-й день месяца Агнца.

Тар-Игона

– Я не отпущу тебя. Ты мне нужен живым, – глаза Филиппа метали молнии, но брата это не впечатлило.

– Я должен идти, Филипп. И я пойду.

– Кому и что ты, во имя Проклятого, должен?! – возопил король. – Я запрещаю тебе. Как король и как глава семьи!

– Ты мне не можешь запретить.

От такой наглости Филипп опешил, а Александр, как ни в чем не бывало, добавил:

– Это придумал я, значит, исполнить должен тоже я. Я – вице-маршал Арции, и я Тагэре. Место короля во главе всей армии, тобой рисковать нельзя. Жоффруа еще не пришел, и неизвестно, придет ли...

– Кто про него говорит, – махнул рукой Филипп, – но есть Гартаж, Кресси, Малве, в конце концов...

– Они не Тагэре, брат. Мы не можем заставлять других умирать за свои ошибки и за себя. В конце концов, не Арция для Тагэре, а Тагэре для Арции. Отец велел мне это запомнить.

– И ты запомнил, даже слишком крепко, – скрипнул зубами Филипп, – что ж, иди. Но если тебя убьют, на глаза мне не попадайся!

– Постараюсь вернуться и сохранить всех, кого смогу.

2885 год от В.И.

19-й день месяца Агнца.

Арция. Меловой проход

Арно Шада дал последние наставления супруге и, кряхтя, взобрался в седло. На войну, так на войну. Бароны, а затем графы Шада всегда были верны Арроям, и, как бы ни болела спина, пожалуйста, сударь, в седло и вперед. Внукам еще рано водить за собой дружины, зять и старший сын лежат в Бетокской земле, а младший – без правой руки. Альбер рвется в бой, но ему нельзя. Он последний... Арно, набычась оглядел домочадцев.

– Что смотрите, словно вас не кормят? А?!

– Все в порядке, отец, – откликнулся Альбер, – возвращайся.

– Куда я денусь, – буркнул гигант и тронул поводья.

Они собрались споро, до Тар-Игоны около двух дней пути, а Лумэны приползут не раньше чем через кварту, но Арно любил приходить пораньше. «Лучше я подожду врага, чем он меня ждать не будет», – любил повторять еще дед графа, и внук усвоил эту премудрость в полной мере. Войско Шады: пятьсот конников и тысяча пеших стрелков, все сытые и добротнo одетые, не то чтобы рвались в поход, но намеревались сделать свое дело как можно лучше. Время было, и граф не собирался загонять ни людей, ни лошадей. Сделав пять вес, остановились перекусить у западной оконечности Кабаньего.

Арно как раз заканчивал обглаживать зажаренную под руководством старшей невестки курицу, когда запыхавшийся аюдант доложил:

– Сигнор Арно! Герцог Эстре!

– С ума сошел? – участливо поинтересовался гигант.

– Тут он, сигнор, – упавшим голосом повторил аюдант, – он и тысяча воинов.

Арно хотел что-то сказать, но не успел, воззвись на юного темноволосого всадника. Шада не знал в лицо младшего из братьев Тагэре, но такие глаза могли быть лишь у сына Шарля.

Старый вояка решительно отложил курицу.

– Монсигнор, счастлив вас видеть, хоть и не ожидал.

– Уверяю вас, граф, – юноша улыбнулся отцовской улыбкой, – что я счастлив видеть вас во сто крат сильнее.

– Что-то случилось?

– Рауль ре Фло будет завтра у Мелового прохода. Мы должны его задержать.

2885 год от В.И.

Ночь с 20-го на 21-й день месяца Агнца.

Мирия. Кер-Эрасти

Сандангу в Мирии всегда ждали с нетерпением. Два дня и две ночи танцев, смеха, тайных поцелуев, петушиных боев, байлы и, конечно же, Большого Танца. Главная площадь города украшалась цветами, на высоком помосте, увитом гирляндами, располагались музыканты, напротив строилась легкая галерея для герцога и его свиты. Когда заканчивался жаркий весенний день и вечерний ветер приносил свежий запах моря и цветущего жасмина, вспыхивало множество факелов, заливая площадь живым, жарким светом. Музыканты брались за инструменты, и начиналась самая безумная ночь в году.

В старые годы первый танец принадлежал герцогу и герцогине, к которым постепенно присоединялись сначала аристократы, а потом и простонародье. В старые годы в Мирии умели и любили веселиться, не считая радость грехом. Увы, теперь Санданга с каждым разом становилась все сдержанней. Герцог Энрике и герцогиня Эвфразия еще выходили к подданным, но веселья это не добавляло. Напротив, под взглядом худой, закутанной в белое герцогини радоваться жизни не хотелось. Люди угрюмо жались по краям площади, а музыканты честно играли танец за танцем, пока супруга монсигнора не поднималась с места, но лишь для того, чтобы покинуть площадь. Следом уходили герцог и те из нобилей, что не желали навлекать на себя гнев Господень. Только после этого кто-то особенно смелый, или пьяный, выскакивал на вылизанную площадь, подавая сигнал к веселью, которое и в подметки не годилось тому, что было при отце герцога Энрике. В те поры рассвет встречали в танце, сейчас расходились задолго до восхода, предпочитая берег моря или все еще многочисленные таверны городской площади. Поговаривали, что циалианки на исповеди выспрашивают имена самых ретивых танцоров и певцов, не говоря уж о байланте. Да, Санданга в Мирии переставала быть праздником.

Хосе Рафаэль Николас Мартинес Кэрна ре Вальдец затянул на талии алый шелковый шарф и засунул за него нож, с которым не расставался с пятнадцати лет. В ночь Санданги молодые нобили одеваются как байланте. В нынешние времена, правда, на такое мало кто

отважится, но это их трудности. Он мириец, а не монах, и скорее перестанет быть первым, чем станет вторым.

Рито отсалютовал своему отражению и выскочил из комнаты, чтобы присоединиться к отцу. Так и есть. Двор вырядился не для праздника, а для похорон! Тяжелые закрытые платья женщин, нарочито строгие одеяния мужчин, ни тебе ярких платков, ни цветов и лент, подаренных возлюбленными. Наследник герцога Энрике обвел глазами собравшихся. Тоска! Только Рената Ллуэва рискнула одеться не как капустаница, а как мирийская ноблеска. Роскошные черные волосы маркизы украшали цветы магнолии, еще один цветок был приколот к корсажу кружевного черного платья, подол которого был заколот, позволяя видеть пену алых нижних юбок и узкую ножку в изящной туфельке. И так немисливо красивая, сегодня Рено была особенно хороша, глаза блестели, на смуглых щеках пылал румянец, похожий на отблеск заходящего солнца, в изгибе крупного чувственного рта таился вызов. Женщина слегка поигрывала веером и громко смеялась, но Рафаэль знал возлюбленную отца не первый год. Рено что-то затевала, что-то отчаянное, ее веселость была не то чтобы наигранной, но какой-то излишне резкой. Рито знал это настроение, приходившее к нему перед сложной байлой, но что задумала эта дикая кошка?!

Рафаэль восхищался Ренатой, чуть ли не открыто дарившей свою любовь герцогу и не боящейся никого и ничего. Любовница Энрике и его сын выступали плечом к плечу против ненавистной капустаницы и, как могли, защищали Даро. Рафаэль отыскал сестру, чинно сидящую в уродливом белом платье между матерью и наставницей, но невероятную красоту девушки не могли погасить ни почти монашеская одежда, ни испуганный взгляд. И такую запереть в монастыре среди старых кочерыжек?! Последнее время Рито все сильнее склонялся к тому, что из Мирии нужно бежать. Если бы в Даро была хотя бы искра того огня, что пылает в Рено! Но в их семье, похоже, все непокорство досталось ему. Рафаэль любил сестру в той же степени, что ненавидел Дафну. Его трясло от мысли, что малявка окажется в руках этой тухлой рыбины, про которую рассказывают всякое. Магия магией, но несколько юных цветочниц пропали вскоре после того, как их заприметила проклятая капустаница. На мужчин она не смотрит, но вот на женщин... А красота Даро закружит голову кому угодно.

Вскрикнула скрипка, ей ответила труба, дробно ударили кастаньеты. Санданга началась. Музыканты старались вoвсю, простолюдины, толпившиеся по краям площади, не выдерживали, притопывая в такт бравурной музыке, но на герцогской галерее было чинно и скучно, как в храме или на кладбище. Мелодия яркая, солнечная, живая кричала о радости и любви, но не могла докричаться. Нет! Докричалась!

Стройная фигура легко сбегала вниз. Рената Ллуэва вскинула обнаженные руки и, играя веером, пошла выбивать дробь высокими каблучками. Проклятый! Неужели он позволит женщине оказаться смелее всех?! Рито стремительно перебросил тренированное тело через перила и, заведя руки за спину и слегка выставив вперед плечо, пошел навстречу Рено, высекая подкованными каблуками искры из булыжников. Они встретились точно посередине площади. Музыканты, похоже, сошли с ума от такого чуда, мелодия стала вoвсе неистовой, и любовница и наследник герцога Мирийского понеслись в бешеном танце под восторженные вопли жителей столицы.

Рено славилась своей грацией, а Рито превзошел лучших байланте. Они творили немисливое, и когда танец дошел до высшей точки, Рафаэль звонко выкрикнул «добле», призывая вторую пару присоединиться к ним. Он не ожидал, что откликнется именно отец, но любовь к Рено и ее неистовая красота сделали Энрике смелым. Герцог точным, сильным движением перелетел через увитую цветами ограду и оказался между сыном и возлюбленной. Когда-то Энрике Янтарные Глаза слыл первым танцором Мирии, и Рито понял, что не зря. С восторгом глядя на отца и Рено, Рафаэль чувствовал, что и за его спиной вырастают крылья. Сегодня было можно все.

Даже то, что нельзя! Рито обернулся и поймал робкую улыбку сестры. Этого было довольно, юноша бросился к Даро и, схватив ее за руку, потащил на середину площади.

Конечно, девочке в тяжеленном белом платье пришлось непросто, но все Кэрна рождались отменными танцорами. Даро пару раз ошиблась, но потом попала в ритм, и они вместе с отцом и Рено понеслись в стремительной кадене⁶³.

Прическа Даро развалилась. Белая вуаль упала и была безжалостно затоптана, кудри грозovým облаком рассыпались по плечам, лицо разругмнилось, глаза сияли. Брат и сестра шли друг другу навстречу. Останавливались, вскидывая руки, отступали, менялись местами, поворачивались ко второй паре, кто-то из четырех выходил в центр и под бешеные хлопкн остальных танцоров и всей площади плясал один. Затем его сменял другой, и так до бесконечности. Это было чудом, огромной, всепоглощающей радостью, переполнившей душу. В этот миг Рито Кэрна любил все и всех, от звезд в темном небе до последней травинки, ненависть, сомнения, обиды, все было сметено музыкой и танцем. Рафаэль был счастлив, счастливы были и его отец с Рено и даже Даро...

2885 год от В.И.

Ночь с 20-го на 21-й день месяца Агнца.

Арция. Меловой проход

Плох тот воин, который ведет себя так, словно он бессмертен, но тот, кто заранее себя хоронит, – безнадeжен.

Александр понимал, что в бою, на который он решилс, полягут многие, что противостоит им лучший полководец Арции, на стороне которого перевес в людской силе, опыт и уверенность в себе, но это отчего-то не пугало. Больше всего герцог Эстре боялся не справиться. Он не мог подвести брата, у которого, кроме него, не осталось почти никого. Сандер не задавался вопросом, как бы он поступил, будь все наоборот. Сейчас в отчаянном, если не безнадежном положении был Филипп, и это отметало все сомнения в его правоте.

Сандер с Сезаром видели лагерь Короля Королей за Проходом; ре Фло не ожидал подвоха, так что неожиданность будет на их стороне. Конечно, Меловой не непроходимый перевал и даже не позиция у Игонского леса, которую выбрал Филипп, но это лучше, чем ничего. Теперь остается выстоять до подхода основных сил, а затем умело отступить, заставив противника броситься в погоню и растянуться вдоль каньона, подставив себя под фланговый удар из-за холмов. Поверит ли Рауль в их бегство? Да что загадывать, сначала нужно продержаться хотя бы два дня, быстрее брат не подойдет, разве что летать научиться.

Младший из Тагэре глянул на небо, прикидывая, которая ора. Над головой ярко светило созвездие Волка, значит, до рассвета еще далеко, а вот увидит ли он закат? Как ни странно, Сандер был спокоен или почти спокоен, хотя пьянящее ожидание первого боя его тоже миновало. Юноша не мог думать о тех, кто жег костры по ту сторону меловых холмов, как о безликом враге, навстречу которому так замечательно лететь на коне с копьём наперевес. Слишком многих он знал, особенно из дружины ре Фло. Они учили его владеть оружием, а ему пришлось обратить это умение против них.

У Рауля около двенадцати тысяч. Двенадцать против двух с половиной это очень, очень много. Они с Сезаром рассмотрели сигны Ле Манси, Батара, Стэнье-Рогге, Ларрэна и самого Рауля... Жоффруа не решилс оставить тестя. Братец всегда был трусоват, а для того чтобы от сильного уйти к слабому, требуется известная доля храбрости, а вот Стэнье... Александр представил себе очень любезного темноволосого тонкогубого человека. Рогге всегда на стороне победителей, а сейчас победитель – Король Королей. Три тысячи Жоффруа, три тысячи Ле Манси и Батара, пять тысяч Рогге и тысяча самого ре Фло. Большую часть своей армии Рауль оставил с Агнесой, надо полагать, чтоб помешать наемникам грабить.

Созвездие Волка слегка сдвинулось, уступив место Звездному Вихрю, мерцающей полосе, скрученной, как раковина улитки. Было тихо, измученные переходом люди Александра спали, как убитые, поручив охрану лагеря воинам Шады. Сам граф,

⁶³ Кадена – мирийский танец, в котором участвуют две пары.

устроившийся с комфортом в большой кожаной палатке, приглашал его к себе, но Сандер отчего-то сидел и смотрел на небо. Рядом спал Сезар, даже во сне сохранявший фамильную сдержанность. Братцы Трюэли посапывали по ту сторону костра, и Луи все время отпихивал ногой ворочавшегося Ювера. Этьен Ландей не ложился, глядя то на небо, то в костер и сосредоточенно шевеля губами. Видимо, сочинял стихи очередной прекрасной даме. Гартаж и кузены Кресси ушли играть в кости к коронэлю, которого Одуэн знал с детства, а Никола Герар и Поль Матэй, по своему обыкновению, вполголоса препирались, не забывая при этом приводить в порядок оружие.

Они все были тут, его рыцари, его «волчата». Завтра они впервые пустят в ход зубы, схватившись не с какими-то там «пуделями», а с матерым «медведем». Сандер неплохо знал и военную историю, и историю вообще и не мог не понимать, что в таком бою погибает, самое малое, каждый третий, а значит, у Мелового прохода останутся трое, если не четверо «волчат». Понимать-то он понимал, но не верил этому, потому что еще не был в бою. Потому что с того страшного дня в месяце Вепря, отнявшего у него отца, брата, деда, прошло четырнадцать лет. Нет, Александр Тагэре не забыл никого из них, но время пригасило боль, подернув прошлое осенней матовой дымкой.

После смерти Эдмона и отца он остался один, хотя вокруг было множество людей. Тогда он чуть было не струсил, потому что лишь трус может добровольно расстаться с жизнью просто потому, что она не желает тебе улыбаться... Потом была встреча на Эльтовой скале, перевернувшая ему душу, и в тот же день у него появился Дени. Неужели завтра он скрестит с ним меч?! Нет, вряд ли. Скорее всего, Рауль оставил капитана во Фло, должен же кто-то защищать замок и домочадцев!

– Сандер!

Младший из Тагэре оглянулся. Одуэн Гартаж, и когда только подошел!

– И кто выиграл?

– Не знаю, они никак успокоиться не могут, а удача прыгает туда-сюда, как пьяный заяц... мне надоело.

– А я и вовсе не знаю, что в этой игре находят, – откликнулся Александр. – Пробовал я как-то. Скучно, потому что от тебя ничего не зависит, а надеяться на случай глупо...

– Ага... Зато сейчас мы уж точно на себя надеемся. Сандер, ты знаешь, что с ними Жоффруа?

– Знаю. Он всегда был ослом...

– И все-таки я не понимаю. Мне отец рассказывал и про Эльту, и про то, как и почему они с Кресси ушли от Агнесы. Разве после такого можно с Дыней и Пауком иметь дело? Я не понимаю...

– Я тоже не понимаю. Давай попробуем заснуть.

2885 год от В.И.

Ночь с 20-го на 21-й день месяца Агнца.

Мирия. Кер-Эрасти

Никогда еще Даро не была так счастлива, собственно говоря, она была счастлива впервые за свои неполные шестнадцать. А ведь сначала она до смерти испугалась, увидев, какими глазами смотрят на Ренату и Рито мать и Дафна... Даро знала, какими беспощадными они могут быть. Но ничего не случилось. Напротив. Брат и маркиза Ллуэва танцевали под восторженными взглядами тысяч людей. Даро воровато глянула на отца и поразилась, каким красивым и молодым тот стал. А потом все понеслось, как несется под гору сорвавшееся со своей оси колесо. Рито выкрикнул «добле», и отец присоединился к танцующим, а брат... Брат подбежал к ней, схватил за руку и потянул за собой. Даро оглянулась на мать, но та ее не остановила. Она сидела очень прямо, бледная, с поджатыми губами, а рядом тарашилась на четверку танцоров ненавистная Дафна и старательно рассматривал свои сапоги Антонио. Они были вне себя, но молчали, а затем ее закружил пряный цветной вихрь, и она забыла о том, что за ночью приходит утро...

Сначала она сбивалась, путаясь в тяжелых юбках, но недолго. Рито умело вел ее в танце, сильная рука брата, его глаза, торжествующие и смеющиеся одновременно, делали сильной, смелой и счастливой и ее. Танец следовал за танцем, нобили, байланте, рыбаки, крестьяне, лавочники, все они в дни Санданги становятся равны перед весной, жизнью, любовью... Дафна говорила, что этот праздник порожден Антиподом, что единожды согрешившие будут вечно плясать босиком по раскаленным угольям. А даже если и так?! Она согласна! Волшебная ночь закружила дочь герцога, она ничего не боялась, да и что ей может грозить, если с ней Рито?

Без брата девушка бы просто захлебнулась в неведомом ей море радости, но Рафаэль был рядом. Он всегда был рядом, сколько она себя помнит. Дариола почувствовала острую благодарность к своему защитнику, но не знала, как ему об этом сказать.

– Рито...

– Да, малявка?

– Рито... Так все хорошо...

– А будет еще лучше. Пойдем.

– Куда?

– Куда надо...

Он потащил ее в глубь расцвеченных цветными фонариками улиц, шум и музыка стали тише. Даро в тяжелом, изрядно помявшемся платье едва поспевала за стремительным байланте, но идти тише не просила, боясь спугнуть неистовое очарования праздника. Они остановились перед резной ореховой калиткой в глухой белой стене, Рито потянул шнурок колокольчика. Их ждали, потому что открыли тотчас.

– С кем ты? – грудной женский голос прозвучал обиженно и удивленно.

– Моя сестра. Мы танцевали...

– На площади?

– Да, Паулина, – Рито рассмеялся, – видела бы ты камбалу! Но малявку нужно одеть, в этой капустной жути не попрыгаешь... Подыщи ей чего-нибудь, я заплачу.

– Ничего нет невозможного в ночь Санданги, – их собеседница задорно расхохоталась, – идем, нужно спешить...

Даро никогда и нигде не бывала, кроме герцогского замка, циалианской обители и нескольких дворцов, в которых жили самые знатные нобили. Обычный городской дом, пусть и богатый, был ей в диковинку, равно как и принесенный Паулиной ворох одежды. Девушка с отчаянно бьющимся сердцем наблюдала, как Рито со знанием дела рылся в грудe разноцветных юбок...

– Вот это подойдет, – удовлетворенно заявил брат, – вот это и это... Одевайся, мы тебя ждем. И расчешись, гребни у зеркала...

Они с Паулиной выскочили, взявшись за руки. Даро с некоторой робостью тронула пышную розовую юбку, собранную у талии на алую ленту, алый корсаж и белую блузку с низким вырезом и разрезанными от локтей рукавами... Святая Циала, что скажет мать! Хотя она наверняка уже в замке и не увидит... И вообще ей так или иначе достанется и за танец, и за бегство, так что хуже не будет. Даро решительно освободилась от некогда белого, а сейчас пятнистого платья с оборванным подолом и облачилась в одежду Паулины. Юбка едва достигала середины икры, а ленту в талии пришлось немного распустить, но вообще-то получилось неплохо. Из зеркальных глубин на нее глянула незнакомая девушка с полуобнаженной грудью и гривой иссиня-черных волос. Неужели это она? Неужели она так хороша собой? Но Рито велел не задерживаться.

Дариола выбежала в залитый луной сад, ночной воздух остудил разгоряченное лицо, в траве метнулось что-то белое, похожее на кролика... Отчего-то стало страшно. Что делает она в чужом доме, ночью, куда ее привели?! Даро бросилась бежать по тропинке и буквально налетела на Рито и Паулину, обнимавших друг друга. Святая Циала, какими же они были красивыми!

Брат решительно отстранил от себя подругу. Та сначала выглядела не слишком

довольной, но потом рассмеялась.

– Рито, какое счастье, что она тебе всего-навсего сестра...

– Ну, не скажи... Эх, вот бы мне найти такую же, но с золотыми волосами!

– С золотыми?!

– Именно... Ладно, не злись... Дарита, а что это у тебя на шее ничего нет? Паола, а ну делись! И браслет давай, я тебе новый подарю...

Паулина сама защелкнула на шее Даро короткое ожерелье, и они втроем побежали к морю. Там уже пылал длинный и узкий костер... Дафна ненавидела этот обычай, но мирийцы, несмотря на ее вопли, продолжали в первую ночь Санданги прыгать через огонь, уверяя, что этим на целый год отгоняют от себя злые силы. Если Дафна узнает...

Высокий, мощный человек, в котором Даро с удивлением узнала маркиза Сэду, подхватил смеющуюся толстушку, оказавшуюся дочерью графа Робле, и рука об руку с ней перелетел через огненную полосу. На той стороне ему протянули кувшин, и маркиз высоко поднял его над головой, умело ловя губами винную струю. Несколько смеющихся парней, одетых так же, как Рито, бросили в костер кипарисовые ветви, отвращающие смертных теток⁶⁴, и розмарин, и ветки жасмина, дарующие верность и удачу в любви.

– Ну что, девушки? Прыгаем? – засмеялся Рито, обнимая сестру и Паулину за плечи. Они разбежались, Даро показалось, что огонь взметнулся чуть ли не до небес. Нет, ей не перепрыгнуть, она же не байланте... Стена пламени была совсем рядом. Прямо из-под ног метнулось какое-то животное. Крыса! Даро в ужасе дернулась, и Рито вряд ли бы смог ее удержать, но неожиданно чья-то сильная рука буквально подбросила девушку, и та благополучно приземлилась на той стороне.

Помогший ей седой нобиль с юными светлыми глазами улыбнулся весело и открыто и передал им с Рито взявшийся словно из воздуха кувшин. Даро неумело поймала губами терпкое прохладное вино, изгнавшее из сердца последние остатки страха. На нее смотрели сотни глаз, мужских – с восхищением, женских – с завистью, но после мертвого взгляда Дафны ревнивые взгляды молодых красоток не пугали, а, наоборот, придавали уверенности... Даро улыбнулась угостившему ее нобиллю, затем парням, прыгавшим раньше их, и те немедленно подошли.

– Рито, ты первый байланте Мирии, а твоя сестра ее первая красавица!

– Кто бы спорил, – засмеялся Рафаэль, – впрочем, сегодня все женщины – красавицы, а завтра все мужчины – байланте.

Даро, продолжая улыбаться, слушала их разговор, глядя сквозь огонь на ту сторону, которая вдруг стала казаться другим берегом. Там суетились, готовясь к прыжкам люди, бегала небольшая белая собака, которую она чуть было не приняла за крысу, трясли колокольчиками мулы виноторговцев... А затем появились отец и Рената, красивые и счастливые. Рафаэль засмеялся и замахал им руками. Рено посмотрела на костер и покачала головой, указывая на свои юбки. Отец что-то ей сказал, она засмеялась и принялась обмахиваться веером, а герцог, шутливо погрозив ей пальцем, разбежался и легко перепрыгнул через костер. Маркиза сложила веер и решила последовать его примеру, но в конец одуревшая собачонка кинулась ей под ноги. Рената махнула рукой и, обойдя огонь, присоединилась к ним. Теперь они были вместе. Великий герцог Мирии, его возлюбленная и его дети. Звенели гитары, пахло вином, цветами и морем, за их спинами смеялись волны, луна зашла, а над светлеющим горизонтом ярко сияла голубая звезда Амора...

2885 год от В.И.

21-й день месяца Агнца.

Меловой проход

⁶⁴ Мирийское поверье. Смерть ходит в сопровождении шестерых теток, которые всячески вредят людям, вызывая в них нежелание жить.

То, что называлось Меловым проходом, на самом деле было тремя отдельными широкими тропами, разделенными невысокими, но крутыми холмами, возвышавшимися среди заболоченной низины, золотисто-бурой от прошлогоднего камыша. Дальше, влево и вправо, тянулась череда меловых холмов, похожая на обращенный в сторону моря серп. Весна выдалась сухой и теплой, да и зима была малоснежной, земля хорошо просохла, и расстояние между болотцами было куда шире, чем хотелось бы Александру.

Защищать придется довольно-таки большое пространство, рассчитывая лишь на свои руки и мечи. Впрочем, на их стороне неожиданность. Противник, несомненно, пойдет по среднему, самому широкому проходу, и его передовые части можно смять неожиданной кавалерийской атакой. Разумеется, потом придется спешиться и перебросить часть людей налево и направо, но удивить и смутить врага в начале боя – значит сделать шаг к победе. Александр Эстре ни разу не был в настоящем бою, но он немало читал про битвы прошлого, а после совещания в палатке Филиппа в нем словно бы что-то проснулось. Он мучительно перебирал варианты, пока не наткнулся на единственный. Откуда приходило знание, что нужно поступать именно так, было непонятно даже ему, но Сандер ЗНАЛ, что прав. Наверное, эта неизвестно откуда взявшаяся уверенность в своей правоте и заставила того же Шаду беспрекословно согласиться с предложенным юношей планом. Граф кивнул большой головой и поехал к своим, а Сандер вернулся к «волчатам». Они казались притихшими, даже Луи Трюэль. Александр Тагэре окинул взглядом дорогие доспехи, султаны из разноцветных перьев, гербы лучших домов Арции и одинаковые темно-синие туники с серебряным волчком... Дети и младшие братья тех, кто стоял на Бетокском поле, и он перед ними с предназначавшимся отцу мечом у пояса. Александр понимал, что должен что-то сказать, но что?

Он поймал темно-синий взгляд Сезара, заметил напряженную улыбку на лице Поля и сведенные брови Никола. Да, нужно что-то сказать, но имеет ли он на это право? Имеет! И по крови, и по тому, что они пришли сюда за ним и смотрят на него в явном ожидании. Сандер тряхнул темными волосами, отгоняя последние сомнения, и поднял руку.

– Друзья, – он улыбнулся, – странно, что я так называю вас только сейчас. К несчастью, лучшие слова лгуны и болтуны так затаскали, что произнести их, не стесняясь, можно только спяну или перед боем... Не знаю, все ли мы будем вечером живы, и хочу, чтобы вы знали, как мне нужна ваша дружба и как я вам за нее благодарен.

А теперь о деле. Нужно выстоять до подхода Филиппа. Будет трудно, но мы знали, на что шли. Мы попробуем их удивить и вызвать к себе уважение, а потом придется тупо встать и драться до заката. Вот и все... Если кого когда-то обидел, простите, не хотел, – Сандер неожиданно сам для себя улыбнулся и, взяв из рук оруженосца украшенный белыми перьями шлем, надел его на голову. Время для разговоров истекло, передовые Рауля выходили то ли к маленькой скале, то ли к большому валу с вмятиной посредине.

Войско шло походным строем. Впереди пехота, затем рыцари и конные воины, по случаю жаркого дня не надевшие доспехов, за ними повозки с оружием, и снова пехота. Впереди на расстоянии двух полетов стрелы ехало несколько конников, скорее для порядка, чем из предосторожности. Они миновали лощинку, в которой затаились «волчата», даже не повернув головы, хотя со стороны дороги эта предусмотрительно закрытая нарезанными ветками щель и впрямь была почти незаметна. Ладно, старик Шада о них «позаботится».

Юный полководец поставил своих людей «клином». Сам впереди, сзади Сезар и Этьен, за ними братцы Трюэли. В четвертом ряду Крэсси, Никола, Поль и Одуэн, а сзади дарнийцы. Сам он мог видеть лишь узкий проход и камень на тропе, но забравшийся на каменистый выступ на вершине холма воин знал, когда подать сигнал, и взмахнул намотанным на руку плащом. Сандер молча тронул коня. Он не оглядывался, зная, что его движения повторили четыре сотни человек. Все было сделано вовремя. Когда они вышли к тропе, до лумэновцев оставалось расстояние достаточное, чтобы разогнать коней, но не для того, чтобы противник понял, что происходит, и тем более успел перестроиться в боевой порядок и надеть доспехи.

«Волчата» ворвались в ряды воинов в алых туниках с оленьей головой (знак Стэнье!), как волки в овчарню, круша налево и направо. Кто-то бросал алебарды и копья и пытался бежать, кто-то валился на колени, крича о пощаде, кто-то пытался обороняться, но мечущиеся лумэновцы мешали друг другу. Похоже, «олений» никоим образом нельзя было отнести к толковым воинам. Если б у Сандера было время, он бы подивился, зачем Рауль потащил с собой таких неумех, но юноше было не до того. Он изо всей силы работал копьем, умудряясь при этом смотреть вдаль, так как не сомневался: конница ре Фло скоро явится на выручку угодившей в засаду пехоте. Так и оказалось. Всадники Рауля славились своей выучкой. Да, их застали врасплох, но воины быстро, не теряя головы, разобрали с телег оружие и доспехи, и вскоре первые сотни, обтекая незадачливых «олешков», бросились на неизвестно откуда взявшегося врага. За спинами многих сидели лучники, засвистели стрелы.

Александр не повезло. Его конь, раненый в глаз, взвился на дыбы, а затем ткнулся мордой в землю. Дело было бы вовсе плохо, но Сандер успел высвободить ноги из стремян и ухватиться рукой в латной рукавице за острие вражеского копья, которое должно было его убить, а послужило опорой. Почувствовав, что он твердо стоит на ногах, Тагэре начал крушить врагов налево и направо. Сражаться с пехотинцами Стэнье было нетрудно, куда хуже были приближающиеся всадники с медведями на туниках, которых явно привлекала его персона. Вообще-то Сандер знал, как отражать натиск конников, даже без специального копья или алебарды. Это было трудно, но возможно.

2885 год от В.И.

21-й день месяца Агнца.

Меловой проход

Это было безумием, но, собственно говоря, для Тагэре это было единственной возможностью спастись, и они ею воспользовались. Дени Гретье сразу же понял, кто встал у них на пути, понял еще до того, как увидел сигны с волчатами. Сандер! Вряд ли рядом с Филиппом оказался кто-то еще, способный закрыть короля собой. Капитан боялся чего-то подобного с самого начала. Ветеран был душой и телом предан Раулю, но Сандера любил, а мальчишка, мальчишка был предан коронованному ослу и готов ради него на все. И вот, пожалуйста... Нет, Дени Гретье не растерялся, он сразу же приказал своим людям вооружиться, развернул их по обе стороны топтавшейся на месте пехоты и бросил вперед, спасти людей графа Стэнье, который никогда не был его другом. Более того, Стэнье был из тех, кто по уши замаран эльтской резней, а в Бетокской схватке не участвовал по причине вошедшей в поговорку изворотливости. Да и графом нынешнего Селестина можно было назвать лишь с большой натяжкой.

После того, как маршал Мальвани расколотил младшего Фарбье, будущий граф Стэнье, тогда бывший еще бароном Рогге, под благовидным предлогом «временно» покинул лагерь Агнесы и, разумеется, к сражению опоздал. После казни настоящих Стэнье на умника свалилось немалое наследство. Какое-то время новоиспеченный граф хранил верность Тагэре, но, почуяв нюхом возвращение Лумэнов, скоропалительно женился на вдове Орельена Тартю. Дени ненавидел эту семейку, но он был воином, и он должен был их выручить, что он и делал.

Конница Фло схватилась с воинами в синем, которые, надо отдать им справедливость, выдержали удар. Дени мимоходом отмечал сигны. Тигр Мальвани, орлиная лапа Гартажей, яблоня Трюэлей... Проклятый, ну зачем он на пятом десятке так хорошо видит! Он, капитан Гретье, поднял копье на молодняк, на детей друзей – и ради кого?! Рауля? Да! Разумеется... Его сигнор оскорблен зарвавшимся королем, но убивать-то приходится не «пуделей», а «волчат»!

Ветеран умело наседали на отступающих, но отнюдь не бегущих врагов, в конце концов, он присягал! Он исполнит свой долг, и будь оно все проклято! Это не его грех, не его вина, он лишь солдат. И в любом случае этим мальчишкам не остановить великого Рауля, они обречены... Впереди вскинулся на дыбы и отчаянно закричал раненый конь, но всадник

сумел вовремя соскочить и теперь отбивался от людей Стэнье-Рогге. Гретье был воин до мозга костей, он мог сражаться, не думая, тело само делало то, что нужно. Ветеран развернул коня к упавшему рыцарю, истреблявшему пехотинцев в красном. Это наверняка один из вожаков. Его в любом случае нужно вывести из игры. Ага. Эта же мысль пришла в голову и Жилю Руво, вдвоем они прикончат спешенного рыцаря, хотя тот и дерется, как зверь. Дени уверенно пробивался вперед, перед ним и «синим» оставались лишь пятеро, четверо, трое... Со спины коня Гретье видел залитую чужой кровью тунику, белые перья на шлеме.

Воин хоть и оказался в критическом положении, держался молодцом, делая именно то, что нужно. Вот он с силой отразил щитом удар противника, так что у того онемела рука, и, ударив мечом, развернулся ко второму, якобы повторяя тот же прием, но в последний миг сделал пол-оборота вправо, клинок «оления» рассек пустой воздух, а его хозяин, не удержав равновесия, грохнулся под ноги... Сандера Тагэре! Дени Гретье узнал своего ученика, слишком хорошо усвоившего его уроки. Он не видел Сандера шесть лет, тот подрос, возмужал, но это был он и никто другой!

Если он погибнет, будет ранен, попадет в плен, бой закончится, так как именно брат короля привел сюда этот обреченный отряд. Александр молодец, но вряд ли ученик устоит перед своим учителем, он попыбует отбить атаку всадников тем простым и почти безотказным способом, которым его обучил капитан Гретье, но сейчас это обернется поражением. Дени Гретье обязан убить военачальника Тагэре, ведь он присягал Раулю...

2885 год от В.И.

21-й день месяца Агнца.

Меловой проход

Александр Эстре сжал зубы, готовясь подсесть мечом ноги первой из вражеских лошадей, одновременно уворачиваясь от копья, но внезапно нападавший поднял коня на дыбы и заставил сделать шаг назад, да так неловко, что налетел на второго, от неожиданности выпустившего из рук секиру и схватившегося обеими руками за поводья. Этой заминки хватило, чтобы между Сандером и лумэновцами оказались Сезар и братцы Трюэли, один из которых держал в поводу лошадь. Дивясь спасшему его чуду, Александр под прикрытием четырех мечей взобрался в седло и сразу же дал знак отступить; здесь свое дело они сделали, но это было лишь начало.

Нужно было отойти на заранее обозначенный рубеж, где в дело вступят лучники, превратиться из нападающих в обороняющихся, отразить удар отменной конницы, проследить за левым и правым проходами, о которых не может не вспомнить Король Королей, вынудить его на лобовую атаку и держаться до вечера. А потом еще раз до вечера и еще, но об этом после, а сейчас нужно выкинуть из головы все, кроме того, что творится сейчас и произойдет в ближайшую десятинку. В этом мире нет ничего, кроме этой ложбины между грязно-белыми холмами. Надо поверить, что сзади огненная стена, сквозь которую не пройти, и поэтому нужно стоять здесь, даже если это невозможно. И они стояли! Александр действовал, словно во сне. Перед ним под палящим, слишком жестоким для этого времени года и для этих краев солнцем двигались свои и чужие войска, он пытался угадать и угадывал, что будет дальше, отдавал приказы, носился между тремя пыльными дорогами, на которых кипела сеча, дрался сам.

Через несколько ор серый жеребец, сменивший погибшего иноходца, стал спотыкаться от усталости, и юноша пересел на вороного Никола. Лошади имели право на усталость, он – нет. Он должен был появляться везде: и у похожего на оскаленный собачий череп холма, где распоряжался неторопливый и основательный Шада, и в узком проходе, защищаемом Сезаром, и в центре, где было тяжелее всего и где бились остальные «волчата», доказавшие на деле, что они достойны данного им в Мунте прозвища.

Луи, тот даже в бою не мог не шутить, и, когда лязг и грохот битвы немного стихал, можно было услышать, как внук Обена Трюэля поминает жабий хвост, передает через своих противников привет «Святому духу», сожалеет о том, что Паук по скупости вместо десятка

львов нанял полчище зайцев, спрашивает у напирających лумэновцев, какая, по их мнению, может быть ора и почему Дыня не пользуется услугами брадо-брея. Рядом с братом, прикрывая его, дрался Ювер, как всегда тихий и спокойный, он всякий раз делал именно то, что нужно. Сандер заметил, как младший Трюэль спас от, казалось бы, неизбежной смерти Этьена, ловко метнув в оказавшегося у того за спиной «оленя» свою секиру. На какой-то миг Ювер остался безоружным, затем подхватил меч убитого врага.

Этьен Ландей даже не понял, что был на волосок от смерти. Перед боем он умудрился повязать себе на рукав расшитый шелками бледно-зеленый шарф некоей оргондской дамы, вскоре превратившийся в грязную тряпку, к тому же изрядно мешавшую. Бывшийся рядом Никола, воспользовавшись мгновенной передышкой, без всякой жалости поймал залог любви и рубанул по нему мечом, избавив приятеля от помехи. Одуэн Гартаж, потерявший копье, непонятным образом разжился чем-то напоминающим оглоблю, с которой обращался весьма умело, оглушая и людей и лошадей, а стоящие за ним кузены Кресси довершали дело мечами. Поль Матей пропустил удар какого-то рыцаря, но тот пришелся по гребню шлема и, судя по всему, не причинил Матею особого вреда. Поль не стал отвечать ударом на удар, а бросился вперед и обхватил врага руками, явно желая выбросить того от седла, и выбросил бы, но подвела лопнувшая подпруга. Оба рыцаря грохнулись на дорогу, к ним кинулись несколько лумэновцев и кто-то из Кресси, но чем все закончилось, Сандер не видел, так как на него навалилось сразу несколько «медвежат» Ле Манси. Справившись с ними, Александр бросился к Шаде, затем к Сезару, где начиналась нешуточная заваруха с участием отборной тысячи из Фло.

В этот день Александр не раз возблагодарил атэвских оружейников, сработавших его доспехи и знаменитый меч. Он все же пропустил несколько ударов, особенно сильно ему досталось, когда он вытаскивал из боя оглушенного Этьена, но латы выдержали удар, а второго не последовало – Ювер Трюэль снова оказался в нужное время в нужном месте.

Передав Ландея людям Шады, Тагэре вернулся в бой, думая лишь о том, как заставить протестующее тело повиноваться. Хотелось все бросить, сорвать с головы раскаленный шлем и упасть ничком прямо в дорожную пыль, но он позволил себе лишь отбросить щит и перехватить потяжелевший меч обеими руками. Время остановилось, или, вернее, пошло по кругу. Враг в изодранной красной тунике, обмен ударами, новый воин в красном, и так до бесконечности. Когда хрипло и устало зазвучали трубящие отбой рога, Сандер не сразу понял, что на сегодня все. Бой был закончен. День тоже. Александр Тагэре поднял забрало, подставив лицо слабенькому ветру. Проклятый, как же он устал, но они выстояли...

Завтра все начнется сначала, а может быть, и послезавтра. Напряжение спало, и ноющая, тупая боль окончательно взяла свое. Увы, это была не только усталость. Похоже, ему здорово досталось, а он в горячке боя и не понял. Сандер, насколько позволял меркнувший свет и ноющее плечо, осмотрелся, с каким-то равнодушием подсчитывая вмятины на залитых кровью доспехах. Скольких он сегодня убил? Он и его люди... Не об этом надо думать, надо понять, сколько их осталось на ногах и смогут ли они снова напялить это проклятое железо и встать под безжалостными солнечными лучами у прохода.

Утром все начнется сначала. Неужели он видел Дени? Нет, не может быть... Как все же ломит плечо. Любопытно, Этьен и после этого станет писать в своих виршах об «упоении боя» и «возлюбленной войне»? Хватит! Нужно снять наконец эти чертовы латы и хоть немного отдохнуть.

Люди Рауля тоже устали, будем надеяться, ночь будет спокойной. Но Король Королей – это Король Королей. От него можно ждать всего. Надо предупредить Шаду... Если они пойдут, лучше всего отойти к похожему на собачий череп холму и поджечь сухие камыши...

2885 год от В.И.

Утро 22-го дня месяца Агнца.

Мирия. Гвайларда

Наследник мирийской короны ничего не имел против бабочек, ценя в «летающих

цветах» в основном то, что они не жужжат и не кусаются. Слюнявых сонетов в их честь Рито Кэрна, разумеется, не сочинял, но и ненависти не испытывал, однако влетевший в его комнату в следующую после Санданги ночь мотылек вызвал у юноши непередаваемое отвращение. Большой, с бледными полупрозрачными крыльями и мясистым брюшком, ночной гость не устремился к непогашенной свече, подобно своим крылатым собратьям, а проявил странный интерес к самому Рито. Собственно говоря, тот и проснулся оттого, что надоедливое насекомое задело лицо. А может, все дело было в том, что юноше снилось что-то очень неприятное. Рито с раннего детства умудрялся просыпаться, если сон становился плохим, а большая бледная ночница, которую он увидел, открыв глаза, сначала показалась ему продолжением кошмара. Вставать и выгонять ночницу было лень, но засыпать в присутствии летучей дряни отчего-то не хотелось. Вот бы она упала в огонь и сгорела, как порядочная бабочка...

Взгляд юноши невольно притягивал кружащий над ним бледный комочек. Странно, похоже, мотылек чувствовал взгляд не хуже таракана. Ночной летун расширил круги, стараясь не подлетать очень уж близко, но Рафаэля это все равно не устраивало. Пусть проваливает куда подальше, хватило ума залететь, пускай сам и выбирается... Хотя как это, хотелось бы знать, он сюда влетел? Окна-то закрыты и даже занавешены. Вот ведь пакость! А может, он вывелся прямо в комнате? Нет, такой моли не бывает, да и лаванды везде насыпано немерено, Кончита постаралась. Хорошо бы тварь все-таки сгорела! Рафаэль с ненавистью взглянул на незваную гостью, и та немного подалась в сторону свечи. Любопытно... Его взгляд словно бы толкает эту мерзость, ей явно не хочется, но она летит в огонь.

Маркиз Гаэтано приподнялся на локте, не отрывая глаз от неприятной бабочки, та медленно, но верно перемещалась к свече, хоть бы та не погасла раньше времени, вот будет обидно! Но огонь не гас, наоборот, он словно бы окреп и набрался сил. Бабочка была уже совсем рядом, она отчаянно работала крылышками, на мгновение даже показалось, что она вырвется, но пламя внезапно метнулось к ней длинным алым языком, схватив ночницу, как жаба хватает комара или муху. Рито с облегчением откинулся на подушки. Ему никогда не приходило в голову отрывать мухам крылья, разорять гнезда или давить лягушек, но бледную бабочку он прикончил с наслаждением...

Проклятый, но как же он устал! Хотя чего удивляться, он же прошлую ночь не ложился, да и денек выдался ничего себе. Несколько ор байлы, не считая прогулки с Даро. Та небось тоже спит без задних ног, ну да он ее все равно выдернет на прогулку, сидеть в седле легче, чем танцевать. Малявка хлебнула свободы, и он не позволит упрятать ее в монастырский склеп на радость этой подлой Дафне, сгореть бы ей, как давешней бабочке... Рафаэль усмехнулся от пришедшего в голову дурацкого сравнения. Расходившееся воображение услужливо нарисовало толстую циалианку, старательно работающую белесыми крылышками, и Рито расхохотался в голос. Спать расхотелось окончательно, он вскочил и распахнул тяжелые занавески. Ночь кончалась, тянуло морской свежестью и запахом влажных от росы цветов. Проклятый побери, он не пропустит такое утро и Даро не даст! Он вскочил и торопливо натянул алую рубашку байланте. Санданга кончилось, но радость продолжается!

Даро жила в другом крыле, и юноша двинулся было к двери, но вовремя остановился. Спускаться вниз, идти через двор, подниматься по лестнице, стучаться, разговаривать с заспанными служанками, которые побегут доносить матери? Ну его! Наследник мирийской короны легко перескочил с подоконника на высокий разлапистый каштан, а с него перебрался на идущий вдоль верхнего нежилого этажа узкий балкончик. Труднее всего было спрыгнуть оттуда на балкон Даро, но байланте способен и не на такое.

Не прошло и десятички, как Рито сидел на подоконнике сестры, Даро спала, но как-то беспокойно. Наверняка ей снилось что-то мерзкое, впрочем, он в любом случае собирался ее будить. Юноша тихонько коснулся смоляных волос, спящая вздрогнула и застонала. Рафаэль взял сестру за руку и окликнул, Дариоло с трудом разлепила глаза и с облегчением

вздохнула.

– Рито!

– Именно, – жизнерадостно подтвердил братец, – а ну вставай и пошли.

– Куда?

– Кататься, рассвет встречать... Сегодня такое утро, грех пропустить...

– Грех? – Девушка вздрогнула. – Земная радость – всегда грех. Мы должны искупать грехи... Я видела во сне святую Цялу, она мне сказала, что за каждую недозволенную радость мы расплатимся великим горем или смертью.

– Камбалу дохлую ты видела, а не Цялу, – рассвирепел Рито, – и вообще, если радость и вправду велика, то за нее и умереть не жалко. Все лучше, чем смерть заживо... Одевайся лучше! Ишь, додумалась, такую дурь смотреть, да еще после Санданги.

Даро не сопротивлялась. Одевалась она всегда быстро, может, потому, что не имела обыкновения крутиться перед зеркалом.

– А как мы... Там же старая Ампаро!

– Да спит она, а проснется – ей же хуже, увидит нас и помрет со злости... Идем...

Ампаро и вправду спала и даже похрапывала. Рафаэль не утерпел и, стащив старухину шаль, завязал в нее пару серебряных подсвечников и сунул под кресло. Даро сначала оторопела от подобной наглости, но потом представила ужас своей дуэньи и едва сдержала смех. Брат и сестра быстрее кошек проскочили лестницу, пересекли еще не политый слугами двор и скрылись в конюшнях. Оседлать лошадей и растолкать привратника было делом пары десятинок. Всадник на молочно-белом атэвском жеребце и всадница на гнедой белоногой кобылке промчались спящей Жасминной улицей и вылетели в поля. Летний зной еще не выжег весенние изумруды, вокруг все цвело, наполняя душу неистовой радостью и жаждой жизни. Рито и Даро были молоды, свободны и счастливы. Ветер путал конские гривы и свистел в ушах, лошади мчались навстречу рассвету по высокой росистой траве, праздничные ночи закончились, но жизнь продолжалась и была полна радости!

Рафаэль осадил коня у обрыва, внизу смеялось море. Волны весело набегали на розовеющие камни, кричали и дрались проснувшиеся чайки, вдали мелькнул парус, кто-то из рыбаков все же вышел на лов...

– Рито, – юноша обернулся, Даро смотрела на него с восторгом и благодарностью, – Рито, спасибо тебе...

– За что, малявка?

– За... за это, – она беспомощно обвела руками вокруг себя, – за Сандангу, за то, что ты меня любишь...

– Еще как люблю, – подтвердил Рафаэль, – слушай, раз уж мы заговорили Проклятый знает о чем... Я хочу уехать. В Новый Эланд. Поедешь со мной?

– Ты с ума сошел!

– Я бы был сумасшедшим, если б остался, и последним подлецом, если б бросил тебя здесь. Эландцы не обижают женщин...

– Но... Но они же еретики!

– Ну и что? – Рито прыгнул с лошади и снял сестру с седла. – Если все дело в том, что они не пускают к себе капустниц и синяков и не платят церковную долю, то я им не судья. Этих дрянней давить нужно, а не ползать перед ними. А добро всегда и везде добром будет. И зло тоже. Можно сколько угодно свечек святым наставить и при этом тварью остаться... Неужто Творец такой дурак, что возьмет к себе доносчика Уго и оттолкнет Лючо, который, когда пожар был, из огня восемь человек вытащил? Эй, ты меня слушаешь?

– Я думаю, – взмахнула ресницами Даро, – если Уго будет в раю, это неправильно. Я с ним быть не хочу.

– Ну, значит, будешь со мной в аду...

– Не шути так!

– А я и не шучу. Но смерть, она когда еще будет, а жизнь у нас одна, и губить ее незачем. Так ты поедешь?

– Когда?

– Как только придут атэвы...

– Атэвы?! Но они же...

– Еретики? Нет, точно эту твою камбалу удавить нужно. На пару с Ампаро! Атэвов не бойся, у них свой закон, они его не нарушат. Подумаешь, походишь немного с закрытым лицом, чем оно хуже циалианских тряпок? Ну, решай... Корабль придет через кварту или две.

– Рито, – Даро вздохнула, – а как же отец? И Рено? Может быть, ты останешься? Вдруг все теперь иначе пойдет?

– А ты умница, малявка, – Рито смотрел на сестру так, словно видел ее впервые, – умница. Все! Никуда мы не едем, а вместе с Рено заставляем отца вспомнить, что он герцог, а не Хосе-Печальник!⁶⁵ Решено, я остаюсь. И первое, что сделаю, это сожгу твои капустные тряпки. Будешь носить желтое и розовое... Потом влюбишься, мы тебя замуж выдадим...

– Влюблюсь? – тихо повторила Даро. – Знаешь, я думала об этом. Я хочу так влюбиться, чтобы навсегда, даже сильнее, чем Рено, чем все, про кого я читала... Вот тогда я согласна умереть, если нужно...

– Да забудь ты всю эту циалианскую чушь, – взорвался Рафаэль, – все у тебя будет. И любовь тоже. Ну что, возвращаемся? А то жарко будет.

Она молча кивнула. Назад ехали медленно, Даро чему-то улыбалась, наверное, воображала свою встречу с прекрасным рыцарем. Разумеется, он будет на белом коне и спасет ее от страшной опасности. Они полюбят друг друга с первого взгляда и до смертного вздоха. Надо полагать, у спасителя будут золотые волосы и синие глаза, и он будет хорош, как эльф из сказки. Рафаэль закинул лицо, подставляя его солнечным лучам. Как бы то ни было, старой жизни конец. Даро он капустницам не отдаст, да и вообще пора этих тварей потеснить. Вчерашняя ночь показала, что их можно и нужно ставить на место.

Поля кончились, впереди, в голубоватой дымке, маячил Кер-Эрасти, в город из окрестных сел тянулись трогательные ослики с огромными корзинами и выючные лошади и мулы в соломенных шляпах. Но из города не ехал никто. Кер-Эрасти отсыпался после трехдневного веселья. Нет, какой-то всадник показался. Ишь, как торопится, съехал с дороги, чтобы не связываться со встречными, пустил коня в галоп... Странно, лошадь вроде знакомая, и не только лошадь! Проклятый! Отец! Рафаэль дал шпоры коню, и жеребец, сдержав обиженное ржанье, бросился вперед. Герцог тоже узнал сына и придержал рыжего Оро.

– Где ты был?

– Катались с Даро... Что-то случилось?

– Рено... Она заболела.

2885 год от В.И.

Ночь с 22-го на 23-й день месяца Агнца.

Арция. Меловой проход

Лошади тащились, как старые черепахи, а люди, похоже, и вовсе спали на ходу. Филипп с трудом сдерживал раздражавшие его ярость и страх. Странное дело, все эта затея была выдумкой Сандера, он сам вызвался ее осуществить, но король не мог отделаться от мысли, что своей волей послал младшего брата на верную смерть. Да, в последнее время они не всегда ладили, да и друзья Сандера могли хоть кого довести до белого каления, но сейчас было важно лишь то, что они погибают у Мелового прохода, до которого еще идти и идти.

Король привстал на стременах, пытаясь в кромешной тьме рассмотреть хоть что-то.

– Мы в нескольких весах от каньона, – сообщил Гастон Койла, ехавший рядом с сюзереном. Гастон – надежный друг, и он никогда не лезет со своими советами, но лучше бы

⁶⁵ Хосе-Печальнику некогда приснилось, что он совершил смертный грех, это так его потрясло, что, проснувшись, он покинул семью и вступил в орден никодимианцев, покаявшись в грехе, как в совершенном. После смерти причислен к лику святых.

он сейчас дрался с Раулем, а Сандер был здесь. Внезапно король понял, как любит младшего брата и как бессовестно мало времени ему уделяет. Только бы Сандер выжил, все остальное не так уж и важно, даже эта проклятая корона, из-за которой сплошные передраги и ссоры! Нет, нельзя было отпускать мальчишку с одними только «волчатами». Виконт Малве не Анри Мальвани, а прочие и вовсе щенки бесхвостые, много они там навоюют. Их наверняка давно смяли, хотя в таком случае они бы встретили хоть кого-то. Раз дорога пуста, значит, держатся... Сколько же их уцелеет, когда он наконец придет, и выйдет ли что-то из их затей?

А ведь Сандер умница, даром что ему двадцать с небольшим. И как Филипп сам не догадался, ведь он старше на десять лет, да и воевать ему, в отличие от братца, случалось. А мысль хорошая, замечательная мысль! Сбросить врага в каньон не так уж и сложно. Главное – полная неожиданность, но неужели Рауль попадется? А почему бы и нет? Рано или поздно все попадают, но сначала нужно дойти до тех пятнистых холмов, мимо которых они уже проходили полторы кварталы назад.

Каким же он был слепцом, думая, что Рауль полезет на их укрепления... Вообразил, что умнее Короля Королей. Если бы не неведомый перебежчик и не выдумка Сандера, они бы ока-зались между молотом и наковальней. Нет! В плен он не сдастся, один раз он уже побывал в руках кузена, причем тогда все обстояло куда лучше, и то... Если они проиграют, нужно умереть. Сандер, тот еще может спастись, Рауль всегда его любил, а он любил Рауля. И все-таки не пошел с ним... Станный он парень, его горбатый братец. Похоже, он никогда не врет, но и о том, что у него на душе, никто не знает. Но если Вилльо и... и даже Элла хоть раз попробуют задеть Сандера с его увечьем, он не знает, что с ними сделает, только бы малыш выжил, только бы они все выкрутились. Он никогда больше не станет дразнить гусей, Эллиной родне придется потесниться и вернуть награбленное, а «волчат» он наградит. По-настоящему наградит, какие бы рожи они ни корчили. Сандер прав, нельзя ездить на свинье, нельзя делать ставку на мерзавцев, по крайней мере, если собираешься править по-настоящему. Если б можно было все вернуть! С Раулем помириться непросто, но если они уцелеют, он попробует. Сандера с Сезаром Король Королей выслушает и ничего им не сделает, но сначала нужно хотя бы не очень проиграть сражение...

Ночную тишину вспорол конский топот. Не думая, кто это, не заботясь о королевском величии, Филипп пустил своего белого навстречу. Отчего-то показалось, что сейчас он узнает что-то страшное. Что Рауль прорвался, а Сандер погиб. Проклятый! Только не это!

Вылетевший из темноты всадник едва успел осадить коня.

– Жабий хвост! Кто здесь?

– Луи Трюэль!

– Ваше Величество, – в голосе всегда насмешливого молодчика сквозила усталость.

Король схватил его за руку:

– Что с Александром?

– Герцог Эстре жив и даже не ранен, мы держимся и будем держаться... Вы даже ближе, чем мы надеялись.

– Что у Прохода?

– Мясорубка. Они рвутся, мы не пускаем... Нам повезло, мы перехватили старика Шаду. Если вас интересует, не погиб ли кто из нас, то могу сказать, что пока только младший Кресси. Одуэн ранен, но выкарабкается. Вы не могли бы найти мне свежую лошадь?

– Ты намерен вернуться?

– Разумеется. Александр хочет знать, где вы, не меньше, чем вы, живы ли мы...

– Ваше Величество, – подъехавший граф Ревы казался озабоченным. – Вы не должны отрываться от основного отряда...

– Хорошо, что ты здесь, Фернан, – бросил король, – Луи нужна твоя лошадь...

– Ваше Величество...

– Слезай с коня, кому говорят, – взорвался Филипп, – ничтожество!

2885 год от В.И.

23-й день месяца Агнца.

Арция. Меловой проход

Он был прав, когда послушался совета Арно Шады и сменил меч на боевую секиру. Разумеется, подарок Обена, который он невольно стал считать отцовским благословением, был при нем, но для этого боя, больше похожего на свалку, секира была удобнее. В роду Тагэре всегда любили это оружие, да оно и в самом деле было отменным, тем паче щитом Сандер Тагэре владел не хуже отца. Он бы очень удивился, если б кто-то ему сказал, что он создан для войны, как конь для бега, а альбатрос для полета, но это было именно так. То, что другие постигают годами, герцог Эстре чувствовал, словно кровь, текущая в его жилах, несла память десятков воинов и властителей. Младшему из Тагэре верили и за ним шли. Сам он еще этого не понимал, испытывая острую благодарность к бывалым воинам, которые относились к нему по-доброму. Голова юноши была забита чем угодно, но не мыслями о собственной славе и величии. Он был братом короля, он был верен королю, и он сражался за короля.

Сандер не думал, что скажут о нем другие, а вот граф Шада после восьми ор боя пробурчал своему коню: «А горбун-то настоящий Тагэре, Проклятый меня побери!» Эти или похожие слова повторяли те, кто помнил покойного герцога, а молодежь, молодежь просто любила своего «волчонка», который незаметно для самого себя превращался в матерого жожака. Если б не Сандер, половина «волчат» сейчас схлестнулась бы с другой половиной, принявшей сторону Рауля, теперь же они умирали и убивали за Филиппа Четвертого, не задумываясь, как это вышло, по-прежнему презирая «пуделей» Вилльо и не испытывая ненависти к своим врагам.

...Кто-то с силой схватил его сзади за плечо, Александр чуть было не отбросил нахала, но в последний миг одумался: спину ему прикрывают Никола и Ювер, они не пропустят врага и не предадут. Значит... Эстре стремительно отступил, и его место тотчас занял Этьен, а Сандер оказался лицом к лицу с Луи Трюэлем, который, перекивая шум битвы, заорал: «Они пришли!» – и для пущей убедительности взмахнул рукой.

Продержались... Проклятый! Продержались! Но это только начало... Александр оглянулся в поисках Сезара и Арно, но обоих не было видно... хотя, что это он, не иначе, с ума от радости сошел! Они же разделили проходы между холмами, Сезар слева от него, Арно Шада – справа. Сандер потряс головой, собираясь с мыслями. Если они сейчас возьмут да побегут, Рауль не поверит, Агнеса, та бы попалась, но Рауль слишком хорошо его знает. Нужно отходить с боями. Сначала конница, затем, в арьергарде, Шада с пешими.

Пусть Рауль решит, что конные бросились на соединение с основными силами, а пехотинцы из арьергарда, сделав свое дело, рассеялись в холмах, тогда он бросит конницу в погоню за отступающими, а сам пойдет следом. Если повезет, войско растянется вдоль каньона, а дальше дело Филиппа и старшего Гартая. Ну, а что делать ему? С одной стороны, его место в арьергарде, с другой, нужно вовремя остановить «отступление». Лучше всего у того ручья, где они столкнулись с Шадой, там достаточно места для того, чтобы конница могла развернуться. Если первая схватка окончится хотя бы не поражением, можно думать о будущем...

Александр Тагэре повернулся к Луи:

– Мы отступаем. Ты не видел Ювера?

– Жабий хвост! Да вот же он!

Ювер Трюэль и вправду был тут. Среднего роста, худощавый и темноволосый. Издали, да еще в плащах, они с Сандером были не то чтобы похожи, просто другие «волчата» годились для того, что он задумал, еще меньше.

Ювер все понял слету и кивнул. Брат болтуна и ерника Луи был на удивление немногословен. Они обменялись шлемами и туниками, Сандер протянул ему и секиру, но Ювер покачал головой, с этим оружием он был на «вы». Не прошло и десятинок, как «Александр Тагэре» вернулся в бой, а «Ювер» начал выводить конницу на дорогу.

2885 год от В.И.

23-й день месяца Агнца.

Арция. Меловой проход

В промежутки между холмами король видел отряд, быстро отступающий, но отнюдь не бегущий. Самым страшным было то, что ни сам он, ни Гастон не заметили Сандера, да и рыцарей в цветах брата, отходящих последними, было всего шесть. О смерти младшего Кресси и ранении Одуэна он узнал еще вчера, но что с остальными?! Только бы не Сандер! Кто угодно, только не он!

Филиппа так и подмывало прищипнуть коня и броситься к отступающим, чтобы узнать о судьбе брата, но король не мог этого сделать. Вся затея сводилась к тому, чтобы заставить Рауля преследовать отступающих. Ре Фло не должен знать, что они здесь, значит... Его Величество с удивлением уставился на сломанный кинжал в своих руках.

– Ваше Величество, – Фернан Ревы вырядился сегодня в особенно отвратительный плащ, – я не вижу монсигнора Эстре...

– Он там, – прорычал король. Ревы сморгнул длинными, как у сестры, ресницами и отъехал, а Филипп вновь уставился на дорогу. Какое-то время ничего не происходило, затем показались идущие быстрой рысью конники под сигналами Ле Манси и Батара и одновременно за спиной короля возник Луи.

– Мы перешли через ров и вытащили скрепы мостков.

– Где Сандер?

– С нами, но в плаще Ювера. Рауль бы не поверил, что он бросил арьергард на произвол судьбы. Ювер и пехотинцы Шады отступили в холмы, они...

Филипп больше не слушал, сорвав с груди массивную золотую цепь, он надел ее на Луи.

– Если будем живы, к титулу прибавятся и владения, а нет, что ж, умрешь графом. Возвращаясь к герцогу Эстре, или нет, не успеешь. Сейчас начнется.

И началось. Преследователи достигли рвов, заранее выкопанных поперек дороги. Передние, не заметив подвоха, ступили на мостки и полетели вниз. Первым погиб Ле Манси, Батар как-то сумел удержать лошадь на краю обрыва, крича другим остановиться. Это было непросто: задние, не понимая, в чем дело, напирали, образовалась куча мала, и в этот миг Его Величество Филипп Четвертый нанес фланговый удар. Это не требовало изощренного полководческого мастерства, просто в многочисленные проходы между холмами устремилась тяжелая конница, смявшая и без того ошалевшего противника и буквально столкнувшая его с обрыва. Ржали испуганные кони, из-под копыт которых уходила земля, кричали, молились, богохульствовали всадники, но поделать было ничего нельзя, отряд Ле Манси и Батара перестал существовать.

2885 год от В.И.

23-й день месяца Агнца.

Арция. Меловой проход

Известие о гибели родича Рауль встретил не дрогнув. Это была потеря, но не поражение. Он был прав, когда удержал основные силы в наспех сооруженном по ту сторону Мелового прохода лагере. Пять тысяч Стэнье-Рогге и три тысячи Жоффруа, несмотря на полную бездарность обоих, представляли грозную силу даже при том, что его собственный отряд насчитывал человек восемьсот. Филипп оказался умней и отчаянней, чем он думал, он явно улучшил свое положение, но ненадолго. Да, он нанес поражение его коннице и задержал его самого на три дня, но и сам ушел с позиций у Игонского леса. Вернуться туда он не может, ему придется или принять бой здесь, лишившись преимущества внезапности, или укрыться за каньоном и рвами, но и это не выход. Отойти король не сможет, так как армия Фло пойдет по его следам и ударит в тыл, когда он налетит на Агнесу; по той же причине он не сможет стоять здесь, открыв тылы Дыне. Обороняться на два фронта

небольшой армии в чистом поле невозможно. Очень хорошее положение для... мирных переговоров!

Он предъявит Филиппу ультиматум, который тот будет вынужден принять, потребует в почетные заложники Александра, а дальше... Дальше Король Королей одним махом расправится и с Вилльо, и с ифранкой! Он пошлет гонца к своим войскам, идущим вместе с Агнесой, они с Филиппом разыграют маленький спектакль, результатом которого будет конец проклятой войны. Вилльо уберутся из страны, Рауль ре Фло вернется ко двору, на троне останется Пьер, но Филипп, как и его отец, будет провозглашен наследником. Другое дело, станет ли он после Пьера, который может прожить еще лет двадцать, королем, но это всяко лучше, чем смерть в бою или на плахе. Жаль Изо с Жаклин, им придется терпеть своих никчемных мужей. Проклятый, он испортил девочкам жизнь, но... Но Церковь любит деньги. Он заплатит за развод столько, сколько потребуется.

Сейчас главное – поймать за хвост Филиппа. Он не дурак, не захочет пропадать ни за грош, когда ему предложат почетный выход. Пусть повторит слова своего отца! Король Королей подозвал Гретье. Капитан не в духе, оно и понятно, Сандер для него вместо сына.

– Дени!

– Монсигнор!

– Что вы думаете?

– Оттеснить Тагэре ко рвам и задержать до прихода Лумэнов.

– Правильно. Но этого мало. Я решил порвать с Дыней, если у Филиппа хватит ума меня понять. А для этого мне нужны вы.

– К вашим услугам, – глаза ветерана блеснули, Рауль был готов поклясться, что капитан Гретье счастлив.

– Сначала поступим так, как вы говорите. Дадим им несколько ор для того, чтоб перевязать раненых, перекусить и подумать о том, в какой они дыре. Потом вы, один, с сигной мира подъедете ко рву и потребуете разговора с Александром. Он выйдет к вам, не сомневаюсь.

– Я тоже, – кивнул Дени.

– Вы скажете ему, что я хочу говорить с ним и только с ним, причем наедине. Разумеется, он будет неприкосновенен, как посол. Сандер пойдет с вами, вы приведете его ко мне. Если хотите, будете свидетелем нашей беседы. Ничего постыдного я не предложу. Что с вами?

– Со мной, – медленно проговорил ветеран, – ничего, а вот Рогге и Жоффруа, похоже, сбесились.

Рауль оглянулся и понял, что Гретье прав. Его союзники переоценили успех Филиппа и решили спасти свои шкуры традиционным для трусов и подлецов способом. А именно предательством. Против восьми сотен ре Фло, из которых более половины были ранены в стычках у прохода, оказалось восемь тысяч. Это было слишком даже для Короля Королей, но придется драться, другого выхода ему не оставили. Рауль рывком опустил забрало и схватил секиру. Рядом встал Дени. Люди ре Фло торопливо образовывали ошетилившиеся копьями кольцо, внутри которого были раненые. Оглядев свою армию, Рауль повернулся к Дени:

– Похоже, это будет нашей Эльтой. Жаль...

– Монсигнор, – невпопад ответил Дени, – прошу меня простить...

– За что, Проклятый тебя побери? – не понял Король Королей.

Ответить Дени не успел, люди Ларрэна пошли вперед.

2885 год от В.И.

23-й день месяца Агнца.

Арция. Меловой проход

Клэр Утренний Ветер видел, как началась свалка, как люди с изображениями оленьих голов и атакующих быков на туниках набросились на тех, кто носил знак медведя. Вмешательства со стороны не потребовалось, Рауль ре Фло оказался жертвой своих же

союзников. Эльф мог попробовать его спасти, хотя это вряд ли бы вышло. Король Королей был не из тех, кто бросает своих людей на погибель и спасается бегством, и потом, его смерть была необходима во имя прекращения войны, во имя того, чтобы на троне Арции остался король-Тагэре. И все равно мучительно оставаться на месте, наблюдая, как десять убивают одного. Укрывшийся в ветвях еще не распустившегося как следует дуба Рыцарь Осени, сжав зубы, смотрел, как погибает человек, которого он помнил совсем другим. Страшная смерть, бессмысленная война, предательство самого себя, потащившее за собой вереницу предательств еще более подлых, венцом которых стала эта бойня.

Клэр немало изменился за время своих скитаний, во времена Войны Оленя у него бы не хватило сил остаться в стороне. Да, он собирался убить Рауля ре Фло, потому что считал это необходимым для спасения Арции, но эти... Оленья голова – Стэнье, ничтожные людишки. Вольно же Раулю было брать с собой эту мразь... А Жоффруа, муж Изабеллы, сын Шарло! Тагэре никогда не били в спину. До сегодняшнего дня. Впрочем, лично Стэнье-Рогге и Ларрэн в бою не участвуют, куда им, ведь и убить могут!

Зоркими эльфийскими глазами Утренний Ветер видел обоих, надежно укрытых за рядами копий и алебард. Они не сговаривались, просто трусость и готовность к предательству одновременно толкнули их на одну и ту же подлость. Говорят, благородство предсказуемо. Его противоположность, если она не отягощена избытком ума, предсказуема еще в большей степени. Рогге и Жоффруа, увидев, что войска Рауля частично бегут, частично сброшены в овраг, поторопились наброситься на того, на кого еще утром не смели поднять глаз. Но добыча была непростой.

Король Королей и его воины даже в западне не потеряли головы.

Уперев в землю заостренные концы копий и алебард, они ждали натиска так, как ждут те, которым нечего терять и не на что надеяться. Воины Жоффруа затоптались на месте, «олени» двинулись было вперед, но отскочили, как отскакивает глупый щенок, попытавшийся схватить ежа, а на грязно-серой, не по-весеннему сухой земле осталось десятка полтора трупов. Но это было лишь начало. Предатели собрались с духом и бросились вперед с решимостью трусов, которых гонит страх больший, чем тот, что ждет впереди. Кто-то из Рогге додумался хватать трупы своих же и швырять на копья «медведей», сгибавшиеся под их тяжестью. Воины не успевали их выдернуть, по сути, оставаясь безоружными, а нападавшие бросались на них, как свора псов, чтобы в свою очередь послужить мостом для следующих.

Это продолжалось долго, невыносимо долго. Клэру казалось, что он вечно сидит на этом еще лишенном листвы дереве и любитесь торжеством человеческой подлости. Даже лев, и тот может пасть жертвой стаи гиен.

Рауль ре Фло и его люди дорого продавали свои жизни, но конец мог быть лишь один. Ощетинившийся копьями и мечами круг медленно, но неотвратимо сужался, а затем распался на несколько островков. Какое-то время стяг со вставшим на дыбы медведем еще возвышался над морем человеческих голов, потом юноша-сигноносец упал, и знамя исчезло. Ре Фло и десятка полтора уцелевших встали спина к спине. Их становилось все меньше, пока не осталось двое. Они сражались, как бешеные, но затем товарищ Рауля поскользнулся, чем не преминул воспользоваться здоровяк с «оленьей» головой на тунике. Взлетела алебарда, и последний защитник рухнул, открыв спину своего сюзерена. Граф еще успел свалить одного нападавшего и отбивал удары двоих, когда предательский удар сзади швырнул его на землю.

Последний товарищ Рауля лежал с раскроенным черепом, но Король Королей был жив и в сознании. Он попытался подняться, и это ему удалось. Видимо, нога графа была сломана, и он остался стоять на одном колене, не выпуская из руки секиры. И все равно это был конец. Добить раненого, пусть ценой двух-трех жизней, труда не составляло, хотя... Хотя Рауля ре Фло добивать явно не хотели! Вглядевшись повнимательнее в царящую внизу суматоху, Клэр понял, что Жоффруа и Рогге решили взять Короля Королей живым. Надо полагать, чтобы заслужить милость Филиппа. Понимал это, не мог не понимать и Рауль. Будь у графа в руках меч, он бы бросился на него, но секира для самоубийства не годилась.

Нападающие собрались, словно псы вокруг затравленного медведя, но пока не нападали. Даже подались назад, высвобождая место то ли для лучников, то ли для чего-то еще более подлого. Рядом с Раулем ре Фло остались лишь мертвые. Друзья и враги. И вражеских тел было много больше.

Еще утром Клэр собирался убить этого человека, хоть и испытывал к нему теплые чувства, потом возблагодарил Звездного Лебедя за то, что долг не потребовал от него запачкать руки кровью почти что друга, но теперь... Теперь Клэр Утренний Ветер из клана Лебедя, некогда художник и скульптор, а ныне Рыцарь Осени и разведчик в мире людей, сделал то, о чем бы попросил его Рауль ре Фло, если б знал, что за ним наблюдают не только глаза предателей. Свистнула белооперенная стрела, и Король Королей ткнулся лицом в грудь мертвого Дени Гретье, словно оплакивая его или же моля о прощении. Озадаченные предатели завертели головами, выискивая дерзкого стрелка, но Клэр давно научился отводить глаза. Он мог спокойно спуститься вниз и уйти, но отчего-то не сделал этого, а лишь опустил лук, шепча плохо понятные даже ему то ли стихи, то ли молитву на старозельфийском, провожавшую Рауля ре Фло в страну, из которой не возвращаются.

А жизнь продолжалась. Те, внизу, прекратили искать среди своих то ли предателя, то ли излишне ретивого дурака. С опаской поглядывая друг на друга, словно псы из разных свор, не рискующие, однако, затеять драку «олени» и «быки» бродили вокруг поверженного титана. Видимо, они отправили кого-то сообщить о своем подвиге, потому что когда появился Филипп Тагэре со свитой, он вел себя, как победитель, принимающий ключи от сдавшегося города. Король был уверен и величав, толпившаяся сзади и с боков свита оживлена и довольна.

Рядом с Филиппом Клэр узнал Жоффруа. Братья примирились, по крайней мере, внешне. Победители немного постояли над убитым, Стэнье-Рогге протянул королю меч и щит Рауля ре Фло, Филипп Тагэре что-то сказал, и высокий нобиль с единорогом на плаще принял трофеи. Затем все проследовали к разбитым неподалеку палаткам. Клэр сам не понимал, чего ждет, а возможно, он и не ждал ничего, просто было трудно уйти, оставив убитых под начинающимся дождем. И хорошо, что он остался.

Рыцарь Осени всей душой оплакивал павшее величие, но он был истым разведчиком. Присутствие чужаков он почуял даже раньше, чем они появились. Они тоже отводили глаза, но не по-эльфийски. Клэр узнал холодную, грязную магию, ту самую, с которой он так часто встречался в последние годы.

Пришедших было двое, они спокойно вошли и расположились у полуразрушенной стены. Их не то чтобы нельзя было увидеть, просто на них не обращали внимания. Одеты они были в ливреи ре Фло, но Клэр готов был поклясться, что к Королю Королей эта парочка не имела никакого отношения. Он их заметил, потому что они оказались настолько наглы и самонадеянны, что, защитив себя от посторонних взглядов, не озаботились прикрыться от тех, кто владеет магией. А кто в Арции колдует, не опасаясь синяков и Скорбящих?⁶⁶ Разумеется, они сами! Но какого змея они ищут тут? Явились к шапочному разбору, стоят во дворе... Кто им нужен? Ага, у них еще и арбалеты... Ему пришло в голову со всем покончить, застрелив Рауля ре Фло, а по чью душу явились эти? Если Рауля, то он уже убит. Значит, Филиппа. Так не даст же он им этого!

Клэр слегка передвинулся. Какими бы отменными стрелками ни была эта парочка, они не эльфы, он их опередит, но сначала нужно понять, что они затеяли. Рыцарь Осени улыбнулся и приготовился ждать, но все произошло очень быстро. Со стороны палаток появился темноволосый юноша в плаще и следом за ним высокий стройный человек в тунике с изображением лежащего тигра. Стоящие у трупов стражники посторонились, пропуская пришедших. Первый, в котором Клэр узнал Александра Тагэре, опустился на колени рядом с

⁶⁶ Члены антонианского ордена, чьей обязанностью было изобличать еретиков и занимающихся недозволенной магией.

Раулем ре Фло, пытаясь перевернуть тело, второй, не говоря ни слова, принялся ему помогать. Были ли эти двое главной целью чужаков или те решили воспользоваться случаем, но они подняли арбалеты... Дальше Клэр ждать не стал. Три стрелы сорвались с тетивы со скоростью, невозможной для человека, но убийцы не могли предвидеть появление эльфа. Первый выстрел сбил уже выпущенную стрелу, второй пробил горло стрелку, третий уложил его напарника.

Сделав свое дело, Клэр мог уйти, но за столетия скитаний в обществе Рамиэрля он слишком хорошо узнал людей. Если настоящий спаситель исчезнет, непременно разыщется самозванец, и хорошо, если он удовлетворится золотом, а может ведь намертво приклеиться к «спасенному» «волчонку». Тагэре только подонка за спиной не хватало! И Клэр позволил себя увидеть, разумеется, не совсем себя, а эльтского стрелка средних лет с серебряными нарциссами на выдавшей виды тунике, надетой поверх кожаной куртки с нашитыми металлическими пластинами.

Александр Тагэре, обернувшийся на свист стрел (для человека он очень, очень быстр), увидел лучника и быстро пошел к нему, Утренний Ветер спрыгнул с дерева, и они сошлись возле мертвых убийц. Эльф не ошибся, эти люди пользовались магией, похожей на ройгианскую. Вряд ли на них окажутся улики, которые приведут к их хозяевам, но он, Клэр, попробует найти иной след.

Александр наклонился к лежащим и невольно закусил губу от боли, он не был ранен, но тело человека есть тело человека, у него имеется предел.

– Никогда их не видел...

– Я тоже, – кивнул Клэр, сказав истинную правду. К ним уже бежали, пора было уходить.

– Я не знал, что можно так стрелять...

– Мы сами не знаем, что мы можем, – эта сентенция Жана-Флорентина вполне подходила, впрочем, как и любимая присказка Рене, – нужно только забыть слово «невозможно».

– Забыть слово «невозможно», – задумчиво повторил герцог Эстре, – но я должен поблагодарить вас. Ваши выстрелы спасли мне жизнь, но не это главное... Ваши стрелы и та стрела, – он кивнул в сторону Рауля и судорожно сглотнул, – он был бы благодарен, что все кончилось именно так.

«Догадался, – беззлобно подумал Клэр, – ну и хорошо». И еще лучше, что юный герцог не получает радости от этой войны. Эльф взгляделся в измученное молодое лицо. Так вот кого Роман в шутку прозвал своим приемным. Утренний Ветер не был пророком. Вечно юные эльфы, сначала жившие за спинами Светозарных, а затем старательно гнавшие от себя мысли о грядущих несчастьях, не склонны к прорицаниям и предсказательной магии. Клэр не мог знать, какая участь уготована сероглазому горбуну. Жизнь любого разумного существа есть столкновение воли с тем, что кто-то когда-то назвал судьбой, и нет такой высшей силы, которой нельзя было бы бросить вызов. Нет, Клэр Утренний Ветер не читал в будущем, но он был художником и смотрел на мир особым взглядом. Что-то в младшем сыне Шарля Тагэре заставило эльфа склонить перед ним голову.

– Монсигнор, не знаю, оказал ли я услугу вам, но что-то говорит мне, что, спасая вас, я спасал Арцию.

2885 год от В.И.

23-й день месяца Агнца.

Мирия. Гвайларда

Ампаро нашла свою подопечную в саду у фонтана. Дариоло сидела на краю бассейна, подставив руки под прохладную струю, а рядом на траве развалился Рафаэль, глядя в небо и грызя травинку. Это было весьма неприятно. Старуха опасалась старшего сына своей сигноры, Рафаэль рос упрямым и неукротимым, отец сначала ему во всем потакал, а потом, потом стало поздно. Старший сын герцога не боялся никого и ничего, в том числе и гнева

божьего, а Ампаро, хоть и была уверена, что ей уготовано место в царствии небесном, не хотела раньше времени расставаться с грешной землей. Предугадать же, как себя поведет Рафаэль, дуэнья не бралась, однако все сошло благополучно, по крайней мере, для нее.

Выслушав, что Дариоло должна немедленно явиться к матери, юноша лишь коротко кивнул головой:

– Мы сейчас будем.

– Но сигнора хотела видеть только дочь.

– Придется ей увидеть и сына.

Ампаро удалилась, шаркая по чисто выметенной дорожке. Юноша вскочил, по-кошачьи потянулся и подмигнул побледневшей сестре.

– Не бойся, малявка. Я с тобой.

– Там будет Дафна.

– Будет. Куда же без нее, ну да не съест она нас. Кончилось ее время.

– Ты так думаешь?

– Думать тут нечего, тут драться надо, – Рафаэль коснулся ножа на поясе, с которым никогда не расставался.

– Рито... Но ты не... Ты...

– Дарита, я хочу ее убить, и давно, но я понимаю, что можно и что нельзя. Ее нужно поставить на место раз и навсегда. Пусть молится, хоть лоб расшибет, но в наши дела не лезет. Если матери нравится с ней носиться, бога ради, но тебя я ей не отдам. Да ты и сама не хочешь.

– Не хочу, – прошептала девушка, – я ее боюсь...

– Нашла чего бояться. Тухлую камбалу... Идем, и выше хвост!

Брат и сестра не медленно, но и не быстро пошли по узкой тропинке. Даро крепилась, но Рито видел, как ей страшно, и взял сестру за руку. А потом внезапно подпрыгнул, наклонил цветущую ветку и, оторвав гроздь бледно-розовых цветов, умело вплел в густые черные волосы.

– Вот так. Во-первых, тебе идет, а во-вторых, пусть видят, что ты живая и хочешь жить!

Он был прав. Две пары глаз – огромные материнские и маленькие, по выразительности соперничающие с сушеным горохом, – вперились в благоухающую гроздь. Но герцогиня начала разговор с другого:

– Рафаэль, я не звала вас.

– Я знаю, – юноша прямо и спокойно взглянул матери в глаза, – но я не уйду. Мой долг защищать сестру.

– От матери и наставницы?

– Да, насколько мне известно, других врагов у нее нет.

– Вы забываетесь, Рафаэль!

– Нет, просто я называю кошку кошкой, а камбалу камбалой...

Бледное лицо герцогини побелело еще больше, она сжимала и разжимала затянутые в перчатки руки, не находя слов, и в дело вступила Дафна.

– Вы и вправду забылись, молодой сигнор, – голос у нее был густой, низкий. Отнюдь не женский и, с точки зрения Рито, невероятно противный, – немедленно покиньте нас и молитесь Господа, чтобы он отпустил вам ваши грехи.

– Людям я не делал зла, сигнора. В отличие от вас, так что если Господь благ и мудр, он меня не осудит, а если нет, то моли не моли...

Бланкиссима испустила нечто среднее между шипением и рычанием.

– Хватит! Вы слишком долго испытывали мое терпение и терпение святой. Сейчас вы ответите за свою дерзость.

– Да ну? – поднял бровь Рафаэль, но, заметив, что Дафна приподнимается, резко шагнул вбок, прикрывая собой дрожащую Даро.

– Сын мой, – в голосе герцогини послышалось волнение, она явно знала, что произойдет, и, может быть, впервые в жизни обнаружила материнские чувства, – сын мой,

прошу вас уйти. Вашей сестре здесь не может ничего грозить.

– Благодарю, матушка. Но я не уйду. Хотя бы для того, чтобы вы убедились. Дафна, – он невольно поморщился, произнося ненавистное имя, – ничего никому не сделает. Ни мне, ни Даро, ни вам... Она врет, она всегда врала.

Рафаэль был несправедлив. Бланкиссима умела многое, и она решила пустить свое знание в ход, чтобы раз и навсегда проучить дерзкого юнца и закрепить свое положение. Толстые губы шевельнулись, Рито заметил капельки пота, выступившие на висках у матери, почувствовал ужас Даро. Ради нее, ради них обеих он должен выстоять, как бы трудно ни было. Горячие карие глаза молодого маркиза поймали тусклый взгляд Дафны, как никогда похожей на снулую рыбину. Однако ее отсутствующий вид был обманом, Рито почувствовал, как потянуло липким холодом, и его рук, лица, шеи коснулись невидимые нити. Холодные и влажные, они становились все толще, облепляли его, превращаясь в подобие савана.

Рафаэлю стало безумно, отчаянно страшно. Но он был мирильцем, он был сыном герцога, он был байланте, и он защищал сестру. Страх сменился яростью, рука, спеленутая незримыми путами, рванулась к ножу. Видимо, нити были не очень прочными, а рывок для Дафны оказался сущей неожиданностью. Рито даже показалось, что он слышит противный звук рвущейся паутины. Знакомая рукоятка словно бы сама прыгнула ему в ладонь. Не задумываясь, что он делает, юноша с силой рубанул перед собою воздух и с облегчением понял, что атэвская сталь рассекла незримые нити не хуже, чем обычную пряжу. Он еще раз рассек пустоту, на сей раз крест накрест, и понял, что освободился.

Дафна смотрела на него, выпучив глаза, в которых застыло нечто похожее на удивление. Сам не понимая, что делает, Рито шагнул вперед и занес нож, но не ударил. Не успел. Между ним и бланкиссимой бросилась мать. И Рафаэль Кэрна опустил нож.

– Сын мой...

– К несчастью. Не бойтесь, я ее не убью, хотя следовало бы. Но чтоб ноги ее здесь больше не было. Идем, Даро!

2885 год от В.И.

28-й день месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

Известий от Рауля не было, и Агнеса пребывала в весьма раздраженном состоянии, срывая свое настроение на всех, кто попадался ей под руку. Годы изгнания ифранке на пользу не пошли, она стала еще более мужеподобной и злой. Агнеса Саррижская принадлежала к тем натурам, которые ради короткого торжества способны загубить великое дело. Если б не навязанные ей Раулем няньки с мечами и копьями, она наверняка бы взялась за старое, но Король Королей не шутил, а Агнеса, хоть и тряслась от ненависти, была вынуждена считаться с союзником. На то, чтоб уразуметь: без Рауля ей сейчас не обойтись, – ее хватило. Но ре Фло молчал, а щенки Тагэре навязчиво маячили перед глазами. Королева второй день была вынуждена смотреть на синее знамя с серебряными нарциссами, развевавшееся над укрепленным лагерем Филиппа.

Уходя, Рауль строго-настроено велел не ввязываться в сражение до того, как он подаст знак. Их дело – встать лагерем и ждать, пока он зайдет Тагэре с тыла. Если Филипп окажется настолько глуп и самонадеян, что нападет первым, его следует надлежащим образом встретить, но это вряд ли... Сын Шарля не самоубийца, чтобы с тремя, от силы четырьмя тысячами бросаться на несколько раз превосходящую армию. Скорее всего, он будет ждать нападения, возможно, пытаться выманить войска Лумэнов из лагеря и заставить штурмовать свои укрепления, чего нельзя допустить ни в коем случае.

Агнеса, хоть и с неохотой, обещала ждать, тем паче это советовал и ее начитавшийся умных книжек сын, и эскотские и ифранские военачальники, не говоря уж о командовавшем армией Фло Гийоме Ланжере. Брат Рауля недвусмысленно дал понять, что не потерпит неповиновения, хотя бы и от королевы. Рядом с ним Агнеса чувствовала себя неуютно.

Арция вообще навевала на нее тоску, злость и страх. Но ее сын должен стать королем, а значит, до поры до времени придется терпеть грубость Фло, наглость эскотцев и жадность дядюшки Жозефа. Ничего, придет и ее время, высокомерный Рауль и его дерзкий братец свое получают. Но не раньше, чем голова последнего Тагэре украсит Новый мост.

Королева вышла из палатки, милостиво кивнула наемникам и, поднявшись на холм, уставилась на лагерь Тагэре. Локоть был близок, но кусать его было нельзя ни в коем случае, но что же медлит Рауль?! Послышались шаги, и Агнеса обернулась.

– Ваше Величество, – красивый эскотец в плаще, где с зелеными полосами самых разных оттенков соседствовали оранжевая и ядовито-желтая, старательно поклонился, изображая арцийскую галантность, – пришел какой-то крестьянин, который утверждает, что к лагерю Тагэре можно пройти через болото, и он готов показать дорогу.

– Любопытно, – оживилась королева, – приведите его сюда.

Если это так, то все меняется. Теперь ей никакой Рауль не указ. Опоздает – ему же хуже! Она победит без него, это научит наглеца вежливости. Но она не так глупа, чтобы очертя голову лезть в болото, сначала эскотцы проверят дорогу. Если крестьянин не врет, завтра вечером в Арции останется только один король. Ее слабоумный муж.

...Крестьянин – еще молодой белобрысый и белобровый детина угрюмого вида – с молчаливым неодобрением воззрился на женщину в красном. На колени вставать не стал и вообще вел себя то ли нагло, то ли просто тупо.

– Как тебя зовут?

– Туссен.

– Ты знаешь дорогу через болото? – требовательно спросил подоспевший Ланжере.

– Знаем, – подтвердил белобрысый неожиданно писклявым голосом.

– Кони там пройдут?

– Пройдут. А вот телеги не...

– Ты проведешь наших людей?

– Заплатите – проведем.

– Твой долг служить Ее Величеству, – вмешался какой-то ифранский рыцарь.

– Не, – замотал головой болотный житель, – мы отродясь никому не должамши. Папане, тому да... Тот денежку ссудить может... А мы чтоб брать у кого, то ни-ни...

– У тебя есть деньги, чадо, – подал голос молчавший до этого клирик-никодимианец, – а сказано, что грешно иметь больше денег, чем нужно для прожития, и что каждый лишний аур на Последнем мосту камнем виснет на шее.

– Дык то на Последнем мосту, – буркнул крестьянин, – а в наших краях деньги никому не помешали. Хотите идтить – сведу, не хочется – как хочется, а даром не выйдет, господа хорошие...

– Сколько он хочет? – брезгливо сморщилась королева.

– Дык... – детина шумно вздохнул, – десять ауров. Никак не меньше! – Он подумал и, оглядев еще раз королеву, добавил: – Не, двенадцать. За меньше не поведу. И чтоб сразу дали.

– Заплатите, – решила Агнеса, – но если обманет, повесить.

– Дык, чего обманывать, – обиделся белобрысый, – мы люди честные. Что сказали, то и сделали. Токмо денежки-то вперед.

2885 год от В.И.

28-й день месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

Радости не было, да и какая тут могла быть радость. Кварту назад, бросаясь с тысячей против двенадцати, Сандер Тагэре был готов умереть, хотя по молодости лет и не совсем представлял, что это такое. О победе он не думал, а она пришла, и лицо ее оказалось страшным. Брат, тот был откровенно счастлив и озабочен лишь будущим сражением, в котором им противостоял куда более многочисленный враг, хоть и лишившийся лучшего

полководца. Александр тоже думал о бое с Агнесой, это хоть как-то отвлекало от навязчивого воспоминания: трупы посреди разгромленного лагеря и довольное лицо Филиппа, рассматривающего мертвых врагов. Рогге и Жоффруа были не просто прощены, но и обласканы. Конечно, не так, как Арно Шада и он сам со своими «волчатами». Брат не отпускал его от себя, поминутно напоминая всем и каждому, что сделал герцог Эстре и его рыцари, а Сандер, Сандер видел перед собой Дени и Рауля, в горле которого торчала милосердная стрела... Иногда он задавался вопросом, кто же был тот лучник, что избавил мятежного графа от плена, а его самого спас от верной смерти. Не слишком ли много на его голову странных встреч и разговоров?

Что-то подсказывало, что и красавец Роман, и седой Аларик, и нынешний стрелок каким-то образом связаны между собой, но, от природы не суеверный, Сандер был глубоко чужд мистических откровений и пророчеств. Всякий раз, как следует подумав, юноша в конце концов объяснял все совпадениями и случайностями. Да и что было удивительного в том, что воин, из милосердия добивший поверженного, спас от выстрела в спину брата своего сюзерена? Жаль, этот человек исчез, хотя можно понять и это. Сандеру самому было безумно тяжело находиться рядом с Жоффруа.

Поняв, что старое поминать никто не собирается, Ларрэн успокоился и распустил хвост. Сандеру было неловко за брата, который во всеуслышанье поливал помоями Рауля и всех ре Фло, словно бы не он прожил в этом доме шесть лет и женился на Изабелле. Шаде и оставшимся на ногах «волчатам» тоже было противно, Филипп был слишком занят, зато Вильо и Гастон Койла с удовольствием перемывали врагам кости, выигрывая за кувшином вина битву за битвой. Вот и теперь Жоффруа пытался изобразить в лицах свадьбу Филиппа Лумэна и Жаклин ре Фло. Поскольку остановить родственничков не было никакой возможности (Филипп раз и навсегда велел им хотя бы на людях сохранять видимость хороших отношений), Сандер предпочел ретироваться, сославшись на необходимость еще раз объехать позиции, и их и вправду нужно было проверить.

2885 год от В.И.

28-й день месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

Туссен не соврал. Тропа через болото существовала и была вполне сносной. Если бы не комары, озверевшие от дармового угощения, дорога была бы даже приятной, но летучие кровопийцы превратили ее в ад крошечный. Белокрысы крестьянин шагнул как ни в чем не бывало, то ли комарье им брезговало, то ли знал какое средство, но эскотские стрелки и рыцари, ведущие в поводу груженных доспехами лошадей, страдали безмерно. Но все имеет свой конец, даже болото. Дорога пошла в гору, под ногами перестало хлюпать, и искусанный отряд выбрался на сухое место.

– Вон ту кривую видите, – указал корявым пальцем Туссен на уродливое засохшее дерево, – дык вам туда. Оно, почитай, на самой опушке, а те, с кем вы бодаетесь, на горюшке окопались. Я свое дело справил, а до ваших дел мне что жабе до меда. Так что прощайте.

– Погоди, любезный, – покачал головой начальник эскотцев. – Адольф, Симон, а ну проверьте-ка, куда он нас привел. А ты пока посиди тут.

– Во собаки недоверчивые, – буркнул Туссен, присаживаясь под деревом, – сказал же, что доведу, стал быть и привел. У нас все честно.

И у него действительно было честно. Белокрысы вывел лумэновцев на левый фланг армии Филиппа Тагэре.

2885 год от В.И.

Поздний вечер 28-го дня месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

Мальвани и Александр еще раз обошли своих людей. После двух стремительных переходов и боя те выглядели вполне сносно. Даже шутили, как шутят воины, исправно

выполнившие свой долг и заслуженно победившие. Они разбили Короля Королей. Это до сих пор не укладывалось в голове. Так же как и нелепая и отвратительная смерть Рауля. Сам Александр на сей счет шутить не хотел и не мог. Сезар то ли чувствовал настроение друга, то ли сам испытывал нечто подобное, но тоже хмуро молчал. Завтра или послезавтра будет еще один бой. На сей раз с Агнесой и ее наемниками. Тут будет проще. Это враги, и всегда будут врагами, тут можно не вглядываться в лица, с ужасом ожидая, что скрестишь меч с другом! Победив Рауля, они просто не вправе проиграть ифранке. Но нужно ждать. Выиграет тот, кто вынудит противника броситься вперед. Их позиция лучше, но и позиция Агнесы очень даже неплоха, в лоб не взять.

Александр, вздохнув, присел под деревом недалеко от линии внешних караулов. Мальвани грациозным движением опустился рядом.

– Сезар, это был Дени!

– Не думай об этом.

– Я пытался, но не могу. Он меня узнал, а я его нет! Он спас меня, а я его нет...

– Сандер, что тут скажешь.

– Ничего, – печально согласился Александр, – сейчас уже ничего... Проклятый, ну почему?! Сезар?

– Да.

– Сезар, ну хоть ты скажи! Откуда в нашей семье такой вот Жоффруа? Ведь его никто не учил подлостям ни в Эльте, ни во Фло. Он до всего дошел своим умом!

– О паршивой овце ты, надо полагать, и без меня знаешь? А если всерьез, – безупречное лицо виконта стало жестким, – разве только он дошел своим умом Проклятый знает до чего? Ты спрашиваешь про Жоффруа? Он всегда был, есть и будет тряпкой, почему он такой, понятия не имею. Спроси Корнелиуса при случае, может, ответит. Не в Жоффруа дело. Ты о других задумайся!

– О других? – Александр наморщил лоб. – О чем ты?

– А вот о чем. Что толкнуло Рауля к убийцам своих родичей? Обида? Но какая обида может перевесить кровь отца, деда, друга?! Что заставило Филиппа нарушить свои обязательства? Любовь? Но разве король-Тагэре может ставить любовь к женщине выше любви к Арции, а нынешняя война, предательство Рауля и, в конце концов, его смерть (назовем кошку кошкой) – плата за глупости, чтобы не сказать подлости твоего брата. И не смотри на меня так. Нам завтра друг другу спину прикрывать! Я пойду за тобой в бой, но я не хочу врать. Дай-то Бог, чтоб мы победили и чтобы после победы Филипп отличил друзей от новых Фарбье, хотя что-то не похоже. Отец не от хорошей жизни уехал к Марку, кстати говоря...

– Сезар!

– погоди. Я еще не все сказал. Отчего твоя мать затворилась в Эльте? Почему Анастасия из друга Тагэре превратилась во врага, причем страшного? Люди, которых мы знаем не один год, умные, добрые, честные, творят такое, что уму непостижимо. Вот о чем надо думать... Я далек от того, чтобы повторять сказочки об Антиподе, сбивающем людей с пути истинного, но ведь творится Проклятый знает что! Прости...

– Да что ты, какое «прости»... Мне просто в голову не приходило обо всем сразу подумать.

– погоди! Кто-то идет!

В их сторону, не скрываясь, двигалась какая-то нескладная, но прыткая фигура. Сезар с Александром какое-то время молча за ней следили. Похоже, вечерний гость был один. Мальвани кивнул Александру и, нырнув в сумерки, вынырнул за спиной прищельца, приставив к его шее охотничий кинжал. Тот вздрогнул от неожиданности и поднял руки. Александр, еще раз прислушавшись, подошел к ним.

Добычей Сезара оказался коренастый молодой парень с маленьким носом и огромной выдающейся вперед челюстью, отчего в профиль его физиономия напоминала ущербный месяц.

– Сандер, – Мальвани кивнул на малоносого, – наш гость знает много интересного и обещает еще больше, но не даром.

– Десять аувов, – сообщил молодчик, – нет, фетывнадцать!

– За что хоть?

– За дево, – объяснил парень, – в бовоте есть твопинка, и по ней только фто кое-кто пвофол.

– Кто прошел?

– Фетывнадцать аувов, – насупился «месяц».

– Разоримся? – подмигнул Сезар Александру, тот улыбнулся и снял с пояса кошелек. Гость принял монеты по одной, попробовал на зуб, удовлетворенно ухмыльнулся, ссыпал десять монеток в висящий у пояса кисет, а четыре всунул в выдавшие виды сапоги.

– Все фестно, – объявил он, – так вот – только фто с той стовоны сюда пгифли совдаты с лофадьми. Много. Они стали за певевеском.

– Где?

– Тама, – указал пальцем любитель аувов.

Норгэрель

Стайка красногрудых птиц вспорхнула с припорошенной снегом березы, подняв легкое сверкающее облачко, и Норгэрель счастливо рассмеялся. Его радовало все: и пушистые еловые лапы, и песни пришедших к ним с миром белых волков, и белые облака в синем небе. Странная болезнь ушла, оставив лишь память о пережитом кошмаре и слабость, постепенно отступавшую перед заклинаниями Рамиэрля и магией мира Зимы. Он был здоров, хоть пока еще не рисковал далеко отходить от давшего им приют дома, словно бы ждавшего тех, кто наконец в него войдет, разожжет огонь, откроет ставни, достанет из погреба бочонок с обжигающим темным напитком и копченые оленьи окорока.

Нэо и Норгэрель так и не поняли, был ли странный дом в лесу прихотью самого Ангеса, создавшего этот уголок снега и свободы для себя, истосковавшегося среди парков и дворцов Светозарного. Не знали они и сколько времени миновало во внешнем мире, о котором по молчаливому уговору старались вспоминать пореже. Здесь минуло две кварталы, наполненные снежным сверканием, синими сумерками, запахом хвои, треском огня в очаге. Мир Зимы прекрасен, но они не могут остаться здесь навсегда. Когда он окончательно убедится, что здоров, нужно будет что-то придумать. Рене говорил про двери в иные миры, они должны попробовать их отыскать.

Солнце скрылось за горами, окрасив их теми же красками, что и грудки птиц, тени под деревьями стали чернее, Норгэрель прошел в дом и разжег огонь в очаге. Скоро вернется Рамиэрль, и начнется еще один вечер, похожий на вереницу предыдущих.

Еловые поленья занялись сразу, золотые огни весело и задорно плясали, дразня вылезавшую из углов ленивую, ласковую тьму. Норгэрель так и остался сидеть на полу, обхватив колени руками, наслаждаясь теплом и покоем. Ничто не нарушало тишины, кроме треска огня. Грязь, кровь, соблазны – все осталось во внешнем мире... Он всегда любил здесь бывать. Ангес не был его господином, скорее, они были друзьями. Да, Воин был могуч, даже Арцей и тот не мог быть уверен в победе над братом... Арцей.... А ведь глава Светозарных был глуп, глуп не умом, а сердцем. Он предал Тарру, которую, впрочем, никогда особенно не любил. Но в ней он стал первым, а это для повелителя молний было главным...

Если б Ангес взбунтовался, желая занять Престол Сил, Арцей бы понял, он давно подозревал Воина в этом желании. В самом деле, тот был слишком силен, чтобы быть всего лишь одним из Семи. Каждый, по мнению старшего, мечтал стать первым, если не единственным. Желал ли Ангес власти? Он мог бы поклясться, что нет... Он хотел быть свободным, хотел покинуть Тарру и пройти тайными и заповедными дорогами в ту часть миров, что еще не знает силы Света. Ангес мечтал уйти и ушел бы, если б не Дева, находящая удовольствие в игре с братьями и сестрами и в своих тайнах. Любовь удерживала Ангеса, но с ним, своим другом, Воин был откровенен. Он рассказывал о радужных тропах, о

мостах над морями kloкочущего безумия, о мирах, окруженных багровым пламенем, мирах, в которых идут великие войны, где Сила ломает Силу, а Воля сковывает Волю. До того, как Престол Света отдал им Тарру, Ангес успел увидеть достаточно, чтобы понять: настоящая жизнь – это дорога без конца и бой за безнадежное дело.

Можно выйти одному против бесчисленных ратей. Если ты не боишься, если веришь в себя и нет ничего дороже того, что защищаешь, ты можешь победить. Можешь и погибнуть, но отчаянье всегда бывает преждевременным... Однажды Воин чуть было не пришел на помощь кому-то, окруженному в своей твердыне. Сколь слаб был огонь, зажженный обреченным, в сравнении с окружившим его пожаром, но он держался. Лишь зов Адены заставил Ангеса оглянуться и промедлить. А потом... Потом он стоял на пепелище, в первый раз поняв ужас слова «поздно». Он ушел, унося с собой уголек угасшего костра. Как память о том, кому не успел подставить плечо. Кем тот был? За что и с кем сражался? Наверное, можно было узнать, но не имело смысла, хотя темная бесконечность унесенного им камня твердила, что это был враг. Если не самому Ангесу, то Престолу Сил. Но и перед врагом можно склонить голову, а союзников можно презирать.

Как же бог-Воин презирал напыщенного Виллейра, захлебывающегося в собственной непогрешимости Иррота с его ханжеской сворой, свято уверенного в собственной значимости Эллуона... В сравнении с ними Арцей казался чуть ли не истинным повелителем, и все равно сердце его не знало полета, а разум доверия... Ангес пошел за ним лишь ради Адены и потому, что им обещали неравный бой. И бой был неравным, но не таким, как думалось ему. Как же сражались их противники! Если бы он смог тогда остановиться и подумать, но, увы... Бой пьянит, как вино. Они победили, но для чести такая победа сто крат хуже поражения. Ангес не хотел вызывать Могильщика, не хотел, но промолчал. Но промолчать, когда Арцей велел уходить, не смог. Он оставил Тарре свой залог, свою тень и его, своего друга... Друга, который любил этот мир, друга, который не способен на предательство...

– Звездный Лебедь! Что с тобой?!

Норгэрель, словно проснувшись, поднял глаза на Нэо, трясшего его за плечи.

– Со мной? Ничего... задумался... А может, задремал.

– У тебя было такое лицо, словно ты вот-вот в огонь кинешься...

– Ничего не понимаю... Все в порядке. Добыл что-нибудь?

– Да, косую...

2885 год от В.И.

Ночь с 28-го на 29-й день месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

Отряд Александра Тагэре, стараясь не шуметь, пробирался указанной шепелявым малым тропой. Узнав о том, что им в спину вот-вот ударят эскотские наемники, Сандер спехом поднял своих людей, совсем было наладившихся спать. К Филиппу отправили Ювера, благо тот был ранен у каньона в руку и не мог принять участие в ночной драке, а «волчата», эльтские стрелки, «охотники» Сезара и признавшие за Александром право приказывать дарнийцы бросились наперерез врагу. Сандер понимал, что если тревога ложная, а «месяц» просто решил подзаработать, его поднимут на смех, но это было куда менее страшным, чем удар в спину.

Шли скрытно и тихо. Конечно, водившиеся в здешних местах в изобилии лисы и зайцы их учуяли, но люди беспечнее зверья. Во всяком случае, Александр надеялся подойти к врагам достаточно близко. Тропинка круто свернула, на фоне звездного неба показалось огромное всклокоченное дерево. Сандер привстал на цыпочки и поднял руку, ощупывая шершавый влажный ствол. Дупло! Так и есть, это та самая ива, от которой начинается тропа через болото.

– Никола!

– Тут, – шепотом отозвался Герар-младший.

- Останешься здесь со своими, вдруг кто еще заявится.
- Вряд ли. Темно, мокро, если полезут, так с рассветом...
- Все равно надо проследить.
- Проследим, вечно мне везет, как повешенному.
- Не ворчи.

Отучить Никола ворчать было не легче, чем Этьена заниматься стихоплетством, а Луи вредничать. Герар что-то буркнул в ответ, но Сандер уже не слышал. Они отрезали лумэновцев (если те и вправду пришли) от тропинки через болота и от возможных подкреплений. Впереди был бой. В темноте, в незнакомом месте. Другое дело, что враги еще большие чужаки в здешних краях, чем они. Сандер сам не знал, чего хочет больше, схватки или того, чтобы шепелявый их обманул. Хотя нет, схватка предпочтительнее. Провал наверняка взбесит Агнесу, и она полезет вперед. Только бы Филипп успел подготовиться к утреннему штурму. Успеет, куда денется, время у него есть.

До места, куда вышли эскотцы, если они, разумеется, вышли, оставалось всего ничего. Люди Александра крались, как кошки. Возшла луна, ее свет пробился сквозь тронутые первой зеленью ветви, выхватил прошлогодние сухие папоротники, огромный обомшелый пенёк, блестящую, влажную землю, испещренную следами... Тут и вправду прошел большой отряд, «месяц» не солгал.

С этого мгновенья Александр думал только о битве. Они опять в меньшинстве, хоть и не в таком страшном, как у Мелового. Двое против троих – не так уж и плохо. Главное – застичь лумэновцев врасплох. Те наверняка ждут, чтобы хоть немного рассвело. Хорошо бы они решили передохнуть перед трудами праведными. Так и оказалось. Расположившиеся на большой поляне эскотцы, как могли, коротали время. Кто-то дремал, кто-то негромко переговаривался с соседом, несколько человек даже умудрились начать игру в кости. Они были совершенно спокойны и уверены в себе и не ожидали никакого подвоха. Полубоившись этой мирной картиной, Сандер махнул рукой, и его люди начали окружать поляну. Хрустнула ветка, Александр напрягся, но лумэновцы и ухом не повели. Окажись здесь не эскотские наемники, а арцийцы, возможно, герцог Эстре и послал бы им вызов, но полосатики⁶⁷, продавшие свою кровь ненавидящей Арцию чужеземке, не заслуживали подобного отношения.

С двух сторон подошли Сезар Мальвани и господин Штефан Игельберг, после совещания в королевской палатке с готовностью следовавший за Александром.

- Готовы?
- Да.
- Вперед!

2885 год от В.И.

Ночь с 28-го на 29-й день месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

Выползший из болота зябкий туман укутывал низину, из белесой пелены, словно остров из моря, поднимался Тар-Игонский холм. Было зябко и неуютно. Воины, ругаясь кто про себя, а кто и вслух, надевали доспехи, готовясь к штурму вражеского лагеря. Перекусили всухомятку, не разводя костров, чтобы не привлечь ненужного внимания. Эскотцы должны ударить перед рассветом, когда Тагэре еще спят. Как только начнется заваруха, вперед пойдет тяжелая ифранская пехота и стрелки ре Фло, а конница сохранивших верность Лумэнам баронов проскочит между холмом и северным лесом и соединится с эскотцами. План казался столь беспроегрышным, что на него согласился даже Гийом, рискнувший по такому случаю послушаться брата. Будет забавно, если Рауль подошел этой же ночью и встретился с эскотцами, хотя Агнесе этого и не хотелось. Ифранка желала победить своего

⁶⁷ Презрительная кличка эскотцев, носящих полосатые плащи, которые заменяли им сигны.

врага без помощи Короля Королей и, по своему обыкновению, пыталась умаслить судьбу, дав зарок, что, если Рауль сегодня не появится, она заплатит каждому уцелевшему эскотцу дополнительно пятьдесят аргов.

Небо из черного становилось темно-синим, а на горизонте проступила изумрудная полоса. Агнеса расправила складки тяжелого плаща и недовольно взглянула на зевающего сына. Будущий король должен и вести себя соответствующе! К сожалению, Филипп не отличался величием, это понимала даже мать. Принц Гаэльзский честно надел дорогие доспехи, но это не превратило его в воина, как не превращает самое лучшее седло элльской работы мула в боевого коня. Агнеса поежилась, нет, все же в Арции удивительно неприятная, холодная весна, в Сарриже уже цветут сливы, а здесь даже трава и та как следует не пробилась. И где, интересно, эти бездельники?! Скоро совсем рассветет, а Тагэре встают рано. Нет, пожалуй, она не даст этим олухам дополнительной награды. Хватит с них того, что им уже заплатили!

Звезды меркли, еще больше сгустившийся туман глушил звуки, и женщина вздрогнула от неожиданности, когда рядом с ней возникла высокая фигура в доспехах. Гийом напоминал и своего брата, и своего отца, одного этого хватало, чтобы вызвать в Ее Величестве глухое раздражение, а он еще вечно лез со своими советами. Королева раздраженно ответила на изысканное приветствие, в котором ей послышалась издевка, и отвернулась, потеряв возможность наблюдать за противником. Молчание грозило затянуться, наконец ре Фло пробормотал:

– Похоже, началось...

2885 год от В.И.

Ночь с 28-го на 29-й день месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

Агнеса заглотила наживку! Поднятый эльтскими стрелками тарарам с успехом сошел за неожиданное нападение. Теперь, если б все шло так, как задумала Дыня, полусонные и полуголые арцийцы должны были бестолково метаться по лагерю, не понимая, кто и откуда на них нападает. Прекрасный момент для лобовой атаки, тем паче перешедшие болото лумэновцы первым делом должны были снять часовых и, прорвавшись на валы, помешать обстреливать бросившуюся на прорыв ифранскую кавалерию. Несколько захваченных живьем эскотских вояк оказались весьма разговорчивыми и с готовностью выложили замыслы Дыни и ее военачальников. Именно в это мгновение Филипп и понял, что он выиграет и сражение, и войну. Сандер опять спас всех, хотя на этот раз все оказалось чистой случайностью. Принесший новость о пробравшемся через топи враге парень мог выйти и к другому месту, хотя... Хотя Александр настоял на том, чтобы разместить своих людей рядом с топями, усомнившись в их непроходимости, так что он в любом случае оказался бы между Филиппом и поражением. К счастью, удача решила повернуться к ним лицом, и они поймали волка за хвост!

Его Величество с нетерпением ждал, когда из начинающего редеть тумана появятся ифранцы и арцийцы. Пехота поперет в лоб, а конные поскачут в обход на соединение с эскотцами. Ну и пусть соединятся! На том свете. Сандер покажет дорогу, да и летящие с холма бревна помогут...

Сердце короля затопила жажда битвы, все было просто и понятно. Впереди враги и победа, сзади верные войска, все раздумья и сомненья позади! Филипп засмеялся, предвкушая удивление и ярость врагов, когда те поймут, что не они поймали, а их.

Нападающие были совсем близко. Они лезли на крутой холм, ничего не опасаясь. Еще бы! Ведь обитатели лагеря заняты отражением атаки с тыла!

2885 год от В.И.

Утро 29-го дня месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

Все пошло не так. Эскотцы или предали, или были разбиты, а Тагэре встретили нападение во всеоружии. Первая атака на лагерь была отражена, а конница сначала угодила под двойной обстрел из леса и с холма, а потом на нее сверху спустили бревна, вслед за которыми на очумевших от неожиданности всадников, занятых перепуганными лошадьми, набросилась тяжелая кавалерия. Судя по всему, по трем тысячам всадников придется служить панихиду, но неудачное начало битвы отнюдь не означает неудачного конца. Гийом де Фло слишком боялся брата, чтобы позволить себе проиграть. Он понимал, что от гнева Рауля его спасет только победа. Значит, нужно победить. С походом в тыл врага не получилось, равно как и с неожиданной атакой, но их по-прежнему больше в несколько раз. Сейчас тяжелая конница Филиппа добивает на опушке несчастных Агнесиных рыцарей, там же в лесу и половина, если не больше, вражеских лучников и арбалетчиков. Вот и прекрасно. Пусть развлекаются, а мы тем временем возьмем их лагерь, разрезав армию Тагэре на две части. Потом оказавшихся внизу можно загнать в болото, а оставшихся на холме истребить.

Гийом высказал свои соображения эскотцам и ифранцам, и те с умным видом закивали пустыми головами. Что до визжащей Агнесы, то ее мнением никто не интересовался. Она втравивала их в заваруху с засадой, заставляла нарушить приказ Рауля, пускай теперь заткнется! Гийом велел ифранцам нанести отвлекающий удар справа, втянув засевших на холме в лобовое столкновение. Пусть Филипп думает, что главный удар нацелен на него, и радуется тому, как ловко он отбивается. Надо полагать, к месту якобы прорыва бросятся и те, кто стоит на холме со стороны болота, там-то уж точно все в порядке. Ну а потом останется ударить основными силами между холмом и лесом, и братцы Тагэре никогда больше не встретятся!

2885 год от В.И.

Утро 29-го дня месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

– Монсигнор Эстре!

Сандер не сразу понял, что обращаются к нему, равно как и то, что потерявший шлем всадник с мокрыми, свалывшимися волосами и чумазым лицом – Жорес Вилльо. Проклятый! Только «пуделей» ему здесь не хватало для полного счастья!

Герцог Эстре хмуро осведомился:

– Что случилось?

– Нужна помощь! Срочно! Они почти взяли лагерь, Его Величество в опасности! Спешите...

– Мы вообще-то не имеем обыкновения опаздывать, – заметил Малве, не дожидаясь ответа Александра. Вилльо промолчал, продолжая глядеть дикими глазами на «волчат». Сандер понял, что дело и вправду плохо, но его лицо осталось спокойным.

– Мы свой долг знаем.

– Когда вас ждать?

– Жабий хвост! Своевременно или несколько позже, – хмыкнул Луи.

– Мы придем, как только сможем, – кивнул Сандер, оглядывая своих людей, – сколько их на вас насело?

– Проклятый, – взвизгнул Жорес, – да все! Они бросили на нас всех, кто у них был! Их в три раза больше, чем нас.

– У Мелового прохода их было больше в шесть раз, – успокоил «пуделя» Одуэн Гартаж, обходившийся по случаю раны без щита, но здоровой рукой сжимавший меч, – настоятельно рекомендую вам вернуться к Его Величеству и защищать его персону до нашего прихода.

Жорес что-то пробормотал, разрываясь между старой враждой и осознанием того, что эти насмешники – его единственная надежда, но Александра не волновали страдания брата королевы. Нужно было немедленно что-то решать. Приказ короля, переданный через это ничтожество, был четким и ясным: мчаться на выручку! То есть прорубаться через

многократно превосходящего противника, да еще поднимаясь в гору. Он положит половину своих и все равно опоздает. Да и достанет ли им сил выстоять, даже объединившись? Если Дыня и вправду бросила в бой все, что имела, перевес на ее стороне, и немалый. Бросила все... Все?! Глаза Эстре неистово блеснули.

– Лучников сюда! И эльских стрелков! Где капитан дарнийцев?

– Сандер, – Одуэн Гартаж не мог скрыть своего удивления, – мы не можем тащить на хвосте пехоту, не успеем.

– Кто тебе сказал, что пехоту? Сядут за нами, как делал Рауль.

– В гору?

– Зачем в гору?

– Не понимаю.

– А тут и понимать нечего. Каждый сажает сзади себя пехотинца. Лучников, арбалетчиков и дарнийцев.

– Монсигнор, опять этот собачий сын!

– Да, виконт?

– Монсигнор, что вы делаете?.. Его Величество...

– Я делаю то, что я делаю. Извольте мне не мешать. Вы передали мне приказ и свободны. Можете отправляться с нами, можете подождать здесь, в холодке, чем дело кончится.

– Я поеду с вами...

– Тогда молчите и делайте, что велено. И не забудьте взять с собой пехотинца...

Александр видел, что никто не понимает, что он затеял, но за последнюю квартиру люди привыкли идти за ним, не спрашивая. Подъехал господин Игельберг, за спиной которого расположился дюжий арбалетчик.

– Монсигнор. Мои люди имеют честь быть готовыми.

– А готовы, так вперед. За мной, – Сандер послал коня в легкий галоп. Две тысячи всадников последовали его примеру. Он услышал вопль Вилльо: «Измена!», правда, быстро оборвавшийся, но мнение родственничка его не интересовало. Младший из Тагэре знал, что прав и что спасти брата и выиграть сражение можно лишь одним способом.

Конница, увлекаемая всадниками с «волчьими» сигналами, пошла кромкой леса. Дорога вела под уклон, и лошади сносно справлялись с двойной ношей. Бой остался сзади и справа, впереди маячил опустевший лагерь лумэновцев.

– Ну ты и волчара! – Конь Сезара поравнялся с иноходцем Сандера. Малве первым понял, в чем дело, и был в восторге. – Где ссаживаем дарнийцев?

– У кривого дерева.

– Годится. Они знают?

– Догадаются, не маленькие.

Господин Игельберг и впрямь догадался.

– Я иметь великая честь видеть молодость великий стратег, – заметил капитан наемников со своей всегдашней обстоятельностью, словно был не в бою, а в таверне за кружкой пива, – вы хотите, чтоб мы делать в лагерь большой дым и шум?

– Именно, – кивнул Александр, – лагерь почти пуст. Я оставлю с вами арбалетчиков.

– Я буду иметь в них необходимость. Я исполнять приказ молодой монсигнор.

– Спасибо, Игельберг.

В дарнийцах Сандер не сомневался, за свою службу они просили много, но того стоили. Лагерь Игельберг возьмет. А теперь вперед, на помощь брату, но отнюдь не с той стороны, где их ждут ифранские рыцари!

2885 год от В.И.

Утро 29-го дня месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

Король уже не получал удовольствия от битвы и не был уверен в ее исходе. Лумэновцы

вконец осатанели и перли вперед, не считаясь с потерями. И тем, и другим было ясно, что выиграть эту битву – значит выиграть войну. Орудя секирой у пролома в частоколе, Филипп не мог видеть, что творится сбоку и сзади, а адский лязг глушил все прочие звуки. Когда же появится Сандер? И появится ли вообще? Прорубиться сквозь такую орду – дело непростое, да и добрался ли до него Жорес? Должен, если только не удрал. Он выехал задолго до того, как их приперли к стенке. Нет, Сандер появится, на него можно положиться. Просто, когда ждешь, время останавливается... У Беток было так же. У Беток! Лучше не вспоминать об этом!

Король Арции Филипп Четвертый Тагэре предоставил орудовать копьями своим солдатам, а сам встал впереди всех с двуручной секирой. Рядом бился Гастон Койла, а спину прикрывал отец Одуэна. Король трудился, как хороший дровосек, если бы не он, лумэновцы наверняка бы прорвали оборону еще и здесь, но Его Величество стоял как скала. Пот заливал глаза, легким не хватало воздуха. Воспользовавшись краткой передышкой, Филипп поднял забрало и попытался оглядеться, жадно хватая ртом утренний ветер. Сандера все еще не было, настолько, насколько хватало глаз, толпились ублюдки в красном, а дальше зеленел лес. Проклятый, куда же задевался этот мальчишка?!

Отдых не затянулся, лумэновцы полезли с новыми силами. Какой-то хитрый эскотец, поднимаясь вверх, съезжился, намереваясь в последний миг распрямиться и ударить копьем. Филипп рывком опустил забрало и успел как раз вовремя. Эскотец обломал копье о стальной подбородник и в тот же миг получил секирой по голове. Его место занял другой полосатик с шипастым шаром на цепи, ему тоже не повезло, голову он, правда, сохранил, но остался без руки, а страшное оружие полетело вниз, оглушив какого-то невезучего ифранца. Следующие вояки были с мечами, Филипп отступил на шаг, чтоб удобнее замахнуться, и внезапно услышал дикий крик, полный ярости и страха. Отбившись от какого-то наглого коротышки, король оглянулся и не поверил своим глазам.

Лагерь Агнесы горел. Черные столбы тянулись к нежному весеннему небу, а над высоким одиноким деревом развевалось... знамя Тагэре. Но и этого было мало. В спину лезущим на холм лумэновцам ударили луки и арбалеты! Те заметались, не зная, бросаться ли им назад или же продолжать наступление, и тут откуда-то сбоку выскочили конники в синих туниках. Александр опять сотворил невозможное!

2885 год от В.И.

Утро 29-го дня месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

Это была хорошая война и хорошая битва. Господин Игельберг был доволен. Он не зря послушал совета своего кузена Отто Свонберга, посоветовавшего ему принять предложение молодых арцийцев. Отто утверждал, что судьба на их стороне, и оказался прав. Большой ценитель военного искусства, искренне любивший свое ремесло, Игельберг получал истинное удовольствие, сражаясь под началом горбатого герцога. Он видел многих полководцев. Кроме нынешнего маршала Оргонды, равного монсигнору Тагэре не было, а ведь тому нет и двадцати трех! Каким же воином он будет к сорока! Для себя наемник решил, что, если представится возможность, он останется в Арции с младшим братом короля. Молодой человек умеет побеждать и держит свое слово, а что еще нужно воину?

Из захваченного лагеря дарнийский капитан видел переполох, охвативший воинство Агнесы. Воистину, нет ничего хуже, когда женщина, вместо того чтобы рожать детей, ходить в иглций и вести дом, берется за мужские дела. Даже если у нее растут усы, воевать она не научится! Штефан Игельберг попытался понять, где сейчас Агнеса и ее сын, которые могли бы стать очень хорошей добычей. Конечно, он захватил лагерь и достаточное количество пленных, но королева и принц Гаэльзский стоят очень дорого. Если догадаться, где они, и сделать вылазку, он опередит всех. И в первую очередь второго брата короля, который никогда не научится воевать. Он умеет много пить, это да, но вино – хорошая шлюха, но плохая жена. Монсигнор Ларрэн этого не понимает и не поймет. Он плохой щенок в

хорошем помете, но герцога не утопишь, как негодную собаку. Дарниец покачал головой – этот пьяный брат короля принесет в семью много неприятностей, хотя его, Игельберга, это не должно волновать. Его должно волновать другое.

Тот, кто командовал левым флангом Агнесы, оказался настолько глуп, что решил отступить и влетел в мешок. Его Величеству остается лишь завязать веревку, и глупцы у него в руках. А веревкой этой станет он, капитан Игельберг. Нет, воистину сегодня удачный день. Когда он получит свое вознаграждение, он пожертвует не меньше пяти ауров на спасение своей души, купит Отто бочонок лучшего атэвского вина и выпишет к себе своего племянника Хайнца. Он обещал сестре воспитать из него хорошего солдата, а обещанное нужно исполнять.

2885 год от В.И.

Утро 29-го дня месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

Жоффруа тоже на что-то сгодился. По крайней мере, помог замкнуть кольцо, в котором оказался левый фланг армии Агнесы, зажатый между Филиппом, дарнийцами и конницей Сандера. Лумэновцы метались, как крысы в ловушке, но вырваться не могли.

Люди Сандера без труда сдерживали их бестолковый натиск, пока не подошло подкрепление, которому Александр со спокойной совестью передал притихших врагов, не сомневаясь, что не пройдет и нескольких десятинок, как те сдадутся. Им же тут делать больше нечего, и, в конце концов, нужно показаться на глаза брату и выяснить, что же будет дальше.

«Волчата» не спеша ехали вдоль леса в сторону лагеря и у самого холма налетели на Гастона. Койла прищпорил коня.

– Александр, нет слов! По крайней мере, у меня. Думаю, у Его Величества они найдутся. Про вас надо пиесы сочинять!

– Вряд ли, – отозвался Александр хриплым шепотом: в горячке боя он и не заметил, как сорвал голос, – статью не вышел. С нашей стороны они не вырвутся, а справа?

– Справа? Ну, кто выскочил, тот уже выскочил. Да их там всего ничего, тысячи две от силы.

– Две тысячи?

– Вроде того. Левый фланг дернул назад, а вот правый, поскольку враг был сзади, а спереди никого из наших не оказалось, взял да и дунул вперед. Видел бы ты, как они чесанули! Орлы! Соколы! Летели, только пятки сверкали... Похоже, до Шады не остановятся.

– До Шады, говоришь?

– Кабы не дальше... Выпить у кого-нибудь не найдется?

– Есть вода, – Сезар вытащил из седельной сумки фляжку.

– А чего лучше у тебя нет? – хмыкнул Койла.

– Вы же знаете, я не пью. Так будете?

– Я буду, – Александр протянул руку, – и вперед!

– Куда вперед? – не понял Гастон. – Хватит с них, да и с нас тоже. Или ты решил стать кровожадным?

– А вы разве не видите, куда они драпанули? Если не свернут и не остановятся, они на обоз с ранеными нарваться могут, и одна Циала знает, что им в голову взбредет.

– Проклятый, – Сезар стал быстро осматривать свое снаряжение, – Лумэны всегда любили зло на ком-то срывать. Ты пока горло побереги, а я людей соберу.

Эльтские стрелки построились быстро. Никому и в голову не пришло сетовать на усталость. Сегодня ты защитишь раненых, а завтра защитят тебя, это нехитрое правило люди Тагэре усвоили хорошо. Дарнийцы и Гартаж тоже присоединились к погоне. Лучники и арбалетчики занимали места за спинами всадников.

Младший из Тагэре невольно сглотнул, вспоминая Дени. Что ж, уроки капитана Фло он

никогда не забудет...

– Готовы? – вопрос был излишним, но задать его следовало.

– Да, – кивнул Сезар.

– Вперед!

2885 год от В.И.

29-й день месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона

Этьен Ландей с трудом приподнялся на локте – все тело болело, словно по нему проехалось несколько телег с кирпичами, однако рыцарь понимал, что дешево отделался. Несколько дней отлежится и будет как новенький. Обидно, конечно, что друзья ушли вперед, ну да в следующий раз повезет больше. Этьен осторожно перевернулся, с трудом сдержав стон, повозка тащилась со скоростью похоронной процессии, но трясло тем не менее немилосердно. Проклятый, как же все глупо вышло... Рыцарь кое-как пристроил свое избитое тело и окликнул пожилого латника, ехавшего рядом:

– Никаких новостей?

– Откуда, монсигнор, – осклабился воин, – ползем, как улитки на сносках, наши-то на пару дна вперед ушли. Ну да все хорошо будет, раз уж Раулю шею свернули, бабе этой гнусной и подавно хвост прищемим. Хватит с нас Лумэнов с их эскотцами.

– А все же здорово у оврага вышло, – не удержался Этьен. Стражник, которого звали Франсуа Гуль, охотно подхватил, и они долго и со вкусом пережевывали подробности минувшего боя. Солнце клонилось к закату, собеседники уже подбирались к последней атаке Александра, когда Франсуа прервал себя на полуслове.

– Монсигнор, впереди что-то неладное творится. Поеду-ка посмотрю.

Этьен нетерпеливо кивнул, он тоже расслышал ржанье, ругань, какие-то щелчки. Мимо проскакало несколько верховых, свистнула стрела. Ландей все же заставил себя сесть. Боль была адская, но, если на них напали, он просто так не сдастся, кости у него целы, руки действуют... Второе усилие далось легче, как всегда в критические моменты, тело уступило духу. Потом, если все обойдется, оно отыграется за все неприятности и неудобства, но не сейчас. Доспехов ему, конечно, не надеть, разве что нижнюю стеганую куртку, а с мечом и кинжалом он так и не расстался... Что ж, могло бы быть и хуже. Хорошо, что он настоял, чтобы Орка привязали к его повозке. Этьен, пусть не так изящно, как обычно, взобрался на спину жеребца. Теперь он ясно видел, что впереди идет бой. Неужели Агнеса разбила Тагэре? Нет, будь это так, на них навалились бы отступающие. Но что же там творится, Проклятый побори?!

Рыцарь направил коня в голову обоза, и его взору предстало любопытное зрелище. И так достаточно узкая, дорога, к тому же обсаженная по краям вековыми каштанами, здесь шла под откос. Телеги и лошади, сгрудившись наверху, намертво ее перегородили, произошло все явно случайно: две повозки, неудачно пытаясь развернуться, сцепились осями, а затем в кучу-малу оказались вовлечены еще несколько телег. У охранников тем не менее хватило ума использовать затор как прикрытие, и они яростно осыпали стрелами бестолково лезущих вперед воинов в цветах Агнесы. Тех было никак не меньше тысячи, а то и двух, но вели они себя, мягко говоря, странновато. Никто не отдавал приказов. Не было видно сигн, пешие и конные, вперемешку, беспорядочно, как стадо баранов, перли вперед по узкой дороге, представляя собой прекрасную мишень для лучников.

– Сбесились они, что ли? – проворчал кто-то рядом, высказав вслух то, что думали все... И внезапно Ландей понял.

– Слушайте! – закричал он, и стоящие рядом обернулись к нему. – Все ясно. Наши их расколотили, а эти как-то прорвались. Они удирают, а мы им дорогу перерезали. Если продержимся, наверняка подойдет помощь...

– А ведь точно, – заорал какой-то здоровяк с перевязанной головой, – точно! У них штаны мокрые и мозги в пятках. Не пропустим!

И они не пропустили. Конечно, им подвезло с этой горкой и каштанами, но куда важнее было, что лумэновцы вконец потеряли голову, а обозники никоим образом не желали остаться в стороне от победы, да и раненых нужно было защищать. На всякий случай Этьен велел оттащить самых тяжелых в лес и оставить при них с десятков легкораненых. Остальные, наспех вооружившись, встали насмерть. Было тяжело, но они держались. Если бы не запас стрел, которые везли в обозе, им бы это не удалось, а теперь нападавшие угодили под самый настоящий смертный дождь. Глинистый склон был буквально усыпан трупами людей и лошадей. Тех же, кому удавалось прорваться, останавливали немногочисленные мечники и те раненые, кто мог держать в руках меч или алебарду.

Ландей орудовал чьей-то секирой, каждый взмах отдавался жуткой болью, но со стороны это было незаметно. Рыцарю казалось, что бой длится не меньше года, но в конце концов напор ослаб. Нападающие заматались, как овцы в загоне, а потом кто-то бросил оружие на землю. Затем другой, третий, четвертый... Воины Агнесы сдавались десятками. Приглядевшись, Этьен заметил внизу новые сигны и узнал тигра Мальвани и волчонка Эстре. И тут тело взяло свое. В глазах Этьена Ландея потемнело, и он потерял сознание.

2885 год от В.И.

29-й день месяца Агнца.

Арция. Тар-Игона. Жлобова заимка

– Явился? – Мишель Мишо, именуемый дружелюбно настроенными соседями Старым Жлобом, а недружелюбными – Упырем Болотным, хмуро уставился на потупившегося сына. Мишель был кривоног и плечист, а цвету его лица мог позавидовать гриб-красноголовик. Туссен был выше отца на голову, но под взглядом маленьких темных глаз съехался и уставился в дощатый, чисто выскобленный пол.

– Чучело дубовое, – ласково произнес Старый Жлоб, оглядев родимое детище, – кто победил-то?

– Дык, папаша, – заныл Туссен, – право слово... Вы же сами велели тихохонько... Отсидеться в лесу, чтоб не отобрали, не приведи господи.

– Ну и сидел бы в Кротовой балке да смотрел, кто кому башку поотвернет, синие али красные! А где ты, осиновое твое рыло, болтался? А? – Мишо словно бы вырастал на глазах, в то время как его сын уменьшался. – Небось до Медунов таскался? К коровище своей? Еще и потратился на нее! А ну, отвечай! Я тебя зачем посылал, дубина ты стоеросовая, орясина дуболомная? Деньги где?

– Тут, папаша, – залепетало чадо, расстегивая куртку, – все туточки, как вы и говорили... Десять ауров... Вы мне один обещали...

– Хм, десять, говоришь? – задумчиво произнес Старый Жлоб. – А ну раздевайся...

– Папаня, – позеленел Туссен, – да вы чо! Дык, не надо...

– А ну, сымай все! – гремел родитель. – Знаю вас, подпороски поганые, скидай все, кому сказано!

Верзила Туссен, чуть не плача, торопливо кидал одежду на пол. Дождавшись, когда сын остался в чем мать родила, строгий родитель велел ему поднять руки над головой и несколько раз поворотиться, после чего презрительно махнул рукой.

– Пшел вон, иди да оденься, стыдобина беспробудная!

– А... – сын попытался двинуться к горке одежи, но Старый Жлоб сунул в его сторону огромный волосатый кукиш:

– А это ты видел?! Ишь, чего удумал, отца родного дурачить! Знаю я вас...

– Папаша, – взмолился великан, – вы ж обещали...

– Обещал. Если толково сделаешь, а ты... Тебе что велено было, орясище?! Слупить с красных, скока можно, да глянуть, кто кого, а ты к бабе наладился?! Я все знаю! Десять ауров? А это что?! – Старый Жлоб затряс сапогом, в котором что-то зазвенело. – Это что?! Рыло твое свиное! Ауры это... От родимого отца затихарить хотел?! И сколько их? Один да три четверти! Олух! Разменял! Аур разменял да на девку свою потратил! – Увесистый кулак

обрушился на шею жалко хрюкнувшего сына. – Зараза непутевая... Прости господи, ни украсть, ни на бабу влезть не может, а туда же... Где двадцать пять аргов?!

– Папаня, вы же обещали, – дернулся Туссен, – дык, что опосля я могу... Мы с Мюзеттой....

– А на хрена мне твоя голодранка? Не, голубок, ты у меня на Монике женишься... Завтра же сговорю!

– Папаня!

– Я тебе, быку такому, тридцать лет как папаня. Будешь знать, как деньги тырить! О, а вот и вторая назолушка! Скока взял?

– Д-д-десять.

– Врешь, разбойник! Сколько?

– Дв-в-венадцать, – прошелестел младший Жлобов отпрыск, наделенный при Приятии именем Анжель.

– Двенадцать? – папаша сунул сыну в нос кулак. – А это чем пахнет?! – Сколько синие отвалили?! Говори.

– Фетывнадцать.

– Ах, четырнадцать, – кулак придвинулся поближе.

– Фетывнадцать, папафа, святой Эвасти не даст соввгать, – фетывнадцать!

– Давай! – Жлоб величественно принял и пересчитал добычу. – Верно... Ты не то что козлище это, никуда не стаскался, хвалю! Но что ж ты, образина твоя репяная, двадцать не взял?! Синие, они б заплатили!

– Пвафтите, папафа, не падумамфы...

– Вот урод! Кто хоть победил?

– Синие катовые, – ослабился Анжель, – как есть победили, я сматгел.

– А чего это ты смотреть полез, – подозрительно осведомился папаша, – и откуда?

– Со жмейской канавы, – отрапортовал сынок, – а сматгел, тому как любопытно, кады исчо такое увидифь...

– Эт-точно не увидишь... Дык, синие, говоришь?

– Угу. Как есть они...

– Ты с кем с них говорил-то?

– А хто их знает.... Сигногы вавные, но не звые... Ни квичали, ни вугались... Пвавда, чуть не пвибили сначава...

– За что чуть не прибили, убоище мое? – напрягся Мишель.

– Дык, я тихо фол, а они почуяли... Думали, вгаги... А потом мы повадили. Моводые они. Один высокий. Кгасивый такой, ствасть, в сапогах, и звегюга такая на ем... Как кофка, но не кофка... А втовой говбатый, но не так, как Пьев-Улитка... Севогвазый.... Он со мной и гововил... Добвый, – одобрительно заключил сын Старого Жлоба.

– Сероглазый, говоришь? Добрый да горбун в придачу... Видать, братец короля... Слышал про него. Ладно, Анжель, вот тебе двадцать.... Не, десять аргов. Погуляй. Братца не пой, он свое выжрал уже, утроба волосатая! И подай мне новую куртку.

– Папафа, а вы куды?...

– К горбуну, уродище. Раз синие победили, не грех с них на радостях еще с десятков ауров стрясти. Скажу, что тебя красные на обратном пути подстрелили, пускай деньжат подбросят и лошадь еще, что ли...

2885 год от В.И.

29-й день месяца Агнца.

Мирия. Гвайларда

– Да не бойся ты, – Рафаэль обнял сестру за плечи, – ничего она нам не сделала и не делает.

– Рито, а я и не знала... И подумать не могла, что ты...

– Представь себе, я тоже не знал. Вообще-то она колдунья будь здоров, я чуть было не

поддался.

– А что ты сделал?

– Не знаю, наверное, я ее ненавижу больше, чем боялся. Вот и вырвался, а дальше все совсем просто было. Но она точно ведьма, и опасная ведьма, если кого и нужно утопить или сжечь, так ее. И пусть отец это сделает побыстрее!

– Но ведь она бланкиссима...

– Ну и что? Теодора Элльская тоже была циалянкой, но ее поймали на горячем и сожгли. А тут горячее не бывает. Она пыталась мне навредить при тебе и матери.

– Матушка не станет говорить против нее.

– А ты станешь?

– Стану, – твердо ответила девушка, – я видела, что она делала. Это не от Бога.

– Разумеется, не от Бога. От Бога вообще ничего не бывает, нет ему до нас никакого дела.

– Ты не прав. Он дал нам жизнь, он создал все сущее, мы должны его за это любить...

– Нам дала жизнь наша мать, однако любить ее меня что-то не тянет... Хотя, готов поклясться, сегодня она за меня испугалась, а ведь я думал, она меня ненавидит. Ладно, надо найти отца и все ему рассказать. Такие вещи решают по горячим следам.

Но отца в замке не было, никто не знал, где он, и Рафаэль решил, что он у Рено. Маркиза болела, и герцог ее навещал. Рито не видел ничего зазорного в том, чтобы съездить в имение Ллуэва, он любил Ренату, а отец прекрасно знал, что сын осведомлен о подробностях его личной жизни и ничуть его не осуждает. Даро Рафаэль взял с собой, опасаясь оставлять ее с матерью и Дафной, кто знает, что те в его отсутствие могут выкинуть. Рафаэль так и не понял, как ему удалось сорваться с крючка, но циалянка продолжала его тревожить. Нужно все же было ее убить, пусть и на глазах у матери и малявки. Он вдруг понял, что почувствует себя спокойно, только увидев проклятую камбалу мертвой...

– Рито...

– Ау?

– Рито... Ты только не думай... Надо было тебе ее убить.

– Дарита?!

– Я понимаю, что это грех, но...

– Да какой это, к Проклятому, грех?! Эта тварь – чистейшее зло, но не возвращаться же. Время упущено. Ладно, пусть ее прикончат Скорбящие, нам же легче.

Рафаэль угадал верно: отец был в поместье Ллуэва, но как же изменился замок! Раньше это было одно из немногих в Мирии мест, где позволяли себе шутить, громко смеяться, не соблюдать вторичные посты⁶⁸, носить яркие платья. Эвфразия и Дафна делали вид, что не замечают «гнезда разврата», получив за это от герцога право распоряжаться в Гвайларде. Но сейчас тень бывшего веселья делала Ллуэву особенно мрачной. Красивые слуги и служанки, принимая у Рито и Даро лошадей и провожая их в комнаты сигноры, пытались улыбаться, но глаза у них были подозрительно красными. Маленькая каштановая собачка, которую особенно любила Рената, тихо поскуливала, уткнувшись носом в накидку хозяйки, в вазах не было ни роз, ни жасмина, шторы, несмотря на ясный день, были спущены, а несколько весьма озабоченных людей, попавшихся навстречу, могли быть только медикусами.

Брат с сестрой обменялись тревожными взглядами, не решаясь задать вопрос, но обычно веселая и разговорчивая компаньонка Ренаты поторопилась на него ответить.

– Так и есть, сигнор и сигнорина. Сигнора плоха, говорят, не протянет и квартиру. Застудилась... Как в огне горит, как мы ни топим, а ей все холодно. А монсигнор с ней, даже

⁶⁸ Вторичные посты – посты, необязательные для исполнения светскими лицами в отличие от пяти первичных постов, предшествующих главным церковным праздникам. Разделение постов на первичные, вторичные и личные (обязательства, взятые человеком по собственному непринужденному желанию) было произведено большим Конклавом в 2561 году.

спал в кресле...

Рито наклонился к сестре:

– Похоже, отцу и впрямь не до камбалы... Ладно, сам ее уйму. Но зайти надо, раз уж приехали...

– Да, – прошептала Даро, – но почему Рената, а не я? Это ведь я согрешила...

– Замолчи, – рыкнул Рафаэль, – Рената простудилась, бывает. Танцевала, ветер с моря, на ней даже накидки не было...

Почему он это объясняет? Неужели потому, что несколько ор назад чуть не умер от страха, облепленный невидимой ледяной пеленой?! Нет, не может быть! Ведь ни с ним, ни с Даро ничего не произошло, да и отец в порядке. Мало ли людей заболевают и даже умирают без всякой магии.

– Сигнора разрешила вам войти, – сообщила еще одна компаньонка, и без того немалый нос которой распух от слез.

Рафаэль хотел было оставить Даро у порога, но сестра решительно вошла вместе с ним. В спальне Рено было душно и жарко, но маркиза все равно была укутана атласными одеялами, а сверху еще и шкурой каонгхского тигра. Рито с ужасом уставился на Ренату: это была не она! На чужом, истаявшем лице горели огромные глаза, женщина была бледна, только на скулах багровели два пятна, назвать их румянцем не поворачивался язык. Отец держал подругу за руку, увидев сына, он попытался улыбаться, но губы предательски дрожали.

– Вы откуда? Что-то случилось?

– Ничего, – пробормотал Рафаэль, – мы просто так...

– Можете передать, что к ночи я не вернусь...

– Не нужно, – прошептала Рено и тут же зашлась в кашле, – Рике, ты – герцог, ты не можешь все бросить... Дайте мне воды, пожалуйста.

Рито торопливо бросился к заваленному всякой всячиной, неизбежной в комнате тяжелобольного, столику, на котором заметил хрустальный графин с каким-то питьем, и подал его отцу. Герцог налил пахнущую померанцем жидкость и хотел подать ее Рено, но та внезапно оттолкнула его, напиток выплеснулся на роскошный атэвский ковер, а Рената, отбросив одеяла, вскочила и бросилась к двери. Герцог растерялся, но Рито успел схватить женщину. Она вырывалась с силой, странной для измученного болезнью существа. Расшитая шелками рубашка, больше подходящая для ночи любви, чем для болезни, не скрывала худобу больной. От роскошной красавицы, бросившей в ночь Санданги вызов судьбе, остался лишь обтянутый сухой горячей кожей скелет. Внезапно женщина перестала вырываться и поникла на руках у Рафаэля. Юноша бережно поднял обмякшее тело и положил на прибранную отцом и Даро кровать.

Трое Кэрна с отчаяньем вглядывались в неподвижное лицо. Наконец больная зашевелилась. Поднесла все еще красивую руку ко лбу, коснувшись роскошных волос, затем попробовала приподняться, и ей это удалось.

– Энрике, – пробормотала она.

Герцог бросился к возлюбленной, но та словно бы его не видела.

– Энрике, он был здесь. Я прошу вас, приведите ко мне Энрике, я хочу с ним проститься.

– Рено, – властелин Мирии попробовал взять женщину за руку, но она с ужасом отстранилась.

– Кто вы? Сигнор! Если у вас есть сострадание. Умоляю вас... Позовите герцога. Он отблагодарит вас, умоляю... не теряйте времени. Я умираю. Но я должна видеть Энрике... Слышите! Почему такой туман? Разве сейчас осень?

Она продолжала звать своего герцога, когда вбежавшие медикусы торопливо и растерянно зажигали какие-то облегчающие дыхание куренья и пытались напоить больную сладко пахнущим варевом. Рито, держа Даро за руку, наблюдал из дальнего угла за агонией, мучаясь от собственного бессилья. Он так и не понял, сколько продолжался этот кошмар.

Видимо, долго, потому что начало темнеть. Лекари ли остановили приступ, или же он просто прошел, потому что прошел, но маркиза перестала метаться и звать Энрике и просто лежала, закрыв глаза. Рената дышала так тихо, что Рито испугался, что она умерла. Но это еще не было концом.

Герцог, похоже, забыл и о том, что его видят десятки людей, и о присутствии своих детей. Он сидел на краю постели, закрыв лицо руками, и в опущенных плечах было столько безнадежности, что у Рафаэля впервые за много лет защипало глаза. Даро придвинулась к брату, и в это время распахнулась дверь.

Бланкиссима Дафна явилась в полном облачении и в сопровождении десятка сестер и клириков. Она была уверена в себе и спокойна. Рито от подобной наглости потерял дар речи, а камбала остановилась в шаге от герцога и громко и отчетливо произнесла:

– Грехи этой женщины переполнили чашу терпения Равноапостольной, но нет греха, коего нельзя искупить молитвой и покаянием. Маркиза Ллуэва виновна, но святой угоднее видеть покаяние преступника, нежели его гибель... Если грешница раскается в содеянном, а ее пособники припадут к ногам святой, вымаливая прощение, ей будет даровано достаточно времени, чтобы искупить сотворенное и делами, и в мыслях...

2885 год от В.И.

Вечер 29-го дня месяца Агнца.

Арция. Мунт

Вытоптанная, залитая кровью трава, хромающие лошади, потерявшие всадников, трупы, глядя на которые, уже не думаешь, кто это, Тагэре или Лумэн, и еще страшная, отупляющая усталость... Александр знал, что они победили и что именно он и его люди добыли эту победу, но сил радоваться у него не было. Отдав шлем кому-то из свиты, брат короля в сопровождении нескольких столь же измотанных рыцарей медленно ехал по Игонской долине, бездумно глядя перед собой.

– Хвала Эрасти, я нашел вас, монсигнор, – оруженосец короля, имя которого Александр запомнил, выглядел не лучшим образом. – Его Величество требует вас к себе.

– Где он? – вздохнул младший из Тагэре.

– За мостом, монсигнор Ларрэн доставил туда пленных.

Александр молча кивнул, заворачивая коня. На его взгляд, с пленными можно было и подождать, но раз Филипп решил все дела закончить сегодня, ничего не попишешь. Мальвани поехал за другом, остальные переглянулись, но, поскольку никаких приказаний не последовало, продолжили путь в лагерь.

Брата Сандер нашел сидящим под деревом в окружении Вилльо и Ларрэна, с довольным видом стоявших рядом с королем. Сандер невольно отметил, что разлюбленные родичи куда свежее, чем его люди.

– А, – осклабился Жоффруа, – вот и наш маленький герцог, а мы тебя тут жаждали.

– Я, как ты знаешь, занимался ранеными, – устало сказал Александр. Показное покровительство Ларрэна его давно уже не задевало, равно как и подколотные насмешки Вилльо.

– Я знаю, где, кто и когда был, – король посмотрел на среднего брата, и тот как-то сразу сжался. – Дело в том, Сандер, что Жоффруа захватил Филиппа Лумэна, а тот требует разговора со всеми нами одновременно. Конечно, он не в том положении, чтобы чего-то требовать, но щенок верещал так долго и громко, что воинам стало интересно, чего же он хочет сказать.

Александр пожал плечами и, поскольку короля окружали Вилльо, присел на опору моста слегка в стороне. Мальвани встал у него за спиной, и отчего-то Сандер почувствовал к нему острую благодарность.

– Ну, все, Лумэн, – голос короля был холоден, – теперь ты можешь поведать нам, что хотел. Мы слушаем, только короче.

Только сейчас Александр заметил юношу примерно одних лет с собой, высокого и

нескладного, как кузнечик. Оружия у него не было, и, судя по все еще блестящим богатым доспехам, в сражении он не участвовал. Судьбе было угодно столкнуть младшего Тагэре и Филиппа Лумэна впервые лишь сейчас, и Александр с отрешенным интересом рассматривал того, на кого сделал ставку покойный Рауль и за которого отдал Жаклин.

Хоть они с Лумэном и были одногодками, младшему из Тагэре сын Агнесы показался мальчишкой, несмотря на высокий рост и роскошные доспехи, а может быть, именно поэтому. Да и голос у Филиппа был подходящим: начал он чуть ли не баском, а потом сорвался и пустил хорошего петуха, что сделало произнесенную им напыщенную книжную фразу еще смешнее. Александру показалось, что он ослышался, но нет. Филипп Лумэн вызывал братьев Тагэре, начиная с младшего, на поединок до смерти одного из противников, дабы в честном бою при свидетелях решить спор и положить конец кровопролитию. Кузнечик стащил с руки покрытую богатой золотой насечкой латную рукавицу и бросил к ногам своего тезки.

Король удивленно и иронично поднял бровь:

– Поединок? Смертельный? Что ж, требовать этого – право любого рыцаря. Александр, ты у нас любитель дуэлей и турниров, что скажешь?

– Нет!

– Нет? В Эльте ты, помнится, вел себя иначе.

– Я не Мулан, – отрезал Сандер, – это будет не поединок, а убийство.

– Трус! – выдохнул Лумэн.

– Нет, – повторил Александр, – я не буду драться. Разве что Филипп Лумэн пройдет школу у такого, как Дени Гретье...

– А я буду, – хмыкнул Жоффруа, – последнее желание нужно исполнять.

– Жоффруа, – Александр вскочил, – ты не сделаешь этого!

– Еще как сделаю, малыш, – засмеялся герцог Ларрэн.

– Что-то в Эльте ты вел себя иначе, – Александр даже не заметил, что повторил слова Филиппа.

– Отца и Эдмона обезглавили, а этому, – Жоффруа презрительно махнул рукой в сторону Лумэна, – мы еще честь оказываем...

– Вряд ли отец с тобой бы согласился...

– Александр! – Голос короля хлестанул, как кнут. – Ты не принял вызов, это твое дело, но в чужой поединок не вмешивайся.

– Ты хочешь сказать, что ты тоже принимаешь вызов?

– Если до этого дойдет. Вы хотели драться, что ж, начинайте.

– Ваше Величество!

– Спасибо, герцог Эстре. – Если бы юноша не был таким смешным, это бы прозвучало величаво. – Ты – человек чести, и я прошу прощения за свою несдержанность. Но если мне суждено погибнуть, я хочу умереть со шпагой в руке.

– Филипп!

– Я все сказал, Александр. Если хочешь, можешь уйти, я вижу, ты устал.

Но Александр не ушел. Он в каком-то тяжелом полусне наблюдал, как противники освободились от доспехов, оставшись в одних рубашках и заправленных в сапоги штанах. Оруженосец принес шпаги и кинжалы. Филипп Лумэн, на взгляд Сандера, взял слишком тяжелый для себя клинок, а когда он сделал первый выпад, Александр Эстре с трудом удержал стон. Ларрэн по праву считался неплохим фехтовальщиком (хотя заметно уступал братьям и тому же Малве), а Филипп Лумэн держал шпагу до того неумело, что было очевидно: он обречен. Судя по всему, ифранка так тряслась над единственным сыном, что ему до сего дня оружия вовсе не давали, во всяком случае, глядя на бестолковые прыжки и тычки принца, Сандер ощущал чуть ли не тошноту. Лумэн наверняка прочел чертову уйму книжек, но вот Дени Гретье судьба ему не послала. Равно как и голубоглазого незнакомца. Бой был абсолютно безнадежен.

Задним числом Александр понял, что нужно было принять вызов. Принять и ранить

дурака в руку или в ногу, чтобы вывести из строя на месяц, а то и на два, за которые можно что-нибудь придумать. Почему только умные мысли всегда приходят поздно?

Жоффруа фехтовал с гонором глухаря на токовище, он уже несколько раз мог обезоружить или убить своего жалкого противника, но предпочитал мучить. Обе щеки юноши были располосованы, и кровь ручейками стекала по цыплячьей шее на белую рубаху. Принц держался изо всех сил, но его нелепые дерганья ничего не значили. Александр перевел взгляд на брата-короля. Филипп смотрел на происходящее с тем же невозмутимоспокойным видом, с каким выслушивал упреки Рауля и матери. Он выглядел так всегда, когда знал, что поступил или поступает не лучшим образом, и все-таки поступал.

Братец королевы, унаследовавший от папаши титул графа Ревя, с громким смехом комментировал поединок, отпуская шуточки в адрес Лумэнов в целом и «этого недоноска» в частности. Александру казалось, что он видит кошмарный сон, но все это было правдой – и кровь, сочащаяся из теперь уже четырех порезов, и смешки и подначки окружавших трон нобилей, и нарочитое равнодушие брата, и бледные от ужаса и бессилия лица пленников-лумэновцев, один из которых был настоящим великаном...

– Давай, Жоффруа. Давай, браво! – выкрикнул Ревя, и Александр не выдержал:

– Замолчи, во имя Проклятого!

– Что? Мой друг...

– Не имею чести быть вашим другом, – прошипел Александр, – но если вы произнесете еще слово...

Судя по всему, граф Ревя решил его не произносить, Сандер резко повернулся к сражающимся. Будь что будет, но сейчас он это прекратит. По закону дуэли любой нобиль может поддержать одного из дерущихся, а выбить шпагу сначала у Жоффруа, а потом у этого несчастного кузнечика не проблема. Проклятье, какого беса он не снял доспехи, да и шпаги у него нет, только меч. Ну что ж, перехватим рукой, будем надеяться, Филипп Лумэн не ударит его сзади в незащищенную шею.

Александр рывком вскочил и спиной почувствовал, что Малве повторил его движение.

– Я хватаю Лумэна, – шепнул Сезар, и Александр, возблагодарив святого Эрасти за такого друга, кивнул головой, но они опоздали. То ли Жоффруа решил, что пора заканчивать, то ли Филипп неудачно подался вперед, но спасти было некого. Жоффруа изо всех сил старался вытащить застрявший в теле клинок. Сразу не вышло, и герцог Ларрэн, придавив противника ногой, дернул еще раз. Клинок освободился, и герцог по инерции отлетел назад, врезавшись в одного из своих людей. Из раны толчками забила кровь, Филипп Лумэн попробовал приподнять голову и упал навзничь, судорожно перебирая руками сухую прошлогоднюю траву.

Сезар подоспел к лежащему раньше друга и бросился на землю, положив голову юноши себе на колени. Александр неуклюже опустился рядом. Филипп Лумэн еще жил и даже пытался говорить, Александр наклонился пониже и с трудом разобрал:

– Я просил... матушку... не убивать их... Эти... короны из соломы... наш позор...

– Молчи, – Александру было наплевать, что скажут или подумают братья, Вилльо, воины, – тебе вредно говорить.

– Все равно... – Лумэн улыбнулся, – я заплатил... за матушку... Ты счастлив... ты не должен платить... за других... Мы могли бы стать... как Анхель и Эрасти... – Он дернулся и затих.

Александр поднял голову и тоном, не терпящим возражений, словно говорил не с королем, а с вассалом, сказал:

– Мы отдадим его матери. И не так, как ре Фло... До него никто не дотронется, кроме эрастианцев!

– Что-то ты раскипятился, братец, – насмешливо скривился Жоффруа, – кто тут король, Проклятый меня побери, ты или Филипп?

– Эту падаль нужно показать всем, – вмешался Ревя, – чтобы было ясно: с Лумэнами покончено. Сказано же, око за око! Три головы за три головы! В коронах из соломы!

– Нет, – сверкнул глазами Александр, – мы не должны мстить! Хватит!
– Думаете? – пожал плечами Ревин. – Я бы прикончил и этого ублюдка Тартю со всеми родичами.

– Если графу Ревин угодно, – холодно произнес Сезар, – я могу обсудить с ним это завтра утром, я видел тут небольшую поляну...

– Хватит! – стукнул кулаком по перилам моста король. – Все устали, извольте разойтись по палаткам и не покидать их до моего приказа. Филиппа Лумэна на похоронной телеге выставят на ратушной площади Мунта от рассвета до заката, после чего отдадут матери, которая сможет похоронить его, где и как захочет, но не думаю, Александр, что она скажет тебе за это спасибо.

– Ей не за что говорить нам спасибо, – тусклым голосом ответил Александр и, не оглядываясь, пошел к себе, все так же ощущая спиной присутствие Сезара.

2885 год от В.И.

17-й день месяца Иноходца.

Мирия. Гвайларда

Рафаэль провел вечер у старого Лючо и вернулся домой за полночь. Не лучшее времяпрепровождение для наследника престола, но Рито себя таковым уже не считал. В Мирии он не останется. Не может остаться. Больше ему здесь делать нечего. Антонио, надо полагать, с удовольствием станет готовиться к будущему правлению, а он... Он будет свободен! Если раньше мысли о побеге накатывали под настроение, после очередной ссоры с матерью или братом, то после ночи в Ллуэва маркиз Гаэтано не мог думать ни о чем другом. Вернее, не позволял, чтобы не натворить глупостей, которые уже ничего не изменят.

Он вновь и вновь переживал ту ору, самую страшную в его двадцатитрехлетней жизни. Торжествующая Дафна у постели Рено, полная отчаянной решимости Даро, преклонившая колени перед отвратительной мегерой, виноватый взгляд отца... Капустница явно дала понять: в ее руках жизнь Ренаты, и выкуп за нее один: полное подчинение герцогской семье и немедленный уход Дариоло в обитель. Рафаэль схватился за нож, и вновь его остановили, на этот раз отец. И Рено... Рено пришла в себя, она не хотела умирать. Еще недавно гордая и смелая, она тряслась от ужаса и умоляла о пощаде. Если бы у нее хватило сил отвергнуть жертву Даро, все могло быть иначе. Рито и сейчас не сомневался, что камбала не столь уж и сильна, и что болезнь Рено можно было вылечить кровью Дафны, но и отец, и Рената были сломлены, а Даро... Даро поняла, чего от нее ждут, и не стала дожидаться, когда отец за руку отведет ее к гнусной ведьме. Она подошла сама, склонив черноволосую голову, все еще украшенную сорванными братом цветами каллории.

Что ж, он, Рафаэль Кэрна, постарается забыть последние кварталы и представить свое будущее. Схватки, опасности, друзья, любовь, как он и мечтал... Все то, чего лишены сильные мира сего, но что доступно любому бродяге, не боящемуся жить. Рито не жалел, что уходит. В двадцать с небольшим редко жалеешь о прошлом, особенно если вырос то ли в церкви, то ли в тюрьме. Отдаленный родич великого бунтаря и бродяги Эрасти Церны не думал ни о спасении человечества, ни о защите слабых и угнетенных, он просто хотел жить, жить жадно, яростно и стремительно и умереть в бою с мечом в руке. Мирия для этого не годилась. Байла хороша, но для герцогского сына она под запретом, да и танцевать с быками слишком легкое занятие, чтобы заполнить им и голову, и сердце.

Рито Кэрна давно понял, что жить можно лишь на Берегу Бивней среди отчаянных морских скитальцев. Он знал, что Новый Эланд встречает чужаков без особой радости и что сначала придется доказать свое право на морское братство. Маркиз Гаэтано был готов к испытаниям. Последний, кто ушел на узком хищном корабле с белым альбатросом на синей орифламме, был Родриго Дамец, лучший из мирийских байланте. Рито тогда едва сравнялось семь, но он понял, что танцы с быками открывают дорогу на Берег Бивней. Одна беда, морские бродяги перестали заходить в Кер-Эрасти – капустницы и антонианцы окончательно запретили любые сношения с еретиками, и теперь искать их придется в Атэве. Но Рито

недаром был сыном герцога. Хоть его и почитали сорвиголовой, но голова эта работала неплохо. У атэвов к хансирам⁶⁹, за исключением маринеров и гидалских монахов, особой любви нет. Чтобы добиться от детей Баадука помощи, нужно знать их язык, понимать и чтить обычаи, суметь, если что, себя защитить и, разумеется, иметь при себе достаточно золота. Тогда он продержится в Эр-Иссаре до прихода эландского корабля. Рито был уверен в себе и решил не откладывать. Не сегодня-завтра в Кер-Эрасти бросит якорь «Сын садана» с очередным грузом благовонной смолы, без которой арцийские клирики что кошка без хвоста. Рито засмеялся. Какие все же ханжи. Одна мерка для себя, другая – для всех остальных... Ну, что ж, несколько дней, от силы кварта, и прощай, Гвайларда, здравствуй, большая жизнь.

С отцом он прощаться не будет. С подружками тем более, им было вместе весело, но не более того. Смех забывается быстро, вот слезы, те вспоминают долго. Впрочем, он оставит Паулине и Теодоре все свои побрякушки. Лючо отдаст, когда уляжется шум, а говорить с ними не о чем. Вот Рено он напишет, та поймет.

Рито не сомневался, что подруга герцога догадалась о его намерениях и одобряет их. Рено тоже было душно в провонявшей фирмиамом Мирии, но она любила отца и ради него терпела. Потом решилась на открытый бунт и сломалась. Ей он больше ничем не поможет, так же как и Даро... Сестренка сделала свой выбор, и этого не исправишь. Хотя ей с ее красотой не Богу молиться, а мужа любить и детей рожать, но Даро с детства запугали, а теперь странная болезнь Рено, отчаянье отца... Малявка жертвует собой ради них, а от него требуют одного: не лезть, куда его не просят. Что ж, скоро он их освободит от своего присутствия.

– Рафаэль!

Юноша вздрогнул. Отец, конечно, вставал рано, но пятая ора после полуночи слишком даже для него. Неужели он вообще не ложился? И что он тут делает?

– Рафаэль, – Энрике Янтарные Глаза положил руку на плечо сына, – мне нужно с тобой поговорить, но не здесь. Оседлай Оро и Вьенте и жди у Серой башни.

Рито повиновался. Поведение отца его удивило, но измученное лицо с воспаленными красными глазами заставило чувствовать себя без вины виноватым. Это из-за Рено. Конечно же, из-за Рено, чью жизнь он выкупил свободой Даро. Нужно было все-таки убить эту бледную нечисть, но момент упущен. Проклятый! Почему, ну почему мы сдерживаем себя тогда, когда не нужно этого делать, и даем волю рукам и глотке именно тогда, когда нужно держаться?

Рито Кэрна управлялся с лошадьми лучше любого конюха, но отец все же пришел первым. Молча вскочив на рыжего Оро, Энрике выехал из торопливо распахнутой заспанном караульщиком маленькой калитки, куда обычно подгоняли своих осликов поставщики фруктов. Отец молчал, Рито тоже. Кони процокали по вымощенной базальтовыми плитами площади, свернули в Жасминную улицу, ведущую вон из города. Только оказавшись в холмах, отец придержал жеребца, давая понять, что можно приблизиться. Рафаэль тронул бока Вьенте, и атэвский красавец в мгновение догнал собрата.

– Ты удивлен?

– Да, отец.

– Я узнал, что тебя нет и что ты опять задержался у байланте. Ты проводишь с ними все больше времени, раньше ты не забывал свой долг.

– Я...

– Не перебивай, ты же не знаешь, что я хочу тебе сказать. Раньше ты не забывал свой долг, ты им тяготился, это правда, но исполнял. После... После последней Санданги тебя не узнать. Этому есть лишь одно объяснение. Ты решил уйти.

– Отец...

⁶⁹ Хансир (*атэв.*) – презрительная кличка северян.

– Да или нет?! – В голосе Энрике зазвучал металл, но Рито медлил не поэтому. Ему отчего-то стало мучительно жалко отца, а мечты о свободе внезапно обрели привкус предательства.

– Да, – голос юноши дрогнул, – но, если...

– Если ты решил уходить, уходи, – тихо проговорил Энрике, – и чем скорее, тем лучше. Может быть, ты и прав.

– Отец...

– Я ждал тебя как раз для того, чтобы сказать: не приноси себя в жертву там, где от этого будет лишь хуже. Ты – мой наследник, это так, но герцогом стать тебе не позволят. Тебя убьют или... или сломают. А я не знаю, – в золотых глазах Энрике полыхнул огонь, – что хуже! Куда ты собрался? Арция? Дарнийский Союз? Или...

– Новый Эланд, – твердо ответил сын.

– Что ж, иного я и не ожидал. Байланте с кровью герцога там самое место. Знал бы ты, как я тебе завидую!

– Отец! – Рафаэль заговорил быстро, давясь словами. – Отец, мы можем уйти вместе: ты, я, Рено, Даро... Я удеру первым, найду подходящий корабль, вернусь за вами. Мы разыграем несчастный случай, а дальше – свобода! Дед был старше тебя, когда ты родился... А Рено с Даро нечего тут делать!

– Нет, – вспыхнувшие было глаза герцога погасли, – нам не вырваться. Рено может жить только здесь. Дафна мне это сказала, она знала, что делает. Я не брошу Рено, она пожертвовала для меня всем, а Даро... Когда ей исполнится восемнадцать, она вступит в орден.

– Но почему ты веришь этой ведьме?! Почему?! Она губит все, к чему прикасается. Ты позволил ей погубить мать, потом Даро, теперь Ренату и, наконец, всю Мирию! Люди забывают, что значит смеяться, любить, жить, наконец. И все из-за этой плоской уродины. Пусть она трижды ведьма, но она не бессмертна! Проклятый! Ее нужно было прикончить сто лет назад, но и сейчас еще не поздно!

– Рито! Я ЗАПРЕЩАЮ тебе говорить и думать об этом... Ты... ты с ней не справишься. Ты же видел, что случилось с Рено.

– Но со мной ничего не случилось...

– Потому, что ты ей не нужен.

– Или потому, что она обломала об меня свои желтые зубищи! Отец, клянусь тебе, она несколько раз пыталась до меня добраться и не смогла. А я до нее доберусь!

– Ты не сделаешь этого, – Энрике опустил голову, – ее смерть – это смерть Рено. Я... Когда я умолял ее о прощении, я подписал приказ. Каждый, кто злоумышляет против любой из дочерей ордена, подлежит казни через повешение вне зависимости от пола, возраста и звания. Я вынужден буду казнить любого, в том числе и тебя... И я вижу, что рано или поздно ты на нее набросишься. Поэтому чем скорее ты покинешь Мирию, тем лучше. И не пытайся проститься с Даро и Рено, так будет легче нам всем. Ты меня понял?

– Понял, – бросил Рито, – повторять не надо.

Назад ехали молча. Кони шли голова в голову, но всадники не смотрели друг на друга. Только у въезда на замковый мост отец обернулся к сыну:

– Пойми меня, Рито, и не суди строго. Я не могу потерять еще и Рено.

– Ты потеряешь не только ее, – вздохнул сын, – ты потеряешь все. Но я сделаю так, как ты хочешь. «Сын садана» будет здесь со дня на день.

– Возьми с собой все, что тебе может пригодиться.

– Мне ничего не нужно. Эрасти ушел из дома лишь с ножом и двенадцатью аурами, а поднял на дыбы пол-Арции. Я не претендую на большее.

– Эрасти... Сколько раз я просил его помочь, но он не ответил.

– Нельзя помочь тому, кто не хочет помочь себе сам.

– Это еще откуда? Я не замечал в тебе страсти к всяческим трактатам.

– Это я сам придумал. Только что.

Нэо Рамиэрль

Или выхода не было, или они не могли его найти. Ненавидящий безделье и неопределенность, Нэо с трудом сдерживал злость, опасаясь, что Норгэрель воспримет ее на свой счет. Хвала Звездному Лебедю, родич совсем поправился и упрямо сопровождал Романа в его поисках. Двое эльфов облазили все окрестности скалы, у которой они оказались, войдя в Обитель, но ничего необычного там не было. Правду сказать, Рамиэрль не очень хорошо представлял, как выглядят врата в иные миры. Он видел, как уходила Герика, вместе с Кризой проходил сквозь радугу Седого поля, дважды попадал в Мир Зимы, и всякий раз все было по-другому... Проклятье, похоже, он ищет то, не знаю что, а Норгэрель ходит за ним хвостом. Вздыхает и смотрит несчастными глазами, словно оправдывается. Да разве он виноват, что заболел?! Если б с ними был Рене, Роман бы мог отвести душу в споре, а то и в ссоре, адмирал бы понял и не такое, но обижать едва вернувшегося с Порога родича не хотелось, и именно поэтому Нэо дорого бы дал за одиночество хотя бы на день или два. Куда там! Норгэрель и слышать не хотел о том, чтобы остаться в доме.

Сегодня, махнув рукой на здравый смысл, они пошли не к скале, а вниз по склону. Не будь они узниками Зимы, Нэо бы искренне наслаждался величественной красотой этой горной страны, но он всегда ненавидел бессилие. На белом снегу четко отпечатались волчьи лапы, потом из-под самых ног шедшего впереди Романа выпорхнуло несколько больших темных птиц, прятавшихся в снегу. Нэо подбил парочку из лука, легче не стало, но хоть ужин заработали. Можно не возвращаться на ночь домой, а заночевать прямо в лесу, тем паче, кроме дружелюбных до невозможности волков, никаких хищников в Мире Зимы замечено не было. Норгэрель с готовно-стью согласился, и они облюбовали небольшой выступ, защищенный от ветра скалами.

Устройство временного лагеря заняло не столь уж много времени, но зимой темнеет быстро, и когда нехитрый ужин был готов, на небе зажглись крупные звезды. Какое-то время Роман и Норгэрель пытались придумать здешним созвездиям имена, но получалось плохо, и они замолчали, глядя в огонь.

– Эти звезды светят восьми мирам.

Рамиэрль вздрогнул и уставился на Норгэреля. Сын Ларэна и Залиэли словно бы спал с открытыми глазами, лунный свет, усиленный белизной снега, обливал его серебряным сияньем, усиливая и без того невозможное сходство с Астеном. Если б не это, Роман, скорее всего, что-нибудь сказал бы в ответ, но память о все еще не прошедшей боли приковала его к месту. А Норгэрель продолжал задумчиво говорить:

– Семь раз по семь звездных дорог вели в Светозарное к Престолу Сил и в чертоги братьев и сестер... Было и семь тайных мостов над Радужной Бездной. Даже Светозарные не пользовались ими без особой нужды, ибо это были дороги страха. Когда настала пора уходить, Арцей и покорные ему разрушили звездные пути, а мосты рассыпались сами, так как держались лишь силой создавших их, но Ангес был не только смел, но и горд. Ссора с Арцеем на последнем совете была не первой. Однажды он чуть было не порвал с братом и не покинул Тарру. Он запечатал проход к Арцею, и никогда и никто им больше не прошел. Когда Светозарные в спешке покидали наш мир, Арцей сделал все, чтобы закрыть Ангесу и Адене путь назад, но он мог забыть о вратах в собственную обитель, потому что ими давно никто не ходил. Когда оранжевая звезда, самая яркая в созвездии Спящего Льва, достигает скалы Ангеса, можно увидеть остатки тропы...

Неподалеку что-то треснуло, Норгэрель вздрогнул и обернулся, взгляд его стал осмысленным и немного испуганным.

– Рамиэрль? Что случилось? Что со мной было?

– Не представляю, но ты говорил очень интересные вещи...

2885 год от В.И.

27-й день месяца Иноходца.

Арция. Мунт

Похоже, жители Мунта были довольны исходом войны. Агнеса давно и прочно сидела у арцийцев в печенках, к тому же победителей не судят, а братья Тагэре были полными и безоговорочными победителями, одолевшими не только заносчивую иноземку, но и казавшегося всесильным Короля Королей. Филипп же, ко всему прочему, был изумительно хорош собой, как же тут не кричать и не бросать в воздух шапки?! Война кончена. Слабоумный король вновь в Речном Замке, его наследник, который и наследником-то не был, убит. Рауль ре Фло и его братья убиты. Дочь Рауля, несколько месяцев бывшая женой принца Гаэльзского, и королева Агнеса в руках Тагэре. С Лумэнами покончено, не принимать же всерьез Пьера Тартю, совсем еще ребенка, к тому же двойного бастарда, ведь престол Волингов не может быть осквернен кошачьими лапами.

Мунт веселился, возможно, несколько нарочито, но весна, обилие бряцающих оружием возбужденных гостей и выставленное на улицу дармовое угощение подливали масла в огонь. Нобили выстраивались в очередь за королевскими милостями, те же, кто имел глупость до конца стоять за Лумэнов, либо каялись и искали новых покровителей, либо попрятались по родовым замкам, а то и бежали из страны. Воины делили добычу и делились ею с трактирщиками и столичными красотками, о делах как-то забыли, перенесли их на «после празднеств», празднества же казались бесконечными.

Александр безумно устал от бессонных, хмельных ночей, которые был вынужден проводить в обществе братьев и придворных. Вице-маршал Арции обязан присутствовать на всех пирах и церемониях, но во время застолий герцог Эстре все больше молчал. Перед ним заискивали, ему льстили, а он сдержанно благодарил и, при первом же благовидном предложении, оставлял собеседника. Уделяли ему внимание и женщины, но Сандер видел, что их восторг – ложь или почти ложь. Одни были ослеплены его титулом и победами, другие холодно и расчетливо пытались устроить свою судьбу. От этого становилось еще гаже, но Александр старательно улыбался и говорил ничего не значащие комплименты, мечтая о том, чтобы эти никчемные разговоры поскорее закончились. Он ждал, когда его обожаемый брат наконец соизволит остановиться, оглянуться и взяться за дела.

Эту победу нельзя промотать так же бездарно, как предыдущие! Нужно наладить отношения с провинциями, куда-то пристроить огромное количество вооруженных людей, которые умеют только воевать. Предстоит показать зубы Жозефу, расплатиться с циапианками, укрывавшими Эллу и ее новорожденного сына, поставить на место вконец обнаглевшего Джакомо и фронтерцев – одним словом, сделать так, чтобы никто не вздумал вновь поднять меч на короля – еще одной гражданской войны Арция не выдержит. Да и чисто по-человечески нужно дать женщинам оплакать убитых, нужно поддержать вдову Рауля и как-то устроить судьбу бедняжки Жаклин... Ее отдали на попечение сестры, но Александр сомневался, что Изабелла сможет защитить хоть кого-то. Да и видеть ежедневно человека, хладнокровно убившего отца и пусть и нелюбимого, но мужа... Такого злому врагу не пожелаешь, а Сандер был искренне привязан к Жаклин. Умом он понимал, что смерть Филиппа Гаэльзского была необходимостью, но от этого было не легче. Хорошо бы передать Лину на попечение матери Сезара, в доме Мальвани ее никто не унижит и не ограбит, но говорить об этом следует осторожно. Жаклин наследует половину состояния ре Фло, от такого богатства ни Жоффруа, ни Вилльо не отступятся. Девушка им не нужна, но вот ее земли... Ради жены Филипп не то что дочерью Рауля, а половиной света пожертвует.

Мысли Александра прервал чувствительный тычок в бок:

– Ты когда-нибудь перестанешь думать?

– Сезар?

– Нет, Скиталец... Сандер, право слово, не все так мерзко, как тебе кажется. Скоро они уже не смогут пить, потерпим пару кварт, и все вернется на круги своя.

– Твоими бы устами, – Александр улыбнулся, – нам пора, я полагаю.

– Ага, – комично вздохнул Сезар, – по мне уж лучше смотреть на пьяниц, чем на Иллариона... Тебе кто больше нравится: епископ или граф Рев?

– А тебе?

– По мне, так оба хуже, – хохотнул Сезар, – но нам действительно пора, не стоит приходить позже всех.

Они все же запоздали и с удовольствием не стали продираться к тому месту, где стояли члены королевской семьи. Храм Триединого стал еще богаче, но облупленные стены, на месте которых все, кроме Сандера, видели фрески, остались прежними. Равно как и епископ Илларион, чужой, строгий, равнодушный. Затеянная Эллой служба казалось бесконечной, но Малве и Эстре честно ее отстояли и с чувством выполненного долга направились к выходу. После душного полумрака собора весенний день казался особенно ярким и солнечным. Александр и Сезар, не торопясь, шли за покидавшими храм нобиями, стараясь по возможности никого не толкать. Внезапно толпа остановилась, и они не сразу сообразили, что это неспроста. Гул утих, и в наступившей тишине Александр услышал чей-то низкий гневный голос и злобный ответный крик Жоффруа.

Герцог Эстре стал быстро протискиваться вперед, его узнавали и расступались. Перепалка впереди нарастала, Жоффруа уже сорвался на визг, и сердце Александра сжалось от тоскливого предчувствия очередной неприятности. Если честно, Эстре не очень любил брата, вернее, очень не любил, но Жоффруа был Тагэре, а значит, его придется поддержать, по крайней мере публично. К счастью, Филиппа слышно не было, видимо, король предоставил спорщикам выяснять отношения самим. Но что же все-таки случилось?

У входа в храм прямо на ступеньках стоял красный, как рак, Жоффруа, у ног его валялась черная перчатка, обладатель которой – здоровенный нобиль лет тридцати, которого Сандер вроде бы уже видел, причем совсем недавно, стоял тут же, с вызовом глядя на братьев Тагэре.

Филипп с каменным лицом переводил взгляд с незнакомца на Жоффруа и обратно. Вилльо неловко переминались с ноги на ногу и, небывалое дело, старались казаться незаметными. Александр уловил отрывок последней фразы и насторожился:

– ...Кодекс Розы⁷⁰ еще не отменен!

– Ты – предатель и негодяй, – Жоффруа явно дошел до такого состояния, когда не отвечают по существу, вместо этого в ход идут оскорбления, – твое место в Речном Замке! Неужели ты думаешь, что я стану с тобой драться?!

– Герцог Ларрэн, видимо, хочет сказать, что он дерется только со слабыми?

– Ты, приспешник Лумэнов! Если не хочешь попасть к палачу, замолчи и убирайся.

– Лучше быть казненным за верность, чем за предательство, – отрезал незнакомец. – Ты – цареубийца и трус! Я требую, чтоб ты принял вызов!

Положение было пиковым. Жоффруа дуэли не хотел, это было очевидно, Филипп молчал. Да и что он мог сказать? Велеть брату принять вызов? Заставить дерзкого нобиль замолчать? Приказать его схватить? Что бы король ни сделал, Тагэре бы это не украсило, а толпа меж тем все больше склонялась на сторону верзилы-лумэновца. Люди еще молчали, но и молчание бывает красноречивым.

Александр понимал, что правота на стороне неизвестного, но Жоффруа был братом короля, и его публичный позор ложился пятном на семью. Младший из Тагэре решительно вышел вперед и поднял перчатку:

– Сударь, я принимаю ваш вызов. Это будет справедливо. Я отказался драться с Филиппом Лумэном, и вместо меня вышел мой брат. Теперь я возвращаю ему долг.

Незнакомец окинул его взглядом.

– Что ж, пусть будет так, хотя вас я хотел бы убить меньше всех. Выбор времени и места за вами.

– Здесь и сейчас, – Александр спокойно выдержал взгляд будущего противника, – думаю, это вас устроит...

⁷⁰ Кодекс Розы – кодекс чести, обязательный для каждого дворянина Благодатных земель.

– Вполне.

И тут впервые раздался голос короля, приказавшего очистить площадку и принести кресло для Ее Величества.

Так, Филипп не попытался его остановить, значит, он с ним согласен... Теперь нужно победить, ведь он дерется за честь Тагэре. О противнике он не знает ничего или почти ничего, но тот, судя по всему, опытный боец.

Александр отошел в сторону, глядя, как огораживают площадку и выстраивают оцепление, чтобы сдержать напор зрителей. Это заняло не столь уж много времени. Герцог Эстре сбросил плащ и куртку и остался в одной рубашке. Это его не украшало, но дуэль, слава святому Эрасти, не бальный танец, да и не всем же быть стройными красавцами. Сезар молча взял вещи друга, незаметно пожал руку и отошел. Александр отсалютовал шпагой сначала королю, а затем сопернику. Вряд ли этот нобиль дерется лучше Мулана, впрочем, чего загадывать, сейчас узнаем.

Лумэновец бросился вперед. Жоффруа был прав, не желая драться, такой противник был ему не по плечу. Нападающий был быстр, очень силен и уверен в себе, но левша явно стал для него неприятным сюрпризом. Лишь столкнувшись с настоящим силачом, Александр смог оценить собственную силу. Его руки были не слабее, чем у противника, а держать дыхание Дени, хвала Эрасти, его научил... Так, проверим, как у нашего верзилы с защитой... Александр выполнил поворот, ушел вправо и попробовал достать лумэновца снизу. Не вышло! Отпарировал... Ну, да еще не вечер, танцевать так танцевать, легкость тоже имеет свои преимущества.

Эстре двигался легко и непринужденно, заставляя соперника принять его игру. Тот держался мастерски, но успевать за проворным длинноруким горбуном было непросто. Дени научил своего питомца извлекать преимущества даже из разницы в росте. Поворот, еще один! Попал!!! То, что нужно! Переложит шпагу в левую? Нет! Видать, не обучен... Ну, что ж, посмотрим, насколько его теперь хватит.

В любом случае, тянуть бедняга теперь не сможет, с такой-то раной в плече! Постарается разделаться с соперником побыстрее, пока рука не онемела...

2885 год от В.И.

27-й день месяца Иноходца.

Мирия

Это была очень хорошая книга. Переплетенная в тисненую кожу, со множеством иллюстраций, живописующих подвиги Анхеля Светлого и его соратников. Рафаэль с детства любил читать о былых битвах и смутах, но на сей раз, лениво полистав страницы, со вздохом отодвинул тяжелый том. Взял гитару, старательно настроил, проверил, как звучит, и поставил в угол... Не хотелось ничего. Это была прошлая жизнь, с которой он рвал раз и навсегда. Может быть, в Новом Эланде он вновь станет читать книжки, в которых наверняка написаны еретические вещи, а если у него появятся друзья, споет им... Проклятый, когда же придет «Сын садана»?!

Рито вынул нож, проверил безупречность лезвия и вновь сунул за пояс, взъерошил и пригладил волнистые черные волосы, пододвинул к себе бумагу и одним росчерком пера изобразил крупную камбалу, а затем добавил пронзившую ее острогу. Легче не стало. Сын герцога Энрике скомкал рисунок, бросил на медное блюдо, высек огонь и поджег. Бумага вспыхнула и почернела, какое-то время золотым шитьем на черном бархате проступил рисунок, потом погас. Рафаэль вздохнул и уставился в глаза своему святому родственнику, висевшему в углу. Великомученик Эрасти ответил восторженно-глупым взглядом. Рито отвернулся к окну, на небе не было ни облачка, начинался еще один день ожидания. Возможно, долго-жданный корабль придет вечером. Или не придет... Маркиз Гаэтано решительно придвинул к себе отвергнутую ранее книгу и принялся сосредоточенно закрашивать белые петельки внутри букв. Он портил уже третью страницу, когда в дверь постучали. Захлопнув злополучный фолиант, Рито раздраженно бросил:

– Я не запираюсь.

Вошедшего он знал, хоть и не очень хорошо. Молодой красавец родом из Бейры частенько бывал при дворе и слыл любимцем дам и девиц. Рафаэля сей образец куртуазности не интересовал. Впрочем, высокий рост и уверенность движений заставляли предположить, что Бекко ре Бейра умеет обращаться не только со щетками для волос. Но что ему надо ранним утром от взбалмошного герцогского сына?

– Зачем я вам понадобился, сигнор? – Рито никогда не отличался терпением и излишней любезностью, а сейчас его и вовсе все бесило.

– Трудный вопрос, – Бекко с трудом сдерживал волнение, – я не должен был приходить и не мог не прийти... Это не мое дело, сигнор Рафаэль... И не ваше, по большому счету, но я...

– О чем вы? – Станный разговор начинал раздражать.

– Дело в том... Я... м-м... У меня есть возлюбленная...

– Поздравляю, – поднял бровь Рафаэль, – и что с того?

– Ничего, – замялся Бекко и вдруг выпалил: – Она циалианка. Я был у нее ночью. Вашей сестре очень плохо и будет еще хуже, если она не...

– Если она не что?!

– Если она не... Ну, вы же знаете, что говорят про Дафну? Так вот, это правда! Конечно, дела сестер – это дела сестер...

– Хватит, спасибо, что сказал, – Рафаэль был уже у двери.

– Монсигнор, но вы... Мне и моей даме не хотелось бы, чтобы...

– Успокойтесь, я вас не выдам.

Бекко еще что-то говорил, но Рито уже не слушал. Все его благоразумие куда-то делось вместе с благим намерением сдержать данное отцу слово. Он и раньше знал, что Дафна развлекается с девушками, но надеялся, что на дочь герцога у нее рука все же не поднимется. Поднялась. Да и чего было ожидать после того, как отец так унизился?! Но малявку он вытащит! Так они не договаривались! Он любит Рено, но та бы отказалась от жертвы Даро, если б знала, что от девочки требуется на самом деле.

Отец не зря упрекал старшего сына в том, что он сначала прыгает со скалы, а потом вспоминает, что сейчас отлив. Рафаэль не подумал ни о лошадях, ни о платье для Даро, ни об укрытии, в котором мог спрятать сестру до прихода корабля. Правду сказать, он вообще ни о чем не подумал. Главное было увидеть Даро, убедиться, что с ней ничего страшного не произошло и увести из этой мерзкой дыры. Истинный байланте, Рито никогда не загадывал дальше, чем на один шаг. Бык бросится, тогда и посмотрим в какую сторону прыгнуть...

Через монастырскую стену он перебрался легко и просто. Все рассказы о магических ловушках оказались бабьими выдумками, как он, впрочем, и думал. Отец дал себя запугать и проиграл, а камбала отнюдь не так сильна, как говорит. Скорее всего, Рено была отравлена, а не заколдована, все остальное сделали страх отца и наглость Дафны, за которую она еще поплатится. Но сначала малявка!

Глухая стена стоящего особняком здания, в котором жила бланкиссима и куда, как с ходу решил Рафаэль, поселили Даро, была увита кошачьим виноградом. Цепляясь за лозы, Рито вскарабкался на крышу, вспугнув стайку откормленных голубей, которых, к слову сказать, терпеть не мог. Взломать слуховое окно было и вовсе просто, равно как и чердачный люк. То, что он делал, было преступлением против законов светских и церковных, но Рафаэль Кэрна на эти законы плевал. Он должен был спасти сестру, хотя бы на него ополчились все клирики мира. Юноша тенью крался по прохладному коридору. По обеим сторонам тянулись закрытые двери. Похоже, найти малявку сложнее, чем вытащить...

Коридор круто сворачивал. Было тихо, и Рито рискнул выглянуть из-за угла. Ага, похоже, он попал к апартаментам Дафны. Проход шире, на полу ковры, а стенки расписаны какими-то циалианскими глупостями. Одна из дверей распахнулась, пропустив тощую капустницу с подносом. Рито совсем вжался в стену, готовый, если что, схватить дуру за шею и слегка придушить, чтоб не закричала, но непорочная сестра свернула в другую

сторону. В два прыжка преодолев расстояние до оставшейся открытой двери, Рито скользнул в святая святых обители. Прихожая Дафны была темной и большой, в углу теплилась лампада, на которую целомудренно взидала святая. Несколько кресел, стол, покрытая сукном скамья, под которую, если что, можно забраться, и сразу пять дверей.

При всей своей импульсивности, Рафаэль никогда не играл в кости и карты, предпочитая милостям судьбы честный бой хоть с быком, хоть с человеком. Однако теперь ему предстояло вытащить одну карту из пяти, если, разумеется, Даро тут. В коридоре слышались шаги, и юноша ужом скользнул под примеченную скамейку. Вошли двое. Нет, сегодня судьба была на его стороне. Худосочная циалианка привела с собой Даро! Сестра произнесла лишь одно слово, но, даже промолчи она, Рито бы ее узнал по походке, по дыханию, по чему-то, чему и вовсе нет названия, но что позволяет нам чувствовать присутствие близких. Из своего малоприглядного укрытия он мало что видел, но слух у него был как у кошки.

Даро и ее спутница остановились у центральной двери. Циалианка постучала громко и вместе с тем робко. Низкий голос, который Рафаэль ненавидел с детства, буркнул что-то неразборчивое.

– Послушница Доротея по зову бланкиссимы.

Твари, девчонка же еще не приняла постриг! Они еще не должны забирать ее имя, ведь имя последнее, что у нее осталось...

– Пусть войдет, Иола. Скажи, чтобы нам не мешали.

Скрип... Открылась и закрылась дверь. Циалианка зашаркала вон, старательно затворив за собой дверь, а вот это уже со стороны комнаты Дафны. Повернулся ключ, щелкнул замок, и настала тишина. Рито выбрался из-под скамейки и задумался. Вряд ли камбала рискнет развлекаться среди бела дня в своих апартаментах. Мало ли кто может прийти. Наверное, опять будет приставать к малявке с Писанием. Ладно, он подождет за занавесками, пока Даро поведут назад, и запомнит дорогу. Удастся – поговорит, нет – вернется ночью. На всякий случай.

Заявится камбала, пусть пеняет на себя, а обойдется, он просто переночует у сестры и уйдет до вечера. И так, пока не придет «Сын садана», а дальше... Дальше прощай, Мирия! Какими бы ни были пресловутые маринеры, сестре всяко будет у них лучше, чем в этом склепе, по недоразумению именуемом божьим домом...

План казался благоразумным и осуществимым, и, как и большинству великолепных планов, ему не суждено было сбыться. За дверью закричала Даро, и в этом крике было столько ужаса и отвращения, что Рито враз утратил все свое благоразумие, которого, говоря по чести, было не так уж и много. Дверь у бланкиссимы была хорошей, а вот замок подгулял. Дафна навела на всех такой страх, что никому и в голову бы не пришло ее тревожить, когда она закрывалась у себя, и тем более вламываться в ее апартаменты. А вот Рито пришло. Удар ногой, и дверь с треском распахнулась. Хрюкнул вырванный с мясом замок, закачалась разорванная цепочка. Две пары глаз уставились на юношу, белесые с ненавистью, черные с безумной радостью и надеждой.

Циалианка вскинула пухлую руку. То ли грозила, то ли готовилась к заклятью, то ли просто испугалась, этого ни Рафаэль Кэрна, ни его сестра так никогда и не узнали. Рито был быстр, как мангуст или мирийский байланте, и он никогда не промахивался. Свистнул брошенный нож, и Дафна, не успев даже вскрикнуть, грузно и некрасиво свалилась на пол.

2885 год от В.И.

27-й день месяца Иноходца.

Арция. Мунт

Барон Эгон Фарни стиснул зубы. Рана была неопасной, но неудобной! Сам виноват, раскрылся, как последний осел. Нужно собраться, собраться и покончить с горбуном одним ударом. Хитрый финт, пережат, ложный замах и удар в сердце! Но сначала сократить расстояние. Сократишь тут... Непростой противник, ох непростой, лучше с тремя обычными

сцепиться, чем с одним таким. Смотреть не на что, а силища медвежья, и скачет, как кошка... Проклятый! Ну да и не с такими справлялись... Барон отступил и внезапно бросился вперед в низком выпаде. Это был его коронный удар, но Тагэре опять ушел вправо. Он все время уходит вправо, но в поединке нельзя повторяться, следующий раз Фарни его достанет, только этого следующего раза может и не быть. Барон понимал, что слабеет, дыхание сбилось, в глазах стало темнеть... Если ничего не придумать, он сейчас свалится здесь, как мешок. Проклятому ублюдку и делать-то ничего не нужно, только плясать и держать дистанцию.

А Александр Тагэре давно усвоил, что во время боя нужно следить за глазами соперника. И он следил, тем паче здоровенный лумэновец не умел скрывать ни своих намерений, ни своих чувств. Сандер легко читал его мысли. Когда же понял, что побеждает, ему стало чуть ли не весело. Весело, пока побелевший от потери крови верзила не бросился в последнюю, отчаянную атаку. Это казалось безумием. Удар был сильным, стремительным, но совершенно простым. Уже уворачиваясь, Александр вдруг понял, что этот отчаянный выпад – обманка. Направление вражеской шпаги неожиданно изменилось, но он все-таки успел на мгновение опередить своего соперника. Отскочив назад, герцог остановился, стараясь побыстрее восстановить сбившееся дыхание. Его противник тоже стоял, и было видно, что он вложил в последнюю атаку все свои силы. Бедняга едва держался на ногах, а на Александре не было и царапины. Пора было кончать, и Сандер метнулся вперед, противник поднял шпагу, но оба уже знали, кто победит.

Короткий обмен ударами, очередной финт, и Тагэре мощным кистевым движением выбил кинжал противника. Даже после этого лумэновец пытался сопротивляться, но у него уже попросту не было сил. Еще одна атака, и соперник Александра поскользнулся и упал, выронив шпагу из окровавленной руки. Брат короля нагнулся над проигравшим: в глазах незнакомца не было ни страха, ни даже злобы. Просто тоска и боль.

Тагэре рванул на себе рубаху, отрывая лоскут, и зажал им чужую рану:

– Вам нужен медикус... А потом лучше уехать.

– Вы мне угрожаете...

– Нет... Но я здесь не один, – Александр помог сопернику встать, что с учетом его веса было не так уж и просто, – к несчастью, далеко не все отвечают на оскорбления, глядя в глаза.

– Я это понял... Не думал оставлять шпагу в руках Тагэре...

– Мне не нужна ваша шпага, сигнор. Оставьте ее у себя. Проводить вас?

– Не стоит. Я, вероятно, должен назвать свое имя. Эгон Фарни, барон Гран-Гийо. Хотел бы как-нибудь по квитаться, но вряд ли это возможно. Вы мне не по зубам...

– Рад познакомиться, – Тагэре протянул руку. Фарни мгновение помедлил и ответил на рукопожатие. – Вы – настоящий рыцарь, Александр Тагэре. Пока. Но если вы останетесь с этими убийцами, то станете таким же, как они.

– Я верен брату и Арции, – голос Александра мог бы звучать и холоднее, – но я не отвечаю за грязь, которая липнет к королевским сапогам. И не мы первые начали... Счастливого пути, барон...

Он не стал дожидаться ответа, а, молча отсалютовав шпагой, повернулся и пошел к ступеням собора, на которых его ждали братья. Герцогу Эстре отчего-то было мучительно стыдно перед человеком, которого он не убил, хотя мог. Для этого даже не были нужны тайные удары Аларика, хватило выучки покойного Дени. Будь трижды проклята эта безумная война, в которой арцийцы убивают арцийцев. В которой нет победителей, кроме Жозефа с Джакомо!

Люд на площади радостно орал, и младший из Тагэре понял, что ситуацию он все-таки переломил. Горожане с восторгом выкрикивали его имя, и Сандеру показалось, что они рады, что он не убил здоровяка-барона. Александр спокойно подошел к брату и даже выдавил из себя улыбку, когда Филипп раскрыл ему объятия. Жоффруа тоже что-то пищал, но Александру было не до него. Его поздравляли, даже королева подала унизанную

кольцами руку, которую он честно поднес к губам. Паж притащил кубок с вином и полотенце. Александр торопливо стер с лица пот и натянул поданную Сезаром куртку. Приветственные крики не утихали.

– Сегодня, любезный брат, вам оказывают прямо-таки королевские знаки внимания, – королева улыбалась, но глаза ее оставались холодными.

– Лучше пусть кричат «виват» Александру, чем плюют в спину Жоффруа, – отрезал король. – Мы счастливо отделались, но, похоже, с празднествами пора заканчивать. Сегодня, завтра, и хватит! Сандер, я не знаю, где ты мне нужен больше, здесь или в провинции...

– Думаю, в провинции, – пожал изуродованным плечом Александр. – Мунт и так на нашей стороне.

– Что ж, послезавтра вы с графом Ревии отправитесь на юг, заодно и Сезара проводите, – король улыбнулся, – боюсь, что виконт Малве еще не знает о моей просьбе. Я хочу, чтоб он отвез мои письма Марку и Марте и остался при дворе до весны. Ты меня понимаешь?

– Война?

– Возможно. Рано или поздно нам придется расплатиться с Марком за помощь и сломать шею Пауку. Я не знаю, как пойдут дела в Арции, это зависит и от твоей поездки, но то, что моим посланником станет сын Анри, понравится оргондцам и арцийцам и не понравится Жозефу.

Брат был прав. Расставаться с Сезаром не хотелось, но с точки зрения политики Филипп все рассчитал верно. Негласным послом Арции станет не Вилльо, а Мальвани. Это понравится аристократии, напугает Паука и намекнет Марку, что Мунт готовится к войне. Правда, на взгляд Александра, сначала следовало бы призвать к порядку Эскоту и Фронтеру, но одно другому не мешает.

– Я выйду завтра. Могу я взять с собой своих рыцарей?

– Бери кого хочешь, – светло улыбнулся Филипп, – ты второй человек в королевстве, так что уволь меня от всякой ерунды, дел море. Не хватало, чтоб ты бегал ко мне со всякими глупостями, – король не добавил, что некоторые вещи Александр знает не хуже, если не лучше его самого.

2885 год от В.И.

27-й день месяца Иноходца.

Мирия. Рорские скалы

Рафаэль тащил сестру за руку, Даро держалась из последних сил, смешно подпрыгивая и путаясь в дурацких длинных юбках. У них не было времени ни для переодевания, ни для раздумий. Они просто бежали, в ужасе от того, что натворили, и бежали неудачно. Глухой приближающийся лай возвещал о том, что охота ведется по всем правилам. Рафаэль приостановился, смахнул со лба прилипшую прядь и, резко развернувшись, поволок полуживую сестру в Рору. Там они оторвутся от собак, неспособных карабкаться по скальным уступам и обломкам, там, наверху, он один сможет обороняться от сотни. Возможно, им удастся дотянуть до ночи и потихоньку спуститься к морю, а там, кто знает... Вдруг проплывет рыбацья лодка, а нет, ему придется собственными руками убить сестру. За себя Рито не беспокоился: он умрет, сражаясь, как это случалось со многими. Слишком многими в роду Кэрна.

Пятнистые раскаленные скалы приближались чудовищно медленно, но приближались. Вот и Чертова Лестница. Рафаэль посадил сестру на первый уступ и, подтянувшись на руках, оказался рядом.

– Что ты делаешь?!

– Иначе мы не уйдем, – взмах ножа, и кусок широкой атласной юбки белым флагом упал на камень. – Так-то лучше, – удовлетворенно произнес Рафаэль. – А теперь – туда!

Даро послушно протиснулась в узкую щель, брат скользнул следом, и они оказались на козьей тропе, знакомой Рито с детства. Гудели пчелы, из трещин в скале струились хмель и чертов выюн, аромат диких роз смешивался с йодистым запахом моря... В одном месте

тропинка осыпалась. Даро испуганно остановилась, и Рито ничего не оставалось, как чуть ли не перебросить одуревшую от ужаса девушку через опасное место. Сестра удержалась, схватившись за куст рапирника – плохо, наверняка порезалась, но сейчас это не главное. Перемахнув через осыпь, Рафаэль остановился и легко, не хуже дикой кошки, вскарабкался на нависающие над опасным местом скалы. Хвала Творцу, сделать это можно было лишь с их стороны. Сдвинув один из раскаленных камней, юноша толкнул его на тропу. Камень глухо шлепнулся об осыпь, на миг задержался и, увлекая за собой нескольких собратьев поменьше, ринулся вниз. Рито толкнул еще два булыжника, друг за другом. Эти пошли ходче, а за ними, поднимая тучу пыли, устремилась сначала всяческая каменная мелочь, затем обломки покрупнее и наконец здоровенный кусок скалы, на первый взгляд нерушимо лежавший на своем месте. Юноша, замирая, смотрел на дело рук своих. Тропинки больше не существовало, а значит, они выгадали какое-то время. Он спрыгнул к сестре.

– Порезалась? Терпи, кровь сейчас остановится.

– Я терплю, – она попыталась улыбнуться, – я виновата перед тобой.

– Замолчи, – Рито возвысил голос, – уцелеем – кайся сколько хочешь, а теперь давай вперед и вверх.

Девушка вздохнула и послушно пошла впереди. Подъем был крутой, несколько раз приходилось взбираться на природные ступени высотой в человеческий рост. Даро была девочкой домашней, для нее перепрыгнуть через канаву и то было делом немыслимым, но страх и отчаянье научат всему. Она молча лезла вверх, неумело и неуклюже. Если бы не брат, Дариоло давно лежала бы внизу, но пока им везло. Они забрались на самый край скальной гряды, выдававшейся в море. Внизу переливалась всеми оттенками синего теплая соленая вода, сверху, сверкая белоснежными крыльями, парили чайки. Море и небо не несли угрозы, но и помощи оттуда ждать не приходилось. А вот земля... Даро в изнеможении лежала на темно-зеленой шкуре из плетей чертова вьюна, покрывавшего собой площадку, на которой некогда собирались строить, да так и не построили штормовой маяк.

Рафаэль, стараясь не показываться преследователям, осторожно высунулся из-за каменной насыпи и глянул вниз. Вот тропинка, по которой они пришли, а вот и пятно обвала. Так и есть, несколько темных фигур топчутся у самого края. Ну и пусть их. Другой дороги сюда нет. Конечно, не бывает гор, на которые нельзя взобраться, но для этого нужно возвращаться, брать крючья, веревки, стальные когти, да и одно дело просто лезть на скалы, а другое ожидать сверху обвал или удар ножом... Хотя, – Рафаэль прикусил губу, – зачем им лезть наверх? Они подождут, когда беглецы попробуют спуститься вниз, долго в раскаленных скалах без еды и особенно без воды не продержаться. Сейчас, когда он немного успокоился, весь ужас их положения стал очевиден. Здесь их ждала смерть долгая и мучительная, внизу же... Там было еще хуже. Нет, спускаться нельзя.

Он не сразу понял, что его зовут. Сестра встала и теперь отчаянно махала руками. Спрыгнув к ней, Рито недовольно бросил:

– Ну что у тебя?

– Посмотри!

– Куда?

– Да в море же!

Он посмотрел. Вдоль самого берега шел корабль. Большой черный трехмачтовик легко разрезал волны, оставляя за собой пенный след. И... Рито не поверил своим глазам: на мачте не было ни знака ортодоксов, ни синего атэвского треугольного знамени. Рафаэль не рассмотрел как следует развевающуюся сигну, но это было неважно. Это был пиратский корабль, а пираты могли оказаться как стервятниками, так и орлами. А вдруг это маринеры?

Рито бросился к кромке скалы, отчаянно размахивая сначала руками, а затем сорванной на ходу рубахой. Неужели уйдут, не заметят?! Нет, заметили. Корабль быстро ложился в дрейф. А затем... Затем в скалу рядом с Рито вонзилась арбалетная стрела, к которой был привязан конец бечевки. Попробовав ее на разрыв, юноша быстро и надежно закрепил конец и обернулся к сестре:

– Пошли!

Она молча кивнула, но осталась стоять. И то сказать, ладони малявки были изрезаны, а лазать по веревкам она сроду не умела, ее готовили для иного. Рито задумался, а потом, сорвав поясной ремень, накрепко притянул друг к другу кисти девушки.

– Садись мне на спину. Вот так. Да, руки сюда. Глаза лучше закрой.

Все прошло лучше некуда, если не считать содранной с ладоней кожи. Седой стройный человек со смутно знакомым лицом помог беглецам спуститься на борт и ушел, предоставив Рафаэлю хлопотать возле сестры. Возясь с ремнем, юноша мимоходом глянул в сторону берега и подивился, с какой скоростью исчезает в синей дымке давшая им приют скала...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ SIC ERAT IN FATIS⁷¹

*В этом темном, глухом и торжественном мире – нас двое.
Больше нет никого. Больше нет ничего. Погляди:
Потемневшее солнце трепещет, как сердце живое,
Как живое влюбленное сердце, что бьется в груди.*

Г.Иванов

2885 год от В.И.

Ночь с 27-го на 28-й день месяца Иноходца.

Серое море

Рафаэль не помнил, как они с Даро добрались до каюты и уснули. По всем законам божеским и человеческим нужно было разыскать капитана, поблагодарить за спасение, узнать, куда направляется спасший их корабль, но мягкий, ласковый полумрак словно бы затянул юношу в свои объятия. Рито прилег, думал, что на минутку, и провалился в иные миры, полные плеска волн и звездных дождей. Когда Кэрна пришел в себя, было тихо и темно. Сквозь круглое окно виднелся кусочек звездного неба – черный бархат, усыпанный бриллиантами. Даро спала, корабль слегка покачивало, и Звездный Вихрь то открывался почти полностью, то прятался за край рамы, еще более черной, чем ночное небо. Мириец немного полежал, вспоминая безумный вчерашний день. Вчерашний? Или он убил Дафну уже позавчера? Как бы то ни было, они живы и куда-то плывут, знать бы еще куда. Как же им повезло с этим кораблем. Интересно, откуда он, вдруг да с Берега Бивней?! Хотя такой удачи просто не может быть! Ну да откуда бы ни были эти корсары (а то, что это корсары, очевидно), они повели себя как друзья.

Если бы не сестра, можно было бы остаться с ними, но Дариоло не из тех женщин, что вольготно чувствуют себя среди множества вооруженных мужчин. Вот Рено, та наверняка была бы в восторге. По крайней мере, прежняя Рено, а не та сломленная, угасшая женщина, которую он оставил в Кер-Эрасти... Ну да хватит об этом. Чем быстрее он забудет Мирию, тем лучше. Дома они вне закона, но отец вряд ли станет добиваться их выдачи. Куда же все-таки направляются их спасители?! Только бы не в Элл, там им не поздоровится...

Рито рывком сел, кое-как на ощупь пригладил волосы и спрыгнул на пол. Даро даже не пошевелилась, кто бы мог подумать, что после случившегося малявка будет так крепко спать. Лючо был прав, когда говорил, что женщины как кошки: если чего не понимают, то об этом и не думают. Дверь легко открылась. Спасители им доверяли, не отобрали оружие, не спросили имен, не заперли каюту... Рафаэль вышел на палубу и легко отыскал в черном небе Око Рыси⁷². Похоже, они плывут на север. Значит, Арция или Оргонда! Что ж, это хуже

⁷¹ Так было суждено (*лат.*).

⁷² Око Рыси – зеленоватая звезда в Созвездии Рыси, указывающая, где север. Наряду с Осенним Треугольником (триа самыми яркими звездами в созвездиях Альбатроса, Палача и Гитары) является одним из главных ориентиров при мореплавании.

Нового Эланда, но лучше всего остального. Попробовать отыскать кого-то из вахтенных или не стоит? В такой час все должны быть сонными и бестолковыми, а ему лучше сразу поговорить с капитаном или тем седым нобилем, который помог им спуститься. Проклятый, какой большой корабль и как тихо... Сколько же нужно матросов, чтоб управлять такой громадиной?! Несколько сот, не меньше. Рито подошел к борту, пытаясь что-то рассмотреть в волнующейся и глухо шумящей тьме. Наследник герцога Энрике обладал чуткостью мангуста, но все же вздрогнул от неожиданности, услышав негромкий голос:

– Вы не возражаете, если здесь прибавится света?

Рафаэль резко обернулся и оказался лицом к лицу с тем самым моряком, который им помог спуститься на корабль. Спаситель улыбался, держа в руках оплетенный четырьмя цепочками небольшой светящийся голубоватым шар.

– Я еще не поблагодарил вас за помощь, сигнор.

– И не стоит, – улыбнулся моряк, цепляя светильник за какую-то свисающую сверху снасть, – я не думаю, что когда-нибудь об этом пожалею.

– Я, наверное, должен назваться.

– Вы ничего и никому не должны, – еще раз улыбнулся незнакомец, – хотя при разговоре удобнее хоть как-то обращаться к собеседнику. Меня можно называть Аларик.

– Я – Рафаэль, Рафаэль Кэрна. Мою сестру зовут Дариоло. Если бы вы не оказались поблизости...

– Да, удачно вышло, что я вас услышал, – подтвердил Аларик.

– Услышал? – Брови Рито удивленно поползли вверх. – Но разве можно было нас услышать?!

– Можно, – невозмутимо подтвердил моряк, – вы не представляете, какие силы будит человек, готовый сражаться до конца и не подвластен страху. И потом, я ждал чего-то подобного. Я видел, как вы с сестрой прыгали через огонь, видел ту тварь, что шла по вашему следу...

– Я... я не понимаю.

– Возможно, – кивнул серебряной головой Аларик, – да это и не суть важно, главное, я успел вовремя. Но чем скорее вы покинете корабль, тем лучше. «Созвездие» не лучшее место для живых, хотя силы вам с сестрой не занимать... Скоро мы подойдем к берегу, и вы сойдете. Это недалеко от Аданы. Отыщете там таверну «Отрубленный язык» и передадите хозяину поклон от Сивого Анна. На первых порах он вас приютит, а дальше ваше дело. Я так полагаю, что все ваше имущество состоит из ножа и обрезанной юбки...

– Да, у нас нет денег... Но вот это кольцо...

– Пылающее сердце на черном, – моряк улыбнулся с какой-то горечью. – Кольцо наследника рода Кэрна. Что ж, я лишний раз убедился в том, что на краю эпох случайности перестают быть случайностями, равно как и хитрости хитростями... Ловцы сами попадают в ловушки, жаль, что вместе с невинными.

– Монсигнор, о чем вы?

– Так, о многом и ни о чем. Кольцо оставьте при себе, еще найдете кому отдать. А вот золото возьмите! И молчи... Я старше вас, Рафаэль Кэрна, да и ауры не самая важная вещь в мире. Но многие двери удобнее открывать золотым ключом, да и сестре вашей и платье нужно, и крыша над головой.

– Монсигнор, можно мне спросить?

– Разумеется.

– Вы не с Берега Бивней?

– В известном смысле, – улыбнулся Аларик. – Догадываюсь, чего вы хотите. Вы правы, Новый Эланд – место как раз для таких, как вы. Но, сдастся мне, вам придется заняться куда более важным делом, чем война с ортодоксами.

– Я не понимаю.

– Придет время, поймете. Или я расскажу.
– Вы? Мы еще встретимся? Где? Когда?
– Когда придет время, я найду вас. Или пришлю кого-нибудь. А пока просто живите и не думайте ни о чем. Молодость кончается быстро, а у вас, боюсь, кончится еще быстрее, чем у ваших сверстников, так что постарайтесь быть посчастливее и повеселее... Пока сможете.

2885 год от В.И.

Ночь с 6-го на 7-й день месяца Медведя.

Арция. Мунт. Речной Замок

Ив Сашни по кличке Боров смачно выругался и, путаясь в ремнях, принялся надевать доспехи, собираясь в полуночный обход. Собственно говоря, обходы эти были чистой воды глупостью, потому что в Речном Замке некого было охранять и не на кого покушаться. Королевское семейство предпочитало дворец Анхеля, а единственный узник замка – Пьер Лумэн, в очередной раз низложенный и водворенный со своими хомяками в Соляную башню, никаких хлопот не доставлял. Однако глупое начальство требовало, чтобы каждые три оры караул невесть за чем проходил по всем лестницам и галереям. Как-то раз Сашни, перебрав царки, махнул рукой на эту причуду, но его враг и соперник Виктуар Тюлли, по заслугам прозванный Хряком, донес об этом коменданту. За нерадение Ив получил хорошую затрещину и остался без месячного жалованья. Потом он отплатил Хряку той же монетой, но с тех пор, какой бы мерзкой ни была ночь и сколько бы царки ни было выпито, Сашни и Тюлли пинками поднимали подчиненных и отправлялись в бессмысленную прогулку по бесконечным коридорам, в глубине души проклиная дурака-коменданта, которого ненавидели еще сильнее, чем друг друга. Сигнор Пандайе был глуп, как пень, а место свое получил потому, что был женат на одной из многочисленных родственниц королевы. Главнейшей своей обязанностью комендант почитал портить жизнь подчиненным, чем и занимался в том случае, если не перекрашивал стены в караулах в бежевый цвет и не пытался одновременно извести подвальных крыс, мышей и кошек. Но каким бы придурком ни был Пандайе, с ним приходилось считаться, и Ив в сопровождении четверки сонных стражников отправился в обход. Вояки протопали по оружейной галерее, полюбовались с Крысиной башни на горящие за Льюферой огни харчевен и кабаков и спустились в Жемчужное крыло, примыкающее к Соляной башне.

Впереди шествовал стражник с факелом, за ним сам Сашни и двое алебардчиков, и замыкал шествие еще один факельщик. В круглой комнате, вдоль стен которой стояли клетки и домики с хомяками, Ив сморщил нос и сплюнул. На самом деле от зверюшек и не думало пахнуть, и уж всяко они были чище и аккуратнее самого караул-декана⁷³, заработавшего свою кличку в том числе и за стойкое отвращение к воде и мылу, но Сашни хотелось поскорее выпить и завалиться спать, поэтому его бесило все, что попадалось на пути. Покинув «мышатник», караул свернул в Королевский коридор, и тут идущий впереди остановился, да так резко, что Боров на него налетел. Из начальственной пасти уже готовы были вырваться приличествующие случаю выражения, но они застряли в глотке. Навстречу караулу медленно двигалась светящаяся фигура в белом.

Просидевший в Речном Замке шесть лет Боров, разумеется, слышал о призраке некогда убитого в этих стенах Филиппа Второго, но видел его впервые. Старожилы замка утверждали, что вреда от привидения никакого, появляется оно редко и пророчит всяческие беды потомству своей мятежной жены⁷⁴. Как-то нынешний король, бывший тогда совсем

⁷³ Младший начальник караульной службы, имеющий в подчинении десять рядовых стражников.

⁷⁴ Филипп Второй, обладавший противоестественными наклонностями и бывший бездарным и слабым правителем, был свергнут своей женой Гортензией, вошедшей в историю под именем Оргондской Иволги.

мальчишкой, несколько месяцев кряду пытался подстеречь тень удушенного предка, но тот так и не появился, а вот сегодня Проклятый принес.

Стражи, вжавшись в стену, наблюдали, как плотный мужчина с творожистым бабьим лицом, слепо шаря перед собой руками, проплыл мимо и скрылся за поворотом. Первым опомнился один из алебардчиков, дюжий малый с рябоватой лошадиной мордой.

– Приперся, что б его, вот ведь пакость!

– Правильно Иволга сделала, что его придушила! – заметил товарищ рябого. – И к чему это он заявился, хотел бы я знать?

– Не придушили его, а отравили, – возразил алебардщик.

– Придушили!

– Отравили... Точно знаю!

– Сам он тебе рассказал, что ли?

– А ты бы вообще заткнулся!

– Придушили, отравили, – взорвался Сашни, – нам то что... Разве что запить это нужно...

Последняя мысль примирила всех. Караул-декан счел, что появление призрака – достаточно веский повод, чтобы прервать обход и прямым ходом направиться в караулку, тем паче коменданта сегодня в замке нет, доносить некому, а свои не выдадут – выпить всем хочется.

2885 год от В.И.

Ночь с 6-го на 7-й день месяца Медведя.

Арция. Мунт. Речной Замок

Лунный луч отыскал отверстие между занавесками и прошмыгнул в комнату. Пьер Лумэн спал очень чутко, особенно в полнолуние, и пятнышка холодного голубоватого света, скользнувшего по лицу, оказалось достаточно, чтобы низложенный король проснулся.

Пьер поворочался в постели, понял, что заснуть не получается, и слез на пол, решив перекусить. Жуя оставшиеся с ужина пирожные и запивая их вкуснейшим напитком, Его бывшее Величество задумался о преимуществах своего нынешнего положения. Впервые за много лет Пьер Лумэн был спокоен и счастлив. Больше ему не грозила никакая опасность, с ним были его малышоночки, и никто его не заставлял день напролет просиживать в неудобном жестком кресле и рисовать подписи на куче бумаг. В распоряжении Пьера была целая башня и трое слуг, которые по первому требованию приносили сласти и не отлынивали, когда он им приказывал насыпать свежих опилок или зерна для любезных королевскому сердцу зверушек. Пьер доел пирожное и блаженно улыбнулся.

Подумать только, что совсем недавно он был так несчастен... За ним явились люди в доспехах, чужие и опасные, приказали надеть неудобную и кусачую одежду, вывели из его замечательной уютной комнаты. Ему даже не позволили отдать распоряжения насчет Розочки, у которой вот-вот должны были появиться детки, а потащили во дворец, который он так ненавидел. Но даже это было не самым страшным. Там была жена, которая стала еще злее. Она велела ему сесть рядом с ней и кивать головой, когда она сжимала ему руку. У нее были длинные острые ногти, и ему было ужасно больно. Он сидел и смотрел, а к ним подходило очень много людей, которых он никогда не видел. Они говорили какие-то глупости, жена им отвечала, а он кивал. Это продолжалось долго, он устал сидеть, спать ему не давала Агнеса, о Розочке не было никаких известий, а люди в красном и желтом все шли и шли. Но даже когда они кончились, его не отпустили, а отвели в большие неприятные комнаты. Опять пришла жена, с ней был человек, которого Пьер когда-то где-то видел, и еще двое. Жена объяснила, что это его сын с женой. Он попытался объяснить, что у него нет сына и что это сын Святого Духа, как написано в Книге Книг, но ему сказали, что это его сын. И если он хочет, чтобы к нему принесли Розочку, он должен это запомнить. И он запомнил. Он делал то, что ему говорили. Розочку действительно принесли, но остальных малышоночков оставили в Речном Замке.

Он очень волновался и просился назад, но ему не позволяли. А потом жена и все куда-то уехали. Пьер сидел в своих комнатах, пока его не забрали и не отвезли в Речной Замок. Но тогда он не обрадовался, потому что испугался. За ним пришли очень злые люди, они его не любили и были даже хуже, чем жена. Его малышоночки были в порядке, но даже рядом с ними было страшно. Он почти не спал и не хотел есть. Потом приехал Евгений. Он стал совсем старый, весь трясся и опирался на посох, но был умным и добрым. Он посмотрел на малышоночков, даже помог покормить Сюсю Пятого, а самому Пьеру велел есть только то, что приносят слуги и при них, не спускаться ночами к Розочке, не слушать тех, кого он не знает и ничего от них не брать. Пьер знал, что старик желает ему добра, и делал все, как тот велел. Он так и сказал, когда к нему пришел высокий глупый человек в синем и сказал, что король – это он. Рядом с высоким была женщина, такая же злая, как жена, только белая и без усов. Она врала, что любит малышоночков, но Розочка ее испугалась и Сюся Четвертый тоже.

Пьер сказал синему, что тот привел с собой нехорошую даму, которая всем врет. И что он от них ничего не возьмет, потому что они хотят его убить, и будет разговаривать только с Шарло. Кто-то подлый и глупый сказал, что кузен мертв, но он ему не поверил. И правильно сделал, потому что вечером Шарло вернулся. Он не хотел, чтобы его узнали, и очень расстроился, хоть и не рассердился, когда Пьер назвал его по имени. Он прятался, и Пьер его понимал, он тоже не хотел сидеть на троне. И Шарло не хотел, хотя у него на голове была корона. Это было совершенно ясно видно. Черная корона с зелеными камнями. Кузен твердил, что никакой короны нет, но есть вещи, которые нельзя спрятать, как нельзя спрятать в рукав хомяка. Он обязательно высунется...

Разумеется, Пьер не выдал Шарло. Когда тот сказал, что его зовут Александр и что он никакой не король, Лумэн кивнул головой и дальше называл его, как тот хотел. Кузен всегда был с ним добр, и Пьер не мог его подвести. Они проговорили весь вечер. Шарло совсем не изменился, хотя и придумал себе другой цвет волос и другое лицо. Смешно, он думал, что так его не узнают. Может, он и обманул кого-то вроде давешнего глупца и его злой жены, но Пьер слишком хорошо знал своего красивого кузена и не мог ошибиться. Тот вернулся, и теперь ни самому Пьеру, ни его малышоночкам ничего не грозит. Можно спокойно спать, есть и гулять. Шарло никогда не позволит причинить ему вреда, он так и сказал, когда Пьер попросил приказать всем его не убивать. Шарло можно верить...

Низвергнутый и заточенный арцийский король блаженно улыбнулся. Кузен уехал в южные провинции на целый месяц. Он говорил, что там живут особые хомяки с черной полоской на спинке, и обещал привести. Скорей бы приехал! Прошлый раз его так долго не было, но Шарло вернется, он всегда возвращается, потому что обещал и знает, как его ждут... Пьер собрал и доел крошки и допил пахнувший черносливом напиток, от которого становилось тепло и радостно. Скоро приедет кузен, привезет обещанных полосатых малышоночков. Их нужно будет устроить... Сначала он поместит полосатиков отдельно, пусть привыкнут, а потом познакомит с другими... Но куда поставить клетки? Пожалуй, между Пионом и Масей можно поместить еще одну. Или возле Сюси?

Вопрос требовал немедленного решения, и Пьер решительно встал. Пол покачнулся, но это было даже приятно. Король был охвачен жадной деятельностью. Сейчас он спустится к малышоночкам, проверит, все ли в порядке, и переставит клетки так, чтобы новеньким было удобно. Пошатываясь и улыбаясь во весь рот, Лумэн распахнул дверь и ступил на узкую высокую лестницу, соединявшую его комнату с помещением для хомяков. Внезапно нога за что-то зацепилась, король, изогнувшись, попробовал схватиться за перила, но те отчего-то оказались скользкими, Пьер не удержался на ногах и кубарем покатился вниз...

Проклятый

Сирень все еще цвела, тяжелые гроздья всех оттенков от белоснежного до темно-фиолетового казались застывшим колдовским пламенем. Когда-то ему казалось, что красота Сада навеки привяжет к нему Циа. Он ошибался... И вообще Циа давно нет, нужно не

прошлое оплакивать, а о будущем думать. О том, что предстоит сделать ему и светловолосой женщине, разыскавшей его в цветущем аду. Он должен исполнить клятву, данную Ларэну. Неужели Лунный король погиб? Да, видимо, так. Пока он в Саду Адены оплакивал свою нелепую любовь, Ларэн попробовал в одиночку остановить чудовищное зло и погиб. Силы оказались неравны. Теперь мощь их противника выросла многократно, но когда растет мощь, появляются и уязвимые места. Убить льва трудно, но легче, чем затаившуюся в камнях змею. Кажется, атэвы говорят именно так... Атэвы! Они с Ларэном были у них, пытаюсь понять, что же все-таки происходит. Тогда они так и не разгадали загадку, но теперь, теперь он узнал от Геро то, чего не знал и не мог знать его учитель. И чем больше он думает, тем больше убеждается в своей правоте. Он не знает имени того, кто прятался в Сером море, но это не суть важно, но вот его природу он, похоже, разгадал.

Эрасти улыбнулся, поймав себя на мысли, что гордится собой и хочет поделиться своими выводами с Геригой. Куда же она могла пойти? Сад велик, а женщина старается ему не надоедать, хотя он рад ее видеть. Она живая, и он снова жив благодаря ей. Этот Рене и вправду Счастливчик, что бы с ним ни произошло, его любят, и за него бьются, а вот ему не повезло...

Эрасти Кэрна обругал себя вслух по-суриански, он же дал себе слово перестать себя жалеть, и отправился на поиски Геро. Следы ее присутствия отыскивались сразу же. У Зеленого мостика копошилось полчище уток, несомненно, привлеченных даровым угощением, чуть дальше по воде плыл венок из желтых цветов, но самой Герики не было. Проклятый прошел довольно далеко вдоль пруда, с удивившей его радостью замечая всякие мелочи вроде пары ярких бабочек или алой от маков полянки. Жизнь все-таки прекрасна, и она и не думала кончаться. Эрасти довольно долго бродил по Саду, но Геро нашел почти на том месте, с которого начал свои поиски. Оказалось, она все это время бегала по его следам. Кэрна хотел посмеяться над этим совпадением, но лицо женщины было напряженным и расстроенным. Эрасти, сам не понимая, как это у него вышло, обнял ее за плечи.

– Что случилось? Сон? Память?

– Ни то, ни другое, – она не вырывалась, да и зачем, они ведь стали настоящими друзьями безо всяких клятв и обетов. Ему бы и в голову не пришло воспользоваться этой дружбой, и Геро это понимала. Она вообще многое понимала, в отличие от Циа, которую ничего не волновало, кроме собственных желаний.

– Что-то не так в Саду?

– Эрасти, – Геро как-то по-кошачьи извернулась, умудрившись, не разрывая кольца обхвативших ее рук, заглянуть Проклятому в глаза, – Эрасти, что-то случилось с твоим камнем. В нем словно огонь вспыхнул, даже утки и те перепугались.

– Расскажи подробнее.

– Да рассказывать-то особенно и нечего. Полыхнуло, я сначала не поняла что. Утки в стороны, у меня на пальце словно маленький костер, хотя жара не было. А потом все погасло, – она чуть ли не удивленно посмотрела на руку: черный камень казался прежним.

– Ты поняла, что это значит?

– Третий шаг?

– Да. Кто-то совершил подлость, без которой Тарра вполне могла бы обойтись. Осталась еще одна, последняя, после чего понесется... Так что, дорогая Эстель Оскора, наше ожидание заканчивается. Пару здешних дней, если не меньше, и, если не будет другого выхода, придется проламываться домой в открытую. Пойдем в беседку, что ли, нам нужно поговорить. Что-то мне подсказывает, что я должен сделать это сейчас, а то не успею.

Герика молчала, пока они, держась за руки, шли между цветущими кустами, утреннее солнце играло на каплях росы, щебетали птицы, прямо перед ними пролетела большая глупая стрекоза. Сад захлебывался поздней весной, и под ясным синим небом, среди молодой листвы и цветов его собственные мысли показались Эрасти нелепыми и невозможными...

2885 год от В.И.

23-й день месяца Медведя.

Арция. Урб

Герцог Эстре был в седле, когда брат Ее Величества, зевая, соизволил выйти во двор. Александр равнодушно наблюдал, как Фернан Реве садился на коня, но внутри его все кипело. Этот выскочка и наглец, навязанный ему в спутники, ничего не понимал в том, чем они занимались, постоянно путался под ногами и при этом развлекался в меру своего достаточно-таки убогого, с точки зрения Сандера, воображения. Ночные попойки и распускание рук по отношению к женам и дочерям хозяев замков, в которых они останавливались, вызывали у Александра отвращение. Впрочем, нобили, пресмыкающиеся перед ничтожеством только потому, что оно состоит в родстве с королевой, тоже не вдохновляли. Если барон Урб счел уместным отправить жену в постель высокому гостю, а та с видимым удовольствием отправилась, Сандера это не касается. Нигде не сказано, что можно уважать тех, кто не уважает сам себя.

Эстре был рад, что покидает Урб, а что до Реве, на него вовсе не обязательно смотреть и тем более разговаривать. Александр молча послал жеребца к воротам, даже не попрощавшись с хозяйкой – пусть с ней Фернан прощается, если хочет.

А вот замковая стража – дело другое. Воин всегда поймет воина, рука Тагэре взметнулась в приветствии, и два ветерана прямо-таки расцвели. Подъемный мост с грохотом опустился, и брат Его Величества продолжил поездку по югу Арции.

Александр сам не понимал, что на него нашло. Фернан был мерзок, но не хуже, чем всегда, да и приторно-сладкий барон был одним из многих. И вместе с тем Сандер чувствовал, что что-то изменилось. Неужели все дело в крике, что почудился ему прошлой ночью? Он расспросил и слуг, и владельцев Урба, они ничего не слышали и были готовы в этом поклясться. Эстре им верил, видимо, он спутал сон с явью, хотя такого с ним еще не случалось. Жалкий, испуганный вопль, оборвавшийся каким-то хриплым бульканьем, стоял у него в ушах все утро, вызывая необъяснимую тревогу и дурацкие мысли.

Отчего-то пришло в голову, что брат намеренно убрал его из Мунта, а Фернана отправили с ним, чтобы тот всячески затягивал поездку. Глупость, конечно, но Филипп и впрямь в последнее время избегал смотреть в глаза, словно задумал что-то нехорошее. Может, дело в Жаклин? Собрался выдать ее замуж за кого-то из «пуделей»? За сына Эллы? Королева явно зарится на богатства Фло.

Да нет, глупости все это. Жаклин еще носить и носить траур и по мужу, и по отцу. Желаящим прикарманить наследство Короля Королей придется обождать. И все же ночью что-то произошло. Кто-то умер. Обен? Евгений? Кардинал стар, как мир, да и граф немолод... Нет, тогда бы ему почудилось что-то другое. Наверное, все дело в разлуке с Сезаром, который сейчас уже в Лиарэ. Он привык, что друг рядом, а теперь придется год, если не больше, обходиться без него. Сандер понимал, что война с Ифраной неизбежна и что удобнее всего нанести двойной удар из Оргонды и Арции. Отъезд виконта Малве был необходим, и все-таки без Сезара было плохо.

Александр с детства привык лечить дурное настроение шпагой или скачкой и, выехав из Урба, послал иноходца в галоп. Он любил чувствовать под собой конскую спину, любил цокот копыт и ветер в лицо. Верхом Александр давал фору любому рыцарю, и знал это. Если Реве хочет ехать медленно – пусть его...

День выдался хороший, и настроение герцога мало-помалу улучшилось. Сандер оставил «пуделя» позади, от души наслаждаясь конским бегом, солнцем, ветром, облаками. «Волчата» с удовольствием следовали за своим предводителем, они быстро миновали Овсяную тропу и выехали на Морскую дорогу. У развилки их ждали двое. Именно ждали. Юноша и девушка молча стояли посреди дороги. Он впереди, она чуть сзади. При виде кавалькады незнакомец положил шпагу на землю и встал на одно колено, однако головы не опустил, дерзко глядя в лицо приближающемуся всаднику. Девушка присела в реверансе. Александр придержал коня, рассматривая странную пару. Одежда, внешность, манеры

выдавали в обоих южан, и, безусловно, благородного происхождения. Парню было года двадцать три, стройный, высокий, со смуглым нервным лицом, отчего-то казавшимся смутно знакомым. Девушка была явно младше брата, а с ней, безусловно, был ее брат: родовое сходство прямо-таки било в глаза. И если мужчина был красив, то женщина была прекрасна. Скорее полная, чем худая, с матовой кожей и роскошными черными волосами, затянутыми на затылке странным тяжелым узлом, она молчала, только огромные глаза с надеждой и страхом смотрели на герцога.

Александр никогда не видел такой яркой и вместе с тем изысканной красоты. Пресловутая Эжени Шаре, с которой после взятия Мунта путался его царственный братец, рядом с незнакомкой казалась вульгарной плебейкой. Каковой, кстати говоря, и являлась.

Молчание затягивалось, и Александр заговорил первым:

– Вы просите помощи? Кто вы и чем я могу вам помочь?

– Я – Рафаэль Кэрна, маркиз Гаэтано, а это моя сестра Дариоло. Мы просим убежища.

– Кэрна? Вы родственники великого герцога Мирии?

– Он наш отец.

– Но кто может вас преследовать?

– Орден святой Циалы и герцог Мирии.

– Но почему? И, во имя Эрасти, встаньте...

– Даро с рождения обещана ордену, но когда за ней пришли... – Рафаэль запнулся, явно желая чего-то скрыть.

– Монсигнор, – красавица-мирийка дрожала, как загнанная лошадь, – я поняла, что не могу... Брат помог мне, мы бежали...

– Но как вам удалось? У вас был корабль?

– Нам повезло. Мимо скалы, на которой мы прятались, проходило судно без флага. Капитан взял нас на борт и ночью высадил на арцийском берегу.

– Я бы с такой красоткой на его месте так быстро не расстался. – Александр и не заметил, как появился Реве, который немедленно с нескрываемым восхищением уставился на девушку. – Да, в монастыре такой красавице делать нечего, думаю, я смогу кое-что для вас сделать. – Сладкая улыбка на лице старшего из «пуделей» показалась Александру отвратительной.

– В этом нет нужды, граф. – Эстре вновь повернулся к брату и сестре и неожиданно тепло и открыто улыбнулся: – Вам здесь никто и ничто не угрожает. Клянусь честью Тагэре!

2885 год от В.И.

23-й день месяца Медведя.

Арция. Ларрэн

Им повезло. Младший Тагэре оказался именно таким, как о нем рассказывали, Рафаэль только к концу дня, покрыв вместе со свитой герцога шесть или семь вес, поверил, что они не то чтобы совсем спаслись, но больше не изгой. Александр Тагэре, велел дать мирийцам лошадей, словно бы забыл о своих новых спутниках. Он молча ехал впереди отряда среди зеленеющих виноградников, и Рито был ему за это благодарен, он еще не был готов к откровенному разговору. Впрочем, главное было сказано. Если герцог поклялся честью Тагэре, значит, прежде чем Даро выдадут циалянкам, а его – собственному отцу, придется переступить через труп Александра Эстре, а сделать это не смог даже Рауль де Фло. Только бы Арция приютила Даро! О себе Рафаэль не волновался, человек с мечом обойдется и без родственников, и без прошлого. Берег Бивней всегда к его услугам, но тащить туда красивую девушку, привыкшую жить во дворцах...

Мириец, как и большинство южан, предпочитал блондинок, но красота сестры порой приводила в восторг даже его. Если кто и способен защитить Даро, не требуя «платы» за спасение, так это младший Тагэре, который был с женщинами всегда вежлив, но не более того. Даже странно, что его братьями были величайшие юбочники Арции.

– Я уже пятую ору думал, о чем с вами заговорить, и так ничего и не придумал, –

всадник на гнедой лошади поравнялся с Рито и с улыбкой пустил коня рядом, – может, обойдемся без повода. Я – Луи Трюэль, и я рад видеть вас здесь.

– Рад? Но вы же видите меня в первый раз.

– Сандер редко ошибается в людях, да у меня и свои глаза есть. Не хотел бы я, чтоб мою сестру заперли у этих ведьм. В последнее время от клириков вовсе житья не стало.

– Но Арция светское государство.

– Жабий хвост! Пока да, но капустаницы и синяки без мыла лезут... везде. По-моему, их только у атэвов нету.

– Нету, – подтвердил Рафаэль, – Майхуб строго-настрого запретил появляться там кому бы то ни было, кроме эрастианцев, а атэвы слово своего калифа чтут уже шестьсот лет.

– Нам бы такую память, – проворчал Луи, – а то забываем даже то, что вчера было. Надеюсь, вы останетесь с нами.

– Я об этом не думал, мне нужно пристроить сестру в надежное место, а сам я хочу податься куда подальше...

– Вряд ли вы уйдете от герцога. Мы с братьями тоже не собирались таскаться за принцем крови...

...Внук величайшего интригана Арции как в воду глядел: вскоре Рафаэль в полной мере испытал на себе обаяние горбуна Тагэре, его спокойного голоса, точных, как удар шпаги, слов и решительных поступков. Понравились мирийцу и «волчата», уже к вечеру смотревшие на них с Даро, как на своих. Рафаэль охотно рассказал новым знакомым все, что они хотели знать про Мирию, Дафну, их бегство. Умолчал лишь о том, что спасший их корабль был непростым. Даро, проспавшая чуть ли не до самой Адены, ничего не поняла, и Рито был этому рад. Сам же он отнюдь не был напуган, напротив. Бессмертный капитан ему не просто понравился, мириец был готов отправиться с ним хоть к Берегу Бивней, хоть в Преисподнюю. Но сначала он должен устроить судьбу Даро.

Скиталец посоветовал искать помощи у герцога Эстре, который как раз находится в здешних краях. Так и оказалось. Они нашли и друзей, и защиту. Александр Тагэре в первый же день написал кардиналу Арции, и Луи Трюэль, весело помахав всем рукой и помянув на прощанье жабий хвост, ускакал в Мунт. Герцог не сомневался, что старик Обен и Евгений вместе что-нибудь да придумают. Теперь уже не Фернан Реве, а он сам всеми силами затягивал поездку, дожидаясь возвращения Луи.

Впрочем, было это нетрудно. Юг признал победу Тагэре окончательной и бесповоротной и дружно и шумно отрекался от Лумэнов. Перед братом и шурином короля откровенно заискивали, но если граф Реве радостно купался в лести, на лице Александра то и дело читалась гадливость. Даро, терпеливо сносившая тяготы путешествия, хотя ее руки в первый же день были истерты в кровь поводьями, находилась в центре восторженного внимания всего отряда, но девушка еще не отошла от пережитого кошмара и могла выдавить из себя лишь слабую улыбку. Настойчивых кавалеров она откровенно боялась и старалась держаться поближе или к брату, или к герцогу, который вроде бы ее и не замечал, но в случае необходимости (то есть когда граф Реве предпринимал очередную попытку завладеть руками или пояском красавицы) оказывался рядом. Реве это откровенно бесило, но приказать брату короля удалиться брат королевы не мог.

Фернан побаивался Александра и, хоть это не обсуждалось, явно относился к числу его врагов, а его люди постоянно подкусывали воинов Эстре, которым, видимо, было приказано в перепалку не вступать. Впрочем, «волчата» от этого правила частенько отступали, но до открытых стычек не доходило. В последний момент приспешники Вилльо поджимали хвосты. Рито довольно быстро разобрался в арцийских хитросплетениях и сделал единственно возможный для себя выбор. Друзья Александра стали и его друзьями, а враги, соответственно, врагами. Первое радовало, второе не беспокоило.

Нэо Рамиэрль

Это могло быть бредом, странным последствием странной болезни, но Роман гнал от

себя эту трусливую мысль. Если не верить, если опустить руки, они останутся навсегда в этом мире гор и снега, возненавидят друг друга и в конечном итоге рехнутся от собственной беспомощности. Эльф-разведчик не мог этого допустить. И они принялись искать «скалу Ангеса», ту самую, достигнув которой «оранжевая звезда, самая яркая в созвездии Спящего Льва», укажет остатки тропы. Больше они не знали ничего. Тот, кто говорил с ними устами Норгэреля, замолчал, а может, он знал лишь то, что сказал.

Дни сменялись днями, вернее, ночами, потому что днем не видно звезд. Спящего Льва они узнали, по крайней мере, так им казалось. В центре созвездия и впрямь сияла звезда, отливающая оранжевым. Хорошо хоть небо в мире Зимы было неизменным, по нему кружили одни и те же созвездия, в урочный час всходившие над горизонтом. Если бы их узор менялся, как в любом из миров, знающем не только вечную Зиму под нестареющей луной, их затея стала бы безнадежной. Найти в горах одну-единственную глыбу труднее, чем иголку в стоге сена, тем паче о том, как выглядит скала Ангеса, можно было лишь гадать. Норгэрель раз за разом честно пытался вновь вызвать в себе странное знание, часами глядя в огонь, но ничего не получалось, оставалось положиться на удачу. Дом они бросили после того, как было решено, что на расстоянии дневного перехода нужного им места нет, но, прежде чем расстаться с приютившим их урочищем, Роман еще раз поднялся на самую высокую в округе вершину, пытаясь сосредоточиться. Вокруг расстилалась горная страна – узкие долины, каменистые осыпи, заснеженный лес и ни малейшего намека на то, куда идти. На мгновение у Рамиэрля чуть было не опустились руки: в этом мире можно блуждать до скончания веков и ничего не найти. Рене, когда он искал свой берег Золотых Пчел, и то было проще. Капитан хотя бы знал, что нужно плыть за Запретную Черту и далее... Стоп! Запретная Черта... В этом что-то есть.

Роман присел на выступавший из снега камень и задумался. Если он не хочет положиться на удачу, нужно вытащить из слов Норгэреля все, что можно и нельзя. Для начала неплохо бы понять, была это случайность или переданное им странным образом послание. И, если верно последнее, кто говорил с ним устами Норгэреля. Именно с ним, потому что сам юноша не запомнил ничего. Кто может знать о проходе Арцея? Светозарные? Проклятый? Или тот, про кого говорил Воин, называя его «Знающий»? После Войны Оленя они с Рене долго гадали над этими словами тени и пришли к выводу, что «Знающий» как-то связан с Великими Братьями эландских преданий... Кто бы он ни был, если вмешается, то будет играть на их стороне, но вряд ли изберет столь причудливый и ненадежный способ. Он явился Воину, являлся эландцам, мог явиться и ему или Рене, да и говорил бы более понятно...

Проклятый заперт в обители Адены, к тому же вряд ли знает тайну, о которой забыл сам Ангес, а Ангес забыл, иначе Воин рассказал бы и об этом. И уж точно это не Арцей, и никто другой из Светозарных, рассорившихся с мятежным братом. Значит, бред? Не похоже. Да и как родившийся на далеком острове Норгэрель мог слышать про Престол Сил и мосты над Бездной? Те, кто мог об этом рассказать, сгинули во время Войн Монстров. После смерти Залиэли лишь Эмзар помнит, что было до Великого Исхода, да и то смутно. Знала ли об этом Залиэль? Рассказывала ли сыну? Проклятый, какие глупости приходят в голову, если бы рассказывала, он бы помнил. Так что, выходит, ничего подобного не может быть, а оно есть. Родившийся спустя много лет после Исхода эльф в полусне говорит о вещах, которые знали лишь боги и, возможно, их избранники. Избранником Ангеса был Ларэн, исчезнувший в Сером море. Рене так и не понял, что за сила там укрылась, ему, хоть и чудовищной ценой, удалось вырваться, сохранив память и рассудок, а Ларэн погиб. Или не погиб? Может ли быть, что он говорит устами собственного сына?

Лебединый король любил Тарру, и он был сильным магом. Мог ли он, умирая, постараться передать свои знания, свою память еще не рожденному тогда ребенку? Это на грани немыслимого, но если отбросить невозможное, это остается единственной догадкой, имеющей право на существование.

Если это так, неудивительно, что, попав в мир, созданный магией Ангеса, память

Ларэна пробудилась. Да, так и только так. То, что он слышал, – именно воспоминания, потому они так смутны и расплывчаты. Ларэн прекрасно знал, где эта скала. Значит, словам Норгэреля можно и нужно верить. Ну и что? Он и так в них вцепился, потому что больше ухватиться не за что...

Хватит о Ларэне, будем думать об Ангесе. Каким он был? Смелым. Гордым. Порывистым. Решительным. Он был на ножах со старшим братом и встречался с ним лишь по необходимости в Светозарном, он завалил проход в чертоги Арцея... В этом что-то есть. Вряд ли бог-Воин остался сидеть у засыпанных врат, скорее всего, повернулся да и ушел. Мир Зимы уцелел, видимо, гнев Ангеса поостыл, и он счел, что не стоит из-за одной заколоченной двери рушить дом. А что сделает любой, не желая поминутно налетать на место, вызывающее неприятные воспоминания? Правильно. Он заберется от него подальше. Вот и разгадка. Скала Ангеса не может быть ни там, где он встречался с Тенью бога, ни там, где находится приютивший их дом.

Роман еще раз оглядел горизонт. Горная цепь казалась ожерельем из волчьих клыков, похожих и вместе с тем разных. В одном месте дальние горы были скрыты пятиглавой горой, словно гигантской растопыренной ладонью. Как бы поступил бог, которому было тошно на что-то смотреть? Он наверняка бы загородил неприятное зрелище такой вот громадиной. Теперь Рамиэрль понял, куда они пойдут в поисках ворот в мир Арцея.

2885 год от В.И.

28-й день месяца Медведя.

Арция. Фей-Вэйа

Итак, Дафна нашла бесславный конец от кинжала мирийского наследника, который вместе с сестрой бежал в Арцию. Ее Иносенсия давно не получала более приятной и вместе с тем грозной новости. Единственная по настоящему опасная соперница устранена чужими руками. Бекко – умница, не допустил ни единой оплошности, но и случай помог. Кэрна могли бежать в Эр-Атэв и дальше.

Юный маркиз Анастасию не интересовал, он свое дело сделал. Пусть живет, как хочет, и отправляется, куда душа пожелает, и чем дальше, тем лучше. Но Дариоло должна оставаться в пределах досягаемости. То, что мирийцев взял под свое крыло герцог Эстре, было и хорошо, и плохо. Горбун поднял на защиту беглецов своих собственных покровителей, и Евгений, ни много ни мало, обвинил Дафну в недозволенной магии и посягательстве на жизнь и честь несовершеннолетней дочери герцога. Это удар по ордену и его Предстоятельнице, допустившей такое. Неприятно и то, что Предстоятель антонианцев немедленно бросился в Кер-Эрасти и завладел всеми бумагами покойной.

Орест беспокоил Анастасию, хоть и не столь сильно, как обманувший саму Смерть Тагэре. Они с антонианцем не были врагами, но кардинал вполне мог охотиться за той же дичью, что и она. Да, он ничего не знал о пророчестве Агриппины, но и она не имела представления о секретах главы Скорбящих. Хорошо хоть Шарль во время «покаяния» уничтожил главные орденские артефакты. Антонианцы держат это в тайне, но у Ее Иносенсии свои возможности. На мунтской площади сгорела лишь одна Цепь и один Перстень из трех, но остальные полностью утратили свою силу. Видимо, эти вещи составляли единое целое, хоть и находились в разных местах. Впрочем, антонианцы сильны и без огненных Перстней. Они не столь уж часто пускают в ход магию, но это свидетельство силы, а не слабости. И что прикажете делать ей? Защищать покойную Дафну ради чести ордена или же отречься от нее?

Ссориться с антонианцами не время. Завладевший наследством мирийки Орест объявил бланкиссиму Преступившей и от своих слов не откажется. А Евгений ему поможет. Если она заступится за Дафну, она никогда не увидит ни записей Дафны, ни Даро. После случившегося требовать, чтобы девушка вступила в орден, нельзя. Анастасию никто не

поддержит, а саму Дариоло вполне могут спрятать где-нибудь в Гидале или Элле⁷⁵. Орест не дурак, он рано или поздно вспомнит о крови Эрасти. Нет, если она хочет в конце концов заполучить девицу Кэрна, сейчас нужно встать на ее сторону.

Ее Иносенсия не сомневалась, что разгадала слова Агриппины. Умиравшие от Агва Закта⁷⁶ не ошибаются, а наставница говорила о Властелине, Брате и Деве и о том, что они уже в пути. Сейчас, когда до исполнения всех пророчеств осталось совсем немного, нельзя допустить ни единого просчета.

Властелином может быть лишь Филипп Тагэре, и он же должен стать Последним из Королей. Дева – вот она, мирийка Дариоло, ну а Брат – это Ларрэн или Эстре. Время покажет. Жаль, что Сола связана по рукам и ногам своим старым грехом. Пока она не поймет, как Шарль Тагэре раз за разом возвращается в мир живых и какими силами владеет, она не должна открыто перечить его воле. Но она рано или поздно найдет управу и на мертвого герцога!

Анастасия изящным жестом пододвинула к себе перо и бумагу, и на белый лист легли четкие строки.

«Я, Предстоятельница ордена святой равноапостольной Циалы, с удивлением и негодованием узнала о том, что случилось в мирийской обители. У меня нет оснований усомниться в том, что действия Вашего сына были обусловлены необходимостью защитить сестру от противоестественных посягательств. Мирийская обитель слишком далека от Фей-Вэйи, а ее обитательницы попали под влияние своей настоятельницы, с попустительства епископа Мирийского отошедшей от Триединого и погрязшей в пороках и недозволенном колдовстве. Дафна раз за разом уклонялась от приезда в Фей-Вэйю, безусловно, опасаясь, что будет разоблачена.

Если бы Вы, монсигнор герцог, вовремя сообщили мне или же Предстоятелю ордена святого Антония о происходящем, удалось бы предотвратить множество несчастий. Теперь же, даже из-за смертной черты, Дафна продолжает приносить беду. Разумеется, я пришлю в Мирию достойную сестру, которая вместе со Скорбящими братьями исправит содеянное и выкорчует ересь и недозволенную магию, пустившие корень на мирийской земле, но чем старше сорняки, тем труднее их вырвать. Я боюсь даже предположить, сколько душ было погублено за те годы, когда Дафна полновластно распоряжалась не только делами Церкви, но и делами герцогства. Настоятельно советую Вам и Вашей супруге пройти очищение у достойных братьев-антонианцев, ибо вредоносная магия, применяемая Дафной, может проявиться и спустя значительное время.

Что до Ваших детей, ныне находящихся под покровительством Его Высокопреосвященства кардинала Арцийского, то они совершили убийство, защищаясь, и потому не могут быть осуждены ни судом светским, ни судом духовным. Ваш сын пролил кровь из опасения за честь сестры, и, хотя ее жизни опасность не грозила, он предотвратил большое несчастье и разоблачил преступницу. Посему настоятельно прошу Вас проявить снисходительность к Вашему наследнику, о том же, что орден равноапостольной святой Циалы не почитает Рафаэля Кэрна преступником и не имеет к нему и девице Дариоло никаких претензий, я заявляю открыто. Посылаю свое благословение Вам и Вашей супруге и сожалею о постигшем Вас несчастии».

Написать герцогу Энрике было легко, куда сложнее было ответить на письмо арцийского кардинала так, чтобы старик не почуял подвоха. Когда же он наконец умрет?! Конечно, клирики не рыцари, живут долго и умирают в собственной постели, но Евгений

⁷⁵ В описываемые времена в Элле недалеко от Гайве располагалась основная резиденция антонианцев.

⁷⁶ Смертельный яд, наделяющий умирающего пророческим даром. Секрет получения Агва Закта принадлежал Церкви, официально использовавшей его для казни клириков высокого ранга, однако существовала тайная практика убийства с помощью А.З. ради предсмертных пророчеств.

явно зажился. Впрочем, пока она его трогать не станет. Не время. Если арциец не догадается скончаться до того, как иссякнет династия, она примет меры, а пока пусть живет и приглядывает за Илларионом, который ей непонятен и поэтому страшен. Ее Иносенсия задумчиво коснулась пером переносицы, затем улыбнулась и написала: «Ваше Высокопреосвященство! Я была потрясена Вашим письмом...»

2885 год от В.И.

16-й день месяца Влюбленных.

Арция. Мунт

– Меня пугает готовность, с которой нам пошли навстречу, – кардинал Арции удрученно покачал головой, – я настроился на драку, самое малое на созыв конклава, а оказалось, мы ломились в открытую дверь. Анастасия и не подумала отрицать вину Дафны, напротив, она ее раздула. Видимо, то, что случилось, ее устроило. Ну да как бы то ни было, с головы твоих мирийцев теперь и волос не упадет. По крайней мере, открыто. Но я бы на твоём месте присоветовал им отказываться от неожиданных подношений, есть и пить только в надежных местах, а ночью зажигать свежие, только что купленные свечи.

– Вы боитесь яда?

– Не то чтобы боюсь, но Ее Иносенсии выгоден слух о «Проклятии Дафны». Похоже, к радости антонианцев, из убитой лепят великую чернокнижницу.

– А не может такого быть, что Анастасия просто поверила вам и решила помочь? Ведь когда-то вы были дружны.

– Когда-то были, – не стал отрицать кардинал, – я знал ее совсем девочкой, воспитанницей покойной сестры Обена Трюэля. Умная была женщина, боюсь, даже слишком умная. Я никак не мог ее разгадать, да и брат тоже. Не знаю, что там у них произошло, как Агриппина умудрилась усадить свою подопечную в кресло Предстоятельницы и что с ней сотворила, но Ее Иносенсия Анастасия и послушница Соланж похожи друг на друга, как серна и пантера. Чем хочешь поклянусь, что непорочная сестра по уши в недозволенной магии, но доказать ничего не могу.

– Но Арции она пока не вредит.

– Нам и Илларион не вредит, разве что беспечатных⁷⁷ знахарей гоняет. Нет, не нравится мне все это... Нельзя мне сейчас умирать, Сандер, вот в чем дело.

– Ваше Преосвященство, – герцог Эстре в изумлении воззрился на старика, – о чем вы?

– О том, что я твоему отцу в отцы гожусь, а все еще живу, хоть и устал, и болен... Мне давно уже пора цветочки выращивать, но нельзя. Жорж Мальвани – молодец, но не обольщайтесь, ему кардиналом не бывать. Не допустят.

– Но ведь кардиналы всегда называют своих преемников.

– Правильно, называют. Но кардиналы всегда одним глазом косят на Кантиску, а другим на ордена. Я для них давно чужой. Мне Арция важнее церковных игрушек, даже не Арция, а Тарра. Хорошо хоть с Лумэнами покончено, а у Филиппа есть сын, а, может, скоро другой родится. Значит, твой брат не Последний из Королей, как я боялся. Но спать в траве все равно нельзя, змея укусит. Змей нужно извести, понял, к чему я?

– Не совсем...

– Сандер, – глаза старика стали острыми, как атэвские кинжалы, – что бы сделал ты, если бы стал королем?

– Я?!

– Да, ты. – Под взглядом Евгения Александру стало неудобно, но он честно собрался с мыслями.

– Я бы... Прижал Вилльо. Постарался бы объединить дворянство, навел порядок на

⁷⁷ Люди, занимающиеся бытовой магией без официального разрешения, выдаваемого гильдией Печатных Магов и заверенного антонианцами.

северной границе, а потом вместе с Оргондой скрутил Жозефа.

Кардинал долго молчал, потом судорожно вздохнул, сдерживая кашель.

– Ты прав, Сандер. Что-то понимает и Филипп, по крайней мере, затеянный им турнир очень похож на попытку примирить арцийских нобилей. Ты-то сам будешь драться?

– Нет, – замотал головой герцог Эстре, – и «волчатам» не дам.

– И опять молодец. Победить должен кто-то третий. Не «волчонок», но и не «пудель». Ты это понимаешь, а вот понимают ли Вилльо?

– Не знаю. Ревии точно не участвует... Он судит.

– Лучше бы участвовал, он не ахти какой боец, авось колотушек бы нахватал. А вот к судейству его на весу подпускать нельзя.

– Ваше Высокопреосвященство!

– Что? – хмыкнул Евгений. – Если я рясу на плечах таскаю, это еще не значит, что рыцаря от пустого бочонка не отличу. А как ты от участия увернулся? Надо же объяснить, почему Эстре в стороне, а то сразу поймут, что король с нобилиями в поддавки сыграть решил.

– Все очень просто. Дамы во главе с Ее Величеством избрали меня Почетным Рыцарем⁷⁸, а мои сигуранты стали моими свидетелями⁷⁹.

– Умно. И кто это придумал?

– Элла.

– Элла?! А вот это мне уже не нравится. Она тебя ненавидит. Значит, ее совет неспроста. Ты и «волчата» теперь вне игры. Почетный Рыцарь не вправе ни во что вмешиваться, пока судьи и король не произнесут свой приговор. Александр, если я правильно помню Кодекс Розы, Почетный Рыцарь может объявить несправедным решение, объявленное организатором турнира? Случись что, ты рискнул бы поспорить с братом?

Теперь надолго замолчал Александр. Отменить решение Филиппа?! Но до такого не дойдет. Не может дойти, на турнире все решают судьи, король вмешивается, если происходит что-то из ряда вон выходящее, а до Почетного Рыцаря и вовсе никогда не доходит. Его дело лишь подтвердить права победителя.

– Сандер, ты не ответил.

Серые глаза герцога сверкнули зимним льдом.

– Почетный Рыцарь верен лишь Кодексу Розы. Если нужно сказать «нет», я скажу хоть брату, хоть Архипастырю, но до этого не дойдет. – Александр поднялся и поклонился кардиналу. – Благодарю вас, Ваше Высокопреосвященство.

Евгений устало прикрыл глаза.

– Не за что, сын мой. Ты знаешь, ТЕБЕ я всегда помогу.

Герцог Эстре пошел было к двери, но внезапно остановился.

– Отче!

– Да? – казалось, Евгений с трудом удержал вздох.

– Отче, отчего умер Пьер?

– Брата ты, как я понимаю, не спрашивал... Ты садись, разговор у нас будет долгий и вряд ли приятный. Молчишь? Так спрашивал или нет?

– Нет, отче. Я... Я хотел узнать у вас.

– До сего момента я сомневался и надеялся. Проклятый! – Евгений внезапно выдернул

⁷⁸ Почетный Рыцарь избирался накануне турнира дамами из домов организаторов турнира из числа наиболее уважаемых и сильных бойцов. Почетный Рыцарь и его сигуранты не принимают участия в турнире, их функция подтвердить титул победителя и, если возникнет необходимость, поддержать претензии недовольных решением судей и организатора турнира, каковым обычно является король или владетельный герцог. В описываемые времена обязанности Почетного Рыцаря превратились в формальность, а само звание стало своеобразной наградой за услуги, оказанные дому организаторов турнира.

⁷⁹ Свидетели – свита Почетного Рыцаря.

с книжной полки здоровенный фолиант, сунув руку в отверстие, вытащил плоскую фляжку, плеснул оттуда в свою чашу и протянул Сандеру: – Налей себе. Это царка, не яд. Ну и глазищи у тебя, как только в них Филипп смотрит... или уже не смотрит?

– Я не понимаю.

– Да чего тут понимать, – махнул худой рукой кардинал, – будь все чисто, ты б меня не мучил. Братец тебе все бы рассказал, ты б ему поверил и успокоился. А он, как я понимаю, молчит, а ты не спрашиваешь. Потому что боишься, что соврет, а ты это поймешь. Так?

Александр молча кивнул, не отрывая напряженного взгляда от лица старого клирика.

– Ты пей... И я выпью. Помянем этого несчастного дурака. Если есть царствие небесное, о котором я всю жизнь распинаюсь, Пьер сейчас там голубых хомяков пасет. В любом случае он ничего не почувствовал. Или почти ничего. Его нашли утром у лестницы со сломанной шеей и решили, что пошел ночью к своим любимцам, споткнулся и свалился вниз. Видимо, так и было...

– Вы в это верите?

– Не верю. И ты не веришь. Потому что нет ничего легче, чем привязать на лестнице веревку, облить пару ступенек и перила маслом и плеснуть в кувшин не воды с сиропом, а наливки. Доказательств у меня, а вернее, у Обена, кот наплакал. Сам граф из дому почитай что и не выходит, но вот люди его в замке побывали. Все, как ты понимаешь, убрали. Но, скажи, зачем мыть перила, причем с одной стороны? Кувшин в комнате и стаканы, кстати, тоже отмыли дочиста. А в резьбе на лестнице есть дырочка, похоже, что от гвоздя, за который привязали веревку... Об нее-то бедолага споткнулся и свернул себе шею. Или кто-то ему, упавшему, довернул...

Евгений помолчал, ожидая расспросов, но Сандер молчал, сосредоточенно рассматривая свои руки. На безымянном пальце тревожным огнем горело некогда подаренное братом кольцо с рубином. Старик вздохнул и заговорил снова:

– Вызывает подозрение и то, что стража в ночь смерти Пьера пропустила обход, потому как встретила привидение. Клянутся, что напились они после встречи с другим убиенным королем, а не до нее, и Обен им верит. Пьера убили, Сандер. Другое дело, кто это сделал и почему... Думаю, один твой брат это знает, а другой догадывается.

– Отче!

– Ты тоже так думаешь, не правда ли? Ты был на юге с графом Реви, вернулся, когда даже разговоры стихли, потому как все по уши в предстоящем турнире. Подумаешь, слабоумный король помер, кому он, к Проклятому, нужен. А тебе эта смерть покоя не дает. И не в Пьере тут дело, а в тебе самом.

– Ваше Высокопреосвященство, если Лумэна и впрямь убили, значит, он кому-то мешал. Иначе это несчастный случай. Филипп...

– Филиппу спокойнее, когда в Арции жив только один миропомазанник. Твой отец был прав, сказав Генеральным Штатам, что король остается королем, что бы с ним ни случилось. Корону снимает только смерть. Случись недород, болезнь, заморозки, людишки вспомнят, что, кроме короля на троне, есть король в Речном Замке. Заговорщики всегда были, есть и будут. И бунтари тоже. Филипп не Шарло, он хочет править. Твой брат не мог не желать Пьеру смерти. Тем паче он беднягу, в отличие от тебя, терпеть не мог.

– Вы знаете и это? – голос Александра звучал тихо и безнадежно.

– И это. И то, что Пьер принимал тебя за Шарля. Но приказа твой старший брат не отдавал, по крайней мере, не думаю, что он докатился до такого. Это сделали другие. Уж не знаю, Вилльо или Жоффруа. Король мог догадываться, мог загодя услать тебя подальше, но подробностей не знал и не желал знать.

– Мне показалось, я слышал крик. В ночь убийства. Я надеялся, что это сон...

– Глупое чувство – надежда. Она помогает не видеть очевидного и с блаженным видом идти к пропасти. Ты никогда не прятал голову под крыло, даже... – Старик оборвал себя на полуслове, но Александр Эстре понял недосказанную мысль и досказал ее:

– ...даже когда увидел себя в зеркале и понял, что я горбун. Я привык к этому. И могу с

этим жить. И воевать, кстати говоря. Но я не могу жить с тем, что Филипп... – Сандер не договорил и опустил голову. Евгений залпом допил свою царку и поставил стакан, но неудачно, тот покатился по столу и разбился бы, не подхвати его герцог точным движением фехтовальщика.

– Я мог бы сказать тебе, что буду молиться за твоего брата, – тихо сказал Евгений, – но тебе ведь нужно не это. Это утешение для крестьянки, потерявшей ребенка, или для слабака, что рад свалить свою ношу на плечи Творца и святого Эрасти, которых он не видел и не увидит. Филипп – неплохой человек, но ноша оказалась не по нему. Смерть Пьера не первая его беда и не последняя. Беда, а не вина. Люби его, пока у тебя хватает сил, а если не хватит, продолжай любить Арцию и будь верен ее королю. Даже если будет невоготу.

– Отче, что же теперь будет?

– Турнир. Большой королевский турнир. То, что я тебе рассказал, не знает никто. И я не знаю. Это лишь догадки, что, к слову сказать, еще хуже, чем знание. Но тебе придется жить с этими догадками и делать при этом веселое лицо.

2885 год от В.И.

20-й день месяца Влюбленных.

Арция. Мунт

«Слушайте, слушайте, слушайте! Владетели, рыцари и оруженосцы, вы все, искатели счастья, уповающие на крепость оружия во имя милосердного Творца нашего, извещаетесь о великом турнире, что состоится в первый день месяца Лебеда на берегу Гаратского озера! Этот турнир будет доступен всякому, и награды на нем будут покупаться и продаваться не аргами и аурами, но железом и сталью. В первый день будет бой копьем на коне тупым оружием. Запрещается, как то всегда у достойных рыцарей водится, горячить коня соперника, бить в лицо, увечить и наносить удары лежащему. Наградой лучшим будут развевающиеся при малейшем дуновении шарфы атэвского шелка.

На второй день противники будут биться пешие, бердышом и мечом, и по приговору судей награждена будет доблесть каждого.

К вечеру случится схватка двоих сильнейших. И первый получит Золотой Венок из рук Его Величества и Золотое Сердце, дабы вручить его прекраснейшей из дам и назвать ее Звездой Турнира. И второй получит золотой браслет с сапфирами из рук Ее Величества.

Слушайте! Слушайте! Слушайте! И не говорите, что не слышали!»

Герольд трижды прочитал послание и, провожаемый любопытными взглядами, сошел с коронного помоста.

– Решил, стал быть, Филипп нобилей порадовать, – протянул зеленщик, запуская пятерню в жесткие патлы.

– А че, – откликнулся молочник, – дело хорошее и место хорошее.

– Турниры сроду неподалеку от большой воды устраивают, – сообщил рыжий веснушчатый студиозус, с хрустом откусывая половину зеленого яблока и передавая огрызок толстенному товарищу, – чтоб и коням напиться и нобилям намыться.

– Там еще и лес нужен, – заметил зеленщик. – Отчего-то положено, чтоб с одной стороны вода, с другой – лес, с третьей город или село...

– Так в Кодексе Розы записано, – пояснил толстый студиозус, – ой, повеселимся...

– Есть там лес, лучше не придумаешь, – вмешался бродячий зубодер, – аж до самой Пантаны тянется. Получается, правильное место.

– Кто повеселится, кто башку сломит, а кто и наживется, – буркнул молочник, – небось туда все шлюхи и все воры заявятся.

– И правильно. Гулять, так гулять, – заржал зубодер и хлопнул зеленщика по плечу, – ты ведь тоже туда пойдешь, знаю я вас. Хлебом не корми, дай на господские игрушки поглядеть.

– И пойду! – согласился тот. – Там и король и вся евоная родня будет.

– Угу, а уж «пуделей»-то сбежится...

– Не обломится им там ничего, – отрезал толстяк, – горбун всех уделает.
– И правильно, – зеленщик важно кивнул. – Последний из Тагэре в бою всегда первый... Красавчик без горбуна, что...
– Воин без меча, – подсказал рыжий, – а вот на хрена им третий братец?
– А что б жизнь медом не казалась, – хмыкнул зубодер.
– Жаль, горбун младший, – молочник вздохнул, – он бы «пуделей» не развел... Вот уж кто в отца пошел. Вы, – он кивнул студиозусам, – молодые ишо, а я покойного герцога видел. Орел был, не то что нынешние.
– Ну, король тоже неплох, – заметил рыжий.
– Лицом-то неплох, а сердцем слабоват, да еще сука эта...

Послышался звон и лязг, и собеседники притихли, ожидая, когда пройдет стража. Разговор как-то сам собой расстроился, и все разбрелось. Зубодер, насвистывая песенку о красоте в полосатых чулках, пошел вдоль улицы, разглядывая вывески. Мимо протарахтела епископская карета с антонианскими знаками на дверях, и Клэр с трудом сдержал улыбку. Знал бы Илларион, кого он обогнал. Но улыбка как появилась, так и погасла. Настоятель храма Триединого не мог узнать эльфа-разведчика в невзрачном человеке средних лет с красным носом пьяницы, но и он, Клэр, ничего не знал о странном епископе. Роман, сотворивший волшбу в пресловутом храме, был укрыт в «Синей тени», делавшей колдующего незаметным для Кристаллов, но Илларион его нашел. Или это было совпадением?

Рамиэрль намеренно играл с огнем, вынуждая антонианца на действия, но действий не последовало. Если не считать за таковые появление епископа среди ночи в таверне, где пел Нэо в обличье Сивого Анна. И там же, видимо, случайно оказались Александр Тагэре и Сезар Малве. Уж не потому ли их пытались убить обладатели «бледной магии», следы которых вели не за Лисьи Горы, что было бы понятно, а в Элл, в самое гнездо антонианцев?

Клэр понимал, что должен разгадать эту загадку и как можно быстрее. А тут еще этот турнир и сумасшедший мириец, запросто прикончивший циалианку, обладавшую немалой силой. Рене просил позаботиться о парне, а Нэо для полноты счастья поручил ему Сандера Тагэре, который, видите ли, должен получать в день рождения цветущие нарциссы. Да в придачу в центре Мунта засела какая-то странная, ни на что не похожая сила.

Ой, прав был Рамиэрль, когда говорил, что жизнь разведчика полна всем, чем угодно, но для вздохов о прошлом времени не остается...

2885 год от В.И.

1-й день месяца Лебеда.

Арция. Гарата

Рито Кэрна участия в турнире не принимал, хотя и мог, ведь он был гостем герцога Эстре, а не его сигурантом. Впрочем, мириец об этом почти позабыл, чувствуя себя среди друзей Александра своим. Отчасти поэтому он и остался вместе с «волчатами», хотя тому были и другие причины. У Кэрна не было ни доспехов, ни боевого коня, и он не был арциейцем. Первое можно было исправить, ауры, данные ему Скитальцем, оставались нетронутыми, так как Александр с самого первого дня объявил брата и сестру своими гостями. Найти хорошие доспехи в канун турнира труда не составляло, но Рафаэль немного подумал и понял, что ему на ристалище делать нечего.

Турнир затеял арцийский король для своих подданных, и победить в нем должен был арциец, а Рафаэль, если уж во что ввязывался, то шел вразнос, а это не было нужно ни ему, ни герцогу, да и условия турнира, когда Кэрна в них разобрался, его не устроили.

Мирия, хоть и входила в число Благодатных земель, была изрядно опалена сурианскими ветрами. Здесь не смешивали войну с состязаниями. Байла, укрощение диких коней, танец на краю обрыва, прыжки со скал в бушующие волны – это было по-мирийски, но битва тупым оружием с себе подобными? Бой должен быть боем, в котором нужно победить, а значит, хороши все средства. Турнир же накладывал множество ограничений, да

и оспаривающие первенство не были врагами или, по крайней мере, не должны были ими быть.

Сын мирийского герцога неплохо владел мечом и копьем, хоть и не был ни разу в настоящем бою, но выказывать удаль предпочитал, танцуя с разъяренными быками, а не наскакивая на людей, которые не сделали ему ничего плохого. Да и с турнирными доспехами он, более всего ценивший свободу и быстроту движений, дела не имел и не имел желания иметь. И Рито остался сторонним наблюдателем, к вящему удовольствию «волчат», расположившихся в южной галерее.

Ложа Почетного Рыцаря была напротив королевской, и Рафаэль мог созерцать Их Величества сколько душе угодно. Правда, лиц на таком расстоянии было не разглядеть, но этого и не требовалось. После того, как Евгений добился их оправдания, Филипп удостоил гостей своего брата аудиенции. Король Рито понравился – высокий, сильный, красивый и веселый. В темно-синем платье с геральдическими нарциссами и в Малой золотой короне на светлых волосах он казался паладином из старых легенд. Что до королевы, все еще прелестной, хотя и выходящей из того возраста, который даже придворные льстецы рискуют называть молодостью, то мирийца оттолкнули надменность и холодность Ее Величества. Несмотря на очевидную красоту, Элеонора была из тех женщин, которых не тянет поцеловать даже весенней ночью после пары кубков вина.

Сошурившись, Рито пробежался взглядом по сопровождавшим королеву дамам и девицам, но приглянувшуюся ему во время приема графиню Рабан не узнал. Ну и ладно, не последний день живем. Мириец улыбнулся и перевел взгляд на поле, где как раз готовились привести к присяге судей, клявшихся быть честными и неподкупными.

Их появление было обставлено прямо-таки с королевской пышностью. Сперва на ристалище вышли шестеро играющих трубачей по трое в ряд, каждый с сигной одного из судей на ливрее; за ними проследовали помощники герольдов, несшие судейские мантии и наконец герольдмейстер с жезлом, за которым в ногу ехали рыцари-судьи на парадных конях, покрытых достигавшими земли попонами. При каждом из судей находится пеший служитель, одной рукой державший под уздцы ратного коня, а другой белый прут длиной в свой рост.

Шесть человек в длинных, отороченных мехом одеждах с массивными золотыми цепями на плечах, выглядели чуть ли не царственно, но Рафаэлю показалось, что они слишком уж часто оглядываются на царственную чету, а второй слева обладал столь тонкими губами, что Кэрна сразу же записал его в лицемеры.

– Ну и как тебе сии образцы беспристрастия и справедливости? – Луи подкрепил свой вопрос ощутимым тычком в бок.

– Проклятый их разберет. Но я бы не хотел, чтоб они судили меня. Особенно вон тот, безгубый...

– Жабий хвост! Никто бы не хотел. Да уж, выбрали, отворотись не насмотришься.

– А кто они?

– Подхалимы и прилипалы, – хмыкнул Луи, – а твоего безгубого и вовсе удавить следует.

– А кто это?

– Рогге, – пояснил Одуэн Гартаж и хмуро добавил: – Хотя теперь эту шушеру называют Стэнье-Рогге. Сын труса и предателя и сам предатель и убийца.

– Не надо об этом, – устало проговорил Александр, – Рогге верны королю.

– Пока король в силе, – махнул рукой Никола.

Александр не ответил. Может, не захотел, а может, помешали трубачи, вышагивающие впереди герольда, объявившего о начале турнира. С двух концов ристалища выехали по шестеро в ряд рыцари, которым выпало преломить копья первыми. Выглядело это весьма внушительно, но Рафаэль, видевший, как участники забирались на коней, не смог сдержать усмешки. Спору нет, в бою без доспехов не обойтись, но в бою воин должен владеть своим телом. Нужно не только продержаться самому, причем не десятину или две, а до конца

сражения, но и лошадь не уморить, а если коня убьют, вскочить и сражаться пешим. В битве приходится следить не только за тем, что впереди, но и за тем, что сзади, а при нужде обороняться от нескольких противников. Другое дело турнир, когда ты по рукам и ногам спутан кучей правил и запретов, когда бой идет один на один под присмотром судей и толпы зрителей и продолжается всего ничего. В Арции на копейный турнир надевали специальные латы, и это было безумно смешно. На рыцарях было столько железа, что бедняги даже на лошадь без помощи взобраться не могли.

Рито не поленился сходить посмотреть, как оруженосцы облачали своих сигноров, предварительно усадив на поднятое над землей бревно, и чуть не помер со смеху. Особенно порадовали седла. Задняя лука подпиралась стальными стержнями, а передняя, окованная сталью, была устроена таким образом, что надежно защищала ноги всадника, одновременно превращая его в неподвижную колоду. Впрочем, хороши были и турнирные копыя, имевшие вид настоящих бревен, с прикрепленным стальным кругом у рукояти, защищавшим руку и правую сторону груди.

Неудивительно, что кони, которым приходилось таскать на себе эдакую тяжесть, больше походили на сурианских гиппопо, чем на обычных лошадей. Особенно после того, как на них напяливали стальной нагрудник, поверх которого клали толстый кожаный валик, набитый чем-то мягким, а потом все это хозяйство закрывали богато расшитыми попонами.

– Луи, – на сей раз уже мириец толкнул своего соседа, – а они не сдохнут?

– Кто?

– Сначала кони, а потом рыцари, на них же железа бера⁸⁰ три.

– А пять не хочешь, доспех же в палец толщиной! Да прибавь копьё, конский доспех и седло... Но сдохнуть не успеют. Им и нужно-то всего раз-другой ударить копьём. Хотя ты прав, долго в такой скорлупе не протянешь, в ней пошевелиться и то трудно, а коней после третьего преламывания меняют.

– Лошадей жалко.

– Судьба их такая. О, пошли.

2885 год от В.И.

1-й день месяца Лебеда.

Арция. Окрестности Мунта

Любезность Эллы объяснялась так просто, что Сандер подивился, как он сразу не понял. Королеве не было дела до примирения арцийских нобилей, ей нужно было, чтоб звездой турнира стал ее сын от первого брака. Девятнадцатилетний Жорес Гризье, по слабости короля ставший графом Аганнским, на боевом коне, попона которого была разукрашена львами и единорогами, красовался в первой шестерке. Разумеется, любящая мать не могла допустить участия в турнире «волчат», не говоря уж о герцоге Эстре. Филипп, без сомнения, порадовал свою супругу рассказом об оргондских подвигах брата, и Элеонора постаралась устранить соперника еще до турнира. Герцог невольно улыбнулся, вспоминая дела прошлой осени. Сейчас, после Мелового, ему неважно, что про него думают и говорят, а тогда его тянуло доказывать всем и каждому, что Сандер Тагэре чего-то стоит.

Он выиграл турнир, данный Марком Оргондским в честь братьев жены, хотя сражался не в турнирных доспехах, которых у него не было, а в боевых. Это так поразило одну из придворных красавиц, что она закрыла глаза на то, что победитель – калека и изгнанник. То, что случилось между ними, назвать любовью было нельзя, но Филипп и Гастон с удовольствием зачили ему и эту победу. Любопытно, кто теперь расстегивает янтарное ожерелье прелестной Вивианы?

Александр вспоминал ее с благодарностью и насмешливой грустью, Виа была красивой, взбалмошной и доброй, а ее муж старым, богатым и покладистым. Встретятся ли

⁸⁰ Арцийская мера веса.

они еще? Если Филипп отважится на войну с Ифраной, встретятся. Интересно, позовет ли Виа его теперь, когда он перестал быть мальчишкой-изгнанником? Как бы то ни было, она относилась к нему искренне и бескорыстно, в отличие от арциек, пытавшихся завладеть его вниманием после победы над ре Фло. Элла при всей своей ненависти к деверю не прочь женить его на одной из своих многочисленных кузин и племянниц, но уж лучше сразу удавиться! Эстре невольно взглянул на королеву. Та сидела неподвижно, как кукла, но герцог слишком хорошо знал жену брата. Элла уверена в удаче. Но не воображает же она, в самом деле, что арцийские нобили настолько не уважают сами себя, что услужливо потеряют стремя или ошибутся при ударе, расчищая королевскому пасынку дорогу к победе? Может, такие и есть, но не все же! Сандер не сожалел, что лишь наблюдает за схваткой. Себе он уже все доказал, а доказывать другим не считал нужным.

Рыцари внизу разгоняли коней, с грохотом сталкивались на середине ристалища, ломая вдребезги ясеновые копыя, мчались за новым оружием и вновь вступали в бой.

После восьми смен оружия судьбы назовут победителей в каждой паре, если, разумеется, никто до этого не будет выбит из седла. Затем настанет черед других. И так до вечера. Победители примут участие в завтрашней пешей схватке, которая определит двоих лучших. Эти будут сражаться сначала на копьях, а затем на мечях за право надеть венки победителя и вручить Золотое Сердце Звезде Турнира.

Александр с вялым интересом следил за сражающимися. Явных промахов не допускал никто, вроде бы Аганн уступал своему противнику, но, возможно, Сандер был к нему несправедлив. Жорес был всего на три года младше его, он был хорош собой, нагл и не очень умен. Сыновья королевы выросли истыми «пуделями», с успехом заменив казненного Раулем Винцента в обжирающей Арцию своре. Александр их одновременно презирал и безнадежно ненавидел...

Солнце поднялось высоко, ристалище было усеяно обломками копий, клочками оборванных шарфов и перьями. К концу первой схватки в седлах осталось девять человек, пятеро из которых получили синие шарфы, знаменующие право продолжить состязание завтра. Одним из победителей был Жорес Аганнский, и Сандер мимоходом усомнился в честности судей, так как, на его взгляд, соперник Жореса, рыцарь с двумя золотыми конями на щите, держался увереннее. Впрочем, он пару раз отвлекался и вполне мог что-то пропустить.

– А Рогге подсуживал, – почти с нежностью произнес Этьен Ландей, – вот ведь мразь.

– Точно, подсуживал, жабий хвост, – жизнерадостно подтвердил Луи, – да на него посмотреть только, и все ясно. Рито, тот сразу понял.

– Что понял? – удивился Сандер.

– Что Рогге лучше удавить, – засмеялся Луи.

– Постой, – перебил Трюэля Одуэн Гартаж, – Александр, похоже, это твой «знакомец». Вон тот, с цветком.

Сандер не сразу понял, о чем речь, но, присмотревшись к высокому рыцарю с алыми перьями на шлеме, на щите которого серебрился белый цветок, похожий на водяную лилию, вспомнил верзилу-барона, с которым весной скрестил шпаги на центральной площади Мунта.

– Если он собрался отыгаться, он будет разочарован.

– Ну отчего же, он получит удовлетворение, если не от Тагэре, то от Аганна.

– Ты думаешь?

– А ты приглядишься. Он настроен на победу, Сандер, и очень жестко настроен, а Жореса тащат за уши. Если они столкнутся, я «пуделю» не позавидую.

– Можно подумать, ты ему теперь завидуешь, – хмыкнул Луи. – О, гляньте-ка...

Тут было на что посмотреть. Трюэль был прав. Барон (Александр вспомнил даже его имя – Фарни ре Гран-Гийо) был отменным воином, а копьем владел куда лучше, чем шпагой. Его противником был молодой Эдвар из рода Орви. В первых трех поединках соперники показали равную выучку. На четвертом барон выглядел лучше, а на пятом преимущество

решительно осталось за Фарни. Александр сам подивился тому, как болеет за бывшего врага. Отчего-то ужасно хотелось, чтобы победителем стал именно он.

2885 год от В.И.

1-й день месяца Лебеда.

Арция. Гарата

Удовольствия от происходящего на поле Даро не получала, наоборот. Ей было одновременно скучно и страшно. Незнакомые рыцари на огромных конях разгонялись, поднимая тучи пыли, и с шумом сталкивались. Сидящие рядом дамы азартно вскрикивали, спорили, произносили малопонятные слова. Кто-то «потерял стремя», кто-то «целил не в щит, а в шлем» и промахнулся, кто-то что-то нарушил... Дариоло была рада лишь тому, что Рито и знакомые ей рыцари из свиты герцога Эстре не принимают участия в этом ужасе, а сидят в такой же увитой листьями и цветами ложе. Брат ей говорил, что ничего опасного в подобном состязании нет и что на охоте или в завтрашнем пешем поединке покалечиться гораздо легче, но она не верила. Вид мчащихся друг на друга бронированных чудовищ повергал мирийку в ужас, хотя на схватку человека с быком или с необъезженным конем она смотрела спокойно. Арцийские обычаи вообще пугали и удивляли. Здесь, например, можно было обходиться без дуэньи, достаточно было иметь рядом брата или подругу, чтобы на тебя никто косо не посмотрел.

Покровительство брата короля и жены маршала Мальвани сразу превратило их в любимцев Мунта. Все знали о том, что Рито прикончил страшную Дафну, и откровенно этому радовались, а уличные поэты написали песенку в честь Рафаэля. Мунт Дариоло нравился, хотя казался слишком большим. Нравилась ей и герцогиня Мальвани и ее замужние дочери, взявшие гостью под свое покровительство. В доме Миранды она себя чувствовала намного уютней, чем в родительском. Девушка была рада, что они поселились там, а не в дворцовом флигеле, занимаемом герцогом Эстре. Герцог Дариоло нравился, но в его присутствии она немного робела, уж слишком серьезным тот был. А вот с «волчатами» ей было почти так же просто, как с братом.

И все равно, хорошо, что они возвращаются домой. Она соскучилась по своей комнате, из которой ее теперь никуда не уведут, по отцу, Ренате, Кончите. Даже по матушке, которая теперь наверняка станет добрее. Ведь Предстоятельница ордена святой Циалы подтвердила, что они были правы. Дафна была злой ведьмой и получила по заслугам. Даро была счастлива. Ее никто не запрет в монастыре, она сможет не носить белое, ездить в гости к Ренате, кататься верхом, танцевать на Санданге. Можно будет устроить и турнир, конечно, не такой, как этот. Не надо никого калечить, ни людей, ни лошадей. Нужен праздник, чтобы в Мирию приехал герцог Эстре с «волчатами». Они должны отплатить и за помощь, и за госте-приимство.

Сидящая рядом с Даро светловолосая девица в голубом платье, одна из двоюродных племянниц Миранды, обернулась и что-то спросила. Даро не поняла, но улыбнулась и кивнула головой. Девица в голубом все время спрашивала про Рафаэля. Даро наставляли, что благородная дама не должна говорить о мужчинах, ее мысли должны быть благочестивыми и скромными, но в Арции, похоже, придерживались других обычаев. Мирийка вздохнула и стала смотреть сначала на поле, потом через него на противоположные галереи. Было слишком далеко и пыльно, чтобы рассмотреть лица. Нобили и ноблески продолжали восседать на своих местах, а вот простонародье понемногу стало расходиться.

Вечером для простых зрителей будут другие забавы, а для знати – королевский прием. Главные события турнира все равно развернутся завтра. Те, кто победил в схватках на копьях, будут сражаться пешими самым разным оружием, пока не останутся двое, которым вновь предстоит поединок на копьях.

Даро вдруг подумала, как приятно, когда победитель при всех провозгласит тебя прекраснейшей. Нет, разумеется, это будет не она, и все-таки жаль, что именно этого обычая в Мирии не придерживались.

2885 год от В.И.

1-й день месяца Лебеда.

Арция. Гарата

Королева с трудом сдерживала ярость, причем бесили ее все и вся. Впору было орать и топтать ногами, но она молчала. Времена, когда при одном взгляде на нее Филипп терял голову, прошли, и прошли безвозвратно. Элеонора оставалась королевой и матерью наследника и надеялась вскоре родить мужу второго сына, ее родня по-прежнему окружала трон, но теперь Филипп не пропускал ни одной юбки. К счастью, дуры сдавались Его Величеству без боя, и удовлетворенный красавец расставался с ними с легкостью необыкновенной.

Супруг дошел до того, что открыто поселил во дворце некую Эжени Шаре, жену золотых дел мастера. Эжени была неглупа и невероятно красива, но, к счастью, низкое происхождение и брошенный, но вполне живой муж, делали ее неопасной. Однако водворение прелестницы в восточном флигеле показало Элле, что ее времена кончаются. Если у Филиппа появится фаворитка, которую будет любить не только король, но и его подданные, для семьи Вилльо настанут тяжелые времена. Поэтому чем дольше Филиппа будет занимать Эжени, тем лучше. За это время нужно успеть устроить будущее Жореса и Базиля.

Появление в Мунте молодых мирийцев озабоченную личными делами королеву мало взволновало, пока она не поняла, что дочь герцога Энрике – прекрасная партия для ее старшего сына. Перед кровью Кэрна склонятся любые нобили, детей Дариоло никто не посмеет назвать выскочками. Эта партия куда лучше, чем задуманный ранее брак Жореса с Жаклин ре Фло. Фло по крови ниже Кэрна, да и вырвать Жаклин, когда истечет срок ее траура, из лап Жоффруа будет непросто. Тому сама свояченица на дух не нужна, но за ее замки и земли пьяница станет драться. Да и тянуть с браком Жореса полтора года не стоит, мало ли что. Вот Базилю, если получится, она сосватает дочку Рауля. То, что невеста старше жениха, не беда, главное в браке выгода, а не любовь, да и вряд ли эта жалкая Жаклин переживет беременность и роды.

Королева изящно повернулась и отыскиала глазами ложу Мальвани. Досадно, что Миранда первой приручила мирийку, но она пригласит девушку на прием после турнира. В том, что Жорес покорит юную гостью, Элла не сомневалась, но сын слишком захвачен состязанием, чтобы думать о чем-нибудь еще. Она обещала ему победу, хотя куда умнее было бы оставить его в своей ложе и свести его с Дариоло.

Элеонора любила сына, но не настолько, чтобы закрывать глаза на его недостатки и промахи. Жорес из тех, кто полагает, что им принадлежит весь мир. Он не понимает, что и титулом графа Аганна, и сегодняшними успехами обязан матери, а не собственным достоинствам. Раньше Элеоноре не было дела до того, как смотрят на нее и ее родичей. Она была уверена в себе, но жена, которую разлюбил муж, должна быть осторожной, хоть это и неприятно. Нужно объяснить Жоресу, что задирать «волчат» не стоит не только потому, что они кусаются, но и потому, что их любит простонародье. Какое все-таки счастье, что она успела родить Филиппу сына, которого тот обожает, уж титула матери наследника ее никто не лишит!

Но Дариоло должна стать женой Жореса! Придется мириться с присутствием при дворе столь ослепительной красавицы. Хорошо хоть, мирийка воспитана в строгости и послушании, она без труда ее подчинит и, возможно, сделает незаменимым орудием. Конечно, королева предпочла бы, чтоб маленькая Кэрна была не столь хороша. Филипп, разумеется, никогда не пойдет на то, чтобы обесчестить юную девушку, да еще дочь герцога, но даже невинный флирт отвлечет его от Эжени, а потом он может увлечься Анной Гартаж или Луизой Кресси... Это некстати, но придется рискнуть.

Времени мало, скоро Кэрна возвращаются домой, и Дариоло должна увезти с собой кольцо Жореса. Что ж, будем уповать на прелести Эжени и на то, что Филиппа всегда привлекали опытные блондинки. Королева задумалась и не заметила, как все закончилось.

Утром двадцать семь рыцарей будут оспаривать право преломить копья в последнем поединке. Рогге исполнил обещание, Жорес один из них, но завтра будет труднее. Элла встала, опершись на руку супруга, и царственная чета направилась к выходу, подавая знак другим нобилям.

Их Величества проследовали в королевский шатер. Увидев сервированный на восемь персон стол, Элеонора не сразу сообразила, что с ними будут обедать оба деверя. Эстре старательно избегал ее общества, а Филипп не любил Жоффруа, и поэтому братья Тагэре редко оказывались за одним столом, но день королевского турнира – особенный день. Вечером будет большой прием на чисто выкошенном лугу у реки, куда королевское семейство должно прийти в полном составе.

Элла очень мило поздоровалась со здоровяком Жоффруа и его беременной женой, про себя отметив, что герцог Ларрэн опять навеселе, а затем протянула холеную руку Александру. Она сама не понимала, почему так его ненавидит. Видимо, дело было в слишком явной привязанности короля к младшему брату, привязанности, которую не могло поколебать ничто...

2885 год от В.И.

1-й день месяца Лебеда.

Арция. Гарата

Клэр Утренний Ветер весь день протолкался на помосте для простонародья. Место, которое он выбрал, было не слишком удобным для того, чтобы любоваться на турнир, но зато он отлично видел и короля, и своих «подопечных», к которым относил Сандера Тагэре и молодых мирийцев. Последние, судя по всему, чувствовали себя превосходно. Девушке не нравился турнир, но она явно была в ладу с собой и окружающим миром. Юноша, прикончивший циалианку, с ироничным интересом наблюдал за схваткой, иногда переговариваясь с молодыми нобилями, среди которых Клэр узнал Луи Трюэля и Одуэна Гартажа.

Кэрна эльфу понравился, хотя у него и не было дара Романа, чуть ли не с первого взгляда понимавшего, друг перед ним или враг. Но Рене мирийца признал сразу же, а ему эльф-разведчик верил больше, чем себе. Что ж, на краю эпох Горящее Сердце⁸¹ может стать той неожиданностью, которую их враги не примут в расчет. Родич Проклятого сам не знает ни своей цены, ни того, в какую круговерть он будет втянут лет через восемь-десять. 2897 год астрологи называют годом «трех звезд», и, если старый Эрик не имел в виду что-то совсем другое, следует ожидать исполнения Пророчеств, возвращения Белого Оленя и прочих прелестей...

Рыцари топтали и ломали свои копья, зрители восторженно вопили, но Клэру было не до состязания. И Александру Тагэре тоже. Молодой герцог светло и серьезно смотрел прямо перед собой, и Клэру подумалось, что с этим человеком можно и нужно говорить откровенно. Он поймет. И про Войну Оленя, и про Проклятого, и про Эстель Оскору. Сколько можно держать арцийцев в неведении, самые умные из них и те запутались в старых текстах, замешанных на лжи. Роман собирался с кем-то поговорить, знать бы с кем. Скорее всего, со своим «приемышем» Александром. Неужели Нэо и Норгэрель не вернуться? И что делать в таком случае ему?

Раздумья Клэра были прерваны появлением двоих, насквозь провонявших мертвечиной. Сразу же куда-то делась овладевшая разведчиком неуверенность, с этими нужно было что-то делать, и делать немедленно, но сначала выяснить, что или кто им нужен. Внешне они ничем не отличались от зажиточных крестьян, пришедших поглазеть на турнир. Добротные куртки зеленого сукна, кожаные пояса, грубые башмаки, стриженные в кружок волосы... И тоскливый, осенний холод. Смертные этого не чуяли. А если и чуяли, то не

⁸¹ Намек на сигну Кэрна.

понимали, что происходит. Просто вспоминали что-то неприятное, начинало ломить виски или ныть сердце.

Смертные не понимали, а вот собака, мирно лежащая на ступеньке, вывалив язык, внезапно глухо заворчала, ошетижилась и, пятась, стала отступать, но Клэр на нее не смотрел. Ему было противно, словно он шел по свалке, но он постарался пробраться поближе к «бледным» и встал у них за плечами, готовый, если что, остановить их оружием, против которого их мерзкие амулеты бессильны, как бессильна зима перед весной. Но парочка стояла смирно, только смотрела и слушала. И рядом с ними стоял Клэр, за шесть с лишним сотен лет научившись терпению кошки у мышиной норы.

Если бы «бледные» были понахальнее, эльф бы их вряд ли заметил, зеваки и зеваки, но они пустили в ход магию, боясь быть узванными. В этом был свой резон – Гарата прямо-таки славилась бдительными стражниками, да и синяков хватало, как переодетых, так и ходящих открыто. Спору нет, амулеты чужаков обманывали. Кристаллы отводили глаза людям, но не Клэру, подобно всем эльфам чующему магию смерти, а аура незнакомцев была ею прямо-таки пропитана. Что ж, если они пришли убивать, он их остановит, если это разведчики, пройдет за ними до Преисподней и далее.

2885 год от В.И.

2-й день месяца Лебеда.

Арция. Окрестности Мунта

Гран-Гийо таки победил всех своих соперников, чему Александр Тагэре был искренне рад. То, что сторонник Лумэнов, сохранивший им верность даже после поражения, принял участие в королевском турнире, обнадеживало. Как бы ни болело, да умерло. Мертвые похоронены, живые должны жить. Преломлять тупые копыя в состязаниях лучше, чем рубить друг друга мечами на полях сражений. Сандер искренне надеялся, что затея брата закончится успехом и с ристалища уедут если не друзья, то хотя бы не враги.

Арция, слава Эрасти, наконец-то становится единым целым. Теперь нужно привести в порядок северные границы и вместе с Оргондой покончить с Пауком или по крайней мере поставить ифранца на место. Но для этого в королевстве не должно быть ни Лумэнов, ни Тагэре, ни Вилльо, ни Фло, а лишь арцийцы, равные перед Творцом и государем.

С галереи Почетный Рыцарь мог наблюдать за обеими частями ристалища, но он слишком увлекся подвигами своего бывшего противника и почти не смотрел на ту часть поля, где определялось, кто же будет соперником Гран-Гийо в последней схватке. Только когда барон, уложив виконта Вуарре, был признан победителем, Александр перевел дух и чуть ли не равнодушно взглянул налево. Надо же, «пудель» все-таки дополз до конца.

Видимо, он произнес это вслух, потому что Луи тотчас же жизнерадостно сообщил, что не дополз, а был дотащен. За уши.

– Если б не Рогге и Реву, которых и подпускать-то к ристалищу нельзя, он бы еще вчера вылетел.

– Неужели Фернан совсем совесть потерял?

– Потерял? – хмыкнул внучок Обена. – Да этот жабий хвост вовсе не знает, что это такое. Если б ты не так болел за своего цветочного кабана, ты б и сам заметил.

– Плохо, – Александр не скрывал своей озабоченности, – как они не понимают, что из-за них все прахом может пойти. От турнира мир в Арции зависит, уважение к короне, а они...

– А они, как всегда, думают лишь о себе, – заключил Никола, – ну да Бэррот, даром что дурак, Жореса «сделает». Он его сильнее, а твой кабан сильнее красавчика Бэррота, так что, глядишь, и обойдется.

Артур Бэррот и впрямь был сильнее Жореса. Высокий и стройный даже в доспехах, он знал, что такое бой, и дрался столь изящно и легко, что невольно вызывал симпатию. Сначала ему немного не повезло: споткнувшись о выбоину, виконт выронил бердыш, но сразу же выправился, выхватил меч и встал намертво, успешно отбивая все атаки Жореса. Ловко уклоняясь и отражая удары, он выжидал, пока противник допустит оплошность, и

дождался-таки!

Прикидывая, как пробить чужую защиту, граф Аганнский забыл о собственной обороне и получил такой удар по запястью, что, если бы не крепость атэвских наручей, остался бы без руки. Рука уцелела, но вот бердыш из нее не просто выпал, но отлетел на несколько шагов. «Пудель» еще не понял, что произошло, а Артур Бэррот уже поднял свой бердыш, ударил им соперника в забрало и одним прыжком наступил на выбитое у Жореса оружие. Аганн в бешенстве бросился на Бэррота, попытавшись повалить его на землю, что было равнозначно концу поединка. Артур не растерялся и, обняв противника левой рукой, занес над ним бердыш. Судья, пожелавший прекратить бой, как ставший слишком опасным, поднял свой жезл, что было совершенно правильно.

– Молодец, Артур, – не выдержал Этьен Ландей, не питавший до этого к наследнику Бэрротов особо теплых чувств, но уважавший чужое мужество и мастерство, – молодец! Обрил «пуделя»!

– Да, лучше не придумашь, – согласился Александр, – еще вопрос, кто выиграет. Гран-Гийо сильнее, но этот ловок, как не знаю кто...

Рогге же между тем поднял еще раз жезл и возгласил:

– В поединке победил благородный граф Аганнский. Бердыш виконта Бэррота упал первым.

Александру показалось, что он ослышался.

2885 год от В.И.

2-й день месяца Лебеда.

Арция. Гарата

Эгон Фарни, барон Гран-Гийо наблюдал за поединком Артура Бэррота и Жореса Аганна с истинным наслаждением. Он не сомневался в победе Бэррота и был рад, что ему достанется соперник, которому даже проиграть не зазорно, а уж выиграть... Несмотря на некоторые сомнения, которые одолевали Эгона накануне турнира, он был доволен, что приехал. Если честно, барон рассчитывал преломить копье с братом короля, но герцог Эстре, несмотря на свою молодость, был избран Почетным Рыцарем, и честный по натуре Фарни признал, что это справедливо. Он даже решил после турнира подойти к горбуну и засвидетельствовать тому свое уважение. В конце концов, мало кто относился к побежденным с большим благородством и великодушием.

Жоффруа Ларрэн тоже не участвовал в турнире, и, глядя на его одутловатую физиономию, было ясно, что средний из братьев-победителей больше дружит с бочкой, чем с мечом и копьем. Поняв, что дать бой Тагэре не удастся, Гран-Гийо немного подумал и решил, что раз уж он приехал, надо драться.

На коне он всегда чувствовал себя прекрасно, а вороной Майхуб понимал толк в поединках не хуже хозяина, да и противник попался не так чтоб очень умелый. Барон выиграл свой шарф на удивление легко, но вот на следующий день пришлось сражаться всерьез. Особенно трудным был четвертый поединок с кузеном Гастона Койла Альбером ре Такаром. Эгон победил, и соперники расстались чуть ли не дружески. Такар пожелал ему удачи, пояснив, что если уж он проиграл, то пусть его победитель остается непобедимым. Что ж, он постарается, хотя Бэррот очень сильный боец. Глядя, как тот хладнокровно отражает атаки Жореса, Эгон мысленно аплодировал – споткнуться может каждый, а вот встать – нет! Скоро Фарни уже не сомневался в том, кто одолеет, это было очевидно. Судья даже бой прекратил, потому что Аганну грозила слишком явная опасность...

Фарни повернулся, чтобы уйти, пора было облачаться для конного поединка, и слова судьи застали его у самого выхода. Барон не поверил своим ушам. Победил Аганн? Это ничтожество? Сынок королевы?

– Сигнор, – поклонился коронный оруженосец, который должен был помочь претенденту на победу надеть доспехи, – не будет ли вам угодно пройти со мной? Ваш конь готов.

– Нет, – прорычал барон, – я не стану драться с этим недоноском! Или Артур Бэррот, или никто!

2885 год от В.И.

2-й день месяца Лебеда.

Арция. Гарата

Рафаэль понял, что сделает, едва глянул на побледневшего Александра, не отрывавшего напряженного взгляда от королевской ложи. «Победитель» нагло маячил в воротах ристалища в ожидании соперника. Простонародье свистело и орало, да и нобили вовсю размахивали руками, а некоторые уже тянулись к оружию. Ждали только решения Филиппа и слова Почетного Рыцаря.

Мириец окинул взглядом оскалившихся «волчат», замерших за креслом Эстре, и, стараясь не привлекать внимания, перебрался к самому выходу. Если на третий крик герольда Гран-Гийо не выйдет, а он не выйдет, остается лишь одно. Рито повел под курткой плечами, расслабляя мускулы. Александру было не до гостя, но Луи пошел в деда. Молодой Трюэль замечал все и скользнул вслед за Кэрна.

– Что ты задумал?

– То, что нужно.

– Ты не можешь с ним драться.

– Могу. Я чужак, мне ваши глупости не указ. Он примет мой вызов.

– Ты же говорил, что не в ладах с турнирными копьями.

– А мне они и не нужны. Луи, я знаю, что делаю. Да не бойся ты, боя не будет.

– Жабий хвост! Ты вконец рехнулся.

– А хоть бы и так. Но если Аганн – рыцарь, он отступит, или...

– Что «или»? «Пудель» в седле крепко сидит.

– Или сделаю из «пуделя» быка. Ты не видел байлы? Значит, увидишь.

– Ты наживешь себе смертельных врагов, и каких, – покачал головой необычно серьезный Луи.

– Наживу, – кивнул Рито, – но это лучше, чем ссора Александра с королем, если не что похуже. Мы все равно домой возвращаемся, а Эстре привязан к Арции...

– Так ты все понимаешь?

– Разумеется, – мириец ослепительно улыбнулся, – я и вправду сорвиголова, но я еще и сын герцога и вырос среди придворной мерзости. В Мирии многое по-другому, но и похожего хватает. Твой дед наверняка подтвердит.

– Да уж, он подтвердит, – рассмеялся Луи и, схватив кувшин с каким-то напитком, окатил жалобно тягнувшего Жора, – вот так, очень хорошо.

– Изверг, у него же вся шерсть слипнется.

– Потерпит. Вечером отмоют. Неужели думаешь, я позволю тебе дразнить «пуделей» в одиночку. Ну, уж нет! Уж часть гавканья мы с Жором оттянем на себя... И все же, все же, если победишь, будь поосторожнее и Даро береги. Хорошо, что вы скоро возвращаетесь, потому что эта свора не только вонючая, но и кусачая, и злопамятная....

2885 год от В.И.

2-й день месяца Лебеда.

Арция. Окрестности Гарата

– Барон Гран-Гийо отказался от поединка, – настойчиво повторила Элла, – это его право. Во время турнира слово судей – закон. Рыцари присягали признавать их власть превыше королевской...

– Так почему бы судьям и не принять решение? – взорвался Филипп, который не видел выхода из ловушки, куда его загнали любезные родственнички. Оспорить решение? Подданные истолкуют это по-своему. Дескать, король отвернулся от родни королевы и дал негласный приказ поставить наглецов на место. Филиппу стало тошно, когда он представил,

сколько поединков и обычных драк вспыхнет между Вилльо и прочими дворянами. Турнир задумывался, чтобы примирить враждующих. Кто же знал, что Элла окажется настолько глупа, чтобы тащить в победители собственного сына?!

Проклятый! Лучшим должен стать не родич королевы и не дружок брата короля, а кто-то третий. Сандер это понял и с готовностью принял звание Почетного Рыцаря, а «волчата» стали его свидетелями. Вчера это казалось замечательным решением, исключаящим наиболее сильных из числа претендентов, но сейчас...

Почетный Рыцарь следит за исполнением Кодекса Розы. Сандер не может оспаривать решение судей до того, как выскажется король, но он никогда не подтвердит незаслуженную победу. Филипп не сомневался, что брат скажет то, что сказал бы он сам, если бы Жорес Аганнский не был его пасынком. Мерзавцы-судьи свое получают, но это потом. Проклятый, что же делать?!

– Благородный и отважный Жорес, граф Аганнский ожидает своего соперника, – прокричал герольд, как будто бы этого никто не видел. Еще парочка воплей, и придется решать. Присудить победу Жоресу – опозорить себя. Признать претензии барона Гран-Гийо, сменить судей, назначить на завтра новые бои? Немыслимо...

– Ваше Величество, – Проклятый, неужели Элла до сих пор ничего не поняла?! – Ваше Величество, победитель ждет.

– Он еще не победитель.

– Если никто не решается оспаривать его доблесть...

Прямо-таки не решается! Ждут слова короля. Эх, если бы вместо Жореса был Сандер, но этого-то как раз быть и не может. Брату подсуживать незачем, он и так сильнейший, потому и не стал участвовать. Так что же все-таки делать? Признать Жореса или начать все сначала? Заставить других драться за право сразиться с Аганном? Но после выходки гордеца-барона на это мало кто пойдет. Играя по правилам Вилльо, станешь нерукоподаваемым, рыцари это понимают. Король почти с ненавистью взглянул на Элеонору, и в этот момент стройная фигура в темно-красном легко перемахнула через перила ложи Почетного Рыцаря и направилась через ристалище к королевской галерее.

Филипп сразу же узнал мирийского наследника, убившего циалянку и бежавшего из страны вместе с красавицей-сестрой. Евгений добился для беглецов полного церковного оправдания, но брат и сестра не спешили вернуться на родину. Но что понадобилось Рафаэлю Кэрна на ристалище? А, что бы тот ни удумал, это отвлечет зрителей и выгадает время...

Мириец между тем был уже рядом. Торжественно став на одно колено, Кэрна весело и открыто взглянул в глаза королю, и тот невольно улыбнулся в ответ.

– Ваше Величество, позвольте мне, гостю из далекой страны, обратиться с просьбой к первому рыцарю Арции и хозяину великолепного турнира, собравшего знатнейших и благороднейших воинов вашей державы.

– Мы рады выслушать просьбу любезного нашему сердцу гостя, сына и наследника великого герцога дружественной Мирии. В чем состоит ваша просьба?

– Ваше Величество! Кодекс Розы для рыцаря превыше всего. «Измена сюзерену карается всего лишь смертью или заточением, измена чести – карается жизнью, коя становится страшнее смерти».

– Воистину так, – ответил, склонив голову, король, все еще не понимая, куда клонит Кэрна.

– Кодекс Розы дарует дворянину, в жилах которого течет королевская кровь, одну привилегию. Он может на турнире вызвать на бой любого рыцаря вне очереди. Я – Рафаэль Кэрна, маркиз Гаэтано, сын Энрике, великого герцога Мирии. Кэрна не Волинги, но наш род правит Мирией не одну сотню лет. Церковь оправдала меня, я больше не являюсь изгнанником. Ваше Величество, прошу разрешения вызвать присутствующего здесь благородного рыцаря Жореса Аганнского. Кто бы ни был его соперник, я имею право просить его уступить мне очередь.

Самое малое, что захотел Филипп, это задушить мирийца в объятиях. Как же вовремя он появился, Проклятый его побери!

– Твое желание, благородный гость, в радость хозяевам. Нет сомнения, граф Аганнский почтет за честь принять вызов такого противника. Ты желаешь сразиться немедленно?

– Да, – наклонил голову Рафаэль, – благородный рыцарь и так истомлен ожиданием.

– Что ж, поединок будет объявлен, как только ты будешь готов.

– Я уже готов, Ваше Величество!

Королю показалось, что он ослышался. Жорес Аганн был в полном турнирном вооружении, а мирийский наследник был одет для праздника, а не для боя.

– Но на вас нет доспехов, друг мой!

– Ваше Величество, кодекс Розы говорит, что вызывающий, дабы подтвердить чистоту своих помыслов, вправе отказаться от того, что дает ему преимущество над противником, чтобы никто не заподозрил его в нечестной игре. Я отказываюсь от доспехов, коня и оружия и прошу лишь, чтобы бой продолжался до тех пор, пока оба его участника в состоянии его продолжать. Со своей стороны присягаю и даю клятву по возможности не повредить ни моему благородному противнику, ни его коню.

Формально Рафаэль Кэрна был прав, но это было каким-то безумием. Вооруженный рыцарь и человек с голыми руками... Хотя почему безумие? Мириец дает Жоресу повод проявить такое же благородство и с честью выйти из положения, в котором он оказался благодаря глупости собственной матери и низкопоклонству тех, кого по недоразумению определили в судьи.

А герольд уже возглашал:

– Благородный граф Аганнский, принимаешь ли ты вызов благородного маркиза Газтано?

Нет, Жорес все-таки был дураком, причем дураком подлым. Скажи он, что не может уступить сопернику в любезности, откажись от доспехов и коня, или признай себя побежденным благородством противника, он еще мог бы спасти свое лицо и честь короны. Но Жорес хотел получить награду и звание сильнейшего рыцаря Арции. Хо! Сильнейшего... Жорес сносный боец, но Ландей или Гартаж затрясут его, как борзая зайца, не говоря уж о Сандере или Бэрроте. Этот дурацкий предназначенный победителю венок ему пойдет, как... как титул графа Аганнского. Из пуделя не выйдет льва, как его не стриги и не причесывай!

Даже получи он награду, такую победу никто не признает, разве что уличные стихоплеты накропают десяток-другой неприличных песенок.

Но мирийцу придется драться. Пешему с конным, безоружному с закованным в броню. Он не может позволить убить или покалечить наследника мирийской короны на глазах всех нобилей Арции. Что же делать?

Противники между тем заняли места. Жорес, как и положено при конном поединке, в воротах ристалища, Рафаэль определил себе место посредине. Мириец стоял легко и непринужденно, слегка выставив вперед левую ногу. В правой руке Рафаэль сжимал легкую шпагу, годящуюся разве что для дуэли, а левая рука была заведена за спину и скрыта небрежно накинутым на плечо плащом. Зрители беспокойно шумели, обсуждая невероятный поединок, до короля долетали выкрики, явственно свидетельствующие, кому принадлежит симпатия. Вилльо-Гризье и так все ненавидели, а Рафаэль был смел, весел и хорош собой, да и его история облетела пол-Арции. Спасти сестру из рук капустницы! Убить бланкиссиму! Арция возлюбила Кэрна с первого взгляда, а его явная дружба с Александром и покровительство кардинала и вовсе превратила чужака в родного.

Филипп не сомневался, случись что с мирийцем, унять разъяренную толпу будет трудно, но сделать он ничего не мог. Оставалось положиться на удачу и на любовь простонародья к Сандеру. Если тот, разумеется, станет защищать подлецов и убийц. Проклятый! Как же все мерзко... Его Величество король отличался великолепным слухом и вполне мог разобрать крики: «Позор!», «Давить Вилльо!», «Обрить «пуделя»!..» – и так далее...

Жорес тронул коня, Рито отбросил в сторону шпагу и плащ, гул толпы затих, и король услышал короткий жесткий смешок и насмешливый голос: «Доро! Ваи, доро!»⁸²

2885 год от В.И.

2-й день месяца Лебеда.

Арция. Гарата

«Ты выходишь не спеша, даешь себя разглядеть. Все мужчины тебе завидуют, а женщины любят, – говорил старый Лючо, – покажи и Творцу, и Проклятому, что тебе никто не указ. Ты никого и ничего не боишься. Подумаешь, бык! У него сила, у тебя – сердце. Сердце байланте никогда не дрогнет...» Что ж, Рито Кэрна, вот и посмотрим, кто ты. Сталь против стали, это просто, а ты попробуй с голыми руками.

Рафаэль не думал, что Жорес станет драться, он просто давал тому возможность почетного отступления. Ради герцога, на которого было страшно смотреть. Рито знал, как жесток бывает выбор. Отца разрывали страх за Ренату и любовь к дочери, Александра – верность брату и честь. Странное дело, арцийским нобилям с детства вколачивали в головы Книгу Книг, а вот Кодекс Розы они знали понаслышке. Нет, в делах чести его новые друзья были безупречны, но вот старинную книгу с белой розой на переплете они в руках не держали, а Рито знал ее наизусть. И нашел выход, но Жорес им не воспользовался.

Что ж, «байла се кведа байла»⁸³, какой бы бык тебе ни попался. Рыцарь на коне – тот же бык. Могучий, тяжелый, яростный... Перед тобой бык, Рито. Бык. И ты должен его победить. Это всего лишь байла син нуэрда⁸⁴. Ты вызвался сам, ты не отступил, захотел быть гордым, но за гордость надо платить.

Ну, доро, вперед! Губы Рито скривила презрительная усмешка. То, что он слышал про «пуделей» Вилльо, подтвердилось. Трус, так как только трус будет цепляться за несправедную награду. Бык смел и прост, его теперешний противник будет похитрее, но разъяренный бык сам себе и конь с копытом, и всадник с копьем. А Жоресу придется на всем скаку разворачивать лошадь, на спине которой слишком большая тяжесть... Рафаэль был хорошим байланте, а хороший байланте знает, как взнуздать время, как оказаться там, где должно, ни мгновеньем раньше ни мгновеньем позже.

Хорошо, что Лючо учил его всему, в том числе и моне⁸⁵. Сначала он узнает характер своего быка и доведет его до исступления. Это не так уж и трудно. В Аганна не нужно бросать дротики, их заменят выкрики из толпы. Ты хотел славы, доро, ты ее получил! Ты уже вне себя, дважды собирался послать коня в галоп и дважды удерживал, приноравливаясь к атаке. Да, ты зол и растерян, что ж, так тебе и надо! Надо же, на арцийском турнире затесался земляк, кричит: «Хола! Хола!»⁸⁶ Это радует.

Жорес наконец решился и помчался вперед, опустив копье. Нет, он не собирался убивать безоружного соперника, на это его ума хватило. Рыцарь решил опрокинуть наглеца

⁸² «Бык! Пошел, бык!» (*мирийск.*) – крик, знаменующий начало байлы.

⁸³ »Байла остается байлой» (*мирийск.*) .

⁸⁴ Байла син нуэрда (*мирийск*) – байла без убийства. Когда байланте лишь пляшет вокруг быка, доводя его до исступления. Обычно нужно продержаться на арене какое-то время, но иногда байланте должен измотать быка так, чтобы тот упал или лег и перестал реагировать на своего врага. Для байланте этот вид байлы куда более опасен, чем байла гон нуэрда, когда быка требуется заколоть одним ударом.

⁸⁵ Мона – почти забытый вид байлы, когда байланте обходится без помощников, сначала помогающих ему раздражить животное, а затем в критических ситуациях отвлекающих внимание быка.

⁸⁶ »Хола!» – крик, которым в Мирии поддерживают байланте.

опущенным копьём, действуя им как простой палкой. Это было разумно, но Жорес никогда не бывал в Мирии и не видел байлы.

Да, с атэвским арканщиком или легким фронтерским всадником, составлявшими одно целое со своими поджарыми стремительными конями, Рито пришлось бы несладко, но неповоротливый арциец, тащивший на себе не меньше пяти беров⁸⁷ железа, не считая бревнообразного копья, и его несчастный конь явно были не готовы к байле.

Натиск рыцаря казался страшным и всесокрушающим, но не для того, кто с шести лет учился выдержке, стоя среди площадки в ожидании несущегося быка. Обладавший грацией и ловкостью мангуста, Рафаэль, не дрогнув, выбирал нужное мгновение и отскакивал в сторону. С каждым разом и без того выверенные движения мирийца становились все точнее. Байла шла вперед по своим извечным законам. Сначала заставить быка показать характер, затем вывести из себя, вынудить делать глупости, растрачивая силы, затем, вымотанного и разъяренного... прикончить? Вряд ли получится. И до этого еще дожить надо.

Про себя Рафаэль отсчитывал куэллы⁸⁸. Первые две он провел отлично. Теперь заставим этого кабана угробить собственную лошадь. Жаль, на ней столько тряпок, не увидишь, когда она покроется пеной. Ну, да так даже лучше, быстрее спечется...

Движения Рафаэля приобрели обманчивую замедленность. Сейчас Жорес вообразит, что он сможет предугадать его следующий шаг и начнет дурить голову несчастному жеребцу, останавливая его на полном скаку и разворачивая в разные стороны... Лошадь было жалко, всадника – нет. Отскочив в очередной раз в сторону, Кэрна повернулся спиной к осатаневшему «пуделю» и послал воздушные поцелуи зрителям, взрепевшим от восторга. Настоящий байланте никого не обделяет вниманием, и Рафаэль еще трижды «развернул» Аганна, чтобы раскланяться со всеми четырьмя галереями. Кажется, собравшиеся начинали понимать, что бой, изначально казавшийся им чуть ли не убийством, таковым не является, по крайней мере, по отношению к мирийцу. Но сочувствия Вилльо это не прибавило. Наоборот. Зрители понимали, что зарвавшегося «пуделя» не грозит ничего, кроме позора, и это всех вполне устраивало.

Выкрики становились все оскорбительнее, и Жорес не мог этого не слышать. Он заметался, пытаясь выправить положение. Его жеребец, не привыкший к подобным упражнениям, уже дважды спотыкался, и Рафаэль про себя сказал «три». Третья куэлла – девизом которой было «измотай» – закончилась. Остались две последние. Измотанного доро «веселят» украшенными разноцветными лентами дротиками. Измотанного «пуделя» Рито решил взбодрить своим падением. Выждав, когда Жорес в очередной раз пустит на него коня, мириец споткнулся и чуть было не угодил под копыта лошади. Раздался испуганный женский крик, байланте с видимым трудом поднялся, и стало ясно, что у него что-то неладно с левой ногой. Стало неимоверно тихо, словно тысячи зрителей исчезли, и они с Аганном остались в пустом поле. Арцийцу показалось, что он побеждает. Жорес мог, подняв копьё, отъехать в сторону, не желая причинять вреда покалеченному сопернику, но ярость взяла свое. Дав шпоры и без того измученному коню, сын королевы помчался прямо на неподвижно стоящего человека.

Рафаэль стоял как вкопанный. Кто-то отчаянно закричал: «Уходи!», кто-то выкрикивал проклятия Жоресу, большинство просто застыло от ужаса. Аганн все же не до конца потерял голову, он не хотел убивать, только сбить с ног. Неистовый рывок, и конь начал сворачивать в нескольких локтях от замершего мирийца, но удар похожего на бревно копья неминуемо должен был свалить Кэрна наземь. Но не свалил. Неожиданно мириец бросился, но не в сторону, а вперед, поднырнув под руку Жореса в волоске от копья, и кошкой вскочил на

⁸⁷ Бер – мера веса, около 17 кг.

⁸⁸ Куэлла – этап байлы. 1 – раздражить быка, 2 – узнать его характер, 3 – вымотать, 4 – вновь раздражить, 5 – убить или заставить упасть от усталости и потери крови.

конскую спину позади рыцаря. Дополнительную тяжесть, да еще усиленную силой прыжка, загнанный жеребец не выдержал и с шумом грохнулся на землю вместе с наездником.

Уставший, оглушенный, зажатый тяжелыми доспехами Жорес остался лежать, вяло двигая руками, как перевернутая на спину черепаха. Не обремененный берами железа Рафаэль успел соскочить, причем стало ясно, что обе ноги у него в порядке.

Байла сан нуэрда была закончена.

2885 год от В.И.

2-й день месяца Лебеда.

Арция. Гарата

Его Величество король Арции Филипп Четвертый сам не знал, рад он тому, что случилось, или нет. С одной стороны, общего примирения явно не вышло, а Вилльо в очередной раз показали себя во всей своей сомнительной красе. С другой, все могло бы кончиться куда хуже.

Как бы то ни было, Кэрна молодец, если кто и заслужил венец победителя, так это он. А с Эллой Филипп позже переговорит. Она должна наконец уразуметь, что королеве следует не только потакать своим прихотям, но и оглядываться на подданных. И уж теперь она точно не посмеет ему вычитывать за Эжени...

Король решительно поднялся. Не сводящие с него взора трубачи подняли горны и трижды вострубили: «Слушайте! Слушайте! Слушайте!»

Король обвел взглядом пеструю толпу на галереях для простонародья, яркие уборы дам и послов, рыцарские вымпелы над ограждением и властно поднял руку. На ристалище, кроме стоящих по углам герольдов и трубачей и Рафаэля, не было никого. Жореса унесли. То ли он и вправду расшибся, то ли делал вид, так как иначе ему пришлось бы уходить под улюлюканье и свист. С грехом пополам вставший конь, безвинная жертва обстоятельств, был уведен с поля, оставшегося за победителем.

Рито Кэрна, слегка запыхавшийся и растрепанный, легкой походкой байланте подошел к королевской галерее и склонился в учтивом поклоне.

– Вы сражались доблестно, маркиз, – веско произнес король Арции, – и мы рады вручить вам заслуженную награду.

Трубачи протрубили «Славу победителю». Король взял с серебряного подноса венок из золотых дубовых листьев и приготовился возложить на голову героя дня, но Рито остановился и опустил на одно колено на шаг раньше, чем следовало.

– Ваше Величество, я не заслуживаю этой награды, так как получил ее, воспользовавшись привилегией, доставшейся мне по рождению. Я был одержим гордыней, и я недостойн носить этот венок, дорога к которому пролегает через два дня поединков. Прошу вас избавить меня от столь незаслуженной награды, которая еще найдет истинного хозяина.

Филипп внимательно посмотрел в сияющие весельем черные глаза.

– Это слова истинного рыцаря и дворянина. Небеса видят, что ты достоин награды, но скромность украшает рыцаря не хуже золота. Мне жаль, что я не видел настоящей мирийской байлы, ибо это искусство благородных и отважных. Но одну награду ты все же должен принять. Победитель сегодняшнего дня должен избрать Звезду Турнира. Не побоюсь утверждать, что очаровательные дамы, украсившие собой сегодняшний праздник и нашу жизнь, будут счастливы услышать имя избранницы именно из твоих уст. Не разочаровывай их.

– Государь, – просиял глазами мириец, – клянусь святым Эрасти, это величайшее счастье и величайшая честь. Но я чужой в Арции, и у меня нет дамы сердца, глаза же мои разбегаются от красоты присутствующих здесь жемчужин.

– И все же я, по душевному согласию этих прекрасных жемчужин, вынужден настаивать, – Филипп засмеялся, не в силах далее придерживаться высокого слога. – Проклятый, да красавицы Арции жаждут узнать твои вкусы!

Рафаэль больше не возражал. Приняв из рук короля Золотое Сердце, он вновь вышел на

ристалище, где уже ждал белоснежный конь под синим чепраком. Мириец птицей взлетел в седло и шагом поехал вдоль галерей, вглядываясь в женские лица. Разум подсказывал отдать первенство Ее Величеству, но сердце с этим не соглашалось. Королева при всей своей красоте чем-то напоминала Дафну, и вообще именно она стала причиной всех сегодняшних неурядиц.

Рито понимал, что его выбор по возможности не должен никого оскорбить, поэтому самые красивые, самые богатые и самые знатные отпадали, равно как и сестры и возлюбленные «волчат». Решение пришло само собой, когда он поравнялся с ложей герцога Ларрэна. Средний брат короля ничего хорошего собой не представлял, но мирийский нобиль мог об этом и не знать. Зато Жоффруа был в одинаково напряженных отношениях и с «пуделями» и с «волчатами», а сидящая вместе с ним и его женой худенькая девушка с испуганными глазами явно не числилась среди первых красавиц, и было не похоже, чтобы в жизни ей выпало много радости.

Рафаэль соскочил с коня и решительно преклонил колено перед Жаклин ре Фло.

2885 год от В.И.

2-й день месяца Лебеда.

Арция. Гарата

Трудно было представить себе двух людей, менее схожих, чем Рафаэль Кэрна и Эдмон Тагэре, но для дочери Короля Королей властелин ее детских грез и победитель Жореса Аганнского слились в одно целое. Приучившаяся быть незаметной, как ночная бабочка на стволе дерева, Жаклин боялась всего и всех. В доме сестры ей было плохо, она безумно боялась Жоффруа, убившего отца и несчастного Филиппа, а за пределами особняка Ларрэнов подстерегали Вилльо. Впрочем, ее очень редко выпускали из дома. Лишь когда ее отсутствие было бы неприличным, она сопровождала сестру и ее супруга в храм, на королевский прием или на турнир. Жоффруа ревниво следил за тем, чтобы к свояченице никто не приближался, и она прекрасно понимала, что дело в отцовском наследстве. Изо, полностью подчинившаяся мужу и утратившая свою природную веселость, даже не пыталась защищать сестру. Король старательно избегал дочь Рауля, а родственники королевы видели в ней источник богатства, еще не прилипшего к их жадным лапам. Единственный, кто смотрел на нее с сочувствием, был Сандер, но его она встречала редко.

Жаклин хотелось броситься к Александру и попросить забрать ее из недоброго, чужого дома. Но поговорить с герцогом Эстре наедине ей не давали, а пойти наперекор надсмотрщикам не получалось. Сандер несколько раз подходил к ней, здоровался, спрашивал, может ли чем-то помочь, а она, проклиная себя, бормотала, что все в порядке и ей хорошо у сестры и Жоффруа. Можно было попросить защиты и у кардинала, но для этого требовалось проявить непокорство, а она была слишком напугана. Единственное, на что ее хватило, это закричать, когда к ней ночью ввалился пьяный Жоффруа. Тот, впрочем, не стал настаивать, только рассмеялся и сказал, что если на такую дурнушку кто и позарится, то за большие деньги, а он был готов порадовать ее по-родственному. Муж сестры ушел, а она осталась в темноте плакать о том, чего у нее никогда не было и не будет.

Единственным утешением Лины и ее величайшей тайной оставались песни, которые она втихую сочиняла и прятала в щель между подоконником и стеной. Она их никогда не перечитывала, хотя в тайнике скопилось немало баллад и романсов. Последний месяц дочь Короля Королей и вовсе спала наяву. Сестра с трудом носила очередную беременность, Жоффруа пил со своими сигурантами, а Жаклин смотрела из окна, как высокие каштаны гасили белые венчальные свечи, и думала, узнает ли она на райских мостах Эдмона Тагэре, или они пройдут мимо друг друга.

Даже поездка на турнир и та ее не разбудила. Лина послушно надела приготовленное камеристками платье и заняла место рядом с сестрой. Изо было плохо, она с трудом терпела жару, шум и пыль. Жоффруа отпускал дурацкие шуточки в адрес всех и каждого, то и дело приказывая пажу принести вина, а Жаклин думала о своем. Она очнулась, когда на

ристалище осталось двое. Жорес Аганн, которого она боялась и ненавидела, и черноволосый молодой человек в темно-красном, показавшийся ей героем баллады.

Вдова Филиппа Гаэльзского с ужасом наблюдала, как железный всадник раз за разом бросался на безоружного мирийца, а тот неуловимым движением обманывал громыхающую смерть. Потом Жаклин поняла, что сила на сей раз проиграла ловкости. Когда Вилльо упал под восторженный рев зрителей, а Жоффруа громко потребовал вина, чтобы выпить за здоровье победителя, Лина поняла, что сидит, подавшись вперед и вцепившись побелевшими руками в подлокотники кресла. Она не разобрала, что говорил победителю король и что тот отвечал, но потом мириец вскочил на коня и поехал вдоль галереи в поисках той, кого назовут Звездой Турнира.

Когда Рафаэль Кэрна протянул ей Золотое Сердце, она ничего не поняла. Этого не могло быть, но это было. Победитель стоял перед ней на коленях, сияя огромными темными глазами, и ласково улыбался. Жаклин встала, сделала неловкий шаг, не заметила ступеньки и наверняка бы упала, если бы мириец ее не подхватил.

Потом играли трубы, ее верхом на белом коне, которого вел под уздцы маркиз Гаэтано, провезли вокруг ристалища, им под ноги летели цветы, она слышала шум голосов. Кто-то выкрикнул здравицу в адрес ре Фло, и она вздрогнула, вспомнив лицо отца. Затем она стояла между Почетным Рыцарем и королем – между братьями Тагэре – и повторяла какие-то слова, которые подсказывал ей Сандер, и вдруг, неожиданно для самой себя, произнесла пришедшее ей в голову четверостишие, которое тут же подхватили герольды.

Все это – увитый живыми цветами помост, девушки в розовом и в белом, звуки лютней и гитар, взлетавшие к небесам голуби – казалось цветным сном, куда более бредовым, чем ночные грезы. Красочный вихрь шумел, кружился, слепил разноцветными искрами, а она видела лишь смуглое веселое лицо и темные волосы, слишком длинные для арцийца. Рафаэль Кэрна стал ее ожившей песней, она слышала его голос, шла, опираясь на его руку, по пологой белой лестнице, сидела рядом с ним на пиру и не верила, что он и вправду есть. А он был. Пил вино, шутил, смеялся, отвечал на вопросы. Напротив них, на таком же помосте восседала королевская чета, третье возвышение занимал Почетный Рыцарь, ухаживавший за ослепительной чернокудрой красавицей. Жаклин не сразу поняла, что это сестра ее рыцаря, что ее зовут Дариоло, а его Рафаэль, ведь у сказочных принцев имен не бывает.

А Рито не знал, чем занять свою странную даму. Обычно он с ходу находил общий язык с любой женщиной, но Жаклин лишь молчала и счастливо улыбалась. Он так и не понял, кто же его случайная избранница, хотя не мог не испытывать к ней острой жалости, словно к больному жеребенку. Она и походила-то на испуганного жеребенка, которому очень не повезло с хозяевами.

Праздничный вечер катился по своим законам. Играли и пели менестрели, слуги разносили кушанья и вина, затем заиграла музыка. Рито и Звезда Турнира шли первой парой, мириец не успел разобраться в арцийских танцах, но этот танец-шествие оказался совсем простым. Его спутница знала все фигуры, а Рафаэль любое движение схватывал на лету. Затем все вернулись на свои места, но ему пришлось занять место рядом с королевой, в то время как Звезда оказалась в обществе Почетного Рыцаря, а к сестре подошел король.

Поглощенный разговором с Ее Величеством и разглядыванием присутствующих дам, мириец и думать забыл о девушке, которой преподнес Золотое Сердце. Элеонора ему не нравилась, но она хотя бы не молчала. Если королева и затаила на него зло за то, что он унизил ее сына, она это весьма ловко скрывала.

– Байла известна только в Мирии, не правда ли?

– Да, Ваше Величество. Никто не знает, когда и почему мы стали танцевать с быками. У каждого народа свои причуды.

– Расскажите, – лицо Элеоноры выказывало живейшую заинтересованность, – как вы танцуете.

Можно было ответить, что бык – это тот же рыцарь, только опаснее, но Рито Кэрна был слишком хорошо воспитан, чтобы напоминать матери о поражении сына.

– Прекрасная сигнора, главное в байле принудить быка делать то, что хочет байланте. У меня есть короткий плащ, с одной стороны – алый, с другой – белый. Я дразню быка, тот бросается на меня, хочет ударить то, что движется, но движется плащ, а я неподвижен, и он пролетает мимо. Пропустить быка сбоку очень просто, у нас это умеет каждый мальчишка. Немного веселее стоять к нему лицом. Тут главное угадать, когда сделать шаг в сторону, чтобы бык пробежал под оставшимся на месте плащом. Но лучше всего, конечно, береника.

– Береника? Но это же имя...

– И еще цветок. И это правильно, прекрасные женщины, прекрасные цветы и байла, что может быть лучше? – Рито галантно наклонил голову, королева милостиво кивнула, позволяя ему поцеловать унизанную перстнями руку, что он и сделал, одновременно послав глазами призыв графине Рабан, которая, он видел, его прекрасно поняла.

– Вы говорили о беренике.

– Совершенно верно, Ваше Величество. Это красиво. Ты заводишь плащ за спину, когда бык уже разогнулся из всех сил. Он бросается на алое и, если все идет как надо, описывает круг, касаясь рогом ноги байланте.

– А если байланте ошибется?

– Что ж, байла – это жизнь. И то, и другое рано или поздно кончается.

– Вы и вправду убиваете столь страшного зверя одним ударом?

– Не всегда. Убить – это самое простое. Почетнее продержаться без оружия загаданное время, а лучшие байланте заставляют быка лечь от усталости или упасть.

– Я поняла, – Элеонора смотрела на гостя глазами влюбленной девушки, – но все же убить быка ударом не копыта, не секиры, а шпаги... В этом есть что-то нечеловеческое.

– Отнюдь нет. Всего лишь нужно опустить плащ вниз, к копытам, чтобы бык опустил голову, и всадить шпагу по рукоятке между лопатками. Если удар точен, бык упадет замертво, а нет... Что ж, можно попробовать второй удар. В спинной хребет. Тут лучше, чтобы бык пошел на тебя, задрал голову, чтобы лопатки были подняты. Тогда клинок войдет точно....

– Бедный бык, – вздохнула королева, – это прекрасная забава, но слишком жестокая.

– Бык умирает в бою, а это прекрасная смерть даже для человека. И он не понимает, что умирает. Правильный удар убивает раньше, чем бык почувствует. Продолжая порыв, он уже мертвым несется вперед, на врага. Его не рвут собаки, не колют копьями охотники. Байланте и быки честны друг с другом...

– Вы прекрасный собеседник, маркиз. Жаль, вы и ваша прелестная сестра скоро нас покидаете.

– Я был бы счастлив остаться в Арции навсегда, но это, увы, невозможно.

– Вы знаете слово «невозможно»?

Проклятый! Чего ей нужно? Она же должна его ненавидеть из-за сына. Или она поняла, что он спас честь короля? Тогда она умнее, чем он думал... Рафаэль поймал многозначительный взгляд графини Рабан, которая через некоторое время попросила Ее Величество отпустить ее. Через десятину откланялся и Рафаэль. Он не ошибся, его и вправду ждали, и вскоре все быки и «пуделя» мира были забыты, что уж говорить о неприметной девушке, которую Рито, поддавшись минутному порыву, возвел на трон Звезды Турнира...

Нэо Рамиэрль

Скала Ангеса походила на огромного лежащего волка, задравшего морду к луне. Достаточно было взглянуть на громадину из серого гранита, чтобы понять, что они нашли. Роман и Норгэрель переглянулись, словно не веря своим глазам, и снова воззрились на каменное диво. Скала не исчезла. Гигантский зверь смотрел вверх, словно изливая извечную волчью тоску о несбывшемся.

Норгэрель сбросил вещевой мешок и повернулся к Нэо. И по годам, и по поколениям он был старше разведчика, приходившегося сгнувшему Лунному Королю всего лишь незаконнорожденным внуком, но Норгэрель безоговорочно признал первенство родича, да и

сам Рамиэрль думал о товарище как о младшем брате. Сейчас тот ждал решения, но какого? Они нашли скалу Ангеса, ночью ее коснется рыжая звезда из созвездия Льва, и что-то произойдет. Что? Если врата запечатаны, как их открыть? А может, время стерло заветы и они смогут пройти «Дорогой страха»? Название звучало не слишком-то обнадеживающе. Что ж, если ты не знаешь, что делать, следует начинать с неотложного.

– Будем разбивать лагерь, – сообщил Роман, – кто знает, сколько мы здесь пробудем. Не думаю, что нам что-то грозит, но давай отойдем от скалы хотя бы к тем соснам.

Норгэрель кивнул и вновь подхватил свой мешок. Он был совершенно здоров и страшно серьезен. Бойтся стать обузой, дурачок. Конечно, одному привычнее и удобнее, но и спутник порой необходим, – Роман раздраженно оборвал свои мысли. Как только он начинал задумываться о спутниках, которых ему посылала судьба, он неизменно вспоминал о Кризе, а это было совершенно ни к чему.

Пусть Рене думает о Геро, это ему помогает жить, когда-нибудь они встретятся. По крайней мере, они МОГУТ найти друг друга, а о Кризе нужно забыть. Нельзя жить прошлым, если сражаешься за будущее, причем не за свое...

За долгие годы Нэо Рамиэрль научился говорить «нет» и воспоминаниям, и сожалениям. До ночи он занимался только лагерем и ужином. Темноту встретили у полыхающего костра. Было тихо, никакой угрозы не чувствовалось. Лишь снежный покой, не нарушаемый даже ревом потока. Сзади небо закрывала пятиглавая гора, впереди темнела гигантская волчья голова, над которой кружило звездное небо. Роман не знал, как назывались здешние созвездия, и придумал им свои имена. Корабль, Мечник, Змей... Следующим был Спящий Лев. Россыпь звезд лениво поднималась над горизонтом все выше, пока оранжевая звезда не оказалась точно между волчьих ушей. И ничего не произошло. Да и не могло произойти. Если здесь и был ход, он был разрушен.

2885 год от В.И.

9-й день месяца Лебеда.

Арция. Мунт

Расставаться с мирийским наследником не хотелось, но разлука была неизбежной. Сандер не был уверен в том, что Рафаэль возвращается домой надолго, слишком уж непоседливым и отважным создала его природа, но он должен был отвезти сестру. Дочери герцога не пристало покидать родной дом до замужества, и Эстре от души пожелал Дариоло хорошего жениха. Девушка не отличалась честолюбием и, несмотря на невероятную красоту, не была кокеткой. Пусть у нее все сложится хорошо, а Рито, Рито вряд ли долго усидит в Кер-Эрасти. Море и Новый Эланд возьмут свое, и скорее рано, нежели поздно.

Сандер долго думал, что подарить Рафаэлю на память об их короткой дружбе и услуге, которую тот оказал и ему, и Филиппу. Если б не сумасшедшая выходка мирийца, дворянство Арции уже рвало бы друг друга в клочья, а он бы или распрощался со своей честью или пошел против брата. Жаль, у него не так уж много вещей, которые годятся для подарка. Герцогу Эстре не хотелось дарить что-то, заказанное или купленное по случаю, пусть и дорогое. В конце концов, он решил расстаться с кольцом, подаренным братом в день избавления из плена. Это будет справедливо, отдать перстень тому, кто рисковал жизнью, сохранил дружбу и единство братьев Тагэре. Да и камень, звездчатый каонгхский рубин, был очень хорош, пожалуй, слишком хорош для горбатого герцога, ну а мирийскому красавцу, от улыбки которого тают все дамы и девицы, в самый раз.

Кэрна собрались уезжать через три дня, об этом герцог Эстре знал из первых рук. Что ж, завтра будет прощальная пирушка с «волчатами», послезавтра – королевская аудиенция, а он поблагодарит Рафаэля сегодня. Герцог Эстре надеялся застать брата и сестру у Мальвани, так и оказалось, но лишь наполовину. Даро куда-то уехала с хозяйкой дома, но Рито сосредоточенно метал кинжалы во дворе. Судя по тому, как он это делал, смерть Дафны была мгновенной, неотвратимой и, к сожалению, безболезненной. Мириец казался полностью поглощенным своим занятием, но чужое присутствие почувствовал сразу же и

обернулся изящным движением охотящейся кошки.

– Монсигнор...

– Я пришел к вам, Рафаэль. Скажу честно, мне жаль, что вы не арцийский рыцарь, а наследник трона Мирии.

– Мне тоже жаль, – улыбнулся Рафаэль, но в его глазах не было прежней бесшабашной лучезарности, – но я родился там, где родился, и с этим ничего не поделаешь.

– Эрасти поделал, – попытался пошутить Александр.

– И я не собираюсь умирать в Кер-Эрасти, сидя на троне. Надеюсь, до этого не дойдет. Но арцийцы пока еще дышат свободно, а мы... Проклятый бы побрал этих капустниц!

– Рафаэль, не лучше ли о них забыть? Вы оправданы, теперь все пойдет иначе.

– Оправдан... Да, да, конечно...

– Что-то произошло?

– Нет, все в порядке, – Рито пожал плечами, но Александр понял, что мириец врет. Что-то произошло, причем сегодня, так как вечером он видел и его, и Дариоло в особняке Трюэлей, оба были веселы и спокойны. Неужели Вилльо успели нагадить?! С них станется.

– Рафаэль, что случилось?

– Ничего, – бесцветным голосом повторил Кэрна.

– Не лги, – Сандер забыл о том, что перед ним не кто-то из «волчат», а наследник мирийского трона, и перешел на «ты», – что-то случилось, я не слепой. Скажи что. Я должен знать.

Рафаэль мог продолжать врать, мог повернуться и уйти или сказать, что дела Рафаэля Кэрна никоим образом не касаются герцога Эстре. Но вместо этого он молча протянул письмо. Остатки сломанной печати еще болтались на шнурке, и Александр разглядел пылающее сердце и герцогскую корону.

– Да, – кивнул Рито, поймав его взгляд, – это от отца. Гонец прибыл утром. Читайте, рассказывать мне не хочется...

Сандер развернул послание. Почерк у Энрике был разборчивым, хотя видно было, что писал он второпях.

«Рафаэль, – рубил наотмашь герцог Мирийский, – я получил твоё письмо и послания кардинала Арцийского и Ее Иносенсии. Можешь быть доволен, ты полностью оправдан, а байланте, рыбаки и торговцы распевают про тебя канты⁸⁹ и баллады. Ты своего добился, Даро незачем идти в монастырь, она может выйти замуж, а ты в свое удовольствие гонять быков и бегать за красотками, пока я жив. Сообщаю тебе, что известная вам Рената Ллуэва скончалась через кварту после вашего бегства в страшных мучениях, которые не мог ослабить ни один медикус. Она просила передать вам, что никого не винит и что ты поступил правильно и справедливо. Я передаю ее слова, хотя считаю, что маркиза ошибалась, по крайней мере, в отношении тебя. Я убедился, что для моего старшего сына собственное слово и судьбы других людей не имеют никакого значения. Впрочем, что еще ожидать от байланте, который, играя своей жизнью, учится презирать чужие.

Я считал тебя при всем твоим легкомыслием, человеком чести, но я ошибался. Впрочем, церковь и арцийские правители столь дружно приняли твою сторону, что я вынужден признать: ты чист и невинен, как святая Циала. Тебя и твою сестру встретят, как положено вашему званию и вашему доблестному подвигу. Не сомневаюсь, вы откроете следующую Сандангу и вас забросают розами и жасмином. Что значит жизнь лучшей из женщин и сердце отца, когда речь идет о ненависти, замешанной на страсти к приключениям моего сына, и кокетстве и жажде жизненных утех моей дочери? Возвращайтесь, дети мои. Мирия ждет вас...»

Александр дважды перечитал письмо и, не сказав ни слова, возвратил Рафаэлю.

⁸⁹ Канта (*мирийск.*) – народная песня, обычно исполняемая под гитару с дважды повторяющимися двустрочиями. Первый раз их пропевает кто-то один, затем все присутствующие. Канты бывают славящие, хулильные и шуточные.

– Видите, монсигнор, – хихикнул тот, – какое веселье ждет нас дома.
– Вижу, – кивнул герцог, – Рафаэль, а зачем вам возвращаться? И, кстати, называй меня Сандер...

2885 год от В.И.

10-й день месяца Лебеда.

Арция. Мунт

Герцог Ларрэн ввалился в трапезную, где его ждали жена и свояченица, в расчудесном настроении, которое ему не испортили даже эти две дуры. Герцог плюхнулся в резное дубовое кресло, залпом осушил кубок, тотчас же вновь наполненный кравчим, и сообщил:

– Мирийцы остаются. И парень, и красотка.

– Неужели? – Изабелла уже давно привыкла задавать мужу именно те вопросы, которые он хотел.

– Именно, – Жоффруа с силой всадил нож в мясо, – похоже, наследничку не больно-то хочется домой. То ли он с моим горбатым братцем не в силах расстаться, то ли графиня Рабан не пускает... Короче, укротитель «пуделей» затесался в волчью стаю. Признал своим сюзереном Сандера.

– Александра Эстре?

– Ты – дура, – сообщил жене Жоффруа, – можно подумать, у меня двадцать братьев и все Александры. Мне и двух-то многовато... Старший – олух и подкаблучник, младший – урод, но хоть ума хватает не жениться. Ему для полного счастья только мирийского красавчика не хватало, теперь справа – тигр, слева – бык, а посередке верблюд, – герцог Ларрэн радостно захохотал своей шутке. Изабелла опустила глаза, она любила Сандера, который был добр и к ней, и к их матери, оставшейся во Фло только благодаря заступничеству Эстре. Но возражать мужу Изабелла боялась, после смерти отца он несколько раз избил ее ни за что, просто чтоб знала свое место. Урок был усвоен, Изабелла боялась боли, боялась за сына, дочь и еще не рожденного ребенка, к тому же на ее попечении была безответная Жаклин. Герцогиня Ларрэн понимала, что по отношению к сестре ведет себя как предательница, но страх всякий раз оказывался сильнее совести. Она до сих пор не поговорила о Лине ни с Его Высокопреосвященством, ни с Сандером, хотя понимала, что Жоффруа пойдет на все, лишь бы удержать богатства ре Фло. Если Вилльо будут настаивать на свадьбе и король пойдет у них на поводу, как шел всегда, бедняжку просто убьют, чтобы ее доля досталась сестре, вернее, мужу сестры. Изабелла вздохнула, отгоняя неприятные мысли. По крайней мере полтора года, пока Лина носит траур, у них есть, а потом она что-нибудь да придумает...

Сама же Жаклин из разговора поняла лишь одно: Рафаэль Кэрна остается в Арции. Все остальное было неважно, тем паче Жаклин знала, что маркиз остался из-за нее. Нужно дожидаться окончания траура, и все будет хорошо. Главное, чтобы никто не догадался об истинной причине. Рафаэль это понимает, поэтому он и ушел с приема, даже не попрощавшись с ней. Конечно, он не очень красиво поступает с Ортанс Рабан, но та сама виновата, нельзя быть такой легкомысленной. Сказал ли Рафаэль правду Александру? Скорее всего, да, ведь он нуждался в его помощи...

– Чего это ты разулыбалась, – голос Жоффруа вернул Жаклин к действительности, – я что, что-нибудь смешное сказал?

– Я... Я не слушала, о чем говорят, простите... Я... Я одни стихи вспомнила...

– Проклятый, ну и дура.

2885 год от В.И.

13-й день месяца Лебеда.

Арция. Лага

Летняя резиденция арцийских королей была великолепна: два дворца – Старый и Новый, обширный парк с целой системой озер и протоков, каменные дома, в которых жили гости и те придворные, которым не досталось места во дворце, и обширные охотничьи

угодья, тянущиеся до самой Пантаны. Пьер Шестой боялся всех животных, кроме любезных его сердцу хомяков, а Филипп Тагэре обожал охоту в той же степени, в какой его супруга любила пышные приемы с музыкой и танцами, а вот Дворец Анхеля Его Величество не слишком-то жаловал. Неудивительно, что после турнира двор перебрался в Лагу, оставив Мунт до поздней осени, когда охота из-за ненастья из развлечения превращается в пытку, по крайней мере для дам.

Их Величества пребывали в несколько раздраженном состоянии, что не преминуло сказаться на настроениях слуг и стражи. Старшие, опасаясь выговора, драли несколько шкур с младших, все бегали как посланные, и тем непонятнее было, как в дворцовый парк проникли двое мужчин в поношенных одеждах, рассеявшиеся у дворцовой стены в двух шагах от дюжих гвардейцев. Воины, охранявшие особ королевской крови, отчего-то не обращали на наглецов никакого внимания. Около полуночи капитан стражи обошел посты и остался вполне доволен, не обратив внимания на столь вопиющее безобразие. Впрочем, чужаки сидели тихо, почти не двигаясь, устремив неподвижные взгляды к ущербной луне.

Когда часы на изящной, венчанной флюгером башне прозвонили третью ору пополудни, один из пришельцев встал и принялся что-то чертить ножом на земле, время от времени вскидывая голову к небесам, словно сверяясь с расположением звезд, второй встал и тоже уставился вверх, но звезды его не интересовали. Мелькнула легкая тень, летучая мышь пронеслась в воздухе над головой чужака и свалилась вниз, словно сбита удачно брошенным камнем. Отчаянно трепыхаясь, еще живой зверек упал точно в центр вычерченного первым круга и замер, распластав кожистые крылья. Та же участь постигла еще шестерых ночных летуний, пригвожденных невидимыми кинжалами к углам начерченной на земле фигуры, после чего между неподвижными тельцами протянулись странные сероватые нити.

Второй подошел к первому, кивнул головой и вытянул руку в сторону дворца. Из центра нарисованной фигуры вверх плавно поднялось нечто, напоминавшее очертаниями раскинувшего крылья нетопыря, но сотканное словно бы из тумана. Бледная тень взмывала все выше, пока не достигла уровня второго этажа, после чего поплыла в направлении одного из окон.

Стражники честно таращились во тьму, но не видели ни скользящей по воздуху призрачной летунии, ни тех, кто ее призвал, она же медленно влетела в окно, так и не шевельнув крылом. Двое обменялись удовлетворенными взглядами и вернулись на прежние места. Прошла пара десятинок, и дверь отворилась, пропуская человека в темном плаще. Его стражники заметили, но пропустили и даже взяли на караул. Человек в плаще небрежно махнул им рукой и зашагал по облитой луной дорожке к озеру. Двое последовали за ним. У пруда неизвестный остановился, сбросил плащ и встал в небрежной позе, обернувшись к оторопевшим преследователям.

– Ну и?

Двое не сразу справились со своим удивлением, но вызов приняли:

– Здесь спрашиваем мы, и мы не звали тебя.

– Конечно, не звали, – кивнул головой Рафаэль Кэрна, – я ведь и убить могу. Вам нужна моя сестра, но вы ее не получите. Убирайтесь и скажите тем, кто вас послал, что следующий раз так просто не отделаетесь, хотя бы сюда самая капуста из всех капустниц заявила. Ваши дохлые хафаш⁹⁰ и тому подобные бабочки мне не указ. В Арции они горят не хуже, чем в Мирии.

Пришлые молчали, не зная, что отвечать. Мириец еще раз усмехнулся.

– Я бы мог отдать вас Скорбящим, но те тоже хороши. Начнут кого ни попадя на костер тащить. Так что проваливайте и запомните: второй раз ни вы, ни ваши хозяйки не уйдете. И уберите несчастных нетопырей, дамы утром испугаются. – Рито повернулся и спокойно

⁹⁰ Хафаш – летучая мышь.

пошел назад, оставив незадачливых колдунов в полной растерянности, однако на этом их злоключения не закончились. Стремительно вырвавшаяся из земли зеленая плеть оплела ногу того, что стоял ближе к пруду. Второй, и не подумав помочь товарищу, повернулся и бросился бежать, но далеко не ушел, схваченный еще одной живой веревкой. Вскоре оба напоминали столбы, увитые бесовым вьюном⁹¹.

– Рафаэль Кэрна, насколько я понимаю, неправильно истолковал ваше появление, но я не счел необходимым его разубеждать, – сейчас вы или умрете, и умрете весьма неприятно для существ вашей породы... Или отправитесь со мной туда, где нам никто не мешает побеседовать. На гексаграмму не надейтесь, ее уже нет...

Света хватило, чтобы пленники рассмотрели высокого стройного воина с точеным лицом, но самым страшным был не он и даже не живые оковы, а то, что, повинаясь призыву высокого, откуда-то появился огромный черный жеребец, само присутствие которого разорвало в клочья волю пленников. Клэр давно привык к водяному коню, сменившему гнев на милость в отношении некоторых эльфов. Правда, пленников на своей спине Гиб не носил давненько, но другого способа доставить колдунов к Эмзару эльф-разведчик не нашел.

Сама по себе мысль была недурна, но хозяева пленников предусмотрели все. В том числе и плен. Вряд ли сами захваченные врасплох колдуны знали, что их ждет в случае неудачи. Две огромные белые бабочки вынырнули из темноты, бросились в лица пленникам и растаяли, словно бы впитавшись в кожу. Перед Клэром остались двое безумцев, даже не безумцев, а существ, у которых ума, памяти и чувств было не больше, чем у дождевого червя. Теперь их можно было убить. Или отпустить на все четыре стороны. Эльф отвернулся, предоставив Гибу покончить с никому не нужной страдающей оболочкой.

След оборвался, но то, как это было проделано, само по себе являлось следом, пройти по которому предстояло не разведчику, а магу.

2885 год от В.И.

1-й день месяца Собаки.

Арция. Окрестности Лаги

Даро тихо ехала вдоль ручья, берега которого заросли давно отцветшими дикими ирисами. Возвращаться не хотелось, она слишком устала от настойчивого внимания королевских родичей, с трудом скрываемой ненависти женщин и липких взглядов мужчин. Посвящать в свои трудности брата девушка не хотела. Рито слишком горяч, и ни ему, ни его сюзерену и другу герцогу Эстрэ ссора с кланом Вилльо ни к чему.

Даро благословляла святую Циалу за то, что их покровитель оказался к ней равнодушен, случись иначе, она бы оказалась в западне. Рассчитывать она могла только на брата, а его она не хотела втягивать в свои дела.

Вдали прозвучал охотничий рог, она здорово отстала от всех, и хорошо. Мирийка не получала ни малейшего удовольствия, глядя, как собаки и люди загоняют ни в чем не повинных оленей. Байла честна, охота – нет. Девушка остановила лошадь и спрыгнула на землю. Место ей понравилось. Желтые цветы у воды, пробивающиеся сквозь листву солнечные зайчики, запах созревших диких яблок...

Конечно, она тосковала по Мирии, но дорога туда заказана. Рито не хотел показывать ей письмо отца, но брат всегда был беспечным. Скомканный листок валялся рядом с плащом, небрежно брошенным на кресло. Даро узнала почерк, развернула, и ей показалось, что земля уходит из-под ног. Рената погибла, отец винит во всем их, а они и вправду виноваты, по крайней мере она. Ну зачем она кричала!? Из-за нее Рафаэль убил Дафну и стал изгоем. Из-за нее умерла Рено и страдает отец, она приносит несчастье самым дорогим, наверное, ей и впрямь следовало уйти в монастырь, но она смертельно боится всего, что связано с

⁹¹ Бесов вьюн – быстрорастущее вьющееся растение с ярко-оранжевыми цветами, обычно используемое для украшения оград и беседок.

циалианством. Но брат в ответ на ее покаянные слезы сказал, что незачем оплакивать то, что уже произошло. И он прав.

Эстре предложил им остаться в Арции, и они согласились. Все было бы хорошо, если бы не брат короля и Жорес Аганнский. Герцог Жоффруа пользовался каждым удобным случаем, чтобы остаться с ней наедине. Даро пугали его полупьяные шутки, но она терпела, так как знала, что Эстре и Ларрэн и так на ножах. Жорес был еще хуже, потому что был сыном королевы и не имел жены.

Странное дело, граф Аганнский должен был избегать их после того, что сделал с ним Рито, но через кварту она получила приглашение Ее Величества. Королева желала видеть девушку Кэрна. Пришлось поехать. Она вместе с другими дамами слушала менестреля, который пел что-то о розах, когда рядом раздался вкрадчивый голос:

– Сигнора, вы разрешите занять место у ваших ног?

Она вздрогнула и торопливо кивнула, даже не рассмотрев, кто обратился к ней с такой странной просьбой. А обратившийся был очень хорош собой – молодой, золотоволосый, с красивым дерзким лицом, которое чуть-чуть портили чересчур светлые брови и ресницы. Опустившись на подушки у ног Даро, пришелец, не обращая внимания ни на песни, ни на окружающих, попробовал занять девушку разговором, но та отвечала односложно и невпопад, старательно глядя на толстого молодого певца с жабым ртом, почему-то считавшегося золотым голосом Арции.

Даро готова была провалиться сквозь землю. Ее щеки горели, она не представляла, что ей делать со своим кавалером, который в присутствии Ее Величества вел себя столь неподобающе. Украдкой Дариоло оглянулась на королеву, и та ответила ей ослепительной улыбкой. Только сейчас мирийка сообразила, что ее собеседник похож на Ее Величество, как только мужчина может походить на женщину, только у Элеоноры брови и ресницы были черными, даже слишком черными для столь светлых волос. Даро не была искушена в женских хитростях, но про атэвскую сурьму слышала даже она. Заговоривший с ней нобиль – родственник королевы, скорее всего, брат.

К сожалению, девушка до сих пор не разобралась в том, кто есть кто при арцийском дворе, что же ей теперь делать? Она не знает даже имени своего кавалера. Он наверняка назвался, а она не расслышала.

– Сигнора, – ее кавалер оказался весьма настойчивым, – я жажду назвать вам свое имя. Жорес, граф Аганнский. Я сражен вашей красотой, и...

Он говорил что-то еще, но Даро его не слушала. Жорес Аганн! Сын королевы! Чего он хочет от нее? Он так хотел победить, что принял помощь нечестных судей, и все равно проиграл из-за Рито. Вряд ли он забыл, кто выставил его на посмешище! Он будет мстить, но кому? Рито? Ей? Приютившему их герцогу Эстре? И сколько же лет королеве, если ее сын ровесник «волчатам» и Рафаэлю? Элеонора была потрясающе хороша, но даже если она стала матерью в восемнадцать, ей никак не меньше... сорока?!

Мысли девушки скакали, как кролики, она смертельно испугалась своего собеседника и чуть не расплакалась от радости, когда появилась Миранда Мальвани. Жена маршала все поняла и сначала умело отодвинула Аганна, а потом под благовидным предлогом увела Даро домой. С той поры она при дворе не бывала, хотя приглашения следовали одно за другим. И вот теперь эта охота, на которую она поехала вместе с Рафаэлем.

Дариоло старалась следовать за основной кавалькадой, но она не была прирожденной наездницей. Лучше она посидит у реки и подождет, когда охотники убьют несчастных оленей.

2885 год от В.И.

1-й день месяца Собаки.

Арция. Окрестности Лаги

Жоресу Аганну, его младшему брату Базилу и их дяде Фернану Реву не хотелось состязаться в ловкости с «волчатами», да и выпитое с утра вино располагало к иным забавам.

Достойная троица свернула на малозаметную тропку, намереваясь вернуться в примеченную поутру деревню, где наверняка найдется парочка хорошеньких пастушек, но судьба распорядилась по-своему. У реки нобили наткнулись на привязанную лошадь, а затем увидели и девушку, одиноко сидевшую на берегу. Это была Дариоло Кэрна, и план созрел мгновенно. Жоресу нужна знатная жена, что ж, он ее получит, причем немедленно. Миранда прячет красотку, видимо, пасет для Сезара, а достанется она Аганну. Хорошая шутка во всех отношениях.

Сначала Жорес решил сделать предложение по всем правилам. Даро, услышав шум, вздрогнула и торопливо вскочила, на ее лице отразился ужас, но подвыпивших красавцев это лишь позабавило.

– Сигнора, – Жорес, давась от смеха, спрыгнул с коня и опустился на одно колено, – окажите мне честь и станьте моей женой.

Даро молчала, с ужасом глядя на неожиданного жениха огромными оленьими глазами.

– Ну, моя красавица, скажи же «да». И ты сегодня же станешь графиней Аганнской. Ну же...

– Сигнор, – пролепетала Даро заученную некогда фразу, – выраженные вами чувства чрезвычайно лестны для меня, но я принять ваше предложение не могу по причинам, – губы ее задрожали, – по причинам, которые вас не касаются.

– Нет. Ты его примешь, – взорвался Жорес, – здесь и сейчас. А клирика мы потом добудем.

– Браво, племянник, – крикнул Фернан Реве, – пока баб просят по-хорошему, они ломаются, а когда по-плохому, хотят еще.

– Верно, – хихикнул и Базиль, – Жорес, давай, а мы твоими поручителями будем. Если что, мы ее подержим...

– Сигноры, – голос Даро прерывался, – сигноры, оставьте меня... пожалуйста...

– Нет, дорогая, – заметил Жорес, – я тебя не оставлю. То, что добывает охотник, становится его добычей. Мне надоело, что ты прячешься за Миранду и горбуна. Иди ко мне, и покончим с нашим непониманием, а заодно и с твоей девственностью, если ты ее до сих пор сохранила. Ну же...

Даро затравленно озиралась по сторонам, но, кроме них четверых, здесь никого не было, да и быть не могло. Охота ушла далеко вперед.

– Точно, девственница, – заявил Базиль, – иначе бы уже разделась.

Даро наконец справилась с собой и слабо крикнула «Помогите», вызвав у своих мучителей лишь взрыв хохота.

– Ну и чего ты добьешься? – отсмеявшись, выдохнул Реве, – ты не уйдешь, а хоть бы и ушла... Побежишь жаловаться брату? У него хватит дури поднять на нас шпагу, только что будет потом? Может быть, тебе хочется рассказывать перед Советом Нобилей, что и как с тобой делали? Ну, а после тебе одна дорога – в монастырь, куда ты так не хотела... Так что иди сюда, и уладим все по-хорошему. Жорес будет с тобой ласковым, обещаем...

– Потом сама просить будешь, – повторил слова дядюшки Базиль. – Ну, что ж, брат. Придется мне твою невесту к тебе принести, но за это с тебя причитается.

Даро уже ничего не соображала, страх затопил все ее существо, страх перед ухмыляющимися мужчинами, страх за брата, страх публичного позора и большой, всепоглощающий ужас перед циалянским монастырем. Ленивая, сверкающая на солнце речка показалась ей единственным избавлением, и девушка с жалобным криком бросилась с берега. Увы, здесь было воробью по колено. Даро вымокла, вывалилась в грязи, но даже не ушиблась. Базиль Гризье, хихикая, направил коня в речку и отсек барахтающуюся девушку от дальнего крутого берега, на который она в тяжелом вымокшем платье для верховой езды и не смогла бы вскарабкаться.

– Видишь, что ты наделала, скверная девчонка? – Реве спешил и подошел к берегу. – Теперь тебе точно придется раздеваться и сушить платье. Давай-ка я тебе помогу.

Мокрая, сжавшаяся Даро замерла по пояс в теплой летней воде, трое мужчин с

усмешкой наблюдали за ней, они не торопились, зачем? Страх и неопытность жертвы их только забавляли, а Дариоло, даже промокшая, грязная и растрепанная, оставалась потрясающе красивой. Пожалуй, так она даже сильнее возбуждала, по крайней мере графа Ревы, который в совместных с племянниками похождениях, пользуясь своим старшинством, всегда получал лучшее. Правда, тут был особый случай. Мирийка должна стать женой Жореса, ну да потом они договорятся.

– Базиль, – брат королевы махнул рукой, – хватит, гони ее к берегу.

Племянник вскинул руку к несуществующему шлему, пародируя воинский салют, и тронул поводья, конь сделал шаг в сторону девушки, и та, отступая от него, бросилась к берегу, но не к тропинке, а к свешивавшимся к самой воде колючим кустам. Здесь было глубже, примерно по грудь, Даро поскользнулась и скрылась под водой, быстро вскочила, а потом, видимо, вспомнила, что смерть лучше, что у нее есть, и вновь скрылась под водой. Выругавшись, Базиль соскочил с коня и вытащил мокрую извивающуюся девушку. Наглотававшая теплой мутной воды Даро отбивалась изо всех сил, но сил-то у нее было как раз немного, а тяжелое платье связывало по рукам и ногам.

– Вот, – торжественно объявил Базиль дяде и брату, – вот мокрая курица и ее доблестный спаситель, который заслуживает награды, потому что...

Речь была прервана Дариоло, которая, извернувшись, укусила своего мучителя, что его только позабавило. Подоспевший на помощь Фернан схватил девушку за волосы, и тут тишину разорвал резкий, призывный звук рога.

2885 год от В.И.

1-й день месяца Собаки.

Арция. Окрестности Лаги

Крик был таким слабым, что Александр Тагэре не был уверен, что действительно его слышал. Герцог отстал от основной охоты умышленно. В отличие от братьев, он не находил особенного удовольствия в травле, хотя, зная пристрастие нобилей к охотничьим забавам, освоил и эту науку. Александр успешно доказал свою состоятельность оргондцам, выйдя с ножом на медведя, а в Ларрэне на глазах у восхищенного графа Бове в одиночку взял матерого секача. Это знали все, и равнодушие Эстре к оленьей охоте, столь любимой Филиппом и Жоффруа, расценивалось как очередное чудачество, но никоим образом не трусость и не неумение. «Волчата» же охоту обожали, и Александр предоставил им развлекаться в свое удовольствие. Кэрна хотел было остаться рядом с сюзереном, но тот, видя, как мириец напрягается при звуках рога, с усмешкой отправил его вперед, пожелав показать «этим пуделям», как надо охотиться. Рито не спорил, черные глаза вспыхнули, он дал шпоры коню и в мгновение ока исчез среди деревьев. Александра позабавила радость нового друга, не заменившего Сезара, но прочно занявшего свое место в сердце герцога Эстре.

День был чудесным. Неторопливо проезжая под зелеными сводами, вслушиваясь в птичий щебет и гуденье насекомых, Сандер был счастлив или почти счастлив, и тут этот крик... Возможно, ему показалось, а если нет?

Герцог вспомнил, что Ревы и два его племянника успели выпить и были изрядно возбуждены, а слухи о том, как развлекаются сии достойные нобили, расплзлись по всей Арции. Встретить троица Вилльо в лесу какую-нибудь крестьяночку, они ни за что ее не отпустили бы. Дени Гретье как-то объяснил своему ученику: если женщина кричит, то она хочет, чтоб ей помогли, если же ей нужно сохранить свои забавы в тайне, она рта не раскроет, хоть режь ее на куски. Нельзя сказать, чтобы герцогу очень хотелось кого-то вытаскивать из лап нализовавшихся негодяев, но отмахнуться от крика он не мог. Александр повернул коня и поехал в ту сторону, где, как ему показалось, кричали. Вскоре крик повторился, потом он услышал грубый смех, голоса, какой-то плеск. Больше сомнений не было: господа Вилльо развлекаются.

Отвращение, захлестнувшее Александра при виде родичей королевы, стало почти

осязаемым, однако он помнил, что ему придется столкнуться лицом к лицу с тремя вооруженными мерзавцами, разгоряченными вином и кое-чем еще.

Кусты расступились, и глазам Александра предстали братья Гризье и их дядюшка во всей красе. Граф Ревы стоял спиной к лесу буквально в двух шагах от герцога и давал указания вымокшему племяннику, державшему еще более мокрую девушку, видимо, вытащенную им из реки и отнюдь не похожую ни на крестьянку, ни на русалку. Та неумело, но отчаянно отбивалась и как раз в момент появления Александра умудрилась укусить Гризье за руку. Ревы бросился на помощь племяннику и схватил пленницу за тяжелую косу. Дальше Александр не смотрел. Выхватив из-за пояса рог (хорошо, что все же взял с собой), он коротко протрубил призыв, обозначая их местонахождение. Не нобили, так егеря или лесничие бросятся на поиски. Не пройдет и полуоры, кто-то сюда да примчится.

Отбросив ставший ненужным рог, Александр послал коня прыжком через кусты ежевики и вылетел на поляну. Ошалевшие от неожиданности мужчины обернулись, Базиль разжал руки, и девушка... Даро! – путаясь в складках платья, бросилась к нему. Легкое движение поводьями, и конь Александра оказался между мирийкой и насильниками.

– Тебе никто не поверит, – первым, разумеется, опомнился Ревы.

– Ты ошибаешься, – холодно, хотя внутри его все кипело, ответил Александр, – мне поверят все. Кое-кто не захочет поверить, это верно, но даже король должен считаться с народом. – Все так же холодно и спокойно герцог Эстре обнажил меч.

– Что? – взвизгнул братец Эллы. – Что ты хочешь делать? Ты не посмеешь!

– Еще как посмею, – красивые губы Александра тронула волчья усмешка, – твари!

Их было трое, но он был верхом и готов к бою. Впрочем, с Ревы и обоими Гризье он бы справился, даже будь те на конях и при полном вооружении. Родичи королевы, в отличие от Мулана, отнюдь не были великими воителями.

Никогда еще клан Вилльо не был столь близок к тому, чтобы понести потери, в серых глазах Александра полыхнула такая ненависть, что Фернан с племянничками сжались в комок. Герцог двинул коня вперед, но тут на противоположной стороне речушки появилось несколько всадников в зеленых одеяниях помощников главного ловчего. Александр со вздохом вложил клинок в ножны.

2885 год от В.И.

1-й день месяца Собаки.

Арция. Окрестности Лаги

Она не сразу поняла, что спасена. Звук рога, всадник на белом жеребце, удивление, ярость, растерянность и, наконец, страх на физиономиях Вилльо, ловчие в зеленом на том берегу, уверенные распоряжения герцога Эстре, – все смешалось в единый цветной и шумный вихрь. В глазах у Даро помутилось, и она наконец потеряла сознание, свалившись ничком в колючие кусты. Охотники, с ненавистью и злорадством глядя на притихших Вилльо, окружили поляну, ожидая приказов Александра. Базиль молчал, опустив голову, Жорес пытался скандалить, и кто-то из ловчих с удовольствием связал ему руки зеленым кушаком, граф Ревы изображал из себя оскорбленное достоинство, глядя в небо. Александр спешился, бросив поводья кому-то из подоспевших охотников, и, подойдя к Дариоло, легко поднял ее на руки. Кто-то из ловчих уже расстелил на земле плащ.

– Как она, монсигнор? Они не...

– Мы успели вовремя. Царка есть у кого-нибудь?

– Орельен, а ну, давай, делись!

– Передай монсигнору...

Александр приподнял голову девушки и легонько ударил ее по щекам. Длинные ресницы дрогнули. Даро открыла глаза, с удивлением глядя на склонившегося над ней Тагэре, а потом на ее лице отразилось такое облегчение, что у герцога к горлу подскочил комок.

– Все в порядке. Выпей!

- Что это?
- Это, – он улыбнулся, – это очень мужской напиток, но сегодня тебе можно.
- Где они?
- Тут, к сожалению. Не бойся, ничего они тебе больше не сделают...
- Они сказали, сказали...
- Ах, они еще и говорили?
- Они сказали, что... Чтобы я вышла замуж за Аганна. А если я сама не... он... А Рито, он... Это же родственники Ее Величества... Если что, они скажут, что я сама с ним... И свидетели будут, а потом... Потом меня все равно в монастырь...
- Так, – блеск в глазах Александра не предвещал Вилльо ничего хорошего, – забудь все, повторяю, ВСЕ, что они наболтали. Это мое дело, я поклялся честью вас защитить, и, Проклятый меня побери, я это сделаю. Циалианкам я тебя не отдам, не бойся. Робер, вы тут?
- Да, монсигнор, – седой человек с коротко стриженными усами подошел к герцогу.
- Постарайтесь найти что-нибудь сухое для девушки и какую-нибудь женщину ей в помощь. Видимо, нам придется молчать. Этих, – он махнул рукой в сторону сидящей на траве троицы, – не жаль, а вот девушка...
- Понимаю, монсигнор, она не виновата, а болтать все равно будут.
- Даро, ты меня понимаешь?
- Д-да...
- Так вот, эти твари теперь близко к тебе не подойдут. Сегодня я буду говорить с королем, и он меня выслушает, уверяю тебя, но ты же знаешь наших дам... Боюсь, не все поверят или захотят поверить, что я успел вовремя, так что для тебя лучше молчать. Рафаэлю расскажи, конечно, и все. Люди Робера рта не раскроют, да и эти «пуделя» тоже. Ты поняла?
- Да, монсигнор, я буду молчать.

Нэо Рамиэрль

«Никогда не говори «невозможно», хуже этого слова только слово «поздно», – эти слова, некогда сказанные Рене, Рамиэрль запомнил на всю жизнь. Самое страшное – это опоздать, он должен вернуться в Тарру до года Трех Звезд⁹², но как? Роман думал ночь и полдня, а потом принялся топить в котелке снег и поливать водой серые камни между передними лапами каменного волка. В ответ на недоуменный взгляд Норгэреля разведчик бросил:

– Хочу понять, куда падает луч звезды. Лед блестит, а камень – нет.

Скоро гранит покрылся сверкающей коркой. Роман сам не знал, что будет делать потом, когда звезда укажет ему нужное место. Выковыривать огромные валуны? Глупо, вряд ли Ангес просто завалил Врата камнями и на этом успокоился. Эх, будь у него Кольцо, но Черный Перстень он подсунул Герике, готовясь к смерти на алтаре... Ладно, подождем ночи, думать будем потом.

Лунный свет заливал округу, снег сверкал нестерпимо, и на его фоне скала Ангеса казалась сгустком тьмы. Неудивительно, что бог-Воин во время своих скитаний подобрал странный черный камень, похоже, его, Светозарного по рождению, тянула загадочная и страшная красота Тьмы, отсюда и Волк с Луной, знак клана Ларэна... А кто они с Норгэрелем? Лунные или Лебеди? Похоже, не то и не другое. Они – дети осиротевшей Тарры, и этим все сказано.

Луна свершала свой путь по небу, спускаясь все ниже, и вот ее лучи уперлись в морду каменному волку, заскользили по гигантскому телу, превращая его из черного в серебристо-серого. Лунный свет коснулся льда в тот миг, когда рыжая звезда поднялась над головой зверя и ее острый узкий луч отразился от ледяной поверхности, смешавшись с лунным сиянием. Роману показалось, что он видит вырвавшийся из камней язык пламени, узкий,

⁹² Речь идет о Пророчестве Эрика.

словно клинок шпаги. Проклятый, если бы при нем было Кольцо Ангеса, или хотя бы тень бога, завещавшая потомку Ларэна этот мир, не слилась с талисманом, а осталась здесь. Воин думал, что исполнил свой долг, но как же он сейчас нужен! Не для воспоминаний и вздохов о прошлых ошибках, для дела.

Горькая ирония заключалась в том, что он, названный Хозяином Зимы, на деле превратился в бессильного пленника этого мира. Будь он господином, серые глыбы расступились бы, покорные одному его слову. Они бы пропустили его!

– Рамиэрль! – В голосе родича слышался неподдельный ужас, смешанный с восторгом. Роман глубоко вздохнул, гася в себе затопивший его безумный порыв. Он был готов положить руку на плечо Норгэрелю и пробормотать какие-то объяснения, но сын Ларэна смотрел не на спутника, а на скалу. Огромная каменная лапа бесшумно и медленно, как во сне, поднялась и обрушилась на каменные глыбы. Скала, нет, Волк Ангеса, покорный приказу повелителя, разгребал осыпь. Камни с грохотом летели во все стороны, а двое эльфов с благоговением взирали на ожившего исполина. Даже Роман, помнивший всадников Горды, и то был потрясен, чего уж было говорить о Норгэреле. Мелькнула мысль, не подсказало ли Ангесу мысль о каменном страже наследие Омма? Может, и так...

Волк окончил свою работу и затих, вновь став гранитной скалой. Показалось ли это Рамиэрлю, или же наверху и впрямь блеснули расплавленным золотом звериные глаза? Блеснули и погасли, подернувшись мутной серой пеленой. Все стихло, лишь на груди каменного волка дрожали синие отблески.

Рамиэрль не поверил своим глазам. Меж каменных лап лежало нечто, похожее на овальное огненное озеро, и синее пламя было тем же, что пылало у Вархи. Они отгородились от ройгианцев так же, как Ангес от Арцея. Эмзар наверняка узнал эту волшбу от матери, а та от Ларэна... Что ж, они с Норгэрелем знают не только как ставить такой барьер, но и как его убирать, а силы, силы должно хватить. К их услугам вся магия мира Зимы, признавшего его своим хозяином. Воин не шутил, он и вправду вручил ему наследство Ангеса...

2885 год от В.И.

2-й день месяца Собаки.

Арция. Лага

Филипп был настоящим дворянином. Покоряя женские сердца, он никогда не унижался до насилия, презирая и ненавидя тех, кто, не сумев завоевать любовь, пользовался тем, что силен или богат. Сандер с плохо скрываемым удовольствием смотрел на то, как сильные руки брата скрутили винтом щипцы для сахара.

– Эти мерзавцы уберутся из Мунта и будут сидеть в Аганне, пока их не позовут. А Элла может хоть в узел завязаться, хоть за ними поскакать. Даро я пальцем никому тронуть не дам. Она МОЯ, – король сделал на этом ударение, – гостя, и она сама выберет того, кого захочет. Я скажу это ей и всем завтра же, а этими кобелями займусь прямо сейчас. Ты доволен?

– Спасибо, – от души сказал Александр.

– Пожалуйста, – рассмеялся король, – ты так редко чего-то просишь, что выполнять твои просьбы для меня сущее удовольствие. Кстати, раз у нас пошел такой разговор, давай начистоту. Тебе нужно жениться.

– Мне?

– Тебе! – Его Величество пододвинул к себе кувшин с вином и наполнил два кубка. – Давно хотел с тобой поговорить, да руки не доходили. Про твои подвиги с красоткой Вивианой я знаю, не такой уж ты и недотрога, каким кажешься. Виа прямо-таки в восторге была, после нашего отъезда аж два месяца грустила. Такого с ней еще не было.

– Правда? – поднял бровь Сандер, принимая из рук брата кубок. – Я польщен.

– Еще бы. Ты кого-нибудь любишь? Только честно. Может, эту малышку Кэрна? – засмеялся король. – Хочешь, я вас сосватаю?

– Даро? – от удивления Сандер чуть не выронил кубок. – Нет, конечно.

– Врешь ведь! – засмеялся король.
– С Дариоло Кэрна меня связывает лишь данное ей и ее брату слово позаботиться от них. Честью клянусь.

– Ладно, верю, хотя дурак ты, братец. Спасти такую красавицу и на этом успокоиться.
– Ты с ума сошел, она же девочка совсем. Ей златокудрый рыцарь нужен, а не горбун.
– Златокудрый, говоришь? – приосанился король, глянув в висящее на стене зеркало. – Что ж, черное к золотому, юг к северу... Беру свои слова назад. Да и не стал бы ты меня за свою красотку просить, сам бы вступился. Слушай, может, тебе Аврора подойдет? Она не хуже Эллы, да не такой, как сейчас, а десять лет назад. Тебе без малого двадцать три, ей – двадцать. Сам бы женился, да хватит с меня венчаний всяких... Да не смотри на меня так, я ее не трогал. И другие тоже. У баб Вилльо с честью строго. Ну, что скажешь? Элла не против, братцы ее тоже. Хватит вам собачиться, право слово.

– Нет.
– А ты присмотрись все же, таких кос и у Эллы не было, разве что у... Проклятый! – Король залпом выпил свое вино и налил еще.

– Не буду я смотреть, брат, – твердо сказал Александр, – я ни с Вилльо, ни с кем другим связываться не намерен, разве что дело о жизни и смерти пойдет. У тебя есть наследник, вы с Эллой ждете прибавления семейства, да и у Жоффруа уже есть один сын, а чем меньше в королевском доме наследников, тем спокойней. Да и сам посуди, какой из меня супруг? Дома сидеть не люблю, да и нет у меня дома. С моей неземной красотой я уж лучше буду Джакомо или Жозефа пугать.

– Ну и Проклятый с тобой, братец, – зевнул Филипп, – не хочешь любить Аврору, не надо. Джакомо с Жозефом от тебя не уйдут, это я тебе обещаю. Весной я за Паука возьмусь. Ладно, прости, меня Эжени ждет. Не всем же по заповедям жить, кому-то и грешить нужно.

2885 год от В.И.

2-й день месяца Собаки.

Арция. Лага

– Если ты думаешь, что я кинусь утирать вам сопли, ты ошибаешься, – Элла угостила сына таким взглядом, что тому стало не по себе.

– Подумаешь, – Жорес попытался улыбнуться, – ничего бы с ней не случилось, зато потом красотка стала бы поговорчивей. Или моей матушке она дорога, как памятник девственности?

– Замолчи, – королева со злостью швырнула об пол расписной веер, – соображать надо, где, что и с кем можно. Филипп обожает оскорбленные невинности и угнетенную добродетель, он и раньше на нее поглядывал, а теперь и вовсе. Даро – не Эжени, которая и Гастону не отказывает, и вам троим... И не забывай, она – дочь герцога.

– Ты боишься, что король тебя бросит? – подал голос молчащий до этого Фернан Ревин. – Глупости, ты – мать наследника, Тагэре никогда на это не пойдет.

– С надоевшими женами чего только не случается, – жестко сказала Элеонора, – тем паче и я, и вы, между прочим, поперек горла всей старой знати. Если Филипп захочет меня оставить, ему с удовольствием помогут, а на вас ему сейчас смотреть тошно. Придется вам проехаться в Аганн и посидеть там до весны.

– Еще чего! Чтобы я пошел на поводу у этого уroda!

– Этот урод, если захочет, прикончит вас всех и не заметит.

– Вот как. Моя матушка защищает горбуна. Это что, старость на пороге?

Королева встала, не торопясь подошла к сыну и отвесила ему пощечину.

– Не советую забывать, кому ты обязан своим положением, Жорес Гризье. А что до горбуна, то, может быть, вы научились выигрывать сражения? Или за вас горой и столица, и провинция?

– Нет, сестрица, ты точно или сошла с ума, или влюбилась в Эстре. Так он тебе не ответит. Он у нас и так как собака на сене... Красавица Даро от него не отходит, а он на нее

не смотрит, а ты все же постарше будешь.

– Жоресу позавидовал? Еще слово, и тоже получишь. Я ненавижу Александра, но без него Филипп потеряет Юг и Север и угодит в кабалу капустницам, как те же мирийцы, или Жозефу. Я хочу быть королевой сильной страны, братец, а это значит, что кто-то должен не только жрать, но и сеять, а Эстре как раз этим и занимается. Да, горбун не бегаёт за юбками, но стоит ему свистнуть, та же Эжени пошлет тебя к Проклятому, потому что знает, на какую лошадь ставить... И ты знаешь, иначе не подсовывал бы ему Аврору.

– Уж куда мне до тебя, вот ты точно хорошую лошадку оседлала.

– Теперь мне главное на ней усидеть, и если для этого нужно терпеть горбуна и отправить всех вас в Аганн, я это сделаю. Александр помешан на верности брату и Арции, значит, он нужен и мне. А вот Даро... О ней вам придется забыть, хотя я и хотела, чтоб дети Жореса были наполовину Кэрна.

2885 год от В.И.

3-й день месяца Собаки.

Арция. Лага

Гвардейцы браво раздвинули копыя, пропуская брата короля на террасу, где в обществе придворных отдыхали Их Величества. Вообще-то подобные посиделки Александр не терпел, но после позавчерашней охоты нужно было показать, что ничего не случилось, а спешный отъезд сыновей и брата королевы вызван письмом эркарда Аганнского.

Герцог Эстре вошел своей всегдашней легкой походкой, сразу же приковав к себе внимание кавалеров и дам. В этом не было ничего особенного, когда вице-маршал появлялся при дворе, на него всегда обращали внимание, видимо, потому, что он старался бывать здесь как можно реже. Отвечая дежурной улыбкой на поклоны и реверансы, Сандер подошел к Их Величествам, и королева указала ему на кресло рядом. Разговора было не избежать, но он знал, куда шел. Теперь придется слушать посыпанные сахаром гадости и улыбаться потому, что Элла – жена брата, и потому, что женщин на дуэли не вызывают. Впрочем, сегодня Сандер не был расположен глотать оскорбления. Вырывая доверившуюся его покровительству девушку из лап мерзавцев, он прекрасно понимал, кто подал Аганну столь блестящую мысль. Равно как и Филиппу, попытавшемуся его женить на дочери Фернана.

– Я должна поблагодарить вас, любезный брат, – пропела королева, – за то, что вы проявили благоразумие и не стали губить девочку.

– Должен же кто-то был его проявить, дорогая сестра, – Александр почтительно коснулся губами руки Эллы, – если ее родители и тетушка этого не сделали.

– О да, Александр, – голубые глаза вспыхнули, серые остались спокойными и доброжелательными, – вы всегда были благоразумны и добросердечны.

– Верность меня обязывает, сеньора. – Герцог Эстре поднялся, поклонился на удивление изящно для горбуна и направился к выходу, раскланиваясь со встречными нобилиями.

– Получила? – засмеялся король. – Я же просил тебя, Элла, и прошу еще раз. Не трогай Сандера, он стоит всех твоих родственничков, вместе взятых. Как бы ты ни была мне дорога, с братом ты меня не рассоришь. Подумай об этом на досуге... А теперь прости, мне нужно сказать пару слов брату и сестре Кэрна.

2885 год от В.И.

3-й день месяца Собаки.

Арция. Лага

Даро не хотела идти во дворец, но пришлось.

– Ты должна вести себя так, словно ничего не случилось, – сказал брат, – и потом, с тобой буду я. Ну же... Если ты начнешь прятаться, поползут слухи.

И Дариоло честно надела золотистое платье и нитку золотистого же жемчуга на шею – память о спасшем их капитане. Все остальное было подарками Рито, или, вернее, герцога

Эстре, который, хоть и не купался в золоте, как семейство Вилльо, имел обыкновение помогать тем, кого считал друзьями. Рафаэль пытался отказаться, но монсигнор нашел какие-то слова... Даро не удивилась, Александр Тагэре мог убедить кого угодно. Не словом, так клинком. Мечом он пользовался нечасто, но ради нее поднял руку на всесильных временщиков. Только бы Эстре сегодня был у брата!

Когда они с Рито подъехали к летней резиденции, девушке вновь стало страшно. Ей казалось, что на нее смотрят все, и это действительно было так, но причиной была красота Даро, которую волнение сделало еще ярче.

С монсигнором они столкнулись у самого входа на Террасу Нарциссов. Александр весело болтал с какими-то нобиями. Он, видимо, собирался уходить, потому что стоял лицом к двери. Увидев Рафаэля и Даро, герцог сразу же простился с собеседниками и подошел к ним.

– Хорошо, что пришли, – Эстре весело улыбнулся, никому бы и в голову не пришло, что речь идет о чем-то серьезном, – я говорил с королем, он берет Даро под свое покровительство. Ее Величество вынуждена сделать то же самое. Никого из наших «друзей» здесь нет. Они все осознали и ночью уехали в свои владения. К сожалению, мне нужно идти, но здесь вам ничего не грозит. – Александр слегка сжал прохладные пальчики Даро и ушел. А она осталась.

Было глупо держаться за брата, к которому подошел какой-то рыцарь с разговорами о соколиной охоте. Даро заметила стайку дам и девиц и попыталась к ним присоединиться, но не успела. Подошел король.

– Разрешите, сударыня, – Филипп протянул девушке руку, галантно обернутую плащом, и она, вспыхнув, на нее оперлась, немедленно попав под прицел доброй сотни все замечающих придворных глаз, – давайте погуляем по саду. Не возражаете?

Как бы она осмелилась возразить? Рука короля была твердой, Даро видела его красивый профиль, обрамленный золотистыми локонами. Филиппа называли «Пять ланов мужской красоты», и это не было преувеличением. Он слыл добрым и учтивым кавалером, но девушка отчего-то отчаянно трусила, хоть король на нее и не думал смотреть. Наконец они дошли до изящного мраморного мостика, повисшего над соединявшей два озера протокой. Наверху была беседка с низкими диванами. Филипп провел туда свою даму, Даро, замирая, опустила на расшитые бабочками подушки, и только тогда король заговорил:

– Я все знаю. Мне очень жаль, что мои родственники повели себя столь неподобающе. В какой-то степени их может оправдать ваша красота, признаюсь, я никогда не видел столь совершенного лица. – Даро вспыхнула, а король неожиданно мягко улыбнулся. – Это не лесть, сударыня. Вы смутили сон всех мужчин моего королевства и заставили умирать от ревности всех женщин. Пока вы свободны, покоя в Арции не будет.

– Ваше Величество... – Что можно сказать в ответ на такие слова? – Ваше Величество, я не хотела...

– Глупая девочка, – Филипп коснулся щеки Даро, и она вздрогнула, – не бойся, я еще не обидел ни одну женщину, разве что своим невниманием... Ну, конечно же, глупая! Разве плохо быть красивой, молодой, обожаемой? Неужели тебе не нравится, когда тебе говорят о любви?

– Мне... Мне никто о любви не говорил.

– Мой пасынок, видимо, не в счет. Тем лучше, значит, я могу быть первым, – король улыбнулся своей знаменитой улыбкой.

– Ваше Величество... Это нельзя... Королева...

– Королева тоже моя подданная. Я не знаю слова «нельзя», а только «не хочу», – голос короля обрел властность. – Тебе нравится кто-то из наших кавалеров? Скажи. Я его тебе подарю.

Даро молча хлопнула ресницами, но в уголках ее глаз стали подниматься слезы.

– Почему ты молчишь?

– Ваше Величество... Мне никто не нравится. Мне хорошо с моим братом... Мы друзья.

Пожалуйста, не надо мне никого...

– Ты не представляешь, с какой радостью я выполняю эту твою просьбу. Никого не будет. Бедная, как же тебя напугали эти негодяи! Я понимаю Сандера, хоть он и железный. Он правильно сделал, что схватился за меч, я бы сделал то же. Ты не кокетка, и ты не виновата в том, что произошло. Теперь я в этом убедился.

– О, Ваше Величество, – Даро только сейчас поняла, как напугалась, – так это была шутка? Вы меня проверяли?

– Можешь это считать шуткой, – согласился король, – пока. Но каждая шутка намекает о том, о чем всерьез говорить еще рано. Тебе восемнадцать, а мне всего тридцать три. Время терпит.

– Я могу идти?..

– Конечно, Дариоло. Какое все же у тебя красивое имя. Ты можешь идти куда хочешь и... можешь вернуться, когда хочешь.

Нэо Рамиэрль

Синий огонь угас, открыв овальный провал в радужную бездну. Цвета сменяли друг друга в строгом порядке. Красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый и снова красный... Двое эльфов стояли на самом краю, не решаясь сделать шаг вперед. Игра красок пугала. Пугали и странные слова, сказанные в полубреду Норгэрелем. Сын Ларэна беспомощно поднял глаза на родича, и это словно бы разбудило Романа. Будь что будет, но он шагнет вперед. В никуда. Как шагнула Герика. Он был уверен, что его путь оборвется на Алтаре Ангеса, но с тех пор прошло шестьсот пятьдесят лет, а он жив, выживет и сейчас. Разведчик улыбнулся.

– Норгэрель, возвращайся в дом и жди. А я должен идти.

– Я с тобой.

– Ты еще не совсем здоров, и потом, я не знаю, что там такое. Глупо рисковать двумя головами, если можно обойтись одной.

– Нельзя, – в голосе родича впервые за время их дружбы прорезались жесткие нотки, – обратной дороги может и не быть. Лучше идти вдвоем, чем поодиночке. Вдруг моя память пригодится и по ту сторону.

Роман с сомнением посмотрел в синие глаза. Что ж, в них обоих течет кровь Ларэна и Залиэли. Хватит считать Норгэреля слабым и младшим, когда-то он недооценил отца, не стоит повторять ошибок.

– Хорошо. Идем. Держись за меня. Мы не должны разнимать рук, что бы там ни оказалось...

Разноцветные волны поднимались и опадали. Роман ждал. Цветом Адены был зеленый, цветом Ангеса – синий, эти две полосы бегут по радужному мосту рядом, и Роман сделал первый шаг, когда сквозь осеннюю желтизну начала прорастать весенняя зелень. Их окружило жаркое желто-зеленое марево, в ушах раздался визг, который был бы нестерпимым, если бы не прорывающийся сквозь него птичий щебет. Ноги почувствовали опору, а впереди смутно забрезжило что-то похожее на костер в тумане, только туман был зеленым, а костер светил белым. Постепенно жар отступал, а соловьиные трели делались все громче. Роман опомнился первым и, больше не оглядываясь, помчался вперед, на странный белый огонь, таща за руку Норгэреля. Бежать было легко, словно их в спину подгонял прохладный весенний ветер, напоенный запахами цветов и трав. Цвет тумана постепенно менялся, желтизна исчезла, а с ней и визг, птичье пенье дразнило воспоминаниями о лесных полянах и поцелуях, белое пятно впереди приближалось, но очень, очень медленно, а потом в изумрудную летнюю зелень плеснули синева, стало прохладнее, повеяло холодом горных ледников. Синева становилась все явственней, все яростней гнал их вперед ветер, ставший ледяным, хотя сами они отчего-то не мерзли.

Двое бежали к одинокому костру, не ведая ни времени, ни расстояния. Усталости они не чувствовали, но попутный ветер стал слабеть, в лицо подуло пронизывающим холодом, а

сквозь синее сияние начали пробиваться фиолетовые лучи. Стало труднее дышать, ноги наливались тяжестью, глаза слепило. Синее еще боролось с лиловым, но Роман понимал, что это ненадолго. За синей полосой идет фиолетовая, это неизбежно. Как неизбежна их гибель от вязкого холода, если они не успеют добежать... Куда? Он не знал, но рвался вперед, как рвется к скале посредине бушующего моря уставшая птица. Встречный ветер крепчал, попутный слабел, холод делался нестерпимым, но они успели выскочить на что-то вроде площадки, окруженной легкой колоннадой с арками в виде переплетенных драконьих тел. Посредине площадки горел белый огонь, сверкающие искры уносились вверх, в непроглядную черноту, а в проемах между колоннами клубились фиолетовые тучи, от которых тянуло смертельной, тяжелой стужей.

Роман и Норгэрель, так и не разжавшие рук, не сговариваясь, встали спиной к огню. В лиловых клубах чудились то извивы змеиных колец, то когтистые лапы, то усеянные присосками щупальца, но самым неприятным был холод, становившийся все нестерпимее. Эльфы пятились к огню, но он не грел, а просто светил. Роман прижал к себе Норгэреля, пытаясь поделиться своим теплом, но понимал, что долго им не продержаться. Жаль, если их дорога окажется такой короткой, но, как говорится, лучше жалеть о том, что сделано, чем о несделанном. А далеко-далеко мерцали две белые звездочки, одна была входом в мир Зимы, другая неизвестно чем. Их дорога лежала туда. Возвращение хуже смерти, это Рамиэрль понял, когда увидел, что у них есть шанс признать свое поражение и, пройдя по собственным следам, вновь и навсегда оказаться среди заснеженных елей. Будь что будет, но он пойдет вперед. А Норгэрель? И он тоже. Они – потомки Ларэна и должны сделать то, что не удалось ни Лунному королю, ни Эрасти. И сделают это!

Лиловую муть прорезала багровая молния. Затем еще и еще. Холод потеснился, и Роман услышал шепот Норгэреля:

– Сначала отогреемся, а потом попробуем не сгореть...

Разведчик хохотнул, хотя шутка и была мрачноватой. Судя по всему, полоса жара будет раза в три шире полосы холода. Им придется солоно, но сейчас Роман радовался теплу и почти с нежностью смотрел, как фиолетовая муть уступала место багровому пламени, а вдали, равнодушное и далекое, белело маленькое пятнышко. То ли выход, то ли следующий островок в море радужного ужаса.

2885 год от В.И.

9-й день месяца Собаки.

Арция. Лага

Даро любила Старый Дворец, любила прежде всего за то, что он был заброшен. Добрый король Филипп не пожелал жить в загородном доме несчастного Пьера и выстроил собственную резиденцию. Старый Дворец, покинутый и заколоченный, но все еще крепкий, стоял в глубине парка мрачным напоминанием о том, что власть всегда соседствует с кровью и предательством. Однако мирийка чувствовала там себя куда уютнее, чем среди блестящего светского общества. Привидения и тени былого ее не пугали, тогда как при дворе были люди, вызывавшие у девушки ужас и отвращение. Ставню со сломанным засовом, не замеченную слугами, исправно следившими за заброшенным зданием, Дариоло обнаружила недавно. Окно в полуподвальное служебное помещение было у самой земли и со стороны казалось накрепко запертым, однако это было не так. Сестра Рито хранила свою маленькую тайну, дававшую ей иллюзию свободы, и очень боялась, что к зиме, когда будут проверять запоры, ставню исправят.

Оглянувшись, не следит ли кто, Даро приоткрыла дубовую створку и тенью скользнула внутрь, не забыв тщательно прикрыть окно. За квартиру она неплохо изучила здание и уверенно ориентировалась в полутьме. Залы первого и второго этажей – пышные и большие с их пыльными драпировками и чехлами на мебели – ее не привлекали, но во дворце были две башенки, в которые вели винтовые лесенки. Когда-то там располагались королевские опочивальни, теперь они были заперты, но зато перед ними находились небольшие

прихожие с узкими, незаколоченными окнами. Сквозь запыленные стекла можно было разглядеть предосеннюю зелень парков, гладь Большого пруда, в который смотрелся Новый Дворец, обелиск в память давней победы при Ло.

Даро нравилось сидеть на подоконнике, следить за скользящими по пруду лодками и лебедями и сознавать, что она в полной безопасности. В безопасности? Внизу раздались чьи-то шаги! Неужели скучный толстый дворецкий затеял осеннюю уборку? Нельзя, чтобы ее тут видели. Даро бестолково заметалась по площадке и наконец спряталась за пыльную портьеру, моля святого Эрасти, чтобы уборщики не слишком серьезно отнеслись к порученному делу. Шаги приближались, человек шел быстро и уверенно. Сердце Даро заколотилось еще сильнее. Кто бы ни был посетитель Старого Дворца, это не слуга. Неужели ее все-таки выследили? Тогда ей конец, второго выхода из башенки нет, окно закрыто и слишком высоко над землей, здесь с ней можно делать все, что угодно. Только бы выбраться, она больше никогда не позволит себе подобной глупости! И как она только могла забраться сюда одна, не сказавшись Рито...

Шаги зазвучали совсем близко, лестница скрипнула, и Даро с облегчением перевела дух. Эстре она не боялась. Зачем бы он ни пришел, он не охотится за ней. Хотя лучше будет, если он ее не увидит. Даро вжалась в стенку, но монсигнор и не думал смотреть по сторонам. Он машинально сунул руку за воротник и вытащил небольшой ключ на цепочке. Щелкнул замок, скрипнула дверь, и брат короля вошел в спальню. Дверь он не закрыл, и Даро поняла, что придется либо ждать, когда Эстре надумает уйти, либо показаться ему, потому что распахнутой двери было не миновать. Какое-то время она стояла тихо, потом, расхрабившись, опустилась на подоконник. Если что, она успеет юркнуть в свое убежище. Время шло, а герцог не выходил, заснул он там, что ли? А почему бы, собственно, и нет? Судя по всему, он сюда часто приходит. Даро вспомнила, что недавно Филипп послал за братом, и слуги в поисках Эстре сбились с ног, хотя его конь стоял на конюшне... Вот забавно, если у них одно и то же убежище! Но если монсигнор спит или смотрит в окно, он вряд ли ее заметит, так что, пожалуй, самое время бежать.

Девушка осторожно, на цыпочках подкралась к двери и заглянула внутрь. Эстре, закрыв лицо руками, скорчился на широкой кровати со снятым балдахин, видимо, некогда принадлежавшей жене безумного короля. Путь был свободен, но ноги Даро словно приросли к земле. Она с ужасом смотрела на Александра Тагэре, всегда такого спокойного, невозмутимого, решительного. Мирийка помнила, как одним своим словом он решил их с братом судьбу, превратив из преследуемых беглецов в гостей принца крови. Как заставил отступить родичей королевы, отступить не только потому, что перед ними был брат короля, но и потому, что даже втроем Вилльо были слабее.

Даро помнила, как красotka Шаре со злостью шепнула какому-то нобиллю, что горбун носит свой горб как корону и что у него под кожей наверняка растет еще одна кольчуга. Дариоло и сама полагала младшего Тагэре лишенным чувств. Она восхищалась его умом, силой, благородством, но он ей казался сверхчеловеком, которому нет дела до всяческих мелочей, столь важных для простых смертных. А сейчас полубог рыдал, закрыв лицо руками, в заброшенном дворце. Умом девушка понимала, что нужно тихонько скользнуть мимо и навеки забыть об увиденном. Александр (она не заметила, что впервые про себя назвала Эстре по имени) не простит, что кто-то стал свидетелем его слабости. Даро все понимала, но уйти не могла. Герцог судорожно вздохнул, отнял руки от лица, встал и подошел к окну. Он изо всех сил пытался справиться с собой, но плечи все еще вздрагивали. Если бежать, то сейчас, но Даро, потрясенная открывшейся ей болью, промедлила. Александр отошел от окна и сел на кровать спиной к двери, опустив темноволосую голову. И тут Даро, не отдавая себе отчета в том, что творит, бросилась к нему так стремительно, что задумавшийся о чем-то герцог не успел вскочить. Даро упала на колени у его ног и, отчего-то сама заливаясь слезами, схватила за руки:

– Александр! Во имя Эрасти... Я могу помочь?

Он вздрогнул, но рук не отнял, а тихо и грустно взглянул в наполненные слезами

огромные южные глаза.

– Со мной все в порядке, Даро... Сегодня день рождения Дени, ему бы исполнилось пятьдесят восемь, хотя ты же не знаешь...

– Простите, – она побледнела, потом покраснела, – я случайно... Клянусь! Я нашла сломанное окно, а иногда так не хочется никого видеть...

– Тебе тоже? – На красивых губах промелькнуло подобие улыбки. – Это я сломал защелку... Вернее, ломаю третий год, Старый Дворец мне казался вполне безопасным убежищем.

– Простите, – еще раз беспомощно пробормотала Даро, – жизнью клянусь, никому об этом не расскажу.

– Да уж, – он уже вполне овладел собой, – Вилльо при всей своей скупости не пожалели бы пары поместий, чтобы увидеть меня таким, каким увидела ты...

– Я не скажу, – повторила Даро и тут поняла, что продолжает стоять на коленях, сжимая сильные руки герцога, и отчего-то пожалела, что этот миг сейчас закончится и закончится навсегда, – Алек... Монсигнор, я скорее умру, чем причиню вам боль.

– Ты уж лучше живи и будь счастливой. Никого и ничего не бойся, этих спесивых балбесов я всегда на место поставлю. Скоро ты встретишь какого-нибудь рыцаря...

– Мне не нужен какой-нибудь рыцарь, – дрожащим голосом проблеяла Даро, в ужасе от своей смелости и от своей прежней слепоты, – мне никто не нужен... и никогда не будет нужен... кроме вас!

Нэо Рамиэрль

Синее свечение медленно перетекало в фиолетовое, чтобы затем налиться красным. Рамиэрль и Норгэрель не могли оторвать взгляд от радужного мерцания. Вряд ли у них хватит сил и мужества повторить этот путь, хотя, если не будет другого выхода...

Их обступала тьма. Рамиэрлю доводилось бывать в знаменитых армских копиях, однажды его проводник выронил светец, и эльфа обступила кромешная чернота. Тогда он едва не выдал себя, в последний момент сдержав готовое сорваться с языка заклинание светящегося шара, но даже там, глубоко под землей, отсутствие света не было столь пугающим, как здесь, где угадывалось огромное пространство. Под их ногами, без сомнения, была земля, вернее, растрескавшийся камень, а вот что находилось над головами? Небо? Небо без луны и звезд, не говоря уж о солнце? Никакая облачная пелена не смогла бы убить все лучи. Ставшее пурпурным свечение Врат позволяло рассмотреть нагромождение отливающих металлическим блеском камней, словно брошенных кем-то на черную шероховатую поверхность, но дальше все тонуло в безжалостной и бесконечной тьме. Роман решительно повернулся спиной к проходу:

– Надо идти.

– Куда? – откликнулся шепотом Норгэрель, и Нэо это отчего-то взбесило.

– Не знаю, но идти. Бежать. Ползти, но не стоять и не глазеть на эту проклятую дырку.

– Почему ты кричишь?

– А почему ты шепчешь, как влюбленный монах? Пошли...

И они пошли, держась за руки и спотыкаясь, как пара слепых. Рамиэрль смалодушничал, не решаясь произнести в этом месте слова привычных заклятий. Если они не сработают, им придется плохо, но осознание собственной беспомощности может и подождать. Дорога повышалась – видимо, они поднимались на пологую вершину, похожую на те, что он видел в Новом Эланде. Маринеры прозвали их «спящими черепахами». Странное дело, то ли они привыкли к темноте, то ли мрак начинал потихоньку рассеиваться. В лицо пахло горячим ветром, принесшим с собой резкую, удушающую вонь. Теперь Рамиэрль не сомневался: где-то впереди извергался вулкан, а они шли по полям давно застывшей лавы. Нэо нагнулся и пощупал камни под ногами. Так и есть, застыли давным-давно, но это еще ничего не значит. Место очень беспокойное... Куда бы они ни попали, это не Светозарное, это просто не может быть Светозарным. Скорее они свернули на ту тропу,

где Ангес нашел пресловутый черный камень. Прикажете повернуть и, рискуя жизнью и рассудком, вернуться в свою роскошную тюрьму? Нет уж, попробуем поискать то, не знаю что, здесь!

– Это не Светозарное? – То ли Норгэрель обладал способностью читать мысли, то ли это местечко вызвало у них обоих одинаковые чувства.

– Да уж, светозарностью оно не отличается.

– Мы пойдем дальше?

– На гору всяко нужно подняться, а там посмотрим.

Багровый свет становился все ярче, а пропитанный серой ветер вызывал слезы. Роман все же рискнул, уж лучше сразу понять, что их ждет, чем тянуть до последнего. Магия эльфов основана на Свете и силе Жизни. Здесь не было ни того, ни другого, но как-то Рамиэрлю удалось окружить их защитным ореолом. Значит, их положение не столь уж и безнадежно.

Свет разведчик зажигать не стал, вулкан оказался сносным светильником, а привлекать к себе внимание не стоило, хотя вряд ли здесь могло быть что-то живое... То, что они не вовсе беспомощны, придало силы, да и до вершины было уже недалеко. Вскоре двое эльфов получили сомнительное удовольствие созерцать страну Тьмы и Огня. Они стояли на вершине пологой гряды, уходящей в обе стороны насколько хватало глаз. Впереди был пологий, тонувший во мраке спуск, а на горизонте во всей своей красе бушевала огненная гора, во много раз больше тех, что возвышаются на Берегу Злобы. Клубились черно-красные тучи, прорезаемые сполохами лиловых молний, к пустому небу устремлялись снопы алых и оранжевых искр. Это выглядело именно так, хотя на самом деле разошедшийся исполин швыряет вверх полурасплавленные скалы. До вулкана было довольно далеко, и идти к нему было незачем. Здесь им, по крайней мере, ничего не угрожало. Рамиэрль присел на корточки, положил руку на сухой шершавый камень и, сосредоточившись, произнес заклятия узнавания. Теперь они всегда смогут вернуться к этому месту. Нэо вздохнул и повернулся к своему спутнику:

– Пойдем налево или направо?

– А есть какая-то разница?

– Вряд ли. Так куда?

– Налево.

– Идем.

Дорога была невеселой. С одной стороны рычал и плевался огнем вулкан, которому Роман в порыве вдохновения присвоил имя Годоя, с другой было темно и пусто. Они быстро шли по пологому гребню, но с тем же успехом можно было стоять на месте. И все равно Рамиэрль не сдавался, Норгэрель молчал, за что ему следовало сказать спасибо. Бывает, что любые, пусть трижды правильные слова вызывают у собеседника желание укусить. Роман поставил себе целью или что-нибудь найти, или достичь места, с которого нельзя будет рассмотреть проклятый вулкан. Тогда они повернут, и начнется самое неприятное, что только может быть в жизни разведчика, – бесславное возвращение из бессмысленного похода по собственным следам. Но пока они шли вперед, не разговаривая, но и не отступая, шли, пока дорогу не преградила трещина, даже не трещина, а пролом. Роман тронул ногой камни. Вроде лежат крепко, но какая-то чудовищная сила рассекла базальтовое кольцо, как мечом. Нэо подошел к самому краю и заглянул вниз. Кто сказал, что от вулканов только вред? Если бы не свет Годоя, они бы не увидели самого главного. На то, чтоб не сорваться в пропасть, сноровки Романа еще хватало, но заметить, что сквозь каменное кольцо проходит что-то весьма напоминающее дорогу, он бы не смог.

В такие мгновенья главное – не потерять головы. Двое спустились со стены со стороны вулкана и оказались перед идеальной аркой, которая явно была старше верхнего пролома. Внутрь вела дорога, словно бы выплавленная в темном блестящем камне, другой ее конец по широкой дуге уходил в сторону вулкана. Надо было на что-то решаться, и Роман повернул в проход, все-таки засветив маленький голубоватый шарик. Идти было легко, странная дорога

словно бы сама бежала навстречу путникам. Пару раз Роман оглядывался и видел уменьшающийся раскаленный полукруг. А потом впереди что-то мелькнуло. Что-то более светлое, чем окружающий камень. Эльф повыше поднял светящийся шар и не поверил собственным глазам. Перед ним лежал выбеленный временем скелет чудовищной птицы. Она упала, распластав гигантские крылья и неловко вывернув голову с острым хищным клювом, в котором запросто бы унесла быка. Огромные когти были сжаты, но в них никого не было...

– Хотел бы я знать, что ее убило, – пробормотал Роман, обходя страшную находку, – или кто, если она погибла в схватке.

– Кто это? – шепнул Норгэрель, присев и коснувшись рукой черепа. – Орел? Эландцы рассказывали о Великом Орле.

– Нет, не орел. Тоже хищник, но другой. Похож на сурианского грифа, но много больше... Великий Орел – одна из покинувших Тарру высших сил, а это просто птица. Большая мертвая птица. Сам не знаю, почему мне так ее жаль...

– И мне, – тихо повторил сын Ларэна, – мне тоже ее очень жаль. Ее никто не убивал. Она сама бросилась вниз, потому что ее предали... Предали те, кому она служила, и не только ее, но и все и вся... Я узнал ее, вернее, его. Это Одинокый Кондор, страж Светозарного. – Норгэрель вздрогнул и поднял голову. – Я опять что-то сказал?

– Да. И ты, видимо, прав. Мы все-таки в Светозарном, и перед нами тот, кто был Кондором Арцея.

– Мы что-то будем делать?

– Будем. Пойдем дальше. Нужно найти дворец, думаю, что Врата, через которые удрали наши доблестные боги, в другом месте. Конечно, там теперь может быть вулкан, но мне отчего-то кажется, что Чертоги Света были в противоположной стороне.

– Но тут же все сгорело...

– Не все. Осталась дорога. Остался Кондор, извержение бы его похоронило... Странно, кстати, что Годой не изрыгает пепел, хоть это с его стороны весьма мило. Творец и его розы! Все правильно!

– Что правильно?

– Идем мы правильно. Это каменное кольцо до сих пор защищает то, что внутри. Потому и пепла нет, и дорога сохранилась.

– Пепла нет, жизни тоже нет...

– И все равно мы идем правильно, а жизнь, жизнь, похоже, уничтожили. Хоть это и трудно.

2885 год от В.И.

9-й день месяца Собаки.

Арция, Лага

Дариоло с пристрастием изучала себя в зеркале. Нет, она не сомневалась в своей привлекательности, об этом ей твердили десятки мужчин и молчали десятки женщин, но сегодня ей хотелось быть особенно красивой, а как этого добиться, если нужно оставаться такой, как всегда, и ничем себя не выдать? Даро хотела бы надеть так ей идущее платье золотистого канг-хаонского шелка с открытой шеей и диадему и серьги из золотистых же топазов, а приходилось довольствоваться домашним платьицем, зеленым в белый цветочек. И то сказать, не может же она выйти на вечернюю прогулку в бальном наряде? Правда, девушка очень надеялась, что ее никто не увидит, – слуг они с братом держали всего троих, и те наверняка спали, а сам Рафаэль с двумя десятками солдат объезжал пригородные дороги и должен был вернуться лишь завтра к вечеру.

Никто и представить не может, что она после случая на охоте выйдет на ночь глядя из запертого дома, а она выйдет! Впрочем, об опасностях, подстерегающих ее, девушка не думала, все ее мысли занимал Александр Эстре и то, что с ними произошло в Старом Дворце.

Прибежав домой с пылающим лицом и запершись у себя в спальне, Даро по мгновениям перебирала их странную встречу. Как же она не понимала, что любит Александра?! Любит с той самой минуты, когда темноволосый всадник, ловко управляющий норовистым белым жеребцом, властным жестом осадил худого нобиля с грязными глазами, оказавшегося братом королевы, и улыбнулся ей и Рафаэлю. «Вам здесь никто и ничто не угрожает. Клянусь честью Тагэре!» Эти слова долго звучали у девушки в ушах, но ей и в голову не приходило, что... Она и младший Тагэре! Этого не могло быть, но это было. Он поцеловал ее, по-настоящему поцеловал, уж это-то она при всем своем небогатом опыте поняла.

«Я тебе благодарен, Даро, ты не можешь себе представить как! Я твой должник до конца моих дней, но я не могу принять твою любовь... Ты слишком хороша для меня. Слишком... Рано или поздно ты это поймешь, я не должен ломать тебе жизнь...» Даро ничего не ответила, только тихонько заплакала. Он что-то еще говорил, правильное, умное, благородное, но для нее это было пустыми словами. Ей нужен был только он, пусть трижды горбатый – какое это имеет значение. Ни у кого из рыцарей Арции нет таких сильных рук, таких ясных, все понимающих глаз...

«Это они горбатые, они, а не ты... Ты победил свою беду, а эти... И Вилльо... и Гризье... И твой брат... у них души горбатые, и это навсегда. Мне никто, никто не нужен... Они все чужие, с ними пусто...»

И Александр сдался. Он ведь тоже был живым человеком. Он был мужчиной. Он даже немного не рассчитал сил, обнимая девушку, но от него она была готова принять и не такую боль. Он велел подумать; если она уверится в своем чувстве, он ее будет ждать через ору после полуночи в Старом Дворце, в той же комнате... Даро глянула на клепсидру. Пора. Если она придет раньше, ничего страшного, можно и подождать. Девушка набросила плащ, тихонько, стараясь не скрипнуть половицами, спустилась по черной лестнице, отодвинула подпирающий дверь железный кол, скинула цепь, навесной крюк... Нужно вернуться до того, как толстуха Марго выйдет встречать молочника... Так, теперь ключ. Он легко повернулся в замке, и Даро скользнула на улицу. До парка было совсем близко, но она не сделала и двух шагов, как от стены отделилась тень в темном плаще. Сердце мирийки сжалось, но потом она узнала Александра.

– Вы?

– Неужели ты могла подумать, что я позволю тебе бегать одной по улицам? – Эстре тихонько сжал ее руку.

– Тогда... тогда, может, поднимемся ко мне? Рито нет, слуги спят в другом крыле.

– Как скажешь...

Даро, от спешки не сразу попав в замочную скважину, отперла дверь.

Затем снова заперла, тщательно восстановив разрушенную баррикаду, и они поднялись в ее комнату. Уже на лестнице Даро стало стыдно брошенного на кресло платья и скромных занавесок, она пролепетала какое-то извинение, Александр ответил приглушенным смешком, и в сердце мирийки воцарилось счастье. Она зажгла свечи, передвинула глиняную вазу с пышными астрами. Вспомнила, что нужно принести хотя бы вина и фруктов, и бросилась на кухню. Когда она вернулась, герцог сидел в неглубоком кресле, и лицо его было бледным и напряженным.

Даро поставила принесенное на стол и застыла рядом, умоляюще глядя на своего гостя:

– Что-то не так? Я... Простите меня...

– За что?

– У вас такое лицо...

– Просто мне очень страшно.

– Страшно? Почему?

– Я никогда не был счастлив и поэтому боюсь... Боюсь, что когда все кончится, мне будет не подняться...

– Но почему все кончится? Вы... Вы меня вправду любите?

– Конечно...

– А я вас... И... Если вы меня разлюбите, я умру.

– Я тебя не разлюблю, Даро. В себе я уверен.

– А я в себе, – она действительно не понимала, в чем дело. – Вы меня не поцелуете снова?

– Ты хочешь?

– Очень!

Александр поднялся, но потом, словно налетев на невидимую преграду, опустился в кресло.

– Даро, дорогая, сядь. Нам нужно поговорить...

Но девушка не послушалась. Она снова, как в Старом Дворце, опустилась на ковер у ног герцога и подняла к нему лицо:

– Да? О чем?

– Ты понимаешь... Я... Я не могу любить тебя. Я обещал защитить тебя и брата от мести циапианок, а вместо этого... Рафаэль – мой друг...

– Ну и что, разве это мешает? Он будет рад, когда узнает. А потом, – с чисто женской логикой заключила Дариоло, – ему можно и не говорить. Это наша сказка. Как окно в Старом Дворце.

– Даро, но я... Я не могу жениться на тебе сейчас... Филипп... Король и так наделал уйму глупостей, которые некому расхлебывать. Я поклялся ему, что нас ничто не связывает, если он узнает, что я лгал... Он перестанет мне верить, и Вилльо заставят его сделать непоправимое. Я могу отдать тебе душу, но жизнь моя принадлежит Арции и королю. Верность обязывает...

– Я понимаю, – вздохнула Даро, которая на самом деле не понимала ничего, или, вернее, поняла одно: Александр не должен ссориться из-за нее с братом и поэтому не может на ней жениться, но об этом она и не думала. Ее мысли были заняты другим.

– А зачем нам свадьба, зачем, чтобы кто-то знал? Ведь можно и так...

– Ты понимаешь, что говоришь?!

– Понимаю. Я читала про Франсуа и Элоизу. И про Ришара и Санчию. Это лучше, чем так, как все эти лгуны... – Водоворот непонятных, но сильных, необоримых грез и желаний захватил мирийку, и она выпалила с неожиданной для нее самой отчаянностью: – Я хочу быть твоей. Сегодня. Сейчас. Я не отпущу тебя...

Александр какое-то время вглядывался в молящие глаза девушки, потом вскочил и легко поднял ее на руки.

– Так и будет! И пусть святой Эрасти меня покарает, если я когда-нибудь предам нашу любовь.

Нэо Рамиэрль

Они все-таки нашли дворец Светозарных. Вокруг все было сожжено чудовищным пламенем, но колоссальный зал с тронном в виде застывшего языка пламени уцелел или же был намеренно не тронут. Норгэрель и Роман стояли среди теряющихся в вышине колонн, сохранивших свою белизну. Не пострадали, насколько можно было судить при скудном освещении, и фрески, и прихотливые орнаменты, выющиеся вокруг дверных проемов. Это был тот самый зал, что множество лет и жизней назад Нэо Рамиэрль из дома Розы увидел в Кабанных топях в ночь, когда адмирал Рене Аррой повел за собой пляску Хранителей... Да, именно здесь Двое бросили вызов Пятерым. Тогда Светозарное было залито ослепительным светом, и сам воздух, казалось, звенел от предчувствия чудовищной схватки, а теперь вместо богов и богинь у Престола Сил стояли двое смертельно уставших эльфов, которым нужно было лишь одно: отыскать дорогу в тот мир, откуда бежали боги. Бежали, бросив его на произвол судьбы и разрушив собственный дом.

– Так всегда бывает. Все трусы поступают одинаково. Впрочем, похожи и те, кто стоит до конца.

Роман вздрогнул от неожиданности. Они были здесь одни или все-таки нет? А может, с ними заговорил брошенный дворец?

Эльф поднял голову и увидел звездное небо. Крыши над тронным залом не было, белые колонны где-то в бесконечной вышине образовывали светящееся кольцо, обнимающее кусок чистого неба. Он никогда не видел этих созвездий, но они появились, разогнав чудовищную тьму...

– Звезды не разгоняют тьму, они просто возвращают свет, – сказал все тот же голос. – Если б здесь была Тьма, ты бы, возможно, погиб, но не испугался и не чувствовал себя рыбой, вытасненной из воды.

– Но что это, если не Тьма?

– Это отсутствие Света. Не более того. Когда откуда-то забирают то, что должно там находиться, остается пустота, которую нужно заполнить хоть чем-то... Подойдите сюда. Вот к этой стене. Видите?

Роман и Норгэрель пошли на голос. Они не понимали, видят ли они своего странного собеседника или нет, и это отчего-то было неважно. Важно было найти то, что он хотел им показать. В одном месте стена была расколота, и у пролома вырос жалкий осклизлый грибок, по шляпке которого ползла маленькая улитка, старательно вытягивая блестящую полупрозрачную шейку.

– Вот так... Свет ушел, осталась пустота. Пустота не может породить ни Света, ни Тьмы, но она устает сама от себя и начинает зарастать ничтожеством. И вот вместо могучей птицы жалкая улитка, которую со временем будут восхвалять, ибо кондор мертв, а она жива. И гриб, выросший в зале, помнящем богов, будет признан уместным, а о былом величии вспомнят лишь избранные, и никто их за это не поблагодарит. Улитка на развалинах, что может быть более важным для одних и менее нужным для прочих?

– Прекрати, брат, – второй голос был чуть выше и более хриплым, чем первый, – беседа о ползущих в никуда может стать бесконечной. У нас и наших друзей нет времени восхищаться гордящейся собой слизью.

– Ты прав, – отозвался первый, – нужно спешить.

2885 год от В.И.

10-й день месяца Зеркала.

Арция. Лага

До этой осени Сандер Тагэре не знал ни страха, ни счастья, а сейчас на него свалилось и то, и другое, и он не представлял, что с этим делать. Единственное, на что его хватало, это держать свою тайну при себе, хотя смотреть в глаза Рито было куда как непросто. Помогало лишь умение не то чтобы лгать, но молчать, какая бы тяжесть ни лежала на душе. Молчание для герцога Эстре давно стало вторыми доспехами, которые, в отличие от первых, он не снимал. Даже с Дени Сандер не был откровенным, да и Сезар, хоть и стал его другом, тоже не знал всего, о Филиппе же не приходилось и говорить. Александр не просто ненавидел, когда его жалели, он считал недостойным обрушивать свои неприятности на других. То, что на него свалилось, человек должен вынести сам. И он нес, но оказалось, что прятать радость труднее, чем беду. Да и Рафаэль со своим открытым, легким нравом и всегдашней готовностью рискнуть жизнью ради друга был человеком, обманывать которого было невыносимо трудно. Кэрна раз и навсегда записал герцога Эстре в свои друзья, а потом и Александр предложил ему свою дружбу. Но он не предполагал, что Дариоло станет его возлюбленной.

Даже спустя месяц после их первой ночи Александр Эстре не верил в то, что случилось. Это было счастьем незаслуженным, неожиданным, краденым и, скорее всего, недолговечным. Слишком долго он приучал себя к мысли, что в его жизни любви не может быть и не будет, а она пришла, и Александр растерялся. Он силился понять, почему Даро из всех выбрала именно его, и не понимал, но она его любила. Любила не из жалости или благодарности, ну а в бескорыстии мирийки усомниться было просто невозможно, и именно

это его пугало больше всего. Когда-нибудь она очнется и увидит его таким, каков он на самом деле, а он далеко не волшебный рыцарь, снящийся девушкам по ночам.

Голова шла кругом, но Сандер ухитрялся помнить, что он вице-маршал и брат короля. Герцог Эстре не забыл свой долг, он всегда умел загнать все свои чувства вглубь и со спокойным, сосредоточенным лицом делать свое дело. Вилльо говорили, что у горбуна нет души, друзья сожалели о том, что он сам отрезает себя от радостей жизни. Ошибались и те, и другие. Душа у Сандера была, да и радоваться он умел, просто не показывал этого никому. Пока не встретил Даро. А ведь до того, как она призналась ему в любви, он о ней и не думал. Он вообще ни о ком не думал, и надеялся, что судьба, наделив его горбом, защитила его хотя бы от любви. Когда он поклялся брату, что ему никто не нужен, он был искренен, а не прошло и месяца, как его слова превратились в чудовищную ложь. Вся его жизнь распалась на две половинки – до встречи в Старом Дворце и после нее.

Не видеть Даро два дня было мучительно, но то, что и она испытывала подобные чувства, наполняло сердце герцога невероятным счастьем. Кто сказал, что пора любви – весна? Эта осень сводила с ума, все сильнее затягивая их в золотой омут. Сначала они встречались в Старом Дворце, а когда двор перебрался в Мунт, он стал приходить к Даро домой. Они были одновременно осторожны и дерзки, как лисицы, и судьба им покровительствовала. Даже самым завзятым сплетникам и в голову не приходило связать имена прекрасной мирийки и горбуна Эстре, за которого, по всеобщему убеждению, пряталась Даро, чтобы избежать ухаживаний Вилльо.

Людей обмануть трудно, но когда они что-то решают, они решают раз и навсегда. Когда молва выносила приговор, Сандер для Даро был всего лишь бескорыстным защитником и другом и сюзереном ее брата. Даже Элла, и та ни о чем не догадывалась, разрываясь между ненавистью к мирийцам и деверю и здравым смыслом, который требовал если не любить их, то хотя бы не ссориться. И все равно Сандер в будущее смотрел со страхом, он был счастлив, но ему казалось, что создан он для горя, а не для радости.

Младший из Тагэре сам не знал, чего боялся, но, когда среди ночи его поднял сигурант короля, вообразил, что речь пойдет о Даро. Хотя мог бы и догадаться, что брат ждет от него того же, что и всегда, а именно помощи. Филипп собрался воевать, а то, что решение окончательно вышло ночью, Его Величество волновало мало. Ему понадобилось поговорить с вице-маршалом, и он послал за ним. Не удосужившись объяснить гонцу, зачем.

Лишь только Сандер появился на пороге, Филипп сунул ему письма из Оргонды. Муж Марты и отец Сезара сообщали, что Жозеф готовит вторжение и что на этот раз отбиться своими силами будет сложно, так как ифранцы обзавелись наемниками и тайной поддержкой антонианцев. Марк был в панике, Анри сохранял спокойствие, утверждая, что войну можно и нужно выиграть.

– И выиграем, – уверенно заявил король, забирая из рук брата послание маршала, – давно пора отобрать земли, которые мы потеряли из-за женитьбы недоумка на мерзавке. Как скоро мы сможем собрать войска?

– Если призвать все фамилии, то месяц-полтора на сборы в провинции, а затем дорога, но зима не лучшее время для войны.

– Начнем весной. Дарнийцы дадут корабли. На сей раз Марк не жадничает.

– Тогда все в порядке. Мы соберем лучшую армию со времен Иволги. Хотя... хотя я бы начал с севера.

– Север подождет, – уверенно заявил Филипп, – фронтерцы как грабили, так и будут грабить, но внутрь Арции они не лезут. А Джакомо хвост подожмет, чтобы не стать следующим. Марк все же наш родич, да и нам помогал. Я просто обязан его выручить и раз и навсегда приструнить Паука. Без победы я не вернусь.

– Что должен делать я?

– Ты? Возьмешь своего сумасшедшего мирийца и поскачешь в Тагэре и Фло. С тебя не меньше двух сотен рыцарей и тысячи лучников. Больше там и Рауль бы не собрал. Остальных «волчат» разгони по майоратам, пусть приведут, кто кого сможет. Я разошлю

герольдов по провинциям, думаю, наши нобили не прочь проветриться, но мне нужны люди Фло, а они пойдут только за тобой и Кэрна. Он должен сейчас прийти, кони и все прочее готово, выезжайте немедленно. Я даю тебе право говорить от имени короля.

Александр понял: Филипп хочет, чтобы он опередил Жоффруа по меньшей мере на два дня. Что ж, брат прав, ссоры теперь не нужны. Ларрэн сейчас управляет землями Рауля, но Фло за ним не пойдет, напротив.

– Я еду.

– Погоди, выпьем за удачу.

Филипп сам разлил вино.

– В добрый путь, Сандер. Кстати, пора тебе уже волчонка в волка перерисовывать, – король засмеялся, довольный своей шуткой, – но к Новому году войска должны быть готовы. Я на тебя рассчитываю. Сделаешь?

– Должен, – Александр поставил пустой кубок на стол.

– Еще бы, ведь «верность обязывает». Удачи тебе, – Его Величество от души обнял брата и проводил до двери, за которой его уже ждал Рафаэль и эскорт. С Даро вице-маршал Арции не простился...

Нэо Рамиэрль

Отец нашел свой последний приют под аметистовой скалой на окраине Пантаны, а Уанна Рамиэрль собственными руками похоронил на Седом поле. Только обретенная за время скитаний вера в себя и в свою память остановили эльфа-разведчика, когда ему навстречу вышли маг-одиночка и Астен.

Они были такими, какими он их видел в последний раз. Немолодой, усталый человек, похожий на удалившегося на покой воина, и принц-Лебедь в синей тунике с серебряным обручем на золотых волосах.

Призраки? Оборотни? Они молча стояли перед эльфами, словно дожидаясь, когда те придут в себя. В зале Силы было тихо, но длинные волосы Астена развевались, словно от порывов ветра, а плащ Уанна оставался неподвижным.

– Кто вы? – Рамиэрль не узнал своего голоса, так странно он прозвучал в бывшей обители богов. – Вы не те, кем кажетесь. Но вы знаете меня, иначе почему...

– Знаем, – подтвердил Астен, поднимая синие отцовские глаза, но это был неподвижный взгляд, взгляд хищной птицы, привыкшей смотреть в глаза солнцу.

– Знаем, – согласился и Уанн, и Роман узнал голос, говоривший об улитках. Кем бы ни был его обладатель, но он не относился ни к человеческому роду, ни к эльфийскому, ибо люди и эльфы видят мир двумя зрачками, а не восемью.

– Ты тоже знаешь о нас, маринеры называли нас Великими Братьями, – Астен усмехнулся, – мы и вправду братья. Не знаю, чьи лица ты видишь перед собой, боюсь, это зрелище причиняет тебе боль, но нас видят такими, какими видят. Это зависит не от нас, а от тебя. Самая глубокая рана твоей души – это мое лицо, самый главный так и не заданный вопрос – это лицо моего брата.

– Это правда. Я вижу отца и друга, но я не могу называть вас их именами.

– Зови меня Орлом, а его Драконом. Мы будем тебя называть Нэо Рамиэрль, ты привык к этому имени, хотя оно уже не твое.

– Не мое? – Рамиэрль чувствовал мощь своих собеседников, но трепета не испытывал, только некоторую растерянность. Он смотрел в глаза тех, которые были еще большей легендой, чем ушедшие Светозарные и погибшие Прежние. Что им нужно от него и что ему нужно от них?

– Ты давно уже не ты прежний, хоть еще не тот, кем можешь стать, – устало сказал Дракон, – а теперь спрашивай. Спрашивай, мы ответим, если ответ есть. А потом мы скажем тебе, зачем мы здесь и что нам нужно от вас обоих.

– Вы можете спасти Тарру?

– Мы уже сделали все, что могли, сохранив жизнь мужчине и дав душу женщине.

Большого мы сделать не вправе.

– Познающий прав, – кивнул Орел, – пустить в ход высшую мощь то же, что стрелять в зимних горах из проклятых в Тарре пушек. Лавины похоронят и тех, кто стрелял, и тех, в кого стреляли. Это будет не помощь, но смерть. Тарра или спасется тем, что у нее есть, или вообще не спасется.

– Тогда мы должны вернуться. Вы можете открыть нам дорогу?

– Можем, но вряд ли это нужно.

– Но... – Проклятье, какая же это мука видеть лицо отца и знать, что это не он, а кто-то великий, чужой и непонятный.

– Мы можем открыть вам дорогу домой, но что и кому это даст? – заговорил Дракон. – Ты хороший разведчик, сильный воин и неплохой маг, Нэо Рамиэрль, но в той войне, которая начнется, ты, вернувшийся, будешь лишь одним из многих. Твой спутник тоже вряд ли станет той песчинкой на весах судеб, что опустит одну чашу и поднимет другую.

– Мой брат знает много, но познать возможности живой души и законы, которые она сама себе создает, ему не дано. Как и мне не суждено понять, почему зажигаются и гаснут солнца. – Орел нетерпеливым жестом остановил брата. – Позволь сказать мне. Понять сердцем можно за мгновение, а доказательства, доступные уму, требуют времени, которого нет ни у них, ни у нас.

Однажды в одном из миров подобное уже было. Двоих воинов призвал король, так как начиналась война. У одного было волшебное кольцо, надев которое он мог оказаться там, где желал, другому пришлось положиться на своего коня. Первый в мгновение ока перенесся к своему сюзерену, они сражались плечом к плечу, но силы были слишком неравны. Когда показалось, что все кончено, пришла помощь. Тот рыцарь, что отправился обычным путем, по дороге встретил отряд и взял его с собой. Он не думал об этом, отправляясь в дорогу, но судьба порой подставляет плечо тем, кто играет честно. Ей можно бросить вызов и победить, но не стоит ее обманывать.

– Я понял, – Рамиэрль выдержал взгляд синих глаз, одновременно родных и чужих, – мы должны пройти свой путь до конца, и если пройдем его, найдем что-то, что поможет победить.

– Может быть, найдете, может быть, нет. Может быть, погибнете, может быть, так и не сможете вернуться. Мы не провидцы.

– Я хочу спросить того, кто назвал себя Драконом, если даже ОН не провидец, как могут знать будущее умирающие от яда?

– А они его и не знают. Они слышат лишь то, что можно услышать. Это голос судьбы, но она не всемогуща, это мысли мудрых, но и они ошибаются, это воля сильных, но и с ней можно спорить. В миг смерти видят прошлое и грезят о будущем. То, что говорят умирающие, МОЖЕТ случиться и часто исполняется. Часто, но не всегда. Мы и сами говорили устами отравленных, но есть и другие. Тот, кого мы зовем Странником, те, кто ушел, кто хочет прийти, кто ждет своего часа. Пророки повторяют чужие голоса и мысли, порой это правда или то, что может ею стать, но бывает и ложь. Мы предупредили Рене Арроя устами Иннокентия и Марко, но старый Эрик говорил не только с нами, но и с той силой, что носит имя Судьба.

– Что же значит его пророчество? – почти крикнул Роман.

– То, что придет год Трех Звезд и что Последний из Королей вступит в схватку с Роком. Эрик был сильным человеком, и он знал, почему и во имя чего умирает. Он не только стал голосом Судьбы, он вступил с ней в бой. Уже из-за грани он докричался до тех, кого оставлял, завещая бороться до конца. Он увидел беду, понял, что ее можно одолеть, и пытался рассказать как. Так что вы решили, потомки Волка и Лебедя? Вы возвращаетесь в Тарру, идете дальше вместе или же каждый изберет свою дорогу?

– Я пойду дальше, – твердо сказал Роман.

– Мы пойдем вместе, – Норгэрель, как всегда, был тих и решителен.

– Из Светозарного должна быть дорога, по которой ушли боги. Мы найдем ее.

– Вы ее уже нашли. Она здесь, у Престола Сил, – Орел махнул рукой в направлении каменного пламени, – мы ее вам откроем. Вы бы это сделали сами, радужные тропы одинаковы, прошедшие по одной осият и остальные. Вам нет нужды тратить время и силы, я провожу вас.

– Нет, – возразил Роман, – я понял притчу, мы пройдем без вашей помощи.

– Ты и вправду понял все, но мы пройдем той дорогой, которой шли бы и вы, только не придется выжидать нужного луча. Я доведу вас до новой Обители Света, где обрывается тропа. А мой брат сделает то, что должно, здесь... И запомните, есть Время, есть Судьба, есть источники Силы, есть Законы, связавшие все воедино, в них нет Добра и Зла, как нет Добра и Зла в зиме и лете. Добро и Зло в каждом и ни в ком. Эрик понял меня, когда сказал, что Свет защитит от Света, а Тьма от Тьмы. А теперь идите.

Орел поднял руку, и каменное пламя ожило. Оно оставалось камнем и вместе с тем извивалось и рвалось, как обычный огонь. Затем раздался низкий гул, и две гигантские тени устремились вверх, пламя заметалось, как свеча на ветру, и погасло, обнажив уже знакомый радужный провал. Роман глубоко вздохнул и шагнул вперед, навстречу горячей алой волне, но обжигающего жара не было. Эльф не любил оборачиваться, но тут не удержался от искушения, и ему показалось, что он видит стремительно уносящуюся вдаль гигантскую птицу и падающие под ударами могучего золотого тела стены Чертога Сил, оскверненные прорастающей пустотой.

2885 год от В.И.

1-й день месяца Волка.

Арция. Фло

Земли ре Фло выглядели не лучшим образом. Жоффруа был из тех хозяев, которые хотят с одной овцы получить сразу и мясо, и руно, и шкуру. Когда-то тут было иначе. Люди не боялись проезжающих сигноров, да и одеты были богаче, по лугам разгуливало куда больше скота, дома были опрятными, а поля возделанными. Проклятый бы побрал братца!

Видимо, Александр произнес это вслух, так как ехавший рядом Рито Кэрна вопросительно взглянул своего сюзерена.

– Я вырос в этих краях. У Рауля ре Фло, отца Жаклин. Теперь всем этим управляет Жоффруа и плохо управляет.

– Прости, я не знал...

– Теперь знаешь. Я все хотел спросить, почему ты выбрал Жаклин?

– Сам не знаю почему, искал кого-то потише, чтоб новой ссоры не вышло.

– Удачный выбор. И справедливый, хотя я видел, как ты с ней маялся...

– Она молчала и улыбалась. Я даже испугался, ну а потом я удрал с этой кошкой Органс. Впрочем, она очень даже пушистая, а больше я твою кузину не видел.

– Она мне племянница, – улыбнулся Сандер. – Двоюродная, хоть я ее и младше на два года. Не знаю, как вырвать ее из лап братца, а надо. И в память Рауля, и ради нее самой, да и земли эти под Ларрэном вовсе захирели. Но Филипп расплатился ими с Жоффруа за помощь и теперешнюю лояльность, так что я ничего не могу поделать. А Лину ты больше не видел, потому что ее держат взаперти. Мне жаль Жаклин, мы росли вместе.

– Жаль, – кивнул мириец, – говорю же, знай я, в чем дело, я бы ее так не обидел. Проклятый, сам не знаю, что на меня нашло. Выпил, наверное...

– Да она не обиделась, что ты. Ты же ее Звездой Турнира сделал. Кстати, многие решили, что это в память о ее отце.

– И пусть. Я слышал про Рауля много хорошего.

– А я его знал. Это было какое-то безумие. Ссора, война, смерть... Рауля убили Жоффруа и Рогге. Это была подлость и предательство, хоть и в нашу пользу. Мой брат – законченный подлец, Рито. – Александр помолчал и, внезапно решившись, добавил: – Да и я тоже.

– А вот это уже интересно, – скорчил рожу Рафаэль, – я подлецов посмотрелся, и что-то

ни один из них не походит на тебя.

– Рафаэль, – голос Сандера дрогнул, – я сделал то, что не должен был делать. Я люблю Даро.

– Даро?! А она тебя?

– И она...

– Ну и хвала моему святому родственнику. Если б малявка тебе не ответила, придушил бы. Своими руками!

– Рито, ты ничего не понимаешь... Мы вместе второй месяц. Тайно, как...

– Как люди, которые не могут жить так, как им хочется, – лицо мирийца стало грустным, – мой отец любил другую женщину, не нашу мать, а она любила его. И оба были правы. У нас говорят: «Любовь всегда права», не бери в голову, Санчо. Главное, она тебя любит.

– А я ее... Сам не понимаю, как все случилось. Она первая мне сказала, я бы никогда не осмелился.

– И зря! Ну, да хорошо то, что хорошо кончается. У меня в Кер-Эрасти остался братец, который хуже чужого будет, хоть и сын моих родителей. А ты для меня сразу своим стал. Вот. Возьми...

– Что это?

– Кольцо Кэрна. Ты не можешь носить кольцо Даро, а мое запросто. Для меня ты теперь больше, чем брат. Я, конечно, вертопрах, но байланте может стать хорошим другом.

– Рыцарь тоже, – улыбнулся Александр, снимая перстень с рубином, – я собирался подарить тебе его на прощание, но ты показал мне письмо отца, и у меня все из головы вылетело.

– На прощание? Никакого прощания не будет, Санчо. Что бы ни случилось, нам идти вместе до смерти и дальше. Мое место здесь, а не на Берегу Бивней, прав был...

– Рафаэль, о чем ты?

– Неважно. Главное, я знаю, что говорю.

Проклятый

Эрасти увидел во сне Анхеля. Не седого человека в императорских одеждах, умирающего у его ног, а молодого и полного сил. Вновь цвели магнолии и пахло морем, вином и жареной рыбой. Вновь им было по двадцать с небольшим, они были смертными и веселыми, не боявшимися ни гибели, ни старости, ни сглаза. Родич тогдашнего мирийского герцога и изгнанник из Арции поняли друг друга с полуслова, хотя его благонравных родственников и пугал неистовый нрав Анхеля.

Как же они были молоды и смелы, когда в одеждах простых рыбаков бродили по портовым притонам, танцевали на свадьбах в морских деревушках, забирались в прибрежные скалы. Тогда Анхель ненавидел зло, неважно, малое ли, большое ли. Эрасти помнил, как приятель схватился с пятью головорезами, заступившись за нищую полупьяную старуху. Сам Церна, когда сверкнули ножи, не то чтобы оробел, но не совсем понял из-за чего, хотя промедлил совсем немного и встал рядом с другом. Позже Анхель сказал, что ненавидит насилие и бессилье и что сильный должен быть добр, а если не желает быть таковым, его надо остановить. Если нужно – кулаком, а то и ножом. В тот вечер и началась их истинная дружба, дружба единомышленников, соратников, братьев.

Церна никогда бы не поверил, что предаст его именно Анхель, отступивший от всего, за что в молодости был готов умереть. Мирию они покинули вместе, и Эрасти так больше и не увидел смеющихся волн, набегающих на прибрежные скалы, истоптанных мулами и быками дорог, спящих под лесами вулканов, алых цветов амаполы...

Он помнил, как они отплывали. Горстка смельчаков на старой шхуне, купленной у хитрого кривоzubого контрабандиста. Он их, скорее всего, и продал, так как на арцийском берегу их ждали. Бой был страшным и безнадежным, но каждый четвертый выжил, они как-то прорвались в лес, погоня отстала – видимо, не рискнула соваться в ночную чащу. Они

долго шли в никуда, продираясь сквозь колючие заросли, потом сидели у кое-как разведенного костра, два десятка человек, которым предстояло освободить Арцию.

Анхель предложил другу вернуться в Мирию, так как с его здоровьем скрываться в болотах хуже смерти. Эрасти отказался, сказав, что им идти вместе до смерти и далее. Он был искренен, принося свою клятву, но он думал о смерти в бою. В крайнем случае, о преисподней, куда они, восставшие против миропомазанника Божия, вполне могли попасть. Надо же, тогда он еще верил и в Творца, и в Антипода... Анхель назвал его братом, а он остался с повстанцами, хотя ему пришлось тяжелее, чем остальным. Сначала он задыхался только ночами, лежа на кое-как набросанных ветках, потом ему стало все равно, ночь или день, лежит он или идет. Несколько раз ему казалось, что он умирает, но он продолжал идти вместе со всеми, не позволяя даже освободить себя от поклажи. Затем болезнь прошла, даже сейчас, став целителем, способным вернуть уходящего от самых пределов, он не понял, что же с ним случилось.

Как долго он не вспоминал об этом. Почему же сегодня он вновь тащится по бесконечным болотам, над которыми кружат комары, впереди маячит спина Анхеля, сзади... Кто же тогда шел за ним? Руи Малве? Дориан Ло? Память с годами отсекает лишнее. А Проклятый опять идет за предавшим его. До смерти и далее.

Как же он был благодарен разбудившей его Геро! Мало того, что он умудрился уснуть на солнце, он еще и кричал. Но если вспоминать, так лучше Анхеля, чем Циа, и лучше молодого, влюбленного в жизнь и свободу, чем старого, с погасшим сердцем. Жаль, что они не погибли в бою, стоя спина к спине, свято веря в то, что правы и что за ними придут более сильные и удачливые, придут и сделают то, что не удалось им...

2886 год от В.И.

14-й день месяца Иноходца.

Арция, Малве

Сквозь зеленые ветви серебрился Мельничный пруд. Серебряные метелки весельника сгибались к самой воде, и на них то и дело присаживались глазастые стрекозы. Ветер доносил запах черемухи. Время шло к полудню, и на открытом месте солнце пекло полетному, но здесь, в тени старых ив, зной отступал. Дариоло собрала и заколола смоляные локоны на затылке, чтобы было не так жарко, и с интересом рассмотрела себя в водном зеркале: лицо сразу же стало непривычным, и девушка улыбнулась своему отражению. Интересно, что сказал бы Александр, если бы увидел ее такой. К сожалению, он был далеко: встречал войска из Тагэре и Фло.

Рито усакал вместе с Александром, и она этому только рада. Брат не боится никого и ничего, перед ним отступают даже демоны, и он настоящий друг. Хорошо, что рядом с «волчьей» сигной Эстре будет «пылающее сердце» Кэрна. Они с Рито похожи, пусть Сандер смотрит на брата и вспоминает сестру, а она будет ждать своего герцога столько, сколько нужно, хоть всю жизнь.

За себя Даро не опасалась, она была под защитой матери Сезара и Его Высокопреосвященства, да и ее обидчики отплывали вместе с королем. И все равно ей предстоит жить без Александра и Рафаэля. Они так и не простились, было некогда. В ночь они проснулась от стука в дверь, какой-то сержант в очередной раз потребовал Рито к королю. Даро попробовала уснуть, но у нее не получилось. Она просидела до утра в постели, глядя на светлеющее окно. Брат так и не вернулся, прислал записку. Потом за ней приехала Миранда и увезла в Мальвани. Поместье, в котором жила жена маршала Анри, находилось в трех дия от Мунта, хотя исконные земли Мальвани лежали много дальше, на севере. Но иногда три дня то же, что и тридцать. У Александра, когда он вернется, вряд ли будет возможность вырваться хотя бы на ору...

Дариоло вздохнула и попробовала разобраться во взятом вышивании. Она очень хорошо шила шелками, и было бы неправильным не подарить сигноре Миранде и ее дочерям по вышитому цветами мирийскому шелковому шарфу, к тому же это поможет скоротать

время до возвращения Сандера... Даро оборвала себя – даже мысленно она должна думать и говорить о возвращении брата. Никто не должен узнать, что она возлюбленная младшего Тагэре. У Миранды серебристо-русые волосы, ей подойдет бледно-голубой шарф, расшитый дельфиниумами. Следующие несколько ор Даро старательно орудовала иголкой, не отрывая глаз от атэвского шелка. Плодами ее трудов явилась нежная цветочная гроздь, одна из многих, которым еще предстоит расцвести.

– Тебя можно украсть, ты и не заметишь, – она вздрогнула, когда подкравшийся сзади Александр поцеловал ее в шею, – всегда так закалывай волосы, ты не представляешь, как тебе идет...

Даро, пискнув от неожиданности и восторга, попробовала повернуться, чтобы ответить на поцелуй поцелуем, но сильные руки держали крепко.

– Я... я не ждала вас... тебя... Я думала, что вы... ты...

– Что я на год уеду в Оргонду, не повидав тебя? Право, Даро, если ты так обо мне думаешь, зачем я тебе нужен? – герцог наконец выпустил ее плечи и пристроился на траве рядом. – Это твоя работа?

– Да, я только начала, надо же что-то делать... А сигноре Мальвани это наверняка понравится...

– Не сомневаюсь, – подтвердил Александр, поднося к губам руку швеи. – У нас очень мало времени, Даро. Мы удрали на одну ночь. Завтра утром мы уходим...

– Я знаю, – Даро повернулась к нему и именно теперь, когда все было хорошо и она получила от жизни подарок, на который и не рассчитывала, глупейшим образом разревелась, проклиная себя как за слабость, так и за то, что Александру опять придется любоваться на покрасневшие глаза и распухший нос.

Герцог тихо обнял ее, уткнувшись лицом в узел волос на затылке. Он ничего не говорил, не утешал, просто был рядом. Они сидели так тихо, что на иве сначала тихонько тенькнула, а потом запела какая-то птица.

– Кампанка, – прошептал Александр, – единственная птаха, которая поет и весной, и летом, и осенью.

Кампанка всюду заливалась в ветвях ивы, а потом совсем рядом с Даро засвистела и защелкала еще одна птица, девушка от удивления даже плакать перестала и, повернув мокрое от слез лицо, столкнулась с улыбающимися серыми глазами. Герцог умело подражал птице, а та, приняв песенный вызов, заливалась пуще прежнего. Даро тихонько засмеялась и обвила руками шею своего герцога.

– Сандер.

– Да, дорогая...

– Если ты не вернешься, я умру...

– Раз так, я вернусь даже из ада, но ты не бойся, ничего там с нами не случится. Все хорошо, я смог привезти на триста рыцарей больше, чем мы думали. У нас будет лучшая армия, которую мы когда-либо собирали. Жозефа мы побьем... Да ну его, не до него сейчас... Ты не очень торопишься?

– Я? Куда я могу торопиться, если ты тут... – Сердце Даро бешено заколотилось, как всегда, когда в голосе Александра начинали проскальзывать такие нотки. Она взяла его за руку и быстро поднесла к губам, а потом спохватилась: – Ты один приехал?

– Нет, конечно. Со мной Рито и Луи.

– Где они? – Сердчишко Даро екнуло, неужели вместо того, чтобы остаться с Александром, ей придется сидеть в столовой в обществе дорогих, любимых, замечательных людей и делать вид, что она больше всего опечалена отъездом брата.

– Где? – Александр пожал плечами. – Луи у герцогини, им есть о чем поговорить. А Рито где-то тут, валяется на травке и караулит, чтобы нам не помешали...

– Ты хочешь сказать?

– Я все ему рассказал, Даро, – герцог взял девушку за подбородок и ласково поцеловал в губы, – еще осенью. Как бы то ни было, мы уходим на войну. Разумеется, ничего

страшного нет и быть не может, но есть один шанс из сотни, да что там, из тысячи, что с кем-нибудь из нас что-то случится. Поэтому твой брат теперь знает все.

– И что он?

– Обрадовался, разумеется, а ты что подумала?

Даро счастливо рассмеялась, она с небывалой легкостью принимала все, что говорил и делал Александр Тагэре, ее герцог, ее любовь, первая и единственная. А в сердце брата девушка и не сомневалась, теперь все будет хорошо и правильно, только бы они вернулись. Оба...

Нэо Рамиэрль

Золотистый полумрак вместо разноцветного сияния успокаивал и завораживал, хотя на сей раз, благодаря помощи Орла, радужная дорога не была ни тяжелой, ни опасной. Роман подозревал, что их странный покровитель не только защитил их, но и каким-то образом укоротил их путь, но спросить было не у кого, равно как и поблагодарить. Они были одни внутри какого-то небольшого помещения. Сквозь забранные золотистыми стеклами окна лился радостный мягкий свет, было тихо и пусто. Нэо оглядел мозаичный пол, высеченные из кремowego камня изображения львов и кондоров, узоры из сплетенных растений. Это, несомненно, была работа эльфов. Неужели они отыскивали пропавших сородичей? Разведчик оглянулся, за спиной ничего не было, проход закрылся, пропустив их. Да они и не собирались возвращаться в Светозарное, в котором после посещения Дракона, видимо, не останется даже улиток.

– Где мы? – Норгэрель коснулся рукой каменного льва.

– Судя по всему, там, куда ушел клан Арцея. Они тут были, это точно, но где они теперь?

– Клан Арцея, клан Льва и Пламени, – задумчиво произнес Норгэрель.

Роман было подумал, что тот вновь грезит наяву, но глаза родича не были затуманены. Он даже улыбнулся в ответ на встревоженный взгляд Романа.

– Мне рассказывала мать. Она не любила Солнечных, но и сама могла вызывать нелюбовь... Во время исхода Солнечным Владыкой был Эльрагилл, а королевой Альсионэ, и было их больше, чем Лунных и Лебедей, вот и все, что я знаю.

– Я не знаю и этого, – Рамиэрль задумчиво огляделся, – место защищено, и здесь давно никого не было, по крайней мере внутри. Что ж, посмотрим, куда так стремилась моя покойная сестра. – Разведчик решительно направился к выходу. Золотистые камни, украшавшие обрамляющую проход лепку, вспыхнули синим и сине-зеленым, затем стали желтеть и наконец обрели медовый оттенок, и дверь тихо отошла в сторону.

Роман уже забыл, как прекрасны голубое небо и летняя зелень. Там, где они оказались, шумели вековые деревья, звенел ручей, соперничая с птичьим пересвистом, теплый ветер кружил розовые и желтые лепестки, засыпая ими высокую траву, среди которой адели крупные ягоды. Это был мир пышного, зрелого лета, мир солнца и гудящих пчел. Норгэрель наклонился, сорвал колокольчик и засмеялся впервые с того дня, как за ними закрылась дверь Ночной Обители. Они спустились к ручью, мирно струившемуся среди пышных кустов, и долго лежали у воды, не говоря и почти не думая. Синяя стрекоза, опустившаяся на ладонь, словно бы пробудила Романа от счастливого сна. Нужно было идти, но куда, он не знал. Мир Арцея не казался опасным, но за годы странствий разведчик из Дома Розы привык не доверять покою и тишине. Он окликнул Норгэреля, и они пошли вниз по тропинке, бегущей вдоль ручья.

Лес, вернее, роща оказалась не столь уж большой, и она охранялась. Роман первый услышал чужое дыхание. Это были люди, и они следили за тем, чтобы никто не потревожил покой заповедного места. Рамиэрль уловил отзвуки их чувств и мыслей. Для людей они были еще далеко, но эльф-разведчик слышал их совершенно отчетливо. Что ж, знакомиться так знакомиться. Покорные отданному приказу ветки расходились перед двумя путниками и смыкались за их спиной, Роман и Норгэрель пробирались сквозь непролазные заросли

бесшумней кошки или змеи. Неудивительно, что охрана ничего не заметила, даже когда эльфы подошли почти вплотную.

Роща кончалась, впереди тянулась неширокая полоса скошенной травы, а затем почти до горизонта золотилась зреющая пшеница. Поля прорезали дороги, обсаженные высокими деревьями, вдали виднелась деревня и какая-то башня.

Роман задумался. Ему не составляло труда отвести глаза десятку вооруженных арбалетами и короткими мечами людей, расположившихся на траве, но чем раньше узнать, куда попал, тем лучше, а эти караульщики эльфам не соперники. Привыкший сразу же оценивать тех, кого встречал, Роман выделил двоих. Один, видимо старший над всеми, по людским меркам лет сорока, с расшитой желтым и оранжевым перевязью через плечо, вызывал смутную неприязнь. Второй, лет на десять помоложе, темноволосый, со шрамом на щеке, наоборот, понравился эльфу с первого взгляда. Рамиэрль тихонько, почти беззвучно окликнул родича и кивнул, показывая на стражников. Норгэрель улыбнулся и двинулся вперед, Роман пошел чуть сзади и сбоку, готовый, если что, отразить любой удар. У них не было луков, только мечи и кинжалы за спиной, но они владели магией, да и лес был надежным союзником.

Люди оказались довольно-таки расторопными, хотя до тех же эландцев или таянцев им было далеко. Они быстро вскочили, ошестинившись заряженными арбалетами, и самым быстрым оказался воин, понравившийся Роману.

Эльфы, улыбаясь, медленно шли вперед, не касаясь оружия, но и не поднимая рук, готовые к любым неожиданностям. Короткий предупреждающий выкрик прозвучал на языке, неизвестном даже Роману, и тот ответил на старозельфийском. Они уже подошли достаточно близко, чтобы человеческие глаза могли рассмотреть их во всех подробностях, и люди торопливо и испуганно опустили оружие. Лишь в глазах черноволосого вспыхнула и погасла ненависть. Главный что-то подобострастно затараторил, чуть ли не расстилаясь по земле, другие смотрели на гостей с восторженным обожанием. Рамиэрль понял, что здесь, в отличие от Тарры, его народ не забыт.

КНИГА ВТОРАЯ АРЦИЙСКАЯ ПОЛЫНЬ

ЧАСТЬ ПЯТАЯ QUI NON PROFICIT, DEFICIT⁹³

*Отгремела твоя гроза,
Мы в позоре чужих парадов.
Но даны мне твои глаза,
Как проклятие и награда.*
И. Ратушинская

2886 год от В.И.

3-й день месяца Медведя.

Сельдяное море

Чайка с пронзительным криком бросилась вниз, ловя брошенный Рито кусочек лепешки. Мириец засмеялся и, отщипнув еще один, кинул красивой белой птице. Чайки быстро сообразили, что можно поживиться, и вскоре над кормой реяло серебристое орущее облако. Кэрна, вполголоса напевая мирийскую песенку о несчастной любви, кормил птиц, родных сестер тех, что кружили над Жасминным проливом и Кер-Эрасти.

Нельзя сказать, чтоб Рито так уж тосковал о доме, но его бесило, что он не может

⁹³ Кто не идет вперед, тот идет назад (лат.).

вернуться. Отец принял их с Даро решение остаться в Арции холодно и равнодушно.

Из короткого, делового письма явствовало, что Рафаэль вправе стать арцийским рыцарем, лишь отказавшись от наследства в пользу Антонио, о чем должно быть объявлено. Что до Дариоло, она вольна находиться на попечении брата, который отныне несет полную ответственность за судьбу и честь сестры. Разумеется, Даро получит причитающееся ей приданое, и в Кер-Эрасти и ее, и ее мужа примут с подобающим гостеприимством. Подразумевалось, что на Рафаэля сие госте-приимство не распространяется. Что ж, Эрасти Церна тоже остался без родины, и не он один. Некогда Рито намеревался сбежать в Новый Эланд, поставив себя вне закона, а сигурант и друг герцога Эстре отнюдь не являлся изгоем. И все равно было обидно... Возможно, отцу стоило написать, но Рафаэль никогда не умел выражать свои мысли и чувства на бумаге, да и получить в ответ очередную отповедь не хотелось.

Морская летунья пронеслась над самой водой, перехватив добычу у нацелившейся на нее родственницы, та накинулась на обидчицу с воплем, достойным весенней кошки.

– Вот так всегда, – насмешливый голос мог принадлежать лишь Луи Трюэлю, – кто-то бросает куски, кто-то из-за них дерется.

В ответ Рито, не желавший делиться своими бедами, скорчил рожу и провозгласил: «Жабий хвост!»

Луи весело засмеялся:

– Именно жабий и именно хвост.

– Кстати, давно хотел спросить, ведь у жаб хвостов не бывает?

– Воистину, – кивнул Луи, – а что, святая Циала или кто еще, кого поминают все, есть? Их нет, и жабьего хвоста нет. Так не все ли едино, завопишь ли ты «Творец» или «жабий хвост»?

– Понял, – кивнул Рито, – хотя откуда нам знать, что есть, а чего нет. Может, в Черном Суре у жаб есть хвосты, а святая Циала и вправду капустницам помогает. Верь, не верь, а магия у них есть, на своей шкуре испытал.

– Знаю, – Луи стал серьезным, – капустницы и антонианцы кровушки нам еще попортят. Дед говорит, что Илларион и Анастасия хуже дюжины Пауков и сотни Джакомо, а он редко ошибается. Чудо, что тебе удалось прикончить Дафну...

– Я застал ее врасплох, она была сильной ведьмой, но не бессмертной, – Рито мог бы рассказать про их схватку в покоях матери, бледную бабочку и тех двоих с хафашами, что пытались добраться до Даро, но промолчал. Это очень походило на трусость, но пока он не говорил вслух об этой пакости, ее словно бы и не существовало, – все было очень просто, Луи. Я бросил нож и убил гадину на месте. Но она достала нас и из могилы. Рената умерла... Хотя ты же ничего не знаешь.

– Знаю. Да не смотри на меня так, Сандер мне ничего не рассказывал, он и про себя-то не скажет, не то, что про других. Но вот дед...

– Твой дед какой-то вездесущий.

– Был. Теперь сдал здорово, и все равно всех нас вместе взятых стоит. Рито, Рената Ллуэва умерла не от колдовства, которое, кстати сказать, чаще всего прекращается со смертью его сотворившего. Ее отравили весьма редким, но все же известным ядом. Причем отравили уже после вашего бегства. Ты знаешь, что тело было предано огню?

– Откуда я могу знать, – Рафаэль горько махнул рукой, – я знал лишь, что она умерла, и отец во всем винит нас с Даро.

– Ее сожгли по настоянию антонианцев, которые подтвердили, что причиной смерти была недозволенная магия убиенной Дафны. Слово сказано, теперь ничего не доказать, но ты должен знать. Дед никогда не ошибается, если он говорит, что это яд чернотубки, то это яд чернотубки.

– Проклятый, да что это за чернотубка такая? Змея, что ли?

– Нет, что-то вроде мыши, но ядовитой, водилась раньше за Темной Рекой. Хаонские отравители их весьма ценили, но в Благодатных землях о ней вряд ли кто слышал, кроме

деда и, может, медикусов каких. Ну, и убийц, разумеется.

– Но зачем? Кому мешала Рено? Матери? Но они с отцом рассорились много раньше... А что твой дед говорит?

– Дед? Ну, он нашел три возможные причины. Ревность, но это маловероятно, уж больно яд редкий. Брошенные жены такой вряд ли найдут. Виноватых нужно искать или среди клириков, которым захотелось подтвердить зловредность Дафны, а заодно намекнуть на собственное могущество, или... Твой брат очень хочет править Мирией?

– Антонио? Наверняка. Но при чем тут это?

– При том, что если кто-то, знающий и твой норов, и отцовский, убил Ренату, обставив все как проклятие Дафны, он мог быть уверен, что герцог набросится на тебя с упреками, а ты в ответ пошлешь корону к Проклятому.

Нэо Рамиэрль

Со спины приведенного ему белого иноходца Роман с интересом наблюдал за окрестностями. На коне не было ни седла, ни узды, видимо, Солнечные их не признавали. Конечно, Рамиэрль мог подчинить себе любую лошадь, но отказ от того, что упрощает жизнь и всаднику, и коню, выглядел откровенной глупостью, хотя, возможно, Солнечные просто не додумались до подпруг и стремян. Звездный Лебедь, что за чушь лезет в голову. Люди тут вовсе используют сбрую, так что все дело в дурацком гоноре.

Роман бросил косой взгляд на сопровождающих их местных уроженцев, оседлавших довольно-таки симпатичных животных, похожих то ли на небольших, светлых камалей⁹⁴, расставшихся со своими горбами, то ли на безрогих длинношеих оленей. Забавные звери, и, судя по всему, выносливые и добрые, а лошади здесь, видать, только для эльфов.

Спору нет, белые длинногривые иноходцы хороши, но Нэо Рамиэрль слишком любил оставшегося в Тарре Топаза, чтобы забыть его ради чужого скакуна, хоть и обладавшего прекрасным шагом.

Мимо проплывали тенистые рощи, золотящиеся от хлебов поля, фруктовые сады, в глубине которых белели добротные дома. Порой вдоль дороги возникали колоннады, в центре которых возвышались статуи, перед которыми пылал огонь. Изображения были разными и по мастерству, и по размерам, но не страдали разнообразием сюжета. Чаще всех попадался величественный мужчина в полном расцвете сил, попирающий поверженного черного волка чудовищных размеров. Была и женщина в развевающихся одеждах с мечом в руках, судя по всему, только что обезглавившая странное создание, напоминавшее птицу, но со змеиной шеей и головой и тоже черного цвета. Встречались также львы и павлины, последние не только в виде изваяний.

Здесь поклонялись Свету, и неудивительно. Рамиэрль понял, как чувствуют себя обитатели пустыни Гидал, трясущиеся над каждой каплей воды, оказавшись в Озерной Пантане. Почти лишенная источников Силы Тарра в сравнении с пронизанным силой Света роскошным летним миром казалась бесплодной пустыней. Как все же капризна и непредсказуема судьба, если она, конечно, существует. Он не собирался покидать свой мир и не задумывался, куда занесло их бывших сородичей, находя себе друзей среди людей и орков, а его сестра и мать только и делали, что оплакивали бывшее величие и мечтали вырваться из таррского заточения. А клан Арцея отыскиали они с Норгэрелем, пытаясь вернуться домой.

– Куда мы едем? – у Норгэреля хватило ума заговорить по-арцийски.

– Видимо, к родственникам, постарайся вспомнить побольше имен.

– Вряд ли, я себя исчерпал. Думаешь, они нам помогут?

– Кто его знает. Может, это и есть та армия, на которую намекал Орел, хотя лично я бы не обольщался, слишком уж тут благостно.

⁹⁴ Камаль – выючное и верховое животное, пригодное для передвижения по пустыне.

– Один из наших спутников нас ненавидит.

– Ты заметил? Зато другие обожают, равно как и поселяне и поселянки...

Их спутники... Трое стражников той самой рощи, из которой они вышли, и два десятка каких-то олухов в золотых плащах и оранжевых туниках с длинными, вероятно, подвитыми волосами и бритыми лицами, на которых выделялись подведенные особым способом глаза, что превращало людей в некое подобие эльфов. Командовал ими высокий человек, на шее которого болталось янтарное ожерелье, а на тунике и плаще красовалось изображение огромного золотисто-оранжевого цветка, живо напомнившего Роману таянскую тыкву. Рос ли он в этом мире или являлся плодом воображения паладина Тыквы, Роман не знал, но сам паладин симпатий не вызывал.

Тыквоносец довольно свободно изъяснялся по-староэльфийски и не удивился ни их с Норгэрелем появлению, ни требованию проводить к королю Эльрагиллу. Поклонившись с претензией на эльфийскую изысканность, он сообщил, что его зовут Илгор Светоразящий, он рыцарь Солнцецвета, и счастлив оказать услугу Перворожденным и лично сопроводить их в Долину Света. Трое стражей Полуденной Рощи получили право сопровождать высоких гостей, что, видимо, считалось неслыханной честью.

К несчастью, язык смертных этого мира был Роману непонятен, а по-эльфийски говорил лишь Илгор, но говорить с тыквоносцем Нэо не стал. Паладин не походил на человека, которого можно безнаказанно расспрашивать. Когда подвели лошадей, он слишком уж внимательно наблюдал, как они с Норгэрелем подчиняли своих скакунов. Это могло быть простым любопытством, но опыт разведчика удерживал Романа от преждевременной откровенности. Выдать себя, расспрашивая, ничуть не труднее, чем отвечая, и Нэо предпочел молчать, смотреть во все глаза и делать выводы.

Это был мир довольства, радости и щедрости, население которого отличалось дружелюбием. То и дело под копыта лошадей летели пышные цветы позднего лета, а пышущие здоровьем люди в ярких добротных одеждах с нескрываемым восторгом смотрели на блестящую кавалькаду. Они казались счастливыми и довольными, но Роман давно понял, что нищих и грязь легче найти в городах, чем в селах, а летняя зелень и солнце делают радостными любые лица.

Пока было ясно одно: мир, в котором они оказались, принадлежит Свету. Эльфы здесь в большом почете, и ими по-прежнему правит Солнечный король, или, как выразился паладин Тыквы, владыка Эльрагилл. Люди то ли служат эльфам, то ли поклоняются, а кое-кто и подражает. Отсюда и золотые сандалии, завитые волосы и накрашенные глаза. Похоже, Илгор и ему подобные исполняют роль посредников между людьми и Перворожденными, стараясь выглядеть, как эльфийские воины, но степень их воинского мастерства неизвестна, равно как и осведомленность в магии.

Впрочем, всеобщей благодати не наблюдалось и тут.

– Этот человек наш враг, – задумчиво сказал Норгэрель, – хотя я не могу понять, почему.

– Ну, это-то как раз понятно. Нас он видит в первый раз, значит, о личной ненависти речь не идет. Видимо, его рассердили наши сородичи. Здесь слишком низко кланяются Перворожденным, чтобы это не бесило тех, кто не считает бессмертие и раскосые глаза поводом для пресмыкания. Наш друг ненавидит эльфов потому, что в сей обители Света принято их обожать. Любопытно, много ли тут таких?

– Тогда ему лучше не ехать с нами.

– Правильно, но что мы можем сделать? Сказать, что мы ему не доверяем? Наш завитой паладин может истолковать это по-своему, а я не хочу, чтобы у парня были из-за нас неприятности. Здесь, похоже, не так уж много людей, наделенных гордостью.

– Он тебе нравится?

– Пожалуй, да... Он мог бы сказать нам правду, жаль только, мы ее не поймем. А теперь помолчим, не стоит долго разговаривать.

– Ты встревожен.

– Да. Как всегда, когда вижу «век сытого лета», как в свое время изящно выразился Проклятый.

Рамиэрль слегка сжал коленями бока иноходца, и тот прибавил шаг, опережая и Норгэреля, и эскорт. Солнце светило вовсю, к нему влюбленно тянулись стоящие вдоль дороги желтые и алые цветы в человеческий рост, пахло медом, но на душе у Рамиэрля было скверно.

2886 год от В.И.

15-й день месяца Медведя.

Оргонда. Лиарэ

Со стороны Сезар казался спокойным и равнодушным, как памятник королям древности, но это была лишь вошедшая в поговорку родовая сдержанность Мальвани. Только сейчас, глядя на суетящихся моряков, виконт понял, как он соскучился по друзьям и устал ждать. Марк, непонятно почему именующий себя Отважным, по двадцать раз на дню впадал в крайности. Повелитель Оргонды то ожидал помощи из Арции, то заявлял, что справится с Пауком своими силами, то причитал, что все его предали, война проиграна и ничего хорошего не ожидается. Герцогиня держалась лучше, Марта Оргондская унаследовала от Тагэре не только золотые волосы, высокий рост и гордую походку, но и чувство долга, умение владеть собой и делать то, что нужно. В Лиарэ бытовала злая шутка, что единственный настоящий мужчина при дворе Марка – это герцогиня. В этой шутке было очень много правды, но Малве не сомневался – рядом с сильным и дельным человеком Марта Тагэре была бы просто женщиной, нежной, любящей и верной. Просто ей не повезло с мужем.

Увы, оргондский властелин походил на своих великих предков разве что массивным носом и раздвоенным подбородком. И еще он был упрям, как стадо мулов. Даже коню было очевидно, что по Ифране нужно ударить одновременно из Оргонды и Арции, но Марк вбил в свою лысеющую голову, что следует объединить силы. Филипп пошел у него на поводу, впрочем, ничего страшного в этом не было. Утраченные Арцией провинции могут быть возвращены по мирному договору, и даже хорошо, что они не будут разорены войной, да и убрать из страны тысячи вояк, рвущихся кто за славой, кто за добычей, не помешает. Что поделать, за десятилетия войн в Арции развелось множество народу, способного управляться лишь с пиками и мечами. Если им не подсунуть врага, они примутся затевать склоки и бить своих же... Пусть уж лучше грабят Паука, благо есть чего.

Мальвани сражались с Ифраной ровно столько, сколько та существовала, и вошли во вкус, однако и Сезар, и его отец понимали, что на сей раз узел нужно разрубить раз и навсегда. Северный берег Табита должен стать Арцийским, а южный, от большой излучины и до устья, отойти к Оргонде. Если Кантиска окажется в пределах Арции, а не на границе трех государств, то зеленопузые перестанут играть на трех лютнях.

Сезар сам не понимал, откуда у него такое отвращение к клирикам. Видимо, от дяди-епископа, который своих собратьев, кроме, разумеется, Евгения, на дух не переносил. Виконт предполагал, что дядюшка не преминет поучаствовать в воинском походе на правах доверенного лица кардинала Арции...

Мысли Малве прервали пронзительный рев труб и гром барабанов. Моряки наконец закончили со швартовкой, и первым на берег под поднятый оргондскими музыкантами вой и грохот сошел Его Величество король Арции. В алом облачении Волингов и темно-синем плаще Тагэре Филипп был великолепен. Солнце играло на золотых волосах и тяжелой королевской цепи, добавляя арцийскому государю еще больше величия.

Повелитель Арции с улыбкой ступил на устилавшие пристань ковры и стремительной походкой победителя двинулся навстречу Марку, на фоне своего шурина показавшемуся особенно незначительным. Король и герцог обнялись. Как же отличалось это триумфальное появление от их прошлого приезда. Изгои выиграли войну и вернулись победителями.

Разряженный в бордовое и золотистое Марк с преувеличенным восторгом превозносил

приведенную родичем армию, которая настолько велика и сильна, что союзникам ничего не стоит пройти не только Ифрану, но и Элл. Марк предлагал Филиппу присоединиться к основной части оргондской армии, но, разумеется, после пира, данного в его честь...

Дальше Сезар не слушал, ему стало не до миропомазанников – он увидел друзей. Герцог Эстре с «волчатами» сошли на берег с другого корабля. Малве сразу заприметил Александра, рядом с которым был кто-то черноволосый и незнакомый, следующими шли братцы Трюэли, затем Этьен, Никола, Одуэн...

После встречи Филиппа и Марка арцийцы и оргондцы смешались друг с другом, и вскоре Сезар обнимал приятелей. Радость встречи возросла втрое, когда виконт взглянул в глаза Сандера, лучившиеся непривычным мягким светом.

– Сезар, как же я рад тебя видеть!

– А я еще больше, вы ведь были вместе, а я тут один, отца и того нет. Что нового?

– Скорее, кто новый. Знакомься. Рафаэль Кэрна, маркиз Гаэтано, мой сигурант и... брат.

– Можете называть меня Рито, – черноглазый мириец протянул Сезару руку, ослепительно улыбаясь.

– Я слышал, что Мирия лишилась наследника, а Арция приобрела рыцаря. Я не пью, поэтому предлагаю перейти на «ты» прямо сейчас, не дожидаясь пирушки. Называй меня Сезар или Малве, как тебе нравится.

– Жабий хвост! Ты так и не поумнел, – Луи изо всей силы огрел Сезара между лопатками, – я-то думал, ты хоть с горя запьешь.

– Какого горя?

– От разлуки с нами, – пояснил Луи, – а может, ты тут влюбился и о нас позабыл?

– Нет, – неожиданно резко ответил Сезар и, разозлившись за это на самого себя, добавил: – Не влюбился и не женился. И вообще только после вас...

– Тогда уж после Этьена... Ландей, ты когда наконец решишь, кого именно любишь?

– Я знаю, – возмутился Ландей.

– Ага, – подтвердил Одуэн, – до обеда, а после обеда уже нет.

– Поэт, – хмыкнул Никола Герар, – любит всех и никого, так что ты, Луи, рискуешь, дожидаясь, пока жаба перьями обрастет.

– Он не будет ждать, пока она полностью обрастет, а только хвост, – неожиданно заметил Александр, вызвав бурю хохота.

«А ведь он счастлив, спокоен и уверен в себе, наверное, впервые с того дня, как мы познакомились», – подумалось Мальвани.

2886 год от В.И.

21-й день месяца Медведя.

Арция. Мальвани

Миранда поправила букет темно-синих цветов и немного передвинула вазу на каминной полке из белого мрамора. В последние кварталы герцогиню все сильнее заботила ее гостья. Герцогиня искренне симпатизировала и девушке, и ее брату и понимала, что должна вмешаться, но не знала, с чего начать разговор. Женщина еще раз повернула цветы, задумчиво склонив все еще красивую голову набок (со стороны можно было подумать, что Миранду занимают лишь ее любимые дельфиниумы), а потом, решившись, стремительно вышла.

Даро она нашла в парке у пруда. Девушка, отложив вышивание, сидела на мраморной скамейке, глядя прямо перед собой, и чему-то улыбалась. Герцогиня Мальвани опустила рядом и для начала внимательно рассмотрела ее работу.

– Какое чудо, настоящее мирийское шитье!

– Я же мирийка, сигнора, – улыбнулась Даро.

– У тебя безупречный вкус, я очень люблю эти цветы.

– Я... Я это вышиваю для вас, сигнора Миранда. Надеюсь, вам понравится.

– Мне уже нравится, но я хотела бы поговорить о тебе. Ты неважно выглядишь.

– Я здорова, – немного неуверенно произнесла Даро, – просто очень жарко.

– Родись ты в Тагэре, я бы поверила, но ты, дитя мое, мирийка. Даро, надеюсь, ты понимаешь, что я твой друг?

– Конечно, сигнора, – подтвердила девушка, но по ее глазам Миранда поняла, что та не понимала ничегошеньки, – что-нибудь случилось? В Оргонде?

– Там еще ничего не могло случиться, они или в пути, или только-только причалили. Настоящая война начнется не раньше чем через месяц. Так что случилось скорее не там, а тут.

– Я не понимаю...

– Может, и не понимаешь, тебя же в монахини готовили. Если я ошибаюсь, надеюсь, что ты меня извинишь, но я тебя очень люблю, девочка. Ты вполне могла быть моей дочерью, и у меня четверо детей, – Миранда запнулась, а потом медленно и четко выговорила: – Даро, мне кажется, ты беременна. Если я ошибаюсь, можешь на меня обидеться, но, если это так, я хотела бы знать.

– Сигнора!

– Ну же...

– Сигнора... Я не знаю... Я не уверена, может быть...

– Даро, я была бы счастлива иметь такую невестку, но, видно, не судьба. Ты мне что-нибудь расскажешь? Думаю, это любовь, а не насилие, иначе ты бы вела себя иначе.

– Да, – глаза Даро вспыхнули, – я люблю его! Я первая ему сказала об этом, он не хотел, потому что не может жениться, но я... Я сказала, что умру без него. И это правда, вы не поверите...

– Отчего же нет, – вздохнула Миранда, – я старше тебя на тридцать лет, только и всего. Но я тоже любила и люблю. Ты можешь назвать имя? Если не хочешь, оставь свою тайну при себе, только скажи, это ведь не король?

– Нет, – опустила голову Даро, борясь с собой, а потом выпалила: – Сигнора Миранда, я люблю Александра Эстре!

– Слава святому Эрасти! – Жена маршала обняла Дариоло и прижала к себе. – Если кто и заслужил любовь, так это он. Я боялась, что мальчик так и останется одиноким.

Даро, захлебываясь от переполнявших ее чувств, которые она наконец смогла выплеснуть, шепотом рассказывала о своей любви, вспоминая то первую встречу, то королевскую охоту, то разговор в Старом Дворце. Миранда слушала, пытаясь понять, что же ей теперь делать. По здравом размышлении она решила, что писать в Оргонду не стоит, письмо могут перехватить, да и волновать Сандера не нужно. Ее медикус и кормилица Сезара – люди надежные, главное, чтобы ребенок родился здоровым, а дальше что-нибудь да будет.

Герцогиня не сомневалась, что в походе Сандер покажет себя так, что король не сможет ему ни в чем отказать, даже не ему, а Анри, который поговорит с Филиппом наедине. Старший из братьев Тагэре любит младшего, нет сомнений, что он лишь порадует его счастьем. Непонятно, с чего это Сандер вообразил, что женитьба на дочери мирийского герцога рассорит его с Филиппом? Даже если король немного увлечен красавицей-мирийкой, он охотно уступит ее брату, лишь бы у того все было хорошо. И почему только люди врут там, где лучше сказать правду, и бывают до глупости правдивы, когда это никому не нужно?

Нэо Рамиэрль

Если страна, через которую они проезжали, казалась ухоженной и благополучной, то за быстрой прозрачной рекой и вовсе раскинулось нечто, напоминающее райские кущи. Роман воочию увидел то, чего лишилась Тарра с исходом Светозарных и их любимых детей-эльфов. Да, у Эанке и Нанниэли были основания ненавидеть тех, кто лишил их жизни, для которой они были рождены.

За рекой расстилались цветущие луга, переходившие в пологие холмы, а еще дальше к небесам вздымались покрытые лесами горы. Казалось, за словно бы поющим потоком краски

были ярче, солнце щедрее, а небо выше. Неширокая, мерцающая янтарным светом дорога начиналась у моста через реку и терялась в золоте холмов.

Илгор подъехал к мосту, представлявшему собой переставшую убежать от путников радугу, у основания которой лежали спящие львы. Но красотой дело не ограничивалось. Рамиэрль почувствовал мощь защитных заклятий, способных остановить по меньшей мере Всадников Горды. Землю обетованную стерегли, и стерегли крепко. Рыцарь Солнцецвета спешился и преклонил колено у царственных статуй. Раздался мелодичный звон, словно ветер тронул струны подвешенной над струями арфы, и на мосту показалась легкая фигура в оранжевом. Роман видел, как напрягся Норгэрель, да и ему самому стало не по себе. Одно дело вспоминать дела минувшие, и совсем другое – взглянуть в глаза покинувшим Тарру соплеменникам.

Солнечный эльф остановился в двух шагах от Илгора, и Рамиэрль невольно вспомнил о вороне в павлиньих перьях. Тыквоносец был одет и причесан точно так же, как и страж моста, но рядом с ним казался нелепым, смешным и жалким. Роман бросил быстрый взгляд на людей и заметил на лице черноволосого стрелка вполне объяснимую смесь ярости и стыда. Его можно было понять, даже Рамиэрлю увиденное показалось унижительным, хотя сам Илгор, похоже, чувствовал себя отменно.

Обожающе глядя на собеседника и все еще стоя на одном колене, он старательно произнес по-эльфийски:

– О, благородный Аддар, сын и наследник Солнечного владыки. Мне выпала высочайшая честь и великая радость сопровождать в Долину Света двоих Перворожденных, вышедших из Полуденной Рощи. Они изъявили желание говорить с великим Эльрагиллом, и я привел их к берегам Клариоллы.

– Из Полуденной Рощи? – эльф был не в силах скрыть своего удивления. – Но это невозможно!

Рамиэрль спешился и вышел вперед, Норгэрель последовал за ним.

– Нео Звездный Дым из Дома Розы клана Лебедя приветствует тебя.

– Норгэрель Вечерняя Волна из Дома Жемчуга клана Луны приветствует тебя.

– Аддар Полуденная Песнь из Дома Солнца счастлив видеть сородичей, – Аддар не лгал, он и вправду был безмерно рад, хоть и удивлен, – мы не знали, что кто-то уцелел. Рыцарь Илгор, благодарю вас за услугу и приглашаю вас и ваших людей в Долину Света на приветственный пир.

Солнечный принц взмахнул рукой. Люди, скорее всего, ничего не заметили, не почувствовали и не поняли, но Роман и Норгэрель увидели, как сияние, окружавшее каменных львов, слегка изменилось. Защитные заклятия были сняты, и кавалькада вступила на мост. Правду сказать, Роман не ожидал от Солнечных такой открытой сердечности и доверчивости. Аддар приятно удивил разведчика: если все его сородичи таковы, здесь и вправду можно найти помощь и понимание, хотя привыкший рассчитывать на худшее Рамиэрль поверит в удачу, лишь повидавшись с владыкой Эльрагиллом.

2886 год от В.И.

1-й день месяца Влюбленных.

Оргонда. Лиарэ

Филипп привел куда лучшую армию, чем можно было надеяться. Более трех тысяч рыцарей, семь с половиной тысяч тяжеловооруженной пехоты, девятнадцать тысяч лучников и арбалетчиков, не забыл даже медикусов и клириков. Если бы Оргондой правил Анри Мальвани, а арциями командовал Александр, к зиме война была бы выиграна, – в этом Марта Тагэре была убеждена, но Марк боялся рисковать, а Филипп... Филипп во что бы то ни стало хотел покрыть себя славой и доказать, что в этом походе первый он, а не его шурин и уж тем более не маршал. Марта искренне любила старшего брата и восхищалась им, но на сей раз он делал что-то не то.

Вместо того чтобы идти на соединение с большей частью оргондской армии, стоящей

на берегу Табита напротив ифранского лагеря, и дать там бой, после чего перенести войну в Ифрану, Филипп собрался идти к Кер-Септиму, понадеявшись на то, что не шибко ладящий с Пауком граф Саброн сдаст город, который можно использовать как точку опоры для дальнейшего наступления. Марк же запретил Мальвани принимать бой в одиночку, хотя маршал был уверен, что сумеет перейти неглубокую реку и разбить западную армию Паука. Все это герцогине объяснил Сезар Малве, оставленный Марком при дворе, чему герцогиня, в отличие от самого виконта, была несказанно рада.

Молодой человек не только напоминал ей о доме, но и был прекрасным советчиком. По крайней мере, с его помощью Марта начала разбираться в воинских делах, которые оказались не столь уж и непонятными, как ей представлялось, когда она слушала своего супруга. Теперь Сезар уходил вместе с Филиппом, вернее, со своим другом Александром, и герцогиня внезапно поняла, что ей будет не хватать разговоров с виконтом и, если быть до конца честной, его самого.

Марта задумчиво переставила фигурки на эрметной доске. Она старше Сезара на пять лет, и она помнит свой долг, да и виконт был с ней лишь вежлив и дружелюбен, но это ничего не меняет. Она, никогда никого не любившая в юности, влюбилась в сигуранта младшего брата. Разумеется, герцогиня Оргонды и дочь Шарля Тагэре не уронит своей чести и не забудет свой долг, но в мыслях и мечтах она свободна.

– Сигнора, – хорошенькая камеристка, которую немного портили беличьи зубки, присела в реверансе, – к вам монсигнор Эстре.

– Я с радостью увижусь с моим братом.

Это было правдой, она любила Сандера, вернее, полюбила после его появления в Оргонде. Рауль увез младших братьев во Фло, когда ей было шестнадцать, и она быстро забыла тихого, горбатого мальчика, хоть раньше его и жалела. Когда они встретились снова, Марта поняла, что Александр вырос настоящим Тагэре. Она была горда и счастлива, когда брат выиграл данный в ее честь турнир и избрал ее Звездой. Потом ее придворная дама и подруга Вивиана Франго затащила победителя к себе в постель, но герцогиню это только порадовало. Пусть все видят, что первая красавица Оргонды из множества поклонников выбрала герцога Эстре, несмотря ни на его увечье, ни на то, что он брат изгнанного короля. Виа и сейчас не против возобновить их связь, хотя у нее и новый любовник.

Марта с нежностью поцеловала брата и указала на место рядом с собой.

– Ты не представляешь, как мне жаль, что я мало тебя знала раньше...

– Когда мы жили под одной крышей, я был еще маленьким и глупым, – улыбнулся Александр.

– Маленьким – возможно, но глупым ты вряд ли когда-либо был и уж точно никогда не будешь. У меня к тебе три дела.

– Если это в моих силах, я к твоим услугам.

– Дело первое и самое простое. Виа отдала мне ключи от некоей комнаты, – герцогиня открыла изящную шкатулку, – вот они.

– Марта, я не могу их взять.

– Не можешь?

– Нет. Пусть Виа простит, она была добра ко мне, и я ей очень благодарен, но я люблю другую.

– А она? – спросила Марта и осеклась, этот вопрос лучше было не задавать.

– И она, представь себе, тоже. Она первая мне сказала о любви, и я ее никогда не предаю.

– Ты счастлив?

– Да, хотя меня это немного пугает. Все случилось так неожиданно.

– Наконец-то нашлось хоть что-то, чего ты боишься, я думала, такой вещи просто нет. Я завидую тебе.

– Завидуешь?

– Ну, ты же видел Марка, я ему верна, но...

Александр взял сестру за руку:

– Мне очень жаль, Марта. Знаешь, мне бы хотелось, чтобы весь мир был счастлив, а особенно ты и Сезар.

– При чем тут Сезар?

– Не знаю, – он, похоже, действительно не знал, – с языка сорвалось. Просто я вас обоих очень люблю...

– Сандер, – Марта уже справилась с собой, – ты можешь убедить Филиппа прийти на помощь маршалу?

– Я пытался, но он хочет одержать СВОЮ победу. Но это не так уж и страшно. Если Саброн нас пропустит, Паук двинется навстречу, и Мальвани сможет разбить его западную армию и соединиться с нами. А если Саброн лжет, мы отправимся к Табиту, или же маршал подойдет к нам. Вместе мы разгрызем Кер-Септим, как орех, и дальше пойдем вместе. Марта, эту войну мы не сможем проиграть, даже если захотим. А что за третье дело?

– Третье? – засмеялась герцогиня. – Право, я уже забыла. Или нет, вспомнила. Я хочу выпить с тобой за твое счастье.

2886 год от В.И.

2-й день месяца Влюбленных.

Ифрана. Авира

«... повторяю, благочестивая сестра, нужно остановить войну и вынудить Филиппа уйти из Ифраны, во сколько бы это ни обошлось королю Жозефу. Благодатным землям нужен мир...»

...а тебе, дрянь ты эдакая, не нужна сильная Арция, – со злостью подумала бланкиссима Данута, глядя на письмо Ее Иносенсии. Если Филипп сломает шею Пауку, Джакомо не продержится и года, Тодор ляжет на брюхо и начнет вилять хвостом, а дарнийцам на все плевать, кроме торговли. Эти даже на протекторат согласятся, лишь бы к ним в карман не лезли, но империя Тагэре Предстоятельнице не нужна...

Данута задумалась. Она ненавидела Анастасию, обманувшую сестер кажущейся беспомощностью, а затем уничтожившую одну за другой всех сильных соперниц. Последней была Дафна, якобы убитая сыном герцога, бежавшим в Арцию, но ифранская бланкиссима не сомневалась, что сделано это было по поручению Ее Иносенсии. Недаром та прикрывала изгнанников и выставила убитую еретичкой и чернокнижницей, хотя Дафна пользовалась магией не больше, чем фей-вэйские сестры. Это было знаком того, что никакой пролив и никакая осторожность (а Дафна в Фей-Вэе не бывала с тех самых пор, как Елена, вернувшись оттуда, слегла якобы с сильной простудой и скончалась за какую-то квартиру) не спасут.

Если Анастасия захочет убить, она убьет, а то и опозорит. С этой змеей лучше не спорить, хотя в данном случае приказ лишь подтверждает то, что ифранка намеревалась сделать сама. Данута не очень разбиралась в воинском деле, но даже она понимала, что Жозеф не справится с объединенной армией Арции и Оргонды, которой командовали Анри Мальвани и Филипп Арцийский, победивший самого Короля Королей. Правда, злые языки болтали, что на деле и Рауля ре Фло, и Агнесу разбил горбун, но это ничего не меняло. Герцог Эстре был вместе с братом, так что полководцы в любом случае были в сборе. Филипп и Марк не могут не понимать, что на сей раз судьба на их стороне. Уговорить союзников отступить будет потруднее, чем вырвать кость из собачьей пасти. Как бы то ни было, для начала следует поговорить с Жозефом.

Бланкиссима уселась за низкий столик и пододвинула к себе чернильницу, но написать ничего не успела. Вошедшая сестра доложила о том, что прибыл посланец от Его Величества. Данута нервно расхохоталась. Объяснение могло быть лишь одно – король хочет мира и нуждается в ее посредничестве. Воистину судьба может впрячь в одну тачку крысу, кошку и собаку. Она, Жозеф и Анастасия друг друга не терпят, но им нужно одно и то же. Филипп Четвертый должен вернуться в Арцию.

Нэо Рамиэрль

У Аддара были серьезные зеленые глаза и вьющиеся волосы цвета червонного золота, куда более длинные, чем у эльфов Тарры. Солнечные, похоже, свято придерживались старинных обычаев. Отсюда и неоседланные лошади, и длинные волосы, забранные назад при помощи заплетенных у висков тоненьких косичек, и яркие туники. Лебедеи когда-то были такими же или почти такими же. Роман уже знал, что их провожатый – сын Солнечного короля и погибшей королевы, сам напросился охранять рубежи Долины Света. Аддар считал бесчестным прятаться за свое положение наследника, к тому же ему нравилась походная жизнь. Настоящей войны Солнечный принц не видел, но голова его была до отказа напичкана старинными легендами и смутными мечтаниями о великих подвигах во славу Света и Добра. К людям он относился со снисходительной теплотой, как к неразумным детям или забавным животным, порученным его покровительству.

Рамиэрль узнал, что мир, в котором они с Норгэрелем оказались, называется Луциана, и это один из Пяти миров Света, которым правят боги, ведущие постоянный бой с темными властителями Бездны. Перворожденные по желанию великого Арцея живут рядом с людьми, младшими детьми Творца, оберегая их от зловредного влияния Тьмы и обучая необходимому. У Долины Света с владыками смертных добрые отношения, наследники королев воспитываются у эльфов, а эльфы время от времени навещают Луциану, к великой радости ее жителей.

То, что великая радость имеет место быть, Рамиэрль уже убедился, хотя в нарисованную Аддаром благостную картину никоим образом не вписывался полный ненависти взгляд черноволосого стрелка.

– Аддари, – Рамиэрль говорил небрежно и спокойно, – а бывают среди людей такие, которые не любят наш народ?

– Некоторые души попадают в сети Бездны, – Солнечный вздохнул, ему явно было неприятно говорить об этом, но природная правдивость взяла верх, – их ищут рыцари Солнцецвета, которых обучает брат моего отца.

– И многие из смертных решаются на бунт?

– Их мало, но Тьма шевелится, ее тлетворное влияние порой проникает и в Луциану.

Тридцать пять весен назад брат одного из королев Луцианы Таир, предавшись Тьме, поднял восстание против золотых паладинов и чуть не изгнал их из королевства. Мы были вынуждены вмешаться. Таир был уничтожен, его войско разбежалось, но потом зло вновь подняло голову. Недавно в Долину попытались проникнуть люди, решившие убить владычицу Ильгэйбэ. Их низвергли в Бездну к их хозяевам, но я хотел бы услышать ваш рассказ, дорогие гости. Мы были уверены, что кланы падших богов давным-давно мертвы.

– Падших?

– Разве вы не помните, что некогда было семеро Светозарных, но затем двое вступили на тропу Тьмы. Отец говорил, что первым их деянием было истребление дарованных им Престолом Света в спутники эльфов.

Роман не счел нужным начинать рассказ о событиях в Тарре. Аддар нравился разведчику, но то, что он рассказал, более чем настораживало. Если Адена и Ангес в Луциане заняли то место, которое клирики Тарры отдали придуманному ими же Антиподу, подводить Солнечных к решению помочь нужно очень и очень осторожно.

– Нас осталось очень мало, – это была правда, хоть и не вся, – мы были заперты в мире, покинутом богами, и лишь сейчас мне и моему родичу удалось найти тропу, которая привела нас сюда.

2886 год от В.И.

8-й день месяца Лебеда.

Ифрана. Кер-Септим

К сожалению, Его Величество король Арции в последнее время пришел к выводу, что

зрелище королевского гнева благотворно влияет на подданных. Возможно, так оно и было, но только в тех случаях, когда все зависело от короля. Александр был убежден, что рычать и сжимать кулаки, если ты не можешь немедленно исправить положение, уничительно и глупо. Но Сандер прошел хорошую школу сдержанности, ему с его горбом нужно было или хранить ледяную невозмутимость, или превратиться в любимое развлечение Жоффруа. Обласканный удачей красавец Филипп, никогда не знавший насмешек, перед лицом неудач оказался куда уязвимее. Когда граф Саброн и не подумал исполнить обещанное, король впал в неистовую ярость, которая заставляла придворных опускать голову и прятать глаза, но отнюдь не обрушила стены Кер-Септима. Хорошо хоть, буря продолжалась недолго, Филипп взял себя в руки и велел всем военачальникам собраться в его палатке.

Когда Сандер с предводителем дарнийских наемников господином Игельбергом, в этом походе, к обоюдному удовольствию, вновь оказавшимся под началом герцога Эстре, вошли к королю, тот был хмур, как осенняя туча, но спокоен. Зато Реви и Аганны явно не находили себе места. Гастон Койла казался встревоженным, Стэнье-Рогге улыбался, но близко посаженные глазки бегали из стороны в сторону, как мышата. Отец Одуэна хранил бесстрашие, но Александр слишком хорошо его знал, чтобы понять: граф Гартаж готов к серьезной схватке. Затесавшийся среди военачальников толстый епископ Клавдий своим присутствием напоминал, что Евгений тяжело болен и не отпускает от себя своего преемника. Жаль, Жорж Мальвани с его воинскими талантами куда как пригодился бы, а вот брата Жоффруа лучше было бы оставить в Арции. Герцог Ларэн опять был пьян, и Сандеру стало противно и стыдно.

Молчание затягивалось. Наконец Филипп хмуро сообщил, что Жозеф выступил с большой армией из Авиры и быстро движется к реке Ньер.

– Если поторопиться, мы успеем соединиться с Мальвани раньше, чем Паук доберется до своих, – тихо сказал Эжен Гартаж.

Граф был прав, но он и ошибался. Без сомнения, объединенная армия Оргонды и Арции разбила бы разделенное на две части ифранское войско, тем паче Жозефу и его генералам с Анри было не тягаться. Беда была в другом. Филипп не хотел отдавать победу ни в руки Марка, ни тем более в руки отцовского друга. Король прекрасно понимал, что, соединись он с армией Мальвани, все скажут, что это он был при оргондцах и маршале, а не они при нем, а любое сопоставление с Шарлем и его сподвижниками было для Филиппа как нож острый.

Эжен по праву считался прекрасным воином и неплохим полководцем, но царедворец и политик из него был никудышный. Граф почитал главным разбить врага, слава победителя его волновала в последнюю очередь. Александр был с ним полностью согласен, но он слишком хорошо знал брата и понимал, что худшего начала нельзя было и придумать.

– Я не собираюсь плясать под дудку Марка, – хмуро сообщил Филипп, – мы не для того пришли к Кер-Септиму, чтобы пятиться к Табиту, потому что так захотелось моему шурина. Да и негодяя Саброна нельзя оставлять безнаказанным.

– Ваше Величество, – голос Стэнье-Рогге источал мед, – предатель заслуживает самой страшной кары. Нужно взять Кер-Септим и следовать первоначальному плану.

– Прекрасно сказано, Рогге, – хмыкнул Койла, – не возьмешься ли ты сам за это дело? А я на тебя посмотрю.

– Рогге – трус, – объявил Жоффруа и захохотал.

– Замолчите, герцог, – рявкнул король. Хвала святому Эрасти, здравый смысл у брата все-таки был. – Город с налета не взять, а на осаду у нас нет времени. Сейчас нет. Но я не я буду, если не доберусь до этого мерзавца. Теперь о Пауке. Я смогу одержать победу, причем великую победу, и без помощи Марка. Мальвани, надеюсь, не позволит уйти с Табита западной ифранской армии, а я перехвачу восточную вместе с его немытым величеством. Мы разобьем Жозефа, позволим Марку добить его генералов, а потом я вернусь и отверну голову Саброну. Для нас главное – внезапность. Пусть Паук думает, что мы сидим под Кер-Септимом, а Марк – что мы идем на соединение с Мальвани. Эстре!

– Да, Ваше Величество.
– Останешься здесь с теми, кого собрал во Фло и Мальвани, и дарнийцами. Покончим с крысами, займемся мышами.

Александр мог бы возразить, что не стоит дробить силы, Саброн никуда не денется, а о том, что они ушли от Кер-Септима, Паук так и так узнает, но промолчал. Филипп закусил удила, в таком состоянии спорить с ним бесполезно. Оставалось надеяться, что с восточной армией Ифраны брат все же справится, да и Саброн нуждался в присмотре. В городе было достаточно воинов, которые могли ударить в тыл арцийской армии. Возможно, Филипп и прав, по крайней мере, Александр постарался себя в этом убедить.

Нэо Рамиэрль

Чертоги Эльрагилла были воистину величественными и прекрасными. Золотистый замок на покрытом чайными розами холме казался изваянным из солнечного света. Стены с узкими, высокими зубцами и башни, изящные и соразмерные, отнюдь не производили впечатления грозных укреплений, каковыми, без сомнения, являлись. Мост был спущен, ворота открыты, их ждали. Только приобретенная с годами невозмутимость позволила Роману сохранить бесстрастное выражение, когда он увидел исходящее из рва сияние, словно вместо воды тот был заполнен слепящим полуденным светом. Разведчик почувствовал на себе взгляд Аддара, Солнечный принц, без сомнения, хотел знать, какое впечатление произвел на пришельцев его родной дом. Рамиэрль выразил приличествующее случаю восхищение, но так, что со стороны казалось: гость вежлив и хорошо воспитан, но никоим образом не потрясен.

За ажурными воротами, столбы которых венчали сверкающие шары, лежал широкий двор. Журчали фонтаны, тянулись к солнцу алые и желтые венчики цветов, шелестела пышная зелень. Внутренность замка поражала богатством и изысканностью, но Роман отчего-то вспомнил, как вечность назад оказался в горном приюте, и сердце сжалось от тоски по давно ушедшим. Тогда он сразу почувствовал себя среди своих, хотя до этого почитал гоблинов врагами. Здесь были родичи, но на душе было тревожно.

К реальности его вернул какой-то странный звук, похожий одновременно на писк, стон и рычание, Роман взгляделся и понял, что отнюдь не все в обители Эльрагилла пронизано гордой, светоносной красотой. У основания широкой мраморной лестницы, ведущей на украшенную статуями террасу, темнело что-то совершенно неуместное в столь дивном месте. Глаза смертных наверняка видели лишь угольно-черный провал, но эльф-разведчик почувствовал сильнейшие сторожевые заклития, перекрывавшие выход кому-то или чему-то, таящемуся во тьме.

По взгляду, брошенному на него Аддаром, Рамиэрль понял, что Солнечный ждет вопроса. И правильно ждет, разведчику и впрямь было любопытно, и он с удовольствием дал хозяину повод рассказать о местных чудесах.

– Здесь заключено порожденье Бездны, захваченное и укрощенное утром нашего мира. Присутствие Тьмы тревожит и не дает забывать о таящейся в Бездне угрозе. Силы зла отброшены, но не побеждены, и вой этого создания напоминает ныне живущим о великих битвах былого и о том, что между тысячами жизней и нашествием Тьмы находятся лишь мечи Света.

– Можно взглянуть на пленника?

– Это лучше всего сделать с Террасы Мечей, но ты вряд ли что-то увидишь. Тварь не любит подниматься близко к поверхности, так как солнечный огонь губителен для темного пламени глубин.

Рамиэрль не заставил себя упрашивать. С высоты террасы, по углам которой в разных позах лежали неизбежные львы, а ограда представляла собой золотистые мечи, соединенные причудливыми цепями, и впрямь можно было заглянуть в темный провал. Воздух над ним дрожал и переливался от барьерных заклятий, но в размытой черноте Нэо разглядел сгусток еще большей тьмы, окруженный едва заметным красноватым ореолом.

– Какое оно маленькое! – Роман совсем забыл о присутствии Норгэреля, но тому тоже захотелось взглянуть на Темное пламя глубин.

– Он укрощен и скован магической цепью, – пояснил Аддар, – и потому кажется маленьким. Но это обманчивое впечатление. Если его освободить, он начнет расти и наливаясь силой, пока не превратится во всепожирающее чудовище.

– Что ж, в таком случае его держать здесь неразумно, – заметил Рамиэрль, – спящие угрозы имеют обыкновение просыпаться в самое неподходящее время. Я сам был свидетелем тому. Победенных врагов нужно или превращать в друзей, или уничтожать. Третьего не дано.

– Это слова отчаявшегося и одинокого, – раздавшийся голос мог принадлежать лишь повелителю, – но у нас еще будет время поговорить об этом. Я приветствую вас в чертогах Солнца, потерянные братья. Я – Эльрагилл, владыка Долины Света, а это моя супруга Ильгэйбэ.

– Добро пожаловать в наш дом, дети Луны. – Солнечная владычица была прекрасна. Если бы Эанке могла вообразить подобную красоту, она бы трижды подумала, прежде чем пытаться воссоединиться с ушедшими родичами. А Ильгэйбэ задержала на прищельцах внимательный взгляд бездонных сиреневых глаз, и по тонкому лицу пробежало облачко грусти.

– Вы много страдали, и это не прошло для вас бесследно. Я чувствую тревогу и боль, но их можно смыть в водах источника Солаэ. Но в старшем из вас таится Тьма. Пока она мала и незаметна, как зерно в земле, но из малого семени может вырасти огромное дерево... Ты привел к нам опасных гостей, сын моего светоносного супруга.

2886 год от В.И.

18-й день месяца Лебеда.

Ифрана, Кер-Септим

Кер-Септим был неплохо укреплен. По крайней мере, с тремя с половиной тысячами, которыми располагал Сандер, можно было говорить только об осаде, даже не об осаде, а о том, чтобы, перекрыв входы и выходы, ждать возвращения Филиппа. Но и хорошая армия под этими стенами могла простоять долго. Саброн это, несомненно, понимал. Воды в городе было с избытком, равно как и провианта, и стрел. Несколько раз объехав Кер-Септим и не заметив в стенах и наружных укреплениях видимых изъянов, герцог подозвал господина Игельберга и распорядился подготовить все для длительного стояния. Командир дарнийских наемников согласно кивнул и отошел, он был полностью согласен со своим молодым командующим. Взять Кер-Септим с налету невозможно, оставить в тылу тем более, остается устроиться поосновательней и ждать. Вскоре вокруг закипела работа. Солдаты строили деревянные хижины, копали колодцы и траншеи, насыпали брустверы...

Тагэре был спокоен. На Игельберга можно было положиться во многом, а в обустройстве военного быта дарниец и вовсе был незаменим. Работы заняли чуть больше кварталы, и на холме возник укрепленный лагерь, в котором можно было смело зимовать. Впрочем, Штефан на достигнутом не останавливался, все время что-то совершенствуя. Герцог соглашался со всеми его предложениями, и наемники уже предвкушали приятные осень и зиму с пивом, жареной свининой, необременительным патрулированием, после которого так приятно возвращаться в тепло. Пережившие не одну военную компанию вояки полагали, что настоящее дело начнется в месяце Агнца, когда город будет измотан осадой и тревожной зимой, а основная армия покончит с ифранцами. «Волчат» такое положение дел устраивало куда меньше, но они терпели, а Луи Трюэль и Сезар, перемигиваясь, поглядывали на Александра, с утра до вечера мотавшегося по округе. Во время одной из таких поездок внук Обена внезапно прищипорил коня и, поравнявшись с Сандером, поинтересовался:

– У меня такое впечатление, что ты предпочитаешь зимовать в городе, а не под его стенами.

– Угадал, – улыбнулся Сандер.

– Бедные дарнийцы столько земли перерыли...

– Зато и они, и Саброн уверены, что мы будем вести осаду.

– Что ты придумал? – Одуэн Гартаж, которого вынужденное безделье бесило больше остальных, стал похож на гончую, увидевшую кровавый след.

– В том-то и дело, что пока ничего. С нашими силами бросаться на эти стены безумие. Знай мы, что внутри, возможно, что-то в голову бы и пришло.

– Значит, надо посмотреть, – заметил Рафаэль.

– Замечательная мысль, – хмыкнул Кресси, – как выразился отец Одуэна, не возьмешься ли ты за это дело?

– Разумеется, возьмусь, – Кэрна недоуменно посмотрел на собеседника, – потому и предложил.

– У тебя, надо полагать, имеются крылья? – улыбнулся Этьен Ландей, – мы их обложили так, что оттуда даже таракан не выползет, но и туда не попасть.

– Крыльев у меня нет, – развел руками мириец, – но они и не нужны. Нет того балкона, на который не поднялся бы байланте, если там есть кого поцеловать...

– Вряд ли тебе захочется целовать Саброна, – хмыкнул Никола Лагар, – да и стены эти повыше любого балкона.

– Хороший байланте везде красотку найдет, а стены... Я в детстве разорял гнезда голубиных чаек, а они селятся на таких скалах, в сравнении с которыми Кер-Септим – деревенская харчевня. Да и в башни мне лазить приходилось. Мне нужно только два, а лучше четыре кинжала и веревка.

– Рито, – Александр внимательно посмотрел на друга, – ты и вправду можешь это сделать?

– Забраться наверх я могу, – подтвердил Кэрна, – надо только подумать, где и когда. Думаю, ночью, поближе к рассвету, и со стороны южной угловой башни.

– Но там самая высокая стена.

– Чем выше стена, тем беспечнее охрана. Да и выступ там подходящий...

– И все-таки ты рехнулся, – вздохнул Луи.

– Рехнулся, – не стал спорить Рито, – но не сейчас, а при рождении. И потом нам ведь нужно разузнать, что творится в крепости?

– Не хочется мне тебя отпускать, – начал было Сандер, но Кэрна его перебил:

– Но торчать тут всю зиму хочется еще меньше. Скоро новолуние, лучше не придумаешь.

Сезар спокойно протянул мирийцу кинжал:

– Возьми, он точно не сломается. Армская сталь...

2886 год от В.И.

19-й день месяца Лебеда.

Оргонда. Ньер

Перед Филиппом лежали три письма, и трудно было решить, которое бесило его сильнее.

Марк в свойственной ему неприятной манере напоминал об оказанных ранее благодеяниях и ТРЕБОВАЛ идти на соединение с армией Оргонды, к которой он сам намеревался присоединиться. Элеонора жаловалась на весь мир вообще и выздоровевшего кардинала в частности и сообщала, что северные гарнизоны имеют наглость требовать денег, подрядчики, завершившие перестройку западного крыла дворца, имеют наглость требовать денег, ювелиры, каретники, поставщики тканей и мебели имеют наглость требовать денег. Судя по всему, ни столица, ни провинции не испытывали большого желания подчиняться королеве. В Речном Замке опять видели призрак Филиппа Второго, а известной своей святостью циаалианке Конкордии было откровение. Непорочная дева восьмидесяти шести лет от роду утверждала: если король не вернется до зимы, он не вернется вообще.

Третье письмо, привезенное кардиналом Ифраны, было от Паука. Жозеф просил мира на семь лет. За то, что арцийская армия покинет Ифрану и Оргонду, Паук обещал немедленно выплатить сто тысяч ауров и на протяжении семи лет платить по пятьдесят тысяч в год. Жозеф предлагал объявить о помолвке своего наследника и дочери Филиппа и подписать договор о том, что каждый из королей обязуется помогать друг другу против восставших вассалов. К посланию была приложена сидулла кардинала Ореста. Антонианский орден ручался за то, что Ифрана выполнит свои обязательства.

2886 год от В.И.

21-й день месяца Лебеда.

Ифрана. Кер-Септим

– Вот, собственно, и все, – Рафаэль лучезарно улыбнулся, словно рассказывал о какой-то ничего не значащей проделке.

– Рито, тебе просто цены нет, – выразил общее мнение Одуэн.

– За это надо выпить, – постановил Никола.

– Жабий хвост, еще бы!

«Волчата», наперебой обсуждая ночные похождения своего приятеля, разлили вино. От участия в слишком раннем завтраке или в слишком позднем ужине уклонились лишь Сезар, свято блюдуший некогда данное слово, и Сандер, задумчиво глядевший в угол. Малве сел рядом с другом в твердом намерении придушить каждого, кто попытается отвлечь Александра от его мыслей. Виконт давно усвоил, что отрешенно-мечтательное выражение на обычно твердом лице означает напряженную работу мысли. Сейчас Александр, без сомнения, искал способ овладеть городом, опираясь на принесенные Рито сведения. Немного пошумевшие в палатке герцога «волчата» отправились отсыпаться после бессонной ночи, а Сандер все еще сидел, не отрывая взгляда от невыразительной парусины.

Когда он наконец поднялся, дело шло к вечеру. Герцог еще не сказал ни единого слова, но Малве понял: есть! Он знает, что делать. Эстре приоткрыл дверь, подозревая дежурного аюданта.

– Корнет, – Александр очень редко приказывал, чаще просил, но его просьбы выполнялись быстрее, чем приказы, отдаваемые другими, даже королем, – будьте добры, разыщите капитана Игельберга и разбудите сигнора Кэрну и сигнора Трюэля. Вернее, наоборот, капитан мне понадобится чуть позже.

Когда аюданта умчался, Сандер лукаво улыбнулся.

– Если я правильно понял Рито, завтра у Саброна будут неприятности.

– Ты его понял правильно, – вздохнул Сезар, – сдается, вам и вовсе говорить не нужно, вы и без слов друг друга слышите...

– Пожалуй. Так же как и тебя. Я вряд ли заслужил такое: ваша дружба, любовь...

Сезар мог бы возразить, что куда больше было вещей, которых Александр Тагэре ни в коем случае не заслуживал: увечья, гибели отца, неприязни матери, но он промолчал, а спустя мгновение дверь распахнулась, и на пороге возникли улыбающийся Кэрна и зевающий Луи.

– Судя по всему, ты придумал, как взять этот дурацкий город, – ворчливо осведомился внук дедушки Обена.

– Стал бы я иначе тебя будить, сыч сонный, – махнул рукой Тагэре, – а придумал я или нет, скажет Рафаэль.

– Я? – возопил мириец. – Нет уж! Мое дело по стенкам лазить и мечом махать, а думать это не по мне.

– Вы, оба! – полушутя прикрикнул Сандер. – Можете десятинку посидеть серьезно?

Мириец и арциец переглянулись.

– Ну, если ты просишь...

– Приказываю, жабий хвост вас побери! Рито, ты прошел по стенам от южных ворот до северных, есть там место, где человек десять-пятнадцать могут незаметно подняться?

Рафаэль задумался, мысленно повторяя пройденный путь.

– Лучше всего подниматься там, где я спускался, но для этого нужна веревка и кто-то сверху.

– Разумеется. Это только ты у нас по стенам как каменная ящерица лазаешь.

– Погоди, тебе нужно...

– Мне нужно, чтобы следующей ночью ты снова залез на стену и спустил нам веревку, а лучше две или три. Потом надо будет поднять доспехи и где-то укрыться. Это возможно?

– Пожалуй... Есть одна башенка для арбалетчиков, она снизу заперта, но со стены я запросто заберусь на верхний ярус. Предательства они пока не опасаются, рано еще. Осада толком не началась, а чья возьмет на западе – неизвестно.

– А как быстро можно оттуда перебраться к южным воротам?

– Полоры вдоль стены, а улицей и вовсе четверть. Хорошо бы еще разыскать плащи и плюмажи, похожие на саброновские...

– А говоришь, думать не умеешь.

– С кем поведешься... Кстати, к чему все это?

– А к тому, что завтра Рито поможет подняться нам и поднять наши доспехи. Затем мы затаимся. Стена у южных ворот выше, а ров шире, чем с северной стороны, вряд ли там ожидают подвоха. С рассветом Игельберг атакует наружные укрепления, это единственное относительно уязвимое место. Они ждут штурма именно с той стороны, если вообще ждут. Думаю, дарнийцы застанут их врасплох и ворвутся внутрь. Саброн постарается отбить свои укрепления, тем паче из крепости это сделать нетрудно, но людей с других стен ему придется снять, не говоря уж о том, что все бросятся глазеть на сражение. Тогда мы опустим мост и откроем южные ворота, а Малве со своими стрелками и полком из Фло войдет в город.

– Я? – Сезар выглядел ошарашенным.

– Ты. Только не опаздывай, долго ворота открытыми не удержать. Ну, что скажешь?

– Что скажу? – Сезар задумчиво потер переносицу. – Это достаточно безумно, чтобы сработать, но ты не должен лезть в крепость. Я сделаю то, что собрался сделать ты, и наоборот.

– Нет, Сезар, – Александр вроде бы и извинялся, но в его голосе чувствовалась сталь, – идти должен я. Брат короля не имеет права посылать друзей к Проклятому в зубы и отсиживаться в лагере...

– А я, значит, имею?

– Имеешь, потому что приказываю я. Да и от того, как быстро вы придете, зависит не только успех всего дела, но и наши жизни, а на тебя я могу положиться. Буду очень признателен, если приведешь наших коней со щитами и копьями...

– Сандер, – видно было, что Малве слова давались с трудом, – ты не боишься, что тебя узнают?

– Нет. Им и в голову не придет, что я сунусь в Кер-Септим. Остальное сделают доспехи и плащ, в них я не так уж сильно от вас отличаюсь. Потому, наверное, и люблю воевать...

– Ну а меня-то ты с собой возьмешь? – сварливо перебил герцога Луи.

– Пойдут все «волчата», Артур и двое «охотников» на выбор Сезара. Луи, я хочу поспать, а ты им все объясни тактично и доходчиво, причем так и тогда, чтоб ни одна собака не узнала раньше времени.

2886 год от В.И.

22-й день месяца Лебеда.

Ифрана. Ньер

Ньер был не так уж и широк, много уже и Льюферы, и Табита. Навести через него плавучий мост было делом пары дней. Жозеф предложил встретиться ровно на середине реки, Филипп согласился, и теперь престарелый ифранский король готовился к переговорам. Выступавший поручителем со стороны Ифраны Предстоятель ордена антонианцев Орест,

бывший в одних годах с Его Величеством, но сохранившийся не в пример лучше, и бланкиссима Данута казались спокойными и уверенными. Жозеф надеялся, что со стороны тоже выглядит достаточно спокойным, но оказаться нос к носу с врагом было страшно.

Королю Ифраны было под семьдесят, по общему мнению, он родился стариком и никогда не умел радоваться жизни, но смерти и боли Жозеф-Луи боялся панически. Он слишком часто обманывал и предавал, чтобы доверять другим. Глянув на быструю глубокую реку, на противоположном берегу которой пестрели арцийские палатки, Его Величество подозвал своего маршала.

– Ультим, я хочу, чтобы посредине моста поставили перегородку.

– Ваше Величество, разумно ли это?

– Разумно. Я отнюдь не желаю, чтобы арцийский юнец пронзил меня мечом.

– Сир, мы своим недоверием можем оскорбить короля Филиппа, ведь это мы настояли на переговорах и просим мира. И потом арциец – сын Шарля Тагэре.

– Он Тагэре, но не Шарль, – рявкнул Жозеф, – к тому и вправду можно было повернуться спиной, но на переговоры со мной он бы не пошел. Филипп, тот, может, и согласится продать свою победу и своего родственника, но я не хочу быть в пределах досягаемости его меча.

– Я передам арцияцам предложение Его Величества, – маршал поклонился и вышел, оставив короля терзаться противоречивыми чувствами, основными из которых были страх и жадность. Жозеф боялся проиграть войну, но при этом ужасно не хотел отдавать собранные с таким тщанием и любовью деньги. Ему и раньше приходилось откупаться, но на сей раз цена мира была слишком высока. Впрочем, война обошлась бы еще дороже, не говоря уж о его поганом племяннике, который, потерпи дядюшка поражение, не преминул бы взбунтовать восточные провинции. И все равно выложить сто тысяч ауров...

Маршал вернулся довольно быстро и, несколько смягчив ответ Филиппа, доложил, что арциец готов разговаривать через два доходящих до груди барьера, разделенных пространством шириной в три лана⁹⁵. О том, какой смех вызвала предосторожность Жозефа в палатке Тагэре, Ультим благоразумно умолчал, но ифранский король не сомневался, что стал посмешищем обеих армий. Теперь его опасения и вправду казались надуманными, но отступить было некуда.

– Возможно, я излишне осторожен, но лучше быть осторожным и живым, чем доверчивым и мертвым, как пресловутый Шарло.

– Ваше Величество, – с поклоном сообщил молодой нобиль с коронованным селезнем⁹⁶ на груди, – барьеры установлены.

Жозеф позволил накинуть себе на плечи новый подбитый мехом коричневый плащ (еще одна трата!) и направился к реке. Старческими дальнзоркими глазами он сразу же заприметил золотую голову арцийского короля. Филипп был в боевых доспехах и с мечом на боку, но без шлема и плаща. Высокий, молодой, красивый, обожаемый женщинами, он имел то, чего у Жозефа никогда не было и никогда не будет. Но у арцийского мальчишки не было ни опыта, ни золота, ни умения ждать и думать о том, что случится не завтра и даже не через год, а через десять, пятнадцать, пятьдесят лет. Да, Жозеф сегодня заплатит втридорога, но не пройдет и десятка лет, как Ифрана сторицей вернет свои деньги.

Паук медленно, по-стариковски шаркая и подметая доски моста длинным суконным одеянием, подошел к первой перегородке. Увы, те, кто ее ставил, видимо, взяли за образец арцийского красавчика. Филиппу барьер и вправду был по грудь, но Жозефа скрывал по самые плечи.

Арциец смотрел на него, иронично улыбаясь. Жозеф слышал, что Филипп – вылитый

⁹⁵ Лан – мера длины, равная примерно 38 см.

⁹⁶ Коронованный селезень – знака ифранского королевского дома.

отец, и на первый взгляд так и было. Но ифранский король смотрел на врага отнюдь не глазами влюбленной женщины, для него внешнее сходство ничего не значило, а внутренней твердости и силы, которые словно бы изливались из серых глаз Шарло, в его голубоглазом отпрыске не было. С Филиппом можно было торговаться и спорить, его можно было соблазнить или раздражить...

– Я счастлив видеть моего арцийского брата, – пропел Паук.

– Не могу заверить Ваше Величество в ответных чувствах, но я решил выслушать вас, хотя не думаю, что мы сможем понять друг друга.

– Но отчего же, мой друг? Владыки двух сильнейших государств Благодатных земель скорее поймут друг друга, чем мелких и назойливых соседей. Лев может договориться с леопардом, но не с лягушкой.

Это был камешек в огород Марка, так как на сигне ре Ги изначально были изображены три зеленые лягушки, постепенно превратившиеся в золотые короны. Шарля Тагэре насмешки над союзником и родичем заставили бы гневно сдвинуть брови, Филипп Тагэре улыбнулся...

2886 год от В.И.

Ночь с 22-го на 23-й день месяца Лебеда.

Ифрана. Кер-Септим

В прошлую ночь ему отчаянно везло, но раз на раз не приходится. Рито предпочел бы, чтобы вчера у него были хоть какие-то неприятности: сломался один из кинжалов, пришлось скрываться от караула в каком-нибудь поганом месте или веревка сорвала кожу с рук... Байланте знают, что удачи всегда равны неудачам, но сейчас он отвечал не только за себя, но и за друзей. И за Даро, потому что жизнь Сандера – это и жизнь сестры.

Кэрна глянул в темное безлунное небо, отыскав красную Волчью звезду, с которой с детства был на короткой ноге. Волчья звезда, Лоба, как называют ее в Мирии... Когда он родился, она стояла в созвездии Волка, что обещало ему бурную жизнь. Звезда не солгала, она настоящий друг, не то что изменчивая полоумная луна. Сегодня мириец решил подниматься в другом месте. Не стоит идти по собственным следам, это приносит неудачу, а он согласен только на победу. Рафаэль подмигнул своей звезде и всадил армский кинжал в щель между камнями. Ночь была темной, к тому же его прикрывала башня. Рито лез ощупью, не зная, сколько осталось и как глубока разверзшаяся внизу пропасть. Байланте должен выбросить из головы все мысли, в мире нет ничего и никого, только он, пустота, каменная кладка и кинжалы...

Послышались голоса, видимо, по стене проходили стражники, и Рито прижался к темным холодным камням, но его не заметили, защитникам города и в голову не пришло проверить, не карабкается ли кто по стене. Правду сказать, даже в Мирии на подобные выходы отваживались редко, но тут уж не было бы счастья, да несчастье помогло. Когда-то, когда ему было тринадцать, а Даро – семь, ее повадились запирать на чердаке, а он таскал ей сладости и просто сидел с ней в темноте, чтоб малявке не было так страшно. Глупая, она боялась кровавого Педро, а ее главным и единственным врагом была проклятая камбала...

Сначала он залезал на крышу, цепляясь за побеги дикого винограда, оплетавшего стены дворца, потом по приказанию матери виноград уничтожили. Нет, герцогиня и помыслить не могла, что ее сын навещает наказанную сестру, она сочла, что толстые лозы искушают молодых нобилей забираться к придворным дамам, чьи апартаменты находились на втором этаже дворца. Приказание герцогини было выполнено, но Даро было страшно одной в пыльной, тихой темноте, и Рито додумался подниматься при помощи кинжалов. Как он не разбился сразу же, он сам не понимал, однажды, глянув на полпути вниз, он подумал, что ему никогда не спуститься, но после пережитого и побежденного ужаса Кэрна не то что перестал бояться высоты, но перестал ее замечать...

Кинжал он воткнул хорошо. Подвел камень, вывалившийся из гнезда. Мало того, что пришлось повиснуть на одной руке, доставая из-за пазухи запасной кинжал, раздался грохот,

который мог разбудить и мертвого. К счастью, караульщики не обладали тонким слухом, а может, просто были далеко. Что ж, удача хоть и повернулась к нему крупом, но хотя бы не лягалась. Дальше он взбирался осторожнее, проверяя каждый следующий камень, это изрядно замедлило продвижение, но он не мог позволить себе свалиться. Рито Кэрна обещал подняться на стену Кер-Септима, значит, он поднимется.

Воткнуть кинжал, пошатать камень, подтянуться, переставить ногу, вытащить второй кинжал, воткнуть, пошатать камень... Когда рука провалилась в пустоту, это показалось неправильным, и лишь потом мириец сообразил, что подъем окончен. Какой же из кинжалов он потерял? Жаль, если подарок Сезара. Нет, другой, последняя память о доме... Ну и Проклятый с ним.

Мириец немного посидел на стене, прислушиваясь и вглядываясь в темноту, к которой уже привык. Тихо и спокойно. Прекрасно, теперь попробуем к маленькой башенке, предназначенной для больших элских арбалетов. Эти ослы, защитнички, не удосужились поставить там охрану. То есть, поправил себя Рафаэль, вчера не удосужились. Будет весьма печально, если за день они поумнели. Послышался какой-то шорох, и мириец скользнул между зубцами стены, сжав кинжал. Стражники ходят парами, если заметят, им же хуже – он прикончит обоих, прежде чем те поднимут тревогу. Это не столь уж и трудно, два полусонных ифранских солдафона на одного байланте. Но судьба сегодня хранила не только Рито, но и саброновских вояк. Услышанный Рафаэлем шорох повторился, затем раздался пронзительный вопль, и под ноги мирийцу шмякнулся темный ком, распавшийся на двух ощерившихся котов.

Милые зверушки, немного отдышавшись, взвыли и снова бросились друг на друга, но Рито было не до них, мириец стремительно бежал вдоль стены к запримеченной башне. Она была темной и, видимо, пустой, но Кэрна решил не рисковать, спускаясь вниз в поисках входа, а, вновь пустив в ход кинжалы, добрался по стене до проема, к которому во время боя приставляли пологие сходни с набитыми на них рейками. Так и есть, никого! Зачем сидеть ночью в укрытии, когда никакого штурма не предвидится? Рито усмехнулся и спрыгнул внутрь. В верхнем помещении было восемь окон: два широких выходили на стены (через одно из них он и залез), от них вниз вели пологие ступеньки, а шесть, в каждое из которых мог пролезть человек, смотрели за пределы крепости. Возле этих лежали по два огромных арбалета, прикрепленные цепями к кольцам в стене и в полу. Это было очень кстати. Рафаэль отцепил от пояса бечевку, размотал и бросил вниз. Друзья времени даром не теряли, и мириец втащил в башню мешок с тремя мотками прочной корабельной веревки с уже навязанными на нее узлами и закрепил при помощи услужливо вбитого в каменный пол кольца.

Теперь оставалось молить всех святых, чтоб друзья не попались во время подъема. Время тянулось до бесконечности, а слух мирийца, и так мало уступавший кошачьему, напряженно ловил ночные шорохи. Ему казалось, что поднимающиеся (а они поднимались, потому что все три веревки были натянуты) шумят, как пьяные матросы. На всякий случай Рафаэль встал в проеме, прижавшись к стене и прислушиваясь, не идут ли стражники. Если ифранцы что-то заподозрят, нужно отправить их к праотцам раньше, чем поднимется тревога. Но убивать было некого, воины Саброна ночными обходами не злоупотребляли. Наконец в бойнице что-то шевельнулось, и первый из поднявшихся ловко скользнул внутрь башни, еле слышно свистнув. Сандер! Рито ответил, и герцог поднялся к нему. Сколько они ждали? Полдесятинки или вечность? Братцы Трюэли поднялись одновременно.

– Ты слушай, а мы поднимем доспехи, – Александр исчез внутри башни. Рафаэлю казалось, что его друзья громяют пустыми ведрами и колотят в барабаны, но или у страха были велики не только глаза, но и уши, или защитники Кер-Септима были на редкость самоуверенны и беспечны. Дважды мимо проходили караульные, и дважды они и ухом не повели. Двенадцать воинов и доспехи благополучно совершили свой путь вверх. Облачались на ощупь, помогая друг другу затягивать ремни. Кто-то уронил на пол шлем, все замерли, но опять пронесло. В эту ночь на стенах можно было устраивать оргию.

2886 год от В.И.

Ночь с 22-го на 23-й день месяца Лебеда.

Ифрана. Кер-Септим

Штефан-Альбрехт Игельберг получал деньги, и немалые, за то, что подчинялся приказам, но приказы Александра Эстре дарниец исполнял с удовольствием. Смешно сказать, капитан наемников умудрился привязаться к молодому горбуну. Если бы их постигла неудача в схватке с Раулем, господин Игельберг, не задумываясь, принял бы Александра Тагэре в свой отряд с расчетом, что лет через пятнадцать тот станет капитаном. Но Тагэре победили, и наемник с удовольствием принял предложение молодого вице-маршала остаться в Арции.

Господин Игельберг не был горазд на выдумки, но чужие мысли схватывал на лету и с огромным уважением относился к тем, кто обладал воинской сметкой и хитростью. Дарнийский капитан первым понял, что младший из Тагэре видит дальше и глубже остальных, и гордился молодым полководцем, как своим открытием. Ведь это он, сын старого Хайнца-Фредерика, на военном совете поддержал план молодого герцога, а потом захватил лагерь Агнесы. Он и сейчас сделает, что велено. Раз приказано штурмовать наружные укрепления, поднимая при этом большой шум, он будет их штурмовать, каким бы глупым это ни казалось.

Капитан наемников поднялся задолго до рассвета. Он был совершенно спокоен, когда совершал утреннюю молитву на родном языке, завтракал и с помощью племянника надевал доспехи. В панцире из вороненой стали, с огромным мечом на боку Игельберг выглядел весьма внушительно и знал это.

Юный Хайнц-Отто-Мария Крайе, застегнув последнюю пряжку, осмелился спросить, надеется ли дядя захватить наружные укрепления. Штефан-Альбрехт с отеческой улыбкой потрепал юношу по гладкой щеке. Обычно он даже со своими людьми говорил на языке нанимателя, но вопрос племянника требовал обстоятельного и понятного ответа, и ветеран перешел на дарнийский.

– Я выполняю приказ. В нашем деле главное – выполнять приказы. Запомни это, и ты будешь достойным воином и со временем скопишь хорошие деньги.

– Но нас слишком мало для победы.

– Нас хватит, если мы исполним то, что задумал герцог Эстре. Ты будешь рассказывать своим внукам, что твоим первым нанимателем был последний из Тагэре. Он еще молод, это так, но он разумнее и догадливей тех, кто годится ему в отцы. И запомни еще одно. Никогда не следует менять хозяина, если он отважнее и умнее тебя. Лучше проиграть битву с великим полководцем, чем одержать победу под командой дурака. Вижу, ты хочешь меня о чем-то спросить. Разрешаю. У нас еще есть время.

– Дядя, но если дурак одержал победу, значит, он не дурак?

– Если он одержал десять побед, то да. Но одна победа может быть краденой или найденной. Помни об этом. Хороший полководец может проиграть битву, но, если останется жив, он всегда выиграет войну. Многие глупцы склонны менять хозяев, как непотребные женщины. Самое большее, на что они могут рассчитывать к концу жизни, это скопить сотню ауров и жениться на толстой вдове трактирщика. Ищи себе вождя, Хайнц, на всю жизнь. Стань его капитаном, и ты заслужишь не только ауры. Слава полководца украшает и его солдат. Я связал свое имя с именем молодого Александра Тагэре и, если Триединый сохранит меня, кончу свою жизнь не меньше чем бароном. Надеюсь, ты запомнишь этот урок?

– Да, дядя. Я благодарю тебя за наставление и готов идти в бой.

– Это будет хорошая работа, юноша! Увидишь, ужинать мы будем в Кер-Септима.

Господин Игельберг взглянул на светлеющее небо и добропорядочно осенил себя Знаком.

– Да сохранят нас святой Эрасти, святой Штефан, святой Хайнц, святой Альбрехт и

святая Циала и ниспошлют заслуженную победу. Еще ора, и начнем. А сейчас, племянник, пойдем и проверим, все ли готово. Я не уверен в точности и исполнительности арцийцев. Они смелы, это да, но они излишне много думают, плохо умеют подчиняться и не очень любят наемников. Герцог поручил это дело лично мне, и я не могу бросить тень на свое имя. Я оправдаю доверие и заставлю всех делать только то, что приказано, и не делать глупых и смелых поступков. Вперед, сын моей сестры, нас ждут великие дела!

2886 год от В.И.

Ночь с 22-го на 23-й день месяца Лебеда.

Ифрана. Кер-Септим

Было темно, и Сандер не мог видеть друзей, но знал, что они здесь. Его «волчата», Рито, присоединившийся к ним после турнира, Артур Бэррот и двое «охотников» Сезара: тринадцать человек, которые должны совершить невозможное. Хотя почему невозможное? История войн знала и не такое. В конце концов, он лишь слегка подправил план Анхеля, проникшего в Мунт через подземный ход. Правда, у древнего императора было не двенадцать воинов, а две или три сотни, и их целью был Пурина и никто иной, но это мелочи, а суть замысла та же.

Готовые немедленно вскочить и принять бой, они молча сидели на полу у выхода из башни. Замок, оказавшийся, к слову сказать, совсем простым, был бесшумно открыт Луи Трюэлем, обладавшим в сей необычной для рыцаря области изрядными навыками. Оставалось дожидаться нужного момента и выйти наружу.

– Постарайтесь до поры до времени ничем себя не выдать, – сказано это было в первую очередь для Артура, смелость и ловкость которого явно уступали уму и особенно выдержке. Впрочем, молодой Бэррот в отличие от своего лиса-папаши казался хорошим товарищем и добрым малым. Луи выразил общее мнение, сказав, что ум – дело наживное, а совесть вряд ли.

Сейчас Артур наверняка дрожит от нетерпения, как боевой конь, да и остальные тоже. Ожидание боя всегда кажется бесконечным, но сам Александр переносил его спокойно. Чем-чем, а терпением его Творец не обидел, к тому же он обладал врожденным чутьем времени. В детстве Сандер точно знал, сколько десятинок оставалось до конца урока, да и позже, каким бы скучным или, наоборот, захватывающим ни было дело, которым он занимался, безошибочно определял, сколько на него уходит времени. Сейчас около шести пополудни, не больше и не меньше. Игельберг – человек точный и дотошный, он начнет атаку ровно через ору. Еще около оры уйдет на то, чтобы все свободные от службы перебрались на восточную стену полюбоваться боем, а то и поучаствовать.

– Осталось еще две оры, не меньше, придется ждать, и желательно молча. Когда начнется – услышим.

В ответ раздалось нестройное, быстро смолкшее ворчание. Сандер завернулся в плащ и привалился спиной к грубо оштукатуренной стене. Как ни странно, он умудрился задремать, хотя неудобная поза, доспехи и напряжение этой ночи превратили сон в кошмар.

Раненный, он лежал на склоне какого-то холма, поросшего странной седой травой. Ветер гнал редкие растрепанные облака, но солнце светило нестерпимо ярко. Затем он увидел вереницу пролетевших птиц, похожих одновременно на лебедей и орлов, и почти тотчас раздался отвратительный, леденящий душу визг, которому ответило гневное рычание. С трудом, преодолевая раздирающую тело боль, он повернулся и замер от ужаса и удивления. В ложбине у подножия холма шла чудовищная схватка. Огромный белый олень с острыми ветвистыми рогами нападал на серебристую рысь.

В обычное время симпатии Александра оказались бы на стороне оленя, но на сей раз перед ним было отнюдь не кроткое, благородное животное, оборонявшееся от обнаглевшего хищника, а злобное чудовище. Сандер не сомневался, что визжал олень, пытаясь достать свою соперницу рогом или копытом, но рысь всякий раз оказывалась для него слишком быстрой. Острая боль пронзила тело, напоминая о ране, но Сандер наперекор ей решил

подняться. Кое-как ему удалось встать на четвереньки, и он пополз к своему мечу, лежавшему ниже по склону. Было больно, тело не слушалось, но с каждым движением он все больше обретал над ним власть. Наконец его пальцы сомкнулись вокруг знакомой рукоятки, сразу стало легче. Боль оставалась, но слабость прошла. Опираясь на меч, он сначала встал на колени, потом умудрился подняться, и, как оказалось, вовремя. Рогатое чудовище все же сумело ударом рогов отбросить рысь в сторону. Та быстро вскочила на ноги, и стало видно: серебряный бок в крови.

Что-то пискнуло у самых ног Александра, и он увидел несколько прижавшихся друг к другу серебристых комочков. Так вот кого защищала пятнистая кошка! Олень завизжал снова, готовясь добить соперницу, и Александр громко закричал, стараясь отвлечь его на себя. Рогатая морда повернулась, и на Сандера уставились пустые белесые глаза. Почти равнодушно он отметил, что из пасти белого демона торчат отнюдь не олени клыки. Сандер поднял меч и проснулся...

Светало. Ночь кончилась. Далеко-далеко слышался нарастающий шум. Господин Игельберг был точен.

Сандер по-кошачьи потянулся, разминая затекшие мускулы, и пригладил взъерошенные волосы.

Где-то неподалеку запела труба, что-то лязгнуло, грохнулось, покатилося, раздалась забористая ругань, затем топот. Проснувшийся город осознал случившееся и готовился к обороне. Того, что кому-то придет в голову послать стрелков к арбалетам, Сандер не боялся. Сейчас полупроснувшихся офицеров занимают дарнийцы, штурмующие наружные укрепления. Стена там хоть и толстая, но не очень высокая, а три выносные башенки, объединенные земляными насыпями в некое подобие серпа, связаны с Кер-Септимом тремя проходами, через которые, не имея ничего лучшего, можно попробовать прорваться в город. Это не столь уж и опасно для осажденных, но меры принять они должны, а для этого нужно время.

«Волчата» не сводили напряженных глаз со своего предводителя, но Сандер оставался невозмутимым. Три четверти оры, чтобы бой разгорелся как следует, чтобы к противоположной стене стянулось как можно больше защитников и любопытных.

2886 год от В.И.

Утро 23-го дня месяца Лебеда.

Оргонда. Ньер

Клавдий, епископ Лагский, исполнявший в ифранском походе обязанности исповедника Его Величества, был весьма озабочен собственным будущим. Последние двенадцать лет судьба насмеялась над толстым и важным клириком, как возчик над ослом, перед носом которого болтается морковка. Морковкой для Клавдия была кардинальская мантия. Когда его, сравнительно молодого и подающего надежды, направили альтерусом⁹⁷ к Евгению, Клавдий был уверен, что года через три, от силы пять он станет кардиналом Арцийским и окажется в одном шаге от возделенного архипастырского посоха. Увы, кашляющий и задыхающийся Евгений оказался живуч, как стая кошек.

Несколько раз кардинал валился с ног с жесточайшим приступом своей болезни, но, пролежав две-три кварталы, кряхтя, поднимался и с удвоенной энергией принимался за дела. Но этого было мало! Несносный старик, мало того что не желал умирать, невзлюбил Клавдия всеми фибрами души и превратил его жизнь в сущий ад. Бывший секретарь Евгения Жан Тонро, умный и достойный человек, ныне перебравшийся в Кантиску, предупреждал Клавдия о том, что его ждет, но он не верил, полагая, что в Тонро говорит обида. Если бы!

Его Высокопреосвященство ни в грош не ставил советы епископа, если дело было

⁹⁷ Альтерус – клирик достаточно высокого ранга, состоящий доверенным лицом при особе кардинала, главы ордена (кроме циаианского) или Архипастыря. В первом случае назначается конклавом, во втором – собранием первых лиц ордена, в третьем – единолично Архипастырем.

спорным, он выслушивал мнение альтеруса и поступал наоборот. Все посвященные прекрасно знали: если хочешь чего-то добиться от кардинала, ни в коем случае нельзя обращаться к тому через епископа Клавдия. Это было досадно, так как в Кантиске будущий епископ был первым ходатаем конклава⁹⁸ и привык к подаркам и подношениям. Евгений же не только лишил его законной доли доходов, но и выставил на посмешище. В довершение всего кардинал, смотревший сквозь пальцы на прегрешения мирян и большинства собратьев, как мог придирался к альтерусу, вынуждая любящего хорошо покушать и понежиться в постели епископа блюсти посты и участвовать в ночных бдениях и дежурствах. А вот к делам государственным он его и близко не подпускал.

Неудивительно, что Клавдий желал своему патрону поскорее предстать перед высшим судьей и даже предпринял в этом направлении кое-какие шаги. Но то ли Евгений приучил себя к ядам, то ли его взяла под свое крыло удача, но четыре предпринятые альтерусом попытки ни к чему не привели. Когда же во всеуслышание было объявлено, что кардинал Арции назвал своим преемником Жоржа Мальвани, Клавдий пал духом и даже написал в Кантиску слезное письмо с просьбой отозвать его в распоряжение конклава.

Увы, возвращаться было некуда. Хлебная должность, которую он некогда покинул, была давным-давно занята, и ее нынешний обладатель не намеревался с ней расставаться. Альтерус кардинала Арции считался весьма значительным лицом, места, которые он мог бы занять, были наперечет, и ни одно из них не пустовало. Клавдий остался в Арции, страстно ненавидя и вздорного старика, и красавца Мальвани.

Казалось, фортуна сменила гнев на милость, когда во время реставрации Лумэнов Евгений приказал доставить герцогу Ларрэну послание брата. Мальвани, приехавшийся дядей виконту Малве, последовавшему в изгнание за Филиппом, находился под наблюдением, равно как сам кардинал, и Его Высокопреосвященство был вынужден обратиться к Клавдию.

Епископ долго думал, отвезти ли ему письмо по назначению или же передать Агнесе или Раулю ре Фло. По здравом рассуждении решил отвезти. Дыня и Король Королей при всем желании не смогли бы казнить кардинала за измену, но они наверняка бы дали понять, что письмо в их руках. Евгений неминуемо бы догадался, как оно к ним попало, и упек предателя в отдаленный дюз. Законы церкви строги и немилосердны к клирикам, не исполнившим приказы вышестоящих, и Клавдий, дрожа от страха, отвез послание Жоффруа.

Как ни странно, Тагэре победили, и Клавдий стал ждать королевской благодарности. Увы, Филипп был не из тех, кто поименно вспоминает всех, оказавших ему помощь. Да, изначально победитель благоволил к Евгению, но старик меньше всего думал о королевских милостях. Не прошло и двух месяцев, как кардинал рассорился с королем в пух и прах из-за родичей королевы и, как поговаривали, убийства безумного Пьера Лумэна. Дальше – хуже. Филипп собрался воевать, и с ним в качестве исповедника должен был идти Жорж Мальвани. Жан воспрянул духом – воинственные замашки брата маршала были известны. Никто не сомневался, что Жорж полезет в сражение, и... Клавдий подумывал, не подослать ли кого, дабы тот с помощью вовремя пущенной стрелы превратил возможность в неизбежность. И надо же, проклятый Евгений разболелся! Кардинал наотрез отказался отпускать от себя своего преемника, полагая (и справедливо), что, умри он, когда Жорж будет в Оргонде, а Клавдий в Арции, последний постарается усесться в кардинальское кресло до возвращения соперника. Истрадавшуюся епископскую душу грело лишь то, что смерть Евгения отнюдь не означает немедленного назначения Жоржа, однако старик опять выкрутился.

Единственным светлым пятном в череде неприятностей было то, что, вырвавшись из-под надзора Его Высокопреосвященства, альтерус получал возможность вволюшку есть и

⁹⁸ Ходатай конклава – клирик, который представляет к рассмотрению конклавом дела, заслушиваемые в отсутствие их участников. От того, как будет доложен вопрос, во многом зависит и решение.

спать. Увы! Сумасшедший Филипп своими стремительными переходами и более чем скромным запасом съестного сводил на нет и эту возможность. Короче, все было весьма печально, и Его Преосвященство пребывал в самом дурном расположении духа, несмотря на откормленного цыпленка, добытого братом Вениамином. Однако судьба порой улыбается даже тем, кто впал в отчаянье. На сей раз она обратила свое благосклонное внимание на несчастного слугу Божия и явила ему своего вестника в лице неприметного человека в одежде дарнийского наемника, проскользнувшего к Его Преосвященству мимо бдительного брата Вениамина.

Незнакомец молча положил среди обглоданных костей письмо. На зеленом воске был оттиснут коронованный селезень и поверх него жемчужница. Трясущимися руками епископ вскрыл послание и не поверил своим глазам: король Ифраны предлагал ему пять тысяч ауров за помощь. Он, исповедник Его Величества Филиппа, именем Церкви должен всячески склонять короля к миру, а также (с помощью слова Божия и презренного металла) убедить членов королевского совета согласиться на предложения Авиры. Мало того, Жозеф словно бы случайно ошибся, написав в одном месте вместо «Ваше Преосвященство» «Ваше Высокопреосвященство». Это был намек. А епископ Клавдий понимал намеки превосходно. Несколько раз перечитав послание, клирик повернулся к посланнику:

– Творец страдает, глядя, как чада его истребляют друг друга в братоубийственных войнах. Я не премину сделать все от меня зависящее, дабы остановить кровопролитие. Благодарю Его Величество за пожертвование в пользу бедных Арции.

– Его Величество не сомневается, что золото Ифраны будет истрачено к вящей славе Божьей, – поклонился посланец. – Когда я смогу узнать, кто из советников и полководцев Его Величества Филиппа думает о спасении души, а не о грехе смертоубийства, и во сколько сие обойдется?

– Надеюсь, таких будет большинство, – Клавдий возвел к небу маленькие глазки.

– Его Величество полагает, что спасение души намного ценнее благ мирских и что Церковь слишком скромна, претендуя лишь на тринадцатую часть доходов детей своих. Доля Церкви, особенно в столь богоугодных делах, как достижение мира, должна быть не меньше одной пятой.

– Передайте Его Величеству, что я буду неустанно молиться за него, как за истинного сына Церкви, и за дело мира во всех Благодатных землях.

Посланник поклонился и исчез, а Клавдий, с трудом уняв колотящееся от восторга сердце, устался на оставленный тем внушительный ларец. Собравшись с духом, слуга Божий медленно, как лунатик, подошел к сундучку, опустил перед ним на колени и благоговейно поднял крышку. Его Величество Жозеф был воистину благочестив! Полубовавшись мягким золотым блеском, Клавдий тщательно запер ларец приложенным к нему изящным ключиком, прикрыл запасной мантией и задумался, с кого начать.

Сразу отбросив сумасшедшего Гартажа и глядящего на все глазами короля Гастона Койлу, епископ перебрал остальных и решил переговорить с герцогом Ларрэном. Один раз он уже приходил к нему как вестник перемен. Брат короля похож на человека, которого можно склонить к чему угодно, были бы весомыми доводы. А что в сем брэнном мире может быть весомее золота?

2886 год от В.И.

Ночь с 22-го на 23-й день месяца Лебеда.

Ифрана. Кер-Септим

– За мной! И помните, до ворот в драку не вступать.

– Жабий хвост, – согласился Луи, а Ювер добавил:

– Не волнуйся, раньше времени не укусим.

– Артур, это к тебе относится, – хмыкнул Одуэн Гартаж.

– Нет, ко мне, – запротестовал Кэрна.

– Ко всем, – подвел итог герцог. – Делайте, как я. И, во имя Эрасти, дотерпите до ворот.

Герцог пинком распахнул дверь, они оказались у подножья стены и быстро свернули в узкий темный проулок. В желто-зеленых плащах и простых шлемах с золотистым плюмажем они вполне могли сойти за людей Саброна. Разумеется, если не попадется слишком уж дотошный офицер.

Первым с невозмутимым видом шагал знавший дорогу Рафаэль. К счастью для их затеи, забрало скрывало от посторонних глаз легион бесенят, норовящих выпрыгнуть из глаз байланте, наслаждающегося пляской со смертью. Следом шли Сандер с Ювером и Артур Бэррот, которого конвоировал Луи, а потом попарно остальные.

Улочка была запружена народом, но все бежали им навстречу, туда, где шел бой. Мужчины залихватски ругались, женщины в передниках и чепцах охали и ахали, торопливо прошло около полусотни солдат с алебардами, даже не взглянувших на воинов, целеустремленно пробивающихся сквозь толпу. Ифранцам и в пьяном сне не привиделось бы, что герцог Эстре осмелится расхаживать по Кер-Септиму пешком в сопровождении дюжины человек.

Они обогнули приземистый иглечий, и Сандер увидел массивные ворота, от которых отъезжало несколько десятков конных латников. Поскакали к северной стене, что как раз и требовалось!

Теперь впереди шел герцог. Не столь уж и многочисленная охрана ворот была занята тем, что прислушивалась к отдаленному шуму и гадала, что творится на укреплениях. Увидев новый отряд, истомившиеся от любопытства вояки насели с расспросами, и Сандер раздраженно объяснил, что арцийцы как с цепи сорвались, того и гляди прорвутся. А их дело взять под дополнительную охрану ворота и мост.

В его словах никто не усомнился. Охранники, вытянув шеи, продолжали вслушиваться в принесенный ветром шум. Спросить пароль или хотя бы имя приславшего подкрепление офицера никому и в голову не пришло. Тринадцать арцийцев преспокойно поднялись по винтовой лесенке к подъемным механизмам, где бестолково топталось человек двадцать, с любопытством обернувшихся к вновь пришедшим. Один, с носом, похожим на луковку, сорванным голосом поинтересовался, что новенького. Сандер приветственно махнул рукой, а потом, резким движением сорвав плащ, швырнул в лицо ближайшему солдату и выхватил меч. Но первую кровь пустил все же Рафаэль, успевший один за другим метнуть два кинжала.

Резня была короткой и страшной. Растерявшиеся стражники для лучших воинов Арции были столь же легкой добычей, что разьевшиеся домашние утки для лисицы. Вскоре все было кончено, и Сандер, рванув рычаг, опускающий мост, кивнул Одуэну на второй, поднимающий прутья решетки. Механики Кер-Септима не зря получали жалованье, все работало отлично.

Велев разбить механизмы, чтобы вернуть мост и органку⁹⁹ на прежнее место стало невозможно, Александр схватил огромный ключ и бросился вниз, где уже начинали понимать, что к чему. Кто-то добрался до сигнального колокола, призывая подмогу, кто-то мчался к воротной башне, охрана которой или сошла с ума, или изменила. Александр, мимоходом сорвав сабронский плюмаж, заорал Юверу, Луи и Артуру: «Прикрывайте спину!» – и бросился к воротам. Между Эстре и замком оказался тощий солдат с алебардой, и Сандер рубанул мечом наискось. Атэвская сталь раскроила не только шлем, но и череп, а герцог, перескочив через упавшего, занялся воротами так деловито и спокойно, словно открывал конюшню в родном Тагэре.

Возясь с ключом, Сандер не видел ни как Ювер, извернувшись змеей, взмахнул клинком, перехватывая смертельный удар, нацеленный ему в шею, ни того, как Луи, помянув в очередной раз жабий хвост, хватанул самого бойкого из ифранцев секирой, развалив панцирь, словно яичную скорлупу.

⁹⁹ Подъемная решетка из металлических труб.

Сзади слышался звон, топот, хрипы, ругань, но Эстре, уверенный в своих товарищах, не оглядывался, пока не открыл тугой замок и с помощью подскочившего Одуэна не отодвинул щеколды и не снял железную перекладину. Ворота распахнулись. Только после этого Александр Тагэре подхватил валяющуюся секиру и, развернувшись навстречу защитникам Кер-Септима, встал плечом к плечу с Одуэном и Рафаэлем, который как раз добил очередного ифранца.

«Волчата» захватили с собой то оружие, которым владели лучше всего. Большинство орудовали мечами и секирами, но Никола Герар дрался боевым молотом, а Кресси кривым горным ножом, по размерам более напоминающим атэвскую саблю.

Бой начался успешно, численный перевес ифранцев удачи им не приносил, напротив, они изрядно мешали друг другу, невольно защищая арцийцев от собственных стрелков.

Какой-то здоровяк в желтом панцире навалился на Одуэна, обхватив его поперек, но Этьен Ландей ударил «желтого» пикой в лицо и опрокинул на землю. Заметивший брешь в латах Ювер хладнокровно добил упавшего мечом, но едва успел отразить удар, нацеленный в собственную грудь. Бэррот честно дрался в строю, пока не заметил оставшуюся без всадника лошадь. Бросившись к коню, он, поймав уздечку, вскочил в седло и помчался к воротам, показывая явное намерение удрать, в чем ему никто не препятствовал, но, едва лишь ифранцы оказались к «трусу» боком, Артур погнал коня на них, расстроив кое-как установившийся порядок.

Свистели стрелы, несколько дюжин саброновцев наседали со всех сторон, но удача, подкрепленная мастерством оружейников и ловкостью, пока выручала. Затем вражеские пехотинцы расступились, давая дорогу тяжеловооруженным всадникам, и тут Сандер уловил долгожданный звук рога и топот копыт по доскам моста. Заорав: «Дорогу Мальвани!» – герцог отскочил к стене, и Сезар на огромном боевом коне с копьём наперевес врзался в ифранцев, расшвыривая их, как котят. Одного виконт вышиб из седла точным ударом под ребра, другой получил по забралу и, оглушенный, мешком свалился под копыта, третий успел ударить, но Малве с такой силой отбил удар щитом, что рука нападавшего онемела, и он выронил меч...

Схватка вышла яростной, но недолгой. Отбросив ифранцев, Сезар развернул своего жеребца. В одной руке он сжимал копьё, в другой щит и уздечку коня Александра.

– Все живы?

– Похоже, но мы только начали...

Тагэре схватил узду, снял щит с седла и вскочил на затанцевавшего от радости иноходца.

– Я дождусь арьергарда. А ты давай на площадь к графскому дворцу. Рито покажет.

Сезар кивнул и поскакал за мирийцем. Тагэре проводил глазами авангард и повернулся к воротам, через которые в город входили не участвовавшие в утреннем представлении дарнийцы. За ними по четверо в ряд следовали конные лучники из Фло, а замыкали шествие пять десятков тяжеловооруженных всадников.

Оставив распоряжаться у ворот легкораненого Герара, Сандер подал знак дарнийскому лейтенанту, и тот невозмутимо отдал честь, подтверждая получение приказа. Господин Игельберг хорошо вышколил своих людей. В движениях наемников не было и намек на суматоху. Они чинно шли вперед с пиками наперевес по широкой улице, ведущей к центральной площади, где Сезар Мальвани схватился с защитниками графского дворца. С конской спины Сандер видел, как желто-зеленые цвета Саброна смешались с черно-оранжевыми туниками Мальвани и темно-синими Тагэре. То и дело алым языком вспыхивали одежды нобилей из Фло, мелькали черно-сиреневые ливреи Трюэлей, а затем в кровавую радугу вплелись зеленые с оранжевым безрукавки дарнийцев.

Малве на сражающемся наравне с хозяином злющем жеребце был в самой гуще схватки, и Сандер, не колеблясь, послал своего коня туда же. Он пробился к Сезару, когда какой-то ифранец попытался схватить лошадь виконта за узду, но Малве его опередил. Наклонившись вперед, он полоснул саброновца мечом, остальное сделали копыта

разъяренной лошади.

Обернувшись к Сандеру, друг изобразил некий жест, означавший, что он ждет приказаний. Тагэре крикнул, что следует делать, и виконт, выхватив рог, отрывисто протрубил. Подчиняясь приказу, дарнийцы развернулись к улице, ведущей к северным воротам, а Малве и Тагэре выстроили своих людей в некое подобие живого копья, направленного на защитников Саброна. Верхом, бок о бок Сезар и Александр врубились в желто-зеленых, прокладывая дорогу и себе, и тем, кто шел за ними.

Бой был недолгим. Ифранцы не испытывали ни малейшего желания защищать своего графа до последней капли крови. Первым сдался красномордый капитан с налитыми кровью глазами, это послужило сигналом...

Александр остановил коня в волоске от вставшего на колени здоровяка с рассеченным плечом. В паре мест еще дрались, но никакого значения это уже не имело. Заприметив Луи и Ювера, герцог велел им разыскать Саброна. Младший Трюэль согласно наклонил голову, но Луи, и так намолчавшийся за ночь, жизнерадостно обещал отыскать графа, под какую бы кровать тот ни заполз.

– Здесь обязательно найдется кое-что любопытное и кроме этого уroda, – оптимистически заметил внук своего деда, – ни с того ни с сего даже шлюха моряка не обманет, не то что граф короля.

Ответить Сандер не успел, так как на площадь чинно въехал господин Игельберг в сопровождении своих лейтенантов и племянника.

– Честь имею доложить монсигнору, – капитан наемников с чувством собственного достоинства поднял руку к помятому шлему, – мы выполнить приказ.

– Как я понял, вы его перевыполнили. Вы взяли внешние укрепления, не так ли?

– Монсигнор распорядится, чтобы наш демарш убедительным был. Наша репутация есть безукоризненный. Мы должны делать большой шум, и мы делать его. Но я не мог дать пища для злых ртов, говорить дурно про мои люди, что мы не умеем красиво воевать. Мы имели сделать хороший штурм. А хороший штурм есть успешный штурм.

– Вы поступили абсолютно правильно, господин Игельберг, – согласился Сандер, моля всех святых, чтоб не появился Рито, которому для того, чтоб разоржаться, достаточно было показать палец, – я очень благодарен вам и вашим людям. Не сомневаюсь, граф Саброн и его приближенные высоко оценили ваше мужество и мастерство. Будет только справедливо, если именно они вознаградят вас. Но я бы не хотел, чтобы ваши подчиненные обижали простых горожан.

– Мы не есть мародеры, монсигнор. Мы делаем наша работа, но мы имеем семьи и почтенных родственников. Это фронтерские и эскотские ленивые бездельники ведут себя на войне, как плохая свинья. Я сам буду проследить за порядок в город.

– Простите, Штефан, если я вас обидел.

– Вы не обидеть, о нет. Вы должны были предупреждать. Если вы меня отпускаете, я направляюсь проверять мои люди.

– Разумеется, я вас отпускаю. Если вы заметите любое безобразие, кто б его ни учинил, вмешайтесь и прекратите.

Дарниец отъехал, а Сандер остался дожидаться Трюэлей. Можно было спешиться и пойти их поискать, но сил не было даже на то, чтобы слезть с коня. Сандер неподвижно сидел на усталой лошади, видя и не видя заваленную трупами площадь.

Графа Саброна привели примерно через пол-оры. Довольный Луи шепотом сообщил некоторые подробности, вызвавшие у Александра ощущение гадливости. Но он справился с собой и равнодушно взглянул на недавнего властителя Кер-Септима. Поль Саброн, еще не старый осанистый мужчина, пытался изображать оскорбленное достоинство, заявив о том, что не признает поражения, так как город захвачен предательски.

– Предательство? – пожал плечами Александр. – В ваших устах это слово просто смешно. Вы сами написали Его Величеству и предложили свои услуги, иначе под стенами Кер-Септима не было бы ни одного арцийца. Я лишь заставил вас выполнить обещанное,

пусть и насильно. «Кер-Септим ключ от Западной Ифраны и хорошее место для зимовки» – это ваши собственные слова.

– Зимовки, – граф Саброн судорожно сглотнул, – зимовки не будет, не может быть...

– Отчего же, осень не за горами.

– Филипп... он должен зимовать в Арции. Войны с Ифраной не будет, нас в этом заверили.

– Кто? – Взгляд Сандера стал жестким.

– Бланкиссима Данута. Церковь против войны. Если бы я открыл перед вами ворота, я был бы проклят во веки веков.

– Вы могли бы сообщить об этом моему брату, – холодно сказал Александр.

– Я... Я поклялся молчать.

– Значит, Жозеф не заплатил вам двадцать тысяч ауров за услуги? Ведь именно во столько вы оценили свое слово?

– Нет, клянусь святой Циалой, я действовал лишь по слову бланкиссимы, Церковь не одобряет кровопролитие.

– Выходит, золото, недавно отчеканенное в южной Чинте и найденное в чаше фонтана, принадлежит не вам? Тем лучше. Тот, кто нашел клад, становится его законным обладателем, за исключением тринадцатой части, которая принадлежит Церкви нашей Единой и Единственной. Что с вами, монсигнор? Вы не знали об этих деньгах, они не ваши, что же вас так опечалило?

– Ты смеешься надо мной, горбун!

– Разве? – Сандер поднял бровь. – Вы сами посмеялись над собой, граф Саброн. Нельзя продаваться сразу всем, можно не только ничего не получить, но и потерять то, что было. Уведите его.

– Вы все равно уйдете, – прошипел владелец Кер-Септима, – мир уже подписан, ты вернешь мне все до последнего аура.

– Да ну? А мне кажется, это вам придется занимать деньги на выкуп, впрочем, вашу судьбу решит Его Величество.

Саброн в сопровождении дюжины дарнийцев уныло поплелся к ожидавшей его пегой кобыле, а Александр повернулся к Луи.

– Ты понял, что он плел про капустниц?

– Не совсем, но Клавдий не Жорж и тем паче не Евгений. Если ему предложат золото, он его возьмет, хоть от Антипода, хоть от Усмана. Похоже, Жозеф решил купить мир и на сей раз не скупится.

– Думаю, «пуделя» уже жрут из золотых мисок, – сплюнул Одуэн Гартаж.

– За Жоффруа я бы тоже не поручился. Ну да с падением Кер-Септима им придется заткнуться. Утром мы едем к брату. С трофеями.

2886 год от В.И.

28-й день месяца Лебеда.

Арция. Малве

Миранда Мальвани терпеть не могла Анжелику Фарбье, какое бы имя та ни носила. Сейчас дочка покойного временщика называлась сигнорой Стэнье-Рогге, что лишь усугубляло неприязнь. Миранда прекрасно знала безгубого графа, чьи подвиги, начиная с убийства Рауля и кончая судейством на пресловутом турнире, ничего, кроме отвращения, вызвать не могли. К несчастью, выставить непрошенных гостей (Анжелика заявила со своим сыном от первого брака) герцогиня не могла. Рогге, извините, Стэнье-Рогге, был приближенным короля, в Арции был мир, и супруге маршала пришлось вежливо, хоть и холодно, отвечать на преувеличенно жаркие приветствия.

Понять, что привело к ней Анжелику и ее похожего на дохлую рыбу отпрыска, труда не составило. Графиня, вежливо расспросив о том, что пишут маршал и его сын и каковы известия из Оргонды, завела разговор о Дариоло. Если бы не боязнь, что ничего не

подозревающая Даро спустится вниз из часовни, где она по укоренившейся с детства привычке каждый день подолгу молилась, Миранда бы рассмеялась визитерам в лицо. Слишком уж очевидна была их цель, и слишком уж неприглядным казался тощий Пьер с тонкими слабыми волосиками и бесцветным старообразным лицом. Дочка Фарбье второй год искала ему подходящую супругу, но пока не нашла, ибо требования, предъявляемые по части происхождения, состояния, благонравия и внешности невесты, были слишком высоки. Анжелика, которой первого мужа купил отец, а второй навязался сам в надежде войти в фавор к Агнесе, забывала, что время Фарбье, как и всех Лумэнов, ушло, и ушло навсегда.

Появление в Арции дочери мирийского герцога вызвало в графине нездоровое оживление. Красота и молодость Даро, дружба, которую питал к брату и сестре Кэрна герцог Эстре, и то, что девушка приходилась законной дочерью правящему монарху и имела неплохое приданое, превратили мирийку в лакомую добычу.

Анжелика предприняла несколько безуспешных попыток познакомить сына с Дариоло, но потерпела неудачу из-за бдительности королевы и теперь, пренебрегая всеми приличиями, нагрянула к Миранде. Все это было бы смешно, если б Даро не поднялась в часовню в одном лишь домашнем платье, не способном скрыть ее положение. Войди она сейчас, мегера от злости, что ее планам не суждено сбыться, ославит девушку на весь Мунт, а заодно и дом Мальвани. Герцогиня предприняла несколько попыток увести гостью в другую комнату, но та словно бы не слышала, расписывая успехи Пьера. Миранде очень хотелось спросить, почему виконт Эмразский остался в Арции и не страдает ли он, судя по цвету его лица, постоянным несварением желудка, что мешает ему исполнить воинский долг, но боялась еще сильнее разъярить старую сплетницу.

Только бы Даро не вздумала спускаться из часовни сюда, а прошла в сад, хотя она этого не сделает именно потому, что, кроме Миранды, лекаря и нескольких старых служанок, о ее беременности не знал никто, благо модные в этом году широкие балахоны с обилием сборок скрывали все особенности фигуры. Герцогиня Мальвани трижды прокляла дурацкую мирийскую привычку молиться святой Циале в похожем на рубашку белом платье и с распущенными волосами, но тут уж ничего нельзя было поделать. Только бы обошлось, она завтра же увезет девочку на север, в Мальвани. Оттуда ближе до Эскоты, чем до Мунта, вряд ли непрошенные гости потащатся за двадцать с лишним дия по дурным дорогам. Да и скрыть рождение ребенка и найти ему подходящую кормилицу во владениях Анри легче...

Миранда старательно слушала Анжелику, ожидая, как избавления, появления слуги с сообщением, что в малой столовой подан обед. Анжелика покончила с достоинствами Пьера и перешла к недостаткам всех остальных. У нее хватило ума не трогать Сезара и герцога Эстре, но Гастону Койле и Артуру Бэрроту досталось по первое число. Затем пришла очередь королевы, ее братьев и сыновей.

– Дорогая Миранда, жаль, вы не берете пример с Ее Величества. Королева младше вас всего лишь на пару лет...

– Дорогая графиня, вы перепутали. На два года я младше ВАС, а Ее Величество младше меня на целых семь.

– Ну, какое это имеет значение, – рассыпалась тоненьким смехом дочь Жана, – главное...

Что именно является главным, гостя поведать не успела, так как украшенная узорами из накладного серебра дверка распахнулась, и на ее пороге в облаке черных кудрей застыла Дариоло. Она еще бы успела скользнуть назад, но, похоже, от неожиданности ноги девушки приросли к земле. Миранда невольно отметила, что беременность лишь подчеркивает невероятную красоту мирийки, но от этого было не легче. Жена Анри лихорадочно придумывала слова, которыми срежет противную ведьму, если та посмеет сказать что-то оскорбительное, но та расплылась в медовой улыбке и, шелестя шелками, вскочила с покачнувшегося кресла.

– Деточка, как ты прекрасна! Умоляю, носи всегда белое и только белое. И обязательно с этим серебряным пояском! Как жаль, что распущенные волосы сейчас не в моде. А ты не

скучаешь по городу, по развлечениям? Конечно, здесь прелестно, но...

– Сигнора, – Даро присела в реверансе, – я останусь здесь до возвращения моего брата.

– О, разумеется, столь юной и прелестной особе нельзя появляться без покровителя, но ваш брат не всегда будет с вами. Рафаэль скоро заведет свою семью, ему придется заботиться о жене, так что вам, милая, нужно подумать о другом защитнике.

– Простите, сигнора. – опустила глаза Даро, – я не готова сейчас говорить об этом. С вашего разрешения я хотела бы пойти надеть более приличествующее случаю платье.

– Твоя красота столь совершенна, что не нуждается в дополнительных украшениях. Мой сын, а он тонкий знаток, это подтвердит. Не правда ли, Пьер?

– О да, – произнес виконт высоким голосом, показавшимся Миранде отвратительным, – сигнора сочетает в себе грацию газели, прелесть розы и чистоту лебедя.

Миранда прекрасно знала эти цветистые слова, взятые из баллады времен Иволги, и все равно они ее поразили. Потому что противный Пьер произнес зазубренный комплимент отнюдь не в качестве издевки, да и Анжелика расстилалась перед Дариоло так, словно продолжала видеть в ней выгодную невестку. Неужели они не заметили? Тогда стоит рискнуть.

– В самом деле, Дариоло, наши гости тебя простят, пойдешь и переоденешься.

– Да, сигнора, – улыбнулась Даро, и Миранде показалось, что она сходит с ума. Девушка птичкой взлетела вверх по лестнице, сверкнув узким серебряным пояском. Шестимесячная беременность словно бы растаяла.

2886 год от В.И.

1-й день месяца Дракона.

Оргонда. Ньер

С Жозефом они больше не встречались, о чем Филипп Тагэре нисколько не сожалел. Неопрятный старик с колючими умными глазами производил удручающее впечатление. Вернувшись со свидания на мосту, арцийский король сначала искупался, словно бы смывая с себя липкий взгляд ифранца, и только потом задумался о его предложениях. Они были весьма заманчивы и казались разумными. Согласиться мешали три вещи: ненависть и недоверие, которое питал к Пауку отец, отвращение, вызванное ифранцем у самого Филиппа, и предательство Саброна. Могли подумать, что, не получив Кер-Септима, Филипп сломался и пошел на уступки. Арцийский король с восторгом самолично бы придушил вероломного графа, но тот, к несчастью, был вне пределов досягаемости. Может, потребовать у Паука сдачи Кер-Септима? Но если тот откажется, о переговорах можно забыть, а Филипп в глубине души почти решился уйти. Деньги деньгами, но и от предсказаний нельзя отмахиваться. Или все же разбить армию Паука, а потом принять его предложения? Но для этого нужно перейти Ньер, не столько широкий, сколько глубокий и быстрый, с высоким северным берегом.

Король был опытным воином и понимал, что нападающий в такой ситуации теряет многие преимущества. Паук знал, что делает, приведя армию именно сюда. Он будет стоять на северном берегу, так же как и его второй маршал у Табита, ожидая нападения. Разум подсказывал соединиться с Мальвани, перейти обмелевший по случаю жаркого лета Табит, тем паче у Анри все готово для переправы, разбить западную армию Ифраны и двинуться наперерез восточной.

Победа Арции и Оргонды казалась очевидной, причем не только Филиппу, но и Жозефу. Потому что он и хочет откупиться... Проклятый, если б все было наоборот. Если б это Мальвани застрелял здесь, а он был на месте маршала... Тогда бы никто не сказал, что Анри Мальвани выигрывает сражения для сына Шарля. Выходит, взять золото и уйти? Отказаться от победы, стать посмешищем? Собрать совет? Но что нового он там услышит?

Рев и Аганны, без сомнения, получили от Эллы письма, они согласятся променять сталь на золото. Толстяк-епископ будет за мир, Рогге тоже, а Гартаж против. Жоффруа? Проклятый знает братца, Койла согласится с королем, что бы тот ни сказал. Сандера нет, но

тот всегда был верен...

Когда вечером в королевской палатке собрались военачальники, Филипп испытал странное удовлетворение от того, как он предугадал, кто и что станет говорить.

Ифранский маршал Ультим Фобан, явно волнуясь, изложил суть предложений и, поклонившись, сел напротив короля.

Реви со значительным выражением на красивом лице заявил, что любой здравомыслящий человек предпочтет войне мир. С ним немедленно согласились Рогге и епископ. Первый ограничился одной тихой фразой, зато второй утонул в красноречии. Филипп, воспользовавшись случаем, со скучающим видом оглядел собравшихся. Жоффруа явно доволен и спокоен, с чего бы это? Любопытно... Гартаж с трудом сдерживается, сейчас бросится в бой. Он – командир авангарда, любимец армии, убедить его отступить невозможно. Гастону откровенно скучно, он предан и смел, когда дело доходит до боя, но привык во всем полагаться на решение короля. Аганн, ну тот точно за сделку. «Пудель», он и в Оргонде «пудель». И все равно они согласятся с решением короля, каким бы оно ни было. Согласятся, кто с охотой, кто с ворчанием.

Проклятый, если б Паук не был столь мерзок, а Саброн не выставил арцийцев на посмешище!

Епископ Клавдий продолжал нести благостную чушь, которая сводилась к тому, что Творцу и Церкви угоден мир и в человецех благоволение. Однако при виде лоснящейся физиономии клирика можно было предположить, что сему смиренному служителю Божию куда более угодны ауры и жареные куры. Филипп усмехнулся: похоже, преосвященный свою долю уже получил и теперь, как может, ее отрабатывает. Следующим будет говорить Койла, а затем Эжен Гартаж, однако до них очередь не дошла. Полог откинулся, и дежурный аюдант громко объявил:

– Александр Тагэре, герцог Эстре.

Плащ и сапоги Сандера были в пыли, видно было, что он только что слез с коня.

– Хорошо, что ты приехал, брат, хотя я не думал, что ты покинешь Саброна.

– А я его и не покидал. Он тут.

– Как? – король не смог сдержать удивления. – Он все же одумался?

– Можно сказать и так. Но сначала пришлось взять крепость. Граф Поль Саброн взят в плен, я решил привезти его сюда. В Кер-Септима остался наш гарнизон, а комендантом я назначил Штефана Игельберга.

– Взятие Кер-Септима меняет дело, – король повернулся к маршалу Ультиму, – герцог Эстре привез хорошие вести. Думаю, теперь ваши условия нас не устраивают.

– Когда мы сможем обговорить новые? – Ифранец держался, но было видно, что он потрясен и обескуражен.

– Не раньше чем через кварту, а сейчас я вас не задерживаю. Сандер, волк ты эдакий, как же тебе удалось?

– Это было не так уж и трудно, государь, – улыбнулся герцог Эстре, – ночью тринадцать человек перебрались через стену, дождались, пока Игельберг с дарнийцами поднял шум у Северных ворот, после чего открыли Южные. Конница Мальвани ворвалась в город, а на ее плечах вошли все остальные. Мы потеряли убитыми около сорока человек, ранено раз в пять больше.

– Ты не должен был так рисковать!

– Кер-Септим был костью в горле, ее нужно было вытащить.

Филипп поднялся и от души обнял брата.

– Спасибо тебе. Иди отдохни, вечером я жду сначала тебя, а затем всех, кто отличился. Ну, а Саброна я хочу видеть немедленно.

2886 год от В.И.

10-й день месяца Дракона.

Оргонда. Ньер

Александр Эстре любовался на пятерку великолепных коней. Пятерка жеребцов: белый, как снег, серый в яблоках, золотистый, гнедой и черный без единого пятнышка, возбужденно рыли копытами землю у герцогской палатки. Любивший лошадей и знавший в них толк, Сандер не мог не восхититься великолепными животными. Он любил своего иноходца, но эти были не хуже. Рядом на расстеленном ковре была разложена великолепная элльская сбруя разных цветов с сигной Эстре, одиннадцать одинаковых золотых кубков тончайшей работы и двенадцатый, украшенный королевскими нарциссами. Надо полагать, награда за Кер-Септим, а он еще не успел рассказать брату о золоте Саброна...

Сандер потрепал по шее вороного и почувствовал, как тот напрягся. Они будут друзьями, но сначала скакуна придется подчинить, золотого он отдаст Рито, а гнедого – дарнийцу. Господин Игельберг заслужил. Герцог Эстре усмехнулся, представив внушительного капитана наемников и его почтительного племянника. Штефан-Альбрехт торгует своим мечом, но чести у него поболее, чем у многих рыцарей.

– Я бы пожелал тебе доброго утра, но боюсь, оно получается вполне противным. – Луи по своему обыкновению подкрался тихо, как кошка, даже странно, что на сигне Трюэлей изображался бык.

– Что ты имеешь в виду?

– Пропасть всего. – Внук Обена глуповато улыбнулся и начал загибать пальцы: – Во-первых, приехал Марк, и настроен он весьма решительно. Боюсь, наш оргондский друг не придумал ничего более умного, чем предъявить ультиматум.

– Да, это некстати, – задумчиво проговорил Сандер, – лучший способ заставить моего брата чего-то не делать, это попытаться его заставить сделать это немедленно. Они уже говорили?

– Говорят. Этот лягушачий, заметь, именно лягушачий, а не жабий, хвост сразу полез в королевскую палатку.

– Значит, Филиппа еще и разбудили, – Сандер вздохнул и одернул синюю куртку с белой оторочкой, – надо идти к ним.

– Если они решили поссориться, они уже поссорились. А ты не хочешь сначала решить, что делать с лошадами?

– Ну, я одну подарю Рафаэлю, а другую дарнийцу...

– Тю-ю-ю, – присвистнул внук Обена, – не знал бы я тебя, Проклятый знает, что вообразил бы. Ты хоть знаешь, откуда эти четвероногие и все прочее роскошество?

– От Филиппа, за Кер-Септим. Я удивлен, конечно...

– Я сейчас должен громко засмеяться, но мне отчего-то плакать захотелось. Да, за Кер-Септим и от короля, но от другого. Это прислал Паук, Сандер!

– Мне?!

– Именно, что тебе. Кажется, у бумагомазак это называется взяткой. Ты не волнуйся, Жозеф никого не обделил. Впрочем, можешь гордиться, кони, да еще такие, только для тебя. – Луи покачал головой, глядя, как Сандер отпрянул от вороного. – Да не шарахайся ты, сволочизм через лошадей не передается. Этой ночью подарочки получили все присутствующие члены королевского совета. Кое-кто, кстати, по второму заходу. Те, кто уламывал короля заключить мир до Кер-Септима, первый кусок уже переварили.

– Луи, я пойду к брату, а ты озаботься вернуть все это Пауку. – Сандер ушел, но тут же вернулся. – Я не мастак на всякие выдумки, сделай так, чтобы все всё видели и все всё поняли.

– Ладно, хотя животин жаль, каких наездников потеряли!

– Луи!

– Иди уж...

Последнее, что расслышал Александр, была жалоба Луи на то, как трудно с утра раздобыть хорошую свинью. Герцог Эстре быстро шел по лагерю, механически отвечая на приветствия, и чувствовал, что закипает. Жозеф с его наглой уверенностью, что все продается, арцийские мерзавцы, готовые жрать из любого корыта, лишь бы даром, Марк, не

желающий понимать, что сегодня Филипп ему нужней, чем он Филиппу, да и сам брат, забивающий голову Проклятый знает чем, вместо того чтобы раз и навсегда добить Паука... Сандер мысленно себя одернул: не хватало сорваться там, где помочь могут только выдержка и спокойствие. Конечно, Марк явился не вовремя, но Филипп должен понять, что союзниками не разбрасываются, а с врагами не мирятся. По крайней мере, с такими, как Жозеф.

С Марком Эстре столкнулся у входа в королевскую палатку. Муж Марты, бледный, как полотно, едва удостоил родственника кивком, и Сандер понял, что ссора все-таки произошла. Стиснув зубы, герцог прошел к брату, Филипп, кое-как одетый – похоже, Марк и вправду поднял его с постели, – большими глотками пил авирское прямо из кувшина. Приходу Александра он не удивился и не обрадовался.

– Явился? С чего начнешь?

– С вина.

Король явно не ожидал такого заявления. Подозрительно оглядев Сандера, он плеснул в высокий кубок авирского и протянул брату, а потом налил и себе.

– Довел меня родственничек, и как только Марта его терпит?! Надеюсь, у нее хватило ума завести себе любовника.

– Посоветуй.

– И посоветую, – хохотнул король, – может, Бэррота ей оставишь?

– Не пойдет. Ты же Марту знаешь.

– Верно, не годится. Сестрица с любовником еще и разговаривать захочет, а от Артура толк только в бою да в постели... Проклятый, знал бы ты, как взбесил меня этот болван. Говорить со мной, как с мальчишкой!

– Мы ему дали повод, когда прибежали к Марте в чем мать родила.

– Когда это было, – махнул рукой Филипп.

– Не так уж и давно. А потом, разве он не хочет того же, что и мы?

– Не уверен. Мы сильнее Жозефа и, без сомненья, его побьем, но потом что? Казна почти пуста, чтоб собрать армию и притащить сюда, я и так поднял налоги. Одним-двумя сраженьями не обойтись, завязнем до будущей зимы, если не больше. Пока я тут, в Арции Проклятый знает что начнется, Элла пишет, Генеральные Штаты совсем совесть потеряли, ее приказания не выполняются, да и в провинциях неспокойно.

– Я не уверен, что приказы королевы достойны выполнения.

– Да хотя бы она приказала бабам в штанах по улицам ходить! Я оставил ее вместо себя.

– И зря!

– Может быть, но дело сделано. И я должен буду спросить со всех, кто посмел ослушаться. И чем дольше я буду здесь, тем паршивее будут дела в Арции, не говоря уж о Джакомо и фронтерцах. Тут уж точно, кот из дома – мыши в пляс.

– Я говорил, нужно было начинать с севера.

– И был прав. А я начал с юга! И, между прочим, из-за нашего облезлого родственничка, Проклятый его побери! Пришел к нему на помощь, а он пытается мной распоряжаться.

– Филипп, раз уж мы тут, мы просто обязаны разбить Паука. После взятия Кер-Септима...

– За что тебе отдельное спасибо. Ох, и рожи были у тех, кто набрал денег за то, чтобы уговорить меня уйти.

– Так ты знаешь?

– Что Паук через эту свинью-епископа засыпал мой совет взятками? Разумеется, знаю. Мне, к твоему сведению, на мнение нашего братца, флюгера-Рогге и родичей Эллы плевать с высокой колокольни. Но раз Жозеф взял на себя труд кормить этих проглотов, пусть его. Я все равно сделаю, как решил, но из того, что заплатит Ифрана, эти продажные шкуры не получат ни гроша. Хватит с них взятки.

– Филипп!

– Я уже тридцать пятый год Филипп. Ох, Сандер, Сандер... Неужели ты думал, что я не вижу, что у меня под носом творится? Паук мой совет поливает золотом, а я ничего не знаю? Жозеф совсем ошалел со страху, ночью всему совету подарки прислал, я мешать не стал. Ты со своими лошадьми что делать станешь?

– Уже сделал.

– Что?

– Не знаю, Луи что-нибудь придумал...

– Сандер, не дури. Гастон говорит, лошадки загляденье.

– От Паука я не возьму ничего и никогда.

– А ты считай, что это от меня, – засмеялся король, – за Кер-Септим. Кто-кто, а ты заслужил. Уж теперь-то я с Жозефа за уход три шкуры сдеру, да не простые, а золотые.

– Филипп, – глаза Сандера вспыхнули нехорошим огнем. – Я. От Жозефа. Никогда. Ничего. Не приму.

– Ты еще Книгу Книг сюда приплети: «Опасайся суриан, даже приносящих дары».

– Суриан я как раз не боюсь. Атэвы нам не враги.

– Верно. Но мир с Ифраной я подпишу сегодня вечером в этой самой палатке. Не бойся, мы не прогадаем. Поднять Арцию на ифранские деньги – это ли не оплеуха Пауку, да и Марку в придачу.

Сандер помолчал, обдумывая слова брата, потом поставил полупустой кубок на стол.

– В чем-то ты прав. При нынешнем раскладе завоевать Ифрану невозможно, но уходить без мало-мальски внушительной победы равносильно поражению. Мириться с Жозефом можно только с точки зрения абсолютного преимущества.

– Оно у нас есть.

– Кер-Септима недостаточно. Мы должны разбить хотя бы одну ифранскую армию. Лучше всего ту, что выставлена против Мальвани.

– Чтобы победителями стали Анри и Марк?

– Победителями будем мы, потому что избавимся от Ифраны, а Мальвани никогда не напоминают об оказанных ими услугах.

– Потому что за них это делают другие, – раздраженно бросил король.

– А хоть бы и так. Главное – дело.

– Дело, говоришь? Тогда и говорить не о чем. Свое дело тут мы сделали. Паук ползает на брюхе и готов заплатить столько, сколько мы потребуем. Мы избежали ошибок Пьера Пятого, завязшего в войне, которая выжала казну, как тряпку. Вместо разорительной полупобеды мы получим мир на семь лет, за которые ты можешь разодрать на куски своего любимого Джакомо. За Кер-Септим и Саброна Паук заплатит отдельно, да и Дынью я ему в очередной раз продам. Незачем такой твари в арцийской земле гнить.

– Ты хочешь выдать ему Агнесу?

– А чего со старухой еще делать? Пусть ее теперь Саррижи кормят. Подпишет отказ от всех прав и притязаний, и Проклятый с ней.

– И сколько ты за нее хочешь?

– В полтора раза больше, чем за Саброна, как-никак королева. Хоть и бывшая. Но по отдельности они не продаются. А не продав их, я мир не заключу. Да и фрахт кораблей до Аданы за ифранский счет. Ну, что скажешь?

– Нет.

– Нет?

– Нам нельзя уходить без сражения. Ты слишком поднял налоги, собирая армию. Людям не понравится, что их зря ободрали, армия прогуляет свое жалованье в месяц, а потом? Они же двинут на большую дорогу. Марк на нас разозлится, а у Арции не так много союзников, чтобы мы могли ими торговать, да Оргонде одной и не выстоять. И потом, если уж тебя так волнуют разговоры... После такого мира скажут, что ВСЕХ арцийцев можно купить. Что тобой, как хочет, вертит твой совет, который продается оптом и в розницу, что

ты ушел, потому что струсил...

– Сандер!

– Я готовлю тебя к песенкам, которые к весне будет распевать вся Арция. Неужели ты не понимаешь?! Ифрана всегда будет нашим врагом, а Оргонда может перестать быть нашим другом. Сейчас мы МОЖЕМ разбить Жозефа, но сможем ли через семь лет? Если он даст нам деньги, то потому, что уверен: впрок нам они не пойдут! Когда срок истечет, Ифрана будет сильнее, мы слабее.

– Это не так.

– Не так? Астрологи обещают нам тревожное будущее. Не откладывая победу на потом, Филипп.

– Хватит. Я целое утро слушаю родственничков, будь я проклят, если это не самое мерзкое времяпрепровождение из всех возможных. Отправляйся к себе. Если не образумишься, на совет можешь не приходить.

– Я приду и скажу то же, что и сейчас. Пусть и Марк, и саброновцы знают, что в Арции не все продается. – Сандер отдал воинский салют и с каменным лицом вышел на улицу. На полпути к палатке ему попала странная процессия. Луи все же нашел свинью и засунул в зеленый, перетянутый посередине веревкой мешок, что придавало негодующе хрюкающей пленнице изрядное сходство с епископом Клавдием. Мешок с подобием Его Преосвященства был умело прилажен на белом жеребце, на груди которого болталась тряпка с наспех сделанной надписью: «Опасаясь ифранцев, дары приносящих». Следом вели остальных оседланных дареной сбруей лошадей, к стремянам рыжего и гнедого были привязаны Жор, Фер и собачьи миски, на которых было написано: «Хотим еще», а на вороного и серого Луи навьючил дареные кубки.

Караван сопровождали жизнерадостные «волчата» и целая толпа хохочущих вояк.

– Монсигнор, – весело крикнул Луи, – возвращаем Пауку его манатки. С довеском. И заодно просим поскорее забрать от нас все покупки, особенно двуногие.

Александр через силу улыбнулся:

– Жабий хвост! Надеюсь, он так и сделает.

2886 год от В.И.

10-й день месяца Дракона.

Оргонда. Ньер

Марк ре Ги, поняв, что решение Филиппа окончательно, покинул лагерь арцийцев сразу же после военного совета. Оргондец был так взбешен и унижен, что напрочь растерял свою знаменитую осмотрительность. Из военачальников и приближенных Филиппа Марка провожали только Гартаж и Александр, на которого родственник и выплеснул свое раздражение. Слушая резкие и, к несчастью, справедливые слова, Сандер молчал, да и что он мог сказать? Он пытался переубедить брата, но это оказалось невозможным. Мир с Пауком Эстре воспринимал и как свой личный позор, и как семена будущих неприятностей, первая из которых была налицо. Разрыв с Оргондой ничего хорошего принести не мог, старый друг всегда лучше новых двух и уж тем более лучше старого врага, намазавшегося медом и нацепившего веночек.

С мужем Марты они расстались довольно холодно, хотя Марк напоследок все же выдавил из себя несколько дружелюбных слов в адрес Александра. Увы, заявление герцога о том, что Оргонда предпочла бы видеть на троне младшего из Тагэре, никому настроения не уллучило. Напротив.

Назад ехали молча. Эжен Гартаж никогда не отличался болтливостью, а происшедшее его угнетало не меньше, чем Сандера. Уже у въезда в шумящий лагерь Сандер заметил:

– Надеюсь, свое мнение о моей скромной персоне Марк все же оставит при себе.

– Вряд ли, – пожал плечами Гартаж, – да и зачем? Шила в мешке не утаишь. Ты своего мнения не скрывал, так что готовься, что оргондцы будут осыпать тебя цветами, а Филиппа чем-то куда менее ароматным. И ничего ты с этим не сделаешь.

– Если мы решили уйти, нужно это сделать немедленно.

– Немедленно не получится. Сначала нужно вылакать паучье пойло и проспаться. Разве ты не видишь? Их сейчас не уймет никто и меньше всего король.

Сандер видел. Паук не поскупился на авирское, а солдаты есть солдаты. От дармового угощения они не отказываются, особенно если не предвидится войны. Пьянка только разгоралась, но Эстре не сомневался, что к ночи налижутся даже дарнийцы. Гартаж на прощанье пожал ему руку и пошел к своим людям, Сандер собрался последовать его примеру, но Проклятый счел уместным подсунуть ему еще одну встречу. Заворачивая за угол, младший из Тагэре столкнулся со средним. Жоффруа по своему обыкновению был полупьян и, в порядке исключения, доволен жизнью. Интересно, сколько ему дали? – подумал Александр и ускорил шаг, но не тут-то было.

– А вот и наш горбатый дурачок, – радостно проорал Жоффруа, – который так ловко взял город и так сгруппил, когда речь зашла о цене...

– Я не торгую победами Арции, – все еще холодно ответил Сандер и хотел идти дальше, но Ларрэн заступил ему дорогу.

– Все торгуют, а ты, ты просто осел, на котором едет наш коронованный братец. Он-то сразу сообразил, сколько можно содрать за Саброна, а ты остался в дураках. Ты таскаешь Филиппу каштаны из огня, он скармливает их своим свиньям, а ты и рад. А когда до дела дошло, он не тебя с твоими бреднями послушал, а тех, кто дело говорил. Случись что, старшенький продаст тебя вместе с твоей идиотской верностью и не чихнет.

– Я верен Арции и ее королю, и оставим это. Я спешу.

– Некуда тебе спешить. Девки тебе без надобности, с войной покончено, королю не до тебя, так что стой и слушай, что умные люди говорят.

– Тебя я слушать не собираюсь.

– Соберешься, братец, – ухмыльнулся Жоффруа, – клянусь честью, соберешься...

– Честью? Занятная это, знаешь ли, штука. – Младший из Тагэре улыбнулся, но глаза оставались холодными, как зимние звезды. – У одних она есть, но они об этом молчат. У других нет, но они ею клянутся на всех углах и при этом еще и продать норовят. И ведь бывает же, находятся те, кто покупает то, чего нет и не было.

– Что ты имел в виду? – Обычно красная физиономия Жоффруа побледнела.

– То, что ты подонок и предатель.

– Замолчи, горбун!

– Я свой горб таскаю сам, а ты и тебе подобные для Арции хуже всякого горба. За золотой горшок всех предали: и живых, и мертвых.

– Да кому она нужна, твоя победа и твоя Арция!

– Мне, – Александр сорвал с руки перчатку и с силой швырнул в лицо Жоффруа, не успевшему ее перехватить. Герцог Ларрэн выхватил меч и столкнулся взглядом с братом, сжимавшим черный клинок. На лице Жоффруа промелькнула неуверенность, пьяная злоба явно боролась со страхом. Братья Тагэре замерли друг против друга, словно приготовившиеся к схватке волки. Наконец средний, подгоняемый злобой и стыдом, сделал первый выпад, отбитый младшим с такой силой, что Ларрэн с трудом удержал меч. Отразив удар, Сандер вновь остановился. Сбежавшиеся наблюдатели замерли, не решаясь вмешаться, ноздри Жоффруа раздувались, как у взбесившегося коня, лицо Александра оставалось ледяным, лишь ярко горели серые глаза.

Он совершенно точно знал, что сейчас убьет, и хотел этого. Перед ним был не человек, а мерзкая тварь, убийца Рауля, Филиппа Гаэльзского и, скорее всего, несчастного Пьера, мучитель Жаклин, предатель, продавший не только честь Тагэре, но и будущее Арции.

– Сандер, – чьи-то руки обхватили его сзади, – Сандер, опомнись! Он же твой брат...

– Брат?! – Александр рванулся, но Рафаэль как-то умудрился его удержать. Второй рывок оказался успешнее, но между ним и Жоффруа уже стояли оба Трюэля и Сезар, молча взявший из разжавшейся руки меч.

– Сандер, он действительно твой брат, как это ни странно, а Тагэре не должны убивать

Тагэре. И потом, – Мальвани попытался улыбнуться, – Ларрэн виноват в том, что взял паучьи деньги, но не в том, что мы уходим. Это не его решение.

– Жабий хвост, еще бы! Паук здорово прогорел, дав взятки тем, кого никто не слушает и слушать не собирается. Выпей лучше, а байланте прав, дед тебе не для того меч отдал.

– Спасибо, – сжимавшие душу холодные пальцы разжались, и Сандер виновато улыбнулся, – спасибо, Рито. Луи, я помню, что написано на мече, и я знаю, что сделаю.

2886 год от В.И.

10-й день месяца Дракона.

Оргонда. Ньер

Филипп сделал свой ход и в ожидании ответного отпил из красивого, узорчатого кубка. Арцийский король был не слишком хорошим игроком в эрмет, но Гастон играл еще хуже, что вполне устраивало Его Величество. Правду сказать, он эту мудреную игру терпеть не мог, но эрмет почитался игрой королей и полководцев, и Филипп Тагэре завел привычку играть после ужина. Обычно партия с Гастоном занимала не более полутора ор, после чего игра плавно переходила в обсуждение закончившегося дня, но о ссоре с Марком говорить не хотелось даже с Койлой. Безусловно, заключение мира – мудрый поступок, но в отношении мужа Марты это предательство. Сестра наверняка напишет длинное назидательно-скучное письмо. Вот уж чего он не ожидал от Марты, так это увлечения политикой. Похоже, она чувствует себя оргондской герцогиней, а не сестрой арцийского короля.

Гастон после мучительных раздумий отступил на одно поле, открывая борт флагмана. Он делал подобные глупости и раньше, Филипп на них указывал, канцлер кивал головой и ошибался снова. Король задумался, какой фигурой ходить, и не сразу обратил внимание на вошедшего Ревы. Фернан выглядел озабоченным и злым. Видимо, узнал, что кому-то Жозеф заплатил дороже, – брезгливо подумал Филипп.

– Что случилось, Фернан?

– Ваше Величество, герцог Эстре велел трубить большой сбор.

– Он что, с ума сошел?

– Монсигнор Эстре не из тех, кто совершает необдуманные поступки. Он поехал провожать герцога Оргонды, а по возвращении...

– Я, кажется, уже просил раз и навсегда оставить Александра в покое. Да, он отказался от того, что вы с родичами с восторгом сожрали, но это говорит в его пользу, а не в вашу.

– Мой король...

– Фернан, я давно знаю цену всем. Предупреждаю последний раз: не смей вбивать клин между мной и братом. Кстати, если б он не схватил за шкуру Саброна, ты бы половину своих взяток и в глаза не увидел. Так что вознамерился сказать армии герцог Эстре?

– Не знаю, государь. – Лицо Ревы покрылось красными пятнами, но он сдержался. Он всегда сдерживался – пудель собака благовоспитанная.

– Не знаешь? Что ж, пойдем поглядим. Поддай мне плащ... Да не тот, а темный, с капюшоном, послушаю брата не как король, а как простой вояка. Койла, Ревы, пойдете со мной, – Его Величество глянул на оставленную доску, – и во имя Проклятого, Гастон! Ты когда-нибудь научишься думать больше чем на два хода вперед?

– Ваше Величество...

Величество... Иногда это слово надоедает, но что же все-таки задумал Сандер? Во вчерашних словах брата было слишком много правды, чтоб их было приятно глотать, даже заеда ифранским золотом.

Они подоспели вовремя. Возбужденные вином и неизвестностью войны уже собрались у вкопанных в землю шестов со знаменами. Филипп с возрастающим неудовольствием слушал солдатские шуточки, половина которых вращалась вокруг паучьих взяток и неизбежной желтой суки, которая все сожрет и не подавится.

– А Ларрэн-то лошадок бы взял.

– Зачем ему лошадь? Ему больше свинья подходит!

– Хо-хо... Свинья верхом на свинье...

– Зато Тагэре вышвырнул и паучат, и золото ихнее...

– А все потому, что бабы у него на шее нет. Все зло от баб. Филипп тоже ничего был, пока в юбках не запутался.

– В юбках запутался, в трех соснах тоже...

– Да все они одним миром мазаны, подерутся да помиряются...

– Ага, чуть золотом запахнет.

– Не скажи, горбун из другого теста. Его не купишь...

– Зато продашь запросто.

– И продадут. Король и продаст, как сестрина мужа продал.

– Не, правильно все. Золотишко у нас есть, да и бошки целые, чего вам еще-то?

– Да нечестное оно, золотишко-то... Что ветром принесло, ветром и унесет, весной опять с голым задом будем. Войны нет, кому мы нужны?

– Ну, с мечом всяко голодным не будешь. По дорогам люди ездить не перестали, попросим – накормят...

– В разбойники подашься? Это вам, молодым, хорошо, а у кого жена, дети?

– Глянь, едут.

– Который герцог-то?

– Ты че, не видал его еще? Вон, на белом...

– А не скажешь, что горбун, на коне-то.

– Уж лучше горбуном быть, чем «пуделем» или подкаблучником.

– Это ты девкам объясни!

– А это кто? В малиновом который...

– Мирийский сигнор.

– Что «пуделя» на турнире завалил?

– Он.

– Веселый. Мне нравится. А рядом?

– Сынок маршальский, Сезар. Видишь, тигра на груди.

– Тигра?

– Да ты никак вчера родился? Зверь такой, поболее льва будет, в наших краях не водится. Эх, жаль, маршала нет, вот бы с кем повоевать, ну да Тагэре тоже неплох.

– Король?

– Сам ты король, я про младшего... Весь в отца покойного. В Кер-Септим первым полез, сам ворота держал, сам козла этого за рога схватил. Все, заткнулись...

Пропела труба, прерывая гнусный разговор. Неужели ВСЯ его армия думает, как эти гаэльские придурки? Теперь король сожалел, что надел чужой плащ, и втрое, что Фернан и Гастон все слышали. В глубине души закипала ярость. Винаваты были все: Элла, которой вечно не хватает денег и из-за которой он стал всеобщим посмешищем, Марк, опозоривший его своим отъездом, Паук со своими деньгами, Мальвани, чье имя намертво связано с отцовским, Сандер, по милости которого он оказался в этой толпе. Надо же, Александр – Тагэре, а король, видите ли, нет.

Брат между тем снял шлем, передав его Рито. Ветер растрепал темные волосы. Герцог медленно объехал стоящие войска, взглядываясь в продубленные всеми ветрами лица, затем остановился у шеста со знаменем и вскинул руку.

– Арцийцы, о том, что мы уходим, вы знаете. Мы бы выиграли войну, но Паук купил мир. Кто пришел в Оргонду с надеждой на добычу, получил деньги и сохранил свои жизни. Те, кто хотел растоптать Паука, остался ни с чем. Золото не заменит победы, хотя победить без золота трудно. Теперь семь лет Ифрана нам не враг, по крайней мере, приходится так считать. Но у Арции остались другие враги, у них есть сталь, но не хватает золота. Северяне знают: от разбойников, которых развел Джакомо, нет житья. Приграничье по их милости превратилось в дикие земли. Зачем сеять, если все сожрут фронтерские кабаны и эскотские лоси?

Но я, Александр Тагэре, – герцог Эстре. Я хотел послужить Арции мечом здесь, не вышло. Мир заключен, но у меня остался долг перед своей провинцией. Предлагаю всем, кто хочет, присоединиться ко мне и раз и навсегда образумить северных соседей. В Кер-Септима я нашел клад – двадцать тысяч ауров. Мне есть чем заплатить за ваши мечи и копья.

Ну, кто из вас пойдет за мной?

– Проклятый, – завопил подвыпивший здоровяк со шрамом, – да все!

– Виват Тагэре! – надрылся второй, с перебитым носом.

– Клад он нашел, – в восторге бил себя по ляжкам тощий и длинный латник, – Саброн небось с горя чуть не лопнул.

– А так ему и надо! Ну, горбун, ну, умница!

– Обдерем полосатиков! – вновь рывкнул выпивоха. – С Эстре хоть к Проклятому в зубы.

Филипп понимал, что брат все сделал верно, но почему он не предупредил?! Он что, всерьез решил, что лучше короля знает, что нужно Арции? Интересно, сколько в этой выходке его собственных мозгов, а сколько оргондских? Анри и Марта, надо полагать, будут в восторге, а Евгений и Обен опять раскричатся, что Сандер вылитый отец. Глупости, ничего подобного! Если кто и похож на Шарля Тагэре, это он, Филипп!

Король резко откинул капюшон и вышел вперед.

– Герцог Эстре изложил наш приказ совершенно верно, но он умолчал об одном, впрочем, он и сам этого не знает. Семь лет пролетят быстро, и мы еще посмотрим, стоит ли продлевать договор. Но к этому времени на северных границах должен царить покой и порядок. Герцог Эстре, мы назначаем вас протектором Севера, полностью передавая на ваше полное попечение и под вашу ответственность провинции Тагэре, Руну, Эстре, Гаэльзу, Мальвани. Время не ждет. Вы и те, кто последует за вами, должны быть в Гаэльзе не позднее начала зимы. Мы не желаем больше слышать о весенних эскотских бесчинствах...

Вот так, брат! Если тебе так хочется воевать, ты отправишься выполнять королевский приказ. Спору нет, Сандер, ты умеешь выигрывать битвы, но выиграешь ли войну? Эскоту ты вряд ли взнуздаешь, зато поймешь, что меч не всесилен. Вяжись Арция в войну с Ифраной и даже победи, она не получила бы больше, чем сейчас. Провинции разорены, пособирай налоги в той же Эстре и поймешь, что золото Жозефа нужнее его поганой головы.

Филипп поймал глазами взгляд Александра. А ведь он прекрасно понимает, что его новый титул не милость, а ссылка. Зачем он это сделал? Сандер думает об Арции и ее короле больше самого короля...

А, ладно, посидит до весны в снегу, ничего ему не сделается. К месяцу Агнца все забудется, и герцог Эстре вернется в Мунт. И все равно мерзко все это!

Король заметил довольный взгляд Фернана Ревы и с трудом сдержал желание врезать по красивой улыбающейся физиономии.

Нэо Рамиэрль

То, что их разлучили, Рамиэрлю не понравилось, хотя, возможно, он был излишне придирчив. Что поделаться, судьба сделала его разведчиком, а не знатоком допотопного этикета, каковой в Долине Света исполнял обязанности шестого светлого бога. Вот Эанке, та наверняка бы поняла, означает ли оказанный им прием недоверие или же обычную, хоть и глупую вежливость.

В пользу последней говорило дружелюбие Аддара, к которому Рамиэрль с первого же мгновенья проникся симпатией, а умение распознавать друзей и врагов, будь они хоть гоблины, хоть люди, его еще ни разу не подводило. С другой стороны, именно это чутье предостерегало его против брата Эльрагилла, сам же владыка и его странноватая супруга не вызывали у Рамиэрля никаких чувств, кроме досады. Самодовольства этих двоих и уверенности в своей правоте и великом знании хватило бы на всех индюков всех миров. Великие Братья, стремящиеся познать и прочувствовать все сущее, были куда скромнее и терпимее.

Рамиэрль тонко улыбнулся, представив себе благообразный лик Эльрагилла, встретить он лицом к лицу с Познающим, если б последнему пришло в голову поговорить об отсутствии Света и вредоносности улиток. На это стоило бы посмотреть, и желательно вместе с Рене. Такое зрелище хоть немного отвлекло бы Скитальца от его неизбывной боли.

Вздыхнув, Нэо подошел к окну, за которым роскошествовала летняя ночь. Запах роз, ночных фиалок и других незнакомых цветов напоминал... Не все ли равно о чем, сейчас не до воспоминаний. В этой светящейся от любви к себе и своим покровителям раковине ему делать нечего. Спорить с Солнечными бессмысленней, чем склоняться к обжорству Жана-Флорентина. Из Луцианы нужно выбираться, и чем скорее, тем лучше. Пока Ильгэйбэ лишь заподозрила в нем темную сторону; не стоит дожидаться, когда ее подозрения перерастут в уверенность. Кстати, любопытно, что она имела в виду: то, что он какое-то время носил Черное кольцо, или нечто иное?

Звездный Лебедь, когда окончатся никому не нужные празднества и разговоры ни о чем, ему предстоит объяснение со Светлым Советом, хотя от Солнечных им с Норгэрелем нужно лишь одно – дорога в Тарру или хотя бы в миры, где такая дорога может быть...

Тихий стук в дверь прервал мысли Рамиэрля, и он, непроизвольно коснувшись меча, предложил гостю войти. Это оказался Аддар, немного смущенный собственной настойчивостью. В ответ на цветистое приветствие-извинение Рамиэрль рассмеялся и просто сказал, что рад видеть принца-наследника.

– Если это так, может быть, благородный Рамиэрль согласится рассказать мне о своих дорогах?

– Почему нет? Но не лучше ли сделать это в саду под пение соловьев? На дорогах, которыми мы прошли, цветов не было, и я только сейчас понял, как по ним соскучился.

Весело болтая, они вышли в сад. Сын Эльрагилла явно настроился на рассказы о чудесах и дальних дорогах. Прикажете рассказать ему правду? Но это значит не только подвергнуть опасности себя и Норгэреля, но и сломать жизнь Аддару, так как он себя мнит рыцарем Света и любимым чадом благородного Арцея, Главы Богов, предавших Тарру и оставивших Светозарное на милость осклизлых грибов.

– Благородный Рамиэрль, мне не дают покоя слова, сказанные супругой моего отца. Она ошибается.

– Она всего-навсего сказала, что я затронут Тьмой.

– Но это не так!

– Не так? Пока мы не сойдемся на том, что есть Тьма, мы не решим, затронут я ею или нет.

– Тьма – это зло.

– Эта ночь зло?

– Ночь?

– Но ведь ночью темно.

– Вы шутите.

– Немного. Говорить о великом сугубо серьезно могут либо боги, либо посредственности. Но ты хотел узнать о наших похождениях. Они были не слишком приятными и начались с болезни моего товарища. В том мире, где мы жили, его было не спасти, но я знал дорогу в обитель одного из богов, некогда хранивших Тарру... Аддар, нам обоим будет проще, если сначала ты мне расскажешь о Долине Света. Откуда и когда вы сюда пришли, что здесь было, кто был другом, кто врагом?

– Мой отец знает об этом больше. Я родился уже здесь и не помню ни Прихода, ни Первых битв, ни Низвержения.

– И все-таки я хочу, чтобы мне рассказал об этом именно ты.

Рамиэрль мог бы добавить, что не верит вождям клана и что ему нужно знать то, что здесь принято считать великой истиной и краеугольным камнем. Потом, оценив степень возведенной в абсолют лжи, он оценит Эльрагилла и решит, как себя с ним держать. Рамиэрль еще раз улыбнулся Аддару и обратился в слух. История Луцианы оказалась столь

же «правдива», как и история Тарры, в этом и боги, и эльфы оказались удручающе похожи на людей, за исключением одного. Смертные не могли помнить того, что было сотни лет назад, довольствуясь преданиями и чужими рассказами. Эльфы же, по крайней мере первые из них, видели и Старую Тарру, и Битву Богов, и Великий Исход, так что их ложь или, вернее, полуправда была осознанным деянием.

Эльрагилл успешно превратил Омма и его сородичей в Темных владык, которые с помощью своих звероподобных слуг-гоблинов угнетали несчастную Тарру. Появление Светозарных подавалось как величайшее благодеяние, истребление создателей и хранителей мира как подвиг, а утопленное Рене отвратительное создание стало посланным Престолом Света солнечным драконом, уничтожившим тела порождений Тьмы, дабы их яд не отравлял источники и землю принятого в лоно Света мира. Исход же объяснялся тем, что Тарра была уже достаточно осчастливлена, а Светозарные и их любимые дети эльфы должны были нести Добро и Благо в иные дали. Ну а мир был закрыт, а нарождавшиеся маги истреблены, дабы сохранить Тарру в Свете и уберечь от скверны внешней и внутренней.

Именно в канун Великого Исхода, по утверждению Аддара, впервые проявили свою чудовищную суть Ангес и Адена, вознамерившиеся обмануть братьев и сестру и завладеть покинутой Таррой, разумеется, предавшись Тьме. Однако их замысел был разгадан великим Арцеем. Отступники, убоявшись схватки с более сильными родичами, подчинились, но зерна Тьмы в Тарре были посеяны.

Рамиэрль с восторгом узнал, что владыка Тьмы обещал Воину и Деве место, кое занимали первые боги Тарры, в обмен же требовал отречься от Света и принести в жертву пришедших с ними эльфов. Оказывается, преданные Воином и Девой кланы Лебеда и Луны были полностью истреблены выползшими из темных глубин гоблинами, спасенными от полного истребления Ангесом. Мерзкие ритуалы, замешенные на крови Первороденных, вернули Тарру в лоно Тьмы, но об этом стало известно много позже, после второго бунта, поднятого Ангесом. Аддар не сомневался, что рано или поздно Свет вернется на оскверненную землю...

– Мы почитали вас всех мертвыми, как вышло, что некоторые уцелели?

– Аддар, ты уверен, что хочешь это знать? Постой! Что там происходит?

– Я ничего не слышу.

– Я не вполне уверен, но это там. – Роман указал направо, в сторону одной из многочисленных террас. Он сам не мог понять, что же его насторожило, но был уверен – творится что-то неладное. К счастью, Аддару и в голову не пришло что-то выяснять. Солнечный принц с готовностью помчался за Рамиэрлем, жалевшим лишь о том, что из-за дурацкого этикета он вышел в сад владык безоружным.

2886 год от В.И.

7-й день месяца Собаки.

Арция. Мальвани

Даро проснулась и долго лежала с открытыми глазами, слушая, как скребутся в окно лапки ветра, и вспоминая то, что ей приснилось. Очень странный сон, очень... Даже не понять, добрый или злой. Ребенок под сердцем шевельнулся, и женщина счастливо вздохнула. Конечно же, добрый... Ее срок был не раньше чем через два месяца, по крайней мере, так говорили и Миранда, и медикус, некогда принимавший Сезара и двоих его сестричек, у которых сейчас появились собственные дети. Врач говорит, что все хорошо, и она ему верит. Скоро у них с Александром будет сын, в этом после сегодняшнего сна Даро не сомневалась. Жаль, что придется его до поры до времени прятать, но с этим ничего не поделаешь. Когда вернется ее герцог, все изменится, а пока ребенка возьмет невестка кормилицы Сезара. У Люсьены, родившей на прошлой кварте девочку, молока хватит на двоих. Она замужем за сыном лучшего оружейника Малве, эта семья до мозга костей предана маршалу и умеет молчать.

Похоже, старая Жюли считает ее возлюбленной Жоржа, но это не так уж и плохо.

Арцийка Даро нравилась, да и вообще в доме Миранды плохих людей не было. Как все-таки хорошо, что они с Рито бежали из Мирии, ведь останься она в Кер-Эрасти, они бы с Сандером не встретились. Даро не представляла, что она могла бы прожить жизнь без Александра Тагэре, ставшего смыслом ее существования. Память о доме, мать, отец, Антонио, даже Рито, всегда бывший для нее самым близким человеком, все отошло далеко-далеко. Осталась только любовь к сероглазому воину, спасшему ее из рук Жореса и навсегда укравшему ее сердце.

Дариоло не писала сонетов и баллад, как Жаклин, ей не было нужды облекать свои чувства в слова, да и не умела она этого. Просто Александр был рядом с ней, что бы она ни дела-ла и с кем бы ни говорила. Но что же все-таки значит ее сон? Ведь это не просто так. Даро встала, зажгла свечу и взглянула на украшенную бронзовым тигром (всюду тигры!) клепсидру. Уже девятая ора после полуночи, Миранда наверняка уже не спит.

Дариоло старательно оделась. После того, как к ним на голову свалились непрошенные гости, она не рисковала покидать свои комнаты без тяжелых пышных одежд, успешно скрывавших ее беременность. Даро не переставала удивляться тому, что Анжелика Рогге и ее облезлый и недобрый (в этом она была уверена) сын не поняли, в каком она положении, но больше рисковать она не хотела. Даже после отъезда на север, в Мальвани, где, по словам герцогини, вряд ли появится кто-то чужой, а если появится, то врасплох их не застанет.

Молодая женщина посмотрела на себя в зеркало и тихо улыбнулась. На нее смотрела очень бледная сигнора с глазами, окруженными голубоватыми тенями. Конечно, бледная, ведь тут совсем не бывает солнца, да и беременность не красит, но как бы хотелось, чтобы Александр увидел ее сейчас. А как бы она хотела просто взять его за руку, услышать его голос, увидеть его нечастую улыбку. Даро тихонько тронула висящий на груди медальон с прядкой темно-каштановых волос (у Сандера такой же, но с ее локоном) и отправилась на поиски Миранды.

Герцогиня отыскалась в портретной галерее, служившей заодно и библиотекой. Жемчужно-серое платье и заплетенные в длинную косу светло-русые волосы молодили ее, делая похожей на девушку. Увидев Даро, Миранда ласково улыбнулась и отодвинула переплетенное в кожу сочинение еретика Симона Геланского. Мальвани не сочли нужным жечь преданные проклятию книги. Антонианцы об этом или не догадывались, или у них были слишком коротки руки, чтобы замахнуться на тех, кого называли полукоролями. Жена маршала указала Даро на обитый бархатом пуфик.

- Тебе незачем стоять. Что-то случилось?
- Почему вы так решили?
- Ты слишком рано встала, и тебе сразу же понадобилась я. Что-то ты бледненькая...
- Это давно. Тут хорошо, но слишком рано темнеет.
- Дело не в этом, ты слишком много сидишь взаперти. С завтрашнего дня я сама буду с тобой каждый день гулять. Это нужно. Так что тебе приснилось? Что-то страшное?
- Всякое. Сама не знаю... Можно, я расскажу?
- Конечно, но снам верить не стоит. Женщинам вечно снятся всякие глупости, особенно беременным. Мне однажды привиделось, что я родила самого настоящего тигренка... Когда Сезар немного подрос, мы с Анри его этим так задразнили, что он назло сделал своей сигной нападающего ястреба. Вот и все, что получилось из пророчества.
- Правда? – улыбнулась Даро. – Но я волков не видела и нарциссов тоже.
- Ну, тогда рассказывай, – Миранда перекинула косу через плечо, – а потом подумаем, к чему бы это.

Дариоло собралась с мыслями. В отличие от брата, способного часами с невозмутимым видом молоть любую чепуху, она не была особенно разговорчивой, а пересказать путаный сон, полный всяких мелочей, которые могут оказаться важными, было очень трудно. Наконец женщина решила просто вспоминать все по порядку.

Она была дома, в своей старой комнате. Служанки под присмотром Ренаты Ллуэвы, живой и здоровой, помогали ей надевать свадебный наряд, розовый с алым. Она была

счастлива, но боялась не успеть к приезду жениха, об Александре она не думала. Теперь ей кажется, что во сне она вообще его не знала. Или не помнила? Даро видела себя в зеркало в роскошном подвенечном платье, с искусно заколотыми волосами, в которые был воткнут высокий золотой гребень. Оставалось лишь надеть драгоценности. Рената взяла большую плоскую шкатулку, открыла ее и на вытянутых руках поднесла к Даро. Девушка никогда не видела такого чуда. На пожелтевшем белом шелке полыхал рубиновый гарнитур невероятной красоты. Даро робко протянула руку к камням, гадая, кто же сделал ей такой сказочный подарок, и услышала голос брата:

– Не трогай!

Девушка отдернула руку, словно ожегшись.

– Надень! – настойчиво повторила Рената. – Надень, иначе ты погубишь всех нас.

– Нет, – повторил брат. Она его не видела, только слышала голос.

Даро застыла, не зная, что ей делать.

– Ты должна быть послушной, и тогда искупишь не только свои грехи, но и грехи тех, кого любишь, – кажется, это сказала мать.

– Не прикасайся к ним! – брат, как всегда, шел наперекор всем.

– Если слова развратника и еретика тебе важнее слова Божия, ты будешь проклята, – зло сказала Рено. Нет, это уже не Рено, а Дафна! Дафна, еще более отвратительная, чем всегда, в черном кружевном платье с алой нижней юбкой. Белое, рыхлое тело выпирает из слишком туго зашнурованного корсажа, в уголке бледного рта пузырится слюна.

– Повторяй за мной молитву святой равноапостольной Циале, ничтожная. Повторяй, иначе и ты, и те, кого ты смеешь ставить превыше долга, будут мертвы: «За мойрэ дека не каллон гобьердо...»

– «За мойрэ...»

– Замолчи! – Брат больно схватил ее за плечо, он был в одежде байланте, но с рыцарской цепью на шее. Она замолчала, а Рито повернулся к циалианке.

– На этот раз у тебя ничего не выйдет. Я тебе ее не отдам.

– Ты? Мне? – вместо уродливой Дафны в нелепом вычурном наряде перед ними стояла стройная красавица в простом белом платье. Под взглядом огромных темных глаз Даро почувствовала себя маленькой, жалкой и неуклюжей. – Мне нужно это существо, и оно будет моим, не правда ли, милый?

– Нет, не будет, – в голосе Рито зазвенела сталь.

– Вот как? – красавица капризно надула губки. – Ты мне отказываешь в такой малости?

– Сдается мне, это не малость, а я давно понял, что тебе вредно давать все, что ты хочешь. У девочки своя дорога, далекая от наших троп. Не втягивай ее в наши споры.

– Ты стал таким жестоким, я тебя не узнаю...

– Зато я узнал тебя, моя прелесть.

Прекрасное лицо исказила бешеная ярость, ножка в белоснежной туфельке грозно топнула об пол.

– Ты стал еще глупее, чем был!

– Вряд ли. Глупее, чем я был, стать нельзя. Подумать только, я находил тебя красивой...

Теперь Даро поняла, что рядом с ней не Рафаэль, а кто-то другой, хоть и очень на него похожий. Глаза Рито были черными, полными веселья и огня. Светло-золотистые, как янтарь Серого моря, глаза незнакомца были полны понимания и спокойной печали.

– Не бойся, и они ничего тебе не сделают.

– Кто вы? И где мой брат?

– Твой брат ждет тебя. Ты слишком задержалась там, где тебе нечего делать. А я... Мы с тобой одной крови, этого достаточно. Не бойся. – Этого он мог и не говорить, она не боялась. Напротив, приняв протянутую ей руку, девушка почувствовала себя в полной безопасности.

– Одумайся, дочь моя! – Это матушка! Она все-таки тут. – Самое имя его – это грех и проклятье! Отринь скверну, встань на колени пред святой, и ты спасешься.

– Верь мне, – твердо сказал похожий на Рито незнакомец, – верь мне, и идем отсюда.

Даро, не в силах говорить, кивнула. Мать что-то кричала и бормотала, но ее слова слились в ту самую молитву, которой ее учила Дафна. Слова навязчиво звенели в ушах, губы, словно по собственной воле, были готовы их повторить, но ее спутник приказал ей молчать и думать об Александре. Александр... Она представила себе его лицо и улыбку, и навязчивое бормотанье стихло. Они миновали заросший цветущими кустами сад и вышли в поле, через которое бежала обсаженная высокими деревьями дорога.

– Иди туда, где ты нужна, – сказал ее провожатый, – и запомни, не бойся. Главное, не бойся. Твое место рядом с любимым, ты создана для любви и для счастья. Уходи, и быстрее. Тебя ждут.

– Вы не пойдете со мной?

– Нет, пока нет. Если ты последуешь моему совету, будешь более чем счастлива. Ты поняла? Люби и не бойся. Верь себе и в себя, и все будет хорошо.

Она ступила на тропу, но странный, похожий на Рито человек внезапно схватил ее за плечо, рывком развернул, и она столкнулось с его золотым взглядом.

– Если ты не сможешь жить, как живешь, позови меня, и я приду. Я услышу тебя, ведь мы одной крови. Но не зови меня раньше, чем поймешь, что все и вправду пропало. Поняла?

Ей стало страшно до безумия, но она собралась с силами и кивнула, а он нежно прижал к себе, поцеловал в лоб и исчез. Даро осталась одна на краю поля, а потом услышала топот копыт и увидела всадника на белой лошади. Он был далеко, и она не могла разглядеть лица, но сердце ей сказала: это он. Все исчезло, растаяло, потеряло значение, с громким криком «Сандер!» девушка бросилась вперед. Герцог осадил коня, спрыгнул на землю и протянул к ней руки...

– Это все? – тихо проговорила Миранда после длительного молчания.

– Да, я проснулась. Мой сон что-нибудь значит?

– Конечно, но ты и так это знаешь.

– Знаю?

– Что ты его любишь, а все остальное – это просто сон, слишком уж много всего смешалось в твоей головке. Не бойся, он тебя любит.

Даро вспыхнула, просяив бездонными глазами.

– Спасибо, сирена.

– За что? Иди, оденься потеплее, и пойдем погуляем. Ты и вправду бледненькая. Кстати, ты про Симона Геланского что-то слышала?

– Матушка говорила, что он из тех, кто погряз в ереси.

– Значит, ты его книг не читала?

– Нет. Вы хотите, чтобы я прочла?

– Вряд ли тебе это будет интересно. Ладно, иди, я тебя жду в саду.

Проводив Дариоло взглядом, Миранда торопливо принялась листать книгу, пока не отыскала нужное место. Несколько раз пробежав глазами четкие строки, женщина решительно захлопнула фолиант и застегнула бронзовые застёжки. Затем подошла к стене и одновременно нажала на три дубовых листка в резной гирлянде, шедшей вдоль деревянной панели. Раздался тихий щелчок, и часть деревянной обшивки отошла в сторону. Герцогиня Мальвани, оглянувшись, положила в тайник писания обвиненного в ереси таянского медикуса и вернула панель на прежнее место. Если малышка узнает, КТО ей приснился, она испугается. И вообще, скорее бы приехал Жорж!

Замковый клирик человек надежный, но чем меньше чужих посвящены в тайну Даро и Сандера, тем лучше. А брат Анри, мало того, что епископ и доверенное лицо Евгения, неплохо разбирается во всяческих стародавних сказаниях. Вот пусть и ломает голову над тем, что приснилось девочке.

Нэо Рамиэрль

Аддару показалось, что они проникли в чужую тайну, но Рамиэрль повидал достаточно,

чтобы даже в густой тени отличить влюбленную пару и женщину, которую мужчина гонит перед собой, приставив к ее боку кинжал. Стиснув руку Солнечного принца, дескать, стой тихо и не мешай, Роман тенью скользнул в кусты бледных роз. Ему не раз приходилось освобождать заложников, и он не сомневался, что разобрался в происходящем. Некто под угрозой смерти вынуждал свою добычу идти в сторону дворца. Зачем? После разберемся.

Неизвестный подвоха не ожидал. Соппротивление пленницы было сломлено, вокруг царила тишина. Прыгнуть вперед, оттолкнув руку с клинком, опрокинуть мужчину и отшвырнуть женщину на безопасное расстояние было делом мгновения.

Освобожденная упала на четвереньки и зарыдала, вцепившись в бросившегося к ней Аддара, но Роману было не до нее. Преступник опомнился на удивление быстро. Кинжала в его руках больше не было, но он и безоружным казался серьезным противником и не собирался отступать.

Они с Романом были одного роста, но человек (а это был именно человек, а не эльф) выглядел куда массивнее и шире в плечах. Ловко избежав сокрушительного удара кулаком, Нэо от души двинул соперника в скулу, но тот лишь дернул лохматой головой и вновь бросился вперед. На сей раз Рамиэрль уклоняться не стал. Потому что узнал нападающего. Тот самый черноволосый стрелок из заповедной рощи, что так понравился эльфу-разведчику с самого начала. Это все и решило. Каких бы глупостей ни натворил этот человек, причиной были они с Норгэрелем. По их милости черноволосый оказался в Долине Света среди ненавистных ему эльфов, и искушение стало слишком велико.

Эльф и человек, обхватив друг друга, как друзья после дальней разлуки, топтались по изысканному цветнику. Человек обладал железными мускулами и явно был не дурак подрасть, но стройный и гибкий эльф оказался достойным противником. Выросший среди людей и привыкший вести жизнь бродяги, Роман обладал не только недюжинной силой, но и изрядным опытом уличных и кабацких потасовок. Когда-то он полагал себя смертным, зная не зная ни магии, ни благородного искусства фехтования, а его учителями были либры, моряки, а то и разбойники, отнюдь не отягощенные изящными манерами. Черноволосый был ловким и сильным, но не более того. Если б не боязнь подставить его под чужое заклятье, схватка уже бы закончилась. Человеку, пусть он с раннего детства учится бою без оружия, никогда не сравняться с эльфом. У смертного, даже самого быстрого, столько же шансов опередить Перворожденного, сколько у цевского тяжеловоза – обойти легконогого эльфийского скакуна. Только Рене, хотя какой Рене человек...

Звездный Лебедь! Если б только расцепить объятия! Но Роман не мог позволить себе оторваться от противника и при этом не забывал держаться между своим противником и Аддари, все еще утешавшим всхлипывающую женщину. Только б завалить этого элфоненавистника побыстрее и самому, а потом он попробует договориться с Аддаром и с ней. Если, пытаясь ему помочь, Солнечные пустят в ход магию, сюда сбежит половина Долины и глупца будет не спасти.

Соперник извивался и выкручивался, как огромный лесной кот, несколько раз он пытался свалить Рамиэрля, но напрасно. Руки разведчика все крепче обхватывали стрелка, мешая тому дышать полной грудью. За спиной вспыхнул свет, видимо, Аддар или женщина надумали зажечь световой шар. Зря, теперь сюда точно кто-то придет. Черноволосый, в глаза которого ударил золотистый луч, на мгновенье зажмурился, но быстро пришел в себя, и его черты исказила неистовая ненависть. Узнал, – мимоходом подумалось Роману, – дурак этакий...

Объясняться было некогда, нужно было успеть до появления подмоги. Человек, похоже, придерживался того же мнения. Прорывав что-то непонятное, но, вне всякого сомнения, оскорбительное, он набросился на эльфа с такой яростью, что Нэо был вынужден сделать шаг назад, но спустя мгновенье они снова сплелись, как пара влюбленных осьминогов.

Какое-то время противники, не мудрствуя лукаво, мерились силой, затем мужчина споткнулся и упал, потянув за собой Романа, и они принялись кататься по земле. Тут

ловкость решала больше, чем сила, и Рамиэрль без особого труда уложил черноволосого на лопатки и освободился от его захвата, видимо, несколько перестаравшись. Человек коротко ойкнул и обмяк, потеряв сознание. Роман торопливо вскочил, надеясь, что еще успеет объясниться с Аддаром. Но не тут-то было. Стрелок оказался куда хитрее, чем казалось. Обморок оказался уловкой, позволившей добраться до оброненного кинжала.

Глаза Романа сузились. Если б он знал луцианский! Увы... Не дожидаясь нападения, эльф кинулся вперед, одной рукой схватив черноволосого за широкий кожаный пояс, а другой за запястье сжимающей клинок руки. Стрелок не только не успел ударить, но отлетел назад, отброшенный рысьим прыжком нападающего. На сей раз Рамиэрль не церемонился. Прижав левую руку человека к боку и не думая ослаблять стальную хватку, Нэо с немыслимой для столь стройного и грациозного создания силой резко вывернул кисть противника, заставляя пальцы разжаться. Человек вновь выругался, потом застонал, в темных глазах блеснули злые слезы, а когда Роман ослабил захват, правая рука черноволосого повисла плетью. Взревев, как осенний вепрь, стрелок бросился в последнюю, безнадежную атаку, остановленную ударом в челюсть, которому юный бард некогда обучился в притонах Гверганды.

Неловко взмахнув здоровой рукой, страж Полуденной Рощи грохнулся на помятые цветы. Роман, не желая дальше рисковать, навалился на бунтаря сверху. Даже прижатый к земле и лишившийся одной руки, черноволосый делал бешеные попытки освободиться, и Рамиэрль был вынужден схватить его за горло, а потом придавить к земле обоими коленями, лишая возможности двигаться. Только после этого победитель решился оглянуться.

Аддар с каким-то странным выражением смотрел на поверженного врага, а рядом, вцепившись в плечо пасынка, стояла владычица Ильгэйбэ.

2886 год от В.И.

26-й день месяца Зеркала.

Арция. Кер-Туссен

Королевские приказы не обсуждаются, какими бы неприятными они ни были. Александр предпочел бы взять десяток таких крепостей, как Кер-Септим, только б не присутствовать при церемонии передачи бывшей арцийской королевы в руки нынешнего графа Саррижского, но Филипп был непреклонен, и герцог Эстре в сопровождении Сезара Мальвани, канцлера Койлы и приличествующего случаю эскорта прибыл в городок Кер-Туссен. Сандер понимал, что, вынуждая его вручить Агнесу ее ифранским родичам, брат привязывает его к арцийско-ифранской сделке, но бороться у него не было ни сил, ни желания. Все равно ничего не исправить. Договор подписан, нарушить его – стать клятвопреступниками, мало чем отличающимися от той же Агнесы, воспользовавшейся перемирием для убийства.

Герцог Эстре старался думать не о прошлом, а о будущем, то прикидывая, как лучше начать эскотскую кампанию, то воображая встречу с Даро. Как она там? Здорова ли, не очнулась ли от наваждения, бросившего сказочную красавицу в объятия горбуна? Он скучал о подруге, но совсем не так, как Этьен, каждую свободную минуту строчивший сонеты далекой возлюбленной, или Никола, щеголявшей шарфом Мари Гартаж. Сандеру было довольно того, что Дариоло существует, а говорить о ней герцог избегал даже с Рафаэлем, боясь спугнуть хрупкое счастье. Теперь они с Даро свидятся на полгода раньше, чем он надеялся, но даже любовь не облегчала горечи потерянной победы и страха. Александр боялся Жозефа не как военачальника, а как жестокого и умного интригана. Герцог подозревал, что спать на постеленной Пауком постели будет очень жестко, и к тому же среди шитых золотом подушек и одеял окажется клубок ядовитых змей. Сезар и Гартаж думали так же, но от этого было не легче, наоборот.

– Монсигнор, – аюдант в цветах Базиля Гризье лихо осадил коня и вскинул руку в приветствии. Кортёж вступил в город.

– Благодарю вас, – Александр вопросительно поднял глаза.

– Виконт Гозэ.

– Благодарю вас, виконт. Передайте, что мы сейчас будем.

Они точно рассчитали время, выехав на украшенную иссякшим фонтаном площадь между появлением ифранцев и Агнесы. Племянницу Жозефа встречали наследник ифранской короны принц Франсуа и нынешний граф Саррижский, приходящийся Агнесе племянником. Одетые более чем скромно «селезни» явно тяготились своей миссией, особенно Сарриж – худой молодой человек с красивым, нервным лицом, явно не испытывавший восторга от предстоящей встречи с тетушкой. Франсуа, словно проглотивший палку, церемонно поклонился, арцийцы ответили тем же. Послышался стук копыт, и в проеме между иглецием и домом эркарда появилась карета, окруженная всадниками. Ехавший впереди Базиль изящно спешился и, распахнув дверцу, подал руку закутанной в лиловое женщине.

Так уж вышло, что Александр Тагэре ни разу не видел ифранку. Он чуть не столкнулся с ней после боя, но пришлось выручать обоз с ранеными. Когда бывшую королеву, провезя по улицам Мунта под улюлюканье толпы, водворили в Речной Замок, Сандера в столице не было. Они с Сезаром настояли на том, чтобы проводить в последний путь Рауля ре Фло, это было делом чести.

У младшего из Тагэре никогда не возникало желания навестить пленницу, хотя именно по его настоянию Агнесе разрешили похоронить сына. Филипп считал отца и Эдмона отмщенными, но для Сандера убийство принца Гаэльзского стало еще одной болью. Теперь же, глядя на женщину, ставшую причиной неисчислимых бедствий, герцог Эстре не чувствовал ничего, кроме усталости и удивления. Перед ним была худая мужеподобная старуха с провалившимися пустыми глазами. Она послушно вылезла из кареты, неловко наступив на подол собственного платья, и, опираясь на руку красавца Базиля, доковыляла до фонтана, куда подошел ее племянник. Гастон Койла зачитал документ, который следовало подписать, и она все так же равнодушно поставила свою подпись под словами: «Отдаю себя под покровительство короля Ифраны и обязуюсь до конца своих дней не покидать родового имения и именовать себя не иначе как вдовствующая герцогиня Лумэн».

По знаку принца Франсуа на площадь подъехала крытая повозка с коронованным селезнем, из которой вынесли сундуки, набитые такими же монетами, как и те, что Луи Трюэль нашел в Кер-Септима. Гастон поднял крышки и повернулся к герцогу Эстре. Жозеф наверняка бы потребовал пересчитать, но Александр лишь махнул рукой. Несколько дюжих парней в ливреях с нарциссами взгромодили выкуп на запряженные парами цевцев телеги, вокруг которых выстроилась охрана.

Граф Сарриж подошел к неподвижно стоящей женщине и подал ей руку, она хоть и не сразу, но сообразила, что от нее требуется, и с помощью родича добрела до скромной кареты с занавешенными окнами. Кучер щелкнул кнутом и взвизгнул «ийехо». Лошади взяли с места крупной рысью, и Агнеса Саррижская навсегда покинула Арцию.

– Мне жаль ее, – тихо сказал Александр. – Не думай, что я забыл и простил. Но ТАКУЮ мне ее жаль...

– Наверное, – в голосе Сезара сквозила неуверенность, – все дело в том, что мы не можем связать эту старуху с тем, что она натворила. До смерти сына она была настоящей ведьмой, теперь одна оболочка осталась. Не понимаю, как она вообще живет и зачем. Я бы не смог.

– Потому и живет, что не понимает, – Сандер все еще смотрел вслед карете с коронованными селезнями, – если человек перестает чувствовать, он живет по привычке. С матерью случилось что-то похожее.

– Ты давно был в Эльте?

– Очень. Но теперь придется... После Гаэльзы. Поставленные отцом и Раулем замки еще держатся. Чтобы Замковый пояс ожил, нужно не так уж и много.

– Да уж, немного, – Малве рассмеялся, но смех прозвучал невесело. – Всего-навсего золото и твердая рука. К счастью, у тебя есть и первое, и второе, хотя саброновских ауров

надолго не хватит.

– Я договорюсь с нобилями, думаю, что-то сдери с эскотцев... Отец все продумал, нужно лишь довести до ума.

– Сандер, я должен тебе сказать...

– Что ты остаешься в Оргонде? Я так и думал.

– Жозеф постарается за семь лет или сожрать Марка с потрохами, или перетянуть на свою сторону, хотя это вряд ли... Герцог – человек неприятный, но глупцом его не назовешь. Он хочет, чтобы его наследники правили суверенной страной. Не знаю, что придумает Паук, но я нужен здесь и отцу и... герцогине. Конечно, если в Арции что-то случится, я...

– Я знаю, что на тебя можно положиться. Ты прав, Сезар. Марте нужна помощь. Не думаю, что Жозеф решится на войну, по крайней мере, в ближайшие два-три года, но пакостей от него можно ждать любых, вплоть до убийства или какой-нибудь чудовищной лжи.

– Ты о чем?

– Знал бы, сказал... Эх, почему я не Обен! Старик наверняка бы что-нибудь придумал, узлом бы завязался, но оставил Паука с носом, а мы с Эженом, видать, лишь мечом махать горазды.

– Не говори ерунды. – Виконт Малве тронул коня, и Сандер последовал его примеру. Они медленно поехали по Соляному тракту, но потом Эстре свернул в поля. Было тихо и солнечно, как бывает лишь осенью, когда природа уже затаилась в ожидании грядущего ненастья, а оно запаздывает, даря лесам и полям несколько дней пронзительной светлой печали. В такие дни ничего не боятся и ничего не оплакивают.

– Сандер, – виконт вынул из-за пазухи два письма, – дорога в Гаэльзу лежит через Малве, – передай это маме. Надеюсь, она поймет нас обоих.

– Передам. Неужели ты думаешь, что я бы этого не сделал, даже не будь там Даро?

– Вот, значит, кто... Ты приехал счастливым, но я не знал, кто она.

– Неужели так заметно?

– Мне – да. Луи и Ювер наверняка догадываются, другие вряд ли. Рафаэль знает?

– Я ему рассказал. Он все понимает.

– Еще бы. Мне как-то спокойнее, что он с тобой. Меньше чувствуешь себя предателем.

– Что за глупости, – Александр натянул повод, и жеребец, возмущенно фыркнув, остановился, – ты стал моим первым другом... после Дени. Такое трудно объяснить, но мы вместе на всю жизнь.

– Да что ты оправдываешься. Каждый человек неповторим, наша дружба – это наша дружба. Она не заменит вашей дружбы с Рито. И наоборот. Говоришь, трудно объяснить? Мне тоже кое-что трудно объяснить, но я знаю, что ДОЛЖЕН остаться в Оргонде. Хотя я очень хочу быть твоим другом на свадьбе...

– Кто знает, когда она будет. Ты же видишь, что Филипп на грани. Если я женюсь на дочери мирийского герцога, после того как поклялся, что между нами ничего нет и не будет, брат Проклятый знает что вообразит.

– Но ведь, когда ты клялся, ничего и не было.

– Не было, но Филипп привык жить среди лжецов, он решит, что я солгал. Я хотел сказать правду после Кер-Септима, но все пошло не так.

– Так обвенчайтесь тайно, Проклятый вас побери. Евгений с дядей обделают все в лучшем виде. Знаю, что ты не терпишь вранья, но иногда без него не обойтись. Можно мне сказать отцу?

– Конечно. Ведь Даро под его крышей и под защитой твоей матушки. Жаль, что мы с маршалом так и не встретились.

– Ему тоже жаль, хотя я думаю, это и к лучшему, – задумчиво проговорил Сезар, перебирая рыцарскую цепь.

Сандер вопросительно взглянул на друга, ожидая продолжения. Малве немного поколебался, но затем раздельно произнес:

– Я рад, что вы не встретились, потому что тебе не нравится, когда говорят о твоём сходстве с отцом и сравнивают с братом.

– Да, я не люблю эти разговоры.

– Сандер, – тихо сказал Сезар, – надеюсь, ты считаешь меня своим другом? Не молчи. Я, как ты понимаешь, не пьян и не склонен к излишним сантиментам. Если я твой друг, я должен тебе сказать то, что думаю. И скажу. Если нет, что ж...

– Говори.

Но Сезар Малве надолго замолчал, видимо, подбирая слова. Затем виконт поднял голову и заговорил тихим и ровным голосом, лишенным всякого выражения. Так младшие клирики читают над умершими Книгу Книг.

– Тебя всегда будут сравнивать с Шарлем Тагэре, Сандер. Ты можешь запретить об этом говорить нам, но ты не заткнешь глотку каждому солдату или студиязусу. Дело не в тебе, а в Филиппе. Посмотри правде в глаза. Твой брат обманул ожидания людей. Он слабый король. Гораздо слабее, чем нужно Арции.

Александр поднял руку, собираясь возразить, но, видимо, передумал. Сезар с пониманием посмотрел на него:

– Прошу, дослушай, хоть это и неприятно. Твой брат никогда не станет подобием Паука, сильного своей подлостью, безжалостностью и равнодушием. Но он никогда не станет и таким вождем и государем, каким был бы ваш отец. Государем, который настолько выше других, что не боится окружать себя лучшими и предпочитает друзей, а не захребетников и льстецов. Двадцать лет назад в Филиппе видели продолжение Шарля, а он оказался заурядным правителем, ревнивым, безвольным, не желающим смотреть правде в глаза. Он неплохой человек, и именно это опаснее всего. Король-подонок, король-мерзавец, если он умен и талантлив, может быть полезен для своей страны. Слабый негодяй на троне не усидит, и о нем никто не пожалеет. Но такие, как Филипп, – вечное искушение для подлецов навряд ли первого Лумэна и источник мучений для тех, кто видит, что король губит страну, не являясь подлецом и преступником, убить которого – долг каждого рыцаря.

– Сезар, зачем ты это говоришь?

– Потому что скоро тебе это скажут другие. Будь готов, что кто-то из нобилей спьяну или со зла брякнет, что ты был бы лучшим королем, чем твои братья.

– Марк это уже сказал. Но я никогда не предам Филиппа.

– А он тебя? С каждым годом ты все больше напоминаешь Шарля, а Филипп все меньше. Элла и ее семья тебя ненавидят, но чем сильнее тебя ненавидят «пудели», тем сильнее любят солдаты и простонародье. Я не знаю, что будет через семь лет, но, если Паук не околеет от старости, Арции придется солоно. Ты же понимаешь, что Филипп проест полученные деньги... Это же так просто и удобно, ни о чем не думать, получать ифранское золото и расплачиваться им с ифранскими же купцами. За семь лет Арция превратится в свадебного кабана, которому под рыло суют готовое варево. Тепло, сытно, лениво... Уж куда приятнее, чем в лесу из-под снега желуди выкапывать. Только потом за такое собственной кровью расплачиваются.

– Ты думаешь, я этого не вижу?

– Видишь. Но что ты можешь сделать? Ты, пока еще любимый брат короля, герцог Эстре, вице-маршал, ЧТО ТЫ МОЖЕШЬ СДЕЛАТЬ?! Ты взял Кер-Септим, преподнес брату победу, а ее разменяли на подстилки для «пуделей». Ты и Джакомо отлупишь, но ты не разгонишь обсевшую короля свору. Рауль попытался и сам угодил в паутину...

– Я не Рауль.

– Да, ты не Рауль. Но будь осторожен.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ AGE QUOD AGIS¹⁰⁰

*Хорошо, если конь закусил удила
И рука на копье поудобней легла,
Хорошо, если знаешь, откуда стрела,
Хуже, если по-подлому, из-за угла.*

В. Высоцкий

2886 год от В.И.

10-й день месяца Звездного Вихря.

Арция, Мальвани

В Мальвани Сандер и Рито подъехали вечером. Первый месяц зимы в этом году выдался не слишком холодным, по крайней мере для этих мест. Кони, потряхивая гривами, бодро шагали между вековых дубов. Подо льдом спала присмирившая Лэира, с печальным криком в пламенеющее небо поднялась туча черных птиц. Лес расступился, и дорога побежала среди пустых белых полей. Справа показался высокий обелиск, поставленный в память побед кого-то из первых Мальвани. Рито, насвистывая фривольную оргондскую песенку, искоса взглянул на серьезное лицо друга. Александр не находил себе места с тех пор, как король назначил его протектором Севера и отправил в Эстре. Хотя, пожалуй, все началось раньше, когда Сандер узнал о паучьем золоте и пошел против брата и толпы проглотов. И правильно сделал, а с Филиппом они помирятся, а не помирятся, тем хуже для короля.

Байланте до мозга костей, Рито считал, что единственное, чего нельзя исправить, – это смерть. Со всем остальным можно и нужно спорить. Конечно, неприятно, что Филипп пошел на поводу у Паука, но какие наши годы! Что до эскотской затеи Сандера, то мириец почитал ее вполне осуществимой, а король, чем бы он при этом ни руководствовался, наделил брата такими полномочиями, что тому теперь никто не указ. И прекрасно! Расколотим Джакомо, затем Фронтеру, а там и паучий мир кончится, так что все утрясется само собой.

Александр на подобные жизнерадостные высказывания лишь качал головой и улыбался, но Рафаэль не сомневался: как только дойдет до дела, друг возьмет себя в руки, но сначала надо немного отдохнуть. Мальвани находится на полдороге из Мунта в Гаэльзу, и никого не удивит, если брат навестит сестру, а герцог Эстре передаст герцогине Мальвани письма от мужа и сына. Странно было бы, поступи они иначе, другое дело, что задержаться больше чем на несколько дней не получится. Война есть война.

Пока же с армией, выдвигающейся на север, великолепно управятся Игельберг и Одуэн Гартаж. Дарниец Рафаэлю нравился в той же мере, в какой его тошнило от Рогге и Вилльо, которые, к счастью для них, остались далеко. Мириец был вполне доволен жизнью и ужасно хотел, чтобы Александр чувствовал то же. Неистовое пламя заката, кружащие в небе птицы, стремительно выраставшие стены и башни старинного города отнюдь не казались Рафаэлю зловещими, и он искренне удивился, услышав слова Александра о какой-то там дурной примете.

– Сандер, вороны на заре всегда летают и орут, а что небо такое красное, так это к ветру... Да и что могло здесь случиться? До границы далеко, войны пока нет.

– А почему тогда Миранда не вернулась из Малве в Мунт?

– Проклятый! А чего ей там делать? На «пуделиху» смотреть? То, что мы вернемся, она не знала, мы же уходили до следующей осени.

– Да, наверное...

– Сандер, да что с тобой такое? Сезар получил от матери два письма, все было в порядке.

– Два месяца назад.

– Ответь мне, только честно. Кто был на войне? Ты или Даро?

Рито с облегчением увидел, что Александр рассмеялся и с готовностью присоединился

к другу. Луи Трюэль на полном серьезе утверждал, что байланте если не целуется с девушками, то поет, а если не поет, то дерется или смеется. В этом, безусловно, была изрядная доля правды.

Они успели в город до закрытия ворот, хотя герцога Эстре в Мальвани пропустили бы даже в Рябиновую полночь¹⁰¹. Копыта мирно зацокали по булыжникам мостовой. Замок Мальвани располагался на холме у реки, но мост поднят не был, что лишь подтвердило слова Рафаэля о мире и благополучии.

Одноногий привратник в теплом плаще, из-под которого виднелся старательно начищенный нагрудник, сияя щербатой улыбкой, распахнул ворота, пропуская дорогих гостей. Замок еще не спал, и встречать приехавших высыпало чуть ли не все его население. Эстре и Кэрна соскочили с коней, подавая пример эскорту. Двор заполнился ржанием, топотом, звоном железа, веселыми, усталыми голосами. На парадном крыльце, кутаясь в серую, расшитую серебром шаль, появилась Миранда, нежно поцеловавшая герцога в лоб. Сандер не мог при всех спросить о Даро. Это сделал Рито, склонившийся в изящном поклоне и поднесший к губам поясную ленту сигноры.

– Ваша сестра здорова, но уже легла. Мы не ожидали таких гостей и так рано...

– Король рассудил иначе, сигнора. Он предпочел мир войне.

– Мир? – Миранда казалась удивленной. – Но мир с Пауком невозможен.

– Увы...

– Вы мне все расскажете за ужином, а пока вам нужно переодеться. Ваши комнаты ждут вас...

Комнаты и вправду ждали. Они не только сияли чистотой, но были протоплены, а в высоких вазах стояли зимние оранжевые цветы, название которых Сандер никак не мог запомнить, и ветки можжевельника.

Сандер заканчивал переодеваться, когда в дверь постучали, и вошла Миранда с удивительно серьезным и непроницаемым лицом. Чувствуя свою вину – он не сразу передал герцогине письма, Александр потянулся к сумкам, но женщина его остановила.

– Я прочитаю чуть позже. Не сомневаюсь, Сезар и Анри в порядке, иначе у тебя бы были другие глаза. Я пришла сказать о Даро. Во-первых, я все про вас знаю. А во-вторых, только не упади, месяц назад у тебя родился сын. Мы с Даро думаем, что ему подойдет имя Шарло, но решать тебе.

– Сын? – Сандеру показалось, что он сошел с ума. – Как?

– Как? – засмеялась Миранда, – точно так же, как и у всех. Нового способа еще не придумали. Все прошло просто замечательно.

– Я могу... их увидеть?

– Еще бы... Даро тебя ждет. Ужин накрыли у нее, а все, что нужно, мне расскажет Рито. А теперь можешь отдать мне письма. И вот что, милый. Девочке пока лучше воздержаться от... Словом, ты меня понимаешь.

2886 год от В.И.

Вечер 10-го дня месяца Звездного Вихря.

Арция, Мунт

Крутобедрая служанка в накрахмаленном чепце принесла кружку крепленного царкой горячего вина со специями, и Ив Сашни с наслаждением припал к вожденному напитку. Все шло прямо-таки замечательно. В начале осени комендант Речного Замка поймал Виктуара Тюлли на горячем: вместо того чтобы обходить посты, вечный соперник Ива развлекался с двумя кухонными служанками, притащившими своему кавалеру огромную

¹⁰¹ Рябиновая полночь – полночь Рябиновой ночи, приходящейся на ближайшее ко дню осеннего равноденствия новолуние. Один из семи великих праздников старой Тарры, позднее в сознании людей трансформировавшийся в легенду о ночи, когда нечисть вырывается на свободу и сбивает людей с праведного пути.

корзину снеди, предназначенной заключенной королеве и ее камеристке. Король, продав помешавшуюся Агнесу Жозефу, забыл вычеркнуть ее из списка расходов, и еда с королевского стола по-прежнему поступала в Речной Замок. Впрочем, и раньше, когда ифранка еще сидела в Соляной башне, приходящаяся на ее долю снесь частенько оказывалась в желудках прислуги, отнюдь не считавшей это преступлением. Старуха вовсе спятила, кормили ее чуть ли не насильно, и ей, в отличие от караул-деканов, было абсолютно все равно, какого возраста оказавшаяся на ее тарелке курица. Кухонные девицы и охрана замка прекрасно ладили друг с другом, но всему свое время. Только последний дурак мог завалиться с бабами в постель, когда Проклятый принес из города коменданта, да еще не запереть как следует дверь.

Как бы то ни было, Виктуар был вытащен из теплого гнездышка в чем мать родила, зверски изруган, лишен месячного жалованья и в довершение всего приговорен к дежурствам на время всех будущих праздников. Боров увидел в этом перст Божий и воплощение вселенской справедливости. Когда еще злопамятный и нудный сигнор Пандайе забудет прегрешение Виктуара! А пока Тюлли в холодных тяжелых железях ходит по гулким коридорам Речного Замка, Ив Сашни сидит в харчевне «Цепной пес», пьет горячее вино, поджидая заказанную баранину с горохом, которой славится здешний повар, и прикидывает, заняться ли после ужина крутобокой красоткой или пойти поиграть в кости.

Со смаком отпивая из дымящейся кружки, Боров Сашни лениво разглядывал посетителей таверны. Народу было много, «Цепной пес» был славным и недорогим местечком. Служанка принесла ужин и жеманно хихикнула в ответ на игривый щипок бравого караул-декана. Это решило дело, Ив решил никуда не ходить и не искушать судьбу, однако судьба в лице бледного человека неопределенного возраста с опухшим невыразительным лицом нашла его сама. Подняв голову от миски с бараниной, стражник столкнулся взглядом с... призраком Его Величества Филиппа Второго.

Лишенный всяческого воображения Боров не впал в ужас и не счел себя сумасшедшим или спящим. Перед ним была та самая физиономия, которую он видел в замке в ночь смерти Пьера, и, хотя бледномордый на сей раз был одет, как обычный горожанин, стоял на земле, а не плыл по воздуху, и благополучным образом пил вино, а не предрекал несчастья, стражник не усомнился ни на мгновение. Караул-декан Речного Замка умом не блистал, но память на лица у него была отменная. Кроме того, Ив прекрасно помнил, как после того, как придурочного Пьера похоронили, его разыскал какой-то сигнор, выложивший за рассказ о привидении три полновесных аура. Позже Сашни совершенно случайно узнал, что щедрый господин служит в доме Обена Трюэля.

Увидев вполне живого мужика с физиономией призрака, караул-декан сложил два и два и пришел к выводу, что если он разузнает, кто это такой, и сообщит Обену, то заработает еще несколько ауров. Ив был лентяем и обжорой, но не в том случае, когда перед ним маячила реальная выгода. Сделав вид, что он полностью занят ужином, Боров пересел так, чтобы видеть «покойного короля». Если тот и вправду человек во плоти, то узнать его имя и место обитания труда не составит, а потом он пойдет к старому обжоре...

2886 год от В.И.

11-й день месяца Звездного Вихря.

Арция. Мальвани

— «...благословенна будь душа, вступающая в сей мир! Да пробудится она и потянется к лику Творца, как тянется цветок к лику солнечному». — Епископ Мальвани произнес последние слова молитвы Приятия и обернулся к Сандеру, держащему на руках сына.

— По слову зачавшего сие дитя, устами смиренного служителя Божия и пред лицом Всеотца нашего и в Обители Его сын Александра из рода Арроев и Дариоло из рода Кэрна да будет наречен Шарль-Роман-Аларик. Арде!

— Арде! — благодарно прошептала Даро, глядя в светлые глаза красавца-епископа. Она не могла поверить, что Александр и вправду вернулся, успев как раз к Приятию. Когда она

увидела его прошлым вечером, ей показалось, что это сон, но это и вправду был он. И Рито. Оба живы и здоровы, и это главное. Какое ей дело до какого-то договора с Ифраной, денег, политики?! Кому это важно?! Она, конечно, опять расплакалась, как последняя дуручка. Сандер ей что-то говорил, но она слушала, не слыша, важен был только его голос и его объятия, все остальное не имело никакого значения...

Служба закончилась, и Даро с сияющим лицом повернулась к Александру, стоявшему рядом. Кроме них, в небольшом иглеции были лишь Рафаэль, Миранда и трое доверенных слуг. Но Дариоло никогда не любила шумных сборищ, хорошо, что здесь лишь самые любимые. Она ничуть не расстроилась, когда Жорж, с сожалением глядя на них с Сандером, объявил, что в промежуток между Ночью Скорбей¹⁰² и праздниками равноапостольной Циалы нельзя совершать обряд бракосочетания. Ничего страшного, они поженятся весной, когда Александр вернется с эскотской границы. Так даже лучше. Сандер непременно одержит победу и помирится с королем, иначе просто быть не может.

Даро не понимала, что произошло между братьями, она от души хотела, чтобы Александр и Филипп жили в полном ладу, но отнюдь не потому, что старший был королем, а потому, что Сандер любил брата и страдал от их размолвки. Даже радость от встречи и известия о том, что у него родился сын, не смогла полностью вытеснить из сердца герцога оргондскую ссору. Неужели он жалеет, что так быстро вернулся?! Но почему?

– Даро, Сандер! Как же я за вас рад, дорогие мои. Это я говорю не как клирик, а как брат Миранды и друг Шарля Тагэре. – Жорж, уже снявший верхнее, расшитое речным жемчугом одеяние, надеваемое лишь во время службы, смотрел на них с грустной нежностью. – Пошлите мне весточку весной.

– Конечно, – чуть смущенно сказал Александр, – спасибо вам за все. Вам и Миранде.

– За что спасибо? – Герцогиня обняла Даро. – Пока вы развлекались в Оргонде, Даро меня утешала. Но, дети мои, Шарло пора вернуть Люсьене. Вы пока не женаты, и хотя слугам я верю, но...

– Вы правы сгнора, но как бы я хотел остаться здесь с ним и с Даро, открыто.

– Ты – герцог Эстре, Сандер, – тихо сказал епископ, – от тебя слишком многое зависит, чтоб ты мог жить для себя. Да ты и не сумеешь...

Дальше Дариоло не слушала. Старая Жюли унесла маленького, все прошли к накрытым столам. Мужчины и Миранда продолжали говорить о войне, но Даро могла думать лишь об одном. Миранда сказала: «...пока вы развлекались в Оргонде». Сандер расстроен, что война так быстро кончилась, когда-то, (об этом знал весь Мунт) у Александра был роман с оргондской красавицей. Ее звали Вивиана. Мирийка представила ее себе – веселую, опытную, золотоволосую, в роскошных одеждах. Вчера он был с ней очень нежен, но и все. Конечно, медикусы и старухи говорят, что ей нужно немного побережться, но, если бы он эти полгода был один, он бы не выдержал.

Дариоло не сомневалась в том, что герцог ее не оставит, тем более сейчас, когда у них появился сын, но ей нужна была любовь, а не благодарность и чувство долга. А Миранда, Жорж и Рито все не уходили. Они говорили о Филиппе, Жозефе, маршале Анри, Сезаре, здоровье Евгения, подлости Клавдия, антонианцах, дарнийских наемниках, оргондских герцогах... Опять Оргонда, сплошная Оргонда! Даро встала и, пролепетав, что хочет отдохнуть, ушла к себе. Ее не удерживали. Затворяя дверь, она слышала, как Жорж рассказывал о привычках эскотцев. Даро почти с ненавистью оглядела свою комнату, украшенную атэвскими и хаонгскими безделушками и ветками физалиса. Весело пылал огонь, на каминной полке важно возлежал тигр, надменный и равнодушный. Мирийка немного боялась бронзового зверя, но стеснялась в этом признаться.

Даро присела на край кровати, пытаясь унять подступающие слезы. Туго перевязанная

¹⁰² Ближайшее новолуние, предшествующее дню зимнего солнцестояния (1-й день месяца Копьеносца). Празднества святой Циалы приходятся на 11–18-й дни месяца Вепря. Соответственно самое раннее начало зимнего поста – 1-й день месяца Звездного Вихря, самое позднее – 28-й день месяца Звездного Вихря.

грудь все еще ныла, хотя от молока Даро почти избавилась. Она даже ребенка не имеет права выкормить! Люсьене хорошо, муж и дети при ней, никто не уезжает на войну, ничего не нужно скрывать. Дариоло встала, подошла к окну, отдернула бархатные розовые занавеси, посмотрела в холодную звездную темноту. На подоконнике лежала Книга Книг, сборник сонетов какого-то Армана Перше и несколько модных картинок, изображавших красавиц в изысканных туалетах. Одна, светловолосая, в сиреновом платье, отделанном черным бархатом, напомнила о той самой Вивиане, которую мирийка никогда не видела. Даро схватила ни в чем не повинный рисунок и со злостью швырнула в камин. Плотная хаонгская бумага вспыхнула не сразу, и Даро получила сомнительное удовольствие, глядя, как темнеет и съезживается изображение предполагаемой соперницы.

Скрипнула дверь, и женщина торопливо вскочила, не желая быть застигнутой за такой проделкой. Это был Александр, как и вчера, ласковый и спокойный. Он нежно улыбнулся, и Даро поняла, что не вынесет неопределенности. Будь что будет, и она прерывающимся голосом спросила:

- Ты рад, что вернулся?
- Конечно, но я предпочел бы вернуться с победой.
- То есть весной? Ты хотел остаться на зиму в Оргонде?
- Хотел? Это было нужно... Прости, но я не совсем понимаю.
- Сандер, – мирийка опустила глаза, покраснела и все-таки договорила, – Санчо, ведь у тебя были другие женщины? В Оргонде...
- Даро! – Александр выглядел ошарашенным. – Ты о чем?
- О Вивиане. Ты видел ее сейчас?
- Видел, – честно сказал Александр. – Вивиана – придворная дама моей сестры.
- Видел... – Дариоло казалась убитой, – значит, видел...
- Ну не мог же я глаза себе завязать, – Сандер нерешительно улыбнулся, – Дарита, при чем здесь Виа?
- Она красивая? – спросила Даро, прекрасно зная ответ. – И умелая? Она знает больше, чем я?
- Она старше меня на девять лет. – До Александра наконец дошло, и он, одновременно недоумевая и чувствуя себя невероятно счастливым, притянул Дариоло к себе. – Ты ревнуешь? Ты?! Меня?! С ума сошла...
- Ревную? Нет, конечно! – пискнула Даро и тихо добавила: – Ревную. Очень. С ней тебе было лучше... Но ты мне скажешь, как надо?
- Проклятый! Виа была добра ко мне, она и вправду меня многому научила. И спасибо ей. Когда я встретил тебя, я не был ни щенком, ни грубым солдафоном. Но и все. Я ее не любил, она меня не любила. Мы просто были вместе.
- А зачем?
- Не знаю... Так вышло.
- Значит, ты ее все-таки любил, а она тебя.
- Дарита, не любил я ни ее, ни кого другого, клянусь тебе.
- Совсем никого? Но ведь все кого-то любят. Особенно мужчины... Мой брат, ему все девушки нравятся.
- Если все, значит, ни одной. А ты-то сама? Раз говоришь, что все, значит, и ты тоже, – засмеялся Сандер, – признавайся, кого ты любила?
- Никого, – ее глаза смотрели открыто, она не лгала, он чувствовал это, – меня готовили к постригу, я никого не видела и ни о ком не думала. Пока не узнала тебя. Но ты видел много дам: королева, ее сестры, неужели ты ни о ком не мечтал?
- Пожалуй, что и нет... Разве что была одна глупость. Давно, мне и семнадцати не было...
- Кто она?
- Карточная картинка.
- Как это?

– У Жаклин были карты, как-то я их разглядывал. От нечего делать. Там была королева Осени. Сам не знаю почему, но я ее запомнил.

– Я похожа на нее?

– Нет, – Сандер нежно поцеловал Дариоло в губы, – и хорошо, что не похожа, та была тревожная, далекая, непонятная. А ты моя. Единственная.

– Сандер... – Дариоло понимала, что еще слишком слаба, ей это говорил медикус, да и Миранда предупреждала. Но какое это имело значение? Александр, тоже предупрежденный, попытался воззвать к здравому смыслу, но недаром атэвы говорят, что, если женщина потянет, семь пар буйволов не перетянут.

Нэо Рамиэрль

Злобный взгляд человека еще долго преследовал Романа. Преступника водворили в одну из башен, все, кроме них с Аддаром, разошлись, и только вытоптанные цветы напоминали о безобразной драке, осквернившей обитель Света. К утру оживленные магией горюцветы поднимутся и расцветут пуще прежнего, ему бы их способность забывать...

Двое эльфов молча сидели у радостно лепечущего потока, изливавшегося из пасти очередного льва. Летняя ночь кончалась, в низко склонившихся ветках чирикнула пробуждающаяся птица, на востоке над далекой горной грядой ночная тьма уступила место малиновому пламени, но в этом небе не сверкала, предвещая восход, Амора – это небо было чужим.

– За что? – Они так долго молчали, что Рамиэрль вздрогнул от неожиданности, услышав голос Аддара.

– Ты что-то сказал?

– За что он нас ненавидит? – повторил Солнечный принц.

– Очень немногие настолько справедливы, что ненавидят за что-то, в основном ненавидят не за что, а почему... Что до нашего друга, то я не знаю языка людей Луцианы и могу лишь догадываться.

– Я тоже не знаю.

– Странно.

– Наш приход спас людей от чудовищ, населявших Луциану, впрочем, тогда смертные мало чем отличались от животных. Мы дали им огонь, научили ремеслам и искусствам, открыли путь Света. Мы всегда готовы их выслушать, но за-чем нам язык смертных? Пусть учатся нашему, это им идет на пользу.

– Вот потому-то некоторые вас и ненавидят. За высокомерие. Помощь, оказанная насильно да еще без уважения, часто вместо благодарности порождает ненависть и зависть... Кстати, что будет с этим человеком?

– Он поднял руку на Владычицу, его будут судить, и, видимо, низвергнут в Бездну в День Перелома Года.

– День Перелома Года?

– В этот день ночь становится равна дню. Это день печали и размышлений.

– Сейчас середина лета, значит, если я потороплюсь, то успею понять последнее слово осужденного. Мне жаль, что именно я его схватил, но я хотел спасти женщину...

– И спас.

– Да, разумеется.

– Ильгэйбэ умеет быть благодарной. И отец тоже.

– Это не помешает, хотя я не хотел бы покупать удачу головой этого бунтаря. Как думаешь, эти размалеванные создания согласятся научить меня языку людей?

– Золотые паладины служат Свету. Просьба Перворожденного для них закон.

– Сдается мне, многие из них служат самим себе...

– Я их тоже не люблю. – Аддар лениво шевельнул рукой, и струя фонтана слегка переместилась, выйдя из длинной утренней тени, и окрасилась алым.

– Трудно любить тех, кто пытается казаться тем, кем ему никогда не стать, и считает

себя выше остающихся самими собой. Звездный Лебедь, что-то меня на философию потянуло.

– Рамиэрль, я, пожалуй, тоже выучу луцианский. Ты прав, паладины могут лгать нам о людях, а людям о нас. Может быть, мы успеем не только до казни, но и до суда.

2886 год от В.И.

1-й день месяца Сирены.

Арция. Геммская крепость

Настоящая война еще не началась, но первые приграничные стычки были в пользу герцога Эстре. Четыре больших разбитых отряда, с десятков маленьких, отбитая арцийская крепость, две взятые сторожевые эскотские башни – и все это за два месяца. Обнаглевшие за годы безнаказанности полосатики не ожидали нападения, тем более зимой, за что и поплатились. Но удачи не окрыляли: Приграничье было разорено, полуразвалившиеся пустые замки, покинутые деревни, поля, чью заброшенность не мог скрыть и снег... Даже не верилось, что когда-то Западная Эстре была цветущей и многолюдной.

Тем не менее войско Александра устроилось вполне сносно. Зимой лезть даже в невысокие горы нелепо, но держать в узде возжелавших пограбить соседей можно и в холода. Передоверив Штефану Игельбергу обустройство армии, герцог Эстре занялся подготовкой весенней кампании. Для начала следовало обуздать эскотских баронов, повадившихся разбойничать в Эстре при молчаливой поддержке Джакомо. Правду сказать, король полосатиков на своих приграничных подданных особого влияния не имел, те жили сами по себе, так что «разговор» с разбойничьими сигнорами войной с Эскотой еще не являлся. Сломав же приграничные кланы, Эстре предстояло столкнуться с племянником Джакомо. Граф Ра-Набот железной рукой правил восточными провинциями, не оглядываясь на засевшего в Данлее дядюшку. За Наботом шла считавшаяся неприступной Лидда, и лишь за ней начиналась настоящая Эскота, более или менее управляемая Джакомо Вторым.

Хорошего во всем этом было одно: приграничные вожаки, Ра-Набот, Лидда и Джакомо друг друга не терпели, и каждый последующий не стал бы помогать предыдущему, скорее наоборот. На это и рассчитывал Александр Тагэре, вознамерившийся бить полосатиков по очереди.

Вытурив эскотский гарнизон из Геммы, Сандер задумался о том, что делать с самым сильным из приграничных владетелей, самозванным графом Рориком Ра-Гваром, известным так же как Гварский Лось. Рорик успешно подминал под себя более мелкие кланы, уверенно становясь таким же владетельным сигнором, как Набот и Лидда, но пока избегал с ними бодаться, а вот беззащитная Эстре привлекала его необычайно. При этом Ра-Гвар при всей своей дикости был далеко не глуп. После первых неудач он убрался в свои то ли горы, то ли холмы, и выкуривать его оттуда теперь придется долго и нудно. Эх, если б удалось уговорить полосатика удовлетворять свои аппетиты за счет Набота! Лосю в принципе все равно с кем цапаться, лишь бы добыча была.

Александр с помощью Луи старательно ломал голову над тем, с чего начинать, но выход подсказали сами эскотцы. Дарнийский разъезд, проверявший окрестности Геммской крепости, превратившейся в основной опорный пункт армии Эстре, привез форменный вызов. Тринадцать лучших воинов Ра-Гвара желали сразиться с тринадцатью арцийцами. Разумеется, «волчата» пришли в восторг, но Сандер углядел в предстоящем сражении не только повод помахать мечом. От Рауля ре Фло и Жоржа Мальвани он слышал об эскотских обычаях: полосатики ценили удачу и удачу, говорили даже, что двое эскотцев в один день устроят две драки и три попойки. Это надо было использовать.

Об условиях договаривались такие знатоки, как Одуэн Гартаж и Артур Бэррот, жаждущий отплатить хоть кому-то за королевский турнир. Герцог ожидал посланцев в комнате с нещадно дымившим камином, решая с господином Игельбергом неотложные вопросы. Оглянувшись на скрип двери, Эстре с еле заметной иронией поинтересовался у вошедшего Одуэна:

– Как я понимаю, вы удовлетворили наших полосатых друзей?

– Сандер! – молодой Гартаж хихикнул. – У эскотцев полно недостатков, если даже не замечать их дурацких плащей, но они мужчины.

– Я в них не сомневался. На чем порешили?

– Ну, условия...

– Давай по порядку.

– Определили границы поля битвы, кто их переступит, выбывает из борьбы; выбитый из седла тоже. Деремся, пока не стемнеет. Если наступит ночь и никто не победит, хотя бы осталось только по одному бойцу с каждой стороны, битва считается законченной вничью. Оружие каждый выбирает по себе.

– И это все?

– А что еще?

– Нет, ничего, – задумчиво протянул Александр, вспомнив, что эскотцы отнюдь не обременены рыцарскими предрассудками. – А почему тринадцать?

– Счастливое число, полосатые всегда были суеверны.

– Кто преломит копья от нас, уже решили?

– Да мы все и Бэррот.

– Вас даже с Рафаэлем и Артуром двенадцать, а я, если Лось не дерется, не могу.

– Монсигнор, я считаю своим долгом принять участие в назначенной баталии, – подал голос молчавший до поры до времени господин Игельберг.

– Вы, Штефан?

– Это есть сражение, важнейшее для престижа нашей армии. Я был знакомым с эскотскими воинами, они могут делать вещи, неприличные для арцийского рыцаря. Мой опыт может оказаться полезным весьма.

– Я благодарен вам, господин Игельберг, но не лучше ли, чтобы тринадцатым стал ваш племянник?

– Ни в коем случае. Хайнц есть слишком молодой и поспешающий. А мое сердце говорит: здесь нужен старый бык, который не испортит пахоты.

– Ну, бык так бык, – Александр улыбнулся, но сразу же стал серьезным. – Если мы влезли в драку, то обязаны победить. Полосатики не Вилльо, они не на судей надеются, а на себя.

– Монсигнор правый есть, – веско заметил господин Игельберг, – говорить про врага до боя нехорошее и смешное есть самая глупая глупость.

Сандер был готов подписаться под каждым словом дарнийского наемника, он тоже предполагал каверзу, но какую? Жаль, что он оказался в стороне. Проклятый! Что может быть обидней, чем стоять и смотреть, как другие действуют...

2886 год от В.И.

2-й день месяца Сирены.

Арция. Эстре

Рафаэль Кэрна был разгильдяем и вертопрахом, но лишь пока дело не доходило до стали. Тут мирийский байланте становился серьезным, как отряд дарнийских наемников. Драка с эскотцами, которую его друзья ждали с нетерпением, вызывала противоречивые чувства. С одной стороны, вряд ли приграничные нобили могут тягаться на равных с лучшими рыцарями Арции, с другой, зачинщики схватки не могут этого не знать, но ведут себя так, словно уверены в победе. Рито, справившийся с Аганном при помощи уловок байланте, не исключал, что и у эскотцев есть в запасе какая-то хитрость. Что ж, будем смотреть в восемь глаз! Мирийца, признаться, изрядно взбесило, что спешившиеся выбывают из боя. Свои претензии он высказал Одуэну и Артуру, те признали, что были не правы, но Рафаэль, не терпевший запоздалого раскаяния, пожал плечами и отправился к дарнийцу. Странное дело, основательный господин Игельберг и дурашливый мирийский сигнор понимали друг друга с полуслова.

Рито вытянул из наемника все, что тот знал о полосатиках. Штефан-Альбрехт был рад случаю лишний раз выказать свою осведомленность. Мимоходом поучая молчаливого племянника, дарниец рассказал все, что знал или хотя бы слышал об эскотской манере боя.

– Я буду не вовсе я, – заключил он свою речь, – если завтра противник будет вести себя так, как ведет себя достойный рыцарь. Много нехорошего и подлого следует от них ожидать.

Рафаэль в этом не сомневался и поэтому, появившись на ристалище, был на редкость молчалив и сосредоточен. Сандер, надевший по случаю сражения герцогский плащ с белыми нарциссами, казался не то чтобы взволнованным, но явно был настороже. Зато Бэррот, Кресси и Гартаж от возбуждения разве что землю вместо своих коней не рыли. Луи занимался привычным дуракавалянием, Поль выглядел раздраженным, Этьен невыспавшимся, Никола, Ювер и Эжен казались совершенно спокойными, как и господин Игельберг, приладивший на шлем по случаю схватки роскошный плюмаж из подвитых перьев атэвского авеструса.

К расчищенному от снега полю, огороженному шестью с флагами, арцийцы подъехали одновременно с эскотцами. Александр заметил огромную фигуру на гнедом коне в шлеме с лосиными рогами и понял, что Ра-Гвар, как и он, почтил сражение личным присутствием.

Запели трубы, трое эскотцев и трое арцийцев громко прокричали оговоренные накануне правила, и двадцать шесть всадников с копьями наперевес храбро устремились друг на друга. Оказавшийся крайним справа, Рафаэль несясь вперед, не отрывая глаз от стремительно вырастающей фигуры соперника в шлеме, украшенном фигуркой филина. Мириец, полагавший бить в щит пошлым, нацелился в шлем эскотца, но тот внезапно опустил копье чуть ниже, чем следовало. Нельзя сказать, что Рито разгадал его замысел, скорее сработал инстинкт байланте: если бык делает что-то необычное, отскочи в сторону и посмотри. Кэрна резко дернул за узду, лошадь прынула вбок, и «филин» пронесся мимо. Рядом раздался грохот. Кто-то упал... Одуэн?! Не может быть, Гартаж не мог ошибиться! Он и не ошибался. Эскотцы не зря добивались, чтобы спешенные выбывали из схватки. Один из основных законов рыцарства требует не направлять копий против коней. Полосатики обратили это в свою пользу – их целью стали лошади, а не всадники, не ожидавшие такого подвоха.

Оглядев поле боя, Рито понял, что их осталось трое против двенадцати: Артур Бэррот не только остался верхом, но и умудрился свалить своего противника ударом в забрало. Не подкачал и Игельберг, так же, как и Рито, увернувшийся от удара, но остальные потеряли коней и были вынуждены покинуть ристалище. Эскотская хитрость была подлой, но впрямую оговоренных условий она не нарушала: арцийцам и в голову не пришло потребовать, чтобы противники не трогали лошадей.

Мириец послал Браво в длинный прыжок через два конских трупа и оказался бок о бок с Артуром, а через мгновение к ним присоединился дарниец.

– Мы должны оставаться верхними до прихождения ночного времени, – сообщил наемник.

– Продержимся, – крикнул Рито, – Артур, не лезь вперед, береги коня.

Видимо, лошадиный бог, потрясенный эскотской подлостью, принял сторону арцийцев. Их кони словно бы слились со своими всадниками в одно целое, в то время как лошади противников ни в какую не желали перескакивать через трупы своих собратьев, несмотря на прищипывание и прочие ухищрения наездников. Рито, Игельберг и Артур выжали из этого подарка судьбы все, что только можно. Ловко пользуясь любой возможностью, уцелевшая троица старалась подловить противников на малейших ошибках, когда же эскотцы пытались навалиться на арцийцев всей гурьбой, те укрывались за конскими трупами.

Воин в серо-черно-малиново-изумрудном, сваливший любимого жеребца Одуэна Гартажа, не смог перепрыгнуть через свою жертву, его кауры за что-то зацепился и рухнул, придавив всадника. Воспользовавшись обстоятельством, Артур напал сбоку на другого полосатика и выбил у того меч, а Рафаэль, обучивший Браво нескольким атэвским штучкам, позволил жеребцу вздыбиться и обрушить копыта на спину пронесшегося мимо рыцаря. Тот

ткнулся закованной башкой в конскую шею, а неистовый танец между мертвыми лошадьми продолжался.

Время ползло немыслимо медленно, по крайней мере, Рито казалось, что оно остановилось. Господин Игельберг свалил еще одного вояку, но и сам не рассчитал, его Тойфель заступил копытом за черту, и дарниец выбыл из схватки. Теперь Рафаэль и Артур противостояли девяти, из которых один потерял и меч, и копье, а двое были ранены. И все равно силы были неравными, а сумерки никак не желали наступать.

Рито боялся за Бэррота, который мог ввязаться в лобовую схватку, но Артур оказался умнее, чем про него говорили. Арциец ловко управлялся со своим конем, отступая там, где надо отступить, и используя малейшую возможность для нападения. Общими усилиями они вывели из строя еще двоих, затем удача чуть было от них не отвернулась. Выручил Браво, вовремя взбрыкнувший задом и угодивший копытами в грудь коня эскотца, оказавшегося достаточно ловким, чтоб подкрасться сзади. Ругнувшись, Кэрна развернулся к уцелевшим противникам и с удивлением обнаружил, что стемнело. Хрипло проревела труба, возвещающая конец сражения. Двое арцийцев и семеро эскотцев, ничего не соображая от навалившейся вдруг усталости, медленно направились к своим.

2886 год от В.И.

2-й день месяца Сирены.

Арция. Эстре

Если бы он был на поле, он бы устал меньше, чем от бессильного ожидания, но теперь наступил его черед. Александр Эстре поднял коня на дыбы, приветствуя Кэрну и Бэррота, но поскакал не к ним, а к троим эскотцам, назначенным наблюдать за схваткой.

– Никто не выиграл, господа, не так ли? – В голосе младшего из Тагэре слышалась неприкрытая ирония. – Хотя еще ни одной песни не спето о двенадцати, продержавшихся четыре оры против троих. Или все же следует говорить о семерых? Можно на этом закончить спор и подождать до весны, а можно продолжить. Передайте, – Сандер сделал многозначительную паузу, – графу Ра-Гвару, что я жду его завтра на этом же самом месте. Если он не придумает что-нибудь столь же благородное, как сегодняшний трюк с лошадьми, мы выясним наши отношения раз и навсегда.

Ответа герцог дожидаться не стал, а, пришпорив коня, каким-то образом догадавшегося о том, что на сегодня все, поскакал к сбившимся в кучу «волчатам».

– Только не говорите мне, что я сошел с ума. С эскотцами нужно разговаривать по-эскотски. Они хотели нас обхитрить и оказались в хорошей луже. Завтра они будут играть честно. Рауль говорил, полосатики имеют обыкновение держать слово по отношению к тем, кого уважают. Пока мы были для них в цене «пуделей», но сегодня доказали, что зубы у нас волчьи.

– Тебе виднее, – кивнул Ювер, – дед говорит, что лучше Рауля ре Фло Эскоту знал только Шарль Тагэре. Но зачем самому-то лезть? Артур или Рито немногим слабее.

– Может, и вовсе не слабее. Но если Лося «сделает» сын Шарля, это его не унизит.

– А нам-то что? – Никола Герар казался удивленным. – Мы не «пуделя», победами не торгуем.

– Жабий хвост! Ну, ты и грозен, как я погляжу.

– А для чего мы сюда пришли, если не содрать шкуру с Джакомо?

– Мы сюда пришли, – извиняющимся тоном пояснил Ювер Трюэль, – чтобы отмыть арцийское знамя и привести к концу перемирия с Ифраной Север в порядок. Данлею взять не трудно, но до нее еще дойти нужно.

– Ювер прав, – Сандер задумчиво накрутил на палец выбившуюся из-под берета темную прядь, – у нас два настоящих врага. Продажные шкуры в Мунте и Паук в Ифране. К ним спиной не повернешься, а к Эскоте, если не свалить дурака, можно.

– После сегодняшнего?!

– Именно, что после сегодняшнего. Лось, конечно, разбойник и именно поэтому из

кожи вон полезет, чтобы доказать, что он нобиль. А дальше как повезет. Может, Сандер и прав.

– Убедили, – махнул рукой Одуэн, – нам нужна быстрая победа, а потом долгий мир. Но, Сандер, неужели ты не доверяешь Артуру или мне?

– Доверяю, и еще как. Если б поединок был простым поединком, я оставил бы Лосю вам на растерзание. Мне бодаться с ним удовольствия не доставляет. Но я ХОЧУ, чтобы поединок перерос в переговоры.

– Значит, или ты, или Луи и Ювер...

– Я не смогу, – Ювер виновато улыбнулся, – Лось для меня слишком силен и для Луи, боюсь, тоже.

– Жабий хвост! Куда уж мне... Сандер, ты уверен, что справишься?

– Я не клирик, которому положено верить. И хватит об этом. Ну и холодина...

2886 год от В.И.

2-й день месяца Сирены.

Арция. Фей-Вэйа

Ее Иносенсия благосклонно взглянула на коленопреклоненного Бекко, протягивавшего ей завернутую в кисею шкатулку.

– Вы выполнили мою просьбу, несмотря на ее необычность и сложность.

– Я счастлив служить сигноре, но эта служба не была сложной. У герцогини последнее время часто идет кровь горлом, раздобыть ее платок было нетрудно, а герцог слишком волновался, слушая рассказ о сыне, и случайно раздавил бокал, который держал в руке. Рана была неглубокой, и монсигнор, не желая прекращать разговор, перетянул рану носовым платком...

– Энрике скучает по детям?

– Особенно по сыну, хоть и приказал не упоминать его имени без крайней на то необходимости. Если молодой Кэрна решит вернуться, отец примет его с распростертыми объятиями, но первым шагом к примирению не сделает.

– Рафаэль, видимо, тоже.

– Ее Иносенсия, как всегда, права. Маркиз Гаэтано по натуре не правитель, а авантюрист и странствующий рыцарь, он нашел себя в служении младшему из Тагэре. Много женщин, много войны и сюжетов, к которому он искренне привязан.

– После отъезда Мальвани Кэрна занял его место возле горбуна?

– Да, он и дарнийский капитан. Эти двое всегда возле Александра Тагэре, впрочем, герцога любят многие. Если б не его вопиющая верность, король вряд ли мог бы спать спокойно.

– Вы хорошо осведомлены об арцийских делах, Бекко. Но сейчас вам предстоит отправиться в Оргонду.

– Путь Бекко ре Бейры ведет туда, куда прикажет его Звезда...

– Оставьте, – Анастасия лукаво улыбнулась и сразу же вновь обрела холодность и неприступность мраморной статуи, – ваше дело разузнать, что затевают антонианцы. Я не верю Оресту Второму, равно как и его предшественнику. Их вмешательство в дела мирские пахнет заговором, а охота за знахарями и медикусами смахивает на безумие... Или на прикрытие.

– В Арции дела обстоят иначе.

– В Арции Евгений и Илларион. Первый мне ясен. Второй – нет, но он, в отличие от Ореста, ни во что не вмешивается. Узнайте, что затеяли антонианцы в Оргонде и Элле, и я буду вам весьма признательна. Надеюсь увидеть вас еще до того, как зацветут липы.

– Слово Ее Иносенсии – закон. – Бекко стрельнул темными мирийскими глазами, изящно поклонился и вышел. Анастасия задумчиво проводила его взглядом, медленно развернула ткань и открыла изящную – Бекко верен себе – крышку ларца. Внутри, на синем, как глаза Предстоятельницы, бархате, лежало два окровавленных платка – женский и

мужской. Две крови, сплетение которых породило неистового Рафаэля и его красавицу-сестру. С помощью родительской крови можно оказать влияние на детей, а с молодой Кэрна нужно было что-то решать.

Дафна была умной женщиной, она заметила в девочке силу и сделала все, чтобы заполучить ее в свои руки. Дафна видела в Дариоло оружие в борьбе за Рубины Циалы – в этом Анастасия не сомневалась. Равно как и в том, что человека использовать вслепую опасно.

Агриппина сделала ставку на свою воспитанницу Соланж, и где она теперь?! Нет, учить Дариоло магии, даже подчинив ее волю, нельзя, да и незачем. Мирийка просто должна быть под рукой, когда она придумает, как отделаться от Шарля Тагэре.

Ее Иносенсия сдернула покрывало со сделанного по особому заказу шестиугольного столика, взяла шесть подсвечников из покрытых белоснежной эмалью оленьих рогов о шести отростках каждый и поставила по углам выложенной из мелких опалов гексаграммы, в середину которой положила окровавленные платки. Затем женщина надела рубины и коснулась кольцом Предстоятельницы ближайшей свечи, на фитильке которой расцвел винно-красный пламенный цветок; сразу же сами по себе загорелись остальные свечи. Тридцать шесть алых огненных язычков отразились в сотнях тщательно подобранных опалов, заставив их мерцать и переливаться, но не красным, а белым. Постепенно зыбкие отблески слились в единый узор, словно бы сотканный из бледного лунного серебра. Затем опаловая звезда словно бы раздвоилась, и вторая отделилась от плоскости стола, поднимаясь все выше и выше, пока не повисла над самой высокой из горящих свечей, пламя которой уперлось в холодный белый луч и потекло вниз навстречу первой звезде.

Внутренность нижней гексаграммы скрылась за стеной рубинового огня, точно повторявшего ее контуры. Затем на верхней поверхности появились изящные маленькие фигурки, похожие на танцующие силуэты, женский и мужской. Пара то расходилась, то сходилась в страстных объятиях, пока призрачные человечки в страшных конвульсиях не упали на светящуюся серебром площадку. Белое мерцанье сменилось отвратительно бурым, которое стало наливаясь красным, пока не обрело цвет живой, только что пролитой крови. Вновь полыхнуло рубиновое пламя, рванувшись к самому потолку, и погасло... На изящном столике из белого корбутского дубца лежали два платка, на которых не было ни пятнышка, а в вершинах лучей выложенной из опалов шестиконечной звезды стояли пустые подсвечники в виде оленьих рогов.

2886 год от В.И.

3-й день месяца Сирены.

Арция. Эстре

Лось появился точно в назначенный срок под барабанный бой и звук трубы. Для полного парада не хватало лишь колокольного звона, но чего не было, того не было. С собой эскотец захватил сотни три воинов, сигноносцев и оруженосцев. Среди зрителей оказались даже женщины, приглашенные полюбоваться на триумф Рорика Ра-Гвара. Властитель Приграничья был уверен в себе, но Сандера, как ни странно, это лишь подбодрило. Герцог Эстре был далек от того, чтоб недооценивать соперника, но так уж вышло, что его противники, начиная с Мулана, перед боем глядели на горбуна свысока. Но от уверенности в победе до победы как от гусеницы до бабочки. Может, и полетит, если дрозд не склюет.

Александр в простом, хоть и очень хорошем доспехе, куда более легком, чем у эскотца, спокойно поехал навстречу Гварскому Лосю, провожаемый шутивными напутствиями «волчат». Единственной роскошью, которую он себе позволил, была закрепленная на шлеме герцогская корона. Равный ехал на бой с равным. Владелец Эстре с повелителем Гвары. Конечно, по росту и весу эскотцу больше подошел бы господин Игельберг, но что поделать, если волки меньше, чем лоси.

Александр остановил коня в трех ланах от серо-черно-малиново-изумрудного богатыря и вскинул руку.

– Приветствую благородного и доблестного соседа и клянусь, что со мной нет запрещенного оружия, что я не прибегал к помощи чар и ни в бою, ни до, ни после не совершу ничего, осуждаемого Кодексом Розы.

– Мой привет владельцу Эстре, – Лось никогда не страдал особым красноречием, шевелить языком ему было труднее, чем копьём, – обещаю, что побед... что побужду честно и без всяких подлостей. А колдунов сам не терплю.

Коней соперники развернули одновременно, направляясь к вбитым в землю шестам, знаменующим границы ристалища. Александр не сомневался, что громадный эскотец искусен во всех воинских упражнениях, но силу противника не стоит преувеличивать, равно как и его слабость. Нужно показать все, на что способен ты сам, и немного больше.

Оставшиеся до сигнала мгновения Александр Тагэре, герцог Эстрийский, потратил на то, чтобы как следует рассмотреть застывшего напротив Ра-Гвара. Его нужно победить, при этом не убив, не покалечив и не унизив. Тогда с Приграничьем можно будет заключить союз, направленный против Джакомо. Игра стоит свеч!

2886 год от В.И.

3-й день месяца Сирены.

Арция. Эстре

Рорик был рад поединку, хотя вчера был вне себя от ярости. Его лучшие воины опозорились! Добро бы просто проиграли, но мерзавцы и недотепы подлым образом вывели из строя десятерых противников и уступили троим! Уступили, потому что двое, продержавшиеся против девятерых, всегда будут победителями. Ничего, он вернет честь Гваре и лишний раз докажет, насколько он сильнее и чужих, и своих. Жаль, арцийский «волчонок» такой худосочный, хотя, говорят, дерется очень даже неплохо. После боя нужно пригласить его на пир, война войной, а турнир без пира что меч без ножен.

Герольд поднес трубу к губам, возвещая начало схватки, и Лось дал шпоры Грому. Жеребец, чувствуя хозяйский настрой, сорвался в тяжелый, всесокрушающий галоп. Никаких подначек! Он поклялся, да и мало чести в том, чтоб свалить противника, который ниже тебя на голову и младше на десять лет, с помощью уловок. Все будет как положено. Эстре – герцог, и какой герцог! А оказал ему уважение, как равному. Не то что этот кабан Оскар! Рорик докажет, что он настоящий граф, а не дикарь какой-нибудь.

Для начала стукнем по щиту, да посильнее. Молодому Ра-Ламбеку хватило одного удара. И Ра-Булли тоже.

Всадники столкнулись точно на середине ристалища. Удар Рорика был точен, но арциец удержался в седле, только серый конь слегка осел на задние ноги, но стоило всаднику его пришпорить, как он выправился. А вот копьё Рорика, хоть и было крепким, разлетелось вдребезги, не иначе щит Эстре был окован армской сталью, да и сам герцог оказался из доброго железа. Мало того, что «волчонок» умудрился сбить с головы властителя Приграничья шлем, он не воспользовался своим преимуществом, как какая-нибудь скотина вроде Ра-Набота, а отъехал назад, дал возможность взять новое копьё и надеть шлем, хотя имел полное право продолжить бой. А руки у парня сильные, даром что не каланча, ишь как удар удержал... Лось Ра-Гвар всегда отдает долги, если что у Эстре пойдет не так, он не станет сразу наседать, а даст прийти в себя.

Арциец на той стороне поля поднял руку, и Рорик ответил тем же жестом, давая понять, что готов. Кони сорвались с места одновременно и помчались навстречу друг другу, словно два осенних оленя, вознамерившихся сцепиться рогами. На сей раз в щит целились оба, копыта преломились, лошади осели на задние ноги, но тотчас поднялись, и всадники, ни один из которых не потерял стремя, застыли друг перед другом. На копьях они оказались равны. Лосю очень хотелось думать именно так, хотя первую схватку он проиграл.

Эскотец выхватил меч, опередив арцияца на долю мгновенья. Лошади, привыкшие сражаться, предугадали намерения седоков, бросившись навстречу друг другу. Ра-Гвар ударил первым, но клинок встретил клинок, и Лось с удивлением обнаружил, что Эстре не

слабее его. Какое-то время они мерились силой, потом одновременно отступили, чтобы обменяться чередой ударов. Проклятый, они опять оказались равны... А вот поминать Проклятого не стоило, арциец внезапно отдернул щит, меч Рорика встретил пустоту, и эскотца что-то ударило по запястью. Доспех выдержал, но оружие вырвалось из онемевшей руки и отлетело далеко в сторону. Взбешенный неудачей Лось схватил притороченную к седлу секиру – последнее, что у него осталось, но арциец в очередной раз удивил. Легко, несмотря на тяжесть доспехов, соскочив с коня, он поднял выпавший меч и с силой воткнул в землю, а затем на глазах у зрителей и растерявшегося «графа» воткнул рядом свой.

Огромный всадник с секирой замер перед стоящим между двумя мечами человеком в герцогской короне. Гварский Лось держал в руках жизнь герцога Эстре, но поединок проиграл в любом случае. Это было ясно всем.

Бросить оружие, спешиться и схватиться врукопашную? Он тяжелее раза в два, хотя Проклятый его знает... Арциец силен, как конь, и ловок, как кошка, хоть и кажется хрупким. А, была не была! Эскотец тяжело слез с Грома, а ведь, пусти он на Тагэре коня, тот бы, пожалуй, успел подсесть ему ноги мечом...

Две стальные фигуры возвышались посредине ристалища, было тихо до дрожи,плыли низкие облака, обещая скорый снегопад.

Внезапно арциец поднял забрало, и Ра-Гвар увидел молодое лицо с ясными серым глазами. Александр Эстре улыбнулся, и Рорик, непонятно почему, ответил такой же улыбкой.

– Почему бы Лосю и Волку не объединиться, чтобы уничтожить свинью? Да и воевать уместнее летом, а пировать зимой.

Владелец Приграничья недолго изображал из себя соляной столп. Рывком подняв забрало, он решительно протянул сопернику огромную руку.

2886 год от В.И.

12-й день месяца Сирены.

Арция. Мальвани

Миранда Мальвани не знала, смеяться ей, плакать или злиться. Дариоло с очаровательной застенчивостью поведала о своей беременности, и герцогиня, со стоном откинувшись на спинку кресла, лихорадочно соображала, что же делать. Что все ее попытки вразумить влюбленных окажутся гласом вопиющего в пустыне, она не сомневалась, но ей и в голову не могло прийти, что за три дня, проведенных Сандером в Мальвани, ее подопечные успеют... Воистину, в тихом омуте оказалось полно чертей. Скромник Сандер и несостоявшаяся циаляночка!

Впрочем, дело сделано. Пока Дариоло беременна, о венчании не может быть и речи. Святая Цiała запретила покрывать грех узами брака. Через это не переступит даже Жорж при всей его снисходительности, да и сама Даро слишком чтит церковные каноны, хотя в смелости ей не откажешь. Сандеру с Даро повезло, а о ней и говорить не приходится, таких, как Эстре, встретишь нечасто.

– Сигнора, – Даро с тревогой смотрела на свою покровительницу, – вы очень сердитесь?

– Ужасно, – подтвердила герцогиня, – подумать только, мне придется сидеть с тобой в Мальвани, а я так мечтала о мунтских балах.

– Мне очень жаль...

– Дурочка! Ты что, так сразу и поверила? Мой тебе совет, не воспринимай то, что говорят другие, всерьез. Людям свойственно врать и ошибаться.

– Значит, вы не скучаете по столице?

– «Пуделей» я не видела! Если мне и следует куда-то съездить, так это в Оргонду. Я почти три года не видела Анри.

– Из-за меня?

– Нет, из-за войны. И из-за дурацкого недоверия Филиппа, ведь Мальвани не давали

повода усомниться в своей лояльности. Хотела бы я, чтобы со мной жила МОЯ невестка, но Сезар о женитьбе пока не думает. Хоть бы вы с Сандером подали ему пример.

– Сигнора Миранда, может быть, я ошибаюсь... Вы чем-то озабочены.

– Озабочена, – кивнула жена маршала, – но чем, сама не знаю. На душе тревожно, а почему – не пойму.

– Сандер, когда чего-то забывает или не понимает, пытается вспоминать все задом наперед, пока не доходит до причины.

– Умница он у тебя... Что ж, попробую вспомнить. – Миранда задумалась, перебирая пальцами аметистовое ожерелье. Даро ей не мешала, думая об Александре. Он обещал приехать к Новому году, только бы его ничего не задержало. У них будет кварта или две счастья. Дни вместе с Мирандой и Рито и ночи, принадлежащие только им.

Дариоло не представляла, как она могла жить без своего герцога, и была чуть ли не благодарна Дафне, из-за которой они бежали. Только вот жаль отца, как он там один? Это несправедливо, что их счастье выросло из чужой беды, но что тут поделаешь. Отец не стар, может быть, встретит кого-нибудь. Дариоло была влюблена и счастлива, и ей хотелось, чтобы счастлив был весь мир или хотя бы все хорошие люди. Мирийка украдкой посмотрела на Миранду, та это заметила и улыбнулась.

– Я вспомнила, с чего все началось, но будь я проклята, если понимаю, в чем дело.

– Сигнора Миранда, а что вы вспомнили?

– Утром я выглянула в окно и увидела под стенами замка каких-то собак. Они сразу же вскочили и убежали. Обычные дворняги, то ли грязно-белые, то ли очень светло-серые, небольшие, на коротких лапах. И что на меня накатило...

– Это очень плохо. Я видела такую собаку. В Мирии, на Санданге. А потом заболела Рената. Это собаки Дафны, они пришли за мной.

– Не говори глупости, – резко оборвала девушку герцогиня, – Дафна давным-давно мертва, Ренату отравили, а белых псов на свете немерено. Подумай сама: заявись они за тобой, плохо было бы тебе, а не мне. Нет, тут что-то другое.

– И все равно белые собаки не к добру.

– Может, и так, девочка, может, и так.

2886 год от В.И.

29-й день месяца Сирены.

Эр-Атэв. Эр-Иссар

Яфе-ар-Усман-ар-Амир-ар-Каркс-гар-Майхуб учтиво приветствовал седого смуглого старца.

– Да пребудут дни почтеннейшего Абуны чистыми и обильными, как воды небесной реки Гар. Брат моего отца, да станут его заботы легче голубино пера, по приказу Величайшего из Великих на закате повел своих всадников в погоню за агорскими собаками, посмеявшимися нарушить указанную им от века границу. Но день примирения ночи и дня¹⁰³ – день мудрых советов, и я готов их впустить в ум и сердце. Мой слух преклоняется к твоим устам.

– Соловей на ветвях моего сердца воспрянул от радости, узрев сына великого Усмана. Но младший из львов рожден с булатом в руке, а не с пергаментом. Будет ли ему приятен наш разговор?

– Мудрейший, да пребудет... – красивое лицо молодого атэва отражало мучительную работу мысли, но потом Яфе махнул рукой и громко расхохотался, показав ослепительные зубы, – да пожрет меня мерзейший из саданов, если я смогу вести ишачью беседу и дальше. Конь и сабля и впрямь мне понятнее звезд и сказок, но Али просил, а я обещал. Если я не все пойму, то все запомню, а Надежду нет веры в дядином сердце. И в моем тоже.

¹⁰³ Так атэвы называют день весеннего равноденствия.

Придворный мудрец и астролог калифов Эр-Атэва, помнивший еще деда нынешнего владыки, неистового и жестокого Каркса, покачал головой. Принц Яфе был любимцем Эр-Иссара, но засыпающий возле гнезда черных скорпионов был в меньшей опасности, чем сын Усмана, способный укротить любого коня, но не подлость старшего брата и его змееподобной матери. Усман, пятьдесят и еще семь раз видевший, как зацветают мимозы, пока не назвал преемника, но весь Эр-Атэв уверен, что следующий калиф будет носить имя Яфе. И это хорошо, ибо повелитель повелителей должен быть львом, а не шакалом.

– Моя речь будет долгой и путаной, не соизволит ли молодой лев усладить себя чашей вина со льдом?

– Моя благодарность безмерна, мудрейший. Но я не буду сидеть, пока тот, кто старше меня, не опустится на подушки.

Абуна не стал чиниться. С Яфе всегда было просто. Веселый и порывистый, он отнюдь не был глупцом и понимал много больше, чем можно было от него ожидать. Звездочет подал гостю узорчатую чашу, предварительно отпив из нее, и, кряхтя, уселся напротив сына Усмана. В последнем трудно было заподозрить книжечю, и тем не менее из двоих принцев именно младший любил знание ради знания, хотя более всего рожденный под знаком Иноходца Яфе ценил породистых скакунов и оружие армских гор.

– Ты молчишь, мудрейший, – темные глаза Яфе сощурились, – значит ли это, что звезды предвещают беду?

– Они не обещают покоя, – это так, – вздохнул старец. – Из ничтожного яйца, если его вовремя не разбить, вырастает Болотный Лев, коего можно поразить лишь в глаза и пасть. Но не в силах ничтожного Абуны сказать сыну повелителя, где укрыта кладка.

– Но в его силах сказать, когда гады вылупятся и подрастут настолько, что станут опасны.

– Ты видишь дальше, чем я мог надеяться, Яфе, сын Усмана, – голос старого звездочета дрогнул, – гады войдут в полную силу, когда ты встретишь тридцать пятую весну, но никто не может поклясться, что ты ее встретишь.

– Но может ли кто-то поклясться в обратном?

– Нет, ибо я не устаю повторять: звезды предупреждают, но не приказывают. Четыре раза Та, Кто Приходит За Всеми, поднимет саблю над твоей головой, прежде чем твоя звезда сойдется со смертной звездой Эр-Арсий. Это все, что я могу сказать о тебе. Дважды Уводящая Всех взглянет в глаза Повелителю Повелителей и трижды его брату.

– А тот, кого шутка садана сделала первым сыном моего отца? Нужен ли он Уводящей, или она брезгует падалью?

– Если твою звезду не затмит Эр-Сия, она поднимется выше звезды Гобаб, ведущей принца Наджеда сквозь тьму и свет. Большого я не знаю.

– Расскажи мне про Смертную Звезду, мудрейший. Но сначала ответь, когда моя сабля встретит первый удар?

– Когда звезда Эр-Риш будет идти через созвездие Дракона, обгоняя Солнце. Тридцать и еще девять дней на вершине лета Повелителю Повелителей и его сыну не следует снимать кольчугу и пить из неизвестных колодцев. Если же отважный Яфе хочет услышать о Смертной Звезде, ему придется призвать на помощь деву терпения...

– Я должен знать все, – просто сказал Яфе, отодвигая пустую чашу, – ведь это связано с клятвой Льва и Волка.

– Да, можно сказать и так, хотя великий Майхуб и дей Аррадж вряд ли спрашивали совета звезд. Но великие сердцем чувят то, что ничтожные вычисляют...

Они проговорили до глубокой ночи, которую глупые хансиры¹⁰⁴ почитают началом нового года. Затем сын калифа покинул обитель мудрости. Старый звездочет видел, как тот

¹⁰⁴ Хансир (*атэв.*) – полупрезрительное наименование жителей арцийского материка.

садился на коня, что-то говоря ожидавшим его «Неистовым»¹⁰⁵. Ударил медный тимпан, вспыхнули факелы, ночной ветер подхватил и расплескал три темных бунчука. Яфе оглянулся, посылая прощальный привет гостеприимному хозяину, и у того сжалось сердце.

Сын Усмана был силен, красив, молод и готов к бою, но в мозгу астролога пылала смертная звезда Эр-Сия, медленно, но уверенно вползавшая в созвездие Иноходца, чье сердце, алая звезда Эр-Яфе, дала имя уехавшему принцу.

2886 год от В.И.

29-й день месяца Сирены.

Арция. Мальвани

До конца года оставалось три оры, и были они व्यюжными и неласковыми. В такую ночь одно удовольствие сидеть за праздничным столом, вспоминая хорошее и надеясь на лучшее, но пробиваться сквозь метель навстречу ледяному ветру, вздымавшему тучи колючего снега, не доставляло удовольствия ни людям, ни лошадям. И это не говоря о том, что выходить в последнюю ночь года на улицу считалось дурной приметой. Неудивительно, что улицы Мальвани были пусты.

– Они не приедут, – в голосе Даро чувствовалась обреченность.

– Если они не приехали сегодня, это не значит, что они не приедут завтра, – спокойно заметила Миранда Мальвани, поправляя свечи на разукрашенном серебристыми бумажными цветами и разноцветными цепочками и погремушками Звездном Древе¹⁰⁶, – надо же, как холодно! Я ни разу не встречала здесь Новый год, но местные такого снегопада в эту пору не припомнят. Метет третий день, эскотская дорога завалена...

– Они не приедут, – повторила Даро, которая не могла думать ни о чем другом, – не приедут.

– Жизнь кончается не сегодня. Скажи лучше, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо... Лучше, чем в прошлый раз. Жюли говорит, будет девочка.

– А ты кого хочешь?

– Сына – Эдмона-Рафаэля... Может быть, что-то случилось?

– Случилось. Заносы. Успокойся, и марш одеваться, скоро за стол. И не вздумай хандрить и тосковать, хуже приметы не бывает. Рано или поздно они приедут.

Дариоло покорно поднялась и вышла. Герцогиня проводила молодую женщину сочувственным взглядом. Миранда и сама была удивлена опозданием Александра, тот всегда держал слово. Видимо, что-то и впрямь случилось, что-то, вынудившее протектора Севера остаться в Газльзе, а то и на границе. Сандер, как и Анри, прежде думает о деле, а потом о тех, кто его ждет... В Оргонде уже цветут примулы, а на кустарниках, названия которых она никак не может запомнить, раскрылись желтые цветы с узкими раздвоенными лепестками, похожие на восьмиконечные крестики. Когда она была в Лиарэ, у их дома были целые заросли этих кустов. Она третий год не видит мужа и второго сына, но не волнуется, хоть и тоскует. А вот Даро с ее ночными страхами вызывает тревогу.

Конечно, женщины в ее положении склонны волноваться из-за любой ерунды, но Дариоло никак не отойдет от своих мирийских кошмаров. Дернуло же ее рассказать девочке про белых псов, которых она ни до, ни после не видела, а та и вбей себе в голову, что это неспроста. Глупости! Собаки – это просто собаки, а сон с кем-то похожим на ее брата и вовсе совпадение. Откуда ей знать про Эрасти и Циалу?! Книги Симона в Арции наперечет, хорошо, если найдется несколько в старых замках или монастырях. Клирики искореняют

¹⁰⁵ »Неистовые« – личная охрана атэвских калифов.

¹⁰⁶ Звездное Древо – неперенный атрибут празднования Нового года – молодое хвойное дерево, увенчанное звездой и украшенное специальными символами и игрушками. Украшается в канун Нового года и следующим утром выносятся вон из дома и вывозятся за пределы деревни или города. Считается, что за ним уходят все беды и напасти минувшего года.

ересь в других, а не в себе.

Раздавшийся шум прервал думаные-передуманные мысли. Миранда выглянула во двор. Рассмотреть что-то в темноте было трудно, но мелькание фонарей, темные тени и перекрывающее свист ветра конское ржанье говорили о том, что кто-то оказался достаточно сумасшедшим, чтобы пуститься в путь в такое ненастье и в такую ночь, и не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы сообразить, кто эти безумцы.

Герцогиня засмеялась своим мыслям и поспешила к гостям, на середине нижней лестницы столкнувшись с сияющим Рито Кэрной.

– Все-таки мы добрались, сигнора, хотя такой метели и в аду не бывает. Если б не эти гварские штучки, точно бы застряли, а так успели. Год еще не кончился.

– А Сандер?

– Тут он, куда денется, – засмеялся Рито, сбрасывая подбитый мехом заснеженный плащ на руки подбежавшему слуге, – побежал всех устраивать. Вы же его знаете, это я – вертопрах.

– Ты себе льстишь, – улынулась Миранда.

– Льстю, – не стал спорить байланте, – как Даро?

– Даро вас удивит.

– Чем же? – Темные брови сошлись на переносице, означая глубокую задумчивость. – Сигнора, не хотите ли вы сказать, что мне опять предстоит стать дядей? Вот бездельники! И еще кто-то говорит о моем легкомыслии! Если так пойдет, эти двое никогда не обвенчаются, но удвоят население Арции.

– Сандер, – Рафаэль жизнерадостно обернулся к появившемуся в двери Александру, – сигнора говорит, у тебя опять кто-то родится.

– Ничего я не говорю, – засмеялась Миранда, – хотя, дети мои, вы были, мягко говоря, неосторожны.

– А, что сделано, то сделано, – мириец стукнул друга по плечу, – выйдя в море, поздно искать сходни. Где наша киска?

– Одевается к празднику. Я ее чуть ли не силком вытолкала. Когда мы решили, что вы не приедете, она вовсе загрустила.

– Как это мы не приедем?! – возмутился Рафаэль. – Ведь сказали же, что будем к Новому году. Я сейчас ее приведу. Нечего перед зеркалом вертеться, и так красивая.

Удерживать мирийца было примерно то же, что застоявшегося жеребца. Рито вихрем взлетел по крутой лестнице и исчез за дверью. Миранда с улыбкой посмотрела на Александра.

– И как ты его терпишь?

– Я его люблю, а он такой, какой он есть. Что Сезар?

– Жив и здоров, хотя в Оргонде творится что-то не то. Но об этом потом. Не сегодня и не завтра...

Так в замок вошел праздник. В эту ночь были счастливы все его обитатели – от лошадей на конюшне до герцогини и ее подопечной. Даро с сияющими глазами, еще более красивая, чем всегда, хоть это и казалось невозможным, нежно улыбалась своему герцогу, вполуха слушая шутки брата. Все было чудесно, и никто и подумать не мог о том, что в полувесе от Мальвани в эти же мгновенья свора грязно-белых собак, рыча, отступала перед двумя всадниками. Один, в белом плаще, с трудом сдерживал золотистого черноногого иноходца невиданной красоты, другой, несмотря на мороз, одетый лишь в темное суконное платье, сидел на вороном белогривом коне. Именно он вызывал у псов ярость и непреодолимый ужас. Поджав хвосты и осев на задних ногах, они не бросались наутек лишь из страха повернуться к врагу спиной. Впрочем, бегство ничего не меняло, свора это понимала и не трогалась с места.

Ждать пришлось недолго. Вороной с брезгливым фырканием прыгнул вперед, и, казалось, намертво сплетенные ветви расступились, пропуская его. Первым под копытами погиб вожак, другие пережили его ненадолго...

2887 год от В.И.

1-й день месяца Агнца.

Арция, Фей-Вэйя

Ее Иносенсию стала раздражать Цецилия. Бестолковая, пустая, уродливая старуха! Пусть преданная и старательная, но недалекая и не очень умная, она мало годилась для ответственных поручений, особенно за пределами Фей-Вэйи, а Анастасии нужны были глаза и уши и в Мунте, и в Лиарэ, и в Авире. Бекко и ему подобные делали, что могли, но прознатчики не могли заменить сестер. И при этом Предстоятельница понимала, что иметь дело с мужчинами много безопаснее, им можно больше доверять и их легче убирать. Бекко предан душой и телом, равно как и Огаст, и Иероним, а Аугуст, приведенный сгинувшим без следа Гуго, за деньги мог совершить все, что в человеческих силах и даже за их пределами. Но нельзя допустить, чтобы Предстоятельница ордена лучше знала про дела мирские, чем про то, что творится в собственном доме. За Данутой и Шарлоттой нужен глаз да глаз, да и вообще есть немало вещей, поручить которые можно лишь женщине.

Анастасия задумчиво погладила светлую скатерть, расшитую фигурками оленей. Новый год не из тех праздников, которые приветствует Церковь, но он был, есть и будет любимым праздником Благодатных земель. Все когда-то были детьми, даже циаианки. За неделю до конца года сестры затеяли якобы весеннюю, а на деле новогоднюю уборку. Анастасия не мешала, хотя сама позабыла и думать о Звездном Древе. Ей не было дел до таких глупостей, хотя память услужливо напоминала, как Соланж Ноар когда-то ждала Звездного Старца¹⁰⁷ с его подарками. Неужели это была она?

Женщина подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Со дня смерти Шарля Тагэре она не постарела ни на день, недаром Бекко готов для нее на все. Возможно, если он разузнает, что затеял Орест, она и позволит ему что-нибудь. Если захочет. Но сейчас нужно решать с помощницей. Она не собирается, подобно Агриппине, воспитывать свою убийцу. Ей не нужна воспитанница, наперсница, преемница. Ей нужна гончая, которая никогда не станет охотиться за хозяйкой.

Два предыдущих опыта оказались неутешительными. Обе девушки обнаружили излишнее сродство к магии и теперь находятся там же, где и Генриетта. Но вот Мария... У нее нет никакой склонности к волшебству, но она хороша собой, честолобива и к тому же статная блондинка, что лишь оттенит хрупкую и опасную красоту самой Анастасии.

Предстоятельница ордена обратила внимание на послушницу совершенно случайно, и та показалась вполне пригодной. Ее Иносенсия через своих прознатчиков узнала, что Мария – единственная дочь вдовы из Гран-Гийо, чей супруг, служивший Лумэнам и сложивший голову на Бетокском поле, оставил семью почти без средств. Мать, похоже, смирилась со своей судьбой, но дочь обладала совсем иным нравом. Несмотря на роскошные светлые волосы, царственную фигуру и огромные серо-голубые глаза, Мария могла рассчитывать разве что на третьего сына какого-нибудь заштатного барона. Конечно, та же Элеонора Гризье добилась нынешнего положения лишь с помощью красоты, но Мария сильный пол откровенно презирала, а ждать у моря погоды почитала глупостью. Она решила сама сделать свою судьбу и вопреки робким материнским возражениям пришла в обитель.

Красивой бесприданнице не было дела до Творца и равноапостольной, она хотела добиться успеха в земной жизни, и Анастасию это более чем устраивало. Честолобивая девчонка, бросившая мать и готовая на все, была именно тем, что искала Предстоятельница.

Ее Иносенсия пригласила к себе послушницу и в ожидании отвернулась к окну, за которым шумно возились воробьи. Нет. Она ни о чем не жалеет. Ей повезло, она успела понять, в чем истинный смысл жизни. Подумать только, она могла доживать свой век женой

¹⁰⁷ Мифический Звездный Старец четырежды в год поворачивает солнце, а в Новый год приносит всем подарки.

изгнанника где-то в Отлученных землях. Ее первенец был бы на восемь лет старше девушки, которую она ждет, а сама бы она превратилась в сморщенную седую старуху, привязанную к мужчине, настолько глупому, чтобы добровольно расстаться с короной. И, самое ужасное, она бы даже не осознавала своего убожества, как не осознают его тысячи женщин...

Стук в дверь возвестил о приходе Марии. Для женщины достаточно высокая, с правильными и четкими чертами лица, она была бы неотразима в парче и бархате, но белое бесформенное платье и скрывающее роскошные волосы покрывало не украшали, но это, похоже, девушку не смущало.

– Ее Иносенсия хотела меня видеть.

– Да, дитя мое, проходи и садись. Ты пробыла в обители год и должна вернуться в отчий дом, чтобы решить, готова ли ты произнести обет¹⁰⁸.

– Я не передумаю.

– Вот как? Но ты молода и красива. Почему ты хочешь уйти от мира? Будь со мной откровенна. Учти, если ты заговоришь о благочестии и нелюбви к мирской суете, я тебе не поверю. Ты ищешь в обители не утешения и не покоя.

– Ее Иносенсия права. Я ищу справедливости.

– Вот как?

– Да, – светлые глаза неистово сверкнули, – если б я родилась мужчиной, я бы проложила себе путь мечом и копьем. Но женщине заказаны собственные дороги. Она должна ждать, когда ее выберут, и еще быть за это благодарна.

– Что же в этом плохого? – тонко улыбнулась Предстоятельница.

– Все! Почему я должна зависеть от мужчины? Самый ничтожный нобиль, только потому, что он бреет бороду и носит меч, считает меня глупее и трусливее. Почему любая уродина и дура, у которой есть титул и богатства, ценится дороже, чем я? Я не желаю быть ни женой барона, ни любовницей короля! Я хочу стать хозяйкой самой себе и...

– ...и повелевать другими, – закончила осекшуюся на полуслове девушку Анастасия. – Я верю тебе. Более того, если б ты сейчас солгала, то совершила бы большую ошибку, потому что я намерена дать тебе то, что ты хочешь. Если ты окажешься достаточно умной и ловкой, чтобы исполнять мои поручения, ты поднимешься вверх, и довольно быстро. Но сначала, как требует Устав ордена, ты вернешься в Гран-Гийо и проживешь две кварталы в отчем доме. Если ты не влюбишься за это время в какого-нибудь рыцаря, возвращайся. Но учти: непослушания и лжи я не терплю!

Ну, а пока будешь дома, постарайся понять, что и кто нравится простым людям, а кого они ненавидят и за что именно. Не понимаешь? Ты пришла в обитель не для того чтобы молиться, а для того, чтобы преуспеть, а для этого нужно знать не только что творится в Фей-Вэе, но и чем дышат за ее стенами. Это называется политикой, Мария. Когда вернешься, ты расскажешь, что узнала и поняла, а я подумаю, годишься ли ты для того, что я хочу тебе поручить.

2887 год от В.И.

1-й день месяца Агнца.

Арция, Мальвани

Затея была безумной, но, когда за дело брался Рито, любое безумие начинало казаться естественным. Вчера Даро, закутанная в меха и шали, делала от силы сотню шагов в заснеженном саду и спешила в тепло, а сегодня обожаемый братец вытащил их с Сандером покататься на пресловутых гварских санках, благодаря которым они успешно добрались до Мальвани, несмотря на метели.

¹⁰⁸ По Уставу ордена, прежде чем принять постриг, женщина или девушка должна пройти трехлетнее послушание. По прошествии каждого года она возвращается на две кварталы в отчий дом, чтобы убедиться в своем выборе, а после завершения послушания проводит дома три месяца. Это правило может быть нарушено лишь по приказу Ее Иносенсии, но даже она не вправе сократить срок послушания.

Санки Дариоло напугали. Она никогда не видела ничего подобного, да и страсть брата к риску ради риска была ей чужда. Она отчаянно боялась бешеной езды, крови и прочих вещей, без которых Рафаэль не считал жизнь жизнью, а беременность сделала мирийку вдвойне осторожной, но Рито был неумолим. Объявив, что ничего не заметно и другие в таком положении пляшут и скачут верхом, братец натянул на молодую женщину зимние сапоги и меховой палантин и передал с рук на руки Сандеру, дополнительно закутавшему спутницу в меховой плащ. Сам Рафаэль в эскотском полосатом плаще и медвежьей шапке лихо вскочил на место возницы.

Со двора они выехали легкой кокетливой рысцей, но затем байланте дал волю своей удали. Гнедая пара была резвой, сильной и отдохнувшей, везти легкие санки для нее было в удовольствие. Упряжка стрелой пролетела по пустующим по случаю праздника окраинным улочкам и выскочила на дорогу. Украшенные колокольчиками лошади бежали сквозь серебряную сказку все быстрее. В Мирии в Новый год зацветали гранаты, заливая склоны окружавших Кер-Эрасти гор темно-алым пламенем, но в Мальвани, Эскоте и Тагэре в этом году еще царила зима, и только радостное солнце напоминало, что власти этой осталась от силы кварта.

Серебрилась снежная пыль, поля встречали гостей россыпями бриллиантов, дальний лес казался вычурным атэвским узором. Рито, умело направляя норовистых лошадей, то и дело оборачивал к седокам сияющее лицо. Даро с обожанием глядела то в смеющиеся глаза брата, то на своего герцога, обнимавшего ее за плечи. Все трое были пьяны морозом, конским бегом, радостью встречи, молодостью. Рафаэль что-то выкрикнул по-эскотски, и Александр залиvisto расхохотался, мириец не замедлил присоединиться к другу, не удержалась и Даро. Сандер сделал ей большие глаза, вызвав новый прилив сме-ха, а потом поцеловал, и она ответила, задыхаясь от счастья и любви.

Даже долгими ночами ожидания молодая женщина не находила таких слов, которые сами собой срывались с губ в первый день Нового года. Когда Рафаэль, свернув с дороги на заснеженную поляну, остановил коней и спрыгнул на землю, влюбленные смущенно отпрянули друг от друга, вызвав у байланте очередной взрыв смеха.

– Что-то мне размяться захотелось. Сандер, оставляю сестрицу на тебя. Смотри мне, если что не так, убью.

– Согласен, убивай.

– А, убьешь тебя, пожалуй. Ты всегда и все ТАК делаешь. – Последние слова Даро и Александр уже не слушали.

Рафаэль, посмеиваясь, углубился в лес. Постепенно безудержное веселье, вызванное праздничной ночью и дневной гонкой, куда-то ушло. Нет, Рито Кэрна не завидовал сестре и другу, он вообще не умел завидовать. Просто сыну герцога Энрике было жаль, что в его жизни ничего подобного не было и не будет. Слишком уж ветреным он уродился, чтобы отдать себя одной-единственной любви. Сандер – другое дело, такие влюбляются раз и навсегда, а он... Вряд ли о какой-нибудь женщине, пусть трижды красавице и умнице, он способен думать дольше месяца, ну и ладно! Каждый таков, каков он есть, не больше и не меньше, а жениться из династических побуждений ему не нужно. Отец его проклял и отлучил от семьи, но и в плохом есть хорошее. Он свободен и может жить в свое удовольствие.

Придя к столь обнадеживающему выводу, Рафаэль вернулся на грешную землю и осмотрел окрестности. Поляна, на которой он оказался, была немного уже той, на которой он оставил Даро и Сандера. Поляна как поляна, но снег на ней был истоптан, причем как-то неправильно. Рито не считал себя следопытом, но даже ему хватило ума понять, что собачьи и лошадиные следы должны были быть много глубже. Он проваливался чуть ли не по колено, а таинственные кони лишь слегка тронули копытами снежную целину. Приглядевшись, мириец увидел на противоположном краю поляны десятка полтора одинаковых снежных холмиков, покрытых грязным сероватым налетом. Весной в городе такое бывает сплошь и рядом, но в лесу...

Мириец с несвойственным ему вниманием разглядывал ноздреватый снег, но ближе подойти не тянуло. Потом ему показалось, что он слышит тихий разговор на неизвестном языке. Говорили двое, и один голос он узнал. Скиталец, вечный капитан, спасший их. Неужели он забрался так далеко от моря, в заснеженный холодный лес? И еще здесь было что-то отвратительное, извращенное и опасное. Было, но исчезло, осталась лишь грязь на снегу. Рито прикрыл уставшие от белизны глаза, и ему показалось, что он видит цветущий сад и самого себя, задумчиво теребящего кисть лиловых цветов. Самого себя? Да, возможно, но лет через десять. Он стал старше, между бровей и у крыльев носа залегли складки...

С дерева обрушился пласт снега, и Рито, вздрогнув от неожиданности, вернулся на грешную землю. Птица... Большая, явно не хищная. Тетерев или глухарь. Пусть себе летит. Странные холмики и следы были забыты, равно как и видения, к которым мириец благодаря матушке и Дафне с детства испытывал острое отвращение. Пора было возвращаться, Даро и Сандер наверняка уже вновь рады его видеть.

Нэо Рамиэрль

Стрела свистнула и вонзилась в ствол старого дуба. Следом с тетивы сорвалась вторая, расщепившая первую, и третья, расщепившая вторую. Аддар со смехом опустил лук.

– Тут мне с тобой не поспорить, – покаянно сказал Рамиэрль.

– Зато меня легче убить, чем научить делать с мечом то, что делаешь ты.

– А так никто не может, – гордо заявил Норгэрель, – только он.

– Глупости говоришь. Эмзар и Клэр владеют клинком не хуже, не говоря уж о Рене Аррое и некоторых его потомках... Меч и шпага не признают шуток. Если ты ни разу не удерживал смерть на расстоянии клинка, он твоим продолжением не станет. У меня была сумасшедшая жизнь, Аддари, она меня многому научила, в том числе и убивать, чтобы не быть убитым.

– Я тебе завидую. Когда я родился, Луциана была свободна от чудовищ, а отступники низвергнуты в Бездну. Нам не осталось ничего, кроме возни с людьми и охраны рубежей. Говорят, когда-нибудь Тьма попробует вернуться и нужно будет ее встретить, но иногда мне кажется, это время никогда не наступит.

– Не стоит призывать бурю. Уверю тебя, сражаться и убивать не такое уж приятное дело.

– Но ты и твой брат ищите дорогу назад, хотя у вас идет война.

– Ищем, потому что это НАША война, и мы должны успеть. А тебе я искренне желаю никогда не увидеть меч, подвешенный над твоим миром.

– Отец соберет Светлый Совет в первое новолуние после дня Перелома Года. Я уверен, они обратятся к Свету с просьбой открыть Врата.

– И как скоро Свет даст свое согласие, если, конечно, даст?

– Этого никто не знает. Мы давно не обращались к Светозарным, но они не откажут, ведь ваше дело правое.

Рамиэрль только вздохнул – наивность Аддара даже не забавляла. Он был очень славным, этот Солнечный принц, и Роман не хотел вырывать его из простого и удобного мира, где все делится на Свет и Тьму, и повелители Света мудры, милосердны и всемогущи. Звездный Лебедь, сколько же им с Норгэрелем предстоит любоваться луцианскими цветочками?!

– А открыть дорогу без разрешения Светлый Совет не может?

– Не знаю. – Аддар и впрямь не знал, а лгать и лицемерить в отличие от дядюшки и мачехи не умел. – Я не слышал, чтобы кто-то говорил о чем-то подобном. Все Врата были закрыты, как только в них отпала нужда.

– Мы воспользовались одними из них, и ничего не произошло. Зачем просить разрешения, если можно просто открыть?

– Отец, может, и открыл бы, но Ильгэйбэ и Тэноллиан не позволят. Ильгэйбэ везде видит Тьму, а Тэноллиан... Не знаю, чего он хочет, но он очень не любил мою мать, а она

его. Раньше отец не слушал брата, но несколько раз подряд дядя оказался прав. Он очень недоволен, что вы здесь.

– Я заметил, – улыбнулся Рамиэрль, – и, кроме того, надеется вытянуть из Норгэреля то, чего тот и сам не знает.

– Пусть, – улыбнулся Лунный, – я и вправду слишком мало знаю о том, о чем меня спрашивают.

– Тэноллиан был против созыва Совета, но отец после того, как ты спас Ильгэйбэ, не мог тебе отказать. Увидишь, они пошлют призыв к Престолу Сил.

– Надеюсь, хотя, знай я дорогу, мы бы ждать не стали.

– А я рад, что вы здесь, – Аддар задумчиво погладил прыгнувшую ему на плечо куничку, – мне ни с кем и никогда еще не было так интересно.

– Я тоже рад, что мы встретились, но у меня сердце не на месте, как вспомню о Тарре и тех, кто там остался. Мы даже не знаем, сколько времени прошло там, пока мы болтались между мирами.

– Твои друзья – люди?

– Мои друзья и мои враги слишком разные, чтоб я мог сказать что-то в этом роде. Самую большую беду принесла мне моя собственная сестра, а самым близким другом стал человек. Это потом я узнал, что в нем течет и наша кровь, и кровь Старых богов Тарры, тех самых, кого вы записали в темные властители. Норгэрель знает, о ком я говорю...

– Знаю, – Норгэрель кивнул головой, – и горжусь тем, что помог ему, когда ему еще нужна была помощь. Тогда никто не знал, что ему уготовано. Никто из нас не пережил бы такое. От него я и научился языку Арции.

– А я ведь говорил с Илгором, – вспомнил Аддар, – но тот повел себя как-то странно. Начал спрашивать, для чего, и я солгал. Про тебя он не знает и думает, что учить луцианский – моя очередная прихоть.

– Что же сказал наш крашенный паладин?

– Сказал, что был бы счастлив помочь мне, но ему нужно разрешение моего отца.

– А ты?

– Я хотел спросить, а потом как-то забыл. Илгор сам рассказал, потому что утром Тэноллиан объяснял мне, что знание человеческого языка меня унизит и огрубит.

– Аддари, – голос Рамиэрля стал жестким, – мы ДОЛЖНЫ научиться понимать людей без посредников, и тебе, похоже, это нужней, чем мне. Не знаю, что затеял твой дядя, но я слишком долго любовался на интриганов Тарры, чтобы не заметить змею в вашей траве.

– Ты серьезно?

– Более чем.

– Но мы не можем больше говорить об этом с паладинами...

– В этом ты прав. Нужно найти человека, который не испугается и не донесет.

Аддар надолго задумался, потом его лицо просветлело.

– Как же я раньше не догадался! Недалеко от переправы есть алтарь Арцея. Служитель немного знает наш язык и не любит Илгора, а тот его. Скажем отцу, что вы решили развлечься, разделив со мной мою стражу.

– Именно так мы и поступим, – кивнул Роман, подумав, что стоило ему появиться в Луциане, как Аддар научился врать. – Постой! Тише!

Рамиэрль сам не понял, что заставило его вскочить на ноги и пустить в ход призывающее заклятье, но он оказался прав. Кусты расступились, и к ним покорно засеменило золотистое существо размером с очень крупную лисицу с большими темными глазами без зрачков, цепким хвостом и огромными стоячими ушами. Тело создания покрывала короткая густая шерсть, на которой выделялся тоненький блестящий ошейник. Рамиэрль вопросительно посмотрел на Аддара, и тот досадливо скривился.

– Ареха из стайки Тэноллиана.

– Она кусается? – поинтересовался Рамиэрль, не отводя неподвижного взгляда от арехи, которая широко зевнула, показав острые белые зубки, и свернулась клубочком у ног

эльфа.

– Нет, доносит.

– И как? Она не кажется разумной.

– Арехи – создания Света, подаренные Солнечному дому великим Арцеем. Они запоминают все, что видят и слышат, хотя ничего не понимают, а потом их господин с помощью магии видит их глазами и слышит их ушами.

– А если она спит?

– Если спит, то ничего не происходит. Но арехи спят только с разрешения господина. Не пойму, как ты ее усыпил, это ведь невозможно.

– Видишь ли, – извиняющимся голосом объяснил Рамиэрль, – я об этом не знал, Тарре великий Арцей ничего подобного не дарил. Не успел, видимо. К тому же я не терплю слово «невозможно». – Эльф легко коснулся золотистой шкурки спящей арехи. – Похоже, твой дядюшка проявляет к нам нездоровое любопытство. Или к тебе?

– Ко мне?

– Видишь ли, Аддар, вы и впрямь не знаете войны.

– При чем тут это?

– А при том, – отчеканил Роман, – что война заставляет думать о смерти даже бессмертных. Ты – наследник Солнечного трона, но в ваших прелестных краях это кажется пустым звуком. Твой отец вечен, значит, титул наследника не более чем приставка к имени. Но не будь тебя и случись что с Эльрагиллом, владыкой станет Тэноллиан. Тэноллиан – лучший маг клана, Тэноллиан – хозяин своры светоносных шпионов, Тэноллиан, который имеет на владычицу куда большее влияние, чем супруг. Подумай об этом на досуге. А это чучело, – Рамиэрль скосил глаз на золотистый комок, – пусть спит и видит сны, и чем страшнее, тем лучше. Жаль, не могу показать ему Гиба или улитку, прогневившую Дракона, это было бы весьма поучительно.

2887 год от В.И.

1-й день месяца Влюбленных.

Эскота. Набот

– Никогда не видел черных маков! – Луи Трюэль забыл даже о жабьем хвосте. – Неудивительно, что эту дорогу забросили.

– Я бы избрал этот цветок своей консигной, если б знал его раньше, – тихо сказал Артур Бэррот, время от времени хранивший верность умершей возлюбленной. В такие мгновенья он писал сонеты и говорил о смерти или уходе от мира. «Волчата» его прощали, каждый имеет право на свои чудачества, тем паче Артур свои вирши тщательно прятал в отличие от Этьена Ландея, читавшего свои творения всем, кто попадался ему на пути. Впрочем, заросшая черными цветами расщелина могла навести на мысли о потустороннем кого угодно. Луи пришел в себя первым и, соскочив с коня, сорвал с десятков маков.

– Как бы то ни было, мы выиграли. Жаль, я ем меньше деда. Да и ты едок не ахти, надо было Одуэна с собой взять.

– Да, мы выиграли, – тихо подтвердил Бэррот, – эскотцы были правы, это долина смерти.

– Это долина, в которой растут цветы, которые не растут в других местах, вот и все. Ладно, поехали, незачем нам здесь задерживаться.

– Ты тоже чувствуешь?

– Жабий хвост! – взорвался Луи. – Ничего я не чувствую, просто нас ждут, вечер не за горами, а завтра нам идти и идти.

– Погоди немного, – поднял руку Бэррот.

– Годю, – вздохнул его спутник, – но именно немного.

Луи отнюдь не был чужд прекрасного, но, истый внук своего деда, он был напрочь лишен тоски по несбывшемуся. В Пепельную Лощину их с Артуром привело пари, заключенное одновременно с Никола Гераром и младшим братом Рорика Ра-Гвара Титусом,

рассказавшим о заросшем маками скорби ущелье. Легенда была путаной и страшной, полной родовых проклятий, погибших влюбленных, призраков и прочих ужасов. Суеверный эскотец полагал, что Рорик, рискнувший вести войска вблизи залятого места, нальчет на свою голову и на голову доверившихся ему арцийцев всяческие несчастья. Напрочь лишенный предрассудков Никола утверждал, что никакой залятой долины нет и быть не может. Черных цветов не бывает что в Лисьих горах, что в Пантане, что в Мирии. Спорщики разошлись не на шутку, и тут Луи оскорбил в лучших чувствах обе стороны, заявив, что даже жабе ясно, что «маки скорби» наверняка есть, а все остальное – выдумки и что он, Луи, предлагает не спорить, а съездить и посмотреть. Ра-Гвар-младший был человеком смелым, не боявшимся ни мечей, ни кабаньих клыков, но черных цветов он боялся до дрожи.

Тогда Артур Бэррот, полагавший, что рыцарь не должен ничего бояться, встал и сказал, что пойдет и посмотрит, а Луи, из-за которого сыр-бор и загорелся, вызвался идти вместе с ним. Заклад выбрали простой и понятный – обед на всю честную компанию за счет проигравших. Присутствуй при этом Рито Кэрна, затеваемое приключение вряд ли бы обошлось без него, но мириец был вместе с Рориком и Александром. Артур и Луи отправились вдвоем, причем Артур, видимо, предполагая встретить дракона или великана, выехал в полном боевом доспехе.

Пепельная Лощина оказалась именно там, где и рассказывали, были там и черные цветы на серебристых стеблях, и какие-то развалины, из которых вытекал ручей с прозрачной, как слеза, водой.

Место было изумительно красивым и грустным, но присущее Луи любопытство и неспособность сидеть на одном месте заставили его поехать вдоль ручья, оставив Артура наедине с возвышенными мыслями. Вполголоса насвистывая, граф Рабан добрался до конца лощины, где холодная струя, весело журча, красивым водопадом устремлялась вниз. Отсюда открывался изумительный вид на заброшенную горную дорогу, но приглушенный возглас «Жабий хвост!», вырвавшийся у Луи, вызвала отнюдь не красота горной Эскоты.

Внизу на рысях шел немалый отряд. И, судя по плащам, это были люди Ра-Набота, которые, по утверждению Лося, никогда в жизни не отважатся пройти старой дорогой. Приглядевшись, рыцарь насчитал около двух сотен хорошо вооруженных всадников и десятка два мулов, навьюченных чем-то, что сначала показалось оружием, но, приглядевшись внимательнее, Луи понял, что это ломы и кирки.

Головы арциец не потерял, впрочем, внук Обена Трюэля не терял ее никогда. Он быстро сообразил, что Ра-Гвар и Ра-Набот вспомнили о заброшенной дороге одновременно. Лось собрался зайти противнику в тыл, племянник Джакомо предусмотрел такую возможность и послал людей разрушить мост через Гивату. Этого допустить было нельзя. Осторожно отъехав от обрыва и благословляя про себя черные маки и собственную дурь, Луи галопом вернулся к Артуру, все еще любовавшемуся цветами, выкрикнув одно слово.

– Ра-Набот!

– Где? – не понял Бэррот.

– На нижней дороге. Собрались разрушить мост.

– Откуда ты знаешь?

– Кирки с собой тащат. Нужно сказать Сандеру. Снимай доспехи.

– Доспехи?

Луи сжал зубы. Артур был чудесным парнем, пока не требовалось ему что-то объяснить.

Сейчас главным была скорость, скорость зависела от коня, значит, долой доспехи! Лучше потерять десятинку вначале, чем загнать лошадь и потерять все. Луи торопливо снимал с себя и коня все, что было лишним.

– Жабий хвост! Неужели не ясно?

– Ясно, – твердо сказал Бэррот, – ты поскачешь за подмогой, а я их задержу.

– Их две сотни.

– Какое-то время я продержусь, может, именно его и не хватает.

– Прости, это я осел, а не ты. Постарайся все же не дать себя убить.

Артур хотел что-то ответить, но Луи уже скрылся из глаз. В правильности того, что он делает, граф Рабан не сомневался. В их положении решающей могла оказаться и десятинка. Значит, кто-то должен был остаться. Как воин Артур лучше, и, значит, оставаться ему, хотя надолго задержать эскотцев в одиночку не по силам даже Бэрроту.

2887 год от В.И.

1-й день месяца Влюбленных.

Эскота. Набот

Полосатики при ближайшем рассмотрении отнюдь не казались кровожадными дикарями, хотя в изяществе манер и изысканности речи уступали южанам. Впрочем, без чего, без чего, а без придворных учтивостей герцог Эстре мог обойтись. Лось был грубым, громкоголосым, хвастливым и беспардонным. Он залиvisto ржал над самыми дурацкими шутками, пил, как бочка, и жрал в три горла; весь мир делился для него на своих и чужих, и пределом его мечтаний было поколотить всех, до кого он мог дотянуться, и стать полноправным сюзереном. Таким, как Оскар Ра-Набот или граф Лидда, чьи титулы признавали в Данлее. Зачем это было нужно Ра-Гвару, который, по его собственным словам, не ставил Джакомо ни во что, Сандер не понимал, но Лосю хотелось стать настоящим графом с соответствующей, заверенной большой королевской печатью грамотой. Это невинное желание, равно как и застарелая ненависть к королевскому племяннику Оскару, превратили Рорика в союзника, но эскотец ничего не делал наполовину. К исходу зимы он на всех углах величал герцога Эстре своим братом и вопил, что отберет у поганого Оскара его земли и перейдет под руку Арции.

Сначала Сандера это забавляло, но потом он пришел к выводу, что игра стоит свеч. Тем паче Рорик знал окольную дорогу в Набот, по которой никто не ездил две или три сотни лет. Лось рвался в бой, арцийцы тоже, и Тагэре решил рискнуть. Если наботская авантюра закончится благополучно, между ними и Джакомо останется лишь Лидда. Конечно, добраться до Данлеи проще через Тагэре, но Филипп отправил его в Эстре, а зимняя выходка подарила ему сильного, хоть и диковатого союзника. Конечно, оставалась еще Фронтера, но нельзя объять необъятное. И когда дороги просохли, объединенные силы Эстре и Ра-Гвара двинулись на Набот.

Конечно, Александр принял кое-какие меры безопасности. В Геммской крепости он оставил довольно-таки сильный гарнизон под командованием Одуэна, а самого Лося убедил поиграть мускулами на главной наботской дороге. Поверил ли Оскар, что они полезут в лоб, было неизвестно, но пока им никто не мешал. Впереди был решающий бросок через Гиватский мост и Зеленое ущелье. Идти решили ночью, хотя Рорика такие предосторожности и злили. Лось считал своего врага дураком и полагал, что использовать против него воинские хитрости – оказывать слишком много чести. Если бы Сандер не догадался дважды подряд назвать расхोдившегося союзника монсигнором, тот бы ни за что не согласился на предложения арцийцев. Однако, услышав из уст брата Его Величества Филиппа вожделенное обращение, Ра-Гвар растаял.

Сандер как раз в четвертый раз объяснял союзнику, что и как они будут делать, ворвавшись в наботскую долину, когда дверь в горной хижине, давшей приют вождям, распахнулась. На пороге возник Луи Трюэль, в ответ на вопросительный взгляд Александра выдавивший из себя нечто, отдаленно напоминающее обычную ухмылочку.

– Мне жаль прерывать вашу беседу, но Ра-Наботу пришла в голову та же мысль, что и вам, монсигнор граф.

– Гивата?! – взревел Лось. – Они разрушили мост?!

– Разрушат. Если успеют. Им еще надо туда добраться, Сандер. Там остался Артур...

Рорик, изрыгая все известные ему ругательства, бросился натягивать кольчугу, а Сандер быстро спросил:

– Сколько?

– Человек двести. Идут ломать мост, по сторонам не глядят.
– Обойти можно?
– Да. Через эту проклятую Пепельную Лощину. Черные маки там и вправду растут.
– Рорик, – герцог Эстре повернулся к Лосю, – нам нужно не только спасти мост, но и перехватить тех, кто попытается удрать.

На лице огромного эскотца отразилась целая буря чувств, но потом он топнул ногой и завопил:

– Проклятый! Мы полезем хоть в преисподнюю, но Оскара я вверх ногами вздерну!

2887 год от В.И.

1-й день месяца Влюбленных.

Эскота. Набот, мост через Гивату

Артур Бэррот был отважным и умелым воином, но он не был безумцем, и, что бы он ни писал в своих сонетах, он не хотел умирать. Виконт надеялся, что Луи приведет подмогу раньше, чем появятся эскотцы. Тогда это будет просто бой, один из многих. Эскотская война состояла из мелких стычек, схватка у Гиваты могла бы стать одной из них. Не стала, потому что врагов было около двухсот, а он один. О таком даже менестрели не поют, потому что знают, до какой черты можно врать, а где следует остановиться. Один против двухсот – это бред, но бред этот вот-вот мог стать реальностью. Если помощь не придет, то черные маки все же принесут ему смерть...

Мысли о гибели покинули виконта Барре, едва на противоположном берегу появились эскотцы. Теперь рыцарь думал лишь о том, что ему предстояло свершить. Он будет защищать мост, пока жив, и поэтому должен прожить как можно дольше.

На каменистой дороге показались первые всадники в коричнево-зелено-красном, и Артур, не таясь, послал Эльфа вперед. Он будет встречать их на мосту у противоположного берега. Не ожидавшие встретить арцийского рыцаря люди Оскара Ра-Набота придержали лошадей, но, поняв, что странный воин один, вновь двинулись вперед. Артур отсалютовал им мечом, спешился и отбросил щит, толку от него мало – слишком много нападающих. У него хороший доспех, такой с ходу пробьет разве что армская сталь, каковая вряд ли окажется в руках простых воинов. Его главный враг – усталость, так долгой лишнюю тяжесть! На коне было бы проще, но эскотцы наверняка изловчатся подсесть бедняге ноги, так что лучше не рисковать. Виконт тихонько свистнул, и Эльф послушно попятился, освобождая место для замаха.

Арциец стоял и ждал. Кто-то из полосатиков спустил тетиву, но стрела не причинила рыцарю никакого вреда. Артур поудобнее перехватил меч, блик света, отразившись от клинка, испугал одну из эскотских лошадей, огласившую окрестности нервным ржанием. Ему показалось, или вдали послышалось ответное ржанье? Подмога? Эхо?

А вот и первый эскотец. Этот и не подумал спешиться, но и коня как следует не разогнал. Содрогаюсь от задуманного, Бэррот рванулся вперед и полоснул мечом по незащищенной конской морде. Это было не по-рыцарски, но схватка с гварскими воинами дала арцийцам на это право. Обезумевший от боли конь встал на дыбы и, не удержавшись, рухнул в реку вместе с всадником. Ага... Поняли, что на мосту без перил кони не помощь, а обуза. Человек двадцать спешились и бросились вперед. Самого шустрого Артур оглушил косым ударом по шлему, и тот свалился под ноги следующему, остановив его порыв. Полосатики явно не ожидали нарваться на ТАКОГО противника.

Удары арцийца были точны и сильны, а сам он двигался невероятно быстро, особенно учитывая вес доспехов. Враги затоптались на месте и немного подались назад, дав Арутру возможность перевести дух. Неизвестно, понимали ли это люди Ра-Набота, но сам Бэррот видел, что долго ему не продержаться. Эскотцы пошли вперед, и думать о неизбежном стало некогда. Артур вертелся как бешеный, но у него было всего лишь два глаза и две руки. Какой-то эскотец ловко протиснулся между двумя товарищами и нанес удар справа в голову. Такой же наносил в это мгновение сам виконт. Изменить направление замаха арциец не

успел, но шлем выдержал, хотя из глаз посыпались искры, а голова, казалось, раскололась на несколько кусков. Артур, шатаясь, сделал шаг назад, налетев на Эльфа. Сразу пришло решение – жестокое, несправедливое, единственное.

Рыцарь стремительно повернулся спиной к нападавшим, проскочил мимо коня и, шепнув ему: «Прости», – всадил меч в незащищенный круп. Эльф рванулся вперед и смел всех, кто мешал ему уйти от жалящего железа, на какое-то мгновение на мосту не осталось никого, кроме Артура и семи мертвецов.

Коричнево-зелено-красные оправились быстро. То, что они не могли справиться с одним-единственным арцийцем, выводило их из себя. Можно было отступить, попробовать расстрелять Артура из арбалетов или же, не мудрствуя лукаво, исполнить то, для чего они и были посланы, а именно обрушить мост вместе с его бесноватым защитником, но эскотцы вместо этого с громкими воплями вновь поперли вперед. Артур, выкрикнув имя герцога Эстре, бросился навстречу. Он успел нанести четыре удара, и под ногами стало на три трупа больше. Но эта удача оказалась последней. Чей-то меч пробил сочленение на правом плече, а сокрушительный удар по ребрам показался виконту смертельным. Бэррот видел, как высокий полосатик медленно-медленно заносил секиру. Удар был проще некуда, но тело перестало повиноваться. Рыцарь не мог отвести взгляда от занесенного над ним сверкающего металла, но смерть отчего-то медлила. А потом кто-то обхватил его сзади и потащил с моста.

Сквозь кровавую пелену Артур разглядел двух всадников, бок о бок на всем скаку проскочивших мост, с которого в обе стороны, как испуганные лягушки, посыпались коричнево-зелено-красные.

Эстре и Кэрна! Конечно! Они же увлекаются атэвскими штучками – неполные доспехи, по-особому выезженные кони, молниеносные движения... Артур попробовал повернуть голову. «Волчата»... Серо-черные плащи Рорика... Но где же он сам? Бэррот попробовал поискать глазами «лосиный» шлем, отчего-то это казалось важным. Не найдя Ра-Гвара, виконт попытался повернуться к герцогу, но в это время спаситель начал снимать измятые доспехи. Запредельная боль пронзила плечо, и рыцарь мешком свалился на руки племянника господина Игельберга.

Нэо Рамиэрль

Норгэрель мог уклониться от участия в судилище, так как в отличие от Рамиэрля и Аддара не имел никакого отношения к потасовке с поднявшим руку на Ильгэйбэ человеком. Кстати, у черноволосого стрелка было имя, его звали Альмиком. Узнав сие, сын Ларэна и Залиэли пожал плечами: язык и обычаи Луцианы все еще казались странными. Хотя вряд ли отыщется слово, которое на одном языке означало бы что-то красивое, на другом – наоборот, а на куче остальных и вовсе никакого смысла не имело. В любом случае родители Альмика, назвав сына «Смирненным», дали маху. Чем-чем, а смирением тот не отличался.

Рамиэрль был искренне огорчен, что все так случилось, хоть и постарался казаться равнодушным. Нэо был искренне признателен Норгэрелю за то, что родич разделил с ним неприятное.

Судя по всему, судить и карать преступников эльфам приходилось нечасто, и делали они это без всякого удовольствия. На владыках были траурные одежды цвета увядающей листвы, напомнившие о Тине и Клэре. Знать бы, чем занят рыцарь Осени, все легче... Или, наоборот, тяжелее. Рамиэрль надеялся, что Клэр присматривает за горбатым братом Эдмона Тагэре.

Сначала эльф-разведчик всего лишь исполнял данную Эдмону клятву, но потом почувствовал в сероглазом мальчике что-то из ряда вон выходящее. Александра нужно было сохранить ради Тарры и ради Рене. Впрочем, как и его отца и брата, которых спасти не удалось... Альмика тоже не спасти, глупая смерть и никому не нужная!

Как всегда, Рамиэрль обуздал свои эмоции с помощью старой как мир уловки. Он принялся запоминать все, что видит, – лица и одеяния Солнечных, бьющуюся в окно осу, тени на белоснежной стене, тыквоносцев, по случаю судилища стянувших высветленные

волосы особым образом заплетенными тоненькими косичками и сменивших золотые сандалии на нечто среднее между сапогами и чулками из мягкой узорчатой кожи. Когда Рамиэрль осмотрел последний старательно замазанный прыщ на шее младшего из соратников Илгора, появились владыки.

Аддар, на голове которого был украшенный золотистыми топазами обруч, терявшийся в золоте волос, сел по правую руку от отца, Тэноллиан по левую, а владычица опустилась в стоящее особняком причудливое кресло, напоминавшее выловленную в Сером море раковину. Эльрагилл был задумчив, Ильгэйбэ печальна, выражение лица Тэноллиана разобрать было трудно. Солнечный принц утратил обычную приветливую оживленность, он старался сохранять спокойствие, но это у него получалось не слишком хорошо. Рамиэрль постарался подбодрить приятеля взглядом. Аддар благодарно улыбнулся в ответ, но зеленые глаза оставались печальными и настороженными.

Альмика ввели последним. Старательно передвигая ноги и опустив темноволосую голову, он шел меж двух других стрелков из рощи, впереди шествовали четверо паладинов, сзади двое эльфов с непроницаемыми лицами. Преступника подвели к центру алого круга, выделявшегося на беломраморном полу. Стражи повернулись и отошли: эльфы грациозно и незаметно, стрелки – неловко, словно стесняясь самих себя, паладины попробовали скопировать эльфийскую легкость, вызвав у Рамиэрля очередной приступ отвращения. Тэноллиан поднял руку, и на краю алого круга возникла золотая черта, а освобожденный от сковывающего заклятия Альмик пошатнулся и чуть не упал.

На допущенных на террасу Мечей людей происходящее произвело впечатление, хотя ничего особенного в фокусе Тэноллиана не было. Алый круг, видимо, давным-давно использовался в качестве места, предназначенного для опасных гостей, а водворили Альмика туда примерно тем же способом, каким сам Рамиэрль подозвал ареху. Разве что сила заклятия была побольше: воля у человека крепче. Хотя определенная неуверенность в бунтаре все же ощущалась, иначе Тэноллиану не удалось бы так легко замкнуть вокруг него защитный круг. Шарло Тагэре сопротивлялся бы дольше, а уж Рене... Хватит думать о Рене! Он далеко, так же как выжившие сыновья Шарло, Эмзар, Клэр, Жан-Флорентин и все остальные. Ради того, чтобы к ним вернуться, придется вытерпеть казнь очередного дурака, решившего, что удар кинжала может изменить мир.

Действо между тем разворачивалось по всем правилам и отчего-то до боли напоминало происходивший когда-то во фронтерской деревне Белый Мост суд над знахаркой Лупе, во время которого эльф-разведчик впервые столкнулся с ройгианской магией. На первый взгляд общего было мало. Роскошный чертог не походил на жалкую сельскую площадь с деревянным помостом, а эльфийские владыки отличались от тройки синяков, как небо от земли. Да и вместо хрупкой, ни в чем не повинной молодой женщины был яростный сильный мужчина, совершивший именно то преступление, в котором его обвиняли. И все равно Роман не мог отделаться от мысли о сходстве давно минувшего и ныне совершаемого. Наверное, дело было в том, что и Лупе, и Альмик были осуждены еще до суда, который был не более чем представлением, затеянным для испуганных и потрясенных зрителей. Тогда это были фронтерские селяне, сейчас – стражи Рощи и десятка два луцианских нобилей. И тем и другим судьи решили напомнить о благодати Добра и наказуемости Зла и его соучастников. Только вот не были синяки, воевавшие именем придуманного клириками Творца с не менее выдуманном Антиподом, Добром. А эльфы, верящие Свету и его именем превратившие прозябавшую во тьме и невежестве Луциану в цветущий мирный сад? Были ли Добром они?

Рамиэрль запутался в несвоевременных мыслях, пропустив и слова Эльрагилла, несомненно, мудрые и справедливые, и душераздирающий рассказ Ильгэйбэ о побоище в цветнике. Из не очень приятных размышлений Нэо вырвал низкий, гневный баритон, совершенно не похожий на мелодичные эльфийские голоса. Подсудимый не стал хранить гордое молчание, решив высказать ненавистным Перворожденным все, что он о них думает. Роман достаточно овладел луцианским, чтобы оценить речь бунтаря. Как он и думал, Альмик ненавидел эльфов за то, что они лишили людей права выбора, навязав им Свет.

Да, для малых детей и дряхлых стариков такая жизнь удобна, но Перворожденные держат всех за жалких и неразумных. Принц Таир, про которого черноволосый стрелок говорил с тем же благоговением, с каким соратники Анхеля толковали о мятежном Руи Аррое, поднял восстание против эльфов и их приспешников. Повстанцы отстаивали собственное право на жизнь или на смерть, но такую, которую они сами себе изберут.

Разумеется, Дети Звезд получили от Альмика и за бессмертие, и за вечную молодость, и за магию, с помощью которой могли отрешиться от низменных дел, начиная от лечения хворей и кончая изношенными сапогами и нематыми тарелками. По мнению бунтаря, эльфы не должны были совать людям в лицо их убожество и несовершенство, а именно это они и делали самым фактом своего существования. Рядом с Перворожденным смертный поневоле чувствовал себя жалким и обреченным. Чтобы вернуть людям гордость, эльфов следовало изгнать или уничтожить. Именно это и собирался сделать Альмик, захватив Ильгэйбэ. Вынуждая владычицу отвести его к Эльрагиллу, бунтарь намеревался пленить и его, а затем завладеть главным талисманом клана и, имея на руках столь ценных заложников, потребовать от Солнечных навеки покинуть Луциану.

Рамиэрль пожал плечами. План был неплох, куда лучше убийства ради убийства. Другое дело, что осуществить его было невозможно. Коснуться талисмана мог лишь владыка или кто-то настолько превосходящий его по силе, что сломал бы заветное Сродства. Хотя откуда лесному стрелку знать такие тонкости? Эльфу нравилось, как держался Альмик, хотя, на взгляд Нэо, можно было ругаться и поменьше.

Человек, без сомнения, знал, что его ожидает, но смерть его не пугала, он, как мог, использовал отпущенные ему возможности. Обвиняя эльфов и их прихвостней, он обращался к присутствующим людям, видимо, рассчитывая заронить в их утомленные Светом души зерна сомнения. От ответов на задаваемые ему вопросы подсудимый не уходил, но все сводил к тому, что эльфы для Луцианы – зло, и они должны быть уничтожены или изгнаны. Допрос катился своим чередом, и, по мнению Рамиэрля, близился к концу, когда Тэноллиан задал глупейший вопрос о том, как давно Альмик предался Тьме и с кем из адептов оной Тьмы связан.

Илгор старательно перевел, и глаза бунтаря вспыхнули. Он резко выпрямился, и Нэо понял, что самое интересное только начинается.

– Если Свет – это вы, мне и впрямь милей Тьма. Она, по крайней мере, не принуждает на брюхе ползать. Вы только гляньте, во что превратились те, кто с вами спутался?! От людей отстали, к эльфам не пристали. Право слово, хуже нетопырей, что не птицы и не звери. Те хоть другим на головы не гадят и разбирают, кто самец, кто самка. А эти? – Альмик ткнул пальцев в Илгора. – Не люди, не мужчины, а так, тьфу! Погань размалеванная, трусы, доносчики, убийцы заугольные. Чуть что не по их, к вам под крылышко скачут. Какую бы пакость ни сотворили, вы за них горой. Верите им, привечаете, потому как они под вас подделываются. И вы же, глаз даю, над ними и смеетесь. Эти недоделанные для вас как ученые свиньи, но для нас-то они тюремщики.

Всю породу ихнюю под корень извести, тогда можно будет и о Тьме поговорить. Когда от вашего Света избавимся. И не я один так думаю. Только никого я вам не отдам, не надейтесь, хоть на куски режьте. Не предатель.

Рамиэрль невольно усмехнулся, представляя, с какой рожей Илгор будет переводить слова Альмика о Золотых паладинах, но тот и не подумал этого делать.

Глядя в глаза владыкам верноподданным взором, тыквоносец подробно рассказывал о... заговоре темных сил, намеревающихся захватить Луциану. Это не было импровизацией, местью за оскорбления или желанием скрыть от Эльрагилла темные делишки светлых рыцарей. Рамиэрль был достаточно опытен, чтобы понять – речь, несомненно, заготовлена заранее. Илгор сыпал именами каких-то местных принцев и владетелей и пугал неким Темным Властелином, нацелившимся на Луциану. Целью этого отродья Тьмы было с помощью своих смертных и бессмертных приспешников подчинить свободные народы, уничтожить эльфов и погасить Солнце, создав кошмарное царство вечной Ночи, полное воя

бешеных волков и ползающих во мраке пучеглазых и клешнявых чудовищ. Но и это было не все. Посланцами Темного Властелина были... они с Норгэрелем, кошунственно прошедшие тайными путями вопреки воле Арцея.

Рамиэрль узнал, что они являются предателями эльфийского рода, причастными к уничтожению своих сородичей и взятыми за это Ангесом и Аденой в Бездну, откуда они и явились, дабы встретиться со ждавшими их заговорщиками и отступниками и провести оных в цитадель Света.

Роман не сомневался, что Илгор и Тэноллиан продумали все до мелочей и с удовольствием доведут до ушей владык «ответы» Альмика на любые вопросы. В том числе и о том, зачем Роману понадобилось спасти Ильгэйбэ и почему он, Альмик, решил во всем признаться. Ум Рамиэрля лихорадочно искал выход, но все решилось само собой, так как в игру вступил Аддар.

Рывком вскочив с места, Солнечный принц бросил в лицо Золотому паладину:

– Ты лжешь! Теперь я понимаю, почему ты не желал обучить меня языку людей. Но я его, хвала Солнцу, выучил и без тебя!

– Сын мой, – Эльрагилл выглядел потрясенным, – может ли быть, чтобы рыцарь Солнцецвета лгал Перворожденным?

– Он лгал, – подтвердил Аддар, – я готов ответить за свои слова мечом и словом.

– Если это так, – Тэноллиан казался искренне возмущенным и озабоченным, – то это поступок, недостойный Золотого паладина.

Рамиэрль почти с благоговением увидел, как с руки Тэноллиана сорвалась сверкающая паутинка, на мгновение окутала Илгора и растаяла. В Тарре для достижения такого ж результата понадобились бы совместные усилия цирюльника, банщика и недоучившегося ткача. На месте блистательного светоносца оказался закутанный в какие-то серенькие тряпочки бесцветный человек с прямыми волосенками и жидкими светлыми ресничками.

– Илгор, бывший рыцарь Солнцецвета, посмеявшийся солгать владыкам, навеки изгоняется из Долины Света и за свою ложь три года будет нести бремя молчания. Уходи, отвергнутый.

Илгор бросил на предавшего его хозяина взгляд, достойный побитой собаки, и, шаркая ставшими вдруг кривыми ногами, медленно поплелся к выходу, а брат владыки как ни в чем не бывало повернулся к Аддару:

– Сын моего брата может перевести нам истинные слова преступника?

2887 год от В.И.

11-й день месяца Лебеда.

Эскота. Лидда

Лиддская долина была последним препятствием на пути к Данлее. Широкая и плодородная равнина меж заросших непролазным мелколесьем невысоких гор вела в самое сердце Эскоты и принадлежала владетельным графам, равно презиравшим и вождей приграничных кланов, и короля. Лидда была богата, и эскотцы, привыкшие грабить своих с не меньшим усердием, чем соседей, частенько наведывались в долину с мечами и мешками, пока три сотни лет назад граф Мауриций не перегородил вход и выход мощными укреплениями, сделав свои земли государством в государстве. Графы Лиддские творили, что хотели, и не боялись никого и ничего.

Наиболее разумным казалось обойти долину и двинуться вдоль постепенно снижающихся гор в сторону Фронтеры, но тащиться по бездорожью, добывая пропитание охотой и теряя драгоценное время? Штурмовать Лидду? Александр не исключал такого исхода, эскотцы воевали по старинке, и Тагэре полагал, что при определенной доле везения долину постигнет судьба Кер-Септима, но сначала нужно попробовать договориться, они и так потеряли время в Наботе. Хорошо хоть, не зря: область, глубоко вдававшаяся в тело Арции, в руках арцийцев, граф Ра-Набот удрал, а Гварский Лось, скоропалительно женившийся на сестре беглеца, – союзник и чуть ли не побратим. Но закрепить успех можно,

лишь взяв Данлею и вырвав у Джакомо подтверждение гварского договора. Но между Наботом и Данлеей лежала Лидда.

Когда Сандер сообщил о своем решении капитанам, не удивились лишь дарнийцы и Рито Кэрна. Остальные знали об эльтской резне и о том, какие плащи носили наемники Агнесы. Оглядев обращенные на него растерянные лица, герцог со стуком опустил ладонь на некрашенный деревенский стол.

– Я знаю, что наемники, прибившие головы Шарля Тагэре и Эдмона Руннского к воротам Эльты, были из Лидды. Но с тех пор прошло без малого двадцать лет. Мы здесь не за мстью, а для того чтобы раз и навсегда прекратить набеги. Нынешний граф в ссоре и с Джакомо, и с Ра-Наботом, которому и не подумал помочь. Возможно, он нас пропустит, а нет – мы не уроним нашей чести...

– Но, – видно было, что Одуэну не хочется говорить, но и молчать он не может, – нынешний граф... Ра-Лидда был тогда у Эльты.

– Был, – подтвердил Луи Трюэль, – но там же были и Эжен Гартаж и Люсьен Кресси.

– Хватит! – прикрикнул Сандер, заметив нехороший блеск в глазах Одуэна. – Я пошлю к Лидде, как же его имя?

– Жавер, – тихо подсказал Ювер Трюэль.

– Спасибо. Я пошлю к нему гонца, и посмотрим, что он нам ответит.

Когда Александр начинал говорить таким тоном, споры стихали сами собой. Луи вызвался отвести письмо, поклявшись жабым хвостом, что ничего с ним не случится. И оказался прав. Не прошло и трех ор, как ворота Лидды распахнулись, пропуская двоих всадников. Рядом с Луи ехал кто-то седой и грузный в сине-серо-зеленом плаще и маленькой шапочке, украшенной журавлиным пером. Как бы Сандер ни владел собой, но при виде человека, который не мог быть никем иным, кроме как графом Жавером Лиддой, он побледнел.

– Проклятый! – Одуэну тоже было не по себе. – О чем он только думает, этот полосатик?!

– О своей долине, – Александр уже справился с собой. – Что ж, поприветствуем гостя.

Они встретились на полпути между лагерем и воротами. Луи без лишних слов присоединился к «волчатам». Эскотский граф и арцийский герцог молча изучали друг друга. Лидде было около шестидесяти, шрамы на лице выдавали в нем бывшего воина. Даже в лучшие свои годы его вряд ли можно было назвать красавцем, но в круглых светло-голубых глазах светился незаурядный ум.

– Ты предлагаешь мне невозможные вещи, младший из Тагэре. – Эскотец заговорил первым. Впрочем, в этих краях первыми говорят те, кто старше. – И мне захотелось взглянуть в твои глаза.

– Смотрите, монсигнор. – Проклятый, чего добивается этот старик? А ведь добивается.

– Говорят, что ты пошел в отца. Может, и так... Хочешь пройти к Данлее?

– Хочу поговорить с Джакомо.

– Мне нет дела до Джакомо, – Лидда пожал плечами, – он называет себя королем, но он не король, а полушут-полуподлец. Но я отвечаю за тех, кто живет в МОЕЙ долине. Что будет порукой их безопасности?

– Слово Тагэре.

– Слово Тагэре дороже золота, если это слово младшего из Тагэре, и дешевле собачьего лая, если это слово его братьев. – Старик шел на ссору, но Александр, сжав зубы, промолчал. Пройти Лидду без боя было очень важно, хотя в случае необходимости ее можно и взять. Он даже знал как, но это время и потери, а войну нужно закончить к осени.

– Ты сильнее меня. Если мы вынем мечи, моя жена станет вдовой скорее, чем волк зарежет барана, – эскотец усмехнулся, показав крепкие, желтые от сока дагры зубы, – но это не вернет чести ни продавшему Оргонду Филиппу, ни Ларрэнну, недостойному имени отца.

– Раз ты говоришь со мной, – устало произнес Александр, – значит, ты чего-то хочешь. Чего?

– Поклянись СВОЕЙ честью, что пройдешь долину, не тронув никого и ничего.
– Клянусь.
– Хорошо, через три дня ворота будут открыты. Это быстрее, чем осада и штурм. Ты согласен ждать?
– Да.
– Тогда я приглашаю тебя на пир в Лиддском замке.
– На пир? – в серых глазах мелькнуло непонимание. – Какой? Когда?
– Пир в честь младшего сына Шарля Тагэре Александра, герцога Эстрийского, если, разумеется, он положится на МОЮ честь, как я полагаюсь на его.
– Я должен поехать с вами?
Эскотский владетель медленно кивнул, не отрывая взгляда от лица Александра.
– Младший из Тагэре правильно понял мои слова. Закон гостеприимства свят, ему нечего опасаться.
– Я принимаю приглашение, – Сандер обернулся к заворчавшим «волчатам», – я еду, и еду один. Эскотцы не убивают гостей. Я могу оставить при себе меч?
– Ты – мой гость, а не пленник. Скажи своим друзьям, что я не только не предатель, но и не безумец. Если я хочу сохранить Лидду, я должен сохранить тебя.
– Они это понимают. Что ж, я готов. Пусть дорогой хозяин простит, но я не взял с собой одежду для пира.
– У мужчины лишь одно украшение – его слава. Кто знает, не похитишь ли ты сердце какой-нибудь из моих внучек и не возьмет ли она в залог твое. – Граф, прищурясь, оглядел арцийский лагерь. – Я пришлю угощение твоим воинам. Голодным солдатам тяжело идти мимо богатых домов.

2887 год от В.И.

12-й день месяца Лебеда.

Эр-Атэв. Дифдаа

Эр-Атэв часто называют страной песка, хотя Творец наделил его и водой. К несчастью, жена Творца слишком торопилась занять место на ложе повелителя и не перемешала, как ей было велено, воду и землю, а просто выплеснула их вниз из голубой чаши. Так возникла желтая пустыня Эр-Гидал и черные болота Дифдаа, тянущиеся до Армских гор и по воле многохвостого садана населенные мерзкими тварями. Лишь безумцы и преступники забредали в глубь зловонных топей, но северный край их был обитаем, ибо через него проходил Булатный путь, связавший Эр-Иссар с Армой. И как бы ни были отвратны и опасны трясины, чье дыхание насылало желтую болезнь, люди раз за разом пускались в опасный путь. Десять раз по тысяче воинов обороняли дорогу от разбойников и болотных чудищ, и все равно случалось, что исчезали не только одинокие путники и гонцы, но и целые караваны.

Принц Яфе терпеть не мог черных топей с их удушающей вонью и тучами насекомых. Чудовищ он, правда, не видел и последние лет шесть об этом не жалел. Младший сын калифа давно доказал всем и себе, что он мужчина и воин. Брат Усмана Али, не зря прозванный Мечом Атэва, обучил племянника многому, в том числе не обнажать саблю там, где достаточно плетки, и не хватать огонь голыми руками.

...Дженнах втянул ноздрями воздух и повернул голову к всаднику. Конь скорее умер бы, чем выдал себя ржаньем, но ему было не по себе. Проклятые болота воняли, как отхожее место шестихвостого садана и его мерзких жен, и благородный скакун, привыкший видеть на двадцать джедд¹⁰⁹ вокруг себя и ступать по твердой земле, не доверял зыбкой тропе. Принц погладил любимца по голове. Ничего, к вечеру они увидят горы, и низкие, как двенадцатилетние дети, но сильные, как мулы, люди с красноватыми уродливыми лицами

¹⁰⁹ Джедда – мера длины.

покажут Повелителю Повелителей драгоценное оружие и украшения.

Отец хочет лично выбрать подарки дею Филиппу и его хансирам и пролить свою щедрость на обоих сыновей. В мире мало что может сравниться с армским оружием и иссарскими жеребцами, чья цена превышает цену среднего корабля. Говорят, их предок возил на себе великого Баадука и был черен, как сама Тьма, но с гривой и хвостом, белизной подобными облаку. Дженнах белее лебединого крыла, а отцовский Зарах чернее ночи, но вдвойне счастлив оседлавший сразу и Свет, и Тьму.

От возвышенных мыслей принца отвлек огромный комар. Порождение злокозненной саданши! Скорее бы кончилась топь. С высоты птичьего полета караван владыки Эр-Атэва наверняка казался золотой нитью, протянутой через смрадную сгнившую кошму. Гудели насекомые, чавкала под конскими копытами жирная грязь. Яфе и его брат Наджед ехали сразу за отцом в середине отряда, созерцая спину калифа и смоляной хвост его коня, безостановочно отгонявшего крылатых кровопийц. К вечеру и без того неширокая дорога стала еще уже, и всадники растянулись в цепочку по одному. Тропу пересекали два разделенных узким пространством оврага, почти до краев заполненные отвратительной зелено-желтой грязью, через которые были перекинuty мосты из неизвестно откуда взявшегося в здешних краях камня.

Всадники один за другим перебирались на другую сторону, но Зарах отчего-то взбунтовался. Калиф, бывший искусным наездником, с трудом заставил коня повиноваться, наконец Зарах, поняв, что сопротивление бесполезно, двинулся вперед, но на полдороге старинное сооружение пошатнулось, огромный камень вылетел из гнезда, а за ним другой, третий...

Конь Усмана прынул вперед, перелетая через рассыпающийся на глазах потрясенной свиты мост, но Яфе успел послать жеребца вслед за отцом. Дженнах не подвел, и они оказались на острове, отделенные и от передних, и от задних жидкой пузырящейся грязью, ибо садану было угодно обрушить обе арки. Не такая уж и страшная беда с учетом того, что они не одни. Принц благодарно потрепал жеребца по лоснящейся шее, но Дженнах, вместо того чтоб успокоиться, вскинулся на дыбы, храпя от ужаса. И было от чего. Кусты с большими мясистыми листьями затрещали, в них мелькнуло что-то черно-зеленое, и на тропу во всей своей красе вывалился болотный лев¹¹⁰. Тварь была в полном расцвете сил, а подтянутое брюхо и ввалившиеся бока говорили, что последнюю добычу она поймала около луны назад.

Справа и слева торчали ядовитые кусты кух, растущие на предательской грязи, сзади и спереди была непреодолимая преграда, а загородивший дорогу гад замер, готовясь к нападению.

Отец и сын переглянулись. Эр-Хабо¹¹¹ больше, но его можно поразить в горло, болотный лев с его костяным воротником не имел уязвимых мест, кроме пасти и глаз, к счастью, слишком близко посаженных, чтобы уследить за обоими врагами. Тварь явно облюбовала калифа, отец поднял копье, но обезумевший Зарах не давал прицелиться, впрочем, прыжки жеребца мешали и оголодавшей твари. К счастью, Дженнах по-прежнему повиновался всаднику, и Яфе гарцевал перед чудовищем, лихорадочно решая, что же делать.

Болотный лев метнулся к калифу с быстротой, удивительной для его коротких кривых ног, но Яфе все же успел выставить копье. Вреда твари оно не причинило да и не могло

¹¹⁰ Огромная рептилия-людоед, обитающая в болотах Дифдаа. Свое название получила из-за «воротника» из костяных выростов, отдаленно напоминающего львиную гриву. Голодный болотный лев хитер и опасен, но, наевшись, он впадает в длительную спячку, и в это время его можно выследить и убить.

¹¹¹ Эр-Хабо – обитающая в Эр-Атэве и на некоторых южных островах гигантская хищная рептилия, напоминающая рогатую жабу со спинным гребнем. У народа атэвов считается воплощением всего самого отвратительного. Легенды говорят, что Эр-Хабо были изгнаны из преисподней за свою тупость, жадность и неопрятность.

причинить, но, застряв меж костяными пластинами, удержало ее на месте. С каждой секундой древко изгибалось все больше. Сдерживаемый сильной рукой Дженнах стоял намертво, но это была не более чем передышка, что-то или кто-то – копьё, человек или конь – должно было не выдержать. Но и Усман владел не только пером, но и копьём. Понимая, что второго раза может и не быть, калиф вложил всю свою силу и разбег коня в единственный таранный удар.

Увы, звезды в этот день отвернулись от владыки атэвов. Гадина неожиданно изогнулась, резко подалась назад, вырвав из рук принца древко копья, и, умудрившись перехватить пастью несущееся на нее копьё калифа, дернула на себя. Усман, не удержавшись в седле, полетел прямо на чудовище, но Яфе догадался вздыбить коня и бросить вперед, так что подкованные копыта обрушились на плоскую башку гада. Если б ему удалось попасть в глаз, еще можно было надеяться, но удар пришелся рядом и лишь на мгновение отвлек чудовище от калифа, дав тому возможность откатиться в сторону. Но копий у них больше не было, сабля против гадины была не лучше мухобойки, а отец... Он едва шевелился, и Яфе успел заметить кровь.

Нужно было во что бы то ни стало отвлечь тварь. Что у него остается? Только Дженнах. Конь вновь встал на дыбы, и наученный горьким опытом болотный лев отпрянул на пару локтей назад и изготовился к прыжку. Отец, зажимая рукой рану на голове, бессильно лежал на земле, а гадина, взрываясь от предвкушения, явно нацелилась схватить добычу. То, что знал об этих тварях Яфе, лично ему сулило спасение. Сейчас болотный лев схватит калифа и скроется в топях. Потом он снова выйдет на охоту, но лишь сожрав человека, мясо которого предпочитает и конскому, и бычьему. Известно, что из двух, подвергшихся нападению, один, как правило, выживает...

Яфе отбросил саблю и, выхватив длинный прямой кинжал, послал Дженнаха вперед. Конь стрелой пронесся мимо бронированной бестии и остановился лишь у самого края топи, но всадника на нем уже не было. Яфе умудрился перепрыгнуть на спину гада, крепко ухватившись левой рукой за роговые отростки, которым болотный лев и был обязан своим названием. Замершие за потоками грязи всадники кто с восторгом, кто с ужасом, кто с ненавистью и разочарованием следили за тем, как младший принц, не выпуская из рук «гривы», перебросил тело на голову яростно взревшего болотного льва и с силой погрузил клинок сначала в один, а потом и в другой глаз. Оставив кинжал во второй ране, Яфе ухватился обеими руками за костяные выступы, обхватив ногами башку обезумевшей от боли и ужаса твари. Болотный лев вертелся волчком, исходя кровью и бьющей из пасти пеной, мускулистый хвост крушил и мял кусты, гадина редела так, что, казалось, ее слышно в Армских горах.

Яфе держался из последних сил, погибнуть под ногами ослепленного чудовища, что может быть отвратительней?! Болотный лев припал на передние лапы, начав хлестать себя по спине хвостом, к счастью, не достигавшим головы. Переберись принц на спину (на что он не решился сразу же после удара, а затем момент был упущен), он был бы сброшен и растоптан, но «грива» прикрывала от ярости осатаневшей твари. Только б лев не бросился в трясину, уж лучше быть растоптанным на твердой земле. Казалось, нельзя взреветь еще громче, но чудовищу это удалось, затем гад подскочил вверх на всех четырех ногах, словно вознамерившись взлететь, грохнулся на брюхо и... затих. Яфе не сразу понял, что все закончилось.

Неужели он жив? Принцу казалось, что его тело разбито на тысячу кусков. Мир вертелся и качался, и лишь тварь и ее всадник оставались неподвижными. Больше всего хотелось закрыть глаза и рухнуть на землю, но Яфе, вспомнив об отце, отчаянным усилием разжал судорожно вцепившиеся в «гриву» руки, неуклюже сполз вниз и, едва держась на дрожащих ногах, привалился к роговому боку, где его и стошнило кровью и желчью. Кое-как обтершись обрывком рукава, принц огляделся и невольно вздрогнул. Тварь свалилась в паре шагов от трясины.

– Хвала Великому и Величайшему, ты не ранен! – Усман был в крови, но собственные

раны, похоже, его не волновали.

– Нет, отец! – Принц попытался выпрямиться, но земля предательски ушла из-под ног, и он вновь ухватился за роговой вырост...

Калиф прислонился рядом. Вдвоем они равнодушно наблюдали, как суетилась свита, пытаясь перебраться через реку жидкой грязи. Затем Яфе, все еще пошатываясь, побрел к берегу, подобрал брошенный через пропасть аркан и зацепил все за ту же «гриву». Воистину велик Баадук, сказавший, что нет мерзости, которая не может быть обращена во благо разумом и волей. Раздался предсмертный хрип лошади, чьи мучения прервал милосердный кинжал. Бедный Зарах... Переправившиеся к ним свитские что-то говорили, суетились, пытались быть полезными, затем раздался голос отца, клявшегося голубыми сапогами Пророка, что разрушившие опоры моста девять раз по девять пожалеют, что их отцы познали их матерей.

Неужели все было подстроено? Но откуда убийцы узнали про болотного льва?! Нет, все это случайность, совпадение... Яфе в изнеможении сжал руками раскалывающуюся голову, пытаясь унять звон, и вдруг чуть было не вскрикнул, вспомнив слова Абуны... Если схватка с болотным львом – первый из ударов судьбы, что же будет дальше?

2887 год от В.И.

14-й день месяца Лебеда.

Эскота. Лидда

Запеченных в сливках нерожденных диких поросят одобрил бы сам Обен Трюэль. Сандер не был большим любителем пиров, но эскотцы оказались превосходными сотрапезниками, а их женщины, привыкшие к мужчинам со шрамами, а то и к одноглазым и одноногим, не видели в горбуне ничего необычного. Не делали вид, а именно не замечали его увечья. Александр это чувствовал, и ему было легко и просто.

Тагэре с нескрываемым интересом слушал рассказы о зачарованном городе за горами, обнесенном огненным кольцом, за которым спит какая-то красавица, о могучих звероподобных воинах с рысьими глазами и клыками, о всадниках на пятнистых иноходцах, не признающих ни Творца, ни Антипода. Для сына Шарло Отлученные земли были такой же сказкой, как и Черный Сур, но в Эскоту долетали отблески странной чужой жизни, обрастая небылицами и превращаясь в легенды.

Два дня промелькнули, как сон. Сандер пил вровень со всеми, но не пьянел. Он вообще не пьянел, может быть, поэтому и не любил вина. Жавер с одобрением смотрел на гостя, похоже, пить вровень с владельцем Лидды удавалось мало кому. Они переговаривали о многом, начиная с достоинств горных кабанов и кончая недостатками Джакомо, старательно обходя лишь эльтскую резню. Может быть, спроси Сандер об этом, старый граф и не стал бы лгать, но Сандер не спрашивал. Пару раз их беседу прерывали воины в полосатых плащах, что-то вполголоса докладывавшие своему господину, но Эстре не прислушивался. Он верил хозяину, ему просто ничего другого не оставалось.

Третий день торжеств клонился к концу, было съедено и выпито все, что можно. Воины устали поднимать костяные, оправленные в бронзу чаши, а волынщики и лютнисты оставили свои инструменты и смешались с гостями у нижних столов. Жавер Лидда хитро прищурился и наполнил две чаши.

– Прежде чем я тебя отведу в одно место, я хочу выпить за тебя. Не как за герцога и брата короля, а как за моего гостя. Будь здоров, Александр Эстре. Ты мне нравишься много больше, чем хотелось бы. А теперь пошли.

Сандер покорно поднялся. Многие проводили их взглядом, но никто не осмелился последовать за графом и его гостем. Эскотские замки мало походили на арцийские дворцы. Низкие сводчатые переходы, маленькие окна, узкие лестницы, толстые стены, кое-как прикрытые аляповатыми драпировками... В Лидде строили, думая об обороне, а не о красоте. Жавер молча нес в руке чадающий факел, Александр спокойно шел следом. Они миновали мрачную галерею, со стен которой смотрели грубо намалеванные портреты, меж которых

висели кабаньи головы и медвежьи шкуры, и вышли к винтовой лестнице. Спуск показался бесконечным, но окончился и он. Граф вытащил ключ, отпер громко лязгнувший замок и распахнул окованную бронзой дубовую дверь. Это был подземный иглечий, грубые фигуры святых и обилие гробниц указывали, что он – ровесник замку. Лидда прошел куда-то вглубь, воткнул факел в гнездо.

– Отсюда начинается Лидда, Александр Тагэре, и здесь же она заканчивается.

Сандер промолчал. Он не понимал, зачем Жавер притащил его к могилам своих предков. Эскотский обычай? Но Лось ничего подобного не делал.

– Здесь лежат все графы Лидда, начиная с самого первого. Мы владели долиной задолго до того, как появились Тагэре и Лумэны, хотя кровь Арроев и старше нашей. Но я привел тебя сюда не для того, чтоб показать надгробия. Я хочу, чтоб ты ответил, а наши мертвые слышали. Почему ты не спросил меня об Эльте и почему отказался от мести?

– Я видел Агнесу Саррижскую, когда ее передавали родичам. – Эстре говорил медленно, но не потому, что боялся сказать что-то, что не понравится собеседнику, герцог просто думал вслух. И Жавер Лидда это понял. – То, что с ней произошло, – страшнее смерти. Она не получила ничего, к чему стремилась, а потеряла все, кроме жизни. Ее сын мертв, хотя, когда все произошло, он был совсем ребенком. Батары мертвы, из Фарбье уцелела лишь Анжелика Рогге и ее сын. Кому мстить? Зачем?

Отец не любил кровь, но, если не было другого выхода, шел в бой и побеждал. Я воюю с Эскотой не потому, что у Эльты были воины в полосатых плащах, а потому, что Арции нужен мирный Север.

– Ты хочешь сказать, что смотришь на сине-серо-зеленое без содроганья?

– Нет. И да. Когда я увидел вас, мне стало не по себе, но я справился. Я... Нет, я не простил и не забыл. Это что-то другое, что трудно объяснить...

– И не объясняй, сынок – вздохнул эскотец, – я тебя понял. Мне до сих пор не по себе, когда я вспоминаю тот день. Твои родичи не просто умерли с честью. Те, кто это видел, ушли из Эльты с оцарапанным сердцем. Я не знаю и не хочу знать, каковы твои братья, я говорю с тобой. Если протектор Севера даст нам слово уважать наши законы и наши права, Лидда готова отложиться от Эскоты и в союзе с Гварой и Наботом перейти под руку Арции.

Мы не лижем данлейские задницы и не станем лизать мунтские, но мы всегда подставим плечо. Если нам не пришлют наместников и не станут тянуть из нас жилы, мы возьмем на себя Джакомо и поможем с Фронтерой. Ты мечтаешь сломать шею Ифране, здесь ты найдешь хороших воинов. Что скажешь, сын Шарля Тагэре?

Глаза Сандера вспыхнули и погасли. За себя он был готов поручиться, но Филипп? Примет ли брат эти условия? Не откажется ли от своего слова?

– Сигнор Жавер, я могу поклясться в одном. Я сделаю все, чтобы убедить брата, и я клянусь честью, что, если Его Величество захочет иного, вы об этом узнаете первым. Даже если...

– Даже если это приведет к ссоре. Мне довольно твоего обещания, думаю, Рорику тоже. Мои воины готовы. Мы вместе пойдем к Данлее и поговорим с Джакомо. Если Филипп Тагэре чего-то стоит как король и мужчина, он тебя послушает, а нет, ты в этом не повинен. В этом доме ты всегда найдешь друзей и помощь, что бы с тобой ни случилось. Ты не спрашиваешь с меня за Эльту, но я себе ее не простил и не прощу. А жизнь справедлива. Какова бы ни была вина, она дает возможность искупить ее перед собой и вечностью. А теперь вернемся, нас уже заждались.

2887 год от В.И.

10-й день месяца Собаки.

Арция. Мальвани

Тоскливый собачий вой разорвал ночную тишину, и Даро, торопливо вскочив, подбежала к окну. Так и есть! Белая собака покрупнее элльской борзой сидела на крыше флигеля и выла, задрав узкую морду к закрытой облаками луне. Самым страшным было, что

ее видела и слышала только она. Белая собака не оставляла следов, она непонятно каким образом забиралась на крышу, куда и кошке было трудно взлезть, и сразу же пряталась, стоило позвать на помощь. Но она была, в этом Дариоло не сомневалась. Это не было ни сном, ни сумасшествием. Белая собака подбиралась все ближе и ближе. Мирийка не сомневалась, что на самом деле это Дафна, вернувшаяся, чтобы отомстить. Именно поэтому ее никто не видит. А Рито и Сандер далеко.

Первый раз Дариоло услышала о белых собаках от Миранды и страшно испугалась, вспомнив Мирию и смерть Рено, но потом поняла, что тревога была ложной. Псов было много, их видела герцогиня, и они больше не показывались. Нет, то были обычные собаки, хоть и светлые, а эта... Первый раз она ее услышала вскоре после Нового года. Донесенный ветром отдаленный вой был едва различим, но сердце Даро стянуло ледяным обручем. Она разбудила Миранду, они просидели вместе до рассвета, вслушиваясь в каждый шорох, но больше ничего не произошло. Утром герцогиня объяснила, что или ей все приснилось, или какой-то незадачливый пес и вправду малость повыл, в чем нет и не может быть никакой беды. Дариоло почти успокоилась, тем паче больше кварталы все было спокойно, а потом началось. Всякий раз ближе и ближе. И ни одна живая душа ничего не замечала.

Она попробовала написать Александру, но отчего-то на хаонгский лист ложились лишь расплывающиеся от слез просьбы о том, чтобы он скорее приехал. Он и примчался, бросив армию на Игельберга, но... собака исчезла. Исчезла не только из ночей, но и из памяти. Даро ЗАБЫЛА о ней, а когда Миранда поведала Александру о ночных кошмарах его возлюбленной, та сначала ничего не поняла, а потом, к всеобщему облегчению, призналась, что обо всем забыла. Когда рядом был Сандер, все было хорошо, но он вернулся на свою войну. «Филипп позволит нам пожениться, ведь взамен я отдам ему Данлею», – сказал он на прощание. Сандер был уверен в успехе, и, когда он был рядом, Даро не сомневалась, что так и будет. Но Александр уехал, а на следующую ночь все началось сначала...

Дариоло молилась, ставила свечи святой Циале, жгла отвращающие зло травы, клала под подушку необработанный аметист и цветы иммортелей. Не помогало. Миранда ей сочувствовала, хотя была уверена, что ее подопечную терзают кошмары, а собака подходила все ближе. В ночь, когда Даро ее увидела – белое мерцающее пятно у замковой стены, у нее начались схватки.

Роды прошли благополучно. Девочка родилась здоровой, но роженицу преследовал собачий вой, которого не слышал никто из суетившихся рядом женщин. Когда ребенка унесли все к той же Люсьене, все еще не отнявшей от груди маленького Шарло, Даро уснула и увидела Дафну. Циалианка смотрела на нее с тем же вожделением и уверенностью, что и в день, когда Рито ее прикончил. Больше Дариоло не запомнила ничего, ее била лихорадка, а приходя в себя, она видела то озабоченное лицо Миранды, то воющую за стенами Малве белую бесхвостую суку. Это был бред, ведь она не вставала с постели!

Герцогиня привела старую травницу, счастливо избежавшую лап синяков, остерегавшихся портить людям жизнь севернее Фло. Старуха, недоверчиво глядя на медикуса, объявила, что Даро испортили и что ей не будет покоя, пока у того, кто это сделал, не отберут заговоренный талисман или пока он не добьется того, чего хочет от своей жертвы. Медикус заявил, что нечего верить полоумной старухе. Даро с ним согласилась. Кто мог желать ей зла, кроме Дафны, а та умерла.

От родов она оправилась быстро, но, едва лихорадка прошла, проклятая собака исчезла из бреда, чтобы являться наяву. Сначала она проникла в первый двор, а потом стала взбираться на крышу флигеля. Два раза молодая женщина будила Миранду, но они видели лишь черепицу, то освещенную луной, то мокрую от дождя. Герцогиня решила спать со своей подопечной в одной комнате, но Дафна укрылась в снах, и это было еще страшнее. Дариоло, бессильная что-либо изменить, не способная даже шевельнуться, видела, как циалианка подходит все ближе, а ее отвратительные черты все время меняются, превращаясь в чудовищную насмешку над лицами отца, Рито, Сандера. Дариоло просыпалась в холодном поту, долго лежала с открытыми глазами, а потом решила, что кошмар наяву лучше, чем во

сне, и сказала Миранде, что будет спать одна.

Собака вернулась не сразу, две или три ночи Дариоло провела спокойно, а потом вновь раздался угнетающий душу вой. Женщина стояла, глядя на призрачного пса, и не знала, что ей делать. Рито бы на ее месте попробовал убить циалианку еще раз, но Даро никогда не была столь смела. Молодая женщина отошла от окна и села на постели, обхватив голову руками. Проклятый вой не смолкал ни на мгновение, убивая и волю, и способность мыслить, оставляя лишь страх, топкий и бездонный, как болотная трясина. Стуча зубами, Даро попробовала помолиться, но знакомые с детства слова путались и тонули в нарастающем ужасе. Она не смогла вспомнить ни «Творец всезнающий и всемилостивый», ни «Эрасти светлый и милосердный, смертью своею души усомнившиеся укрепивший».

Детская молитва равноапостольной о добрых снах тоже куда-то канула, Дариоло попробовала вспомнить хотя бы ее, но отчего-то из памяти всплыли другие слова, чужие и непонятные: «За мойрэ дека не каллон гобьердо де вье санта квэ нанос авеназа...»

Губы Дариоло услужливо повторяли то, что приходило в голову, и с каждым словом приходило облегчение. Отчего-то она закончила не обычным для всех молитв «арде», а ничего не означавшим «Ло», утонувшем в мягкой тишине. Собака замолчала, а Даро внезапно поняла, что делать. Нужно уехать из Мальвани, и все наладится! Главное – добраться до Мунта, и она будет в безопасности. Если бы мирийку спросили, откуда в ней такая уверенность, она бы не смогла ответить, но единственным спасением для нее была столица...

2887 год от В.И.

12-й день месяца Собаки.

Арция. Мальвани

Артур Бэррот опустился на одно колено и поцеловал руку жене маршала Мальвани. Тот, кто наблюдал за грациозными и точными движениями молодого рыцаря, никогда бы не догадался, что его еще мучают полученные у Гиваты раны, но это было именно так. Впрочем, куда больше Артура мучило то, что он не мог сражаться. Когда виконт Барре встал, то первым делом потребовал доспехи, в которые, несмотря на протесты отвратительного толстого медикуса, и облачился при помощи верного оруженосца. Увы, прав оказался толстяк, Артур попытался поднять меч и упал на камни двора. Следующий раз он поднялся лишь через три дня.

Рыцарь вторую квартиру бесцельно слонялся по наботскому замку, когда прискакал молодой дарниец с письмом от герцога Эстре. Александр просил Артура отвезти Его Величеству донесения и черновик тестамент¹¹² между арцийской короной и владельцами Гвары и Лидды. Герцог писал, что надеется на виконта Барре, этого было достаточно. На следующий день в сопровождении приличествующего случаю эскорта Бэррот пустился в путь, мужественно перенося неизбежную боль. Александр Тагэре рассчитывал на его дипломатические таланты, и Артур Барре, пока не способный служить герцогу мечом, был готов умереть, но оправдать доверие. Виконт торопил коней, но, как бы он ни спешил в столицу, не заехать в Мальвани не мог. К письму Александра была приложена записка Рафаэля Кэрны, просившего проведать и успокоить сестру, а просьба друга для Артура была не менее священна, чем приказ сюзерена или верность умершей возлюбленной. И Бэррот завернул в Мальвани. Он собирался вручить Дариоло Кэрне письмо брата и вновь вскочить в седло, но судьба готовила ему другое.

Небо, хмурившееся с утра, разразилось грозой с проливным дождем и градом. Продолжать в такую погоду путешествие было безумием. А потом... Потом Артур увидел Дариоло, и земля ушла у него из-под ног. Рыцарь застыл на месте, не в силах оторвать глаз от прекрасного лица, обрамленного облаком черных кудрей. До этого дня виконт ни разу не

¹¹² Тестамент – договор.

видел мирийку вблизи. Сначала Кэрна избегали общества мунтской знати, а затем оскорбленный на турнире Артур уехал в Барре, откуда отправился в Оргонду. Разумеется, он знал, что сестра Рафаэля прекрасна, но слова – это только слова. Действуя в каком-то блаженном полусне, рыцарь вручил небесному видению свиток. Дариоло что-то спросила, он ответил невпопад. Выручил слуга, сообщивший, что комнаты гостя готовы.

Еще утром виконт был свято уверен, что в его жизни нет и не может быть любви и его сердце умерло вместе с Отилией. Ни слезы матери, ни уговоры и приказы отца не могли заставить наследника рода Бэрротов обратить внимание на красивых невест, восхищенно взиравших на прекрасного рыцаря. Выросший на старинных балладах юноша в четырнадцать лет страстно влюбился в соседку по имению. Отилия была на год старше виконта, тогда робкого и некрасивого. Артур боготворил девушку, каждый день посылал ей стихи и розы из замковой оранжереи и мечтал убить во славу возлюбленной дракона или в крайнем случае выиграть королевский турнир. Кто знает, чем бы все закончилось, но встревоженный отец отправил наследника в гости к дяде по матери. Расчет оказался неверным. Артур не только не забыл свою возлюбленную, но и наделил ее новыми восхитительными чертами.

За два года в воображении виконта возник образ, в сравнении с которым даже прекрасная Виктория¹¹³ могла показаться грубой служанкой. А потом Отилия погибла под копытами понесшей лошади. О ее смерти Артур узнал спустя несколько месяцев и торжественно поклялся никого не любить, храня верность умершей. У родителей это вызвало улыбку, но виконт свято держал данное слово. Разумеется, в его жизни были женщины, и немало. Но ни одна из них не вытеснила из его сердца придуманный в юности образ, а жеманство и глупость девиц на выданье, равно как и навязчивость их мамаш, вызывали в сердце рыцаря стойкое отвращение. Но Дариоло не была земной женщиной. Она была феей, волшебным видением. Умереть за нее и во имя ее было бы величайшим счастьем!

Оруженосец и принесший воду слуга вырвали виконта из мира грез, но, умываясь и переодеваясь, он видел перед собой оленьи глаза, обрамленные длинными, загнутыми ресницами, и слышал нежный голос. В столовый зал Артур Бэррот спустился окончательно влюбленным. Даро уже была там, неимоверно прекрасная в нежно-розовом платье с ниткой кораллов на лебединой шее. Сердце гостя колотилось, язык прилип к гортани, от избытка сжигающих его чувств рыцарь чуть было не онемел. К счастью, герцогиня попросила рассказать о войне. Это его и спасло. Артур был скромным человеком и говорил не о себе, а о своем сюзерене. Он говорил, а богиня слушала, широко распахнув бездонные глаза. Артур смотрел в них и тонул, тонул, тонул...

2887 год от В.И.

2-й день месяца Зеркала.

Таяна. Варха

Огненное кольцо соперничало синевой с весенним небом, разгоняя осеннюю безнадежность. Гиб, привыкший к эльфийской магии и переменивший свое мнение относительно Перворожденных, радостно заржал при виде Эмзара, стоявшего на раскисшей от дождей тропке.

Рене так и не удосужился узнать, приходится ли ему Снежное Крыло предком или просто родичем, более похожим на эландца, чем тот из Лебедей, кто осмелился полюбить смертную. Да и неважно это было, особенно теперь. Скиталец, улыбаясь, спрыгнул на землю, но Гиб не исчез, как обычно. Водяной конь, лишенный, как и его давным-давно сгинувшие родичи, языка, не утратил ни ума, ни способности понимать чужую речь, а разговор касался и его.

– Ты пришел, а Клэр нет, это может значить многое.

¹¹³ Героиня знаменитой баллады.

– А может и ничего не значить. Мы разминулись, я думал, он уже здесь.

– Нет, его не было.

– Он собирался в Гидал – проверить, все ли в порядке, хотя слово Майхуба оказалось крепче арцийской короны.

– Ты жалеешь о сделанном выборе?

– Минуты слабости бывают у всех, – пожал плечами Аррой, – мы могли быть счастливы с Геро, это так, но жалеть? Нет ничего более неуместного, особенно перед битвой. Что здесь?

– Все то же. Безумие и Свет. Я не знаю, что там творится. Не могу понять.

– А я не могу понять, что творится в Арции.

– То есть? Насколько мне известно, король на троне сидит крепко, и не похоже, чтоб он оказался Последним.

– Я не об этом, – Рене лихо, как в старину, тряхнул головой. От этой привычки эландца не излечило ни Серое море, ни сотни лет одиночества и боли.

– Тогда что тебя не устраивает?

– Магия, Эмзар. Ты меня поправляй, если я что-то скажу не так. Считалось, что Магия Света в Тарре подвластна только эльфам, которые наперечет, но ты обнаружил Свет в Вархе.

– Не только Свет, но и что-то, весьма напоминающее Хаос, как нам о нем рассказывали до Исхода. Сам я с этой силой не сталкивался, но под Кантиской у меня мелькнула мысль, что Хаос может быть причастен к неудавшемуся прорыву.

– Значит, Свет и, возможно, Хаос присоединились к ройгианской магии. Может ли такое быть? Могут ли эти силы объединиться?

– Раньше бы я сказал, что нет. Но раньше я не знал ни Вархи, ни, уж извини, тебя. Меня учили, что живущий за счет смерти должен пить жизни других существ, иначе ему не продержаться в мире живых, но ты ни разу так не поступал.

– Меня хватит на то, чтоб дожидаться решающей схватки и уйти в покой. Но я почуял бы других вольноотпущенников смерти. В Тарре их нет. Заклятья ройгианцев строятся на чужих мучениях, это так, но сами они смертны и не очень сильны. Теперь магия Тарры. Кроме Эрасти и, – он запнулся, впрочем, почти незаметно, – ...и Геро, в полной мере ею не владеет никто. Тот, в Сером море, чужд этому миру еще больше, чем Светозарные.

– А вот этого ты мне не говорил.

– Разве? К сожалению, я тогда мало что запомнил и еще меньше понял. Думаю, я разделю бы судьбу моих спутников, если б не моя кровь, мое упрямство и что-то еще, выдернувшее меня уже из-за грани. Говорят, Орел и Дракон дают силы тем, кто не желает сдаваться, но мои товарищи боролись до последнего...

– Я тебя перебил, извини. Мы все время куда-то сворачиваем.

– Эмзар, во имя Великого Орла, откуда взялась магия орденов?

– Мы считали, что она сродни ройгианской.

– Ройгианцы засели в северном Корбуте, творят свои мерзкие ритуалы и пытаются пробиться к Вархе за талисманом, которого у вас нет. Вряд ли непорочным сестрам удастся тайно уничтожать столько народу, чтобы накопить сил для своих заклятий. Это же относится и к антонианцам. В мое время магия синяков была самой простой, просто судебные маги не боялись, что их схватят и потащат в дюз, и выжимали из нее все, что могли. А циалианки и вовсе жили за счет интриг и людской глупости. Когда я отдал им эти проклятые рубины, дело обстояло именно так. Ольвия была мерзейшей из женщин, которых я знал, но не была в состоянии заколдовать хотя бы гусеницу, а нынешние бланкиссимы...

– Рамиэрль пытался понять, в чем дело. Рубины и впрямь обладают весьма неприятными свойствами, но не являются источником силы.

– Эмзар, НИЧТО из того, что мы знаем, не является источником силы арцийских клириков. И это при том, что есть еще этот пресловутый храм, который испугал Клэра. Откуда все это взялось? Я не тщеславен и могу обойтись без памятников и восхвалений, но как случилось, что Войну Оленя забыли до такой степени, что Годоя превратили в героя и

чуть ли не святого, а беднягу Луи записали в предатели? Бьюсь об заклад, именно в те поры что-то произошло и в Вархе. Почему Серое море стало безопасным? Куда убралась эта тварь? И я, и эландцы бывали там сотни раз. Только вода и рыба в ней...

Я знаю одно, пока мы не поймем, откуда клирики берут силу, мы будем тыкаться во все стороны, как слепые котята.

– Ты не похож на котенка, Рене Аррой, тем паче на слепого. Не каждый может убить взглядом и пройти сквозь воды Времени.

– Я предпочитаю шпагу. Даже сейчас. Ты не представляешь, как это развлекает.

2887 год от В.И.

2-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

О подвигах Александра Эстре Дариоло была готова слушать бесконечно, а обожавший протектора Артур Бэррот ни о ком другом не говорил. Для него младший из Тагэре был воплощением чести, ума и отваги. Неудивительно, что в лице Даро Артур нашел благодарную слушательницу, и еще менее удивительным было то, что виконт пал перед чарами прекрасной мирийки. Сама же Даро ничего не замечала, ее сердце было отдано раз и навсегда, а в Бэрроте она видела лишь доброго друга, чьи рассказы об Александре словно бы приближали молодую женщину к ее герцогу.

Артур был искренне опечален, что не смог участвовать в данлейском походе, но о том, как и когда он заработал свою рану, Дариоло узнала от командовавшего эскортом дарнийского лейтенанта. Сам рыцарь, похоже, не видел в своей истории ничего примечательного и заметно смутился, когда черноокая чаровница выразила ему заслуженное восхищение. Виконт Барре, хоть и был сыном одного из самых амбициозных нобилей Арции, удался не в отца и не в деда, а в отдаленного предка Лионэля Ларрэна, не помышлявшего о короне и искренне восхищавшегося чужими подвигами. Но если в Александре Тагэре Артур Бэррот видел образец рыцаря и воина, то Дариоло стала для него даже не Прекрасной Дамой, а богиней.

Молодая женщина была слишком неопытна, чтобы правильно истолковать обращенные на нее страстные взгляды, Миранда же видела все и не знала, что делать. Артура – красивого, отважного, бескорыстно преданного Сандеру – было жаль, но хуже всего было то, что и в его глазах, и в глазах других Дариоло оставалась свободной. Жена маршала не сомневалась: в Мунте Даро окажется под огнем претендентов на руку, сердце и приданое. Сандер вернется в лучшем случае к середине осени, а до этого может случиться всякое. Не все станут смотреть на красавицу как на святую Цялу, тот же Агани может вновь попытаться не мытьем, так катаньем принудить ее к браку.

Будь на то воля Миранды, она бы не выпустила Даро из Мальвани, но обычно покладистая и ласковая мирийка словно с цепи сорвалась. Она не желала оставаться на Севере ни дня, хотя, по мнению Миранды, разумнее было дожидаться «волчат».

Герцогиня твердо намеревалась передать свою подопечную с рук на руки брату и Сандеру и отправиться в Оргонду. Сезар и Анри писали часто и весело, и именно это настораживало. Миранда знала своих мужчин и их твердое убеждение, что близких нужно беречь от неприятностей всеми доступными и недоступными способами. Частые письма ни о чем означали, что от нее что-то скрывают, и она даже догадывалась что. Сезар влюблен в Марту, а Паук делает все возможное и невозможное, чтобы сожрать арцийку до истечения срока мира и убрать из Оргонды ненавистного маршала, очередной раз разбившего ифранцев на берегу Табита. Сигнора Мальвани надеялась, что у Марты хватит ума держать в узде свои чувства или, по крайней мере, не попасться. Связь герцогини Оргонды с сыном Анри Мальвани! Да за доказательства этого Паук душу Проклятому заложит, если предположить, что Проклятому нужна такая мерзость. Миранда понимала, что ей нужно в Лиарэ, и чем скорее, тем лучше, но оставить Даро она тоже не могла, да и ее отъезд мог быть неправильно понят и истолкован. Другое дело уехать на гребне восторгов, вызванных победами

Александра.

После того, что сделал герцог Эстре, король обязан прислушаться к его мнению и об Оргонде, и о Жозефе. Что до любви, то герцогиня не сомневалась: узнав о Дариоло, Филипп лишь обрадуется. Его Величество порой завидовал чужой славе, но не чужому счастью, а Сандера искренне любил. Герцогиня считала ошибкой как решение Даро появиться в Мунте раньше герцога, так и нежелание Александра довериться брату, но увы... Молодая женщина стояла на своем с несвойственным ей упорством, даже жесткостью, хотя в остальном вела себя как обычно. Хорошо хоть, ее оставили ночные страхи, и все равно Миранде их поездка не нравилась, она тянула как могла, пока в Мальвани не нагрянул Артур Бэррот.

Дариоло попросила виконта взять ее с собой, и Миранда поняла, что она уедет в любом случае. Единственное, что могла сделать герцогиня, это поехать с ней и постараться защитить от возможных неприятностей, каковых, Миранда не обольщалась, будет более чем достаточно.

Оставалась призрачная надежда, что их появление в столице пройдет незамеченным, но Артур Бэррот придерживался на сей счет другого мнения. О приезде посланца герцога Эстре и о том, что он сопровождал Дариоло Кэрну и сигнору Мальвани, была оповещена каждая столичная ворона. Не прошло и двух дней, как Миранда и ее подопечная получили приглашения прибыть ко двору.

2887 год от В.И.

3-й день месяца Зеркала.

Арция. Малве

Герцог Эстре заехал в Малве, изображая заботу об эскотских послах, якобы уставших во время перехода. Правду сказать, граф Ягос, имевший сомнительное удовольствие быть кузеном его величества Джакомо Второго, был свеж и жизнерадостен, равно как и его свита, но на остановку согласился с радостью. Побежденные и победители ладили друг с другом. В первых не было злорадства, во вторых – ненависти. Сандеру часто приходило в голову, что две последних войны невероятно похожи и при этом разительно отличаются одна от другой. В обоих случаях не было ни больших сражений, ни великой крови. В обоих случаях арцийцы ушли добровольно и быстро, но уход из Оргонды был поражением, а из Эскоты – победой. Впрочем, эскотцев нельзя было назвать врагами. Джакомо, которого собственные нобили именовали мелким пакостником, держался на троне с большим трудом, а его буйные подданные творили что хотели – грызлись друг с другом, нападали на соседей, заключали союзы промеж себя с тем, чтобы навалиться на такой же союз, словом, развлекались, как могли.

Что до вторых и третьих сыновей, не имевших ничего, кроме полосатого плаща и меча, им сам бог велел податься в разбойники или наемники. Когда Арция и Фронтера ослабевали, эскотцы наваливались на беззащитное Приграничье, как волки на раненого быка, но достаточно было привести Замковый пояс в порядок и расколошматить несколько вольных отрядов, как полосатики возвращались домой и принимались колотить друг друга. Тридцать лет назад Шарль Тагэре привел подданных милейшего Джакомо в чувство в считанные месяцы, после ухода Рауля ре Фло их воинственность вновь расцвела пышным цветом, пока им не объяснили, что трогать Арцию не нужно. И хорошо объяснили, Проклятый поberi!

Герцог Эстре был доволен и тем, что заручился дружбой доброго десятка приграничных вожakov во главе с Гварским Лосем и Жавером Лиддой, что повергло Джакомо в ужас и вызвало немедленное желание вступить в переговоры. Данлея открыла ворота без боя, король, жалуясь на возраст и подданных, бросился собирать подарки для «своего любезного брата Филиппа», клянясь чем можно и чем нельзя, что ни один эскотский сапог не вступит на арцийскую землю без приглашения! Что до Набота, то Его Величество изрядно обижен на его бывшего хозяина, который под прикрытием эскотской короны вредил обожаемому соседям. А потому он, Джакомо Второй, несказанно благодарен герцогу Эстре, наказавшему злокозненного Оскара.

Куда с меньшим удовольствием король принял условия графа Лидды и раскошелился. Александр, не дрогнув бровью, принял сумму, достаточную, чтобы восстановить главные приграничные замки и несколько лет оплачивать услуги дарнийцев, и две кварталы честно председательствовал на пирах и турнирах, а на большой охоте, понимая, что на него смотрит вся Эскота, взял на нож матерого медведя. Зверя было жаль, но его кровь скрепляла только что подписанный мир. Война, по крайней мере эта, была закончена. Герцог Эстре полагал, что большинство эскотцев, кто из страха, кто из гордости, сдержат слово, а особо отчаянные получают по рукам от Лося и оставленных вдоль границы гарнизонов. Нужно только добиться у Филиппа разрешения пустить деньги Джакомо на ремонт Замкового пояса и войну с Фронтерой.

Времени не так уж и много. К истечению срока Ньерского соглашения север Арции должен быть спокойным и сильным. А война с Пауком или его наследниками неизбежна. Ифрана – настоящий враг. Жестокий, богатый, умный. Мириться с ней можно, лишь перебив ей хребет. Эстре не сомневался, купленные семь лет (еще бы понять, почему именно семь, Жозеф, несомненно, все просчитал) Паук использует для того, чтобы сломать Оргонду и подточить Арцию изнутри. Денег, чтобы нанять тех же эллцев или дарнийцев, у него хватит, а о продажности арцийских придворных Сандеру даже думать не хотелось. Филипп никогда не умел хранить тайны, особенно от женщин, а в том, что красотка Эжени паслась на двух лужайках, не сомневался никто. Вспоминая оргондский позор, Александр с трудом набирал два десятка вельмож, не прельстившихся ифранскими подачками. А один предатель у трона страшнее целой армии в поле. Но, может быть, после эскотского успеха Филипп заговорит иначе?

Граф Ягос, жизнерадостный рыжеусый великан, вывел Сандера из задумчивости, спросив про маршала Мальвани. Завязалась ни к чему не обязывающая, но приятная беседа, прерванная гонцом, вернувшимся из Мальвани. Управляющий Миранды сообщал, что к приему гостей все готово, однако сама герцогиня выехала в Мунт вместе с молодой сигнорой. Это было очень странно, но при эскотских послых пришлось скрывать свои чувства.

Только поздно вечером, оставшись наедине с Жюли, Сандер и Рито узнали, что это Даро упростила Миранду уехать с Бэрротом.

– Не знаю, что на малявку накатило, ну да Артур ее в обиду не даст, – мириец мстительно рассмеялся, – особенно Аганну.

– Это верно, но почему они уехали?

– Вообразила, что мы прямой дорогой двинем в столицу. Глупо, конечно...

– Не так уж и глупо. Лучше встретиться на месяц позже, но не мимоходом.

– Ты и впрямь так думаешь? – удивился Рафаэль.

– Нет, но надо же себя как-то утешить. Ты пойдешь посмотреть на племянников?

– Разумеется.

Люсьена, в пышном желтом платье и накрахмаленном чепце казавшаяся вовсе необъятной, с гордостью предъявила вверенных ее попечению брата и сестру. Девочка спала, мальчик проснулся, настороженно глядя на гостей серыми глазами. Сандер поколебался и очень осторожно принял ребенка из рук рассмеявшейся кормилицы. Шарло не возражал, явно проникнувшись к пришельцу доверием. Рито ловко вытащил из колыбели племянницу, которая и не думала просыпаться.

– Оба арцийцы, – припечатал дядя, – мне нравится.

– Если б мать не упала с лошади, я был бы таким же, – Александр улыбнулся, глядя, как сын протянул руку к мирийскому кольцу на его пальце, и ребенок ответил такой же улыбкой.

– Все понимает, – гордо заметил Рафаэль, – вон как перстень Кэрна ему понравился. А глупости говорить перестань. Надоело. Ты такой же, как и все, только лучше, а кто не видит и не понимает, – осел или подлец. Раз в жизни правду сказал, когда в Кер-Септим лезть собрался. Что в доспехах и в плаще ничего не заметно.

– Да уж, ты утетишь так утетишь, – рассмеялся Сандер, глядя, как маленький Шарло вцепился в палец с кольцом, – когда я в плаще, все в порядке, а когда в темноте, и того лучше.

– Ты сестру спроси, как ей лучше. Луи говорит, столичные нобили теперь куртки специально подбивают, чтобы хоть чем-то на тебя походить. Эх ты «гордость Арции»...

– Чего?

– Что слышал! Песня такая есть, про тебя, между прочим. Нет, ты смотри, какой молодец! Жаль их здесь оставлять.

– Не то слово, ну да недолго осталось, – лицо герцога внезапно помрачнело, – Рито, почему она уехала?! Что случилось? Я не могу бросить эскотцев. Может, поедешь вперед?

– Не сходи с ума, все в порядке, но мое место рядом с тобой. Если хочешь, пошлем гонца Миранде, все равно собирались.

– Пошлем, – кивнул головой Сандер, наклоняясь к сыну. Ощущение тревоги прошло, растворилось в детской улыбке. В самом деле, кто знает Даро лучше, чем брат, а Рито уверен, что все хорошо. Просто он не привык быть счастливым, вот и выдумывает Проклятый знает что...

2887 год от В.И.

10-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Два года, проведенные вдали от двора, пошли мирийке на пользу, она стала еще красивее. Его Величество Филипп Четвертый с нескрываемым восхищением воззрился на черно-окую красавицу, склонившуюся в грациозном реверансе. Вообще-то король являл собой исключение из правила, согласно которому блондины предпочитают брюнеток и наоборот. Большинство пассий славящегося своей любвеобильностью Филиппа вполне могли сойти за его сестер, разве что Эжени Шаре была рыжей и зеленоглазой, но в мирийке привлекала не только красота. Король, изрядно уставший от дворцовых кокеток, был сражен наповал не только внешностью Дариоло, но и ее застенчивостью. Его Величество, не привыкший скрывать свои чувства, сразу же завладел рукой красавицы, бросавшей отчаянные взгляды на Миранду.

– Сигнора, вы ведете себя так, словно угодили в руки к атэвам, а не разговариваете с первым рыцарем Арции. Уверяю вас, в Мунте вам ничего не грозит.

– Я знаю, – прошептала Дариоло и замолчала, не зная, что говорить дальше. Новый страх вытесняет старый. Теперь призрачные псы казались ей не такими уж и страшными в сравнении с неприкрытым восхищением, изливавшимся из голубых глаз Его Величества, и с трудом сдерживаемой ненавистью королевы, которая за два года отнюдь не стала моложе и красивее.

– Милая Дариоло, – Филипп неправильно истолковал взгляд своей собеседницы, брошенный на его жену. – Ее Величество весьма снисходительна к чужим чувствам, а ее родичи не забыли преподанный им моим братом урок.

2887 год от В.И.

10-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Зеркала жестоки, причем чем сильнее они льстят вначале, тем страшнее их месть через десять, двадцать, тридцать лет. Элеонора прочувствовала это в полной мере, каждое утро вырывая в борьбе с проклятым стеклом еще один день молодости. Пятилетняя разница с Филиппом, незаметная вначале, стремительно превращалась в бездонную пропасть. Король был мужчиной в расцвете, а королева уже несколько раз слышала в спину «старая корова». Да, она была матерью наследника, а ее родичи и друзья занимали ведущие должности. Это не заменяло ушедшей молодости и любви, но до недавнего времени Элеонора не опасалась или почти не опасалась за свое положение.

Партии войны с Ифраной нужно сменить королевское окружение, и проще всего начать с королевы. Да еще эти эскотские победы... Эстре доказал, что был прав, а Филипп рад и счастлив и деньгам, и землям, и славе. Он младшего братца на руках таскать будет. Теперь о мире с Ифраной лучше не заикаться, Его Величество спит и видит сорваться на помощь Оргонде, а ее он просто не слушает, как не слушают надоевших жен.

Хорошо хоть, многочисленные фаворитки Филиппа слишком торопливо опускались на королевское ложе и ничего собой не представляли. Эжени Шаре ненасытна, как кэргора, и блудлива, как весенняя кошка, но она лишь наглая выскочка. Жены сановников остаются женами сановников, а смазливые служанки смазливыми служанками, но вот Дариоло Кэрна... Знатная, молодая, невероятно красивая, с безупречной репутацией и к тому же сестра лучшего друга горбуна Эстре, на которого простонародье и армия только что не молятся. Элла достаточно разбиралась в политике, чтобы понимать: если король вздумает развестись с ней и жениться на Даро, опечалятся только ее родичи да прихлебатели. Кардинал Евгений, которому давно пора на кладбище, равно как и графу Трюэлю, устроят все так, что комар носу не подточит, а ей предоставят на выбор обитель или жизнь в каком-нибудь поместье под бдительным присмотром, если не хуже.

Ее Величество помнила о смерти Пьера. Сначала она почитала ее правильной и необходимой, но сейчас судьба несчастного короля казалась предостережением. Что же делать?!

Филипп не скрывает интереса к красавице-мирийке и восторга по поводу побед горбуна, швырнувшего Джакомо на колени. Павлин Бэррот водит за собой толпы восхищенных зевак, а сам Эстре везет в Мунт эскотское посольство. Пойдут пиры, балы и турниры, звездой которых, без сомнения, будет сестрица Рафаэля Кэрны... Да, девушка не спешит предложить себя королю, напротив, но ей ли, Элеоноре Гризье, не знать, как распаляет Филиппа целомудрие и тихое непокорство. А тридцатипятилетний мужчина, сошедший с ума по двадцатилетней девственнице, не остановится ни перед чем. Ни перед чем... Что же делать?! Нанести удар первой? Девчонка под покровительством Миранды. Жена маршала быстро поймет, в чем дело, а не поймет, так ей подскажут.

Выставить Дариоло шлюхой и интриганкой? Трудно. Молодые Трюэли нюхом удались в деда, а тот не преминет подсказать, что и как. Но не сидеть же сложа руки и ждать, пока король объявит, что желает развода?! Надо было что-то делать сразу после глупости Жореса, ведь уже тогда было все ясно. Филипп положил глаз на мирийку, но тогда девчонка была слишком молода. Ее не зря два года прятали в провинции, без Обена тут не обошлось, он рассчитал точно. Но Элеонора Гризье без боя не сдастся!

Королева снова подошла к зеркалу, мстительно предъявившему ей опухшее немолодое лицо, только волосы остались прежними – роскошная золотая волна, падавшая на округлившиеся, чтобы не сказать иначе, плечи. Святая Циала, как же беспощадно время... Святая Циала?

2887 год от В.И.

14-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Теперь Даро и сама не понимала, зачем ее понесло в Мунт. Неужели ее испугали какие-то сны, которые она не может даже вспомнить?! А как глупо и нагло она вела себя с Мирандой, которой стольким обязана. Они приехали, и что дальше? Кому нужна эта жизнь в столице среди ненужных, чужих людей, которые смотрят кто с ненавистью, а кто с тем, что трудно объяснить, но такие взгляды пачкают и унижают. Сандер в Эскоте, Шарло и Катрин в Мальвани, а она тут.

Молодая женщина мучительно хотела вернуться в старый замок, откуда так близко до уютного дома на окраине, где остались ее дети. Люсьена и Жюли умные и добрые, но она не должна была уезжать! Не должна! А тут еще этот ужин у Его Величества. За ней приехал канцлер Койла, и она даже не успела сказать, что ее нет дома. Миранда, как назло, уехала к

деверю и не может ее сопровождать. Она попробовала отказаться, но ее робкие протесты Гастон отвел одной-единственной фразой.

– Сигнора, вы под покровительством Его Величества, и потому ваше появление без сопровождения герцогини Мальвани или кого-то из замужних дам не является нарушением этикета. Я жду вас в карете.

Даро осталось лишь отдаться в руки камеристки, лихорадочно глядя на клепсидру и мысленно уговаривая Магдалену причесывать ее помедленнее. Увы, Миранда не держала нерасторопных слуг, и через полторы оры Дариоло была готова предстать перед королем. Гастон изысканно поклонился, выразив восхищение тем, как быстро она собралась, и посадил в карету с нарциссами на дверцах. Мирийка молчала, Гастон сыпал сплетнями из столичной жизни, до которых ей не было никакого дела.

Король изволил находиться в Ближней Летней резиденции, но Даро предпочла, чтоб он находился за тридевять земель. Она боялась Филиппа и еще больше королевы и ее родичей. Ужас, пережитый по милости графа Аганнского, не исчез, а лишь затаился и теперь поднял голову и зашипел. А рядом нет никого. Ни Сандера, ни брата, ни Миранды, ни хотя бы Артура.

Лошади встали, слуги распахнули дверцы. Первым вышел граф Койла, галантно подавший спутнице обернутую плащом руку и сообщивший, что Их Величества ждут гостью в парке. Даро позволила себя провести по усыпанной золотистым песком дорожке сквозь арки из все еще цветущих златоцветов. Очевидно, канцлер вел ее потайной тропинкой, потому что сначала она слышала голоса, а сами беседующие были скрыты живой изгородью.

– Горбун не любит братья за копье в честь прекрасных дам, впрочем, у него и дамы-то нет и быть не может, – мирийка вздрогнула, узнав графа Аганнского, – а его «волчата» повсюду следуют за ним, как собачки.

– Жорес, – низкий голос прозвучал, как удар плетью, – герцог Эстре берет за копье ради Арции и ее короля, а его друзья пойдут за ним даже в огонь, и вам это следует знать.

– Прошу прощения у Вашего Величества, – сын королевы явно испугался собственной дерзости, – я не имел в виду ничего задевающего честь герцога.

– Тем паче честь моего брата невозможно задеть, – за эти слова Дариоло простила королю все. – Сандер – лучший из людей.

К сожалению, они прошли сквозь ворота из олеарий, и разговор прервался. Августейшее семейство расположилось на террасе изящного павильона, но подниматься туда не понадобилось. Увидев гостей, Филипп спустился им навстречу, подал Даро руку, а Гастон, видимо сочтя свою миссию законченной, откланялся.

– Рад вас приветствовать, любезная племянница, – Его Величество явно находился в веселом расположении духа, – и не смотрите на меня с таким удивлением. Все монархи Благодатных земель – братья и сестры, даже если они ненавидят друг друга. Впрочем, с братьями и сестрами такое случается сплошь и рядом.

– Герцог Эстре верен Вашему Величеству.

– Да, в нем я не сомневаюсь, – подтвердил король, – но давайте пройдемся по парку.

Дариоло робко оперлась на предложенную ей руку, спиной чувствуя взгляд Элеоноры и Аганна. Они молча прошли к озеру, и от этого молчания сердце мирийки тревожно забилося. Точно так же молчал Артур Бэррот, прежде чем сказать ей то, чего она не ожидала и чего смертельно испугалась. Артур любил ее и просил ее руки, он не знал ни про Сандера, ни про Шарло и Катрин. Она пролепетала ему что-то о невозможности и непреодолимых препятствиях, но виконт ничего не понял. Миранда вечером сказала, что нужно быть слепой, чтобы не заметить любви Артура. А как она может думать о ком-то еще, если есть Александр? Но Бэрроту можно сказать «нет», а королю? Если она ему откажет, он очень разозлится? Говорят, Филипп Тагэре не признает слова «нет».

– Сигнора, – король указал на увитую тронутым первой желтизной диким виноградом беседку, и Даро покорно пошла за Его Величеством, – я хочу вернуться к нашему старому

разговору. Два года назад я намекнул, что вы мне нравитесь, и спросил, свободно ли ваше сердце. Тогда оно было свободно. Вы предпочли провести два года вдали от Мунта, но теперь вернулись ко двору. Тогда вы были прелестны, сейчас вы ослепляете. Я предлагаю вам свою любовь, дорогая. Что вы мне ответите?

Вот оно! Что же делать? Что?!

– Ваше Величество, ваши чувства...

– Погоди, – король легко перешел на «ты» и взял ее за руку, отчего стало еще страшнее, – я не предлагаю тебе ничего недостойного. Напротив! Да, в моей жизни было много женщин, но каждая имела лишь то, что заслуживала. Твоя красота, происхождение и поведение стоят короны. Я предлагаю тебе руку и сердце.

Святой Эрасти! Нет! Только не это!

– Но Ее Величество...

– Элла и ее родня выжали из своего положения все, что можно и нельзя. Не думай о ней, это мои заботы. Через месяц я буду свободен.

Даро, не зная, что сказать, робко попробовала высвободить руку, и, как ни странно, король ее не удерживал.

– Не бойся, я не трону тебя, пока нас не обвенчают. Не сомневаюсь, твой отец будет рад нашему союзу, думаю, на радостях он простит и Рафаэля. А тебя я сделаю счастливой.

Филипп ласково, но уверенно прижал Даро к себе. На мгновение она замерла, даже не от растерянности и страха, а от того, что Филиппу и впрямь было трудно отказать. Но когда чужие губы коснулись ее, Дариоло отпрянула.

– В чем дело? – кажется, Филипп нашел ее выходку забавной и приятной.

– Я... я не могу. Я люблю другого!

– Вот как? – темные брови сошлись на переносице. – И кто же этот счастливец?

– Не... Не скажу!

– А он тебя любит?

– Да, – твердо сказала Даро, – а я его, и это навсегда.

– Один раз любят только лебеди, – голос короля стал холодным.

– Люди тоже, – мирийка гордо вскинула голову, как никогда походя на своего брата, – если ты не любишь, это не значит, что не любит никто!

– Вот, значит, как, – король казался раздосадованным, но вспышки гнева не последовало, – значит, ты отказываешься назвать имя?

– Да. Я никогда его не предаю! Никогда, слышите!

– Хорошего же ты обо мне мнения, – Филипп рассмеялся, но смех вышел невеселым. – Впрочем, вряд ли кто-то меня понимает, кроме Сандера.

Король помолчал, затем посмотрел своей собеседнице в глаза и внятно произнес:

– Дариоло, я клянусь отдать тебя тому человеку, которого ты избрала. Кем бы он ни был. Расскажи ему о нашем разговоре все. Пусть придет ко мне от твоего имени, и я сделаю все, чтобы вы были счастливы. Слово Тагэре. А теперь прости. Гастон отвезет тебя в дом Мальвани.

Дариоло с бьющимся сердцем проводила взглядом высокую, удаляющуюся фигуру. Ей стало очень жаль брата Сандера, оказавшегося добрым и несчастным. Но... Но теперь они смогут быть вместе!

Война закончится, к концу месяца Волка Александр и Рито вернутся в Мунт и узнают, что никаких препятствий больше нет. Сандер пойдет к брату... Ему тоже будет жаль Филиппа, конечно же, будет, но король еще не стар, может быть, он тоже встретит настоящее.

Всю дорогу до особняка Мальвани мирийка чему-то улыбалась, а Гастон, не сомневавшийся в том, что девушка видит себя в подвенечном платье и короне, был еще почтительнее и вежливее, чем утром. Будущая королева была прелестной, и Гастон надеялся, что грядущие перемены пойдут на пользу не только королю, но и королевству.

Канцлер помог Дариоло подняться на крыльцо и откланялся. Молодая женщина, все

так же улыбаясь, поднялась к себе. Миранды все еще не было...

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ ULTRA VIRES¹¹⁴

*Молодость моя! – Назад не кличу –
Ты была мне ношей и обузой.
Скипетр тебе вернув до срока –
Что уже душе до яств и брашна!
Молодость моя! Моя морока –
Молодость! Мой лоскуток кумашинный!*

М. Цветаева

2887 год от В.И.

20-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Из-за поворота показался всадник. Луи Трюэль, сощуриw плутовские карие глаза, взгляделся в приближающуюся фигуру.

– Коричневое и розовое. Цвета нашего дома. К чему бы это?

– К засухе? – спросил Одуэн Гартаж и вопросительно поднял бровь, ожидая неизбежного.

– Жабий хвост, – покорно произнес Луи, – вот ведь, приучил вас на свою голову, теперь, хочешь не хочешь, говори глупости.

– Твой хвост приносит нам удачу, – пояснил Рито Кэрна.

– Мой хвост?! – Луи в шутливом гневе схватился за меч.

– Давайте сначала узнаем, в чем дело. – Ювер Трюэль редко вмешивался в перепалку «волчат», предпочитая слушать и тихо улыбаться, но сейчас он казался немного встревоженным.

– И то правда, – сразу пришел в себя его братец, – что мы не сегодня-завтра появимся, всем известно, а дед зря гонять людей не станет.

– И я о том же, – пробормотал Ювер, напряженно вглядываясь в подъезжающего, но первым узнал его все же Луи.

– Базиль! Дело плохо. – Хлестнув коня, виконт поскакал навстречу.

Базиль Пикок двадцать с лишним лет исполнял обязанности личного слуги барона Обена, а последние лет десять был его ногами и глазами. Если старик погнал его в дорогу, да еще в ливрее Трюэлей, значит, случилось что-то из ряда вон выходящее. Базиль между тем поравнялся с Луи, они о чем-то быстро переговорили, затем виконт повернул к отряду, а Пикок повернул назад.

– Ну и? – поинтересовался Одуэн. – Чего нас ожидает?

– Так, гадость всякая. Сандер с эскотцами?

– Где ж ему быть...

Александр Тагэре и впрямь обсуждал достоинства атэвских скакунов с графом Ягосом. Предложение Луи немедленно отправиться на ужин к его деду герцог воспринял с полной невозмутимостью. Он давно научился выслушивать самые неожиданные новости и самые странные предложения.

– Отряд поведут Одуэн и Рито, обрадуй их, а я утрясу с полосатиками.

Эскотцы не возражали, Рафаэль Кэрна и Одуэн Гартаж были достаточно знатны, чтобы удовлетворить самолюбие послов проигравшего войну государства. То, что Эстре поедет вперед, Ягос, видимо, принял за намерение предварительно переговорить с братом. Графа, имевшего случай убедиться в том, что Александр Тагэре держит слово, это устраивало. Рито

¹¹⁴ За пределами сил (лат.) .

и Одуэн согласились, что можно передвигаться и медленнее, и кони с радостью перешли с рыси на шаг. Глядя в спину стремительно удаляющимся всадникам, мириец внезапно ощутил под сердцем противный холодок и с трудом сдержал желание дать шпоры Браво и догнать Сандера, но сдержался. Его дело ублажать эскотцев, а идти на поводу у дурацких предчувствий не стоит. Он рыцарь, а не девица, а на старого прохиндея и его внучат можно положиться, Сандер с ними в полной безопасности. Проклятый, да что может грозить в столице Арции победителю Джакомо и любимому брату короля?

Рафаэль с улыбкой повернулся к графу Ягосу.

– Я слышал, вы интересуетесь мирийскими обычаями?

– Да, мне приходило в голову, что у нас довольно много общего.

– Например? – Голову Рито редко заполняло более двух мыслей одновременно, а кабанья охота по-эскотски и вправду чем-то напоминала байлу.

2887 год от В.И.

20-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Для своих семидесяти шести Обен Трюэль держался молодцом. Сандер нашел, что граф за время их разлуки совсем не изменился, о чем совершенно искренне и сообщил старику, восседавшему в глубоком кресле у знаменитого фронтерского плюща, который заплел всю стену кабинета великого интригана.

– Лучшее, что я могу услышать в своем возрасте – это то, что я не изменился. А вот ты, Сандер, стал совсем другим. В прошлый раз тут сидел неплохой воин, а сейчас – протектор Севера. И нечего смеяться.

– Простите, Обен, просто я очень рад вас видеть и немножко собой горжусь. Но вы ведь пригласили меня не для того, чтобы накормить ужином и показать свое растение?

– И это тоже. Ужин скоро подадут, а растение растет, и никого, кроме меня и Евгения, знать не желает, не принимается даже у королевских садовников. Но ты прав.

Ты стал слишком сильной фигурой, Сандер. Когда-то я сказал твоему отцу, что для него самое безопасное место – поле боя. Теперь я говорю это тебе. Чем скорее ты вернешься на Север, тем спокойнее я буду спать.

– Меня хотят убить? Но кто и зачем?

– Я очень долго живу, Сандер, несмотря на свое обжорство и прочие штучки, которые, по словам зануд-медикусов, укорачивают жизнь. И я научился чувствовать некоторые вещи. Крысы знают, какой корабль утонет, а я знаю, от кого постараются избавиться. Дай мне слово, что не станешь пробовать то, что случайно окажется в твоём доме, бегать на тайные встречи, разворачивать неизвестно откуда взявшиеся подарки. Если ключ будет плохо поворачиваться в замке, вынь его и посмотри, нет ли на нем шипа или зазубрины. Если у книжки слипнутся листки, ни в коем случае не мусоль палец, чтобы их перевернуть. Если тебя пригласят на охоту, надень кольчугу и проверь оружие, особенно копье, оно может сломаться в самый неподходящий момент. Мимо строящихся домов тоже лучше не ходить.

Обычно в таком случае советуют опасаться женщин, но твоим врагам вряд ли придет в голову убрать тебя с помощью любовниц по причине их отсутствия. Твой лучший друг – молодой Кэрна. Это хорошо, парень ловок, как атэвский мангуст, у него вторая пара глаз на затылке, но в Мунте пусть с тобой ходит еще и Луи, у него прямо-таки нюх на подлости.

– Луи – мой друг, я рад его обществу, но что все-таки случилось?

– Пока ты тряс за шиворот Джакомо? Год выдался бурным, в двух словах не расскажешь.

– А вы все-таки попробуйте.

– Обязательно попробую, только вина налью. Со мной пить можешь, с другими – не советую... Разве что в трактирах, и чтоб никому в голову не пришло, что ты заедешь именно туда и именно сейчас. Этот напиток старше Евгения, замечательная лоза! Атэвы его делают из винограда, который растет только в одной долине, они выжидают, пока ягоды наполовину

высохнут на солнце и покроются сизым налетом. Так о чем я должен был тебе рассказать?

– О том, кому и как я помешал.

– Поговорим и об этом. Но сначала несколько новостей. Про девочек Фло знаешь?

– Я слышал, что Изо умерла в родах.

– Мягко сказано. Герцог Ларрэн объявил, что ее отравила служанка.

– А служанка что говорит?

– Служанку он за это повесил...

– Что с Жаклин?

– Не знаю. Она исчезла, Жоффруа утверждает, что ее похитили Вилльо, а Вилльо – что ее прячет Жоффруа, ставший вдовцом, чтобы прибрать к рукам вторую часть наследства Рауля. Я Жаклин искал и ищу, но пока безуспешно. Остается надеяться, что она все-таки жива и где-то прячется или, что вероятнее, ее где-то прячут. Если найду, дам знать.

– Я брата однажды чуть не убил...

– И хорошо, что не убил. Он – мерзавец, но братоубийство даром не проходит, хотя, не скрою, если б Ларрэн допился до смерти, одной заботой стало бы меньше. Ты знаешь, кого видели входящим в его дворец?

– Откуда же?

– Призрак Филиппа Второго.

– Я уже ничего не понимаю...

– А тут и понимать нечего. Этот призрак живет всех живых, состоит на побегушках у герцога и, видно, парень не промах. Только и призраки ошибаются. Его занесло выпить кружку вина в тот же кабак, что и стражника из Речного Замка, у которого хватило ума за ним проследить и прибежать с этой новостью ко мне. Свои двадцать ауров он получил и теперь рыщет по всему Мунту в поисках этого красавца.

– Вы ему поверили?

– Да, так как такая чушь может быть только правдой. Видел бы ты этого Сашни, кстати, друзья его прозвали Боровом... Надумай он соврать, это было бы что-нибудь крепкое и простое, как дубовый пень. Нет, он говорил правду. Так что Пьера убили по приказу Жоффруа, видимо, Изо тоже. Не удивлюсь, если на очереди ты.

– Почему?

– Потому что покойный Рауль, не тем будь помянут, вбил в голову Жоффруа Тагэре, что он может стать королем.

– Бред.

– Не такой уж бред, если вспомнить Жана Лумэна. Добытый Раулем testament Генеральных Штатов о том, что Жоффруа – наследник, никем не отменен.

– Глупости, тогда у Филиппа не было сыновей...

– Не такие уж глупости, если Жоффруа переживет Филиппа, многие предпочтут видеть на троне какого ни на есть, но сына Шарло, мужа или вдовца дочери Рауля и отца его внуков, а не мальчишку, окруженного сворой Вилльо. Поднять бунт, особенно имея деньги, легче, чем погасить. Если Жоффруа приберет к рукам еще и имущество Жаклин, он дел натворит, а Паук поможет.

– Филипп не собирается умирать, но, если что-то произойдет... королем станет Филипп Пятый! Ларрэну ничего не обломится.

– Ты не дашь? – подался вперед Обен.

– Я.

– Вот ты и объяснил, почему Жоффруа предпочел бы видеть тебя мертвым. Ты не позволишь ему поднять лапу на племянников, а Вилльо не позволишь сесть окончательно всем на голову. Эскоту ты ободрал, с Ифраной – мир, но Паук продолжает кормить тех, кому не тошно жрать из его рук. Уверю тебя, он не забыл ни Кер-Септим, ни свинью на коне. И свинья тоже не забыла. Всей этой своре герцог Эстре как кость поперек горла. Не знаю, кто из них попробует тебя убить, а кто будет смотреть и радоваться, но я буду не я, если они не рискнут.

– Я начинаю казаться себе значительной фигурой, – улыбнулся Сандер.

– Кто ж тебе виноват, что ты разделил страну на тех, которые все на свете продают, и тех, кого не купишь. Когда я тебе отцовский меч отдал, я надеялся на тебя, но не настолько же... Так что побереги себя, Александр Эстре. И не улыбайся, Проклятый тебя побереи! Шарло улыбался, Рауль тоже... «Тагэре для Арции» подразумевают живого Тагэре. Да и о брате и племянниках подумай. Пока жив ты, их не тронут...

– С этой стороны я не смотрел. Постараюсь выжить... Тем более у меня есть еще одна причина.

Старый граф внимательно посмотрел на своего любимца, и тот, отчего-то смутившись, потянулся за вином, но так ничего и не рассказал. Не успел. Прибыл гонец – герцога Эстре срочно требовал Его Величество.

Александр торопливо простился со стариком и через пол-оры оказался в объятьях короля. После первых приветствий Филипп с сияющим лицом снял орден Белого Сокола и надел на шею брату.

– Будь я проклят, если кто-то достоин его больше, чем ты. Я не заслужил такого брата, уже одна твоя верность превосходит всякие границы, но твои победы... Ты и впрямь куда больший сын нашего отца, чем я, и я... Проклятый, да я горжусь тобой, ты единственное, чем мы можем сейчас гордиться!

– Филипп, – Сандер, немного растерянный от такого водопада чувств, улыбнулся королю, и тот решительно сгреб брата за плечи и расцеловал.

– Сандер! Я горжусь тобой, и я хочу, чтоб об этом знали все. Прости меня за Ифрану и за все остальное, что было не так. Нас слишком мало, чтобы мы посмели потерять еще и друг друга. А теперь ты должен выполнить мою просьбу.

– Конечно...

– Нет, когда-нибудь я тебя точно убью. Небось вообразил, что я тебя отправляю в какой-нибудь поход или на какой-нибудь турнир?

– А разве нет?

– Нет. Возможно, я и попрошу тебя заняться кое-какими делами, но сначала, Сандер, умоляю: позволь мне сделать что-то лично для тебя. И не говори, что у тебя все есть и ты всем доволен. Чего ты хочешь? Если это в моих силах или даже за их пределами, но не слишком, ты это получишь. Ну же, я жду...

– Филипп, я как раз хотел попросить тебя об одной вещи. Даро...

– О святой Доминус и вся кротость его! Сандер, я УМОЛЯЮ тебя раз в жизни подумать о себе, а не о других. С мирийкой все в порядке, она мне во всем призналась. Проклятый, за какое чудовище вы все меня держите?! Пускай выходит за своего Артура, хотя он и глуп, как бубен. Но красив, спору нет, особенно верхом и когда рот не разевает...

– Что ты сказал?

– Да успокойся, я любя... Артур в отличие от папаши славный парень и без двойного дна. Просто завидно немного, что молодость уходит, я же вас, волков эдаких, на десять лет старше. Даро мне об этом напоявила, ну да я не в обиде, пусть будет счастлива с кем хочет, хоть с Бэрротом. Девчонка отказалась от королевской любви ради своей.

Сначала я взбрыкнул, не без этого, а потом подумал, что ты своей честностью заражаешь всех вокруг. И хорошо, иначе мы бы уже задыхаться начали. Короче, Даро с Артуром я взял под свое крыло и без твоей просьбы.

– Филипп...

– Только учти, если тебе пришло в голову заступаться за Жаклин, то я не знаю, куда она сбежала от нашего брата. Найдется, подумаем, что с ней делать, если найдется, конечно... Сейчас ты будешь просить награду для себя и только для себя, – король засмеялся, – ну же, Сандер...

– Филипп, ты можешь отдать мне ВЕСЬ Север? Хотя бы до истечения перемирия с Ифраной?

– Так... Мой братец в качестве награды просит то, что я хотел всунуть ему, как задачу.

Ты и так протектор Севера с королевскими полномочиями, ты им и останешься. Но раньше чем в начале зимы я тебя никуда не отпущу, слишком я по тебе соскучился. Предупреждаю последний раз, я от тебя не отстану. Если ты не выберешь себя подарка, я его выберу сам.

– Хорошо, – тихо сказал Александр, – подари мне замок. Гаэльза слишком далеко от границы.

– Выкрутился, волчара, – засмеялся король, – и подарок попросил, и дело сделал. Будет тебе замок, но учти, дворец для тебя я САМ построю.

От необходимости отвечать и благодарить его избавила королева. Элеонора в бледно-лиловых шелках вошла в комнату с горделивой уверенностью кошки, распространяя волны экзотических ароматов и с трудом скрываемой ненависти. Это его и спасло – при Элле он не мог дать волю слабости.

Ее Величество медово улыбалась и поздравляла, герцог Эстре целовал унизанную кольцами холеную ручку, по своему обыкновению односложно отвечая на тончайшие шутки. Никто ничего не заметил. Потом Александр поклонился и ушел. Филипп, опять же спасибо Элле, его не задерживал, король уже отчаялся примирить жену и брата, довольствуясь их взаимной учтивостью.

Сандер не помнил, как вышел из королевского кабинета и прошел анфиладу заново отделанных комнат, в которых толпились придворные. С ним заговаривали, он отвечал, улыбался, пообещал пожилой сгноре Траве взять в качестве аюданта ее младшего сына, сказал несколько комплиментов дамам и девицам, решившим лично выразить свое восхищение покорителю Данлеи, пожал руку Эжену Гартажу, выдержал поздравления Гастона... Проклятый, как же их много, и всем от него чего-то нужно! Хотелось то ли броситься вон, то ли выхватить меч, но он держался. Держался, даже когда пришлось пить вино с отцом Артура, обрушившим на него целую реку словесной патоки.

Старший Бэррот был в восторге от сделанной сыном блестящей партии и распинался в похвалах в адрес невесты Артура, ее брата и их покровителя герцога Эстре. Пойманный в капкан волк взвыл бы в голос от боли, Александр молчал и улыбался. Он был один в этом дворце, в этом городе, в этом мире...

2887 год от В.И.

20-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Рито благополучно доставил эскотское посольство и передал из рук в руки канцлеру. Гастон Койла, разряженный и важный, занялся гостями, а мириец решил порадовать Даро. Сандер, видимо, все еще сидел у Обена, откуда его, безусловно, потащат к королю, так что домой, в смысле к Мальвани, он попадет в лучшем случае глубокой ночью. Надо рассказать сестре и об Эскоте, и о Шарло и Катрин. Пора их забирать от Люсьены. Дети герцога – это дети герцога, им не место в мещанском доме.

Рито с удовольствием окунулся в городскую суету, разглядывая хорошеньких горожанок и наслаждаясь теплом и восторженными взглядами зевак. Байланте должны любить все, кроме тех, кто ненавидит, этому правилу Рафаэль Кэрна следовал неукоснительно.

Дорога до особняка с тигром на фронтоне заняла несколько больше времени, чем обычно, но маркиз Гаэтано прибыл туда в прекраснейшем расположении духа, с ослепительной улыбкой, огромной охапкой поздних белых роз для Миранды и берилловым браслетом атэвской работы для сестры. Бросив к ногам герцогини цветочный сугроб и поцеловав ее руки, Рито весело сообщил о взятии Данлеи и о том, что в Мальвани все прямо-таки замечательно.

– Хотела бы я тебе сказать то же самое, – Миранда подобрала розы, – спасибо тебе, они чудесные, но...

– Что-нибудь случилось? Опять Жоффруа? Или «пуделя»?

– Рито, я не понимаю, как это произошло. Не могу понять, мне кажется, что я сошла с

ума, но это не так. К сожалению.

– Вы меня пугаете.

– Нет, – Миранда слабо улыбнулась, – пытаюсь успокоить. Рафаэль, я оказалась очень плохой дуэньей. Мне казалось, Даро мне доверяет, но я просмотрела...

– Только не говорите, что она опять беременна, – трое детей для новобрачной это слишком, хотя с этой парочки станется. Или нет? Что-то случилось?!

– Даро ушла. Сейчас она под покровительством бланкиссимы Мунта. Она испросила разрешение Филиппа на брак с Артуром Бэрротом, и тот разрешил. Свадьба через квартиру.

– Этого не может быть! Проклятые капустницы! Они все-таки добились своего.

– Нет, Рито, – Миранда грустно покачала головой, – это ее собственный выбор. Он дался ей нелегко. В том, что она ушла добровольно, оставив письма мне, тебе и Сандеру, сомнений нет. Ты же знаешь Артура, он не в состоянии лгать, а на Даро смотрел и смотрит, как на святую Циалу. Да и зачем сестрам выдавать ее замуж за Бэррота, рассуди, какой в этом смысл? Я виделась и с ней, и с родителями жениха. Там нет никакой магии, никакого принуждения. Да, она чувствует свою вину и боится за Александра... Рито!

– Сигнора, – мириец говорил совершенно спокойно, но Миранде стало страшно, – я убью эту тварь своими руками.

2887 год от В.И.

20-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Наконец ему удалось выбраться из парадных залов и подняться к себе. Здесь не было герцогов и графов, только стражники и прислуга, которые не позволили бы себе первыми заговорить с братом короля. Оказывается, уже стемнело, хотя чего удивляться, осень она и есть осень, хоть и ранняя... Александр Тагэре вошел в свои покои, отпустил дежурного слугу, запер дверь и рухнул в кресло у камина. Теперь он мог не улыбаться, не слушать, не говорить вежливую чушь. До утра он совершенно свободен...

Проклятый, если бы только его никто никогда больше не трогал, он не может больше! Не может! У каждого есть предел. О том, как просто загнать даже самую лучшую лошадь, знают все, отчего же никто не думает, как легко загнать человека.

Артур Бэррот... Красивый, смелый дурак, готовый тысячу раз отдать за него, Александра Эстре, жизнь и зарезавший его без ножа. Он наверняка ничего не знает, иначе бы... Иначе бы отмочил бы какую-нибудь рыцарскую глупость, равносильную самоубийству. Нет, Даро ему ничего не сказала, и он не скажет. Зачем лишать счастья троих, хватит и одного... Подумать только, узнать правду именно в тот день, когда он наконец решился поговорить с братом, поставив все на карту. А ставить было нечего. Его драгоценности оказались подделкой, стекляшкой. Даже не стекляшкой, а ледышкой, растаявшей в руках...

Сандер с трудом оторвал взгляд от огня. Филипп, несомненно, приказал, чтобы в покоях победителя Данлеи все было по высшему разряду. Но, несмотря на роскошные драпировки и развешанное по стенам оружие, спальня казалась мрачной, хотя сегодня ему даже райский сад показался бы адом. Александр поднялся, подошел к окну, отодвинул портьеру, немного постоял, вглядываясь в ночные огни, высек огонь, зажег свечи у изголовья кровати. Свет блеснул на хрустале – слуги не забыли принести вино и фрукты... Зачем? Хотя Обен вроде что-то говорил об этом, как же давно это было! Утром, перед визитом во дворец, когда он еще ничего не знал и думал, что у него есть любовь. А ее не было уже несколько месяцев, а может быть, и никогда, а был обман, замешенный на его глупости и неистовом желании получить то, в чем ему было отказано при рождении.

Так что же ему говорил Абуна? Ах да, он предостерегал его от таких вот угощений, советуя есть и пить только в неожиданных местах и только вместе с другими. Александр поднял хрустальный кувшин, посмотрел на свет, невольно любуясь густо-красными тревожными огнями. Неужели там и вправду яд? Когда-то он читал про знаменитый «довод королей», с помощью которого возлюбленный Иволги устранил ее жалкого супруга.

Говорят, если отраву выплеснуть в огонь, пламя станет малиновым. Александр налил рубиновой жидкости и, держа в одной руке кувшин, а в другой бокал, подошел к камину и плеснул на горящие поленья. Раздалось шипенье, и кверху взметнулся прелестный малиновый цветок. «Довод королей» – быстрая и легкая смерть, дверь в иные миры, где он навсегда избавится и от своего горба, и от своей нелепой любви...

Его смерть переживут, хотя, конечно, друзья будут расстроены, попробуют отомстить. Знать бы еще кому... Обен и Луи найдут. Наверняка это будут какие-нибудь мерзавцы вроде Рогге, и хорошо. Арцию давно пора от них избавить.

Сандер еще раз посмотрел на отравленное вино. Судьба оказалась не столь жестока, она показала ему выход. Он имеет право уйти, он сделал все, что мог, пусть другие идут дальше. Север в порядке или почти в порядке, а остальное – дело Филиппа. Может быть, ему своей смертью удастся примирить брата с Мальвани и Евгением, тогда она будет не напрасной. А жить он не может. Не хочет, а именно не может, он и так тянул дольше, чем следовало. Погибни он в бою, он бы умер вовремя и счастливым... Эстре поставил графин на каминную полку, налил себе полный бокал. Наверное, лучше выпить, сидя в кресле, не стоит падать лицом в огонь... Но сестра Александр Тагэре не успел, что-то с силой ударило его по руке, раздался грохот, звон разбитого стекла и снова грохот и звон. На каминной полке, глядя прямо в глаза Александру яростными янтарными глазами и выгибая спину, стояла черная кошка, вторая, прижав уши и охаживая себя по бокам хвостом, припала к полу...

Нэо Рамиэрль

Этот мраморный бассейн, окруженный причудливым узором из стелющихся по земле красных и желтых цветов с перистыми листьями, не походил на заросшее кувшинками озерцо в ныне покинутом Убежище, но, безусловно, служил той же цели. Водяное зеркало, отражающее прошлое и настоящее, а порой и будущее. Зеркало, созданное магией эльфийских королей. Рамиэрль прислонил лютню к нагретому солнцем каменному бортику и опустил руку в теплую прозрачную воду. Мать его отца Залиэль любила тайну. Вода ее озера была темна и скрыта под огромными плавающими листьями, а вот Альсионэ нравилось видеть усыпанное золотистыми топазами и янтарем дно. Альсионэ... Похоже, душой Аддар удался в мать, хотя лицом повторил отца. Роман так до сих пор и не решил, стоит ли рассказать новому другу всю правду о Великом Исходе или же нет. Они с Норгэрелем скоро уйдут, стоит ли оставлять за собой разрушенные храмы, в руинах слишком часто поселяется зло или, того хуже, ничтожество.

Низко, над самой водой, пролетела белая ласточка. Видимо, вестница. Такую же летунью отправил в Долину Аддар, предупреждая о появлении гостей. Как же здесь тихо и спокойно, только солнце, цветы и небо. Рамиэрль догадывался, что эта терраса на склоне заросшей бледными розами горы была любимым уголком прежней Солнечной королевы. Теперь это место казалось не то чтобы заброшенным (и цветники, и бассейны содержались в полном порядке), но каким-то осиротевшим. Любопытно, пользуется ли кто-то зеркалом Альсионэ и что в нем сможет увидеть он, чужак из Дома Розы?

Когда-то Роману удалось подчинить озеро в Убежище, и он увидел там сражающегося Рене, а что будет, если он спросит о тех, кого оставил, эту ласковую воду? Вряд ли ему удастся прорваться через барьеры, разделяющие миры, но почему бы не попробовать? Это хоть как-то заполнит затянувшееся ожидание.

Эльрагилл согласен созвать Светлый Совет, но не раньше казни Альмика. В Луциане времени достаточно, его можно не беречь, а вот в Тарре... Рамиэрль сосредоточился, готовясь к заклятию. Если его застанут за этим, не беда. Его никто не предупреждал насчет этого озера, а то, что он увидит, если у него получится, вряд ли поймет кто-то, кроме него самого.

Странно, но Зеркало откликнулось тотчас же, словно устало от своей ненужности и ждало, когда кто-то отважится в него заглянуть. Золотистое дно стремительно заскользило вниз, превращая неглубокий бассейн в бездонное озеро. Вокруг царил ясный летний день, но

в неспешно темнеющей воде проступило и закружилось колесо неизвестных Роману созвездий, на глазах обретавших черты фантастических животных и птиц. Затем звездную россыпь поглотила чернота, и Рамиэрль увидел внутренность какой-то башни или храма, но отчего-то не смог сосредоточиться на увиденном. Голову сжал раскаленный обруч, кровь неистово колотилась в висках, глаза застилали слезы, но эльф упрямо вглядывался в теперь казавшуюся ледяной поверхность. Наконец ему удалось задержать взгляд на лежащей ничком фигуре, и Роман узнал самого себя. Он лежал, уткнувшись лицом в белокаменный пол, неловко вывернув левую руку, светлые волосы слиплись от крови. Рядом валялся хорошо знакомый кинжал с синей рукояткой, кинжал, с которым никогда не расставался Эмзар.

Усилием воли Рамиэрль оторвал взгляд от распростертого тела и увидел благообразного старца в белых одеяниях, заступившего дорогу чему-то или кому-то. Старик стоял в позе творящего боевые заклятия мага, опираясь на украшенный ослепительно сияющим шаром посох и властно и грозно протянув свободную руку в направлении врага. Причем врагом этим опять-таки был он, Рамиэрль. Он видел себя со спины, одетого в одежду эландского моряка, в правой руке была шпага, в левой... Что же было в левой?

С руки старика в белом стекла шаровая молния и устремилась вперед, Роман поднял шпагу, чтоб ее отразить, но вместо клинка оказался сверкающий луч. Свет ударился о свет, и все накрыла черная волна. Головная боль стала нестерпимой, и Роман все же прикрыл глаза, а когда сумел взнудать свою волю, в зеркале не было и следа залитой кровью комнаты и двух Романов. Разведчик вздрогнул, столкнувшись глазами с яростным взглядом Эмзара. Сзади зеленела кромка леса, значит, лето или поздняя весна. Роману показалось, что он узнал рошу на берегу Ганы, но не был уверен. Как бы то ни было, это была Тарра, и там шла война.

Король Лебедей взмахнул мечом, и некто в сером опрокинулся навзничь, но Эмзар вместо того, чтобы идти вперед, отступил к лесу. Нападавшие – явно люди, лица которых скрывали повязки, двинулись вперед, а десятка полтора эльфов, среди которых Роман узнал Нидаля, около полусотни гоблинов и столько же таянцев в черных с серебром доломанах, умело и безжалостно отбиваясь и не теряя строя, шаг за шагом пятились к спасительной чаще. Эмзара заслонил высокий темноволосый юноша, схватившийся с широкоплечим воином в кожаной куртке, умело орудовавшим кривой широкой саблей. Бой шел на равных, пока в схватку не вмешался гoblin с тремя серебряными птицами на плече.

Роман горько усмехнулся: раньше корбутские гоблины полагали, что бой должен вестись один на один, но враги слишком часто били в спину. Уже Стефан Горный понял, что с подлецами и предателями не церемонятся, а война между его наследниками и северянами-ройгианцами научила горцев безжалостности. Десятник¹¹⁵ от души рубанул подставившего бок противника. Тот свалился, обливаясь кровью, «серебряный» перешагнул через него и бросился сразу на двоих, а гoblin прыгнул вперед и вбок, успев подхватить раненого товарища.

Теперь бой шел среди деревьев. И тут Роман понял, почему Эмзар отступал. По лицу самого ретивого из нападавших хлестнула березовая ветвь, тот едва успел защитить глаза, как на него обрушился целый град ударов. Рамиэрль знал это заклятие, превращающее мирные березки и осинки в страшных и почти неуязвимых противников. В конце весны переполненные жизненными силами деревья становились особенно грозными воинами. Сталь была больше не нужна. Зеленая магия – более действенное оружие. Роман вновь мельком увидел Эмзара, склонившегося над раненым, за спиной король Лебедей все еще носил кинжал с синей рукояткой, а затем все заполонило седое северное море.

Что ж, второе видение понятнее первого, Эмзар в союзе с южными гоблинами и таянцами по-прежнему стережет Варху. Нео был уверен, что запримеченный им «серебряный» – Ежи Гардани, сын таянского короля и наследник престола. Когда они с

¹¹⁵ У южных гоблинов десятники носили на плече изображение трех серебряных птиц.

Норгэрелем вступили в Ночную обитель, Ежи было лет пятнадцать, сейчас ему вряд ли больше двадцати – двадцати трех. Значит, они отсутствуют лет пять, в худшем случае – восемь. Не так уж и страшно, если огонь Вархи горит по-прежнему и если они отыщут дорогу. Здравый смысл подсказывал на этом и успокоиться: подобные упражнения будут стоить самое малое трехдневной лихорадки, но Роман не спешил закрыть окно.

Из неласковых волн к небу поднялась башня, словно вылепленная из свинцовых туч. Прибой с ревом бросался на ее стены и отступал, вода, журча, стекала вниз, обнажая некое подобие лестницы, а затем новое, увенчанное пеной чудовище разбивало лоб о твердыню. Взгляд Рамиэрля скользил все выше и выше, пока не коснулся распахнутого окна, спиной к которому стоял повелитель затонувшего Эланда, сгинувший император, Скиталец...

Рене Аррой был не один, приглядевшись, Рамиэрль узнал Клэра. Эти двое о чем-то разговаривали, затем Рене откинул со лба прядь белых волос и засмеялся, весело и беззаботно, как в былые дни.

Видение растаяло, уступив место богатой, но мрачноватой комнате, по стенам которой было развешено оружие. На широкой кровати странно скорчился темноволосый человек. Лица видно не было, но Роман узнал позу. Именно так в день их первой встречи сидел младший брат Эдмона Тагэре, помочь которому он поклялся. Рамиэрль не знал, что произошло, но ощутил чужую боль и отчаянье столь же остро, как в памятный вечер на Эльтовой скале. Тогда он нашел слова, вернувшие отчаявшегося мальчика к жизни, но сейчас...

«Расскажи мне все», – сказал он некогда Александру, но теперь их разделяют великие барьеры, радужные мосты, множество миров, а связывает тонкая ниточка поддерживаемого из последних сил заклатья. «Услышь меня, пойми, поверь», – некогда умолял Эрасти Кэрна. «Услышь меня!» – мысленно крикнул Рамиэрль из Дома Розы, хотя это было глупостью, абсурдом, простительным романтическому несмышленишу вроде Аддара, но не ему, тысячу лет идущему тропой крови, предательства, интриг.

Брат Эдмона не мог его услышать, докричаться через Зеркало невозможно. То, что Александр поднял голову, было простым совпадением. Эльф увидел пустые, ничего не выражающие глаза, из которых словно бы вытекла жизнь, жесткие складки у рта, запекшуюся кровь на прокушенной губе. «Что же с тобой случилось, – крикнул он в равнодушное зеркало, – что, во имя Звездного Лебедя?!» Сандер рванул и без того растянутый воротник, в руках у него оказалась какая-то вещица. Рамиэрль видел, как на шее проступила алая полоска, рывок был столь сильным, что лопнувшая цепочка содрала кожу. Александр Тагэре поднес к глазам нечто, оказавшееся медальоном, затем открыл его, вынул темную прядку, медленно подошел к камину, бросил локон в огонь и вновь скорчился на медвежьей шкуре, глядя на пляску пламени.

Роман разорвал заклатье и долго сидел, глядя на алые и желтые цветы, а потом потянулся к лютне.

Что ж, любовь и боль родные сестры, брат Эдмона. Ты стал взрослым, ты стал воином и мужчиной, и тебя предала женщина. Так бывает. Ты оплакиваешь свою любовь, я тоже всю жизнь буду оплакивать свою. Тут помощников нет и быть не может, разве что время, но ты счастливее меня, ведь время лечит лишь смертных... Любовь, если она сильна, чаще приносит страдание, чем счастье, но не изведавшие любви живы лишь наполовину, и потому любовь благо, даже когда кажется проклятием.

2887 год от В.И.

21-й день месяца Зеркала.

Арция. Мунт

Несмотря на громкий стук, сменившийся треском и грохотом, Сандер проснулся не сразу. Когда неподъемные веки открылись, над ним стоял Рафаэль, на лице которого читалось неопишное облегчение. Герцог прижал руку ко лбу, приходя в себя. Он помнил все, но острая, нестерпимая боль улеглась, уступив место грусти. Он всю жизнь будет

оплакивать свою потерю, но он был счастлив целых три года, и этого не перечеркнуть и не украсть никому.

– Рито, – Александр старательно улыбнулся другу, – а где они?

– Кто они?

– Кошки.

– Где кошки? Похоже, это главный вопрос, который волнует Арроев, неважно Лумэны они или Тагэре. Окно закрыто, дверь тоже, так что кошки тебе приснились...

– Может быть. Мне много чего снилось. Кошка, которая разбила кувшин с вином, потом еще пять или шесть, которые меня грели, а затем песня...

– Какая песня?

– Странная. Такое только во сне бывает. Я не знал языка, на котором ее пели, но понимал все. Ни один из наших менестрелей никогда так не пел и не споет. Только Сивый Анн, но он исчез. Ты его не слышал, но поверь, даже для него эта песня почти невозможна.

– Ты совсем не понял, что это за язык?

– Совсем. Но он музыка сам по себе. Клирики много говорят про вестников, но те лишь славят Творца. ТАК им не спеть, да и что они знают о любви...

– Значит, тебе пели о любви?

– Да. Я даже запомнил. «Любовь, если она сильна, чаще приносит страдание, чем счастье, но не изведавшие любви живы лишь наполовину, и потому любовь благо, даже когда кажется проклятием...»

– Сандер, я готов поклясться, что ты сам все сочинил.

– Я не пою и не пишу стихов, да и слов таких бы не нашел.

– В жизни – да, потому что мы держим себя на цепи, но во сне мы свободны. Это твои слова, тебе приснилась и песня, и кошки. – Рафаэль осекся на полуслове.

– Что с тобой?

– Со мной ничего, но кувшин с вином и вправду разбит. Хотя окно закрыто, – Рафаэль встал и обшарил просторную полупустую комнату, – здесь, кроме камина, в котором еще угли не остыли, и кровати спрятаться негде, – мириец поднял с пола золотой медальон на оборванной цепочке, – пойду швырну в Льюферу.

– Дай лучше мне.

– Зачем? Ты прав, что выбросил. А Бэррота я вечером убью. Он хороший боец, но я сильнее. Эту дрянь тоже следовало. Если в твою постель и залезала кошка, то это Даро. Похотливая, неблагодарная тварь.

– Рито, уймись. Не надо никого убивать. Артур ни в чем не виноват, он ничего не знает, я уверен. Его отец интриган, но наш виконт прост, как правда. Он влюбился в Даро, а она в него. И неудивительно. Если кто и виноват, то только я.

– Ты?!

– Я, Рафаэль. Я, и никто другой. У меня не хватило мужества сделать Даро своей женой. Даже тайно, и я ее все время оставлял одну...

– Ты же не на охоту ездил.

– Да, но она живой человек. Она молодая, красивая, два года пряталась в доме Миранды, боялась, что кто-то узнает о ее позоре.

– Позоре?!

– Позоре, Рито. Ты знаешь, что было бы, если б все раскрылось? Она оказалась бы в одной цене с Эжени Шаре. Я должен был жениться, когда она меня любила или думала, что любит.

– Пойду-ка я, пожалуй, к Евгению.

– Это еще зачем?! Ему незачем знать.

– Затем, что тебя нужно к лику святых причислить. Немедленно!

Александр невольно улыбнулся.

– Арде! Святые знамениты тем, что соблазняют невинных девушек и плодят бастардов.

– Я признаю Шарло и Катрин своими, а с матерью что-нибудь придумаем. – Рито был

зол, как никогда.

– Нет!

– Ты не хочешь? Но я думал...

– Они единственное, что у меня осталось. Они лишились матери, но отец у них будет, и пусть все думают что хотят.

– Но тебя спросят о матери.

– Буду молчать. Поболтают, а потом сами что-нибудь придумают, убедят себя в этом, и готово. Даже если что потом и всплывет, не поверят.

– Сандер!

– Хватит об этом. Дай мне слово, что оставишь Артура в покое, и поговорим о чем-нибудь другом. Чего это ты дверь высадил?

– Слово даю, но большего от меня не требуй. Красавчик, может, и не виноват, но сестры у меня больше нет. А дверь... Меня Обен напугал, что во дворце завелся отравитель. Ты на стук не ответил, я и не выдержал. Кто ж знал, что ты песни слушаешь.

– Я и вправду вчера не хотел жить, но с этим покончено. У меня двое детей, брат, друзья. Я должен жить, и я буду жить.

– У тебя, между прочим, еще и враги есть.

– Верно, есть. Я знал, что вино было отравлено, но не помню, как разбил кувшин. Я готов был поклясться, что это была черная кошка. Наверное, я все же был не в себе.

– А сейчас?

– А сейчас в себе. Вот оденусь и пойду, предъявлю себя Обену, чтоб не волновался. Поедешь со мной?

– Поеду. У Обена можно прекрасно позавтракать, не опасаясь отравы. – Рафаэль пытался шутить, но Сандер видел, что другу немногим веселее, чем ему самому. Он знал мирийца и понимал, что тот не простит сестру, как не простил отца. Рито Кэрна отдавал близким всего себя, но он же умел безжалостно вырывать из сердца тех, кого считал предателями.

Нэо Рамиэрль

– Что случилось, Аддари? – Вопрос был более чем уместен, потому что стояла глубокая ночь. Впрочем, Солнечный принц, похоже, взял в привычку навещать гостей ночами.

– Рамиэрль, я должен тебе сказать...

– Тогда сначала помолчи, – Роман сосредоточился, проверяя охранные заветы, – похоже, Солнечным и в голову не пришло, что одичавший подданный бунтаря Ангеса способен их перехитрить, – все в порядке. Я слушаю.

– Мой отец... Ты, – Аддар замялся, – Рамиэрль, я...

– Ты должен сказать мне что-то неприятное, касающееся твоего отца. Я слушаю.

– Они... Отец, Тэноллиан и Ильгэйбэ долго совещались и пришли к выводу, что ты опасен. Завтра после казни они решили низвергнуть в Бездну и тебя.

– А Норгэрель?

– Насчет него неясно. Брат отца и Ильгэйбэ настаивают на низвержении, но отец не хочет.

– Ильгэйбэ права. Норгэрель не согласится меня оставить. Что ж, спасибо, что предупредил. Бездна... Как это мило с их стороны, ведь нас могли просто отравить.

– Яд – оружие Тьмы.

– В самом деле? А Бездна, стало быть, орудие Света? Прости... Что ж, постараюсь увильнуть от столь поучительного зрелища. Мы, понимаешь ли, будем защищаться.

– Ты – хороший воин.

– В Тарре считался неплохим...

– Многие погибли.

– Видимо, – согласно кивнул Роман, – что подделаешь, открытое убийство имеет определенные недостатки в сравнении с ядом. Мы постараемся низвергнуться в Бездну в

изысканном обществе.

– Я потому и пришел, – Аддар вздохнул. – Я не хочу, чтобы вы погибли, и не хочу, чтобы вы погубили других. Уходите. Я приготовил лошадей и все, что нужно в дорогу, я знаю все охранные заклятия и сумею отвести глаза стражам. Вы вернетесь туда, откуда пришли, и все будут живы...

– Кроме человека.

– Кроме убийцы.

– Разумеется, мы уйдем (только что там, откуда мы пришли, и осталось ли там вообще что-нибудь?), но если вы не переменитесь, за этим убийцей появится второй, третий, сотый. Если бы вы были людьми, вы бы еще могли махнуть рукой, дескать, на ваш век хватит, но вы бессмертны и рано или поздно дождетесь настоящего восстания.

– Паладины его подавят.

– Одно или два подавят, допускаю, что с третьим и четвертым справитесь вы, а что дальше? Подумай об этом. Лучшие из людей не любят, когда их презирают, а худшие всегда готовы к ненависти ради ненависти... Такой вот Альмик поднимет знамя и соберет вокруг и первых, и вторых. Людей нельзя недооценивать, впрочем, и переоценивать не стоит.

– Я подумаю над твоими словами....

Сколько же раз его собирались убить? Никак не меньше сотни, и всякий раз что-то мешало. Конечно, Аддар беспокоится не только и не столько о нем, но дела это не меняет. Открытый бой с Солнечными, да еще у их главного талисмана, им с Норгэрелем не выдержать. Что ж, радужные тропы ненамного опаснее обычных. Рамиэрль встал, окинув глазами свою комнату.

– Что ж, пойдем.

Солнечный замок был огромным, а у Романа не было возможности как следует осмотреть его, не привлекая чужого внимания. Он чувствовал направление, но дорога, которой его вел Аддар, была незнакомой. На всякий случай разведчик запоминал повороты и переходы, хотя это и было бессмысленно, возвращаться он не собирался, хватит с него Света!

– Эта лестница ведет к Янтарному чертогу, – шепотом сообщил Аддар, – а эта дверь, – он небрежно махнул рукой, и тяжелая створка отошла, – на Террасу Мечей.

– Прямоком в логово отродья Тьмы, – улыбнулся Рамиэрль, – а не проще сбрасывать виновных этому самому Огню Глубин?

– Дети Света никогда не будут питать живой кровью порождения Ночи.

– А Бездну можно?

– Бездна не голодна.

И чего он пристал к Аддару? Те же эландцы запросто швырнут врага в море, но не станут заживо скормливать его собакам.

– Извини... очень уж все нелепо получается.

– Нелепо?

– Именно. Разойтись на столько лет, чтобы после встречи...

– Мне жаль, – грустно подтвердил Солнечный. – Вот здесь комнаты твоего друга.

– Вызови его, я подожду. – Аддар кивнул и скрылся за дверью. Рамиэрль приготовился ждать, но сын Эльрагилла вернулся быстрее, чем Роман ожидал. Норгэреля на месте не оказалось. Они прождали и проискали его до утра. Вернее, Роман ждал, а Аддар бегал по замку и лишь на рассвете узнал, что гость был удостоен разговора владычицы. Когда Солнечная Песнь об этом сообщил, Роман почувствовал к нему какую-то щемящую жалость.

– Не расстраивайся. Именно такие мелочи делают нашу жизнь непредсказуемой. Ты жалеешь, что сказал мне правду?

– Нет!

Он, похоже, действительно не жалел.

– Решение отца недостойно Света, оно марает его.

Ну как объяснить ему, что Свет замарать невозможно, равно как и Тьму? Прав или

виноват не меч, но руки, которые его держат.

– Аддари, ты ведь не хочешь ничьей гибели?

– Не хочу, но это невозможно.

– Забудь это слово, если не хочешь всю жизнь плыть по течению. Если я правильно понял, заклätиями защищен лишь берег реки, отделяющий Долину Света от Луцианы?

– Да.

– То есть дорога в сторону гор свободна?

– Да. – Похоже, Солнечная Песнь от расстройства позабыл другие слова.

– Если мы вырвемся из замка и поскачем в сторону гор, нам не придется разбираться с заклätиями?

– Да.

– Если ты хочешь, чтобы мы не убивали и нас не убили, сделай так, чтобы во дворе оказались лошади, но так, чтоб потом в Бездну не бросили ТЕБЯ.

– Отец никогда этого не сделает.

– Боюсь тебя разочаровать, но твой отец слишком боится Тьмы, чтобы хранить чистоту Света. Придумай какое-то дело и оставь лошадей. Ты обязан присутствовать при казни?

– Да, но отец знает, что я этого не люблю...

– Значит, ты нечто подобное уже видел?

– Шесть раз. Мне не хочется об этом вспоминать.

– Придется вспомнить. Как проходит церемония? Кто при ней присутствует? Как долго она идет?

– Все занимают свои места в Янтарном чертоге, отец снимает покров с талисмана, и все подтверждают свою верность Свету. Вводят осужденных... Люди, присутствующие при казни, занимают место слева от Камня Света, а Перворожденные справа.

– Где разместят нас?

– Вы – гости, вы должны быть ближе всех к Камню, напротив владык.

– Дверь?

– Дверь сзади.

– Это хорошо. Рассказывай дальше.

– Владыка спрашивает, не хочет ли кто оспорить приговор.

– Таковых, как я понимаю, не бывает.

– Однажды, очень давно, моя мать.

– Ее убили за это?

– Нет! Не может быть...

– Так нет или не может быть?

– Не знаю. Она умерла сама, но после ссоры со Светлым Советом. Она спасла смертную, осмелившуюся просить суда и проигравшую. Мать была на ее стороне. И правда тоже. Женщина не знала, что бросивший ее возлюбленный эльф, он лгал ей...

– Вечная история. Жаль, у нас слишком мало времени, чтобы тратить его на вечность. Если никто не оспорит приговор, то...

– Отец снимает Печать, разверзнется Бездна, Свет отталкивает предавшего Его, и тот летит во Тьму.

– Как именно это происходит?

– Не знаю... Я закрывал глаза.

– Мы уйдем, не дожидаясь конца казни. Пока одни закрывают глаза, а другие наслаждаются, мы выскочим во двор, вскочим на коней, и прощайте, дорогие родичи.

– Это невозможно...

– Ты опять! Твое дело кони. Они будут?

– Постараюсь... Сделаю вид, что собираюсь на рубеж. Отец решит, что я хочу уклониться от своего долга, велит вернуться, а я, чтобы последнее слово осталось за мной, оставлю коней у крыльца. Дескать, уеду, когда все кончится. Этому мешать не станут. Владыки не хотят, чтобы кто-то знал, что с вами случилось. Тем более я...

– Значит, ты и раньше удирал? Может, сделаешь это еще раз? С нами. Иначе ты или проклянешь Свет и свой дом, или умрешь, как твоя мать, или станешь такими же, как твой отец и дядюшка. Я не знаю, какая участь страшнее.

– Не говори так.

– Оттого что я буду молчать, ты не перестанешь думать о том, о чем думается. Ты давно чувствуешь, что все не то и не так, и не пытайся меня обмануть. Я должен тебя позвать с собой, но решать тебе. Ты идешь?

– Нет... Я не могу так сразу. Лучше, – брови Аддара сдвинулись, – я попробую сделать что-то здесь. Поговорю с отцом, разужу, что на самом деле творят паладины.

– Только будь осторожен. Тэноллиан опасный враг. Если ты решишься бросить ему вызов, постарайся предусмотреть все, что можно и нельзя. Мы вряд ли свидимся, так что считай этот совет моим прощальным подарком. А теперь, Аддари, давай прощаться, в Янтарном чертоге я вряд ли смогу тебе что-нибудь сказать.

2887 год от В.И.

12-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Нижнее платье было нежно-кремовым, а верхнее и крепившаяся к жемчужному венку вуаль золотыми. Сигнора Бэррот пожелала лично проследить за туалетом невесты и осталась весьма довольна и ее красотой, и ее послушанием. Даро покорно предоставила себя в распоряжение камеристок и куаферов, превративших ее в сказочное видение из слоновой кости, золота и усыпанной звездами ночной тьмы.

Графиня Гертруда подробно объясняла, что и как следует делать, и Даро старательно запоминала, иногда переспрашивая, что будущую свекровь лишь умиляло. Бэрроты были в родстве с Тагэре по женской линии. Мать покойного Шарля и свекровь Гертруды были родными сестрами, а теперь Артур, которого она всегда защищала перед отцом, полагавшим своего первенца недоумком, отхватил единственную дочь герцога Мирии. Графиня видела, что ее супруг удивлен и доволен, хоть и тщательно скрывает свои чувства. Но то, что Дариоло не только родовита и богата, но и невероятно красива, скромна и послушна, оказалось приятной неожиданностью. Все же циалианское воспитание имеет свои достоинства. Грело душу и то, что Дариоло отвергла ухаживания Аганна, овдовевшего герцога Ларрэна и, поговаривают, самого короля.

Выбор красавицы вознес Артура Бэррота на небывалую высоту, и мать жениха купалась в затопившем ее море зависти и лести. Герцог мирийский одобрил выбор дочери и приглашал молодую чету провести зиму в Кер-Эрасти, и графиня Бэррот решила сопровождать сына и невестку. Это будет восхитительное путешествие...

– Дорогая, вы взволнованы, – пухлая, но все еще красивая ручка графини коснулась восковых пальцев невесты, – я вас понимаю, такой день, но все пройдет замечательно. Или вас что-то тревожит?

– Мой брат, – Даро говорила еле слышно, словно сама с собой, – он не простит...

– Сигнор Рафаэль, но он ведь дружен с Артуром. Хотя, да, деточка, я вас понимаю. Вы примирились с отцом, в то время как бедный Рафаэль, пожертвовавший всем во имя братской любви... Признаю, я, наверное, виновата перед вами, написав герцогу Энрике до того, как вы увиделись с братом, и настояв на немедленной свадьбе.

Разряженная в коричневый бархат пышнотелая женщина продолжала журчать, но Даро не слушала. Свекровь предложила объяснение, которое наверняка примут все. Рафаэль не придет или придет, чтобы ее убить. Как бы она хотела, чтобы брат это сделал, у нее самой не хватит духу: самоубийство слишком большой грех, кроме того, бланкиссима предупреждала, что, если она... Даро ущипнула себя за запястье. Будет синяк, ну да под кружевами незаметно, главное держать себя в руках и делать все, как нужно. Почему она не умерла? Почему не сказала королю всей правды? Не села на лошадь и не помчалась в Эскоту? Почему позволила себя поймать? И ведь никому не расскажешь, потому что ее рассказ –

смерть для Сандера и Рито, самых дорогих и любимых, которые теперь ее ненавидят и презирают. Они живы, пока видят в ней предательницу, обманщицу, глупую, похотливую кошку, прельстившуюся смазливой физиономией дурачка Бэррота.

Будь трижды проклята ее красота, из-за которой столько бед, лучше бы она осталась в Мирии в лапах Дафны, тогда, по крайней мере, она не потеряла бы любовь брата и не сломала жизнь Сандеру.

– Дорогая, – воркующий голос Гертруды вырвал молодую женщину из серой мглы, – дорогая! Все обошлось. Ваш брат и вправду не может вас сопровождать, но вместо него вас поведет к алтарю герцог Эстре! Как это мило и тонко с его стороны. Он – настоящий друг и прекрасный политик. Рафаэль Кэрна, по его словам, не успел вернуться из Гаэльзы, и монсигнор на правах вашего с братом покровителя во время церемонии заменит ваших родственников.

Сандер... Не может быть! Только не это, она не перенесет встречи.

– Благодарю вас, сгнора. Герцог Эстре весьма любезен...

– Это более чем любезность, деточка, – взволнованно объявила графиня, – у Александра Тагэре золотое сердце. Как жаль, что его несчастье и его шепетильность обрекают герцога на одиночество. Лично я нахожу его весьма интересным и не понимаю наших девиц...

Если бы толстуха стеганула ее атэвской плетью с вплетенными в наконечник кусками свинца, Даро было бы легче, но она была вынуждена выслушать и это.

2887 год от В.И.

12-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Невеста была ослепительна хороша – бледность и лихорадочно блестящие глаза делали мирийку еще красивее. Сандер почувствовал, что задыхается. Несколько шагов, поклон, любезная улыбка, поздравления, реверансы дам, ледяная рука в его ладонях. Проклятый, почему он не выпил это вино?!

– Я желаю вам счастья, сударыня, и полностью одобряю ваш выбор. Бэрроты – наши близкие родственники, так что я, заняв сегодня место вашего брата, не так уж и нарушаю обычай.

– Благодарю вас, монсигнор. Вы так добры.

Святой Эрасти, она же дрожит как в лихорадке. Бедная девочка. Неужели она его боится? Нет, скорее чувствует свою вину, а в чем она виновата? В том, что он родился уродом, а Артур – красавцем? Или в том, что она тосковала в одиночестве и влюбилась в раненого рыцаря с оленьими глазами? Если б только эти раздушенные куклы куда-то убрались, хотя бы на десятинку, он бы ей сказал, что ни в чем ее не винит и желает ей счастья. Он по-прежнему ее любит и будет любить, и он благодарен ей за прошлое. А Шарло и Катрин останутся у него, пусть она не волнуется за них.

– Вы вся дрожите, сударыня, – Александр Тагэре мягко улыбнулся, – еще бы, такой день! Я уверен, все пройдет просто замечательно, и вы будете счастливы. В каком храме назначено венчанье?

– В... В храме Триединого. Нас обвенчает епископ Илларион в присутствии бланкиссимы.

– Вот как? А почему не у эрастианцев?

– Потому что...

– Монсигнор, – вмешалась герцогиня Бэррот, – храм Триединого – любимый храм королевы, вы же знаете, что Ее Величество...

– Да, конечно, на Севере я о многом позабыл, – Тагэре учтиво поцеловал поясную ленту Гертруды, – позвольте принести мои поздравления и вам.

– Ах, монсигнор, мы так вам признательны. Девочка сама не своя из-за брата, ваше появление стало спасением для всех нас.

– Милая Дариоло, – Гертруда, не ведая того, ему подсказала, что и как говорить, – я говорил с Рафаэлем, он передает наилучшие пожелания тебе и Артуру, но сам, к сожалению, быть не может. Я постараюсь заменить его. Уверю тебя, все в порядке.

– Спасибо, – пролепетала Даро, пытаясь поймать его взгляд. Хорошо, что они не одни, иначе он сказал бы ей то, о чем бы жалел всю жизнь. Сандер поймал себя на том, что хочет схватить Даро на руки и увезти туда, где нет ни прекрасных рыцарей, ни королевских иглециев, ни разряженных дам. Раз в жизни стать разбойником и тираном, бросить вызов судьбе, отобрав свою женщину у всех красавцев мира, и будь что будет! Нет, он не имеет права приносить в жертву Даро и ее любовь, да и Артур ни в чем не виноват.

Твое время ушло, Александр Тагэре, смирись с потерей. Став рыцарем, ты принес присягу служить своей даме, не прося ничего в награду, а клятвы нужно исполнять. Верность тебя обязывает, Сандер. И она же делает тебя стойким.

– Сигнора, прошу опереться на мою руку, нам пора.

В увитой цветами карете, тащившейся медленнее, чем на похоронах, они оказались рядом, и ему показалось, что Даро придвинулась к нему ближе, чем следовало. Сидевшая напротив Гертруда Бэррот без умолку тараторила, и Александр мысленно благодарил пышнотелую сигнору за то, что она избавила его от необходимости говорить.

Наконец заполненные любопытствующими улицы кончились, и кавалькада въехала в ворота Духова Замка. Александр не бывал здесь с того самого дня, когда Филипп окончательно рассорился с Раулем. Пожалуй, хорошо, что обряд совершит Илларион в храме, который напоминает лишь о предательствах и потерях. Евгений слишком много знал и понимал, а Сандер не хотел утешений даже от него и Жоржа.

Когда он подал Даро руку, то невольно слегка сжал ее пальцы. Если бы она ответила, он бы за себя не поручился, но невеста с выражением восковой куклы приняла предложенную помощь. Окруженные множеством девиц с цветами в волосах, они вошли в храм. Одновременно другие двери пропустили жениха, друзьями которого были ничего не подозревающие «волчата».

С Артуром они встретились посередине храма на специально разостланном зеленом ковре. Жених преклонил колени, готовясь выслушать напутствие Иллариона и с восторгом смотря на невесту. Он любил ее, в этом не было никакого сомнения. Любил и был счастлив. Лица Дариоло Сандер не видел, но не сомневался, что оно светится тем же внутренним светом. Он больше не мог смотреть на Артура и перевел взгляд на Иллариона, который приготовился к первой части церемонии. Сейчас клирик пробормочет несколько молитв, невесту передадут жениху, и они рука об руку пойдут к Небесным Вратам, которые распахнутся, когда они поднимутся на Возвышение.

Илларион молчал, пока служки торопливо зажигали свадебные свечи, а возглашальщики усердно размахивали кадилами. За десять лет епископ Мунтский нисколько не постарел, его аскетическое лицо было все так же сурово и значительно, а пронзительные глаза могли смутить любого. Александру показалось, что клирик хочет, чтобы он опустил взгляд, и в обычный день Эстре так бы и поступил. Сердить представителя одного из сильнейших орденов незачем, да и сам Илларион мог вогнать в дрожь кого угодно. Но сегодня Сандер был рад бросить вызов хоть кому-нибудь. Самоуверенный клирик, самочинно присвоивший себе право судить и осуждать, решил испытать свою власть на сыне Шарля Тагэре? Пусть попробует!

Александр знал, как антонианцы преследовали безобидных знахарей и медикусов, а тех, кто пользовались их услугами, обдирали как липку. Равнодушный к церковным догматам, герцог не терпел ханжества и лицемерия и видел в борьбе с Недозволенной магией лишь желание пополнить свои закрома и утвердить свою власть. Евгений антонианцев не терпел, и в Арции они вели себя смиренно, но от этого ни их храм, ни его настоятель не становились приятнее.

Глядя в лицо Иллариону, Сандер чувствовал его удивление и нарастающую злость, но не отводил взгляда. Странное дело, он забыл даже о своем несчастье, сейчас главным было

не опустить глаз перед лицом великой силы, требующей покорности и смирения. Храм с его обшарпанными стенами, на которых он так и не увидел святых ликов, куда-то исчез. Александру казалось, что он стоит один на обдуваемой всеми ветрами горной вершине, удерживая на плечах чудовищный груз, а на его жалкие потуги смотрит кто-то всезнающий и всевидящий.

Герцог чувствовал снисходительную жалость, его готовы были простить, если он смирится и отречется... от чего? Он должен бросить свою ношу и с открытым сердцем предстать пред высшим судьей. Его ноша... Сандер посмотрел вверх, там не было ничего, кроме неба, но это же абсурд, не может же он держать на плечах небесный свод?! Но почему тогда ему так тяжело, почему кто-то, вперивший в него свой взгляд, требует покорности? Зачем это тому, кто зажигает и гасит звезды и вдыхает жизнь в песок и глину? Почему он требует отречений и предательств во имя свое? Гордость – то небольшое, что у него осталось, что позволяет ему жить и дышать, зачем всесильному зрелище чужого унижения?!

Раболепие ходит рука об руку с предательством. Если ты всемогущ, оставь мне, и так лишенному всего, мою гордость и мой долг, а если моя гордость унижает тебя, так ли уж ты силен и мудр? Кажется, он выкрикнул это в молчащую пустоту и... вновь оказался в мунтском храме. Перед ним стоял епископ Илларион, о его руку опиралась женщина, которую он любил и которая уходила к другому. Горели свечи, плыл горько-сладкий аромат атэвских курений...

Возглашальщики уже сделали свое дело, свечи были зажжены, молчание затягивалось. Илларион понял, что, играя в гляделки с герцогом Тагэре, рискует вызвать удивление и, опустив глаза к Книге Книг, начал обряд. Александру показалось, что с его плеч свалился огромный груз, зато вернулась память, а с ней нахлынула и боль, но он выдержал. Когда пришла пора подвести Дариоло к Артуру, герцог улыбнулся, заставляя собравшихся в храме почтенных матрон вздыхать о погибшем восемнадцать лет назад Шарле Тагэре. Отец Александра, как никто, умел идти по жизни с обаятельной улыбкой, какие бы кошки ни рвали в клочья душу.

2887 год от В.И.

12-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Сандер вложил ее руку в руку жениха, и жизнь кончилась. Она до последнего надеялась на чудо, на то, что кто-то придет и спасет ее или хотя бы убьет. Но ее заваливали подарками и поздравлениями, замужние дамы ласково намекали на то, что ночью ей предстоит стать женщиной, девицы смотрели с завистью и пугливым любопытством, мужчины откровенно любовались ее красотой и подмигивали Артуру. Умом Дариоло понимала, что жених ни в чем не виноват, что, не будь его, она отдалась бы еще кому-нибудь, и все равно ненавидела. Если бы Александр сделал хоть что-то! Но он отвел ее к алтарю и ушел.

Дариоло никогда не забудет, как время словно бы замерло. Свечи зажигали бесконечно долго, сизый дым поднимался слишком медленно, а Илларион молчал, глядя мимо нее. Он смотрел на Александра, словно давая время что-то изменить. Потом епископ очнулся и начал молитву-поучение. Затем были другие молитвы, переплетенные с вопросами и ответами. Они с Артуром опускались на колени и вставали, менялись кольцами, пили из одной чаши, переступали через три цепи, но это ничего не значило, потому что не было любви. В Старом Дворце не было клириков, но произнесенные слова шли от сердца.

Мирийка подняла глаза на знаменитые фрески, но в ликах Триединого не было ни добра, ни прощения, ни любви, а лишь злобная радость, хотя, видимо, дело было в бликах свечей и сероватой дымке. Дариоло торопливо отвернулась от показавшихся страшными икон. Не бояться! Так велел ей во сне человек, похожий на Рито, но она испугалась и потеряла все. Александр простил, пришел и помог, но лучше бы он ее возненавидел, как Рафаэль! Даро не обольщалась, она знала брата и помнила, что тот сказал, прочитав письмо

отца. Рито от нее отрекся, у нее нет никого, кроме нелюбимого мужа.

А свадьба продолжалась. Бэрроты не поскупились, да и Его Величество Филипп сдержал слово. Король не знал, что данная им от чистого сердца клятва стала для нее роковой. Филипп Тагэре выдавал замуж находящуюся под его покровительством Дариоло Кэрна, как принцессу. После венчания было шествие по городу, малый турнир, в котором «волчата» галантно уступили первенство брату жениха, и роскошный, затянувшийся за полночь пир. Серьезная грусть невесты умиляла и трогала, Артур сиял, как новенький аур, пол был усыпан розовыми лепестками, вино лилось рекой, а повара Его Величества, Бэрроты и барона Обена устроили свой турнир, к полному восторгу гостей.

Александр Эстре пил и шутил наравне со всеми. Несколько раз Даро ловила на себе серый взгляд, если бы она могла сказать правду! Но ее молчание – это его жизнь, за которую она платит самую страшную цену. Когда к ней подошла сигнора Гертруда, Дариоло не сразу поняла, чего от нее хотят, а поняв, покорно встала. Замужество – это не только глупые обряды, но и кое-что другое. Провожая невестку в спальню, свекровь торопливо объясняла ей то, что Даро давным-давно знала. Сейчас она будет опозорена, но какое это имеет значение? Она молча кивала, и графиня, на прощание поцеловав деточку в лоб и посоветовав не бояться и предоставить все Артуру, вышла. С ненавистью глядя на огромную кровать, Дариоло с помощью вошедших камеристок переделалась в рубашку, по пышности более похожую на бальное платье, и распустила и расчесала волосы. Затем ушли и служанки, и молодая осталась одна. Она не была пьяна, но перед глазами все плыло и качалось, аромат украшавших спальню белых лилий и алых роз вызвал тошноту, а пламя розовых свечей казалось тусклым и холодным, как взгляд змеи.

Где-то здесь, среди цветов, фруктов и драгоценностей, спрячутся чужие, недобрые глаза, которые должны увидеть, как она станет женой Артура Бэррота. Она должна вытерпеть все и убедить мужа и бланкиссиму, что с ней все в порядке. Хотя одну из ее тайн Артур узнает.

Он имеет право ее отвергнуть, потому что она не девственница. И хорошо, если так и случится, хотя за ее позор придется платить Рафаэлю. Он наверняка убьет Артура и, видимо, кого-то из Вилльо. Ну и пусть... Ей одна дорога – в обитель кающихся грешниц. Стоило бежать из Мирии, чтобы угодить в капкан в Арции?

Даро не знала, сколько она просидела, безвольно уронив руки и глядя перед собой. Она не обернулась даже на стук двери, хотя прекрасно знала, кто и зачем пришел. Наверное, нужно было что-то сказать, но что? Лгать у нее не было сил, а правда убила бы Александра.

Когда Артур упал перед ней на колени, осыпая руки жены поцелуями, она едва удержалась от крика. Его любовь стала еще одним камнем на ее шее. Видимо, нареченный принял ее сдержанность за стеснительность и неискренность. Ничего, скоро он убедится, что это не так... Даро, пробормотав просьбу задуть свечи, позволила себя раздеть. Спасительная темнота немного притупила ужас и отвращение от чужих ненужных рук. Однажды, еще до своей любви, она чуть было не стала жертвой насилия, но пережитый тогда страх был лишь бледной тенью в сравнении с бездной отчаянья, в которую она летела сейчас. Александр Тагэре спас ее от графа Аганнского, теперь ее никто не спасет...

Ласки Артура становились все настойчивее, и тут произошло самое страшное. Тело Даро ответило на призыв. Про молодого Бэррота не зря говорили, что он умеет обращаться и с мечом, и с женщинами. Извиваясь в ставших вдруг желанными объятиях, Дариоло ненавидела себя, пока страсть не захлестнула ее с головой. Это превратилось в какое-то безумие, вобравшее в себя всю безысходность последних кварт, все невыплаканные слезы, невысказанные слова, сдержанные порывы. Даро кусалась и царапалась, как кошка, бесстыдно требуя все новых и новых ласк, пока, вычерпанная до дна, не упала на смятые простыни. Артур лег рядом, прижав ее к себе. Он о чем-то говорил, но она не слушала, переживая свое окончательное поражение. Если б она испытала отвращение и боль, это было бы справедливо, ее страдание на брачном ложе в какой-то степени искупало удар, нанесенный Александру. Но она его предала еще раз, ответив Артуру. И предаст снова. Она никогда не разлюбит своего герцога, но, если муж ее не отошлет, каждую ночь будет

изменять любви, раз за разом переживая и свою потерю, и свое ничтожество. И этому не будет конца.

Артур встал, она равнодушно следила за его движениями, пока он не вернулся с кинжалом. Неужели он убьет ее, как падшую женщину, не имеющую права назваться графиней Бэррот? Святая Циала, спасибо тебе! Мирийка с просветлевшим лицом повернулась к мужу, ожидая удара, но тот вонзил кинжал себе в плечо.

– ...ничего не бойся, я все устрою. Им нужна кровь на простынях, сейчас она у нас будет. Теперь я понимаю и почему вы с братом бежали, и почему ты колебалась, но мне нет дела до твоего прошлого. Ты меня любишь, теперь я в это поверил, а я... я тебя обожаю.

Даро в изнеможении закрыла глаза, но Артур решил, что ее просто испугал вид крови.

Нэо Рамиэрль

Любому, кто взглянул бы на Романа, стоящего на Львиной Террасе, стало бы ясно, что ему смертельно скучно. Внизу, в своем логове, возилось и скулило отродье Тьмы, дальше к небесам взлетали струи многочисленных фонтанов и фонтанчиков, на которые любовались прекрасные статуи. Прекрасные, хотя их совершенным чертам не доставало той жизни, что ощущалась в творениях Клэра. Рамиэрль Звездный Дым из Дома Розы лениво наблюдал, как по центральной лестнице поднимались Солнечные в траурных осенних одеяниях. Затем слуга привел двух белоснежных жеребцов, а из боковой двери выскользнул Аддар в зеленоватом дорожном плаще. Полуденная Песнь вскочил на коня и направил его к воротам, однако не успел поравняться с фонтаном, как его, почтительно поклонившись, остановил высокий эльф с очень светлыми, почти белесыми волосами.

Роман не слышал, о чем они говорили, но Аддари с недовольной миной спешил и пошел с белобрысым. Затем внезапно вернулся и с упрямым выражением на безупречном лице отвел коней к малому крыльцу. Роман лениво проводил их взглядом и собрался было вернуться к созерцанию фонтана, когда к нему подошел Тэноллиан, которого замечтавшийся Лебедь, разумеется, заметил не сразу.

– Мои приветствия прекрасному Рамиэрлю. Я приглашаю вас в Янтарный чертог.

– Я благодарю радушных хозяев, – надеюсь, он слишком самодоволен, чтобы понять насмешку, – но вряд ли ожидаемое зрелище способно возрадовать сердца. Я предпочел бы остаться здесь.

– Мягкосердечие в годы мира следует отнести к достоинствам, но брат мой полагает, что, узрев Бездну, ты многое откроешь для себя и утвердишься в Свете.

Очень тонкое предположение, похоже, они взаимно держат собеседника за недоумка. Однако Тэноллиан ошибается, Рамиэрль не намерен отправляться в Бездну даже ради их с Ильгэйбэ удовольствия. У него слишком много дел дома. Спасибо Аддару, он знает, чего и когда ждать. Нэо учтиво поклонился.

– Если Солнечный владыка полагает, что мой долг увидеть казнь, я ее увижу. Мой родственник приглашен? Он слишком молод, и...

– Благородный Норгэрель уже в чертоге.

– Я готов, – значит, Норгэреля все же решили убить. – Но не скажет ли светорожденный Тэноллиан, что означает...

Мило беседуя, они поднялись по лестнице и вошли в чертог. Брат Эльрагилла охотно рассказывал о том, кого изображают скульптуры, как далеко от Солнечного Замка до гор и водятся ли там чудовища.

А он умелый интриган и лицедей, этот королевский братец, ему бы с удовольствием пожал руку сам Михай Годой. Роман с Норгэрелем для него уже мертвецы, но как живо он расписывает назначенный на завтра Светлый Совет, который, без сомнения, не оставит без внимания их просьбу.

Солнечные владыки решили, что их подданным не обязательно знать о делах Тарры и Светозарном, а доказать, что гости запятнаны Тьмой, не получилось. Впрочем, даже умри они сегодня, остается Аддар. Принц свой выбор сделал, и он не похож на труса или

смиренника. Уж не так ли начинались Войны Монстров, унесшие жизни большинства Лунных и Лебедей?

Кто знает, может, для Солнечных и впрямь лучше и проще, если возмутители спокойствия отправятся в Бездну. Тогда на сотни и тысячи лет в Луциане все останется по-прежнему... Эльфы будут нести Свет, илгоры им всячески помогать, альмики бунтовать и до поры до времени низвергаться, а все остальные мирно пастись на залитых солнцем лугах. Правда, неизвестно, что будет с Аддаром и такими, как он, но это заботы Долины Света, пусть ими и занимаются, тем паче гибель Луциане пока не грозит.

– Нэо! – Хвала Звездному Лебедю, Норгэреля все же к нему подпустили, хотя между родичами и расположился любезный Тэноллиан. Аддар говорил, что его дядя более умелый маг, чем отец и мачеха, которая сильна только в пророческих видениях. Что ж, проверим.

– Сегодня рассвет был особенно красив, не правда ли?

– Не знаю, я не думал об этом. – Сородич казался расстроенным и встревоженным. Оно и неудивительно, Норгэрель вбил себе в голову, что во всем виновны они. Дескать, не окажись Альмик в Долине, ему бы и в голову не пришло замыслить преступление. Роман же был уверен в обратном. Стрелок довел свою ненависть к Перворожденным до такой степени, что она нуждалась в выходе. Возможно, ненавистник эльфов начал бы не с Перворожденных, а с тыквоносцев, но кровь бы пролилась в любом случае. Затем – краткая полоса успехов, создание отряда или небольшой повстанческой армии, одна-две победы, неизбежные разгром, предательство кого-нибудь из соратников и в итоге все тот же Янтарный чертог.

Бунт обречен, пока то, против чего бунтуют, не прогниет само по себе, как трижды прогнивала Арция. Тогда достаточно одного толчка, и тысячелетний порядок рухнет, как детский замок из песка. Другое дело, что то, что приходит после падения, мало похоже на торжество справедливости и свободы. Но откуда об этом знать Альмику, прожившему не более тридцати лет в сытой и сильной державе под покровительством могущественного эльфийского клана? Он ненавидит то, перед чем пресмыкаются его сородичи, и этой ненависти подчинена вся его жизнь. Ему нет дела до того, что начнется после победы, он умирает в святой уверенности, что для полного счастья нужно всего-навсего уничтожить эльфов.

Рамиэрль нарочито равнодушно взглянул на человека, чьи запястья и щиколотки были скованы тоненькими золотыми цепочками. Какая мерзость! Пленника держат с помощью заклятий, а невесомые цепи, прекрасные, как и все созданное эльфами, просто дополняют картину. Пленник не может их разорвать, он, способный гнуть подковы! Еще одно унижение, равно как и надетая на осужденного белоснежная туника и сандалии. Роман еще мог согласиться с казнью, но не со зрелищем, которое должно восхитить и уstrasшить допущенных на него смертных.

А вот их с Норгэрелем будут низвергать после того, как чертог опустеет. Скорее всего, попросят задержаться под благовидным предлогом, подойти поближе... Вряд ли Солнечные владыки покажут смертным, что и среди эльфов бывают отступники, да и сородичей умнее убедить, что гости вернулись, откуда пришли. Кровь Звезд священна, если эльфы узнают об убийстве, они начнут роптать. Кто из праведного негодования – нарушен закон Света, а кто опасаясь, что следующим может стать любой, не угодивший Тэноллиану. Да, убийцам нужна тайна, они не посмеют при всех воспользоваться силой...

Эльрагилл и Ильгэйбэ появились на узком низком балконе и опустились в отливавшие старым золотом кресла. На лбу владыки мерцала янтарная диадема, а на распущенных волосах владычицы цвета сердца белой розы была лишь изящная цепочка, поддерживающая свисающий на лоб лучащийся камень. Эльрагилл поднял руку, и чертог наполнил звон невидимого колокола. Рамиэрль насчитал пять ударов по числу Светлых Богов. При пятом ударе лежащий на высокой подставке между кресел правителей огромный прозрачный шар начал пульсировать, наливаясь светом. Талисман клана!

Нэо Рамиэрль помнил талисман Лебедей, разрушенный при штурме Кантиски. Тот походил на огромный сапфир, сравнимый синевой с весенним небом. Талисман Лунных

сгинул в Сером море. По словам Залиэли, он напоминал черную жемчужину, в блеске которой прорывалось то розовое, то белое, то голубое. Солнечным же достался гигантский янтарный шар, теплый свет которого щедро изливался на всех вокруг, исцеляя и успокаивая.

Кем надо быть, чтоб отвергнуть благодать Света и предаться Тьме? Отринуть Добро и вступить на путь Зла!

«Добро и Зло в каждом, и ни в ком. Эрик понял меня, когда сказал, что Свет защитит от Света, а Тьма от Тьмы», – услышал он это, или просто из памяти всплыли слова? Как бы то ни было, это случилось вовремя. Свет защитит от Света? Рамиэрль тихо потянулся к источнику Силы и почувствовал ответ. Его магия, магия Лебедей, основанная на Свете, была при нем. Свет не делал разницы между ним и Солнечными, он был равнодушен, как река, которой все равно, кто и зачем из нее черпает.

Был бы Роман один, он бы знал, что делать, но уйти без Норгэреля, который ни о чем не догадывался, нельзя, а между ними сидит Тэноллиан. Оставалось ждать. Эльрагилл между тем, обратил взор на преступника, выглядевшего в белых смертных одеждах странно и нелепо. Роман вспомнил, что атэвы, желая унижить пленного врага, одевают его в женское платье. Вряд ли Солнечные, швыряя в Бездну бунтарей и смутьянов, думали о том, чтобы сделать казнь еще мучительней, но Альмику от этого было не легче. Скорее бы все кончилось! Роман чувствовал себя обнаженным мечом, слишком рано выдернутым из ножен. Сначала эльфы покарают преступника, затем Эльрагилл и Ильгэйбэ спровадят всех остальных... После чего им с Норгэрелем, если не удастся выйти со всеми, предстоит победить троих неслабых магов, двое из которых владеют еще и мечами, спокойно выйти из чертога, сесть на коней и, сославшись на приказ, выехать из замка. Что может быть проще?

Лучше было бы попытаться счастья прямо сейчас, но Аддар сказал, что, пока идет казнь, покидать Янтарный чертог кощунство, да и Норгэрель в полном неведении. Прорываться силой? Нет, они не дадут Эльрагиллу и Тэноллиану повода наброситься на них при всех. Бой два на три не безнадежен, но двое против сотни обречены.

– Альмик из рода людей, – нежный голос Ильгэйбэ звучал скорбно, – ты вступил в обитель Света с Тьмой в сердце. Ты, принятый под нашей крышей, пивший здесь вино и евший хлеб, замыслил на приютивших тебя. Ты оскорбил суд человеческий и Суд Светлый. Что ты можешь сказать в свое оправдание перед лицом Света?

– Только одно, – прорычал осужденный, – я ненавижу вас и ваших холоуев. Вы сильны, но рано или поздно найдется кто-то посильнее. Будьте вы трижды прокляты со своим Светом, не нужно мне ваше прощенье!

– Одумайся, человеке, – мягко вступил Эльрагилл, – ты на краю Бездны, которая сейчас поглотит твоё тело, но ты еще можешь спасти душу.

– Да кто ты такой, чтобы лезть ко мне со своими напутствиями? Если б не твои колдовские штучки, я бы с вами всеми поговорил, – человек со злостью тряхнул золотыми цепочками, – а так кончай, да поскорее! На брюхе перед вами я ползать не стану.

– Что ж, – тяжело и веско произнес владыка Солнечных эльфов, – да свершится начертанное. Альмик предался Тьме, да будет он низвергнут в Бездну!

Рамиэрль не сомневался, что Эльрагилл сотворил заклятье, хотя, как и что именно он сделал, было не понять. Талисман полыхнул вовсе нестерпимо, а затем из него вырвалось пламя, золотое, как грива льва. В воздухе, не касаясь пола, воспарил невиданный костер, постепенно растягиваясь наподобие подковы, и одновременно за спиной осужденного прорезалась и стала стремительно набухать черная почка. Со своего места Роман видел, как стена золотого пламени медленно, но верно стала продвигаться вперед. Еще немного, и она вынудит человека сделать шаг назад, потом еще один и еще, пока пол не уйдет из-под ног осужденного, и он не сорвется во Тьму, пронизанную лиловыми и багровыми сполохами. А потом золотая стена залатает прорыв, и все будет кончено.

Впрочем, если Альмик сумел остаться самим собой, он или бросится в пламя, или повернется лицом к Тьме и сделает роковой шаг сам, не дожидаясь, пока его толкнут.

Рамиэрль с трудом оторвал взгляд от обреченного и обвел глазами скорбные лики

эльфов, перепуганные физиономии лесных стражников и сладострастно-внимательные рожи рыцарей Солнцецвета. В довершение всего со всех сторон зазвучала скорбная и просветленная музыка. Арфы, флейты и высокие, дивные голоса оплакивали заблудшую душу. Осужденный стоял нерушимо, глядя в лицо приближающемуся солнечному пламени, Рамиэрль закрыл глаза. Альмик был дураком и упрямым, но смотреть, как его, скованного, под хорал толкают в жуткий провал?! И при этом ЗНАТЬ, что следующим, пусть и не в столь торжественной обстановке, будешь ты?

...Сильнейший удар швырнул Романа вперед, и он едва успел выставить руки. Инстинкт разведчика сработал и сейчас, и Нэо с ловкостью кошки вскочил на ноги. Он все понял. Норгэрель! Сын Ларэна и Залиэли унаследовал силу от обоих родителей, но характером удался в отца. Он не выдержал зрелища казни и ударил по сковывавшим Альмика цепям. Рамиэрль не сомневался, что родич хотел лишь освободить пленника, но не рассчитал, да и не мог рассчитать. Мир Тарры был не просто обделен магией. Уходя, Светозарные озаботились сделать так, что каждое заклятие гасилось извне. Маги родного мира Романа уподоблялись коням, тащившим воз по раскисшей глинистой дороге. В Луциане волшба творилась легко, но Норгэрель нанес удар, исходя из таррского опыта, в результате вместо мухобойки ударил кузнечный молот.

В чертоге творилось нечто невообразимое. Альмика швырнуло наземь и проволокло ланов десять в сторону и от огненной стены, и от Бездны. Золотой талисман сорвался с пьедестала и покатился по залу, как обычный шар, пламенное полукольцо осело, словно на настоящий костер выплеснули бочку воды, разбухавшая Тьма со странным всхлипом исчезла, словно схлопнулись створки раковины-жемчужницы...

Сказать, что Рамиэрль не был поражен учиненным разгромом, было бы сильным преувеличением, но он давным-давно научился отличать ситуации, где можно думать, от тех, в которых остается лишь действовать. Когда сбитый со своей подставки талисман угас на каменном полу, Роман понял, что другого шанса на спасение у них не будет. Да, Норгэрель сглупил, но об этом после... Крикнув по-арцийски: «Бежим!» – он, расталкивая совершенно по-человечески растерявшихся эльфов, бросился к двери.

Они напали первыми, теперь в глазах добропорядочных Солнечных гости из Тарры – пособники Тьмы, а не жертвы интриг. Если только Аддар не будет настолько глуп или благороден, что расскажет и про планы владык, и про то, что он их выдал. Но лучше вырваться, воспользовавшись неожиданностью. Рамиэрль знал, как силен талисман клана, особенно в мире, пронизанном магией, но это имело и оборотную сторону. Лишившись его даже на время, властители, привыкшие черпать Силу через артефакт, почувствуют себя беспомощными.

Если б Роман был один, он уже был бы во дворе, но Норгэрель замешкался, нет, не замешкался... Звездный Лебедь! Этого еще не хватало, его родич мчался к нему, волоча обмякшего Альмика, а прикрывал отступление... Аддари, поднявший меч на собственных родичей. Рамиэрль понял, что отныне отвечает за четверых. Вот уж не думал, что его разговоры о Тьме и Свете приведут к такому....

2887 год от В.И.

21-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

В окно настырно стучал сильный, холодный дождь. Вековые каштаны в саду облетели, и их мощные разлапистые черно-фиолетовые стволы в наползающих сумерках производили гнетущее впечатление. Рафаэль Кэрна решительно опустил занавески и зажег свечи.

– Никак не могу привыкнуть к вашей осени.

– В Эльте и вовсе зима, только море еще не замерзло: слишком уж сильные ветры... Ты тоскуешь по дому, Рито?

– Наверное, это покажется странным, но не очень, – мириец пожал плечами, – я люблю теплое море и синее небо, но не так, чтобы беситься из-за их отсутствия, да и отец не

простит. Видит Бог, зря я тогда все это затеял...

– Мы уже говорили об этом, – Александр с укором взглянул на друга, – если бы не ты, у меня бы не было ни любви, ни близкого друга.

– Как хочешь, Сандер, – Рафаэль махнул рукой, – но таких, как ты, живьем на небо брать нужно, чтобы нас, грешных, с панталыку не сбивали. Выпьешь?

– Пожалуй, – рассмеялся герцог, – ты мою святость явно преувеличиваешь.

– Как бы не преуменьшаю, – интересно, что бы сказал мой святой родич, на тебя глядячи.

– Ты наливай давай, раз уж взялся... Проклятый. Похоже, выпить нам не дадут.

– Ага, но если в этот дождь придется куда-то тащиться...

– Не думаю... В чем дело, Робер?

– Монсигнор, – вошедший воин смущенно, насколько позволяла его обветренная физиономия, потупился, – вас какая-то... гм... девушка просит.

– Меня? Девушка?

– Ну, не совсем девушка... Вернее, наоборот.

– Юноша, что ли? – хихикнул Рито.

– Сигнор Кэрна, – стражник обиженно вздохнул, – девушка она, но непотребная, сразу видно. Но говорит так, что я подумал, а вдруг что важное.

– А что говорит-то?

– А ничего не говорит, – опроверг сам себя бравый вояка, – смотрит кошкой... Заладила, что дело у нее. И только с самим монсигнором и ни с кем больше.

– Ну, давай ее сюда, – вздохнул герцог.

Непотребная девушка оказалась пышной брюнеткой, ядовито-зеленое платье и обилие краски на миловидном, но уже несколько потрепанном лице подтвердили вывод о ее занятиях, сделанный доблестным Робером. Гостья старалась держаться развязно, но явно робела, и герцог заговорил первым:

– Ты хотела меня видеть?

– Ага.

– Как тебя зовут?

– Онорина я...

– Выпей, Онорина. Холодно же.

– Ага, – согласилась она, с готовностью осушив герцогский бокал, – спасибо, монсигнор. У меня дело до вас. Но с глазу на глаз.

– Рафаэль Кэрна – мой друг, он все равно что я.

– Друг, говорите, – настороженный взгляд скользнул по лицу мирейца.

– Я верю ему.

– Тогда ладно, но, если Жизель прознает, мы с Марией не жилицы.

– Никто ничего не узнает, Онорина. Так в чем дело?

– Письмо я принесла. Вот оно. Вы почитайте. А я подожду.

Девица вытащила из-за корсажа что-то, отдаленно напоминающее лист бумаги, и протянула герцогу. Тот осторожно развернул странное послание, внутри оно выглядело чуть лучше. Записка, безусловно, была нацарапана тупейшим из всех перьев Арции, но строчки были ровными, а почерк показался герцогу знакомым.

«Монсигнор Александр, если вы читаете это письмо, значит, Нора добралась до вас и сочла достойным доверия. Не браните ее, она добрая девушка и рискует жизнью, согласившись мне помочь. Вся моя надежда на то, что вы помните меня и не очень изменились с того времени, когда приняли на себя мою вину. Я тогда нечаянно выпустила птичку моей сестры, а потом очень испугалась. Я понимаю, что мой отец сражался против вас и короля, но он мертв, а я слишком слаба, чтобы быть опасной. Уже полгода меня держат в страшном и отвратительном месте, я понимаю, что это связано с моим наследством, и готова отдать его кому угодно, только пусть мне разрешат спокойно жить в каком-нибудь маленьком доме. Я не хочу ни становиться циалянкой сестрой, ни оказаться под опекой

вашего брата или родичей королевы. Если я буду продолжать упорствовать, меня убьют, но не сразу. Мне показали, что со мной сделают. Александр, если в вас есть хоть капля жалости, заберите меня отсюда. Если же вы предоставите меня моей судьбе, я не посмею вас упрекать, но не выдавайте Онорину, я не хочу принести несчастье еще и ей. Жаклин». Затем шло «Любящая вас», но было зачеркнуто и сверху дописано: «Умоляющая в память нашей детской дружбы».

Александр судорожно сжал письмо. Жаклин ре Фло, младшая сестра покойной Изабеллы, единственная наследница великого Рауля... Он не надеялся, что девушка жива, слишком уж ретиво Жоффруа отрицал свою причастность к ее исчезновению.

– Где она? – Эстре говорил негромко, но Онорина вздрогнула всем телом.

– В заведении... У дамы Жизели... Там потайная комната.

– В непотребном доме. Умно, никогда бы не подумал, что Жоффруа способен на такие озорания. – Александр бросил смятый комок в камин. – Оставайся здесь.

– Монсигнор, – Онорина покачала головой, – ничего у вас не выйдет, вы перевернете весь дом и ничего не найдете, а ее выведут через тайный ход и утащат в другое место.

– У тебя есть другой план?

– Есть, – кивнула девица, – я сейчас уйду, а к ночи ваш друг придет... ну, – она замялась, – к нам, значит. Мы как бы идем с ним ко мне, а потом я его отвожу к Марии.

– Марии?

– Ее у нас Марией зовут... При ней только одна тетка, ваш друг ее того, а я всех потом черным ходом и выведу.

– Рито, что скажешь?

– Вроде бы разумно. Что ж, «того» так «того»...

Нэо Рамиэрль

На Террасу Мечей они выскочили на удивление легко, но на этом везенье закончилось. Коней во дворе не оказалось. Почувявшие неладное стражи ворот утопили мост в золотом сиянии, а двор на глазах заполнялся светлым воинством. Изрядно получивший по голове Альмик держался из последних сил, Рамиэрль крикнул Норгэрелю, чтобы тот остановился и унял кровь. Однако бунтарь не доверял даже своим спасителям и предпочел самолично замотать упрямую башку лоскутом, оторванным от смертного одеяния. Эта задержка обошлась дорого. Со стороны двора к террасе подступило не меньше трех десятков эльфов с мечами и луками, а из внутренних дверей появились опомнившиеся владыки, за спинами которых блестели доспехи стражей.

Трое эльфов встали спина к спине, готовясь к кающемуся безнадежному бою. Кажущемуся, потому что Рамиэрль понял, что в этом мире даже Норгэрель – матерый волчище, затесавшийся в стаю пуделей. Если не потерять головы, можно отбиться. Скорее всего, им предложат сдаться, а в случае отказа расстреляют из луков. Коротко велел Норгэрелю прикрывать спину, Нэо сосредоточился, готовясь повторить фокус со стрелами, некогда спасший жизнь Леопине. Он успел сплести несколько заклятий, благо Солнечные были разнежены долгим миром. В Тарре никто бы и не подумал заводить долгие разговоры, но в Луциане все дела начинались с длинных, выпрених речей.

Впрочем, дело было не только в этом. Эльрагилл любил Аддара. Как бы ни был предан Свету владыка, убить во имя Его собственного сына и наследника непросто. Аддари так и не понял, что защищать Рамиэрля и Норгэреля не стоит, куда сильнее в защите нуждаются нападающие. Момент был упущен. Теперь удар владыки и его брата падет на их собственные головы, не причинив никакого вреда потомкам Ларрэна, но Солнечный принц оказался между двух огней. Если Эльрагилл решится, он убьет сына, прежде чем умереть самому. Даже если Аддару удастся избежать смерти от рук отца, отраженная волна его накроет. Пожертвовать мальчишкой? Ну нет, Рамиэрль из Дома Розы не столь Темен или Светел для таких штучек. Пришедшее в голову решение было безумным, но, снявши голову, по волосам не плачут.

Пока Эльрагилл, проклиная и умоляя, пытался оторвать сжимавшего лук Аддара от чужаков, Роман сплел пробивающее заклятье и, улучив момент, обрушил его на барьеры, ограждающие заключенное под Террасой Мечей порождение Тьмы. Внутренним взглядом Рамиэрль увидел, как по сверкающему куполу ударило некое подобие сотканной из света же кочерги. Раздался дикий надсадный визг, золотое сияние рва взлетело до середины стен, опало и погасло, с крыш, разваливаясь прямо в воздухе, обрушилось несколько статуй, и Роман едва успел отбросить летящие на них осколки. Правда, несколько неудачно, себя и своих подопечных он прикрыл, но лихорадочно работавший над встречным заклятьем Тэноллиан не заметил взметнувшегося в первом и последнем прыжке каменного льва и рухнул, придавленный глыбой золотистого мрамора. Совсем по-человечески завизжала какая-то женщина, разом иссякли струи фонтанов, но Рамиэрлю было не до сожалений. Сконцентрировав усилия, он развел в стороны половины ограждающего купола. Защита рухнула окончательно, но на сей раз сын Астена действовал удачнее и не упустил момента, соединив высвободившиеся элементы новыми скрепами.

Образовалось нечто вроде магической цепи, с помощью которой Нэо захватил забившееся в самой дальний угол своей тюрьмы отродье Тьмы и выволок его наружу. Оно и вправду оказалось маленьким и не таким уж и страшным, однако на Эльрагилла и его подданных оказало такое же влияние, как небольшая, но смертоносная змея, заползшая в кровать атэвского калифа.

Рамиэрлю было не до созерцания ужаса на божественно-прекрасных лицах. Тварюшка, несмотря на малые размеры, была сильна, как стадо быков, и вырывалась и выкручивалась, как кошка, которую тащат топить. Рамиэрль с трудом сдерживал ее за колдовской ошейник. Стало невыносимо жарко, лапы, или что там было у этого создания, оставляли на золотом и белом мраморе черные ожоги. Рамиэрль медленно, но уверенно тянул пылающий сгусток Тьмы к себе, одновременно воздвигая щит, который начинал загигаться вовнутрь, окружая огненное чудище второй кожей. Наконец Роману удалось достичь гармонии между притяжением и отталкиванием. Удерживая пленницу на расстоянии вытянутой руки, он повернулся к побледневшим Эльрагиллу и Ильгэйбе.

– Мы уходим, владыки. Не могу сказать, что наша встреча принесла радость обоим. Сожалею о случившемся, но вам не следовало решать наши судьбы в обход Светлого Совета и приговаривать нас к Бездне. Удар в спину не всегда попадает в цель, а предательство остается предательством. Хозяин, замысливший убить гостя, ничем не лучше гостя, поднявшего нож на хозяина. Так что вы с Альмиком квиты, и мы забираем его. Нам нужны четыре лошади и то, что Аддар захочет взять на память. После этого мы не станем обременять ни вас, ни этот мир.

Зверушку я возьму с собой, по крайней мере, до Врат, так как мне не хочется никого убивать, а вы не чужды человеческой подлости. Или вам приятнее услышать слово «божественной»?

– Вы поплатитесь за это. Вы и ваши повелители! – простонал Эльрагилл.

– В том-то и дело, что у нас нет повелителей, и приходится все делать самим. Наверное, в этом и есть причина нашей живучести. Ваш брат, возможно, не умрет, если вы отвлечетесь от нас и займетесь врачеванием, хотя сначала я бы спросил его о том, как умерла мать Аддара.

– Ты лжешь?

– Лгу? Нет. Всего лишь высказываю предположение, которое переросло в уверенность. Норгэрель, помощи. Возьми Альмика к себе, ему не удержаться на лошади, Аддари, опусти лук, он нам не понадобится. Прощайте.

Рамиэрль, оттолкнув огненную тварь на безопасное для лошади расстояние, вскочил на коня. Видимо, его подвела усталость и отвращение к происходящему. Успокаивая ошалевшее от страха животное, эльф забыл об Ильгэйбэ, которая не замедлила нанести удар, к счастью, не слишком сильный и умелый. Рамиэрль не только смог удержаться на коне, но и, воспользовавшись загодя созданным магическим щитом, отбросил ветер-молот на головы

тех, кто его сотворил. С несчастного дворца полетело еще несколько статуй и золотых шаров, последней грохнулась огромная золотая ваза, украшавшая одну из террас. Увы, высвободившаяся энергия разрушила скрепы наспех созданной Рамиэрлем цепи, изрядно усугубив всеобщую неразбериху. Освободившееся отродье Тьмы метнулось вперед, видимо, в надежде залезть в свою конуру, представляющуюся ей самым безопасным местом среди царящего в Солнечной обители безумия, но судьба огненной твари Рамиэрля заботила меньше всего. У них оставалось несколько мгновений, чтобы пролететь под носом ошалевших воинов по мосту над светящейся пропастью, и они не упустили свой шанс. Задержать беглецов не успели или не рискнули.

Послав коня к дальним горам, Роман оглянулся проверить, как там его товарищи. Все были в сборе. Первым скакал Норгэрель, придерживая сидящего перед ним Альмика. Бок о бок с родичем несся конь, предназначенный человеку, а Аддари отставал на полкорпуса. Солнечный принц все еще держал на тетиве стрелу, но и это было не все! Не поспевая за легконогими иноходцами, но обнаруживая явное намерение их догнать, по золотистому полю скользило нечто черное, окруженное двойным ореолом – багрово-красным и черносиним.

2887 год от В.И.

21-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Рито, разумеется, слышал про заведение госпожи Жизели. Подолгу жить в Мунте и не знать об украшенном резвящимися белками доме в Парчовом переулке было невозможно, но вот внутри мириец не бывал. Для байланте не было большего позора, чем платить за любовь. Любовь надо завоевывать, в крайнем случае – красть, но покупать?! Пусть красоткам платят старые, толстые купцы и истаскавшиеся нобили, которым нечего предложить, кроме денег. Настоящие мужчины любовь берут, а счастье дарят.

Рито Кэрна не делал особого различия в своих многочисленных похождениях между ноблесками и крестьянками, случалось ему радоваться жизни и в обществе веселых девиц, но для него это не было сделкой, а для них работой. Женщина есть женщина, и ее можно и нужно любить, если только она не циаианка. Капустниц Рито ненавидел. Даже немыслимая красота Ее Иносенсии не вызвала в нем ничего, кроме отвращения, он скорее бы связался с последней шлюхой и уродиной, чем с первой красавицей, если на ней было белое покрывало. Все прочие могли рассчитывать на изысканную мирийскую учтивость, в любой миг готовую смениться страстными объятиями. Онорина сразу почуяла это в своем неожиданном спутнике, что до Рафаэля, то черноволосая пышка, рискнувшая головой ради случайной подруги, вызвала в нем неподдельную симпатию, и они превесело провели время в уютной харчевне, угощаясь пряным мясом по-эллски и засахаренными фруктами. Если кто и наблюдал за гуляющей парочкой, то не заметил бы ничего настораживающего.

Вернувшийся с границы, известный своей любвеобильностью не меньше, чем храбростью, вертопрах подцепил хорошенькую куртизанку. Что может быть естественней?! Онорина искренне хохотала над немудреными шутками кавалера, с детской непосредственностью облизывала пальцы, то и дело прижимаясь пухленькими ножками к новоявленному приятелю, и, кажется, совсем не думала о том, что им предстояло ночью.

Когда на ратуше пробило восемь, Рито бросил трактирщику аур, чем поверг беднягу в сладостный столбняк, и, обняв подружку за талию, повел к выходу. От харчевни до Парчового переулкa было всего ничего. У входа уже всю горели большие оранжевые фонари, зазывая тоскующих по женским ласкам. Возле двери Рафаэля окликнул кто-то из прихвостней Вилльо, но не зло, а весело, и мириец шутливо отсалютовал ему кошельком. Онорина постучала, дверь распахнул дюжий детина в оранжевой тунике, расплывшийся в улыбке при виде богатого и знатного гостя. Рафаэль кинул аур и ему, заявив, как он рад вернуться с проклятых гор, где только медведи и эскотцы, в славный город Мунт. Осчастливленный вышибала низко поклонился, сидящие в круглом зале вокруг

вызолоченного фонтана полуодетые девицы деловито оглянулись, но, увидев Онорину, не стали тратить времени. Жизель не приветствовала, когда ее крошки отбивали кавалеров друг у друга.

Рито и Нора поднялись на третий этаж, где у девушки была небольшая спальня, обтянутая ядовито-зеленой тканью. Только здесь Онорина вспомнила, для чего они пришли. Она захотела что-то сказать, но Рито решительно зажал ей рот поцелуем, а затем, шепнув: «У нас еще прорва времени, надо же его чем-то занять», – задул огонь. Нора, впрочем, и не подумала сопротивляться. Нельзя сказать, что она так уж сильно любила свою работу, но красивый и веселый мириец ей нравился, да и вечер надо было убить.

Через десятинку старая ведьма Виолетта, состоящая в приближенных Жизели, оторвала ухо от потайной щели и вздохнула с облегчением. Приятель горбуна появился в гости по той же причине, по какой к ним каждый вечер приходят десятки мужчин. Правду сказать, Кэрна доселе не баловал их своим вниманием, Виолетта слыхала про отношение мирийца к их делу, но, видать, красавчик на эскотской границе изрядно заскучал. Онорину он подцепил в городе, а та уж затащила гостя сюда. Еще влюбится, дура такая, и наболтает лишнего. Хотя девка глупа, как зарезанная курица, и годится только для одного. Утром нужно будет ее хорошенько расспросить, если черноглазый красавчик поведется в Парчовый, нужно будет перевести Марию в другое место. Береженого и судьба бережет.

Виолетта не одобряла жадности Жизели. Дела у них и так шли отменно, а влезать в дворцовые интриги дело опасное, можно и головы недосчитаться. Конечно, герцог Ларрэн платит, и платит отменно, но всех денег не заработаешь. Старуха почти хотела, чтобы дружок Александра повел себя подозрительно, тогда она бы смогла уговорить Жизель избавиться от опасной узницы. Но, похоже, мириец не собирается совать нос куда не надо...

2887 год от В.И.

21-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Если бы в этом подвале было хоть какое-то окошко, пусть самое маленькое! Но его не было, а была чадающая печурка, стол, стул, две кровати и множество тараканов, которые вызывали у Жаклин не меньшее отвращение, чем ее надсмотрщица. Мадлен уже вышла из того возраста, чтобы находиться наверху, идти ей было некуда, и она, как могла, отрабатывала у Жизели кусок хлеба, глоток вина и крышу над головой, не забывая по привычке густо размалевываться и поливать себя дешевыми благовониями, вызывающими у Жаклин тошноту. И к тому же она была болтлива и нахальна.

Некогда принцесса Гаэльзская и жена наследника престола, а ныне пленница герцога Ларрэна, опустив голову, слушала трескотню подвыпившей бабищи, со вкусом пожирающей двойной ужин. Есть Жаклин не хотела, заточение в душном подвале и общество Мадлен напрочь лишали аппетита. Девушка молча рассматривала свои руки, время от времени кивая головой и повторяя про себя сочиненную ночью балладу о прекрасном рыцаре. Прошло больше кварталы, как дочь Рауля ре Фло передала кое-как нацарапанную записку одной из девиц, проявившей к ней участие. Нора была за что-то наказана, у нее отобрали на три дня выходные платья и отправили помогать на кухне, а Мадлен как раз где-то разжилась царкой и уснула сразу после ужина. Когда темноволосая пышка с заплывшим от удара глазом пришла за посудой, Лина рискнула ее окликнуть, и они разговорились. Мадлен громко храпела, как никогда напоминая спящую свинью, а дочь Короля Королей, дрожа, умоляла продажную девку сначала добыть ей перо и бумагу, а потом передать письмо герцогу Эстре.

Это было безумием, но Жаклин уже перешла грань страха. Фляга царки, попавшая в жирные и грязные лапы Мадлен, показалась девушке знаком свыше, и она рискнула. Что ж, хуже, по крайней мере, не стало. Если Нора не исполнила ее просьбу или Александр не счел возможным вмешаться, ее хотя бы не выдали.

Надсмотрщица все зудела, похоже, она была на кого-то или на что-то ужасно обижена, но Жаклин изо всех сил старалась не думать о ней, уплывая в свои выдумки. Когда-то она

любила мечтать, сидя на окне своей спальни во Фло, откуда был виден сад, кусочек реки и поля, тянущиеся к Флосскому лесу. В небе кружили птицы и плыли облака, вода в реке блестела или становилась темной, и в ней отражались далекие зарницы... Однажды Александр Тагэре принес ей раненую выдру, зверек прожил в замке два года, потом ушел. Неужели Сандер ей не поможет, хотя, скорее всего, его нет в Мунте. Он не любит столицу, и она его понимает, да и на границе столько дел... Но рано или поздно он приедет, только бы Нора не забыла о своем обещании и не потеряла письмо.

Святой Эрасти, но почему тут нет окна? Пусть оно выходит в любой загаженный двор, пусть в него можно увидеть лишь забор и ноги в грязных сапогах, она согласна. У нее нет больше сил смотреть на унылые стены, по которым важно разгуливают ничего не боящиеся тараканы. Жаклин брезгливо передернула плечами, заметив рыжего и усатого нахала, примеривающегося к валяющимся крошкам. Мадлен ест так неопрятно, а она, она не может заставить себя прикоснуться к испачканной этой жуткой бабой посуде.

– ...было время, я приводила к себе по десять нобилей за ночь, они дрались из-за меня, – гудела толстуха, не забывая громко чавкать и размахивать вымазанными в подливке лапами, – я ей приносила по двадцати ауров в день, а она мне и арга не дает. И еще заперла в подвале с полудохлой кошкой! И когда только я от тебя избавлюсь?

Стук в дверь прервал ворчанье надсмотрщицы. Мадлен торопливо пихнула тарелку к Жаклин. Если это Жизель или Виолетта, ей не поздоровится. Они берут деньги за то, что прячут пленницу, а не за то, что морят ее голодом. Конечно, пожалуйся Жаклин Виолетте, ее наверняка бы избавили от Мадлен, но зато стали бы заставлять есть или придумали что-то еще. Девушка покорно придвинула к себе тарелку и даже, брезгливо вздрогнув, коснулась рукой грязной ложки, равнодушно наблюдая, как надсмотрщица, тряся жирными боками, прошествовала к двери, взялась за ключ, но вспомнила, что должна проявлять осторожность.

– Кто тут?

– Сигнора Виолетта просит подняться к ней, она ногу свернула.

Жаклин узнала голос Норы, и ее бросило в жар. Конечно, поговорить им не удастся, но, может, она хотя бы знак подаст. Мадлен, что-то буркнув под нос, распахнула дверь, загородив ее необъятным задом. Нора сказала что-то еще, надсмотрщица ответила, повернулась к Жаклин, видимо, намереваясь дать ей наставления, и... грохнулась ничком. А в комнату вошел высокий черноволосый человек и изысканно поклонился.

– Сигнора ре Фло, разрешите представиться. Рафаэль Кэрна. Я пришел за вами по поручению Александра Тагэре. Проклятый! – Рито едва успел подхватить теряющую сознание девушку на руки. – Твари! Нора, можешь эту тушу затолкать внутрь? Умница, что б я без тебя делал...

Когда Жаклин пришла в себя, над ней склонилось то самое лицо, которое она представляла, чтобы не сойти с ума. Высокий лоб, обрамленный иссиня-черными кудрями, огненные глаза под густыми, изломанными бровями, ослепительная улыбка... Она, с одиннадцати лет хранившая в сердце образ Эдмона Тагэре, в день турнира полюбила мирийского нобиля. И эта любовь была взаимной. Он ее нашел и спас.

Рито Кэрна приподнял ей голову и подал стакан воды.

– Сигнора, я пришел к вам по просьбе Александра Тагэре. Нужно, чтоб вы пришли в себя. Я был бы счастлив нести вас, но, возможно, мне придется драться, у меня должны быть свободны руки. Вы сможете идти с помощью Норы?

Сердце Жаклин замерло от нестерпимой боли. Он ее не любит и никогда не любил. Она была для него лишь несчастной дочкой Рауля ре Фло, которой он оказал внимание, скорее всего, по просьбе Сандера. Жаклин понимала, что ее горести позади, но, если бы ей предложили умереть в этом притоне в уверенности, что она любима, или жить свободной, но с разбитым сердцем, она бы трижды подумала. Но что случилось, то случилось.

Рауль часто сетовал, что у него нет сына, а дочери больше похожи на пугливых горожанок, но в эту ночь Жаклин повела себя, как подлинная дочь своего отца. Она сжала зубы и попробовала встать, опираясь на руку Норы. Голова все еще кружилась, но девушка

уверенно сказала:

– Сигнор, я выдержу столько, сколько нужно.

– Отлично. – Рито с брезгливой миной сорвал с Мадлен верхнюю юбку, разорвал на полосы и связал надсмотрщицу, а затем с еще более брезгливой миной заткнул ей рот.

– Если не задохнется, жить будет... – Он рывком взгромоздил обмякшую тушу на ближайшую постель, – дверь мы запрем, до утра сюда вряд ли кто сунется. Нора, как думаешь, выберемся без шума или не выйдет?

– Как повезет, – улыбнулась девушка.

Им повезло. На дороге к черному ходу, куда по утрам торговцы подвозили снесь и вино, не оказалось никого, как и у самой двери, запертой на три засова и подпертой колом. Не понадобилось не только кого-то убивать, но даже ломать запоры. Хозяйство у Жизели велось отменно, засовы и петли были обильно смазаны, ничего не звякнуло и не скрипнуло. Дверь распахнулась, и Жаклин обдало осенним холодом. После полугода в подвале воздух Мунта казался пленительно свежим. Тряпичный переулок, куда выходила задняя стена веселого дома, был пуст. Первой вышла Онорина, осмотрелась и махнула рукой. Ноги у Жаклин подкосились, но Рафаэль, успокоившись на предмет погони, подхватил ее на руки, словно перышко, двумя прыжками преодолев освещенное пространство. В тени на противоположной стороны улицы их ждали. Жаклин не могла видеть лица, но голос она узнала.

Сандер Тагэре был не из тех, кто забывает старую дружбу.

2887 год от В.И.

21-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Стук в дверь тоже может быть подобострастным, по крайней мере, если стучит подхалим и мерзавец вроде альтеруса. И чего понадобилось этому кабану посреди ночи?

Его Преосвященство кардинал Арции не спал: старческая бессонница давала себя знать. Тем не менее Евгений откликнулся не сразу. Пусть урод подождет, ему полезно. Впрочем, вряд ли медоточивая гадина рискнула тревожить кардинала без веских на то причин. Если это гонец из Кантиски, то и Проклятый с ним, ничего умного и стоящего в Святом граде давно не происходит, ну а как что-то случилось здесь? Евгений встал, набросил темно-зеленую, отороченную теплым золотистым мехом мантию и распахнул дверь.

– Что случилось?

– Ваше Высокопреосвященство, я не хотел вас беспокоить, я говорил, что вы поживаете, но герцог Эстре настаивал на немедленной аудиенции.

– Герцог Эстре? Зови его...

– Но он не один. С ним Рафаэль Кэрна и две женщины.

– Эстре хочет говорить со мной наедине или при своих спутниках?

– Он настаивает на том, чтобы войти всем вместе.

– Тогда пусть войдут! И можете идти, я вас больше не задерживаю.

Альтерус явно был не против задержаться, но он не только был рвачом, ханжой и сребролюбцем, не только шпионил за строптивым кардиналом в пользу Кантиски, а возможно, и Фей-Вэйи, но и являлся первостатейным трусом. Клавдий, учтиво наклонив щекастую физиономию, выплыл из приемной, и почти тотчас в тяжелую дверь вошли четверо. Евгений взглянул в нарочито бесстрастное лицо Сандера и понял, что случилось что-то важное, да и Рафаэль выглядел несколько взволнованным. Женщины были закутаны в длинные тяжелые плащи, и Евгений сделал вид, что так и надо.

– Ты просил об аудиенции, сын мой, – клирик протянул Сандеру иссохшую руку, – я готов выслушать.

– Благодарю, Ваше Высокопреосвященство, – они говорили не друг для друга, а для тех, кто так или иначе наверняка подслушивает, – я решился потревожить вас ночью, во время отдыха....

– Пустое, сын мой, в моем возрасте ночь и сон редко сходятся. Однако не лучше ли пройти в мои покои?

Кардинал и его гости скрылись за тяжелыми дверями, которые, вот незадача, после того, как их лет двадцать назад подновил присланный Обеном резчик по дереву, стали непроницаемыми для чужих ушей. Кардинал удовлетворенно вздохнул и повернулся к Сандеру:

– Что случилось?

– А вот теперь я прошу о разговоре наедине.

– Хорошо, пусть твои друзья останутся здесь, а мы пройдем в молельню. Святой Эрасти нас вряд ли осудит и уж тем более не станет шпионить...

Молельня Евгения была расписана с немалым искусством. В свое время Александра поразила сцена смерти святого Эрасти, но сегодня ему было не до фресок. Кардинал зажег лампадку у изображения святого, выполненного все тем же найденным Трюэлем искусником, и повернулся к своему любимцу.

– Ну, сейчас-то ты скажешь, что тебя заставило вламываться ко мне ночью, если ты мог спокойно прийти днем, не будоража все эту свору...

– Я нашел Жаклин.

– Как?! Она жива?! Где она?

– Здесь... Ваше Высокопреосвященство, обвенчайте нас.

– погоди, – Евгений задумчиво потер подбородок, – всему есть предел. Ты уверен, что не раскаешься в своем решении?

– Уверен.

– Расскажи мне все.

– Тут рассказывать-то особо нечего. Жоффруа не захотел отдавать наследство Жаклин Аганну и упрятал ее в притоне Жизели... Лина сумела передать мне записку, и мы с Рито ее оттуда вытащили. Не смотрите на меня так, никто не убит. Только охранницу по голове стукнули, но она вряд ли поняла, кто и как. Раньше утра ни Жизель, ни соответственно мой братец ничего не узнают.

– Ну да Проклятый с ними, – выругался кардинал, – тем паче лошадей гнать незачем.

– Ваше Высокопреосвященство, поймите. У Лины только две возможности вырваться из лап Жоффруа и Вилльо. Это выйти замуж или уйти в обитель, но сестринство, сами знаете...

– Капустницы нам не помощницы, – кивнул кардинал, – дочь Рауля слишком важная фигура. Анастасия не даст ей жить спокойно, да и дела в ордене поганые творятся.

– И я о том же. Значит, замужество! Причем с человеком, который сможет ее защитить от этой своры. Я должен ее спасти, хотя бы в память об отце.

– Ох, Сандер, Сандер, – покачал головой клирик, – не нравится мне это. Сейчас ты думаешь только о том, как выручить девушку. Я понимаю, тебя до сих пор грызет то, что случилось с Раулем и Дени, хотя если кто в этом и виноват, так только не ты. Но что будет, если ты полюбишь, полюбишь по-настоящему, а будешь привязан к Жаклин? Что будет, если полюбит она?

– Ей, чтобы полюбить, нужно быть живой и свободной. Если она кого-то встретит, тогда и будем думать. А я... То, что уже сгорело, второй раз не подожжешь.

– Ты так думаешь? Ох, молодость, молодость...

– Я не думаю, я знаю. Да, я люблю другую, но с этим покончено. Я могу спасти дочь Рауля ре Фло, и я сделаю это. Любой брак может быть расторгнут, но для расторжения брака, освященного кардиналом, нужно решение конклава.

– Ты верно рассчитал, – хмыкнул Евгений, – на это зеленопятые не пойдут. Они меня терпеть не могут, оно так, но отменить мое решение – поставить под удар свои собственные... Что ж, если ты решил, и твердо решил, я вас обвенчаю. Кто знает, иногда сделанное с горя оборачивается счастьем. Вы ведь раньше дружили?

– Да, во Фло... Жаклин была влюблена в Эдмона.

– Что ж, ее любовь умерла, твоя, судя по всему, улетела. Может, вы вдвоем хотя бы не будете несчастливы. Что ж, зови свою невесту. Твоим другом будет Кэрна?

– Конечно.

– А подруга невесты, она кто?

– Девица от Жизели, та, что нам помогала.

– Да, веселая свадьба у герцога Эстре, ну да какая есть!

2887 год от В.И.

22-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Пробуждение Филиппа было просто отвратительным. Вчерашний вечер в обществе малютки Эжени оказался слишком бурным, да и царку с ифранскими ликерами мешать не стоило. Если мешать, то начинать нужно с чего-то слабенького, а кончать фронтерской царкой, а не наоборот...

Его Величество с раздражением слушал утренний доклад Гастона Койлы, ожидая, когда подействует единственное признаваемое им лекарство от больной головы и прочих болезней. Гастон говорил о предложениях дарнийцев, какой-то тяжбе, затеянной в Ларрэне, и прочей ерунде. Голова раскалывалась, а впереди предстояло заседание Совета нобилей и встреча с послом Оргонды, который наверняка передаст очередное неприятное послание от Марка и сестрицы... Король с плохо скрываемой злостью и скукой смотрел на своего канцлера. Гастон был верным и надежным, но не шибко умным. Впрочем, чужой ум короля чаще бесил, чем восхищал.

А с Фронтерой нужно что-то решать... Хотя чего решать, Сандер – наместник Севера, ему с усатыми и разбираться. Если он Джакомо приструнил, этих и подавно.

Дверь распахнулась, и младший брат, легок на помине, вошел в королевскую опочивальню. Александр был на удивление нарядно, чуть ли не щеголевато одет. Темно-синяя куртка с серебряными нарциссами на груди и волчонком на плече, подбитый серебристым шелком плащ, тщательно расчесанные темные волосы... Что это на него нашло с утра пораньше, хотя что ему, у него-то голова не болит. У него вообще ничего никогда не болит.

– Сандер? А я как раз хотел тебя видеть... Что ты думаешь о Фронтере?

– Тодора нужно тряхануть, да посильнее.

– Прекрасно, вот и займись. Ты – протектор Севера, бери, кого хочешь, делай, что вздумаешь, но чтобы они о союзе с Ифраной и думать забыли.

– Постараюсь, – кивнул головой Александр, – мы выедем сегодня же, но я хотел бы просить малой аудиенции у Его Величества.

– Это еще зачем? – не понял Филипп. – Если нужен разговор наедине, то Гастона я выставлю.

– Филипп, мое дело не является тайной. Но я не могу это сказать и тем более показать, пока ты в постели.

– Что за глупости, – поморщился король, – у меня и так день поганый, а еще ты со своими загадками. Говори, чего хочешь. Если в моих силах – сделаю. У меня все, кроме тебя, вечно чего-то кланчат.

– Я хочу представить ко двору свою жену.

– Чего? – король обалдело уставился на брата. – Проклятый тебя побери! Ты женился? Когда? На ком?! Кто она?

– Она с Рафаэлем в малой приемной. Женился я прошлой ночью, нас обвенчал Евгений!

– Старый змей! – король, напрочь забыв о больной голове, расхохотался и сразу же поморщился. – Ты когда-нибудь перестанешь меня удивлять? Ну, она хотя бы хорошенькая? Проклятый, вот уж не думал, что ты женишься, да еще тайком. На влюбленного ты не походил... Ну, признавайся. Кто она?

– Жаклин.
– Что?! Ты ее нашел?
– Она сама нашлась. Прибежала к Евгению, тот послал за мной... Ей здорово досталось!
– Жаклин... – Лицо короля внезапно просветлело. – Знаешь, а я ведь рад, что так вышло... Теперь отступать некуда, против кардинала никто не указ. Все верно. Если кто и должен быть наследником Рауля, так это ты...

– Значит, ты не возражаешь?
– Проклятый! Конечно же, нет! И молодец, что ничего мне не сказал, на нет и суда нет. А то скандал бы поднялся до небес. Вот Жоффруа с Эллой-то разозлятся. – Лицо короля приняло мечтательное выражение. – Хочешь верь, хочешь нет, но мне судьба Лины спокойно спать мешала. Рауль был враг, – голос короля вновь стал жестким, – он должен был умереть, но девочки ни в чем не виноваты, кроме того, что родились не в то время и не в том месте. Если с Жаклин все будет в порядке, может, и мне пара-тройка грехов спишется. Подожди, сейчас оденусь и поздравлю вас как следует...

Сандер благодарно улыбнулся брату. Спасибо Жаклин за то, что из-за нее Филипп вновь стал самим собой, великодушным и умевшим радоваться за других. Не было ни ссоры, ни гнева, только искреннее пожелание счастья. Один брат у него все же остался. Но была и проклятая, предательская мысль, которую Александр постарался загнать как можно дальше. Ведь признайся он вовремя в своей любви к Даро, Филипп точно так же понял бы и порадовался. Он испугался призрака и потерял счастье.

Бедная Жаклин со своими гаданиями и сонетами! Он постарается стать своей герцогине хорошим мужем, постарается выбросить из головы любовь, которую, как он теперь понял, загубил собственными руками.

2887 год от В.И.

19-й день месяца Звездного Вихря.

Мирия. Кер-Эрасти

Мирия влюбилась в Артура Бэррота, а красавец-рыцарь был в восторге от Мирии, тестя, жены и всего сущего. Артур был влюблен и счастлив, он любил весь мир, а вот Даро этот мир ненавидела. Она терпела все – и заполненные никчемными праздниками дни, и бурные, изматывающие ночи, когда после приступа страсти ее охватывало холодное, безнадежное отвращение к самой себе. Единственное, что ее утешало: ребенка от Артура у нее не будет.

Благодаря хитрости Артура она сошла за девственницу, никому и в голову не пришло, что она привезла из Мальвани средство, врученное ей Мирандой, посовествовавшей не обзаводиться третьим ребенком до венчания. Его хватит надолго, а потом она добудет еще. Может быть, Артур разведется с бесплодной женой, и ее оставят в покое. Раньше Даро никого не ненавидела, даже Дафну. Сейчас ее переполняла ненависть к тем, кто разлучил ее с Александром. Ко всем, хотя во всем виновата она сама. Она не послушалась Миранду и настояла на отъезде. Останься она в Малве до осени, все было бы иначе...

Молодая женщина вздохнула и позволила служанкам заняться своими косами. Увязавшаяся с молодыми графиня Бэррот настаивала, чтобы жена ее распрекрасного Артура всегда была нарядной, и приставленная к Даро остроносая камеристка исполняла указания свекрови с величайшим тщанием. Даро было все равно, но время, которое занимал туалет, принадлежало лишь ей. Она могла молчать и думать о своем, пока проворные жилистые руки Розины колдовали над ее волосами. Все утверждали, что Даро еще больше похорошела, может, и так. Бледность ей шла, хотя они не видели ее в Малве с Александром. Тогда она и впрямь была красивой, потому что любила и была счастлива.

– Милая, – свекровь подкралась, как кошка, – я к тебе с хорошей новостью, такой хорошей, что не стала ждать, когда ты выйдешь. Ты немедленно должна написать Жаклин ре Фло, вернее, Жаклин ре Эстре... Да, да, монсигнор женился на дочери Короля Королей, это такая красивая история.

– Как женился? – дрогнувшим голосом переспросила Даро, но Гертруда не отличалась наблюдательностью.

– Я получила письмо от графа Антуана (так толстуха предпочитала называть своего приторного супруга), пока Розина заканчивает, я тебе его прочитаю, а потом мы вместе подумаем над ответом и подарками. Бедная Жаклин, она такая невзрачная, но для них обоих этот брак – удача во всех отношениях. Ну, слушай...

«Эта осень оказалась на редкость обильной на хорошие новости. Не успели мы проводить наших голубков, как их примеру последовал монсигнор Эстре, до недавнего времени успешно избегавший уз брака. Сказать, что его женитьба всех удивила, значит ничего не сказать. Королева и Ларрэн рвут и мечут, но Его Величество, похоже, искренне рад и поздравил молодых с присушим ему размахом, увидев в этом возможность отблагодарить брата за одержанные им победы и присоединение Набота и Лидды. Я мог бы предложить тебе, дражайшая Гертруда, угадать имя невесты, но это было бы бесчестно с моей стороны, так как бедняжка исчезла полтора года назад, и лично я почитал ее мертвой. Речь идет о Жаклин ре Фло, или, если угодно, Жаклин Лумэн. Где она скрывалась или же ее прятали, никому не известно, но в одно прекрасное утро герцог представил ее ко двору как свою супругу.

Их венчание было тайным и скоропалительным, но оспорить его нельзя, так как свершил таинство сам кардинал. Новобрачная выглядит ужасно бледной и худой, но наши дамы полагают, что воздух Эстре пойдет ей на пользу. Трудно сказать, чем руководствовался Александр Тагэре, выбирая невесту, но все сходятся на том, что он отхватил лакомый кусок. Жаклин – одна из самых богатых наследниц Арции, к тому же многие нобили продолжают чтить ее отца, так что ее союз с братом короля укрепляет мир и, между нами, еще больше поднимает Эстре в чужих глазах.

Разумеется, столица полна слухов о том, как герцог нашел и спас свою суженую, не берусь судить об их правдивости, но история, без сомнения, весьма загадочная, а правду, как мне кажется, знают лишь четверо. Сам Александр, Жаклин, Евгений и брат нашей дорогой невестки, принимавший участие в этом приключении и бывший другом жениха. Думаю, нужно, чтобы наши молодые...»

Письмо было длинным, а потом сгнора Бэррот делилась своими собственными соображениями о Жаклин, Александре и Короле Королей, но Даро не слушала, хотя и кивала в нужных местах. А перед глазами у нее стоял Сандер с другой женщиной. Она прекрасно помнила эту Жаклин – худую, нескладную, длиннолицую, похожую на испуганного жеребенка. Рито из жалости сделал ее Звездой Турнира, а Сандер своей женой. Из жалости и от отчаянья, потому что влюбиться в такую нельзя. Теперь эта некрасивая девушка заняла место Даро если не в сердце, то в постели человека, без которого для молодой женщины не было ни звезд, ни солнца, ни цветов.

Гертруда прервала свой бесконечный монолог и критически оглядела невестку.

– К этому платью нужно надеть берилловую диадему. Ты будешь ослепительна. Знаешь, я почти рада, что вы с Артуром не присутствовали на свадьбе. Вы, дети мои, слишком красивая пара, а Жаклин такая серенькая, а монсигнор... Нет, в нем, безусловно, есть и благородство, и сила, у него очень хорошее лицо. Про глаза я не говорю, в них утонуть можно, но все же... Ты, как женщина, должна меня понять.

Но Даро не понимала, вернее, понимала совсем другое. Картинная красота Артура ее не трогала, а Александр... Она знала и помнила каждую черточку его лица, а теперь он связан с другой на горе и радость. Так же, как и она.

Ночью, когда все письма были написаны, подарки выбраны, а уставший Артур уснул с чувством выполненного супружеского долга, Даро выбралась из огромной постели и, кое-как одевшись, вышла на балкон. Для Кер-Эрасти было холодно, даже очень, но в Мальвани она привыкла к настоящим морозам, так что мягкая мирийская зима казалась ей почти осенью. Какое-то время виконтесса Барре бездумно глядела в звездное небо, пока память не вернула молодую женщину в самый страшный день ее жизни.

Дариоло словно бы вновь торопливо накинула темный плащ с капюшоном и выскользнула из особняка Мальвани. Ноги сами привели ее в какой-то переулок, где стояла карета с занавешенными окнами, откуда выглянула белокурая девушка и помахала ей рукой. Даро молча села в карету, лошади тронулись. Ей не было страшно, она действовала словно во сне. После родов, когда у нее нестерпимо болела туго перевязанная грудь, ей давали настойку розовой амаполы, боль отступала, а она вроде бы и понимала, что происходит, но ей было все равно, где она, что с ней, кто рядом. Она равнодушно делала, о чем ее просили, а потом засыпала и просыпалась. На этот раз она проснулась слишком поздно.

Дороги, по которой ее везли, Дариоло не видела, а ее спутница молчала. Она была совсем юной и очень красивой, но ее портило надменное равнодушие. Красавица немного напоминала королеву, наверное, такой та была в юности до встречи с Филиппом. Карета остановилась, они вышли и сразу же юркнули в открывшуюся дверь. Спутница куда-то исчезла, и Дариоло осталась одна в комнате без окон, обтянутой светлым шелком. И вот тут-то ей и стало страшно. Она метнулась назад, но дверь исчезла.

Мирийка в ужасе обежала помещение по кругу, ничего! Только стены. Наверное, тут было очень красиво, но Даро скорее бы согласилась на темный чердак с призраком кровавого Педро, чем на эту роскошно обставленную комнату, освещенную десятками белых свечей. Здесь пугало все, но самым страшным была большая грязно-белая собака со слепыми глазами, лежавшая у пустого кресла, стоявшего между двумя высокими подсвечниками. Даро не смела ничего коснуться, ей было холодно, словно ее выгнали нагишом на мороз. Страх и холод затопил и все ее существо, вытеснив последние обрывки мыслей. Она не заметила, откуда появилась женщина в белом покрывале.

Циалианская сестра ничем не напоминала Дафну. Та была плотная, плоская, неопрятная, с рыбьим лицом и блеклыми круглыми глазами, вошедшая же была красавицей. Даже монашеский балахон на ней казался бальным платьем, но от этого стало еще страшнее. Бланкиссима опустилась в кресло, опустив точеную руку на голову собаки, закатившей от восторга глаза, и задумчиво посмотрела на пленницу.

– *Так вот ты какая, Дариоло из рода Кэрна. Но ты не будешь королевой Арции, Дариоло, не надейся.*

Она могла бы возразить, что никогда этого и не хотела, но слова прилипли к гортани. Она вообще не могла двигаться, пригвожденная к месту ленивым взглядом прекрасных глаз.

– Хороша, но глупа и слаба при всей своей силе, – заметила незнакомка. – Это то, что нужно. Дафна вырастила тебя именно такой, как следовало. Она была умна, но допустила ошибку... Можно ненавидеть мужчин, но нельзя их сбрасывать со счетов, особенно если у них пылающее сердце. Ты ведь любишь своего брата, Дариоло Кэрна? Тебе бы не хотелось, чтобы он умер или ослеп? А кого ты любишь еще? Если любишь? Говори!

Так чувствует себя птица, взглянувшая в глаза змеи. Спасительные крылья становятся ненужными, ужас затягивает, не позволяет не то что вырваться и улететь, даже шевельнуться.

– *Кого ты любишь, Дариоло Кэрна?*

Даро молчала. Змея может убить, это так, но превратить птицу в крысу она не властна. Молодая женщина видела другие глаза – большие, серые, полные тепла и нежности. Она не предаст своего герцога, что бы с ней ни делали! Не предаст! Его имени ОНА не узнает. Никогда. Пусть любые муки при жизни, пусть преисподняя, но она не скажет! НЕ СКАЖЕТ! НЕТ!

– *А ты и вправду сильна, когда забываешь о страхе, – задумчиво произнесла бланкиссима. – В последний раз спрашиваю. Кто он?*

Дариоло Кэрна не ответила, и на нее обрушилась страшная, всепоглощающая сила. Перед глазами стояло искаженное гневом лицо, но Даро не понимала, была ли это ее мучительница или кто-то другой, еще более могущественный и равнодушный.

– *Отвечай! Отвечай, проклятая дура! И я отпущу тебя.*

Лицо бланкиссимы заволокло туманом. Белая мгла скрыла все. Циалианку, собаку, белые свечи, кресло у камина. А когда развиднелось, Даро стояла в поле, вдали звенел ручей, вечерело, низкие, неподвижные облака, казалось, прижимали к земле. Нужно было уходить, а она стояла, не в силах сойти с места, а к ней медленно приближался огромный белый олень, и она понимала, что это конец всему.

– *Кто твой любовник? Говори!*

– *Нет , – выдохнула полумертвая Даро , – нет , никогда...*

Она пришла в себя в той же проклятой комнате. Бланкиссима не мешала ей подниматься с пола, но и не помогала. Когда-то совсем девочкой Даро нашла в беседке забытый кувшин с вкусной сладко-терпкой жидкостью и, ничего не зная про вино, выпила ее всю. Потом пол ушел у нее из-под ног, и ей стало очень плохо. Сейчас было еще хуже, ее тошнило, голова раскалывалась, тело не слушалось. Она с трудом села, но подняться на ноги сил у нее не было. Циалианка холодно улыбнулась.

– Ты упряма, но это тебе не поможет. Я и так знаю, что ты любишь Тагэре, а он тебя, – Даро оцепенела от ужаса, но красавица, казалось, не обращала на нее никакого внимания, – но ты его не получишь. Слышишь, ты?! Ты убьешь того, кого любишь, если ослушаешься. Встань!

Даро поднялась на трясущихся ногах .

– *Видишь это создание? Убей его! Сними с себя пояс. Сделай петлю. Это очень просто...*

Святая Циала! Она не хотела этого делать , но руки ей не подчинялись. Они слушались не ее , а красавицу-бланкиссиму. Даро не могла не только остановиться , но даже отвести глаза. А белая собака не умирала очень , очень долго.

Когда было кончено , циалианка довольно засмеялась.

– Я могла бы заставить тебя начать с людей, но, думаю, ты все запомнила и поняла и так. Ты будешь делать, что захочу я, а я хочу, чтобы ты немедленно вышла замуж за влюбленного в тебя знатного нобиля. И не думай, что ты сможешь убежать или покончить с собой. У тебя не выйдет. Ты теперь моя, и только моя. Я приказываю тебе жить с мужем и иметь детей. Когда-нибудь ты мне понадобишься, но о Тагэре забудь, если не хочешь прикончить его своими руками. Если ты ослушаешься, то убьешь сначала любовника, а потом брата. Я об этом позабочусь. Если ты с собой что-то сделаешь, они все равно умрут, и умрут страшно. Или НЕ умрут, потому что смерть – это лучшее, на что они могут рассчитывать, если ты попытаешься меня обмануть. На тебя наложено заклятье, Дариоло Кэрна, ты убьешь того, кого любишь, если останешься с ним. И ты убьешь того, кому об этом расскажешь. Ты поняла меня, маленькая ведьма?

Дариоло молчала.

– Вижу, что поняла, а теперь можешь идти. Не советую тебе появляться у герцогини Миранды, ведь ты можешь убить и ее, а ты этого вряд ли хочешь. Иди на циалианское подворье, проси покровительства и пиши письмо тому, кого не любишь, но кто любит тебя настолько, что готов жениться вопреки воле короля.

Дариоло молчала.

– *Конечно , ты можешь этого и не делать , – пожала плечами циалианка , поднимаясь с кресла , – в конце концов , множество женищин убивало и своих любовников , и своих братьев и даже находило в этом некоторую прелесть. Решай.*

Как и куда она ушла , Даро не заметила. Она без сил опустилась на пол рядом с мертвой собакой. Свечи догорали , стало стремительно темнеть , а она все сидела на полу , понимая , что ее жизнь кончена.

Сигнальный колокол пробил три раза, вернув женщину на балкон замка, в котором она имела несчастье родиться. В башне напротив горел огонек. Отец тоже не спал.

Герцог старался при ней выглядеть спокойным, но его выдавали седые виски и потухшие глаза. Они не говорили о Рено и Рито. Они вообще почти не говорили. Но потерявшей свое счастье Дариоло отец казался единственным близким человеком среди

животной бездумной радости, окружавшей молодую женщину после свадьбы.

2887 год от В.И.

19-й день месяца Звездного Вихря.

Мирия. Кер-Эрасти

Когда-то герцогу Энрике очень нравились труды преосвященного Тимотеуса, побывавшего в Канг-Хаоне и ярко и талантливо описавшего местные нравы и обычаи. Сначала наследник мирийской короны, а потом и ее обладатель завидовал клирику, повидавшему чужие страны и города, которые Энрике лишь снились. Когда герцогу становилось особенно тоскливо, он вытаскивал переплетенный в темную кожу объемистый том и, как в детстве, рассматривал гравюры, изображавшие людей в странных одеждах, многоярусные дворцы, храмы со смешно загнутыми крышами, незнакомых животных и птиц. Раньше это помогало, но после смерти Рено и разрыва с сыном Энрике Кэрна потерял интерес к рассказам доброго монаха; он вообще потерял интерес ко всему и жил лишь по привычке.

По привычке листал он и тяжелую старую книгу, видя и не видя некогда так занимавшие его картинки. Можно вновь заполнить опрокинувшийся кувшин, но не опустевшую душу. Возвращение дочери, сделавшей в Арции блестящую партию, не вырвало герцога из оцепенения, возможно, это мог сделать Рафаэль, но сын не приехал. Да и как бы он приехал после того проклятого письма?! Парень вырос гордым и свободным, судя по всему, он нашел себя в северных войнах и дружбе с братом Филиппа Арроя. Что ж, пусть будет счастлив... Их примирение вынудило бы Рито взять на себя половину отцовской боли, а Энрике не хотел этого. Сын вырвался из ада, и незачем ему туда возвращаться. Вырвался и вырвал Даро, которая в Арции встретила своего Артура.

Зять герцогу нравился, хоть и жил в выдуманном мире, где дамы были прекрасными, рыцари благородными, монархи справедливыми, все делилось на Зло и Добро, на небе был Творец, в преисподней Антипод, а правду всегда можно было отстоять с мечом в руках. Артур молился на Кодекс Розы, своего сюзерена и свою жену и был счастлив и доволен. Энрике Янтарные Глаза ему немного завидовал и немного жалел. Понравилась ему и графиня Бэррот, хотя бы потому, что говорила за двоих и не требовала от собеседника ничего, кроме молчаливого присутствия. Когда-то Гертруда, несомненно, была красавицей, но у нее хватило ума понять, что красота с возрастом проходит, и не пытаться ухватить время за хвост. Сына и невестку она обожала, так что Даро вдвойне повезло – и с мужем, и со свекровью.

Энрике оттолкнул книгу и с сомнением посмотрел на сонную настойку. В последнее время уснуть без нее не получалось, но привыкать тоже не дело. В глубине души герцог не хотел оставлять Мирию послушному и почтительному Антонию, но для этого нужно было или вернуть Рафаэля, или успеть вырастить внука. Как бы государю ни было плохо, он не имеет права забывать о своем долге, а значит, нужно жить и прожить самое малое восемнадцать лет. А для этого нужно есть и спать. Так выпить или попробовать посчитать лошадей, или повспоминать атэвские названия звезд? Герцог глянул в окно. Всадник¹¹⁶ только-только показался над горизонтом, значит, до рассвета еще очень далеко. За дверью что-то зашуршало, потом раздался стук. Эвфразия? Вряд ли...

Энрике открыл дверь. На пороге стояла Дариоло в розовом домашнем платье и с распущенными косами.

– Отец...

– Что-то случилось?

– Ничего не случилось, – она подняла глаза, и герцогу стало страшно, – ничего не случилось, но я больше не могу. Не могу!

¹¹⁶ Южное созвездие.

Наверное, именно в этот миг Энрике Янтарные Глаза очнулся от своей летаргии. Бьющееся в глазах дочери отчаянье оттолкнуло его собственную беду. Он рывком втащил Дариоло в комнату, захлопнул дверь, дважды повернул ключ, налил вина и голосом, не терпящим возражений, приказал выпить. Даро выпила, хотя руки ее дрожали, и вино расплескалось. Герцог отобрал у дочери пустой бокал, обнял за плечи и усадил рядом с собой. Он ни о чем не спрашивал, просто прижимал ее к себе. Даро молчала, судорожно дыша, потом, кажется, взяла себя в руки, потому что слегка отстранилась и сказала ровным ничего не выражающим голосом:

– Я только что чуть не убила Артура. Он спал, а я его чуть не убила. Его собственным кинжалом. Он спал... Я... Я взяла кинжал и хотела его убить, а он спал. Я хочу его убить... Хочу...

То, что началось потом, было настоящим кошмаром. Даро в слезах билась на кровати, выкрикивая странные и страшные слова о проклятии, крови, убийствах. Удерживая рыдающую дочь, Энрике слушал и не понимал, что значат ее крики о собаках, бланкиссиме, Александре Тагэре... Даро была несчастна со своим красивым, безупречным мужем, но почему? Он ей изменил? Или дело в чем-то другом? Почему она прибежала среди ночи полуодетая и с кинжалом в руках, откуда в ней такая ярость и безнадежность, ведь она всегда была кроткой и послушной. О своих бедах герцог уже не думал, они отступили, смытые безутешными слезами дочери. Наконец рыдания перешли в жалкие всхлипы. Герцог еще раз погладил Даро по спутанным волосам.

– Если хочешь моей помощи или совета, говори так, чтобы я понял. Что сделал Артур? Я считал его рыцарем без страха и упрека.

– Ничего, – все еще всхлипывая, прошептала Даро, – Артур – рыцарь. Это так, он даже больше чем рыцарь... Это я, я во всем виновата. Он меня любит, а я его ненавижу!

– Ненавидишь? За что? – Энрике не понимал. По мнению герцога, ненавидеть Артура Бэррота было просто невыносимо.

– За то, что он не Александр, – просто сказала дочь.

– Александр? Младший из Тагэре? Но ведь он горбун, не так ли?

– Я люблю его и всегда буду любить.

– Но тогда почему, – герцог уже ничего не понимал, – почему ты вышла за Бэррота? Мне казалось, у вас все хорошо. Александр тебя не любит? Но ведь сердцу не прикажешь...

– Любит... То есть любил, пока я... Пока я не вышла замуж за Артура. Рито... Рито меня не хочет знать, потому что я бросила Александра. И Шарло, и Кати... Он не простит.

– Даро, – в голосе Энрике прорезались металлические нотки, – возьми себя в руки. Ты уже достаточно набормотала, чтобы я понял, что ты попала в беду. Что у тебя было с Александром?

– Я была с ним три года. У нас сын и дочь.

– Почему он на тебе не женился?

– Потому что... Сначала не мог... Он поклялся королю, что между нами ничего нет... И тогда и вправду не было. Я сама ему призналась. Он не хотел...

– Значит, ты влюбилась в герцога Эстре и сказала ему о своей любви. Так?

– Да.

– Он боялся поссориться с братом или просто не любил тебя?

– Он не думал, что... Он считал, что, раз он не такой, как все, любовь не для него. Но я, – она в первый раз улыбнулась, – я сумела его убедить.

– То есть стала его любовницей?

– Да, – глаза Даро блеснули, – и горжусь этим. Он лучший из людей. Мы любили друг друга.

– Кто об этом знал?

– Рито и герцогиня Мальвани. Рито рассказал сам Александр перед войной. На всякий случай. А Миранда догадалась, что я беременна.

– Значит, у меня есть внук?

– И внучка. Шарло и Кати. Они в Мальвани.

– Но почему, во имя Проклятого, вы не поженились? Александр должен был это сделать!

– Так вышло. Сначала, когда он вернулся, были дни святой Циалы, нас бы никто не обвенчал. А потом... Потом я ждала Кати...

– А после рождения Кати?

– У нас не было после. Я увидела Сандера только на своей свадьбе.

– Даро, или ты бредишь, или я сошел с ума. Ты любишь Александра Эстре, он, по твоим словам, любит тебя. Рито это знает и одобряет. У вас рождаются сын и дочь, а ты выходишь замуж за Артура и хочешь его убить?! Расскажи мне правду, прошу тебя. Почему вы разошлись? Ты увлеклась Артуром, а потом поняла, что ошиблась? Так?

– Что ты... Я не любила никого, кроме Сандера.

– Тогда, во имя Проклятого, почему?!

– Я... Чтобы спасти Александра и Рито.

– Спасти?

– Да... Я проклята. Я убью тех, кого люблю, если останусь с ними...

– Тебя заставили выйти за Артура?

Даро безнадежно опустила голову. Энрике смотрел на дочь и молчал. Чем он мог ей помочь? Во имя Проклятого, чем?!

– Дарита, как это было? Расскажи. Не бойся ничего. Говори.

Как это было... Рассказать? Рассказать и убить этим еще и отца?

– Тебя заставили выйти за Артура? – Голос герцога настойчиво возвращал назад, к реальности. Дариоло подняла полные слез глаза и кивнула.

– Кто?

– Мунтская бланкиссима.

– Расскажи мне все.

– Нет. Это убьет тебя.

– Вряд ли... Тех, кому нечего терять, убить непросто. Расскажи. Я не смог защитить тебя и Рено от Дафны, может быть, мне удастся спасти тебя от этой... как ее?

– Шарлотта. Я узнала ее, хотя она сделала вид, что видит меня впервые.

– Ты исполнила ее приказание?

– Да.

– Ты полюбила Артура?

– Я его ненавижу...

– Как же так? Ты должна убить того, кого любишь, а готова броситься с кинжалом на того, кого ненавидишь.

– Ты не понимаешь, – прошептала Даро, – я ХОЧУ убить Артура, это МОЕ желание, а бланкиссима... Она сделала так, что мои руки делают, что хочет она. Я бы убила Александра и Рито...

– Знаешь, Дарита, – герцог прижал дочь к себе, – я в этом не уверен.

– Отец... Ты не понимаешь, а я... Я не могу тебе рассказать ВСЕ... Если ты узнаешь, то умрешь.

– Ты думаешь, я этого боюсь? Но мне кажется, ты ошибаешься. Тебе запугали, это так. Как меня и Рено, заставили поверить... Дарита, я стал умнее. К несчастью, слишком поздно. Я все время думал о том, что произошло, думал до бесконечности и многое понял. Нас губит наш собственный страх, и мы делаем то, что они хотят. Расскажи мне все, и посмотрим, узнает ли об этом твоя Шарлотта, и сможешь ли ты убить хотя бы меня, а я для тебя значу куда меньше, чем Александр или Рито.

...Она рассказала, но не потому, что поверила, а потому, что не могла больше оставаться один на один со своей болью. Энрике долго молчал, глядя куда-то вдаль, а потом тихо сказал:

– Клянусь, что тебя обманули. Проклятые ведьмы! Да и я тоже хорош... Если б я

вовремя вырвал тебя из их лап... Прости меня.

– Значит, – шепнула Даро прижимаясь к отцовскому плечу, – значит, все не так?

– Конечно. Ты же не назвала имени, а произнести слово легче, чем поднять нож. Ты удавила пса, это так. Но тебя запугали белыми собаками. Ты их ненавидела и боялась, и ты смогла убить. Но котенка или простого щенка ты бы не тронула. В этом я уверен. Тебя запугали и заставили надеть глупостей. Как и меня в свое время. Рито был прав. Эти мерзавки не так сильны, как они нам внушают.

Отец был прав. Ее обманули, никакого заклęcia нет и не было, но это ничего не меняло. Она теперь жена Артура Бэррота, а Сандер женат на Жаклин...

2887 год от В.И.

10-й день месяца Вепря.

Арция. Мунт

Кардинал Арции с трудом (а ведь день только начинается) поднялся. Сегодня ему предстоит служить в Храме Тринединго. Илларион нижайше попросил Его Величество и Его Высокопреосвященство провести ежегодную поминальную службу по Шарлю Тагэре в соборе Замка Святого Духа, восстановление которого епископ наконец счел завершенным. Филипп, не переступавший порога Духова Замка с приснопамятного дня окончательного разрыва с Раулем, согласился. Евгению ничего не оставалось, как последовать его примеру, хотя сердце его к этому храму не лежало никогда.

Настроения не улучшило и присутствие Клавдия. Воистину нет такой дряни, на которую не нашлась бы худшая. В свое время кардинала тошнило от навязанного ему в секретари Жана Тонро, которого, к счастью, удалось сплавить в Кантиску, но Клавдий был еще хуже. Девяносточетырехлетний Евгений не мог надеяться, что переживет альтеруса, хотя его вечно красная физиономия и объемистое брюхо и внушали некоторую надежду. Закончив облачаться, старик присел в свое любимое кресло у стены, увитой растущим в кадке плющом. Сейчас подойдет Жорж Мальвани, и они потащатся в Духов Замок. Ехать не хотелось. Сказаться больным? Нет, это предательство по отношению к убитым, до которых одержимому своим храмом Иллариону нет и не было никакого дела. Евгений каждый год поминал Шарло, он не предаст его память и сегодня, но как же не хочется ехать! И Сандера не будет.

Да, было у герцога четверо сыновей, но надеяться можно только на младшего. Филипп – сносный король, но только пока гром не грянет, а Жоффруа... Лучшее, что он может сделать для Арции и чести рода, это побыстрее умереть от белой горячки. Надо суметь родиться в семье Тагэре и не совершить ни одного мало-мальски достойного поступка. На исповеди Жаклин рассказала то, что с ней делали по приказу герцога Ларрэна. От насилия девочку спасло лишь то, что она была совершенно не во вкусе вельможного подонка.

К несчастью, Сандеру она тоже не нравится. Его Высоко-преосвященство хоть и удалился от мира, слепым отнюдь не был, несмотря на свой возраст. Он видел, как Тагэре смотрел на свою невесту. Любовь там и не ночевала. Может, из этого брака что-то и выйдет лет через сорок, когда люди забывают о чувствах, но пока Александру с его вечным благородством приходится несладко. А если он вновь полюбит, будет и того хуже...

Кардинал прожил долгую жизнь и пришел к выводу, что один раз и на всю жизнь любят редко, а каждый возраст требует нового чувства. Сандер же с каждым годом, сам не замечая того, становился все ярче. Его увечье и раньше-то не слишком бросалось в глаза, а сейчас, когда он возмужал и раздался в плечах, и подавно. Конечно, мириец красивее, но Кэрна несется по жизни, как дикий конь по лесу, будет скакать через бурелом, пока шею не сломает. Александр же кажется сильным, спокойным и надежным, а уж глаза... Да будь он трижды проклят, если они уже сейчас не сняты множеству арцийских девчонок! Рано или поздно Эстре перестанет носиться со своим плечом и памятью о какой-то дуре, и вот тогда настоящая беда и случится. Не надо было идти у него на поводу и венчать их с Жаклин, ну да дело сделано. Против воли молодого герцога идти трудно даже ему, а Сандер твердо

решил защитить дочку Рауля.

Бедный Рауль! Его погубила собственная гордость и глупость Филиппа. Захоти Король Королей и впрямь прикончить сыновей Шарло, он бы это сделал, а так ум у него твердил одно, а сердце – другое. Если уж ты решил восстать, то должен забыть обо всем, а Рауль не смог. И погиб. Если смерть Шарло объединила Арцию, то смерть Рауля расколола ее на два куска, соединенных одним-единственным мостом. Сандером Тагэре, женившимся на Жаклин ре Фло.

Сандер – любимый брат короля, ради него Филиппу прощают многое и верные Раулю старики, и недовольные миром с Ифраной молодые рыцари, и простолюдины, ненавидящие королеву. Упаси святой Эрасти, если братья рассорятся всерьез. Оргондская размолвка вроде забыта. Филипп больше не ревнует, а вот Паук рвет на себе остатки волос. Еще бы! Джакомо потерял треть королевства и напрочь утратил воинский пыл. С Тодором будет посложнее. Фронтерские господа что скользкие твари Южных морей: нет сердца, в которое можно ударить, приходится рубить щупальца, ну да Сандер Эстре управится. Жаль, его сегодня не будет, но на Севере он нужнее, а отца он и так никогда не забудет.

Его Высокопреосвященство глянул на клепсидру и тяжело поднялся. Пора. Жорж наверняка уже тут. Кардинал оглядел свой кабинет с дверцей в часовню, в которой чаще думал, чем молился, ряды книг на полках, за одной из которых обустроен тайничок с царкой, увивавший стену царственный плющ. Идти не хочется, но надо. Ждет Мальвани, ждет король, ждут прихожане. Кардинал Арции Евгений решительно поднялся и вышел в приемную. Жорж Мальвани уже был там. Альтерус, к сожалению, тоже. Атэвы наверняка бы охарактеризовали епископа как сына свиньи и крысы, и были бы правы. Его Высокопреосвященство кивнул ожидающим и, неодобрительно насупив белые брови, проследовал в карету. Дорога показалась слишком короткой, впрочем, когда чего-то не хочется, любая отсрочка кажется недостаточной. Илларион в траурном облачении встречал их на крыльце храма, по обе стороны которого выстроились толпы верующих и просто зевак, собравшихся поглазеть на короля и его двор, а потом помянуть в ближайшем кабаке покойного герцога да поворчать, что сын куда плоше отца. При виде Его Высокопреосвященства толпа разразилась радостными воплями: Евгения в Мунте любили. Благословив свою паству, кардинал начал медленно взбираться по пологим ступеням. Илларион в почтительном молчании шел рядом, но Евгений старался не смотреть на строгий профиль антонианца.

На первый взгляд могло показаться, что время не властно над епископом и он не изменился с того самого дня, как тридцать восемь лет назад прибыл в Мунт выяснить, что произошло во время покаяния Шарля Тагэре. Недоброжелатели поговаривали, что Илларион прибегает к магии, продлевая свою молодость, но Евгений знал, что это не так. Антонианец жил строго по уставу, а время его изменило, и сильно. Это был совсем не тот горящий рвением клирик, с готовностью разоблачивший злоупотребления Доминика. Теперь в Илларионе чувствовались сила и уверенность в своей абсолютной правоте, он был безжалостен и откровенен, как северная зима, и это было страшно. А лицо... Что ж, Анри Мальвани тоже выглядит моложе своих сверстников, да и покойный Шарло... Тагэре погиб в сорок восемь, но вряд ли ему можно было дать больше тридцати пяти. Евгений вздохнул – он и сам живет дольше, чем надеялся когда-либо, и последние лет двадцать не становится старше, так же как и обжора Обен, который, между прочим, в Храм Триединого ни ногой. Впрочем, в другие иглеции и соборы тоже, да ему это и не нужно.

А Илларион и впрямь потрудились на славу, такого храма нет и в Кантиске. Свет! Море света. Тысячи свечей, лампад и лампадок разгоняют зимний полумрак, выхватывая из него лики святых и праведников. Никакой позолоты. Белый мрамор, черный обсидиан и серебро. Святой Эрасти, как же тут душно! Не жарко, а именно душно, словно все это великолепие давит на плечи. Кардинал проследовал в раскрытый Небесный Портал и встал у алтаря, ожидая появления короля.

Филипп не заставил себя ждать. Вместе с ним вошли шестилетний наследник, королева

с неизбежными родичами, герцог Ларрэн, откровенно страдавший от похмелья, Гастон Койла с канцлерским ключом и Антуан Бэррот, въехавший в ближайшие приближенные на подвигах сына. Филипп глядел угрюмо, хотя, возможно, все дело в освещении, да и повод, по которому собрались, к веселью не располагал. Евгений вспомнил открытое лицо Шарля Тагэре. В присутствии герцога самый мерзкий день начинал казаться солнечным, он бы и в Илларионов храм внес толику тепла.

Возглашальщики¹¹⁷ уже раздули уголья в кадилах, пора было начинать.

Евгений столько раз произносил эти слова и совершал эти жесты, что ему совсем не нужно было за собой следить. Служба текла торжественно и плавно. Пел хор, звучал орган, зажигались и гасли свечи, служки, возглашальщики и клирики младших рангов не допустили ни единого промаха. Время от времени кардинал бросал взгляд на королевское семейство. Филипп и Элеонора слушали с должным вниманием и усердием, Жоффруа явно не терпелось выпить, Вилльо вели себя так, как ведут себя нобили в храме, когда им не удается отвертеться от присутствия на службе. Койла, похоже, вспоминал минувшие битвы, по крайней мере, его глаза смотрели не вперед, а вбок, на икону святого Шарля¹¹⁸. Бэррот, тот стоял с тем самым ханжески-благочестивым видом, за который Евгению не раз хотелось убить своего альтеруса на месте, а вот в глазах маленького Филиппа отчего-то застыл ужас, наверняка его испугали глаза Судии-Кастигатора.

Страшная икона, это так, трудно даже представить, что пережил древний художник, если смог изобразить такое. Самое малое, смерть семьи на собственных глазах от рук насильников и изуверов. Да и остальные найденные фрески немногим лучше. Вот сбежавший куда-то мастер, начавший расписывать пустые стены, был совсем другим. Добрая душа, хоть и печальная. Его святая Рената и святой Эрасти полны не только грусти, но и любви. Интересно, почему он ушел, не потому ли, что не мог вынести этой давящей тяжести?! Завершали же работу богомазы, пусть умелые и усердные, но не создавшие ничего особенного.

Повторяя знакомые слова, Евгений пробежал глазами законченные буквально накануне фрески. Красиво, но не более того. Слава святому Эрасти! Все! Он свое дело сделал. Теперь остается лишь стоять и слушать, как Илларион повторит заключительную молитву, затем ее же прочитают младшие клирики, вступит хор, и все. Можно будет выйти на улицу, под мрачное зимнее небо. Евгений повернулся лицом к алтарю и приготовился пол-оры проспать с открытыми глазами. Илларион начал молитву, и кардинал, как и было положено, возвел очи горе, столкнувшись со взглядом нарисованного Кастигатора. Что-то словно укололо в сердце, тяжесть стала нестерпимой. Евгений, не в силах пошевелиться, не то что крикнуть, наблюдал, как дивные фрески осыпаются, уступая место неопрятным стенам, о которых говорил Сандер Эстре. Илларион продолжал вдохновенно молиться грязным кирпичам, не замечая того, что по стене побежали змеистые трещины, становясь все шире и шире, послышался зловеющий треск, храм был готов рухнуть, похоронив под сводами собравшихся. Илларион молился, хор пел, Евгений тщетно пытался их остановить, но его не слышали. Тяжесть становилась все нестерпимей, но каким-то невыносимым образом он, старый, больной и маленький, поддерживал своды огромного здания.

Все бы успели выйти, если б поняли, что нужно бежать. Огромный кусок кирпичной кладки под самым потолком рухнул, кого-то придавив. Раздался вопль боли и отчаянья, но это не остановило ни хор, ни епископа, вместо молитвы святому Эрасти начавшего молитву в честь Триедино. Раненые и умирающие кричали и хрипели, жутким образом дополняя

¹¹⁷ Помощники клирика, в чьи обязанности входит помогать во время службы и выпевать молитвы, поэтому возглашальщики подбирались из людей, обладающих красивыми голосами.

¹¹⁸ Святой Шарль Марцийский считался покровителем Севера Арции и дома Тагэре, многие из представителей которого были названы в честь этого святого.

мелодию, Евгений поднял глаза к дыре, надеясь на прощание увидеть хотя бы небо. Неба не было, была какая-то опаловая муть, прорезаемая безумными разноцветными молниями, а затем в проеме появилась закутанная в белое светящаяся фигура. Скрестив руки, некто наблюдал за агонией. Сорвалась вниз огромная люстра, наверняка убив на месте королевскую семью и Иллариона. Да, его голос смолк, но хор продолжал петь. Евгений не удержался на ногах и рухнул на колени, не в силах оторвать взгляд от фигуры в провале, озаряемой радужными вспышками.

Белый сделал шаг вперед, но на дороге у него встали трое. Двое мужчин – седой и темноволосый и женщина с длинными светлыми косами. Белый сделал шаг в сторону, давая дорогу Святому Ходу, молитва Калватору зазвучала громче, но трое не отступили, лишь темноволосый обнял за плечи своих спутников, замыкая живую цепь. Раздался грохот, образовался еще один провал, в который вошел еще один Белый. Или тот же самый, но здесь его остановить было некому! Нет! Защитник появился и здесь.

Шарло? Он же мертв уже восемнадцать лет. Неужели возвращаются даже оттуда?! Треск агонизировавшего здания становился все сильнее, но те, наверху, продолжали свой поединок, а хор – свою песню, уже ничем не напоминавшую молитву. Грубый, жестокий напев, напев насильников, палачей, мародеров, дорвавшихся до своей войны.

Глаза Евгения уткнулись в лиловый хитон. Он с трудом поднял голову и увидел Иллариона, целого и невредимого, смотревшего на кардинала сверху вниз со странным выражением. Так смотрят на букашку, которая не стоит даже того, чтобы ее раздавили. Затем антонианец медленно повернулся и пошел к центральной колонне, у подножия которой находился алтарь. Евгений не сомневался, что сейчас произойдет. Илларион обрушит храм, похоронив под его обломками всех, кто пока еще жив. Именно для этого он и собрал под его сводами всех – от короля до нищих. Останавливать его некому, Евгений попытался рвануться, но не смог даже встать. А Илларион был уже рядом, он повернулся, на его лице не было радости, лишь хорошо известное Его Высокопреосвященству чувство долга. Антонианец поднял посох, но его перехватила чья-то рука в железной перчатке воина. Сандер Тагэре! Он все-таки здесь! Евгений с облегчением вздохнул, и все исчезло.

Когда он открыл глаза, то увидел встревоженное лицо Жоржа Мальвани. Сзади, кажется, были король и Илларион со своими всезнающими и одновременно пустыми глазами. Нестерпимо болели левая сторона груди и спины и отчего-то рука, но это была живая боль. То, что он умирает, Его Высокопреосвященство понял сразу. Его еще хватило, чтобы прошептать имя Жоржа. Епископ Доадский склонился ниже, и Евгений, как ему казалось, четко и громко приказал уничтожить Иллариона и снести Храм Триединого. Или, если не получится, хотя бы закрыть.

«Благословляю тебя на жизнь, сын мой, – шепнули побелевшие губы, – сбереги Александра... Как угодно, но сбереги...»

Последние слова Его Высокопреосвященства епископ разобрал, но первые... Ему почудилось имя Иллариона, но что хотел от антонианца умирающий, Жорж Мальвани не понял.

2887 год от В.И.

Утро 11-го дня месяца Вепря.

Арция. Фей-Вэйя

Ночь кончилась, а Шарль не пришел. Не пришел, как не приходил ни разу за прошедшие девять лет, но Анастасия не знала, утратил ли убитый герцог власть над ней или дело в том, что она не переступает запрет. Если бы она была свободна! Но Тагэре держал ее на цепи, и она не была готова к тому, чтобы эту цепь разорвать, хотя первый шаг был сделан. И именно поэтому она так боялась прошедшей ночи, ночи, в которую некогда погиб ее бывший возлюбленный.

Предстоятельница ордена святой равноапостольной Циалы вышла из своих апартаментов и направилась в Зал Оленя, где на светлом дереве ее кресла чернел отпечаток

мужской руки, руки Шарля... Она не посмела его стереть, как не посмела покушаться на его кровь. По крайней мере, с помощью магии. Интриги не в счет, да она в них и не вмешивалась. Все глупости Тагэре делали сами.

Кровь Арроев сильна, раз сумела разорвать даже узы Смерти. При жизни Шарло не был магом, по крайней мере, магом, осознающим свою силу и умевшим ею пользоваться, но то, что он сотворил во время Покаяния, разрушив сильнейшие артефакты, подтверждало: герцог был страшным противником, и кто знает, как изменила его Смерть, которую он укротил. Если бы не это, Филипп уже сейчас стал бы Последним из королей Арроев, затем рухнули бы древние запреты и над миром поднялась ЕЕ Звезда.

«Алая вернется на небо», – сказал Блаженный Эрик. Звезда цвета рубинов святой Циалы – это, без сомнения, она, Анастазия, Предстоятельница ордена. Она обретет великую мощь и власть, но для этого нужно низвергнуть голубую звезду, звезду дома Тагэре. Не нужно пытаться понять, зачем. Таково условие, и его следует исполнить. Темная звезда? Проклятый? До того, как в Зале Оленя появился огненный отпечаток, она полагала их детскими сказками, ОТТУДА не возвращаются. Но если вернулся Тагэре, может прийти и Проклятый. Что ж, она тем более должна быть готова к схватке. Но сначала придется уничтожить Тагэре, а она боится мертвого Шарля куда больше легендарной Эстель Оскоры, упоминание о которой, скорее всего, означает лишь наступление смутных времен, неизбежных, когда рушатся великие царства.

Размышления не помешали Анастазии обсудить неотложные дела с Цецилией и взглянуть на новых послушниц. На первый взгляд ничего интересного, но она на всякий случай переговорит с каждой. Когда приближаются сроки, нельзя пренебрегать даже мелочами. Пришла сестра Мария, молча выслушала, что от нее требуется, и ушла. Остается благодарить судьбу, наделившую дочь герцога магией Крови, а мещанку силой воли и непомерной гордыней. Смешайся эти два дара в одном сосуде, и Предстоятельница, чтобы спокойно спать, должна была бы уничтожить возможную соперницу. Теперь же обе стали ее орудием.

Мария верна, потому что понимает: Ее Иносенсия поможет ей подняться на самый верх. Возможно, она и отдаст ей ожерелье арцийской бланкиссимы. Со временем. Но пока в Мунте останется Шарлотта, недальновидная настолько, что поддерживает ненавидимую всеми стареющую королеву. Элеонора, взревновав к мирийке, и впрямь обратилась за помощью к бланкиссиме, и у той хватило глупости выдать скоропалительный брак Дариоло за свою удачу. Если сумасшедший брат мирийки об этом узнает, о Шарлотте можно будет забыть так же, как о Дафне, но это потом. Сейчас эта дура нужна, и будет нужна, пока на троне сидит король Тагэре...

Вилльо расшатывают трон Тагэре, и Повелитель слабеет. Брат... Вряд ли это Жоффруа, скорее – горбун. Но на всякий случай уйдут оба, а Дева... Молодая Кэрна сломлена, и она замужем за Бэрротом, которому перепала малая толика крови Арроев.

Брак оказался удачным. Прознатчики доносят, что молодых невозможно оторвать друг от друга. И это очень хорошо. У Артура с Дариоло будут дети, а страх за детей делает ее еще более надежным орудием, не говоря о том, что ребенок, в жилах которого сплетется кровь Арроев и Кэрна, сам по себе находка для того, кто бросает вызов высшим силам. Шарль ничего не знает о ее замыслах, да и как он мог узнать, если его кровь пока никто не тронул?! Любопытно, что обо всем этом думает Мария? Хотя что она может думать, она просто привезла вызванную из дома девушку в условленное место и ушла.

– Ее Иносенсия примет систра Бекко?

– Разумеется. Проси.

Воистину хорошие новости ходят рука об руку с плохими. Она и раньше знала, что Орест владеет магией, но, судя по всему, источник, из которого он черпает, не менее мощный, чем источник Оленя. И при этом проклятый антонианец не связан по рукам и ногам. Или связан? О магии Скорбящих не известно почти ничего, хотя ее страшатся все. Воистину нет худа без добра, опасаясь Шарля, она не выдала себя Оресту.

– Бекко, прошу вас, постарайтесь раскрыть замыслы антонианцев.

– Слушаю Ее Иносенсию, но их следующий шаг очевиден. Лиловые¹¹⁹ поставили на Ифрану, значит, цель Ореста – Оргонда, вернее, Марта Арцийская и маршал Мальвани. Они мешают Ифране сговориться с Марком, значит, их попробуют убрать.

– Мы не будем вмешиваться, только смотреть. Но знать я должна все.

2887 год от В.И.

9-й день месяца Сирены.

Святой город Кантиска

Клирики должны быть невозмутимы и спокойны, но по тому, как члены конклава на мгновение опускали глаза или, наоборот, подчеркнуто проникновенно здоровались, Жорж Мальвани понял: золото Жозефа и связи Клавдия свое дело сделали. Конклав изберет кардиналом Арции не того, кого желал покойный Евгений, бывший чужаком среди церковников, а того, кто им ближе, понятнее и к тому же озаботился заплатить. Или заплатили за него. Хотя переступить через то, что и их желания могут быть не исполнены святым отцом, нелегко, по крайней мере некоторым.

Мальвани бросил взгляд на своего соперника, как никогда напоминавшего свинью. Лицо альтеруса то краснело, то бледнело, лоб и нос блестели от пота. Видно было, что, несмотря на предпринятые меры, в победе до конца он не уверен. Да и как может быть уверена в чем-то продажная шкура, судящая обо всех по себе? Сам Клавдий вполне мог взять деньги у обеих сторон, а голос отдать кому-то одному. Забавно, Жорж Мальвани не сомневается в своем проигрыше, а Клавдий не уверен в выигрыше. Кардиналы и Предстоятели, хоть и решились поддержать ставленника Жозефа, чувствуют себя не в своей тарелке... Веселое зрелище явила б сегодня Церковь Единая и Единственная Антиподу и его смрадным прислужникам, если б они и вправду существовали.

Тяжелые, украшенные Посохом и Плющом¹²⁰ двери распахнулись, возвещая скорое появление Архипастыря. Иаков был на редкость величественен, но на этом его достоинства и кончались. Жорж поймал себя на том, что смотрит на собравшихся глазами Обена Трюэля. Занятно, что бы сделал восьмидесятидвухлетний интриган, окажись на его, Жоржа, месте? Победить Клавдия нельзя, но... Глаза епископа Доадского весело блеснули. Он понял, что сейчас скажет.

Иаков торжественно водрузил свое внушительное тело в кресло Архипастыря и густым, проникновенным голосом сообщил возлюбленным братьям и сестре о цели встречи. Затем, согласно обычаю, говорил претендент на кардинальскую мантию. Случаи, когда на оную было более одного претендента, можно было перечесть по пальцам. Воля Евгения была выражена предельно ясно, но арцийская бланкиссима Шарлотта и Предстоятель антонианцев Орест назвали другое имя. Жорж не сомневался, что Иаков постарается сделать хорошую мину при плохой игре и первым получит слово избранник покойного. Так и оказалось.

– Возлюбленный брат наш Георгий, – глаза Архипастыря изливали прямо-таки неземную любовь к стоящему перед ним ближнему, – мы знаем, что вы были одним из ближайших сподвижников почившего кардинала арцийского. – «Одним из», – Жорж едва удержался от того, чтобы расхохотаться. Да, «одним из», если иметь в виду Обена Трюэля или Сандера Эстре. Если же говорить о клириках высокого ранга, каковые имелись в виду, то Евгений ладил только с ним, а альтеруса иначе, как навязавшейся на его голову свиньищей, не называл. Не прошло и месяца после смерти Его Высокопреосвященства, как Клавдий

¹¹⁹ Клирики Арции носят зеленое, кроме циалианок, чьи облачения белого цвета, и антонианцев, предпочитающих лиловое.

¹²⁰ Посох, обвитый Плющом, – символ Церкви, символизирующий опору, которая необходима всем – и людям, и растениям.

превратился в ближайшего соратника, а Жорж Мальвани в «одного из». Ну что ж, брат Анри говорит, что, если не можешь разбить противника, отходи, спасая армию для нового боя.

Дождавшись конца проникновенной речи Архипастыря, Жорж Мальвани, он же Георгий, епископ Доадский, обзрев собратьев с той же неземной любовью, что и Его Святейшество, произнес с невыразимой нежностью в голосе:

– Возлюбленные братья! Я не перестаю оплакивать Его Высокопреосвященство. Его уход – невосполнимая утрата как для Церкви нашей Единой и Единственной, так и для обожавшей своего пастыря Арции. – «Вот вам. Ешьте! То бишь вздыхайте и опускайте очи долу, скорбя об умершем». – Увы. Евгения заменить трудно. Слишком велик груз, который падет на плечи его преемника, и я не чувствую в себе силы удержать его. – Собравшиеся в Зале Плюща клирики не поверили своим ушам, но Жорж продолжал как ни в чем ни бывало: – Я был избран Его Высокопреосвященством, когда Арцию раздирала междоусобная война, а я, недостойный, более, чем другие братья, приспособлен к воинскому служению. Но сейчас на королевство снизошел мир. Власть короля Филиппа крепка, его наследники здоровы, и Арция не испытывает потребности в пастыре-воине. Лишь на Севере, на границе Фронтеры, Арции, Эскоты и Гвар-Набота, льется кровь.

Герцог Ра-Гвар, отложившийся от Эскоты, но признавший главенство Арцийского королевства, в дурных отношениях с Его Высокопреосвященством Неонилом. Его земли далеки от Данлеи, весьма обширны и отделены от Эскоты владениями графа Лидды, подверженного старинным суевериям, чтобы не сказать таянской ереси. Я прошу конклав освободить меня от непосильной тяжести и дать мне право служить Церкви Единой и Единственной там, где мои способности пойдут на пользу Творцу нашему.

Я смогу договориться с местными владельцами и дать отпор таянской ереси. Если потребуется – с мечом в руках. Но не мне быть миротворцем и блюстителем благонравия и веры в Арцийском королевстве.

Только произнеся последнее слово, Жорж рискнул поднять глаза и увидел то, что и надеялся. Клавдий был откровенно и пошло счастлив, да и прочие клирики не скрывали своего облегчения. Как же, святым отцам не нужно ни идти против традиций, ни возвращать свои взятки, а далекий Гвар-Набот и Лидда, лежащая на задворках Благодатных земель, их мало волнуют.

Эскотский кардинал, трусоватый и ленивый, явно рад навсегда избавиться от Лося и особенно от Лидды, а Архипастырь явно набирает в грудь воздуха, чтоб произнести длинную и умную проповедь на тему скромности и здравомыслия, украшающих и рабов Божиих, и служителей. Мальвани не сомневался: в данное мгновение его и вправду здесь любят все или почти все. А подвох... О нем догадываются разве что Орест и циалианка, но против конклава они не пойдут, а конклав решение принял.

Да, этой парочке его речь, похоже, не по вкусу, особенно Анастасии, но Иаков уже начал свое поучение, после которого может быть лишь один исход...

Вечером на плечи Жоржа Мальвани легла зеленая мантия кардинала Гвар-Наботского и Лиддского. Он сохранил свою «армию» от неизбежного поражения. Формально все кардиналы равны, хотя тон в конклаве задают арциец, ифранец и антонианец. Но это неважно. Клавдий – трус и ничтожество, он никогда не полезет на Север, будет крутиться в столице, норовя перелизгать как можно больше могущественных задниц. И пусть его, а дорога Георгия на Север. Кардинал Гварский станет хорошим помощником не только Лосю и Лидде, но и протектору Севера.

Нэо Рамиэрль

Если скала Ангеса напоминала лежащего волка, то эта походила на волка сидящего, задравшего морду к невидимой луне. Это казалось добрым предзнаменованием, однако вряд ли каменика будет столь любезна, что откроет проход в иные миры, тем более в те, которые нужны. Роман обвел глазами своих спутников. Прелестное зрелище. Трое эльфов, двое из которых одержимы идеей вселенской справедливости, местный бунтарь, готовый вырезать

всех Перворожденных просто потому, что они Перворожденные, и нелепое огненное создание. Воистину, Рамиэрль из Дома Розы, ты умеешь выбирать попутчиков, с ними ты точно горы своротишь! Можно, к примеру, поднять восстание против Солнечных, эти напыщенные идиоты заслуживают, чтоб их как следует тряханули. Можно махнуть на них рукой и увести не желающих жить по светлым законам куда подальше за горы и пустыни. А что? Потаскать смертных лет эдак сто среди камней, чтобы они забыли всяческие светозарные глупости, и стать их царем, очень мило может получиться... Даже имя есть: Роман Вечный, гоблины придумали. Жаль, их тут нет, можно было бы собрать армию Тьмы и повоевать со свихнувшимися на Свете родственничками. Звездный Лебедь, но что же делать?! Для начала, видимо, подлечить человека и понять, что же такое он освободил и чего оно за ними тащится. Роман обреченно взглянул на свой отряд.

— Альмик, иди сюда.

Человек мрачно взглянул на него из-под набрякшей кровью повязки. Да, его точно нужно лечить, а то того и гляди свалится где-нибудь. Знает он таких, гордость раньше их родилась.

— Подойди, кому говорят.

Человек встал в позу.

— Я, эльф...

— Именно, что эльф, — перебил его Роман, — а вот ты — осел, уж не знаю, водятся они в ваших краях или нет. Может, тебе и нравится ходить с раной на башке, но здесь нет нежных дев, которые будут тебя перевязывать и смотреть влюбленными глазами. Придется тебе иметь дело со мной. Не так уж и страшно после того, как мы тебя вытащили из этой заварухи.

— Я не боюсь...

— ...каких-то там эльфов? Ну и докажи это на деле. Я знаю заклятье, от которого ты и рукой шевельнуть не сможешь, так что давай без глупостей!

Альмик молча подошел. Зря он его заставил это делать, бедняга едва на ногах держится, но упрямцев следует учить. Для их же пользы. Роман усадил Альмика на нагретый солнцем валун, возле которого белела россыпь ромашек, и положил руки ему на плечи, снимая усталость и боль. В этом мире, прямо-таки переполненном силой Света, Роман мог исцелить десяток эльфов, но с последователем Таира решил не спешить. Пусть походит с раной, полезно, может, поосторожнее будет. Эльф лишь снял наспех наложенную повязку, остановил кровотечение и залепил рану большим мягким листком какой-то травы, словно бы созданной для этой цели.

— Вот и все, а ты боялся.

— Я никого и ничего не боюсь.

— Точно осел, — махнул рукой Рамиэрль, — бояться надо, иначе всю жизнь будешь башку разбивать. А у вас в отличие от нас, ЭЛЬФОВ, жизнь короткая, жалко тратить на болячки. Другое дело, что нельзя страху поддаваться...

Альмик с подозрением на него взглянул и вдруг рассмеялся так весело и добродушно, что эльф невольно засмеялся в ответ.

— Прости. Я и вправду вел себя, как три осла. Они у нас, кстати, водятся, только дальше на юг. Ты пойми: когда я вижу безбородые рожи, я зверею...

— И после этого Жан-Флорентин еще утверждает, что мир спасет красота, — прыснул Роман. — Не понимаешь? Хотя откуда... Философских жаб, судя по всему, тут не водится.

— Каких жаб?

— Философских. Словами не объяснить, такое видеть надо.

— Вы не эльфы, — сделал открытие Альмик, — вы просто не можете быть эльфами. Но кто вы?

— Мы? Именно, что эльфы, только не из Долины, а из другого мира. Вообще-то нам надо туда вернуться, но пока не получается.

— Из другого мира?

– Альмик, друг мой, это слишком долгая история, но, уверяю тебя, нам совсем не хочется оставаться в вашем благостном болоте. У нас дома дела, и весьма важные.

Альмик снова рассмеялся, затем задумался и внезапно поднялся на ноги.

– Я не знаю, откуда вы и зачем пришли, но вот вам моя рука. Спасибо за жизнь, но я не был бы рад спасению из рук...

– Эльфов, – подсказал Рамиэрль, принимая рукопожатие, – кстати, я вырос среди людей, и у меня есть человеческое имя. Роман Ясный.

– Оно тебе идет.

– Вот и зови меня так. Все это хорошо, но хотел бы я знать, что мы будем делать дальше... Аддар, как думаешь, что сделает твой отец?

Полуденная Песнь помолчал, потом зеленые глаза затуманились, но, когда он заговорил, голос юноши не дрожал:

– Отец соберет глав Домов, отречется от меня и поклянется свергнуть в Бездну, если я посмею переступить границу Долины. Я теперь изгнанник, вы – тоже. Мы обречены жить среди людей и как люди.

– Да ну? – поднял бровь Роман. – И это все?

– А что может быть еще? Хотя, выбирая между позором изгнания и смертью, эльфы рано или поздно выбирают смерть.

– Ну и глупо. Смерть – единственное в этой жизни, чего нельзя исправить.

– Значит, – Норгэрель явно ждал выволочки за свои подвиги, – мы идем к людям?

– У нас нет другого выхода, – кивнул Аддар, – но нужно изменить внешность. Это единственная магия, разрешенная изгнанникам.

– Зачем? – не понял Норгэрель.

– Чтобы смертные не знали, что мы эльфы. Изгнанник не должен быть узнан, он не может ничем обозначить свое присутствие, иначе его разыщут по следам совершенной волшбы и низвергнут в Бездну. Эльфы-изгнанники не должны будить у людей темные желания, как это делают адепты Тьмы.

– Звездный Лебедь! Да какие у них темные помыслы, если они таращатся на вас, то есть на нас, как на чудо. Таких, как Альмик, по всей Луциане и сотни не наберется. Нет, воистину гоблины без эльфов дичают, но эльфы без гоблинов тупеют.

– Кстати о Тьме. Как вам вот ЭТО? – Роман указал на жалкий темный сгусток, притулившийся среди валунов. – И что мы с ним будем делать?

– Часть великого Огня Тьмы, побежденного и плененного великим Арцеем, – задумчиво проговорил Аддар, ни к кому не обращаясь.

– Очень маленькая часть, как оказалось, – покачал головой Роман, – и несчастная, как мне кажется. Вот уж не думал, что великий Арцей ворует щенков... И чего оно за нами тащится?

– Может, потому и тащится, что щенок, – предположил Альмик, глядя с некоторой опаской на черно-сине-красный комок, – ну, ты его освободил, вот оно и привязалось...

– Вроде он смиренно сидит и ничего не жжет, – Норгэрель пожал плечами, – мы же не можем запретить ему идти с нами.

– Тем паче мы сами не знаем, куда идем, – заметил Рамиэрль, – ну, дорогие изгнанники, что делать будем?

– Изгнанники?! – рявкнул Альмик. – Вас не изгнали, вы вырвались с боем, и будь я проклят, если от эль... от наших врагов не летели перья! Зачем скрываться?! Мы расскажем правду, пусть люди видят, что и на... на короля Долины Света есть управа и не все эльфы с ним заодно.

– А оно это надо твоим людям? – устало возразил Рамиэрль. – Им вроде и так неплохо, и уж точно спасибо они тебе за гражданскую войну не скажут. Ты не видел, что это такое, твое счастье, а я видел... И еще увижу, если выберусь отсюда!

Но решать что-то было нужно. Что же делать? Может, и вправду пойти к смертным? Но что им делать среди этих людей? Поднимать восстание, играть в мудрецов, жениться? Это

было бы вовсе весело... И что в таком случае делать с исчадием Тьмы? Попробовать вернуться в Светозарное, оставить огненную нечисть в вулкане, видимо, там ей самое место, а дальше? Искать дороги в другие светлые обитатели, к другим родственничкам, тролль бы их побрал? А эти-то чего на него уставились? Ждут, чтобы он решил?

– Для начала отдохнем, а там видно будет. – Эльф оглянулся. – Место неплохое, вода есть, огонь сейчас разведем. Альмик, тебе лучше двигаться поменьше, а я пойду добуду что-нибудь к ужину.

На самом деле Роману хотелось только одного: хотя бы ору не видеть вопрошающих глаз. Кто он им, в конце концов? Король, учитель, бог?! Он привык идти по жизни в одиночку, свита ему не нужна. Рамиэрль подхватил лук и стрелы, захваченные Аддаром, и исчез между деревьями.

2888 год от В.И.

6-й день месяца Волка.

Арция, Мунт

Это было первое в его жизни письмо от матери, если, разумеется, не считать положенных по этикету холодных напутствий и благословений. Жаклин долго ждала свекровь, но та ограничилась кратким письмом и подарком, возможно, не захотела встречаться с примчавшейся в Эстре вдовой Рауля. Та провела с дочерью и зятем три месяца, но дольше остаться не захотела, несмотря на все уговоры. Гордость ре Фло взяла свое. Вдова Короля Королей должна жить в собственном доме, а не у зятя. Александр все понимал и ни на чем не настаивал. Отношения с уцелевшими Фло у него складывались на удивление хорошо, куда лучше, чем с собственной семьей.

Сандер еще раз покрутил в руках запечатанное письмо, читать которое ужасно не хотелось. Герцога Эстре никто не мог заподозрить в трусости и неумении смотреть в глаза неприятностям, но на сей раз он совершенно бессовестно тянул – переключившись с места на место всякие мелочи, лежащие на письменном столе, подходил к окну, даже поправил сбившуюся портьеру из серебристого бархата, повешенную по приказу Жаклин в ночь перед его двадцать шестым днем рождения. Утром он обнаружил роскошные занавеси вместе с невесть откуда появившимися белыми нарциссами.

Александр так и не узнал, кто девятый год подряд приносит ему королевские цветы, где бы он ни находился, но был за это благодарен. Каждый раз в канун дня рождения герцог убеждал себя, что на этот раз его таинственный друг не объявится, в глубине души понимая, как будет разочарован, если так и случится. И всякий раз находил осыпанные росой белые нарциссы, которые не умирали невероятно долго... А вот от матери подарков он не получал никогда. Сандер решительно сорвал печать и развернул письмо. Вдовствующая герцогиня писала:

«Возлюбленный сын Александр. Дело, не терпящее отлагательства, требует вашего присутствия в Мунте, где нахожусь и я. Я не считаю возможным доверять подробности бумаге и жду вас в доме маршала Мальвани. Если вы и вправду являетесь почтительным сыном и любящим братом, как стремитесь показать, вы явитесь в особняк Мальвани сразу же по приезде в Мунт, никуда не заезжая.

Шлю свои благословения моей невестке Жаклин».

О Шарло и Катрин мать не упомянула. Внуками она их не признавала...

Сандер слишком сильно наступил на раненную в недавней стычке с фронтерцами ногу, тело пронзила резкая боль, и он, стиснув зубы, присел на край подоконника.

Ехать в Мунт? Теперь? Конечно, сейчас зима, а Тодор вряд ли отважится на крупную пакость раньше месяца Агнца, если вообще отважится, но береженого и судьба бережет. Зачем его вызывает мать? «...почтительный сын и любящий брат...» Что-то с Филиппом? Но тот сам бы за ним послал, а если бы не смог, то Гастон бы поставил Эстре в известие раньше, чем Эльту. Канцлер, каким бы разгильдяем он ни был, Филиппу предан. Но ехать придется...

Сандер распахнул окно, впуская холодный предзимний воздух. Внизу, на засыпанных

последними листьями плитах двора, дурачились несколько нобилей, среди которых Александр заметил Рито. Легкий, стремительный мириец рядом с огромными эскотцами казался пантерой среди медведей. Те больше, но еще вопрос, кто опаснее.

– Рафаэль!

Кэрна поднял голову, улыбнулся и махнул рукой.

– Поднимись ко мне.

«Не считаю возможным доверять подробности бумаге...» Мать вряд ли одобрит его решение показать ее послание Рито, но таскать в себе свалившуюся на него загадку он не станет.

Рафаэль уже стоял на пороге. На высоких скулах горел румянец, глаза блестели, как всегда, когда ему удавалось пустить в ход сноровку байланте. Александр молча протянул письмо другу. Тот мгновенно пробежал четкие строки и осторожно положил бумагу на стол.

– Значит, мы едем в Мунт? Вот незадача, я совсем было на мельницу собрался.

– На которую? – невольно улыбнулся Александр.

– Неважно, – засмеялся мириец, – их тут много!

– Теперь я понимаю, почему ты не возвращаешься в Кер-Эрасти. Отец тебя наверняка женит, и прости-прощай прыжки в кусты...

– Почему это прости-прощай?! – возмутился Рафаэль. – Одно другого не исключает. – И, неожиданно став серьезным, добавил: – Я останусь с тобой, пока я тебе нужен.

– Боюсь, тогда ты умрешь в Эстре...

– Ну, значит, умру, – легко согласился маркиз Гаэтано. – Так мы едем? Когда?

– Вечером. Тодор притих, Лось с Игельбергом справятся и без нас.

– То есть без тебя, – уточнил Рафаэль, – дергать Тодора за усы – это пожалуйста. Но вот гадать, когда и куда он полезет и как его лучше хватать, уволь! И как это у тебя получается, ты что, по ночам карты раскладываешь?

– Угу. Залезаю под кровать и раскладываю... Проклятый! Но что же там случилось?!

– Что бы ни случилось, вряд ли догадаемся. Но, думаю, без Паука так или иначе не обошлось.

Нэо Рамиэрль

Он честно пытался уснуть, но это было непросто. Во-первых, завтра ему предстояло вновь пройти по радужной тропе, а это было еще то удовольствие. Во-вторых, у его ног устроилось порождение Тьмы, бегающее за эльфом, как цыпленок за наседкой. А в-третьих, Аддари и Альмик затеяли один из своих бесконечных споров ни о чем, когда собеседники и не думают друг друга слушать, раз за разом повторяя одни и те же доводы. Странное дело, Рамиэрль прекрасно засыпал в воинском лагере и переполненной таверне, но на этот раз бубнящие, раздраженные голоса бесили, и он невольно стал прислушиваться. Говорили полуциански. Весьма скромных познаний Альмика в эльфийском для полноценной свары не хватало.

– Вы бы до сих пор ходили на четвереньках, – Рамиэрль не видел, но Аддари, несомненно, иронично улыбнулся, – если б вас не съели гигантские хищные жабы и вставшие на дыбы ящерицы, которых истребили силы Света, давшие вам Огонь и Слово.

– Мы вас не просили об этом, – гудел Альмик.

– А как бы вы могли просить, если вы не умели говорить? Хотя ты, похоже, прав, дать вам речь было со стороны Светозарных опрометчиво. Вы оказались разговорчивыми.

– Тебе не нравится слышать правду, эльф?

– Так и тебе не нравится, человек.

– Звездный Лебедь, – Норгэрель явно был на пределе, – вы еще не устали? Аддари, ты зря выучил луцианский. Пока ты его не знал, все было так хорошо.

– Если б я его не выучил, вас бы убили из-за лжи, которую произнесли ЛЮДИ.

Рамиэрль понял, что уже не заснет, и встал.

– Люди, это так. Но по приказу Тэноллиана, который оказался эльфом. Альмик, ты не

смог бы сходить со мной к ручью?

Человек что-то буркнул, но поднялся. Огневушка вскочила с явным намерением увязаться следом.

– Она что, так и будет за нами бегать?

– Ну, наверное, – пожал плечами Норгэрель.

– Разве ты не можешь ее прогнать или убить? – спросил Альмик.

– Прогнать, похоже, не могу, да и куда она денется? Убить? Если я буду наращивать верхнюю защиту, рано или поздно она погаснет.

– Ну, так сделай это.

– Ты и вправду этого хочешь? – неожиданно резко спросил Нэо.

– Хочу? – Альмик выглядел удивленным. – Да пусть живет. Вреда от нее никакого, вот паладинов, тех и впрямь нужно передавить.

– Ладно, – махнул рукой Роман, – пошли отсюда.

Ночь выдалась чудесной, хоть и холодной, они шли и молчали, пока не послышалось пение родника. Рамиэрль устало опустился на камень.

– Альмик, нам нужно поговорить. Если ты хочешь остаться с нами, прекрати перебранку с Аддаром. В конце концов, он тебя спас.

– Меня спас Норгэрель, хотя я его об этом не просил.

– И Норгэрель. И я. И Аддари, и даже это создание. Я устал слушать о том, что ты не просил, чтобы тебя спасали, а люди не просили, чтобы им помогли стать людьми. Кто тебе мешает отправиться к Тэноллиану и дальше в Бездну? Кто мешает людям задуть очаги, перестать говорить и залезть на деревья? Полная свобода. Хочешь – живи, хочешь – нет. Хочешь – будь человеком, не хочешь – стань зверем. Но при чем тут эльфы, Тьма, Свет и даже эти твои дурацкие паладины?

2888 год от В.И.

27-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

В Мунт въехали на рассвете, но улицы были полны народа, и продвигаться пришлось медленнее, чем хотелось бы. Сандер, Рито, Луи с Ювером и эскорт в полсотни дарнийцев под командованием необычайно серьезного племянника господина Игельберга медленно пробивались сквозь поток торговцев, до полудня превращавших улицу Святого Мишеля в один большой рынок. Конечно, можно было бы проехать переулками, но Александр задумался и свернул на главную улицу, а возвращаться смысла не имело. Они и так выиграли четыре дня и могли потерять пол-оры, пробираясь через дружелюбную толпу.

Меньше всего Александр любил поднимать вокруг своей персоны шум, но приезд в столицу герцога Эстре не мог остаться незамеченным. Победителя полосатиков узнавали все: и стражники, и простые горожане, и крестьяне из окрестных сел, привезшие в город свой товар. Будь младший из Тагэре потщеславнее, он был бы рад и счастлив, но мысли Сандера занимала грядущая неприятность. В том, что вызов матери связан с бедой, он не сомневался. И все равно обижать людей не хотелось, и Эстре старательно отвечал на приветствия воинов и простолудинов, не скрывавших своей любви к горбатому герцогу.

Особняк Мальвани оставался таким же, как и в тот уже далекий летний день, когда он встретил Сезара и схлестнулся с четверкой «пуделей». Ему повезло: он сразу обрел и друга, и врагов. Сандер, дивясь сам себе, кивнул тигру на фронтоне, как старому приятелю. Воин, ехавший рядом с сигноносцем, ударил кольцом в ворота, которые тотчас распахнулись. Раньше, приезжая к Мальвани, Сандер чувствовал, что возвращается домой. Раньше здесь жил Сезар, а затем и Даро. Теперь его ждала встреча с матерью... Но сначала на крыльце показалась Миранда. Александр не очень ловко (мешала не до конца зажившая рана) спрыгнул с коня, и жена Анри порывисто прижала его к себе и поцеловала в лоб. Что же все-таки случилось?! Все еще красивые светлые глаза герцогини были тревожными.

– Сигнора...

– Все не так страшно, как ты думаешь, – шепнула она, – но все равно плохо. И, если хочешь знать мое мнение, ты вовсе не обязан вмешиваться, хотя, – Миранда вздохнула, – ты все равно вмешаешься.

– Но что случилось?

– Мать объяснит. А, ладно, скажу... Жоффруа заключен в Речной Замок по приказу короля. Он требует суда Генеральных Штатов, вернее, требовал, когда его схватили... Большого ни я, ни кто другой не знает. Даже Обен. Но Ларрэну грозит казнь.

Сандер сам не понял, что почувствовал, узнав о причине, по которой три кварталы гнал коней, оставив за спиной не доведенную до конца войну. В пути что только ему в голову не лезло, но он НИ РАЗУ не подумал о Жоффруа. Сказать, что герцог Эстре любил Ларрэна, было бы большим преувеличением. В последний раз их чуть ли не силком растащили Сезар и Рафаэль... А теперь Жоффруа грозит казнь. Что же такого натворил их непутевый братец, что переполнило чашу терпения Филиппа? Ведь какие только подлости и предательства ему не сходили с рук. Не замыслил же он, Проклятый его побери, цареубийство?

– Ну, задумался, – сжала ему руку Миранда, – ничего не видишь, ничего не слышишь. Ступай к матери, потом поговорим. Если захочешь...

2888 год от В.И.

27-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Герцогиня Тагэре молча смотрела на молодого рыцаря с усталыми серыми глазами. Ее младший сын, сын, которого она не просто не любила, но боялась. И ее последняя надежда. Но захочет ли Александр ради Жоффруа спорить и ссориться с Филиппом, которого обожает? Эстела, хоть и похоронила себя заживо в Тагэре, не ослепла и не оглохла. Она знала и о ссоре в Оргонде, и об истории с Жаклин. Жоффруа сделал все, от него зависящее, чтобы превратить младшего брата в смертельного врага.

Вдовствующая герцогиня протянула сыну руку для поцелуя.

– Благодарю вас, что вы откликнулись на мою просьбу. Вам известна причина?

– Герцогиня Мальвани сказала, что герцог Ларрэн в Речном Замке. В чем его обвиняют?

– Этого никто не знает. Меня к нему не допустили, а ваш брат-король сказал лишь, что речь идет о деле государственной важности и что поступки Жоффруа переполнили чашу его терпения.

– Матушка, неужели вы не догадываетесь, что случилось?

– Нет. И я прошу вас добиться у Его Величества ответа, а также, – губы Эстелы дрогнули, – а также испросить для вдовствующей герцогини Тагэре свидание с сыном. Я знаю, что вы с Жоффруа не были дружны, но Тагэре не должны проливать кровь друг друга. Я жду ответа. Вы пойдете к Его Величеству?

– Да, – наклонил голову Александр, – я не знаю, что сделал Жоффруа такого, что затмевает его прежние поступки. Если это ложится пятном на весь наш род, я должен это знать и разделить с Филиппом его ношу.

– Вы намерены способствовать казни брата?

– Я намерен узнать правду, какой бы она ни была. И я не хочу, чтобы снова лилась кровь, тем более без суда и на плахе. Я иду прямо сейчас.

– Вы уверены, что Его Величество даст ответ?

– Иногда отсутствие ответа его заменяет.

Александр поклонился и вышел, Эстела устало вздохнула и откинулась на спинку кресла. Теперь остается лишь ждать. Разговор оказался и легче, и труднее, чем она думала. Легче, потому что Александр не стал уходить от ответственности и вспоминать старое. Труднее, потому что она окончательно убедилась: они с сыном – чужие люди, связанные лишь этикетом и возникшим неприятным делом. Нет, Эстела Тагэре не закрывала глаза на недостатки своих старших детей, она знала, как жесток и вместе с тем малодушен может

быть Филипп. Марта была скрытной и гордой, Лаура взбалмошной и не всегда правдивой, а про Жоффруа не приходится и говорить, к тому же в последнее время он слишком много пил. Но при всем при том они были ее детьми, а Александр, про которого никто не мог сказать ни единого дурного слова, оставался чужим. По крайней мере, для нее. И это было взаимным. Миранда Мальвани или вдова Рауля герцогу Эстре ближе родной матери, и ничего с этим поделать Эстела то ли не могла, то ли не хотела. Она и обратилась-то к нему не как к сыну, а как к брату короля.

Святая Циала! До чего она дожила. Просит младшего сына вступиться за среднего перед старшим. Но другого выхода нет, она была у барона Обена, который все еще остается самым дошлым интриганом Арции. Старик сказал, что если Филиппа не остановит Александр, его не остановит никто...

Что ж, она сделала все, что могла, и только сейчас поняла, как устала. С той самой ночи, как ей приснился оказавшийся пророческим сон, она не жила. Эстела до сих пор не поняла, как могло случиться, что она, всю жизнь смеявшаяся над суеверной Марион, поверила тому, что на первый взгляд казалось сущим бредом.

Все началось холодной осенней ночью. Она поднялась к себе рано, долго стояла у окна, глядя на залитые лунным светом убранные поля. Когда-то она смотрела на них вместе с Шарлем, потом он оставил ее на растерзание оскорбленной любви и бесконечным северным зимам. Она сама не понимала, почему, не любя Тагэре, упрямо живет здесь, хотя к услугам матери Его Величества любой замок в любой части Арции. И при этом ей отнюдь не требовалось любоваться на Эллу и ее мерзких родичей, она была бы сама себе хозяйка.

Могла она вернуться и в родной дом, благо Делия оттуда убралась по собственной воле, но Эстела оставалась рядом с могилами мужа и сына, хотя ходила к ним не так уж и часто. Ее пугала гнетущая тишина нижнего иглеция и холодная отстраненность гранитных надгробий. Она не чувствовала присутствия Эдмона и Шарло, да, пожалуй, и не хотела чувствовать. Ощущение своей правоты и непорочности давно исчезло, осталась лишь пустота. Даже дела Филиппа и те казались суетой, никому не нужной и жалкой. Если бы не страх и ненависть, которые Эстела испытывала к циалянкам, она бы ушла в обитель, но для Тагэре, урожденной ре Фло, принять постриг было столь же невозможно, как украсть или изменить супружескому долгу.

Годы долго щадили вдовствующую герцогиню, ее старые платья по-прежнему были ей впору, в густых темно-каштановых косах не было седины, кожа оставалась гладкой, а зубы белыми. Захоти она найти себе мужа, она бы сделала это без труда, и не только потому, что была матерью короля, но и потому, что славилась красотой и добродетелью. Но и этого ей не хотелось.

В ту ночь Эстела Тагэре смотрела в окно особенно долго, потом легла, оставив лишь одну свечу у изголовья постели. Где-то в углу скреблась мышь, раз в четверть оры отбивал замковый колокол, иногда потрескивали половицы. А затем раздался сильный и уверенный стук в дверь. Эстела, уже начавшая погружаться в добродетельный сон, не поверила своим ушам. Так, вернее, почти так стучал только один человек. Шарль Тагэре. Женщина была готова поверить, что ей все приснилось, но стук повторился. Больше сомнений не было, она встала, торопливо накинув отороченное куницей домашнее платье, зажгла еще три свечи и отперла дверь.

Человека, стоящего на пороге, она никогда не видела. Среднего роста, седой, с правильным бледным лицом, на котором выделялись огромные голубые глаза, он был одет в темное платье, а на плечах у него лежала цепь с ярко-зелеными камнями.

— Простите за ночной визит, сгнора, — незнакомец говорил, как говорят лишь повелители, — но я принес срочное и весьма неприятное известие.

— Кто вы, сударь?

— Я арциец, и этого достаточно. — И она поняла, что этого и впрямь достаточно.

— Я слушаю.

— Лучше будет, если вы сядете.

Она послушно села, не отрывая взгляда от удивительных голубых глаз.

– Сигнора, герцог Ларрэн взят под стражу по приказу короля и заключен в Речном Замке. Ему грозит смерть.

– Этого не может быть!

– Это так, сударыня. Вы должны ехать в Мунт и попытаться остановить вашего сына. Нельзя, чтобы Тагэре проливали кровь друг друга.

Потом странный гость поклонился и ушел, вернее, исчез, потому что никто из воинов и слуг не видел, как и откуда он появился. Он не мог оказаться среди ночи у спальни госпожи, но он оказался. Именно поэтому Эстела и решила, что она просто задремала в кресле у камина! И вместе с тем герцогиня была уверена, что все так и есть, и один ее сын задумал убить другого. Утром сигнора Тагэре выехала в Мунт и на полдороге столкнулась с гонцом. Письмо Марион лишь подтверждало то, что она уже знала. Жоффруа в Речном Замке, и к нему не допускают никого, кроме доверенных слуг короля, по утверждению которого, пленник не желает никого видеть.

Будь жив Евгений, он бы заставил Филиппа пропустить к герцогу Ларрэну священника, которому можно доверять. Но новый кардинал слишком дорожит благорасположением Их Величеств.

Эстела пыталась говорить с сыном, но Филипп был непреклонен, и тогда она вызвала Александра...

2888 год от В.И.

27-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Сначала Филипп обрадовался, но когда узнал причину появления младшего брата в Мунте, его лицо потемнело, и Сандер понял, что бури не избежать. После оргондской размолвки оба старались обходить острые углы, но сейчас это было невозможно.

– На твоём месте, – сдержанно заметил король, – я бы проведаль старика Обена (он, говорят, выдумал новую подливку), немного погрелся и вернулся в Эстре. Жаклин не стоит оставлять одну, тем более в её положении. Мать не должна была впутывать тебя в это дело...

– Я в него впутан с рождения, Филипп, я – сын Шарля Тагэре, так же как и ты, и Жоффруа. Я не могу оставаться в стороне.

– Не только можешь, но и должен. Жоффруа – мерзавец, кому это знать, как не тебе и Жаклин? Я долго терпел его выходки, куда дольше, чем ты. Но у всего есть предел.

– Что он натворил?

– Неважно. Да ты садись, твою ногу лучше побережь.

– Ничего с ней не сделается, а танцевать я так и так не собирался... Филипп, – Александр понимал, что отрезает себе пути к отступлению, но иначе не мог, – если ты не скажешь, в чем вина Жоффруа, это будет не правосудие, а убийство.

– Тебе мало того, что ты знаешь о своем братце?

– Мало. Филипп, послушай меня. Если бы ты казнил его после восстания ре Фло, я бы понял. Но ты его наградишь, хотя убийство Рауля и несчастного Лумэна иначе, чем подлостью, не назовешь. Хорошо, будем считать, что он действовал во благо Арции, хотя лично я считаю, что от такого блага на сигне пятна остаются. Про смерть Пьера молчу, хотелось бы верить, что тот и вправду упал и убит. Потом была Оргонда. Вот когда было предательство...

– Сандер! Ты опять?

– Опять и всегда. Мы тогда не Марка предали, а себя. И обделал это дельце сам знаешь кто. До сих пор в ифранском золоте купаются, а чем это нам все аукнулось, ты видишь. Спасибо Мальвани, что Ларрэн до сих пор Арцийский. Но после Оргонды ты Жоффруа и пальцем не тронул. Он всегда творил, что хотел. Разве ты разобрался в смерти Изо? Нет, ты закрыл на нее глаза, съев объяснение с якобы подкупленной служанкой, которая ничего не могла сказать, так как Жоффруа ее предусмотрительно повесил. А что он сотворил с

Жаклин? Как первый рыцарь Арции, как старший в роду, ты должен был его наказать. Кодекс Розы еще никто не отменил! Но ты и тут палец о палец не ударил...

– Да, из тебя хороший защитник, – скривился Филипп, – тебя послушать, я должен был запереть мерзавца в Речном Замке десять лет назад.

– Именно. Но ты этого не сделал, а теперь спрашивать за старые грехи поздно, а новых я не вижу. Его попытка жениться на элльской вдовушке просто смешна, равно как и передача в Кантиску на хранение нотации столетней давности, утратившей силу после рождения твоего наследника. Десять лет назад тебя бы поняли. Народ любит, когда вожди жертвуют родичами во имя правосудия и справедливости. Сейчас, если ты не предъявишь доказательств, подумают Проклятый знает что...

– Кто подумает?

– Да все! И я в том числе. Филипп, я ДОЛЖЕН знать, что случилось. Почему ты не позволяешь Жоффруа оправдаться перед Генеральными Штатами, раз он этого добивается?

– О, ты знаешь и это? Откуда?

– Тоже мне секрет. Об этом весь Мунт знает. И гадает, что же такого узнал Жоффруа, что его прячут даже от родной матери.

– У него был кардинал. Он готов засвидетельствовать, что Жоффруа не желает никого видеть.

– Евгению люди верили. Но не этому толстому борову, купающемуся в паучьих аурах! Позволь мне поговорить с Жоффруа.

– Нет, да и зачем это тебе, вы друг друга никогда не любили.

– Да, я не люблю Жоффруа, и очень не люблю, но нелюбовь не может являться поводом для убийства. Тем более для убийства брата...

– Ты забываешься!

– Нет, Филипп. Напротив. Я помню, кто я, кто все мы. А вот ты, Филипп? Ты помнишь, что ты – брат Жоффруа, что ты – Тагэре, что ты – король, наконец?! Мне кажется, ты это позабыл. Так тыпустишь меня в Речной Замок?

– Нет, Сандер.

– Значит, Жоффруа и вправду узнал что-то непростительное. О ком? Его собственные предательства и преступления ты бы скрывать не стал.

Ответить Филипп не успел, дверь распахнулась, и на пороге, застенчиво и вместе с тем лукаво улыбаясь, застыл мальчик лет семи. Нахмуренные брови короля разошлись, и Филипп ласково улыбнулся сыну.

– Чего ты хотел, Филло?

– Я, – на белой коже мальчика проступил румянец, – я хотел видеть дядю Александра.

– Ну, ты его видишь, что ты хочешь еще?

– Можно, я с ним поговорю?

– Конечно, можно, – засмеялся Сандер, подходя к племяннику и протягивая ему руку, – здравствуй, Филипп. Я очень рад тебя видеть. Ты стал совсем большим.

– Я тоже очень рад, – мальчик серьезно пожал протянутую руку, – ты мне расскажешь про победу?

– Про какую? – поддразнил сына Его Величество. – Если дядя Сандер начнет рассказывать про все свои победы, ему придется говорить до утра.

– Про ту, когда прошли там, где нельзя было пройти...

– Хорошо, – Александр не смог удержать улыбки, – я обязательно расскажу, это было не так уж и трудно. Вот твой отец и вправду видел то, что по праву называется подвигом. Это было у деревни Беток, я тогда был всего на два года старше тебя.

– Расскажешь?

– Обязательно, но немного погодя.

– Выйди, Филло, – велел король сразу поскучевшим голосом.

– Но вы скоро?

– Скоро...

Мальчик выбежал, на прощанье обернувшись и наградив Александра восхищенным взглядом.

– А как твои? – осведомился король. – Ты их оставил в Эстре?

– Разумеется, я не знал, почему и зачем я еду.

– Жаклин здорова? Когда ждете прибавления?

– В середине Копьеносца.

– Тогда тебе тем более нужно домой. Не думай, что я тебя гоню, но... Как назовете?

– Сына – Эдмон. Дочь – пока не знаю.

– Я тоже хотел назвать старшего Шарло, а младшего Эдмоном, но побоялся... Стал суеверным на старости лет. Маги говорят, имя как печать. Даже не само имя, оно что, набор звуков, и все. Все дело в судьбе того, в чью честь оно дается. Пусть уж будут Филипп и Александр.

– Не знаю, сколько в этом правды, – серые глаза Сандера на мгновение затуманились, – но судьбе и отца, и Эдмона можно позавидовать, а что до нас... Кто знает, как и когда мы кончим, да и мое имя... Не уверен, что мою дорогу стоит повторять.

– Отчего же, вице-маршалом в двадцать становятся нечасто. Но я думал не об этом. Я хотел, чтобы следующий король Арции мог во всем положиться на брата. Как я на тебя.

– Надеюсь, так и будет. Но... – Сандеру не хотелось продолжать этот разговор, но он не мог поступить иначе, – Филипп, нам никуда от этого не деться. Ты должен или доказать вину Жоффруа, или отпустить его...

– Я никому ничего не должен. Я – король... Тот же Жозеф или Усман не оглядываются на других, чем я хуже?

– Да, ты король. Именно поэтому ты должен всем. Ничего не могу сказать про Усмана, я не знаю атэвов, хотя у них есть очень правильная поговорка. Что пристало шакалу, недостойно льва. Но разве ты хотел бы походить на Паука? А если оглядываться, так на отца.

– Отец погиб и потерял все, что имел. Мы бы тоже погибли, если бы...

– Если бы не Рауль, Анри и другие друзья Шарля Тагэре. Нас все равно спасло его сердце...

– Я устал с тобой спорить. Но я не хочу, чтобы наши дети из-за наших прекраснотушных глупостей оказались в нашей шкуре двадцатилетней давности.

– Чем тебе может грозить Жоффруа? Он пьет, как три лошади, на него никто и аура не поставит! Ларрэн нас позорит, но он неопасен. Или все-таки опасен? Ты что-то скрываешь, а он это узнал?

– Да что мог узнать этот боров?! Но я не желаю идти у него на поводу! Собрать Генеральные Штаты из-за пьяного ничтожества!

– Нет, из-за брата короля, обвиненного королем в государственной измене. Ты даже имена сыновьям подбирал, чтоб защитить их от предательства, так подумай, какой пример им подаешь. Казнь без суда и следствия – это убийство! Что будет, если...

– Вы скоро? – Золотистая головка просунулась в приоткрывшуюся дверь. – Меня скоро спать заставят. А я хочу поговорить с дядей Александром.

– Дядя Сандер уже идет. – Король улыбался, но его глаза были жесткими и острыми, как алмаз. – В самом деле, Александр, не мучай ребенка, расскажи ему о своих фронтерских похождениях. Мы все уже обсудили. Жоффруа предстанет перед Генеральными Штатами послезавтра.

Эстель Оскора

На этот раз все произошло ночью. Роскошной весенней ночью, наполненной ароматами цветущей сирени и соловьиного клекота. Мы с Эрасти сидели у его любимого озера и молчали каждый о своем. Не знаю, о чем думал Проклятый, но я напрочь забыла и о нависшей над Арцией угрозе, и о том, что мы пленники давным-давно покинувшей этот мир богини. В эту ночь я просто жила, ни о чем не думая и не вспоминая. Жила бездумно и радостно, как цветущая сирень. Даже память о Рене перестала меня мучить, наполнив душу

вместо боли предощущением счастья. Я знала, что мы встретимся, пусть и не скоро; встретимся и будем вместе до конца времен. Бывают мгновения, когда сами мысли о смерти, грязи, страданиях становятся неуместными... Разумеется, тут это и случилось. Я почувствовала острую колющую боль в руке и, не сразу поняв, в чем дело, уставилась на полыхающее кольцо. Внутри обычно черного кристалла бушевала огненная буря. Вихри багрового пламени свивались в спирали, сжимались в точку и вновь распускались, как лепестки какого-то жуткого цветка, затем пламя исчезало в клубках дыма и вновь вырывалось на свободу.

Не знаю, как так получилось, но, глядя в камень размером в половину мизинца, я ощущала себя не то на костре, не то в жерле вулкана.

Очнулась я, потому что Эрасти прижимал меня к себе. Мы молчали, не в силах оторвать взгляда от кольца Предательства, потом Проклятый взял меня за руку, снял и не думавший гаснуть перстень и положил на плоский камень, с которого днем имел обыкновение кормить пестрых хохлатых уток, водившихся здесь в изобилии. В темноте кольцо Анхеля казалось глазом какого-то огненного чудовища, выползшего из бреда свихнувшегося сказочника.

– Вот и все, – тихо сказал Проклятый, – окончены сроки, сейчас все понесется, наше ожидание подошло к концу. Интересно, как нас встретит Арция...

– Вряд ли ей будет до нас. Но почему оно не гаснет?

Кольцо полыхало по-прежнему. Я не видела, что с ним было, когда Анхель предал Эрасти, или когда первый из Лумэнов поднял руку на племянника-короля, но позавчера камень погас так же быстро, как и вспыхнул. Если бы я не носила его на руке, а оставила бы где-нибудь, мы бы и не узнали, что к последнему греху сделан еще один шаг. Неужели кольцо Предательства останется таким? Наверное, я произнесла это вслух, потому что Эрасти тихо ответил:

– Думаю, пока оно горит, последний грех еще не совершен.

Я с трудом отвела взгляд от пламенеющего ока и уставилась в темную воду, на поверхности которой плясали и качались невиданные в Арции звезды. Последний грех, каким он будет? Чудовищным, способным потрясти воображение целых народов, или же незначительным проступком? Кто его совершит, когда, почему? И какими были два последних греха, которых непонятные нам высшие силы сочли достойными того, чтобы превратить их в вестников надвигающегося конца света. Почему из множества подлостей и предательств были избраны эти? А то, что сотворили Анхель Светлый и Жан Лумэн... Им нет прощения, но подобное случалось и раньше, и позже. Та же Циала... Содеянное ею не менее, если не более мерзко, да и во время Войны Оленя я встречалась со страшными вещами. Почему именно эти? Быть может, знай я все четыре, я бы и догадалась, сумела понять, каким будет тот, самый последний. Но я знала лишь о двух...

2888 год от В.И.

29-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

Герцог Эстре с ненавистью оправил на себе ни в чем не повинный алый плащ с белыми нарциссами. Как же он ненавидел яркие тряпки, приковывающие внимание к их владельцу. Александр еще ребенком научился не показывать, как ему тяжело переносить чужое любопытство, насмешку и даже сочувствие, но легче от этого не становилось. Насколько лучше он чувствовал себя верхом в привычных доспехах и черном кожаном плаще. На коне да еще с оружием в руках он почти не отличался от прочих рыцарей, но сегодняшняя процедура требовала, чтобы герцог Эстре был одет, как Волинг. Разумеется, Элеонора и ее семейка не преминут тонко подчеркнуть его уродство, хотя делают это Вилльо скорее по привычке, ибо, по собственному признанию королевы, у брата ее мужа вместо кожи вторые доспехи.

Если бы Ее Величество догадывалась, какую боль ему причиняют насмешки, она бы

утроила натиск, а так дело ограничится парой тончайших шуток и намеков и казарменными остротами Аганна и Ревы. Куда хуже выносить виноватый взгляд Даро. Совесть продолжает мучить сестру Рито, который так и не простил ей измены. Все старания Александра примирить брата и сестру кончались провалом.

Он-то ее не осуждал, девочка и так любила его дольше, чем это было возможно, и, похоже, искренне страдает, что причинила ему боль. Конечно, причинила, но ведь до этого были три года счастья, на которое он и не надеялся, а многие ли здоровые и красивые люди могут сказать про себя: да, я был счастлив целых три года? Он был, и благодарность не позволила ему возненавидеть чернокудрую мирийку. Святой Эрасти свидетель, он продолжал любить ее, к тому же у него остались Шарло и Катрин. Хвала Великим Братьям, сын удался в него, а дочь – в Марту, так что никто и никогда не узнает тайну графини Бэррот. Он сам слышал, как Элла, которая, что ни говори, была на двадцать лет старше Даро, но не так давно подарила мужу очередного младенца, лицемерно сетовала, что жена Артура могла бы и забеременеть.

Что ж, видимо, некоторые таланты прекрасного рыцаря уступали его внешности. Александр понимал, что лично его такие мысли не украшают, но несостоятельность мужа Даро грела ему душу куда сильнее, чем он хотел. Сандер Тагэре любил Артура, хоть и с долей иронии, но ему было бы легче, если бы Дариоло предпочла кого-то поумнее. Но красота для женщин, видимо, важнее всего, как бы они ни уверяли других и себя в обратном. Как бы то ни было, он не хотел представлять перед Даро в виде разряженной обезьяны, но выборные не поймут, если принц крови явится на заседание Генеральных Штатов в повседневной одежде, а значит, придется терпеть.

Младший из Тагэре отдавал себе отчет, что ему предстоит не только слушать, но и говорить, а значит, стоя рядом со стройными гвардейцами, подчинить три сотни человек. Этого не избежать, если он хочет спасти даже не Жоффруа, а Филиппа, готового сделать непоправимое.

Интересно, что же братец собирается поведать выборным, с таким упорством настаивая на публичном расследовании своего дела? Жоффруа так и не стал путным интриганом, как не стал воином, да и просто приличным человеком. К несчастью, Рауль задавил в зяте то небольшое стоящее, что в нем было. Нехорошо, конечно, так думать о старом друге и отце Жаклин, тем паче лежавшем в могиле, но Король Королей не должен был дразнить Ларрэна короной.

Натянув перчатки, Эстре подошел к окну. Он, как всегда, собрался раньше, чем нужно, у него в запасе добрых пол-оры, зная бы еще, на что их потратить. Грохот входной двери и стремительные шаги обрадовали Александра, Рафаэль был как раз тем человеком, которого он хотел бы видеть. Однако, взглянув на бледное, напряженное лицо мирийца, Александр понял: что-то случилось. Первая мысль была самой страшной.

– Что-то с Даро?

– Что? Да нет, – по лицу Кэрны мелькнула презрительная усмешка, – что с этой кошкой станется? Сандер, приезжали от Обена... Сегодня ночью умер Жоффруа.

Проклятый

Кольцо Анхеля так и не погасло, оно и не погаснет, пока не свершится тот самый последний грех, которым пугают клирики, сами в него не веря. Так бывает – выдумка, бред, ложь становятся истиной, к немалому удивлению тех, кто лгал, преследуя свои цели. Эрасти не сомневался, что отмеренный – кем? – срок истек, и на Тарру стремительно наваливается все зло, что копилось тысячелетиями. Рано или поздно это должно было случиться, уже в его время все висело на волоске, но волосок оказался крепким, его хватило надолго. Проклятый отвел глаза от бьющегося в черном камне огонька. Надо поговорить с Герикой, он и так слишком затянул, с учетом того, как ползет время в Саду и несется вскачь в Тарре, он может не успеть.

– Геро, – Эстель Оскора подняла бледное лицо, похоже, ее тоже приворожил перстень

предателя.

- Геро, давай поговорим, и серьезно.
- Давай, но о чем?
- Разве не о чем?
- Скорее наоборот, не знаешь, с чего начинать.
- Начнем с Добра и Зла?
- То есть? Тебе не кажется, что об этом можно говорить, только когда нечего делать?
- Кажется. Если иметь в виду философские максимы. Я о другом. О Тарре, о тех, кого мы там оставили, и о том, с чем им придется драться.
- С тварью из Серого моря?
- И да, и нет... Геро, что бы ты сказала о Тарре, которую ты знаешь?
- Не понимаю...
- Я сам до конца не понимаю. Давай думать вместе. Что ты можешь сказать про Тарру?
- В последний раз я пробыла там недолго.
- Но увидела, что нужно. До твоего появления... Не смотри на меня так. Да, я думал о Циа, но, даже приди я в себя, не узнав, что случилось во внешнем мире, я не смог бы понять главного. Вспомни, что изменилось за время твоего отсутствия?
- Арция распалась, Таяну предали анафеме, атэвы как жили, так и живут. Ордена усилились, особенно циалянки и антонианцы, у них появилась своя магия, похожая на ройгианскую, но про самих ройгианцев не слышать, про эльфов тоже. Что еще? – Геро задумчиво тронула косу. – Переверли все, что было, хотя это не новость, с тобой было точно то же, что со мной, Рене и Романом. Когда я уходила, Арция была на грани гражданской войны из-за того, что Лумэны не просто незаконно захватили трон, но оказались мерзавцами, причем мелкими...
- Вот ты и сказала главное.
- Главное?
- Да. Про мелких мерзавцев и вранье. Это самые страшные враги, которые только могут быть. Ройгу или Михай, они что... Против них найдутся и мечи, и те, кто эти мечи поднимут. Вы выиграли Войну Оленя, а через шестьсот лет выяснилось, что вы ее проиграли.
- Да, из-за этого, из Серого моря...
- Из-за него, но не только. Геро, если эту тварь сейчас уничтожить или изгнать, ничего не изменится. Может быть, все эти шестьсот лет, которые тебя не было, она была мертва. Залиэль – сильная волшебница, она могла своего добиться.
- Как? Что ты сказал! Не может быть!
- Может. Если убить поджигателя, подожженный им дом не потухнет. Тарра тлеет, и уже неважно, кто и зачем ее поджег.
- Неважно? Эрасти, я уже совсем ничего не понимаю.
- Это так просто, что даже страшно...

2888 год от В.И.

29-й день месяца Волка.

Арция. Мунт

– Ты мне не веришь? – король с мукой посмотрел на брата. – Этот дурак напился. Напился и утонул в бочке, которую ему притащили ослы-тюремщики. Я виноват только в одном. В том, что разрешил исполнить это дурацкое последнее желание. Кто же мог подумать, что он затеет купаться в атэвском. – Филипп почти кричал. – Мне и в голову такое не пришло бы. Ты мне не веришь?

– Почему не верю? – Голос Александра звучал бесцветно. – Захлебнуться в вине – что может быть проще.

Повисла тишина, такая плотная, что ее, казалось, можно было резать ножом. Король мерил шагами свой кабинет, обтянутый золотистым – под цвет волос королевы – хаонгским

шелком, герцог Эстре скорчился в кресле, наблюдая за метаниями брата. Наконец Филипп Четвертый развернулся:

– Чего ты хочешь от меня?

– Ничего не хочу, хотя, нет... Ответь, что собирался поведать Жоффруа выборным?

– Откуда мне знать?! – зарычал король. – Жоффруа был пьян, сам Проклятый не знает, что может вбить пьяница в свою дурацкую башку.

– Он не был пьян, – вздохнул Александр, – ему не давали вина, пока не назначали время и место суда и пока он не получил право на последнее желание.

– Значит, он просто захотел напиться и все затеял ради этой чертовой бочки! – Глаза короля налились кровью, а шея побагровела. – Сандер, что ты хочешь услышать? Говорю же тебе, этот ублюдок нажрался, как свинья, и утонул. Собаке собачья смерть!

– Что Лумэны считают нас собаками и ублюдками, я знаю, но что ты с ними согласен, слышу впервые.

– Ты что, поклялся вколотить меня в гроб?! Это ты будешь братоубийцей, если не прекратишь этот дурацкий разговор. Ты, а не я!

– Говори тише, Филипп, – поморщился герцог, – тебя слышат стражники, а может, и не только стражники.

– И давно ты стал бояться чужих ушей?

– Я? Я их и сейчас не боюсь, а вот ты произнес слово, которое может к тебе прилипнуть не хуже... репья к собачьему хвосту.

– Проклятый! Ты меня доведешь! Замолчи, во имя святого Эрасти! – Король бросился к столу и, схватив обеими руками тяжеленную вазу, опрокинул ее себе на голову. Пурпурные астры пятнами стареющей крови упали на мокрый ковер. Отряхнувшись, как огромный горный волкодав, король повернулся к брату.

– Ну, что молчишь?! Чего тебе от меня надо?

– Ничего, теперь уже ничего...

– Сандер, – в голосе короля послышались умоляющие нотки, – Сандер, не оставляй меня, я не могу потерять еще и тебя.

– Ты так и не скажешь, что узнал Жоффруа? Чего ты боялся?

– Я?! А чего мне бояться?! Не знаю я, что засело в его дурной башке, говорю же, не знаю! Ты меня слышишь?!

– Слышу, брат, – вздохнул Александр.

– И это все, что ты можешь мне сказать? – глаза короля стали несчастными. – Впрочем, молчи, если хочешь. Только не уезжай, ты ведь не уедешь?! Правда? Не оставишь меня... Куда ты?

– Я устал, монсигнор, сегодня был трудный день.

– Сандер... Я правда не могу тебе сказать... Если бы ты спросил вчера, а сейчас... Все равно уже поздно, ничего не изменишь. Ты нужен мне, Сандер! Я совсем один. Вилльо – волчья стая...

– Ты сам запустил ее в овчарню, – серые глаза Александра блеснули сталью, – сам и выгони.

– Не могу я! – простонал Филипп. – Тебе хорошо, верно Элла говорит, ты железный. У тебя нет сердца, ты всегда все сделаешь правильно, но ты никогда не поймешь, что с нами делают женщины!

– Ты прав, – губы герцога скривило нечто, изображающее улыбку, – но о женщинах сегодня вряд ли стоит говорить. Прощай!

– Но ты меня не бросишь?

– Не брошу, монсигнор, – подтвердил младший из Тагэре, – верность меня обязывает. Я всегда буду там, где это нужнее Арции и ее королю.

Герцог Эстре поклонился и вышел. Вызывая брата на разговор, он надеялся на лучшее, но боялся худшего. Что ж, подтвердились самые дурные из опасений. Филипп ни в чем не признался, но Александр был уверен, что Жоффруа убили, и убили по приказу короля. Но

что такого мог узнать несчастный пьяница, чтобы их красивый старший брат, самый умный, самый сильный, самый добрый, решился на такое?! А это было именно его решение. Александр ненавидел королеву, но не настолько, чтобы ослепнуть. Будь виновна Элла или кто-то из ее родичей, король вел бы себя иначе. Нет, невестка ни при чем, она, похоже, даже не догадывается, что случилось. Что же все-таки унес в могилу их непутевый братец? Кому грозит эта тайна? Самому Филиппу? Всем Тагэре или же Арции? Если последнее, то он, наверное, поступил бы так же. То есть пролил кровь брата ради страны, которой поклялся служить?

У монарха должна быть только лишь одна привилегия – первым умереть за свое отечество. Кто же это сказал? Его учитель точно оставил бы его без обеда.... Это сказал Анхель Светлый. При Иволге легендарного императора причислили к лику святых, словно люди могут решать, кому из рожденных женщиной подходит нимб, а кому – нет. Как-то Жорж Мальвани сказал, что Светлый предал Эрасти Церну, бывшего ему больше чем братом, а теперь Анхель Светлый свят. Надо же... В Рито течет какая-то частичка крови Эрасти, а он сам – родич Анхеля. Остается надеяться, что их дружба окажется крепче. От Кэрны Александр мог выдержать даже сострадание, но и ему он ничего не скажет о своем подозрении, нет, уверенности. Филипп – братоубийца, этот грех теперь нести всем Тагэре, и расплата за него, скорее всего, будет страшной.

Только бы Рито не спросил о том, о чем он сам спрашивал Филиппа. Лгать будет тяжело, и этой лжи не будет ни конца ни краю, она умрет только вместе с ним... Остается надеяться, что у брата не было другого выхода, что стоял выбор: или Жоффруа, или Арция.

И вдруг Александр Тагэре понял, что он бы не смог. Он, убивший первого врага в шестнадцать. Или, если бы другого выхода действительно не было, сделал бы все своими руками, а не отсиживался у любовницы в присутствии доброго десятка музыкантов и придворных, которые шутили и слушали изящные мадригалы, пока в Речном Замке убивали. Никто и никогда не скажет, что король приложил руку к убийству, но убийца все равно он, и только он...

– Сандер, – Рафаэль вынырнул неожиданно из сгустившейся темноты, оказывается, наступила ночь. А он и не заметил.

– Что ты тут делаешь?

– Мерзну, – вздохнул мириец, – выпьешь?

Александр хотел нагрубить и уйти, но почему-то вместо этого взял протянутую фляжку.

– Спасибо, действительно, холодно.

– А ты думал... Мы уезжаем или остаемся?

– Мы?

– А ты думал, – повторил Рафаэль, – я на всякий случай кое-что собрал. Тем паче прискакал гонец. С границы доносят, что Тодор зашевелился...

– Правда, доносят?

– Что я, врать буду, – пожал плечами Кэрна, – тринадцать дней назад напали на Гвару и Бут, Лось отбил, но говорят, это только начало.

– Что ж, – герцог вздохнул, – вот все и решилось. Едем.

– Я так и думал, – наклонил голову Рафаэль.

– Ты меня ни о чем не спрашиваешь?

– Зачем?

– Действительно, зачем... Так вот, все как ты думаешь и даже хуже... Дай мне еще твоего зелья, и по коням!

Александр был бледен, обведенные темными кругами глаза казались еще больше, чем обычно, но лицо младшего Тагэре было совершенно спокойным, и ступал он настолько твердо, насколько позволяла раненая нога. Рафаэль скрипнул зубами.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ

SIC ITUR AD ASTRAM¹²¹

*Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси.*

Б. Пастернак

2891 год от В.И.

29-й день месяца Копьеносца.

Арция. Мунт

Нет ничего старше Мунта и нет ничего моложе, потому что он вечен», – говорили арцийцы, и Рито Кэрна был готов с этим согласиться. Они не были в столице три года, а казалось, уехали вчера. Три северных года изменили ушедших, но шумный, небрежный город на берегу Льюферы остался прежним.

Мириец даже удивился, в какое возбуждение привел его шум толпы, запах жарящихся каштанов, улыбки хорошеньких горожанок, закутанных в подбитые мехом плащи. Их встречали воистину по-королевски. И то сказать, в последнее время дела в Арции шли далеко не блестяще, и победы герцога Эстре проливались бальзамом на израненные души купцов и ремесленников, привыкших к тому, что они живут в великой стране.

Его Величество выслал навстречу брату роскошный эскорт, которым командовал Артур Бэррот. При виде мужа сестры Рито, как всегда, пережил целую бурю чувств. Мирийцу нравился Артур, так и не узнавший, что увел женщину у человека, на которого молился. Рафаэль скосил глаза на Александра. Тот приветствовал Бэррота своей спокойной улыбкой. Этой кошке Даро удалось привязать к себе двоих мужчин, достойных лучшего...

Затрубили трубы, герольды принялись перечислять подвиги герцога Эстре. Юноши-пажи, разодетые в синее и серебряное, взяли под уздцы коней эстрийцев и торжественно повели по улице Святого Мишеля. Впереди шли совсем юные девушки, усыпавшие дорогу ветками можжевельника. Рафаэль не сомневался, что любая из них будет рада поцелую маркиза Гаэтано, но присутствие Артура и Александра мешало отдаться созерцанию хорошеньких мордашек. Как Даро могла променять Сандера на красивого дурака?! Если бы Александр возненавидел сестру, отомстил бы, проклял, Рито, возможно, со временем бы успокоился, но герцог продолжал любить предательницу, хоть и скрывал это, как мог. Ни одна женщина не стоит такой любви и такого сердца, но то, что виновницей беды стала его собственная сестра, доводило Кэрну до исступления. Если бы не Александр, мириец в первый же день убил бы Даро или Артура, а то и обоих. Но Сандер связал ему руки и был, как всегда, прав. Нельзя срывать злость на невиновном.

Артур Бэррот ехал рядом с Первым Герольдом в самом начале процессии, и через головы пажей и девушек с корзинками Рито видел подрезанный хвост коня виконта и его синий плащ с королевскими сигналами. Капитан королевской гвардии! Больше всего на свете виконт хочет вернуться в Эстре, но дружба Сандера, покровительство короля и имя тестя удерживают беднягу в столице, к вящей радости его честлюбивого папаши. Нет сомнения, на обещанном турнире и королевских приемах Артур будет с супругой. Проклятый! Сандеру придется целую кварту смотреть на Даро, если только у этой дряни не хватит благородства заболеть. И это не считая Эллы с ее «пуделями» и прочей придворной нечисти вроде безгубого Рогге-Стэнье и жирного кардинала.

Рито ослепительно улыбнулся, поймав на лету маленькую зимнюю гвоздику, и приколот ее к плащу рядом с эскотской фигурной застежкой. Байланте всегда улыбается. И всегда готов к бою.

2891 год от В.И.

¹²¹ Таков путь к звездам (лат.).

29-й день месяца Копьеносца.

Арция. Мунт

Брат все-таки приехал. Он оставался верен арцийской короне, и слава святому Эрасти, потому что, захоти Александр Эстре восстать, с ним не справился бы никто. Кто же знал, что маленький горбун, которого никто не принимал в расчет, вырастет в славу Арции и ее надежду. Благодаря Сандеру разоренный Север в считанные годы не только обрел покой, но перестал быть захолустьем, так как Гварский Лось и граф Лидда отныне смотрят не на Данлею, а на Мунт. Ра-Гвар – друг Александра Тагэре. Так же, как Рито Кэрна, семейка Мальвани, старик Обен и полкоролевства в придачу, да какие полкоролевства! Эстре обожает вся Арция, кроме тех, кто его ненавидит, вроде нового кардинала и... Эллы. Но они молчат, и правильно делают.

Король с едва заметной ухмылкой взглянул на Его Высокопреосвященство, на внушительном чреве которого переливался старый Знак на новой цепи из звездчатых богомольников. Клавдий удобен и полезен, но Филипп в глубине души тосковал по ершистому Евгению. Прошное не отпускало. Его можно было отогнать, притопить в вине или поцелуях Эжени, но оно возвращалось в самый неподходящий момент и смотрело глазами отца, Рауля, Тильды, Евгения, Жоффруа, Филиппа Лумэна...

За окном запели трубы, и радостно завопила толпа: пора! Его Величество тяжело поднялся и вышел на крыльцо, как раз вовремя, чтобы увидеть появившуюся из-за поворота процессию. Все было сделано для того, чтобы вселить в сердца жителей доброго города Мунта и атэвских послов уверенность в силе и величии Арции. Король знал, что брат не любит пышных церемоний. Ничего, потерпит, так нужно.

Северяне приближались. Уже можно было различить лица. Сандер, как всегда серьезный и спокойный, ехал рядом с Артуром на гнедом иноходце, которого Филипп у него еще не видел. Выбивавшиеся из-под бархатного берета темные волосы герцога были длиннее, чем повадились стричь придворные щеголи, по осени обнаружившие, что по крайней мере в одном ухе можно носить серьгу. Но во всем остальном Александр Тагэре выглядел вполне сообразно своему титулу, видимо, принял к сведению письмо Гастона, просившего протектора Севера пустить пыль в глаза атэвам и горожанам. С трудом сдерживая волнение, король наблюдал, как брат осадил гнедого, спешился и, слегка прихрамывая, стал подниматься по лестнице. Лицо его ничего не выражало, а король так надеялся увидеть в серых глазах прежнюю теплоту. Нет. Они были спокойны и холодны, как зимний день. Проклятый Жоффруа, он все-таки их рассорил!

Герцог Эстре преклонил колено перед Его Величеством и поцеловал протянутую руку. Филипп всей душой рвался обнять брата, но порыв угас, остановленный взглядом Александра, взглядом верного своему сюзерену вассала. Король подавил вздох и выразил радость по поводу приезда герцога и удовлетворенность его победами. Гастон Койла уже держал наготове орден Подковы¹²². Филипп взял сверкнувшую в лучах проглянувшего солнца золотую цепь и торжественно возложил на плечи младшего брата.

– Мы довольны вашей службой, Александр, и надеемся, что мир и процветание, которые вы принесли северным провинциям, будут нас радовать и впредь.

Проклятый! Какая корявая фраза. Ничего, король не обязан быть поэтом...

– Благодарю, государь. Я служил, служу и буду служить Арции и ее королю. Верность обязывает!

Последние слова герцога утонули в приветственных возгласах.

¹²² Орден Подковы – первый и высший из арцийских орденов. Знак – золотая, усыпанная бриллиантами подкова на золотой же цепи. Учрежден Анхелем Светлым. По преданию, легендарный император во время своего первого восстания дал на память оказавшему ему услугу купцу найденную на дороге подкову. Много лет спустя купец явился пред очи императора с висевшей на шее подковой. Анхелю это так понравилось, что он немедленно учредил орден.

2891 год от В.И.

29-й день месяца Копьеносца.

Арция. Мунт.

Столица хансиров оказалась не столь отвратна, как думалось Али, хотя многое в ней удивляло глупостью и несообразностью. Окна домов смотрели на улицы, а не во дворы, женщины не закрывали лиц, а мужчины, уподобляясь женщинам и евнухам, скоблили лица. За время, которое послы провели в Мунте, ни разу не раздался призыв на молитву, и никто – от приближенных дея до помощника чистильщика сапог – не пал ниц, восхваляя Всеотца за то, что он не создал недогадливых лишенными души женщинами. Немало подивил атэвского полководца и снег на улицах, про который он лишь читал у мудрейшего Саммаха, описывавшего то, что представляло его ученому взору, ибо сказано, что тем, кто путешествует ради познания, Баадук облегчает дорогу в рай.

Али, поправив складки синих с белым одежд¹²³, с достоинством приветствовал высокого плотного хансира с золотой цепью на шее. Сам Меч Атэва скорее дал бы себя убить, чем позволил надеть на себя знак раба¹²⁴, однако за морем придерживались иных обычаев.

– Да будет светел твой день и темна твоя ночь, Носитель Ключа. Ты пришел, и я говорю тебе, что мои глаза рады узреть любимого каддара дея Филиппа.

– Его Величество Филипп Четвертый шлет привет брату великого Усмана и ждет его в Летнем Дворце, на поле перед которым через два дня состоится малый турнир в честь брата Его Величества герцога Эстре.

– Сколь счастлив мой конь, что пройдет по следу коня повелителя Арции. Я и мои люди следуют за тобой.

Али не сомневался, что в глазах не познавших истинной мудрости, но чем-то ему симпатичных арцийцев он и его свита представляют не менее диковинное зрелище, чем представлял бы арцийский вельможа, окажись он в Эр-Иссаре. Будучи не фанатиком и не политиком, а воином, брат Усмана относился к различиям в обычаях философски. Куда больше его волновало, что арцийский повелитель оказался не таким, каким ему следовало быть. Али свято чтит договор Льва и Волка и верил словам мудреца Абуны о том, что настанет время великого зла, и первый прыжок оно сделает на Севере.

Истинной целью посла было вручить северному дею тайное послание Усмана. Увы, увидев Филиппа, Али мысленно проклял судьбу, склонившую владыку хансиров к мерзостному пороку пьянства. Вряд ли тот, кто ночью смотрит на дно кувшина, а днем на его горло, может увидеть дым раньше огня.

Величайший в мудрости своей сказал: когда лев болен, рядом собираются шакалы. Филиппа окружали шакалы и гиены, озабоченные лишь тем, чтобы набить свои зловонные пасти и перегрызть глотки друг другу. Лишь булат-сагар¹²⁵ имел тело и душу воина, и лишь Носящий Ключи служит дею, а не себе. Но мудрость и того, и другого не сильнее новорожденного жеребенка, слова калифа калифов будут для них слишком тяжелы.

Али склонялся к тому, чтобы после передачи даров и заверений в дружбе подписать торговое соглашение и вернуться в лучший из городов¹²⁶, вложив в сердце Усмана еще одну

¹²³ Атэвы полагают синий цвет – цвет небес – священным, и носить его могут лишь священнослужители (светло-синий) и в торжественных случаях калиф. Родичи и приближенные калифа могут надевать синее и белое, причем соотношение цветов указывает на степень близости с владыкой.

¹²⁴ Баадук объявил знаком рабства все, что хотя бы отдаленно напоминает ошейник.

¹²⁵ Булат-сагар (атэв.) – начальник дворцовой стражи.

¹²⁶ Имеется в виду Эр-Иссар.

тревогу, ибо кровь дея Арраджа истощилась, как истощается почва в руках нерадивого крестьянина. Если бы он мог вернуть повелителю не только письмо, но и Садана! Полководец с горечью оглянулся на великолепного белого жеребца с черной гривой и черным хвостом, бегущего между двумя всадниками. Сын молнии вряд ли узнает всадника, дей Филипх не похож на того, кто покорит коня коней.

Летний Дворец арцийского повелителя был красив, хотя, на взгляд атэвского полководца, в нем могло быть побольше лоджий, да и резьба по камню была груба и проста. Дей Филипх, его дейи¹²⁷ и наследники в окружении каддаров, родичей и родичей родичей вышли на террасу, едва только жеребец Али ступил на расчищенную от снега площадку перед дворцом. Брат Усмана запоминал лица раз и навсегда и сразу же приметил стоявшего рядом с владыкой арцийцев незнакомого темноволосого человека. На прошлом приеме его не было.

Незнакомец был в таком же богатом платье и плотном плаще, как и прочие, и все же отличался от них, как отличается волк от собак. Приглядевшись, Али увидел, что темноволосый горбат, хоть и не столь сильно, как старый Джамал, учивший сыновей калифа Амира держать саблю. Так вот он каков, северный волк, младший брат дея, про которого говорят много и хорошо.

Али приложил руки к вискам, уголкам губ и сердцу, приветствуя повелителя хансиров.

– Да будут мои глаза цветами, по которым ступают ноги благородного Филипха и его сыновей. Прежде чем мои сапоги коснутся ковров твоего освященного небом жилища, разреши мне передать тебе дар Повелителя Повелителей. Этот конь был украшением Эр-Иссара, но калиф, да продлятся его дни до бесконечности, посылает благородного Садана тебе в знак своей дружбы и верности клятве Льва и Волка.

По знаку Али вперед вышел великий конюх калифа Гатар-ар-Хутта. Меч Атэва знал, каково почтеннейшему расставаться со своей гордостью и надеждой. Садан был для Гатара дороже всех его многочисленных внуков, но калиф велел отдать величайшее из сокровищ в чужие руки. Повелитель Повелителей всегда прав, но сколь горек удел зрителя конюшен, вручившего узду ветроногого Садана недостойному. Однако на темном лице старика не дрогнул ни один мускул. Гатар-ар-Хутта простерся ниц перед повелителем хансиров и поведал ему родословную коня коней от жеребца самого Майхуба. Затем двое сильных воинов подвели сына молнии к самым ступеням, дабы дей Филипх мог рассмотреть дар калифа.

Садан недобро косил глазом, черные ноздри возбужденно раздувались, впитывая непривычные и неприятные запахи. Вряд ли кто-то из хансиров рискнет хотя бы подойти к нему. Али с непроницаемым лицом смотрел в глаза арцийскому владыке. Тот, несомненно, знал толк в лошадях, но времена, когда он мог покорить ветроногого, занесло песками. Внезапно Меч Атэва ощутил острую жалость к воину и всаднику, получившему коня, на которого ему не сесть, не боясь покрыть себя позором. Повелитель не может быть сброшен лошадью и отвергнут женщиной! Брат велик, но он ошибся, вместо радости послал северному дею боль и стыд. Внезапно в голубых глазах Филипха мелькнул огонь.

– Я благодарю повелителя атэвов за дар, которому нет и не может быть равных. Но пусть простит меня сурианский Лев, если я вручу сокровище моему брату, покорившему Север. Я не мог придумать награды, достойной его доблести, но, увидев блистательного Садана, понял, что это рука судьбы. Герцог Эстре, прими коня коней как залог будущих побед.

– Мне остается доказать свое право на этот дар, – нагнул голову брат Филипха. Сбросив плащ на руки подбежавшего слуги, он, слегка прихрамывая, спустился вниз и без колебаний подошел к напрягшемуся Садану. Конь и человек замерли, глядя друг на друга, а затем северянин протянул руку и коснулся лоснящейся шерсти.

¹²⁷ Дейи (атэв.) – королева.

– Мы будем с тобой друзьями, черногривый, клянусь тебе, – герцог улыбнулся тем, кто держал жеребца, – можете отойти.

Старый Гатар невольно покачал головой, но подал знак. Воины отошли, и случилось чудо. Садан продолжал стоять, а потом внезапно потянулся мордой к новому хозяину. Брат дея все с той же улыбкой позволил себя обнюхать, а затем легко вскочил в седло. Атэвы, знавшие норы жеребца, не зря получившего свое имя, замерли, но ничего не произошло. Казалось, конь знает своего всадника с рождения. Жеребец легко переступил с ноги на ногу, взмахнул черным хвостом и пошел грациозной рысью, откровенно гордясь своим седоком.

– Ар-имма-ра Баадук¹²⁸, – прошептал Али, не веря своим глазам.

Вечером Меч Атэва воззвал к Пророку и, взяв лист каонгхской бумаги, написал Эссандру-ар-Шарлаху-гар-Арраджу. Али просил Северного Волка удостоить его совместной конной прогулкой.

2891 год от В.И.

29-й день месяца Копьеносца.

Арция. Мунт

Александр Тагэре плохо помнил деда по матери, хотя Этьен ре Фло всегда был к нему добр. В памяти остался огромный старик с пронзительными глазами и громовым голосом, хотя, возможно, сейчас Старый Медведь и не показался бы внуку грозным великаном. Что до Шарля, графа Марцийского, то тот погиб при загадочных обстоятельствах вместе с женой, когда их единственному сыну было менее двух лет. В галерее замка Эстре Сандер видел портрет молодого светлоглазого и светловолосого человека в охотничьем костюме, чье веселое и дерзкое лицо никак не вязалось со словом «дедушка». Так что истинным дедом для герцога Эстре стал Обен Трюэль. Сандер любил толстяка, но всю силу своей привязанности осознал, лишь узнав о смерти Евгения. Александр с удивившей его самой злостью оборвал какого-то нобия, заметившего, что следующим помрет старик Трюэль.

Но Обен не умирал.

Смерть словно бы забыла про великого обжору и интригана. Он почти не выползал из дома, но не утратил вкус к жизни и, по его собственным словам, «отнюдь не выстарился». Сандер привез старику копченые медвежьи окорока, болотный мед и травы, на которых эскотцы настаивают царку, а в ответ заработал роскошный ужин по-эллски. Им было о чем поговорить. Эстре рассказывал про Лося, Джакомо и Тодора, а Обен говорил об ифранском малолетнем короле и его предприимчивой тетке-опекушке, удавшейся и внешнеюстью и душой в Паука, оргондских перипетиях и мунтских интригах. Сандер слушал и радовался, что избавлен от этой кипящей грязи, в которой сам Проклятый бы увяз по уши. Не все новости были скверными, но плохого было больше, самым же гнусным, по мнению Трюэля, был новый кардинал.

– Ей же ей, не упомню такой мрази, – Обен с наслаждением потянул носом, смакуя какой-то особенно заковыристый соус, – это я про этого хряка в мантии, а не про голубей. Их орехами откармливали, попробуй... Жорж умно поступил, честь ему и хвала! Стал кардиналом, хоть и не арцийским, а дальше поглядим, но от того, что Клавдий выделяет, чертям тошно. Про то, что он втихаря через трактирщиков беспощинным ифранским вином торгует, я молчу. Исхитрился, и ладно, от этого разве что виноторговцам хуже. Что стришет епископскую братию, как овец, даже смешно, да те и сами не промах. Быстрехонько наверстывают.

– Как стришет? – не понял Александр.

– Да по-разному. То карету новую потребует, хотя Евгений чуть ли не пятьдесят лет в одной проездил, и ничего, то цепь к Знаку ему понадобилась, да не простая, а со звездчатыми богомольниками, то покои бархатом обтянул... Обычай завел: ежемесячно столько-то

¹²⁸ Велик Баадук в мудрости своей (атэв.) .

денежек в Кантиску, а сколько-то – кардиналу. Не считая поздравлений с праздниками, именинами и так далее...

– Граф, – Сандер придал лицу заговорщицкое выражение, – вы все про всех знаете. Клавдий не родич Вилльо?

– Брат во Жадности, – хмыкнул барон. – Но то, что из ифранского корыта эта падля жрать продолжает, а тебя ненавидит еще с Оргонды, уже не шутки. Ненавидит и боится. И Жоржа боится, а перепуганный трус – зверюга опасная, особенно ежели ядовитый.

– В Арции пока еще решает король, а не клирики.

– Решает. Сандер, я тебе уже говорил, что мне восемьдесят?

– Да, но вам никогда не дашь.

– Правильно. А твоему брату дашь сорок? Филипп слишком много пьет.

– Я заметил.

– И мы с тобой знаем почему. Лучше не будет, не надейся, а хуже – пожалуйста. Хорошо хоть, догадался отослать наследника в Ланже. Мальчишка не по годам понятливый, королю совестно при нем безобразничать.

– Я знаю, что с ним Гартаж. Это победа.

– Будем надеяться, что Элле не удастся заменить Эжена на Фернана. Рев и сам не хочет. Они с наследником не ладят, да и уезжать из столицы главный «пудель» боится. Аганн после того, как на дочке Гастона женился, вовсе обнаглел, Фер боится, что его отпихнут. Как-никак Рев только брат королевы, а Аганн – сын, причем любимый... Было дело, надеялся я, что Филипп разведется и на мирийке женится, да красавчик Артур дорогу перешел.

– Артур командует королевской гвардией, – быстро сказал Сандер, – а просится назад в Эстре.

– Не бери. Парню в столице тошно, это так. И умом он не вышел, но честный до глупости и любит тебя и Арцию. Гвардейцы от него в восторге, как же, живая легенда... Короче, Артур – наш последний козырь. Случись что-то вовсе гнусное, Бэррот сделает то, что ему скажешь ты. Или, на худой конец, я. Вот отец его, тот себе на уме, но пока он с нами в одной упряжке. С «пуделями» Антуану не по дороге, с Лумэнами и подавно.

– Лумэны? А разве они еще есть?

– Ну, положим, Лумэны как таковые и впрямь кончились. И я не скажу, что меня это огорчает. Агнеса умерла, ты не знал?

– Нет. Давно?

– С полгода. В Сарриже. Говорят, совсем свихнулась перед смертью, собирала еду да прятала в постели, не позволяла до себя дотрагиваться, кричала, когда ее мыли и переодевали. Плохая старость и плохой конец. Люди смерти боятся, а смерть – что, мгновенная неприятность, а дальше или нет ничего, или же что-то новое. А такая жизнь... Но Дыню мне не жаль, – глаза графа холодно блеснули, – она заслужила все от начала и до конца. Глупая голова, мелкая душонка, а бед принесла немерено. Ну да Проклятый с ней... А вот отродье Святого Духа живо.

– О ком вы?

– Виконт Эмразский, он же Пьер Тартю. Ничтожество полнейшее, но для ифранцев чем гаже, тем лучше. Его матушка спланировала в Авиру после истории с Жоффруа. По мне, так если зарезал быка, режь и петуха... Незачем было его отпускать. Пьер Тартю – смешной претендент, но Орест его признал за Лумэна, а Орест сейчас сильнее Архипастыря. Да и «паучата» его кормят, а эти сквалыги ничего задаром не делают.

– Сигнор, а как Паук умер? Без него даже как-то непривычно.

– Как, как... От старости. Жаль, что не раньше. В один прекрасный день пришли к нему утром, а он холодный. Болтали, что, когда его обмывали да обряжали, боялись, что оживет и начнет ворчать, что дорого... Только я бы на твоём месте не очень радовался. Жером еще мальчишка, но его тетка-регентша...

– Жоселин?

– Она. Вся в отца удалась. Разве что моется чаще. Это крыса, Сандер. Умная, злая, расчетливая. У нее ни один паучий аур не пропадет, недаром папаша ее из всего выводка выбрал. И с Орестом она спелась. Тот в Архипастыри метит, а для избрания, как ты понимаешь, денежки нужны, и много. Конклав, он не травку кушает. Паучиха понимает, что перемирию скоро конец, а ты на них страху нагнал. Так что они постараются войны не допустить. Не мытьем так катаньем.

– С помощью Церкви и Эллы?

– Это еще полбеды. Боюсь, как бы яд и магию в ход не пустили. Жорж говорит, Орест вовсе обнаглел, но маг он сильный. Ну да хватит о них всех. И чего это меня за столом о всякой дряни говорить потянуло. Как тебе атэвский подарочек?

– Лучшего коня я не видел.

– Надо думать. Сын коня самого Усмана, брат коня принца Яфе, а про того говорят, что он родился в седле... Суриан, дары приносящих, не боишься?

– Нет.

– И правильно делаешь. Филипп доволен?

– Да.

– Вы не помирились.

– А мы и не ссорились. Я ему верен, он это знает.

– Ой, Сандер, Сандер, – Обен со стуком положил ложку на стол, – зря ты так. Я же не слепой. И Филипп не слепой. Видит, что у него есть полководец, протектор, даже политик, но не брат.

– Я не политик, граф.

– Политик, хоть и не интриган. Не будь ты политиком, ты б с эскотцами до сих пор мечом махал. Сговориться с Лосем и Лиддой не у каждого бы вышло. С Фронтерой-то у тебя как? Веришь им?

– Нет. Филипп зря подписал нотацию с Максимом. Теперь от него пять лет не избавишься. Лучше взять дарнийскую тысячу, чем за те же деньги пять фронтерских, да и Тодору плевать, кому его брат служит и за сколько.

– Ты прав. Дарнийцы берут дорого, но они слово держат и воюют отменно.

– Я для Игельберга прошу баронство.

– Филипп даст. Он тебе ВСЕ даст.

– Мне ничего не надо.

– А ты становишься жестоким.

– Обен, вы не понимаете. Я ХОЧУ все забыть, чтобы стало как раньше, но не могу.

– Как раньше не будет, – Обен смачно всадил нож в дымящееся мясо, – ты перерос Филиппа во всем. Думай о нем не как о старшем и сильном, а как о слабом. Ему никто, кроме тебя, не поможет. У тебя есть друзья и Арция, а у него что? Гастон, да две дуры на шее.

– И вы.

– Я не у него. И Мальвани, и Лось с Лиддой не у него. Подумай об этом на досуге. Жаклин-то как?

– Жаклин? Хорошо.

– А мои сорванцы?

– К Лосю поехали. Тот охоту затеял.

– Я завешание написал. Все, что у меня есть, между тремя внуками поровну, кроме этого дома. Он останется Луи.

– Обен! – Александр выглядел пораженным. – Как же так?

– А что? – хмыкнул Трюэль. – В восемьдесят лет завешание писать рановато, потвоему? И не смотри на меня так. Я еще лет пятнадцать протяну, не меньше. Просто дела порядка требуют.

2891 год от В.И.

29-й день месяца Копьеносца.

Оргонда. Лиарэ

Нудный холодный дождь загнал под крыши всех, кого мог. Мокрая, продуваемая всеми ветрами Лиарэ в зимнюю пору всегда выглядела неприглядно, но Сезар Мальвани не думал о затянувшемся ненастье, у виконта были куда более важные заботы, и первая из них касалась герцогини. По мнению Сезара, Марта слишком легко относилась к отвратительным слухам, без сомнения, возникшим по милости покойного Паука, но с его смертью и не думавшим затихать. Орест, с самого начала державший сторону Ифраны, твердо вознамерился превратить арцийскую жену Марка в еретичку, а то и Преступившую.

Это была даже не политика, это была ненависть, и можно было только догадываться о ее причине. Сезар не считал себя вправе расспрашивать герцогиню, к тому же вполне могло статься, что она сама ничего не знала. Виконт полагал, что Марта недооценивает угрозу. Мать считает, что презрение к опасности у Тагэре в крови, а Марта и Александр, каждый по-своему, но пошли в отца. Филипп и Лаура – те больше похожи на Фло, а в кого удался покойный Жоффруа, герцогиня Мальвани не знала, видимо, в каких-то предков, не отягощенных понятиями чести.

Через две кварталы мать увидит Адану, и кто знает, когда они встретятся снова. В Оргонде душно, как перед грозой, и только Проклятый знает, когда она начнется.

Возвращаясь из порта, Сезар мысленно продолжал разговор с матерью. Она все понимает. Даже то, почему ее сын живет на чужбине, хотя святой Эрасти свидетель, как ему хочется домой. Но здесь отец, здесь война и здесь Марта, хотя лучше было бы ей согласиться с матерью и уехать в Арцию, якобы повидать братьев. Марта не хочет понимать, что Марк ей не защита, и она одна. Оргондские вельможи, даже лучшие из них, отступятся от герцогини, стоит Оресту повторить вслух то, что пока говорят лишь шепотом. С тех пор как глава антонианцев перебрался из Гайвэ в Лиарэ, Сезар Мальвани ни одной ночи не спал спокойно. Этот лиловый мерзавец превращает веселый любвеобильный город в логово фанатиков, а Марк и в ус не дует.

Раньше вокруг костров в Лиарэ плясали, сейчас... Сейчас тоже пляшут, вернее орут и подсказывают, только вот на кострах этих того и гляди начнут умирать живые люди. Когда Орест проповедует, площадь перед Храмом Триединого превращается в преисподнюю, заполненную воющими уродливыми чертями, отчего-то почитающими себя праведниками. Герцог молчит, а протесты Марты лишь подливают масла в огонь. Конечно, в дела ордена, созданного ловить Преступивших, светским владыкам вмешиваться не положено, но Филипп, как бы к нему ни относиться, такого бы никогда не допустил.

Арцийский Илларион ведет себя на удивление прилично. Возится со своим храмом, ведет службы, воюет с беспечатными магами, и все. Странно только, что он почти не стареет, хотя человек человеку рознь. Анри Мальвани никогда не дашь больше пятидесяти, Марк младше, а выглядит старше, хотя, возможно, он к нему несправедлив. Сезар презирал оргондского герцога, по его мнению, бывшего прорехой на рыцарстве, но от этого не становилось легче.

Дождь пошел сильнее, холодные капли сливались в струйки, стекая по коже плаща, конь виконта недовольно фыркнул и самочинно прибавил шагу. Хочет в тепло... Сезар решил не задерживаться в Лиарэ. Посадив мать на корабль, он собирался сразу же вернуться к отцу. На берегу Табита то и дело возникали стычки, пока заканчивающиеся к чести Оргонды, но маршал просил сына поторопиться.

Виконт спешил на войну, но дождь был слишком холодным, а видение огня в камине и дымящегося мяса на вертеле необычайно привлекательным. Малве боролся с искушением довольно долго, ему удалось выехать из города и проехать несколько вес, но когда среди унылых, сливавшихся в серую стену придорожных кустарников показалась уютная гостиница, Малве не выдержал. Его внешность, одежда и конь свое дело сделали, хозяин лично обслужил знатного гостя, но Сезара к разговорам не тянуло, он выбрал укромное место у камина и молча наслаждался ужином и теплом. Что происходило рядом, арцийца мало трогало, пока из гуда голосов ухо не выловило слова «арцийская еретичка». Мальвани

был хорошим охотником, он знал, что бить следует наверняка, и сдержал первый порыв. Сезар много думал о слухах и сплетнях, распускаемых ифранцами, но никогда не наблюдал, как это делается. Еще глубже отодвинувшись в тень, Сезар Мальвани приготовился слушать.

2891 год от В.И.

Утро 1-го дня месяца Вепря.

Арция. Мунт

Стук был тихий, и Александр подумал, что ему послышалось. Было раннее утро, когда кухонные слуги уже встали, а комнатные еще могут пол-оры понежиться в постели, что до господ, то их время пробуждения наступит не скоро. Стук повторился. Так осторожно и воровато стучалась бы кошка, если б вдруг стала человеком. Лакеи стучат иначе, друзья тоже, а враги входят без стука, да и время для убийства неподходящее во всех отношениях. Сандер вскочил и стремительно оделся: сказала военная привычка. Третий раз утренний гость постучался чуть громче, Эстре распахнул дверь и невольно отступил назад, узнав Даро.

Виконтесса Барре расценила его жест как приглашение, вошла и тщательно прикрыла за собой дверь. Александр зачем-то повернул ключ и замер, глядя на бывшую возлюбленную и не понимая, как она тут оказалась. Хотя Артур командует королевской гвардией, у него должны быть комнаты во дворце...

– Александр, – Дариоло заговорила первая, – я... я не могла не прийти. Мне... Что с Шарло и Кати?

Все понятно. То, что Даро его разлюбила, отнюдь не дает ему права думать о ней как о кукушке. Он должен был что-то придумать, тем паче детей от Бэррота у нее нет, а он еще радовался этому, мерзавец.

– С ними все в порядке. Они со мной. Шарло совсем молодец. – Проклятый, что же еще сказать? Подумать только, Миранде он способен рассказывать о сыновьях и дочери часами, а сейчас все слова куда-то делись. – С ними все в порядке... Они все вместе. Втроем.

– Спасибо, – она тоже не знала, что говорить.

– За что? Это мой долг.

– И мой тоже, но я ничего не могу.

– Так случилось. – Да, именно случилось. Он сам послал к ней раненого красавца-рыцаря. – мужчина может не скрывать то, что не простят женщине.

– Ты им расскажешь?

– Не знаю... Что-то сказать придется, но не сейчас. Мы еще поговорим об этом.

– Поговорим? Когда?

– Я теперь буду появляться в Мунте. Мы – друзья, я вел тебя к алтарю, никого не удивит, что мы разговариваем.

– Да. Не удивит. Я знаю. Как Рафаэль?

– Рито не меняется, – впервые за время разговора Сандер улыбнулся, – байланте остается байланте.

– Он не хочет меня знать...

– Я пытался с ним говорить, клянусь, что пытался. Он не желает даже слушать.

– И не захочет. Он меня ненавидит. И правильно делает.

– Не говори глупостей. Ты не виновата. Я... Я, по крайней мере, тебя не виню.

Они немного помолчали. Сейчас она повернется и уйдет. Повернется и уйдет к Артуру, который занят подготовкой к турниру в честь герцога Эстре...

– Александр.

– Да?

– Александр, а как ты?

– Хорошо. У меня все хорошо. Лось и Лидда – замечательные союзники, Тодор принял все наши условия...

– Я не о войне. – Проклятый, она же вся дрожит! – Как ты сам?

– Был ранен, но теперь здоров. У меня все хорошо.

– А Жаклин?
– Жаклин... Вообще-то Север не для нее. Она плохо переносит холод.
– Может быть, ей приезжать на зиму в Кер-Эрасти? Это хорошо для больных.
– Не поедет. Она всего боится, а больше всего чужих людей. Жоффруа ее совсем сломал.
– Прости, я не подумала. Я хотела как лучше.
– Спасибо тебе. Может быть, когда закончится война, мы приедем в Мирию все вместе. – Творец, он всегда всем обещает что-то сделать, когда закончится война. А она все не заканчивается. А если заканчивается одна, начинается другая. Да и делать уже ничего не надо. Он променял свое счастье на войну.
– Может быть, – печально повторила Даро, то ли не веря его очередной лжи, то ли не желая того, чтобы на этот раз он свое обещание исполнил.
– А как Артур?
– Здоров, только скучает...
– Скучает? – «Этот дурак может скучать рядом с Даро?! Осел, павлин, пень с глазами!»
– Ему не нравится командовать гвардией. Артур говорит, что он не военачальник, а воин. Ему нужен бой, а не караулы и церемонии.
– Я его понимаю.
Снова молчание. Теперь она уже точно уйдет. Говорить больше не о чем.
– Дариоло...
– Александр...
– Раз ты пришла, то я должен тебе сказать. Я тебя ни в чем не виню. Мне очень жаль, что Рафаэль так с тобой поступил. Будь счастлива, а за Шарло и Кати не волнуйся. Когда они подрастут, я что-нибудь да придумаю. Это так, я клянусь тебе.
– Спасибо. Но тебе правда хорошо с Жаклин?
– Правда. Она спокойная, добрая... Мы росли вместе. И потом, ее некому защитить, кроме меня.
– Но тебе с ней хорошо?
Проклятый, ну зачем она об этом спрашивает?!
– Я ей нужен.
– И все?
– Это очень много, Даро.

Очень много. И очень мало. Почему она не уходит? Неужели она не понимает, что он сейчас не выдержит?! Нет, вроде бы сейчас будет прощаться, слова подбирает. Раньше она их находила сразу...

Дариоло виновато опустила голову, а потом неожиданно сделала шаг вперед. Дрожащие руки легли на плечи герцога, он не успел ничего понять, а губы уже отвечали на поцелуй. Дальше все случилось само собой. На поварнях жарили лук и чистили рыбу, полотеры со своими щетками возились в тронной зале, ночные стражники, зевая, уступали место дневному караулу. Дворец Анхеля жил своей обычной утренней жизнью.

2891 год от В.И.

Утро 1-го дня месяца Вепря.

Оргонда. Лиарэ

Виконт Малве готов был поклясться, что встреченный им в гостинице рыцарь едет в Лиарэ мутить воду, возможно, вызвать на драку кого-то из гвардейцев герцога, истово служивших герцогине. А от такой дуэли, если ее как следует развернуть, один шаг до прямой ссоры герцога и Церкви. Поэтому мерзавец до Лиарэ не доедет.

За годы пребывания в Оргонде Сезар Мальвани научился многому, в том числе и выжидать. Да и зависело от схватки куда больше, чем от драки с «пуделями». Поэтому вчера виконт Малве вытерпел все, хотя так и подмывало вцепиться лжецу в горло. Сезар приехал раньше чужака, а спать поднялся позже и надеялся, что его никто не свяжет с тем, что

случится завтра утром. Арциец знал, что он убьет, но, прежде чем убить, узнает о хозяевах сплетника с мечом.

Сезар не исключал, что судьба свела его не с обычным наемником, а с переодетым антонианцем, а рыцари святого Антония были опасными противниками, хотя и не такими, как рыцари Оленя. Устав ордена по части личной жизни был излишне суров, а хорошим воинам свойственно ценить и хорошее вино, и хороших женщин. Циалианские сестры это понимали, требуя от своих паладинов лишь внешнего соблюдения приличий. Антонианцы оказались глупее.

Предшественник нынешнего Предстоятеля и его тезка Орест Первый, в дополнение к армии шпионов и колдунов заведший и воинов, требовал от них строжайшего исполнения устава. Сыграла свою роль и милая привычка «святых братьев» доносить на всех и в первую очередь на своих, что с делами военными мало стыкуется. Если людям приходится прикрывать друг другу спину, не требуй от них каждую кварту выдавать начальству тайны товарища. Оресты этого не поняли, неудивительно, что среди их воинов хорошие бойцы попадались нечасто. Но они были, и Сезар полагал, что вчерашний гость «Вечерней звезды» знал, для чего ему меч и шпага.

То, что рыцарь путешествовал один и в светском платье, ничего не значило. Сезар помнил про Мулана, «бродячую смерть» на службе у Ее Иносенсии, которая якобы оставалась в стороне. На счету рыцаря Оленя были десятки, если не сотни убитых. Белый граф странствовал в одиночестве, и никто не знал, где он появится следующий раз и кого и почему убьет. Мулана прикончил Александр Эстре, и все прекратилось. Анастасия по непонятной причине затаилась и бросила заниматься мирскими делами. Но всякое новое – хорошо забытое старое, Орест вполне мог завести собственного мулана.

В том, что с появлением неизвестного воина заговор против Марты Тагэре перейдет в новую стадию, Сезар не сомневался, равно как и в том, что, если бретер исчезнет без следа, так и не добравшись до Мунта, враги герцогини на какое-то время затаятся. И поэтому Сезар, притворившись пьяным (Проклятый! Сколько прекрасного вина отправилось в щель в полу, Одуэн бы его убил за такое кощунство), побрел спать, велел не трогать его раньше полудня. Он слышал, как гость приказал оседлать коня за ору до рассвета. Времени должно хватить.

Выбраться через окно на крышу сарая, предварительно соорудив на своей постели подобие дрыхнувшего без задних ног человека, труда не составило. Дождь прекратился, резко похолодало, но это было к лучшему. Холода Сезар не боялся, а ярко светившая луна облегчала его задачу. Место для засады – толстый дуб, чьи ветви нависали над дорогой, Мальвани приметил еще вчера, хотя ему и в голову не приходило, что он им воспользуется. Только бы чужак не проспал и все устроилось до рассвета. Хотя тот, похоже, собрался въехать в Лиарэ сразу же после открытия городских ворот вместе с толпой торговцев и паломников. Значит, проснется.

Со временем виконт угадал отменно. Прошло не более трети оры, как в тишине послышался стук копыт. Всадник явно спешил, и это был тот, кого поджидал арциец. Мальвани сосредоточился, весь успех его предприятия зависел от самого начала. Сезар еще мальчишкой научился прыгать с дерева на спину бегущей лошади, но ни разу ставки не были столь высоки. Всадник был уже совсем близко. Еще ближе... Есть! Виконт оказался за спиной бретера. Конь от неожиданности присел на задние ноги, а Сезар железной рукой схватил седока за локти.

– Ваше приключение начинается несколько раньше, чем вы думали.

– Кто вы?

– Еретик, вестимо. Как раз такой, какого вы вчера клялись найти и убить.

– Вы ведете себя, как разбойник с большой дороги. – Рыцарь был удивлен, но не испуган.

– Если б я вел себя, как разбойник, вы бы валялись в кустах с перерезанным горлом, но это в мои планы не входит.

– А что входит?
– Убить вас, но сначала расспросить. Кстати, заверните коня в кусты, незачем торчать на дороге, хотя вряд ли кто-то проедет здесь раньше чем через ору-полторы..

– Кто вы?
– Я назовусь, но лишь после вас.
– Я – верный сын Церкви нашей Единой и Единственной.
– Вы знаете, именно так я и подумал. Ну, а я рыцарь герцогини. Вы соизволите съехать с дороги?

– Да! – Похоже, незнакомец начинал закипать, но коня он развернул. Если б это была Арция, его можно было связать и притащить к барону Обену. Увы, придется все делать самому. Может, его просто убить? Пытать он не сможет даже синяка. Вся надежда на поединок, иногда это развязывает языки. Да, другого выхода нет.

– Эта поляна вполне годится, сигнор. Потрудитесь спешиться.
– Вы не рыцарь! Вы – шут, бродячий бездельник...
– Рыцарь ведет себя по-рыцарски с равными себе, а не с негодяями, клеветущими на женщин. Вон с коня, ублюдок! Я и так с тобой слишком любезен.

Сын Церкви спрыгнул. Кажется, он вне себя. Что ж, прекрасно. Сезар одним плавным движением скользнул в седло и поднял арбалет.

– Ты...
– Я... Не бойся, просто так стрелять не стану. Бросай все, кроме шпаги, и раздевайся до рубашки. Мне нужен честный бой, а на твое слово полагаться, что на кошке ездить. Считаю до пяти.

Сезар хладнокровно наблюдал, как его противник возился с ремнями кирасы, стаскивал куртку, затем рука рыцаря метнулась за спину. Нож! Он, безусловно, знает, как метать их в цель, но Сезар Мальвани увернулся.

– Прелестно. Теперь я верю, что нас рассудит только шпага. Кинжал вы выкинули. Как это благородно.

– Мерзавец!
– Ба! Вы все же решили представиться. Ваше имя вам удивительно идет. Будем знакомы. Виконт Малве.

С этими словами Сезар оказался на земле с обнаженной шпагой.
– Я спущу с тебя шкуру, Тигреныш.
– Сигнор Мерзавец, будьте скромнее. Тигра сначала надо убить... К бою!
Сталь ударилась о сталь. Сезар не ошибся в оценке: его соперник фехтовал отменно, но это ничего не меняло. Речь шла о Марте, и исход боя был лишь один – смерть. Мальвани очень надеялся, что умрет его противник, а не он.

Они двигались по кругу. Чужак начал с серии стремительных выпадов, Сезар, защищаясь, ответил неожиданным уколом, располозовав сопернику щеку. Первая кровь. Ее будет еще много.

Так... Выпад с правой ноги, высоко поднять руку и до предела напрячь мускулы... Проклятье! Мерзавец принял удар на клинок. Принять-то он принял, но нижняя часть лезвия полоснула по руке, не ахти какой порез, но неудобный!

Пытаешься нанести скользящий укол в бок с оппозицией левой руки? А вот этого вы не учили, сударь? Сезар слегка отклонился, самую малость, так, чтобы кончик чужой шпаги скользнул по его куртке, не прорвав материю. А теперь вперед! Вновь замелькали клинки. Уходишь в стойку? Ну-ну... А дыхание у тебя участилось...

Устал? Но стереть пот я тебе не дам, сейчас не до игр во взаимную любезность. Боишься поднять руку, чтобы я не воспользовался твоей слепотой и не ударил? Правильно боишься. Ты согласился на подлость и пощады не получишь. Ни в большом, ни в малом. Лезешь вперед? Хочешь, чтоб я открылся? Не выйдет! А удары у тебя ничего, ну да не такое отбивали...

Браво! Точный выпад, но мы не на Оружейном дворе... Знакомый прием, хоть и редкий.

Все. Хватит обороняться, пора наступать! Отбиваешься? Ничего, долго не продержишься! Собрался атаковать сверху? Нет, обманка...

Клинок бретера сурианской лесной змеей метнулся снизу вверх, но встретил лишь шпагу Сезара.

– Ну, что, сударь, побеседуем, – Мальвани говорил с небольшой одышкой, но четко, – кто вас послал?

– Я не выдаю чужих секретов!

– Я подожду...

Вновь зазвенели клинки. Теперь нападал Сезар, а противник едва успевал отбиваться. Сил для атаки у него уже не было, да и раненая рука наверняка почти отнялась.

Ага. Запоздал с защитой... Что и требовалось доказать! Малве молниеносно дотронулся кончиком шпаги до вздымающейся груди и с нехорошим смешком отдернул клинок.

– Тигры только большие кошки, сударь. А кошка любит поиграть с мышкой. Имя! Кто тебя нанял?!

Обманное движение. Удар от плеча, и по руке врага потекла алая струйка. Выпад в терции, и на рубахе расплылось красное пятно. Царапины, от такого не умирают, и все-таки...

– Имя!

Соперник не ответил, видимо, собирая силы, сделал выпад, похоже, сам понимает, что последний. Отлетел назад! Сейчас ему кажется, что у него вот-вот разорвется сердце. Ничего, еще поживет. Ровно столько, сколько нужно, чтобы ответить.

– Имя!

Прямая атака с четвертой позиции. Рауль учил целить прямо в сердце. Очень простой удар. Простой и верный. Но мы тебя пока не убьем. Парируй! Отводи конец шпаги в сторону. Умница! То, что нужно...

Лезвие скользнуло по лезвию и глубоко вонзилось в плечо противника. Малве резко выдернул шпагу и отскочил.

– Имя!

– Кардинал Орест! Ее все равно сожгут, как Преступившую. И будь ты проклят!

Из последних сил соперник сделал выпад из кварты, рубаха Сезара треснула по шву, но он недаром сравнил себя с кошкой. Стремительно отскочив и высоко держа руку, Малве отразил удар, и, прежде чем раненый бретер успел занять оборону, верхняя часть клинка виконта скрестилась с рукоятью шпаги наемника, и Сезар нанес последний удар в грудь.

Сигнор Мерзавец никогда не доберется до Лиарэ. Марта получит передышку, но надолго ли?

2891 год от В.И.

1-й день месяца Вепря.

Арция. Мунт

Даро давно ушла, вернее, убежала, кое-как натянув платье и поправив волосы, а Александр все еще сидел на смятой кровати, слушая и не слыша звуки дворца. То, что с ними случилось, обрушилось на герцога как снег на голову. Ему казалось, что он хотя бы владеть собой умеет, а тут... Дариоло изменилась, и очень сильно. Стала опытнее, увереннее, настойчивей, видно, ночи с Артуром Бэрротом не пропали даром. Сандер был не столь уж великим знатоком женщин, но не почувствовать перемены в бывшей возлюбленной не мог. Даро, без сомнения, счастлива со своим рыцарем. И все равно она пришла к нему, и не просто пришла, а отдала себя. Он бы никогда не позволил себе коснуться ее первым, это было ее решение. Ее, и ничье больше! Александр задумчиво провел рукой по одеялу и нащупал что-то твердое. Шпилька из черепахи, с помощью таких мирийки закалывают волосы.

Вернуть? Зачем? У Даро шпилек много, вряд ли кто-то хватится. В конце концов, она могла обронить ее где угодно. Он сжег подаренный ему локон, почему бы теперь не

сохранить шпильку в знак того, что эта встреча не была предутренным сном. Даро любит Артура, об этом говорят все. Ради Бэррота она отвергла короля, готового оставить Эллу.

Для Арции это было бы спасением, но Дариоло никогда не была продажной. Бескорыстие у Кэрна в крови... А если б она предпочла Филиппа, ему было бы легче или тяжелее? Почему мы всегда думаем о том, что могло бы быть, когда уже случилось то, что случилось? Виконтесса Барре сегодня была у герцога Эстре. Она пришла спросить о детях. Это понятно. Они немного поговорили ни о чем, пора было прощаться, но Даро не захотела уходить. Какой-нибудь самоуверенный гусак вообразил бы, что она его любит. Продажная тварь вроде Рогге, везде выискивающая выгоду, сочла бы, что ей что-то нужно, но все гораздо проще. Даро его жаль, и она винит себя за его одиночество с Жаклин. Недаром она расспрашивала о том, как они живут. Сумей он солгать, убедить ее в том, что счастлив в браке, девочка бы успокоилась и перестала бы себя винить, но она его застала врасплох, а врал он всегда плохо. Даро захотела ему помочь хоть в чем-то и принесла себя в жертву. Именно так!

Она и дальше станет к нему приходить, в конце концов, он ей не противен. Когда-то ей казалось, что она влюблена в горбуна, затем пришло настоящее, но благодарность и дружба остались. Другое дело, что ему милостыня не нужна. Или нужна? Александр не лгал себе. Если они останутся вдвоем, он не устоит. Он, конечно, попробует что-то объяснить, но у Даро есть безотказный способ настоять на своем.

Она будет считать измену мужу своим долгом, а Артур, каким бы смешным он ни был в своей книжной рыцарственности, хороший друг и благородный человек. Может, Дариоло и может его обманывать со спокойной совестью, но Сандер вряд ли. Предавать таких бесчестно. Если Артур узнает правду, он придумает какую-нибудь глупость вроде ухода в Белые Паладины. Или затеет дуэль с десятком «пуделей» и будет драться, пока кто-нибудь его не прикончит. Правда может убить, ложь, впрочем, тоже.

Александр поднес к глазам темно-коричневую трезубую шпильку. Красивая вещица, пусть будет. Все равно он возвращается в Гаэльзу, а по дороге заедет к Лосю обсудить подробности весенней кампании. Пока Тодор не кончит дурить, место герцога Эстре на Севере, а потом, будем надеяться, на Юге. Он вряд ли будет часто видеть Даро, а лучший способ избежать опасности – удрать подальше. И вообще пора приводить себя в порядок. В полдень его ждет Меч Атэва.

2891 год от В.И.

1-й день месяца Вепря.

Арция. Мунт

Если б не проклятое снадобье, она бы могла понести ребенка от Сандера. Но кто же знал, что Артур не придет ночевать и что случится то, что случилось... Даро не собиралась идти к Александру и уж точно не думала о том, что между ними что-то будет. Она вообще не думала. Молодая женщина просидела всю ночь без сна, зная одно – тот, кого она любит, рядом, через две стены от нее. Один. Когда стало ясно, что муж остался в Летнем Дворце, Дариоло охватило страшное возбуждение. Умом она понимала, что не должна говорить с Александром, потому что может проговориться, но женщины живут не умом, а сердцем. К утру мирийка поняла, что придет к нему и спросит... Нет, не о Шарло с Кати, о них она знала все от свекрови, переписывавшейся с вдовой Рауля.

Жаклин писала матери длинные письма, а Даро проявила недюжинную хитрость, вытягивая из графини Бэррот подробности. С детьми все было хорошо, да она в Александре и не сомневалась. Но ей нужно было понять, как он сам. Помнит ли ее? Или забыл и счастлив с Жаклин или... или с кем-нибудь еще. На Севере много красавиц. Ходили слухи, что дочь Гварского Лося не прочь уложить в свою постель герцога Эстре, а отец ничего не имеет против.

Дариоло понимала, что ревновать глупо и подло, она искренне хотела, чтобы Сандер был счастлив, но представить рядом с ним другую было безумно больно. Ни годы, ни

расстояния, ни бурные ночи с Артуром не вытравив из сердца Даро ее первую и, она это прекрасно понимала, последнюю любовь. И мирийка не выдержала. Они только немного поговорят. По тому, что он ответит, как будет улыбаться и смотреть, она поймет все. И она поняла – у Александра не было никого! А если и были, то значили в его жизни не больше, чем в ее жизни Артур. Она чувствовала его любовь даже сквозь пустые, никчемные слова, которыми они обменивались.

Он ее любил, и Даро потеряла голову. Для нее словно бы вернулся тот миг в Старом Дворце, когда она бросилась на колени перед герцогом Эстре, наговорив ему кучу глупостей. Теперь она была старше и опытней и обошлась без слов. Он ответил ей, он опять был ее, а она его, и это было страшно. Они не должны видаться, не должны... Если об этом узнает Шарлотта, хотя откуда?! Гораздо страшнее, если Александр и Рито поймут, кто виноват. Пусть думают про нее самое плохое, но останутся живы, потому что в схватке с сестринством они обречены, и все равно уже ничего не поправить. Она – жена Артура Бэррота, он – муж Жаклин ре Фло и отец маленького Эдмона.

И что с того, что она теперь поняла, почему ее заставили выйти замуж. Бланкиссима дружна с королевой, она не хотела, чтобы Филипп развелся с Элеонорой и женился на ней. Шарлотта НЕ ЗНАЛА, кого она любит, и решила, что короля. Для Дариоло есть только один Тагэре – Александр, но для других это прежде всего Филипп.

Вспоминая мельчайшие подробности разговора в комнате без окон, она поняла, что другого ответа нет и быть не может. Шарлотта поддерживает Вилльо, она узнала о намерениях короля и приняла меры. А все остальное было ложью. На нее никто не наложил заклятья. Она не убила отца своим рассказом. Другое дело, что, открыв ей глаза, тот сделал ей еще больнее. Даже если она уйдет от Артура, Сандер не оставит Жаклин. Кого угодно, но не эту потерявшую родных дурнушку, подобранную им из жалости... Скоро он вернется в Гаэльзу, но до этого можно урвать немного счастья.

Нет, нельзя! Она не выдержит и расскажет ему правду, и страшно подумать, что с ними станет. Она и так чуть не проболталась. Только бы Сандер не понял, что она ему шептала. Нет, не поймет, этого никто не поймет. Но она была неосторожна. И будет неосторожна, потому что рядом со своим герцогом теряет голову. Они не должны встречаться. Если бы она не выпила это зелье из корня дециэрти! Она потеряла последний шанс, потому что второго раза не будет. Она не должна подвергать Сандера опасности. Но что ей делать, если она не может без него?! Не может, и все!

Дариоло подошла к зеркалу. Святая Циала, у нее же все на лице написано, так нельзя... Молодая женщина сменила платье, переплела волосы. Одна шпилька куда-то делась, наверное, она ее потеряла, когда, ничего не понимая, бежала по коридору. Или... Или оставила в постели Александра. Что будет, если ее найдут? Хотя она успела потерять штук шесть, о чем прекрасно знает ее камеристка, а все шпильки похожи друг на друга. Про них с Александром никто ничего не подумает. Только не про них. Скорей уж решат, что в башенных комнатах, когда они стояли запертыми, побывал кто-то из служанок, разодевшись в платье госпожи. За Барбарой такое водится. Дариоло сквозь пальцы смотрела на выходки старшей горничной, а оказалось, это может быть полезным. Творец, о какой ерунде она думает. Шпилька... Или нож в сердце, с которым приходится жить?

2891 год от В.И.

1-й день месяца Венря.

Арция. Мунт

Зачем атэв попросил о встрече, Сандер не думал, он давно перестал задавать себе вопросы, ответ на которые можно лишь угадать. Потрепав по шее Садана, Эстре взлетел в седло. Из уважения к гостю герцог не стал надевать кирасу, ограничившись темно-синей курткой и синим плащом с волчьей застежкой. Сандер распознал в брате калифа истинного воина, которому неважны ножны, а важен клинок. В языке атэвов Тагэре был не слишком силен, но какие-то фразы и отдельные слова помнит, а Али, как и все майхубиты, прекрасно

владеет арцийским, а Рито, будучи мирийцем, сносно говорит на языке соседей. Кэрну Александр взял с собой, равно как и десятка два дарнийцев. Было бы странным, если б герцог Эстре уехал в одиночестве.

Стоял погожий зимний день, такой же, как в Мальвани, когда они с Даро и Рито катались на фронтерских санках и валялись в снегу. Он ничего не сказал Рафаэлю ни о приходе сестры, ни о том, что произошло между ними, ни о словах, которые у нее сорвались с языка и которые он не мог забыть. Да, женщины часто говорят о любви, но слова стоят недорого. Если Даро решила подарить ему себя, она не могла не вспомнить то, что шептала когда-то...

– Сандер, да что с тобой такое, ты как пьяный...

– Сон, Рито. Сон о прошлом.

– Прошлое всегда сон. Или камень на шее. По крайней мере, так говорят атэвы, которым отчего-то вздумалось померзнуть в нашем милом обществе.

– Ну, ты же не мерзнешь, почему должны мерзнуть они?

– В Мирии зима все же бывает, а потом я уже... Проклятый! Я уже шесть лет в Арции, а ты меня еще на самый Север заташил.

– Не на самый, Тагэре северней Гвары.

– С меня и Гвары хватает. И чего это нашим львам приспичило кататься. Я понимаю, в Эр-Иссаре, где стены имеют уши, а у нас... Разве что Обен подслушает от нечего делать, так от этого никакого вреда.

– У Обена скоро день рождения. Восемьдесят один.

– Да, не нос собачий! А Евгению сколько было?

– Девяносто четыре... И все равно не верится. Видеть эту тварь зеленую не могу!

– Да уж, – присвистнул мириец, – свиньища еще та... Но зато Жорж теперь с нами.

– И все равно от кардинала зависит больше, чем хотелось бы.

– Э, это потому, что сейчас мантию Клавдий таскает, а был Евгений, ты говорил, от кардинала зависит меньше, чем нужно.

Сандер не смог сдержать улыбку. Рито порой давал фору признанным риторам и философам, но этого даже не замечал. Кэрна – лучший из друзей, если не считать Сезара...

Впереди показались атэвские всадники, и Александр постарался выкинуть из головы все лишнее.

Али-ар-Амир-ар-Каркс-ар-Эреб-гар-Майхуб вынул из ножен саблю и поцеловал ее рукоять.

– Да будет дорога Северного Волка подобна песне.

– Я горд разговору с тем, кого зовут Меч Атэва, – Сандер произнес слова по-атэвски, хоть и медленно.

– Северный Волк учтив, но да будет мне позволено говорить на его языке.

– Я буду лишь благодарен, ведь мои познания весьма скромны. Правда, мой друг хорошо знает язык калифов.

– Мои приветствия Победителю Быков. У нас говорят: «Друг – твоё второе сердце».

– Это так, – Александр понял, чего ждет Али, и поспешил рассеять его опасения, – благородный Рафаэль – моё второе я. Нет того, что бы я ему не доверил. – Но он никогда не скажет Рито о том, что случилось утром...

– Да будет так! Я счел уместным заговорить о том, что воистину важнее важного и глубже глубокого, – атэв пустил лошадь рысью, отрываясь от свиты, Сандер и Рафаэль последовали его примеру. Кругом расстилались заснеженные поля, всадников было видно издалека, но слышать их не мог никто.

– Садан тебе покорен.

– Да, мы понимаем друг друга, – герцог с нежностью взглянул на жеребца. Странно, как легко он изменил Бризу. Даже кажется, что он всю жизнь ездил только на атэвском красавце.

– Хороший конь для воина важнее лучшей из женщин. А Садан – это конь коней.

Отцом его был ветроногий Акамат, а матерью облаку подобная Шеат, чью жизнь оборвало рождение двойни. Брат Садана именем Дженнах носит на своей спине принца Яфе, но Садан был назван Саданом потому, что никто, кроме познавшего душу коней Гатара-ар-Хутты, не осмелился подойти к нему ближе чем на локоть.

Со времен, когда дети пустыни пришли в Эр-Иссар по следам коня великого Баадука, повелось, что белый жеребенок с черной гривой, чья жизнь принесла смерть выносившей его кобыле, не знает другого хозяина, кроме Повелителя Повелителей. Но калиф Усман, да продлятся его сверкающие дни, беседует не только с саблём, но и со звездами. Я лишь тень его тени, но я посмел перечить великому, когда тот решил вручить узду Садана дею Филипху.

Звезды открыли, что первое дыхание шарка¹²⁹ обожжет тех, в ком течет кровь дея Арраджа. Усман верен клятве Майхуба, и он велел мне, праху из-под копыт его коня, передать его слова и напомнить, что сабля воина должна быть остра, а конь подкован. В знак дружбы и в залог верности привез я белого Садана и не увидел владыки, готового грудью встретить удар судьбы. Но сказано, что нельзя судить о колодце, не коснувшись его дна. Брат дея подчинил себе Садана, и сердце мое возликовало.

Я привез письмо Повелителя Повелителей, но не отдал его, ибо глаза мои увидели среди камня и шелка не волка, а пса в золотом ошейнике. Прости, если мои слова режут твое сердце и обжигают душу, но я скажу то, что должен сказать.

Дей Филипх не поймет слов о большой беде, ибо боится бед малых, и не поверит тому, чему не захочет верить. Но ты истинный дей, и я спокоен. Слова тревоги прочтет тот, кому они западут в сердце и станут факелом в ночи и водой в пустыне. А говорю я тебе это, Эссандр-ар-Шарлах-гар-Аррадж, дабы понял ты, что быть тебе острием копья, лезвием меча, стрелой на тетиве воли в битве с великаном судьбы. Близок час, названный великим Майхубом часом Беды, и пришло время удержать на плечах гору.

Я кончил. Возьми свиток и прочитай, когда будешь далеко.

Сандер молча протянул руку:

– Я прочитаю и постараюсь понять и убедить Его Величество.

– Нигде не сказано, что можно погонять мертвого коня, но ты можешь сделать и невозможное. Хочешь ли ты сказать свое слово?

– Мне нечего сказать. Я мало знаю о звездах и предсказаниях. Но я постараюсь понять и, если от меня что-то зависит, сделать. А в том, что Садан меня признал, нет никакого чуда. Я очень поздно стал ездить верхом, но сразу же поладил с лошадьми, даже самыми злыми. – Александр ненадолго задумался. Атэв молчал, внимательно глядя на герцога. Все уже было сказано, но Сандер не торопился уезжать. В конце концов, почему бы не удовлетворить свое любопытство?

– Могу я спросить о том, что не относится к главному?

– Да будет колодец моих познаний к услугам молодого дея.

– Лучшие оружейники мира живут в Армских горах. Говорят, что ты, благородный Али, знаешь их всех. Не расскажешь ли мне о мастере, сделавшем меч, который я ношу? Его заказали для моего отца, это было не позже чем двадцать два года тому назад.

– Я знаю всех, кто ковал клинки в те времена, и буду счастлив назвать имя.

Александр без колебаний протянул атэву меч. Черная сталь сверкнула на солнце, таинственно замерцал зеленый камень. Али долго с благоговением рассматривал клинок, на поверхности которого дрожали темные струи, а затем вернул меч хозяину.

– Воистину все тропы ведут в Эр-Иссар, и все нити нашего разговора вплетаются в узор судьбы. Это лучший из мечей, которых касалась моя рука, но ни один из известных мне кузнецов Армских гор не ковал его, и я не знаю имени камня, украсившего его.

¹²⁹ Ураган в пустыне (атэв.) .

Нэо Рамиэрль

Выхода не было, по крайней мере для них с Норгэрелем, не говоря уж о человеке. Нэо с трудом добрался до бывшего Светозарного, от которого Орел и Дракон не оставили даже развалин. Дороги назад не существовало, хотя когда она существует, эта дорога? То, что пройдено, пройдено, а что выбрано, выбрано. Хуже было другое: перебегая от Острова к Острову и пережидая, когда Радужная Тропа вновь станет проходимой, он не видел среди разноцветных вихрей иных путей и просветов. Тропа из Светозарного вела в Луциану и больше никуда, и с этим пришлось смириться.

Рамиэрль знал толк в риске, но он не был безумцем. Если с Острова не видно другого Острова, идти нельзя, так как сил и времени хватает лишь на то, чтобы, обогнав смертоносный жар или холод, добраться до следующего оазиса. И Нэо вернулся в Светлую Рошу. Стояла глубокая ночь, но его ждали у самых Врат. Вернее, ждало. Существо из Бездны.

Тварюшка, издав визжащее рычание, которое не приглушил даже окружавший ее синий кокон, подскочила высоко вверх, а затем кинулась вперед, Рамиэрль едва успел выставить защиту. Сила у пленницы Светозарных была немалая, но ума было не больше, чем у трехмесячного щенка. Неудивительно, что из уст Романа сорвались слова, достойные зрителя псарни:

– Нельзя! Цыц! Сидеть!

Сказать, что оно село, можно было лишь с большой натяжкой, но окруженный двойным ореолом сгусток Тьмы отполз в сторону и замер, причем показался таким несчастным и обиженным, что Рамиэрль почувствовал себя извергом.

– Нэо? – Негромкий голос Норгэреля прервал неуместные муки совести.

– Я...

– Мы думали, ты не вернешься. Мы ждем тебя почти год.

– Ждете? Зачем? Звездный Лебедь, какие же глупости я несу... Как вы тут?

– По-разному. Аддари ругается с Альмиком, я их мирю, лляма сидит у Врат и страдает.

– Лляма?

– Аддари говорит, так в древних трактатах называют эту тварь. Ты не нашел дороги?

– Нет. Дракон исполнил свое обещание. В Светозарном больше никогда не заведутся улитки. Хотя для нашей огненной подружки там теперь в самый раз. Я пытался отыскать другую дорогу, но там не пройти даже мне, а я сильнее и тебя, и Аддари. А ты меня не разыгрываешь? Мне показалось, я гулял оры три, не больше... Ладно, пошли, я давно не слышал, как они ругаются.

– А мне надоело. Оба правы, и оба дураки. – Они старательно шутили и говорили о всяких глупостях вроде ллямы или крашенных паладинов, но рано или поздно придется решать, что делать дальше. Ставка на Светозарное не оправдалась, да и сделали они ее не от хорошей жизни. Но об этом потом. Не сегодня. Таррские эльфы вышли из луцианского храма в пахнущую горечью лунную ночь.

– Хорошо-то как, – вздохнул полной грудью Роман, – сейчас я верю, что пробежал по этой взбесившейся радуге от осени до осени. Вы меня по очереди ждали?

– Нет. Лляма все время у Врат сидела, а мы рядом устроились. Я пришел, потому что тебя услышал.

– Да, конечно, мы же родичи.

– Пойдем?

– Погоди. Мне хочется немного посмотреть на нормальное небо. Тебе, кстати, никаких снов не снилось?

– Однажды я видел Рене и Гиба. Ничего особенного. Они откуда-то возвращались. Наверное, я по ним просто соскучился. А больше ничего.

Он тоже соскучился. Так, как Норгэрель не мог себе даже представить. Что сейчас с Эмзаром, гидалским настоятелем, арцийским королем и его горбатым братом, которого он

заставил полюбить жизнь, какой бы горькой и жестокой она ни была? Выдержал ли его «приемыш» предательство или сломался? Должен выдержать, Роман следил за ним девять лет и мог поклясться, что младший сын Шарля Тагэре – настоящий Аррой, а Аррой всегда были сильными. Клэр обещал помогать брату Эдмона, да и Рене признал юношу. Они сделают все, что смогут, но свою жизнь человек должен прожить сам...

Человек? А сам-то он кто? Эльф? Дитя Звезд? Но почему он так привязан к Тарре, почему его бесит исполненная Света Луциана, в которой все правильно и красиво? Он принес сюда тревогу и боль, поссорил Аддари с Эльрагиллом, подбил Норгэреля на преступление против Света, освободил создание Тьмы... Ильгэйбэ была права, он для них чужой и, вполне вероятно, и впрямь отмеченный Тьмой. Потому что для него главное не Свет, а Тарра, потому что ему не нужны чужие Боги и чужие миры, потому что люди и гоблины для него не низшие существа, которых нужно уничтожать, презирать или в лучшем случае пасти.

Что-то громко завожилось рядом, и Рамиэрль вовремя убрал ногу, к которой намеревалась привалиться лляма. Создание тянулось к нему, изо всех сил выказывая то, что иначе чем сочувствием назвать было нельзя. Но как оно смогло его понять?

– Норгэрель, тебе не кажется, что оно умеет думать?

– Лляма? Не знаю, но тебя она ждала, в этом я не сомневаюсь. До нас ей дела нет, а к тебе она привязалась.

Можно подумать, он не видит. Этого ему только не хватало. И за что она его возлюбила? Потому, что он ее освободил, или потому, что в нем и впрямь есть Тьма, и тварь из Бездны сочла его своим хозяином? И куда, во имя Звездного Лебедя, ее девать?!

2891 год от В.И.

12-й день месяца Сирены.

Эр-Атэв. Эр-Иссар

Хвала Баадуку, все имеющее начало имеет и конец. Али-ар-Амир-ар-Каркс-ар-Эребгар-Майхуб с трудом скрывал радость, глядя, как приближается берег. Уже были видны высокие темные кипарисы, ослепительно белые стены, синие купола... Меч Атэва был доволен: он выполнил поручения Повелителя. И Садан, и письмо в достойных руках. Молодой Эссандр-ар-Шарлах достоин был родиться в городе городов и носить синие сапоги. Судьба его подобна раскаленному клинку, но он удержит ее в руках. Эссандр смел, но скромн, умен, но добр, Всеотец наградил его большим сердцем и твердой рукой. Жаль, что на хансиров не снизошел свет Баадука, и в седло повелителя садится старший, даже если он подобен мулу. Хотя дей Шарлах и его второй сын были убиты, когда даже лучший из табунщиков не сказал бы про больного жеребенка, что тот однажды обгонит ветер.

Говорят, в юности дей Филипх казался выкованным из армского булата, и только шестихвостый садан знал, что пройдет десять весен, и все рассыплется в прах. Если мудрый Абуна правильно прочитал волю Мудрейшего, то караван Арции входит в ущелье беды, и лучше сменить караванщика перед шарком, но не во время его.

Али не обольщался: северный дей не восстанет против брата, как никогда не восстал бы он сам. Но эта верность может стать причиной девять раз по девяти бед, ибо дей Филипх не оседлает коня судьбы, как не оседлал ветроногого Садана. Вспомнив о том, как жеребец признал своим хозяином Эссандра, Али почувствовал странную гордость, словно бы он сам, а не конь коней избрал сероглазого воина. Кто знает, что вытащит из мешка возможностей рука звезд, но, если конь Али пойдет рядом с Саданом, Меч Атэва будет рад.

Корабль наконец вошел в гавань, и брат Усмана узнал стоящего на берегу Баиндура.

Приветствуя сходящего на берег Али, каддар поочередно прижал руки к вискам, углам рта и сердцу.

– Да будет твой путь во дворец Повелителя усыпан лепестками роз. Калиф Наджед, да продлятся его солнечные дни до бесконечности, с нетерпением ожидает твоего рассказа о земле хансиров.

Если бы под ногами полководца разверзлась зловонная трясина, населенная черными змеями, и то бы его сердца не охватил подобный ужас. Но окаймленное шелковистой короткой бородой узкое лицо осталось невозмутимым.

– Да продлятся блистательные дни царственного сына моего великого брата до бесконечности. Я с радостью поведаю Повелителю все об увиденном мной в землях хансиров.

– Калиф в великой щедрости своей и в память о победах, одержанных Мечом Атэва, назвал тебя булат-каддаром¹³⁰ и желает говорить с тобой о походе в желтые земли.

– Желтые земли полны золота и презренных скорпионов, но, если Повелитель прикажет, кони Непобедимых дойдут до Сартахены¹³¹.

– Мудр и справедлив Повелитель Наджед.

– И великим будет его царствование.

Али не спросил о том, как умер Усман, хотя в том, что умер, сомнений не было. Не произнес он и имени Яфе, моля Баадука, чтобы младший племянник сумел бежать из змеиноного гнезда, по недомыслию именуемого городом городов. Спрашивать Баиндура – значит вить аркан для собственной шеи. Полководец молчал, но судьбе было угодно ответить хотя бы на один из незаданных вопросов.

Проезжая площадь Следа Подковы Коня Баадука, Али увидел немало мертвых голов, среди которых была и голова звездочета Абуны. Проследив за взглядом спутника, Баиндур пояснил:

– Сын крысы, возомнивший себя мудрецом, счел уместным вмешаться в волю Баадука, определившую смерть подобному зайцу Яфе. С помощью мерзкой волшбы чернокнижник Абуна узнал о смерти калифа калифов от укуса змеи и о том, что великий Усман назвал своим преемником старшего из сыновей, подобного льву Наджеда. Недостойный предупредил Яфе, по доброте отца не утопленного во младенчестве, и тот трусливо бежал, убив пятерых воинов и ранив четырнадцать. За голову презренного обещано семь раз по семь кошелей золота, но следы трусливого ведут в пустыню. Баадук велик, он пошлет бежавшему смерть, достойную бешеной собаки.

– Да не развяжется завязанное, – приложил руку к сердцу Али.

Усмана убили, в этом полководец не сомневался. Убили бы и его, Али, если б он не был нужен. Наджед жаден, как тысяча торгашей, и труслив, как песчаная крыса, но пруд его мыслей хоть и смраден, но глубок. Он желает погрузить руки в сокровища владык Сартахены и понимает, что без Али желтые оставят его без головы раньше, чем он откроет пасть. Только поэтому брат Усмана, не скрывавший любви к Яфе, жив и назван булат-каддаром. И он станет им! Он одержит победы для назвавшегося львом шакала, чтобы потом содрать с него шкуру и прибить на пороге хижины самого смрадного из золотарей. Но до этого даже сабля Али не должна знать его мыслей. Баадук милостив, он сохранит жизнь Яфе, Абуна говорил, что его звезду погасить непросто. А если племянник мертв, так же как и брат, следующим калифом станет он, Али. Он растопчет голову змеи, и да не развяжется завязанное.

Когда сын Амира и брат Усмана простерся ниц перед царственным племянником, на его лице читалась лишь решимость швырнуть к ногам победителя бритую голову нечестивого властителя Сартахены.

2891 год от В.И.

12-й день месяца Сирены.

Арция. Мунт

¹³⁰ Булат-каддар (*атэв.*) – верховный главнокомандующий.

¹³¹ Сартахена – столица Кангха, сурианской части империи Канг-Хаон.

«Я преданная слуга Вашего Величества, и я долго и мучительно думала и просила совета у Творца и святой Циалы, прежде чем решилась написать Вам. Я знаю, что те известия, которые я сообщу, огорчат Вас, но я не могу спокойно смотреть, как моего короля обманывает презренная простолюдинка, поднятая им из грязи до заоблачных высот...» – в этом неведомая доброжелательница, в которой Филипп предполагал графиню Ратин, ошибалась. Эжени Шаре была женой богатейшего из ювелиров, и золота у нее было поболее, чем у многих аристократок. Ошибалась графиня и в том, что он ничего не знал о связи пышногрудой прелестницы с Гастоном, Рев и Аганном. Король знал все, причем давно, и все равно это было мерзко.

Мерзким было все, начиная от отдаленных голосов стражников до золоченой ручки двери, за которой спала Элеонора, наверняка намазавшая лицо очередной жирной гадостью... Последнее время он с трудом заставлял себя смотреть на жену, хотя то, что он сделал, он сделал ради нее, или, вернее, из-за нее... Король вздохнул и, тяжело ступая, подошел к письменному столу, заваленному бумагами. Проклятое письмо вызывало ощущение гадливости, как будто в собственной постели он обнаружил дохлую крысу, к тому же провалявшуюся в теплом месте не меньше кварты. Филипп с наслаждением сунул мерзкую бумажку в огонь, забыв о том, что нет хуже приметы, чем что-то сжигать в пламени свечи. Что с ним может случиться, чтобы стало еще хуже? Король заглянул в кувшин, стоявший на столе рядом с подсвечником. Так и есть, пусто... В последнее время он совсем как братец Жоффруа, не к ночи будь помянут. Слишком много пьет и слишком мало делает. Филипп со вздохом взял свечу и подошел к зеркалу.

Проклятый, ну и личико... Гастон старше, а все еще хорош собой, Эжени можно понять, тем паче последние полгода он не так уж и баловал ее своим вниманием. Графиня пытается разлучить его с любовницей и занять ее место, и вряд ли из-за него самого. Было время, когда не было женщины, способной перед ним устоять. Кроме Даро Кэрны... Ее отказ стал первой ласточкой, она предпочла красавца Бэррота. Разумеется, из-за его физиономии и славы, так как во всем остальном молодой Бэррот пуст, как орех... А ведь четыре года назад Филипп был еще хорош, все началось со смерти Жоффруа и отъезда Александра. Нет, брат ему не изменил, то, что он сделал и делает на Севере, вызывает восхищение. Эстре почти залечил рану, кровоточившую полтора столетия, но Филипп знал: причиной отъезда брата были не выходки Тодора, а нежелание оставаться под одной крышей с убийцей Жоффруа. А ведь он по глупости рассчитывал, что Александр примет его сторону. От среднего братца Сандер никогда не видел ничего хорошего, да и Жаклин от него натерпелась...

Нет, не в Жоффруа дело, а в том, что он не объяснил Александру, из-за чего... Но как он мог?! Брат и так обделен жизнью, он никогда не поймет того, что понимает любой нормальный мужчина... Хотя были ведь и у него до женитьбы какие-то женщины или женщина. Он так и не рассказал кто. Наверняка она была замужней, иначе бы Сандер мать своих детей не оставил, будь она хоть прачкой. Наверняка кому-то из придворных дам вздумалось поиграть с королевским братцем, и игра зашла слишком далеко. Интересно, как бы далеко пошел Сандер, чтобы защитить СВОЮ женщину и СВОИХ детей?

Почему три года спустя он находит для брата слова и доводы, которые не нашел в ту проклятую ночь?! Почему вообще продолжает этот безумный разговор? Элла откровенно радовалась, когда Сандер остался на Севере вместе с женой и своим любимчиком Рафаэлем. Вот уж где, Проклятый побери, нашло приют постоянство! Мирийский герцог давным-давно простил сына и наследника и признал замужество дочери, а красавец Рито продолжает месить эстрийскую грязь рядом со своим горбатым сюзереном. Он так и не женился, хотя в байланте влюблено пол-Арции, а половина этой половины побывала у него в постели.

Элеонора додумалась до того, что Рито был Дариоло не просто братом, потому-то, дескать, ее и возненавидел! Ерунда, Элла вечно объясняет то, что ей не понять, всякими мерзостями. Скорее всего, Рафаэль хотел, чтобы сестра оценила Александра, а она влюбилась в безмозглого героя. Дурачок, он так и не понял, что женщинам плевать, что у человека внутри, им нужна внешность или, на худой конец, слава, которой можно хвастать

перед подругами. Мириец слишком красив, чтобы задумываться о таких вещах... Хотя, возможно, история с сестрой и научила его презирать женщин.

Король позвонил в колокольчик и, сунув вбежавшему пажу кувшин, велел принести атэвского... Проклятый! Как же ему все надоело! Почему у Сандера друзья, а у него стая шакалов? Все они – Кэрна, Мальвани, Гартаж, Трюэли – хранят верность старой дружбе и обходят Мунт десятой дорогой, хотя, будь его воля, он бы послал к Проклятому всю эту свору и уехал в Ланже, к сыну. Но не может. Никуда он не уедет и ничего не расскажет ни брату, ни матери, ни жене...

Стражники на дворе умолкли, но теперь залаяла собака. Паж принес вина и золотой кубок на подносе и убрался. Король налил вина, отпил... Почему в последнее время все отдает какой-то гадостью? Медикус говорит, ему нельзя пить вино и есть жареное и острое, но если еще и от этого отказаться... А что, если мерзкий лекаришко прав, и он болен, и тяжело болен? Ему же всего сорок, хотя выглядит он на все пятьдесят с хвостом! Отец, когда уходил в свой последний бой, был молодым и красивым, а не толстопузой опухшей развалиной...

Проклятый, если с ним что-то случится, эти стервятники совсем сорвутся с цепи, Элла недаром снюхалась с циалянками. Она все понимает и... готовится к вдовству и регентству. Как он раньше этого не видел? Так не выйдет у нее ничего!

2892 год от В.И.

12-й день месяца Сирены.

Эр-Иссар. Эр-Гидал

Как же здесь жарко. Жарко и темно. Он бы отдал полжизни за глоток воды, но воды здесь не было, да и не могло быть. Куда ведет этот ход? Зачем он тут? Где Нгоро? Где все? Как он мог оставить Дженнаха даже на Нгоро? Тот так и не научился понимать лошадей, хотя кое-как умудряется ездить верхом. Яфе обернулся. Бесплезно. В такой тьме можно увидеть лишь огонь. Как жарко! Где он? Как сюда попал? Стоило бежать, обрекая на смерть мудрого Абуны и несчастного Малика, чтобы найти смерть в этой горячей, как дыхание шарка, дыре. Но судьба мужчины висит на его шее, нужно идти. Идти, пока достает сил.

И младший сын калифа Усмана встал и пошел, сам не зная куда. Если придется умирать, то он умрет, делая последний шаг, никто не скажет, что он сдался и забился в смертную нору, как жалкий тушканчик. Неужели где-то есть бассейны с водой, виноградные лозы, небо, синее, как армская эмаль? Как он оказался в этой пещере? Зачем он полез в нее?

Чтобы занять себя хоть чем-то, Яфе постарался вспомнить все, что случилось после того, как его разбудил Малик. Евнух имел тело жабы, но сердце льва. Он знал, что, спасая младшего сына Усмана, убивает себя, но он сделал это. И Яфе принял жизнь из его рук и рук мудрого Абуны, узнавшего о смерти отца и принесшего эту раскаленную, как новая подкова, весть во Дворец Роз. Отец был мертв. Убит, так сказал Абуна, и Яфе знал, чья рука возвела калифа на ложе, где среди шелковых подушек лежала песчаная гара. Умирая, калиф калифов назвал имя нового Повелителя атэвов, но уши, слышавшие его последнюю волю, были на головах врагов. Если бы брат отца и сам Яфе были в Эр-Иссаре, под Надежом и его мерзкой матерью уже бы подломился Мост Баадука¹³². Но дочь шестихвостой саданши выбрала хорошее время для удара. Замещавший Али Хайван – хороший воин, он исполнит любой приказ калифа, а калифом поспешил себя объявить шакалу подобный Наджед.

Яфе не сомневался: Эр-Иссар, оплакивая сердцем младшего из принцев, поползет лобызать ноги отцеубийцы. Младший из принцев славился своей смелостью, но думать он тоже умел. Сейчас он мог лишь бежать. И он бежал вместе с черным рабом Нгоро по единственной дороге, которая еще оставалась свободна. Сначала им везло, потом одна из

¹³² По поверьям атэвов, умершие оказываются у моста через пропасть, перейти который могут лишь те, кого Баадук считает достойным рая, под остальными же мост проламывается.

ячей закинутой Надеждой сети их все же зацепила. Из десяти убийц не ушел никто, но Яфе был ранен. Они скакали все дальше на юго-восток, пока черная лихорадка не взяла свое. Прежде чем потерять сознание, он приказал Нгоро привязать себя к седлу, но тот нарушил приказ, иначе как Яфе оказался бы в этой пещере.

Нгоро не мог его бросить, значит, он в бреду ушел сам. Даже Абуна не говорил ему о местах, подобных этому. Жара и жажда сводили с ума, но он еще мог идти. Рана в спине, рана, нанесенная рукой труса, больше не болела, лихорадка прошла, сделав свое дело. Он заблудился и потерял коня и единственного друга. Но нет беды, которую нельзя убить, если не испугаться. Яфе вскинул голову, почувствовав легкое дуновение ветра. Дорога пошла в гору. Теперь справа высилась стена, слева была пропасть. Принц шел по узкой тропе, тщательно пробуя ногой ее крепость. Ветер становился все сильнее, приятно холодя лицо. Жара отступила, но пить хотелось по-прежнему. Наконец наверху что-то блеснуло. Звезда! Что бы ни случилось, но умрет он не как жалкая ящерица, заползшая под камни. Еще одно усилие, и Яфе оказался на вершине какой-то горы. В зените стояло созвездие Иноходца, резкий ветер бил в лицо, внизу клубилась вязкая мгла, но небо оставалось чистым. Яфе привалился спиной к прохладному валуну, гадая, что ему делать: спуститься поискать какой-нибудь родник или дожидаться утра, чтобы оглядеться и, может быть, увидеть лагерь Нгоро.

Из раздумий принца вывел странный синий свет, вспыхнувший за грядой камней. Он не казался опасным. Да и чего было бояться здесь, кроме хищников и воинов Надежды, но ни те, ни другие не умели зажигать синий огонь. Яфе пошел на свет и обнаружил бьющий из скалы родник и возле него двоих.

– Напейся, внук моего отца. – Калиф смотрел на сына с одобрением и гордостью. Неужели Малик и Абуна ошиблись, и отцу удалось спастись? Но это потом, потом... Яфе приник к воде, необычайно холодной и вкусной. Он бы пил до бесконечности, не скажи чей-то властный голос «довольно». Младший из сыновей Усмана оторвался от родника и увидел человека в синих одеждах калифа. Яфе никогда не видел великого Майхуба, но отчего-то понял, что это он. Значит, он все-таки умер, а Мост Баадука на самом деле не мост, а ход сквозь раскаленную скалу?

2892 год от В.И.

12-й день месяца Сирены.

Эр-Атев, Гидалская обитель

– Ваше преподобие, у дверей обители путники, они просят убежища...

– Пусть войдут. – Иоанн, настоятель монастыря Святого Эрасти Гидалского, хотел вновь углубиться в старинную книгу, но, видя, что принесший новость инок не уходит, отложил фолиант в сторону. – У тебя вызывают сомнения наши гости? Почему? Кто они?

– Их двое, – выдохнул монах, – и оба язычники. Один из племени атэвов, он тяжело ранен, другой – его слуга, огромный и черный, как страж ада.

– Мы должны оказать помощь страждущему, – твердо произнес настоятель, – а огромный и черный – это, скорее всего, человек из племени мубу¹³³. Они не причинят нам зла, пусть им окажут посильную помощь, я сейчас спущусь.

Монах убежал исполнять поручение, настоятель осенил себя Знаком и, тяжело опираясь на Посох святого Иоахимиуса, увитый увядающими цветами, спустился в келью брата-лекаря. Там на скорбном ложе метался в горячке молодой атэв. Длинные спутанные волосы прилипли к высокому лбу, глаза были закрыты, губы пересохли и потрескались. Над больным хлопотал брат Дамиан, которому помогал молоденький послушник, а в углу на корточках сидел огромный чернокожий человек в белом атэвском одеянии. Предоставив лекарям делать свое дело, настоятель обернулся к нему, и тот вскочил быстро и бесшумно,

¹³³ Мубу – племя, обитающее на юго-западе Эр-Атэва, его представители отличаются чудовищной силой и огромным ростом. Мубу молятся Четырём стихиям, занимаются охотой и собирательством. Некоторые полагают, что они потомки троллей.

как огромная кошка.

- Кто ты, сын мой? – Настоятель говорил по-атэвски медленно и доброжелательно.
- Я Нгоро, Черный Леопард из племени Зеленой Реки.
- Кто тот человек, которого ты привез?
- Принц Яфе, сын второй жены калифа Усмана.

Все стало ясно. Настоятель обители, хоть она и стояла в пустыне, был в курсе происходящего в Эр-Атэве. Обитель, хоть и находилась под покровительством калифов, связанных клятвой, данной шесть с лишним сотен лет назад великим Майхубом, вряд ли бы благоденствовала, не будь монахи внимательны не только к делам божеским, но и к человеческим. Владыка Иоанн знал, что покойный калиф Усман долгое время не мог отдать предпочтение кому-то из своих двоих старших сыновей. Сын первой жены принц Наджед был умен, сын второй – смел и весел. Кто знает, к кому из них склонилось бы сердце Льва Атэва, но Усман скорпостижно скончался в собственной постели, возможно, именно потому, что принц Наджед был умен.

Закон Баадука гласит: если отец перед смертью не сказал своего Слова, старший сын остается Старшим. Наджед получал корону, Яфе – смерть. Однако Яфе хотел жить. Узнав о смерти отца, принц понял все и вместе с верным рабом бежал на юг, намереваясь пересечь пустыню Гидал и добраться до земель мубу. Их преследовали, но им удалось вырваться из окружения и скрыться в пустыне. Увы, последняя из выпущенных наугад стрел поразила Яфе. Сначала рана не казалось опасной, но на третий день началась лихорадка.

Иоанн выслушал мубу и обернулся к целителю.

- Что скажешь, брат Дамиан?
- Святой Эрасти милостив к больному, – сообщил тот, – с его помощью я остановлю болезнь.
- Хорошо, – настоятель повернулся к чернокожему, – мы поможем твоему хозяину. Ты волен остаться с ним или уйти.
- Служба Нгоро кончена, – сверкнул тот белыми зубами. – Я спасал жизнь хозяин. По закону это давать свобода. Нгоро возвращаться Зеленая Река. Святой человек давать Нгоро конь, еда и вода.
- Ты получишь все, что нужно. Когда ты отправляешься?
- Нгоро едет сейчас. Нгоро спешит.
- Дайте ему все, что он просит, и проводите его. – Игумен пощупал пульс больного, покачал головой и вышел. Никогда еще милость калифов к святой обители не подвергалась столь суровому испытанию. Однако оставить умирающего без помощи противно воле Господа и святого Эрасти...

Нэо Рамиэрль

Две дюжины на четверых, да еще из-за угла, это много больше, чем нужно. Видимо, те, кто решили на них напасть, не сомневались в успехе, и все равно они не рассчитали. Рамиэрль слишком долго был разведчиком, чтоб его захватили врасплох, а того, чему он научился в своих скитаниях, не знали даже эльфы Луцианы, чего уж говорить о паладинах. Роман не забывал каждую ору прощупывать окрестности в поисках чужого разума и сразу почуял гостей. Люди. Более двух десятков, возбуждены, насторожены и уверены в себе. Прочесть чужие мысли Нэо не мог, но оценить настрой появившегося в заповедных краях отряда было нетрудно, равно как и разделявшее их расстояние.

Конечно, можно было предположить, что это были паломники, направляющиеся в очередное капище Арцея и завернувшие в Заповедную Рошу за поздними грибами, но Рамиэрлю сие казалось маловероятным. Больше всего чужаки походили на воинов, намеревавшихся захватить врагов, и Нэо даже знал, кого именно. Эльф с усмешкой оглядел своих спутников. Аддари опять препирался с Альмиком, хотя и без особого вдохновения, Норгэрель о чем-то думал, лляма, похоже, спала, хотя кто этих тварей разберет. Почувствовав его взгляд, тварюшка вскочила и подбежала поближе, однако наскакивать не

стала. Запомнила, что ему это не нравится.

– Ну что, Волчонка, – осведомился Рамиэрль у порождения Тьмы, – драться будем или как?

– Драться? – переспросил Норгэрель и замолчал, прикрыв глаза, пытаясь понять, что встревожило Романа. – А... Понял. Сюда идут. Стараются себя не выдать и очень уверены в себе.

– Слишком уверены, – кивнул Нэо, – их много, но это ничего не значит.

– О чем вы? – Альмик смотрел на них, не скрывая удивления.

– К нам идут гости, и сдаётся мне, что они нас не любят. Но вот как они догадались, где мы?

– Отец всегда может узнать, где я, – пояснил Аддари, – но он не хочет мне зла. Я уверен.

– Тебе, может, и не хочет, – вскинулся Альмик, – а вот нам хочет.

– Это не эльфы, – твердо сказал Норгэрель.

– Значит, паладины, – в глазах бунтаря зажегся нехороший огонек, – сколько их?

– Больше двух десятков точно, – невозмутимо сообщил Нэо, но Альмика это только распалило.

– Ты собираешься драться? – поинтересовался Норгэрель.

– А что еще с этой поганью делать?! Не бежать же! Хватит, побегали!

– Мы не бегали, – возразил Роман. – Мы искали Врата, и мы не можем быть уверены, что за нами идет охота. Мы не сделали ничего, что не вправе делать изгнанники. Или я ошибаюсь?

– Нет, – кивнул Аддари, – мы не пытались вернуться в Долину Света, не совращали смертных, не являлись к ним в эльфийском обличье. Может быть, отец хочет с нами поговорить?

– С нами?

– Ну, со мной... Я все же его наследник.

– Аддари, – Рамиэрль старался говорить мягко, – если это так, к тебе должен прийти сородич, а не две дюжины людей, которые ведут себя, как охотники. Возможно, они и хотят увести тебя в Долину, но насчет нас у них, скорее всего, другие планы.

– Если мы нападём первыми, от них пух и перья полетят, – Альмик был настроен весьма решительно. – Роман, ты свою псину на них натравить сможешь, если что?

– Я хочу поговорить с ними, – твердо сказал Полуденная Песнь.

– Мы могли бы успеть уйти, – предложил Норгэрель. – Аддари, я думаю, мы с Рамиэрлем можем отвести твой след, причем по-таррски. Они тебя больше не найдут.

– Вы уходите, – согласился сын Эльрагилла, – а я спрошу у них, что им нужно.

– Так мы тебя здесь и бросим, – проворчал Альмик. – Роман верно говорит, если это паладины, они наверняка какое-то непотребство задумали. Прикончат тебя, а потом на нас свалят.

– Альмик прав, – вздохнул Роман. – Или мы уходим вместе, или остаемся, но один ты с ними говорить не будешь.

– Точно, – кивнул человек, – будем драться.

– Ты не можешь знать, что они замыслили зло.

– Могу. Эти морды крашенные только на подлости и годятся.

– Я бы все же ушел...

Звездный Лебедь! Три спутника, и каждый стоит на своем, хорошо, хоть льяма молчит... А выбирать ему. Драться, разговаривать или уходить? Он бы, конечно, ушел, но Аддари тоскует по отцу, а Альмик лезет в драку.

На него смотрели три пары глаз. Что до порождения Тьмы, то синий кокон скрывал ее голову, но видеть она видела, в этом Роман не сомневался. И тоже тарашилась на него. Ну почему ему опять приходится решать не только за себя, но и за других?! Как хорошо он жил, когда считал себя смертным бродягой и был свободен... От кого он слышал нечто подобное?

От Рене, тосковавшего по своей пиратской юности! А Жан-Флорентин, хотя его никто не спрашивал, заявил, что свобода – это осознанная необходимость и что мы отвечаем за тех, кого приручили. Звездный Лебедь! Он никого не приручал, они сами завелись... Нэо Рамиэрль из Дома Розы клана Лебеда собрал волю в кулак и повернулся к своим спутникам.

– Аддари, ты хочешь с ними поговорить? Альмик, ты не веришь паладинам и намерен драться? Норгэрель, ты советуешь уйти? Мы сделаем и то, и другое, и третье.

– Как? – Аддари выразил общее недоумение.

– Вы с Альмиком останетесь, но ты открыто, а он будет рядом, чтобы, если что, подоспеть на помощь. Если они идут по следу Аддари, то не могут быть уверены, что мы все вместе. Да и без чужаков разговор будет более откровенным. Если все в порядке, вы поговорите и решите, что делать дальше. А мы, мы тоже будем рядом. Альмик прикроет от меча, мы – от стрел и магии. Все решится само собой. Если предательства нет, выбор за Аддари. Если на него нападут, жалеть не будем.

– Хорошо, – кивнул Солнечный принц, – я согласен.

– Еще бы, – Альмика прямо-таки распирало. – Когда они поймут, что ты один, обнаглеют. Ну да я им покажу. Скоро они здесь будут?

Норгэрель прикрыл глаза, ловя отголоски чужих чувств.

– Они близко. Идут уверенно, коротким путем. Ищут кого-то одного, это точно.

– Тогда нужно спешить. Аддари, оставайся у этих можжевельных кустов. Альмик, спрячься в зарослях, а мы будем, – Рамиэрль оглядел поляну, – я у сломанного дерева, а Норгэрель – напротив, у муравейника.

– Паладины не поднимут руку на Перворожденного.

– Ну-ну, – проворчал Альмик, и Роман с ним мысленно согласился, но спорить не стал. – Все, расходимся. Волчонка, за мной и тихо!

Аддар пожал плечами, принятые предосторожности его раздражали, но спорить он, хвала Великим Братьям, не стал. Альмик, на прощание заговорщицки подмигнув Роману, скользнул в можжевельник. Нэо с Норгэрелем быстро разошлись по обе стороны поляны, замкнув двойной барьер. Теперь ни одно оружие, поражающее на расстоянии, не могло причинить вреда Солнечному принцу, одиноко стоявшему на залитой ярким осенним солнцем поляне. Заодно Рамиэрль набросил на место предстоящего то ли разговора, то ли боя Синюю Тень. Теперь о том, что здесь в ход пошла магия, узнает разве что очень сильный и дотошный маг, причем лично оказавшийся поблизости. Управившись с делами, Роман оглянулся на припавшую к земле лляму.

– Ну, Волчонка. Теперь тихо. Поняла?

Похоже, поняла... А в Луциане царила золотая осень. Тихо падали разноцветные листья, взмахнула хвостом, прыгая с ветки на ветку, белка, зачем-то спускаясь вниз... Понятно зачем – увидела поздний гриб. В Корбуте белки более крупные, и мех у них темнее. Не думай о Корбуте, если хочешь туда вернуться. Думай о бое, который вот-вот начнется!

Роман сосредоточился на стройной фигуре Аддари, волосы которого в полдневных лучах казались особенно золотыми. Именно таким и должен быть Солнечный принц... А вот паладины Света такими быть не должны, – Рамиэрль невольно улыбнулся, глядя на выходящие из золотого леса нелепые фигуры. Но вскоре ему стало не до смеха. Альмик был прав, а Аддари ошибался. Крашенные красавчики пришли не говорить, а убивать, и их целью был именно Аддар. Правда, у главного, как две капли воды похожего на выброшенного на помойку Илгора, хватило ума спросить, где остальные беглецы.

Слава Великому Лебедю, Солнечный принц сказал то, что ему велели, а именно, что Альмик пошел своей дорогой, а таррские гости ушли тем же путем, что и пришли, прихватив с собой Порождение Тьмы. Это паладинов, несомненно, обрадовало, но вовсе не потому, что добровольный уход «запятнанных Тьмой» избавлял Луциану от хлопот, а потому, что теперь им никто не мог помешать. Если бы они не приняли мер, Аддари умер бы сразу, но два десятка стрел, не долетев до Солнечного принца, вспыхнули ясным голубым пламенем и исчезли, а из кустов с яростным рычанием выскочил Альмик, получивший долгожданную

возможность подраться. И это было более чем вовремя, потому что тыквоносцы, сообразив, что стрелы не причиняют их жертве никакого вреда, бросились вперед, размахивая мечами.

Человек и эльф встали спина к спине. Альмик был хорошим воином, в нем Роман не сомневался, но и Аддар не подвел. Встав на одно колено, он хладнокровно достал стрелу, прицелился и выстрелил. Принц был настолько уверен в себе, что даже не глянул, попал ли в цель. Одну за другой сын Эльрагилла пускал стрелы в посланцев отца, пока те не подошли слишком близко. Тогда, вскочив с ловкостью кошки, он сменил лук на меч, которым, как оказалось, владел с немалым искусством. И в это время Норгэрель с Романом замкнули круг.

Синяя прозрачная стена взметнулась вверх, отрезая паладинам путь к отступлению. Альмик, заранее наученный Нэо, схватил Аддари и, отшвырнув в сторону нехотевшего попавшегося крашеного, выскочил вместе с Солнечным принцем за пределы пропустившего их мерцающего полога. Попытавшийся последовать за ними «Илгор» получил изрядный магический удар и свалился мешком под ноги растерявшимся подчиненным.

– Что? – зло бросил Альмик Аддари. – Поговорил с крашеными?! Таких только давить.

Полуденная Песнь молчал, но в его глазах была такая тоска, что Роману стало страшно.

– С этими, – человек кивнул на запертых в ловушке тыквоносцев, – что делать будем? Может, огневуху твою к ним запустим?

– Сначала разберемся, как они нас нашли и кто их позвал. Волчонка, ко мне!

Льяма подкатилась тотчас и принялась выписывать свои круги вокруг эльфа, вызвав у того какой-то горький смешок.

– Сидеть. Тихо! – Эльф протянул руку над тем, что у огненного существа исполняло обязанности морды, постепенно ослабляя кокон, пока сквозь синеву не проступило нечто черное и багровое, причем алые огненные провалы весьма смахивали на пасть и глаза. Льяма затрясла башкой, и сквозь защиту прорвалось несколько искр, которые Рамиэрль погасил, приподняв бровь. – Ладно, годится... Альмик, как думаешь, испугаются?

– Да они и без нее в штаны наложили, – уверенно заявил бунтарь, – но так веселее.

– Я тоже так думаю. Сидеть, Волчонка. Будешь буянить, опять в мешок засуну.

Огневуха замерла, вытянув «морду» в сторону пленников. Эльф тоже скользнул взглядом по размаляванным лицам, прикидывая, с кем лучше поговорить, так как оглушенный «Илгор» валялся без задних ног.

– Ты, – изящная рука указала на долговязого юнца с кучей цепочек на прыщавой шее, – иди ко мне. Не бойся.

Прыщавый боялся, но ослушаться не посмел. Голубая стена расступилась перед его носом и вновь сомкнулась. Чтобы держать такую защиту в Тарре, понадобилось бы усилие десятка Лебедей, но в Луциане хватило одного Норгэреля.

Роман присел на кстати оказавшийся на поляне пенек. Льяма улеглась у его ног, время от времени пуская искры, видимо, для собственного удовольствия, а Альмик стал за плечом эльфа с обнаженным мечом. Аддари опустился на пожухлую траву чуть поодаль, избегая смотреть и на пленников, и на друзей. Рамиэрль понимал, что должен сейчас чувствовать Солнечный принц, но помочь ему мог лишь одним способом. Узнать правду, какой бы та ни была. За годы своих скитаний Нэо понял, что узнать ВСЕ и СРАЗУ легче. Если открытие не убивает на месте, остается чистая рана, которая со временем заживет, а вот полуправда, замешенная на надежде, – это гнойная язва...

Если бы красавица Ильгэйбэ видела в этот миг сына Астена и Залиэли, она бы окончательно уверилась в том, что он предался Тьме. Синие глаза Романа стали жесткими и злыми, как у Рене, когда тот вернулся оттуда, откуда не возвращаются. Пленник съезжился под этим взглядом, а Рамиэрль бросил ему в лицо:

– Отвечай, если хочешь жить. Кто послал вас и почему?

– Вы принесли в Луциану Тьму.

– Но убить хотели не нас, а Аддара.

– Он запятнал себя служением Тьме и не может наследовать своему отцу.

– Где его отец? Это он отдал приказ?

– Да.
– Ты его видел?
– Нам сказал Светоразящий.
– Что именно он сказал?
– Что владыка приказал уничтожить пособников Тьмы. Если вы покинули Луциану, мы должны отыскать принца Аддара и...
– И?
– Убить его.
– Как вы его нашли?
– У Светоразящего есть проводник.
Все было ясно. Эльрагилл все же пожертвовал своим сыном. Только отец или мать могут сотворить артефакт, который, будучи врученным чужаку, приведет его к цели.
– Ладно, – махнул рукой Роман, – ступай к своим приятелям.
Мальчишка не рискнул спросить, что с ним будет, хотя этот вопрос читался в его затравленных глазах. Но Роман и сам не знал, куда девать всю эту ораву. Альмик наверняка предложит их перебить, и, возможно, опять окажется прав. Но сначала нужно вытрясти из главного, когда он придет в себя, что именно сказал им Тэноллиан. Впрочем, это терпит. Рамиэрль подошел к Аддари.
– Пошли отсюда.
– Куда? – Можно подумать, ему важно куда...
– Туда, – находчиво объяснил Роман, нагибаясь, чтобы поднять брошенный Солнечным принцем меч.
– Точно, – подоспевший Альмик, как всегда, брякнул то, что говорить не следовало, – пошли отсюда, не хватало, чтобы эти эльфийские прилипалы видели, как тебе паршиво.
Аддари медленно и тяжело, словно был не эльфом, а старым и больным человеком, поднялся. Альмик ругнулся и обнял принца за плечи.
– Давай шевелись, Бездна тебя побори.
Бездна! Эти слова поразили Романа как громом, но он сдержался и заговорил, лишь когда их и пленных разделили кусты:
– Мы были слепы, как хафаши. Если нам и нужно куда-то, так это в Бездну. А мы сделали все, чтобы убраться от нее подальше.
– В Бездну? – В зеленых глаза Аддари мелькнуло непонимание. – В Бездну?! Но это же Тьма.
– Именно. Если Ангес и Адена и вправду во Тьме, мы их найдем, а если нет... Бездна в любом случае выход из луцианской ловушки, и я им воспользуюсь. Но я никого за собой не зову. Каждый решает сам.
– Решать нечего, – как всегда, тихо сказал Норгэрель. – Мы – эльфы Тарры, и мы должны вернуться. Пусть через Бездну, хотя мне это и не по душе.

2892 год от В.И.

21-й день месяца Иноходца.

Арция. Эстре

Перо легко скользило по желтоватому листу, оставляя ровные, четкие строки. Александр Эстре составлял план летней кампании. В этом году они с Ра-Гваром и Лиддой должны раз и навсегда поставить приподнявшего голову Тодора на место. Наметившийся союз Фронтеры и Ифраны должен быть разорван. Александр понимал, что положение Арции на Юге стремительно ухудшается. Ифрана вот-вот проглотит Оргондское герцогство.

Марк, вернее, Марта и Анри Мальвани держатся из последних сил, но, если оставить их без помощи, через несколько лет Оргонда, за исключением Ирми, которая отойдет Святой области, станет провинцией Ифраны, после чего Жермон и Жоселин вряд ли продолжат платить Арции оговоренные при подписании мира суммы. Казна же, и так не слишком полная, без них опустеет быстро, особенно с учетом потрясающего умения родичей

королевы растаскивать не принадлежащее им. Нечем будет платить армии и ремесленникам, не на что закупать хлеб для вечно голодающей Ользы, а нелюбовь и нобилей, и народа к клану Вилльо может обернуться очередной смутой.

Александр понимал, что лично ему это мало чем грозит. Разоренная буйным норомом собственных нобилей и набегами соседей, Эстре за четыре года превратилась в островок спокойствия и уверенности в море хаоса. Для герцога и, что греха таить, для всего Севера самым простым и мудрым было, не дожидаясь беспорядков, заявить об отходе от Арции. Лось и Лидда пошли бы за Эстре и по уму, и по дружбе. Александр Тагэре стал бы независимым сюзереном, и никто бы его не осудил. Но это окончательно погубит Арцию и Филиппа, и Сандер, не получая из Мунта ни арга, нашел деньги на войну с Фронтерой, которая не должна повернуться лицом к Авире.

Победы Александра были единственным светлым пятном за последнее время. Младший из Тагэре понял это, когда впервые после смерти Жоффруа выбрался в Мунт. То, что он увидел, напоминало пир во время чумы. Роскошь двора, интриги, предательства, и среди всего этого некогда обожаемый брат-король и его утратившая красоту, но не властные замашки королева. Сандер предполагал, что Филипп мог измениться, но то, что он увидел, поразило.

За время их разлуки брат растолстел в два раза и постарел лет на пятнадцать. Теперь его вряд ли кто-то мог назвать пять ланов мужской красоты. Эжени все еще была при нем и была по-прежнему прелестна, но все, кроме самого Филиппа, знали, что красавица утром пускает к себе сына королевы, днем – брата, а вечером – друга короля. Гастон, к слову сказать, сдавшийся и выдавший свою дочь за Жореса Аганна, не считал зазорным делить любовницу с королем и зятем. Но канцлер хотя бы привязан к Филиппу, чего нельзя сказать про прочих. Радость, с которой король бросился к младшему брату, словно бы принесшему с собой горный ветер и дым осенних костров, ножом полоснула Александра по сердцу. Только тогда он ощутил всю степень одиночества Филиппа. Одиночества, на которое тот сам себя обрек.

Но Александр не ответил на безмолвный призыв о помощи. Наверное, Обен был прав, и он стал жестоким. Кому он что доказал, когда говорил с братом, как с чужим, когда не поехал в Тагэре на похороны матери. Да, он был ранен, а Ра-Гвару была нужна помощь против вознамерившегося вернуть себе Набот Оскара, но мать есть мать, даже если она тебя никогда не любила. На похоронах были лишь Филипп и Лаура, двое из четверых выживших детей Эстелы и Шарля. В иглеции брат потерял сознание. Гастон написал, что король до последнего ждал герцога Эстре, даже задержал службу, а тот в это время гнал коня в противоположную сторону.

Оскар Ра-Набот был разбит и погиб, пытаясь переплыть Гевату, а мать теперь лежит рядом с отцом, и спустя сотню лет никто не скажет, что их примирила только смерть. Если вообще будут об этом говорить. Нужно съездить в Тагэре. Хотя бы на годовщину.

Александр заставил себя вернуться к делам и еще раз перечел написанное. Все правильно, так и будем действовать.

К осени он покончит с амбициями Тодора, сделав невозможным самую мысль о его союзе с Ифраной, и вернется. Потому что и Арцию, и брата нужно спасать. От Вилльо, от Ифраны, от лжи, от тоски, которую топят в пьяном разгуле...

Он вернется и постарается вычистить эти конюшни, хотя сделать это, не замаравшись, видимо, невозможно. Как невозможно спокойно смотреть, что творится с Филиппом, который сделал то, что противно самой его природе, и теперь погибал.

В дверь постучали, и герцог крикнул:

– Войдите!

– Монсигнор, прибыл Артур Бэррот. Он говорит, что у него срочное дело.

– Срочное так срочное. Я рад его видеть.

Артур совсем не переменялся. Грациозно преклонив колено, он с искренним обожанием глядел на человека, счастье которого украл.

- В чем дело, Артур?
- Монсигнор, я не знаю, в чем дело. Я охотился у Лаги, когда меня отыскал человек барона Обена и передал срочное письмо. Он сказал, что должен возвратиться в Мунт, потому что иначе у сгнора Трюэля будут крупные неприятности, но я должен немедленно скакать к вам, не жалея ни денег, ни лошадей.
- Что в письме?
- Монсигнор, разве я посмел бы...
- Узнаю Артура Бэррота: сперва – честь, потом – жизнь, но тебе могли сказать, ты мог догадаться... И потом, Артур, иногда НУЖНО быть любопытным, хотя бы потому, что письмо могли у тебя украсть... Ладно, – герцог улыбнулся своей нечастой улыбкой, которая накрепко привязывала к нему самые разные сердца, – все равно спасибо и тебе, и Обену. Я сейчас прочитаю, а потом отдыхать. Шутка ли, три кватры в седле.
- Семнадцать дней.
- Похоже, у твоей лошади крылья... Святой Эрасти!
- Что случилось, монсигнор?!
- Умер король...

2892 год от В.И.

27-й день месяца Иноходца.

Оргонда. Лиарэ

При виде супруга герцогиня Оргондская встала и выдавила из себя приветливую улыбку. Как же она устала от Марка! От его спеси, трусости, мелочности, черствости, заумных рассуждений о том, в чем он ничего не понимал. Когда-то старшая дочь Шарля Тагэре согласилась на брак, сулящий Арции немалую политическую выгоду, но тогда она не знала Марка ре Ги. Недавно Орест вещал, что жена угольщика заслуживает большего уважения, нежели любовница принца. Насчет уважения Марта не задумывалась, но в том, что жена угольщика может быть счастливее герцогини, не сомневалась. Однако между супругами должно царить согласие, которого арцийка добилась, бессовестно лъстя самолюбию мужа.

Марк не сомневался, что жена смотрит ему в рот, и очень бы удивился, узнай, что истинным правителем герцогства уже лет десять является Марта Тагэре. К несчастью, Паук и его наследники были более наблюдательны...

Герцог Оргондский казался взволнованным. Марта давно знала эту его гаденькую улыбочку, когда он узнавал что-то неприятное для одних, но полезное ему. Однако на этот раз к злорадному удовлетворению примешивалась некоторая растерянность. Герцогиня сделала вид, что ничего не заметила. Скажет сам. За тем и пришел.

Марк поцеловал руку жены и многозначительно на нее посмотрел. Его многозначительность она тоже ненавидела.

- Дорогая, я должен сообщить известие, которое вас наверняка огорчит.
- Огорчит? А сам с трудом скрывает радость. Что же случилось?
- Супруг мой, вы меня пугаете.
- Увы, Марта. Никто из нас не знает, как и когда найдет свой конец. – Марк закатил глаза, став похожим на проповедующего ошипанного петуха. Так его как-то назвал Сезар Мальвани. А герцог, шмыгнув носом, сообщил: – Умер ваш брат.
- Александр?!
- Нет, я имел в виду Филиппа. Подумать только, он был на девять лет младше меня, но он вел неправильный образ жизни...

Марк сел на любимого конька. Последние годы он помешался на своем здоровье, окружив себя толпой медикусов и печатных волшебников и тщательно избегая всего, что те полагали вредным и неправильным. Герцог питался лишь специально приготовленной пищей, в основном состоявшей из отваренных и сырых овощей и приготовленной на пару рыбы, от которой отворачивались даже кошки. Как это отражалось на здоровье повелителя

Оргонды, сказать было сложно, по мнению Марты, он не становился ни здоровее, ни приятнее, но сам Марк был убежден: каждая съеденная им пареная свекла спасает от множества ужасных напастей. Разумеется, арцийский король, не отказывавший себе ни в чем, казался Марку святотатцем, разрушающим храм собственного тела, а его смерть закономерной и справедливой.

Если в начале разговора оргондец еще помнил, что говорит с сестрой умершего, то, заговорив о здоровье и болезнях, напрочь позабыл о такте, хотя Марта не обиделась. Презирать супруга еще больше было просто невозможно. Но он был жив, а Филипп мертв. Сорок лет – не возраст для мужчины, да и для женщины, по большому счету, тоже.

Герцогиня попыталась представить себе брата, каким он стал, но пред глазами вставал стройный золотоволосый рыцарь с очаровательной улыбкой. Такой, каким был Филипп Арцийский во время несостоявшегося ифранского похода, когда они виделись в последний раз. А теперь он умер и больше не улыбается, не любит женщин, не пьет вина... У нее было четыре брата и сестра, а остались только Сандер и Лаура...

– Я должна побывать в Арции. – Герцогиня не просила и не спрашивала, она утверждала. Марк с удивлением взглянул на жену.

– В Арции? Зачем? К похоронам не успеть. К тому же Филипп оскорбил и предал нашу дружбу.

Он прав, как ни странно, и в том, и в другом. Брата похоронят без нее, а вдовствующая королева и нынешний кардинал Оргонде не союзники, а Арции и вовсе враги хуже не придумаешь.

– Хотя... – в глазках герцога мелькнула мысль, которая ему явно понравилась, – дорогая, вы правы. Наше присутствие на коронации будет полезным. Я переговорю с герцогом Эстрийским о судьбе ифранско-арцийского договора...

...И о том, что Марк предпочел бы видеть на троне ненавидящего Ифрану Александра, а не малолетнего короля, окруженного Вилльо. Но Сандер никогда не посягнет на права племянников, хотя Марку этого не объяснишь, понятия чести и верности для него пустой звук. Если муж предложит брату захватить власть, они рассорятся навсегда. Сорвать поездку и больше никогда не увидеть Арции?

– Мы возьмем с собой обоих Мальвани. Они и герцог Эстре большие друзья.

Путешествовать вместе с Сезаром, которого она за четыре года видела в общей сложности не больше трех месяцев? О таком она и мечтать не смела, но как же плохо Марк знает людей! Сезар и Анри не станут толкать Александра на предательство, как бы они ни относились к Вилльо. Мать Сезара убеждала ее уехать в Арцию, да и он сам... Его последнее письмо было очень тревожным, он подозревал заговор. И, скорее всего, так оно и есть. Орест – страшный враг...

– Дорогой, ты, как всегда, прав. Мы поедem в Мунт.

– Я уже написал Мальвани.

Уже написал... Три кварталы в пути с Сезаром искупают все, и потом, она так устала от собственной безупречности.

2892 год от В.И.

28-й день месяца Иноходца.

Арция. Эстре

Органист в последний раз нажал на клавиши и опустил уставшие руки, – похоронная служба была окончена. Епископ Антоний выложил на специальный инкрустированный перламутром столик Книгу Книг и поудобнее подхватил посох. Присяга началась. Нобили Эстре один за другим клали руку на священную книгу и клялись служить сыну умершего короля Филиппу Пятому Тагэре-Аррою, после чего целовали епископский посох.

Было тихо и душно, в старинном иглеции пахло воском и влажной одеждой. На улице шел дождь, и проехать по раскисшим дорогам можно было лишь верхом. Все было слишком неожиданно. Александр сразу же разослал гонцов, но те, кто жил дальше, чем в дия от Эстре,

едва успели на панихиду и отстояли службу в чем приехали.

Александр был собран и спокоен, на его словно бы окаменевшем лице не отражалось ничего. Он сделал все, что нужно, – распорядился о заупокойной службе, собрал и привел к присяге окрестное дворянство, приказал наиболее уважаемым рыцарям и их сигурантам, всего числом до шестисот человек, приготовиться к отъезду. После смерти брата герцог стал еще молчаливее, он ни с кем не разговаривал, если не считать обязательных ритуальных фраз и необходимых приказаний. Даже Рафаэль Кэрна, и тот не слышал от друга ни одного лишнего слова. Мириец тоже молчал, стараясь скрыть тревогу. Рито было наплевать на Филиппа, которого он давно не уважал, но горе Александра было слишком тяжелым, чтоб тащить его в одиночку. Вся жизнь младшего Тагэре прошла под знаменем служения королю и Арции, но Филипп хотя бы не мешал брату делать то, что нужно, а что начнется теперь, трудно даже представить.

В письме, привезенном Артуром, говорилось, что смерть короля была неожиданной, но (Обен это подчеркнул) совершенно естественной. Вопреки чаяниям Вилльо Филипп успел написать и огласить завещание, содержание которого узнал каждый житель Мунта. Филипп назначал протектором Арции своего брата Александра, наделяя его королевскими полномочиями вплоть до совершеннолетия его сына, каковой должен взойти на престол под именем Филипп Пятый.

Разумеется, Вилльо такое не устраивало. То, что они задумывали, было рискованно, но могло сработать. Первое, о чем позаботились Элеонора, ее старший сын и брат, было скрыть от Александра случившееся. Город был оцеплен, а на дороги высланы усиленные патрули. Элла направила гонцов в Кантиску с просьбой разрешить одновременно миропомазание и коронацию и в замок Ланже, где находился наследник. Это было разумно. Если бы одиннадцатилетнего Филиппа короновали, полномочия протектора кончились бы сами собой. При малолетнем короле должен быть регент, в роли коего, без сомнения, королева-мать видит себя.

Александр не сомневался, что конклав не преминет стать на сторону вдовицы, точно так же и по тем же причинам, по каким поддержал Клавдия. Но Арции не нужны ни засилье синяков в Мунте, ни унижительный мир с Ифраной, ни воры и подлецы у трона...

– Рито, – Эстре поднял измученные глаза, – что мне делать с этой бабой?

– По справедливости надо бы ее отправить в Речной Замок. Но ведь ты этого не сделаешь?

– Не сделаю, – кивнул Александр.

– Значит, нужно перехватить наследника до того, как он встретится с матерью. Если поторопиться, мы успеем.

– Должны, – бросил Александр, – я рад, что мы думаем одинаково.

– Тут и думать нечего, – пожал плечами Кэрна, – это же очевидно.

– Очевидно, – повторил Александр, – Рито, если бы ты знал, как я устал...

Нэо Рамиэрль

Песня была настолько глупой, что Рамиэрлю показалось, что все дело в его плохом знании луцианского. Слова казались знакомыми, но складывались в такую ахинею, что сводило скулы. Вообще-то у Нэо были заботы и поважнее песен паладинов, но любопытство взяло свое, и разведчик, давясь со смеху, подозвал Аддари. Солнечный принц производил странное впечатление, впрочем, как и все они. Рыцари Солнцецвета казались злой пародией на эльфов, но эльфы, изображающие паладинов Тыквы, были чем-то вовсе запредельным. Сам Рамиэрль тщательно скопировал облик главного в этом отряде ряженных, но себя хотя бы не видно.

– Аддари, – сын Эльрагилла вопросительно поднял бровь, – как переводится: «Абмардюк кусси на поманда, рипаркуз ко виуро ханда...»? Может, у этих слов есть другое значение?

– Другое?

– Уж больно глупо звучит...

– Нет, все правильно. Я уже слышал эту песню. Перевести тебе?

– Лучше я буду переводить, а ты проверяй, как-никак учил нас ты.

«Я шел по коридору , по длинному темному коридору темного замка.

Я шел спасать тех , кого встречу , и биться с порождениями Тьмы.

Вдруг сзади меня выросла стена. Высокая , черная стена ,

А впереди я увидел ... – Рамиэрль задумался, – «прамуда», как же это перевести?

– Ну, в общем, это такая куча из всяких вещей, за которой можно укрыться и отбиваться от нападения.

– Понял. *«...я увидел прамуду , под ней лежала девушка , прекрасная обнаженная девушка».* погоди! Она лежала под кучей? Как же тогда я увидел, что она прекрасная? И зачем ее туда положили?

– Тут лучше сказать «перед кучей», – улыбнулся Аддари, и Роман понял, что наконец-то нашел способ отвлечь друга от грустных мыслей. Выходит, и дурацкие песни на что-то годятся, – да, лучше «перед» или «возле», но оно не влезает в размер, вот они и поют «под прамудой»...

– И все равно нечего обнаженным девушкам валяться перед кучами, – не одобрил Нэо, – значит, валялась она, валялась, а *«из-за прамуды на меня бросились абмардюки».* А это что за звери?

– Это... Ну, когда черный маг оживляет трупы и они делают то, что он хочет.

– А у вас в Луциане разве такое есть?

– Нету. Свет это запрещает. Но в Бездне есть колдуны, которые поднимают мертвых.

– Ну и в поганое местечко мы с Норгэрелем собрались. Мало того, что там Тьма и нельзя жить, там еще и абмардюки бегают. А что они за прамудой делали? Ждали, когда придет кто-то, чтобы на них напасть? – Роман прислушался к пению. – Ага, значит, *«бросились они на меня , но я схватил девушку на руки и начал наносить удары порождениям Тьмы»* , интересно, сколько у меня рук? Ну ладно, возможно, это паладинистый паук поет. Так, *«я начал наносить удары порождениям Тьмы , и они падали мне под ноги , но на их место приходили все новые».*

Аддари, а почему они падали, там скользко было? Я же не мог их убить, они и так мертвые? Ладно, может, дальше об этом будет. *«Они хотели убить прекрасного принца , но я не позволил им...»* Все. Хватит! Не могу больше! Принц-то там как очутился? Перед прамудой он НЕ валялся, там только голая девушка была. Значит, он валялся ЗА прамудой. То есть абмардюки, прежде чем напасть на меня, должны были его прикончить. Я им помешать не мог, так как через кучу не прыгал, на руках у меня девица, да я еще и дерусь.

– Нэо, – Солнечный принц уже не улыбался, он смеялся в голос, – когда ты... Когда ты говоришь так... Как представляю все это...

– Погодите! – вмешался Норгэрель. – Сейчас припев будет. – И дрожащим голосом сын Ларэна и Залиэли перевел:

– Я ничего не боюсь! Я – паладин Света!

У меня длинные стройные ноги и золотые волосы.

Мои прекрасные глаза мечут молнии,

Мое сердце – сердце Льва, моя рука тверда,

Мой меч беспощадно разит предавшихся Тьме

И извративших дело Света...

– О, Творец и его Розы! – выдохнул Роман.

– Это еще не все!

Я строен, как тополь, и быстр, как ветер,

Моя рука не дрогнет в бою с порождениями Тьмы,

Мои песни потрясают Бездну и покоряют сердца девственников,
Но я не желаю их, я выше женской любви.
Я служу Свету. Я люблю Перворожденных.
Я – паладин Света. Я прекрасен и непобедим,
Я непобедим и прекрасен. Я – дитя Света!

– Звездный Лебедь, – Роман утер выступившие на глаза слезы, – надо же до такого додуматься! Альмик? И ты их ненавидишь? Таких из себя прекрасных?!

– Да, – бунтарь не был расположен к веселью, – ненавижу. Они жестокие, подлые и продажные. Вы можете смеяться, вы сильнее их, вы пришли и ушли, а нам с ними жить. Они позорят людей, выставляют нас Бездна знает кем.

– Не волнуйся, – махнул рукой Нэо, – Свет и эльфов они выставляют еще хуже. Кстати, ты всерьез решил идти с нами? Зачем это тебе?

– Затем, – буркнул Альмик, которого тряпки паладина и слегка подправленная Романом внешность отнюдь не сделали более учтивым. – А этих с собой нечего тащить.

После нападения тыквоносцев Альмик самопроизвольно назначил себя защитником Аддари, который словно бы угас. Жить с мыслью, что родной отец подсылает к тебе убийц, непросто. Солнечный принц старался держаться, но получалось у него, прямо скажем, не очень. Альмик это видел и на свой манер пытался поддержать товарища. Мысль, что эльф эльфу рознь, овладела бунтарем окончательно и бесповоротно, но тем непреклоннее он был, когда речь заходила о рыцарях Солнцецвета.

– Когда эта сволочь крашенная нас с потрохами предаст, поздно будет думать, – уверенно заявил Альмик.

– Не думаю, – улыбнулся Рамиэрль, – если они такие мерзкие, как ты говоришь, они нас не предадут. И вовсе не потому, что у них в душе розы расцвели. Невыгодно им нас предавать...

Нэо и впрямь был уверен в уцелевших паладинах, на которых держалась первая часть его сумасшедшего плана. Как только разведчик понял, что, если они хотят вырваться из объятий Луцианы и найти след Ангеса и Адены, им нужно попасть в Бездну, он начал искать способ вернуться в Долину Света и заставить Эльрагилла открыть Врата во Тьму. Прорываться с боем было безумием, Солнечных было слишком много, да и укреплять позиции Тэноллиана и Ильгэйбэ не хотелось. Луциана была мирной страной, альмиков в ней было мало, поднимать смуту было незачем, равно как и вынуждать эльфов взывать к Престолу Силы. Рамиэрлю нужно было вернуться в Тарру до пресловутого года Трех Звезд, а не драться в чужом мире со Светозарными.

Нет, бой отпадал. Не было надежды и на посредничество Аддари, так как Эльрагилл предпочел видеть сына мертвым, но не предавшимся Тьме. И тогда Рамиэрлю пришла в голову блестящая с его точки зрения мысль. Вернее, эта мысль была не столько его, сколько Альмика, вознамерившегося захватить в заложники Солнечных владык и Талисман клана и таким образом вынудить эльфов уйти.

Со стороны ненавидящего Перворожденных стрелка это было безнадежной глупостью, но Рамиэрль был достаточно силен в магии и искушен в ремесле разведчика, чтобы рискнуть. Тем более задача, которую он перед собой ставил, была проще, чем у бунтаря. Под видом начальника тыквоносцев встретиться с Эльрагиллом наедине (а Роман был уверен, что расспрашивать об убийстве сына Владыка станет без свидетелей) и захватить его. А дальше они договорятся, Солнечный откроет ему и Норгэрелю дорогу в Бездну, после чего может идти на все четыре стороны. Но для того чтобы предстать пред очи Эльрагилла, нужно миновать всяческие стражи и рубежи, которые за время их отсутствия были усилены и изменены. Аддари помочь не мог, а разбирать и распутывать чужие заветы было делом долгим и хлопотным. И Рамиэрль решил, подправив свою и Норгэреля внешность, присоединиться к проштрафившимся охотникам. Тем паче положение у тех было незавидным, с какой стороны ни посмотреть.

Паладины Тыквы проиграли и попали в плен, не выполнив задания. Даже если победители не станут мстить, их судьба, судьба неудачников, будет печальна. Илгор еще дешево отделался, потеряв только то, что по недомыслию считал красотой. Тем, кто упустил Аддари, грозило заключение, если не смерть, и они это понимали. Поэтому, когда Рамиэрль предложил сделать вид, что они справились с заданием, тыквоносцы сначала не поняли, а потом не поверили своему спасению. Разумеется, они согласились на то, чтобы Норгэрель и Роман заняли места предводителя и одного из погибших. Нэо бы не удивился, если б узнал, что паладины полагают, что он намерен прикончить Солнечных владык и тайно занять их место. Судя по обожающим взглядам, которые кидали на него и его товарищей тыквоносцы, и взаимным доносам, рыцари Солнцецвета уже делили места вокруг нового владыки. Ну и пусть их...

Конечно, был риск, что на каком-то из рубежей учуют следы магии, но игра стоила свеч. Труднее всего оказалось с Альмиком, Аддари и лльямой, наотрез отказавшимися уйти. В результате в Долину Света отправились все. Четверо под видом паладинов, а порождение Тьмы, на которое Рамиэрль вновь надел магический намордник, кралось следом. Тварюшка сообразила, что на глаза лучше не попадаться, но Роман чувствовал ее присутствие, вернее, свои собственные заклятия, не позволяющие огневушке жечь все вокруг и гасящие ее собственную магию. Работа была непростой, но Нэо был уверен, что порождение Тьмы можно только увидеть, но не учуять при помощи магии.

Зачем он вообще тащит с собой это создание, Рамиэрль не знал.

2892 год от В.И.

19-й день месяца Медведя.

Арция. Лага

И опять дорога, на этот раз в Мунт. С той поры, как он, пятнадцатилетний, покинул бывшую к нему доброй Фло, он все время куда-то торопится. Вот и сейчас нужно опередить Реву и перехватить королевский кортеж. Возможно, он был не прав, взяв с собой лишь шесть сотен человек, но оголять Север нельзя. Будем надеяться, Гварский Лось и дарнийский наемник сделают все как надо, и с Тодором будет покончено, а дело Сандера унять Эллу и ее свору и при этом не дать разразиться гражданской войне. Все висит на волоске, если королева прольет кровь, Арция вспыхнет, как сухая солома. Слишком много людей, державших в руках оружие, слишком много ненавидящих королевских родичей... Проклятый, ну почему Арции так везет на подлых баб?! Элеонора будет почище Агнесы...

Протектор Арции привстал на стременах, взгляды в даль. Было сыро и ветрено, ветер гнал низкие облака, похожие на табун серых, мохнатых лошадок, но дождя не было. И на том спасибо. Сколько народу взял с собой Аганн? Тысячу, две, три? Вряд ли больше. Если драться, получается на одного в лучшем случае двое, в худшем – пятеро. Но драться нельзя не поэтому, а потому, что нельзя. Если брат короля скрестит меч с сыном вдовствующей королевы, это послужит сигналом. Нужно решить миром, но как? Напасть ночью, захватить Аганна, выкрасть малолетнего короля? Это было бы разумно, если бы король был элльский или ифранский, но протектор Арции, в темноте бросающийся на королевский кортеж... Бред!

На щеку упала капля, затем еще одна, и еще. Дождь все-таки пошел. Теперь дороги раскиснут. Какая мокрая в этом году весна. Сандер придержал коня и, оглянувшись, жестом подозвал Рито и Луи. Рыцари, судя по ухмылкам, в очередной раз обсуждали достоинства жабьих хвостов. Впрочем, взглянув на своего жоака, они посерьезнели.

– Через ору или две мы их догоним. Это, как вы понимаете, самое простое. Луи. Что бы сделал твой дед?

– Дед тем и хорош, что угадать, что он учудит, невозможно, – пожал плечами Луи, – он бы не допустил драки, но как?

– Ты согласен, что драться нельзя?

– Согласен, и именно поэтому жаль, что у нас шесть сотен, а не тысяч. Вилльо всегда были немножко трусами, даже самые храбрые из них. Силе бы они подчинились.

– Может, соврем, что нас много? – предложил Рито.

– Пожалуй, – кивнул Луи, – только Артуру не говорите, а то этот жабий хвост завопит, что обманывать короля нехорошо.

– И правильно завопит, – Александр задумчиво потрепал Садана по шее. Луи пожал плечами, Рафаэль улыбнулся:

– Если нельзя врать и нельзя драться, остается сказать правду, а дальше что получится...

– Дед не терпит всяких «чтополучиццов», он говорит, что надо не идти на поводу у обстоятельств, а создавать эти самые обстоятельства самим.

– Вот мы и создадим, – сверкнул глазами Александр. – Подождем их там, где Гаэльзский тракт сливается с Северным.

– А подробнее?

– Подробнее не скажу, но я ставлю на Филиппа.

– На Филиппа?

– Да, на короля. Он – Тагэре, а не Вилльо.

– И предпочтет дядю по отцу дяде по матери? Если это так, мы и впрямь обойдемся и без крови, и без вранья.

– Мы укроемся в лесу и выедем в последний момент. Нас не ждут, ведь про Артура никто не знает. Я подъеду к Филиппу, вы возьмете на себя «пуделей». Бэррот – капитан королевской гвардии, кому, как не ему, сопровождать короля?

Через полторы оры люди протектора укрылись среди цветущих рябин. Дождь так и не понял, хочется ему идти или нет. Редкие капли падали на досадливо вздрагивавших лошадей и напряженно вглядывавшихся в дорогу всадников. Наконец показался племянник господина Игельберга, следивший за дорогой. По его значительно-удовлетворенному виду все стало ясно. Александр сбросил походный плащ и принял из рук оруженосца другой, алый с белыми нарциссами. Рядом с протектором гарцевал Артур с цепью капитана гвардии. В просвете между деревьями показался всадник с королевской сигной, а затем по четверо в ряд пошел авангард.

– Похоже, они нас не ждут, – улыбнулся Рафаэль.

– Жабий хвост, еще бы.

– Пора, – Сандер слегка шевельнул поводьями – Садан не нуждался в шпорах. Черногривый красавец бросился вперед, как стрела. Александр не оглядывался: Артур с Кэрной не отстанут, да и на остальных можно положиться.

Люди Вилльо слегка обалдели, когда всадники Эстре при всех регалиях смешались с ними, оттесняя вождей от простых воинов. Сигну протектора, равно как и его самого, узнали сразу. Солдаты, не получив никаких приказаний, сопротивляться и не подумали. Конечно, монсигнор присоединился к ним каким-то чудным способом, но это его дело. И вообще хорошо, что он появился.

В те считанные мгновенья, которые потребовались, чтобы добраться до племянника, Сандер вспомнил другую дорогу и другой отряд. Тогда они с Сезаром вызволили Филиппа из рук Рауля, сейчас все куда сложнее. Племянник не видел его четыре года, в этом возрасте забывают быстро...

– Дядя Сандер! – Золотоволосый мальчик с радостным воплем послал коня навстречу, и с души монсигнора протектора свалился камень.

– Дядя Сандер, как быстро ты приехал!

– Ты рад?

– Очень! – Филипп немного виновато, немного лукаво опустил глаза, до боли напомнив мальчишку, просочившегося в отцовский кабинет во время проклятого разговора о Жоффруа. – Дядя Сандер, ты надолго? Или только на коронацию? Ты мне расскажешь про войну? А можно, я потом поеду с тобой?

– Когда-нибудь Ваше Величество обязательно побывает в Эстре, – улыбнулся Александр.

– Да, – голубые глаза племянника подозрительно заблестели, – я так обрадовался, что ты приехал, что забыл... Отец умер, и я теперь король... Я еще не привык.

– Я тебе помогу.

– Правда?! И мы победим Паука?! Хотя он же умер...

– Ифрана и без Паука опасна. Мы займемся этим обязательно.

– Мы?

– Разумеется. Разве тебе не сказали, что твой отец назначил меня протектором Арции, пока ты не станешь совершеннолетним.

– Нет... А он это сделал? Как здорово! Ты останешься в Мунте? Дядя Сандер, мне, наверное, нужно извиниться перед дядей Фернаном и братом?

– Извиниться?

– Да. Они мне говорили, что послали за тобой, но ты вряд ли приедешь, потому что очень занят, а я им, – мальчик замялся, но потом признался, – я им не поверил. Мы даже поссорились. Немного.

– Тебе не стоит перед ними извиняться. Мне сообщил Артур Бэррот.

– Бэррот с Ведьмина Моста?!

– Да. И капитан королевской гвардии, если ты не возражаешь.

– Нет, конечно! Значит, они все-таки врал?

– Ну, может, и нет. Просто Артур прискакал быстрее.

– Нет, врал. Они тебя ненавидят.

– Я знаю, но сейчас нам не нужно ссориться.

– А что нужно?

– Много чего. Разобраться, что происходит, подготовиться к твоему миропомазанию, думаю, его лучше всего назначить на начало месяца Собаки. Как раз истечет глубокий траур¹³⁴, и все успеют собраться и приехать. Ты очень огорчишься, если узнаешь, что отец завещал, чтобы тебя короновали в день совершеннолетия?

– Нет, наверное. Хотя я мало в этом разбираюсь.

– Дядя Фернан тебе ничего не объяснял?

– Он сказал, что меня коронуют, как только мы приедем, но править, пока я не вырасту, будут он и мама.

– А вот тут он тебе точно соврал. По арцийским законам ты уже король. В глазах Церкви ты им будешь после миропомазания и тогда же начинаешь царствовать, но править ты станешь после коронации, когда тебе исполнится восемнадцать, а до этого отец хотел, чтобы главные решения принимал я и при этом тебя учил. Его завещание хранится в Генеральных Штатах. Ты его прочитаешь.

– Конечно, – очень серьезно сказал король, – но я понял. Я буду делать все, как ты скажешь. А когда мы поедem в Эстре?

– Не знаю. Нужно посмотреть, как пойдут дела в Мунте. Но не раньше осени, это точно.

– А я так хотел увидеть Лося.

– Ты его обязательно увидишь. Он приедет на миропомазание.

– В шлеме? С рогами?

– Конечно, – Александр не смог сдержать улыбки, – но я тебя разочарую, рога у него не настоящие, а для красоты. А лосиные рога под силу таскать только лосю.

– Дядя Сандер, мы накажем графа Ревы за то, что он наврал?

– Мне кажется, будет лучше, если ты его простишь. Короли должны прощать, особенно если ничего страшного не случилось.

– Но я могу ему сказать, что все знаю и я недоволен?

– Скажи, – улыбнулся Александр, – это не помешает.

¹³⁴ Глубокий траур – первые пять месяцев после смерти.

Нэо Рамиэрль

Свет в Луциане не имел врагов страшнее Альмика и был непростительно беспечен. Здесь Перворожденные верили своим глазам и пребывали в глубочайшей уверенности, что их никто не обманет. Отряд паладинов преспокойно разбил лагерь у моста, где Рамиэрль впервые встретил Аддари. Теперь стражу нес другой эльф, пепельноволосый и синеглазый. Солнечный принц тихонько назвал его имя. Инновизен Золотистый Топаз. Когда-то они с Аддари были очень дружны, и Рамиэрль готов был поклясться, что Инновизену не нравится ни то, что происходит, ни тыквоносцы. Страж Долины коротко сообщил, что паладина Калиуса желают видеть в Янтарном чертоге. Одного. Прочие могут отдохнуть в ближайшем из святилищ Арцея. Роман почувствовал, как напряглись его друзья – он уйдет, а им придется ждать и делать вид, что все в порядке.

Рамиэрль скорее согласился бы двадцать раз отправиться в пасть дракону, чем единожды дожидаться отправившегося в подобную прогулку друга. Но сейчас ему повезло. Уходил он, а Норгэрель, Аддари и Альмик оставались. Только бы не вышла лляма! Нет, обошлось. Возможно, храбрость тварюшки отступила перед сторожевыми заклетами Долины Света. Нэо с величайшей точностью скопировал напыщенный паладинский поклон, и его конь ступил на мост. А ты молодец, Роман Ясный! Обманное заклятие выдержало! Инновизен с трудом скрывает брезгливость, а значит, он видит размалеванного и завитого смертного на рогатом копытном, а не тронутого Тьмой эльфа на белом иноходце.

И опять под копытами запела золотистая дорога, закивали венчиками не знающие осени цветы, зазвенела неуместная песня жаворонка. Хотя почему неуместная? Осень с ее пахнущими горечью кострами и осыпающимися листьями осталась за мостом. Долина Света знала лишь лето и весну. Осень, вечная, непроходящая осень досталась Тарре. Нет, разумеется, колесо года крутилось и там. Уцелевшим Лебедям недоставало ни сил, ни выдумки окружить себя вечным летом, они лишь слегка подправляли погоду над Убежищем. И все равно Тарра была осенним миром, миром без надежды, ведь впереди ждала лишь вечная зима, или, говоря проще, смерть. Чтоб ее остановить, он, Нэо Рамиэрль, должен захватить владыку луцианского Лета и заставить отправить их с Норгэрелем в лапы к Тьме.

Янтарный чертог возник в потоках солнечного света, как дивное виденье. Ничего не напоминало о бушевавшей здесь несколько месяцев назад битве. Ничего, кроме исчезнувшей ямы для порождения Тьмы. Нэо оставил иноходца у крыльца, стараясь не думать, что будет, если кто-то заподозрит обман. До Эльрагилла он всяко доберется раньше, а дальше будь что будет. Если действовать придется быстро, он уйдет один. Это не будет предательством, а лишь необходимостью.

– Тебя ждут, иди за мной, – коротко сообщил эльф в золотистой тунике. И этот тоже какой-то потерянный. Похоже, Свет здесь уже не означает покоя и радости.

Рамиэрль молча шел за ничего не заподозрившим провожатым знакомой дорогой. Свернули направо? Странно...

– Жди, – Солнечный привел его в восьмиугольную комнату в угловой башенке и ушел. А защита поставлена хорошо, можно сказать, замечательно поставлена... Можно спрятать лляму, и никто не учует. Уютное место для разговора по душам. Нэо расслабился, готовясь к неизбежной схватке. Он не слишком четко представлял возможности Эльрагилла, который оказался куда большим дураком или мерзавцем, чем казалось на первый взгляд. Осудить на смерть Аддари было жестоко и несправедливо, тем паче на ТАКУЮ. Похоже, Ильгэйбэ полностью подчинила супруга...

Потайная дверь открылась бесшумно, но Роман успел обернуться и столкнулся взглядом с Тэноллианом. Брат владыки был собран и деловит. Так держится хозяин, а не интриган, пробивающийся поближе к трону. Да, Цветок Солнца за время их разлуки обнаглел. Неужели Эльрагилл доверяет брату до такой степени?

Роман поклонился с точки зрения паладина изысканно, с точки зрения эльфов неуклюже.

– Приказ исполнен? – Ого! Тэноллиан не собирается ходить вокруг да около. И использует чары. Чары, парализующие волю и заставляющие говорить правду. Для крашеного чучела, коим представлялся Рамизэрль, такое заклятье являлось излишней роскошью, но для одного из сильнейших магов клана Лебеда было не опаснее, чем детский хлыстик для быка.

– О, Владыка Света, – немного лести не помешает, – темные гости покинули Луциану, взяв с собой порождение Бездны, а смутьян Альмик укрылся в горах.

– Ты шел по другому следу, паладин. Где сын владыки?

– Я молюсь, чтобы Свет простил мне пролитую Кровь Звезд. Он в роще. Там осталось и семеро рыцарей. – Но где же сам Эльрагилл? Почему вместо него пришел братец? Владыка мертв? Не может быть! Пустить ряженных по следу Аддари мог только отец. Он болен? Безумен? Тэноллиан правит ЗА брата или ВМЕСТО брата? Так... Заставляет забыть сказанное, сделанное и увиденное. Хорошее заклятие, надежное. Для обычного смертного. Но он не забудет. Он не может забыть даже то, что хотел бы вырвать из памяти.

– Я больше не задерживаю тебя, паладин.

Он-то не задерживает, но на сей счет есть и другое мнение... Поклон, пышная приличествующая случаю фраза и... магический удар. Ошейник, который годился для порождения Тьмы, подошел и Перворожденному. Эльфы не могут убивать эльфов. Эанке об этом забыла. И Эльрагилл с Тэноллианом тоже. Рамизэрль помнил о запрете, но для разведчика жизнь Перворожденного никогда не была дороже других жизней. Дешевле, разумеется, тоже.

2892 год от В.И.

12-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

Почтеннейший Оноре Табо, именуемый также Оноре Дваноса, был мужчиной серьезным и степенным, безумно гордящимся и своим званием старшины цеха трактирщиков и кондитеров, и тем, что в таковом качестве сидел вторым на четырнадцатой скамье Генеральных Штатов. Позолоченная цепь выборного украшала пухлые плечи трактирщика шестой год, но он до сих пор, входя под торжественные своды Зала Львов, чувствовал сердцебиенье и непомерную гордость. Теперь же ему предстояло сыграть двойную роль в будущих торжествах – как выборный он будет присутствовать при миропомазании, а как старшина цеха отвечает за праздничное угощение для жителей города, на которое протектор выложил немало ауров, как говорили, своих личных.

До церемонии оставалось меньше месяца, и Оноре не находил себе места в предвкушении своего триумфа. И все равно, когда в дом Табо постучался пожилой клирик, Два-носа, будучи человеком богобоязненным, прервал разговор со старейшиной цеха мясников о закупаемой баранине и свинине и поспешил встретить гостя, в глубине души надеясь, что святой отец не будет уж слишком навязчив.

– Я пришел к вам, мэтр Табо, – начал священник, – потому что не доверяю аристократам, ваша же репутация честнейшего человека и ваш статус выборного позволяют мне быть с вами откровенным. Дело в том, что...

Скиталец

Ну и местечко, надо бы похабней, да некуда. Никогда не терпел клириков, а за последние шестьсот лет они становились все гаже и гаже. Ну, а эти тем паче... Но откуда у них сила, вот в чем вопрос. Это не Свет, не Тьма и уж точно не изначальная магия Тарры, ее бы мы с тобой в два счета учуяли. Но сила у них есть, и немалая. И она растет с каждым годом, а они учатся ею пользоваться: Орест не слабее Михая и его ройгианцев. Но где же он, сожри его отвратит, наполняет чашу? В дюзах? Не похоже... Слишком много свидетелей, да и след от волшбы другой, совсем другой. Да уж, Церковь наша Единая и Единственная и братия ее, скорбящая о грехах и скверне мира нашего... Тьфу, пакость. С этим пора кончать,

нельзя за спиной оставлять такое, но что делать? Будь у них артефакт, средоточие силы было бы легче. Храм можно разрушить, талисман тоже, или, на худой конец, выкрасть, а колдуна прикончить. Может, все-таки убить этого Ореста, а, дружище? Как собачек? Ведь это он спустил свору на Клэра, только добыча им не по зубам оказалась. Вернее, мы не по зубам. Для нас с тобой невозможного мало, эту дрянь лиловую мы прикончим «на раз» даже в одиночку, а уж вместе...

Что скажешь? Хотя ты же не говоришь, это я с тобой говорю... Но ты понимаешь, это тоже немало. Так как? Вот он тут, на втором этаже... Давно мы с тобой не развлекались в обителях, с тех самых пор, как навестили Фей-Вэйю. Клэр говорит, отпечаток моей руки сохранился, любопытно, зачем это он непорочным сестрам? Ну да прах с ними, сидят тихо, и хорошо, а вот антонианцы распустились пышным цветом, Свору завели. Пора их осадить, только, боюсь, угробить Ореста проще, чем сломать хребет ордену. Эх, были бы они и впрямь ройгианцами! Ройгианцы сосут силы своих жертв, у них есть Жнецы и Косцы, есть храмы, есть талисманы, это все можно уничтожить. А что есть у клириков? Книга Книг, полная заумной чуши, знаки, которые ничего не значат, да атэвские курения.

Сила Эмзара от Света, мы с тобой – остатки изначальной Тарры, а я в придачу урвал кой-чего от Смерти. Старуха не ожидала, да и сам я не ожидал... Но тут она ни при чем. И Тьма ни при чем, и то, что зовут Хаосом. Даже Смерть можно заставить служить Жизни, хотя это и больно, а магия орденов, на что способна она? Любая сила – это только сила, добром или злом ее делает сердце мага... Сила Ройгу в руках Геро стала спасением, а тварь, что стережет Эмзар, похоже, знает, как черпать от Света... Эрик сказал, Свет защитит от Света, уж не Кольцо ли Вархи он имел в виду? Гиб, будь другом, не вертись... Кажется, мне пришло в голову что-то умное. Ты не помнишь, творили ли церковники когда-нибудь что-то путное? Я не про Феликса, вечная ему память, тот воином был, а не магом. Хотя в мое время клирики магами и не были. Интриганами, это да, это сколько угодно, но не магами!

Болтовни о чудесах было много, а чудес не было, разве что чужие крали. Вернее, мы им дарили. И ведь чувствовал я, что нельзя нашу победу дарить, но отдал. И Крылатых Всадников, и изгнание Оленя, и невянущие цветы. Иоахиммиус, тот свой посох по крайности на дело употребил, а Максимилиан...

Иоахиммиус... Гиб, а ведь с ним что-то связано, точно связано! Не подскажешь? Его Высокопреосвященство нам не только словом помог, он же с эльфами вместе сдерживал Оленя, Геро позже появилась. Но как он это сделал, Гиб? Как?! Старик не был магом, но стоял вместе с Эмзаром до последнего. И это не была эльфийская волшба. Астен подарил кардиналу сильнейший талисман, но тот его в ход не пустил. Да и толку-то было против Ройгу, вернее, его силы. Самого Ройгу, слава Великим Братьям, в Тарре нет и не будет. Эстель Оскору им не получить, так что оставаться нашему красавчику лишь туманом, мороком... К кэргорам Ройгу, нам нужен Иоахиммиус. Гиб, что он тогда сотворил? Я ведь рядом был... Тогда я в магии мало соображал, не то что сейчас, но я бы понял, если б кардинал что-то делал. А он не делал НИЧЕГО. Только молился своему Творцу...

Выходит, сила Церкви от Творца? Бред! Какой Творец, когда те, кто создал этот мир, давным-давно погибли, а те, кто их уничтожил, удрали. В Тарре нет богов. Богов нет, а Церковь есть... Церковь наша Единая и Единственная...

Гиб, какой же я болван! А ты тоже хорош, мог бы и подсказать. Вот Эмзар посмеется, хотя чего ему смеяться, он ведь тоже не догадался. Выходит, мы с тобой Лебединого короля обскакали. И Клэра обскакали, и даже твоего пучеглазого дружка с его премудростями. Все ясно и просто, как лопата. Ясно и просто, но от этого не легче! Гиб, а ведь эту пакость мы породили, мы и никто другой. И не смотри на меня так, ты тоже копыто приложил. Отвратита и волну тоже за счет божьей помощи списали, так что по уши мы с тобой в этой луже, друг мой. По уши, если не глубже... А вылезать как-то надо... Пока чудес за Церковью не числилось, народ клириков для порядка держал, а как пошли чудеса, как уверовали, что Творец и впрямь что-то может, тут и началось. И не нужны никакие Чаши и никакие жертвы. А почему магия похожа, так это и коню понятно... Ой, Гиб, извини, это я, как Жан-

Флорентин выражается, про ординарных лошадей.

Ройгианцы собирали чужие муки и страдания и черпали силу из них. Церковь делает то же, только муки и страдания ей несут сами люди. Даже сильные и те иногда молятся, а что до слабых, так они, чуть что, боженьку за ноженьку. Все жалобы, надежды, слезы, упования в одну копилку! Сколько же за шестьсот с лишним лет там силы накопилось! На десяток Варх хватит! И все прибывает и прибывает, все беды, от смертей до изменивших жен, туда. Черпай не хочу! Вот и черпают. Научились, причем не лучшие... И чем толковее клирик, тем больше сумеет зачерпнуть. Кто-то что-то заметил, кто-то что-то придумал, кто-то что-то усилил – и готово. Магия орденов! Чем больше святые отцы пользуются магией, тем больше народишко верит, а чем больше верит, тем больше силы собирает Церковь... И конца-краю этому нет! Можно разрушить Кантиску и прикончить конклав, а толку-то... Завопят о Конце Света, начнут лбы расшибать и каяться, а клирики пошустрее прыгнут на этом еще выше. Да, Гиб, загнали мы себя в угол. Это тебе не взапуски с морем бегать!

«Свора» – цветочки, то ли еще будет! Что же с этим делать? Люди верят чудесам и боятся за себя, против этого не попрешь. Если так и дальше пойдет, как бы у нас и в самом деле Творец не объявился... Только сдается мне, будет он похлеще Ройгу, и станут им травить тех, кто на брюхе ползать не захочет. Вот и получим мы царствие Антиподово, а тут еще и изнутри и снаружи всякая пакость навалится. Гиб, а выход должен быть. Не может не быть! Если сила Церкви в вере, значит... Значит, нужно эту веру подорвать. Показать им настоящих эльфов, что ли? Не поможет. Только хуже будет. Скажут, божьи вестники. А из нас с тобой Антипода сделают.

И ведь чувствовал я, что нельзя тогда врать было! Конечно, с точки зрения политики мы все правильно делали... Пока Максимилиан не рехнулся. Хотя ничего он не рехнулся, просто власти захотел, и никто его не остановил. Нет, старые чудеса нам не отбить. Показать десяток новых? Мы можем, только ведь и их украдут. Думай, Гиб, думай, ты же у меня умница... Должен же быть выход, должен...

Великий Орел! Гиб, что скажешь, умник я или болван? И то, и то? И я так думаю. Не прошло и семисот лет, как Рене Аррой понял, в чем дело... Но теперь я им покажу! Вернее, я ИХ покажу во всей их красе. Я буду не я, если не схвачу лиловую гадину за хвост и не заставлю укусить себя же.

Мы проиграли на лжи во спасение, что ж, отыграемся на правде во убиение. А ты не смейся, ты тоже виноват...

2892 год от В.И.

15-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

Жаклин не находила себе места. Дочь Короля Королей боялась власти, так как слишком рано осознала, что засыпающий в одной кровати с ядовитой змеей и строящий дом у вершины вулкана находятся куда в меньшей опасности, чем сильные мира сего на грани гражданских войн. Отец был больше чем королем и потерял все. Теперь судьба Арции вручена Александру, и Жаклин безумно боялась за мужа. Она его не любила так, как мечтала любить в девичестве, но Сандер вытащил ее из ада, он был добр с ней, у них было много общего – детство в старом замке, ненависть королевы, гибель родных и, наконец, сын – маленький, болезненный мальчик.

Александр великодушно брал ответственность за хрупкое здоровье малыша на себя, но Жаклин понимала, что все дело в ней. У мужа были дети от неизвестной матери, по слухам, одной из оргондских красавиц, и они были здоровыми, красивыми и веселыми. Дочь Рауля не ревновала – во-первых, Сандер сказал ей, что там все кончено, и она ему верила, а во-вторых, даже если бы у него кто-то был, это не сказалось бы на их спокойной дружбе.

Медикус, озабоченно кивая лысой головой, запретил ей иметь других детей – несомненно, сказалось то, что творили с ней по приказу Жоффруа. Ей настойчиво советовали плотское воздержание, Александр спокойно согласился, ей же это представлялось

несправедливым. Она несколько раз пыталась объяснить ему, что не будет в обиде, если... Но муж всякий раз ее обрывал. Жаклин очень хотелось думать, что у них и так уже трое детей и что все будет хорошо, но здоровье маленького Эдмона, ее собственный кашель и придворные интриги лишали сил.

О будущей церемонии, где ей придется стоять впереди Элеоноры Вилльо, герцогиня Эстре думала со страхом, о будущей жизни супруги протектора – с ужасом.

– О чем ты задумалась? – незаметно вошедший Александр с усмешкой глядел на жену.

– Я боюсь, Александр, – вздохнула она, – боюсь завтрашнего дня, боюсь того, что будет дальше...

– Не бойся, – Александр, прихрамывая, подошел к ней и присел рядом, – это не страшнее того, что с нами уже было. Скучновато, конечно, будет, но ты уж потерпи.

– Я не о том, – Жаклин досадливо поморщилась, – да ты сам понимаешь – Элла нам не простит.

– Ну и пусть ее, – неожиданно жестко сказал герцог. – Ее время кончилось, Вилльо придется умерить свои аппетиты, хватит, поворовали.

– Александр, неужели ты собираешься?!

– Я собираюсь тратить деньги Арции на нужды Арции, а не двух десятков вельможных клопов. Ты не представляешь, в каком все состоянии. Пока Филипп пил, Вилльо с Гризье растащили все, что можно и нельзя. И ведь были уверены, что станут править, вот что страшно. Они рубили сук, на который собирались сесть. Лина, чем больше я во все это влезаю, тем больше понимаю, что, не оставь брат завещания, Арцию спасло бы только восстание.

– Но Вилльо покровительствует бланкиссима.

– Еще один довод за то, что их нужно гнать.

– Не говори так.

– Ты ведь не собираешься меня предать? – Александр улыбался, но глаза у него были очень серьезными.

– Нет, конечно, – Жаклин вздрогнула, – я никогда тебя не предаю, но вот другие...

– Другие тоже разные бывают, – засмеялся герцог, – о, вот еще один, кто не предаст. Рито, а я думал, что ты наладился, скажем так, в гости.

– Я сам так думал... Здравствуй, Лина.

– Мне выйти?

– Как хочешь. Сандер, собираются Генеральные Штаты.

– Сегодня? Вилльо?

– Отнюдь нет, те знают не больше нашего. Это горожане. Есть такой повар с двойным носом, он все и затеял.

– Оноре Табо, – герцог Эстре каким-то непостижимым образом уже запомнил всех выборных, – не понимаю, никогда не держал его за интригана.

– Однако это так. Его поддерживали ВСЕ старейшины цехов, они жутко важные и таинственные. Короче, я за тобой.

– Едем.

– Лина, да не бойся ты, – темные глаза мирийца, как всегда, обдали герцогиню жаром, но сам Рито об этом, разумеется, не подозревал, – скорее всего, они придумали какой-то подарок новому королю или новую церемонию. Эти горожане такие забавные.

Нэо Рамиэрль

Эльрагилл был жив и даже в сознании, но от этого было не легче. Скорее наоборот. Рамиэрль в общих чертах представлял, как действует это заклятие, лишь потому, что отец, предостерегая его от Эанке, рассказал о древнем и тайном знании, канувшем в небытие во время Войн Монстров. Астен опасался, что сестра отыщет в старых легендах крупинцы истины и сумеет восстановить то, что называли Петлей Крови.

Если б не старый разговор в Убежище, Роман вряд ли бы понял, что случилось с

Солнечным владыкой, тихо лежавшим на роскошном ложе. Взгляд Эльрагилла казался разумным, во всяком случае, когда он, гоня перед собой ошалевшего от ярости и унижения Тэнноллиана, вошел в опочивальню, в глубине зеленых, как у Аддари, глаз мелькнули сначала ненависть, затем удивление и, наконец, неистовая надежда. Эльрагилл не мог не догадаться, что брат явился к нему в столь неурочный час да еще в сопровождении паладина не по своей воле.

Рамиэрль не стал медлить. Его луцианские похождения достигли наивысшей точки, нужно было решать и быстро. Для начала перекроем выходы и отбросим осточертевшее обличье ряженого. Быстрый взгляд на братьев. Младший – в ужасе. Старший... Взгляд понять непросто, но Нэо понял, что Эльрагилл его союзник. Союзник, если его удастся освободить, а для этого есть лишь один способ. Вернее, один, который подходит ему. Эмзар, тот наверняка сумел бы разорвать спеленавшую Солнечного владыку волшбу, но у Романа не было ни времени, ни опыта. Он пойдет простейшим путем, потому что то, что сотворил с родным братом Тэннолиан, было не просто подлостью и предательством, но пределом низости.

– Эльрагилл, – Роман невольно еще сильнее затянул магический ошейник, хотя это и было излишним, – Аддари жив. Я сейчас тебя освобожу. Скорее всего, будет больно.

Кажется, понял... Звездный Лебедь, какая же мерзость! Сын Света, Ройгу его забодай!

Нэо успокоился, припоминая слова отца. Странное дело, он никогда не думал об Астене как о мертвом, хотя не раз бывал на его могиле, да и Геро рассказала ему почти все. Почти, потому что Рамиэрль был уверен: между Эстель Оскорой и отцом что-то было... Или могло быть.

Астен слыл поэтом, мало кто слышал, что он был прекрасным бойцом, и еще меньше знали о его магических талантах. Петля Крови... Роман почти не сомневался, что отец знал это заклинание и мог повторить, другое дело, что он никогда бы этого не сделал. Астен любил Эмзара, а вот Тэнноллиан лишил своего брата всего, кроме жизни и сознания, завладев не только его силой, но и тем, что может принадлежать лишь одному разумному существу в целом мире, эльф ли он, человек, гоблин или кто-то еще, ибо миров много и населяют их самые разные создания. Петля Крови... Петля, которую может накинуть брат на брата, мать на дочь, отец на сына. Главное – кровное родство. Тогда один получает то, что предназначено двоим. Обретя полную власть над Эльрагиллом, Тэнноллиан стал делать то, что раньше мог лишь владыка. В частности, пустил убийц по следу Аддари.

Солнечный принц снова начнет улыбаться. Отец его не предавал. Но Ильгэйбэ? Знает ли она, или для нее супруг и повелитель сражен страшным недугом, насланным выходцами из Бездны?

Спальня была залита мягким предвечерним светом. Окно выходит на закат. Очень хорошо... Нэо задумчиво посмотрел на своего пленника. Убивать его придется медленно. Иначе его душа может увлечь за Грань и душу жертвы, да и астральное тело Эльрагилла будет разрушено. Петля Крови может быть разорвана кровью затянувшего ее, в этом Роман был уверен. Искать другие ключи к замку было некогда. Тэнноллиан заслужил свою участь. Интриган, лжесвидетель, убийца, осудивший родного брата на участь горшую, чем смерть. И все равно Роману было муторно, хотя он убивал не раз – по необходимости, из мести, а случалось, и из жалости. Только ритуальных убийств за ним не числилось. До сегодняшнего дня.

Тэнноллиан понял, что его ожидает, и попытался вырваться. Бесполезно. Рамиэрль был сильнее. Тарра, мир без магии, научила его куда большему, чем он думал. Узурпатор безвольно рухнул рядом с братом, на руке которого виднелся узкий золотой браслет с мерцающим белым камнем. Рамиэрль скривился, понимая, что ему надлежит сделать. Жаль, здесь нет Альмика. Во-первых, помощь бы ему очень пригодилась, а во-вторых, бунтарь увидел бы зрелище, которое его излечило бы от заявлений навроде «утопить в собственной крови».

– Сейчас здесь будет очень много крови, Эльрагилл, но у меня нет другого выхода.

Понял ли он? Будем надеяться, что да.

Тэноллиан, придавленной незримой, но неподъемной тяжестью, казался перевернутой черепахой. Он не может шевелиться. На него давит гора. Огромная каменная гора. Холодная и равнодушная. Рамиэрль сосредоточился, и рукава роскошного одеяния начали расползаться, словно бы ткань истлевала от времени. Так. Вот он. Золотой браслет с влажно блестящим темно-красным камнем. Пара. Жаль, что нет Альмика, и придется ЭТО сделать самому. Хотя, даже окажись бунтарь здесь, он бы все равно все взял на себя. Некоторые вещи ты должен делать сам, какими бы страшными они ни были.

Все. Магия свое дело сделала. Теперь придется действовать руками.

Роман подошел к лежащим и положил ладонь Тэноллиана на сердце брата, а затем вынул кинжал и вскрыл вену. На белой рубахе кровь показалась особенно красной. В глазах обреченного бился смертный ужас, но Нэо не позволил себе отвернуться, хотя у него было какое-то время, чтобы посмотреть на закат. Сын Астена молча смотрел, как капля за каплей вытекает жизнь из того, кто предал и погубил своего брата и сюзерена. Может быть, для луцианских Перворожденных последнее не было столь уж важным, но Роман был частью Тарры, где верность государю ценилась превыше верности богам, которых не было. Грудь Эльрагилла была залита чужой кровью, но белый, слепой камень на руке владыки начал розоветь, словно бы впитывая вытекающую чужую жизнь. А камень Тэноллиана светлел. Это было медленно, страшно медленно, но действовать быстрее значило подвергать Эльрагилла ненужной опасности, и Роман выбрал меньшее из зол. Продлить мучение палача и предателя ради спасения жертвы было справедливым, но справедливость тоже бывает жестокой.

Когда цвет камней сравнялся, в Долину Света пришла ночь. Хвала Звездному Лебедю, Тэноллиан впал в беспамятство, и Роман больше не видел его взгляда. Правильные черты предателя приобрели горькое величие, присущее мраморным надгробиям. Кровь все еще сочилась из рассеченной вены. В крови были оба брата, крови было много, по крайней мере так казалось убийце, не отрывавшему взгляда от пульсирующих камней. Вот оно! Оба стали одинаково алыми. Роман сорвал браслет с руки Эльрагилла и одновременно всадил кинжал в сердце Тэноллиана, освобождая обоих. Одного от заклатья, другого от агонии.

2892 год от В.И.

15-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

Черные атэвские львы, как и тысячу лет назад, взирали вечными глазами на людскую суету. Горожане, непривычно важные и взволнованные, сидели на своих скамьях, разглядывая торопливо входящих в зал аристократов. Поскольку на завтра была назначена Большая Присяга, все высшие нобили были в Мунте, и нижние скамьи пестрели бархатом, парчой и атласом. Оноре Два-носа, страшно волнуясь, наблюдал, как герцоги и графы занимали свои места. Вот вошел Рогге-Стэнье и его нахальная супруга, оглянулись в поисках знакомых и важно проследовали к скамье в первом ряду. Несколько баронов с фронтерской границы, даже в Мунте не расстававшиеся с легкими доспехами, проводили их презрительным взглядом, но вынуждены были сесть сзади. Гордо неся красивые головы, вошли многочисленные братья, мужья сестер и кузены вдовствующей королевы, среди которых особенно выделялся Жорес. За ними, опираясь на руку брата, вошла и сама Элеонора, рядом с которой хромал протектор в простом черном плаще. За Александром, как пришитый, двигался Рафаэль Кэрна.

Протектор дождался, пока королева-мать опустится в специальное кресло, и поднялся на возвышение. Голос, который в случае необходимости перекрывал шум боя, наполнил Львиный Зал.

— Господа выборные! Вы, пользуясь своим правом, созвали Генеральные Штаты. Мы слушаем вас.

Оноре Два-носа покраснел, потом побледнел и начал спускаться вниз. Он знал, что ему нужно пройти ровно четырнадцать ступеней, но бедняге показалось, что их четырнадцать

тысяч, и он никогда не спустится, а потом не поднимется вверх. Наконец он оказался рядом с протектором, поклонился и онемел.

– Мы слушаем вас, почтеннейший, – Александр говорил негромко и мягко, но в голосе его все равно прорывалась сила, – говорите.

Два-носа сглотнул и выпалил:

– Монсигнор, я... Я никогда бы не осмелился, но это важно. Ко мне пришел священник... Почтенный человек, и он рассказал... показал... Доказал такое... Я и почтеннейший Тенар Кай, старейшина цеха оружейников, и почтеннейший Натан Каберье, старейшина цеха ювелиров и златошвеев, и почтеннейший Филипп Пуат, старейшина цеха меховщиков... Мы решили...

– Что он мямлит? – презрительная реплика Аганна, прозвучавшая в тишине, подействовала на Оноре, как шпоры на лошадь. Глаза предводителя поваров и трактирщиков мстительно сверкнули, и он связно и коротко отчеканил:

– Выборные Мунта создали Генеральные Штаты для того, чтобы сообщить: юный Филипп не имеет прав на корону.

– Что?! – чей-то истерический выкрик утонул в общем гуле. Кто-то вскочил с места, кто-то, наоборот, сидел, как пришитый, кто-то кричал, кто-то шептался с соседом. Взбешенная Элеонора чего-то требовала, топая ногой, но разобрать в поднявшемся гаме слова было невозможно. Первым опомнился протектор, властно поднявший руку.

– Тише, – каким-то непостижимым образом его услышали и замолчали. Александр Тагэре сохранил спокойствие, но на высоких скулах проступило подобие румянца. – То, что вы сказали, почтеннейший, немыслимо.

– Но это так, – упрямо буркнул Два-носа, – священник отец Поль здесь.

– Пусть он выйдет сюда и скажет то, что знает.

Отец Поль, старенький и седенький, уже торопливо спускался вниз, путаясь в складках облачения. Александру показалось, что он видел клирика и раньше, но вспомнить, где и когда, не мог. Несомненно, это было очень, очень давно.

Священник поднялся на коронный помост и, помаргивая слезящимися старческими глазами, повернулся к Александру.

– Монсигнор, я не мог взять грех на душу. Пока был жив король, я молчал, ибо он, несмотря на свои грехи, был законным королем. Я надеялся, что меня минует чаша сия, что я умру много раньше Филиппа Тагэре и перед смертью передам свою тайну на исповеди своему собрату, и уже он будет решать, что делать. Но судьбе было угодно, чтобы я, недостойный слугитель божий, сам исполнил тяжелый долг.

– О каком долге вы говорите, святой отец?

– Я, – неожиданно просто сказал клирик, – служил в приходе Святого Андрэ Ланжского, и в 16-й день месяца Вепря 2869 года обвенчал Филиппа Тагэре и юную Клотильду Лагар, а в 2870 году в присутствии обоих родителей окрестил их дочь Маргариту.

Таким образом, брак Филиппа Тагэре и Элеоноры Гризье является недействительным, так как Филипп уже был женат, и жена его жива донине. Значит, прижитые королем и его сожительницей дети, – священник горестно вздохнул, – являются незаконными и не могут наследовать корону.

– Это ложь, – крик Элеоноры был надсадным и отчаянным, – ложь! Этот человек подкуплен... Его подослали!!!

– Увы, дочь моя, – как-то так вышло, что дребезжащий старческий тенорок перекрыл вопли разъяренной женщины, как невзрачная степная лошаденка легко обходит статного, породистого коня, – то, что я сказал, истина, как бы ни горька она была для тебя. Я не мог допустить, чтоб корону Анхеля носил бастард. У меня есть доказательства. Есть запись в церковной книге, заверенная подписью и печатью Филиппа, есть его письма мне, Клотильде и Маргарите, при необходимости можно спросить их самих. Я знаю, где они.

– Даже одного из этих доказательств достаточно, – закричал какой-то приграничный граф, – святой отец прав. Хватит с нас Вилльо!

Губы Александра шевельнулись, но его расслышал лишь стоящий рядом Рито и не сразу понял услышанное.

«Так вот что узнал Жоффруа», – прошептал, опустив голову, протектор Арции и вздрогнул, как от удара, когда Оноре Два-носа, пользуясь правом героя дня, истошно завопил: «Да здравствует король Александр!»

2892 год от В.И.

15-й день месяца Дракона.

Оргонда. Дорога к Лиарэ

Виконт Малве украдкой взглянул на отца. Он так и не понял, какие чувства вызвало у того известие о смерти Филиппа Тагэре. Кто был для маршала этот человек? Сын лучшего друга, для которого он выиграл Бетокскую битву? Король, отрекшийся от старой дружбы? Брат Александра, Жоффруа и Марты? Политик, который мог выиграть войну, но предпочел обернувшийся не только позором, но и поражением мир? И что теперь будет?

Странное дело, Сезар ехал на встречу с женщиной, которую боготворил, но о ней он не думал. Мысли Малве были заняты тем, что можно и нужно сделать в ближайшем будущем. Разумеется, они с отцом поедут на миропомазание юного Филиппа Пятого, но что потом? Вернутся ли они в Оргонду или будут нужнее в Арции?

– Отец...

– Сезар? – маршал повернул к сыну поседевшую голову.

– Что мы будем делать?

– Не знаю. То, что приходит в голову тебе, приходит и мне. Возможно, ничего. Возможно, начнется война. Ифрана не готова махать мечом, но они с удовольствием всадят нож в спину. Вопрос, как и кому. Как бы то ни было, смерть Филиппа перевернула все. Что-то начнется.... Если уже не началось!

Мальвани привстал в стременах, вглядываясь в даль. Сын последовал его примеру и тоже увидел всадника. Нет, всадницу, ехавшую по-мужски, но длинные волосы выдавали женщину. Спустя какое-то мгновение Сезар узнал Вивиану Франго, наперсницу Марты и бывшую подругу Сандера. Но, Проклятый, в каком же она была виде! Растрепанная, грязная, в мужском платье, явно принадлежавшем простолюдину.

Сезар пришпорил коня, отрываясь от небольшого эскорта. Вивиана, похоже, тоже их узнала, так как дала шпоры измученному коню. Они встретились возле усыпанного розоватыми цветочками куста.

– Сезар... Хвала святому Эрасти... Я успела!

– Что случилось?!

– Назад, – прошептала женщина, – поворачивайте назад. Если с вами нет армии. А лучше всего приведите ее...

– Виа! – Сезару стало страшно, – Виа! Что случилось?! На Лиарэ напали? Не может быть! Кто? Атэвы? Дарнийцы?

– Орест...

– Орест? – Сезар и не заметил, как к ним присоединился отец. – Сигнора, выпейте.

Вивиана схватила фляжку с царкой и сделала несколько крупных глотков, словно в ней была простая вода. Ее трясло, глаза провалились, ссадина на щеке кровоточила. Лошадь выглядела не лучше хозяйки. Маршал потрепал несчастное животное по шее.

– Сигнора Вивиана. Пожалуйста, возьмите себя в руки. Произошла беда, мы видим. Но какая?

– Орест... Они нашли... В склепе... Сезар! Я не могу больше!

Малве молчал, не зная, что делать и говорить.

– Сними ее с лошади, – приказал отец, – а теперь подстели плащ и усади.

– Сигнора, вам надо отдохнуть, но сначала расскажите, что случилось в Лиарэ.

Вивиана кивнула, но заговорила не сразу.

– Монсигнор, антонианцы нашли место, где приносили в жертву людей. Нашлись

свидетели, которые видели там герцогиню...

– Бред! – выдохнул Сезар, но отец его остановил.

– Конечно, бред, но мы должны знать все. Продолжайте.

– Лиарэ сошла с ума. Помните про элские костры? Когда вырезали всех медикусов?

– У вас то же самое?

– Хуже... Марк струсил. Отдал им жену и заперся во дворце.

– Где Марта?! Она жива?

– Не знаю.

– Стой! – прикрикнул Анри, видя, что Сезар вскочил. – Выслушай до конца. Как и когда это было?

– Этим утром. Родители пропавших детей пришли ко дворцу. Их было много, больше, чем костей... Они потребовали герцога. Но вы же знаете Марка, – скривилась Вивиана, – он приказал закрыть ворота, а когда люди не ушли, позвал стражников... И тут такое началось...

Графиня Франго осеклась и замолчала, глядя на Сезара полными ужаса и недоумения глазами.

– Мне... мне всегда казалось, что в Лиарэ живут добрые люди, а они... Мы были с Мартой, когда прибежал Марк. Он совсем потерял голову... Не человек, не мужчина... Гниль какая-то... А те, внизу... Они обломали зубы о дворец, но не разошлись... Наоборот. Пришли другие и притащили из города семьи слуг и стражников. И сказали, сказали... Если герцог и герцогиня к ним не выйдут, они их сожгут. Прямо у дворца. Живьем... Вместе с детьми. Марк ничего не мог, а наши люди...

– Я избавлю вас от рассказа, – тихо проговорил Анри, – внутри замка зрела драка: родственники заложников и те, кто остался верен короне. Марк потерял голову, а Марта, чтобы спасти людей, согласилась выйти. Так?

Вивиана молча кивнула.

– Ответьте еще на два вопроса. Как вы оказались здесь? Если все это подстроил Орест, он должен был закрыть ворота и постараться, чтобы все кончилось сразу.

– Он так и сделал... Вернее, эркард, но он все творит по указке синяков. Марта... Она велела мне бежать и остановить вас, если вы близко. А потом привести войска. Я... я не всегда была хорошей женой. И я знаю тайный выход из замка.

– Марта могла уйти с вами?

– Я ей предлагала. Но она сказала, что Тагэре не бегают. И что, не получив ее, фанатики зальют Лиарэ кровью. А ворота закрыли, вы правы. Я выбиралась через Рыбный город. На лодке, а потом украла лошадь...

– Что в Лиарэ сейчас? Все началось утром?

– Да.

– Сезар, успокойся, если герцогиня мертва, она мертва оры три или четыре. Если жива, доживет до утра. В любом случае четверть оры ничего не изменят. – Маршал снял с седла походный прибор для письма, вытащил бумагу, перо, отвинтил крышку чернильницы. Подъехал эскорт. Три дюжины всадников. С ними город не взять. Люди в молчании следили за рукой Анри Мальвани, спокойно водившей пером по белому листу. Сезару показалось, что отец пишет целую вечность, хотя вряд ли это заняло больше двух десятинок. Наконец маршал кончил и аккуратно, стараясь не размазать свежие чернила, передал три листа аюданту.

– Серж, прошу вас. Срочно вручить первое письмо командору второй армии. Это приказ немедленно двигаться к Лиарэ. Я передаю ему все полномочия для усмирения вызванного ифранскими подсылами бунта. Для него обязательны лишь приказания герцогини Оргондской и мои. Если нас не станет, пускай действует по обстановке.

– Монсигнор! – глаза Сержа выражали ужас и недоумение.

– Все смертны, – улыбнулся маршал, – а командор Монтрагэ – честный и преданный человек. Лучше передать ему власть, чем ставить его перед выбором – брать ее самому или подчиниться титулованному ничтожеству, а то и предателю.

– Монсигнор, – аюдант умоляюще взглянул на маршала, – разрешите мне остаться.

– Нет. Три десятка сейчас так же бессильны, как и двое. Но у двоих есть шанс проскользнуть незамеченными. Позаботьтесь о графине Франго. Эти два письма следует переслать в Арцию. Первое графу Обену Трюэлю немедленно, второе – герцогине Мальвани. Если мы не вернемся. А теперь нам с Сезаром нужно простое платье. Потрудитесь найти.

– Но...

– Виконт Терован! – прикрикнул Анри, но потом смягчился. – Так надо, Сержи. Я рад, что ты был моим аюдантом, не сомневаюсь, ты ни меня, ни кого другого никогда не подведешь. А теперь отыщи нам одежду. И побыстрее.

Сезар выждал, пока юноша отошел, и повернулся к отцу.

– Ты едешь? Но... твоя нога.

– Марта – дочь Шарля Тагэре, Сезар, – тихо сказал маршал, – и потом, я должен своими глазами увидеть этого Ореста.

2892 год от В.И.

15-й день месяца Дракона.

Арция, Мунт

Элеонора дала пощечину служанке, принявшей ее вуаль. Та, привычно потупившись, выскользнула из комнаты – она прислуживала королеве не первый год и воспринимала оплеухи философски. Оставшись наедине с собой, Элеонора со злостью уставилась в зеркало: она одевалась для торжества, а не для поражения. То, что произошло, было катастрофой. Элла была достаточно умна, чтобы понять: Александр знал о признании старика-священника не больше, чем она сама, иначе бы заранее вызвал войска, а не посылал за ними сейчас. Если проклятый горбун умудрился, не пролив ни капли крови, сломать Аганна, у которого было две тысячи вооруженных воинов, и это имея с собой каких-то шесть сотен, то гонцы к Гартажам и Ландеям с просьбой о подкреплении говорили сами за себя. Он ничего не знал и ожидает любого подвоха как со стороны Ифраны, так и со стороны Вилльо. С горбуном понятно, но что теперь делать ей, из матери наследника в один миг превратившейся в постаревшую любовницу умершего короля?!

Конечно, Александр ее не оставит, но о многом, без чего она не могла представить своей жизни, придется забыть. Проклятый клирик подполз и ужалил, как змея, и ведь додумался же действовать через этих дурацких мещан. А Александр тоже хорош, пошел у них на поводу, собрал Генеральные Штаты, сам приперся и нобилей приволок. Неужели не мог сначала узнать, в чем дело?!

Да, теперь горбуна коронуют, эти проклятые ублюдки чуть ли не плясать бросились, узнав, что наследник он. Еще бы, младший из Тагэре для них всегда был героем и мучеником в одном лице, а вот Вилльо не любит никто. Раньше это было неважно, теперь же... Мать короля и единоутробные братья короля совсем не то, что родичи бастарда, надо думать, их выставят отовсюду. Но, может быть, еще можно что-то исправить? Сначала нужно узнать, что думает горбун. Элеонора подошла к зеркалу и взялась за пуховку и белила. К несчастью, пора, когда она, даже заплаканная и полуодетая, вызывала у всех неприкрытое восхищение, давно миновала. Впрочем, Александру она никогда не нравилась, ему вообще никто не нравился. Если бы какая-то шлюха и дочь Рауля ре Фло не родили ему сыновей, как две капли воды похожих на отца, Элеонора вообще бы считала, что брат Филиппа не мужчина. Будь это так, она бы сумела это использовать, но у Эстре есть сын, законный наследник, есть жена, дочь Короля Королей, которую он спас, как какой-то герой баллады, о чем простолюдины чуть ли не поют. Рауля многие любили, а его смерть, хоть убили его Жоффруа и Рогге, повесили на Вилльо.

Даже уцелевшие сторонники Лумэнов, и те говорят, что последний из Тагэре – настоящий рыцарь. Королева вспомнила радостные вопли, поднятые гласными при известии, что их любимый Александр становится королем. Против этого не попрешь, разве что... Но сначала нужно поговорить с горбуном начистоту.

– Лотта!

Служанка появилась тотчас, на туповатом лице не было ничего, кроме почтительности, но Элеонора с трудом сдержала ярость, поняв, что та уже все знает и наверняка про себя или подсмеивается, или прикидывает, как бы ей перебраться к Жаклин. Какую же судьбу им уготовал горбун?

– Подай мне мантилью, мерзавка! Да не эту, а синюю!

– Да, Ваше Величество...

2892 год от В.И.

15-й день Дракона.

Оргонда. Морской тракт

Атэвские иноходцы сорвались с места, и в следующее мгновение Серж и Вивиана исчезли из мыслей Сезара Малве. Он думал только о Марте, переходя от отчаянья к надежде и снова к отчаянью. Антонианцы. Проклятые антонианцы. Он же написал ей про убитого им мерзавца. Неужели она не поняла?!

Это все Орест. Орест, Проклятый его побери! Но жертвы в склепе? Они ведь были? Кто-то же их приносил. Неужели сами синяки? Что для них два десятка убитых детей, если это поможет уничтожить герцогиню и сравнить Оргонду с Арцией?

Кони галопом мчались по Лиарскому тракту, казалось, они разделяли страх и волнение хозяев, но маршал и его сын головы не потеряли даже сейчас. Чтобы добраться до Сайрэ, рыбацкой деревушки, где можно найти лодку, нужно сохранить лошадей. Маршал первым перевел Веверлея Второго в кентер¹³⁵, чтобы поберечь его силы, и Малве последовал примеру отца.

Показался холм с мельницей, пора сворачивать на Морской тракт... Хорошо, что он знает эти места. Виконт махнул рукой, указывая путь, и пустил Криса наискосок через поля, безжалостно топча нежные всходы. Несколько раз дорогу пересекали живые изгороди, но для атэвских скакунов эти препятствия были игрушками.

Когда они выбрались на Морской тракт, благородные животные по собственной воле припустили было галопом, но, подчиняясь воле хозяев, перешли на рысь. Мальвани, как могли, облегчали им бег, ритмично поднимаясь в седлах и стараясь не задевать боков шпорами. В этом не было никакой нужды. Пока. Сезар и Анри прекрасно понимали, какому испытанию подвергают коней, и, как могли, берегли их дыхание. Но время поджимало. Они должны быть в Рыбном городе в самый глухой час ночи. Значит, выйти в море нужно не позже полуночи.

Анри подал пример, пришпорив лошадь, и они опять понеслись галопом. До моря оставалось весы четыре. Кони с небольшими передышками покроют их оры за две с половиной. Потом еще искать рыбака с лодкой. Воображение Сезара рисовало взбесившийся город и Марту, гордую и одинокую. Она всегда была гордой и одинокой. Почему он не сказал ей о своей любви? Проклятый! Ну почему?!

Вперед! То галопом, то рысью мимо зеленеющих полей и перелесков, мимо занятых повседневными делами и делишками деревень и мельниц, через реки и ручьи, мимо разрушенной старой башни, в которой уже сотни лет не видели стражников, мимо одинокого тополя, мимо иглеция, будь он трижды проклят со всеми клириками и святыми!

Дорога обогнула лес и пошла под уклон. По ней ездили нечасто. Сайрэ не была крупным портом, просто несколько десятков рыбацких домишек. Крис больно споткнулся о камень и тихо и обиженно заржал. Сезар натянул поводья, заставляя перейти беднягу на шаг, отец сделал то же самое. На сей раз кони не возражали. Они и впрямь начинали уставать, а им еще бежать и бежать.

Анри положил руку на взмыленную шею Веверлея, и тот, не смея заржать, обернулся и

¹³⁵ Легкий галоп.

посмотрел на хозяина. Он понимал, что раз его заставляют так долго скакать, то это нужно. Очень нужно. Но он устал и хотел пить. Анри погладил жеребца и пробормотал ему что-то нежное; конь, поведя ушами, предпринял попытку вновь пуститься галопом. Повелитель был ему благодарен и им доволен, а ради этого атэвский иноходец готов на любые жертвы. Мальвани это знал, но заставил жеребца еще пару десятинок идти шагом и лишь потом, улыбнувшись бледному, как полотно, сыну, сжал коленями конские бока. Лошади рванулись, всадники приникли к блестящим шеям. Начинало темнеть, а дорога была не из легких. То и дело кони спотыкались о камни и выбоины, один раз чуть ли не на середине дороги оказался растрепанный куст, от которого с испугом шарахнулся серый Сезара.

Еще пол-оры. Вечер стремительно переходил в ночь, светлым оставалось только небо. Но вот стало черным и оно. Кони задышали часто и неровно, пришлось отдыхать, а потом идти кентером. Сколько же вес они проскакали? В темноте не понять.

– Сезар, отдыхаем.

Анри спешился первым и опустился на землю рядом с Веверлеем. Жеребцы опустили головы, роняя на траву хлопья пены. Ноги у них дрожали, они хрипло и прерывисто дышали, по вздымавшимся бокам стекал пот.

– Отец, мы успеем?

– Не думай об этом. Мы должны сделать все, что можем, и даже больше.

– Я люблю ее.

– Я знаю...

2892 год от В.И.

15-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

– Мы все проверили, государь, – Антуан Бэррот с трудом сдерживал радость. – Ошибки быть не может, клирик прав.

– Я знаю, что он прав, – устало сказал Александр, – Можете идти.

– Я просил Артура усилить караулы.

– Благодарю, но вряд ли мне что-то угрожает.

Отец Артура поклонился и вышел той стремительной походкой, которая появляется у человека, довольного жизнью и уверенного в том, что его ждут великие дела.

– Рито...

– Ау? – мириец не назвал его Ваше Величество, и Александр был готов его за это расцеловать.

– Я вспомнил ту женщину. Филипп был в нее безумно влюблен, а потом оставил. Высокая, светлые косы... Тебе такие нравятся. Элла немного на нее похожа. Внешне, я имею в виду, по сути это небо и земля. Потом Клотильда куда-то исчезла, я и подумать не мог, что она законная жена Филиппа, что у них ребенок... Я должен поговорить с ней и с девочкой! Думаю, найти их несложно, клирик скажет, где. Они должны узнать, что по отношению к ним справедливость восторжествовала. Проклятый не отметь Филиппа Вилльо, он стал бы великим государем. Ну да что теперь жалеть, нужно думать, как быть дальше.

– А чего думать, – пожал плечами Кэрна, – коронация назначена, приглашения разосланы. Гартажи и Ландеи к этому времени подойдут, но по мне – это лишняя предосторожность, на тебя Арция и так разве что не молится.

– Ваше Величество, – на пороге возник очень серьезный лакей в черной с золотом ливрее.

– Я еще не король.

– Монсигнор герцог, к вам Элеонора Вилльо.

– Хорошо.

Элеонора вошла в кабинет, шурша шелками, и густой аромат фрезии и персика напомнил Александру спальню брата и их последний разговор.

– Александр, – как же он ненавидел этот ее сладкий и кроткий тон, ведь она же убить

его готова, – могу я вас по-прежнему так называть?

– Разумеется, – в некоторых случаях на лицемерие и ложь можно отвечать только лицемерием и ложью.

– Я хотела бы поговорить с вами наедине...

Так, а вот этого не будет. Ему нужен свидетель.

– От маркиза Газтано у меня тайн нет.

– Наверное, я это заслужила, – королева кротко вздохнула, – я сделала много ошибок, самой главной из которых было то, что я считала замужеством, но прошлого не вернешь. Что с нами будет, Александр? Со мной и с моими детьми?

– Вы не будете ни в чем нуждаться, сгнора. Я прослежу, чтоб вам оказывалось соответствующее уважение. Вы стали жертвой обмана, и я сделаю все, чтобы смягчить его последствия.

– Что будет с детьми?

– Мальчики получают титулы графов и владения в Эстре, Элеонора, Мария и Анна, когда подрастут, смогут посещать все балы и приемы, я не сомневаюсь, они сделают блестящие партии. Приданое я им дам, но лучшее их приданое – ваша красота, сгнора.

– Благодарю вас, Александр, – королева повернулась, чтобы выйти, и Александр мягко добавил:

– Мне очень жаль, что так случилось.

Она ничего не ответила, Сандер какое-то время молча смотрел ей вслед.

– Я чувствую себя предателем, Рито. Да, в глазах Церкви они не были супругами, но Филипп хотел видеть своего сына королем, он даже брата ради этого не пожалел... Если б только он был со мной откровенен!

– То что? – голос Рито не предвещал ничего хорошего.

– Я бы что-нибудь придумал, уломал бы клирика, поговорил бы с настоящей женой Филиппа, она бы сказала старику, чтобы он этого не делал...

– Сандер, может быть, хватит жертвовать собой? Даже не собой, а Арцией. Неужели ты не видишь, как все устали от этой своры?!

– Вилльо были не опасны. Протектором был я...

– И они во главе с вдовой с ходу нарушили последнюю волю Филиппа.

– Мальчик в этом не виноват. И они трусили, как только поняли, что мы их прихватили. Теперь-то они уж точно не опасны.

– Не опасны? Такие не опасны только мертвыми, но я что-то не очень верю, что ты начнешь десятками истреблять родичей, какими бы гнусными они ни были.

– Не начну, – признался Александр и неожиданно улыбнулся.

Нэо Рамиэрль

Тэноллиан стал первым эльфом, убитым Рамиэрлем. Так вышло. Роман Ясный с ранней юности не выпускал из рук оружия. Сначала он защищал себя и старого Анна, затем ставка стала выше, но на соплеменников руку он не поднял ни разу. Конечно, останься Эанке и Фэриен живы, схватка была бы неизбежной, но Геро избавила его от необходимости мстить за отца, а других врагов среди эльфов Тарры у Нэо не было. Но Тэноллиан заслужил свою судьбу. И Ильгэйбэ тоже, хотя решать, как поступить с ней, хвала Звездному Лебедю, предстоит не ему, а Эльрагиллу. Стараясь не глядеть на мертвеца, Роман коснулся плеча Солнечного владыки.

– Осталось совсем немного.

Он лгал. То есть не совсем лгал, для Эльрагилла худшее и впрямь позади, если, разумеется, он, Нэо Рамиэрль, сможет довершить начатое. Он знал о закланиях крови, но никогда ими не пользовался. В Тарре у него вряд ли что-нибудь бы вышло, но Луциана была до такой степени пронизана силой Света, что волшба Романа имела шанс на успех. Разведчик сосредоточился на браслете, снятом с Владыки. Как же рознилось заклятье Петли от того, что он некогда наложил на рысь Геро! И вместе с тем было у них и общее –

неразрывная связь между живыми существами, от которой освобождала или смерть, или вмешательство мага более сильного, чем сотворивший изначальную волшбу.

Алый камень, вплавленный в золото, казался живым. Золото... Рамиэрль никогда не любил этот металл, хотя тот и посвящен Солнцу и больше другого имеет сродство Свету. Золото мягко и податливо, оно не боится Воды и Земли, с ним удобно иметь дело и кузнецу, и магу, но оно слишком быстро предает и забывает. Роман не сомневался, что заклётые браслеты некогда были просто парой украшений, которые носили сыновья Солнечных властителей. Возможно, подарком отца или матери. Младший превратил свой в оружие, направленное против старшего. Тонкое колдовство, но будь браслет жертвы стальным, серебряным, даже медным, Эльрагилл бы успел почуять опасность и освободиться. А золото... золото рабски исполнило приказ сильного, предавая хозяина. Сейчас сильным был Роман, и браслет послушно отдал ему камень.

Смяв и отбросив ставшую ненужной оправу, Нэо сосредоточился на горящей кровью шерле. Уж не так ли были созданы и заклёты Рубины Циалы? Но об этом после... Эльф прикрыл глаза, направляя волю на камень. Перед мысленным взором Рамиэрля встало охваченное багровым пламенем Светозарное, повелением Орла и Дракона превращенное в огнедышащее чрево вулкана. Мир огня, мир чистой, свободной от всего стихии, несущей в себе и Свет, и Тьму. Мир, в котором нет и не будет места Пустоте, порождающей липкую скверну, опасную своим ничтожеством, ибо великое чаще всего гибнет от укусов мелкого. Рамиэрль думал об очищающем огне, зажженном Сострадающим и Познающим, едиными в своем порыве заставить миры защищать себя самим. Видно, его последняя, отчаянная попытка пройти Радужными Тропами не была столь бесполезной, как ему показалось. Образ пылающего Светозарного стал для Романа той точкой, оттолкнувшись от которой он освободил себя от всего, кроме одной мысли, которую предстояло воплотить в нечто осязаемое. Все остальное, вроде странного чувства, что он черпает силы из багрового пламени, несомненно, было мороком. Не думать ни о чем! Главное – разорвать Петлю, все еще связывающую жертву.

Роман сосредоточился на воображаемом пламени, направляя его силу на камень. Он не видел, как кровавые пятна на ложе начали бледнеть и уменьшаться, зато почувствовал, что рука наливается тяжестью. Алый камень стал расти, грани сгладились, принимая форму пульсирующей сферы, словно бы втягивающей в себя кровь предателя. Когда с белоснежного покрывала исчез последний след, на раскрытой ладони Нэо лежал шар, похожий на закатное солнце, таким оно уходит за горизонт, предвещая ветер. И в этот миг связь со Светозарным прервалась.

Комната была залита красным светом, но Нэо вновь видел братьев – мертвого и живого. У него получилось. Получилось! Осталось произнести последнее Слово, и он его произнес.

– Именем вечного Огня. Ты свободен.

Алый шар лопнул, как лопаются мыльный пузырь, тревожный свет угас, Рамиэрль в изнеможении опустился на широкий подоконник, но все же заставил себя пошевелить рукой, зажигая обычный для Лебедей голубоватый шар. Эльрагилл все еще лежал рядом с Тэноллианом, но Роман сразу понял, что тот свободен, хоть и очень слаб. Ему следовало дать хоть немного Силы, но Нэо чувствовал себя вычерпанным до дна. Что-то врезалось в ладонь. Камень, вновь ставший обычной шерлой. И все же... Все же лучше ее в Луциане не оставлять. Мало ли что.

На нетвердых ногах Рамиэрль пересек комнату и буквально рухнул на край постели.

– Н-нэо... – Эльрагилл говорил с трудом, но это от волнения и слабости.

– Все в порядке. Попробуй встать. Вряд ли стоит оставаться в одной постели с... с Тэноллианом. Я приведу Аддари и Норгэреля, но это потребует времени. Постарайся за это время отдохнуть. Силы тебе еще понадобятся.

– Лучше будет, если мы выйдем отсюда вместе. Я должен объяснить...

– Нет.

– Нет?

– Я не о Тэноллиане. Это ваше дело, но правда о нем Долине не помешает. Я о себе. Вряд ли стоит говорить, что вернулся и освободил тебя именно я. Мы все равно уходим, но нам понадобится твоя помощь.

– Я дважды в долгу перед тобой. За себя и за Аддари. Если б он не ушел, его бы убили. Тэноллиан и Ильгэйбэ.

– Она тоже? – Зачем он это спросил, лишнее напоминание – лишние муки.

– Да, но не так, как ты думаешь... Она верит, что, уничтожая колеблющихся, свершает подвиг во имя Света. Для нее все, кто не с ней, – враги. Знаешь, – Эльрагилл попробовал улыбнуться, – они с вашим бунтарем подходят друг к другу.

– Теперь уже нет. Альмик очень привязался к твоему сыну. После того как понял, что его приказали убить эльфы. А ненавидит он теперь разве что рыцарей Солнцецвета, и, видит Звездный Лебедь, за дело. Они и людей позорят, и эльфов.

– Рыцарей Солнцецвета в Луциане больше не будет, – тихо проговорил Солнечный владыка, – обещаю тебе. Погоди... Если ты хочешь сохранить все в тайне, я открою тебе проход, – Эльрагилл встал, пошатнулся, но удержался на ногах, – если хочешь, можешь провести через него хоть порождение Тьмы.

Солнечный владыка пытался шутить, но Роман очень серьезно ответил.

– Спасибо. Я так и сделаю.

2892 год от В.И.

21-й день месяца Дракона.

Оргонда. Лиарэ

Вошла до смерти запуганная служанка и принесла хлеб, молоко и сыр. Последний завтрак герцогини. Хоть бы вина налили, что ли... Нет, пить перед смертью – это трусость.

Надежду на спасение герцогиня Оргондская оставила, когда обнаружила в своей комнате настойку белой амаполы. Случайности быть не могло, лекарство, порой именуемое «сонной смертью», подбросили нарочно. Выбирая между костром и ядом, любой выбрал бы яд. Любой, но не Марта Тагэре. Никогда не делай того, чего хотят от тебя враги. Оресту нужна была ее смерть, но Марта достаточно разбиралась в политике, чтобы понимать: Предстоятелю невыгодно пачкать руки в крови. Если обвиняемая отравится, это в глазах простолюдинов сойдет за признание вины и выведет синяка из-под удара. И герцогиня с усмешкой передала находку пришедшему к ней клирику, заодно отказавшись от исповеди. Она готова поведать свои грехи Архипастырю, кардиналу Оргонды или своему духовнику, но антонианцы могут рассчитывать лишь на разговор при непредвзятых свидетелях о недозволенном колдовстве.

Это было вызовом, но Орест его не принял. Вернее, принял, но по-своему. Суд переносился со дня на день, толпа под окном распалялась, становясь все злее. Теперь Марту не оставляли одну ни на мгновение, это было унижительно, но она дала понять, что относится к приставленным к ней чужим мужчинам, как к неизбежным в неопрятном доме тараканам. Свои чувства дочь Шарля Тагэре научилась скрывать давно, иначе она бы не прожила столько с этим ничтожеством. Марк... Его страх, бессилие и глупость все и погубили.

Если бы герцог сразу же вышел к родителям погибших детей, посмотрел им в глаза, взял расследование в свои руки, бунта бы не случилось. Марта не сомневалась, что за страшным открытием крылся заговор, уж больно вовремя все произошло. Еще день, и властители Оргонды вместе с Мальвани отплыли бы в Арцию, куда руки антонианцев пока не дотягиваются. Неужели Орест догадался, что она могла не вернуться? Вряд ли. Знай антонианец об этом, он позволил бы ей бежать. Нет, кардинал боялся нового союза Оргонды и Арции. Сандер не Филипп, его не купишь и не заморочишь. Младший брат за нее отомстит. Вместе с Сезаром.

Виа успела остановить Мальвани, в этом не было никакого сомнения, но сердце Марты разорвалось от боли, когда она поняла, что Сезар и Анри послушались ее приказа и

повернули. Да, они приняли единственно правильное решение. Не пройдет и двух кварт, как бунт будет подавлен, зачинщики наказаны и, герцогиня очень на это надеялась, загадка склепа будет раскрыта. С ее имени будет смыта грязь, но... Но если бы Сезар Малве ее любил, он бы послушался не головы, а сердца. Хотя почему она о нем думает хуже, чем о себе? Она могла бежать вместе с Виа, но осталась, потому что так велел ей долг. Долг виконта Малве служить Арции, а не своей любви, да и с чего это она взяла, что он ее любит? Она старшая сестра его друга и сюзерена, не более того. Маршал и его сын сейчас далеко, когда они приведут войска, она будет мертва, и страшно мертва, а Орест станет разводить руками и сетовать, что ярость народа была слишком велика.

Неужели на проклятого синяка не найдут управу даже потом? Предатель, ханжа и подлец, но он победил. Она его недооценила, а ведь Сезар предупреждал о заговоре против нее. Вернее, против союза Оргонды и Арции, но ее смерть ничего не изменит. Когда истечет срок мира, подписанного Филиппом и Жозефом... Святой Эрасти, а ведь они оба мертвы... И брат, и Паук. Мертвы, но это ничего не меняет. Рано или поздно, но Сандер и Мальвани швырнут Ифрану на колени. Это будет и ее победой...

Одиннадцатая ора, а ее должны судить в полдень. Надо подготовиться и умереть с поднятой головой, как бы ей ни было страшно. Она сестра Эдмона и дочь Шарля. Этим все сказано.

Герцогиня оргондская, стараясь не обращать внимания на двоих синяков, подняла крышку сундука. Раньше в этой комнате обитала сестра струсившего и предавшего эркарда Лиарэ, суетливо заверившая «гостью», что все, что она найдет, принадлежит ей. Вот и прекрасно! Предсмертный туалет займет ее последнюю ору и отвлечет от непрощенных трусливых мыслей.

Марта выбрала подходящее платье, затем подошла к зеркалу, внимательно рассмотрела свое отражение. Слишком бледна, но в шкафчике у окна она заметила румяна и даже заячью лапку. А, вот они. И тон подходящий, никто не скажет, что она побелела от страха. А теперь займемся волосами...

2892 год от В.И.

21-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

Если б Виктуар Тюлли озаботился запастись царкой для опохмелки, все пошло бы иначе, но караул-декан вчера выпил абсолютно все. И это было ошибкой. Оглядев мутными глазами свое жилище, Виктуар вздохнул и понял, что надо как-то одеться и добраться до ближайшего кабака. И сделать это нужно было быстро и тайно, упаси Проклятый попасться в таком виде на глаза собаке-коменданту. Виктуар встал, стараясь не двигать раскалывающейся головой, на которую в припадке отчаянной надежды вылил кувшин холодной воды. Не помогло! Кое-как отряхнувшись и поклявшись юбкой святой Циалы, что никогда больше не тронет «утренний запас», Тюл-ли выполз в пустой коридор. Было мертвое время, когда все утренние дела уже сделаны, а до обеда еще далеко. Может, этот поганый Пандайе куда-то убрался.

Узнав о том, что королева никакая не королева, а всего лишь одна из шлюх Филиппа, а королем будет горбун Эстре, оба караул-декана Речного Замка на радостях напились, позабыв взаимные обиды. Вражда младшего Тагэре с «пуделиной» семейкой была всем известна, и Тюлли и Сашни побились об заклад, досидит ли Пандайе на своем месте до снега или Александр даст ему пинка сразу после коронации. Спорили на обед в «Цепном псе», а выпивка в любом случае шла пополам, а потому, кто выиграет пари, было почти все равно. Ну да это еще когда будет, а царка Виктуару была нужна немедленно.

Благополучно выбравшись в город, утолив, хоть и не до конца, свою жажду и власть почесав язык с трактирщиком о грядущих переменах, Тюлли с прояснившейся головой направился назад и в Рыцарской прихожей чуть не напоролся на коменданта. Караул-декан едва успел шмыгнуть в нишу и укрыться за стоящими там турнирными доспехами. Пандайе

был не один, и это было плохо, так как ничего не доставляло горлопану-коменданту большего удовольствия, чем отчитывать подчиненных при посторонних, будь те хоть золотарями. Если же удавалось наорать на стражников или пустить в ход кулаки при ком-то из нобилей, Пандайе целый день ходил именинником. Теперь с ним был какой-то стройный, богато одетый сигнор. Из-за пахнувших прогорклым оружейным маслом доспехов Тюлли не мог разглядеть лица, но разговор был слышен прекрасно. Голова у Виктуара почти прошла, и он со все возрастающим интересом ловил каждое слово, понимая, что удача наконец-то повернулась к нему лицом.

Тюлли не первый год был караул-деканом в Речном Замке, сочетавшем в себе одну из королевских резиденций, правда, изрядно заброшенную, и тюрьму для особо опасных преступников, каковых после продажи Агнесы не наблюдалось. Тем не менее Виктуар был личностью в государственных делах осведомленной и догадался, что речь идет о заговоре против Александра Тагэре. Заговорщики избрали местом встречи Замок, полагая, что будут в полной безопасности, и договорились собраться нынче же вечером. Пандайе клялся, что более надежного места нет и быть не может, и явно примерял к своей поганой лапе маршальский жезл. Тюлли был более скромн, он давным-давно пришел к выводу, что должность – ничего, а деньги – все, а за подслушанную тайну можно получить никак не меньше сотни ауров, а заодно отплатить уроду-коменданту. К тому же караул-декан был истинным жителем Мунта, а в столице почиталось правильным любить горбуна и ненавидеть суку Вилльо и ее родичей. Тюлли не колебался, он продаст заговорщиков с потрохами и при этом исполнит свой долг перед короной. Главное – решить, к кому пойти. Караул-декан сразу же отбросил начальника Тайной Канцелярии, так же как и Пандайе, бывшего выкормышем Элеоноры. Обен Трюэль? Но с ним спутался Боров Сашни. Тюлли видел соперника вместе с доверенным слугой обжоры, а Виктуар не хотел быть вторым там, где мог стать первым. Добиваться встречи с самим Эстре? Но догадается ли герцог, что за такую услугу одного «спасибо» мало. Кто сам не берет взятку, не понимает, что их нужно давать. Старательно слушая и запоминая, Тюлли перебирал в памяти столичных нобилей и наконец нашел.

Стражник чуть не захлопал в ладоши, досадуя лишь на то, что не сразу вспомнил. Антуан Бэррот, папаша капитана гвардии красавчика Артура! Самое то! Артур предан Эстре и глуп, как бубен, но его отец еще тот гусь. Долго приценивался, прежде чем решить, на кого ставить, явно пошел в своего родителя и мечтает о ключе¹³⁶. Раскрыть заговор против Александра для него сплошное удовольствие, а скупиться он не станет. Про Бэрротов еще никто и никогда не говорил, что они скареды.

2892 год от В.И.

21-й день месяца Дракона.

Оргонда. Лиарэ

Анри и Сезару удалось протиснуться почти к самому дому, в котором в ожидании суда находилась герцогиня. Ближе, не затеяв ссоры с облепившими крыльцо фанатиками, было не подобраться.

Никогда еще Сезар Мальвани не был столь близок к тому, чтобы возненавидеть человечество. Лиарэ сбесилась. Фанатики, которых тут отродясь не водилось... Толпы фанатиков, дневавших и ночевавших на площади Святого Антония. Осеняющие себя Знаком стаи, проповедники в фиолетовом и зеленом, вопли кликуш, требовавших сжечь Преступившую, дикие подробности того, что якобы творила герцогиня...

Лиарэ с готовностью подхватывала любой бред о распятых и изнасилованных девочках, вырванных из чрева матерей нерожденных младенцах, ослепленных и оскопленных рыцарях, белых безглазых змеях, плюющих ядом жабах, огнедышащих псах

¹³⁶ Золотой ключ – символ власти канцлера.

и прочей чертовщине. Если кто и сочувствовал Марте, то молчал и опускал глаза, чтоб не быть разорванным на куски. Толпа смела несколько особняков близких к герцогине нобилей, а арцийский посол спасся, лишь укрывшись в циалианской обители. Сестры, к слову сказать, молчали, словно происходящее в столице их не касалось...

Если бы здесь была армия! Сезару хотелось верить, что солдаты, ходившие за своими вождами в огонь и в воду, не посмели бы ослушаться их приказа. Но тогда пришлось бы вырезать всех – мужчин, женщин, стариков, детей, потому что против Арции и герцогини поднялась вся Лиарэ. Облегчение, испытанное виконтом при известии, что Марта жива и дожидается антонианского суда в одном из домов напротив обители, почти сразу же сменилось отчаяньем. Висконт был готов сцепиться с синяками и эркардными стражниками, но не с толпами осатаневших горожан, не расходившихся ни ночью, ни днем. Первоначальный замысел – тайно пробраться в дом и вывести герцогиню – рухнул, едва только Мальвани увидели море людских голов, бьющееся в каменные стены. А вот стражников и синяков как раз и не было. Вернее, были, но по другую сторону антонианской площади у Храма Триединого, где должен был состояться суд. Должен, но не состоится, потому что без охраны заполненной разъяренными фанатиками площади не перейти.

Замысел Ореста был понятен. Марту Тагэре должен казнить народ Лиарэ. Потому-то кардинал и отодвинул судилище на квартиру, озаботившись при помощи «свидетелей» злодейств герцогини довести город до полного иступления. В первые дни бунтари еще могли передать жертву в руки Предстоятеля антонианцев, а именно этого синяк и не хотел. Ему нужна была кровь, причем пролитая чужими руками, и он ждал, ничем не рискуя. Бунтовщики были надежными стражниками и обещали стать отменными палачами.

На третий день на площадь принялись стаскивать дрова, на четвертый день запылали первый костер, на котором сожгли чучело ведьмы-герцогини. Туда же полетели вывески харчевен «Поцелуй арцийки» и «Арцийская звезда», ни в чем не повинные вирши какого-то мунтского стихоплета, мебель и картины из разгромленного посольства и все, что в головах очумевших от безнаказанности горожан связывалось с герцогиней и ее родиной.

Чем ближе подходил назначенный срок, тем понятнее становилось, что ни похитить, ни тем паче отбить Марту не получится. Оставалась жалкая надежда защитить ее, пока она пробивается сквозь толпу к храму. Если герцогиня доберется до Ореста, тот вынужден будет воздержаться от убийства сестры арцийского протектора. И именно поэтому Марта до храма не дойдет. А с толпы какой спрос? Да, после этого Арция и Оргонда станут смертельными врагами, но именно это Оресту с ифранцами и нужно.

Проклятый, от того, что он, Сезар Мальвани, понимает, кто и почему убивает любимую женщину, не легче. Отец был рядом, но с таким же успехом он мог остаться на берегах Табита. Стиснутые толпой, они не могли обменяться даже словом, не рискуя быть услышанными. У них не было мечей – о том, чтобы пришедшие к храму были безоружными, позаботились особо, хорошо хоть в одежде дарнийских моряков их было не узнать. То есть узнать, конечно, было можно, но лишь зная в лицо и ожидая встретить именно здесь и именно их. Но для всех Мальвани оставались на границе...

Сезар сам не знал, как сдерживался, слушая гадкие, несправедливые, жестокие слова. Человек не представляет предела своих сил. Висконт Малве молча стоял рядом с провонявшим луком кривоzubым лавочником и уродливой горожанкой, визгливо рассказывавшей, как у невестки тетке молочника похитили и принесли в жертву ребенка и как она всегда подозревала, что арцийка – еретичка и шлюха. Кривоzubый подтвердил последнее с такими подробностями, что Малве чуть было его не придушил. Его остановил отец, до боли сжавший локоть сына. Малве не знал, о чем он думает, может быть, о Шарле Тагэре или его сыне Эдмоне, казненном у ворот Эльты. Ну почему они сразу же не взяли войска?! Хотя Марту бы это не спасло. Армия движется медленно, она бы подошла к Лиарэ в лучшем случае послезавтра к вечеру. Сезар не сомневался, что Серж сделал все, что мог, но Монтрагэ появится не раньше чем кварталы через полторы. Можно будет отомстить, как отомстили Агнесе. За свои преступления ифранка расплатилась смертью сына и безумием,

но убитые по ее приказу от этого не воскресли...

Пробило двенадцать и две четверти, до суда осталось пол-оры. По площади пробежала сладострастная судорога, и Малве представился затаившийся в глубинах огромный спрут, почуявший теплую кровь и медленно, предвкушая наслаждение, всплывающий навстречу обреченному кораблю.

День был тихий, сумрачный и теплый. Парило, а в толпе было и вовсе нечем дышать. Уставшие от долгого стояния ноги заявляли о себе. Тело человека совершает в бою невозможное, но на пустое стояние всегда отвечает усталостью. Отцу на одной ноге еще тяжелее, но он терпит. Сезар не знал, что было бы лучше – чтобы Анри ушел или был рядом. Его присутствие, вопреки здравому смыслу, ободряло и внушало уверенность, но, если придется драться и бежать, отец обречен. На одной ноге далеко не уйти, хотя о какой драке может идти речь?! Разве что отобрать алебарду у стражника... Вот у того, пузатого... И стоит удобно! Оттолкнуть кривоzubого, сбить отвратительную старуху, вскочить на ступеньку и... С паршивой алебардой против целого города и толпы синяков, которые, если что, не побрезгуют и магией!

Колокол пробил тринадцать раз. Полдень. Толпа заворочалась, как свинья в хлеву, предвкушающая кормежку. Кто-то запалил факелы и бросил в загодя приготовленные костры. К без того нестерпимой жаре и духоте добавились вонь сгорающей виниссовой соломы и смолы. Малве еще раз прикинул расстояние от места, где он стоял, до крыльца дома Марты и оттуда к храму. Не успеть. Разорвут на полдороге. Или бросят в огонь. А потом Орест призовет всех покаяться... А что делать ему? Погибнуть рядом с Мартой или выжить и отомстить? Всем. Марку, Оресту, ифранцам, оргондцам. Они с Сандером не оставят от Лиарэ камня на камне... Этот город не заслуживает пощады...

Двери высокого трехэтажного дома дрогнули, но не подались. Они открывались наружу, а на крыльце было слишком много народа. Если б Орест хотел сохранить своей жертве жизнь, он бы выстроил коридор из стражи и синяков, но те стояли лишь у входа в храм и вокруг площади, отбирая мечи у желающих пройти. Впрочем, окружающие улицы были так запружены народом, что пробиться даже к тому месту, где стояли они, было почти невозможно.

Здоровенный бугай с зычным голосом начал сгонять людей со ступеней, одет он был, как простой горожанин, но Сезар сразу понял – перед ним воин. Свой? Неужели?! Нет... Орест озабочился запустить в толпу переряженных солдат. Проклятый! Ну почему он не уговорил Марту уехать в Арцию с матерью. Или... бежать с ним хоть в Новый Эланд, хоть в Отлученные земли. Неужели единственное, что он может сделать для своей любви, это убить ее, смертью защитив от грязных, похотливых лап. И он сделает это, если не останется надежды. Не останется?! Уже не осталось!

Стараньями переодетых антонианцев проход расчистили, дверь распахнулись, и Сезар увидел Марту. В простом синем платье без покрывала, но с высокой прической, с успехом заменявшей корону, герцогиня Оргондская спокойно оглядела беснующуюся толпу. Она не боялась. Или сумела взнудать свой страх, что было еще большим подвигом. Пусть она по всем законам перешла в род ре Ги, но сейчас на площадь вышла Марта Тагэре.

Фанатики взвыли от ненависти и предвкушения расправы. А женщина, приподняв тяжелую юбку, словно боясь запачкаться и прямо глядя перед собой, пошла вперед. Это было неожиданностью для всех. Если б у крыльца были лишь горожане, они бы расступились – черни свойственно отступать перед нобилями, а трусам перед теми, кто их не боится, но Орест знал, кого там поставить. Сезар понял, ЧТО сейчас произойдет. Глаза застлал какой-то туман, и виконт с рычаньем бросился вперед, с неожиданной легкостью сбив с ног и отшвырнув приготовившегося швырнуть камень бугая. Тот упал с переломленной шеей. Дико завизжала какая-то женщина, и к ней присоединился тонкий мужской голос. Еще один переодетый, отвратительно пахнувший грязью, злобой и страхом, выхватил длинный кинжал. Еще бы, ЭТИМ оружие принести позволили. Лезвие метнулось вперед, но боли Сезар не почувствовал. У него не было оружия, и он вложил всю свою

ненависть в удар рукой. Один удар, и вонючий опрокинулся на спину, зажимая развороченное брюхо. Как это получилось? Некогда думать.

Еще один... И еще... Вкус крови во рту, крики, тошнотворная вонь... Проклятый! Что это?! Огромный тигр ударом лапы перебил хребет какому-то негодяю, распластавшись в полете, перескочил через несколько голов, и приземлился у ног Марты. Тигр?! Антонианские штучки?! Божий промысел?! Сезар ринулся вперед в безумном прыжке, внизу мелькнула чья-то лысина и безумные выпученные глаза. Что с ним? Как он совершил такое?!

Виконт Малве мягко приземлился у ног возлюбленной и, повернув к замершей толпе оскаленную пасть, испустил рычание, показывая великолепные клыки.

2892 год от В.И.

21-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

Сначала Артур ничего не понял. Отец, после приснопамятного заседания Генеральных Штатов ходивший с задумчивым видом и где можно и где нельзя сетовавший на опасную доверчивость будущего короля, не убравшего из столицы никого из Вилльо, ворвался в казармы и потребовал сотню человек. При этом глаза Антуана Бэррота сияли от радости. Когда-то Артур подчинялся отцу беспрекословно, но теперь эти времена прошли. Капитану королевской гвардии может приказывать только король, что Артур и сообщил родителю.

– Пока, – рывкнул тот, – ты ждешь Александра, в Речном Замке собираются заговорщики.

– Что, – не понял Артур, – какие заговорщики? Ведь все ясно, Элеонора не королева, значит...

– Вот потому и заговор, что все ясно, – отрезал граф, – была бы у них лазейка, они бы иначе действовали. Знаешь, кто там сидит? Рогге с Клавдием!

Этого было достаточно. Артур Бэррот был предан Александру Тагэре и всеми фибрами своей души ненавидел предателя-кардинала и подлеца Рогге, опустившегося до подсуживания на турнире. Их имена подействовали на капитана гвардии, как красная тряпка на быка. Не прошло и четверти оры, как сотня всадников крупной рысью выехала из ворот дворца Анхеля и переулками добралась до узкого замкового мостика. Там их ждал плотный мужчина с красной физиономией выпивохи, что-то шепнувший старшему Бэрроту, который велел сыну выставить за углом охрану, а самому с двумя десятками солдат идти за пьяницей, оказавшимся замковым караул-деканом. Их никто не заметил – комендант Речного Замка и вправду был глуп. Гвардейцы вошли в узкую боковую калитку, которой пользовались стражники, когда нужно было тайком выскочить за царкой.

Когда они вошли, отец страшным шепотом велел соблюдать тишину. Прежде чем схватить заговорщиков, следовало послушать, что они говорят. Артуру, молящемуся не на Книгу Книг, а на Кодекс Розы, подслушивание претило, но в данном случае он смирился. Жизнь Александра была слишком драгоценной, а мерзавцев нужно было схватить за руку.

Предатели выбрали себе Голубую Столовую, некогда весьма любимую Иволгой. Большие светлые окна и балкон выходили на Льюферу, а кроме парадных дверей, в комнату вела низкая дверца с решетчатым оконцем, через которую подносили кушанья. Отец и сын замерли, прислушиваясь к приглушенному разговору.

Артур узнавал голоса. Граф Ревии... «Пудель» поганый. Кардинал, продажная жирная скотина... Женщина? Неужели королева? Нет, красotka Эжени, а этой-то чего нужно? Хотя она вроде бы без ума от Аганна, хотя спит еще с Гастоном Койлой и Ревии. Незнакомый голос, и несет сущую чушь... Мунт встанет на защиту законного короля? Встать-то он встанет, но уж точно не за «пуделей». Снова кардинал. Советует оспорить предъявленные выборным доказательства. Ревии возражает. Говорит, сначала следует уничтожить горбуна. Рука Артура схватилась за меч, и отец с силой сдвинул плечо сына.

Спор продолжался, Эжени робко сказала, что Александр все-таки брат Филиппа, и лучше его не убивать, а просто схватить. Ревии оборвал любовницу, заявив, что, пока горбун

жив, у них ничего не выйдет. Затем вступил еще один голос, и Артуру показалось, что он ослышался. Гастон Койла – канцлер, лучший друг короля Филиппа и, как думалось Бэрроту, Александра. До чего же докатилось арцийское рыцарство, если граф Койла вместе с грязными выскочками обсуждает, как и когда убить законного короля?!

– Я беру это на себя, – твердо сказал канцлер, – горбун мне доверяет, мне ничего не стоит угостить его вином из погребов Его Высокопреосвященства. А вам лучше всего выждать и затаиться. На меня никто не подумает, но, если заподозрят кого-то из вас, толпа раздерет вас на куски, а о коронации Филиппа можно будет забыть.

– Когда вы это сделаете?

– В ночь перед коронацией, чтобы утром, когда к нему придут, Александр был мертв. Граф Реве – человек ученый, он напишет записку, в которой Сандер скажет, что сделал это сам, так как Филипп хотел видеть на троне сына, а не брата, и попросит всех, любящих его, исполнить его последнюю волю и короновать племянника.

– Это может сработать, – довольным голосом произнес кардинал, – верность горбуна брату известна всем, а жизнью он не дорожит.

– Да, в это поверят, – согласился и Реве, – конечно, понадобится вмешательство Церкви, но зато эти бешеные волки слова не скажут. Наоборот! Ха, – брат королевы был в восторге, – да они всем, кто посмеет возражать, головы поотгрызают. Нам и делать ничего не нужно.

– А что будет с Жаклин и ее сыном? – спросила заботливая Эжени.

– Жаклин на ладан дышит, вряд ли надолго переживет мужа, – утешил Реве, – а ребенок слишком мал. Не нужно, чтобы было слишком много смертей.

– Согласен, – подвел итог граф Койла, – пора расходиться. И помните, вам лучше исчезнуть из Мунта на какое-то время.

Послышался шум отодвигаемых стульев, и в это время Антуан Бэррот пинком распахнул дверцу.

Скиталец

Великий Орел! Сколько же в Тарре Старой Крови! Но им не отбиться, хотя с собой они утянут многих. Оресту тигры лишь на пользу. Теперь из Марты сделают уже не еретичку, а Преступившую. Еще бы... Взывшиеся из ниоткуда звери... Из ниоткуда? Или кто-то, как и ты, шел по следу этой мрази? Но ты хотя бы представлял, что и как станешь делать, а они, похоже, нет. Воистину, Счастливчик, ты не знаешь не только всех своих врагов, но и союзников. Кто же они? Ты увлекся Орестом и его заветами и не стал искать своих в толпе, а они были. Тигры... Сколько же тайн хранит Тарра, но сейчас не до них. Вдвоем против нескольких тысяч! Смело, но глупо...

Ты, кажется, заговорил об уме, Счастливчик? Об уме и осторожности. Очень мило с твоей стороны, на себя бы посмотрел. Забыл, что с тобой творилось, когда ты вернулся? А ты вспомни, как тебя рвало на куски, едва ты сходил на берег, как ты не мог шевельнуть хотя бы рукой, какие сны тебе снились...

Твой враг сбросил тебя со счетов, хоть и знал, что ты выжил, а ты взялся за старое. Ты опять по уши в арцийской грязи. Тебе мало, что ты снова жив и бродишь среди живых, можешь пить вино, целовать женщин, пускать в ход клинок, хотя можешь убивать и иначе. Взглядом. Словом. Прикосновением. Есть множество способов, но в тигра ты не превратишься, хотя вряд ли эти двое сделали это намеренно.

Намеренно или нет, но к бою они готовы, а убить Старую Кровь непросто, ты это испытал на своей шкуре.

А защитнички веры задумались. Еще бы, такие киски... Первые, кто полезут, познакомятся со своим Кастигатором раньше Марты. И ведь понимают, хоть и бесятся. Понимают и боятся, но это ненадолго. Кто-то одержимый или просто пьяный начнет, и понесется... А нет, так Орест подбавит толпе прыти.

Уже подбавляет! Конечно, если Марта с ее спутниками доберутся до храма, ему будет

очень больно. Хорошо бы, чтоб его сожрали тигры, но такое лишь в хаонгских сказках бывает. Как же все эти клирики рвутся к власти, власти не духовной, а самой что ни на есть мирской. Вдохновенно врут о Конце Времен и последнем Грехе и... говорят правду, в которую не верят сами.

А Марта молодец. Пойти сквозь воющее зверье, не опуская глаз. Как же она похожа на отца... На отца и на Геро! Ты не смог спасти Шарля, Счастличик, ты был далеко, да и сил тогда у тебя не хватало. А теперь хватает...

Все еще боятся, хотя Орест и старается вовсю. Сейчас площадь охватит безумие, но кардинал тоже рискует. Унять беснующуюся толпу потруднее, чем взбеленить. Ты зарываешься, Орест, зарываешься... А ведь начинал умно, ты не допустил ни одной ошибки, но Старую Кровь ты не предусмотрел. Ты разбудил спящих тигров, и теперь тебе лучше подумать о собственной шкуре, а не об охоте. Раньше ты был осторожен, но магия пьянит. Пора остановиться, а ты продолжаешь накачивать толпу ненавистью, толкая в тигриные когти. Ты захмелел не меньше, чем твоя паства, захмелел и потерял чувство меры.

Не спорю, ты ловко придумал. Оружие и лезущие вперед горожане – хорошее оружие. Надежное. На первый взгляд...

А как красиво можно ударить!

2892 год от В.И.

21-й день месяца Дракона.

Оргонда. Лиарэ

Только гордость Тагэре не позволила Марте закричать от ужаса и закрыть лицо руками. Она стояла, глядя прямо перед собой, чувствуя у ног живое тепло своих защитников. Мальвани... Она сразу поняла, кто пришел на выручку. Они с Сезаром никогда не принадлежали друг другу, но смерть их объединит. Страшная смерть... Если бы у нее был хотя бы кинжал. Она боится костра, но она выдержит. Она – Тагэре. Какие глаза у этой старухи. Белые, безумные. Сколько в них злобы. Что она им всем сделала? Святой Эрасти, что?! Сейчас бросятся. И первой эта ведьма... Женская ненависть еще страшнее мужской. Мужчины мстят за причиненное им зло, женщины за все несбывшееся. Но какая же она, Марта, дрянь! Она счастлива, что Сезар здесь, с ней, хотя он тоже умрет. Из-за нее и за нее. Стоят... Стоят, смотрят и боятся. Но надежды нет. Нет и быть не может.

Площадь закипала, как закипает масло в казане, наливаясь ненавистью. Скольких смогут убить Мальвани? Десяток, сотню? Две? Им не спастись, как было не спастись отцу и Эдмону. А Марк удрал... Хорошо бы, если б толпа прикончила и его. Потому что он недостойн жить и быть государем. Государи не отрекаются и не прячутся.

Все! По тому, как дернулась щека тарашившейся на нее старухи, Марта поняла, что время вышло. Герцогиня подняла глаза к низкому серому небу, не прося и не молясь. У нее не было сил и дальше видеть уродливые морды тех, кто совсем недавно походил на людей. Марта стиснула зубы, готовясь к неизбежному. Еще один взгляд в молчащее небо, и она будет готова...

– Стоять! – раздавшийся голос был холоден и суров, как зимнее море. Напирающие друг на друга фанатики, намеревавшиеся отворить себе дорогу в царствие небесное чужой кровью, сначала остановились, словно налетев на невидимую стену, а затем медленно и неохотно стали отступать. Марта со вздохом уронила руки, один из тигров с глухим ворчанием лег у ее ног, другой остался стоять, все еще охаживая себя хвостом по бокам. Но площадь смотрела не на них, а на седого человека в простом темном платье, словно бы вышедшего из пламени костра и вставшего его между ним и обреченными. Окинув яркими голубыми глазами ворочающуюся толпу, незнакомец произнес негромко, но властно:

– Орест, Предстоятель ордена антонианцев, выходи, я жду тебя.

Все замерло, только трещало пламя. Предстоятель был в храме. Его и голубоглазого незнакомца разделяли стены, двери, тысячи людских голов, Орест не мог слышать...

– Орест. Я жду!

И не подвластный ни королям, ни конклаву глава антонианцев вышел из украшенных изображениями Стрел и Плюща дверей и медленно и тяжело, изо всей силы опираясь на посох, направился к тому, кто его звал. Лавочники, мастеровые, фанатики, игроки, моряки, шлюхи, бражники затаили дыхание. Орест шел против воли, по искаженному яростью и страхом лицу струился пот, рука судорожно сжимала посох, с силой ставя его на булыжники мостовой в тщетной надежде остановиться, задержаться, не делать следующего шага. Но неведомая сила тянула клирика туда, где, выставив вперед ногу в выдавшем виды черном сапоге, стоял некто с седыми волосами и бледным молодым лицом. Незнакомец ничего не делал, просто молчал, скрестив руки на украшенной странной черно-зеленой цепью груди, и ждал. Он был красив, этот пришелец, со своими огромными голубыми глазами, надменно глядевшими из-под безупречных темных бровей; в его позе не было ни угрозы, ни хотя бы волнения, и именно поэтому он был страшен, как бывает страшен сверкающий айсберг, возникающий перед носом обреченного корабля.

Было тихо, вывешенные из окон по случаю казни ковры и флаги на высоких шестах обвисли, как жалкие тряпки, но серебряные волосы чужака развевались, словно под порывами свежего ветра. Даже если это был сам Антипод или же Проклятый, ни у кого не хватило духу не то что осенить себя Знаком, но хотя бы опустить глаза, словно бы прикованные к спокойному правильному лицу.

Когда Предстоятель ордена Святого Антония прошел сквозь расступившуюся толпу и вышел вперед, чужак поднял руку.

– Стой, где стоишь! – И клирик остановился.

– Повернись к людям. – Орест повернулся.

– А теперь отвечай, глядя в глаза тем, кому ты лгал. Зачем ты оклеветал герцогиню? Как ты это сделал? Откуда ты черпаешь силу? Что делаешь с теми, кто тебе верит? Что ты о них думаешь? Что думаешь о Церкви нашей Единой и Единственной и о господе нашем Триедином?

Дальше Марта не слушала, кто-то из тигров схватил ее зубами за рукав и потянул с замершей площади.

Скиталец

Ты попался, Орест. Попался, влетел в ту самую яму, которую рыл с того самого дня, как залез в стол к убитой мирийской ведьме. Тебе не выбраться, уж это-то я тебе обещаю! Ну же, говори, рассказывай жителям доброго города Лиарэ о себе и своих братьях. Громче говори, пусть все слышат, что ты держишь их за тупое стадо, что не веруешь ни в Творца, ни в Антипода и думаешь только об архипастырском посохе. Это хорошо, что ты не фанатик, Орест, был бы ты фанатиком, тебя пришлось бы просто убить, твои откровения были бы никому не нужны, но ты – политик, а признания политика вещь полезная.

Жаль, не добрался я до Максимилиана и Ольвии, но ты платишь и по их счетам. Облегчай душу, выплевывай в лицо толпе то, что не доверял даже своей подушке. Пусть все слышат исповедь главы «братиев скорбящих о грехах и скверне мира нашего». А вот о скверне поподробнее, пожалуйста. И о собственной скверне, и о чужой. Используй последнюю возможность нагадить ближним. Ты же обо всех знаешь, вот и говори. Топи их в своем дерьме, тащи с собой на дно...

Клавдий за взятки продал Оргонду и Арцию Пауку? Евлалий любит мальчиков, а Феофилакт девочек? Флоренций отравил Атанаисия, Иоакинф торгует подписями впавшего в детство Архипастыря, а Лаурентий вместе с Клавдием – вином в обход славного оргондского купечества? Молодец, Орест! Вываливай все, не тащить же этот навоз с собой в преисподнюю, топчи всех, кого можешь. Наслаждайся напоследок! А теперь давай про найденные кости. Ты восемь лет смотрел, как истинные еретики и чернокнижники похищают и истязают детей, смотрел и ждал, выгадывая время для удара. Ты бы мог остановить убийц, но ты не делал этого, они были тебе нужны. Ты их и сейчас не выдал, а заставил работать на себя...

А скольких ты принуждал доносить, убивать, лгать, используя свой сан! Скольких согрешивших девушек толкнул в лапы мерзким сектантам, приносящим в жертву нерожденных детей? Скольких рыцарей вынудил убивать по твоему приказу, пригрозив открыть имена их возлюбленных? Скольких купцов и трактирщиков превратил в отравителей?

Воистину, нет ямы более смрадной, чем душа грешника, если это душа лжеца и убийцы именем Божиим. А теперь расскажи, почему ты не боишься расплаты? Потому что сам НЕ ВЕРУЕШЬ. Для тебя Триединый – сказка, выдумка, морковка перед мордой осла, на котором едешь и ты и твои собратья. Ну же, повтори еще и еще. Творца нет. Судии нет! Спасителя нет! Есть лишь магия и умные люди. Всем дорога в золу, живем лишь раз, нужно брать от жизни все.

У тебя нет детей, Орест, по крайней мере тех, про которых ты знаешь. После тебя хоть потоп, хоть пожар, хоть конец света. Даже если все Благодатные земли полетят в тартарары, тебе нет до этого дала. На твой век власти и золота хватит, а дальше плевать. Бога нет, уж в этом-то ты уверен. А посему прав самый сильный, самый умный, самый хитрый. Победителей не судят. Победители всегда правы. Они перепишут Книгу Книг, объявят палача жертвой, а предателя святым. Жаль, тебе всего пятьдесят четыре, и ты не можешь сказать правду о Войне Оленя, «подвиге» Циалы, залоге Иволги... Ну так говори, что знаешь, на первый раз довольно и этого!

А как ты ненавидишь и презираешь людей, которые верят. Как ты над ними издеваешься. Повтори, что ты думаешь про них. Быдло, стадо, жалкие дураки, дойные коровы?

Да, да, мирные обыватели солнечной Лиарэ, это он про вас. Про вас, про ваших родителей, мужей, жен, детей, внуков. Слушайте своего пастыря, смотрите на него, вот он перед вами. Такой, каков есть. Вот его мысли, чувства, чаянья. Нравится?! А он не первый и не последний. Он один из многих, которых вы тянете на своем горбу. Ну? Что скажете? Будете его и впредь слушаться? Ах, не будете? А что будете?

Первой «бей!» завопила женщина... И еще одна. Женщины и любят, и ненавидят быстрее мужчин, особенно обделенные судьбой...

Ну, что, Орест, как тебе заваренная тобой каша? А теперь взгляни им в глаза, в глаза чудовищу, которое ты долго и старательно будил. Ты уже сказал достаточно, можешь замолчать. Теперь я разрешаю тебе бояться. Ты умрешь мерзкой смертью. Правильно, падай на колени, ползай на брюхе, умоляй о пощаде... Это последняя капля. Толпа еще может отступить перед мужеством, но труса разорвет на куски. Что ж, люди добрые, ату его!

Проклятье! Как же они орут. Да, Счастливчик, ничего более мерзкого ты не видел. И это те, за чье право жрать, спать и убивать себе подобных вы с Геро шесть с лишним сотен лет назад рискнули больше чем жизнью. Ты и дальше собираешься их спасать? Вместе с Эмзаром и пропавшим Романом? Чтобы они, воя от восторга, волокли на костер тех, кто им не угодил.

Скажете, магия? Их, бедненьких, заставили, а их сердца и души сотканы из любви и парного молока? Глупости, палача можно разбудить лишь в том, в ком он спит. Можно превратить человеческое тело в крысиное, но душу – извините... Ну, Рене? И к чему ты пришел? К тому, что чужак, объявивший Тарру погибшей, прав? Милое дело – увести из обреченного мира праведников, предоставив остальных их участи. Это справедливо... К кэргорам такую справедливость! И кто будет делить грешных и праведных? Наш чужак? Да что он понимает?! Проклятье! Когда же это закончится...

2892 год от В.И.

21-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

О заговоре ездивший в Лагу протектор узнал чуть ли не последним. Александру в очередной раз показалось, что он ослышался, так все было глупо и бессмысленно. Самым же

гадким было то, что в дело оказался впутан Гастон Койла, которого Сандер любил с детства. Теперь Гастон собирался его убить... В такое было трудно поверить, но не верить было нельзя. Заговорщики были неосторожны, и их разговор слышало полсотни гвардейцев, не считая обоих Бэрротов.

Антуан времени зря не терял. Послав гонца в Лагу за протектором, он созвал Генеральные Штаты. Город гудел. Несмотря на позднее время, на улицах толпился народ. Горожане вытащили из сундуков шлемы и кирасы, в которых щеголяли во время Войны Нарциссов, и расхаживали по двое-трое с факелами в руках, видимо, в надежде поймать десяток-другой злоумышленников. Это было бы забавно, если б не Гастон, от которого Сандер предательства не ожидал. Койла был предан Филиппу, хотя в этом-то, видимо, и было дело...

Александр с эскортом с трудом пробирались через толпу, вопящую здравицы королю и его защитникам. На душе было мерзко, и не проходило ощущение, что происходящее – очередной дурной сон. Хотя тогда дурным сном была вся жизнь, от первого осмысленного взгляда в зеркало до смерти брата и свалившейся на голову короны. Странно, а ведь корона ему и впрямь снилась, корона, валяющаяся на полу в тронном зале... В том сне было что-то еще, но он позабыл.

Дворец Анхеля был окружен тройным кольцом, это-то еще зачем? Мятеж не мог кончиться удачей, да его и мятежом-то назвать можно было лишь с натяжкой, собралась горстка недовольных, разделила шкуру неубитого медведя и попалась. Но Бэрротам и горожанам нравилось изображать готовность ко всяческим неприятностям. Александр соскочил с Садана, и неудачно, старая рана напомнила о себе, отнюдь не улучшив настроения. В глаза бросилось бледное, взволнованное лицо Артура, явно прикидывавшего, как поудобнее заслонить герцога грудью. Кто-то заорал «Смерть предателям!» – и толпа ответила согласным ревом.

– Артур!

– Да, монсигнор!

– Позаботься, чтоб не начали громить особняки Вилльо и остальных.

Проклятый! Да Артур первый готов броситься на родичей королевы... Но самосуда он не допустит.

– Преступников будут судить, но женщины и дети не виноваты. Кодекс Розы запрещает мстить слабым и беззащитным.

Слава святому Эрасти, этот довод наш доблестный рыцарь понял, вот пускай и займется.

– Прикажете оцепить дворец Койлы и резиденцию кардинала. А здесь хватит сотни дарнийцев.

– Будет исполнено.

– Спасибо, Артур.

– Моя жизнь принадлежит моему сюзерену!

Как мало ему нужно для счастья... Александр Тагэре, прихрамывая, поднялся в Львиный Зал и опустился в ждавшее его королевское кресло. Но он еще не король. Еще нет... Яркий свет, взволнованные лица, гул голосов. Заседание Генеральных Штатов в отсутствие короля открывает канцлер, но канцлера в Арции нет, так же как и короля.

– Граф Бэррот!

Антуан почтительно наклонил голову.

– Прошу вас вести заседание.

А ведь он только этого и ждал. А может, все ложь и никакого заговора не было? Или, вернее, был заговор Антуана Бэррота против Гастона Койлы? Нет, Антуан не сумасшедший, он никогда не поставит себя в зависимость от полусотни гвардейцев, а Артур и вовсе неподкупен. Не нужно обольщаться, заговор был, и сейчас Генеральные Штаты будут судить заговорщиков.

Если бы Александр Тагэре был художником и ему предстояло изобразить аллегория

трусости, он бы возблагодарил небо, пославшее ему таких натурщиков. Эжени Шаре тряслась как в лихорадке. На лице красавицы, у ног и в постели которой перебивал цвет арцийского дворянства, была написана готовность отдаться любому, кто за нее вступится, и даже, если нужно, уйти в монастырь. Обычно самодовольная рожа Клавдия казалось слепленной из скисшего творога, Рогге походил на загнанную в угол крысу, а вид Пандайе внушал беспокойство за состояние его штанов. Реву кое-как держался, но было видно, что дается ему это с трудом. Спокойным был только Койла, невозмутимо слушавший красивый рассказ Антуана Бэррота о том, что произошло в Речном Замке.

Сандер смотрел на лучшего друга Филиппа, ненавидя себя за то, что не обождет с Указом о государственной измене. Не подпиши он его в день прибытия в Мунт, судьба Койлы была бы в его руках. Ты хотел, чтобы никогда не повторилась история с Жоффруа, чтобы обвиняемые не зависели от королевской прихоти? Что ж, смотри, как чужие люди судят того, кого ты любишь с детства, именно смотри, потому что вмешаться, не отказавшись от собственного слова, нельзя.

Гастон погиб. Проклятый, да он все делает для этого! Зачем? Одно дело признаться в том, что можно доказать, другое брать на себя то, в чем тебя не обвиняют. Клавдию с Пандайе не отвертеться, с Эжени все понятно, защити свою женщину и все такое. Но во имя Эрасти, зачем вытаскивать Реву, Рогге и Аганна?! Койла же их ненавидит. Сошел с ума? Не похоже, глаза смотрят осмысленно. Так же он смотрел перед битвой у Тар-Игоны... А Антуан с трудом скрывает свое торжество. Еще бы, милейший граф уже чувствует на поясе канцлерский ключ. И, самое печальное, он его получит, потому что неглуп и потому что Обену восемьдесят один и он почти не встает. И еще потому, что канцлер должен принадлежать к высшей знати и быть человеком в годах.

Ты не любишь Антуана Бэррота, но он умен и, похоже, предан. Он против мира с Ифраной и засилья клириков, а личные пристрастия, Сандер Тагэре, теперь придется оставлять при себе. Ты любил Гастона, а тот... Но с Обеном все-таки нужно посоветоваться. Проклятый. Да он же тут!

Сандер с нежностью посмотрел на огромную расплывшуюся тушу во втором ряду. Обен был хмур, как осенняя туча, но протектору и будущему королю стало чуточку легче.

2892 год от В.И.

21-й день месяца Дракона.

Оргонда. Лиарэ

Герцогиня Оргондская старалась не думать о том, кто и почему ее спас. Неужели тот самый Преступивший, которым пугают детей? Кто еще мог одолеть Предстоятеля антонианцев, и что теперь будет, куда они идут и зачем? Куда им вообще идти? Что станет с Сезаром и Анри? Неужели они так и останутся тиграми? Что там, на площади? Будет ли погоня? У ней осталось жемчужное ожерелье и кольцо. Может быть, кто-то из моряков соблазнится драгоценностями и отвезет ее в Арцию. Сандер – протектор, но рискнет ли он принять у себя Преступившую? Рискнет, Сандер – не Марк, но имеет ли она право срамливать его с антонианцами? С нее наверняка спросят и за Ореста, если с ним что-то случится... Но если не Арция, то куда им бежать? В Эр-Атэв? Клирикам туда хода нет, но кому она там нужна...

В просвете между покосившимися лачугами блеснуло море, герцогиня и ее спутники ступили на узкую прибрежную полосу. Тигры решительно повернули вон из города к высокому мысу, она послушно побрела следом, увязая в сером песке. До мыса было еще далеко, когда один из зверей (Марта не знала кто, отец или сын) глухо зарычал, почти простонал и без сил опустился на землю. Второй растерянно кружил вокруг упавшего, не в силах ничем помочь. Марта присела на корточки, робко коснувшись бархатистой шкуры. Отчаянье, которое она отгоняла все эти бесконечные дни, наконец взяло свое, и герцогиня бессильно закрыла лицо руками.

Из протрации ее вывел негромкий, но властный голос:

– Сударыня, попрошу вас подвинуться.

Марта подняла голову. Рядом стоял тот самый человек или нечеловек, что остановил беснующуюся толпу.

– Дайте мне пройти, сударыня, – повторил он, – возможно, я что-то смогу сделать.

Герцогиня с трудом поднялась и отошла, а незнакомец без страха (хотя чего бояться ЕМУ?) повернулся спиной к одному гигантскому зверю и склонился над другим. Марта не поняла, что он сотворил, но воздух вокруг лежащего заколебался, как будто она смотрела поверх пламени костра. Потом что-то замерцало, словно бы седой крутанул вокруг себя и замерших тигров полупрозрачный плащ. Марево развеялось быстро, и женщина увидела двоих мужчин, склонившихся над третьим. Затем седой поднялся, покачал головой, словно бы извиняясь, и отошел, оставив Сезара с отцом. Марта неуверенно шагнула вперед.

– Подождите, – рука, показавшаяся страшно тяжелой и горячей, коснулась плеча и тотчас опустилась, – пусть они побудут вместе. Вы понадобитесь младшему, очень понадобитесь, но немного позже.

– Маршал болен? Что с ним?

– Он умирает. Я не смог ничего сделать. Разве что Анри Мальвани уйдет человеком и скажет сыну то, что хочет и должен... Он убил себя, став зверем, хотя не думаю, что это зависело от него.

– А Сезар?

– С ним все в порядке, он здоров и молод. Я сначала надеялся, но, когда их узнал, понял все.

– Все? – Марта понимала, что ведет себя глупо, но молчать было выше ее сил.

– Человеку стать тигром труднее, чем вернуться в собственную шкуру, ведь тигр больше. Но человеку-калеке стать здоровым зверем значит отдать слишком много сил, столько, что оставшегося не хватит для жизни. Я знаю тех, кто могли бы спасти и маршала, но они слишком далеко, а я не умею исцелять.

– Они хотели защитить меня.

– Верно. Но вряд ли сознательно решили изменить свой облик. Мальвани не знали, что на это способны, иначе смогли бы вновь стать людьми и без моей помощи.

– Как же так... – пролепетала растерявшаяся Марта.

– Отчасти виноват Орест, он использовал магию, пробуждающую в людях звериное начало. Но зверь зверю рознь... Тарра – древняя земля, никто из нас до поры до времени не знает, ЧТО спит в его крови и когда проснется. Нет сомнения, что не все предки Мальвани были людьми. Это Старая Кровь. Очень Старая...

– Вы Преступивший? – в упор спросила герцогиня.

– Преступивший? – седой блеснул глазами. – Можно и так сказать... Каких только запретов я в жизни не преступал. Но женщин никогда не насиловал и друзей не предавал.

– Но вы маг?

– Я знаком с магией, хотя Истинный маг – нечто большее. Можете называть меня Аларик, герцогиня.

– Вы про меня все знаете, – с непонятной горечью сказала женщина, – а я про вас ничего. Вы пошли за нами. Зачем мы вам?

– Не надо так дрожать, – горячая рука ласково коснулась щеки Марты, – вам я зла не принесу. Признаюсь, я знаю про вас, потому что, скажем так, имею некоторое отношение и к вашей семье, и к вашим рыцарям, но приходил я за другим. Мне нужен был Орест. Вы зря бежали, Марта. Теперь эти безумцы обожают вас так же страстно, как утром ненавидели.

– Что вы с ними сделали?

– С ними ничего. Просто они узнали правду. Орест был настолько любезен, что поведал своей пастве, почему он развязал на вас охоту и как он это сделал, а заодно высказать все, что он думает о своих прихожанах, Церкви и Творце.

– Орест мертв? Вы его убили?

– Мертв, но он это заслужил. Голод толпы могла утолить только кровь. Место одной

жертвы заняла другая, только и всего. Теперь Лиарэ успокоится. Вы смело можете возвращаться во дворец.

– Мне не нужно этого.

– ВАМ не нужно, но Арции нужно, и Тарре нужно. Вы вернетесь, Марта, герцогиня Оргондская, дочь Шарля Тагэре, и станете делать то, что должны.

Женщина вздрогнула и медленно наклонила голову в знак согласия.

– Вы правы, но как же мне не хочется возвращаться.

– Сегодня вам и вправду лучше остаться с Сезаром и проститься с маршалом. А завтра ваш путь лежит во дворец, а Мальвани... Лучше считать, что их во время бунта в Лиарэ и не было. Анри умер в дороге и будет похоронен на Бетокском поле. Сын его проводит, немного побудет с матерью и вернется в Оргонду. Потому что его место здесь.

– Да, да. Надо найти корабль...

– Корабль ждет.

– Чей корабль?

– Мой или, если угодно, ничей... Нам надо добраться до того мыса, – указал Аларик и равнодушным тоном, словно говорил о погоде или сообщал, который час, добавил: – Я не видел вас с похорон Шарля Тагэре, хотя с вашим братом я встречался.

– Вы были там? Но я не помню.

– Тагэре провожала половина Арции. Вы похожи на вашего отца, сударыня, и на Александра. А теперь идите к Сезару. Вы ему нужны. Я к вам скоро присоединюсь, помогу нести маршала. Идите, сударыня. Сейчас не время для таких глупостей, как гордость или женская честь... Хотя нет чести выше, чем любить и быть любимой, уж я-то знаю.

Марта покраснела, хотела что-то сказать, а потом неожиданно для самой себя поцеловала своего странного собеседника в горячие губы и быстро пошла, почти побежала к Сезару, все еще стоящему на коленях у тела Анри.

Эстель Оскора

Рене был жив. Жив! Я чувствовала это! Он не сдался, не опустил рук, не забыл ни меня, ни того, что считал своим долгом! Рене Аррой вернулся, чтобы закончить свой бой.

– Геро, – в голосе Эрасти слышалось удивление. – Геро! Что с тобой?

– Тарра, – выдохнула я, – там Рене. Он что-то сделал, что-то невозможное...

– Похоже на то, раз ты его услышала. Он рискует, хотя, если я правильно понимаю твоего адмирала, он рожден рисковать и выигрывать. Тебе не кажется, что Рене пытается пробиться сюда?

– Нет, – я подумала и поняла, что права, – нет, Эрасти. Он с кем-то схватился, но это таррская драка, нам в ней нет места.

– Будет, – рука Проклятого легла мне на плечо, – возвращение Рене – еще одно знамение. Даже не само возвращение, а то, что в его распоряжении оказались такие силы. Ты хорошо помнишь, о чем мы с тобой договорились?

– Да, – он смотрел на меня с сомнением, и я повторила, – да, я все хорошо помню. Мы не должны вмешиваться там, где без нас могут обойтись. Наше дело погасить высшую магию и заставить уйти чужаков. Но ведь мы не знаем, что это за чужаки, какие они, зачем явятся...

– Не знаем. И знаем, – Эрасти неожиданно лихо улыбнулся, – одни из них – Зло, другие могут показаться Добром или назваться таковым, но им в Тарре делать нечего. Ларэн не верил в спасителей со стороны, и я не верю.

– Эрасти, а мы с тобой? Для тех, кто остались в Тарре, мы тоже спасители со стороны.

– Нет, дорогая. Мы для Тарры – великое, страшное, запредельное зло. Нами детей пугают. Мы несем с собой ужас, Тьму, проклятие, конец света. И именно поэтому я боюсь...

– Чего?

– Тех, светлых, добрых и мудрых, которые защитят Тарру от нас...

2892 год от В.И.

23-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

Первый и последний раз в Речном Замке Александр Тагэре был много лет назад, когда навещал покойного Пьера. Сказать, что будущему королю не хотелось вновь оказаться в этом месте, значило ничего не сказать, но не прийти он не мог. Найденный Антуаном Бэрротом новый комендант – по виду человек неглупый и ужасно услужливый – проводил пока еще герцога Эстре к бывшему канцлеру. Гастон Койла был очень бледен, но спокоен. Узнав пришедших, узник поднялся со своего кресла, но ничего говорить не стал.

Сандер вежливо, но решительно выпроводил коменданта и стражников, и они остались вдвоем. Гастон подавленно молчал, и Александру показалось, что он зря затеял эту встречу. Оправдываться ему не в чем, сделать он ничего не может, вернее, может, но это будет означать, что в Арции закон – это то, что в данное мгновение хочет король. Проклятый, когда он подписал указ о том, что дело о государственной измене рассматривают Генеральные Штаты, он и помыслить не мог, что первый приговор будет вынесен другу покойного брата. Молчание затягивалось, надо было что-то говорить, но Александр плохо представлял, что именно. И потому сказал первое, что пришло в голову:

– Первый раз я увидел вас в Эльте. Мне было восемь лет.

– Девять, – поправил бывший канцлер, – это было поздней осенью.

– Да, действительно, – Эстре опустил в второе кресло. Комендант – толковый человек, Пандайе бы запер заговорщиков в самом темном подвале и гордился бы своей суровостью, а тут комната как комната. Богатая, светлая, удобная. Сколько же Гастону лет? Он на несколько лет старше Филиппа, значит, лет сорок пять, не больше. Больше никогда не будет...

– Я старше вас на пятнадцать лет, монсигнор, – то ли Гастон прочитал его мысли, то ли они подумали об одном и том же. – Могу я спросить, что будет с Эжени?

– Ничего. Ее приговорили к церковному покаянию.

– А потом?

– Что потом? Может идти на все четыре стороны.

– Но ей некуда идти, муж умер, родичи ее не примут, у нее нет ни денег, ни положения. Если б я мог оставить завещание... Но законник из Генеральных Штатов объяснил, что уличенный в государственной измене теряет не только голову.

– Да, его имущество и его семья остаются на попечении короля. Вы не можете оставить завещание, Гастон, но вы можете записать свои распоряжения для меня. Я все исполню в память брата и того хорошего, что видел от вас. Ваш сын наследует и ваш титул, и ваши земли, но Эжени в список включать не стоит. Королевский нотариус воспыал во время суда к ней таким чувством, что изъявил готовность жениться, несмотря на ее прошлое, и испросил моего согласия.

– Неужели вы его дали?

– Разумеется. Только предупредил, чтобы он не позволял этой женщине втянуть себя во что-то вроде заговора или казнокрадства.

– Она согласилась?

– Да. Хотя я с трудом представляю ее в роли добродетельной горожанки. Гастон, почему вы взяли все на себя?

– Я и в самом деле возглавил заговор. Я привык отвечать за свои поступки, даже за самые глупые.

– Не лгите, Гастон, – покачал головой Александр, – вы отвечаете не за свои поступки, а за чужие. Вы прикрыли собой не Эжени, которая глупа, как весенняя кошка, а Элеонору и ее сына. Эжени вас подпоила и затащила на это треклятое сборище, а вы и понятия не имели, что это такое.

– Нет. Это был мой выбор. Филипп хотел видеть на троне своего сына, и я должен был исполнить его желание любой ценой. Даже убийством, хотя лично к вам я всегда относился

хорошо. Мне не хотелось причинять вам вред, но другого выхода не было.

– Не надо, – голос Сандера звучал устало и безнадежно, – вам не восемнадцать, вы были канцлером и разбираетесь и в законах, и в интригах. Мое убийство ничего не меняло. Королем бы стал не Филипп, а мой сын Эдмон, а Жаклин – регентшей. Вы не вчера родились и понимаете и это, и то, что жители доброго города Мунта растерзали бы не только убийц, но и их родичей, и никто бы их не остановил. Да и не стал бы останавливать. Так уж вышло, что меня любят, а Вилльо ненавидят. И вы не исключение, вот что самое печальное, – Сандер встал, подошел к окну и задернул занавеску. Стемнело, да и дождь опять зарядил. – Хотите, я вам скажу, почему вы сделали то, что сделали?

Вы были пьяны, но, к сожалению, не настолько, чтоб упасть и уснуть. Когда вбежали стражники, все струсили и принялись топить друг друга, ведь, кроме вас, там не было ни одного смелого человека. Трус на трусе... И вы поняли, что следующем именем станет Элеонора, которая всю кашу и заварила. Вы защитили жену своего друга, потому что Элла, что бы ни говорили церковники, была настоящей женой Филиппа, ради нее он пошел на все. Даже на братоубийство.

– Ты знаешь? – хрипло спросил Гастон, неожиданно переходя на «ты». В комнате больше не было будущего короля и осужденного на казнь, а были два человека, любивших Филиппа Тагэре таким, каким он был, и простивших ему все, что можно и нельзя.

– Я понял, что Ларрэн убит по приказу брата, хоть и не знал почему, пока не услышал рассказ отца Поля.

– Это сделал я, Сандер, – спокойно сказал граф Койла, – вот этими руками и в этом самом замке. Жоффруа был пьян, все получилось очень легко, он почти ничего не почувствовал и уж точно ничего не понял.

– Ты его утопил?

– Задушил подушкой, а потом, уже мертвого, сунул головой в бочонок. Так что я заслужил свой приговор и не стану просить о помиловании, тем более все оказалось зря.

– Ты знал и о женитьбе?

– Да, я знал все. С самого начала. Я был на свадьбе Филиппа и Клотильды, и я ей рассказал про Эллу. Филипп не смог. Он ужасно не любил неприятных разговоров. Когда я приехал к Кло, – Гастон махнул рукой, – уж лучше б мне велели ее убить. Поверишь ли, задушить Жоффруа было легче. Он не должен был быть наследником.

– А откуда Жоффруа узнал про Клотильду?

– Нашел ее старое письмо, когда в последний раз был в Эстре. Потом мы его сожгли. Мы не думали, что правда выплывет, Кло и Маргарита не подавали никаких признаков жизни, а о клирике мы просто забыли. Кто бы мог подумать... Теперь я понимаю, что Филипп должен был тебе все рассказать, но он тебя боялся.

– Боялся?

– Да. После Оргонды, когда ты пошел против него, Филипп понял, что ты сильнее... Трудно объяснить, но он не мог признаться тебе в своей слабости. Кому угодно, только не тебе. И не отцу... А, что теперь говорить, дело сделано.

– А Пьер? Ты что-то о нем знаешь?

– Пьера прикончили по приказу Жоффруа, а мы не стали мешать. Филипп решил, что так лучше. Сандер!

– Да?

– Я знаю, ты пришел меня спасти. Это невозможно и ненужно. Ты готов предложить мне побег? Даже после того, что я рассказал? Я угадал?

– Да.

– Я не побегу. Это судьба. Да, я спас эту несчастную стерву, хотя всю жизнь ее ненавидел и презирал. Ради Филиппа и его детей. Если б нас не схватили на месте, я сумел бы остановить это безумие своими силами, никто ничего бы не узнал, но когда все раскрылось, другого выхода не было. Заполучи Генеральные Штаты Элеонору Вилльо, они бы ее не выпустили. Клавдий, Рогге, Эжени, этот полудурок-комендант, все они сдали бы ее

с потрохами. Даже собственный сын и брат. Тебе бы пришлось или смотреть на ее казнь, а потом что-то объяснять детям, или отменить свое же решение, а отказ короля от своего слова – дурное начало царствования. А так все в порядке. Зачинщики наказаны, выборные чувствуют себя защитниками закона и справедливости, дети Филиппа не станут полными сиротами, хотя чем скорее ты разлучишь с Эллой хотя бы мальчишек, тем лучше для них.

– Гастон... Прости, у меня слова как-то не говорят... Ты можешь уехать в Гвару...

– Ты бы еще предложил мне в антонианцы постричься. Нет, жизнь кончена, а доживать я не хочу. Мне и так слишком часто то Жоффруа, то Кло с девочкой снятся. Найди их, если сможешь.

– Найду. Не сомневайся. Что ты хочешь еще? Если это в моих силах, я исполню.

– Ты и так обещал больше, чем я мог надеяться. Разве что... Мне не хотелось бы, чтобы моя голова украшала Новый Мост.

– Этого не будет. Тебя похоронят в Койле. Голов на мосту вообще больше не будет, равно как и казней на площади. Люди не должны умирать под улюлюканье уличных подонков.

– Сандер, – глаза Койлы подозрительно сверкнули, – о таком я даже не осмелился просить.

– Отец говорил со мной по-настоящему всего два раза. Он мне рассказал, как его везли по улице Святого Мишеля и что он пережил... Он хотел запретить публичные казни, но не успел. Это сделал я. Казнить теперь станут на Арсенальном дворе, и при этом будет только стража, клирики, родичи (если захотят и если с этим согласятся осужденные) и свидетели из числа выборных и Совета нобилей. Судьи должны быть с осужденными до конца.

– Когда ты это решил?

– Вчера. Указ уже подписан.

– Значит, мне больше не о чем тебя просить, Сандер. Разве что поберечь себя. Постарайся защитить себя и свою корону. Другие заговорщики могут оказаться умнее и удачливее. Чем скорее свернешь голову Клавдию и этой мрази Рогге, тем лучше. Против них все средства хороши.

– Вряд ли все, – вздохнул Сандер, – но я буду осторожен.

Нэо Рамиэрль

Лльяма заворчала, пустив облачко багровых искр, которые Роман механически погасил. Волчонка права – пора прощаться. Нет худа без добра, если бы они сначала не ушли, а потом не вернулись, Аддар не примирился бы с Эльрагиллом, а Тэноллиан и Ильгэйбэ рано или поздно прикончили бы и отца, и сына, и кто знает, к чему бы это привело Луциану. Эльф с сожалением взглянул на Аддари, он знал его не так уж и долго, но Солнечный принц стал его другом. Когда-то Уанн сказал, что разведчик должен быть один, если хочет чего-то добиться. Маг-одиночка был прав и не прав.

С тех пор, как Рамиэрль впустил в свое сердце сначала дружбу, а потом любовь, ему пришлось несладко, но вряд ли он смог сделать то, что сделал, руководствуясь одним лишь рассудком. Лльяма опять вякнула, похоже, она все понимает. Ну, не понимает, конечно, но чувствует. Жаль, ему некого расспросить об этих огненных тварях, разве что Дракона, если тот соизволит вновь объявиться на их пути. Рамиэрль готов был поклясться, что порождение Тьмы распознает его настроение раньше, чем он сам. Нэо с усмешкой поглядел на свою приятельницу – и почему только он вообразил, что это девочка? Занятно было бы узнать, чем Огни Глубин отличаются друг от друга и откуда они берутся... Если он встретит Жана-Флорентина, тот наверняка выдаст на сей счет стройную теорию, но к жабу им идти и идти... И отправляться нужно немедленно, хоть и жаль прерывать беседу Аддари и Эльрагилла, ну да они еще наговорятся.

Волчонка опять все поняла и на сей раз пустила искры как следует, Рамиэрль поспешил их погасить, но такой выдох не мог остаться незамеченным.

– Она права, – улыбнулся Нэо в ответ на встревоженный взгляд Солнечного владыки, –

нам пора. Сейчас нас никто не увидит.

– Пора?

– Я говорил тебе. Мы уходим в Бездну. Я и Норгэрель.

– Но почему?! Теперь вам ничего не грозит. Я созову Светлый Совет, мы пошлем вестника к Престолу Силы.

– Нам не нужен Престол Силы. Эльрагилл, Арцей вряд ли поможет нам вернуться в Тарру. Мы должны найти Ангеса и Адену, пусть даже во Тьме, хотя у нас есть намек на то, что Тьма нам не враждебна. Ты сам убедился, что Свет не всегда Добро, думаю, и Тьма не только Зло. Ангес хотел спасти Тарру, он должен нам помочь или хотя бы что-то посоветовать.

– Но в Бездне нет жизни.

– Откуда ты знаешь? Вам так сказали, но могли и солгать. Оттуда не возвращаются, это так, но трудно вернуться через закрытые двери, да и не всегда хочется. Отпусти нас.

– Хорошо, – Эльрагилл встал, опираясь на руку сына, – я в долгу перед вами, хотя хотел бы расплатиться иначе. Идемте.

Они вновь прошли чередой дивных залов, исполненных светлого величия. Янтарный чертог был пуст и покоен, словно в нем никогда не шел бой. Талисман тускло мерцал на своей колонне. Когда дверь распахнулась, в золотой глубине вспыхнула и погасла искра – шар узнал владыку и успокоился. Эльрагилл медленно подошел к камню и положил руку на гладкую поверхность, под которой закружились солнечные вихри. Сначала Талисман поделился силой с самим Эльрагиллом, лицо которого утратило землистый оттенок и вновь стало прекрасным и молодым, а затем волны теплого света захлестнули и остальных.

Лльяма пискнула и вовсе запуталась в ногах Рамиэрля, но все остальные, даже неистовый Альмик, откровенно блаженствовали, вбирая в себя силу Света. Прощальное благословение, – подумал Рамиэрль, – их пребывание в Луциане было, мягко говоря, мало приятным, но расставание вышло добрым и сулящим надежду.

Эльрагилл, грустно взглянув на уходящих, отошел от шара и начал творить заклинание. Рамиэрль узнавал элементы волшбы и угадывал, чем и как они отзовутся. Вот в воздухе воспарил золотой костер, вот он растянулся в стену, изогнулся наподобие подковы, а напротив него проступила темная точка, которая стала расти, превращаясь в некое подобие ока, заполненного Тьмой. Нет, не Тьмой! Там в глубинах горели темно-красные костры, и их отсвет немного разгонял кажущийся неприглядным мрак. Волчонка бросилась вперед, но, добежав до провала, кинулась назад к Роману, обежала его пару раз, издала что-то, очень смахивающее на подскуливание, подпрыгнула и вновь понеслась к черно-красному окну. Рамиэрлю стало смешно и грустно наблюдать, как тварюшка хочет домой, но не решается его оставить.

– Видите, – подал голос Эльрагилл, – это смертное место, пригодное только для таких, как... – эльф замялся, что характеризовало его с лучшей стороны, – для таких, как это существо. Отпустите его и оставайтесь. Мы будем искать дорогу в Тарру, и мы ее найдем.

– Это займет слишком много времени. Мы уже прошли путями, которые казались не менее опасными, – Нэо замялся, – Норгэрель, может, и вправду лучше, если ты поищешь другие тропы? Кто-то из двух наверняка отыщет нужную.

– Нет. Мы вместе ушли и вместе вернемся.

– Тогда прощайте.

Рамиэрль улыбнулся. Сказать, что ему не было страшно, было весьма сильным преувеличением, но он знал, что его дорога лежит через Бездну. Лльяма, уразумев, куда направляется ее друг, превратилась в какое-то огненное колесо. Она подносилась к провалу, возвращалась к Рамиэрлю и Норгэрелю, насккивала, хоть и осторожно, на Альмика. Даже Эльрагилл, и тот был удостоен дружелюбного прыжка. Уже на самом краю Рамиэрль обернулся.

– Альмик, постарайся не забыть, что Свет может быть не только злом. Эльрагилл, я желаю тебе счастья, Аддари...

– Ничего не говори. Я иду с тобой.
– Ты?
– Да, – Солнечный принц, поймав полный муки взгляд отца, побледнел, но упрямо повторил: – Я иду. Я не могу иначе. Это моя судьба и моя песня...
– Пусти его, – подал голос молчавший до этого Альмик, – он все равно уйдет, но, если ты его не отпустишь, унесет в себе слишком много боли.
– Да пребудет с тобой Свет, сын мой, – голос Эльрагилла был безмятежным, но сам владыка внезапно показался Роману уставшим и бесконечно одиноким. – Ты выбрал свою дорогу. Пусть она будет долгой и приведет туда, куда ты хочешь.
Рамиэрль опустил глаза, не в силах смотреть дольше в лицо Солнечного короля.
– Иди спокойно, парень. Я пригляжу за ним. Не бойся.
Это было глупо, но Рамиэрль был безмерно благодарен Альмику за эти слова. И Эльрагилл, похоже, тоже. По крайней мере, он позволил бунтарю положить руку себе на плечо. Такими Рамиэрль и запомнил их: высокого черноволосого человека и эльфа с утомленным лицом, изо всех сил старавшегося казаться спокойным. Уставшая ждать Волчонка заворчала у края Бездны, и Рамиэрль заставил себя засмеяться.
– Что ж, порождение Тьмы, веди. Я не отстану.
В Бездну все четверо шагнули одновременно.

2892 год от В.И.

23-й день месяца Дракона.

Арция. Мунт

– Я сочувствую тебе, Элла, но я не всесильна. Святой Циале было угодно ниспослать тебе испытание, прими его с кротостью, – бланкиссима ласково и покровительственно взглянула на бывшую королеву. Когда-то Элеонора Гризье была красавицей, рядом с которой ее собственная красота тускнела, как свечка ясным днем. Теперь все наоборот. Она сохранила свою молодость, а эта расплывшаяся женщина с нарумяненным лицом вряд ли радуется яркому свету.

– Значит, орден мне не поможет?
– Подумай сама. Церковь не может встать на сторону пусть невольной, но прелюбодейки. Более того, как духовная дочь равноапостольной Циалы, я должна тебе сказать, что вера и приличия требуют, чтобы ты удалилась от мира.
– Что? Бланкиссима! Я не хочу в монастырь, даже горбун этого не требует.
– Александр умен, он не предложит тебе ничего, с чем ты не согласишься. Кроме того, ты ему не опасна. Твои родственники сделали все, чтобы арцийцы желали твоего падения. Ты должна возблагодарить Творца за то, что он послал тебе такого деверя. Окажись на его месте герцог Ларрэн, тебя и твоих детей ждали бы нищета и изгнание, но преданность Александра брату превысила все человеческие пределы и, несомненно, откроет ему врата в Царство Света, тем паче он блюдет телесную и духовную чистоту и усердно служит Арции.
Конечно, я хотела бы чаще видеть его в храмах, но, возможно, он предпочитает разговаривать с Творцом в одиночестве. Я знаю, что и в Тагэре, и в Эстре есть закрытые молельни...

– Значит, ничего нельзя сделать, и...
– И ты должна покориться. Кротость есть оружие слабых, она мост над бездной и свеча в ночи.
– Но я не могу так просто... Филипп должен стать королем!
– Нет, – покачала головой бланкиссима, – этого не будет. Если Александр, да продлит святая Циала его дни, внезапно умрет, хотя он, несмотря на свое увечье, здоров и силен, трон перейдет к его сыну, а рядом с ним будет не только несчастная Жаклин ре Фло, но и любимцы Александра. Мальвани, Кэрна, Гартажи, Трюэли, Бэрроты сумеют оградить малолетнего короля от малейшей опасности, а заодно и рассчитаться с теми, кого считают врагами, и только любовь к Александру заставляет их сдерживаться. Кроме того, есть

законное потомство Жоффруа Ларрэна, есть Бэрроты и Мальвани, наконец. На трон Волингов кошачье отродье может сесть, лишь опираясь на копыя, а для этого нужны или деньги, или поддержка Ифраны и...

– И Церкви.

– Да, и Церкви, но Церковь и сестринство не поддержат безнадежное дело, а дело незаконного отпрыска короля-блудоддея от ненавидимой народом любовницы безнадежно.

– Бланкиссима!

– Помолчи и послушай. Если ты попробуешь поднять мятеж, ты и твои родичи окажетесь в Речном Замке, и даже Александр вас не спасет, потому что не пойдет против закона, против мнения народа, против Генеральных Штатов. Любой мятеж и заговор сейчас обречен, а мятежники – живые мертвецы. За примером далеко ходить не нужно. Койла и Пандайе обезглавлены, кардинал выслан, другие уцелели чудом. Для Лумэнов ты и твоя родня – враги, а бастард, если на то пошло, у них свой. Жозеф вложил в Пьера Тартю достаточно денег, чтобы Жоселин не отказалась от этой затеи... Нет, у Филиппа нет никаких шансов на корону.

– Значит, ты советуешь...

– С благодарностью принять предложение Александра и остаться с дочерьми в Мунте. Мальчиков лучше отдать на воспитание дяде, это покажет, что ты не держишь кинжала за пазухой...

– Бланкиссима, – все еще красивые глаза бывшей королевы наполнились слезами, – но почему все так вышло? Почему?! Я была уверена... А теперь для меня все кончено...

– Да, – с расстановкой произнесла Шарлотта, – для тебя все кончено, так как трудно представить, что сын и жена Александра умрут, и ему ради продолжения рода придется жениться вторично. Еще меньше вероятность того, что его выбор падет на одну из твоих дочерей и Архипастырь даст разрешение на кровосмесительный брак. Хотя... Хотя в память брата и его желания видеть на троне свою кровь Александр и мог бы на это пойти. И уж совсем за пределами возможного, что король умрет молодым, без завещания, оставив малолетнего сына на попечении юной жены и ее матери... Нет, такого просто не может быть! – цалианка взмахнула рукой и нечаянно смахнула со стола груды документов, – Ой! Я, право, становлюсь неловкой, мои бумаги... Помоги мне их собрать. Спасибо, – бланкиссима взяла несколько листов, бегло просмотрела их и бросила на стол.

Вот занятная записка, – Шарлотта явно меняла тему разговора, – колдунья, живет у Козьих ворот, про нее доносили, что она может на расстоянии вызвать у человека медленную, неизлечимую болезнь, от которой тот умрет, и никто не догадается об истинной причине. Я лично занималась этим делом... Совпадения и сплетни! Я оставила старуху, хотя какая она старуха... Мальвине сорок пять, просто она растолстела и опустилась. Короче, я не стала ее трогать. Запретной магии там нет и быть не может...

Ты уже уходишь?

Элеонора окинула бланкиссиму странным взглядом.

– Да.

*2892 год от В.И.,
23-й день месяца Дракона.
Арция. Мунт*

Бэррот явно перестарался, зачем было ставить перед комнатами племянника столько стражи? Сандер раздраженно махнул рукой на щелкнувшего каблуками бравого декана, но взял себя в руки и спокойно отпустил лишних воинов. Они не обязаны отвечать за излишнее усердие капитана дворцовой гвардии или, вернее, его чересчур услужливого отца.

Оставив в отделанной орехом приемной бывшего принца лишь двоих, как бывало раньше, Александр Тагэре прошел к Филиппу. Мальчик не спал, сидел с книгой, и будущий король узнал «Жизнь и великие подвиги Анхеля Светлого», которую сам же и подарил племяннику в свой последний приезд.

Племянник вздрогнул, обернувшись на звук стукнувшей двери, и в его глазах застыла неуверенность. Он слишком медленно поднялся, а затем чересчур быстро опустил на одно колено.

– Приветствую Его Величество.

– Встань, Филипп. – Проклятый, неужели он и его потерял! – Нам нужно поговорить. Во-первых, не называй меня Ваше Величество. Разве что на церемониях, где без этого не обойтись. А во-вторых, я хочу, чтобы ты знал: я не искал короны, и если б твой отец был со мной откровенен, если бы все не свалилось как снег на голову, я бы нашел выход...

– Дядя Сандер, – Филипп подскочил и бросился к нему с сияющим лицом, – дядя Сандер, как я рад, что я тебя не потерял! Не отправляй меня в Аганн, ну, пожалуйста!

– Если ты не хочешь...

– Не хочу! Я хочу быть с тобой. И Алек тоже... А кто мы с ним теперь? Бастарды, да?

– Вы сыновья короля, Филипп, и мои племянники. А титулы... Пока ты будешь графом Рунским, а Александр виконтом Ланже. Лет через десять, если сможешь и захочешь, ты станешь протектором Севера и герцогом...

– Как ты?

– Да, как я... Я бы хотел остаться герцогом Эстре, но судьба распорядилась иначе.

– Все правильно, – бывший принц застенчиво улыбнулся, – дядя, я тут много думал. Для Арции лучше, что королем станешь ты, а не я. Тебя все любят, а мою матушку, графа Ревы и старших братьев – нет. Король – первый рыцарь королевства, а в Арции первый рыцарь – ты. Ты не проиграл ни одной битвы, у тебя много друзей, тебя даже конь сразу полюбил. А я... я хочу быть тебе нужным. Помнишь, когда ты нас догнал? Я тогда думал, что стану королем, и я обещал тебя слушаться... А теперь ты все можешь делать сам, это ведь удобнее. Ты все равно сделаешь лучше, чем я, чем вообще все.

– Спасибо, Филипп. Я постараюсь быть достойным королем, но неужели ты совсем не огорчился?

– Огорчился. Когда понял, что многие любили не меня и Алека, а принцев, – вздохнул мальчик, – и народ... Мы не сделали ему ничего плохого, а они стояли и кричали про нас и маму, пока их не разогнали стражники.

– Это не народ, Филипп. Это уроды и дураки, они всегда были, есть и будут. Покричать на улицах, посмеяться над проигравшими, полебезить перед победителями, это по ним. Сегодня любят, завтра ненавидят и всегда пьют. Не думай о них, это пена. А народ у нас хороший, но я тебя понимаю. Я, когда твой отец взял меня в Мунт, тоже боялся, что надо мной будут смеяться.

– Над тобой?

– Конечно. Я – горбун, куда денешься, а такие вот горлопаны, они всегда по больному бьют. Наотмашь.

– Я не слышал, чтоб над тобой смеялись, разве что мама...

– Да, она меня не любит, но я о другом. У каждого есть больное место, но нельзя превращаться в придаток к своей боли. Быть графом Рунским не так уж и плохо, докажи всем, что ты Тагэре, а не Вилльо, и все будет в порядке. Мунт тебя примет и полюбит.

– Я понял, дядя Сандер. Я докажу.

2892 год от В.И.

1-й день месяца Собаки.

Арция. Фей-Вэйя

О смерти Ореста Анастазия узнала из первых рук. Бекко во всех подробностях рассказал ей и о поднятом антонианцами бунте, и о трусости Марка и эркарда Лиарэ, и о появившихся неизвестно откуда тиграх, но больше всего Ее Иносенсию заинтересовал человек, сломавший всемогущего кардинала. Она не сомневалась, что в игру вступил очень сильный маг, но кто он и откуда, и какое ему дело до Оргондской герцогини? Хотя жена Марка тут, возможно, и ни при чем, и седому нужно было покончить с Орестом и показать

свою мощь всем остальным. Что ж, это у него получилось. Кто же теперь станет Предстоятелем? По всему выходит, что Илларион. Вот вам и ответ. Марта Оргондская была лишь приманкой, поводом, чтобы избавиться от старшего соперника, не вызвав подозрений. За необычностью происшедшего скрывался тонкий расчет: кто заподозрит арцийского епископа, когда все будут гадать, откуда взялся таинственный колдун с тиграми...

Когда-то очень давно, когда Соланж была совсем ребенком, кто-то прикончил чуть ли не полсотни бывалых убийц и бежал к хаонгской границе, Агриппина сочла это столь важным, что записала в своей желтой книге. Примерно тогда и началось восхождение Иллариона, а тигры, которых в старину и вовсе называли хаонгскими львами... Да, похоже, все стало на свои места. Неизвестно, является ли магом сам Илларион, но он связан с хаонгскими колдунами. Скоро он взлетит на самый верх, в ордене у него нет соперников, как нет соперников у антонианцев среди орденов. Кроме циалианок... Теперь придется решать, вступать с ними в схватку или до поры до времени договориться. Если их цели совпадают, это вполне возможно.

Размышления Анастасии прервал стук в дверь. Так и есть, Цецилия. В маленьких глазках горит новость, которую старая дура отчего-то почитает важной. Придется послушать...

— Что случилось, сестра?

— Ее Иносенсия извинит мою навязчивость. Сигнор Бекко рассказал нам о смерти Его Высокопреосвященства Ореста.

— Я в этом не сомневалась. И что же?

— Ее Иносенсия должна знать, что Его Высокопреосвященство убил тот самый колдун, который приходил в обитель...

— Ты уверена? — Анастасии казалось, что ее уже ничто не потрясет, но она ошибалась.

— О! Клянусь... Седые волосы, голубые глаза, черная цепь с зелеными камнями, но тогда он был верхом на огромном черном коне, и...

Дальше Предстоятельница не слушала. Кто бы ни был этот седой, это не Шарль Тагэре! Она свободна от него, герцог мертв, мертв, мертв!!! Святая Циала, как же она была глупа! Она спутала свой сон с действительностью, ей и в голову не приходило, что странный гость, оставивший огненный отпечаток на троне Циалы, не ее бывший любовник. Она никогда не спрашивала о его внешности, потому что боялась себя выдать, а это был не он. Значит, нет никакого запрета, слова Шарля оказались лишь сном, и она вольна в своих действиях. Хаонгский колдун и Илларион, конечно, сильные враги, но с ними можно бороться. Потеряны тринадцать лет, но она нагонит.

2892 год от В.И.

1-й день месяца Собаки.

Арция. Мунт

Город спал, подставив бока принесенному северо-западным ветром дождю. Холодные капли барабанили по крышам и подоконникам, сливались в струи и струйки, рычавшие в водосточных трубах. Мостовые превратились в мелкие быстрые реки и речонки, а во дворах и на площадях образовались лужи, и некоторые из них явно мнили себя озерами.

Александр Тагэре стоял у открытого окна, слушая шум дождя. Днем из этих покоев можно было увидеть башню ратуши, Духов Замок, мерцающую ленту Льюферы, заросшую вековыми каштанами Вдовью гору, но сейчас все затопила осенняя мокрая тьма, непроглядная и тревожная, как будущее. Сандер вздохнул и по старой юношеской привычке уселся на подоконник, привалившись к стене. Он сам выбрал себе эти комнаты в башне Анхеля, потому что когда-то их занимал отец. Он тоже привык смотреть вниз с высоты стен горных замков и не любил столичную суету и роскошь. Филипп отделал себе покои на втором этаже, но Александр не мог заставить себя там остаться, слишком многое напоминало и о брате, и об Элле. Ему до сих пор видятся выброшенные на ковер во время объяснения с Филиппом багровые астры и сережка Эжени в смятой постели, у изголовья

которой валяется пустой винный кувшин...

Почему он в свое время не нашел нужных слов, не остановил, не помог? Филиппу нужна была помощь, а не суд. Он хотел примирения, понимания, тепла, а получал сухие деловые письма о состоянии границы, деньги и военные трофеи. Жоффруа все же удалось их рассорить, пусть даже ценой собственной смерти. Он даже не почувствовал, что брат умер, его смерть оказалась для него полной неожиданностью, равно как и протекторство и уж тем более корона.

Герцог Эстре думал, что взнуздал свою судьбу, но та оказалась сильнее. Поток событий подхватил его и понес, он не успевал за ними. Последнее, что он сделал по собственной воле, это перехватил племянника по дороге в Мунт, разрушив планы Вилльо и не пролив при этом ни капли крови. Нет, он еще наделил Генеральные Штаты правом судить изменников, но дальше... Старик-священник со своей тайной, заговор Гастона, его исповедь, и все за какие-то несколько дней. Проклятый, если б он знал обо всем раньше, но назад вернуться не дано никому, никогда и ниоткуда.

Теперь он и впрямь последний из Тагэре. Братья мертвы, сестры замужем, у них другие семьи, другие заботы. Конечно, у него есть друзья, есть дети, есть Жаклин, была и любовь, и счастье, так что хватит себя жалеть!

Ты досадовал на Филиппа, что он делает не то и не так и не делает того, что нужно? Так попробуй сделать то и так, Ваше Величество! Теперь будет не на кого пенять, разве что на самого себя. Попробуй заставить крестьян сеять, баронов давать деньги на ремонт дорог, купцов привозить хороший товар, а мытарей не брать больше, чем положено. Ты можешь воевать, рубить головы, строить города, только вот не можешь воскресить погибших и вернуть потерянное. Отец, Эдмон, Дени, Филипп, Гастон останутся мертвыми, а Даро – женой Артура Бэррота. Рито говорит, что любовь не стоит того шума, который из-за нее поднимают, и бежит на очередное свидание. Жаклин шепчет, что человек живет, только любя, пишет новый сонет и отправляется в свою одинокую постель. Правы оба. Без любви жизнь не совсем жизнь, но живут и без любви. И ничего не происходит – дождь идет, листья распускаются и опадают, дети рождаются, корабли уходят в море.

Ранняя в этом году осень, а может, это еще и не осень, просто ветры Эландского моря принесли дожди. Ветры Тагэре и Эльты, на правах родственников заглянувшие на коронацию. Завтра он будет миропомазанником Божьим, преклонит колени перед чужим человеком в зеленом облачении, и тот будет читать из Книги Книг напутствие новому королю. Ему до сих пор страшно и пусто без Евгения, он один, несмотря на друзей, семью, народ. Один, потому что одни его не поймут, других он не хочет пугать и волновать раньше времени, третьи... третьи готовы ради него умереть, и именно поэтому нельзя их впутывать в эту проклятую игру, замешенную на крови и золоте.

Он был бы спокойнее, останься Жаклин с детьми в Эстре, но королеве не пристало жить отдельно от супруга, они уже не принадлежат себе, хотя когда это он был свободен? Разве что когда жил во Фло... Что ж, горбун Тагэре, вот ты и король, ты, который никогда об этом не думал и этого не хотел. А ведь Евгений спрашивал его, что он стал бы делать, если бы... Неужели старик все знал? Знал, что Элеонора не королева, но ведь между ним и тронном стоял Жоффруа, Жоффруа, убитый за это и поэтому. Проклятый! А если бы Ларрэн остался жив? Он был бы законным королем и гибелью Арции, и что бы тогда стал делать ты, Сандер? Поднял руку на брата ради страны или пожертвовал бы страной ради брата?

Брата? Зачем врать, он ненавидел и презирал Жоффруа, он чуть не убил его дважды – из-за ифранского золота и из-за Жаклин. И он не стал бы ждать, пока Ларрэн угробит королевство. Хвала святому Эрасти, судьба его уберегла хотя бы от братоубийства. Но дети Жоффруа и Изо ни в чем не виноваты, нужно будет вернуть им титулы и земли, а Фло... Кому же отдать Фло? Настоящая наследница – Жаклин, но она жена короля, а Фло должна иметь сигнора. Филипп бы, не задумываясь, подарил ее Рафаэлю, но он не Филипп. Сигнором Фло будет ближайший родич Рауля по мужской линии...

А дождь все идет, завтра будет очень мокрая коронация, а еще через месяц с

небольшим ему исполнится тридцать. Появится ли вновь его таинственный друг с нарциссами, или короли не достойны живых цветов? Сандер коснулся рукояти подаренного Обеном меча, выкованного для Шарля Тагэре. Утром в храме Александр Тагэре примет корону из рук спешно прибывшего из Кантиски Предстоятеля эрастианцев и произнесет заученные слова, но сейчас, под шум принесенных из Эльты дождей, он принесет свою клятву.

Повинуясь непонятному порыву, Сандер выхватил из ножен клинок, вспыхнувший серебристым светом в блеске расколовшей небо молнии. Торжествующим драконом зарычал гром, сквозь клубящиеся тучи проросла еще одна огневая ветвь, и еще одна, и еще... А последний из Тагэре, преклонив колени перед северной грозой, приложился губами к клинку.

— Отец, если ты слышишь меня, я помню, что Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре. Эдмон, Дени, моя жизнь не запятнает вашей смерти. Гастон, Война Нарциссов закончена, клянусь, я никому не стану мстить. Филипп, прости, что я не был рядом с тобой, будь спокоен, твои дети будут и моими, я смогу защитить всех, кого ты любил.

Я присягаю вам всем, что буду верен Арции и ее народу в жизни и смерти. Вашей памятью и своей честью и кровью клянусь!

Наверное, он совсем рехнулся, но в шуме дождя и раскатах грома ему явственно послышалось: Арде!

ЭПИЛОГ

— *Что ж , время пришло. Он поднял меч , скоро в небесах Тарры вспыхнут три звезды , и начнется то , что начнется.*

— Успокойся, брат, вспомни, как мы ждали этого дня и боялись, что битва будет проиграна, не начавшись. Не впервые судьбы миров оказываются в руках смертного, а эти руки сильны и чисты. Скиталец не мог ошибиться в своей крови. Я верю Последнему из Королей, и я верю в него. И в тех, кто вернется.

— *Я не сомневаюсь в его сердце , но порой сердце – плохой советчик , кто поручится , что оно не дрогнет , когда речь пойдет о малой крови , которой можно остановить большую?*

— *А кто поручится , что именно с малой крови не начнется великое зло? Как бы то ни было , дело сделано , уже ничего не изменить. Они все здесь: Властелин , Брат , Дева , у каждого своя звезда , свой выбор и свой бой...*

— *А ОН стоит , смотрит и ждет , пока другие захлебываются кровью и слезами!*

— *Мы тоже лишь смотрим , брат.*

— *Да , но мы НЕ МОЖЕМ вмешаться и все же пытаемся обойти запреты. ОН может , но ему важнее дождаться обвала , чтоб со скорбным вздохом простить похороненных под руинами.*

— *Что ж , когда-нибудь с него спросят и за это. Лучи Темной Звезды холоднее льда и острее меча. А обвал... Он может и не случиться , даже падающую скалу порой можно удержать.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СВЕТОЗАРНЫЕ

Адена (Дева) — одна из Семи Светлых Богов Тарры. Покровительница искусств, удовольствий и любви ради любви. Знак — Лебедь.

Ангес (Воин) — один из Семи Светлых Богов Тарры, Бог Войны, железа и прощения.

Знак – Волк.

Арцей (Владыка) – глава Семи Светлых Богов Тарры, Бог Солнца, Молний и Пламени.

Знак – Кондор и Лев.

ПРЕЖНИЕ БОГИ ТАРРЫ

Омм – Отец Богов, часто являлся в обличье рыси.

Ройгу – Повелитель тумана, часто являлся в обличье белого оленя.

ГЕРОИ ЛЕГЕНД

Великие Братья – покровители затонувшего в 2585 году Эланда, принимавшие облик огромного орла и золотого дракона.

Проклятый – маг, заточенный святой Циалой в Месте Силы за Последними горами.

Скиталец – бессмертный капитан призрачного парусника.

Эстель Оскора (Темная Звезда) – предтеча неисчислимых бедствий.

ЛЮДИ ТАРРЫ АРЦИЯ

Анхель Светлый (1244–1310) – легендарный император Арции, символ доброго и мудрого правителя.

Аррой – династия, правящая в Арции с 2230 года. Сигна – три нарцисса.

Аррой Руис (1113–1167) – мятежный арцийский принц, родоначальник Арроев Эландских. Сигна – три белых нарцисса.

Аррой Рене-Аларик-Руис, герцог и-Рьего сигнор че Вьяхе (2180–2231?) – Первый Паладин Зеленого храма Осейны, великий герцог Эланда (2228–2231?), король Таяны, господарь Тарски, император Арции Рене Первый (2230). Личная сигна (консигна) – белый волк, воющий на луну.

Аррой Стефан-Рене-Аларик (2212–2274), сигнор че РИ, император Арции Рене Второй Смелый (2231–2274), сын Рене Первого.

Батары – знатная арцийская фамилия. Сигна – крылатый змей.

Батар Конрад – маршал Арции при королеве Агнесе, в 2871 году казнен за измену.

Батар Франсуа – племянник Конрада, унаследовавший его титул.

Бэррот – знатная арцийская фамилия. Сигна – черный лис в короне.

Бэррот Луи – бывший канцлер Арции.

Бэррот Антуан – его сын.

Бэррот Гертруда – жена Антуана.

Бэррот Артур, виконт Барре – старший сын Антуана. Консигна – лев с мечом и щитом, на котором изображена роза.

Бэррот Жан – младший сын Антуана.

Валлок – барон. Сратник Тагэре. Сигна – стрела, пронзающая облако.

Виолетта – помощника г-жи Жизели.

Вильо – арцийские нобили, родственники королевы Элеоноры. Сигна – собака, несущая в пасти зайца.

Морис Вильо граф Ревы – отец королевы.

Фернан Вильо – виконт, старший брат королевы, наследник титула графов Ревы.

Жорес Вильо – барон, средний брат королевы.

Винцент – младший брат королевы.

Люсьен – граф, кузен королевы.

Гарро Жиль – начальник Тайной Канцелярии Арции.

Гартажи – знатная арцийская фамилия. Сигна – орлиная лапа.

Гартаж Эжен – младший брат Артура, участник битвы при Эльте.
Гартаж Одуэн виконт Гро – сын Эжена.
Герары – арцийская дворянская фамилия. Сигна – Альбатрос.
Герар Амбруаз – нобиль из Тагэре.
Герар Никола – его сын.
Гран-Гийо Эгон Фарни – барон, сторонник Лумэнов. Сигна – серебряный цветок, похожий на водяную лилию, но на стебле ромашки.
Гретье Дени – капитан Рауля ре Фло, учитель Александра.
Гризье – арцийские бароны.
Гризье Элеонора (урожденная Вилльо) – вдова Артура Гризье, жена Филиппа Тагэре, королева.
Гризье Жорес, *граф Аганнский* – старший сын королевы от первого брака. Консигна – коронованный единорог.
Гризье Базиль – младший сын королевы от первого брака.
Жизель – хозяйка веселого дома в Мунте.
Жюли – кормилица Сезара, свекровь Люсьены.
Иданнэ – виконт, наследник графа Койлы.
Катто – дворянская семья. Сигна – летучая мышь и роза.
Койла – знатная арцийская фамилия. Сигна – два скрещенных копы и бычья голова.
Койла Арно и Мишель – полководцы Филиппа.
Койла Гастон – приближенный Филиппа Четвертого.
Корнелиус – медикус и астролог-самоучка в замке Тагэре.
Крэсси – бароны. Сигна – три звезды на голубом поле, отделенные алой волнистой чертой от силуэта замка.
Люсьен – глава фамилии.
Альбер – сын старшего брата Люсьена, погибшего в Кер-Оноре.
Антуан – его брат.
Франсуа – старший сын Люсьена.
Лагары – дворянская фамилия. Сигна – сердце на фоне морской волны.
Арсен Лагар – капитан Тагэре.
Ландеи – арцийская аристократическая фамилия. Сигна – атакующий вепрь.
Ландей Этьен – виконт Лантье.
Лиффо – бароны, сторонники Лумэнов. Сигна – золотое дерево на зеленом поле.
Люсьена – невестка кормилицы Сезара Малве.
Лумэны (Лумэн-Аррои) – ветвь Арроев, ведущая начало от третьего сына императора Шарля Третьего Жана. Сигна – три золотых нарцисса на алом фоне.
Лумэн Пьер – король, правящий под именем Пьера Шестого (2832–2871 гг.).
Агнеса, *урожденная Сарриж* – супруга Пьера Шестого.
Филипп, *принц Гээльзский* – сын Агнесы.
Мадлен – надсмотрщица в заведении г-жи Жизели.
Мальвани – арцийская аристократическая фамилия, родичи Арроев по женской линии. С 2871 года – герцоги. Сигна – лежащий тигр.
Мальвани Сезар (2184–2278) – маршал Арции, герой войны Оленя.
Мальвани Сезар (2792–2845) – отец Анри, маршал Арции.
Мальвани Анри – маршал Арции, друг Шарля Тагэре.
Мальвани Миранда – супруга Анри Мальвани.
Мальвани Жорж – брат Анри, эрастианец.
Мальвани Сезар виконт Малве – сын Анри Мальвани. Консигна – нападающий ястреб.
Мальвани Эттина – старшая дочь Анри и Миранды.
Мальвани Шарлотта – средняя дочь Анри и Миранды.
Мальвани Анриэтта – младшая дочь Анри и Миранды.
Матеи – арцийская аристократическая фамилия. Сигна – воткнутый в срубленный дуб

топор.

Матей Поль виконт Ми .

Мишо – хуторяне из Тарионского леса.

Мишель – по прозвищу Старый Жлоб.

Анжель – его младший сын.

Туссен – его старший сын.

Мулан Аугуст-Анри – граф, белый рыцарь.

Одуа ре Изье – знатная арцийская фамилия. Сигна – целящийся лучник.

Онорина – девица из заведения Жизели.

Ораты – знатная арцийская фамилия, родственники ре Фло. Сигна – золотой барсук, пронзенный черным копьем.

Эдвар Орат – двоюродный кузен по матери братьев Тагэре.

Орви Жан маркиз Ле Манси – кузен Рауля ре Фло по женской линии.

Пандайе – комендант Речного Замка.

Пикок Базиль – личный слуга и доверенное лицо Обена Трюэля.

Поль – хозяин таверны «Морской Кот» в Альтпферде.

Рогге – знатная арцийская фамилия. После казни у Беток графов Стэнье их кузен по женской линии барон Рогге унаследовал их титул и сигну. С 2871 года именуется Стэнье-Рогге. Сигна – белый олень.

Селестин Стэнье-Рогге – граф, глава фамилии.

Саини Ив по прозвищу Боров – караул-декан в Речном Замке.

Табо Оноре , по прозвищу *Два-носа* – глава цеха трактирщиков и кондитеров в Мунте.

Тагэре – ветвь Арроев, ведущая род от четвертого сына короля Филиппа Третьего. Сигна – три серебряных нарцисса на синем фоне.

Тагэре Шарль – герцог Эльты, правнук короля Филиппа Третьего (2822–2870). Консигна – серебряный конь, вставший на дыбы.

Тагэре Филипп – старший сын Шарля Тагэре, король Арции. Консигна – белый сокол в кольце, образованном из пут лошади.

Филипп – принц Гаэльзский, старший сын и наследник Филиппа.

Александр , герцог *Марцийский* – средний сын Филиппа.

Тагэре Эдмон , граф *Рунский* – второй сын Шарля Тагэре. Консигна – лебедь на волне.

Тагэре Жоффруа , герцог *Ларрэн* – третий сын герцога Тагэрэ Арроя. Консигна – атакующий бык.

Тагэре Шарль Руис-Александр , герцог *Эстре* – младший сын герцога Шарля. Консигна – белый волчонок.

Шарль-Роман-Аларик – внебрачный сын Александра.

Катрин-Рафаэлла – внебрачная дочь Александра.

Эдмон-Дени – сын и наследник Александра.

Тагэре Лаура – младшая дочь Шарля Тагэре.

Тартю – знатная арцийская фамилия. Сигна – белая борзая на алом фоне.

Пьер Тартю , виконт *Эмразский* – сын Анжелики Фарбье от первого брака с Орельеном Тартю.

Тома – хозяин трактира «Щедрый нобиль» в Мунте.

Трюэли – знатная арцийская фамилия. Сигна – лежащий бык и ветка яблони. С 2871 года – графы.

Трюэль Арман – в 1218–1230 гг. возглавлял Тайную Канцелярию Арции.

Трюэль Обен – глава фамилии.

Луи , виконт *Тар* , позднее граф *Рабан* – его старший внук и наследник.

Эжен – его младший внук.

Ювер – его средний внук.

Тюлли Виктуар – караул-декан в Речном Замке.

Фарбье – потомки Жана Лумэна от Катрин Суэль (Аганнской Лисицы), его постоянной

любовницы. Сигна – элѳант с башней на спине, полной воинов, на алом поле, по которому идут кошачьи следы (с 2847 по 2862 г. и с месяца Дракона 2895 г. по месяц Влюбленных 2897 г. не изображались).

Жан Фарбье Второй (2811–2866) – двоюродный дядя короля Пьера Шестого, в царствование которого являлся фактическим правителем Арции.

Фарбье Анжелика – дочь Жана Фарбье Второго, замужем первым браком за Орельеном Тартю, вторым – за Селестином Стэнье-Рогге.

Фло – аристократическая арцийская фамилия. Сигна – медведь.

Рауль, *граф ре Фло*, *прозванный Король Королей*, – кузен по матери братьев Тагэре.

Фло Магда, *урожденная графиня Ландей*, – его жена.

Фло Изабель – его старшая дочь.

Фло Жаклин – его младшая дочь.

Фло Делия – вдова Рауля ре Фло-старшего.

Фло Эстела – старшая дочь убитого в 2870 году графа Этъена ре Фло, вдова Шарля Тагэре.

Фло Марион, *в замужестве Койла* – младшая дочь графа Этъена.

Фло Гийом, *граф Ланжере* – младший брат Рауля ре Фло.

Шада – арцийские графы, сторонники Тагэре. Сигна – мужская рука с мечом, вздымающаяся из облака.

Арно Шада – глава дома.

Эж – бароны, сторонники Лумэнов. Сигна – две гончие, бегущие по алому полю.

ДАРНИЙСКИЙ СОЮЗ

Влозу Жозе – моряк, капитан «Сладости греха», по происхождению эллец.

Игельберг Альбрехт-Штефан-Фердинанд – командир дарнийских наемников.

Крайе Хайнц-Отто-Мария – племянник Игельберга.

Свонберг Отто – моряк, капитан «Небесной ласточки».

ИФРАНА

Аршо-Жуай Ипполит – второй маршал, командующий западной армией Ифраны.

Пата – королевская династия, правящая с 2521 года. Сигна – коронованный селезень.

Жермон (род. в 2878 г.) – внук Жозефа, король с месяца Медведя 2891 года.

Жозеф-Луи из династии Пата по прозвищу Паук – король Ифраны. Консигна – открытая раковина с жемчужиной на лазурном поле.

Жоселин Пата – дочь Жозефа, регент при несовершеннолетнем племяннике.

Сарриж, *Эркуль* – ифранский герцог, двоюродный брат по матери короля Жозефа и отец Агнесы, королевы Арции. Сигна – два перекрещенных павлиньих пера на малиновом поле.

Саброн Поль – граф, владделец пограничной с Оргондой крепости Кер-Септим, сигна – девять золотых пчел на коричневом поле.

Фобан Ультим – первый маршал.

МИРИЯ

Альда – знатная мирийская фамилия. Сигна – морской змей.

Кэрна (ранее произносилось как Церна) – фамилия, правящая в Мирии с 1814 года. Сигна – пылающее сердце.

Кэрна (Церна) Эрасти-Рафаэль (1245–1282) – сподвижник императора Анхеля, причислен к лику святых.

Энрике Янтарные Глаза – герцог Мирии.

Эвфразия – супруга герцога Энрике.
Рафаэль (Рито) , полное имя *Хосе Рафаэль Николас Мартинес Кэрна ре Вальдец* ,
маркиз Газтано – старший сын герцога Энрике. Консигна – мангуст, схвативший змею.
Антонио (Тието) – младший сын герцога Энрике.
Дариоло (Даро) – дочь герцога Энрике.
Ллуэва Рената – маркиза, фаворитка Энрике мирийского.
Лючо – старый байланте, учитель Рито.
Паулина – подруга Рафаэля.
Робле – графы.
Сэда – маркизы.

ОРГОНДА

Марк ре Ги , прозванный *Отважным* – герцог Оргонды.
Марта ре Ги – старшая дочь Шарля Тагэре, герцогиня Оргонды.
Монтрагэ Арно – командор второй армии.
Терован Серж – аюдант маршала Мальвани.
Франго Вивиана – придворная дама и подруга Марты.

ТАЯНА И ТАРСКА

Гардани – таянская королевская династия. Сигна – изогнутый меч на фоне трехглавой горы, из-за которой поднимается солнце.
Гардани Белинда-Лара-Эттина (2215–2256) – дочь Шандера Гардани, императрица Арции (2233–2256), жена Рене Второго.
Гардани Шандер (2195–2264) – Великий Герцог Таяны (2230–2264).
Гардани Анджей – король Таяны.
Гардани Ежи – старший сын короля Анджея.
Годои – династия тарскийских господарей. Сигна – воин с пламенным мечом.
Годой Монтайе Михай-Эсейб-Удад (2172–2230) – господарь Тарски, герцог, самозванный регент Таяны и император Арции.
Годоия Мария-Герика (2209–2231?) – единственная дочь Михая Годоя, наследница Тарски, впоследствии королева Таяны и госпожа Тарски.
Инта (гоблинская транскрипция имени Линета) – легендарная возлюбленная сына Омма.

ФРОНТЕРА

Тодор – господарь фронтерский с 2877 года.
Максим – командир фронтерских наемников.

ЭСКОТА

Джакомо Второй – король Эскоты.
Лидда – графы. Цвет плащей – сине-серо-зеленый.
Лидда Жавер – глава дома.
Ра-Булли – графы Приграничья. Цвет плащей – желто-сине-черный.
Ра-Гвары – графы, фактически контролирующие граничащие с Арцией земли. Цвет плащей – серо-черно-малиново-изумрудный.
Ра-Гвар Рорик , по кличке *Лось* – глава дома.
Ра-Ламбек – графы Приграничья. Цвет плащей – желто-коричнево-черно-красный.
Ра-Набот Оскар – племянник Джакомо.

Ягосы , графы – родственники короля. Цвет плащей – красно-черно-сине-бордовый.
Ягос Дориан – глава дома.

ЭР-АТЭВ

Абуна Джаббу – атэвский ученый и астролог.
Али-ар-Амир-ар-Каркс-ар-Эреб-гар-Майхуб , *прозванный Меч Атэва* , – брат калифа Усмана, полководец.
Баадук (1201–1256) – почитается в Эр-Атэве пророком, основатель религии.
Баиндур – каддар.
Гатар-ар-Хутта – смотритель конюшен и великий конюх.
Камаль – каддар.
Майхуб (2189–2266) – калиф Эр-Атэва, заключивший договор с Рене Арроем.
Малик – евнух, доверенное лицо калифа Усмана.
Наджед-ар-Усман-ар-Амир-ар-Каркс-гар-Майхуб – старший сын калифа Усмана.
Усман-ар-Амир-ар-Каркс-ар-Эреб-гар-Майхуб – калиф атэвов.
Яфе-ар-Усман-ар-Амир-ар-Каркс-гар-Майхуб – младший сын калифа Усмана.

КЛИРИКИ

(за исключением циалианского ордена)

Антоний – епископ Эстрийский.
Андроник – кардинал Оргондский.
Бартоломей – кардинал Фронтерский.
Вениамин – помощник Жана Артона.
Евгений – кардинал Арции.
Евтихий – клирик, учитель Александра Тагэре.
Иаков – Архипастырь с 2865 г.
Илларион (Изье Жорес) – антонианский епископ в Мунте.
Иоакиммиус Рэггский (2169–2254), – сподвижник Филиппа и Феликса, один из самых влиятельных кардиналов, впоследствии настоятель монастыря Святого Эрасти Гидалского в Эр-Атэве, причислен к лику святых.
Иоанн – настоятель обители Святого Эрасти Гидалского.
Иоакимф – Архипастырь (2823–2864).
Клавдий (Жан Артон) – альтерус и помощник Евгения.
Максимилиан (2194–2288) – сначала кардинал Вриона, затем Таяны, Тарски и Эланда, а с 2237 года Архипастырь.
Неонил – кардинал Эскотский.
Орест – Предстоятель ордена антонианцев.
Орест Второй – Предстоятель ордена антонианцев с 2276 года.
Тонро Жан – бывший секретарь Евгения.
Феликс I – Архипастырь церкви Единой и Единственной (2227–2236), герой Войны Оленя.
Филипп XI – Архипастырь Церкви Единой и Единственной (2204–2227).
Эпоминонд – пастырь Мирии.

ЦИАЛИАНСКИЙ ОРДЕН И ЛИЦА, С НИМ СВЯЗАННЫЕ

Аквилина – циалианка, сменившая Анастасию в замке Тагэре.
Анастасия (в миру Соланж Ноар) – Предстоятельница циалианского ордена с 2870 года.

Бекко ре Бейра – мириец, доверенное лицо Анастазии.
Виргиния – Предстоятельница циалянского ордена до 2870 года.
Генриетта – бланкиссима (2819–2871), казненная настоятельница Фей-Вэйи.
Гуго – прознатчик Анастазии.
Дафна – наперсница мирийской герцогини Эвфразии.
Данута – глава ифранского сестринства с 2878 года.
Диана – бланкиссима в Мунте и Арции (2816–2874).
Елена – бланкиссима Авиры и Ифраны (2814–2877).
Килина – бланкиссима Фронтеры.
Корнелия – бланкиссима Оргонды.
Раулина – бланкиссима Дарнии.
Цецилия – циалянка.
Циала Тарская, *Циала Благословенная*, *равноапостольная Циала* (1291–1373) – дочь Тарского господаря, единственная в истории Церкви Архипастырь-женщина (1316–1373), сокрушившая Проклятого. Причислена к лику святых.
Шарлотта – глава арцийского сестринства с 2874 года.

ЛЮДИ ЛУЦИАНЫ

Альмик – страж Полуденной Роши.
Илгор – рыцарь Солнцецвета.
Калиус – рыцарь Солнцецвета.

ЭЛЬФЫ ТАРРЫ

Астен Кленовая Ветвь – старший сын Ларэна и Залиэли, глава Дома Розы, отец Рамиэрля. Убежденный сторонник того, что эльфы должны быть защитниками и хранителями Тарры. Погиб в 2228 году от руки собственной дочери. Личная Сигна – плывущий лебедь.

Залиэль Ночная Фиалка – мать Эмзара и Астена, последняя из Лебединых королей, тайно покинувшая свой клан во имя любви к Ларэну Лунному. Погибла в Сером море в 2231 году.

Клэр Утренний Ветер – рыцарь Осени. Личная сигна – золотой кленовый лист.

Ларэн Лунный Восход – последний из королей клана Полной Луны. Исчез в Сером море во время попытки достичь Места Силы в 1407 году.

Нидал Рябиновая Гроздь – глава Дома Ивы.

Норгэрель Лагариэль Вечерняя Волна – младший сын Ларэна и Залиэли. Личная сигна – волна, переходящая во вздыбившего коня.

Нэо Рамиэрль Звездный Дым, *он же Роман Ясный (Роман-Александр ч'Вэла-и-Пантана)* – сын Астена, глава Дома Розы, разведчик в мире людей. Личная сигна – белая роза в скрещении солнечных лучей.

Эмзар Снежное Крыло – старший брат Астена по матери, король эльфов Тарры. Личная сигна – взлетающий лебедь.

ЭЛЬФЫ ДОЛИНЫ СВЕТА

Клан Солнца

Аддар Полуденная Песнь – сын Альсионэ и Эльрагилла. Личная сигна – золотое сердце на ладони.

Альсионэ Золотая Искра – королева Солнечных эльфов во времена Великого Исхода.

Ильгэйбэ Поцелуй Огня – владычица Солнечных эльфов.

Инновиэн Золотистый Топаз – друг Аддара.

Тэноллиан Цветок Солнца – брат Эльрагилла.
Сеарин Сын Рассвета – страж рубежа.
Эльрагилл Алый Луч – владыка Солнечных эльфов.

ГОБЛИНЫ

Кардинч-Стефан-пад-Уррик – горный король с 2862 года.
Криза ада Уррик-Козй (2211–2263) – спутница Романа в походе к Седому полю, позднее – жена Уррика.
Рэннок-пад-Кардинч, *гар Стефан-пад-Уррик* – старший сын и наследник Кардинча.
Стефан пад Уррик (2229–2276?) – сын Уррика и принцессы Иланы Ямборы, первый из горных королей.
Уррик пад Рокэ (2201–2257) – правитель Южного Корбута, присягнувший на верность Рене Аррою. Побратим Шандера Гардани.

МАГИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВА

Андриаманзака Ракатуманга Жан-Флорентин – философский жаб.
Гиб – водяной конь.
Кошки Полнолуния – обитатели дворца Анхеля.
Льяма (Волчонка) – отродье Темного пламени глубин.